Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственное управление в XXI веке

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы 14-й Международной конференции
Май 2016

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом

УДК 35(063)
ББК 66я431
Г72

Г72 Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы 14-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке: [Сборник] / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. – 932 с.

ISBN 978-5-91304-707-6

В сборник включены доклады и выступления участников международной конференции по широкому кругу проблем государственного управления, этнокультурного и религиозного многообразия российской нации, реформам и инновациям в современной России.

Для исследователей, преподавателей, студентов, аспирантов, управленцев-практиков, а также всех, кто интересуется вопросами государственного управления.

Электронное издание
Оригинал-макет подготовлен в ООО «КДУ»

E-lib: kdu.bibliotech.ru

© Факультет государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017
ISBN 978-5-91304-707-6
© КДУ, 2017

I. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА НАРОДОВ РОССИИ В КООРДИНАТАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Акимов А.К., Назаров А.Д.*
(Россия, г.Москва)

Среди ключевых задач по содействию национально-культурному развитию в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. важная роль отводится расширению государственной поддержки национальных видов спорта. Более того, эта задача рассматривается как составная часть более широкого подхода, охватывающего сохранение и приумножение культурного наследия народов России, формирование в обществе атмосферы уважения к их историческому наследию и культурным ценностям.

Как известно, появление и последующее развитие человеческой цивилизации, несомненно, были во многом обусловлены т.н. соревновательным принципом, который стал движущей силой всего общественного прогресса. Действительно, в основе всей жизнедеятельности древнейших людей лежала суровая необходимость выжить, добыть пропитание, оставить потомство, а это в то время было под силу не каждому. Поэтому много позже появившееся определение *«побеждает сильнейший»* следует воспринимать как универсальную формулу человеческого бытия, в чем-то не утратившую своей актуальности и поныне.

Как считают некоторые специалисты, основными *«видами спорта»* того времени были бег, единоборства и поднятие тяжести, а видом *«комплексного»* соревнования долго оставалась охота, где надо было выследить, догнать, поразить и унести добычу. Отмечая первостепенную по важности роль в истории возникновения физических упражнений, игр и состязаний, акад. А.П. Окладников также подчеркивал, что охотники, наблюдая за движениями животных и птиц, а также их соперничеством при схватках, подражали их действиям для охотничьих целей и удовлетворения своих физических потребностей. Затем, реализуя потребность в зрелищах, стали устраивать состязания, чтобы помериться на них своими силами [12].

Уже на стадии первобытного общества к охоте добавились еще два новых фактора развития спорта – ведение военных действий и религиозные обряды и ритуалы. Надо заметить, что многие древние соревнования того времени отличались исключительной жестокостью и происходили от ритуалов, требовавших

* *Акимов А.К.* – д.э.н., проф., заместитель председателя Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, президент Международной федерации мас-рестлинга; *Назаров Александр Данилович* – д.ист.н., проф., зам. зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики журфака ИГСУ РАНХиГС.

человеческих жертв. Сегодня трудно поверить, но, по одной из версий, началом современного футбола и баскетбола считаются ритуальные игры в мяч у народа майя с обязательным принесением проигравшей команды в жертву богам.

Но так было не везде. У многих народов боги считались образцом для подражания. Так, например, разнообразные спортивные навыки и душевную широту демонстрировал Геракл, за свои подвиги получивший бессмертие: он соревновался в беге с лучшими животными, метко стрелял из лука, вступал в единоборства с чудовищами, силачами и великанами, считается основателем Немейских и Олимпийских игр. Особым покровителем спорта в Древней Греции был бог Гермес, его статуи ставились в гимнасиях и палестрах, где занимались молодые атлеты.

Дошедшие до нас мифы и легенды рассказывают, что боги нередко устраивали состязания и воевали между собой, учили людей воинским искусствам и приносили удачу в делах, связанных с военными действиями и спортивными соревнованиями. К примеру, у древних славян соревнования по единоборствам были связаны с культом одного из главных богов – Перуна, который успешно сражался с облачными демонами и пользовался настолько большой популярностью, что его черты были перенесены на двух христианских святых – Илью-пророка, в грозу разъезжающего по небу на громовой колеснице, и Георгия Победоносца, победившего чудовищного змея.

В свою очередь, у северных народов уже с III–IV тысячелетий до н.э. известна ходьба на лыжах, позже появились гонки на собачьих и оленьих упряжках, соревнования по метанию камней. К национальным видам борьбы относятся ее многочисленные разновидности, характерные для отдельных стран и народов, широко известные с древних времен. Так, преимущественное развитие борьбы как метода единоборства в северных странах, объясняется, по мнению экспертов, холодным климатом. Толстая теплая одежда ограничивала возможности ударных видов единоборств, и напротив, броски, захваты и выведение из равновесия были очень эффективны.

Возвращаясь к периодизации истории развития спорта, следует подчеркнуть, что ученые считают, что основы спорта Древнего мира были заложены в Древнем Египте и Месопотамии, что было связано с появлением профессиональных воинов. Возникновение профессионального спорта и превращение его в важный элемент общественной жизни обычно связывается с Древней Грецией, а развитие спорта как зрелища – с Древним Римом.

О древнем спорте и связанных с ним системах физвоспитания исследователи узнают в основном из древних произведений литературы и изобразительного искусства, а археологи продолжают находить остатки древних стадионов и других спортивных сооружений, многочисленные наскальные изображения и рисунки. Одно из таких изображений каменного века – всадник на коне и с копьем, найденное на территории современной Якутии, даже составило основу государственного герба этой крупнейшей национальной республики в составе России. Кстати, видимо, не случайно, что именно в этой республике спорт издавна почитается и является приоритетным направлением социальной политики, а без народных игр и спортивных состязаний не обходится ни один праздник.

В средние века в Европе появилась борьба, кулачный бой, а также игры – предшественники современного тенниса и футбола. В этот период получают распространение и народные спортивные игры и развлечения, частично заимствовавшие черты древних религиозных праздников, которые, однако, не одобрялись христианской религией, т.к. считались ею проявлениями языческих верований.

Вместе с тем, на востоке, где поддерживались религиозно-философские системы и древние традиции, соревнования и физкультурно-оздоровительные системы развивались особенно динамично. Некоторые дожившие до наших дней древние спортивные игры дают представление о достаточно высоком физическом уровне и других качествах их участников. Так, зародившаяся более четырех тысяч лет назад в Индии командная игра *«Кабадди»* и поныне в ходу, более того, с 1990 г. она включена в программу Азиатских игр. Кратко изложим ее суть, чтобы представить, каким физическим испытаниям и перегрузкам подвергались члены противоборствующих команд. Итак, спортсмены выстраиваются друг против друга на поле, разделенном линией на две половины. Один из игроков, *«захватчик»*, перебегает на сторону противника и пытается дотронуться до своих соперников, постоянно напевая по время своего *«рейда»* слово *«каббади»*, не прерывая дыхания. Как только *«захватчик»* прерывается, чтобы набрать воздух, игроки соперника имеют право его схватить, а спастись можно, убежав обратно на свою половину поля. Если игрок нападающих успешно вернулся, то спортсмены другой команды, до которых он успел дотронуться, выбывают из игры. Таким образом, весьма динамично, с песней, исполняемой на одном дыхании, несомненно, на больших скоростях перемещаться по полю до потери одной из команд всех своих участников, под силу лишь сильным, физически развитым и ловким спортсменам. Не менее важным для своего времени и для современного спорта является развитие разнообразных систем восточных единоборств. Так, в Китае центром их развития стал Шаолиньский монастырь, а в средневековой Японии различные виды спорта, включая единоборства, развивались в основном благодаря самураям.

Сообразно территориально-климатическим условиям, самобытности и образу жизни, традициям славянского населения развивался в древности спорт на территории России. В народных сказках и былинах повествуется о русских богатырях, отличавшихся небывалой физической силой и храбро защищавших родную землю от врагов. Специалисты подчеркивают, что в Древней Руси были очень популярны народные игры – игрища – и народные праздники – гульбища, которые, отражая отчасти древние религиозные обряды, включали различные спортивные соревнования, в том числе метание, бег, прыжки, состязания в силе. Исключительной популярностью пользовались кулачные бои, особенно в формате *«стенка на стенку»*. Такие поединки на льду Москвы-реки собирали до 20 тыс. бойцов. Существовали и кулачные поединки с поочередным обменом ударами, описанные М.Ю. Лермонтовым в *«Песни про купца Калашникова»*. Резко отрицательно против таких развлечений выступала Русская Православная Церковь.

Большие изменения в системе физической подготовки произошли в период царствования Петра I. Он ввел новую систему военной подготовки, в которой важное место занимали *«потехи»* – военные игры, число участников в которых

доходило до 40 тыс. солдат. В XVIII в. дворянская молодежь стала заниматься фехтованием, верховой ездой, стрельбой из пистолета, танцами, различными играми. Появились первые дворянские спортивные клубы.

Как и во всем мире, в XIX в. в России началось интенсивное развитие спорта, появились стадионы, различные книги и наставления по физкультуре и спорту, возникли многочисленные общества любительского спорта, первыми из которых стали речные яхт-клубы в Санкт-Петербурге и Москве. Столицы стали первыми и в создании кружков любителей борьбы и силовых упражнений и боксерских клубов, открывшихся, соответственно, в Санкт-Петербурге и Москве. Начали проводиться первые соревнования на призы императора и великих князей. К концу XIX в. российские спортсмены уверенно вышли на международную арену, включились в профессиональный спорт – сильнейшие борцы и атлеты стали выступать на арене цирка. Память о некоторых таких богатырях навсегда осталась жить в народе. Подтверждением тому можно считать снятый в 2014 г. при государственной поддержке фильм *«Поддубный»*, главный герой которого, легендарный российский борец Иван Поддубный, олицетворяет лучшие черты русского национального характера [11].

Таким образом, XIX в. повсеместно ознаменовался наступлением нового этапа в истории мирового спорта. Во многом это объясняется коренными изменениями в экономике и социальной сфере, появлением и постоянным увеличением крупных городов, переменой своего отношения к физкультуре и спорту со стороны христианской церкви, признавшей их значительную воспитательную роль. Происходит бурный рост спортивных союзов и обществ, разработка новых и уточнение существующих правил проведения соревнований, совершенствуется спортивное снаряжение и оборудование. В 1896 г. были возрождены Олимпийские игры, которые заняли центральное место в спорте XX–XXI вв., сделав участие в спортивных соревнованиях международного и общегосударственного уровня частью большой политики.

Вместе с тем, начиная с середины XX в., особенно с усилившимися впоследствии процессами всемирной глобализации, небывалым развитием и совершенствованием средств массовой коммуникации, спорт получил небывалую зрелищность, стал развиваться по законам *«товарного производства»*, попав под влияние крупного бизнеса. Как справедливо отмечает Г.П. Соломенцева, коммерциализация спорта приводит подчас к крайне негативным социальным последствиям, нанося вред физическому и нравственному здоровью людей. В XXI в. становится очевидной потребность в новой идеологии международного спорта, во многих странах возрастает стремление к возрождению национальных видов спорта [10]. В настоящее время в России под этим термином понимаются виды спорта, исторически сложившиеся в этнических группах населения, имеющие социально-культурную направленность и развивающиеся на территории Российской Федерации [9].

Подтверждением этой тенденции, наряду со многими другими примерами, может по праву служить Международная научно-практическая конференция *«Традиционные игры, игрушки и национальные виды спорта тюркских народов»*, состоявшаяся при участии авторов в июле 2015 г. в г. Бишкеке. В центре обсуж-

дения, как на пленарном заседании, так и в секциях, были насущные вопросы становления и развития национальных игр и видов спорта, их этнопедагогические аспекты, проблемы взаимодействия традиций и инноваций в игровой культуре.

Особое внимание в ряде докладов и сообщений обращалось на негативные, ведущие к дискредитации профессионального спорта явления [8]. К ним участники отнесли коммерциализацию, погоню за сверхприбылью, стремление, невзирая на негативные последствия для организма спортсменов, достичь вершин в спорте, идя при этом на прием запрещенных препаратов, которые все чаще ведут к дисквалификации даже признанных чемпионов.

О быстро нарастающем в мировом сообществе протесте к таким хищническим подходам к развитию спорта, усилении неподдельного интереса к традиционным видам спорта говорили многие участники упомянутой конференции. В частности, президентом кыргызской федерации мас-рестлинга А.Илебаевым приводились данные проведенного им научного исследования: в мире существует не менее 500 видов национального спорта, из которых более-менее основательно изучены и описаны в специальной литературе всего около 400... Действительно, спорт как социокультурное явление и социальный институт является микромоделью социальной системы экономики и культуры страны, поэтому отношение к физическому совершенству, физической культуре и ЗОЖ, образ олимпийских и неолимпийских видов спорта находятся в прямой зависимости от идеологических и социокультурных конструктов, сформированных в массовом сознании населения посредством определенных репрезентаций СМИ, историко-культурных традиций, социального опыта. *«Развитие национальных видов спорта является важной частью пропаганды здорового образа жизни, двигательной активности, – считает трехкратный олимпийский чемпион Александр Карелин,- для представителей олимпийских видов спорта это отличная селекционная база, возможность для титулованных атлетов продлить спортивную карьеру, выступить пропагандистами здорового образа жизни»*.

Как считают специалисты, именно традиционные национальные виды спорта в условиях большинства российских регионов, чье руководство ориентируется на профессионализацию спорта, обеспечивают реальное повышение физического здоровья и двигательной активности населения, стимулируют физкультурно-массовую работу и пропаганду здорового образа жизни. Рост здоровьеразрушающих привычек, кризис двигательной культуры продолжают оставаться значимыми приметами современного сообщества.

Вместе с тем, в отдельных регионах России складывается интересный и полезный опыт работы в этом направлении. Так, в Республике Саха (Якутия), позиционирующей себя как самый спортивный северный регион, республике, находящейся на первом месте в России по национальным видам спорта, в настоящее время занимаются физической культурой и спортом 17,3% населения (в целом по России 15,9%). Это объясняется не только финансовыми ресурсами, вкладываемыми в развитие физкультуры, олимпийского и массового спорта, но и наличием содержательных физкультурных программ и инициатив. Это позволяет Якутии в течение многих лет целенаправленно поддерживать репутацию лидера *«в сохранении и*

возрождении традиционных национальных видов спорта и народных игр, шагнувших далеко за пределы республики и представляющих миру силу духа, толерантность и открытость якутян».

Ныне Республика Саха (Якутия), по мнению экспертов, находится на первом месте в России по развитию национальных видов спорта (более 240) и национальных подвижных игр (150). Из всех видов национального спорта наибольший потенциал развития имеют: национальная борьба *«хапсагай»*, стремительно догоняющий вольную борьбу по популярности и массовости мас-рестлинг, а также якутские национальные прыжки.

Если говорить о других видах спорта, имеющих высокий уровень зрелищности и соревновательности, то места за тройкой лидеров занимают якутское пятиборье, северное многоборье (перенос тяжестей на расстояние, *«быстрые нарты»*), охотничье-стрелковые виды упражнений *«лось»*, *«улар»*, соревнования по традиционным видам хозяйствования (например, по заготовке и рубке дров).

Несомненные достижения в развитии и пропаганде национальных видов спорта обеспечивают республике, ставшей пилотным регионом целевой программы России по развитию спортивно-событийного туризма до 2025 г., возможность наработать собственные технологии организации и продвижения самобытных спортивных событий. В настоящее время целый ряд национальных видов спорта коренных народов Якутии находятся в стадии международного признания и развития. В странах Азиатского региона, Африке, Европе, Южной Америке, США проводятся чемпионаты по якутским прыжкам, борьбе хапсагай и, конечно, мас-рестлингу.

Как еще одна важная победа в деле укрепления авторитета и влияния национальных видов спорта в среде специалистов мирового уровня расценены достижения якутских организаторов спортивного движения и спортсменов, за короткое время выведших на международный уровень сразу два вида национального якутского спорта.

Действительно, Договором между Всемирной федерацией объединенных стилей борьбы (FILA) и Ассоциацией национальных видов спорта и игр народов Якутии от 23 октября 2010 г. борьба *«Хапсагай»* официально признана FILA как вид борьбы, а в марте 2011 г. она же признала мас-рестлинг также как вид единоборств [7]. А уже вскоре, в мае 2011 г. в рамках II Европейских игр *«Спорт для всех»* в г. Шауляй (Литовская Республика) состоялся первый чемпионат Европы по борьбе *«Хапсагай»* и мас-рестлингу. Через год, в июле 2012 г. прошли V Международные Игры *«Дети Азии»* (г. Якутск), а в июне 2013 г. – XIX Спартакиада Республики Саха (Якутия) по национальным видам спорта *«Игры Манчаары»*, в с.Чурапча Республики Саха (Якутия), где выступили спортсмены по этим видам спорта.

И все же одним из самых популярных видов якутского спорта на сегодняшний день остается перетягивание палки – мас-рестлинг. Уникальность этого вида единоборств в том, что аналогов ему не существует во всем мире. Суть состязания состоит в том, что два атлета садятся друг против друга, упираясь ступнями в доску, и стремятся перетянуть короткую деревянную палку в свою сторону.

Корни мас-рестлинга уходят в далекое прошлое. Из фольклорных источников известно, что каждый молодой якут должен был обладать определенны-

ми физическими качествами для того, чтобы называться настоящим мужчиной – Боотуром. Этот вид единоборства помогал выработать такие двигательные качества, как сила, ловкость, выносливость. Простой и доступный инвентарь позволял заниматься мас-рестлингом практически круглый год. Он не требовал специального помещения, им занимались везде: в доме, во дворе, на поляне.

Мас-рестлинг – это единственный бесконтактный вид единоборств, где спортсмены борются *«через палку»*, не касаясь друг друга, не нанося удары и не выполняя бросков, при этом развивают все группы мышц. В этом виде спорта может состязаться только гармонично развитый спортсмен – во время кратковременной схватки усиленно *«работает»* все тело: шея, спина, конечности.

Начиная с 1980-х гг., правила несколько видоизменились – если раньше палку просто тянули, сидя неподвижно, то позже спортсмены начали применять различные приемы, пробежку по доске с целью выбить из равновесия противника, также было введено ограничение по времени поединка. Все это способствовало быстрому росту популярности данного вида спорта не только в Республике Саха (Якутия), но и в мире. Блестящим подтверждением тому стало проведение на высоком уровне с участием спортсменов из 35 стран первого Чемпионата мира по мас-рестлингу в ноябре 2014 г. в Якутске, вызвавшего широчайший общественный резонанс в стране и за рубежом [6].

В продолжение этого движения по инициативе Международной федерации мас-рестлинга совместно с Федерацией Таяк Тартыш Кыргызской Республики в г. Чолпон-Ате (Республика Кыргызстан) со 2 по 5 июля 2015 г. впервые состоялись зональные соревнования (первый этап) на Кубок мира по мас-рестлингу, в которых приняли участие более 100 представителей из 10 стран мира [5]. Еще один зональный тур состоялся в том же году в Ереване.

Существует еще несколько национальных видов якутского спорта, которые, видимо, со временем также смогут претендовать на международное признание. В первую очередь это касается такого интересного вида народного спорта Саха (Якутия), как якутские национальные прыжки Кылыы, Ыстанга и Куобах [4, с. 13–14].

Существующие виды прыжков заметно отличаются друг от друга. Так, например, Кылыы – одиннадцать прыжков на одной ноге с разбега. Ыстанга – прыжки с ноги на ногу, которые должны быть выполнены одиннадцать раз безостановочно. Куобах – одиннадцать прыжков, выполняемых без остановки, отталкиваясь двумя ногами с места, или с разбега. Итоги подводятся по каждому виду и вместе по сумме всех трех прыжков. Следует отметить, что начиная с 2005 г. якутские прыжки уже культивируются на всероссийском уровне, они входят в программу чемпионатов России по легкой атлетике.

У других народностей Севера (эвенов, юкагиров, чукчей, долган), а также юга Якутии (эвенков), в свою очередь, культивируются гонки на оленях, метание аркана в цель и ловля оленей, гонки на собачьих упряжках, прыжки через нарты, ходьба на охотничьих лыжах и т.д. Игры коренных народов Якутии, преимущественно, носят прикладной характер и являются отражением специфики их жизнедеятельности. Полагаем, что подтверждением тенденции трансляции традиций, ценностей и духовного опыта народов страны ста-

ло учреждение в 2003 г. Федерации северного многоборья России, регулярное проведение чемпионатов и кубков РФ [4, с. 14].

Думается, что перечисленными примерами успешной работы по возрождению, пропаганде и развитию национальных видов спорта в Республике Саха (Якутия) эта деятельность не исчерпывается. Так, уже упоминавшиеся международные спортивные игры *«Дети Азии»* проводятся в Республике Саха (Якутия) с 1996 г. по аналогии с олимпийскими – каждые четыре года. Их уникальность определена тем, что инициатором и организатором выступает субъект РФ, не имеющий своего национального олимпийского комитета и не состоящий в какой-либо спортивной организации.

Кстати, международные спортивные игры *«Дети Азии»* – единственное спортивное мероприятие России, кроме Олимпиады в Москве в 1980 г. и прошедшей Олимпиады в Сочи в 2014-м, которое проводится под патронатом Международного олимпийского комитета. В 2012 г. о своём патронате Играм заявила международная организация ЮНЕСКО.

Девиз Игр *«От дружбы в спорте – к миру на Земле»* и *«Дети Азии – начало побед»*, воплощением которого является проведение не только спортивных, но и различных детских творческих фестивалей. Это полностью отвечает замыслам основоположника современных Олимпийских игр Пьера де Кубертена. В период проведения Игр, как правило, разрабатывается и проводится богатая и интересная культурная программа.

Президент Международного олимпийского комитета Жак Рогге считает, что эти спортивные состязания послужили прообразом юношеских Олимпийских игр. По своей сути игры *«Дети Азии»* напоминают аналогичные юношеские спортивные форумы и *«взрослые»* Олимпийские игры, но меньшего масштаба. Игры проводятся при полной поддержке Президента и Правительства Российской Федерации, Олимпийского Совета Азии, Олимпийского Комитета России, Министерства спорта РФ, Министерства иностранных дел РФ.

Для большинства юных спортсменов участие в Играх *«Дети Азии»* – первый опыт выступления на международных соревнованиях высокого уровня. Это как вступительный экзамен в большую спортивную жизнь, поскольку следующим этапом для них становятся юношеские Олимпийские игры (ЮОИ). А далее наступает самый главный момент в карьере любого спортсмена – Олимпийские игры.

Победители и участники ЮОИ становятся потенциальными участниками Олимпийских игр. Игры *«Дети Азии»* являются первым звеном в олимпийском цикле подготовки спортсменов. Подтверждение тому – факт, что более 30 участников Международных Игр *«Дети Азии-2012»* стали победителями и призерами Юношеских Олимпийских игр – 2014 г. в Нанкине. Игры 2016 г. станут самыми масштабными за всю историю своего проведения с 1996 г. Только в культурной программе соревнований значится более 120 мероприятий, не считая грандиозных церемоний открытия и закрытия.

Первый заместитель Председателя Государственной Думы РФ, Президент Олимпийского комитета России Александр Жуков сказал по этому поводу: *«Игры «Дети Азии»* – прообраз юношеских Олимпиад, они стали традицион-

ными и проводятся раз в четыре года. Рад, что традиция проведения игр *«Дети Азии»* сохраняется» [3].

Новые рубежи в дальнейшем развитии национальных видов спорта, сохранения и укрепления этнокультурного многообразия намечены в Стратегии развития физической культуры и спорта Республики Саха (Якутия) на 2009–2020 гг. [2], согласно которой одним из приоритетных направлений объявлена дальнейшая пропаганда и развитие народных игр и национальных видов спорта Якутии.

В развитие этой Стратегии с октября 2011 г. действует государственная Программа Республики Саха (Якутия) *«Реализация молодежной политики, развитие физической культуры и спорта Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы»* [1], целью которой является создание условий для развития массового спорта в республике, оздоровление населения и всестороннее физическое воспитание подрастающего поколения, формирование здорового образа жизни.

Очень важно, что в ее паспорте, среди целевых оценочных индикаторов значится доля граждан, систематически занимающихся национальными видами спорта в общей численности населения, а проблема развития национальных видов спорта на современном этапе сосредоточена в качестве самостоятельной подпрограммы (стратегического направления), реализуемой в составе государственной Программы.

Полагаем, что это достойный подражания пример восприятия народных видов спорта как фактора, на деле утверждающего этнокультурное многообразие, своего рода социокультурного феномена, транслирующего традиции, ценности и духовный опыт конкретных народов России, проживающих на территории Республики Саха (Якутия).

Список литературы

[1] *«Реализация молодежной политики, развитие физической культуры и спорта Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы»*: Государственная Программа Республики Саха (Якутия), утверждена Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 г. – Якутск, 2011.

[2] Стратегия развития физической культуры и спорта Республики Саха (Якутия) на 2009–2020 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 11 декабря 2009 г. № 524. – Якутск, 2009.

[3] Якутия принимает Международные спортивные игры *«Дети Азии»*//Якутия сегодня (Вестник Постоянного представительства Республики Саха (Якутия) при Президенте РФ. – 2016.-№ 6 (спецвыпуск). – С. 8.

[4] Отчет о научно-исследовательской работе *«Анализ развития национальных видов спорта и традиционных средств физической активности в Республике Саха (Якутия)»*.

[5] *Александр Акимов*: *«Таяк-Тартыш* (*мас-рестлинг*) *– это древняя игра, которая описана в эпосе «Манас»* // http://www.kabar.kg/sport/full/94387.

[6] Мас-рестлинг. Специальный выпуск// Спорт Time (Журнал издается при содействии Министерства спорта РС (Я). – № 3. – 2014.

[7] Отчет о научно-исследовательской работе *«Анализ развития национальных видов спорта и традиционных средств физической активности в Республике Саха* (*Якутия*)*»* Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта от 29 октября 2013 г. – Чурапча, 2013. – С. 12.

[8] *Назаров А.Д.* Этнокультурный феномен национальных видов спорта в условиях глобализации: коммуникативный аспект/ Доклад на пленарном заседании Международной научно-практической конференции *«Традиционные игры, игрушки и национальные виды спорта тюркских народов»* (г. Бишкек, 1 июля 2015 г.) и др. Сборник материалов конференции находится в печати.

[9] *«О физической культуре и спорте в Российской Федерации»*: Федеральный закон от 4 декабря 2007 года, № 329-ФЗ в ред. Федерального закона от 23 июня 2014 года № 170-ФЗ. Статья 2, п.5. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182016;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.813406570116058.

[10] *Соломенцева Г.П.* Спорт/ Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 2003. – С. 576.

[11] Доклад Министерства культуры России по реализации в 2014 г. Плана мероприятий по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. – М., 2015. – С. 55.

[12] *Кочнев В.П.* Традиционные игры и национальные виды спорта коренных народов Якутии в современной системе физического воспитания: Автореф.дисс. на соиск. уч. степ. докт.педагог.наук. – М., 1998. – С.8 –9.

ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ: СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ У КАЗАХОВ РОССИИ И КРЫМСКИХ ТАТАР*

Ларина Е.И.**
(Россия, г.Москва)

В 1980 г. вышел роман Чингиза Айтматова *«И дольше века длится день»* (*«Буранный полустанок»*). С тех пор в русский язык вошло слово смешанного монгольско-тюркского происхождения *«манкурт»* – человек, под внешним воздействием на психику забывший о своём прошлом и о прошлом своих предков. В период Перестройки его использовали особенно часто, обвиняя самих себя в забвении той истории, которая не вписывалась в идеологические рамки государства, призывая сделать *«достоянием гласности»* замалчивавшиеся эпизоды истории. Такой перелом в историческом сознании самых разных поколений постепенно не только обнажил скрываемое, создал нарратив о прошлом, но со временем облёк воспоминания в форму коммуникативной памяти, опорой для которой стали традиции, пережившие социальную модернизацию XX в.

Полтора столетия модернизации Российской империи стали поворотным рубежом для истории населяющих её народов. Долгое время воспринимавшаяся как исключительно прогрессивная и безусловно положительная, модернизация сегодня рассматривается и как негативный опыт, опыт утраты и исторической травмы, особенно на фоне построения советского общества, с его формой *«догоняющей модернизации»*. Экономические преобразования и радикальные изменения социальной структуры общества привели к *«вере в прогресс и в "смерть прошлого"»*, то есть в разрыв с традиционным обществом (по выражению Ж.Ш. Пламба, *«миром, который мы потеряли»*) [1]. Индустриальное общество, казалось, не нуждалось в архаичных традициях при строительстве *«нового мира»*; в советской традиции это вылилось в *«борьбу с пережитками»* прошлого, искоренение обычая и конструирование новых традиций. Неудивительно, что уже в 1960-е гг. появилась ностальгия по уходящей традиции, в литературе возникла проза *«деревенщиков»*, в городе – мода на *«народность»*. В этнологии же создавались концепции, осмысливающие устойчивость традиционного и его соответствие советскому образу жизни, особенно в сельской местности или на *«национальных окраинах»* –

* Материал для статьи собран при поддержке гранта РГНФ *«Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире»* 15–01–00442а; Фонда Потанина. Грант *«Этнография советского: менталитет, повседневность, созданные традиции»*, договор №ГПК-73/16.

** *Ларина Елена Игоревна*, к.и.н., доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

в советских республиках Кавказа и Средней Азии [2; 3; 4]. С конца 1980-х гг. и вовсе произошла актуализация традиций такой интенсивности, что можно было говорить о демодернизации или традиционализации повседневной жизни.

Морис Хальбвакс, начавший изучать социальную память в начале 1920-х гг., показал, что индивидуальная память всегда опирается на социальный фундамент. Абсолютно одинокий человек вообще не способен на воспоминания, поскольку они обусловлены коммуникацией, то есть формируются и закрепляются благодаря речевому общению с другими людьми. Другой основоположник исследований социальной памяти, Карл Маннгейм, особое внимание уделял памяти поколений, подчёркивая, что индивидуальная память определяется не только собственным временным диапазоном, но и более широким горизонтом поколенческой памяти, от которого зависят формы проработки индивидуального опыта.

Развивая идеи предшественников, Пьер Нора сделал акцент не на *«национальной истории»*, а на коллективной и индивидуальной памяти об истории и на *«следах»* истории [5], оставленных в памяти фактами, людьми, символами прошлого с обретшим полновесность настоящим. П. Нора предлагал изучать не столько прошлое, которое через события само порождало смыслы, а то, как постоянно происходит обращение к нему, как его используют, даже злоупотребляют, как оно присутствует в настоящем, в политических манипуляциях; то, каким образом создаётся и передаётся традиция, как память транслируется в общественное сознание через систему образования, литературу, искусство, прессу, когда важной составляющей становится *«изобретение наследия»*. В этом процессе символическую и функциональную роль играют *«места памяти»* – материальные объекты, которые превратились в культурные символы.

Как правило, историография изучения исторической памяти посвящена глобальным сюжетам истории XX в. – Холокост, Великая Отечественная война, массовый террор. Моё этнологическое поле представило материал, связанный с локальными сюжетами, как будто не существенно влиявшими на внутреннее развитие СССР. Вместе с тем, события прошлого не только стали памятью о травме, где-то они сильнейшим образом определили настоящее и ещё долгое время будут влиять на будущее. Речь идёт о коммеморативных практиках казахов России, возникших локально там, где проводилась политика укрупнения колхозов (а значит, аулов), в основании которых лежала *«экономическая целесообразность»*, и крымских татар, возвратившихся в Крым спустя десятилетия после депортации, вызванной *«целесообразностью политической»*. Устные истории об этих событиях передавались в семьях и поколениях, а не так давно дополнились индивидуальными и коллективными практиками по созданию символов и мест памяти. Эти практики объединяет традиционный фундамент – поминальная обрядность, – и представления о родной земле, Родине или малой родине. В этих практиках взаимосвязаны три темы: *«воспоминание»*, *«идентичность»* и *«культурная преемственность»* (складывание традиции). Наконец, эти практики обладают интенсивной и напряжённой *«символической эффективностью»* [6].

Историческая память является одной из форм культурной памяти и проявляется локально и ситуационно. Она также образует свою сетевую (коннективную) структуру, которая *«действует соединяющим, связующим образом, причём*

в двух измерениях – социальном и временном. Как «символический мир смысла» она связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и объединяющая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации» [7, с.15].

«Забудешь мёртвых – не будет удачи живому». Советское государство в процессе модернизации заменило традиционные социальные институты власти новыми в соответствии с советским законодательством. Вместе с тем, вне крупных городов обычная жизнь зачастую происходила *«по традиции»*, хотя какие-то нормы и институты сохранялись скорее в виде исторической памяти, мерцающих анахронизмов и частично воспроизводились старшим поколением.

Годовые поминки по умершему – очень древняя казахская традиция. Существует несколько видов поминок, из них годовые завершают похоронно-поминальный цикл, знаменуя окончательные проводы усопшего в мир иной [8; 9]. Обычно они называются *ас*, *ас-беру*; также общее название любых поминок – *садака*, а в некоторых местах Западной Сибири – *доға* (от араб. *дуа* – молитва). Также словом *«дога»* называли поминки, организованные спустя более продолжительное время родственниками, которые не смогли присутствовать на похоронах или годовых поминках. Такие поминки устраивают потомки умершего спустя 10, 15 и даже 20 лет. В ауле Каскат Омской обл. рассказывали о дога: *«Через 3–5 лет тоже можно вспоминать, овечку резать, на кладбище молитву читать»* [10]. Один из жителей этого аула в 2009 г. проводил *дога* по отцу, умершему 30 лет назад: *«На четыре стола людей пригласил, барана резал»*. Было высказано мнение, что *дога* – это поминки, которые устраивает тот, кто не успел на похороны, можно даже через 10 лет. Обычно на ас и дога приглашают всех родственников и весь аул, посещают кладбище, у могилы умершего читают Коран, затем в селении устраивают трапезу с жертвенным бараном, иногда скачки, борьбу с разыгрыванием призов; такие поминки могут проходить в ресторане. Иногда их определяют как *«окончательные»*. Многие семейные обряды выходят за рамки собственно малой семьи, выполняя коммуникативную функцию в обществе. Особенно это справедливо для поминок: нигде так интенсивно не происходит общение, передача информации, знаний о прошлом, как на асах. Сегодня, буквально на наших глазах, эта древняя традиции наполняется новым смыслом. Около 10–15 лет назад в среде казахов Западной Сибири и Оренбуржья началась трансформация традиционного обряда: ас или дога, оставаясь традиционным поминанием умершего предка, вмещают в себя новое содержание – почитание места, где когда-то жили предки. По сути – появляется новая традиция, взявшая название старого обряда. Если традиционный ас устраивается в честь конкретного человека, то объектом нового обряда стала казахская община в целом и местность, на которой жили её предки. В этой инновации ярко проявляются связь с землёй и локальная идентичность казахов.

Для того чтобы понять причины формирования этой новой обрядности, надо знать историю расселения казахов и казахских населённых пунктов в России. Обычно казахи жили мелкими аулами, в которых объединялись представители одного родового подразделения. В советское время в период укрепления сельского хозяйства происходило укрупнение аулов. В 1950 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) *«Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных орга-*

низаций в этом деле», в 1951 г. Постановление Совета Министров СССР *«О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов»*. В постановлениях отмечалось, что укрупнение колхозов позволит использовать с наибольшей отдачей сельскохозяйственную технику, трудовые ресурсы и землю. Фактически это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом плане хозяйств за счёт их более зажиточных соседей.

В более крупный аул, избегнувший ликвидации, стекались казахи соседних мелких аулов. Этот процесс был характерен для мест расселения российских казахов. В Омской области, к примеру, население всех обследованных мною аулов состоит как из казахов-старожилов, так и из жителей соседних исчезнувших аулов. Так, аул Каскат Исилькульского района, изначально заселённый казахами *кожа*, вобрал в себя жителей аула Жанажол – казахов племени *каракесек*, аула Алим – казахов *караул жауылбай* и др. Аул Артакшил Шербакульского района объединил аулы Елшибай, Аккийик, Айбас и Копа. Слияние произошло не так давно – ещё живы жители ликвидированных аулов, и казахи сохраняют память о родных местах. Этому также способствует традиция захоронения умерших на родовых кладбищах, которые были при каждом ауле и сохраняются до сих пор.

Не более десяти–пятнадцати лет назад выходцы и потомки жителей таких аулов начали отмечать коллективные поминки по всем умершим (*дога, ас-беру, садака*), а на месте бывших аулов около кладбищ ставить памятники – стелы, камни и т.п. – с указанием названия исчезнувшего аула и родов, которые в нём проживали (по казахской пословице: *«Забудешь мёртвых, не будет удачи живому»*). Так, надпись на стеле 2006 г. в память аула Жанажол гласит: *«Основан аул “Мукуш” (Жана-Жол) в 1886 г. Прекратил существовать в 1971 г.»*. На памятнике около аула Коянбай написано по-казахски: *«Аул канжигалы Талды-агаш. Памятник от жителей 2008 г.»* (*канжигалы* – род племени *аргын* Среднего жуза). Памятник предкам – жителям аула Алим – открыли на кладбище этого аула. На нём высечено два четверостишия на казахском языке с обращением к предкам, лежащим на этом кладбище, и просьбой о заступничестве, обращённой к Пророку Мухаммеду.

Выходцы из уже не существующих аулов устанавливают очерёдность: кто будет отвечать за проведение дога, закупать основные продукты, баранов. Ответственный задолго до назначенного дня обзванивает всех, кто когда-то жил или родился в бывшем ауле, и приглашает приехать. Как правило, выбирается начало июня, когда устанавливается тёплая погода. Люди приезжают из самых разных мест, география их расселения неограниченна – Россия, Казахстан, любое другое государство, в которое их занесла судьба. В назначенный день все приехавшие отправляются на кладбище, читают молитвы. Затем около кладбища режется баран и варится бешбармак. Здесь же накрывается дастархан. Собравшиеся вспоминают историю своих предков, аула, рассказывают о новостях. Обычно очередь на проведение дога расписана на годы вперед. Замечательно, что между аулами идёт спор о том, кто же первым предложил провести такие дога и поставил первый памятник.

Возникновение этого новшества отражает самые разные тенденции. Здесь очевиден рост национального самосознания и этнической идентичности. Устанавливается связь с родной землей, представление о которой наполнено кон-

кретным содержанием, в том числе это сакрализация небольшого пространства, основанная на том, что принято называть *«культом предков»*. Для традиционных обществ формирование важнейших жизнеобеспечивающих особенностей культуры являлось результатом адаптации к специфическим условиям природно-экологической среды, в которой происходило их становление. Родовые кладбища, могилы предков были сильнейшим архетипом в представлении о родной земле. Исторические события XX в. оказали влияние на формирование в мировоззрении казахов спектра понятий – *«малая родина»*, *«историческая родина»*, эти понятия и есть тот новый смысл, который наполнил традиционные годовые поминки. В наше время новое содержание получило новое обрядовое оформление. От традиционных годовых поминок осталось только название и периодичность исполнения.

«Когда мы вернёмся домой всем народом...». Поминальные традиции стали также одной из коммуникативных форм сохранения памяти о депортации (выселении *сюргюнлик*) 18–20 мая 1944 г. крымских татар в Узбекистан, прилегающие районы Казахстана и Таджикистана, Марийскую АССР, на Урал (не будем забывать, что вместе с крымскими татарами из Крыма выселялись армяне, болгары и греки). В.А. Бердинских указывает общее число депортированных 191014 (47 тыс. семей), в телеграмме, отправленной вечером 18 мая И. Сталину названа цифра 183155 тыс. чел.; на 1 января 1953 г. на учёте в местах спецпоселений состояло 165259 тыс. крымских татар [11, с. 27, 650]. Из общего числа выселенных 151083 крымских татарина были направлены в Узбекскую ССР; это – Ташкентская, Самаркандская, Андижанская и Ферганская области. Оценка численности погибших при переезде и дальнейшем обустройстве на новом месте до сих пор неоднозначна и затруднена спецификой как архивных источников по этому вопросу, так и особенностью воспоминаний, того, что называют *«устной историей»*. В.Н. Земсков, входивший в Комиссию Отделения истории АН СССР по изучению потерь населения и имевший доступ к статистической отчётности НКВД-МВД, приводит данные, что 44 887 чел. – число умерших с момента депортации до 1 октября 1948 г. [12, с.193]; в это число входят не только крымские татары, но также армяне, болгары, греки, выселенные из Крыма. Он же оценивает число погибших при переселении в Узбекистан в 191 чел., что составляет 0,126% от выселенных 151 720 чел. [12, с. 111]. В.А. Бердинских основывается на данных устной истории и оценивает численность погибших за 1944–1945 гг. в 20% от общего числа переселенцев из Крыма; он также приводит мнение, что эти данные занижены и приводит цифру из воспоминаний председателя Совнаркома Крымской АССР в 1942–1944 гг. Исмаила Сейфуллаева в 46 % [11, с. 654].

С этого момента каждая семья мечтала только об одном – вернуться на Родину, в Крым, и начался долгий путь к возвращению (хайтарма). История общественного движения крымских татар за возвращение описана подробно во множестве работ, она является ведущей темой сайтов крымских татар. Всё же я полагаю целесообразным обозначить основные вехи на этом пути, связанные с законодательством. В 1956 г. сняли ограничения в проживании и статус спецпоселенцев, но не разрешали возвращаться в Крым (там установили особый

паспортный режим) и считали нецелесообразным восстановление Крымскотатарской автономии, т.к. существовала Татарская автономная республика в Поволжье. В 1967 г. Указ Верховного Совета *«О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму»* признал необоснованным распространение обвинения 1944 г. *«в предательстве»* на всё население. В это время отдельным семьям удалось вернуться в Крым. В 1989 г. Верховный Совет принял Декларацию *«О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»*. Именно после этого акта началось массовое возвращение крымских татар. В 1991 г. был издан Закон РСФСР *«О реабилитации репрессированных народов»*. 21 апреля 2014 г. президент РФ В.В. Путин подписал указ о реабилитации крымскотатарского и других народов, пострадавших от сталинских репрессий в Крыму. А в 2015 г. Верховная Рада Украины признала депортацию геноцидом крымскотатарского народа (впрочем, использование понятия *«геноцид»* является проявлением политической борьбы и антироссийских настроений). По данным переписи 14–25 октября 2014 г. численность крымских татар в Крыму составила 232,3 тыс. чел. (10,6%) [13].

Процесс возвращения – Хайтарма – полон драматических страниц. Люди оставляли на прежнем месте не только дома, но также друзей, связи, положение (на новом месте социальный статус, как правило, становился ниже). В Крыму на первых порах шла схватка за земельные участки, поиск работы, не хватало средств на продукты и предметы первой необходимости, происходили столкновения с местным населением. Кстати вспомнить, что крымским татарам неприятие местных жителей пришлось пережить во второй раз – в местах переселения их ждали как *«одноглазых, с палками»*, *«шайтанов»* [14; 15]. Вопреки тяжёлым условиям повседневности, вслед за главной мечтой в изгнании – молиться на родной земле, практически сразу оформилась новая традиция – встреча односельчан (*койдешлер корюшюви*). В установленный день раз в год в родную деревню съезжаются выжившие в изгнании выходцы из этих деревень, их дети и внуки. Мне довелось побывать на двух таких встречах в 2014 г.

Эти деревни в своём большинстве потеряли свои исторические имена – по постановлению Крымского обкома ВКП(б) от 20 октября 1944 г. началось переименование населённых пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения. Всего в Крыму было изменено около 80% названий. В Узбекистане крымские татары подпольно делали и передавали фотокопии старых карт Крыма, в 2013 г. в Симферополе была издана карта с параллельными названиями, а сейчас идёт движение за возвращение старых названий во главе с Изетом Изединовым, Дильшадом Ильясовым, Музаиром Решетовым, Якубом Керимовым, Бекиром Мамутом [14]. Какое бы решение не было принято, в разговоре всегда первым следует крымскотатарское название.

23 августа 2014 г. встречу односельчан в с. Широкое (быв. Варнаутка) организовывал Музаир Ибрагимович Решитов (1940 г.р.). По сложившейся традиции встреча проходит ежегодно в последнюю субботу августа. Информация передаётся через родных, установившиеся дружеские связи, в газете *«Голос Крыма»* даются объявления о готовящейся встрече. 30 августа 2014 г. состоялась восемнадцатая встреча в с. Родное (Уппа), организатором которой был Якуб Бекиров. Впервые

Я. Бекиров побывал на подобной встрече в с. Счастливое (быв. Биюк-Озенбаш) и сразу же решил проводить такие встречи в своём родном селе.

Встреча проходит, как правило, на окраине села, у родника. Старые кладбища были срыты практически сразу после выселения, и на их месте уже стоят новые дома, редко где есть мечети, сохранившиеся дома со времён выселения заняты переселенцами, уже ставшими старожилами. Все собравшиеся рассаживаются лицом к селу и начинается моление. Старики по очереди читают молитвы, остальные молятся про себя. О родной земле молились в изгнании (*«Каждая молитва после еды заканчивалась словами: «Чтобы мы так поели на родине»*), во время хаджа в Мекку Куртнезир Закир-ага (1939 г.р.) делал дуа, чтобы крымские татары счастливо жили [16]. Молятся об ушедших, об умерших в изгнании, о ныне живущих. После моления старики могут исполнить песни, сложенные на чужбине (*сюргюнлик йырлары*). В Широком 84-летний Казим Кемалетдинов (1930 г.р.) тихим голосом, со слезами на глазах пел: *«Я стыдился плакать, поэтому прожил жизнь смеясь»*. Сборники крымскотатарских песен можно приобрести не только в Крыму, но и на рынках Ташкента в Узбекистане. Изет Абдышаев (1966 г.р.) с улыбкой рассказывал, как в начале 1980-х в ресторане Ташкента (а крымские татары были и остаются в Узбекистане прославленными музыкантами) попросил сыграть Кара-кератым (*«Мой чёрный конь»*). Но музыканты проигнорировали его просьбу, продолжая исполнять популярную музыку при помощи электрогитар и синтезатора. Изет загрустил, отсел, но не уходил. И вот когда почти все разошлись, музыканты достали скрипку, баян, домбру и исполнили и песню про коня, и другие песни о Крыме – для Изета, для себя [17]. Другая моя собеседница, Зухра, часто ставит кассету с этими песнями, пока делает домашнюю работу [18].

Во время встречи готовится курбан, многие приносят с собой самые разные блюда из дома (фаршированный перец, плов, лепёшки, фрукты и многое другое). Иной раз находятся спонсоры встречи. Например, сын старшей сестры Якуба Бекирова, Айзер, выделил средства на общий казан в с. Родное (Уппа): *«Желаю угостить людей»*, а в с. Широком (Варнаутка) нашёлся спонсор для музыканта. Трапеза сменяется радостными песнями и танцами (которых, впрочем, может и не быть). Интересная деталь – во время танца женщины высоко поднимают на руках маленьких детей. Везде танцуют хайтарму. Рассказывают, что когда танкист Усейнов Саид-Хамиль, первый из крымских татар награждённый орденом Красного знамени, узнал о представлении к награде, то танцевал на пушке танка: *«Конечно, он хайтарму танцевал!»* [19]. Заключительный танец – хоран.

Во время встречи вспоминают о былом, о жизни в местах высылки, делятся новостями. Изет Изединов в 1990 г. возил 95-летнюю мать на встречу односельчан в с. Счастливое (Озенбаш) и так описывал её чувства: *«Мать в горах бегала как молодая – кизил собирала, фундук»* [14]. Музаир Ибрагимович ведёт летопись судеб депортированных из с. Широкое (Варнаутка) – было вывезено 253 человека, собирает вырезки из газет, брошюры и делает это потому, что *«Значение встречи великое. Чтобы народ сохранился, познал свою историю, кто, чей, откуда»* [20]. Лиля Абдуллаева (1942 г.р.) так сказала: *«Мама здесь* [в Крыму – *Авт.*] *умерла в 95 лет, и у мужа мать здесь умерла в 95 лет. Все дома свои увидели»* [21].

Встречи односельчан проходят в Крыму повсеместно. Где-то эти встречи многолюдны, собирают сотню и даже больше человек, где-то могут собраться два десятка. Это связано и с размером селения, и с тем, что старики уходят. Сам собой возникает вопрос: *«Как долго будет жить эта традиция?»*. Закир Куртнезиров так сказал о с. Тыловая (быв. Хайто): *«Там было 40 домов. Осталось очень мало – 5–6 человек. Кто соберётся туда?»*. Вот уже стали проводить объединённые встречи – 26 сентября 2016 г. в с. Коклуз собрались выходцы сразу из трёх деревень: Путиловка (Янджу), Новополье (Яни-Сала) и самого с. Коклуз [22]. Дать прогноз о сохранении этой новой традиции, пожалуй, невозможно. На сегодняшний день её функцию воспроизводства памяти о прошлом трудно переоценить. Скорее всего, она будет частью своего времени – времени нового обретения Родины, и останется в этом времени вместе с теми, кто перенёс трагедию выселения. Однако, на мой взгляд, подлинная ценность подобных встреч состоит в том, что эта возникшая недавно традиция как бы завершает тот период в истории крымских татар, который можно назвать исторической травмой. Судьба немногих выходцев из этих селений привела их в старости к родным местам. Многие об этом только мечтали. Многие не только рассказывают о других, но и сами, когда до 1989 г. ездили в Крым, *«привозили кизил, землю, воду с родников, где раньше жили. Чувство Родины у нас было превыше всего»* [23]. До сих пор воду из родников, землю из родных селений привозят тем, кто не смог уехать из Узбекистана (например, [18]. Землю обычно относят на могилы).

Описанные сюжеты коммеморативных практик показывают, каким образом локальные исторические события коренным образом влияют на развитие отдельных народов, как через индивидуальную память происходит вовлечение личности в социальную группу, обладающую этой памятью, и как память живёт и сохраняется в процессе коммуникации [24]. На этих примерах хорошо видно, как формируется связь индивидуумов в *«мы»*, *«коннективная структура»* общего знания и представления о себе, которое опирается, во-первых, на подчинение общим правилам и ценностям, во-вторых, на сообща обжитое прошлое [7, с. 15–16]. И вместе с тем, именно благодаря участию в процессе коммуникации формируется и сохраняется индивидуальная память [7, с. 52].

Список литературы

[1] *Копосов Н.* Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю? М.: РОССПЭН, 2013. С. 63.

[2] *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М.: Об-во «Знание»; Центральный дом научного атеизма, 1989. Переиздано в: Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX в. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2004. С. 123–233.

[3] *Карлов В.В.* Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М.: Изд-во КДУ, 2010.

[4] *Ларина Е.И.* Среднеазиатская этнография профессора С.П. Полякова: наука и инструментальность // Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве: Сборник научных статей памяти профессора Сергея Петровича

Полякова / Отв. ред-сост. Е.И. Ларина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 12–34. – (Труды исторического факультета МГУ; 67. Сер. 2, Исторические исследования; 28).

[5] *Nora P.* Les Lieux de Memoire. T. III. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1993.

[6] *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

[7] *Levi-Strauss C.* L'efficacité symbolique // Revue d'histoire des religions. 1949. N 1. P. 5–27.

[8] *Ерназаров Ж.Т.* Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы: Б. и., 2003.

[9] *Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 137.

[10] Полевые материалы автора; 2009 г.; Омская обл., Исилькульский р-н, а. Каскат; интервью с Ж. Искаковым.

[11] *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

[12] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.

[13] *«В Крыму при переписи число татар и крымских татар решили не суммировать»* (07.06.2015). //Сайт «Новости Крыма. Крымская служба новостей.. http://news.allcrimea.net/news/2015/6/7/v-krymu-pri-perepisi-chislo-tatar-i-krymskih-tatar-reshili-ne-summirovat-38019/ (дата обращения: 20.09.2016).

[14] Полевые материалы автора; 2014 г., Крым, г. Бахчисарай; интервью 29 августа с И. Изединовым.

[15] Полевые материалы автора; 2016 г., Узбекистан, г. Фергана; интервью 25 сентября с Э.Н. Рамазановым.

[16] Полевые материалы автора; 2014 г., Крым, г. Симферополь; интервью 23 августа с З. Куртнезиром. Закир-ага умер в январе 2016 г.

[17] Полевые материалы автора; 2016 г., Узбекистан, г. Фергана, интервью 25 сентября с Иззетом Экремовичем Абдышаевым.

[18] Полевые материалы автора; 2016 г.; Узбекистан, Паркентский р-н, п. Шампан; интервью 21 сентября с Зухрой Мамутовой.

[19] Полевые материалы автора, 2014 г.; Крым, г. Симферополь; интервью 21 августа с Р.Д. Куртсеитовым.

[20] Полевые материалы автора, 2014 г.; Крым, с. Широкое (Варнаутка), интервью 23 августа с М.И. Решитовым.

[21] Полевые материалы автора, 2014 г.; Крым, г. Симферополь, интервью 29 августа с Л. Абибуллаевой.

[22] *«В Крыму прошла необычная встреча односельчан»* // Сайт Crimean tatrs / Жизнь / Социум (дата обращения: 30.09.2016).

[23] Полевые материалы автора, 2014 г.; Крым, г. Симферополь, интервью 16 августа с А. Меметовой.

[24] *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. Гл. 4 *«Локализация воспоминаний»*.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ НА КАВКАЗЕ (конец XIX – начало XXI вв.)

Махмудова З.У.*
(Россия, г.Москва)

Развитие материальной культуры во все времена и в той или иной степени было подвержено влиянию мировоззрения людей. Это относится ко всем типам идейных комплексов – будь то политическая идеология, будь то религия и связанные с нею этические и эстетические представления или любые иные виды мировоззренческих установок. Влияние мировоззрения отражается и в том, каким видят мир те люди, которые сами создают предметы материальной культуры. Немаловажным в этом контексте представляется и процесс создания образа этих предметов в общественном сознании, и итоговый *«образ-идеал»* для тех людей, которые желали бы ими обладать, пользоваться в повседневной жизни, получать эстетическое удовлетворение.

Особый случай представляет воздействие официально-государственной идеологии, равно как и ее фундаментальных ценностных установок, иногда даже отдельных структурных компонентов, отдельных граней и элементов идеологического конструкта на мир создателей и потребителей предметов материальной культуры. В том случае, когда политическая идеология становится официально-государственной – как марксизм в Советском Союзе – жестко сформулированные, ключевые идеологические императивы прямо проецируются на общественное сознание. Государство стремится примерить широкий набор средств и методов для того, чтобы такая идеология стала постоянным компонентом духовной и культурной жизни общества, формировала идейную среду для процесса социализации большинства граждан *«от мала до велика»*. Этот процесс всегда имеет целью глубокое проникновение идеологии в духовный мир людей, привнесение уже готового комплекса идей и основанной на них социальной мотивации.

Увидеть отражение данного процесса в жизни общества и его социально-значимые последствия можно в традиционной материальной культуре (костюме, произведениях народного творчества и ремесленного производства). Стоит ли искать действие подобных факторов на культурную и духовную жизнь людей предшествующего периода – то есть в условиях, когда авторитет государства в наличии, а навязанной *«сверху»* политической идеологии просто нет? Можно ли сравнивать эти периоды? Если да, то по каким линиям? Для ответа на поставленные вопросы может оказаться интересным компаративное

* *Махмудова Зоя Увайсовна*, к.и.н., доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

по методике исследование эмпирического материала, представляющего пласт общественной жизни, связанный с производством, использованием и с некоторыми аспектами социально-культурного восприятия предметов народного искусства Кавказа с изображениями государственных символов (и Российской империи, и Советского Союза).

Именно в этом контексте и в связи с указанными научными задачами было предпринято исследование (2014–2015 гг.) [8].

Рис. 1. Сумочка для рукодельных принадлежностей «бохча». Атлас, золотная нить. В месте крепления ручки орехи фундук, обмотанные шелковой нитью. Шитье, вышивка (техника гладью вприкреп), обмотка.1908 г. Дагестан. Лезгины. Приобретено в 1989 г.// ДМИИ им. П.С. Гамзатовой

В качестве основных мы выделили проблемы проникновения российских имперских символов в круг сюжетов, используемых кавказскими мастерами декоративно-прикладного искусства, выявления причин появления и способов интерпретации этих символов, а также определения степени распространения предметов с их изображениями. Решение указанных проблем было предложено на основе анализа доступных музейных коллекций. В результате мы можем судить о следующем.

Изображение двуглавого орла в Российской империи не являлось навязанным сверху идеологическим императивом. Хорошо известно, что в России до 1917 г. официальные установки (включая и предписания властей, и русофильскую публицистику, и даже пропаганду таких явно *«имперских»* устоев как незыблемость самодержавия) нельзя считать структурированной политической идеологией, сравнимой с марксизмом или даже с либеральной теорией эволюции социума. Имперские символы, видимо, и не воспринимались как *«официоз»*. Относительная легкость, с которой они вошли в обиход, была обусловлена тем, что символы эти воспринимались населением скорее как вполне органичное явление. Так было во многом потому, что имперский символ не был чужеродным среди традиционных орнаментов, узоров, типов вышивки и иных привычных глазу элементов традиционной материальной культуры. Более того, довольно быстрое распространение в разных типах предметов народного искусства изображений геральдической птицы подтверждает этот тезис. Оно также показывает существование определенной тенденции, если не сказать *региональной моды*, всплеск и актуализация которой пришлись на начало XX века. Любопытные *«отголоски»* этой моды даже сегодня отчетливо прослеживаются на Северном Кавказе.

Здесь необходимо отметить важные особенности, которые, на наш взгляд, отчетливо свидетельствуют о том, что процесс *«приобщения к символам»* охватил достаточно заметную часть повседневной культуры населения. Дело в том, что привлеченные к исследованию вещевые памятники, включающие имперскую символику, относятся в основном к женскому, а не к мужскому пространству традиционной культуры. Ясно, что проникновение имперской символики в консервативный, закрытый женский мир было бы невозможно, если бы она не была принята мужским сообществом. Иными словами, появление имперских символов в этом (женском) сегменте культуры произошло *после* того, ка они прошли своеобразную апробацию, стали вполне *«своими»* в сегменте мужском. Существует еще одно немаловажное обстоятельство, своего рода *«невидимая нить»*, связывавшая инкорпорацию кавказской элиты (мужчин на службе) в российскую власть и в войско с *«социальной инкрустацией»* этих живых носителей государственности в родную им социокультурную среду. Происходившие из народов Кавказа офицеры и чиновники, даже те, которые часто проживали в крупных городах за пределами Кавказа или несли службу на границах России, вольно или невольно являлись *«проводниками»* различных новаций в культуру региона, с которой они никогда не порывали связей. Даже внешний вид носящего мундир и состоящего на государственной службе мужчины – выходца с Северного Кавказа – являл собой яркий пример уместности имперского орла для декорирования различных предметов традиционной материальной культуры.

Таким образом, обращение к имперской символике при создании произведений народного искусства можно расценивать еще и как *проявление сопричастности населения к государству-империи*. Еще одной заслуживающей внимания гранью этого явления можно считать бытование символов как *свидетельства особого покровительства* империи по отношению к своим кавказским подданным.

Возникает закономерный вопрос о том, как широко бытовали предметы с имперской символикой на Кавказе. На него пока сложно дать исчерпывающий и окончательный ответ. Однако, учитывая принципы комплектования музейных коллекций, можно предположить, что эти вещи не воспринимались собирателями (К.А. Иностранцевым, Е.Н. Студенецкой и др.) как единичные, уникальные, случайные. Дело не только в необходимости неуклонного следования букве инструкций. Речь идет о том, что собиратели коллекций (как и многие другие работники музейного цеха) были людьми не просто компетентными, но и творческими, которые могли увидеть в потенциальном экспонате и вполне типичный для своего времени и места предмет, и полет вдохновения народного мастера – ремесленника-кустаря и художника в одном лице. Если речь шла о предметах массового потребления, часто (но не всегда) фабричного производства, характерных для советского времени, то и здесь компетенция, опыт собирательства и даже своеобразное *«чутье»* на нужные именно для музея предметы – неотъемлемые качества создателей коллекций, в наличии которых сомневаться не приходится.

Всплеск популярности образа имперского двуглавого орла в народном искусстве Кавказа был сравнительно непродолжительным в силу объективных причин. Революция 1917 года и крушение империи Романовых сделали его,

по сути дела, неактуальным и даже запретным символом. Во времена Пролеткульта и реализации Декрета 1918 года *«О монументальной пропаганде»* имперские орлы оказались в *«революционной пыли»* вместе с *«памятниками в честь царей и их слуг»*. *«Перезагрузка»* исторической памяти народов огромной страны ничего другого и не предполагала. Наступившая вслед за революцией эпоха насаждения так называемого *«социалистического реализма»* в культуре и искусстве отнюдь не отвергла, впрочем, использование новых государственных символов – в том или ином виде они присутствовали в народном искусстве XX века. Понятно, что советские символы призваны были сыграть в жизни населения совсем иную роль, исполнить иные задачи. За ними – в отличие от двуглавого орла – стояла действительно *идеология,* а не воплощенная в орле *идея* (мощи и евразийского двуединства огромного государства).

Официально-государственная идеология периода советской власти, ее ядро, структура, мифология, ее функции и многое другое – все это сюжеты для множества уже опубликованных исследований. Их можно и нужно сейчас оставить в стороне, указав лишь на то, что народное искусство и сам процесс создания предметов материальной культуры не мог оставаться в стороне как нечто, что идеология не затрагивала. Более того, народное творчество, как и все другие виды искусства, могло (и должно, как считали тогда многие деятели нового государства) служить целям пропаганды. Понятно, что искусство по природе своей не может быть тождественно пропаганде. В то же время оно, после соответствующего политико-идеологического *«препарирования»*, вполне способно, как считалось, нести в себе образы, которые соответствовали бы идеологическим установкам, *«работали»* бы на достижение именно идеологических целей. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что наиболее крупные и известные центры народного искусства были так или иначе поставлены под контроль государства. Например, в известном и старинном центре металлообработки с. Кубачи (Дагестан) в 1923/1924 г. была создана артель *«Кубачинский художник»*, которая позже была преобразована в существующий поныне Кубачинский художественный комбинат, объединивший известных мастеров-ювелиров. С этого времени ассортимент изделий диктовался уже не спросом и вкусами конкретных заказчиков, а утвержденными *«наверху»* планами. Это касалось не только количества изготавливаемых предметов, но и необходимости воплощения в них *«правильных»* художественных образов. Мастера крупнейших центров народного искусства, как и прежде, создавали уникальные произведения, служившие подарками для первых лиц государства. Кавказские мастера не были исключением. По меткому выражению М. Мусаева, кубачинцы создавали подарочные экземпляры оружия *«для царей, ханов, беков, императоров и генсеков»* [7]. 12 февраля 1921 г. делегация из Дагестана посетила В.И. Ленина в его рабочем кабинете (это было вскоре после образования дагестанской АССР в январе того же года). В.И. Ленину подарили изделия мастеров с. Унцукуль, а также серебряные с эмалью подстаканник и портсигар работы известных кубачинских мастеров-эмальеров братьев А. и Б. Тубчиевых. Член делегации А.А. Тахо-Годи вспоминал: *«Когда мы все это разложили на его письменном столе, он любовался ими. Восторгался искусством мастеров, сказал нам, чтобы мы помогли кустарям сохранить их мастерство, но не хотел прини-*

мать наших подарков: «Что ж я один буду ими любоваться, – говорил он, – пусть любуются все, надо их отослать в музей». Мы все-таки уговорили его оставить их у себя, обещая снабдить экспонатами и музей» [6]. В ответ Ильич подарил членам делегации свою фотографию с надписью *«Для Красного Дагестана»*.

Рис. 2. Портсигар. Музей Кубачинского художественного комбината

Постепенно, не сразу после 1917 г., советская символика все же начинает широко проникать в материальную культуру региона. Однако процесс этого проникновения был отнюдь не линейным, не шел по заранее заданным векторам и имел неравномерные по значимости результаты. На общественных зданиях, на агитационных плакатах, на кинорекламе, на транспарантах в дни государственных праздников и т.п. – во всем этом все советские символы, конечно, присутствовали. А вот в обрядах ситуация была совсем иной. В этой сфере неоспоримо продолжали цениться *«старинные»*, *«николаевские»* вещи, принадлежавшие совсем другой эпохе и бывшие по содержанию и виду (*«золото царской 56 пробы»*) явными антиподами всего советского [5].

Великая Отечественная война стала особым рубежом в становлении социально-культурной роли государственных символов. Все люди так или иначе сознавали масштабы происходивших событий. Это была без преувеличения народная война, тотальная по своей природе, ибо в ней общество, государство и его вооруженные силы составляли единое целое. Война затронула все население СССР. Как бы не относились люди к власти сталинских времен, очевидно, что именно война резко сократила дистанцию между советскими символами и простыми гражданами. В жизни большинства населения в годы войны все советские символы – пятиконечные звезды, красное знамя, серп и молот, колосья в обрамлении государственного герба – зазвучали торжественными нотами, заиграли иными красками. Теперь это были не только знаки-символы новой государственности, пришедшей на Кавказ четверть века назад. Они ассоциировались с наградами, полученными конкретными людьми, выходцами с Кавказа, – за доблесть и отвагу, за героизм, за упорный труд во спасение Отечества и, конечно, ассоциировались с великой Победой.

Тем не менее во второй половине XX века, как и прежде, новые символы – скрещенные серп и молот, золотые пентаграммы на красном фоне и т.п. – не могли равноценно сосуществовать с религиозными символами и вещами, относив-

шимися к традиционной, свободной от политики и от почти принудительного осознания государственности, культуре. Такое сочетание (одновременно исламское и советское) трудно представить как бытующее совместно. Именно поэтому оно никак не было представлено на вещах, включенных в традиционные обрядовые алгоритмы. Это свидетельствовало, на наш взгляд, о том, что на фоне общего, постепенного *«привыкания»* кавказского социума к новой символике, интеграции советских символов в многовековую традицию не случилось. *«Взаимопроникновение»*, *«ассимиляция»*, *«интеграция»*, *«конвергенция»* – ни один из таких терминов, отражающих меру сближения и сочетания вещей, здесь никак не подходит, не может отразить суть реального социокультурного процесса. На самом деле советские символы существовали в культуре Кавказа обособленно – как бы параллельно, рядом со старой традицией. Можно даже сказать, что в силу своего массового присутствия, проникновения в зримую часть социальной жизни, комплекс *«советского»* создал за несколько десятилетий своеобразную новую традицию, которая, впрочем, вовсе не стала *«мэйнстримом»* даже несмотря на мощную, казалось бы, идеологическую *«подпитку»*.

Рис. 3. Ворота частного дома. Чеченская республика. Фото З.У. Махмудовой. 2014

Однако непохожесть восприятия советских символов в сравнении с отношением населения к предшественникам (имперскому орлу) неожиданно и своеобразно проявилась вот в чем. Как позволяют судить источники (прежде всего, сами предметы материальной культуры советской эпохи), стимулами и импульсами, толчками для внедрения символов в духовную и культурную жизнь кавказского социума, в его повседневность были события и рубежи явных достижений советского государства. Именно они воспринимались как *«общий успех»*, достижения всего общества в смысле приложения его коллективных усилий для реализации целей общемирового значения. Такими импульсами были, например, начало эры освоения космоса и полет Ю. Гагарина. Особую роль сыграла летняя Олимпиада 1980 г. Олимпиада–80 – событие грандиозное по масштабам и по тому значению, которое ему придавало государство. Символика Олимпиады не является, строго говоря, политической, но она была связана с государством, которое впервые добилось права на проведение Игр – это был СССР. На Кавказе помнят участников и призеров Олимпиады. До сих пор здесь можно увидеть ее

символику на воротах частных жилых зданий в городах и селениях. Даже сегодня мало кто относит символы этой Олимпиады к якобы не нужному более наследству *«коммунистического тоталитаризма»*. К олимпийской символике отношение по-прежнему скорее деполитизированное и в целом уважительное.

Поводя краткие итоги, сейчас можно – конечно, предварительно, пока в самом общем виде, в качестве постановки комплекса научных проблем – заключить следующее.

В отличие от имперского двуглавого орла, советские символы не смогли просто и легко *«вплестись»* в традицию и удержаться в ней; во многом это происходило благодаря тому, что воплощали они государство откровенно атеистическое, политическая идеология которого вытесняла ислам, должна была служить его заменителем; в конфликте традиционной религии и идеологии население избрало сторону религии, но только как *«молчаливое большинство»*.

Конечно, как отмечал Д.Ю. Арапов, не все представители мусульманских общественных и религиозных кругов с восторгом относились к тем или иным сторонам политики властей империи. Но *«те из них, кто пережил события 1917 г. и оказался под властью новых правителей страны, могли сравнить старые, пусть и не идеальные, и новые, качественно иные условия существования ислама на территории бывшей Российской империи»* [4].

С крушением советской власти серп и молот исчезли из орнаментики народного искусства Кавказа, уступив место символам новой эпохи – эпохи ислама. К моменту крушения СССР вера в ценности, стоявшие за символами, почти исчезла, сами эти символы в отсутствии такой веры быстро износились.

Становление новой государственности в России, новой власти, новой геральдики и, конечно, полная (не формализованная в неисполняемых законах, как ранее, а реальная) свобода вероисповедания привела к возрождению ислама. В общественном сознании этот переломный момент очень быстро был закреплен: сметенные переменами символы старого порядка были кучей сданы *«на свалку истории»* (лучшие образцы, обладающие художественной и/или исторической ценностью, были все же сохранены, как оказалось, все теми же энтузиастами из числа музейных работников). Исламская символика мгновенно заполнила социокультурный вакуум, хотя этот процесс обрел довольно противоречивые формы.

В России после 1991 г. относительная неустойчивость новой государственности, политические коллизии создали то, что можно назвать *«дефицитом устойчивых символов»* в политической культуре. Старые символы были уже не актуальны, а новые стали на время предметом ожесточенных споров. Принятие Конституции 1993 г. расставило по своим местам большую часть того, что относится к символическому оформлению государственности (флаг, герб, гимн). Были закреплены в основном законе отношения религии и государственной власти, свобода совести и идеологический плюрализм.

Наивно было бы полагать, что лояльность населения к власти, даже популярность многих политических и государственных лидеров современной России могут привести к тому, что и население всей страны быстро воспримет новую российскую государственную символику как *«нормальную»* часть жизни или же станет относиться к ней так же, как к устойчивым, привычным символам преж-

них времен. Что касается Кавказа, то символы новой государственности бытуют там, где они и должны быть – на флагах, на административных зданиях, на военных мемориалах и т.п. Пока не наблюдается процесс замены ими всего того, что принадлежало *«старому порядку»*.

Региональная, своеобразная идентичность в северокавказском регионе формируется иным путем. На этом пути государственные символы скорее малозаметны, не призваны играть никакой особой роли. Более того, очевидно, что в последние два десятилетия именно ислам становится генератором символов для процесса, который мы определим как *обновление региональной идентичности*. Религиозная *«привязка»* идентичности именно на Кавказе уже заметно и значимо проявила себя в переменах во внешнем облике значительной части населения. Это же можно наблюдать в отношении значительных сегментов социума к предметам, на которых могут существовать символы, имеющие отношение и к религии, и (в значительно меньшей степени) к государству.

Отметим также, что сегодня в социокультурной динамике Кавказа наличествуют некоторые важные для нашего научного поиска моменты. Они явно требуют осмысления и дальнейших исследований (этнологических, социологических или же междисциплинарных – в дискурсе социальной антропологии, социальной психологии т.п.) На этом научном поле, как нам видится, можно обсудить и даже проблемно прорисовать необходимость изучения целого ряда сюжетов. Сегодня исламская идентичность, очевидно, имеет важное значение для многих жителей региона. Каковы перспективы становления и возможности долгосрочного закрепления новой идентификационной модели в кавказском социуме – вопрос, имеющий большое значение.

Демонстрация религиозной (мусульманской) идентичности в настоящее время не только не запрещена, но и активно поощряется на официальном уровне. Это как раз и есть своего рода *«мягкое»* замещение практики *«старого режима»* по пропаганде социально-культурного обновления. В советское время подобного рода *«идеологической работой»* было охвачено почти все – от ценностных установок до вопроса о том, уместно ли носить вещи, ввезенные из *«империалистических»* стран. Сегодня все иначе в смысле содержания процессов, но общий тренд тоже очевиден. Жизнь представляет достаточно примеров появления *«квази-идеологизации»* социально-политических процессов. Скажем, в советский период в состав руководящих работников республик Северного Кавказа не могли войти люди, открыто декларирующие свою приверженность религии. В последнее же десятилетие, наоборот, ни один из деятелей, претендующих на занятие высоких государственных должностей, не мог быть ни человеком, стоявшим в стороне от *«исламского возрождения»*, ни, уж тем более, прокламированным атеистом.

Теперь одним из внешних проявлений мусульманской (читай – региональной, кавказской) идентичности часто служит костюм. Например, в Чечне и Ингушетии это – *мурдий барцкъаш,* одежда мюридов (последователей религиозных братств). Такие костюмы носят в дни мусульманских праздников, во время посещения мечети. Кроме того, это одежда имамов.

Не случайно, что уже не первый год предметом споров многих людей – от рядовых граждан до культурологов и политиков – выступает вопрос о роли и месте хиджа-

ба. Ясно, что в современном культурном контексте отнюдь не новый – и в России, и в Европе этот сюжет давно стал предметом оживленных дискуссий. Внимание общества к этому, поначалу казавшемуся второстепенным, вопросу оказалось настолько пристальным, что потребовало даже политических и законодательных решений – в частности, во Франции и Бельгии. Весьма подробно тема *«Мусульманские платки»* обсуждалась на страницах *«Этнографического обозрения»* [3].

Должна ли мусульманка носить хиджаб (на Кавказе под этим термином понимается платок, повязанный особым способом, закрывающий волосы и шею)? Это вопрос, который задают себе сегодня многие женщины на Кавказе.

Отметим в этом контексте самое фундаментальное в смысле правовом и в социальном. В подлинно демократическом обществе, где действует свобода совести и вероисповедания, каждый человек имеет право на самовыражение. Возможность самовыражения человека посредством ношения одежды определенного типа, покроя, дизайна – это часть комплекса его базовых, неотъемлемых гражданских прав (не обязательно строго прописанных в конституциях и законах). Иными словами, в современном цивилизованном обществе никто не вправе указывать человеку (тем более женщине), как он должен одеваться или же, наоборот, какой наряд он не может надеть ни при каких обстоятельствах. Этот принцип, как нам представляется, не подлежит сомнению, за исключением случаев, особо оговоренных законом той или иной страны.

Во всех иных ситуациях современное общество должно (в идеале) располагать такими регуляторами социального поведения своих членов (в том, что касается их внешнего облика), которые не имеют явно императивного, принуждающего характера и способны предложить разумный компромисс между интересами индивида и окружающего его социума.

Сегодня нередко ставится знак равенства между традиционными головными уборами и хиджабом, появление и распространение которого на Кавказе относится к началу XXI века. В публицистике весьма популярен также и тезис о том, что хиджаб не является новым для женщин Северного Кавказа элементом гардероба, якобы он тесно связан с вековым обычаем покрывать голову характерным для всех без исключения проживающих в регионе народов. Здесь очевидно вольное или невольное стремление придать некую дополнительную социокультурную *«легитимность»* хиджабу, обосновать необходимость его ношения существовавшей традицией, представить его как *«новый смысл в знакомом и известном облачении»* [2].

В вопросе с ношением хиджаба и толкованиями этого облика женщины (как со стороны мусульман, так и с точки зрения иных интересующихся) ясности в современном российском этнокультурном дискурсе не хватает. При этом уже создан целый пласт стереотипов, в основе которых лежат излишне обобщенные, резкие – и в апологии, и в критике хиджаба – суждения [1].

Следует иметь в виду, что традиционные женские головные уборы не только конструктивно отличаются от хиджаба, имеют иную историю происхождения, но и отражают локальные культурные особенности, в отличие от хиджаба, символизирующего *надэтническую* исламскую идентичность. В локальных группах, где религиозные традиции и в советское время сохранялись в полной мере,

всегда был и есть сегодня свой условно *«традиционный»* женский головной убор или способ его ношения. Для того чтобы надеть хиджаб, женщинам здесь надо сначала отказаться от своей традиции, а они этого не делали даже в советское время. Их полутрадиционные платья и платки никогда не считались модными и престижными, воспринимались как сельские, а стало быть, архаичные, противоречащие основной социальной тенденции – урбанизации. Но женщины не отказывались от своего костюма, поскольку он считался не только традиционным, но одновременно и исламским.

Что можно ожидать от развития этого отнюдь не бесконфликтного сюжета в социокультурном пространстве Кавказа далее? Станет ли хиджаб главным знаком (предметом) идентификационной модели для женщин в будущем? Все ли этнические группы это может затронуть? Все ли возрастные категории? Вопросов здесь пока больше, чем готовых и очевидных ответов.

Исследование всех этих сюжетов в историко-культурологическом и этнокультурном ракурсе поможет, как нам представляется, приблизиться к пониманию истинного смысла новых символов и содержания новой идентичности населения в важном российском регионе.

Список литературы

[1] *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях народов Северного Кавказа// Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 137–138.

[2] *Нефляшева Н.*. Хиджаб на Северном Кавказе: назад в будущее //http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/9883 (дата обращения 07.01.2016).

[3] *Рахимов Р.Р. «Завеса тайны»* (о традиционном женском затворничестве в Средней Азии); *Филиппова Е.А.* Французы, мусульмане: в чем проблема?; *Киллиан К.* Французский запрет на религиозную символику в школах и взгляды женщин Магриба на ношение хиджаба //Этнографическое обозрение. 2005, № 3.

[4] *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель, автор вводной статьи и комментариев Д.Ю. Арапов. М., 2003. С. 33.

[5] *Сергеева Г. А.* Свадьба у народов Дагестана в XX веке: общее и особенное // Свадебные обряды у народов России и ближнего зарубежья. М. 1993. С. 80.

[6] *Гаража Г. Подарок В.И.* Ленину из Дагестана. Февраль 1921 // Дары вождям. Каталог выставки. Научный редактор Н.В. Ссорин-Чайков. М., 2006. С. 186.

[7] *Мусаев М.* Кубачи: искусство передается по наследству // http://www.odnoselchane.ru/?sect=3&page=article&id=8890&com=articles (дата обращения 27.09.2016).

[8] *Гущан Л.С., Магомедова А.И., Махмудова З.У. «Имперские символы в декоративно-прикладном искусстве Кавказа»* // Исторические исследования (электронный научный журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). 201, № 4.

ФАКТОР ФРУСТРАЦИИ В ИСТОРИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ (от начала XX в. до наших дней)

Карлов В.В.*
(Россия, г.Москва)

Межэтнические конфликты в Российской империи, СССР и постсоветской России, если взять в качестве объекта рассмотрения подобные эпизоды периодов модерна и постмодерна, то есть в основном XX и XXI века, включают немало событий, каждое из которых, несомненно, имеет под собой какие-либо конкретные причины и обстоятельства или, как правило, их совокупность. Они могут быть очень разными, из-за чего какая-либо систематизация такой *«хроники конфликтов»* была бы довольно затруднительна. Вместе с тем, в них имели место определенные периоды, отличавшиеся особенной интенсивностью, когда социальные противоречия в обществе очень часто переводились в плоскость межэтнических. И если сравнивать между собой такие эпизоды обострения межэтнической напряженности, можно было бы выявить в них и некоторые общие моменты. Среди последних важное место занимает фактор фрустрации, характер действия которого и составляет предмет настоящей статьи.

При том, что явление фрустрации достаточно полно исследовано и в психологии личности, и в социальной психологии, однако и в области этнической психологии как науки, и тем более в конкретных ситуациях жизни страны, сопровождаемых возникновением межэтнической напряженности и требующих практического административно-государственного вмешательства, этому феномену крайне редко уделяется должное внимание. Между тем, сравнение наиболее острых конфликтных периодов начала XX в., позднего советского времени и наших дней дает достаточно богатую пищу для размышлений на эту тему.

Взлетом национальных движений в разных областях империи начала XX в., сопровождавшихся созданием открыто националистических партий и союзов, был отмечен период накануне революции 1905 г. Эти веяния не миновали и собственно великорусские районы, где наблюдался размах действий таких черносотенных организаций, как *«Союз русского народа»* и *«Союз Михаила Архангела»*. В нерусских районах страны появление подобных организаций и движений вполне понятно и объяснимо: великодержавная политика режима не уделяла должного внимания ни народному просвещению на национальной основе, ни развитию национальных культур, не способствовала привлечению

* *Карлов Виктор Владимирович*, д.и.н., профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

национальных кадров в административно-государственный аппарат, в лучшем случае допуская участие лояльных власти выходцев из местной среды на вторых ролях. В русских же районах взлет национализма требует некоторого пояснения. Тем более что эта тематика в массовом сознании российского общества, к сожалению, слишком мало и не вполне адекватно понимается. Например, в одном из недавних телешоу В. Соловьева на канале *«Россия 1»* при обсуждении вопроса о русском национализме и его истоках несколько выступавших, включая и самого ведущего, как о чем-то само собой разумеющемся говорили, что националистические течения в России стали якобы ответом на терроризм. Вероятно, имелся в виду терроризм народников и, впоследствии, эсеров. Однако как терроризм, так и радикальный национализм были порождены сходными социальными причинами и представляются только разными формами ответа на одни и те же вызовы.

Главная же причина обострения социальных противоречий крылась в резком переходе экономики России от свободной капиталистической конкуренции к капитализму монополистическому. Если задаться вопросом о том, кто при этой экономической метаморфозе пострадал больше всех, то это окажется мелкая и средняя городская буржуазия. На примере мелких и средних кустарных заведений хорошо видно, как быстро исчезали главные приоритеты их деятельности: кустарная промышленность уступала место крупным фирмам. Даже в мелких и средних городах появлялись посреднические конторы столичных корпораций и фирм, на фоне которых местные разного рода мастерские, швейные, сапожные, и даже нередко харчевни, быстро прогорали и закрывались, а их владельцы оказывались не у дел.

Эта ситуация хорошо объясняет состав социальных сил националистических движений: мещанские слои города, которые теряли свои традиционные приоритеты и источники существования, то есть оказывались под сильнейшим воздействием фрустрирующих факторов. Хорошо известны попытки лидеров черносотенных организаций привлечь крестьянство, успехом, однако, не увенчавшиеся. За очень редкими исключениями, русских крестьян националистическая агитация никак не привлекала. Этот феномен нуждается в некотором объяснении, ведь в социологии существует устойчивое мнение относительно того, что именно крестьянство более других социальных слоев склонно к ксенофобии. В русском обществе крестьяне как раз практически вообще не были подвержены подобным настроениям. Возможно, ориентация на мирные взаимоотношения с иноэтничными партнерами уже в достаточно далекие времена стала одним из основополагающих постулатов русского крестьянского сознания: физические антропологи, например, на своем материале отмечают, что установка на мирные отношения с автохтонным населением в ходе крестьянской колонизации новых территорий входила у славянских колонистов в их стратегию выживания на новых местах. Сохранялась такая установка, по-видимому, и в новое время. Исследователи национальных отношений в Российской империи, в частности, подчеркивали, что в XIX веке в полиэтничных поселениях и районах Среднего Поволжья именно русские крестьяне были более других открыты для контактов с соседями иной национальности [1].

В таком контексте нелишне будет обратить внимание на практически игнорируемый в нашей исторической литературе и публицистике факт: первая концепция сложного национально-государственного устройства российского государства была разработана и предложена отнюдь не большевиками, причем задолго до воплощения такого варианта решения национального вопроса советской властью. Сейчас стало расхожим полемическим приемом общественного дискурса обвинять в создании конструкции федеративно-автономного устройства страны, якобы заложившего мину под единство державы, большевиков и персонально Ленина. Это можно отчасти списать на последствия и пережитки идеологической пропаганды времен СССР, когда большевики и Ленин объявлялись авторами единственно правильной *«ленинской национальной политики»* и схемы решения национального вопроса как ее конкретного воплощения. Истина же заключается в том, что впервые именно эта схема предложена и записана в программе совсем не пролетарской, а самой массовой крестьянской партии России – народных социалистов (трудовиков) – еще осенью 1906 года, в период первой русской революции. В точности там написано следующее: *«Признание за всеми, без исключения, национальностями права на самоопределение. <...> Для национальностей, которые останутся в Российском государстве, проведение федерального принципа в государственном строительстве и обеспечение условий свободного развития в рамках широкой автономии»* [2]. То есть все основные положения, осуществленные при создании Союза ССР – самоопределение, федерализация, широкая автономия – там уже содержались.

Автором этих положений программы крестьянской партии был, по-видимому, известный своими выступлениями за религиозное и национальное равноправие публицист и историк С.П. Мельгунов (формально вступил в НСП в 1907 г., в 1917 г. – товарищ председателя ЦК ТНСП). Большевики же до 1916 г. были сторонниками унитарного государства, первые допущения федерализации относятся только к 1916 г. В июне 1917 г. Мельгунов, выступая на I съезде НСП, призывал к превращению федерации в *«лозунг дня»*. Ленину, безусловно, были известны эти настроения: в одной из статей накануне Октября он фактически почти дословно повторил сказанное Мельгуновым: *«Национальный и аграрный вопросы, это – коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России. Это неоспоримо»* [3]. То, что Лениным был фактически использован и позднее реально осуществлен план национально-государственного устройства трудовиков, на мой взгляд, совсем не умаляет его вклада в решение национального вопроса. Одно из непреложных качеств крупного политика – это способность точно чувствовать настроения большинства и использовать их на практике. А что касается популярных ныне упреков в *«мине»* под государственное устройство, современные критики вольно или невольно, но просто вообще опускают принципиальнейший в данном случае *«нюанс»*: устройство это предлагалось совсем не для капиталистического режима в стране, даже трудовики рассчитывали на социалистические перемены в жизни государства, что уж говорить о большевиках 1917–1922 годов.

Таким образом, максимально фрустрированная в результате социально-экономических перемен в жизни социума мелкая и средняя буржуазия города

стала ведущей силой и идеологом националистических движений. В нерусских районах с более или менее сложившейся мелкой и средней буржуазией города и связанной с ней происхождением интеллигенцией эти тенденции выглядят достаточно очевидными. Например, в Закавказье обострились армяно-грузинские противоречия в сфере посреднической торговли и услуг, также как армяно-азербайджанские. Националистические движения на Украине в их особо радикальных вариантах имели очевидный антирусский и антиеврейский окрас, объясняемый естественными мотивами конкуренции со стороны как русских, так и евреев. К слову, большое число известных деятелей национального движения на Украине в XIX – начале XX вв. были выходцами либо из казацко-старшинских родов (П. Кулиш, М.С. Грушевский), либо из мелких буржуа (С. Петлюра). Только В.К. Винниченко происходил из бедной крестьянской семьи, но он-то как раз был в сравнении с другими ближе к социалистическим идеям, равно как далек от радикализма и довольно лоялен к советской власти.

Советская власть после завершения периода национально-государственного строительства и становления административной структуры Союза справлялась с проблемой межэтнической напряженности благодаря тому, что, во-первых, огосударствление экономической деятельности более или менее устранило отношения соперничества в области посреднической торговли и сферы услуг. Во-вторых же, правящая компартия уделяла серьезное внимание перекосам в национальном вопросе и опасности роста межэтнической напряженности, стараясь такие ситуации предупреждать и гасить, не говоря об идеологической пропаганде идей интернационализма. Разумеется, без ошибок и промахов здесь тоже не обходилось, но в целом ситуация была под контролем властей разного уровня. Впрочем, полностью устранить факторы фрустрации как потенциальную угрозу межэтническому миру так и не удалось. Например, постепенно в ряде национальных районов СССР к 80-м годам XX в. появилась недопустимо большая доля незанятого населения, возникла хроническая трудоизбыточность среди трудоспособного населения*. Нельзя сказать, что власти этого не знали, однако практически не предпринимали серьезных попыток исправить положение**. Более того, наличие незанятого трудоспособного населения стало базой для гигантского роста коррупции.

В ходе этносоциологического опроса, проводившегося в 1980-е годы кафедрой этнологии МГУ в Азербайджане, такие факты не только были зафиксированы анкетным опросом, они были видны, что называется, невооруженным глазом. Люди даже не скрывали, что получение не то чтобы престижной, но и самой непрезентабельной работы возможно лишь при помощи взятки, и нередко довольно крупной, плюс последующие *«откаты»* благодетелям от заработанного. Соответственно, получивший искомое место всеми силами и средствами стремился как можно скорее окупить затраты. Водители транспорта, например,

* В печати приводились такие данные о незанятых трудоспособных: 27,6% в Азербайджане, 18% в Армении [4].

** Здесь не имеет смысла рассматривать такие, например, проекты, как программу переселения части населения Средней Азии в стремительно пустевшее Нечерноземье, ввиду сомнительности подобных мер бюрократического характера.

сдав предприятию положенный план, все что сверх плана как должное оставляли себе, но соответственно *«отстегивали»* и начальству. Продавцы магазинов совершенно произвольно завышали цены на товары и тоже *«делились»* в обязательном порядке с начальством, базой, контрольными органами, милицией. И т.п. снизу доверху. При таких порядках иметь мало-мальски приемлемые условия для жизни могли только те, кто обладал хотя бы какой-то возможностью получения нефиксируемых доходов. А в самом фрустрированном положении оказывались, люди или вовсе не сумевшие получить хоть какую-то работу, или те, кто жил только на фиксированную зарплату и иных источников дохода не имел. В первую очередь это были рабочие крупных заводов и фабрик [5].

В таких условиях случившаяся в 1988 г. известная Сумгаитская трагедия, одно из самых ужасающих трагических событий периода *«перестройки»*, выглядела, как это ни страшно звучит, по-своему закономерной. Сумгаит – промышленный город, население которого занято главным образом на крупных промышленных предприятиях, в основном химической промышленности. Центр города был выстроен в 1950-е гг. в довольно помпезном стиле *«сталинского ампира»*, но районы окраин выглядели совершенно иначе. Здесь при практическом отсутствии нормальной городской инфраструктуры стояли порой даже не дома, а какие-то лачуги, слепленные из неизвестно каких попавшихся под руку подсобных материалов. При сложившейся к тому времени в Азербайджане системе жизнеобеспечения свободных нефиксированных доходов основное рабочее население города было фактически лишено. Понятно, что большинство горожан испытывало в связи с многочисленными не решаемыми житейскими проблемами (достойный заработок, жилищные вопросы, благоустройство) постоянный стресс или вообще находилось под воздействием фрустрации, будучи лишено реальных возможностей для решения важных жизненных задач.

Хорошо известно, что состояние дезорганизации сознания и деятельности человека (фрустрация) не может продолжаться слишком долго, человек ищет (и находит) какие-либо выходы для себя из психического дискомфорта. А одним из самых распространенных выходов служит перенесение вины за собственные не реализованные цели или нереализуемые проблемы на какой-то внешний объект, реальный или мнимый (поиски *«козла отпущения»*). В полиэтничной среде таким *«козлом отпущения»* практически всегда оказывается иноэтничное население. И если в повседневном быту рабочего города Сумгаита сохранялись более или менее нормальные взаимоотношения между людьми разной национальности, то одного, но очень мощного толчка 28–29 февраля 1988 г. хватило для канализации всей накопившейся у населения фрустрации, выплеска ее в виде армянских погромов. Поводом, как известно, послужило прибытие под утро на станцию Сумгаит поезда с беженцами-азербайджанцами из Араратской долины Армении, насильственно изгнанными оттуда. Это был один из самых типичных и с точностью сработавших случаев действия фактора фрустрации, за которым последовало немало других *«перестроечных»* конфликтов, с неизменным постоянством, к сожалению, подтверждавших объективность и практическую реальность данной психологической категории и форм ее проявления.

Понятен и не требует особых доказательств тот очевидный факт, что риск появления и проявления фрустрирующих обстоятельств почти всегда многократно увеличивается в периоды крупных социально-экономических перемен, нарастания нестабильности положения и самоощущения значительных социальных слоев общества. Далеко не всегда причины такой нестабильности связаны с межэтническими отношениями. Межэтническая напряженность скорее лишь одно из возможных последствий социально-экономических сдвигов в обществе в широком смысле. Годы *«перестройки»* были как раз таким временем. И прямая вина тогдашних властей страны состоит в том, что они совершенно не учитывали фактор перевода социальных трудностей населения через механизм фрустрации в межэтническую плоскость, и в данном случае даже не имеет особого значения, допускали они это по незнанию и недомыслию или же, напротив, сознательно и целенаправленно таким омерзительным способом *«раскачивали лодку»*, расчищая пути к слому советского социального организма.

Обсуждаемая тема чрезвычайно важна и для сегодняшней России, ибо многонациональная страна всегда, особенно же в периоды перемен и социальной нестабильности, подвержена риску спуска механизма фрустрации в самые неожиданные и неподходящие моменты. То, что фрустрированное население в разных и практически во всех частях страны есть – это неоспоримый факт. Заметно различается только его доля в разных регионах. Фактом является и то, что весьма часто социальные диспропорции имеют также и этнический оттенок. Если посмотреть на все громкие эпизоды эксцессов и насилия за последние годы, практически во всех случаях этнический фактор был одним из детонаторов взрывов социального недовольства (Кондопога, Манежная площадь, Сагра, Бирюлево, Хованское кладбище и т.д.). Хотя столь же очевидно, что подлинной причиной взрывов были отнюдь не межэтнические противоречия.

К слову, проявления фрустрации могут иметь формы не только *«выплеска»* против иноэтничной группы. Другим, но столь же типичным проявлением фрустрации можно считать и откровенно негативное и презрительное отношение некоторых представителей довольно образованной части общества (*«креативного класса»*), объединяемой движением так называемых *«белоленточников»*, к собственному народу. Эта прослойка относительно преуспевших в жизни людей, в основном привыкшая к легким доходам и возможностям потребления и мало ограниченному потребительству в условиях хаоса и разгула либеральных экономических вольностей 90-х, ныне при даже пока не слишком успешной линии на укрепление закона, порядка и социальной справедливости, оказалась склонна к вымещению недовольства переменами на своем же народе и его якобы никчемных свойствах и качествах.

Подводя итог сказанному о факторе фрустрации и необходимости его учета во внутренней политике государства, следует избегать наивных представлений о том, что его возможно нейтрализовать. Иллюзий здесь не должно быть. Почва фрустрации – социальная нестабильность. И не только Россия, но и весь мир, увы, глубоко и, возможно, надолго погрузились в полосу нестабильности. Но что государству сделать нужно – и давно пора сделать – это развернуть подготовку специалистов этнологов, этносоциологов, этнопсихологов, которых

крайне необходимо иметь во всех звеньях административно-управленческого аппарата, и профессиональной задачей которых будет отслеживание и предупреждение опасных ситуаций. Средства на все это найти не столь уж сложно – несравнимо дороже, как известно, обходится псевдо-экономия на таких вещах.

Список литературы

[1] *Kappeler A.* Russlands erste Nazionalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jahrhundert. Köhln, Wien, 1982. S. 495.

[2] Программа народно-социалистической (трудовой) партии. СПб, 1906. С. 14.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 299.

[4] Правда, 1989, 31 октября.

[5] Полевые материалы автора.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полунов А.Ю.*
(Россия, г.Москва)

Вопросы, связанные с регулированием межэтнических и межконфессиональных отношений, определением места тех или иных этнокультурных групп в политической структуре современных государств приобретают в последние годы особую остроту, стремительно выдвигаются на первый план в повестке дня политических партий, общественных организаций и правительств разных стран. Поддается ли стихия этноконфессиональных отношений сколько-нибудь значительному упорядочению *«сверху»*, или органы власти и представители общества обречены на то, чтобы идти за развитием событий, лишь постфактум корректируя их наиболее негативные последствия? Можно ли выявить какие-либо закономерности в развитии этнополитики разных стран, или действия по урегулированию межэтнических отношений являются более или менее хаотической совокупностью мер, принимаемых каждый раз ad hoc, как реакция на ту или иную конкретную ситуацию? Все эти вопросы являются в последние годы предметом анализа представителей разных научных специальностей – историков, этнологов, политологов, специалистов в сфере теории конфликтов.

Размышляя над вопросом о наличии закономерностей в сфере этнополитики, эксперты все чаще сталкиваются с необходимостью применения сравнительного подхода, сопоставления различных вариантов воздействия властей и общественных организаций на этноконфессиональные отношения. Особый интерес в данном контексте представляет сравнение этнополитики России и стран Запада. В основу настоящей статьи положена гипотеза о том, что развитие этнополитики в России и на Западе подчиняется определенным закономерностям, носящим циклический характер. Хронологические грани развития этих циклов могут совпадать – так, и на Западе, и в России начало второго десятилетия XXI в. было отмечено заметным изменением характера и форм осуществления этнополитики. Вместе с тем с точки зрения своего содержания этнополитические циклы в России и на Западе существенно отличаются друг от друга, а в некотором отношении можно говорить и о том, что они развиваются в противоположных направлениях.

Если говорить о развитии этнополитики на Западе, то здесь в качестве точки отсчета уместно взять систему мультикультурализма, которая начала утвер-

* *Полунов Александр Юрьевич,* д.и.н., профессор кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ждаться в большинстве западных стран конце 1960-х и в 1970-е гг., пережила расцвет в 1980–90-е гг., столкнулась с первыми проявлениями кризиса в конце 1990-х, однако сохраняла влияние и в первое десятилетие XXI в. Суть мультикультурализма, если формулировать кратко, заключалась в том, что наряду с общегражданской идентичностью (системой воззрений, норм и правил), разделяемой большинством населения той или иной страны, допускалось и даже поощрялось существование параллельных идентичностей. Основу последних составляли этнокультурные, этноконфессиональные особенности различных групп, так или иначе (чаще всего в качестве мигрантов или беженцев) оказавшихся на территории государства. *«Параллельные»* идентичности могли существенно отличаться от идентичности общегражданской, а в некоторых случаях и противоречить ей.

Переход стран Запада к системе мультикультурализма, заметно противоречившей фундаментальным основам классических наций-государств XIX – середины XX в., был вызван целым рядом причин. Если брать идеологическую сторону вопроса, то этот переход надо рассматривать как закономерный итог развития концепции социальных и политических прав, основополагающей для западного общества. С конца 1960-х гг., на волне борьбы против дискриминации исторически угнетенных меньшинств, прежде всего цветного населения США, а также в ходе размышлений над судьбами мигрантов и беженцев в Европе, сложилось представление о необходимости более широкого понимания концепции прав. Носителями прав, с точки зрения этого нового понимания, могли (и должны были) быть не только индивидуумы, но и определенные общины, в том числе те, которые являлись сообществами происхождения (этнокультурными общинами), а не группами, сформированными в результате свободного волеизъявления граждан. Нетрудно заметить, что подобный подход довольно сильно противоречил основам классической либеральной политики [1].

Расхождение между принципами либеральной доктрины и началами мультикультурной политики, разумеется, не было секретом для политических лидеров и экспертов стран Запада, однако большая их часть приветствовала утверждение нового курса и поддерживала его реализацию. Популярность мультикультурализма на ранних стадиях его осуществления определялась рядом причин. Многие сторонники этого курса – прежде всего представители леволиберальной интеллигенции – полагали, что доминирующее большинство стран Запада должно как бы искупить свою вину перед меньшинствами, принести покаяние за осуществлявшееся ранее колониальное угнетение и расовую дискриминацию. Если нормы поведения, основы культуры меньшинств и противоречили ценностям и воззрениям большинства населения, к этому следовало отнестись терпимо. Подобная терпимость в конечном счете помогла бы утверждению единства общества, способствуя мягкой и безболезненной интеграции различных этноконфессиональных групп в культуру большинства. В течение определенного времени эта политика была (или казалась) достаточно эффективной, но по мере своей реализации начала сталкиваться со все более серьезными проблемами. Нарастание этих проблем выразилось в целом ряде симптомов.

Прежде всего, признание и даже поощрение этнокультурных различий, придание особого значения этому компоненту жизни меньшинств способствовало складыванию на Западе, главным образом в крупных городах, замкнутых анклавов, обитатели которых почти не участвовали в жизни окружающих сообществ. Одним из первых четко сформулированных заявлений по этому поводу стал доклад комиссии Теда Кантла – группы чиновников, общественных деятелей и экспертов под руководством видного деятеля местного самоуправления, которой было поручено изучить причины межэтнических столкновений, прокатившихся по ряду городов Великобритании в 2001 г. *«Нас не удивило, – говорилось в докладе комиссии, – физическое разделение разных групп населения по различным кварталам и жилым комплексам. Но настоящим шоком для нас стала степень поляризации жизни в наших городах. Наличие у разных сообществ отдельных образовательных институтов, общинных и благотворительных учреждений, систем трудоустройства, мест отправления культа, языковых, социальных и культурных связей – все это говорит о том, что общины живут параллельно друг с другом, практически не соприкасаясь. Об их взаимодействии, обмене опытом и ценностями и говорить не приходится»* [2, p. 250].

В самозамыкающихся этнических – прежде всего, мигрантских – общинах начали воспроизводиться (иногда – в более жесткой, утрированной форме) архаические нормы и обычаи, от которых представители данных общин уже начали отказываться у себя на родине. Так, бурные дискуссии в странах Европы вызвали различные формы неравенства мужчин и женщин, сохраняющиеся и даже усиливающиеся в мусульманских общинах, принятая в некоторых из таких общин практика *«договорных браков»* (помимо воли жениха и невесты), случаи *«убийств чести»* – когда отцы и братья убивали дочерей и сестер за неподобающее, с их точки зрения, поведение [2, p. 251; 3]. Все более острое осознание многими представителями меньшинств своей *«инаковости»* в рамках принимающего общества, протест против царящих в этом обществе порядков, несущих, как казалось, угрозу традиционным ценностям, протест против вмешательства властей в уклад этнических анклавов – все это не могло не привести к болезненным столкновениям*. Симптомом неблагополучия стали террористические акты в западных городах, в частности в Лондоне и Мадриде в 2005 г., в организации которых участвовали представители мигрантских общин. В 2005 г. в Париже произошли массовые погромы, вызванные протестом меньшинств против полицейского насилия, а в 2011 г. подобные беспорядки охватили и Лондон, что сделало остро актуальным вопрос о корректировке политики мультикультурализма.

Растущая напряженность в сфере межэтнических отношений вызвала достаточно острую реакцию со стороны большинства населения западных

* Показательны в этом отношении попытки терактов в Великобритании (2007), организованные выходцами из Пакистана, Иордании, Ирака и Ливана. Фигуранты дела имели дипломы медиков, работали во врачебных учреждениях Великобритании, т.е. имели достаточно высокий социальный статус, и их участие в терактах никак нельзя рассматривать как следствие экономического угнетения или социальной дискриминации. Близкий по характеру инцидент – расстрел в 2009 г. американских военнослужащих на базе Форт-Худ Нидалем Маликом Хасаном, палестинцем по происхождению, майором армии США.

стран, о чем, в частности, свидетельствовали данные социологических опросов. Так, в ходе исследования, проведенного в 2003 г. в 18 европейских странах, 80% респондентов ответили, что мигранты, совершившие серьезные преступления, должны подвергаться высылке (даже если эти люди находились в стране на вполне легальных основаниях). 46% заявило, что высылке должны подвергаться мигранты, совершившие любое преступление, 43% одобрило ту же меру в отношении приезжих, долгое время пребывающих без работы. 45% респондентов рекомендовало правительствам более строго относиться к заявлениям людей, претендующих на получение политического убежища, а довольно значительное меньшинство (19%) сделало заявление, резко расходящееся с принципами мультикультурализма – *«мигрантам не следует предоставлять те же права, что и всем остальным»* [4]*.

Озабоченность большинства населения ситуацией, складывавшейся в сфере межэтнических отношений, была вызвана не только угрозами безопасности, которые, в его представлении, несли мигранты, или нагрузкой, ложившейся из-за них на экономику и систему социального обеспечения принимающих стран. Корни протеста были глубже. По словам британской исследовательницы М. Гиберно, культура и ценности приезжих воспринимались во многих случаях *«как "чужие", несущие угрозу национальному единству, национальной культуре и образу жизни»* [6]. Важнейшей формой реакции общества на предполагаемую угрозу национальному единству, размыванию культурного своеобразия принимающего сообщества стал заметный рост популярности в западных странах правонационалистических партий – таких как *«Австрийская партия свободы»*, *«Датская народная партия»*, *«Швейцарская народная партия»*, *«Национальный фронт»* во Франции и др. Некоторым из этих партий, несмотря на давление официального истэблишмента, удалось завоевать достаточно большое количество голосов на выборах, войти в парламент, а в некоторых случаях даже в состав правительства [7]. Какова же была реакция официальных *«верхов»* западных стран на кризисные явления, нараставшие в сфере межэтнических отношений? Как они пытались ответить на все более отчетливо выявлявшуюся к началу XXI в. неприменимость рецептов, ранее лежавших в основе этнополитики?

Отвечая на этот вопрос, нужно прежде всего отметить, что недовольство *«верхов»* западных стран политикой мультикультурализма назревало достаточно давно, выразившись в ряде резонансных заявлений. Так, еще в 2004 г. Тревор Филипс, глава британской Комиссии по расовому равенству, заявил, что мультикультурализм, по сути, является скрытой формой расизма (*«расизмом наоборот»*), ибо ведет к закреплению этнокультурных различий и разделению общества на замкнутые общины. Заявление Филипса стало своего рода сенсацией, поскольку этот общественный деятель, африканец по происхождению, был известен как последовательный сторонник принципов мульти-

* В 2005 г. треть опрошенных корпорацией BBC заявила, что мультикультурализм угрожает британскому образу жизни, несовместим с ценностями британской демократии. Более половины отметило, что *«некоторые части нашей страны из-за мигрантов более не выгладят как Британия»*. В Британии и других странах Европы часты заявления о том, что *«наша страна достигла пределов этнического и культурного разнообразия»* [5, p. 543].

культурализма [8]. В 2006 г., спустя год после терактов в Лондоне британский премьер-министр Тони Блэр выступил с речью, в которой высказал сомнения, не слишком ли британское общество открыто для чужих культур и не приведет ли нарастающее этнокультурное разнообразие этого общества к негативным последствиям [9]. Наконец, в 2008 г. с критикой мультикультурализма выступили влиятельные международные организации – ЮНЕСКО и Комитет министров Совета Европы. Последняя из организаций в своем докладе (*«Белая книга по межкультурному диалогу»*) указала на основополагающие недостатки политики мультикультурализма – восприятие внутренне разнородных этнокультурных общностей как единого целого, искажающее реальную картину общественных отношений, тенденцию к подавлению индивидуальных прав во имя интересов коллектива [10].

На фоне подобных заявлений вполне закономерными выглядели сделанные в конце 2010 – начале 2011 гг. высказывания лидеров ведущих западных стран, которые в глазах большинства экспертов и знаменовали отход от политики мультикультурализма. Речь идет о выступлениях канцлера Германии Ангелы Меркель, премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона и президента Франции Николя Саркози. Во всех этих речах содержалось признание неудачи курса мультикультурализма, но, пожалуй, наиболее развернутое обоснование данного вывода было представлено в речи Кэмерона, который попытался наметить и пути выхода из сложившейся ситуации. Анализируя причины неэффективности этнополитики, проводившейся в последние десятилетия, британский премьер подверг критике *«пассивно толерантное общество»*, которое говорит своим гражданам: *«Мы оставляем тебя в покое, пока ты повинуешься законам»*. Такое общество, подчеркнул Кэмерон, *«относится нейтрально к различным ценностям»*, однако это вовсе не является признаком либерализма. *«По-настоящему либеральная страна стремится к гораздо большему: она верит в определенные ценности и активно продвигает их... Она говорит своим гражданам: именно данные ценности – это то, что определяет вас как общество; принадлежать к нему – значит верить в эти ценности»* [11]. Выступления западных лидеров, в особенности Кэмерона, стали симптомом заметных изменений в этнополитике западных стран, в рамках которой акценты заметно сместились с допущения и даже поощрения этнокультурных различий к принятию мер по обеспечению единства общества, усилению скрепляющих его связей.

В принципе, как отмечалось выше, в той или иной степени подобные меры начали входить в инструментарий этнополитики стран Запада еще с конца 1990-х гг., но на рубеже первого и второго десятилетий XXI века их применение особенно активизировалось. Они, по мнению ряда экспертов, стали в это время складываться в определенную целостную систему. Как отмечает британский исследователь Дж. Александер (2013), европейские нации, одна за другой – независимо от того, какие политические партии ими управляют, правые или левые, открыто или в полускрытой форме – начали сдвигаться от мультикультурализма к более жесткой, ассимиляционной политике [5, p. 545]. К числу мер по поддержанию этнокультурного единства общества относится ужесточение миграционной политики, правил получения гражданства, получения и продления видов

на жительства. На пути допуска в национальное сообщество, на разных стадиях этого допуска – от получения въездной визы до натурализации – все чаще воздвигаются своеобразные шлюзы в виде обязательных тестов, сдача которых должна подтвердить готовность претендента стать полноценным членом данного сообщества. Вопросы тестов по большей части нацелены на то, чтобы выявить знание языка, норм права и норм повседневной жизни принимающей страны, нередко они также касаются особенностей ее истории и культуры.

В некоторых случаях претендентов открыто предупреждают, что на территории принимающей страны они должны будут отказаться от некоторых норм, принятых у них на родине (различные формы традиционного неравенства мужчин и женщин), или смириться с тем, что им может показаться неприемлемым (открытая манифестация гомосексуальной культуры). Для тех, что уже находится на территории страны, все чаще вводятся так называемые *«курсы интеграции»*, посещение которых в ряде стран является обязательным [12; 13].

К числу мер, призванных укрепить этнокультурное или идеологическое единство общества, относится также в некоторых случаях и запрет на манифестацию меньшинствами своей *«особости»* – прежде всего в этноконфессиональной сфере. Широкую известность получил запрет на ношение мусульманками платков и никабов (одеяний, закрывающих тело) во Франции и в Бельгии, запрет на строительство минаретов в Швейцарии. Своеобразным способом стимулировать включение меньшинств в культуру принимающего общества являются и рекомендации, высказываемые западными экспертами и общественными деятелями в адрес мусульманской общины – предложения реформировать некоторые аспекты исламского вероучения так, чтобы оно более соответствовало принятым в Европе нормам и правилам поведения [14]. Разумеется, подобные действия по большей части вызывают у представителей меньшинств протест – они усматривают в них попытки возврата к политике ассимиляции в духе классических государств-наций XIX – первой половины XX в. Обычно западные лидеры и эксперты отвечают на это, что речь идет не об этнической ассимиляции, а о гражданской интеграции, т.е. скрепляющим началом общества в рамках нового курса будет выступать уважение к наднациональным гражданским ценностям – правам личности, демократии, плюрализму и др., а вовсе не гомогенизация в сфере языка и культуры. Следует, однако, заметить, что и эти общегражданские ценности в каждой из западных стран несут *«отпечаток»* национальной почвы, их понимание и применение определяется национальными традициями, т.е. элемент культурного ассимиляционизма все-таки будет иметь место. Как же оценить на фоне данных процессов основные тенденции развития этнополитики в России? В чем она похожа, чем отличается от них?

Если на Западе в качестве исходной точки развития современных этнополитических процессов можно рассматривать политику мультикультурализма, переживающую, как отмечалось выше, в наши дни серьезный кризис, то в России подобной точкой уместно считать курс, утвердившийся в *«верхах»* в 2000 г., после прихода к власти нового руководства страны во главе с В.В. Путиным [15; 16; 17]. Этот курс во многом расходился с западной политикой мультикульту-

рализма, а в чем-то был противоположен ей. Курс Путина, суть которого лучше всего определить понятием *«деполитизация этничности»* (некоторые эксперты говорят о *«нейтрализации»* и даже *«стерилизации»* этничности) во многом явился реакцией на события и процессы 1990-х гг., когда этничность, институционализированная еще в советское время, стала мощным фактором дестабилизации политической жизни страны и даже, по мнению ряда исследователей, едва не привела к ее распаду. В результате в течение первого десятилетия XXI в. усилия властей были направлены на то, чтобы как можно в большей степени вывести этнический фактор за рамки системы политических отношений, создать политическое пространство, максимально свободное от этничности, сделать последнюю элементом преимущественно (или даже исключительно) духовной культуры и частной жизни.

Важным шагом на пути осуществления данного курса стало начавшееся после избрания В.В. Путина на пост президента в 2000 г. усиление административной централизации государства. Особенно сильно оно ударило по национальным республикам в составе Российской Федерации, которые, собственно, и являлись главной формой институционализации и политизации этничности в России. Благодаря действиям полномочных представителей президента в федеральных округах (должности и сами округа введены в мае 2000 г.) в течение короткого срока были пересмотрены уставы и конституции регионов. Из них изымались положения, противоречившие Конституции РФ (в частности, о суверенитете республик, их праве вести самостоятельную внешнюю политику, распоряжаться недрами, объявлять чрезвычайное положение на своей территории и др.). В августе 2000 г. главы регионов, в том числе президенты республик, были удалены из верхней палаты российского парламента – Совета Федерации – что существенно ослабило их политический вес. С 2004 г. отменялись прямые выборы глав регионов (восстановлены в 2012 г.), с 2010 г. руководители республик лишились права именовать себя президентами. В 2003–2008 г. прошла кампания по ликвидации автономных округов – еще одной, наряду с республиками, формы институционализации этничности в РФ – в результате чего было упразднено 6 из 10 данных единиц [18].

Принимая меры, призванные устранить опасность этнически окрашенного регионального сепаратизма, российские власти, как отмечалось выше, стремились и вовсе вывести этничность из сферы политики. Ярким проявлением подобного курса стало в 2001 г. упразднение правительственного органа, занимавшегося реализацией политики в сфере межэтнических отношений – Министерства по делам федерации, национальностей и миграционной политики [19]*. Функции упраздненного Миннаца были переданы департаменту в составе Министерства регионального развития, чем как бы подчеркивалось, что объектом государственного регулирования в России являются не этнические группы, а регионы [20]. На подавление попыток использовать этничность в политических целях был направлен принятый в 2002 г. закон

* До 2004 г. вопросы межэтнических отношений курировал в правительстве В.Ю. Зорин в ранге министра без портфеля.

«О противодействии экстремистской деятельности». В 2003 г. было окончательно запрещено создание политических партий по этническому принципу. С 2002 г. началась работа по пересмотру принятой еще в 1996 г. *«Концепции государственной национальной политики»*, одной из задач которой было закрепление понятия *«национальный»* прежде всего за явлениями общегосударственного характера и *«отвязка»* этого понятия, имеющего явные политические коннотации, от этнической сферы.

Закреплению в сознании общества нового словоупотребления, нацеленного на решительное разведение в разные стороны этнического и политического начал, должна была способствовать и лексика речей, с которыми выступали Путин и его преемник (в 2008–2012 гг.) Д.А. Медведев. По подсчетам российского этнолога Л.М. Дробижевой, понятие *«национальный»* в значении *«общегосударственный»* употреблялось в послании Президента РФ Федеральному собранию в 2000 г. 10 раз, в 2007 г. – 18 раз [21, с. 24]. Ярким проявлением новой идеологии стало выступление Путина в столице Чувашии г. Чебоксары в 2004 г., в ходе которого он заявил: в России, живут представители разных этносов и религий, однако они *«ощущают себя единым народом»*, используют свое многообразие *«в интересах всего общества и государства»*, в результате чего в России сложилось *«национальное историческое единство»*. *«Полагаю, – подчеркнул президент, – что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации»* [22]. В целом курс властей явно предполагал интеграцию российского общества на базе внеэтнических (государственных, политических) начал, что предполагало подавление этничности как источника политической легитимности различных акторов. С содержательной точки зрения подобный курс напоминал политику интеграции, проводившуюся в течение XIX и большей части XX в. в ряде европейских государств, прежде всего во Франции. Не случайно из числа европейских лидеров Путин выделил генерала де Голля в качестве образца для подражания [23]. В целом данная политика казалась достаточно обоснованной, поскольку отвечала назревшей задаче укрепления целостности государства, испытавшего серьезные удары со стороны этнического сепаратизма в 1990-е гг. На деле же ее реализация столкнулась с целым рядом проблем.

Прежде всего, к концу первого десятилетия XXI века выяснилось, что устранить этничность из политики – по крайней мере, в конкретных условиях России данного периода – видимо, невозможно, что, несмотря на все попытки *«стерилизовать»* этнический компонент, он все равно будет проявляться в политической жизни (может быть, из-за отсутствия других ярко выраженных разделительных знаков, маркеров). Так, фраза *«Мы за бедных! Мы за русских!»* стала лозунгом Либерально-демократической партии В.В. Жириновского на выборах в Думу в 2003 г. и позволила ей, с точки зрения ряда экспертов, существенно укрепить там свое представительство. Умеренно-националистическая партия *«Родина»*, созданная, по мнению многих политологов, к выборам как *«проект»* Кремля и призванная оттянуть от себя часть голосов от *«жириновцев»* и коммунистов, неожиданно получила значительную поддержку избирателей (9% голосов), стала вызывать у администрации пре-

зидента явное беспокойство и была в 2006 г. фактически развалена благодаря действиям властей*.

Политика *«нейтрализации этничности»*, нацеленная, как отмечалось выше, на подавление угроз со стороны регионального сепаратизма, не предусматривала в то же время каких-то особых форм учета настроений основной этнической группы страны – русских, составляющих около 82% населения России. Русские, наравне с другими этническими группами, должны были стать одним из компонентов гражданской нации *«россиян»*, призванной интегрироваться на государственных, внеэтнических началах. У целого ряда общественных деятелей и публицистов подобный подход вызвал протест. Они указывали на то, что абстрактные государственно-политические принципы, не связанные ни с какой этнической культурой, устойчивой исторической традицией, являются слишком слабой духовной основой для обеспечения единства страны. По словам одного из наиболее последовательных критиков официальной этнополитики, публициста и политолога М. Ремизова, проект развития России как гражданской нации является административно-бюрократическим по своей природе, он *«спущен»* сверху на страну и не отражает запросов большинства общества. Единственной по-настоящему мощной интегрирующей силой в России является культура, самосознание, исторические традиции русского народа, к которым должны примкнуть (в перспективе – вплоть до полного слияния) все остальные народы России [24]. В течение всего первого десятилетия XXI в. сторонниками укрепления единства страны на основе этнокультуры большинства выдвигались требования обеспечить законодательно-правовую базу именно такому пути развития – принять особый закон *«О русском народе»*, официально придать русскому народу статус *«государствообразующего»*.

Дополнительным фактором напряженности в сфере межэтнических отношений стал заметно усилившийся с начала *«нулевых»* годов приток в центральные районы России, прежде всего в крупные города, массы мигрантов – как внутренних (с Северного Кавказа), так и внешних (из Закавказья и из Средней Азии). Появление в районах традиционного проживания русских большого количества людей из отдаленных регионов, непохожих на окружающих, далеко не всегда ведущих себя в соответствии с нормами большинства, вызывало настроения тревоги, а то и недовольства. При этом, как и на Западе, зачастую решающую роль играло именно расхождение в образе жизни, поведении, ценностях, а не факторы материального плана (соперничество из-за рабочих мест и др.). Так, по данным проведенного в 2011 г. в разных регионах России социологического опроса, 63% респондентов объясняли свою неприязнь к приезжим тем, что они ведут себя *«как хозяева на этой земле»*, а 39% в качестве причины негативных настроений указали на различия *«в поведении людей, их образе жизни»*. Сложившаяся ситуация, разумеется, создавала условия для обострения межэтнических противоречий, что ярко выразилось в ответах опрошенных. 64% русских при опросе согла-

* Говоря о роли этнического фактора в общественно-политической жизни России данного периода, следует упомянуть также о популярности так называемых *«Русских маршей»*, ежегодно проводимых с 2005 г. в День народного единства 4 ноября, и о деятельности националистического Движения против нелегальной миграции (с 2002 г.), запрещенного по решению суда в 2011 г.

сились с утверждением *«люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет, причем у людей иных национальностей этот показатель оказался значительно ниже* (*44%*). 43% русских согласилось с утверждением *«все средства хороши для зашиты интересов моего народа»*. У людей иных национальностей данный показатель составил всего 34%. Подобная ситуация, по замечанию Л.М. Дробижевой, являлась порождением именно *«нулевых»* годов, ибо ранее указанные настроения гораздо чаще встречались у нерусских [24, с. 31, 33].

Неуклонно нараставшее напряжение в сфере межэтнических отношений со второй половины *«нулевых»* начало выливаться в открытые столкновения, отчасти напоминавшие по своему размаху и резонансу беспорядки в европейских столицах. Отличие заключалось главным образом в том, что на Западе движущей силой протестов были представители меньшинств, выступавшие против полицейского произвола, в России же – местное население, недовольное действиями мигрантов и отсутствием реакции на эти действия со стороны органов правопорядка. Особый резонанс вызвали беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 г., в непосредственной близости от Кремля, ставшие одной из причин проведения специального заседания Президиума Государственного совета РФ по вопросам межнационального и межконфессионального согласия. По итогам заседания уже в 2012 г. был создан специальный консультативный орган при Президенте РФ – Совет по межнациональным отношениям, т.е. власть начала постепенно отходить от *«слепоты»* по отношению к этничности, непризнанию ее как объекта государственного регулирования.

В целом, по замечанию политолога О.Ю. Малиновой, к началу электорального цикла 2011–2012 гг. (выборы депутатов Думы, а затем – Президента РФ) было очевидно, что *«"национальный вопрос" в различных его измерениях станет одной из ключевых тем избирательной кампании»* [25, с. 76]. Важнейшим событием этой кампании стала публикация в начале 2012 г. серии предвыборных статей Путина, причем наибольшее количество откликов вызвал как раз материал, посвященный этнополитической проблематике (*«Россия: национальный вопрос»*) [26]. Статья кандидата в президенты стала симптомом важных изменений в российской этнополитике, и в этом плане ее значение было сопоставимо с тем, которое выступления Меркель, Кэмерона и Саркози имели для этнополитики стран Запада.

Учитывая ту роль, которую в политической жизни страны сыграл опубликованный кандидатом в президенты материал, необходимо остановиться на его анализе подробнее. Отмечая значение статьи как своего рода сигнала для изменений в этнополитике, следует в то же время сказать, что открыто разрыв с политическим курсом, проводившимся в течение первого десятилетия XXI в., Путин все же не акцентировал. В публикации достаточно много заявлений, отдающих дань установкам на гражданскую, внеэтническую интеграцию общества. *«Глубоко убежден, – отметил кандидат в президенты¸ – попытки проповедовать идеи построения русского «национального», моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории»*. Подобные попытки открыли бы *«кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности, да и любой дееспособной суверенной государственности на нашей земле»*. Даже критика западного мультикультурализма, содержащаяся в статье, должна

была показать читателю опасность широкого применения в государственной политике этнических начал. Именно акцент на этнокультурные различия между отдельными общинами, по мнению кандидата в президенты, и стал причиной неудачи системы, действовавшей на Западе. В целом все это могло восприниматься как присяга на верность старым принципам развития гражданской нации и, казалось бы, не сулило серьезных изменений в этнополитике государства. Однако в то же время в статье содержались и важные новшества, свидетельствовавшие об изменениях в правительственном курсе.

Важнейшее из новшеств заключалось в том, что Путин, по словам известного политика и бывшего лидера партии *«Родина»* Д.О. Рогозина, *«вывел русский вопрос из подполья»* [27]. Хотя сущность российского государственно-национального единства определялась в статье достаточно расплывчатым термином *«цивилизация»* (это общность явно не гражданская, но в то же время и не строго этническая), скрепляющим началом этой общности объявлялся именно русский народ. Для поддержания целостности России, подчеркивал Путин, необходимо *«сохранение русской культурной доминанты»*, в объединении, скреплении полиэтнической российской цивилизации заключается *«великая миссия русских»*. Важнейшей новацией предвыборной статьи стало провозглашение русского народа *«государствообразующим»* (*«по факту существования России»*), т.е. признание за ним особого, отличного от других народов статуса. Благодаря использованию данного понятия, по справедливому замечанию О.Ю. Малиновой, в официальную риторику проникла терминология русского национализма, чего ранее высокопоставленные лица всячески старались избегать [25, с. 85]*.

Признание особой роли русского народа побудило автора статьи в целом уделить много внимания роли этнического фактора в государственной политике. Это, в частности, выразилось в заявлениях, касающихся проблем миграции. В статье указывалось, что люди, приезжающие на новое место жительства, должны *«с уважением относиться к местным обычаям, к обычаям русского народа и всех других народов России»*. Значительную часть статьи составило перечисление тех мер, которые следовало принять в сфере регулирования межэтнических отношений – усиление преподавания в школах истории, русского языка и русской литературы, введение специальных экзаменов для лиц, желающих получить или продлить миграционный статус в России. Нетрудно заметить, что последняя мера совпадает с политикой, реализуемой в западных странах, а возможно, и напрямую опирается на их опыт. Наконец, кандидат в президенты предложил воссоздать в правительстве специальный орган, ответственный за реализацию этнополитики, что было явным отходом от курса на деполитизацию этничности.

В соответствии с выдвинутыми Путиным предложениями после его избрания на третий президентский срок был принят ряд мер – в частности, с 1 января 2015 г. трудовые мигранты и желающие получить вид на жительство в России начали сдавать экзамены по русскому языку, праву и русской истории. В апреле

---

* Отметим также, что прилагательное *«национальный»*, которое ранее пытались зарезервировать за явлениями общегосударственного характера, вновь, как это следует из самого названия статьи, стало связываться с этническими отношениями.

этого года в составе правительства было создано Федеральное агентство по делам национальностей. В 2012 г. после длительного обсуждения правительством был принят основополагающий документ в сфере регулирования межэтнических отношений – *«Стратегия государственной национальной политики РФ»*. В целом, если оценивать свершившийся в начале второго десятилетия XXI в. поворот в сфере российской этнополитики, то его суть можно определить как *«реабилитацию этничности»* – если не прекращение, то ограничение попыток вывести этнический фактор за пределы политического поля, признание за этническими группами роли политических акторов и, видимо, в перспективе выстраивание их в определенную иерархию с акцентом на особое значение русского народа*. В известной степени этот поворот можно расценивать как возвращение российской этнополитики к некоторым принципам советского национального строительства, прибегавшего, как указывалось выше, к институционализации этнических начал. В развитии российской этнополитики, таким образом, прослеживается определенная цикличность.

О наличии циклов в развитии этнополитики последних лет можно, как отмечалось ранее, говорить и применительно к странам Запада. Здесь на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. прозвучали резонансные заявления лидеров ведущих государств, признавших кризис системы мультикультурализма. Меры, осуществляемые в сфере регулирования межэтнических отношений в последние годы на Западе, довольно сильно расходятся с основами мультикультурного подхода – они нацелены в первую очередь на сдерживание растущего этнокультурного разнообразия общества, обеспечения единства социума на базе общих ценностей. Суть курса, в рамках которого реализуются данные меры, описывается разными терминами – от *«нео-ассимиляционизма»* до *«гражданского интеграционизма»*. Разумеется, о возвращении к системе этнокультурной ассимиляции и гомогенизации, характерной для классических европейских наций-государств XIX – середины XX в., речи не идет. И все же очевидно, что в сфере регулирования межэтнических отношений на Западе происходит определенное возвращение к принципам, действовавшим до утверждения системы мультикультурализма. Насколько далеко зайдет движение в сторону интеграционизма на Западе, насколько значительной окажется *«реабилитация этничности»* в России? Об этом можно только гадать. Очевидно, однако, что в настоящее время и Россия, и Запад находятся в начальной стадии нового этнополитического цикла. Какими будут его продолжение и завершение – покажет будущее.

Список литературы

[1] *Malik, Kenan.* The Failure of Multiculturalism. Community Versus Society in Europe //Foreign Affairs. 2015. March-April.

[2] *Joppke, Christian.* The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy //British Journal of Sociology. Vol. 55. No. 2. July 2004. P. 250.

* Не случайно сразу после публикации статьи Путина, упоминавшей о *«государствообразующей»* роли русского народа, в блогах началось активное обсуждение возможности признания подобной роли за титульными народами в национальных республиках РФ [25, с. 88].

[3] *Наумкин В.* Мусульмане на Западе //Международные процессы. Т. 8. № 3 (24). Сентябрь-декабрь 2010. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-four/004.htm (дата обращения: 01.08. 2016).

[4] *Mudde, Cas.* The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy //West European Politics. Vol. 33. No. 6. November 2010. P. 1176.

[5] *Alexander, Jeffrey*. Struggling over the Mode of Incorporation: Backlash against Multiculturalism in Europe //Ethnic and Racial Studies. Vol. 36. No. 4. 2013.

[6] *Guibernau, Montserrat.* Migration and the Rise of the Radical Right: Social Malaise and the Failure of Mainstream Politics. Policy Network. London, 2010. P. 6.

[7] *Mudde, Cas.* The Relationship between Immigration and Nativism in Europe and North America. Washington DC, 2012. P. 5, 16–17.

[8] *Pero, Davide.* Migrants, Cohesion and the Cultural Politics of the State: Critical Perspectives on the Management of Diversity // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 39. No. 8. 2013. P. 1253–1254.

[9] *Карпов Г.* Великобритания: демография против мигрантов и мультикультурализма //Современная Европа. 2014. № 2. С. 112.

[10] *Kymlicka, Will. Defending Diversity in an Era of Populism: Multiculturalism and Interculturalism Compared . In:* Nasar Meer, Tariq Modood and Ricard Zapata-Barrero (eds) Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 158–77.

[11] Выступление Д. Кэмерона на конференции по безопасности в Мюнхене, 5 февраля 2011 г. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference (дата обращения: 01.08.2016).

[12] *Triadafilopoulos, Triadafilos.* Illiberal Means to Liberal Ends? Immigrant Integration Policies in Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 37. No. 6. July 2011. P. 862–870.

[13] *Hampshire, James.* Liberalism and citizenship acquisition: how easy should naturalization be? // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 37. No. 6. July 2011. P. 956–957, 963–967.

[14] *Наумкин В.* Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. Т. 8. № 2 (23). Май-август 2010. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-three/002.htm (дата обращения: 01.08.2016).

[15] *Тишков В.А.* Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России //Вестник Российской нации. 2009. № 6.

[16] *Федосов П.А.* Государственное регулирование этнополитических и этносоциальных процессов в Российской Федерации //Политическая наука. 2010. № 1.

[17] *Ратленд П.* Присутствие отсутствия: об этнической политике в России //Полис. 2011. № 2.

[18] *Савинов Л.* Объединение субъектов российской Федерации: результаты и перспективы //Вестник Российской нации. 2014. № 1.

[19] *Тишков В.А.* Прощание с Миннацем //Независимая газета. 21.11.2001. URL: http://www.ng.ru/politics/2001–11–21/2_minnats.html (дата обращения: 01.08.2016).

[20] *Никитин М.* Эволюция государственной национальной политики России (период Минрегиона РФ) //Вестник Российской нации. 2014. № 6.

[21] *Дробижева Л.* Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ //Вестник Института Кеннана в России. Вып. 20. М., 2011. С. 24.

[22] *Путин В.В.* Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. 5 февраля 2004 г. Чебоксары. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22349 (дата обращения: 01.08. 2016).

[23] *Медведев Р.* Владимир Путин: продолжение следует. М.: Время, 2009. С. 186.

[24] *Ремизов М.* Пять причин быть русскими //Эксперт. 2011. № 36. 12 сентября.

[25] *Малинова О.Ю.* Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина //Pro et Contra. Май-июнь 2012.

[26] *Путин В.* Россия: национальный вопрос //Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012–01–23/1_national.html (дата обращения: 01.08.2016).

[27] *Рогозин Д.* Русский ответ Владимиру Путину //Известия. 31.01.2012. URL: http://izvestia.ru/news/513702 (дата обращения: 01.08.2016).

МЕНЬШИНСТВА, ДИАСПОРЫ, МАЛЫЕ ГРУППЫ: ФЕНОМЕН ДВОЙНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Буданов М.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Двойная лояльность представляет собой противоречие между юридической гражданской принадлежностью (подданством) индивида или социальной группы с одной стороны и идеалом исторического прогресса с другой. В контексте российской действительности этот феномен массового сознания оказывается явлением идеологического и политического порядка. Минимизация фактора двойной лояльности необходима для формирования множественной непротиворечивой идентичности устойчивой гражданской нации.*

Ключевые слова: *российская гражданская нация, двойная лояльность, массовое историческое сознание, национальная и конфессиональная идентичность, российская цивилизация.*

Под двойной лояльностью в данной работе понимается сложная самоидентификация мигрантов, представителей этнических меньшинств, диаспор, которая основывается на сохранении изначальных культурных приоритетов, несмотря на перемещение данных индивидов или коллективов в иную цивилизационную среду. Другой вариант трактовки понятия – двойная лояльность как комплекс скрытых политических пристрастий малой группы, ведущих к политической неблагонадёжности по отношению к существующему политическому режиму. Иными словами говоря, неактивная оппозиционность, то, что можно выразить фразеологизмом *«быть себе на уме»*. Этот феномен современного массового сознания часто носит фантомный характер и может произрастать из особенностей как этнической, так и конфессиональной самоидентификации индивида. К специфическим чертам двойной лояльности в условиях общества информационного типа можно отнести следующее:

- чаще оказывается результатом личного выбора индивида;
- существует параллельно гражданской принадлежности (подданству);
- возникает как в полиэтничном, так и в моноэтничном гражданском сообществе;
- длительное время может находиться в *«спящем»* состоянии;

* *Буданов Максим Александрович* – к.и.н., доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

- служит основой для возникновения *«малых групп»* внутри гражданского общества.

В российской действительности сложная самоидентификация на основе двойной лояльности в большинстве случаев носит социокультурный характер, но со временем может приобретать и политическую нагрузку. Поэтому для исследователя в этом вопросе важно определить, когда проблема комплексов *«исторической неполноценности»* и цивилизационной неудовлетворённости может переходить в разряд геополитических факторов. В связи с этим нелишним будет описать примерный механизм зарождения и первоначального развития изучаемого феномена. Для начала важно понять, что двойная лояльность в условиях информационного общества, прежде всего, проблема сложной идентичности – неоформленной на личном уровне. Она зарождается как особенность самоидентификации индивида, а затем при определённых благоприятных условиях может переходить в категорию массового сознания. К примеру, внешняя неустроенность социальной и хозяйственной жизни, политическая нестабильность вызывают не только разочарование в существующем политическом и социальном строе, но и желание *«исправить»* его, поначалу в собственном воображении, а затем и в действительной жизни.

В обывательском восприятии исторического процесса в центре внимания всегда оказываются события, часто именуемые переломными. В момент их совершения они виделись современникам как развилки исторического пути. Ретроспективное отношение в массовом сознании к причинам нынешних потрясений и трудностей легко объяснимо. Именно вариативность (зачастую мнимая) исходов таких моментов истории и может порождать отрицание *«легитимности»* политических реалий дня сегодняшнего. Таким образом, мы имеем дело со своеобразным уходом от реальности. Но пока политический и социальный организм, обволакивающий потенциально оппозиционные *«малые группы»*, практически здоров, их разрушительные устремления бесполезны и бесперспективны. Протестная энергия пребывает в *«дремлющем»* состоянии, а соответствующий индивид предпочитает роль человека *«из большинства»*. Внешняя лояльность, назовём её условно *«легальной»*, оказывается вынужденной, а лояльность внутренняя, искренняя оказывается убранной в глубокое подполье внутреннего мира человека.

Контекст понятия *«двойная лояльность»* заключается в противоречии между юридической гражданской принадлежностью (подданством) индивида или социальной группы с одной стороны и идеалом исторического прогресса с другой. Идеал (картина идеального) исторического пути свойственен практически любому крупному политическому образованию в человеческой истории, будь то национальное государство или империя. Этот идеал тесно связан с коллективным ответом на вопрос о цели (смысле) существования государства, его миссии во всемирно-историческом аспекте. Для современной России эта тема особенно важна в настоящий момент, т.к. исторически она складывалась в соперничестве с другими территориальными державами. Сегодня память о проигравших в той драматической борьбе оживает на фоне обострения разнообразных политических проблем нашей страны, могущих приобрести и фатальный характер:

демографическая обстановка, непростые межнациональные и межконфессиональные отношения, экономическая ситуация и т.п. В своё время Российское государство вышло победителем в противостоянии с Золотой Ордой, Речью Посполитой, Османской империей, территориальные приобретения в результате этих успехов обусловили этническую пестроту и культурное многообразие страны. В то же время кризисное состояние государственности, социума, экономики может вызвать у определённой части населения разочарование в самом историческом пути России, её цивилизационной сути и, как следствие, ностальгическое отношение к отжившим империям. Разумеется, подобные процессы сопровождаются активным мифотворчеством, происходит не только оживление исторических призраков, но и порождение немыслимых ранее преувеличенных представлений о достижениях проигравших геополитических конкурентах нашего государства.

Такой проблемы в значимом масштабе нет ни у стран Старой Европы, ни у США, поскольку их исторические соперники, оставив победителям в качестве трофея заметную часть своего генофонда, ушли что называется *«до конца»*, а имеющиеся этнические и религиозные меньшинства имеют, как правило, неавтохтонное происхождение. Хотя в большинстве случаев под двойной лояльностью понимается сложная самоидентификация мигрантов, представителей этнических меньшинств, диаспор (такая самоидентификация основывается на сохранении изначальных культурных приоритетов, несмотря на перемещение данных индивидов или коллективов в иную цивилизационную среду), существует и параллельный вариант трактовки понятия – комплекс скрытых политических пристрастий малой группы, ведущих к политической неблагонадёжности по отношению к существующему политическому режиму.

Тем не менее проблема двойной лояльности, например, в англоязычной литературе преподносится преимущественно как проблема культурной адаптации и социализации мигрантов [11; 9]. В рамках концепции транснационализма возникло даже понимание феномена двойной лояльности как потенциально позитивного выражения мультикультурализма, которое может способствовать разнообразию и силе гражданского общества [10; 8; 7]. В частности, указывается на то, что двойная лояльность способствует более мягкой аккультурации приезжих, приобщению их к новому хозяйственному укладу, препятствует замыканию этнических диаспор. Наконец, двойная лояльность неизбежна в условиях высокой горизонтальной мобильности в глобальном мире, поэтому необходимо признавать право на неё индивида и сообщества. В свою очередь российская социологическая наука, как правило, не связывает проблему этнокультурной трансформации и интеграции мигрантов с двойной лояльностью. Противоречия, вызванные полиэтничностью социума, предлагается разрешать путём повышения уровня толерантности, качества кросс-культурных связей, укрепления этнического согласия [6]. Поэтому можно утверждать, что в контексте российской действительности двойная лояльность представляется главным образом явлением идеологического и политического порядка.

Уже беглого взгляда на ситуацию с отечественным массовым историческим сознанием достаточно, чтобы оценить катастрофичность положения. Плюра-

лизм мнений и оценок в нашем информационном пространстве простирается на все без исключения пункты исторического пути российской цивилизации. Архетипические элементы коллективной памяти, которые в большинстве зарубежных стран табуированы, закрыты для критики и переосмысления, в нашей стране легко подвергаются не только сомнению, но и публичному осмеянию. Проблема для России и в том, что оба наших цивилизационных проекта – Российская империя и СССР – так и остались не реализованными полностью, не были доведены до политического и идеологического *«триумфа»*. Картина будущего в рамках этих проектов для массового сознания так и осталась смутной, во многих аспектах – даже категорически не убедительной. В этих условиях разочарование охватывает и значительную часть собственно русского населения, и одновременно в массовом восприятии становятся привлекательными политические проекты в русле национального эгоизма, исторически бесперспективные, но кажущиеся для части общества реализуемыми в условиях обострения международной конкуренции. К подобным фантомам можно (с оговорками) отнести многочисленные шовинистические идеи: от т.н. родноверия до Уральской и Сибирской *«республик»*. Характерно, что для многих современных великорусских националистических трактовок несвойственен даже панславизм. Идея уютной *«национальной квартиры»* оказывается притягательной в условиях глобальной напряжённости и потрясений больших государств. С другой стороны, как правило, национальный эгоизм в чистом виде, идея этнически *«чистого»* государства сами по себе не ведут к созданию оригинальной картины исторического прогресса, пониманию смысла истории. Это более характерно для конфессиональных сообществ.

Двойная лояльность в современной России может иметь несколько проекций:

- хронологическую (например, *«Назад в СССР»*);
- цивилизационную (идеи всемирного халифата, западничества-смердяковщины и проч.);
- этно-географическую (*«живу в России, но душой я – на исторической родине»*).

В каждом варианте из трёх возможно и *«дремлющее»* состояние, и политически актуализированное. Но угрозой для стабильности общества и целостности государства двойная лояльность будет в любом случае. Наиболее распространённые исторические образы, служащие фундаментом для возникновения двойной лояльности:

- *«Великий Туран»* (как вариант – *«Золотая Орда»*);
- *«Османская империя»* (как исторически зримое воплощение халифата);
- *«Речь Посполитая»;*
- *«Великая Финляндия»;*
- *«Европейская»* Россия – несостоявшаяся полноправная часть западного мира.

Это далеко не полный список. Почвой для рождения *«альтернативных»* политических и цивилизационных образов может послужить любой поворотный момент истории, любой культурно самобытный регион большой страны. В современном русскоязычном информационном пространстве идеологическая платформа двойной лояльности с антироссийским оттенком нередко представляет собой комбинацию национального эгоизма и фантомного имперского проекта. Тем очевиднее, что российское общество оказывается уязвимым по отношению, условно говоря, к *«внутренним альтернативам»*. События 15 декабря 2010 г. в Москве служат тому подтверждением: массовые стычки, спровоцированные выходцами из кавказских республик РФ в ответ на выступления русской молодёжи на Манежной площади 11 декабря. Одним из лозунгов в социальных сетях оказался *«Восстановим СССР без русских!»* [12].

Фактор двойной лояльности может актуализироваться в связи с изменениями текущей политической ситуации (например, осложнение российско-турецких отношений), с ухудшением социально-экономического состояния в стране (*«если бы умная нация завоевала глупую, то ...»*). Особенно заметную проблему в этом ключе представляет собой образ Османской империи, давно померкший на политической карте мира, но не изжитый из сердец некоторых граждан Российской Федерации. Причины этой проблемности содержатся в трёх факторах: во-первых, суннитском – турецкие султаны в своё время провозглашали себя халифами, т.е. духовными владыками мусульман-суннитов, а сегодня 92% мусульман в России – сунниты [14]; во-вторых, в тюркском – в России проживает не менее 9,5 млн. человек, принадлежащих к тюркоязычным этносам [13]; в-третьих, в факторе исторической памяти – долгое время для нескольких регионов России (Поволжье, Крым, Северный Кавказ) *«османский»* сценарий развития был вполне воплотим. Проникновение Оттоманской империи севернее Чёрного моря было в XVI в. многократно и не всегда безуспешно – осада Астрахани в 1569 г., поход на Москву турецких войск вместе с Девлет-Гиреем в 1572 г. Если образ Великого Турана не более чем комплекс идей пантюркизма, далёких от политического воплощения, то Оттоманская империя Баязида Молниеносного и Сулеймана Великолепного – вполне исторически состоявшийся имперский проект, держава, грозившая когда-то Европе [4]. И сегодня образ Османской империи – только один из нескольких привлекательных образов для граждан с двойной лояльностью. Разумеется, из выше приведённых статистических данных не следует, что большинство суннитов – российских граждан – тайные симпатизанты Османской империи. Но поле для идеологической работы у сторонников подобных фантомных проектов, особенно среди молодёжи, очень большое.

Кроме него существует ещё более распространённый тип исторического сознания, ориентированный уже на западный мир. Тип достаточно примитивный в оценочных суждениях о России, её исторических заслугах и перспективах, но немолодой и очень живучий, блестяще описанный Ф.М. Достоевским в романе *«Братья Карамазовы»* в образе Смердякова. Убедительно состоявшийся в экономическом, политическом, научно-техническом отношениях, западный культурно-исторический тип в высшей степени привлекателен для цивилиза-

ционной периферии. По сути, локальная цивилизация, возникшая в Западной Европе, оказалась способной претендовать на статус глобальной всемирной цивилизации. Здесь нет возможности отразить дискуссии о том, насколько возможна интеграция российской цивилизации в этот прозападный глобальный проект, может ли она органично в него вписаться, или же здесь присутствует неодолимая чужеродность двух культур. Речь пока идёт об однозначной привлекательности западной цивилизации как факторе двойной лояльности в нашем обществе. И этот фактор проявляется подчас в неожиданном для многих контексте, например, в свете нынешнего политического раскола Украины. Раскол этот – прямое следствие более ранних по времени центробежных процессов в русском культурном пространстве на рубеже XIX–XX вв., когда большая Россия воспринималась частью малороссийской интеллигенции как анти-Европа или недоЕвропа [1]. И из этого следует, что в своём цивилизационном развитии историческая (*«Большая»*) Россия не имела права на ошибку (революции, проигранные войны и проч.). Как мы видим, при обострении экономической, социальной обстановки в стране неизбежно всплывала историческая память малых групп, память действительная или же воображаемая, большого значения в данном случае это не имеет. Существует и ещё один аспект проблемы. В новейшей истории на постсоветском пространстве имеется немало примеров того, как целенаправленная антироссийская политика государственной власти по насаждению в образовательных программах тенденциозных трактовок исторических событий приводила к ожидаемым сдвигам в массовом сознании русскоговорящего населения [5]. Подобные манипуляции могли иметь и побочный эффект среди части российского общества.

Сегодня массовое историческое сознание российского социума пребывает в воспалённом и плохо регулируемом состоянии. Так, весьма характерную картину удаётся получить, фиксируя отражение интересующих нас сторон массового сознания в сети Интернет. Для рассмотрения были выбраны только те сообщества, деятельность которых заключается в распространении сведений идеологического и пропагандистского характера, что в свою очередь можно определить благодаря контент-анализу ленты новостей и записей группы. Отброшены были сообщества ролевых игр, коммерческих структур, официальных СМИ, зарубежных политических организаций и НКО. Сразу необходимо оговориться, что спецификой социальных сетей в Интернете является частое дублирование профилей пользователями, поэтому ни в коем случае нельзя утверждать, что количество зарегистрированных подписчиков будет обязательно совпадать с числом реальных людей. Кроме того, доля граждан России среди пользователей русскоязычных сетей и сообществ, как правило, не превышает двух третей от общего числа [15]. Следовательно, среди адептов той или иной идеологической концепции могут преобладать или составлять статистически значимую величину граждане государства – бывшей республики СССР, либо эмигранты в первом и втором поколениях, т.е. индивиды по факту уже разрешившие для себя дилемму двойной лояльности. Наконец, далеко не всегда информационный интерес к той или иной политической проблеме однозначно свидетельствует об идеологических пристрастиях индивида. Тем не менее факт наличия подобных сообществ, бурное обсуждение в их новостных лентах аль-

тернативных исходов исторических событий сами по себе очень симптоматичны. Вот очень сокращённый перечень результатов обследования информационного пространства по данной теме: на 30 июня 2016 г. в трёх русскоязычных социальных сетях (Вконтакте, Моймир, русскоязычный сегмент Фейсбука) было зарегистрировано 471 сообщество, посвящённое возрождению в том или ином виде Османской империи. Общее количество подписчиков данных сообществ составило более 82 тысяч. 26 сообществ посвящено истории и идеологии мюридизма на Северном Кавказе (28 тыс. подписчиков), 322 группы – Золотой Орде (31 тыс. подписчиков), 36 сообществ с 14 тыс. подписчиков – цивилизационному и политическому единству финно-угорских народов, проживающих ныне на территории Российской Федерации.

Для большинства подобных сообществ характерны следующие черты, позволяющие классифицировать их деятельность как идеологическую:

- ставятся под сомнение общепринятые в научной и учебной литературе трактовки исторических событий и процессов – исходы военных конфликтов и отдельных сражений, расширение границ России и т.д., а так называемой официальной исторической науке вменяется в вину политическая ангажированность и необъективность выводов (в качестве иллюстрации можно привести распространённое среди подписчиков проосманских сообществ убеждение в том, что Российская империя проиграла большинство русско-турецких войн);
- пересматриваются результаты общеизвестных событий – число жертв конфликтов, соотношение военных потерь и проч. (к примеру, тиражируется утверждение, что в результате геноцида адыгского народа Российской империей целенаправленно было уничтожено 4/5 всех черкесов);
- меняется иерархия значимости событий (победа казаков Выговского и крымских татар над русскими войсками под Конотопом для истории Украины важнее Переяславской рады);
- допускается манипуляция историческими фактами, ведущая к искажению исторической картины (например, утверждается, что истинная суть советского общества проявилась не в общенародном подвиге в годы Великой Отечественной войны, а в трагедии массовых политических репрессий 30-х гг.). Учитывая практически поголовное историческое невежество наших сограждан и манипуляционные возможности в современном информационном пространстве, можно представить масштабы потенциальной угрозы распространения фактора двойной лояльности в российском обществе.

К комплексу причин уязвимости российского общества в отношении манипуляции историческим массовым сознанием можно отнести ещё и следующие его специфические черты:

- отсутствие общепризнанных и бесспорных оценок ключевых моментов российской истории (от крещения Руси до событий начала XXI в.);
- дискуссионность т.н. *«человеческой цены»* практически всех геополитических достижений российской цивилизации;

- беспрецедентно высокая планка гуманистического отношения к политике и общественной деятельности, заложенная русской литературой и в целом российской культурой XIX–XX вв., а также привычка к рефлексии, исторической самооценке и самокритике в российской интеллектуальной традиции.

Таким образом, в нынешних условиях любое событие нашей истории легко может быть подвергнуто пересмотру, переоценке, уничтожающей критике любым субъектом информационного пространства, причём без каких-либо научных оснований, а в обществе обязательно найдутся сторонники *«свежего»* взгляда на историю. В конечном итоге главной жертвой подобных идеологических процессов оказывается даже не массовое историческое сознание, а концепция российской гражданской нации.

Профилактика двойной лояльности видится крайне сложной задачей. Невозможно запретить мыслить, ненавидеть, воображать. Совершенно неприемлемо и распространение в обществе атмосферы доносительства, скатывание к вещам, подобным политике маккартизма в США 1950-х гг. А явления, связанные с пропагандой насилия, свержения существующего конституционного строя, проявлением разного рода нетерпимости, должны отслеживаться правоохранительными органами в соответствии с существующим законодательством. Для начала следовало бы указать на несколько дежурных пунктов публичной общественно-политической и научной деятельности. Необходима качественная популяризация исторических научных сведений, предоставление места в СМИ для научно-исторической дискуссии. Научно-экспертное сообщество соответствующего профиля вполне способно осуществить следующие задачи: локализация в русскоязычном информационном пространстве очагов (источников) возникновения идеологем двойной лояльности и адресная идеологическая работа с ними (малые группы, образованные по конфессиональному или этнокультурному принципу), выявление уязвимых элементов массового исторического сознания (часто встречающиеся пробелы в историко-географических представлениях населения или ошибочные представления), конкретизация представлений об альтернативных цивилизационных проектах и контент-анализ их идеологий.

В современной ситуации, когда империй нет, но сохраняются имперские амбиции у геополитических субъектов, устойчивая гражданская нация может быть сконструирована только при условии формирования множественной непротиворечивой идентичности. Важнейшим звеном в этом процессе оказывается минимизация фактора двойной лояльности.

Список литературы

[1] *Бузина О.А.* Союз плуга и трезуба: как придумали Украину. Киев, 2013.

[2] *Ванаханен Т.* Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме. М., 2014.

[3] *Казаринова Д.Б.* Наднациональная идентичность и ценностный дискурс в процессе регионального интеграционного строительства // Вестник российской нации. 2016. № 1. С. 124–138.

[4] *Машанов М.А.* Верховная власть в исламе // Православные богословы об исламе. М., 2006.

[5] *Полунов А.Ю.* Власть, идеология и проблемы исторического самосознания: русское население Крыма в 2005–2010 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 16. М., 2014. С. 432.

[6] *Сажина В.А.* Москва многонациональная: взгляд на улицу VS статистики // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск 50. Июнь, 2015. С. 153.

[7] *Renshon, S.A.* Dual Citizenship and American National Identity. Washington, D.C.: Center for Immigration Studies. 2001.

[8] *Smith, T.* Ethnicity, Immigration, and the American National Community. Washington, DC: Center for Immigration Studies. 2001.

[9] *Vertovec S.* Religion and diaspora. //New Approaches to the Study of Religion 2, 2004. P. 275–304.

[10] *Waldinger R., Fitzgerald D.* Immigrant "Transnationalism" Reconsidered. UCLA. 2003.

[11] *Waldinger R., Fitzgerald D.* Transnationalism in Question. //Volume 109 Number 5 (March 2004): P. 1177–1195.

[12] *«Турция формирует романтический образ Османской империи, считают в Ереване»*. ИА *«Регнум»* URL: http://regnum.ru/news/society/2058964.html (дата обращения: 25.05.2016).

[13] *«Вот какие мы – россияне»*. Об итогах всероссийской переписи 2010 г. //Российская газета. 22.12.2011. URL: www.rg.ru/2011/12/16/stat.html (дата обращения: 25.05.2016).

[14] Атлас религий и национальностей России. URL: http://sreda.org/arena? mapcode=code12956 (дата обращения: 25.05.2016).

[15] Статистика социальных сетей. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author (дата обращения: 25.05.2016).

ПРИОРИТЕТЫ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Дмитриева Т.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Наряду с наличием определенных достижений по созданию действенной системы управления миграцией в России существует ряд нерешенных вопросов в сфере интеграции мигрантов. В связи с расширением Евразийского экономического союза имеющий тенденцию к росту контингент иностранных граждан акторов политики интеграции, тем не менее, незначителен в сравнении с местным населением. Анализ применения механизмов политики интеграции на практике позволяет сделать вывод о приоритетности совершенствования взаимодействия между органами государственной власти и институтами гражданского общества, в том числе национальными объединениями.*

На фоне миграционного кризиса в Европе ситуация, связанная с пребыванием иностранных граждан в Российской Федерации, выглядит более чем стабильно. По мнению директора Бюро Международной организации по миграции в Москве Златко Жигича, миграционная политика Евросоюза дала сбой, а Россия демонстрирует безупречную миграционную политику и проводит ее в жизнь превосходно [1]. Деятельность государства в этом направлении обеспечена комплексом нормативно-правовых актов, принятых на первом этапе реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (далее–Концепция) с 2012 по 2015 год. Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко считает, что Россия многое делает для создания действенной системы управления миграцией, сочетая усиление миграционного контроля, борьбу с нарушителями законодательства, с поддержкой легальных мигрантов, повышением их правовой и социальной защищённости. Тем не менее существует ряд нерешенных вопросов, в их числе создание необходимых условий для успешной интеграции мигрантов в российский социум, обеспечение дополнительных мер по содействию их адаптации, предотвращению конфликтов с коренным населением [2].

Действительно, до настоящего времени законодательно не закреплены функции и полномочия органов государственной власти всех уровней в области адаптации и интеграции, не определен федеральный орган исполнитель-

* *Дмитриева Татьяна Николаевна*, начальник отделения содействия интеграции и адаптации мигрантов отдела по работе с иностранными гражданами, член Экспертного совета ОПГМ УФМС России по г. Москве.

ной власти – координатор деятельности в данной сфере. Требует доработки профессиональный стандарт *«Специалист в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений»*. Интеграция как процесс включения мигрантов в принимающий социум и как политика, то есть определение форм, задач, содержания деятельности государства в этой сфере, нуждается в актуальном законодательном, институциональном и инструментальном обеспечении.

В ходе работы с национальными сообществами в рамках содействия адаптации и интеграции мигрантов автором изучено состояние инфраструктуры для социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Москве, рассмотрен потенциал национальных объединений, функционирующих на территории столицы как акторов политики интеграции. Посредством структурно-функционального анализа проведена оценка эффективности имеющегося инструментария политики интеграции, выявлен ряд недостающих элементов для достижения успеха в ее реализации.

Инкорпорирование мигрантов в принимающее сообщество можно представить в виде двухуровневого процесса: сначала адаптация иностранного гражданина по интеграционному сценарию, затем собственно интеграция. В соответствии с таким разделением дифференцируются и категории иностранных граждан – участников соответствующих процессов.

Временные мигранты, пребывающие в Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности, являются участниками процесса адаптации, важной составляющей которого должна стать домиграционная подготовка в странах происхождения. К акторам процесса интеграции целесообразно отнести ряд категорий иностранных граждан, длительное время находящихся на территории РФ. Это иммигранты, имеющие статус временно либо постоянно проживающего лица, а также вынужденные мигранты. В сравнении с местным населением их численность весьма незначительна. Например, суммарная численность указанных категорий в Москве около 60 тысяч человек, при том что население столицы превышает 12 миллионов. Тем не менее показатели по временно и постоянно проживающим демонстрируют устойчивую тенденцию к росту [3].

Наиболее многочисленный контингент иностранных граждан, для которых желательно включение в социум на уровне интеграции, составляют члены семей трудящихся мигрантов (супруги и дети) из стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), находящиеся на территории РФ на срок действия трудового или гражданско-правового договора работающего мигранта. Например, в Москве наиболее многочисленны среди граждан государств с безвизовым режимом въезда в Российскую Федерацию, и, соответственно, среди граждан стран–участниц ЕАЭС, представители Киргизии. На 31 декабря 2015 года в столице находилось свыше 175000 граждан этой среднеазиатской республики (14,3% от всего безвизового контингента), что составляет около 1,5% от московского населения [3].

Наиболее перспективная для интеграции категория иностранных граждан – дети легальных мигрантов. Дети иностранных граждан, нарушающих российское законодательство, как правило, следуют за родителями (законными

представителями) и покидают пределы страны. Образование детей иностранных граждан в российских учебных заведениях представляется наиболее регулируемой составляющей процесса интеграции мигрантов. Кроме того, успешная интеграция детей может стать катализатором интеграции взрослых.

К сожалению, в отношении численности несовершеннолетних иностранных граждан в каждом конкретном регионе, продолжительности их пребывания на какой-либо территории можно сделать лишь приблизительные оценки, экстраполируя процентные соотношения, полученные посредством исследования общероссийских данных, публикуемых Федеральной миграционной службой. Точность федеральных сведений обусловлена наличием данных о пересечении каждым индивидом государственной границы Российской Федерации. До принятия решения о ликвидации Федеральная миграционная служба ежемесячно публиковала сведения об иностранных гражданах, находящихся на территории России, в том числе по продолжительности [4]. Исследования сроков пребывания несовершеннолетних иностранных граждан в течение первого квартала 2016 года позволяют сделать следующие выводы. На фоне снижения общей численности находящихся в России несовершеннолетних иностранцев на 4% в течение первого квартала 2016 года наблюдается положительная динамика в отношении длительно находящихся детей и в абсолютных и относительных значениях. С 20 до 32% вырос контингент детей, находящихся в России от 6 месяцев до года, с 39 до 42% – свыше года. Полученные данные, по мнению автора, свидетельствуют об успешном воплощении в жизнь идей Евразийской интеграции в части свободного перемещения человеческих ресурсов и об увеличении семейной иммиграции в Российскую Федерацию. Семейная иммиграция, в свою очередь, является важным фактором реализации политики интеграции мигрантов.

О.В. Бахлова, рассматривая процесс региональной интеграции, определяет модель интеграции как *«совокупность сущностных черт, характеризующих теоретико-концептуальное и идеологическое обоснование и развитие процесса интеграции на практике с точки зрения применяемых механизмов, путей, темпов, этапов, возможных результатов»* [5, с.19]. Очевидно, что данное определение универсально и может быть применено к любой интеграционной модели. Приходится констатировать, что в отношении российской модели интеграции мигрантов, которая концептуально и идеологически обоснована в Концепции, работах Л.М. Дробижевой, В.С. Малахова, В.И. Мукомеля, Т.Н. Юдиной и других исследователей, ощущается дефицит действенных инструментов для развития процесса интеграции на практике.

В.А. Волох определяет восемь основных механизмов реализации миграционной политики. Среди них: дальнейшее совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере миграции, развитие международного сотрудничества Российской Федерации в сфере миграции, включение задач и мероприятий по реализации государственной миграционной политики Российской Федерации в государственные, федеральные и региональные программы. Отмечено совершенствование системы взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъек-

тов Российской Федерации, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере миграции, а также постоянный мониторинг и анализ происходящих на территории Российской Федерации миграционных процессов и их влияния на социально-экономические, демографические и иные аспекты развития страны [6, с.77]. Политика интеграции, как составляющая государственной миграционной политики Российской Федерации и как вид миграционной политики по отношению к иммиграции, также реализуется с использованием указанных механизмов. Проведем анализ их применения на практике.

Совершенствование миграционного законодательства, в том числе в сфере адаптации и интеграции мигрантов, осуществлялось в ходе первого этапа реализации Концепции. Внесены соответствующие законодательные изменения, касающиеся либерализации получения разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности, определен порядок медицинского обследования и страхования трудовых мигрантов. С 01 января 2015 года вступил в действие Федеральный закон от 20.04 2014 года № 74-ФЗ *«О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»*. Законом предусмотрено, что иностранные граждане, прибывающие в Российскую Федерацию с целью осуществления трудовой деятельности либо для временного и постоянного проживания, обязаны представить документ о знании русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации. Уровни соответствующих комплексных экзаменов были дифференцированы в зависимости от степени необходимой включенности мигрантов в российское общество. Таким образом, законодатели рассматривали данную новеллу как один из механизмов реализации политики интеграции, а именно как инструмент мотивации иностранных граждан к овладению русским языком, знаниями по истории России, а также основами законодательства в целях нахождения в правовом поле.

Автором проведен мониторинг курсов русского языка и культуры для иностранных граждан, проанализировано состояние инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов в Москве в целом. Сделано заключение о низкой индивидуальной мотивации временных трудовых мигрантов к изучению русского языка и культуры. Федеральный закон от 20 апреля 2014 года № 74-ФЗ *«О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»* приходится рассматривать не как эффективный инструмент мотивации иностранных граждан к освоению русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации, а как один из факторов регулирования трудовой миграции [7, с. 122]. В контексте расширения ЕАЭС данный инструмент практически не работает. Во-первых, для граждан стран-участниц не требуется получения разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности на территории объединения. Во-вторых, институт разрешения на временное проживание и вид на жительство теряет свою привлекательность для лиц, которые стремились использовать полученный статус исключительно как материальный ресурс, получая возможность трудиться без наличия патента, избегая необходимости вносить ежемесячный авансовый платеж.

В рамках развития международного сотрудничества Российской Федерации в сфере адаптации и интеграции мигрантов 26 ноября 2015 года состоялось заседание Совета руководителей миграционных органов государств – участников Содружества Независимых Государств, на котором одобрена Совместная декларация об общих подходах к социокультурной адаптации и интеграции мигрантов к условиям стран приема. Принятием указанного документа сделан первый шаг в направлении гармонизации законодательства в сфере адаптации и интеграции в странах Содружества [8].

Задачи и мероприятия по реализации политики интеграции включены в государственные, федеральные и региональные программы. Федеральное агентство по делам национальностей подготовило проект подпрограммы "Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации" в рамках разрабатываемой Государственной программы по реализации государственной национальной политики Российской Федерации [9]. Автор статьи принимал непосредственное участие в обсуждении проекта Стратегии национальной политики Москвы на период до 2025 года, одной из задач которой является адаптация и интеграция иностранных граждан в московский социум. Утверждена Государственная программа города Москвы *«Столичное образование»*, в которой перед системой образования города Москвы, среди прочих, поставлена задача реализации программ образовательной и культурной интеграции мигрантов, поиска механизмов и технологий, способных обеспечить их учебную успешность и интеграцию в культуру города [10].

Касательно мониторинговой деятельности адаптационного и интеграционного процессов можно констатировать, что такая работа до настоящего времени проводилась исключительно Федеральной миграционной службой и ее территориальными подразделениями. Однако представляется, что для объективного анализа динамики процесса интеграции необходимо придать соответствующим исследованиям системный характер: расширить перечень показателей, ввести обязательные отчеты учреждений образования, культуры и иных профильных подразделений органов исполнительной власти по данному направлению. При разработке показателей мониторинга представляется целесообразным изучить европейский опыт по определению индикаторов для оценки интеграции мигрантов [11].

В рамках совершенствования механизмов политики интеграции актуальна доработка имеющихся инструментов, а также разработка новых. Представляется, что при наличии соответствующего законодательного и институционального обеспечения значительный ресурс инструментария заложен во взаимодействии между органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества. Международный опыт показывает, что вопросы интеграции, адаптации и оказания правовой помощи мигрантам решаются при самом активном участии неправительственных организаций [6, с.126].

По мнению автора, целесообразно рассмотреть в качестве конкретного инструмента мотивации иностранных граждан к участию в интеграционных практиках систему контрактов. Этот документ мог бы быть востребован в про-

цессе интеграции членов семей мигрантов из стран ЕАЭС, обязывая одного из родителей при приеме несовершеннолетнего члена семьи в образовательное учреждение к посещению интеграционных курсов в определенном объеме. Гарантию выполнения контракта со стороны взрослого иностранца могло бы взять на себя национальное объединение.

Взаимодействие органов власти и институтов гражданского общества может быть реализовано и через развитие интеграционных проектов на уровне локальных сообществ. Востребованность подобных проектов со стороны принимающего сообщества, в том числе в условиях расширения евразийского пространства, не может быть обеспечена без легитимации политики интеграции, способствовать которой должен адекватный понятийный аппарат. Представляется целесообразным в противовес Декларации принципов толерантности разработать Декларацию принципов межнационального(межэтнического) согласия. Этот концепт мог бы стать социально-психологическим инструментом, соответствующим российскому интеграционному проекту [12].

Список литературы

[1] Эксперт: миграционная политика РФ безупречна, в отличие от европейской. http://ria.ru/world/20160324/1396390441.html (дата обращения: 10.05.2016).

[2] Валентина Матвиенко предложила ввести для иммигрантов, принимающих российское гражданство, присягу на верность. http://regions.ru/news/2566846 (дата обращения: 10.05.2016).

[3] Показатели деятельности. – https://77.fms.gov.ru/about/Pokazateli (дата обращения: 29.03.2016).

[4] Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе по продолжительности (по состоянию на 12 января 2016 г.).

[5] http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics/Svedenija_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5854 (дата обращения: 29.01.2016).

[6] Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе по продолжительности (по состоянию на 05 апреля 2016 г.).

[7] https://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedenija_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5854 (дата обращения: 10.05.2016).

[8] *Бахлова О.В.* Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2007.

[9] *Волох В.А.* Новая Россия: политика и управление миграционными процессами; монография. Самара: Издательский Дом *«Бахран-М»*, 2015.

[10] *Дмитриева Т.Н.* Состояние и перспективы развития инфраструктуры для социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Москве // Государство, власть, управление и право: история и современность: Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции / Государственный университет управления. М.: ГУУ, 2015. С. 117–121.

[11] Информация о заседании Совета руководителей миграционных органов государств – участников Содружества Независимых Государств 26 ноября 2015 года. http://e-cis.info/page.php?id=25114 (дата обращения: 10.05.2016).

[12] ФАДН России представило проект Подпрограммы по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации. http://fadn.gov.ru/news/2016/03/15/2665 (дата обращения: 10.05.2016).

[13] Государственная программа города Москвы на среднесрочный период (2012–2018 гг.) *«Развитие образования города Москвы* (*«Столичное образование»*. http://dogm.mos.ru/gosprogramma/gp_so_2012_2018 (дата обращения: 10.05.2016).

[14] Индикаторы для оценки интеграции мигрантов. – https://oecdcentre.hse.ru/news/152935459.html (дата обращения: 10.05.2016).

[15] *Дмитриева Т.Н.* О некоторых аспектах понятийного аппарата политики интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “Политология”. № 4. 2015. С. 26–32.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: РЕЗЕРВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Казаренков В.И., Казаренкова Т.Б.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье представлен материал, характеризующий значимость межкультурного взаимодействия в современном обществе и университете как одном из его социальных институтов; определены основные факторы, влияющие на формирование у студентов опыта межкультурного взаимодействия; выявлены резервы университетского образования в формировании у студентов опыта межкультурного взаимодействия; выделены основные аспекты использования резервов высшей школы в формирования у студентов опыта межкультурного взаимодействия: коммуникативный, когнитивный, мотивационный, управленческий, эмоциональный.*

Образование в современном университете ориентирует науку и практику на поиск резервов, обеспечивающих целостную подготовку студентов, эффективное формирование у них опыта межкультурного взаимодействия как одного из компонентов таковой. Качественное решение данной проблемы возможно, если управленческий и профессорско-преподавательский состав университета будет учитывать основные факторы, влияющие на формирование у студентов опыта межкультурного взаимодействия [2, 6, 8, 10]. На основе анализа научной литературы и состояния практики подготовки специалиста в современном университете, нами были выделены факторы социального, социально-педагогического, педагогического, социально-психологического и психологического характера.

Поликультурная среда жизнедеятельности студента. Взаимодействие с представителями неродной культуры связано с необходимостью проявлять знание иной культуры и языка. Во взаимодействии с людьми разных национальностей значимым является не только знание языка и культуры партнера, но умение реализовать таковые для успешного решения личных и профессиональных проблем. На уровне межличностного взаимодействия реализуются дружеские встречи, требующие знания национальных обычаев и традиций, понимания особенностей поведения партнера, представления об истории возникновения государства. Поликультурная среда предоставляет будущему специалисту возможность проявить свои знания и умения как профессионалу и как личности.

* *Казаренков Вячеслав Ильич*, д.пед.н., профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии; *Казаренкова Татьяна Борисовна*, к.с.н., доцент, Российский университет дружбы народов.

Данная среда позволяет будущему специалисту оценить собственную подготовку к взаимодействию с представителями иной культуры. В процессе взаимодействия у студента появляется возможность самостоятельного моделирования вариантов будущих отношений с партнерами реализации таковых.

Профессиональные потребности будущего специалиста. Данные потребности могут проявляться у студента в процессе университетской подготовки и в процессе самостоятельной профессиональной деятельности в различных организациях [1, 2, 5, 11, 13]. Возникновение данного рода потребности происходит на основе реального видения студентом необходимости межкультурного взаимодействия для успешного осуществления в профессиональной деятельности. Студенты различных специальностей ориентированы на межкультурную коммуникацию, имея перспективы осуществления совместных проектов с представителями других государств. Студенты обнаруживают в системе университетского образования необходимость развития опыта взаимодействия, в том числе межкультурного, как средства карьерного роста. Знакомство с содержанием профессиональной деятельности, ориентированной на постоянный контакт с представителями различных национальностей, стимулирует у начинающего специалиста развитие опыта межкультурного взаимодействия. Данный процесс первоначально проявляется на уровне потребности в изучении иностранного языка, затем на уровне изучения обычаев и традиций своих деловых партнеров; в дальнейшем студент стремится изучить основы истории и культуры народов. Студент осуществляет поиск форм, методов и средств приобретения опыта межкультурного взаимодействия в системе аудиторных и внеаудиторных занятий.

Толерантное отношение студента к культуре других народов и ее представителям. Значимым фактором формирования у студентов опыта межкультурного взаимодействия является толерантное отношение будущего специалиста к неродной культуре и ее представителям [7, 9, 12, 13]. Молодой человек осознает, что он живет в мире, где реализация его личностных и профессиональных сил возможна только через взаимодействие с иными культурами, во взаимодействии с их представителями. Будущий специалист первоначально обнаруживает потребность в толерантном отношении к культуре других народов и ее представителям. Развитие таковой осуществляется в практике подготовки специалиста в высшей школе в системе аудиторных и неаудиторных занятий по различным учебным дисциплинам, преподаватели которых имеют возможности осуществить качественное обучение студента профессиональным знаниям и умениям, а также знаниям и умениям социокультурного характера (философия, история, социология, психология, иностранные языки, культурология и другие).

Открытость университетского образования. Открытость университетского образования предполагает расширение и углубление интеграционных процессов, обеспечивающих устойчивое взаимодействие различных культур в образовательном пространстве. Современная высшая школа не может быть замкнута на себя, поэтому она активно интегрируется с различными сферами жизнедеятельности человека (наукой, производством и другими сферами). Препода-

ватели и студенты получают возможность *«проникать»* в иную образовательную и культурную среду [10, 12, 13]. Открытость высшего образования требует от участников (руководителей, педагогов и студентов) более глубоких социокультурных знаний и опыта межкультурного взаимодействия. Будущему специалисту необходимо осознать перспективы приобретения и совершенствования не только профессиональных знаний и умений, но и опыта эффективной межкультурной коммуникации. Осуществление партнерских связей между российскими и зарубежными вузами, включающими, кроме сотрудничества ученых и преподавателей, активное общение студентов, ориентирует последних на успешное познание иных культур, освоение опыта эффективного межкультурного взаимодействия.

Социокультурная направленность совместной деятельности преподавателей и студентов. В аудиторной и внеаудиторной деятельности по общеобразовательным и профессионально ориентированным курсам у преподавателя имеются возможности помочь будущему специалисту справиться с проблемами социокультурного характера. Преподаватели университета, осуществляя сотрудничество со студентом, не только Апередают ему научные знания, не только развивают практические умения по учебным курсам, но формируют мировоззрение, которое позволяет студенту осуществлять оценку окружающего мира и себя в этом мире. Мир человеческих отношений многообразен и многогранен; он состоит из взаимодействий людей, разных по возрасту, полу и образованию, по национальности и вероисповеданию. Правильно реализовать взаимодействие с людьми иной культуры является важнейшим качеством студента как личности и профессионала. Сотрудничество педагога и студентов позволяет молодежи правильно оценить социокультурную ситуацию, приобрести опыт межкультурного взаимодействия. В системе аудиторных и внеаудиторных занятий оказывается возможным использовать вариативные формы и методы совместной деятельности преподавателей и студентов (конференции, научно-исследовательские проекты и т.п.). Активное участие студентов в организации фестивалей, вечеров, встреч с представителями различных культур стимулирует у них развитие толерантного мышления и опыта межкультурного взаимодействия. Знакомство с иной культурой, отношениями людей иных культур в ходе просмотра спектакля, посещения художественной галереи позволяет будущему студенту осознать и принять во внимание особенности жизнедеятельности представителей различных национальностей, специфику их отношений, традиций и обычаев, что позитивно отражается на развитии у молодых людей опыта межкультурного взаимодействия.

Профессионализм и личностные качества преподавателя. Отсутствие профессионализма у преподавателя нивелирует все его действия в педагогическом процессе и отрицательно влияет на психологическое состояние студентов. Профессиональная компетентность университетского педагога сказывается на формировании у будущих специалистов опыта межкультурного взаимодействия. Профессионализм педагога в решении данной проблемы раскрывается в действиях его как целостной личности, обладающей способностью оценивать универсальное и специфическое в объекте, который требуется изучить

студентам [2, 6, 10]. Студент реально оценивает педагога и возможности плодотворного сотрудничества с ним, если видит в нем человека и профессионала в единстве. Эффективность формирования у студентов опыта межкультурного взаимодействия становится индикатором профессиональной компетентности и развития личности преподавателя, благодаря значимости личностного отношения педагога к иной культуре, межкультурному взаимодействию, к представителям других культур. Как профессионалу, преподавателю приходится решать вопросы подготовки студентов к межкультурному взаимодействию, передавать необходимые знания и собственный опыт реализации данного процесса [6, 8, 10]. На любом этапе решения столь значимой проблемы, будь то языковая подготовка студентов, совместный с ними историко-культурный экскурс по странам, профессионализм и личные качества преподавателя позитивно влияют на развитие у студентов опыта межкультурного взаимодействия.

Интеграция аудиторной и внеаудиторной работы. Студент активно включается в работу по организации встреч с известными людьми, представляющими различные национальные культуры. В процессе подготовки проведения различного рода внеаудиторной деятельности обеспечивается возможность качественного освоения учебного материала. Полученные на аудиторных занятиях знания по иностранному языку, психологии, профессиональному блоку дисциплин нередко остаются практически не освоенными, из-за отсутствия педагогически обоснованной внеаудиторной работы, связанной с содержанием читаемых учебных курсов. Нередко наблюдается слабая практическая подготовленность студентов к межличностному или деловому общению, в том числе и межкультурной коммуникации, из-за слабого развития межпредметных связей, которые функционируют только на теоретическом и методическом уровне, но не реализуются в практической коммуникативной деятельности будущего специалиста [2, 9]. Интеграция аудиторных и внеаудиторных занятий позволяет позитивно решить указанную проблему, обеспечив эффективное формирование у студента опыта межкультурного взаимодействия.

Эмоциональная открытость к представителям неродной культуры в процессе взаимодействия. Эмоциональная открытость предполагает оптимизм, веру в партнерство и партнера по взаимодействию, способность расположить к себе человека посредством доброжелательности, готовность к контакту с ним, проявление эмпатии, потребности в общении, протекающем в эмоционально привлекательном стиле, эмоционально проявляемом уважении к представителю неродной культуры. Эмоциональная открытость как компонент стиля поведения студента в межкультурном взаимодействии требует развития у молодого человека психоэмоциональной устойчивости, способности управлять эмоциональными состояниями. Обладание указанными качествами предполагает знание основ психологии и этики, а также наличие опыта межкультурной коммуникации. Эмоциональная открытость проявляется у человека, понимающего взаимозависимость людей разных национальностей, живущих на Земле [1, 6, 10]. Эта позиция молодого человека подкрепляется его потребностью в реальном контакте с представителями иных культур для пополнения своего культурно-личностного потенциала и желанием передать людям других националь-

ностей некоторые основы своей родной культуры, чтобы они также знали и понимали, что таковая предстает как его ценность. Для этого студенту целесообразно развивать коммуникативные умения, позволяющие проявлять эмоциональную открытость. Партнер по взаимодействию (представитель иной культуры) вправе рассчитывать на уважение, поэтому проявление эмоциональной открытости в дальнейшем общении может выражаться в устойчивом развитии отношений, даже если данный процесс будет сопровождаться отдельными разногласиями и спорами. Основным условием для эффективного общения и разрешения конфликтов, если таковые возникнут, является опыт межкультурного взаимодействия, приобретаемый студентами только в процессе практической коммуникативной деятельности с представителями неродной культуры. Развитие у студента опыта межкультурного взаимодействия осуществляется успешно при эффективном развитии всех сфер личности молодого человека (интеллектуальной, эмоциональной, волевой, мотивационной и других).

Гуманизация отношений педагога и студентов. В современном университете обучаются молодые люди многих национальностей. Такое состояние университетской практики предполагает возникновение у студентов как потребности в многообразных знаниях по культуре и истории разных народов, по иностранному языку, этнопсихологии, так и опыта межкультурного взаимодействия. Гуманизация отношений между педагогами и студентами проявляется как уважение партнеров на основе уважения культуры их представителей и личного уважительного отношения друг к другу, доброжелательности и потребности в контакте для решения личностных или деловых проблем. Партнерская взаимопомощь характеризует гуманистические отношения, развитие которых ведут обе стороны [7]. В этом случае студент начинает проявлять потребность не только к знаниям по эффективной межкультурной коммуникации, но и к освоению опыта межкультурного взаимодействия. Развивая таковые у студента, преподаватель создает условия для использования этих знаний и опыта посредством расширения пространства самореализующей личности и углубления отношений между студентами и представителями иных культур в системе аудиторных и внеаудиторных занятий по учебным дисциплинам. Таковыми могут являться разнообразные массовые мероприятия, групповая работа по профилю получаемой специальности с представителями иных государств и народов (творческие объединения студентов), индивидуальные занятия и консультации.

Позитивный морально-психологический климат в студенческом коллективе. Позитивный морально-психологический климат в студенческой учебной группе и вузовском коллективе в целом создает предпосылки для эффективного решения проблемы формирования у студентов опыта межкультурного взаимодействия [4, 5]. Одним из условий эффективной жизнедеятельности социума является психологическая устойчивость его субъектов. Чем большей морально-психологической устойчивостью обладает коллектив, тем качественнее выполняются предъявляемые ему задания. В высшей школе создаются условия для практической проверки личных качеств и профессиональных способностей будущих специалистов, так как каждый студент является субъектом и объектом системы отношений в данном образовательном пространстве, представляю-

щем социальную среду. Будучи субъектом взаимодействия с преподавателями и коллегами-студентами, студент стремится к достижению качественных результатов в межличностном и корпоративном общении. Поскольку образовательное пространство высшей школы представляет собой поликультурную среду, постольку студенту необходим опыт межкультурного взаимодействия. Развитие у студентов данного опыта в поликультурной вузовской среде возможно, если руководство высшей школы и преподаватели осуществляют педагогически обоснованное управление образовательной системой [8, 10].

Потребность студента в самосовершенствовании. Эффективному формированию у студентов опыта межкультурного взаимодействия способствует систематическое самосовершенствование личности, одним из значимых качеств которой является толерантность, выраженная в стремлении личности понять и принять другого с его иной культурой, вероисповеданием, а также выстроить оптимальные межличностные или деловые отношения [3, 5, 6]. Потребность будущего специалиста в самосовершенствовании обеспечивает основу для вариативных программ позитивного принятия себя как личности и профессионала. И здесь важнейшим положением программы самосовершенствования личности выступает процесс эффективного общения с людьми как средства успешной самореализации творческих потенциалов данной личности в сложном поликультурном социальном пространстве [4, 9]. Взаимодействия с людьми иных культур и национальностей становится центральным процессом в программе самосовершенствования молодого человека. Педагогу целесообразно обратить внимание на постановку такой цели студентом, помочь ему в выборе средств и способов достижения успехов в процессе самосовершенствования. Самосовершенствование связано с развитием всех сфер личности – интеллектуальной, волевой, эмоциональной, мотивационной в их единстве. Развитие этих сфер в единстве позволяет личности оценить свою целостность, которая реализуется, в первую очередь, во взаимодействии с окружающими людьми.

Изучение и учет основных факторов формирования у студентов опыта межкультурного взаимодействия позволяет целенаправленно, педагогически обоснованно решать данную проблему в высшей школе.

Высшая школа ориентирована не только на профессионализацию студенческой молодежи, но и на социализацию и формирование у студентов опыта самореализации. Триединая стратегия высшей школы закладывает основание для фундаментальной подготовки специалиста, обеспечивая универсальность и мобильность использования им получаемых знаний и умений, стимулируя у него потребность в творческом стиле жизнедеятельности, в развитии опыта межкультурного взаимодействия [2, 4, 10]. Высшая школа представляет социальный институт, обладающий оптимальными возможностями для развития формирования у студентов опыта межкультурного взаимодействия. Значительны резервы высшей школы в формировании у студентов опыта межкультурного взаимодействия.

Нами выделен ряд основных аспектов использования резервов высшей школы в формировании у студентов опыта межкультурного взаимодействия: коммуникативный, когнитивный, мотивационный, управленческий, эмоциональный.

Коммуникативный аспект. В высшей школе создается пространство, обеспечивающее успешное функционирование и развитие межкультурного взаимодействия. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у студентов возможно в системе аудиторной и внеаудиторной деятельности. В аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов целесообразно эффективное использование содержания, форм и методов учебно-воспитательной работы для расширения и углубления коммуникативных знаний и умений по различным учебным дисциплинам. Комплексное использование учебных занятий по различным дисциплинам успешнее осуществляется в процессе интеграции содержания таковых как на лекционных и семинарских занятиях, так и на занятиях научных обществ, творческих объединений и кружков, в процессе индивидуальных внеаудиторных заданий, а также при организации и проведении массовых внеаудиторных занятий – предметных декад, вечеров, фестивалей, конкурсов, выставок. В работе по расширению и углублению коммуникативных знаний и умений у студентов на различных учебных дисциплинах целесообразно обращать внимание будущих специалистов на особенности взаимодействия с представителями различных культур. Подчеркивая специфику построения отношений с людьми различных культур и национальностей, у студентов необходимо формировать интересы и потребности в изучении истории, психологии и культуры разных народов, иностранных языков. Расширение и углубление коммуникативных знаний и умений у студентов в контексте перспективы развития у них опыта межкультурного взаимодействия – значимая задача преподавателей высшей школы. Педагогу высшей школы целесообразно знать этнические стереотипы студентов и создавать условия, обеспечивающие осознание и самоликвидацию молодыми людьми тех из них, которые *«блокируют»* эффективное межкультурное взаимодействие [3, 6]. Приобретая коммуникативные знания и умения, необходимые для осуществления эффективного межкультурного диалога на учебных занятиях, студент в дальнейшем включается в различные формы внеаудиторной работы, где использует эти знания и умения в условиях интенсивного общения со студентами из стран ближнего и дальнего зарубежья, представителями народов, проживающих на территории Российской Федерации. Так приобретается опыт межкультурного взаимодействия.

Когнитивный аспект. В высшей школе создаются условия, обеспечивающие интенсивное развитие познавательных стратегий личности, формирования творческой активности у будущего специалиста [2, 3, 11]. В образовательном пространстве вуза студент углубляет и расширяет знания и умения профессионального и общеобразовательного характера, совершенствует способы самостоятельного приобретения таковых. В системе аудиторных и внеаудиторных занятий студент имеет возможность познакомиться и освоить исторические вехи развития разных культур и народов, языки различных народов, философские воззрения представителей различных культур, традиции и обычаи национальных сообществ, приобрести опыт осуществления межкультурного диалога.

Мотивационный аспект. В высшей школе создаются предпосылки для обнаружения личностью жизненных смыслов и ценностей, а также реа-

лизации интересов и потребностей личного и социального характера. Высшее образование ориентирует педагога не только на развитие познавательных интересов и потребностей у студентов, но на формирование профессиональных и социальных потребностей. У будущего специалиста необходимо сформировать потребность в межкультурном взаимодействии как важнейшую потребность для личностного развития и профессионального роста. Выпускник современного вуза уже не может довольствоваться только профессиональными знаниями и умениями, ему необходимы знания социокультуного характера. Учитывая интенсивную интеграцию современной науки и образования, всех сфер производственной и непроизводственной деятельности будущего специалиста, целесообразно ориентировать на осознание значимости межкультурного взаимодействия в социальной и профессиональной жизни, развивать потребность в совершенствовании деловых и дружеских отношений с представителями разных культур и народов, получении опыта межкультурного взаимодействия.

Управленческий аспект. В высшей школе имеются значительные ресурсы для управления и самоуправления поликультурной образовательной системой [6, 8, 10]. Руководству и преподавателям университетов в процессе разработки концепции развития вуза необходимо четко определить стратегические ориентиры социальной и профессиональной адаптации студенческой молодежи, в том числе развитие у будущего специалиста опыта межкультурного взаимодействия. При планировании, организации, контроле образовательного процесса, определении средств и способов мотивации его участников целесообразно учитывать специфику факультета, его традиции, состав преподавателей и студентов. Важно выявить возможности общеуниверситетских и факультетских кафедр, обеспечивающих аудиторную и внеаудиторную деятельность студентов по учебным дисциплинам. Педагогически обоснованные, ориентированные на формирование у студенческой молодежи опыта межкультурного взаимодействия, цель и задачи, содержание учебно-воспитательной работы, методы, средства и формы организации аудиторных и внеаудиторных занятий обеспечивают эффективное развитие у будущих специалистов опыта межкультурного взаимодействия.

Эмоциональный аспект. В высшей школе создаются условия для формирования психологически комфортной жизнедеятельности студента, для реализации эмоциональных потенциалов личности, проявления высоких чувств и целостного функционирования всех сфер личности. Межкультурная образовательная среда привносит во все формы жизнедеятельности молодого человека значительный эмоциональный заряд. Построение межкультурных и межнациональных отношений требует постоянного самосовершенствования личности. Совершенствуя свои интеллектуальные, эстетические и нравственные начала, студент совершенствует опыт эмоционального реагирования. Эмоциональная жизнь студенческой молодежи богата и разнообразна. Эмоционально привлекательная атмосфера совместной деятельности студентов разных национальностей и культур обогащает их социальный и профессиональный арсенал, формирует потребность в межкультурном взаимодействии, обеспечивая успешное формирование у них опыта межкультурного взаимодействия.

В современных условиях развития человеческой цивилизации университет является основным социальным институтом, обеспечивающим целостную подготовку специалиста, которая предполагает формирование у студента не только системы профессиональных знаний и умений, но и опыта межкультурного взаимодействия.

Список литературы

[1] *Гагарин А.В.* Деятельность личности в информационно-образовательной среде: теоретико-методологические аспекты //Акмеология. № 3. 2012. С. 31–35.

[2] *Казаренков В.И.* Проблемы университетского образования: целостность подготовки будущего специалиста //Университеты и общество. Сотрудничество и развитие университетов в XXI веке: Материалы третьей международной научно-практической конференции университетов: МГУ им. М.В. Ломоносова, 23–24 апреля 2010 г. / Ред.кол.: В.А. Садовничий и др. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 344–347.

[3] *Казаренков В.И., Казаренкова Т. Б.* Развитие у студентов потребности в межкультурном взаимодействии //Вестник РУДН. Серия *«Психология и педагогика»*. № 1. 2010. С. 69–73.

[4] *Казаренков В.И., Казаренкова Т.Б.* Творчество педагога в поликультурном образовательном пространстве //Психология образования в поликультурном пространстве. 2016. № 33. С. 60–66.

[5] *Казаренков В.И., Казаренкова Т.Б.* Формирование у будущего специалиста готовности к межкультурному взаимодействию //Российский научный журнал. 2015. № 1 (44). С. 108–113

[6] *Казаренков В.И., Рангелова Е.М., Казаренкова Т.Б.* Роль педагога в формировании у студентов опыта межкультурного взаимодействия //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 2. С. 5–12.

[7] *Казаренкова Т.Б.* Создание толерантной среды в мультинациональных университетах. М.: РУДН, 2008.

[8] *Казаренкова Т.Б.* Особенности подготовки управленческих кадров в мультинациональных университетах для экономики, основанной на знаниях /*Казаренкова Т.Б.* //Университеты и общество. Сотрудничество и развитие университетов в XXI веке: Материалы третьей международной научно-практической конференции университетов: МГУ им. М.В. Ломоносова, 23–24 апреля 2010 г. / Ред.кол.: В.А. Садовничий и др. – М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 347–353.

[9] *Кудинов С.И., Крупнов А.И., Кудинов С.С.* Самореализация личности как предпосылка проявления межэтнической толерантности на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: *«Психология и педагогика»*. № 1. 2012. С. 5–14.

[10] *Филиппов В.М.* Четыре ступени интернационализации: управление процессами интернационализации высшего образования на глобальном, региональном, национальном и институциональном уровнях // Высшее образование сегодня. № 6. 2010. С. 4–8.

[11] *Чеботарева Е.Ю.* Роль культурного интеллекта в межкультурном взаимодействии студентов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: Материалы VI международной научно-практической конференции; г. Москва, РУДН, 18–19 апреля 2013 г . / Науч. ред. В.И. Казаренков. М.: РУДН, 2013. С. 193–197.

[12] Edukacja mikdzykulturowa w wymiarze instytucjonalnym, Nikitorowicz J., Sobecki M. (red.), Biaiystok 1999.

[13] *Kazarenkov V.I., Kazarenkova T.B.* Development of intercultural interactions of university students //Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia Papers of Russian Sociologists for the 12 th Conference of the European Sociological Association. Russian Society of Sociologists; Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences (IS CAS); European Sociological Association; Editor-in-Chief V.Mansurov. 2015. С. 200–208.

II. РЕФОРМЫ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕФОРМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Антипов Г.А.*
(Россия, г.Новосибирск)

Аннотация. *В статье предпринята попытка анализа акций реформирования общественной реальности с позиций социальной инженерии. С теоретико-познавательной точки зрения собственно научная и инженерная деятельности различаются характером целей и результатов (продуктов). Целью науки выступают знания, целью инженерии – определённые изменения реальности с использованием этих знаний. В данном случае реальности социальной. В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос о свойствах социальной реальности, поскольку она становится предметом целенаправленных действий по её изменению. Согласно авторской установке аспектами приложения реформаторских действий выступают социальные институты. Таковым, в частности, является институт национальной идентификации – «русская идея».*

Проектирование реформ и их реализацию в гносеологическом плане можно трактовать как социальную инженерию, впрочем, не обращая внимания на сохраняющиеся до сих пор предрассудки относительно данного понятия. В самом деле, что такое вообще инженерия? Всякая человеческая деятельность представляет собой некую акцию по изменению предмета деятельности в соответствии с некоторым планом. В простейших случаях подобный план складывается стихийно, спонтанно и самим деятелем реализуется. Однако по мере усложнения деятельности происходит её расщепление и автономизация сферы разработки самих этих планов, иными словами, появляется деятельность по разработке и проектированию самой деятельности. Её результатом становится более или менее детализированная модель, воплощение которой в определённом материале и даёт желаемый результат. В данном случае понятие инженерии вполне эквивалентно понятию технологии. Так, например, К.Манхайм говорит о социальной технологии, определяя её как *«совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля»* [4, с. 414]. А, скажем, К.Поппер говорит о социальной инженерии как о *«построении социальных институтов в соответствии с планом»* [5, с. 31].

Правда, в последнем случае есть определённая неточность. Следует, по-видимому, различать социального инженера и фигуру практика, реализующего

* *Антипов Георгий Александрович*, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета управления и экономики.

план, ибо здесь имеет место довольно много специфических моментов. Это умения, опыт и т.п. моменты, не отчуждаемые от деятеля. Самый замечательный план или технология мало чего может дать при отсутствии специалистов, способных его реализовать. Их деятельность специфицируется ориентацией на материал и его свойства. В случае социальной инженерии – это *«человеческий материал»*. Что касается проектировщика, то его деятельность следует отличать от деятельности учёного-исследователя. Если инженерия ориентирована на трансформацию некоего материала, создание артефактов или социальных феноменов (в случае социальной инженерии) с желаемыми свойствами, то научное познание – на получение знаний о свойствах реальности как таковой, безотносительно к целям и запросам жизнедеятельности. Инженерная задача предполагает, что заданы свойства, функции, под которые необходимо подобрать соответствующий материал. Научная задача: задан, известен материал – необходимо определить его свойства, функции. Основной идеал научного познания заключается, как известно, в выявлении зависимостей, законов, которым подчиняется изменение свойств реальности.

Приведём два примера ситуаций, иллюстрирующих вышеприведённые рассуждения.

Первый затрагивает государственные реформы М.М. Сперанского и их судьбу. Как известно, этот опыт реформирования России оказался неудачным. Сошлёмся на отзыв В.О. Ключевского о Сперанском: *«Это был один из тех сильных, но заработавшихся умов, которые, без устали всё анализируя и абстрагируя, кончают тем, что перестают понимать конкретное. М.М. Сперанский и доработался было до этого несчастья. Он был способен к удивительно правильным политическим построениям, но ему туго давалось тогда понимание действительности, т.е. истории. Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России.... По словам Сперанского, «весь разум его плана состоял в том, чтобы посредством законов учредить власть правительства на началах постоянных и тем сообщить действию этой власти более достоинства и истинной силы»*. Сперанский заплатил в своём плане щедрую дань политическим идеям XVIII века о воле народа как истинном источнике власти и т.п. Едва ли нужно прибавлять, что этот план не мог быть осуществлён в полном объёме, ибо нисколько не был рассчитан на наличные политические средства страны. Это была политическая мечта...» [3, с. 200–201]. Ясно, что слово *«мечта»* здесь вполне можно заменить словом *«утопия»*.

Итак, согласно Ключевскому, неудача реформ – попытка сугубого теоретика навязать свои абстрактные, *«серые»* модели реальной, *«цветущей»* жизни. Однако если обратиться к самому Сперанскому, к его рефлексии, картина приобретёт несколько иные обертона. *«Одно из главных правил лиц управляющих, – говорит он, – должно быть знать свой народ, знать время... Теории редко полезны*

для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий!» [Цит. по: 7, с. 116]. Сюда же можно *«подверстать»* его суждение из записки *«О постепенности усовершенствования общественного»*, где читаем: *«Из всех огорчений самое чувствительное для всякого человека есть расстаться с его идеями добра и находить то невозможным, что столь очевидно было бы полезно. Это мучение тантала видеть добро, хвататься за него и никогда не поймать. Это судьба всех почти лучших человеческих желаний»* [Цит. по: 7, с. 128].

А вот как выглядит в сущности тот же дискурс у классика теории социальной инженерии К.Поппера: *«Характерный для «частичного» инженера подход состоит в следующем. Даже если он и лелеет некоторые идеалы в отношении общества «в целом», – возможно, идеал всеобщего благоденствия, – он всё же не верит в метод полного переустройства общества. Какими бы ни были его конечные цели, он пытается достичь их с помощью мелких поправок и улучшений»* [5, с. 28]. Но особенно впечатляет точность социального зрения М.М. Сперанского и её удостоверение в современной социальной инженерии касательно роли личностного, человеческого фактора в системах социального управления. Выше приведено его мнение о необходимости *«вычислять трение всей системы»*. Современный же социальный инженер утверждает: *«Нельзя построить полностью защищённые социальные институты, функционирующие в значительной мере независимо от отдельных личностей: в лучшем случае институты могут ослабить неопределённость, связанную с личным элементом, поощряя тех, чьи цели совпадают с запланированными целями института и от чьей личной инициативы и знаний главным образом и зависит успех. Институты похожи на крепости: они должны быть хорошо спроектированы и должным образом укомплектованы людьми»* [5, с. 27–28].

Таким образом, Сперанский вполне адекватно осознаёт свою роль и характерные для неё императивы (*«по- современному»* – инженера-проектировщика). Другое дело – отсутствие научного уровня социального знания и специалистов, призванных реализовать предлагаемые проекты.

Впрочем, апелляции к научному знанию *«вообще»* в контексте инженерии отнюдь ещё не достаточно. Ключевое основание для аргументации в данном векторе – невозможность создания вечного двигателя. Как известно, *«запрет»* на попытки создания вечного двигателя есть следствие, выводимое из фундаментального физического закона – сохранения и превращения энергии. К слову, французская академия наук напрочь стала отвергать любые проекты вечного двигателя. Вопрос в том, может ли данный прецедент быть обобщён и на социальную инженерию. Определённый опыт этого рода можно извлечь из истории марксизма.

Аналогом вечного двигателя для социальной инженерии вполне можно посчитать представление о совершенном, идеальном социальном устройстве, восходящем к Платону и принявшим в Новое время форму *«социализма-утопизма»*. В своей статье *«Развитие социализма от утопии к науке»* Ф.Энгельс находит здесь *«прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальных мыслей»* [10, с. 194]. Его же содержатель-

ная оценка социализма-утопизма такова: *«Общественный строй являл одни лишь недостатки, их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать её существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии»* [10, с. 194]. Итак, невозможность реализации социального *«вечного двигателя»* в данной традиции Энгельс обосновывает лишь несколькими неудачными попытками подобной реализации, а не в виде следствия из некоего закона, подобно тому как это имело место с собственно вечным двигателем. Фигурирует у него здесь лишь ссылка на общий *«ненаучный»* характер подобных проектов.

Тем не менее не происходит отказа от самой мысли о совершенном идеальном социальном устройстве. Более того, его возникновение обусловлено действием исторических законов, представленных в материалистическом понимании истории – одном из двух великих открытий Маркса. Присутствие людей в этом процессе возникновения совершенного общества ограничивается лишь одной акцией: *«Пролетариат берёт государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем государство как государство»* [10, с. 224]. После этого, как по мановению волшебной палочки, меняется весь социальный пейзаж. Вот как об этом рассказывает Энгельс: *«Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствовавшие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и всё возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок из царства необходимости в царство свободы»* [10, с. 227].

Итак, возможность появления совершенного идеального общества обосновывается возможностью *«отмены»* действия, как законов природы, так и законов общества. Иначе как понимать этот пресловутый *«скачок»*. Конечно, знание тех или иных законов расширяет границы человеческой свободы, но вовсе не делает эту свободу абсолютной. Тем более что единственный *«закон»*, на который Энгельс постоянно ссылается, заключается в том, *«что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть*

в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.». Сейчас вполне очевидно: ничего общего подобная аргументация с требованиями научного дискурса не имеет. Можно утверждать, что на месте фантастических картин идеального общества у социалистов-утопистов Энгельс конструирует фантастическое обоснование его обязательного прихода. Характерен и фактический вынос за скобки самого актора исторического действия, чем и объясняется весьма неодобрительное отношение идейных наследников Энгельса даже к самому термину *«социальная инженерия»*.

Но рассуждения Ф.Энгельса не могут не приводить, помимо прочего, и к вопросу о характере социальной реальности, как она выглядит с позиций научного метода. Естествознание, изначально задававшее образцы методов познания для антропологических наук, трактовало данную реальность как *«материю»*, как объективную реальность, данную в ощущениях и существующую независимо от них. Говоря словами Канта – это мир *«вещей самих по себе»*. Но человек – не вещь, он субъект, что, как минимум, требует своего учёта. Сошлёмся, скажем, на Милтона Фридмана: *«Конечно, тот факт, что экономическая наука имеет дело с взаимоотношениями между людьми, а исследователь сам является частью исследуемого объекта в гораздо большей степени, чем в физических науках, создаёт особые трудности в достижении объективности. В то же время это даёт исследователю социальных явлений класс данных, который недоступен исследователю физических явлений. Но ни то ни другое не служит... фундаментальным различием между двумя группами наук»* [6, с. 179].

Особенность материалистического понимания истории в том, что оно не видит никакого различия между *«материей»* физика и социальной реальностью, как она дана экономисту или социологу. Это *«социальная материя»*. В конце концов, подобное и приводило к отождествлению отношений между людьми с отношениями вещей.

Конечно, социальные науки, поскольку приобретают статус наук, тоже имеют дело с объективной реальностью, но в другом смысле, нежели естествознание. Общество, как объективная реальность, есть образующие её институты. Статус их существования объективен, но не в том смысле, как свойства материи физика. Это объективность культурных форм, допустим, норм языковой коммуникации, ценностей и т.п. Институты – это *«правила игры»* в обществе, ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Таким образом, реформирование социумов в общем смысле есть создание новых, а по большей части преобразование старых институтов, поскольку чаще всего институты складываются стихийно. Институциональные изменения определяют то, как общества изменяются во времени.

Покажем возможные коллизии институционального творчества в связи с темой *«русской идеи»*. Эта тема стала фактом нашей актуальной политической жизни, предметом острых полемических столкновений. Среди высказываемых здесь мнений встречаются и весьма экстравагантные, вроде такого: *«Национальная идея – чистой воды надувательство. Поскольку она, как всем желающим видеть показывает история, нужна исключительно для того, чтобы бараны шли на шашлык стройными рядами, с приятным чувством правильно исполненного дол-*

га. А также чтобы очередные хозяева жизни могли с максимальным комфортом устроиться на загривках у опекаемых, окормляемых и направляемых в необходимую сторону народных масс. И ни зачем другим». На подобные суждения не стоило бы, конечно, обращать внимание, если бы не присутствие распространённой аберрации, связанной с концептом *«идея»*. Понятие это воспринимается как исключительно связанное с процессами мышления, сознания и т.п., как некая форма ментальности вообще. Между тем как на самом деле оно имеет достаточно специализированный смысл, восходя к гегелевской объективной идее.

Следует учитывать, что в общекультурный обиход тема русской идеи была введена русской философской традицией, прежде всего Вл.Соловьёвым. Им она была осознана как национальная идея: *«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»* [6, с. 220]. Идея нации, таким образом, объективна в смысле объективной идеи Гегеля, значит и в том смысле, в каком это свойство присуще вообще социальным институтам. Сказанное даёт основания для вывода: русская идея по своему статусу есть социальный институт. Институт национальной идентификации.

Возникновение данного института следует отнести к первой трети Х1Х века. Почему?

Россия и через столетие после Петра I была ещё обществом во многом традиционным. Принципиально иные формы социальной эволюции складываются в Новое время в ряде регионов Западной Европы. Это техногенная цивилизация. По мере своего упрочения техногенное общество оказывает всё более усиливающееся воздействие на общества традиционные, разлагая и трансформируя присущие им архаические структуры. Рано или поздно это выливается в кризис традиционного общества, проявляющийся прежде всего в коллизиях его систем ценностей, в утрате тех или иных аспектов самоидентификации. Углубление такого типа кризиса и переживает Россия в Х1Х в. В нём-то и заключены источники мощного импульса, породившего в российской культуре вспышку философской рефлексии, выпадающую именно на этот период. Как говорил Н.Бердяев, *«русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил творец о России, что есть Россия и какова её судьба»* [2, с. 71].

Совершенно отчётливо кризис идентичности, о котором идёт речь, был осознан П.Я. Чаадаевым. Как писал он в известном письме, *«Мы живём одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мёртвого застоя»* [9, с. 20]. Действительно, историческая память есть важнейшая структура в институте групповой идентификации. В России времён Чаадаева данный локус был заполнен *«Историей государства Российского»* Н.М. Карамзина. Заметим, концепт *«история»* в современной культуре может иметь двоякий смысл: история-память (нарратив) и история-наука (наука о социальной эволюции) [1]. Так вот, *«История»* Карамзина – это история-память, и в таком виде – необходимый *«блок»* института национальной идентификации, сохранявшийся в России практически в неизменном виде на протяжении почти столетия.

Второй необходимой структурой института национальной идентификации выступает некая форма смысложизненной ориентации социальной группы.

Артикулироваться она может в понятиях смысла истории либо исторической миссии. Отсыл к данному аспекту института социальной идентичности мы впервые обнаруживаем опять-таки у Чаадаева. *«Мы, – писал он в знаменитом письме, – принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно, но кто может сказать, когда мы обретём себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение»* [9, с. 19].

Если внимательно присмотреться ко всем нашим спорам и дискуссиям, относящимся к теме русской идеи, нетрудно увидеть, что именно по этим двум векторам эти споры тематически и распределятся.

Список литературы

[1] *Антипов Г.А.* История как память и история как наука // Эпистемология и философия науки. 2014. Т.XLII, № 4. С.124–142.

[2] *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли Х1Х века и начала ХХ века // О России и русской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990.

[3] *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989 – Т.5.

[4] *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.

[5] *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. № 9. 1992. С. 22–48.

[6] *Соловьёв В.С.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1989.

[7] *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского / В.А. Томсинов. – М.: Мол. гвардия, 1991.

[8] *Фридман Милтон.* Методология позитивной экономической науки / Философия экономики. Антология. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012.

[9] *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М.: Правда, 1989.

[10] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1960. Т. 19.

ИСТОЧНИКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Сухарева М.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются источники инновационных изменений в инновационной сфере. Актуальность данного вопроса связана с непосредственной необходимостью проведения реформирования институтов, так как на данный момент существующая институциональная структура, особенно в инновационной сфере, не отвечает вызовам, которые стоят перед Россией в XXI веке. Автор статьи предлагает рассмотреть три основных источника институциональных изменений, посредством влияния на которые можно будет изменить существующую институциональную структуру: изменения в структуре относительных цен, которые влияют на трансакционные издержки, изменения в идеологии и связь с технологическим аспектом.*

Геополитические и геоэкономические вызовы с каждым годом обостряют вопрос идентичности и экономического развития России. Финансовые и экономические кризисы, постепенное смещение экономического центра с запада на восток, мировые политические конфликты, а также борьба политико-экономических и идеологических институтов в мировом масштабе – все это продолжает углублять противоречия между существующей российской социально-экономической структурой и реалиями современного мира, которые в свое время привели к стагнации страны. Продолжая поддерживать выбранный курс, в основе которого лежит идеология *«рыночного фундаментализма»* с практикой теневого рынка и *«ручного»* государственного управления [1, с. 5], Россия рискует остаться на периферии мировой системы. Поэтому на данный момент для российского государства жизненно необходимо выработать альтернативный курс социально-экономического развития, который будет касаться не только выхода государства из существующего удручающего положения (в том числе перестать делать акцент только на *«выживании»* страны), но который будет обеспечивать долгосрочное развитие страны, что, в свою очередь, невозможно без затрагивания институциональных и надинституциональных структур. Иными словами, государству необходимо провести реформирование институтов.

Помимо этого, необходимо иметь в виду, что при этом глобализационные процессы активно охватывают инновационное поле, которое, в свою очередь, порождает интеграционную основу для сотрудничества различных стран. Поэтому можно сказать, что глобализация идет рука об руку с таким понятием, как

* *Сухарева Мария Алексеевна*, аспирант кафедры экономики инновационного развития факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

инновации, совместно с ними меняя реалии современного мира. Инновации являются одним из средств не только внедрения государства на международный уровень, но и достижения конкурентных преимуществ и позиций в постиндустриальном мире. Следовательно, эффективная адаптация к тенденциям экономического развития развивающихся стран непосредственно вытекает из их включения в глобальные инновационные процессы. Таким образом, с одной стороны, необходимость формирования и эффективного осуществления альтернативного курса развития упирается в вопрос о процессе проведения институциональных изменений, с другой – институциональные изменения должны быть направлены на создание в российском государстве экономики инновационного типа, то есть *«инновационной системы, которая способствует реализации идей ученых на практике и воплощению их в инновационных продуктах»* [5].

Согласно Д. Норту, институциональные изменения представляют собой изменение формальных и неформальных правил, норм, принуждений, которые образуют в совокупности институциональную среду общества [6, с. 8].

Он рассматривает два основных источника институциональных изменений: изменения в структуре относительных цен, которые влияют на трансакционные издержки, и изменения в идеологии. Изменения в связи с технологическим прогрессом и глобализацией, а также расширением рынков приводят к изменению цен конечной продукции относительно цен факторов производства или факторов производства к другим факторам производства. Вследствие чего происходит реконструкторизация условий контрактов, масштабное осуществление которой может привести к изменениям в правилах более высокого порядка, то есть затронуть фундаментальные институты. Как результат, изменение соотношения цен приводит к изменению стимулов, что воздействует на систему предпочтений людей, регулирует деятельность субъектов, а также влияет на неопределенность, а впоследствии и на трансакционные издержки. Таким образом, за счет постоянных реконструкций контрактов осуществляются инкрементные изменения – изменения, при котором агенты пересматривают свой контракт с той целью, чтобы получить некоторый потенциальный выигрыш от торговли. Д. Норт утверждает, что институциональные изменения имеют почти исключительно инкрементный характер [6, с. 126].

Однако при изучении российской реальности можно утверждать, что в России изменения носят скорее дискретный характер – радикальные изменения в формальных правилах [6, с. 126]. С одной стороны, это типичный российский подход к изменениям, которые, несмотря на многие недостатки, все же приносили определенные положительные результаты, с другой – модернизация проходит путем копирования иностранных институтов и за счет использования экстенсивных мобилизационных ресурсов. Итак, нельзя не согласиться с В.М. Полтеровичем, который характеризует формирование российской инновационной системы как *«шоковую терапию»*, то есть единовременные и радикальные изменения институциональных систем [7]. Иными словами, источником радикальных институциональных изменений в России чаще всего служит государство. И на данный момент его участие как актора, задачей которого стоит навязывание общественных *«правил игры»* и последующий контроль за ними, наиболее актуально в связи с разрушени-

ем непрерывности функционирования исторически сложившихся инновационных институтов и инновационных воспроизводственных цепочек СССР, системы управления отраслевой наукой [10].

Вторым источником является идеология – субъективное восприятие (модели, теории) окружающего мира и нормативные представления людей о том, как должен быть организован мир [5, с. 27]. При несовпадении идеологической картины реальности с существующей повышается вероятность внесения изменений в контрактные отношения и дальнейшей трансформации институтов. В идеологии могут быть скрыты факторы, как способствующие, так и затрудняющие институциональные изменения. Этот аспект также актуален на данный момент в связи с переходом к инновационной экономике.

На данный момент складывается ситуация, при которой глобализационные процессы активно охватывают инновационное поле, которое, в свою очередь, порождает интеграционную основу для сотрудничества различных стран. Поэтому, как результат, эффективная адаптация к тенденциям экономического развития развивающихся стран непосредственно вытекает из их включения в глобальные инновационные процессы. Инновации являются одним из средств не только внедрения государства на международный уровень, но и достижения конкурентных преимуществ и позиций в постиндустриальном мире. Однако внедрение, поддержка, развитие и распространение инноваций в государстве предполагают наличие определенных институтов в самой стране, в том числе и *«идеологический»* базис в сознании россиян. Тем не менее, можно констатировать, что российская идеология только начинает настраиваться на инновационную экономику.

Данный пункт требует отдельного и подробного исследования, но в качестве доказательства глубокой взаимосвязи идеологической системы и процесса формирования или, наоборот, неформирования институциональных изменений можно привести следующий пример. В российском сознании создан определенный образ ученого, который несильно менялся в течение нескольких веков. Так, ученый рассматривается как *«человек, не имеющий корыстного интереса, который совершает свою работу на благо человечества»* [3, с. 92] и на благо государства, и, хотя респонденты опросов заявляют, что он умный, высокообразованный человек, целеустремленность которого граничит с фанатизмом, однако его образ также связывается с бедностью [7, с. 63]. При этом, в России господствовало в течение долгого времени критическое отношение к капитализму и частной инициативе. Вследствие чего *«ученый не умел или не хотел искать возможностей для внедрения своих изобретений»* [4]. Главная его цель не коммерциализация и распространение своих инноваций, а получение признания: *«У меня есть идея и цель ее осуществить. Когда я ее осуществляю, появляется результат, значит, мы его публикуем или патентуем. И я на этом успокаиваюсь»* [4]. Как результат, в России отсутствуют институты коммерциализации инноваций. Русские были пионерами во многих областях: например, в области разработки лазеров. Александр Прохоров и Николай Басов вместе с Чарльзом Таунсом получили Нобелевскую премию за изобретение лазеров и мазеров. Однако сегодня именно США является лидером на лазерном рынке, а не Россия [3, с. 118]. И такая же ситуация со многими другими российскими изобретениями.

Таким образом, перед Россией стоит вопрос не об отсутствии инновационных идей, а об отсутствии механизмов и институтов их коммерционализации, продвижения и распространения. Тем не менее, ситуация потихоньку меняется: и хотя пока образ ученого так и не связывается с процессом коммерциализации идей, однако с изменением отношения к предпринимательской деятельности вопрос о выработке необходимых институтов в этой сфере стоит все острее. Как итог изменений, произошедших в сознании населения, может стать появление потребности в институциональных изменениях, которые впоследствии могут реализоваться в неформальных институтах, а при должной чуткости государства и в формальных.

Помимо основных источников институциональных изменений, которые отдельно выделял Д. Норт, можно назвать и технологический аспект. Этот аспект не может остаться без внимания в связи с приближением нового технологического уклада, в основе которого будут лежать нано-, био- и информационные технологии [2]. Смена технологического уклада требует, во-первых, соответствующих изменений в институциональной сфере, во-вторых, институциональной системы, которая позволит эффективно и быстро проводить данные изменения. Так, опыт развитых стран подтверждает взаимосвязь успешной социально-экономической модернизации и наличие развитых механизмов взаимодействия общества, государства и бизнеса [8, стр. 18], а также науки.

Подводя итоги, можно выделить три основных источника институциональных изменений: изменения в относительных ценах, в *«идеологии»* человека, а также изменения технологического уклада. Выявление и понимание источников институциональных изменений важно с точки зрения необходимости обеспечения успешной модификации формальных и неформальных институтов, а также создания новых эффективных институтов, учитывающих согласованность интересов всех групп агентов.

Список литературы

[1] *Бодрунов С.Д.*, *«Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики»*, Материал научного семинара *«Современные проблемы развития»* ИМЭМО РАН, 16 марта 2015г., Санкт-Петербург, 2015.

[2] *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2011.

[3] *Грэхэм Л.*, Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России, Манн, Иванов и Фербер, Москва, 2014.

[4] История технических прорывов в российской империи в XVII – начале XX вв.: Уроки для XXI в.? – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010 URL: http://www.forbes.ru/tehno-opinion/tehnologii/57895-trebuyutsya-edisony (дата обращения: 25.05.2026.)

[5] *Корчагин Ю.А.* Человеческий капитал и инновационная экономика России, Воронеж: ЦИРЭ, 2012.– с. 244 [Режим доступа май 2016: http://www.lerc.ru/?part=articles&art=25&page=17].

[6] *Норт Д.* Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку/ Под ред. Л.И. Пияшевой, Дж. Дорна. М., 1993.

[7] *Полтерович В.М.* Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. 2009. № 2.

[8] *Романович Н.А.*, Современный ученый в зеркале общественного мнения, Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 3. С. 58–65.

[9] *Шитов А.П.*, *Рубцова Л.В.*, Модернизация современной России: институциональный аспект (принцип *«обмена»*), МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. №10. С. 16–21.

[10] *Харисова Г.М.*, *Марфина Л.В.* Проблемы формирования инновационных институтов в национальной инновационной системе //Инновации. Инвестиции | (38) Управление экономическими системамаи. 2012. № 2. URL: http://uecs.ru/uecs-38–382012/item/1048–2012–02–17–07–27–31

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ

Чурзина И.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются различные подходы в трактовке термина «налоговая политика», анализируются основные инструменты налоговой политики для поощрения инновационной деятельности: льготы по налогу на прибыль для предприятий инновационного характера, ускоренная амортизация, инвестиционный налоговый кредит, налоговые льготы для особых экономических зон. Используемые льготы требуют более точной адресности и улучшения их администрирования. Главным критерием при осуществлении налоговой политики для стимулирования инновационного развития должно быть обоснование того, что в долгосрочном периоде введение налоговых льгот способствует росту эффективности хозяйствующего субъекта, что дает возможность восполнить потери бюджета от применения налоговых льгот.*

Для эффективной государственной поддержки научно-технического прогресса, освоения передовых технологий, внедрения перспективных инноваций, проведения активной научно-технической политики использование налоговых рычагов представляется необходимым и эффективным инструментом *«быстрого отклика»*, оказывающим прямое влияние на субъекты инновационной деятельности. Использование налоговых рычагов – одни из самых эффективных, легкодоступных и малозатратных механизмов воздействия на экономические процессы вообще и в управления инновациями в частности.

Таким образом, налоговая политика государства является формой стимулирования и поддержки инновационной деятельности.

В экономической литературе однозначной трактовки термина *«налоговая политика»* на сегодняшний день не сформировалось. Можно выделить следующие подходы к определению налоговой политики. Первый – ограничивающий сферу применения налоговой политики исключительно областью налогов и формирования и пополнения бюджета государства. Эта точка зрения представлена, например, в работе «Налоги и налогообложение». Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской [11, стр.28]. Второй – функционально-целевой, в нем главный акцент делается на функциональных возможностях налогов. Бесспорно, превалирующая фискальная функция делает такое восприятие налоговой

* *Чурзина Ирина Васильевна*, к.э.н, доцент кафедры экономики инновационного развития факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

политики односторонним. Главной ее целью при таком подходе, очевидно, является пополнение бюджета государства [см. 10, стр.288].

С нашей точки зрения, наиболее конструктивным является подход, определяющий налоговую политику как сегмент государственной экономической политики, включающей в себя комплекс мероприятий, регулирующих и совершенствующих всю налоговую систему страны: прежде всего, нормативно-правовую базу, функционирование совокупности налоговых органов, а также формы и методы налогового контроля. Следовательно, налоговая политика, включая в себя разработку основных принципов и методов налогообложения, предполагает учет влияния и, в свою очередь, воздействие на институциональную среду, в которой осуществляется налоговый процесс.

В Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов указано, что основными целями налоговой политики продолжают оставаться поддержка инвестиций, а также стимулирование инновационной деятельности [3, стр. 1]. В настоящее время в российской налоговой системе действует около 200 различных льгот и преференций – по налогу на прибыль организаций, налогу на добавленную стоимость, налогу на добычу полезных ископаемых, налогу на имущество организаций, земельному и транспортному налогам [3, стр. 7], среди которых серьезное внимание уделено мерам, поддерживающим инновационное развитие. Мировой опыт налоговой политики стимулирования инновационного развития и поддержки инвестиций налоговыми мерами сводится, в основном, к использованию следующих инструментов:

- льгота по налогу на прибыль для организаций инновационного характера, то есть для организаций, осуществляющих инновационную деятельность, при этом инновационной (внедренческой) считается деятельность по созданию и использованию интеллектуального продукта, доведению новых оригинальных идей до реализации их в виде готового товара на рынке [4],
- ускоренная амортизация,
- инвестиционный налоговый кредит,
- налоговые льготы для особых экономических зон.

В настоящее время можно утверждать, что все перечисленные инструменты используются также и в налоговой политике Российской Федерации. Кроме того, предыдущий опыт налоговой поддержки инвестирования в инновационную деятельность сводился и к освобождению от НДС:

- научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, включая субподрядные НИОКР, если генподрядчик – образовательное учреждение;
- патентно-лицензионных операций (кроме посреднических), связанных с объектами промышленной собственности.

Льготы по налогу на прибыль для организаций инновационного характера. От налога на прибыль освобождались в соответствии с Налоговым Кодексом Российской федерации средства, направленные на проведение НИОКР, а так-

же в Российский фонд фундаментальных исследований и Российский фонд технологического развития, но не более 10% в общей сложности суммы налогооблагаемой прибыли.

Перечисленные льготы, тем не менее, мало способствовали распространению инновационной деятельности, так как предоставлялись отдельным предприятиям без учета государственных приоритетов, то есть без учета видов деятельности предприятия региона функционирования, размеров и пр. Более того, эти льготы способствовали уходу от уплаты налога.

Следующим этапом в области налогового стимулирования инновационного бизнеса в России было принятие решения об отнесении на затраты всех расходов на НИОКР без учета их результативности, а также уменьшение налогооблагаемой базы предприятий за счет учета переходящих убытков прошлых лет в полном объеме с 2007 года. Был установлен повышающий коэффициент к основной норме амортизации, но не более 2, в отношении основных средств, используемых для научно-технической деятельности. Также был утвержден перечень наименований оборудования, не производимого в России, которое освобождается от таможенных сборов. Эти меры призваны были способствовать усилению заинтересованности в сфере инновационной деятельности.

Научные разработки требуют больших затрат, независимо от получаемых результатов. Для компаний высокотехнологичных отраслей серьезное значение имеет то, что затраты на изобретения и экспериментальные разработки целиком учитываются в качестве затрат, уменьшающих налогооблагаемую прибыль. Благодаря этому заинтересованность в изобретениях и экспериментальных разработках в высокотехнологичных компаниях повышается. Кроме того, затраты по особым видам НИОКР можно не только включать в расходы при расчете налога на прибыль, но и увеличивать их при этом в 1,5 раза. Для обоснования правомерности применения повышающего коэффициента к декларации по налогу на прибыль прикладывается научный или технический отчет по каждому проекту.

С 2012 года расходы на НИОКР признаются при расчете налога на прибыль единовременно при условии завершения работ (или их отдельных этапов) и подписания акта сдачи – приемки. С 2013 года статья 262 НК РФ [1] изложена в новой редакции. Введен перечень расходов на НИОКР. К ним относятся:

- суммы амортизации по основным средствам и нематериальным активам (за исключением зданий и сооружений), используемым для выполнения НИОКР;
- расходы на оплату труда работников, участвующих в выполнении НИОКР;
- некоторые материальные расходы;
- другие расходы, непосредственно связанные с выполнением НИОКР;
- стоимость работ по определенным видам договоров;
- отчисления на формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности.

С 2013 года в статье 267.2 НК РФ [1] введена новая норма, регулирующая порядок формирования резервов предстоящих расходов на научные исследова-

ния и (или) опытно-конструкторские разработки. Решение о создании резерва предстоящих расходов налогоплательщик принимает самостоятельно на основании разработанных и утвержденных им программ проведения НИОКР и закрепляет в учетной политике.

В статье 267.2 НК РФ[1] установлена формула для предельной суммы отчислений в резервы, которую превышать нельзя. Если сумма резерва окажется меньше фактических расходов, разница учитывается как расходы налогоплательщика на НИОКР. Предельный размер отчислений в резерв предстоящих расходов не может превышать 20% от суммы доходов отчетного (налогового) периода. Если резерв использован не полностью, то, как и все остальные налоговые резервы, его нужно восстановить в составе внереализационных доходов отчетного (налогового) периода.

Определены особенности применения нелинейного метода амортизации для объектов, используемых в осуществлении НИОКР. По таким объектам следует формировать подгруппу в составе амортизационной группы, и учет таких групп и подгрупп вести отдельно.

Предполагается, что установление льгот по налогу на прибыль должно способствовать развитию инвестиционной активности, модернизации производства, обновлению оборудования, стимулированию инновационной деятельности. Однако эффективность предоставления и применения налоговых льгот по налогу на прибыль организаций невелика.

Расходы на амортизацию. Для основных средств, использующихся исключительно в научно-технической деятельности, применяется повышающие коэффициенты (не выше 3) (ст.259.3 НК РФ [1]). В результате ускоренной амортизации предприятие переносит стоимость основного средства в 3 раза быстрее. Для нематериальных активов (программы для ЭВМ, ноу-хау, исключительные права на изобретения) предприятия могут не ориентироваться на фактический срок действия договоров, а включать в расходы при расчете налога на прибыль в течение 25 месяцев. Амортизационные отчисления являются источником инвестиций. Их преимущество по сравнению с другими источниками заключается в том, что они являются целевым источником финансирования и предназначены как для обеспечения воспроизводства основных средств и нематериальных активов, так и для инвестирования средств в основные фонды на принципиально новой технической основе. Амортизационные отчисления не зависят от финансовых результатов деятельности предприятия, то есть формируются постоянно. Амортизационный фонд сможет быть использован как дополнительный источник финансовых ресурсов предприятия.

Инвестиционный налоговый кредит. Среди инструментов налоговой политики, использующихся в целях стимулирования инновационной деятельности, можно выделить также инвестиционный налоговый кредит. При его использовании организация получает льготу в виде изменения срока уплаты налога. Инвестиционный налоговый кредит может быть представлен по налогу на прибыль организации, а также по региональным и местным налогам. Срок кредита в России наибольший – от одного года до пяти лет. Процентная ставка по этому кредиту определяется по ставке не менее одной второй и не превышающей три четвертых ставки рефинансирования Центрального Банка России. В случае если

организация включена в реестр резидентов зоны территориального развития, то срок предоставления инвестиционного налогового кредита может быть увеличен на срок до 10 лет, процентная ставка при этом по кредиту будет составлять 0%.

Использовать инвестиционный налоговый кредит имеют право организации, которые:

- осуществляют НИОКР, а также проводят техническое перевооружение собственного производства;
- занимаются внедренческой деятельностью;
- создают новые материалы или технологии или совершенствуют уже существующие;
- осуществляют инвестиции в создание объектов, которые имеют наивысший класс энергетической эффективности, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством РФ от 12.07.11 № 562 [7].

Порядок использования инвестиционного налогового кредита следующий:

- Организация заключает с контролирующими органами договор об инвестиционном налоговом кредите, в котором определяется индивидуальный порядок уменьшения налоговых платежей.
- В отчетном периоде организация перечисляет причитающиеся к уплате налоговые платежи в сокращенном размере (однако не менее 50% положенной суммы).
- Уменьшенные платежи по каждому налогу производятся до тех пор, пока отложенная сумма налога не станет равной сумме кредита по договору.
- В дальнейшем происходит постепенное погашение налоговых обязательств и выплата процентов за предоставленную рассрочку.

Размер возможного инвестиционного налогового кредита зависит от основания его получения.

Основания получения инвестиционного налогового кредита	**Размер инвестиционного налогового кредита**	**Норма НК РФ**
Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки или техническое перевооружение производства	100% стоимости оборудования, приобретенного организацией исключительно для этих целей	Ст.67 НК РФ п.2. пп.1
Внедренческая или инновационная деятельность, в том числе создание новых или усовершенствование применяемых технологий, создание новых видов сырья или материалов	Определяется по соглашению между уполномоченным органом и организацией	Ст.67 НК РФ п.2. пп.2 НК РФ

Источник: составлено автором по НК РФ

В соответствии с НК РФ, для получения инвестиционного налогового кредита организация должна подать в уполномоченный орган заявление и заключить договор об инвестиционном налоговом кредите по форме, установленной приказом ФНС РФ № САЭ-3–19/622 [9]. По каждому из оснований получения инвестиционного налогового кредита требуется обоснование. Организация должна документально подтвердить факт приобретения и стоимость оборудования, используемого исключительно для инновационных целей, представить бизнес-план инвестиционного проекта. Необходимые документы перечислены в приказе ФНС РФ от 28.09.10 № ММВ-7–8/469 [8].

Как форма поддержки инновационной деятельности инвестиционный налоговый кредит широкого распространения не получил вследствие излишне усложненной процедуры его применения. Для его получения требуется большое количество документов, серьезное обоснование его получения, большая сумма залога.

Налогообложение резидентов особых экономических зон (в дальнейшем ОЭЗ). Данный механизм налоговой политики рассчитан на предоставление налоговых льгот на территориях, отведенных под особые экономические зоны. Компании, расположенные в особой экономической зоне, пользуются всеми льготами для инновационных предприятий и, кроме того, особыми преференциями:

- пониженная ставка налога на прибыль;
- освобождение от земельного налога;
- пониженная ставка и налоговые каникулы по транспортному налогу;
- пониженная ставка страховых взносов;
- режим свободной таможенной зоны;
- гарантии от неблагоприятного изменения законодательства.

Для организаций, осуществляющих свою деятельность в технико-внедренческой зоне, может устанавливаться пониженная ставка налога на прибыль в размере 13,5% в части налога, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов РФ (стандартная величина -18%) [4].

Расходы на НИОКР при исчислении налога на прибыль могут учитываться в полном объеме (в том числе не давшие положительного результата) [4].

По налогу на имущество предусмотрена льгота, позволяющая не учитывать в течение 5 лет с момента постановки на учет стоимость числящихся на балансе основных средств, если в отношении этих основных средств выполняются условия:

- основные средства были созданы (приобретены) в целях ведения деятельности в ОЭЗ; (Письмо Минфина РФ от 28.02.2008 N 03–05–04–01/09) [5];
- основные средства находятся на территории ОЭЗ Ст.381.17 НК) [1].

Резиденты особой экономической зоны освобождаются от налогообложения *земельным налогом* в отношении земельных участков, расположенных на территории ОЭЗ, сроком на 5 лет с момента возникновения права собственности на земельный участок. Срок может быть продлен законом соответствующего субъекта РФ.

Транспортный налог в отношении транспортных средств, приобретенных резидентами ОЭЗ, изменяется в зависимости от субъекта Российской Федерации. В качестве льгот по транспортному налогу могут быть использованы, например, транспортные каникулы сроком от 5 лет (Зеленоград и др.) до 10 лет (в республике Татарстан, в Томске)

Для резидентов ОЭЗ также предусмотрена пониженная совокупная ставка страховых взносов. Согласно принятому закону о страховых взносах, научным хозяйственным обществам, бюджетным учреждениям, IT-компаниям и резидентам технико-внедренческих особых экономических зон предусмотрены следующие тарифные ставки обязательного социального страхования.

Таблица тарифов страховых взносов в 2016 году

	ПФРФ		**ФСС**		**ФФОМС**
Размер выплат в пользу работника в течение 2016 года	до 711 тыс. рублей	свыше 711 тыс. рублей	до 670 тыс. рублей	свыше 670 тыс. рублей	
Основной тариф страховых взносов	22 %	10 %	2,9 %	0 %	5,1 %
УСН (пониженный тариф для ИП и организаций, осуществляющих виды деятельности из перечня п. 8 ч. 1 ст. 58 ФЗ № 212-ФЗ	20 %	20 %	0 %	0 %	0 %
Патентная система налогообложения	20 %	20 %	0 %	0 %	0 %

В 2016 году для этих организаций ОЭЗ также установлены следующие тарифные ставки пенсионного страхования:

- тариф страхового взноса – 16%;
- страховая часть пенсии – 16% (для людей до 1966 года рождения) и 10% (для людей после 1967 года рождения);
- накопительная часть пенсии – 6% (для людей после 1967 года рождения) [см. 13].

На территории технико-внедренческих особых экономических зон (в дальнейшем ТВОЭЗ) применяется режим свободной таможенной зоны. Это означает, что иностранные товары размещаются и используются:

- без уплаты таможенных пошлин;
- без уплаты НДС;
- без применения к ним запретов и ограничений экономического характера.

Что касается российских товаров, для них размещение и использование происходит на условиях, применяемых к вывозу в соответствии с таможенным режимом экспорта с уплатой акциза и без уплаты вывозных таможенных пошлин.

Помимо перечисленных льгот законодательством предусмотрены гарантии для налогоплательщиков–резидентов ТВОЭЗ от неблагоприятного изменения законодательства о налогах и сборах (кроме законодательства в части налогообложения подакцизных товаров). Таким образом, резиденты в течение срока действия соглашения о ведении технико-внедренческой деятельности наделяются правом не применять ухудшающие их положение законодательные акты [2]. Вышеперечисленные меры адресной экономической помощи отдельным территориям (ТВОЭЗ) призваны способствовать направлению высвобожденных в результате этих мер средств на развитие компаний, обеспечение занятости, обеспечение и сохранение рабочих мест, стимулировать внешнеэкономическую деятельность, привлечение иностранных инвестиций.

Выводы. Рассмотренные налоговые льготы для поощрения инновационной деятельности играют очень важную роль в комплексной системе государственного управления инновациями. Практика налогового стимулирования инновационных процессов в зарубежных странах подтверждает, что между уровнем налогообложения и развитием предпринимательства вообще, инновационного в частности, наблюдается прямая зависимость. Тем не менее, учитывая отечественные реалии, налоговые льготы в этой сфере не должны усложнять налоговое администрирование, не должны способствовать уходу от уплаты налогов, тем самым сокращая поступления в доходную часть бюджета. Государство, стимулируя налоговой политикой инновационное развитие, использует следующие инструменты: льготы по налогу на прибыль для предприятий инновационного характера, ускоренную амортизацию, инвестиционный налоговый кредит, налоговые льготы для особых экономических зон. Главным критерием при введении налоговых льгот должно быть обоснование того, что их введение проще, целесообразнее и эффективнее, чем увеличение прямых бюджетных расходов для достижения заявленных целей. При использовании перечисленных льгот, успехи в реализации налоговой политики в системе государственного управления инновациями в большой степени зависят от формирования среды для инновационного развития, включающей в себя правовое обеспечение, инфраструктуру бизнеса, патентные бюро, страховые и кредитные организации и пр.

Список литературы

[1] Налоговый Кодекс Российской Федерации URL: http://base.garant.ru/10900200/

[2] Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ *«Об особых экономических зонах в Российской Федерации»* (ред. от 04.-3.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142952

[3] Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/04/ONNP_2013–2015.pdf

[4] Письмо Инновационного совета при Совмине РСФСР от 19.04.1991 N 14–448, Минфина РСФСР от 14.05.1991 № 16/135В *«Об инновационных* (*внедренческих*) *сферах деятельности»*. URL: http://mvf.klerk.ru/zakon/fns469.htm

[5] Письмо Минфина РФ от 28.02.2008 № 03–05–04–01/09. Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2011 г. N 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. URL: http://www.referent.ru/1/117909

[6] ФНС РФ от 28.09.10 № ММВ-7–8/469. URL: http://www.rg.ru/2010/11/12/nalog-dok.html

[7] Постановление от 12 июля 2011 г. № 562. Об утверждении перечня объектов и технологий, имеющих высокую энергетическую эффективность. Осуществление инвестиций в создание которых является основанием для предоставления инвестиционного налогового кредита. URL: http://www.referent.ru/1/182199

[8] Приказ ФНС РФ от 28.09.10 № ММВ-7–8/469 URL: http://www.rg.ru/2010/11/12/nalog-dok.html

[9] Приказ ФНС РФ № САЭ-3–19/622. URL: http://www.referent.ru/1/181551

[10] *Александров И.И.* Налоги и налогообложение М.: Дашков и К, 2006.

[11] Налоги и налогообложение Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской СПб.: Питер, 6-е изд., 2009.

[12] Налоговая политика. Теория и практика. Под ред. *И.А. Майбурова* М.:.ЮНИТИ, 2010.

[13] Страховые взносы в 2016 году: тарифы и изменения. bs-life.ru http://bs-life.ru/finansy/nalogy/strahovie-vznosy-2015.html.

[14] Петербургский правовой портал, 5 марта 2013 URL: http://ppt.ru/news/115925

ПРИМЕНЕНИЕ СУПЕРКОМПЬЮТЕРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Петрунин Ю.Ю.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Статья посвящена использованию технологий Больших данных и суперкомпьютерных технологий в политических и социальных науках. Показана взаимосвязь этих методов. Раскрыты достижения и перспективы этих методов в политической науке и государственном управлении.*

Бытует расхожее мнение о существующем разрыве между точными и социально-гуманитарными науками. Соответственно и инструменты – в частности, компьютационные (вычислительные) модели, эффективно применяемые в естественно-научных и инженерных задачах – не могут использоваться в науках о человеке и обществе. Вряд ли можно согласиться с этим упрощенным стереотипом. История показывает, что ключевые фигуры, стоящие у исследования общества, часто были ключевыми фигурами и в развитии компьютинга. Вспомним имена Б. Паскаля, Р. Декарта, Г.В. Лейбница, Н. Винера, Г. Саймона и др. В наши дни компьютеры и компьютерные модели активно используются в экономике, лингвистике, политических науках. Некоторые направления этого явления представлены в [1; 2]. Как используется одно из главных направлений современного компьютинга – суперкомпьютерные технологии – в социальных и гуманитарных науках? Что эти технологии могут дать для лучшего понимания общества? Какие шаги желательно предпринять в этом направлении – и научному сообществу, и государству, и другим заинтересованным сторонам?

Дефиниция понятия "суперкомпьютер" до сих пор вызывает споры. Про суперкомпьютер можно сказать то же, что раньше говорили про определение другой фундаментальной модели компьютинга – искусственного интеллекта: *«Точного определения я дать не могу, но всегда могу узнать, когда вижу»* [3, с. 20]. Тем не менее, можно выделить некоторые признаки, свойственные суперкомпьютеру. Одним из важнейших является сверхбольшие объемы данных, которые должны быть обработаны в минимальные сроки (например, в масштабе реального времени). Этот признак роднит суперкомпьютерные технологии с другой популярной компьютационной моделью – так называемыми Большими данными (Big Data). Действительно, чтобы суперкомпьютер работал, необходимы сверхбольшие объемы данных. Термин и технология Больших данных активно

* *Петрунин Юрий Юрьевич* – д.ф.н., проф. кафедры стратегических коммуникаций факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

используется в социально-гуманитарных науках. Правда, в подавляющем большинстве случаев для этого не используются суперкомпьютеры. Представляется очевидным, что это связано с важностью и объемом задач, которые решаются. Тенденции последних лет однозначно демонстрируют, что и объемы данных, используемых в социально-гуманитарных науках, и их важность (значимость) постоянно возрастает. Это означает, что использование суперкомпьютерных технологий для решения социально-гуманитарных задач – лишь вопрос времени. Рассмотрим некоторые примеры областей, в которых это использование могло бы приносить эффективные результаты уже сейчас.

Тема Больших данных в политическом анализе широко обсуждается в современной политической науке за рубежом и в нашей стране. Большие данные характеризуются несколькими ключевыми характеристиками [4]:

- сверхбольшим объемом данных (при всей условности термина *«сверхбольшой»*),
- вариативностью, текучестью, изменчивостью данных,
- скоростью – необходимостью быстрой обработки данных,
- связностью данных,
- валидностью данных.

Фактически, все вышеперечисленные характеристики относятся к любым социальным данным. Особенно актуальными исследования Больших данных стали в связи с развитием социальных сетей. Можно выделить несколько крупных задач, которые анализируются в современной политической науке методами Больших данных.

- Анализ социальных сетей. Как мы хорошо знаем, социальные сети отражают не только массовые представления, оценки, ожидания общества, но и направления активности интернет-сообщества. Примером последнего являются политические события на Ближнем Востоке в последние годы.
- Предсказание результатов выборов. Классическая задача политологии приобретает новое качественное преобразование в Больших данных. Последние позволяют делать не только более точные предсказания, но выявить не видимые невооруженному глазу связи и причины политических явлений. Фактически малоинтересная для фундаментальной науки тема прогнозирования заменяется более глубокой темой электорального поведения.
- Миграционные процессы и др.

В нашей стране этой проблематикой активно и результативно занимается В.И. Шалак. В его работах исследуются все вышеперечисленные вопросы. Все-таки основное внимание в них уделяется проблеме политического прогнозирования. Не случайно его доклад в декабре прошлого года на факультете государственного управления в рамках секции *«Управления знаниями»* Научного Совета РАН по методологии искусственного интеллекта назывался *«Метод прогнозирования избирательных кампаний путем анализа Твиттер-сообщений»*.

Он был сфокусирован на одной из самых волнующих тем политического анализа – предсказании электорального поведения.

Данные из социальных сетей удовлетворяют основным атрибутам Больших данных: они большие по объему, быстро меняющиеся и разные по формату. Автор основного доклада продемонстрировал, что и простые методы контент-анализа могут привести к интересным выводам в сфере прогнозирования электорального поведения.

На основе эмпирических данных по выборам в Великобритании, Франции, Аргентине, США докладчик показал, что частота упоминаний претендентов в социальных сетях положительно коррелирует с успехом на выборах. При этом он сделал два важных ограничения для этого вывода. Во-первых, корреляция наблюдается не с общим числом упоминаний в сети (для которой корреляция не наблюдается), а с частотой упоминаний кандидатов в крупнейших СМИ, представленных в соцсетях. Во-вторых, положительная корреляция связана не с количеством позитивных или негативных упоминаний, а с их общим числом.

Поскольку же, как подчеркнул докладчик, СМИ не столько описывают события, сколько влияют на них, то по результатам контент-анализа можно сделать вывод о том, чего хочет добиться политическая элита страны, кого она продвигает на вершины власти. Как следствие из концептуальной модели и анализа эмпирических данных был получен вывод, что 45 президентом США станет Д. Трамп. Ни один американист, международник, политолог не согласился с этим выводом в конце 2015 года. Через год правота предложенного вывода была доказана результатами выборов в ноябре 2016 года. Почему оказался возможен такой феноменальный прогноз? Думается, что причина в том, что сонмы исследователей американского общества не заметили тектонических изменений в нем. Это сумел сделать именно аналитик, а не историк, политолог или социолог. Вся важность результата не в том, что он совпал с реальностью, а в том, что он заметил незаметные невооруженному глазу изменения в американском обществе. Приятно, что эти, не побоюсь сказать, эпохальные открытия, прозвучали на факультете государственного управления МГУ, на заседании секции Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта.

Данные из социальных сетей удовлетворяют основным атрибутам Больших данных: они большие по объему, быстро меняющиеся и разные по формату. В настоящее время продолжается стремительный рост интернета в целом и социальных сетей в частности. Если число их пользователей достигло уже сотен миллионов, то количество транзакций превышает сотни миллиардов. Чем не задача для суперкомпьютера? Тем более что результатом его работы (обработки данных) определяют будущее общества: реформы или революции, миграционные потоки, массовые настроения.

Другим направлением использования технологии Больших данных и возможного использования суперкомпьютерных технологии является область государственного управления (Public Administration). В настоящее время компьютерные технологии анализа (Data Analysis), добычи данных (Data Mining) и больших данных (Big Data) интенсивно развиваются и применяются в развитых странах в государственном и муниципальном управлении.

Большие объемы постоянно обновляющихся данных позволяют говорить о новой эре аналитики и ее применения в управлении.

Сложилась общая концепция, согласно которой современный город, регион и государство это не только физические объекты, инфраструктура, различные институты, общественные организации, органы власти и управления, но и информационная среда, публичные открытые базы данных, социальные медиапотоки, отражающие действия и настроение людей.

Классические аналитические и статистические методы не позволяют работать с сверхбольшими объемами данных.

Методы и технологии Big Data и добычи данных развиваются исходя из практических задач анализа динамически меняющихся данных, позволяя находить в них закономерности, образцы поведения, проводить многомерную классификацию и шкалирование, строить прогнозные модели, служащие основой для принятия решений. Причем речь идет не обязательно об управлении страной в целом. Даже для мегаполисов актуально использование Больших данных. Рассмотрим эти задачи на муниципальном уровне. Основным направлением применения технологий Больших данных является прогнозирование основных показателей мегаполиса: транспортных потоков, водопотребления, энергопотребления и др.

Концепция *«умного города»* (Smart Cities), возникшая относительно недавно для рационального управления городским хозяйством, невозможна без использования технологий Больших данных.

Важным аспектом муниципального и государственного управления является рациональное использование ресурсов: водопотребление и потребление электроэнергии. Мониторинг и анализ показателей даже 10 000 датчиков потребления электроэнергии в реальном времени приводит к необходимости использовать технологии больших данных. Здесь не работают традиционные методы аналитики, приспособленные для анализа сравнительно небольших объемов данных и необходимо использовать технологии Больших данных.

Результаты применения этих технологий:

- мониторинг ситуаций,
- подготовка аналитических отчетов с графическим отображением результатов,
- классификация и анализ ситуаций,
- построение предсказательных моделей,
- анализ сценариев развития и др.

Таким образом, можно отметить возрастание потребности государства в обработке и использовании больших и сверхбольших массивов данных для решения управленческих задач.

В настоящий момент у исполнительных органов власти РФ, и в частности города Москвы, существует высокая потребность в выполнении научно-исследовательских работ в области анализа больших данных.

Высокий спрос обусловлен, прежде всего, необходимостью учитывать и оперативно реагировать на стихийное развитие окружающей социально-экономической среды. Аналитическая обработка сверхбольших статистических массивов позволит принимать целесообразные решения.

В России данные технологии могут помочь органам государственной власти более эффективно предоставлять услуги населению, оказывать адресную социальную поддержку, обеспечивать эффективное развитие территорий, предотвращать мошеннические финансовые операции подведомственных организаций.

Данные технологии уже стали осваивать такие государственные органы, как Пенсионный Фонд, Федеральная Налоговая Служба и Фонд обязательного медицинского страхования. Потенциал реализации проектов с использованием Big Data большой, данные технологии могли бы помочь в улучшении качества сервисов и, как следствие, уровня жизни населения.

Например, в области городского планирования анализ больших данных позволяет:

- экономически обосновывать новые проекты и решения (напр. экономическое обоснование отказа от турникетов в наземном городском общественном транспорте);
- производить оценку реализованных программ (напр. последующая оценка социально-экономического эффекта в результате отказа от турникетов);
- контролировать бюджетные расходы подведомственных организаций (напр. контроль над дотируемыми бюджетными расходами перевозчика, статистический анализ количества льготных проездов);
- систематизировать сбор и анализ заявок от населения;
- сократить срок подготовки отчетности;
- повысить точность распределения затрат;
- визуализировать данные в формате удобном для восприятия, анализа и принятия решений.

Таким образом, существует возрастающая потребность в использовании технологий Больших данных и, как следствие, суперкомпьютерных технологий в области политических наук и государственного управления. Применение данных технологий способно решить не только важные фундаментальные проблемы, но и актуальные практические. Очевидно, что при решении таких масштабных задач необходимо объединение усилий академического сообщества, государственных органов и бизнес-организаций.

Список литературы

[1] Суперкомпьютерные технологии в науке, образовании и промышленности / Под редакцией академика В.А. Садовничего, академика Г.И. Савина, чл.-корр. РАН Вл. В. Воеводина. – М.: Издательство Московского университета, 2009.

[2] Нейрокомпьютерная парадигма и общество / Под ред. Ю.Ю. Петрунина. – М.: Издательство Московского университета, 2012.

[3] *Мичи Д., Джонстон Р.* Компьютер-творец. – М., 1987.

[4] *Burt L. Monroe.* The Five Vs of Big Data Political Science Introduction to the Virtual Issue on Big Data in Political Science Political Analysis.

МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА ДАННЫХ

Смольникова И.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В настоящее время появилось много больших таблиц данных* [2]. *Стали доступны и аналитические программы. Профессиональные компьютерные программы для бизнеса* [3–4] *дороги, поэтому в статье дан обзор доступных информационных бизнес-инструментов* [5]. *Проведена их классификация, для аналогов – сравнение. Их возможности охватывают не только разведку* (*очистку и визуализацию*) *данных, но статистические и интеллектуальные методы выявления скрытых зависимостей для прогнозов и уменьшения размерности. Информация статьи поможет выбрать нужную аналитическую систему для оптимизации своего бизнеса, социально-экономических проектов. А преподавателям выбрать программное обеспечение* (*ПО*) *для проведения практических работ при обучении информационно-аналитическим технологиям* (*ИАТ*) *управления.*

В мире, а теперь и в России, в Интернете появилось много больших таблиц социально-экономических данных, даже с online-визуализацией, например, [2]. Но это лишь один из способов **разведки** (4). Вообще же работа с данными проходит по 5-ти этапам, их трудоёмкость:

1) сбор – поиск и отбор нужных данных – 25%;
2) очистка – удаление некачественных данных – 25%;
3) обогащение – добавление отсутствующих данных – 20%;
4) анализ – извлечение знаний из больших данных с обоснованием их надёжности – 15%, или синтез – применение модели для анализа аналогичных данных – 10%;
5) интерпретация – содержательные выводы по числовым результатам – 15%.

Рассмотрим подробнее, начнём с 1 – схема сбора данных о клиентах – покупателях:

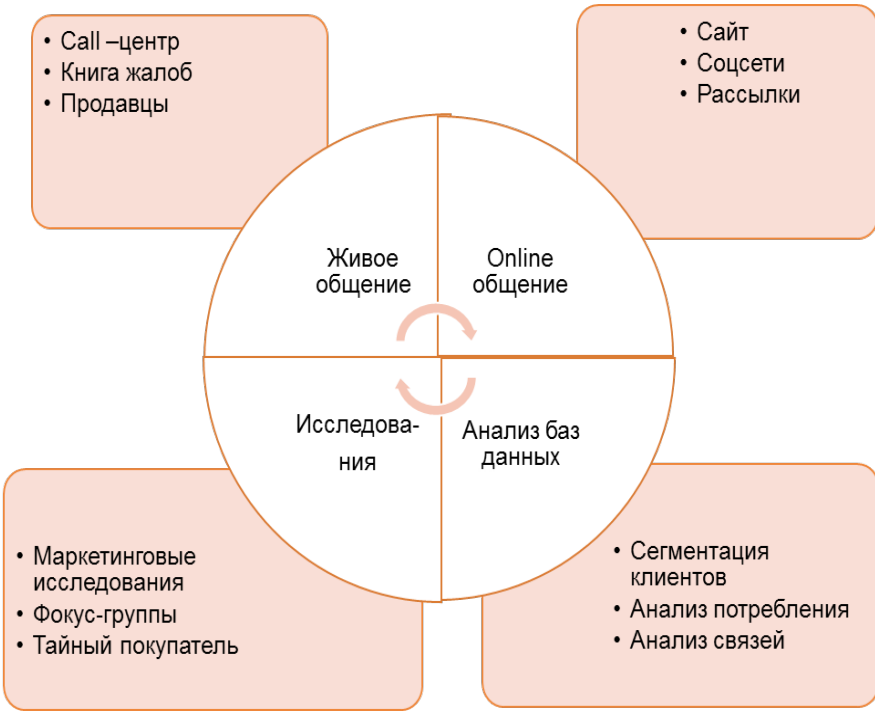


Рис. 1. Источники данных и методы обработки отобранных данных

* *Смольникова Ирина Алексеевна*, кандидат физико-математических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Так, профиль конкретного клиента складывается из данных:

- CRM-системы (управления клиентами), POS-терминалы электронной оплаты;
- сайт компании, личный кабинет;
- социальные сети, официальные органы;
- картографические сервисы;
- опросы, маркетинговые исследования.

На этапе **разведки (**4 выше) проводят сравнение имеющихся характеристик объектов по срезу (аспект, место, время) на **2–5 мерных диаграммах:**

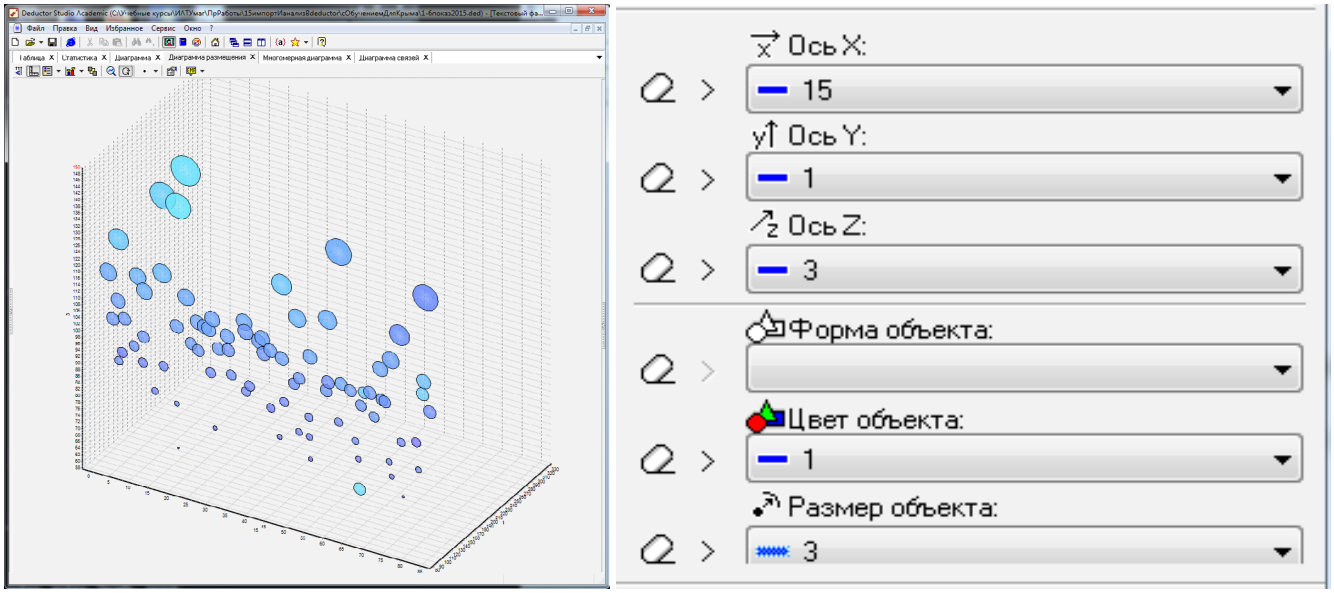


Рис. 2. Пять измерений: 3 пространственные оси, цвет и размер

А для малого числа объектов – в динамике на графиках с целью увидеть: выбросы, тренды, циклы, зависимости, скрытые переменные (факторы).

Подходы углублённого анализа (4 выше), в т.ч. Business Intelligent (BI)-поддержки управления, классифицируют:

Таблица 1.

Подходы, цели и методы углублённого анализа

№	Подходы	Цель: найти приемлемое решение	Методы
1	Дерево (таблица) решений	Лучшее из небольшого числа альтернатив	Перебор листьев дерева
2	(Свёртка и) оптимизация	Лучшее из большого числа альтернатив	Математические аналитические или алгоритмические методы [1]
3	Эвристика или **вероятность**	Правила из опыта экспертов или **индуктивного вывода** из **Big Data**	Экспертные системы или **зависимости по статистике** [3] или **Data Mining** [4]

№	Подходы	Цель: найти приемлемое решение	Методы
4	**Связь**: что-если	Выбор хорошей ситуации что-если	Маркетинг, финансовые расчёты, предиктивная аналитика
5	**Предсказание** будущего	Выбор лучшего сценария будущего из возможных	Модели прогнозирования [4], Марковский анализ
6	Имитация процессов	Лучшее из проведённых экспериментов	Компьютерные эксперименты в Anylogic, StratumComputer и др.

Для подхода 4 **на примере покупок** (не только товаров, но и услуг) с целью систематического повышения лояльности применяют методы анализа с увеличением аспектов, такие как:

1) простые: ABC (товар, выручка, маржа), XYZ (временн**ы**е ряды), RFM (новизна, частота, сумма);
2) продвинутые: социально-демографические, пространственные (географические), временн**ы**е, поведенческие, предпочтенческие (товары-маркеры).

Для подходов 3–5 проводят более глубокий анализ с целью обнаружения в ‘сырых’ **Big Data (BD)** ранее неизвестных нетривиальных (в т.ч. числовых) зависимостей.

Классы задач **Data Mining по анализу BD**:

1) кластеризация – выявление обобщённого критерия и группировка по его интервальным значениям;
2) классификация – отнесение объектов к одному из известных классов по номинальным значениям;
3) анализ связей – выявление отношений между объектами сети для определения ранее неизвестных характеристик объектов;
4) ассоциативные правила – наборы товаров, товары-маркеры;
5) последовательные шаблоны – после события X, с определенной вероятностью наступит событие Y;
6) регрессия – зависимость Y = F(X) для предсказания значения непрерывной зависимой переменной Y с помощью независимых переменных X;
7) анализ временных рядов – предсказание будущих значений по настоящим и прошлым значениям;
8) анализ отклонений от закономерности – обнаружение наиболее нехарактерных случаев, выбивающихся из общих закономерностей.

Таблица 2.

Примеры задач для продавцов по клиентам – покупателям

№	задача	примеры для продавцов по клиентам – покупателям
1	кластеризация	сегментация, целевая аудитория, её товары, миграция клиентов
2	классификация	оценка перспективности клиента, предсказание мошенничества, прогнозирование оттока, анализ рисков
3	анализ связей	противодействие мошенничеству, защита конфиденциальных данных, построение профилей клиентов, выбор каналов воздействия
4	ассоциативные правила	анализ рыночной корзины, кросс-продажи (cross-sale), повышение доходности (up-sale), лучшее товарное предложение (next best offer)
5	последовательные шаблоны	предсказание переходов по сайту, анализ отложенного спроса, оптимизация работы службы технической поддержки (купил аппарат, потом расходные материалы и запчасти к нему)
6	регрессия	прогнозирование спроса, вероятность отклика на предложение, оценка эластичности цен, кредитный скоринг
7	временной ряд	оптимизация складских запасов, прогнозирование спроса, финансовых потоков, потребности в ресурсах
8	отклонения	выявление подозрительной активности, анализ влияния маркетинговых акций, автоматический контроль выполнения KPI= ключевые показатели эффективности

Для разных исследований используют различные наборы методов по 5-ти этапам.

Пример исследования *«отток клиентов»* у телефонного провайдера:

1) выборка данных (история звонков, параметры тарифных планов);
2) очистка (исключить редкие события, удалить аномалии);
3) трансформация (сгруппировать понедельно, сбалансировать классы);
4) Data Mining – моделирование (логистическая регрессия, дерево решений);
5) интерпретация результатов (таблица сопряженности, дерево правил).

Пример исследования *«прогнозирование продаж»*:

1) выборка данных (история продаж и остатков, маркетинговые акции, связывание данных);
2) очистка (заполнить пропуски, удалить аномалии);
3) трансформация (сгруппировать помесячно, скользящее окно);
4) Data Mining – моделирование (линейная регрессия, нейронная сеть);
5) интерпретация результатов (диаграмма рассеяния, ретро-прогноз, распределение ошибки).

Наконец, по названиям факторов для руководства надо представить смысловую интерпретацию полученных знаний, дать управленцу практически полезные рекомендации. **Эффекты комплексного систематического анализа** – улучшение: планирования, экономии, интеграции, логистики, оперативности и качества обслуживания клиентов.

Задачи этапов 2–5 решают посредством **универсальных аналитических программ** MS Excel (модуль анализа), Statistica, Deductor, Prognoz, MathLab, IBM Cognos и дорогие **профессиональные** BI вендоров: Sap, Oracle, IBM, EMC, Microsoft, IBS, Cloudera, Hortonworks, Teradata и др. На ФГУ установлены первые четыре. 1-я и 2-я – русифицированы, 3-я и 4-я – отечественные. Отметим **преимущества**:

Excel:

1) допускает цвета, комментарии, тексты, гиперссылки, видео;
2) удобный импорт – экспорт.

Deductor:

1) очистка;
2) OLAP-куб, многомерная визуализация (рис.2 выше) и вращение;
3) не только корреляционный, но и факторный (более надёжный) анализ;
4) больше видов разбиений: сэмплинг, классификация, кластеризации;
5) ассоциации, правила.

Statistica:

1) больше непараметрических критериев сравнения (малых) выборок;
2) больше видов анализа;
3) учёт периодичности при прогнозе;
4) многомерная зависимость;
5) нейронные сети для 2–4;
6) анализ потери качества модели.

Prognoz:

1) карты;
2) SQL-запросы;
3) формы, сценарии;
4) обновление данных из интернета (для Демо 30 дней, иначе – покупки с подпиской) –> недостаток: долго грузятся.

Из открытых данных Росстата [2] взяты табличные данные субъектов РФ по 51-му показателю (доля в %). С магистрантами направления ГМУ проведено 2 исследования по сравнению 85-ти регионов РФ по:

1) 6-ти коррелирующим показателям на ноябрь (декабрь) 2015 года;
2) динамике каждого из 51-го показателя с 2009 по 2015 год.

Подробнее:

1. Рассмотрим, к примеру, **показатели *1–6***:

1) индекс промышленного производства (отношение к предыдущему периоду);
2) доля добычи полезных ископаемых;
3) доля обрабатывающих производств;
4) доля производства и распределения электроэнергии, газа и воды;
5) доля отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, к max субъекту (Москва);
6) доля по вылову рыбы к max субъекту (Мурманск).

1.1. Выводы по корреляции:

Таблица 3.

Корреляции 51 показателя и коэффициенты многомерной линейной регрессии в Excel

Больше всего больших значений коэффициентов корреляции в столбце 6 (рыба), что логически объяснить трудно. Рассмотрим корреляции между собой у *показателей 1–6*:

Таблица 4.

Коэффициенты корреляции показателей 1–6

1	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*
2	– 0,0247871	1			
3	**0,9384556**	– 0,07985	1		
4	0,0601724	– 0,01055	– 0,07286	1	
5	0,1392265	– 0,05235	0,183784	– 0,0578583	1
6	– 0,0099289	0,005373	– 0,00475	– 0,0020543	– 0,044451

Выводы по знаку коэффициента корреляции:

2~6, но 1 ⊥ 2, 6 и 2 ⊥ 3, 4, 5 (сырьё на экспорт не даёт вклада в отечественную промышленность), а по max модулю корреляции:

1 сильно коррелирует с 3, слабее – с 5, но 3 коррелирует с 5 → оставим большую: 1 от 3.

1.2. Результаты по линейной регрессии (вклад показателя в «1»):

1 = 0,018 * 2 + 0,7597 * 3 + 0,207 * 4 – 0,06 * 5 – 0,013 * 6 + 2,599 ± 38,168

1 = 0,745 * 3 + 26,02 ± 52,91

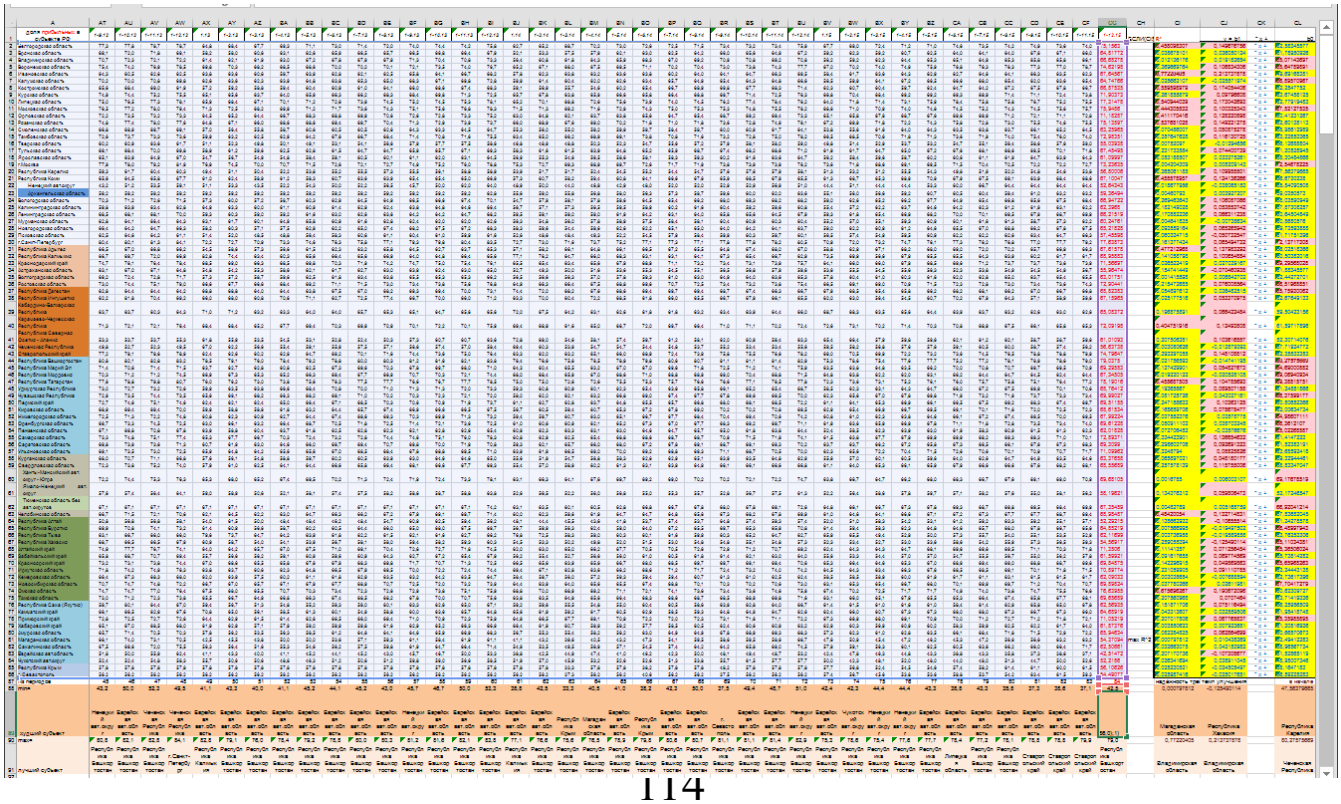
1 = 0,757 * 3 + 0,205 * 4 – 0,064 * 5 + 5,0163 ± 38,144 – лучшее, хотя погрешость велика. Т.о., наша промышленность на 70% состоит из обработки тех малых количеств полезных ископаемых, что остались в России.

2. Динамика каждого из 51-го показателя с 2009 по 2015 год (84 месяца).

2.1. Модель динамики показателя представлена в таблице 5.

Таблица 5.

Excel - модель динамики показателя



Слева – регионы по округам, справа – рассчитываемые прогноз на следующий период, а также коэффициент R2 его надёжности, темп роста (убыли) и начальное значение, внизу – минимальные и максимальные значения по периоду с указанием достигшего их региона (через функции ПОИСК ПОЗИЦИИ и ИНДЕКС – см. вверху в строке формул). Ниже (не видно) – сортировка значений темпа роста и прогноза посредством РАНГА с указанием достигшего их региона, а также определение регионов, близких по этим показателям.

Для однотипных меняющихся данных (например, Росстата) моделирование – единственный способ перейти от кустарных решений к промышленной работе. Подставляя численные данные в светлое рабочее поле справа и внизу сразу получаем результат. Бывает нужно логическое восстановление отсутствующих данных – если:

1) регион не производит вид товаров (в Москве нет рыболовного промысла), то 0%
2) индекс не изменился, то 100%,
3) отчётность не сдавалась (Северный Кавказ, Крым), то по среднему из имеющихся.

2.2. Выводы по динамике каждого из 51-го показателя, например, по наименьшей доле убыточных предприятий: до августа 2015г. и по прогнозу на 2016– Башкортостан, хотя в сентябре – ноябре 2015 – Ставропольский край.

3. Кластеризация нужна для уменьшения размерности. Для каждой группы похожих регионов можно выработать свою стратегию их развития. Например, по демографии:

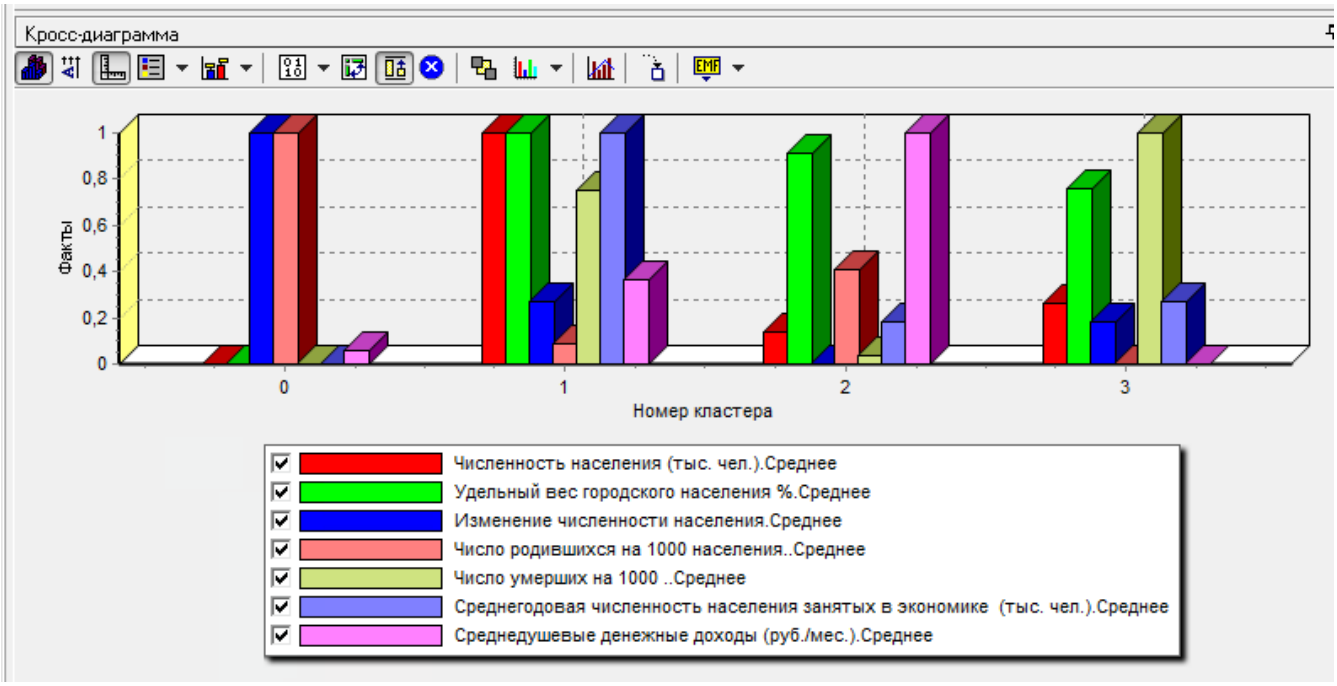


Рис. 3. Профили 4-х кластеров

Наиболее выражены 4 кластера (нумерация с 0 по 3), можно их назвать:

1) дотационные;
2) вымирающие большие;
3) возрождающиеся;
4) вымирающие малые регионы.

В кластере № 1 положение дел хорошее.

В остальных 3-х численность населения очень сильно падает.

4. Стратегию развития вырабатывают в виде сценариев с использованием математических формул, например, в Prognoz (рисунок 4).

Процессы создания (синтеза) социально-экономических моделей, их использование (моделирование) и сложности интерпретации результатов предполагают аналитическую (предметную, математическую и технологическую) квалификацию экспертов. Сейчас на эти должности берут математиков–программистов. Но при упрощении интерфейса лучшие наши выпускники тоже справятся с этой деятельностью.

Управленцу без аналитической подготовки не то что создать, трудно даже понять готовую модель, поэтому у него мало доверия к результатам и, как следствие, – отказ в применении модели. Для удобства в дорогих заказных разработках используют **цветовой индикатор – визуализатор результата** (комплексная **выходная** характеристика **= взвешенной сумме входов** = независимых показателей, где веса – например, по коэффициентам линейной регрессии) и гиперссылки для подробных комментариев. В Excel подобное можно реализовать на отдельном листе.

Авторские материалы [5] и **методика их использования в электронном виде** размещена по адресу https://sites.google.com/site/msuitam2016/. Методика была апробирована на студентах магистратуры факультета государственного управления (ФГУ), что показало возрастание интереса к исследованию и повышение качества анализа данных. Для сильных студентов доступен не только 1, но и 2-й **этап освоения компьютерных моделей** поддержки и принятия управленческих решений:

1. Освоение по индивидуальным вариантам актуальных для направления существующих моделей по возрастанию сложности
2. Прохождение полного жизненного цикла для своих:
   1) формулировка задачи;
   2) выбор математического метода или ИТ-ой модели или
   3) выбор ПО и компьютерная реализация модели анализа;
   4) тестирование, улучшение (автоматизация выводов);
   5) описание и инструкция по использованию;
   6) передача в эксплуатацию (защита проекта).

Это научит управленцев дифференцировать и обосновывать принимаемые решения. Накапливаемая **коллекция моделей** полезна как студентам, так и аналитикам.

Тенденции развития рынка BD:

1. В следующие 5 лет затраты на облачные решения в сфере технологий BD будут расти в 3 раза быстрее, чем затраты на локальные решения, станут востребованными гибридные платформы для хранения данных.
2. Рост приложений с использованием сложной и прогнозной аналитики, включая машинное обучение, ускорится в 2016 году, рынок таких приложений будет расти на 65% быстрее, чем традиционные приложения.
3. Медиа аналитика утроится в 2016 году и станет ключевым драйвером роста рынка технологий BD.
4. Ускорится тенденция внедрения решений для анализа постоянного потока информации, которая применима для интернета вещей.
5. К 2018 году 50% пользователей будут взаимодействовать с сервисами, основанными на когнитивном вычислении.

Перспективы BI: развитие методов искусственного интеллекта для добычи, обогащения и обработки больших данных, облегчение восприятия с помощью визуализации, анимации, лиц Чернова, в виде художественных образов –> возрастание мощи и комфортности восприятия.

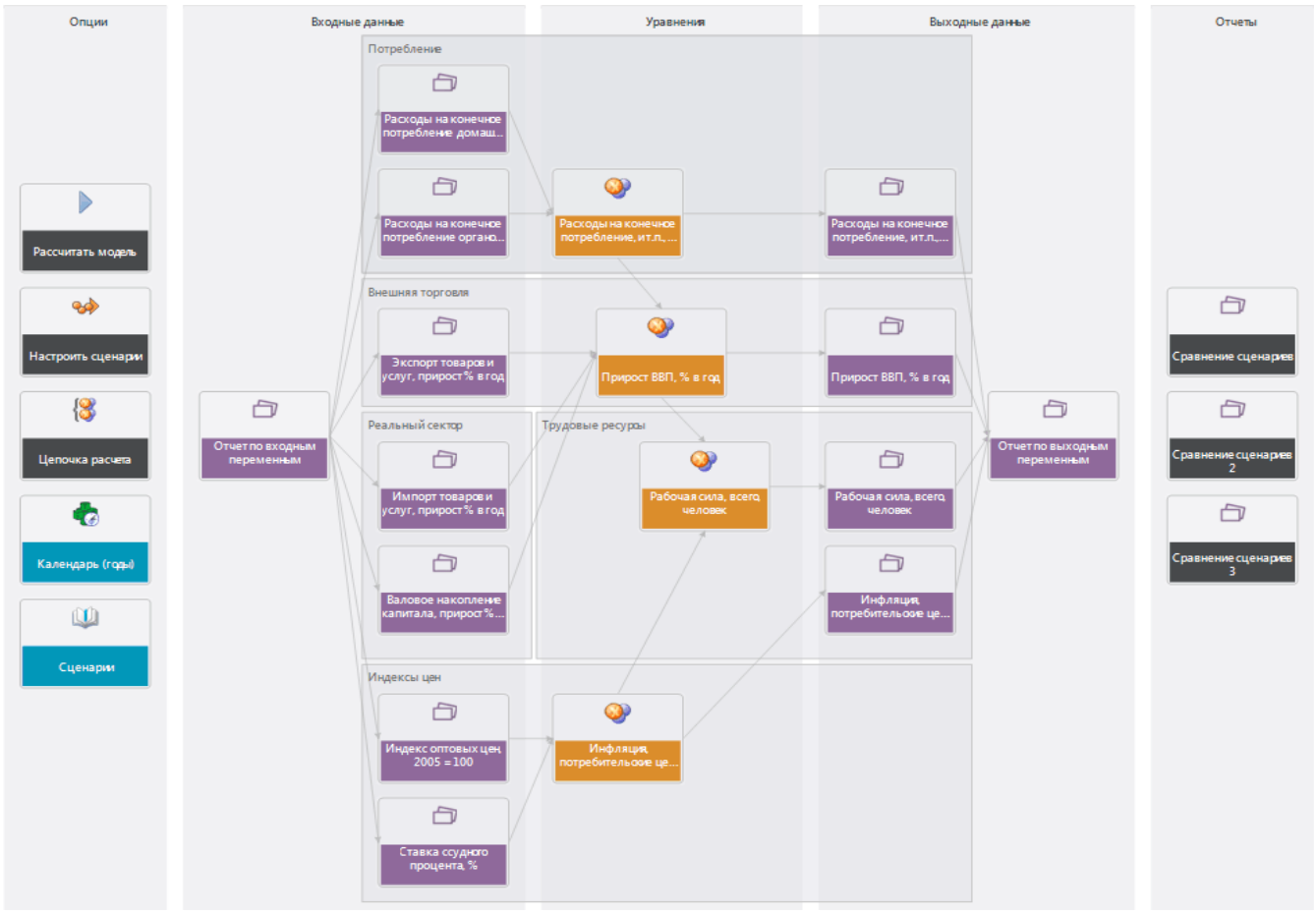


Рис. 4. 3 сценария: пессимистический, стабильный и оптимистический

Список литературы

[1] *Смольникова И.А., Мартынов Ю.В.* Интеграция компьютерного моделирования управления для обучения и практического использования. / Гос. управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 7-й междунар. конференции. ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова. 2009. Ч. 3. С. 647–656.

[2] Центральная база статистических данных (ЦБСД) на Едином Интернет-портале Росстата: http://cbsd.gks.ru (дата обращения: 30.05.2015).

[3] *Петрунин Ю.Ю.* Информационные технологии анализа данных. Data Analysis/ учебное пособие. М.: КДУ, 2008.

[4] Когнитивная бизнес – аналитика. Под ред. Абдикеева Н.М. М.: Инфра-М, 2014.

[5] *Лавренова Е.В., Смольникова И.А.* Технологии анализа данных и методика их использования. / Применение новых педагогических технологий: Материалы 23-й Межд. конференции-выставки. – М.: Троицк, 2016. Секция 1.

АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС)

Гаврилюк А.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассмотрены основы экономической интеграции в ЕАЭС, определены ключевые достижения и проблемы в этой области, дана оценка перспектив евразийской экономической интеграции. Рассматривается роль стран-участниц в формировании инновационного климата, а также предлагается комплекс мероприятий на макро- и микроуровне для повышения инновационной активности бизнеса.*

В среде глобальной конкуренции доминировать на мировом экономическом пространстве могут только страны, обладающие мощным научно-производственным потенциалом, емким рынком и внутренними источниками развития. Для относительно небольших государств возможность к обретению этих преимуществ лежит через интеграцию – процесс соединения экономических потенциалов государств с целью обеспечения эффекта развития для национальных экономик [2, с. 211].

Международная экономическая интеграция – это процесс взаимопроникновения национальных экономик разных стран, ведущий к их постепенному экономическому слиянию. Ее фундаментом являются процессы усиления взаимозависимости национальных хозяйственных систем с целью устранения национальных барьеров на пути взаимного торгового, финансового, производственного и иного взаимодействия. На межгосударственном уровне экономическая интеграция ЕАЭС осуществляется путем формирования региональных экономических объединений государств и согласования их внутренней и внешней экономической политики. Она проявляется в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, создании друг другу благоприятных условий для экономической деятельности, снятии взаимных административных, торговых и иных барьеров [4, с. 24].

Международное сотрудничество, опирающееся на эффективные региональные организации, приносит неоспоримую выгоду партнерам. Сотрудничество между суверенными государствами, имеющими общие границы, способствует организации крупных рынков для национальных потребителей и производителей; способствует динамичному росту экономики посредством сокращения барьеров на пути транспортировки товаров, услуг, рабочей силы, капитала. Следует заметить, что данный эффект формируется не только на основе *«эффекта масштаба»*, но и при проявлении *«синергетического эффек-*

* *Гаврилюк Артём Владимирович*, аспирант кафедры экономики инновационного развития факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ma», при котором рост производительности происходит в результате кооперации отдельных элементов в общую систему [1, с. 44].

Интеграционные процессы являются не только инструментом, обеспечивающим экономический рост, но также и политическую стабильность, так как слияние национальных экономик снижает вероятность каких-либо конфликтов на политической почве [3, с. 21].

Международная экономическая интеграция, расширяя рынок и объединяя национальные производственно-технологические потенциалы, повышает устойчивость участвующих в ней государств к внешним угрозам, что подтвердил нынешний мировой экономический кризис, стимулировавший процессы международной экономической интеграции и производственной кооперации [4, с. 24].

Основным приоритетом в эффективном экономическом развитии стран ЕАЭС является проведение структурно-технологической перестройки экономик на основе нового технологического уклада. Ведущими направлениями развития, является комплекс био-, нано- и информационно-коммуникационных технологий. Среди совместных международных направлений развития ЕАЭС можно выделить:

- Формирование межгосударственной системы образования, посредством создания электронных сетей дистанционного обучения, объединяющих учебные заведения стран–участниц ЕАЭС с лучшими университетами мира.
- Разработка программ образования промышленных кластеров, технологических платформ и транспортной инфраструктуры, базирующихся на развитии традиционных отраслей промышленности и развитии новых производств.
- Создание предпосылок для ускоренного развития наукоемких отраслей промышленности, способных повлиять на ускорение развития, повышение качества производства всей гаммы продукции промышленности, особенно экспортного назначения.

Самым эффективным методом в повышении конкурентоспособности интегрируемых стран ЕАЭС является диверсификация экономики. При повышении конкурентоспособности национальных экономик интегрируемых стран ЕАЭС появляется возможность в решении как социальных, так и экономических задач.

Для повышения конкурентоспособности экономик государств–членов ЕАЭС необходимо разработать механизм научной и технологической кооперации предприятий и секторов экономики, создать совместные программы развития путем организации совместных компаний. Государство занимает центральное место, так как воздействует на процесс через принятие и реализацию соответствующих государственных программ и создание госкорпораций, а также оказывая иную господдержку, в виде предоставления льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей, в консультационной поддержке и содействии в создании проектной документации, в формировании спроса на продукцию, финансовом обеспечении (в том числе через субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал), поддержке экспорта, обеспечении инфраструктурой [5, с. 63].

1) Чтобы закрепить в производстве новый технологический уклад, необходимо обеспечить непрерывность инновационного процесса: внедрение в практику управления технологий одновременного проектирования всех фаз научно-производственного цикла продукции. При внедрении современных технологий в производство большое значение имеет связь между производителем оборудования для новейших технологий и его потребителем. В настоящее время в ЕАЭС сохраняется низкий уровень межотраслевой координации инноваций, что затрудняет применение механизмов конвергенции технологий и соответствующих методов управления. Огромное значение в координации инновационных процессов, в единении технологически связанных производств нового технологического уклада имеют крупные компании и финансово-промышленные группы, они являются катализаторами инновационного процесса. Масштабные финансовые и технологические риски при разработке новых технологий могут взять на себя крупные наукоемкие компании. Они контролируют каналы сбыта, являются владельцами форматов и стандартов, что обеспечивает конкурентные преимущества на высокотехнологичном рынке [6, с. 68].

Единое экономическое пространство является более глубокой формой международной экономической интеграции и включает в себя, наряду с действующим Таможенным союзом, такие аспекты, как проведение согласованной экономической политики, обеспечение свободного движения капитала, услуг, трудовых ресурсов и доступ к инфраструктуре государств–членов ЕАЭС. В рамках ЕАЭС должны функционировать однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах, гармонизации и унификации норм и правил [6, с. 69].

Технологическое сближение экономик стран ЕАЭС рассматривается в качестве одной из основ повышения конкурентоспособности производств. Разработка и реализация согласованной научно-технологической политики, нацеленной на технологическое сближение экономик стран-партнеров, включающей интеграционное сотрудничество с другими экономиками стран в международном технологическом и инвестиционном развитии, будет содействовать повышению конкурентоспособности экономик стран ЕАЭС, решению задач оптимального использования их ресурсного потенциала.

Развитие техрегулирования составляет один из основных и ключевых элементов интеграции стран–партнеров ЕАЭС. Создание системы техрегулирования в ЕАЭС позволит устранить технические препятствия, возникающие в процессе осуществления торговой деятельности, являющиеся серьезной проблемой для успешного ведения бизнеса в странах–участницах ЕАЭС. Данная система позволит упростить процесс выхода продукции на рынок, позволит применять единые документы соответствия продукции и единый товарный знак [7, с. 90].

К концу 2013 года страны ЕЭП сделали конкретные шаги в области гармонизации технического регулирования, переданного в наднациональное ведение, о чем свидетельствует подписание ряда документов:

1) Соглашение, регламентирующее основы гармонизации техрегламентов стран ЕврАзЭС, наряду с Протоколом о внесении изменений в данное Соглашение, от 24.03.2005 г.

2) Соглашение, регулирующее порядок применения Единого знака обращения товаров на рынке стран ЕврАзЭС, от 19.05.2006 г.
3) Соглашение по регулированию процесса согласования странами ЕЭП экономической политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер, от 25.01.2008 г.
4) Соглашение, регулирующее процесс создания информационной системы ЕврАзЭС в области технического регулирования, ветеринарных, санитарных и фитосанитарных мер, от 12.12.2008 г.
5) Соглашение, регулирующее обращение продукции, подлежащей обязательной оценке соответствия, на таможенной территории ТС, от 11.12.2009 г.
6) Соглашение, регламентирующее единые принципы и правила техрегулирования в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан, от 18.11.2010 г.

В техрегламентах определяются требования к обязательным качественным характеристикам продукции: обозначается минимальный уровень обязательных характеристик, обеспечивающих безопасность людей и экологии. Технические регламенты не содержат методы, применение которых позволило бы достичь регламентированных обязательных требований, чтобы производитель продукции не был тем самым ограничен в выборе технологии для производства. В то же время, положения технических регламентов не должны создавать условия сдерживающие процесс модернизации производственной базы и имплантации инноваций [6, с. 71].

Существует некоторое противоречие в использовании технических регламентов: техническое регулирование стран интеграционного объединения, позволяет контролировать качество самого товара, в то время как сам процесс производства данного товара остается *«неподконтрольным»*. Данная система контроля делает внедрение инноваций и модернизацию продукции дорогостоящими, так как предприятия вынуждены согласовывать действия по способам изменения производства продукции.

В настоящее время ЕЭК продолжает осуществлять работу по разработке новых проектов технических регламентов. После введения в действие всех технических регламентов в ЕАЭС, страны-участницы интеграции будут обеспечивать выпуск продукции, которая будет соответствовать всем прописанным в них требованиям, без необходимости предъявления дополнительных требований к ней и осуществления других процедур подтверждения соответствия.

Ускоренное формирование международной экономической интеграции стран ЕАЭС служит движущим фактором экономического роста, а также создает дополнительные перспективы и возможности для преодоления сложившейся топливно-сырьевой направленности экономик Республики Казахстан и Российской Федерации. Повышение скорости развития обрабатывающих отраслей промышленности Российской Федерации, продукция которых обладает низкими конкурентными преимуществами на западных рынках, возможно только при ускоренном создании общего внутреннего рынка на интеграционном пространстве, с развитием технологической и производственной кооперации [7, с. 90].

Значение и целесообразность формирования ЕАЭС обусловлены рядом ключевых преимуществ интеграции. Благодаря увеличению рынков сбыта товаров и формированию единой таможенной территории формируется благоприятная среда для восстановления трансграничной научно-технической и производственной кооперации предприятий, производящих товар с высокой добавленной стоимостью. Сокращение издержек производственной кооперации, благодаря ликвидации таможенных, торговых и технических барьеров, способствует повышению конкурентных преимуществ и экономическому росту стран ЕАЭС [5, с. 62].

Другим значительным преимуществом экономической интеграции стран ЕАЭС является сокращение транзакционных издержек. По статистическим данным, до половины времени, необходимого для транспортировки товаров, до создания Таможенного союза приходилось на простой в очередях при пересечении таможенной границы. Ликвидация границ упростила кооперацию производства, при которой сложное изделие в несколько приемов пересекает межгосударственные границы. Формирование Таможенного союза, послужило сокращению издержек при совместном производстве товаров, повышению конкурентоспособности и расширению рынков сбыта. Увеличение общего рынка в масштабах ЕАЭС, позволяет сделать экономики стран-участниц интеграции более устойчивыми к влиянию глобального экономического кризиса, увеличивает площадь технологического развития [8, с. 74].

Однако наряду с выгодами существует ряд трудностей, с которыми приходится сталкиваться предприятиям стран ЕАЭС. Формирование общего рынка стран–участниц ЕАЭС, привело к появлению конкуренции в некоторых отраслях: агропромышленном, химико-металлургическом и строительном комплексе, а также в торговле [9].

Тем не менее рост конкуренции на внутреннем рынке стран ЕАЭС для подавляющего большинства отраслей будет незначительным. А в тех отраслях, где повышение конкуренции все же произойдет, общий макроэкономический эффект будет положительным, так как будет содействовать снижению монополизации рынков и нормализации конкуренции.

Конкурентоспособность, прежде всего, связана с формированием и использованием потенциала рыночного субъекта, его создание и реализация могут быть эффективно осуществлены следуя определенному алгоритму, плану или в соответствии с разработанной стратегией. Поэтому проработка стратегии в конкурентной борьбе имеет огромное значение [4, с. 25].

Разработка стратегии по формированию конкурентоспособности состоит из нескольких этапов:

1. Оценка позиций объекта конкурентной борьбы (государства, предприятия, товара).
2. Прогноз возможных изменений условий конкурентной среды.
3. Собственно разработка стратегического плана действий с вариантами реакции на различные прогнозные ситуации [6, с. 64].

Данные этапы сохраняют свою значимость для любого уровня ведения конкурентной борьбы. В то же время чем масштабнее и сложнее субъекты этой борьбы, тем более важной и сложной становится задача по разработке стратегии уже на начальном этапе оценки конкурентных позиций. Промышленным производствам стран ЕАЭС важно оценить свое положение в отрасли, определить структуру самой отрасли, темпы ее развития, высоту барьеров вхождения в отрасль потенциальных конкурентов, степень технологической, организационной и финансово-экономической интегрированности отрасли и пр. [6, с. 65].

Большое значение при разработке стратегии имеет прогноз изменения конкурентных условий. Данный прогноз предполагает создание системы мониторинга конкурентной среды, с целью определения потенциальных возможностей и вероятных угроз со стороны конкурирующих фирм. Мониторинг конкурентной среды дает возможность развернуть оценку конкурирующего субъекта во времени и придать ему определенную динамику. Постоянно меняющиеся условия рынка стран ЕАЭС требуют корректировки организации мониторинга, поэтому очень важно понимать, что мониторинг – это не просто механическое наблюдение за развитием рынка, а творческое взаимодействие с ним, формирование определенной системы прямых и обратных связей [6, с. 71].

При разработке и реализации стратегии развития важно учесть несколько условий:

1. Разработанный план должен обновляться и корректироваться в соответствии с постоянно меняющимися условиями, что позволит обеспечить устойчивость стратегической направленности.
2. Стратегия должна безоговорочно выполняться. В процессе реализации стратегии могут допускаться незначительные корректировки программы, которые не влияют на суть самой стратегии.

Еще одним из важных аспектов формирования ЕАЭС является увеличение эффективности транзитного потенциала стран интеграционного пространства. Отсутствие барьеров на внутренних границах, безусловно, приведет к росту грузоперевозок. Также данный факт открывает равный доступ к инфраструктуре, что очень важно и актуально для Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения, Киргизской Республики как стран, практически не имеющих выхода к морю.

При проведении единой промышленной и технологической политики странами ЕАЭС, предусматривающей совместное финансирование проектов, имеющих высокий интеграционный потенциал, приведет к прогрессивному росту макроэкономических показателей [10].

Более того, эффекты от интеграции могут быть значительно повышены в условиях динамичного развития стран ЕАЭС. Высокие базовые характеристики экономической динамики будут способствовать получению больших выгод из межстрановой кооперации. В этой связи создание ЕАЭС предъявляет дополнительные требования к качеству экономической политики, так как эффективное использование потенциала интеграции ЕАЭС возможно лишь при условии динамичного и устойчивого экономического роста [5, с. 72].

Данный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Ускорение интеграционного процесса по укреплению и развитию стран ЕАЭС имеет существенную экономическую эффективность как для всех участников интеграционного процесса одновременно, так и для каждой из этих стран в отдельности.
2. Прежде всего, интеграционный эффект достигается за счет расширения и укрепления кооперационных связей и рынка взаимного товарообмена продукции обрабатывающих отраслей промышленности и продукции сельского хозяйства, которая по своим конкурентным параметрам не может быть реализована на рынке других стран. Это в первую очередь относится к машиностроительной, сельскохозяйственной продукции и пищевой промышленности.
3. Эффект от интеграции стран ЕАЭС в значительной степени зависит от политики ценообразования на рынке топливно-энергетических ресурсов. Приемлемые ценовые условия позволят существенно повысить привлекательность ЕАЭС для вхождения в него новых государств.
4. Наиболее эффективным взаимодействием является максимально глубокий уровень интеграции, предполагающий наряду с поддержанием отношений свободной торговли, реализацию общей системы согласования целей экономической политики, обеспечивающих использование по максимуму потенциала развития интегрируемых стран ЕАЭС [6, с. 69].

Таким образом, анализ развития механизмов международной интеграции, технологической кооперации промышленных предприятий и отраслевых комплексов ЕАЭС показал, что в основе поставленных задач лежит достижение главной цели – повышение конкурентоспособности экономик стран–участниц интеграционного процесса, на что в конечном итоге должна быть ориентирована экономическая стратегия и политика интеграционного объединения, как субъекта глобальной конкурентной борьбы. При этом ядром данной конкурентной стратегии является промышленная политика, отражающая интересы как отдельных стран-участниц, так и интеграционного объединения в целом.

Список литературы

[1] *Волков С.Д., Кокушкина И.В.* Особенности экономической интеграции на постсоветском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 42–52.

[2] *Воронина Т.В.* Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // Terra Economicos. 2010. № 3. С. 208–215.

[3] *Глазьев С.Ю.* Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал. 2013. № 3. С. 3–37.

[4] *Глазьев С.Ю.* Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России // Российский экономический журнал. 2011. № 6. С. 23–26.

[5] *Глазьев С.Ю.* К устойчивому росту – через справедливый мировой экономический порядок (доклад, представленный на V Астанинский экономический форум) // Российский экономический журнал. 2012. №2. С. 57–75.

[6] *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М., Экономика, 2010 – С.62–73.

[7] *Егоров Н.Е.* Концептуальные основы построения модели региональной инновационной системы на основе кластерного подхода // Журнал об инновационной деятельности *«Инновации»*. 2011. № 8. С. 89–91.

[8] *Клочков В.В.* Эффективность кооперации в сфере исследований и разработок: временные аспекты // Журнал об инновационной деятельности *«Инновации»*. 2011. № 8. С. 71–77.

[9] Евразийский экономический союз, официальный сайт. URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения 27.03.2015).

[10] Евразийская экономическая комиссия, официальный сайт. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru /Pages/default.aspx (дата обращения 5.04.2015).

III. РЕВОЛЮЦИИ И КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В РОССИИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ

Калинов В.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Статья посвящена проблеме восприятия революционных событий в России французским обществом. Показано, как эти события трактовались в «правой» и «левой» печати; выявлено, как во Франции были осмыслены причины, приведшие к революции; обозначены отличия в восприятии французами собственной революции (1789 г.) и той, что проходила в России.*

Вопрос о влиянии революции на общество во Франции к началу XX в. обсуждали уже более столетия. Революция в России стала для французов одновременно и подобием их собственной, и *«terra incognita»*. За ней следили с интересом и надеждами. В характеристиках событий 1905–1907 гг. сразу же определились 3 основных направления (правые, либералы и левые). Помимо них были независимые характеристики (А. Франс, Э. Реклю и др.). Не ставя задачу детально охарактеризовать большое многообразие суждений, делается попытка показать на основании публикаций того времени, как именно видели революцию в России её видные современники, а также показать, вокруг каких проблем фокусировали внимание журналисты, политики и ученые.

Сближение двух стран происходит после поражения Франции в войне 1870–1871 гг., когда она искала союзников против Германии. Неудачная для России война с Японией сильно беспокоила французов. Первую российскую революцию большинство людей, следивших за её развитием, рассматривали как важнейшее событие. Французская республика – *«страна революций»* – не усматривала в нашей революции аномального социального явления, выделяла её особенности и черты сходства с Великой французской революцией 1789–1794 гг. Россию французы долгое время воспринимают как неисчерпаемый источник людской силы в случае войны с германским блоком. Два визита Николая II во Францию и его *«династическая дипломатия»* завершились подписанием русско-французской военной конвенции и расширением сотрудничества двух стран. Такие результаты воодушевляли *«этих добрых французов»* (выражение царя), вселяя в них надежду на успех в случае нового столкновения с немцами. Первые десять лет сотрудничества стали буквально *«медовым месяцем»* русско-французского союза, когда во Франции не было ничего, кроме восхищения всеми его проявлениями.

На этом фоне и случилось *«кровавое воскресенье»* в Петербурге. 9 января 1905 г. (*«Красное воскресенье»* у французов) в газетах консерваторов вна-

* *Калинов Виктор Иванович*, к.и.н., доцент, факультет государственного управления имени М.В. Ломоносова.

чале было воспринято как одно из не столь уж значительных событий. В *«Муveман сосиаль»* сравнили этот день с апрельской забастовкой в Лиможе, где также использовались войска и погиб 1 человек. Хотя левые назвали этот день началом новой эры.

Во влиятельном правом журнале *«Аксьон франсез»* русская революция упоминалась весьма редко и вскользь. Например, в статье *«Второй пересмотр дела предателя Дрейфуса»* писали, что во второй половине 1905 г. следует быть осторожными во внутренней политике, потому что уже сам по себе этот год был очень нелегким для страны вследствие целой серии тяжких событий: кризис в Танжере, принятие закона о разделении церкви и государства (явившегося плодом 25-летних дискуссий и породившего, в свою очередь, множество имущественных конфликтов на западе и центре Франции), *русская революция*, тройные выборы (президентские, сенатские и законодательные) [3, с. 17].

И социалисты и анархисты утверждали, что царь приказал своим солдатам стрелять в рабочих 9 января 1905 (у французов – 22 января). Другие писали, что войска, хотя их направили только следить за порядком, были забросаны чем попало и даже обстреляны. В клерикальных газетах даже высказывалось мнение, что пострадавших солдат было даже больше, чем спровоцировавших стрельбу манифестантов.

В *«Журналь офисьель»* за январь 1905 г. революции в России почти не нашлось места, хотя упоминание, например, о русско-японской войне и Порт-Артуре там встречается. Правительственные круги Франции, несмотря на весь свой республиканизм, стремились во что бы то ни стало сохранять хорошие отношения с самодержавием.

Премьер-министр М. Рувье, начинавший как крайне левый политик, упомянув *«Красное воскресенье»* в России, заявил в палате депутатов, что Франция будет и впредь соблюдать союзный договор с Россией. Ответом ему были крики социалистических депутатов: *«Долой царя! Смерть убийце!»* [3, с.4].

Министр иностранных дел Т. Делькассе призвал соблюдать осторожность в осуждении внутренних дел иностранного государства, добавив, что Альянс (Антанта) дал за последние десятилетия безопасность России и Франции. Социалистические депутаты парировали, заявив, что Париж заплатил за это пять миллиардов [3, с. 75–77]. Французские социалисты не только стремились привлечь свою нацию на сторону русских революционеров, но они также старались обратить влияние французского правительства в пользу своих предложений, советуя даже разорвать дипломатические отношений с Россией...

Представители правительства, однако, были непоколебимы, утверждая, что *«сплетни противников Альянса»* не смогут найти никакого отголоска у официальных властей: французское правительство не будет вмешиваться во внутреннюю политику своего союзника... И это несмотря на то, что во Франции появились обвинения российской бюрократии в повальной коррупции: простое управление военным министерством позволило генералиссимусу (так в подлиннике – *В.К.*) Куропаткину нажить до января 1905 года личное состояние свыше шести миллионов рублей. А Сухомлинов, генерал-губернатор Киева, в одиночку (как было доказано официальным расследованием) прикарманил

23 тыс. фунтов стерлингов, и только за 1904 г., по конфиденциальным сведениям, из потраченных на войну с Японией 320 тыс. фунтов не дошло до армии около 20%) [4, с. 257–260].

Во Франции обсуждались причины революции, и прежде всего – жесткая бюрократическая система, созданная *«силовиками»*, отсутствие реальных прав у населения. У большинства газет почти не было разногласий по вопросу о негативной роли российской бюрократии. Они выражали сожаление по поводу неумения правительства навести порядок. При неспособности органов власти выполнить эту задачу во Франции предлагали привлекать людей умных из зажиточных классов (среднего класса), которые особенно были бы полезны в кризисной ситуации.

К другим причинам отнесли и крестьянский, и национальный вопросы, подаваемые как следствие близорукости, ошибок и неповоротливости власти. Рабочий вопрос до осени 1905 г. широко не поднимался (например, Э. Реклю, выступая в 1908 г. на собрании Общества друзей русского народа, говорил, что, как когда-то *«третье сословие»* во Франции, в России *«рабочий мир требует своей части свободы...»*) [6, с. 7]. Отмечалось, но особо не подчеркивалось, существование крупных (по удельному весу – до трети населения больших городов) отрядов пролетариата в России и их противоречий с предпринимателями.

Ещё одной из причин называлась пропаганда в печати (хотя, как писал П. Кийяр, в России *«газеты и говорят, и замолкают по приказу»*) [5, с.564–565]. Встречались при поисках причин революции заявления о том, что в России всё ещё существует *«тайна русской души»*, осложняющая любую деятельность, в т.ч. и революционную: *«Душа мужика подобна плодородной, но непаханой степи, где полезные растения живут вперемешку с сорняками; вглядываясь в эту зеленую зыбь издали, отличить одно от другого невозможно. Только после того, как по целине этой пройдутся коса и плуг, станет ясно, что она в себе таит. А пока этот день не настал, нечего и подступаться к здешним зарослям; самое большее, что можно оттуда вынести, это несколько цветочков в огромном ворохе травы»*. Круг называемых причин был широк, не обошлось даже без намеков на *«масонский след»*. Сюда же депутат- республиканец граф Поль де Борегар отнес связь российских социалистов с европейским движением, отмечая, что и в России у социалистов было много сочувствующих.

Среди причин восстания французы видели как проблемы и ошибки властей в аграрном вопросе [4.с.17], так и господство подавляющей население судебно-полицейской системы, созданной Плеве, Муравьевыми и Сипягиным, когда любой человек, подозреваемый в политической деятельности, мог быть арестован и брошен в тюрьму без суда и следствия.

При определении целей революции разброс был меньше, но он был. Известный журналист А. Леруа-Больё, писал, что, по его предположению, сделанному ранее, японская *«война и поражение будут для России началом новой эры...Россия будет иметь Конституцию или революцию»* [12, с.4]. Он также сравнил революции в странах-союзницах: *«Имя русской революции, может быть, будет в истории таким же великим, как и имя Французской революции. Русские любят сравнивать свою революцию с французской и, может быть, злоупотребляют этим»*. Как

левые, так и правые сегодня хотят избежать судорог и несчастий Французской революции... Проволочки Царя, кажется, исходят из обеспокоенности тем, что он хочет избежать судьбы Людовика XVI. Э.Реклю сказал в 1906 г., что *«Московская революция будет определенно того типа, что и французская – в числе великих эпох человечества»* [6, с.6].

Применительно к самому процессу революции либеральные, да и другие политические течения уделяли внимание таким взаимосвязанным темам, как: царь и бюрократия, причины и цели борьбы, её методы, реформы, необходимые для России, роль земств, всеобщее избирательное право, Конституция, перспективы революции. Французы анализировали роль отдельных личностей и событий, произошедших уже в 1-й год революции: смерть великого князя Сергея Александровича (левые характеризовали его как морально падшего предводителя шайки разбойников, а правые назвали хрупкой и меланхолической натурой); призвание к власти графа С. Витте, названного Жоржем Клемансо защитником самодержавия, чьи ошибки и преступления он попытался прикрыть, и позиция самого Николая Второго (царь стремился сохранить самодержавие наряду с конституционным правительством. Слово *«Конституция»* не упоминается ни в рескриптах, ни в любых других официальных документах. Он до сих пор подписывается как *«Император самодержец»*. И такое поведение фактически не оставляет места для сомнений в его намерениях); а также восстание на броненосце *«Потемкин»* и всеобщая политическая стачка. Неоднократно французы обращались к царскому Манифесту 19 августа 1905 г. (о Булыгинской Думе). Левые (Ж.Жорес) указывали, что документ полностью игнорировал политические требования трудящихся. Другой социалист – Ла-Шене объявил, что именно всеобщая забастовка означает для России начало новой эры...

Сюда же депутат республиканец граф Поль де Борегар относит связь российских социалистов с европейским движением, отмечая, что в России у социалистов было много сочувствующих. Анатоль Франс выступил с пламенной речью *«Чудовищный альянс деспота с Республикой»* [3, с.75]. Он призвал: *«Граждане, давайте объявим себя врагами царя и друзьями России»*. Перспективы русской революции во Франции видели по-разному: обнадеживающий взгляд социалистов и анархистов ярко контрастировал с пессимизмом консерваторов. Это можно объяснить тем, что многие из упоминаемых событий были неблагоприятны для царя. Социалисты осудили Николая Второго за события на *«Потемкине»* [8. 01 juilet 1905, p. 3], призвав разорвать дипломатические отношения, принудить царя выполнить требования революционеров.

Среди французских социалистов были также обвинители не только реакционных министров, царя, но русского народа в целом и правительства Франции. Единственная надежда возлагалась ими на русских социалистов, которым они предоставляли кредит доверия за их неутомимое лидерство в революционной агитации, основанной на трудах П. Кропоткина и К. Маркса [10. 20 janvier 1906, p. 36].

Их оппоненты – французские консерваторы – быстро осудили *«пропагандистские операции»* социалистов и анархистов, обвинив тех, например, в преувеличенных рассказах о *«Красном воскресенье»*. Находившиеся в массе своей

также на правом фланге политического спектра католики хотели бы, когда всё успокоится, видеть у власти в России *«хорошего тирана»*, доброжелательного деспота, в окружении компетентных и просвещенных советников, которые бы могли эффективно править такой разношерстной толпой, как русский народ. Попутно католики во Франции также сравнивали две Великие революции – Французскую и русскую.

Анонимный автор в католической газете *«Ла реформ сосиаль»* в марте 1905 г. утверждал, что в России только передовые интеллектуалы и требовали Конституции. Мужики же, составляя около 95% населения, еще смотрели на царя, как на своего отца и защитника. Однако здесь следует заметить, на что не обратили внимания католики, что Конституции требовали также забастовавшие железнодорожники, которые имели о ней весьма смутное понятие.

Католики сожалели, что при царях в России всё ещё поддерживается *«режим насилия против католицизма»*. Когда же из-за угроз престолу Николай II вынужден был пойти на уступки религиозным сектам, католики заявили, что, однозначно, предоставление в империи свободы вероисповедания могло бы стать самой мудрой реформой царя.

Для России католики предложили проводить обучение служителей церкви, чью аморальность и незнание Священного писания они жестко осудили. Было заявлено, что духовенство русской церкви было очень необразованным и совершенно бессовестным в вопросе об источниках своих доходов. С их точки зрения, нужна была также реформа семинарий...

По образному выражению обозревателя из правого лагеря, российская *«революция проснулась с криком боли»*, это был бунт против бюрократической системы управления, против *«постоянного режима дикости и варварства»*, который отказывается от предоставления самых элементарных гарантий жизни человека... И её методы борьбы также встречены были во Франции неоднозначно: всеобщую стачку при различии подходов оценили как мощнейшее и еще не до конца оцененное оружие, а вот силовые методы, примененные, в частности, эсерами (кстати, весь 1905 г. на страницах французской печати почти нет различения течений внутри революционного движения, кроме случая с покушением на дядю царя, за которое взяла на себя ответственность *«Боевая организация»* эсеров) были встречены по-разному: от отрицания до неосуждения. Вооруженная борьба не могла создать ничего, кроме анархии, – утверждали правые католики. Местные беспорядки, хоть и были жестокими, но происходили без единого плана; они были просто разбросаны по большой площади. Революционеры, казалось, имели целью свержение социального строя. Но у них нет программ и их бесцельная агитация привела к распространению анархии... во имя свободы личности и полного свержения самодержавного правительства. Они не видели лучшей цели движения, чем разрушение установленного порядка и достижение *«свободы»*. Единственным исключением была первая всеобщая забастовка, которая стала единственным движением по согласованному плану... [11. #. 30, p.232–233].

Профессор Ю. Флак, как Анатоль Леруа-Больё и другие либеральные католики, высказал мнение, что одной из причин беспорядков в России был рост

зажиточного среднего класса, который без политических прав не может осуществлять какое-либо влияние на правительство. А его не привлекают к исполнению каких-либо властных полномочий.

По мнению либералов, царский манифест 17 октября 1905 г. был для России *«настоящей мирной революцией»*. Анархисты из газеты *«Тан нуво»* высмеяли восторги земляков, восхищавшихся рескриптом царя, заявив, что они ошибочно рассматривают его как начало новой эры. Экономический эффект выступлений противников режима ощущался и за пределами Российской империи, а французские публицисты не раз повторили, что из всех европейских стран Франция *«от расстройств в России»* пострадала больше всего. Французские финансисты и деловые люди открыто выражали свое отвращение к русской смуте и были ожесточены против русских революционеров.

Промонархически настроенная газета *«Фигаро»* обвинила врагов России и общественного порядка в финансировании рабочего движения. Огромные суммы денег, якобы, были отправлены в Россию, чтобы стимулировать гражданскую войну и подкупить рабочих, чтобы они прекратили работу. Царь не смог бы проводить реакционную политику, если бы не было французских денег. У него была насущная необходимость в кредитах, когда Франция пришла к нему на помощь. С помощью денег французской буржуазии успех реакция оказался гарантирован.

На рубеже 1906 г., когда наиболее острое сопротивление было подавлено военной силой, французские социалисты считали, что победа царизма будет недолгой. Он лишь отложил своё неизбежное падение, ему осталось лишь на несколько лет больше, т.к. свершился прогресс в *«социалистическом сознании масс»*.

Подавление *«Московского восстания»* было сигналом к общей реакции. Аресты сотнями и тысячами, военное положение в большинстве российских провинций, расстрелы – такими были средства *«усмирения»* использованные реакционерами. *«Откат»* конца 1905 г. был лишь временным. Социалисты Франции заявили, что здание самодержавия держалось на трещавших опорах, для которых следующий удар мог бы оказаться фатальным. Хорошо ли они понимают, что политические и общественные пороки, которые были вскрыты, не исчезли?

Показ различий революций в наших странах начался во Франции уже в 1905 г. с различия во внешних эффектах: Россия не знала принятия своего *«социального контракта»*, не было ни собрания нотаблей, ни присяги на теннисном корте, ни эффектных ораторские заявлений. Но французские социалисты считали 9 января *«торжественным открытием русской революции»*, которая, наконец, должна освободить народ от царского деспотизма... Ж. Жорес говорил, что *«революционный период был открыт для России»*, а революцию в России даже называли *«дочкой французской революции»*. Французские рабочие, как сказал Мишель Пети, должны сделать все от них зависящее, чтобы помочь своим русским собратьям в борьбе за свободу так, чтобы их победа не оставила места для роста новых тиранов – буржуазных, как во Франции.

После Манифеста 17 октября 1905 г. умеренные политики Франции заговорили о начале *«новой эры для России»*: Манифест станет реальной *«Конституу-*

цией», если люди захотят, вернуть процветание и мир. Это конец революции, вернее, это завершение революции**,** свершившееся через *«мудрость и добрую волю»* императора.[10. 31 octobre 1905, p.1–2]. После подавления московского восстания Эжен Лотье уже рассказывал читателям Фигаро о восстановлении порядка на всей территории России и возобновлении нормальной жизни в крупных городах, таких как Москва и Петроград. В последнем, по его словам, сами работники стали помогать правительству.

Экономический кризис в условиях революции не прекращался, а россияне, казалось, не понимали его последствий. В 1905 г. упал сбор налогов, что привело к огромным потерям для государственного банка России, банков городов и земств; увеличилось число безработных, а в Париже боялись, что в России возникнет *«государство анархии»*. Опасались этого, французские финансисты буквально возненавидели *«русскую смуту»*. Все же во время революционных волнений в 1906 г. двум странам удалось подписать новый торговый договор, который покончил с запретительными пошлинами на часть французских товаров, особенно вино, шампанское и ликеры...

Католики утверждали, что русский народ еще не был готов для демократического правительства, и на него пока не может быть возложена задача управления своей судьбой.

Самым выдающимся из возражений Жана Жореса против российской *«Конституции»*, предложенной царем 17 октября 1905 г., было то, что в ней было ограничено избирательное право, предоставленное весьма незначительному меньшинству.

Большой друг русских А. Леруа-Больё писал: *«Имя русской революции, может быть, будет в истории столь же велико, как и имя Французской революции»*. Русские любят их сравнивать и, может быть, злоупотребляют этим. Как левые, так и правые в их среде хотят избежать судорог и несчастий Французской революции». Леруа-Больё уже при созыве I Государственной Думы констатировал, что старый режим отжил и перестал быть жизнеспособным, а все друзья России и свободы должны желать, чтобы *«эта русская революция осуществилась без революции, то есть, без насилия... без стихийных катастроф»* [12. с. 17].

Леруа-Больё подчеркивал, что революция, как свержение династии и трона, была бы для России, и для российских либералов страшным испытанием. Там власть долго была традиционной, в течение веков был только один центр и один двигатель, чье свержение может привести к анархии и хаосу, реакции и диктатуре. Он считал, что *«друзья России»*, в согласии с русскими должны быть умнее почти всех политических партий, И должны сделать всё для взаимопонимания между властью и представительством народа, для сотрудничества Государя и Думы. ... Для революции, собственно, чтобы она выжила в России, в этой огромной стране, изменения не должны проходить через катастрофы. Надо чтобы царь и правительство сами знали, как сохранить, или, скорее, восстановить ЛЮБОВЬ и доверие своих народов! Однако, другие французы, сравнивая темпы развития революции в двух странах, видели в нашей стране и немалые препятствия для революционной деятельности: Россия – страна, дезориенти-

рующая жителей Запада: мы испытываем трудности с тем, чтобы проникнуть в *«Московскую душу»*, чтобы понять как происходящие в ней медленные изменения, так и внезапные взрывы».

Список литературы

[1] L'Action Francaise, Revue bi-mensuele. 8-annйe. Tome XXIII. Paris 1906\07\01

[2] Revue des deux mondes : recueil de la politique, de l'administration et des moeurs.

[3] Journal officiel de la Rйpublique franзaise. Paris, 1905\01\27.

[4] *Alexander Ular.* A Russo-Chinese Empire : An English Version of un Empire Russo-Chinois [1904] by Wrociaw, Paperback, 2009.

[5] Pro Armenia 1904/08/15, #92.

[6] *Reclus, J-J. Elisйe.* Discours sur la rйvolution russe. Paris, Sociйtй des Amis du Peuple russe, 1908.

[7] Encarnación *Alzona M.A.* Some French contemporary opinions of the Russian revolution of 1905, New York, Columbia University,1921.

[8] L'Humanite, Paris, SFIO, 1905.

[9] L'Europeen: courrier international hebdomadaire, Paris, 1906.

[10] Le Figaro : journal quotidien, politique et littйraire, Paris, 1906.

[11] La Revue des Deux Mondes, Paris, 1906.

[12] Les Cahiers Anatole Leroy-Beaulieu. #1. P., Institut d'Йtudes Politiques de Paris, 1998.

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА НА СИСТЕМУ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ
(на материалах западной области)

Карелин Е.Г.*
(Россия, г.Гжель)

Аннотация. *Революции 1917 года в России стали проявлением системного кризиса, затронувшего все стороны общественного и политического устройства. Ответ на вызов времени в форме диктатуры предложили и осуществили большевики. Советская власть в России стало формой разрешения острейших, динамичных и крайне противоречивых процессов. Административно-территориальной формой восстановления государственности в России стали областные объединения. В ходе процесса саморганизации проходило формирование партийно-советской власти, основанной на идеологизации, реорганизации и централизации. В статье рассматриваются вопросы воздействия революций 1917 года на систему власти и административно-территориальную организацию в Западном регионе России. Работа представляет собой исследование сложной и малоизученной проблемы становления регионального механизма советской власти в 1917–1918 гг.*

Ключевые слова: *революции 1917 года в России, региональные органы власти, Западный регион России, административно-территориальной организации, формирование советской власти.*

Февральская революция 1917 года и отречение императора практически мгновенно дезорганизовали политическую систему как в центре, так и на местах. Так, например, демонстрация солдат Смоленского гарнизона и горожан привела к бегству смоленского губернатора. Правые политические силы в западных российских губерниях были полностью дискредитированы и деморализованы.

В губерниях вместо прежнего государственного аппарата была создана новая система власти в виде глав исполнительной власти – комиссаров Временного правительства, губернских и уездных земств, исполнявших функции государственных органов управления. Коренной порок этой модели заключался в неспособности органов местного самоуправления (не состоявшихся окончательно даже в этой роли) осуществлять государственные функции. В госу-

* *Карелин Евгений Геннадьевич*, д.и.н., доцент, профессор, Гжельский государственный университет.

дарственных органах начали проводиться чистки государственных служащих по идеологическим мотивам (монархизм и нелояльность по отношению к идеям и практике революции). Но в еще большей мере дезорганизации государственного аппарата способствовал отказ от административного насилия и принуждения и, соответственно, от правоохранительных органов.

Новая власть опиралась на поддержку демократических партий. Смоленским губернским комиссаром Временного правительства стал лидер губернского земства и руководитель регионального отделения партии конституционных демократов А.М. Тухачевский. Из 12 уездных комиссаров 9 были конституционные демократы. Кадровый состав, образовательный уровень и опыт руководства органами местного самоуправления позволил этой партии прийти к руководству в губерниях и уездах. Одновременно и повсеместно возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. В Смоленской губернии это был Совет во главе с меньшевиком С.Е. Гальпериным. Советы также становились опорой нового строя, но лояльность к новой власти вступала в противоречие с ролью политического представительства армии. Военные гарнизоны в западных губерниях становились политическими центрами, в которых солдатская масса утверждалась как ведущая сила. Двоевластие в центре дополнялось двоевластием на местах. Найти выход из этого тупика конституционные демократы так и не смогли и потеряли власть.

В августе 1917 года губернским комиссаром стал эсер С.Д. Ефимов. Эсеровская партия в регионе была самой многочисленной и влиятельной. Но крестьянские выступления с требованием национализации помещичьих земель привели к резкому ослаблению влияния эсеров. Начались погромы помещичьих усадеб. Демократические партии, получив власть в результате революции, оказались не способными обеспечить эффективный государственный порядок. Беспомощность демократического режима вела к быстрому росту влияния большевиков, расколу эсеровской партии и выделению из нее левой части, и в целом к радикализации общества. Политический процесс становился все более стремительным, все больше социальных групп вовлекались в политические события и все меньше государственные органы соответствовали сути революционных явлений. Армия и государственный аппарат распадались как институты.

Продолжающаяся война оставалась источником возмущения и дезорганизации всей системы государственной власти. Западный фронт превратился в политический центр всего Западного края России, а столицей военно-административного управления стал Минск, где располагалось командование фронта. Большевистская партия воплощала надежды солдат на немедленное прекращение войны и революционное разрешение других существующих противоречий. На 1 конференции большевиков Западного фронта и области в сентябре 1917 года участвовало 220 солдат, 19 младших офицеров и всего 8 гражданских лиц. Большевики опирались, прежде всего, на 1 Минский полк. В результате процесса радикализации большевики стали преобладать в Советах. Большевизация Советов повсеместно превратила их в противников действующей власти.

Создание областных объединений Советов в России предусмотрело Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 года

[2]. Западную область планировали создать из Смоленской, Минской, Витебской, Могилевской, Виленской и Псковской губерний с центром в Витебске. Петроградский Совет предложил Витебскому Совету созвать областной съезд и организовать область [3]. Но политическим центром западной части России был Западный фронт. Областной съезд делегатов Минской, Могилевской, Виленской, Витебской губерний и Советов Западного фронта собрался в Минске 22–25 мая 1917 года. Объединение Западного фронта и западных губерний в Западную область во главе с Областным исполнительным комитетом (Облискомзапом) (председатель Н.В. Рогозинский, с 17.1.1918 А.Ф. Мясников) позволило создать принципиально новую структуру власти, которая соединяла вооруженную солдатскую массу с рабочими и крестьянскими Советами и придавала этим Советам властный характер.

Телеграфное известие об октябрьском перевороте спровоцировало большевиков и левых эсеров в Минском Совете провозгласить Советскую власть. Фронтовой Комитет и Комитет спасения колебались и вступили в переговоры. Минский Совет во главе с лидером большевиков А.Ф. Мясниковым (Мясникяном) затеяли *«комедию соглашения»*, чтобы *«выиграть время, подтянуть к городу части, повести агитацию в частях, верных Временному правительству»*[1]. Добившись разложения политических и военных сил противника, большевики и левые эсеры создали Временный революционный комитет, арестовали членов Фронтового Комитета и Комитета Спасения. Прапорщик А.Ф. Мясников на фронтовом съезде Советов был избран командующим Западного фронта. Продолжающаяся радикализация политических настроений масс дали возможность большевикам возглавить процесс перехода всей власти Советам. 19–26 ноября в Минске прошли съезды армий Западного фронта, областной съезд крестьянства и съезд Советов Западной области. Они и обеспечили переход власти к Областному исполнительному комитету Советов Западной области и Совету народных комиссаров (СНК) во главе с большевиком К.И. Ландером. В условиях слабого центра и преобладания центробежных тенденций и антигосударственных настроений областные объединения стали новой организационной формой государственной власти.

Российское общество отказало в доверии и поддержке как государственным органам, так и органам местного самоуправления – земствам. Это наглядно проявилось в полном отказе выплачивать налоги и сборы и неспособности органов власти обеспечить свое существование. Советы приходили к власти ввиду полной беспомощности существующих государственных и земских органов. Так, Смоленский губернский Совет взял власть в свои руки 4 декабря 1917 года, заручившись поддержкой крестьянских волостных и уездных Советов. На объединенном съезде был сформирован исполнительный комитет во главе с большевиком С.В. Ивановым и Совет народных комиссаров во главе с левым эсером Е. Разумовым. В отличие от своих противников большевики ориентировались на самые жестокие формы политической борьбы. Распад России привел не только к политическому и экономическому хаосу, но и к динамичному формированию элементов новой политической системы. Политическое творчество большевиков проявилось в создании разного рода чрезвычайных

органов (таких как Военно-революционные комитеты, Красная Гвардия, чрезвычайные комиссии, революционные трибуналы и т.д.).

Советская модернизация России открывала дорогу развития социальным низам российского общества. В это же время национальные движения пытались придать раскрепощенным каналам социальной мобильности этнический характер. Именно национализм был конкурентом большевиков в претензиях на власть. Белорусские эсеры и националисты попытались противопоставить белорусский народ России и русскому народу и захватить власть в виде Всебелорусского съезда. Исполнительный комитет (Народный секретариат) в двух уставных грамотах провозгласил кредо националистического русофобства: *«Мы, Рада Белорусской Народной Республики, сбрасываем с родного края последнее ярмо государственной зависимости, которое силою накинули российские цари на нашу свободную и независимую страну. Белорусская Народная Республика должна обнять все земли, где живет и имеет численное преобладание белорусский народ, а именно: Могилевщину, белорусской части Минщины, Гродненщины, Виленщины, Витебщины, Черниговщины и смежные части соседних губерний, заселенных белорусами»*[4].

Саму национальную идею воплощала лишь часть интеллигенции. Об отношении трудящихся Белоруссии к вопросу национального самоопределения в этот период можно судить по губернским съездам Советов, которые проходили в Минске, Могилеве и Витебске в ноябре 1917 – январе 1918 года. Ни один из этих съездов не высказался за самоопределение Белоруссии. Участвуя в Всебелорусском съезде, большевики убедились в слабости национального движения и 18 декабря 1917 года разогнали собрание.

Временное правительство делало ставку на формирование национальных корпусов. Выступление польского корпуса под командованием Ю.Р. Довбор-Мусницкого 12.1.1918 произошло сразу после провозглашения прогерманского польского правительства в Варшаве. На огромной территории от Минска до Ельни шла настоящая национальная война, которая показала польские претензии на российские территории. Вооруженные русским оружием, являясь частью Русской армии, польские войска перешли на сторону Германии. Отвлечение наиболее боеспособной части армии на подавление мятежа польского корпуса лишило советскую власть военной силы. Председатель СНК Западной области К.И. Ландер прямо указывал в своих воспоминаниях, что *«согласно преподанных нам указаний мы должны были отступать, избегая сражений»* [5]. Польский корпус 20 февраля захватил Минск. По соглашению с германским командованием польские солдаты оставались в Белоруссии и выполняли полицейские функции.

Национальное движение *«за вольную Беларусь»* повело себя как объединение беспринципных предателей. В опустевшем здании городской Думы 21 февраля 1918 года они провозгласили себя высшей властью в Белоруссии. Стоило немецкому лейтенанту приказать им убираться из здания, предназначенного для штаба X армии, как эти *«политики»* безропотно подчинились. Немцы ориентировались на создание *«малой Литвы»* с присоединением Виленщины и Гродненщины. Земли на юг от Полесской железной дороги

передавались Украинской Народной Республике. Декларация белорусской Рады от 25 марта о создании Белорусской народной республики декларацией марионеток, стремящихся к формированию протектората Германии на российской земле.

Националистические движения (и польское и белорусское и украинское) желали лишь оторвать побольше территории у ослабевшего российского государства. А чтобы гарантировать неприкосновенность добычи, они стремились получить поддержку и защиту сначала Германии, а потом Франции и Англии. Советская модернизация России формировала инновационную культуру индустриального общества, в то время как на национальных окраинах формировалась русофобская и антимодернизационная государственность. Политическое творчество нового типа сплачивало и централизовало внутрироссийское пространство на принципиально иной основе.

Брестский мир стабилизировал неустойчивое положение советской власти. В докладной записке Облискомзапа Президиуму ЦИК и Совету народных комиссаров РСФСР указывалось: *«Образование такого центра в Смоленске произошло само по себе, оно диктовалось жизненной необходимостью руководить оставшимися в наших руках частями Западной области, а также и Смоленской губернией, которая, в силу сложившейся политической и военной ситуации, стала новым центром и постепенно слилась с указанными выше губерниями»* [6].

Новый центр Западной области – Смоленск и Смоленская губерния стали основой централизаторских процессов, причем скорость этого процесса показывает его необходимость и востребованность. Западная область становилась оборонительным поясом новой/старой столицы – Москвы. Но не только военная ситуация привела к превращению сельскохозяйственной губернии в стратегический центр. В потерявшем ориентиры обществе популярность приобретали те политические силы, которые ради национального спасения готовы были к ужесточению власти. Сами Советы должны были из общественной формы организации превратиться в полноценную систему государственных органов.

Облискомзап стал тем государственным органом, который начал проводить организационную и мобилизационную политику. Немедленно после прибытия Облискомзапа в Смоленск (23 февраля) Смоленский Совет распустил городскую Думу как *«явно-контрреволюционный орган»*. Органы самоуправления – земства – распускались, а их состав становился кадровой основой нового советского аппарата. Председатель Совета В.З. Соболев и председатель исполкома С.В. Иванов были введены в состав президиума Облискомзапа. В свою очередь И.И. Рейнгольд как заместитель председателя Облискомзапа был введен в состав президиума Смоленского исполкома и добился перевода отделов губисполкома в Облисполком. Небольшая часть (1/3) губернского Совета во главе с И.И. Рейнгольдом и В.З. Соболевым объявили себя *«губернским исполнительным революционным комитетом»* впредь до созыва съезда Советов Смоленской губернии, который так и не был созван. Сам Смоленский Совдеп был объявлен *«кулацким»* и распущен. Решительность, с которой Облискомзап превращал Смоленскую губернию в опору Советской власти, позволила в короткий срок преодолеть последствия военного поражения.

В западном регионе в это время царила полная анархия. Никакой системы Советов не существовало. Каждый Совет существовал как самостоятельный центр власти. Волостные Советы не желали подчиняться уездным, уездные Советы, в свою очередь не подчинялись губернским, губернские мало считались как с областными, так и с центральными органами. Каждый Совет считал своим долгом создать свой Совет народных комиссаров, свои комиссариаты и свою вооруженную силу – Красную гвардию. Во всех случаях уездные и волостные земства распускались и вместо них создавались исполкомы. Первоначально, в исполкомах использовали прежние кадры служащих, но их постепенно заменяли на лояльных выдвиженцах. В налаживании административного аппарата в уездах и волостях выдающуюся роль сыграли отделы внутренних дел (управления), которые обеспечили восстановление уездно-волостноой организации власти. Именно деятельность этих органов, наряду с партийными органами привели к переходу Советов Западной области на единую модель новой власти: съезд, исполком, президиум, отделы.

13 апреля 1918 года состоялся II съезд Западной области, который оформил новую конструкцию власти. Облискомзап подтвердил свой курс на централизацию и сосредоточение в Советах управления всеми отраслями экономики и жизни общества. Съезд закрепил существование Западной области с населением в 3,8 миллиона человек и площадью 90 тысяч кв.км. Областной исполком стал непосредственно управлять 27 уездами на территории Смоленской губернии, частей Могилевской, Витебской и Черниговской губерний. Съезд принял решения об организации Красной Армии, воссоздании налогового обложения населения и создании областной системы продовольственных органов. Съезды Советов, партийные конференции, съезды заведующих отделов управления и, наконец, съезды советов народного хозяйства (СНХ) закрепляли устойчивость сильной и динамичной региональной организации власти. Обеспечить выживаемость в условиях распада страны, можно было, только создавая новую организацию управления экономикой. Одной из наиболее впечатляющих областных органов стал Совет народного хозяйства. 1 съезд СНХ Западной области признал абсолютно правильной политику ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) по централизации и реорганизации местных органов управления промышленностью [7].

Невозможность воспроизведения прежних форм государственного устройства подчеркивает значение инновационного подхода большевиков к задаче воссоздания государства. В.Г. Кнорин, член партийного руководства области, прямо указывал на особенности нового механизма власти: *«Партия строго централизованна. Нам неуместно говорить про демократизм в партийной организации, ибо демократия может нас совратить с правого пути. От этого безграничная власть, полная диктатура ЦК во всероссийском масштабе и такая же диктатура на местах областных комитетов партии, которые должны составляться из партийных старых профессионалов. Советы являются практическим органом государственной власти, имеющими чисто хозяйственно-административные функции исполняющими предначертания партии. Следовательно, Облискомзап – орган технически исполняющий. Ока* (*Северо-Западный областной партийный коми-*

тет) – орган руководящий, орган диктатуры партийной теории над советской практикой» [8]. Партийная диктатура нуждалась в Советах в качестве формы легитимации своей абсолютной власти, и наоборот советская власть вне власти большевиков оказывалась несостоятельна.

Жесткая установка большевиков на удержание власти заставляла их идти на последовательную структурализацию политического режима. Советская демократия становилась препятствием, поэтому левые эсеры из политических союзников становились врагами. Продовольственная диктатура вступала в противоречие с интересами среднего крестьянства – социальной основой этой партии. Летом и осенью 1918 года по Западной области прокатился целый ряд крестьянских восстаний. Крестьянские волнения и восстания большевики подавляли беспощадно.

С отстранением левых эсеров от власти конструкция советской системы получила окончательное оформление. V партконференция жестко указывала: *«Все принципиальные вопросы Советских учреждений разрешаются предварительно в местном партийном комитете. Все фракции Советских учреждений обязаны проводить в жизнь партийные решения. Связующим органом между партией и фракцией Совета является Бюро фракции»*[8, л.82]. Еще одной составляющей нового политического режима стало назначение всех руководящих должностных лиц и выборных членов Советов только из представителей большевистской партии.

Оккупация российской территории немецкими войсками разрушила всю организацию жизни в раздробленных остатках прифронтовых губерний. Новый партийно-советский механизм оказался способен навести порядок и восстановить жизнедеятельность общества. В Западной области, лишенной традиционного снабжения продовольствием из украинских губерний, репрессивными мерами и введением жесткого нормирования удалось создать устойчивую систему распределения. Срастание партийно-советского аппарата стало реальность уже к концу 1918 года, что позволило адаптироваться к чрезвычайным условиям и одновременно провести реорганизацию государственной власти.

Утверждая свою автономность, партийный комитет принял решение переименовать область в Западную Коммуну [9] на III областном съезде Советов (где 93% всех делегатов съезда были большевики). Партийный аппарат во главе с А.Ф. Мясниковым, концентрируя власть в своих руках, теперь диктовал состав формально выборных советских органов. Областной комитет партии *«сконструировал»* новый областной исполком и распределил партийных работников во главе отделов. В сентябре – октябре был завершен процесс организации партийных районных комитетов по всем уездам области. Такая концентрация власти позволила полностью контролировать положение в регионе.

После полного распада Русской армии, незначительные по численности советские войска объединялись в форме Западной Завесы. Штаб Западной Завесы тогда состоял из В.А. Смольянинова, С.В. Иванова и М. Смоленцева. Советские войска носили добровольческий характер и состояли преимущественно из беженцев с оккупированных территорий. Только в октябре 1918 года началась мобилизация в Красную Армию, которая и обеспечила превращение полуанархических войск в регулярную армию.

10 сентября немецкие войска начали отвод с российской территории. Германия напрягала все свои силы и уже не могла контролировать захваченные земли. Мирный вывод войск подтвердил способность Германии и Советской России тесно взаимодействовать. 11 сентября 1918 года начальником Западного района Обороны был назначен А.Е. Снесарев. 15 сентября был сформирован штаб Западного района обороны. Развертывание армии проводилось в Смоленском, Могилевском, Витебском, Оршанском и Невельском районах. Партийные и советские органы за октябрь – ноябрь месяцы провели сбор винтовок и пулеметов у населения. Попытки сопротивления беспощадно подавлялись.

Восстановление государственности на принципиально новой основе показало возможность преодоления исторической катастрофы 1917 года. Произошли революции в Германии и Австро-Венгрии. 17 октября Наркомат иностранных дел известил Облискомзап о том, что немецкие войска 25 октября начнут покидать Сенниковский, Оршанский и Могилевский уезды. Областная власть должна была обеспечить организацию государственных учреждений вслед за продвижением советских войск. Оперативность большевиков и массовая поддержка населения позволили сразу же приступить к проведению *«советизации»* власти.

10 декабря в Минск вступили советские войска вместе с Минским ревкомом во главе с И.И. Рейнгольдом. 24 декабря ЦК РКПб принял решение о создании советской белорусской республики и ряда других *«буферных»* республик. Республика-буфер должна была сыграть роль защитного щита против петлюровской Украины и Польши.

Ни для руководства Западной Коммуны, ни для руководства Советской России создание Советской Социалистической Белорусской Республики не являлось организацией белорусской государственности. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин от имени ЦК так известил об этом А.Ф. Мясникова: *«ЦК партии решил по многим соображениям, о которых теперь говорить не приходится, согласиться с белорусскими товарищами на образование Белорусского советского правительства. Вопрос этот решен и обсуждать уже не приходится, необходимо только произвести некоторые изменения в конструкции Облискомзапа»*. При этом Сталин вполне конкретен – Ковенская и Виленская губернии *«отходят»* в распоряжение Литовской советской республики, а Минская, Смоленская и Гродненская губернии будут подчинятся белорусскому правительству. Как передавал волю ЦК И.В. Сталин, ответственный за западное военно-политическое направление: *«Практически это нужно понять так что работающие теперь в Облискомзапе партийные товарищи должны будут разделиться на две группы по двум указанным ветвям партийно-советской работы»* [10]. Данное указание должно было успокоить А.Ф. Мясникова перспективой расширения территории регионального управления.

Уже 16 января 1919 года ЦК партии решил ликвидировать *«суверенную»* республику и создать новую – Белорусско – Литовскую. Под предлогом нежелания населения Смоленской, Могилевской, Витебской губерний входить в состав Белоруссии, ЦК решил объединить Минскую и Гродненскую губернии с Литовской республикой. На место А.Ф. Мясникова подобрали В.С. Миц-

кавичюс – Капсукаса. А.А. Иоффе был направлен ЦК для конструирования новой советской республики.

А.Ф. Мясников так проанализировал это решение: *«В предложении ЦК видно продолжение политики об областях. Сперва Республика, несмотря на протесты была создана, теперь она расчленяется, то есть разрушается область. Принцип централизации при таком положении вещей обращается в бюрократизм. Только там, где есть областные объединения более или менее налажено дело. Областные объединения могут создать нечто прочное и стройное. Отделение этих губерний разрушит всю двухлетнюю работу по созданию области»* [11].

Западная область до конца 1918 года стала формой восстановления централизованного государства. Областная организация, как продукт революционной эпохи, находила устойчивое соединение с дореволюционной губернско – уездной организацией территории.

В инновационном понимании именно небольшие политические организации создают и внедряют в политическую практику новые политические технологии и методы борьбы за власть. Они привносят в содержание политики новый смысл и содержание. Именно поэтому традиционные и несоизмеримо более могущественные политические, экономические и социальные структуры и институты оказываются беспомощными в противостоянии этим новым и динамичным организациям. Ленинская партия нового типа побеждала там, где терпела крах монархическая традиция, а демократические организации оказывались заложниками своих принципов и убеждений. Это не значит, что большевики абсолютно беспринципны. Просто они парадоксальным образом сводили фанатичность убеждений и ортодоксальность своей идеологии с политической гибкостью и маневренностью. Добиваясь преимущества, они опрокидывали прежние правила и обязательства и создавали новую действительность, в которой уже не было места прежним подходам и нормам. Большевизм являлся порождением тотального разрушения прежних основ жизни, поэтому он устойчив там, где другим политическим силам требуется элементарный порядок. В этом сила и слабость большевистского режима. Фанатичная вера и неимоверная политическая воля большевизма придали импульсы самоорганизации попавшей в системный кризис российской государственности, что позволило реализовать огромный творческий потенциал созидания нового мира. В то же время устойчивость нового режима становилась возможной при усилении механизма централизации власти и перехода к преимущественно административно-командным методам управления.

Толчком к появлению нового механизма власти явилось утверждение большевиков у власти в столичных центрах и на фронтах действующей армии. Именно в центре социальной конфликтности черпали свою силу и энергию большевики. Но политическая гибкость именно этой политической силы проявилась в немедленном переходе к преобразованию страны во всех сферах жизнедеятельности. Форма Советов обеспечила возможность такой нетрадиционной (то есть не монархической и не демократической) формы власти. Партийный аппарат выступил структурообразующим стержнем для всей системы Советов. Так же как и огосударствление экономики создавало новый тип возможностей

политического режима. Сращивание партийного, советского и хозяйственного аппарата в единое целое породило инновационный механизм власти, создало синергетический эффект политического режима и позволило победить в ходе гражданской войны.

Диффузия, или процесс распространения инноваций были связаны с постоянной реорганизацией партийно-советского механизма власти. А сама радикальная форма реализации требовала мобилизирующих условий и административно-командного стимулирования. Механизм постоянной смены руководящих кадров и обеспечивал диффузию инноваций и был ведущей тенденцией сверхцентрализации партийно-государственной власти. Эти процессы привели к утверждению нового социально-политического строя.

Список литературы

[1] Вперед. 1922. №1. С. 69–71.

[2] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.-Л. 1927. С.219.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.6978. Оп.1. Д.388. Л.1.

[4] *Цвинкевич А.* Краткий очерк возникновения Белорусской народной республики. Киев 1918, Минск 1990. С. 15–16.

[5] Вперед.1922. №1. С.72.

[6] Экономическая жизнь. 1918. №2. С.3.

[7] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф.78. Оп.1. Д.95. Л.46.

[8] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф.1. Оп.1. Д.1. Л.21.

[9] Национальный архив республики Беларусь (НА РБ). Ф.59. Оп.1. Д.11 Л.70.

[10] ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д.820. Л.13, 15.

[11] НА РБ. Ф.4. Оп.1. Д.1. Л.21.

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ И КОНСЕРВАТИЗМ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОБЩЕСТВА (1917–1929 гг.)

Сахаров В.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Рассмотрены общие проблемы проявлений и взаимосвязи революционности и консерватизма в истории общества и политике: причины и условия возникновения, характер взаимодействия. Обозначены исторические эпохи, отмеченные их появлением – время глубоких перемен в обществе, методах и способах его организации. В центре внимания проявление революционности и консерватизма в ходе Великой октябрьской социалистической революции, связанные, в основном, с решением аграрно-крестьянского вопроса и изменением представлений о процессе становления социалистического общества. Устанавливается принципиальная возможность использования носителями революционности проявлений консервативности в жизни общества для ее преодоления.*

1. Революционность и консерватизм. Каково их соотношение и роль в жизни общества? Революционности в условиях политики, направленной на консервирование состояния общества, быть не может. Проблема сочетания революционности и консерватизма закономерна и естественна для переходных периодов от одного состояния общества к другому. Революционное и консервативное проявляется как в жизни общества, так и в политике власти, осуществлявшей революционные преобразования в политической или социальной сфере. Последнее связано, с неизбежным уточнением властью, установившейся в результате политической революции (политического переворота), первоначально намеченных планов, изменением прежних представлений о способах, методах достижения поставленных целей, необходимостью тактического маневрирования с целью снятия остроты возникающих проблем и получения времени, необходимого для подготовки к их решению.

В наиболее полном и ярком виде эта проблема проявляется в ходе революций, если под революцией понимать изменения принципов и основ жизни и деятельности общества, принципов организации и характера деятельности государства, а также во время проведения политических и социальных реформ, имевших революционный характер. В политической сфере проблема революционности и консерватизма проявляется меньше, а в социальной – больше, поскольку она несравненно более консервативна.

* *Сахаров Валентин Александрович*, д.и.н., профессор, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Исторический опыт показывает, что чем более фундаментальны преобразования, реализуемые в ходе революций или реформ, тем больше возникает противоречий между революционностью и консерватизмом, тем более обостряются противоречия между ними и тем радикальнее меры, предпринимаемые для их устранения. Ярче всего это проявляется в ходе социальных революций, в меньшей мере – в ходе политических революций.

2. Периоды сочетания революционности и консерватизма возникали в течение всей отечественной истории. Ими отмечен процесс зарождения и становления древнерусского государства, имевший характер политической и социальной революций, приведших к смене принципов, форм, методов и способов организации общества, а также к изменению его социальной структуры, хозяйства. Консервативное начало в этом случае было представлено сохранявшимися от прошлой эпохи институтами самоуправления (вече, сход и пр.), религиозными представлениями (язычество), традиционным правом, вооруженным ополчением и др., со временем все более утрачивавшими свое значение важных факторов развития обществ и государства.

Ими отмечено в древнерусском государстве время начала т.н. *«феодальной раздробленности»*, когда в ходе процесса разрушения прежде единого государства (по сути, политической революции) произошло становление ряда политически и экономически независимых государств, способных лучше учитывать местные условия, специфические интересы и потребности населения подвластной территории, эффективнее использовать ее ресурсы, а также организовывать социально-экономическую жизнь местного общества. Естественно, в интересах власть имущих. Новое проявление консервативности в этом случае, в основном, было связано с попытками сохранения формы государственности, уже не отвечавшей новым условиям и интересам социально-экономического развития общества.

Сильным противостоянием революционного и консервативного отмечена также эпоха формирования русского централизованного государства в виде московского царства. Становления царского самодержавия – процесс, имевший в своих заключительных фазах характер политической революции, процесс не стихийный, а опиравшийся на определенной религиозную доктрину. Московский царь – не просто хозяин или распорядитель почти всех земель и государь. Он *«живой Бог»*, поэтому его власть предельно авторитарна, необъятна и подсудна только Богу. Перед ним все – рабы. Вне этой политической системы не могло бы возникнуть известное нам крепостное право. Естественно, что становление такой власти привело к ее противостоянию с консервативными элементами, силами общества, с формами его организации, возникшими и развившимися в прежний период развития, в период феодальной раздробленности. Победа царского самодержавия в этой борьбе создала предпосылки для вступления подвластного ему общества в стадию развития зрелых феодальных отношений.

Эпоха реформ Петра Великого и становления Российской империи отмечена еще большим проявлением усиления противостояния революционного и консервативного. Реформы в сфере государственной власти и управления могут

быть расценены, как политическая революция. В них отразились изменения представлений о природе, характере, источниках силы власти государя-императора, о его обязанностях, задачах и способах их решения. Радикально изменились отношения государя и государства с церковью, принципы строительства государственного аппарата. Результаты социальных реформ не носили характера социальной революции. С их помощью государству удалось не только мобилизовать все ресурсы феодального общества, но и стимулировать развитие новых, буржуазных, отношений. Проявлений сочетания революционного и консервативного в это время было множество во всех сторонах деятельности государства и жизни общества.

Эпоха *«Великих реформ»* и ее последствия дают другой пример сочетания революционного и консервативного, поскольку революционные по характеру изменения в социально-экономической сфере жизни общества происходили в результате реформ, призванных обеспечить сохранение существовавшей политической системы. Правда, будучи недостаточно последовательными и радикальными, сохраняя в обществе т.н. *«пережитки феодализма»*, они привели не к преодолению, а к нарастанию противостояния *«нового»* (революционного) в социально-экономической сфере и *«старого»* (консервативного) в политической сфере, что, в конце концов, привело в начале XX в. к серии революций.

Самое наглядное, яркое, полное, масштабное и поучительное, как в политическом, так и в научном плане, сочетание проявлений революционности и консервативности в методах решения назревших проблем, а также в их политических и социально-экономических последствиях, дает нам эпоха Великой Октябрьской социалистической революции, в ходе которой была предпринята попытка революционного преобразования общества на принципах социализма и коммунизма.

Время разрушения социализма и становления капитализма в России также являет сочетание политической и социальной революции, приведших к преобразованию существовавших в советском обществе представлений о революционном и консервативном (изменение знака оценки (положительно – отрицательно) на противоположный) и появлении множества новых проявлений революционного и консервативного, как в сознании людей, так и в результатах их деятельности.

3. Остановимся подробнее на проявлениях революционности и консерватизма в политике Советской власти и их результатах в начальный период проведения социалистических преобразований общества.

В каждом из этапов ее развития – в период борьбы большевистской партии за взятие государственной власти, в период ее удержания и упрочения в ходе гражданской войны, а также в периоды новой экономической политики (НЭП) возникали многочисленные и различные проявления сочетания революционности и консерватизма. Их появление было во многом обусловлено тем, что это была ранняя социалистическая революция, к тому же изначально вынужденная развиваться в крайне неблагоприятных внешних условиях, что осложняло реализацию социалистической программы внутри страны. Это не только обрекало ее на трудный путь развития, но и делало неизбежной существенную

корректировку первоначальных планов, как в интересах взятия власти, так и в ходе проведения реформ, призванных обеспечить социалистическое преобразование общества.

Проблемы противостояния революционности и консерватизма затронули все трудящиеся классы и социальные группы советского общества, которые по-своему и по-разному соотносили свои интересы с интересами социалистической революции, имея, как основания для принятия проводимой Советской властью политики, так и то, что мешало этому. Речь идет о работниках, занятых наемным трудом – пролетариях физического и умственного труда [1, т. 22. с. 432], а также о мелкобуржуазном крестьянстве.

Представители рабочего класса демонстрировали политическую активность в интересах революции и одновременно консерватизм в вопросах труда, вынуждая власть отказаться от намерений использовать уравнительные формы оплаты труда и перейти к стимулирующим. Гораздо острее проблема сочетания революционности и консерватизма стояла в среде интеллигенции, работавшей на условиях найма. К проблемам, порождавшим революционность и консерватизм, отмеченным в связи с рабочими, здесь добавлялись другие, обусловленные социальными особенностями ее жизни и характером ее труда. Определенная революционность в среде этой интеллигенции формировалась под влиянием свойственных ей особенностей трудовой деятельности, которая предполагала поиск новых знаний, решений или их учет, использование (в науке, преподавании, организации производства и пр.) и рождало стремление к свободе мысли, личности, осознание своего высокого исторического предназначения и т.д. Этой революционности противостоял определенный (и психологически обоснованный) консерватизм интеллигенции в социальной сфере, усиливавшийся в ходе революции из-за нарушения, а, затем, и ухудшения привычного уровня и образа жизни. В этих условиях критика устраненной уже политической и социально-экономической системы (капитализм) уступала место критике новой системы, революционной, предполагающей установление на определенное время открытой социальной диктатуры не ее, интеллигенции, а значительно менее развитого и образованного пролетариата.

Наиболее трудные для разрешения проявления взаимосвязи революционности и консерватизма в ходе социалистической революции были связаны с крестьянством, со сложностью и противоречивостью его социальной природы. Общая для всего мелкобуржуазного крестьянства двойственность природы (труженик и собственник), в отношении значительной части российского крестьянства, усложнялась другой двойственностью (индивидуалист и коллективист), порождавшийся общинным землевладением и функционированием сельской общины. Благодаря последнему обстоятельству, восходившему к феодальному строю, консерватизм крестьян имел гораздо более глубокие и прочные корни, чем консерватизм наемных работников физического и умственного труда. *«Размываясь»* и слабея под влиянием буржуазных отношений, для основной массы крестьян он оставался фактором, тормозившим как развитие их хозяйств, так и их пролетаризацию, значит, способом сохранения ими своего социального положения в обществе. Вместе с тем, все обо-

стрявшееся стремление крестьян к решению в свою пользу земельного вопроса, формировало в крестьянстве предрасположенность к участию не только в политической, но и в социальной революции. А община создавала к тому морально-психологические и организационные предпосылки. В результате крестьянство было самым мощным классом в России, являвшимся одновременно, носителем, как глубоко укорененного консерватизма, так и стихийной, неосознанной, но потенциально мощной революционности, что проявилось в ходе всех трех российских революций начала XX в.

Если сочетание революционности и консерватизма в среде трудящегося и эксплуатируемого народа в политике было естественным, то в политике Советской власти оно оказалось вынужденным, либо продиктованным тактическими соображениями, либо вызванным осмыслением накопленного опыта. Лучше всего это просматривается в проблемах, связанных с решением аграрно-крестьянского вопроса. Именно здесь власти приходилось более всего маневрировать, идя крестьянству на уступки совсем не революционного характера, но абсолютно необходимые для успеха революции.

4. Интересы социалистической революции требовали проведения национализации всех средств производства, в т.ч. и земли, поскольку она открывала возможность создания на базе национализированных крупных капиталистических хозяйств социалистических предприятий, а также социального преобразования крестьян в работников социалистического общества [2, т. 31, с. 99]. Однако в конце лета 1917 г. выяснилось, что большинство крестьянских сходов выступает за раздел земли, что с неизбежностью вело к увеличению численности мелкотоварных единоличных крестьянских хозяйств и, следовательно, к усилению консервативных черт в деревне и в сельском хозяйстве, а также к осложнению процесса приобщения крестьян к социалистическим формам и методам ведения хозяйства. Однако без учета этих требований рассчитывать на успех социалистической революции в России было невозможно.

Ленин предложил принять эти требования. Предложение было принято и реализовано в декрете *«О земле»*. Это был политически консервативный маневр. Принятый вскоре декрет о социализации земли в условиях советского государства, как Республики *«Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»*, в котором *«вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»*, фактически означал национализацию земли, создавая важную предпосылку для социалистического преобразования сельского хозяйства в будущем. Однако уже начавшемуся разделу земли он не помешал. Раздел же земли обеспечил сохранение нацеленности крестьянских хозяйств на рыночные механизмы взаимодействия с другими хозяйствами и отраслями народного хозяйства, негативное отношение к крупному общественному производству, неспособность к переоснащению своих хозяйств на базе современной техники и, следовательно, их низкой товарности. Все это крайне затрудняло процесс социалистического преобразования общества, но, вместе с тем, создавало предпосылки для его успеха, в будущем в виде настоятельной потребности в развитии хозяйства и улучшения жизни.

5. Сложные, противоречивые тенденции наблюдались и в политическом развитии деревни. В городах Советы возникали на базе стачкомов (революционность) и, видимо, с учетом влияния консервативных традиций сельских сходов, как органов социальной консолидации (консерватизм), практика которых была понятна массе рабочих, являвшейся выходцами из деревни. У крестьян не было опыта классовой борьбы, в которой возникали стачкомы. Создаваемым ими Советы развивались рядом со старой, привычной крестьянам общинной организацией и испытывали на себе воздействие их и их традиций, как органа консолидации всех крестьян ради решения общих задач. Революционность и консерватизм здесь сосуществовали и взаимодействовали. Во многом поэтому крестьянские Советы смогли сыграть революционную роль в период проведения раздела земли. Но после этого они в значительной мере утратили способность служить точками опоры социалистической революции (к лету 1918 г.), превращаясь в орган консервации в деревне традиционного образа жизни и сельского хозяйства. Признанием этого факта со стороны Советской власти стало решение о создание комитетов бедноты (комбеды) в деревне, как новых точек опоры социалистической революции. Социально-политические уроки, которые преподнесли крестьянам противники большевиков в ходе гражданской войны, позволили осенью 1918 г. восстановить роль Советов как точек опоры социалистической революции в деревне. Однако надежность их в этом качестве была ограничена, поскольку в их состав входили кулаки или т.н. подкулачники. Наиболее ярко это проявилось после окончания Гражданской войны, в период НЭПа, чему способствовало сохранение института сельских общин, влияние которых, в виду их максимальной приближенности к крестьянам, не следует недооценивать. Данное проявление проблемы сочетания революционности и консерватизма в деятельности сельских Советов сохранялось вплоть до серьезных успехов в проведении массовой коллективизации, когда основные хозяйственные проблемы крестьянского сообщества стали решаться уже не на крестьянских сходах, а в колхозах.

Таким образом, Советы могли служить как делу организации классовой борьбы в интересах развития социалистической революции, так и делу обеспечения классового мира в интересах ее предотвращения и сохранения капитализма. Иначе говоря, они могли сыграть в ней как революционную, так и консервативную (контрреволюционную) роль. Известно, что часть противников социалистической революции во время гражданской войны выступала не против Советов, как таковых, а только против участия большевиков. Роль Советов в отечественной истории определялась не их формой, а политикой, которая через Советы, как форму, проводилась той или иной политической силой. Из сказанного можно сделать вывод, что революционность Советов была не в них самих, а в политическом руководстве большевиков. А их потенциально консервативная роль обеспечивалась любой разновидностью антибольшевистской политики.

6. Переход Советской власти в 1921 г. к НЭПу был связан, как со стремлением решить аграрно-крестьянскую проблему, так и с учетом накопленного практического опыта проведения социалистической революции. Рассматри-

вая эту проблему в контексте сочетания и взаимодействия революционности и консерватизма важно обратить внимание на готовность Советской власти сообразовывать свою экономическую политику с хозяйственной консервативностью крестьянства и начать выстраивать свои хозяйственные отношения с ним на понятном ему *«экономическом языке»* – на языке рынка, правда, с сохранением за собой права регулирования его в интересах развития социалистической революции. Следовательно, речь идет о революционном методе использования в интересах социализма консервативной формы хозяйственных отношений.

7. Переход к НЭПу означал завершение процесса пересмотра первоначальных теоретических представлений о процессе становлении социалистического общества, как *«введении»* социализма политическими мерами [1, т. 4, с. 446–447], благодаря чему переход от капитализма к социализму мыслился как быстрый процесс. Из таких представлений исходил В.И. Ленин, призывая начать социалистическую революцию в России: *«Н е введение социализма с р а з у , а немедленный, систематический, постепенный переход Советов рабочих депутатов к контролю общественного производства и распределения продуктов»* [2, т. 31, с. 100]. Также виделась перспектива проведения социалистических преобразований и год спустя. *«Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, – писал В.И. Ленин весной 1918 г., – это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм»* [2, т. 36, с. 295].

Опыт социалистических преобразований в период гражданской войны, необходимость преодоления разрухи во всех отраслях народного хозяйства, осознание невозможности опереться на помощь от победившей социалистической революции в развитых странах Европы, необходимости трудящимся самим измениться так, чтобы соответствовать трудным задачам социалистического преобразования общества и высоким требованиям к его членам и т.д., приводили к пониманию того, что ввести социализм не удастся. Что для этого предстоит провести грандиозную организационную и культурную подготовку всего общества, решить множество социальных и экономических проблем, требующих значительных трудовых усилий и времени. Отсюда следовал вывод о том, что социализм будет возникать в процессе напряженной и разнообразной работы самого общества над его созданием. Лучше всего суть сложного процесса переустройства общества на принципах социализма выражал термин *«строить»*.

В НЭПе фактический проявился отказ от концепции *«введения»* социализма, и начало разработки Лениным концепции и плана построения социализма. Ставилась задача, научиться у капиталистов их методам ведения хозяйства, овладение которыми позволило бы систематически ослаблять капиталистический сектор экономики и усиливать социалистический сектор, что позволило бы ослабить социальные политические позиции капитала в крестьянстве, подготавливая ликвидацию буржуазии как класса. Если учесть это, то станет ясным, что не на отказ от прежнего представления о социализме, а на необходимость не вводить его политическими методами, а строить его, указывает замечание Ленина (в записках *«О кооперации»*) о том, что *«коренная»* перемена

«всей точки зрения нашей на социализм» состоит в перенесении *«центр тяжести»* всей работы с политическую борьбу *«на мирную организационную «культурную»* работу» [2, т. 45, с. 376–377].

Строительство социализма, следовательно, предполагало определенное сочетание революционности и консерватизма в политике, в методах социалистического переустройства общества, в формах организации жизни общества и труда в нем. Это естественно для такого периода в истории общества, которое принято называть переходным от капитализма к социализму. Их взаимодействие с полным основанием можно характеризовать как диалектическое единство и борьбу противоположностей, обеспечивающее движение общества вперед, к поставленной и принятой им цели. Такое сочетание их обеспечивалось политикой Советской власти.

8. **Основной вывод**: 1. Революционные методы применялись успешно только там и тогда, где и когда они оказывались подготовленными в политическом, социальном и экономическом отношениях. 2. В противном случае, по необходимости, приходилось искать способы сохранения и, вместе с тем, использования консервативных форм социальной организации общества и хозяйства в интересах обеспечения решения главной задачи социалистической революции – построения социализма.

Список литературы

[1] *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.

АРХАИЗАЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Соловьев К.А.
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассмотрены представления о будущем крупнейших деятелей российского революционного движения XIX в.: М.А. Бакунина, А.И. Герцена, П.А Кропоткина, Г.В. Плеханова. Анализ текстов этих авторов приводит к выводу о том, что в социальном проектировании общества будущего они либо исходили из глубоко архаичных идеалов доклассового общества, именуемого в современной науке «вождеством», либо предвидели неизбежность социального регресса в ходе революционных преобразований, разрушающих достижения современного им общества.*

Социальное проектирование, как специфическая деятельность по формированию образа желаемого будущего, а, вслед за этим, поиску средств, способов и инструментов его достижения, появилось в европейской общественной мысли в эпоху позднего Средневековья, когда начались изменения в представлениях об историческом времени и появилась возможность говорить и писать о возможных отличиях общества будущего, от того что было в прошлом и есть в настоящем.

К началу XIX века, в общественной мысли Европы (и соответственно в отношениях и к социальному проектированию) сформировались три разных подхода: эволюционный, консервативный и революционный. **Эволюционизм** – прямое продолжение идей Просвещения (связанных с воззраениями Локка, Вольтера, Монтескье), ляжет в основу социального проектировании либеральных и социал-демократических партий. Его суть в стремлении *усиливать элементы будущего*, появлявшиеся в настоящем и, тем самым, постоянно совершенствовать общественные отношения, несущие благо обществу в целом и каждой личности в отдельности. **Консерватизм** – это направление общественной мысли, начало которого связывают с трудами Эдмунда Бёрка (а в России – М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина), в котором образ будущего (как и способы его достижения) содержит не столько блага, сколько угрозы для общества. Соответственно, социальное проектирование для консерваторов – это стремление *удержать полезные элементы прошлого и настоящего* и тем самым *сохранять их в будущем*.

Революционизм в социальном проектировании можно увидеть уже в сочинении Кампанеллы и тех работах Руссо, в которых он противопоставляет современную цивилизацию (больную, по его мнению, смертельными болезнями) естественному состоянию людей далекого прошлого. Смысл революционного социального проектировании в *«расчищении места»* для строительства будущего. Соответственно, в революционном проектировании *образ будущего,*

ни по каким параметрам не должен совпадать с чертами общества настоящего. Ведь именно в отрицании настоящего, в его насильственном устранении состоит смысл революционной борьбы, что очень точно сформулировал М.А. Бакунин в заключительном абзаце статьи *«Реакция в Германии»* (1842 г.): *«Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»*[2, с. 73].

И здесь возникает серьезная проблема: отрицая настоящее, добиваясь его разрушения, невозможно сохранить преемственность по отношению к современности, но и невозможно *«сконструировать»* будущее на пустом месте. Для социального проектирования необходимо иметь отправную точку, вектор развития и определенную систему координат, в которой могут быть представлены контуры будущего общества. Если все это невозможно найти в современности, то приходится обращаться к более древним периодам существования человеческой цивилизации и там искать необходимые образцы социальной жизни. Так Томас Мор, критикуя современные ему порядки, обращался к социальным конструкциям Платона, а тот, в свою очередь, в качестве образца для идеального государства использовал обычаи самого архаичного из всех полисов Эллады – Спарты. Т. Кампанелла, судьба которого, это, по сути, судьба первого революционера Нового времени, в своем *«Городе Солнца»* отталкивался от порядков государства Инков, общества гораздо более архаичного, чем Европа начала XVII века.

Первый российский революционный манифест – ода *«Вольность»* А.Н. Радищева – содержит описание занятий человека постреволюционной поры. Здесь пастух *«...новым светом озаренный, / Вспрянув, свободы слышит глас»* и бережет стадо ставшее его собственным. Здесь земледельцы: *«Себе всяк сеет, себе жнет»*, опытные *«старцы»* дают обществу *«устав»* [9, с. 311]. Для Радищева очень важен пример индивидуального прорыва к будущему (примерами выступают Кромвель и Вашингтон, Галилей и Ньютон, Лютер, Колумб – все кто был новаторами в самых разных областях человеческой деятельности), но в описании будущей жизни общества Радищев воспроизводит догосударственый идеал: ручной труд землепашцев и пастухов, объединенных территориальными формами управления (в оде, помимо старейшин, упомянуто и вече).

Первым *профессиональным революционером* российского происхождения, без всякого сомнения, можно признать М.А. Бакунина, посвятившего всю свою жизнь выработке и пропаганде революционной теории, а также деятельности по реализации этой теории на практике. И, соответственно, именно тексты М.А. Бакунина (в особенности тексты конца 1860-х – 1870-х гг.), показывают, каким может быть социальное проектирование, базирующееся на революционном отрицании настоящего.

Общие принципы, на которые должно быть сориентировано общество будущего, Бакунин называл почти в каждой своей теоретической работе: это свобода, равенство, братство, истина и справедливость. Но само по себе провозглашение этих принципов мало что дает для понимания общества будущего, поскольку каждое из этих понятий (но, в особенности, последние два, добав-

ленные Бакуниным к триаде лозунгов Великой Французской революции) многозначно и может быть трактовано по-разному.

В данной работе предлагается выделить те фрагменты текстов М.А. Бакунина, где он говорить об образе будущего более определенно и соотнести их с теми тенденциями в социальном развитии народов Европы, которые уже достаточно явно проявились к последней трети XIX в. Это возможно, поскольку вопреки много раз повторенному тезису о том, что социальное устройство будущего должно быть результатом развития общества *«снизу»* (*«мы не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих, более или менее развитых историею инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях сознательных и бессознательных, все элементы своей, будущей нормальной организации»* [1, с. 237]) в его текстах просматриваются *обязательные* (в его представлении) черты общества будущего.

Первая из новых тенденций современного Бакунину европейского общества относится к сфере труда. Она может быть сформулирована как *усиление специализации труда*, базирующегося на использовании навыков владения техникой. В рамках этой тенденции в промышленности усиливаелась роль так называемых *«белых воротничков»* (инженеров и техников, отвечающих за совершенствование технологию и механизации производства), а в составе *«синих воротничков»* намечалось очевидное разделение на тех, кто не владеет техникой (*«разнорабочие»*) и тех, кто имеет специфические навыки наладки и обслуживания станков и оборудования (*«рабочая аристократия»*). М.А. Бакунин считал, что эта тенденция вредна, поскольку рабочая аристократия менее готова к революционным протестам, чем разнорабочие (в его стилистике – *«чернорабочие»*). При этом в его образе будущего, отмена эксплуатации человека человеком не должна вести к отмене ручного труда, *«который будет обязателен для всякого»* [1, с. 236]. Тем самым разрушение общества современности – это, в первую очередь, разрушения специализации трудовых процессов.

Тенденция вторая: возникновение в XIX веке прикладных наук и *начало прямого воздействия научного знания на производство*, что уже привело к промышленной революции первой пол. XIX в., а в XX в. вызовет череду научных революций. Бакунин же рассуждает о науке, как о чистом теоретизировании, некоем универсальном знании, задача которого объяснение мира, но не воздействие на него: *«С одной стороны наука необходима для рациональной организации общества, с другой стороны неспособная интересоваться реальным и живым она не должна вмешиваться в реальную и практическую организацию общества»* [3, с. 200]. Соответственно, Бакунин не видит необходимости, как в специализации науки по отраслям, так и в выделении науки в особую сферу деятельности, в рамках которой необходимы особые компетентности, формирование которых зависит от наклонностей, способностей и образования, инструментария и других факторов, отделяющих науку от всех других видов деятельности. Такая наука, по Бакунину *«должна быть ликвидирована .... Ничего не теряя от этого в своем универсальном характере, от которого она никогда не сможет отделать-*

ся, не перестав быть наукой, и продолжая заниматься исключительно общими причинами, общими условиями и общими отношениями индивидов и вещей, она в действительности сольется с непосредственной и реальной жизнью всех человеческих индивидов» [3, с. 201]. Его представление о науке будущего опирается на социальный опыт XVI в.: *«Это будет движение, аналогичное тому, которое заставило протестантов в начале реформации говорить, что нет нужды в священниках, ибо отныне всякий человек делается своим собственным священником...»* [3, с. 201]

Третья тенденция – *глобализация экономических процессов*, наиболее наглядно проявляющаяся, в это время, в развитии мировой торговли и финансовой сфере (*«вывоз капитала»*). Бакунин отчетливо видел эту тенденцию, считал ее важной чертой развития общества и, отчасти, поддерживал (особенно в той части своей работы *«Государственность и анархия»*, где писал о пользе морской торговли и предполагаемом развитии в будущем воздухоплавания) [1, с. 175]. Призыв Бакунина к разрушению государственных границ (*«вопросы о естественных, политических, стратегических и торговых границах должны считаться отныне принадлежащими к древней истории и энергично отбрасываться»* [4, с. 128]), можно было бы трактовать как призыв к дальнейшей глобализации, если бы он не сочетался с другим – к полной автономизации территориальных общин: *«Признание абсолютного права на полную автономию за всякой нацией, большой или малой, за всяким народом, слабым или сильным, за всякой провинцией, за всякой коммуной, при условии, чтобы внутреннее устройство одной из перечисленных единиц не являлось угрозой и опасностью для автономии и свободы соседних земель»* [4, с. 129]. Тем самым Европе, организованной в нации, Бакунин предлагал трансформироваться в общество территориальных общин малого размера (коммун), что должно было увеличить количество границ и неизбежно привести к экономической ситуации раннего средневековья с резким сокращением возможностей для прибыльной международной торговли и натурализации хозяйства.

Тенденция четвертая: *формирование «среднего класса»,* сочетающего труд с владением собственностью; включение все новых групп населения в круг частных собственников как через расширение мелкого и среднего предпринимательства, так и за счет покупки акций крупных кампаний. Эта тенденция была противоположна классовому расслоению общества и указывала на возможность достижения большей его однородности, при закреплении наследственного пава на владение и распоряжение частной собственностью разного уровня. Для Бакунина наличие частной собственности – это одно из двух базовых условий эксплуатации труда (второе – государственная власть). Соответственно, одна из черт *«образа будущего»* – отмена частной собственности, закреплённой в наследственном праве: *«Задачей справедливости является установить равенство для каждого, поскольку такое равенство будет зависеть от экономического и политического устройства общества, – равенство для каждого в исходной точке жизненного существования, так, чтобы каждый, руководимый собственной природой, был сыном своих собственных дел»* [4, с. 146].

Тенденция пятая: *расширение прав населения на управление*, через парламентское представительство и референдумы. Для Бакунина – это тенденция

ложная, поскольку народ не в состоянии понять сложность юридических формулировок и поэтому, будет обманут: *«Мы видим, что в системе представительного правительства, даже исправленной референдумом, народный контроль не существует; а так как без этого контроля не может быть серьезной свободы для народа, то мы заключаем, что наша политическая свобода, наше народное самоуправление – ложь»* [4, с. 23]. Единственно приемлемая форма *«народного контроля»* за деятельностью власти – это бунт – *«источник всякого освобождения»* [3, с. 111].

Тенденция шестая: *распространение представлений о свободе, как о равенстве всех перед законом*, что вело к законодательному закреплению прав трудящихся в их взаимоотношениях с государством и собственниками. При этом закон понимается, ка форма общественного договора, нерушимого до тех пор, пока существует данное общество или пока общество не заменяет его новым договором. Бакунин же натаивал на принципиальной необходимости *«уничтожения всяких постоянных договоров между личностями и коллективными единицами – ассоциациями, областями, нациями, – иными словами, признание за каждым права, если он также свободно связал себя с другим лицом, уничтожить договор, исполнив все временные и ограниченные условия, которые он содержит»* [4, с. 115].

Анализ наиболее заметных, в текстах М.А. Бакунина, элементов *«образа будущего»* приводит к мысли о том, что этот образ в значительной мере совпадает с историческим периодом в развитии каждого из народов, известным как предгосударственная стадия и обозначаемая термином *«вождество»*. Это общество: а) племенных общин, трансформирующихся в территориальные; б) основанное на ручном труде и натуральном хозяйстве; в) с отсудившем специализации ручного и интеллектуального труда; г) коллективными формами труда и коллективным владением собственностью; д) с прямой демократией (вечевой демократией действия) при принятии управленческих решений; е) отсутствия устойчивых правовых норм. Другими словами, доля конца XIX в. это общество глубоко архаичное по базовым параметрам.

Взгляды А.И. Герцена на возможное будущее формировались в постоянной полемике с соратниками по борьбе и в частности с тем же Бакуниным (не случайно *«полемические»* жанры – диалог, письма – так важны в его публицистике). Его критика революционных представлений о будущем строилась на трех важнейших положениях. Первое из них относится собственно к представлениям революционеров о желаемом будущем: *«Меньшинство, идущее вперед, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего экономического быта»* [5, с. 531]. Но даже если бы все эти *«формулы»* были бы выведены, то это ничего бы не значило, потому что второе положение, относящееся уже к самому историческому процессу, выглядит так: *«Идеалы, теоретические построения никогда не осуществляются так, как они носятся в нашем уме»* [5, с. 62].

Будущее – по Герцену – не подлежит конструированию. Оно *«импровизируется на тему прошедшего»* [5, с. 407]. Соответственно все параметры будущего общества, обсуждаемые революционерами, не имеют практического значения: *«не каждый зародыш достигает зрелости, не все, что живет в душе, осуществля-*

ется» [5, 148]. Любимый пример реализации будущего в истории человечества, регулярно всплывающий в текстах Герцена – это качественный скачек назад, связанный с разрушением самого развитого общества своего времени – Римской империи. Одно из самых ярких высказываний на эту тему выглядит таким образом: *«... незнакомое будущее восходит на горизонте, покрытом тучами,– будущее, смущающее всякую человеческую логику. Вопрос римского мира разрешается христианством, религией, с которой свободный человек гибнущего Рима так же мало имел связи, как с политеизмом. Человечество, для того чтоб двинуться вперед из узких форм римского права, отступает в германское варварство»* [5, с. 93].

Общая схема исторического прогресса, просматривающаяся в сочинениях Герцена со второй пол. 1840-х гг. и до конца его жизни, выглядит следующем образом: народы, развеивая свои возможности, формируют цивилизации, каждая из которых одновременно может стать *«венцом эпохи»* и, одновременно, тупиком в развитии общества [5, с. 22]. Для того чтобы выйти из этого тупика, нужно отступит на несколько шагов (в условное *«варварство»*) отказаться от высших завоеваний цивилизации и затем, двигаться к прогрессу по новому пути. А если выход из тупика связан с революционной борьбой, то погружение в *«варварство»* будет тем сильнее, чем больше разрушений будет произведено: *«Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те пределы сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации»* [5, с. 547].

Именно эта концепция *«отступления в прошлое»*, *архаизации ради прогресса,* привела Герцена к убеждению, что Россия, сохранившая архаичные формы труда и быта (связанные с существованием крестьянской общины), способна отступить не так сильно, как это придется сделать Европе. А, значит, будущее России просматривается более определенно, чем будущее Европы: *«Бедное село наше, с своей скромной общинной жизнию, с своим общинным землевладением, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырезываются на сцене, с которой больше и больше исчезают в тумане фаланстеры, Икарии, национальные рабочие, государственные подряды и пр.»* [5, с. 542–543].

Будущее у одного наиболее авторитетных представителей следующего поколения русских революционеров – П.А. Кропоткина – прямой результат *«нравственного прогресса человечества»*, следствие утверждения у всего большего числа людей стремления к *«взаимности»* и *«справедливости»*. Поэтому, Кропоткин хотел бы, чтобы те *«регрессивные, т. е. отступательные, движения, совершавшиеся по временам у разных народов»* [7, с. 34–35], неизбежность которых доказывал А.И. Герцен, могли бы быть быстро преодолены.

Первый, подготовительный этап создания будущего у Кропоткина – разрушение того *«должно быть снесено»*. Эта функция должна быть возложена на *«революционное правительство»* [7, с. 399]. Но далее сколько-нибудь планомерные действия по социальному переустройству общества невозможны: *«Экономические перемены, которые должны явиться результатом Социальной Революции, будут так обширны и так глубоки, отношения между людьми, которые до того основывались на праве собственности и на теории обмена, а теперь долж-*

ны основываться на совершенно иных началах, будут столь не похожи на прежние, что никакому могущественному уму, никакой группе глубоких мыслителей не удастся выработать общественные формы, в которые должно будет вылиться будущее общество» [7, с. 399].

Но, это совсем не значит, что Кропоткин отказывался наметить хотя бы контуры этого будущего, указав лишь на *«совершенно иные начала»*, которые должны утвердиться после революции. Эти *«начал»*служат мощными ограничителями развития общества не в том направлении, которое виделось автору. Первое из них, без всякого сомнения – это экспроприация [7, с. 452], *замена частной собственности на коллективную*, создание *«из вольных объединений социалистических Коммун»* [7, с. 404]. Начало второе – *универсализация трудовых качеств*, отказ от специализации труда: *«идеалом общества* (*т. е. то, к чему оно уже стремится*) *– является такое общество, где каждый трудится физически и умственно, где способный к труду человек работает в поле и в мастерской...»* [6, с. 14]. Третье начало – *бесплатное равное трудовое образование* для подрастающих поколений, соединение с изучением основ наук [6, с. 208]. Начало четвертое – *отказ от международного разделения труда*, ориентация народов на внутреннее потребление, при котором *«они будут вынуждены выращивать свою пищу у себя и полагаться на внутренних потребителей своих мануфактурных произведений»* [6, с. 44].

Как видим, П.А. Кропоткин оставляет не так много возможности для вариативного развития будущего. Безусловный отказ от индивидуализма и разработка *«начал»* общества *«солидарности»* неизбежно ведет к построению довольно жесткой социальной конструкции, в которой неизбежно то самое *«поглощение личности обществом»* [7, с. 42], против которого сам Кропоткин страстно выступал.

Г.В. Плеханов, начавший, как и П.А. Кропоткин, свою революционную деятельность в 1970-е гг. и, затем, ставший основателем нового направления в российском революционном движении – марксизма – писал о том, каким должно быть будущее, не очень много, поскольку не верил в возможность запрограммировать это будущее. Зато он очень точно, на наш взгляд, обозначил альтернативы в организации постреволюционного будущего правительством, которое должно будет *«организовать национальное производство»*, опираясь на новые, социалистические принципы. Первый вариант, по Плеханову (желательный), состоит в том, чтобы следовать *«духу современного социализма»*, под которым понимается теория К. Маркса. Здесь Плеханов видит три фактора, которые будут выступать в качестве серьезных помех: *«собственная непрактичность»* революционного правительства, *«современное состояние национального труда»* (преимущественно доиндустриального) и *«привычки самих трудящихся»* [8, с. 108]. И если Кропоткин утверждал, что *«будущее уже возможно, оно уже достижимо: настоящее же осуждено на исчезновение»* [7, с. 380], то у Плеханова настоящее настолько крепко, что способно исказить любые, видимые сейчас, формы будущего.

Второй же вариант развития социалистического будущего у Плеханова крайне пессимистичен. Революционное правительство *«должно будет искать*

спасения в идеалах "патриархального и авторитарного коммунизма", внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских "сынов солнца" и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста» [8, с. 105]. Эта глубочайшая архаизация общества по образцу *«инкского социализма»* казалась самому Плеханову крайне маловероятной. Но если же такое произойдет, то будущее буде враждебно прогрессу: *«Несомненно, кроме того, что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства»* [8, с. 105]. Эта фраза, написанная в 1883 г., в полемике с теоретиками *«народовольчества»*, содержит сбывшийся прогноз будущего России на весь XX век.

Список литературы

[1] *Бакунин М.А.* Государственность и анархия. // Избранные сочинения в 5-ти тт. Т. 1. Пб.-М.: *«Голос труда»*, 1919.

[2] *Бакунин М.А.* Избранные труды. М. РОССПЭН, 2010.

[3] *Бакунин М.А.* Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция // Избранные сочинения в 5-ти тт. Т. 2. Пб.-М.: *«Голос труда»*, 1919.

[4] *Бакунин М.А.* Федерализм, Социализм и Антитеологизм // Избранные сочинения в 5-ти тт. Т. 3. Пб.-М.: *«Голос труда»*, 1920.

[5] *Герцен А.И.* Сочинения в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1986.

[6] *Кропоткин П.А.* Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединённая с земледелием, умственный труд с ручным. Пб-М.: *«Голос труда»*, 1921.

[7] *Кропоткин П.А.* Этика. Избранные труды. М. Политиздат, 1991.

[8] *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения в 5 тт. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.

[9] *Радищев А. Н.* Сочинения. М.; Художественная литература, 1998.

IV. МЕХАНИЗМЫ АНТИКРИЗИСНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР СИСТЕМНОЙ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Дворецкая А.Е.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются современные проблемы поддержания глобальной и национальной финансовой устойчивости. Обоснована модификация денежно-кредитного регулирования в целях финансовой стабилизации в развитых странах. Охарактеризованы эффекты мягкой денежно-кредитной политики в развитых странах. Представлены особенности денежно-кредитного регулирования в России, обусловленные, как ее принадлежностью к развивающимся странам, так и внутренними проблемами. Доказывается необходимость трансформации вектора монетарного регулирования от ограничения инфляции к содействию развитию и росту.*

1. Финансиализация как современный фон функционирования глобальной экономики В последние годы глобальная нестабильность и волатильность на ключевых финансовых рынках стала постоянным фоном функционирования мировой экономики. Нестабильность угрожает экономическому росту, сопровождается реализацией системных рисков в секторе финансового посредничества в большинстве национальных юрисдикций, как в развитых, так и в развивающихся странах. За годы после кризиса 2008 года экономика не стала менее зависимой от спекулятивно настроенных мировых финансовых рынков; напротив, финансиализация растет [8, с.34]. В 1980 г. мировой финансовый сектор, как и торговый, занимал четверть мирового ВВП, а к 2008 г. финансовый сектор в 9 раз превысил мировую торговлю. Стоимость глобальных финансовых активов к этому времени превысила 200 трлн долл. [5, с. 3], непомерно разросся рынок деривативов, возник и агрессивно вырос до уровня четверти глобальной финансовой системы слаборегулируемый теневой банковский сектор; сам финансовый рынок стал чрезвычайно интегрированным, а его ценовая динамика – все более синхронизированной в разных узлах.

Осталась в прошлом стабильная международная торговля, инвестиционный бум и рост производства, чему способствовала былая длительная финансовая стабильность. Вместо микширования и снижения глобальных рисков финансовый сектор стал их источником; разрастаются и внутренние эксцессы, и напряжения внутри самого сектора. МВФ в регулярных докладах по вопросам глобальной финансовой стабильности в среднесрочной перспективе прогнозирует и слабость экономических перспектив, и хрупкость финансовой стабиль-

* *Дворецкая Алла Евгеньевна*, д.э.н., профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, заведующая кафедрой экономики и финансов факультета экономических и социальных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

ности. Актуальной в этой связи является нормализация денежно-кредитных условий экономического развития [4, с.2–3]. Экономическое развитие сильнейшим образом детерминируется решениями монетарных властей, поэтому денежно-кредитная политика (ДКП) должна быть ответственной и адекватной. Именно сейчас национальные и наднациональные регуляторы могут в полной мере усилить свои полномочия, расширить зоны ответственности и использовать конституционные мандаты в целях содействия динамичной траектории роста и повышения финансовой стабильности. В реальности прослеживается тренд придания денежно-кредитной политике и монетарному регулированию более широкий характер, нежели традиционное воздействие на денежную массу, регулирование объема кредитов, уровня процентных ставок, валютного курса и других индикаторов рынка ссудного капитала. Постепенно уходит в прошлое теоретический спор, следует ли наделять центральные банки ответственностью за экономическое развитие. Конечным целеполаганием монетарных регуляторов, их *«двойным мандатом»* де-факто становится не только достижение ценовой и валютной стабильности, но и содействие финансовой стабилизации, обеспечение занятости и сбалансированного устойчивого экономического роста – даже в тех странах, где центральным банкам законодательно не делегированы столь важные макроэкономические полномочия.

2. Модификация денежно-кредитного регулирования в развитых странах. К пониманию новой глобальной макропозиции и новых приоритетов привело и осознание недальновидной многолетней политики предпочтения ценовой стабильности задачам экономического роста. В результате угроза мировому росту и благосостоянию всех экономических акторов не исчезла даже после принятия важных антикризисных мер, а на смену инфляционным рискам пришли риски дефляции, чрезвычайно опасной для роста. Современный научно-практический консенсус состоит в признании позитивной корреляции между денежным предложением и экономическим ростом при возможности удержания инфляции в некритических рамках.

В новом экономическом ландщафте развитых стран экспансионистская денежно-кредитная политика сменила рестрикционную с целью стимулирования экономики и преодоления дефляционных рисков. Политика количественных смягчений (Quantitative easing, QE) ставит целью удешевление кредита как инструмента роста, рост расходов и спроса в реальном секторе. Она включает базовые инструменты: последовательное снижение процентных ставок и операции центральных банков на открытом рынке (приобретение центральными банками ценных бумаг). ФРС снизила ставку по федеральным фондам с 5,25% в 2007 г. до уровня 0,25% в 2009 г. и до сих поддерживает этот уровень; Банк Англии и Банк Японии снизили базовые ставки до 0,5% и 0,1%; Евроцентробанк в целях доведения инфляции о целевого уровня 2% (сейчас 1,5%) с 2009 г. по 2016 г. снизил ставку с 2,5 до 0%, в 2014 г. ввел отрицательную ставку по депозитам банков (сейчас –0,4%). Отрицательная ставка введена и по депозитам банков в Банке Японии (–0,1%). За 4 раунда количественных смягчений на баланс ФРС выкуплено казначейских и ипотечных (*mortgage backed securities, MBS*) облигаций на 3,5 трлн долл. В еврозоне действует программа выкупа облигаций

Outright Monetary Transactions, OMT (продлится до марта 2017 г.) – выкуп облигаций на 80 млрд евро ежемесячно. Япония проводит программу скупки облигаций в размере до 80 трлн иен (эквивалентно 650 млрд долл. в год). Выкуп государственных бумаг на вторичном рынке является, по сути, фискальной (бюджетной) эмиссией позитивного безинфляционного характера. Активизируется и рефинансирование банков: с середины 2016 г. в еврозоне запускаются четыре линии среднесрочного рефинансирования (TLTRO II) сроком на четыре года.

Итогом глобальной ультрамягкой монетарной политики является рост денежной базы, а следом – и денежного предложения в экономике. За последние шесть лет чистое приращение денежной базы составило 10 трлн долларов. Активы центральных банков G4 увеличились более чем на 60%. Баланс ФРС вырос с 7% в 2006 г. до 26% ВВП (в т. ч. более 50% приходится на гособлигации, что говорит о важности фискальной эмиссии); активно рос уровень балансов Евроцентробанка, Банка Японии, Банка Англии, Национального банка Швейцарии. Важно отметить, что в целом рост монетарных балансов не привел к разгону инфляции, чего так боятся противники мягкой политики. Так, в США денежная база с 2006 г. выросла более чем в 5 раз, но при этом инфляция остается на крайне низком уровне (в середине 2015 г. упала до уровня 0,2%) и очень медленно приближается к целевому уровню 2%, а в еврозоне до сих пор наблюдается дефляция.

Политика дешевых денег привела к определенным результатам, но в разных странах – в различной степени. Так, США в 2016 г. приблизились к ориентирам по занятости, росту, безработице и инфляции. Это стало основанием постепенного сворачивания количественных смягчений и готовности к постепенному ужесточению монетарной политики – в частности, путем повышения процентных ставок как действенного трансмиссионного канала. Напротив, в зоне евро, хотя рост ВВП и ускорился в 2015 г. до самого высокого уровня с 2011 г., остаются проблемы низких инвестиций, слабой занятости, низкой инфляции, скромной производительности труда. Еще более сложным является сочетание экономических условий в Японии: несмотря на монетарную либерализацию, ВВП и потребительский спрос сокращаются, а инфляция остается на нулевом уровне.

Поэтому, в отличие от США, в еврозоне денежно-кредитная политика сохраняет экспансионистский характер. Обсуждается ее дополнение нетрадиционными инструментами стимулирования экономики, впрочем, теоретически давно известными из трудов американских ученых и практиков (М. Фридмена, Б. Бернанке). Речь идет о прямом внеэкономическом трансферте денег непосредственно конечным потребителям, минуя опосредование центральным банком – в виде пополнения их счетов, возврата налоговых платежей (*«вертолетные деньги»*. Трудно даже теоретически судить о последствиях такого гипотетического экзотического решения вследствие многофакторности поведения потребителей.

Считаем, что более актуальной и прагматической задачей для денежных властей является закрепление позитивных эффектов применения мер количественного смягчения при одновременном мониторинге рисков надувания

пузырей на рынках реальных активов. Дело в том, что нежелательным макроэкономическим последствием либеральной политики является не потребительская инфляция, а инфляция на рынке активов вследствие надувания пузырей и даже бумов на фондовом рынке, рынке недвижимости, сырья и пр. Продолжает расти и уровень долга: объем глобальных долговых обязательств с 2007 года увеличился на 57 трлн. долларов [5, с. 4]. Это имеет негативные последствия для финансовой стабильности, закладывает фундамент под локальные финансовые кризисы. Финансовая стабилизация обеспечивается комплексом мер регуляторов по ограничению спекулятивной активности, резервирования под риски и пр. Однако ситуация осложняется тем, что долговременная стагнация и нестабильность может длиться неопределенно долго.

3. Особенности и потенциал монетарной политики в России. Несмотря на глобализацию, кластер развивающихся стран и стран с переходной экономикой (РПЭ) имеет собственные проблемы, часто развивается в противофазе с развитыми странами по потокам капитала, процентным ставкам, уровню инфляции, валютным курсам, инвестициям и прочим финансовым показателям. Не всегда финансовая интеграция и приток капитала в эти страны способствует росту; зачастую наступает финансовая дестабилизация вследствие спекулятивного, а не стратегического характера финансовых потоков, а также в связи с растущими суверенными долгами. Многие РПЭ стали проводить мягкую политику без особых успехов для экономического роста.

Финансовая нестабильность в России имеет специфический профиль: она обусловлена не рисками эффективного усвоения притока капитала, а, напротив, рисками оттока капитала в связи с геополитическими событиями Кроме того, финансовая нестабильность усугубляется потерями от снижения сырьевых цен, т.е. определяется структурными рисками недиверсифицированной сырьевой экономики. Индикаторами дестабилизации являются падение ВВП, резкое обесценение рубля, рост инфляции. В 2015 году ВВП упал на 3,7%, промышленное производство – на 3,4%, инвестиции – на 8,4%, прямые иностранные инвестиции – на 46,1%, реальные доходы населения – на 4%. Инфляция выросла на 12,9%, покупательная способность рубля упала за последние 15 лет в 5,5 раз [2, 3].

Неравномерное и противоречивое экономическое развитие страны диктует столь же сложную конфигурацию денежно-кредитного регулирования. В отличие от развитых стран, в России финансовая стабилизация формулируется не в терминах борьбы с дефляцией, как в развитых странах. Напротив, базовым ориентиром Банка России остается ценовая стабильность и упорная борьба с инфляцией; реагирование на инфляцию является доминантой всех ключевых решений центрального банка. Не отвергается и идея инфляционного таргетирования, которое объективно в настоящее время полноценно в России реализоваться не может.

В ходе кризиса 2008 г. Россия, в отличие от большинства развитых стран и единственная среди стран BRIC ужесточила денежно–кредитную политику путем повышения ставок в целях борьбы с инфляцией. После краткого смягчения в 2010 г. и стабилизации в 2013 г. ужесточение продолжилось. В 2015–

2016 гг. ДКП можно назвать умеренно жесткой: ставки остаются высокими, рефинансирование не активизируется, фискальная эмиссия как прогрессивный инструмент практически не используется.

У жесткой выжидательной политики центрального банка много защитников. Пока экономика структурно не реформирована, денежные рестрикции снижают вероятность кредитного бума, способствуют укреплению рубля. Главная же цель жесткой политики – удерживать инфляцию в намеченных рамках и даже добиться амбициозной цели снижения ее до уровня 4% к 2017 году [1, с.3].

Высокая инфляция, безусловно, опасна. Провоцируя текущее потребление и ограничивая инвестиции, она замедляет темпы роста экономики, снижает покупательную способность валюты, усиливает социальное расслоение и т.д. Напротив, ценовая стабильность является одним из факторов финансовой стабилизации и повышения благосостояния граждан. Однако не следует демонизировать феномен инфляции; дефляция не менее опасна для роста и развития. Низкие цены и низкий выпуск – неприятное сочетание. Иногда более высокая, но управляемая инфляция не является препятствием для экономического роста, а низкая инфляция вовсе его не гарантирует. Примерами являются Бразилия середины 1980-х годов, Вьетнам конца 1980-х годов, Россия в канун 2000-х годов, демонстрировавшие высокие темпы роста при высокой инфляции. Это произошло потому, что денежная масса росла быстрее инфляции, насыщая экономику необходимыми ресурсами для развития.

Таким образом, Банк России следует предостеречь от сосредоточенности исключительно на инфляционных рисках. Они несколько преувеличиваются регулятором, а риски торможения роста, напротив, преуменьшаются; т.е. наблюдается неявное противодействие проинфляционным мерам, предлагаемым Министерствами финансов и экономического развития. Применение рестриктивных инструментов регулирования инфляции, в том числе повышение (или удержание на высоком уровне) высоких ставок приводит к сжиманию денежной массы и наступлению денежного голода, обескровливанию экономики, сокращению кредитования банками нефинансового сектора, замедлению темпов роста инвестиций и выпуска. Примером является ситуация стагфляции, в которой оказались США в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда инфляция превысила 10%. Повышение ставок ФРС не сократило инфляцию, зато подстегнуло рецессию.

Думается, в условиях нынешней рецессии в РФ важнее не борьба с инфляцией, а стимулирование инвестиций и роста. Не следует при этом забывать об объективных ограничениях ДКП, связанных со специфическим характером инфляции в России, носящей преимущественно структурный, а не монетарный характер; это инфляция не спроса, а издержек. Ее питают высокие тарифы на услуги инфраструктурных монополий, отсутствие конкуренции, высокие косвенные налоги, разрыв между производительностью труда и заработной платой и прочие факторы, находящиеся вне компетенции Банка России. Эластичность инфляции по денежной массе крайне невелика. Поэтому рост денежной массы будет охотно абсорбироваться экономикой.

Примеры это подтверждают. Так, в новейшей истории России наибольший рост и наименьшая инфляция наблюдались в 2000, 2003, 2006 и 2007 гг.,

когда реальный прирост денежной массы был также наибольшим. И наоборот, одной из важных причин национальных кризисов является сужение денежной массы или замедление темпов ее роста (рис. 1).

Рис.1. Динамика ВВП и денежной массы в РФ

Источник: *рассчитано по данным Банка России и Росстата РФ* [2, 3]

Иными словами, в споре между сторонниками жесткой и мягкой монетарной политики мы склоняемся к актуальности денежной либерализации. В реальном секторе существует острая потребность в деньгах для финансирования не только расширенного, но и простого воспроизводства. Монетарное регулирование в России должно обрести важную черту – обеспечение эластичности денежного предложения, быстрый отклик на нужды реального производства, что стабилизирует и финансовый сектор, и экономику в целом.

В условиях торможения мировой экономики это является глобальной задачей. Кристин Лагард отмечает, что *«кредитно-денежная политика должна быть ориентирована на увеличения предложения денег, что послужит поддержкой для роста экономики, но это должно сопровождаться эффективными механизмами по распределению денег»* [7]. Безусловно, существует опасность перенаправления дополнительной эмиссии из производительного сектора в спекулятивный сегмент, прежде всего, на валютные спекуляции. Иными словами, центральный банк опасается девальвации национальной валюты. Однако для ограничения валютных атак у него существует стандартный набор валютных ограничений для участников рынка, которые можно варьировать. Для достижения равновесия между рисками разгона инфляции, девальвации и торможением экономики используются, как инструменты классического трансмиссионного механизма (процентные ставки, рефинансирование), так и инструменты *«тонкой настройки»* – операции валютного РЕПО, кредитные аукционы. Так, аукционы валютного РЕПО резко снизили спекулятивный спрос на валюту. Однако с предлагаемым отдельными авторами жестким фиксированием курса мы не согласны, и считаем это не только теоретическим отходом от рыночных основ, но и практически невыполнимым и даже вредным.

В научно-практической среде звучат предложения расширить возможности центрального банка по стимулированию экономики путем разрешения ему напрямую кредитовать экономику. Это теоретический и практический нон-

сенс. Задача центрального банка – создать комфортные ценовые условия для кредитования, активизировать рефинансирование банков, интенсивно работающих с реальным сектором. Необходимо шире применять точечное рефинансирование: кредиты банкам с капиталом не ниже 100 млрд руб. сроком до трех лет по ключевой ставке минус 1,5 п. п. под залог инвестиционных проектов для развития импортозамещения; специализированные программы рефинансирования для стимулирования кредитования малого и среднего предпринимательства, проектного финансирования, несырьевого экспорта, военной ипотеки. Банк России использует возможности процентной политики: по специфическим операциям используются особые ставки на уровне ниже традиционных ставок (6,5–9%): по кредитам банкам на финансирование инвестиционных проектов; по кредитам, обеспеченным залогом по кредитам ОАО *«МСП Банк, предоставленным банкам или микрофинансовым организациям; по кредитам, обеспеченным договорами страхования АО «ЭКСАР»*; по кредитам в рамках *«Военной ипотеки»* и пр. Важным является расширение Ломбардного списка России для рефинансирования под залог *«нерыночных активов»*, в т. ч. кредитов реальному сектору. Косвенно не только центральный банк, но и правительство поощряет работу банков в реальном секторе путем докапитализации ключевых банков через Агентство по страхованию вкладов в виде облигаций федерального займа (ОФЗ) с условием направления полученных средств на цели кредитования приоритетных инвестиционных проектов ключевых российских предприятий.

Важное значение имеет также установление тесной связи монетарной и бюджетной политики [6], и не только по линии размещения средств бюджета в банковской системе. Так, постепенное расходование Резервного фонда объективно формирует профицит ликвидности в банковской системе и способствует снижению процентных ставок независимо от усилий центрального банка. Можно сказать, что косвенно в денежное регулирование вовлекается и Министерство финансов как куратор бюджета.

Таким образом, в арсенале денежно-кредитного регулирования сегодня есть разнообразные меры маневрирования между различными рисками в целях достижения финансовой стабильности. К сожалению, эффективность мер монетарного регулирования в России сильнейшим образом детерминирована внешними факторами (прежде всего, ценой на нефть), что сужает диапазон возможностей центрального банка. В частности, в условиях сокращения активного торгового сальдо (за 2015 г. – на 41,2 млрд долл.) становится все труднее поддерживать валютными интервенциями падающий курс в связи с ухудшением ценовой конъюнктуры. Одновременно эти валютные интервенции еще больше сокращают международные резервы: они сократились с начала 2014 г. почти на 130 млрд долл., или на 25%. При проведении структурных реформ и диверсификации экономики денежно-кредитное регулирование станет более свободным, гармоничным и предсказуемым.

Таким образом, разнообразие условий функционирования стран в глобальной экономике порождает разную степень финансовой устойчивости и, соответственно, формирует разные типы денежно-кредитного регулирования, избираемого монетарными и правительственными властями.

Денежно-кредитная политика в России реализуется в сложных экономических условиях. Ее вектором должны стать приоритеты развития и роста с допущением регулируемого инфляционного давления. Это означает необходимость эластичной эмиссии с действенным контролем ее абсорбирования в национальной экономике. Конечным эффектом должна стать системная финансовая стабилизация.

Список литературы

[1] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2016 год и период 2017 и 2018 годов.

[2] Денежно-кредитная статистика Банка России.

[3] Федеральная служба государственной статистики.

[4] МВФ. Доклад по вопросам глобальной финансовой стабильности. Октябрь 2015 г. – https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/gfsr/2015/02/pdf/execsumr.pdf (дпта обращения: 20.04.2016).

[5] ООН. Доклад о торговле и развитии, 2015 год – http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2015overview_ru.pdf (дата обращения: 30.05.2016).

[6] *Дворецкая А.Е.* Взаимодействие денежно-кредитной и бюджетной политики как фактор финансовой устойчивости // Деньги и кредит. № 10. 2015. С. 20–28.

[7] *Долженков А.* Кристин Лагард: нужны лидеры и деньги – http://expert.ru/2016/04/5/mvf/ h (дата обращения: 30.05.2016).

[8] Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика. Под ред. Я.М. Миркина. М.: Магистр, 2014.

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Кузьмин А.Ю.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Предметом данной статьи являются механизмы российского государственного антикризисного управления. В рамках разработанного авторского концептуального подхода к оценке равновесного валютного курса на основе международных потоков (International Flows Equilibrium Exchange Rate, IFEER) на теоретико-методологическом уровне исследуется динамическая зависимость валютного курса рубля в представленной системе фундаментальных внутренних и внешних макроэкономических факторов. Построенный равновесный валютный курс действительно удовлетворяет условиям динамического среднесрочного макроэкономического равновесия в условиях завершения валютной либерализации в России. Исследуется взаимосвязь параметров управления макроэкономикой и последствия перехода к таргетированию инфляции в условиях российской экономики.*

Ключевые слова: *валютный курс, платежный баланс, волатильность, денежно-кредитная политика, таргетирование инфляции.*

В общей системе мер народнохозяйственного управления обоснованная денежно-кредитная и курсовая политика государства в современных условиях играет центральную роль. Заслуживает внимания тот факт, что в последние годы режим курса российского рубля сместился в сторону режима независимого плавания по классификации Международного валютного фонда. Однако в любом случае в современных условиях характерна значимость курсовой политики Центрального банка России и особо пристальное внимание к динамике номинального курса национальной валюты.

При этом с одной стороны резкие колебания курсов, значительные эффекты перелива, влияние шокирующих перекосов в зарубежных экономиках и, с друг ой стороны, затормозившиеся лишь в последнее время процессы глобализации, либерализации, информатизации рынков капитала и финансовых инструментов привлекают пристальное внимание исследователей к проблемам формирования равновесных значений курсов валют. В рамках разработанного авторского концептуального подхода к оценке равновесного валютного курса

* *Кузьмин Антон Юрьевич*, д.э.н., профессор кафедры *«Системный анализ и моделирование экономических процессов»*, ФГОБУ ВПО *«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»* (Финуниверситет), г. Москва.

проводится разработка экономико-математического аппарата на основе предложенной и обоснованной системы функциональных зависимостей экспортно-импортных операций и потоковых функций движения капитала модели динамики номинального валютного курса (см. также [1–4]).

Предложенная концепция позволяет провести моделирование динамики фундаментальных равновесных валютных курсов и построить широкий класс экономико-математических моделей. Концептуально авторские разработки в явном виде определены как моделирование равновесного валютного курса на основе международных потоков (International Flows Equilibrium Exchange Rate, IFEER). Для величины потоковых функциональных зависимостей (в том числе потоков капитала) принимается ряд гипотез.

В данной модели используется достаточно широкая система функционально взаимосвязанных макроэкономических агрегатов, определяющих курс национальной валюты на конверсионном рынке. В качестве базовых агрегатов в модели используются экспортно-импортные операции, потоки капитала с предпочтениями инвесторов, условия торговли, индексы внутренних и экспортных цен и реального ВВП, коэффициенты эластичности внешнеторговых операций. При этом в итоге факторы, связанные с условиями торговли, макроэкономическими агрегатами импорта, экспорта и иные составляющими платежного баланса были элиминированы. Показано ([2, 6]), что валютный курс равен:

$$e(t, Q(t)\ P(t)\ P^*(t)\ = e_t = k(t)\ \frac{P_t}{P_t^*} Q_t^{-\mathrm{q}}. \qquad (1)$$

где Q_t – индекс реального совокупного выпуска (реальный ВВП), P_t – индекс потребительских цен, P_t^* – индекс фактических экспортных цен, q – настраиваемый параметр.

С позиций данного исследования наиболее важно известное определение равновесного курса Дж. Вильямсоном, который на достаточно неформальном уровне определяет фундаментальный равновесный валютный курс (FEER) как тот, который будет генерировать профициты или дефициты текущего баланса, равные потокам капитала, на циклической основе, не ограничивая торговые потоки. Фундаментальный валютный курс выполняет стержневую роль для установления границ колебаний номинального в виде “целевых зон” (target zones) Вильямсона-Миллера.

Безусловно, надо иметь в виду системные ограничения данного подхода: в предложениях Дж. Вильямсона неопределенности относительно будущих изменений курсов, наличия реальных шоков, а также предложения регулировать денежно-кредитную политику на мировом уровне и фискальную политику на национальном могут затруднить выполнение предложений в рамках Евразийского экономического союза на текущем этапе развития международных отношений.

Построенный равновесный валютный курс, в частности, действительно удовлетворяет условиям динамического среднесрочного макроэкономического равновесия в условиях завершения валютной либерализации в России:

- курс поддерживает сальдо платежного баланса страны фактически на нулевом уровне;
- проведена последовательная системная либерализация внутреннего валютного рынка со снятием ограничений на счета внешнеторгового баланса;
- властями сняты ограничения на проведение валютных операций капитального характера и не прилагаются усилия для регулирования потоков капитала;
- уровни занятости и выпуска в основном соответствуют долгосрочным перспективам.

В условиях дальнейшей интеграции России в мировую экономику и членства в ВТО происходит расширение участия России в мировой торговле. И здесь следует подчеркнуть, что динамика сырьевого экспорта в значительной степени определяет экономический рост страны. Данная нелинейная многофакторная зависимость станет основой для дальнейшего моделирования и анализа динамики валютного курса рубля в 2013–2016 гг.

Проблематика существенной сырьевой составляющей российского экспорта, занимающей порядка двух третей всего экспорта, подчеркивается одним из базовых макроэкономических показателей – индексом средних фактических экспортных цен P_t^*. В представленной системе детерминант курсообразования, именно он напрямую определяет (как наиболее волатильный с экономических позиций) динамику курса рубля благодаря достаточной стабильности по сравнению с ним остальных факторов – индекса реального совокупного выпуска Q_t (реальный ВВП) и индекса потребительских цен P_t.

Ввиду значительной распыленности и недостатка информации по количественным показателям (индексы цен и удельные веса в совокупном экспорте различных товарных групп в ретроспективе) построение полного индекса оказалось практически невозможно. Однако анализ и выделение важнейших групп внешнеторговых операций показывает, что нефть, нефтепродукты, газ покрывало в разное время около 70% российского экспорта. А ввиду высокой коррелированности индексов нефти, нефтепродуктов, газа стало возможным использование индекса цен нефти в качестве заменителя всего индекса экспортных цен.

Интересно отметить, что, например, в работах автора [5], [6] также показано, что в определенные периоды времени при использовании в качестве детерминанты индекса цен брент-смеси нефти в качестве заменителя средних фактических экспортных цен P_t^* расчетный курс e(P*(неф)) аппроксимирует официальный курс рубля лучше, чем какой-либо другой расчетный курс .

В СМИ в качестве одной из причин валютного кризиса 2014–2015 гг. также называлось падение цен нефти на международных рынках (например, выступления председателя Центрального банка Э.С. Набиуллиной, главы Минфина А.Г. Силуанова, министра экономического развития А.В. Улюкаева и др.). Важно заметить, что многие аналитики используют именно индекс цен нефти в качестве определяющего фактора динамики валютного курса. А, как известно на валютном рынке, ожидания чаще всего сбываются.

В таблице 1 представлена динамика цены брент-смеси нефти на ICE (Intercontinental Exchange, данные агентства *«Bloomberg»*, долларов США за баррель [7]). В качестве детерминанты P использовался индекс потребительских цен. В качестве детерминанты Q использовался индекс реального ВВП (по данным Федеральной службы государственной статистики [8]).

Таблица 1.

Динамика основных экономических индикаторов – фундаментальных детерминант модели в 2013–2015 гг.
(*декабрь 2013 г. принят за единицу*)

	декабрь 2013	**январь 2014**	**февраль**	**март**	**апрель**	**май**	**июнь**	**июль**	**август**	**сентябрь**	**октябрь**	**ноябрь**	**декабрь**	**Январь 2015**	**февраль**
ICE BRENT (долларов США за баррель)	103,680	100,450	103,400	102,990	102,630	104,270	108,500	106,240	104,520	97,150	88,280	72,240	60,220	55,000	63,150
Нарастающий итог (индекс)	1,000	0,969	0,997	0,993	0,990	1,006	1,046	1,025	1,008	0,937	0,851	0,697	0,581	0,530	0,609
ИПЦ (2000 г. =100)	405,9	408,3	411,2	415,3	419,1	422,8	425,5	427,5	428,6	431,4	434,9	440,5	452	469,4	479,8
Нарастающий итог (индекс)	1,000	1,006	1,013	1,023	1,033	1,042	1,048	1,053	1,056	1,063	1,071	1,085	1,114	1,156	1,182
Реальный ВВП – Цены с привязкой к 2008 году, квартальные данные	11956,0	9745,8	9745,8	9745,8	10464,6	10464,6	10464,6	11504,7	11504,7	11504,7	12007,5	12007,5	12007,5	12007,5*	12007,5*
Нарастающий итог (индекс)	1,000	0,815	0,815	0,815	0,875	0,875	0,875	0,962	0,962	0,962	1,004	1,004	1,004	1,004	1,004

∑ *Экстраполированные данные*

Источник: данные агентства «Bloomberg» [7], *данные Федеральной службы государственной статистики* [8].

В данный период времени в качестве номинального курса рассматривается номинальный курс доллара США к рублю на конец периода (месяц), рассчитываемый Центральным банком России и представленный в табл. 2.

Таблица 2.

Динамика номинального курса доллара США к рублю в 2013–2015 гг.

	Декабрь 2013	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	Июль 2014	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	Декабрь 2014	январь	Февраль 2015
Номинальный курс доллара США к рублю на конец периода	32,73	35,24	36,05	35,69	35,70	34,74	33,63	35,73	36,93	39,39	43,39	49,32	56,26	68,93	61,27

Источник: данные Центрального банка России [9].

На рисунке 1 (расчеты автора, месячные данные) представлена динамика расчетного курса рубля по основной формуле исследований в сравнении с номинальным курсом доллара США к рублю на конец периода.

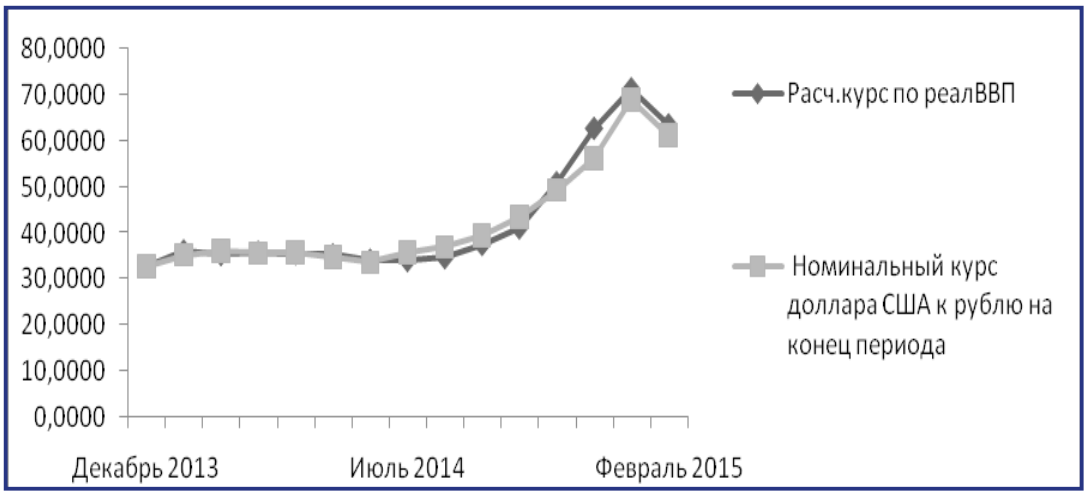


Рис. 1. Номинальный и расчетный курсы доллара США к рублю в декабре 2013 г. – феврале 2015 г. (*расчеты автора, месячные данные*)

В результате проведенного анализа в период декабря 2013 г. – февраля 2015 г. можно выделить в качестве главной причины падения курса доллара США к рублю существенное (фактически в два раза) падение фактических экспортных цен нефти и прочих энергоносителей на международных рынках в результате ухудшения мировой конъюнктуры. Это обусловлено подавляющим преобладанием минерального сырья в индексе средних фактических экспортных цен.

Однако надо отметить, что в данный период существенное однонаправленное влияние на результат оказал также рост потребительских цен. Таким образом, результаты моделирования показывают, что комплекс мер валютного регулирования тесно связан с комплексом мер по контролированию инфляции и имеет единые с ними системные факторы воздействия.

При этом надо иметь в виду, что часто одновременное успешное жесткое таргетирование двух или более из макроэкономических переменных практически невозможно, что связано не только с зависимостью от определенной макроэкономиче-

ской ситуации. Гораздо важнее зависимость на теоретико-методологическом уровне от системы доступных инструментов и комплекса таргетируемых параметров.

Даже в рамках простой монетарной модели открытой экономики в условиях конкретизации выбора валютной и денежно-кредитной политики показано, что таргетирование обменного курса или денежной массы (или альтернативно уровня инфляции) полностью определяет динамику второго параметра. Более развитая широко известная модель Обстфельда-Тэйлора показывает феномен невозможности достижения одновременно трех целей: автономии денежно-кредитной политики, стабильности валютного курса и мобильности капитала, приводя по терминологии авторов к трилемме валютной и денежно-кредитной государственной макроэкономической политики.

Значительное число эмпирических исследований на основе анализа статистических рядов макроэкономических данных при изучении опыта применения того или иного режима денежно-кредитной политики и развитых и развивающихся стран показали, что переход к режиму именно инфляционного таргетирования сопровождался улучшением основных макроэкономических показателей. Однако на взгляд автора этой статьи внутренние противоречия результатов и возникающие дисбалансы на текущем этапе достаточно высоки. И дело конечно не только в том, что по итогам 2014 г. ИПЦ превысил 11%, а в 2015 г. составил 12,9%, нарушив одно из необходимых условий перехода к режиму инфляционного таргетирования, выдвинутых группой исследователей МВФ. Гораздо более важным представляется нарушение другого условия, выражающегося в фактической независимости от внешнеэкономической конъюнктуры цен.

Важно отметить, что полный переход к инфляционному таргетированию, заявленный Центральным банком и Минфином РФ, на практике осуществляется лишь после фактического и однозначного отказа от прочих целей денежно-кредитной политики, что в частности требует перехода на режим свободно плавающего курса. Однако в условиях достаточно высокой зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры расплатой за такой шаг должна стать высокая волатильность валютного курса рубля:

$$\sigma(e(t)) \approx \sigma(D^*(t)). \qquad (2)$$

Это требует комплексного многопланового анализа ситуации в свете проводимых Правительством и Центральным банком России мероприятий по переходу к действительной полной конвертируемости национальной валюты и режиму таргетирования инфляции в их тесной взаимосвязи с проблематикой фундаментальной равновесной динамики номинального курса национальной валюты, в том числе удовлетворяющей целевым требованиям регулирования платежного баланса нашей страны.

В условиях достаточно высокой зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры расплатой однозначно должна стать не только высокая волатильность валютного курса рубля (формулы (1) и (2)), но реальная вероятность потери рычагов управления внутреннего валютного рынка. Это можно было наблюдать в середине декабря 2014 г., когда увеличение валютного курса USD/RUR расчетами TOM до более чем 80 рублей за доллар США (рисунок 2, по данным [10]) дополнительно было спровоцировано спекулятивной атакой на национальную валюту, вызванной паническими настроениями инвесторов.

Как итог, фактический результат перехода к таргетированию инфляции в современных условиях представляется преждевременным с позиций макроэкономического управления.

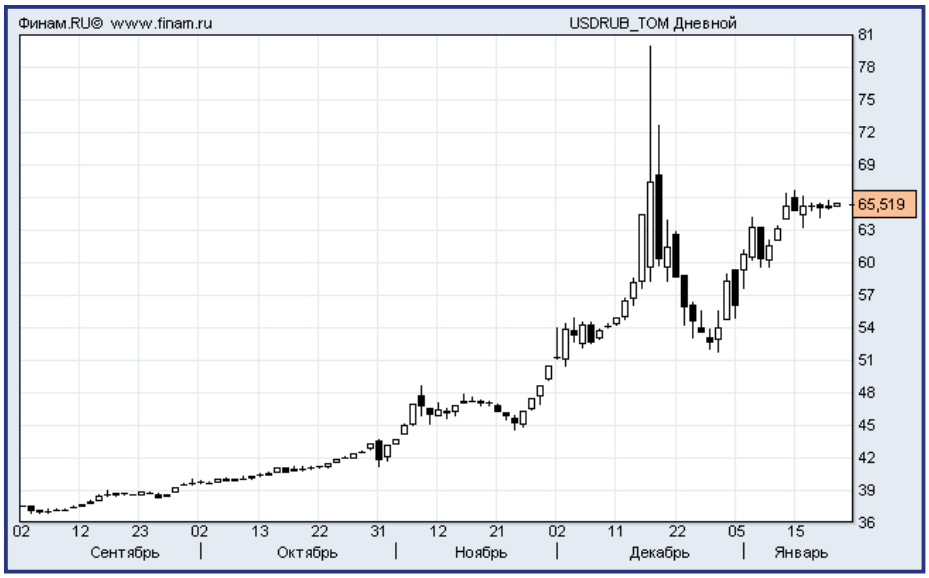


Рис. 2. Номинальный курс USD/RUR расчетами ТОМ в 2014–2015 гг. (*Агентство «ФИНАМ»*)

Список литературы

[1] *Кузьмин А.Ю.* Валютно-кредитная политика: стратегии уже выработаны? // Экономические стратегии. – 2016. – Т. 18. № 1 (135). – С. 28–35.

[2] *Кузьмин А.Ю.* Моделирование краткосрочной динамики валютного курса рубля // Деньги и кредит. – М., 2015. – № 8. – С. 59–65.

[3] *Кузьмин А.Ю.* Моделирование динамики российского экспорта // Финансы и кредит. – М., 2014. – № 34 (610). – С. 26–31.

[4] *Кузьмин А.Ю.* Моделирование равновесной динамики валютного курса рубля // Финансы и кредит. – М., 2010. – № 27 (411). – С. 51–56.

[5] *Кузьмин А.Ю.* Динамика валютного курса и макроэкономическая политика: Монография. – М. – *«Книгодел»*, 2010.

[6] *Kuzmin A.* Exchange Rate Modeling: The Case of Ruble // Review of Business and Economics Studies, Volume 3, Number 3, 2015. P. 39–48.

[7] Агентство *«Bloomberg»* (дата обращения: 13.03.2016).

[8] Социально-экономическое положение России // Статистический сборник. Российское статистическое агентство, Федеральная служба государственной статистики, – М., 2013–2016 (разные выпуски). [online at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/] (дата обращения: 13.03.2016).

[9] Банк России [online at: http://www.cbr.ru/] (дата обращения: 13.03.2016).

[10] Агентство *«ФИНАМ»* [online at: http://www.finam.ru/analysis] (дата обращения: 13.03.2016).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЗЕРВЫ КАК ИНДИКАТОР ПРАВИЛЬНОСТИ КУРСОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Терентьева О.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Цель данной статьи – раскрыть роль международных резервов в разрезе курсовой политике государства. Для этого необходимо проследить количественные изменения объема резервов и выявить их основные причины. Для проведения анализа действий центрального банка с международными резервами автор статьи раскрывает сильную и слабую позицию регулятора. На примере ряда стран выявлены способы управления курсовой политикой для стабилизации российской национальной валюты, а также сохранения или увеличения объема международных резервов РФ.*

К международным резервам (резервным активам) страны относятся внешние активы, которые доступны и подконтрольны органам денежно-кредитного регулирования в целях удовлетворения потребностей в финансировании дефицита платежного баланса, проведения интервенций на валютных рынках для оказания воздействия на обменный курс валюты и в других соответствующих целях (таких как поддержание доверия к национальной валюте и экономике, а также как основа для иностранного заимствования). Резервные активы должны быть активами в иностранной валюте и реально существующими. К международным резервам относятся только высококачественные активы.

Международные резервы РФ представляют собой высоколиквидные иностранные активы, имеющиеся в распоряжении Банка России и Правительства РФ. Они состоят из средств в иностранной валюте, специальных прав заимствования (СДР), резервной позиции в МВФ и монетарного золота. На 13 мая 2016 г. международные резервы России составили 390,9 млрд долл. США [1]

Необходимость данных резервов состоит в том, что они выполняют функцию страхового фонда, снижая разного рода макроэкономические риски, например, валютные при осуществлении международных расчетов. Эта категория финансовых активов государства может служить источником погашения внешнего долга, а в критических ситуациях – как источник покрытия дефицита торгового или платежного баланса. Международные резервы призваны также страховать уровень государственной ликвидности и доступ на рынок капиталов. Именно поэтому азиатские страны начали активно наращивать резервы в начале 2000-х гг., после азиатского кризиса 1997 г. [2, p. 490].

* *Терентьева Ольга Игоревна*, к.э.н., Московский финансово-промышленный университет *«Синергия»*, доцент кафедры Финансовых рынков и валютных отношений.

Между тем основное назначение международных резервов состоит в обеспечении устойчивости курса национальной валюты. В условиях системы свободно плавающего валютного курса стоимость национальной валюты, т.е. ее обменный курс, повышается или понижается в зависимости от соотношения спроса и предложения. В случае, когда государство намерено противостоять курсовым движениям, пытаясь не допустить резкого обесценения национальной валюты.

Снижение международных резервов в 2014 г. коснулось не только России, валютные резервы других развивающихся рынков в тот год тоже претерпели спад впервые за два десятилетия (Рис.1). Очевидно, это было связано, во-первых, с оттоком капитала из развивающихся стран. Например, отток капитала из стран БРИКС за период с 2012 по 2015 гг. составил 1,5 трлн долл. США. [6] Во-вторых, снижению валютных резервов способствовали опасения инвесторов по поводу монетарной политики США (в тот период было неясно, поднимет ли ФРС США учетную ставку). 15 декабря 2015 г. ФРС США повысила базовую ставку на 0,25 процентных пункта до 0,5% [7].

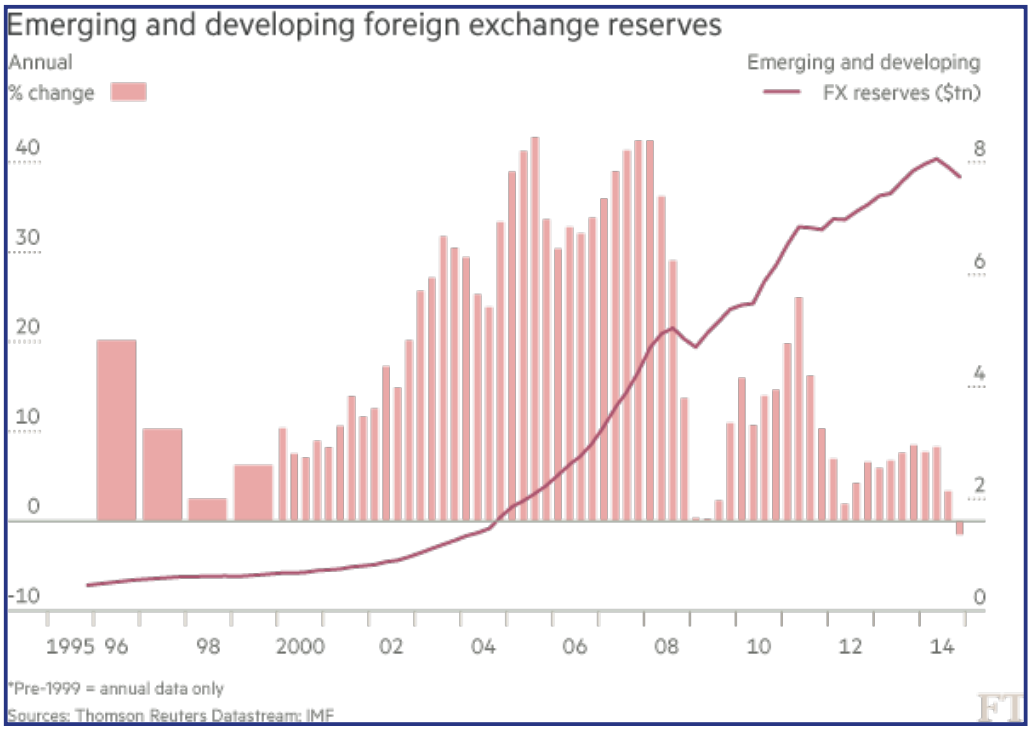


Рис. 1. *Валютные резервы стран с формирующейся и развивающейся экономикой* [8]
Примечание*: вертикальные столбцы – годовое изменение;*
линия – изменение валютных резервов стран с формирующейся и развивающейся экономикой в долларах США

Как пишет Financial Times со ссылкой на опрос экономистов, развивающиеся рынки уже прошли период *«пика резервов»* [8]. Более того: этот показатель продолжит падение в дальнейшем и может негативно отразиться на экономике развитых стран. Дело в том, что рост ВВП в странах с формирующимся рынком, поддерживаемый увеличением валютных резервов, был основой мировой экономики в последнее десятилетие. Большая часть капитала, аккумулируемого развивающимися странами благодаря активному сальдо торгового баланса и притоку портфельных и прямых инвестиций, направлялась на долговые рынки

США и Европы, помогая финансировать их задолженность, а также поддерживая рост ВВП в развитых экономиках. В случае уменьшения развивающимися странами объема международных резервов, мировая экономика недополучит денежные средства с данных рынков.

Еще одной причиной снижения резервов в развивающихся странах, особенно в Азии, являются изменения в мировой торговле: государства постепенно отказываются от доллара и переходят на прямые двусторонние расчеты, например, Китай, Индия, Япония, Иран.

Кроме того, уменьшение международных резервов стран связано с реформами центральных банков национальных финансовых систем и оказанием преференциий банковскому сектору с целью поддержки внутреннего кредитования.

Следующей причиной снижения международных резервов следует считать девальвацию валют многих стран, включая также Китай и Россию, с 2013 г. Данная ситуация заставляет национальные регуляторы тратить свои резервы. Что касается России, то, как было отмечено ранее, с конца 2014 г. Банк России перешел к плавающему курсу рубля, чтобы избежать валютных интервенций и трату резервов.

Уменьшению международных резервов способствуют также политические риски в результате нестабильной геополитической обстановки на Ближнем Востоке.

Создание новых международных структур – например, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) или Банка БРИКС, требует значительных расходов из золотовалютных резервов. Например, Китай потратил на указанные структуры около 250 млрд долл. США.

Падение цен на нефть негативно отражается на экономике нефтедобывающих государств. По информации Financial Times, золотовалютные резервы Саудовской Аравии снизились в 2015 г. почти на 73 млрд долл [9]. США. В основном, они были потрачены на поддержку испытывающей проблемы аравийской экономики, а также на военную операцию в Йемене. Сокращение резервов было бы еще существеннее, если бы центральный банк страны не обращался за помощью к коммерческим банкам с просьбой профинансировать государственные облигации. Заметим, что за тот же период Банк России истратил меньший объем международных резервов: 16 млрд долл. США или 4%. [1]

Теперь рассмотрим период роста резервных активов РФ. В период с 2003 г. по 2008 г. международные резервы России увеличились с 48 млрд. долларов до 598,1 млрд долл. США или в 12,5 раз. Данный рост был осуществлен на фоне укрепления российской валюты: с начала 2003 г. и до середины 2008 г. курс рубля вырос (по официальному курсу ЦБ) с 31,8846 (9 января 2003 г.) до 23,1255 в 2008 г. (16 июля). [10] И хотя зачастую девальвацию национальной денежной единицы связывают с ухудшением состояния экономики, а ревальвацию, наоборот, с улучшением, представленная выше динамика роста международных резервов и хорошие макроэкономические показатели (в данный период ВВП увеличивался темпами выше 5% в год, существенно уменьшился государственный долг РФ) позволяют судить об экономических успехах, кореллирующих с укреплением валютного курса рубля.

За период 2003–2008 гг. курс рубля укрепился одновременно с увеличением международных резервов РФ более чем на 500 трлн долл. США. Следовательно, на укрепление национальной валюты Банк России не потратил резервов, а, наоборот, борясь с ревальвацией, скупал американскую валюту за эмитированные им рубли. И, тем не менее, курс российской денежной единицы повысился с 32 рублей за доллар до 23, т.е. ЦБ РФ имел возможность выпустить большее количество рублей и накопил бы больший объем резервов.

Для стерилизации излишней денежной массы в практике Банка России имеются различные способы: проведение депозитных операций, выпуск и размещение облигаций Банка России (ОБР), проведение операций РЕПО с облигациями Минфина РФ (ОФЗ), организация продажи кредитным организациям гособлигаций с условным обязательством обратного выкупа. Если говорить о *«длинных деньгах»* которые должна получить экономика страны, то необходимо, в первую очередь, в рамках политики стерилизации использовать длинные долговые бумаги, а также стимулировать долгосрочные депозиты (от 1 года). По нашему мнению, данная политика Банка России имела бы следующие преимущества:

- рост международных резервов;
- созданию *«длинных денег»*, обеспеченных долговыми инструментами и банковскими вкладами;
- положительное воздействие на банковский сектор;
- экономический рост, связанный с улучшением производственной сферы;
- снижение волатильности курса рубля;
- улучшение инвестиционного климата;
- повышение доверия населения страны к национальной денежной единице.

Однако Банк России решает не эмитировать излишнюю денежную массу, чтобы затем не пришлось ее стерилизовать. В результате, несмотря на неплохие макроэкономические показатели данного периода, они могли бы быть еще лучше.

Теперь перейдем к вопросу влияния курсовой политики центрального банка на объем международных резервов. Когда внешние силы пытаются укрепить местную валюту, то стабильный курс легко достижим, т.к. в данном случае центральный банк эмитирует национальную валюту для покупки иностранной. При этом его ресурс теоретически неограничен, поскольку он проводит эмиссию собственной денежной единицы. Данная позиция центрального банка считается сильной.

Приведем пример сильной позиции Банка Швейцарии. Усугубление экономических проблем в Европе к концу 2011 г. (беспорядки в Греции, дискуссии по поводу распада зоны евро и т.д.), спровоцировало резкое повышение спроса на швейцарский франк в качестве *«защитного актива»* или *«тихой гавани»*, что, в свою очередь, значительно укрепило данную валюту. Если перед мировым финансовым кризисом 2008 г. один евро стоил 1,6 франка, то в отдельные моменты августа 2011 г. евро и франк почти достигали паритета, т.е. соотношения за один евро – один франк.

Произошедшая ревальвация негативно отразилась на швейцарском экспорте (сыре, шоколаде, часах, а также машиностроении), туристической отрасли. Швейцарцы даже предпочитали ездить за покупками за границу, т.к. это было выгоднее. В начале сентября 2011 г. Банк Швейцарии объявил о целевом курсе швейцарского франка по отношению к евро *«не менее 1,2 франка за евро»*, т.е. была проведена девальвация франка. Заметим, что курс швейцарской валюты находится в указанном соотношении к евро с 2011 г. и до настоящего времени (2016 г.). Временные отклонения курса в верхнюю сторону невелики, в пределах 5%. [11]

Рассмотрим пример Китая. До середины 1995 г. КНР поддерживала плавающий курс своей валюты, позволив ей укрепиться до 8,28 за доллар США (4,8%). Затем Народный банк Китая (НБК) приступил к регулярным интервенциям на бирже, зафиксировав курс на уровне 8,27–8,28 юаня за доллар. [12]

1 декабря 1996 г. была введена конвертируемость жэньминьби по текущим операциям в соответствии с 8-й статьей. Между тем, власти Китая поддерживали стабильный курс вплоть до 2005 г., т.е. в период с 1995 по 2005 гг. (за 10 лет) НБК удавалось держать курс неизменным (8,28 юаней за доллар США).

21 июля 2005 г. НБК отказался от практиковавшейся долгие годы жесткой привязки юаня к доллару США и приступил к расчету его курса в зависимости от котировок корзины основных мировых валют. Считается, что этому решению способствовали США, т.к. считали курс китайской валюты заниженным по отношению к американскому доллару.

Сразу после этого юань стал укрепляться до июля 2008 г. На последовавший мировой финансовый кризис НБК отреагировал стабилизацией курса национальной валюты в 6,83 юаня за доллар. Данное соотношение действовало до 19 июня 2010 г.

Таким образом, китайский юань имел стабильный курс по отношению к доллару США в период с 1995 по 2005 гг. и с 2008 по 2010 гг. В этот период НБК находился в сильной позиции, эмитируя национальную валюту и увеличивая объем своих международных резервов, составивших в 2010 г. 2,4 трлн долл. США. Отметим, что 65% из них приходились на американскую валюту. [13]

В период 2010–2015 гг. юань постепенно укреплялся по отношению к доллару США, достигнув 30 декабря 2013 г. рекордной с 1990-х гг. стоимости в 6,06 юаня за доллар. Международные резервы в данный период увеличились на 61,7% до 3,88 трлн долл. США. В 2014 и до середины 2015 гг. курс китайской валюты составлял 6,1–6,15 юаня за доллар.

Однако 11 августа 2015 г. из-за кризиса на фондовом рынке Китая и сокращения импорта в США и ЕС Народный банк Китая допустил максимальную с 1994 г. дневную девальвацию национальной валюты – на 1,99%: с 6,12 до 6,23 юаня за доллар. 12 августа 2015 г. юань девальвировался на 1,8% - до 6,33 юаня за доллар, что спровоцировало падение курсов валют стран азиатско-тихоокеанского региона и государств с развивающейся экономикой. Девальвацией юаня заставила НБК проводить валютные интервенции, призванные сократить международные резервы страны. По итогам 2015 г. они сократились на 512,66 млрд долл. США. [14]

Сильная позиция НБК сменилась на слабую. В случае, когда внешние силы пытаются снизить стоимость местной валюты, достигнуть стабильного курса становится сложнее, а в некоторых ситуациях даже невозможно, поскольку центральный банк ограничен своими международными резервами. Так, в 1998 г. российские золотовалютные резервы были практически полностью потрачены на поддержку курса национальной валюты, но итогом стала *«девальвация»* рубля, курс которого вырос с 6 до 20 рублей за доллар.

В 2008 г., истратив более 200 млрд долл. США (из почти 600 млрд долл., находившихся в международных резервах РФ в середине 2008 г.), Банк России с февраля 2009 г. прекратил эту практику, что привело к девальвации курса рубля.

С середины 2014 г. до начала 2015 г. рынок, стремясь к равновесному курсу, пытался ослабить российский рубль по отношению к доллару и евро, следовательно, ЦБ РФ находился в слабой позиции (Рис.2), при которой проведение валютных интервенций ограничено объемом международных резервов РФ.

Рис.2. Слабая позиция Банка России [15]

ЦБ РФ не всегда находится в слабой позиции. Рис.3 демонстрирует многолетние периоды, когда Банк России вполне мог действовать по швейцарскому примеру, т.е. эмитировать денежную массу, накапливая международные резервы и стабилизируя курс национальной валюты.

В период 2003–2008 гг. ЦБ РФ имел возможность удерживать курс на уровне 32 рубля за доллар, а в период 2009–2014 гг. – на уровне 36 рублей. В 2003–2008 гг. Банк России использовал свою сильную позицию, что доказывает рост международных резервов более чем на 500 млрд долл. США. Однако происходившее укрепление под влиянием внешних сил, что видно на рис.3, не было скорректировано дополнительной эмиссией ЦБ РФ. Аналогичное недоиспользование своей сильной позиции просматривается и в период 2009–2014 гг.

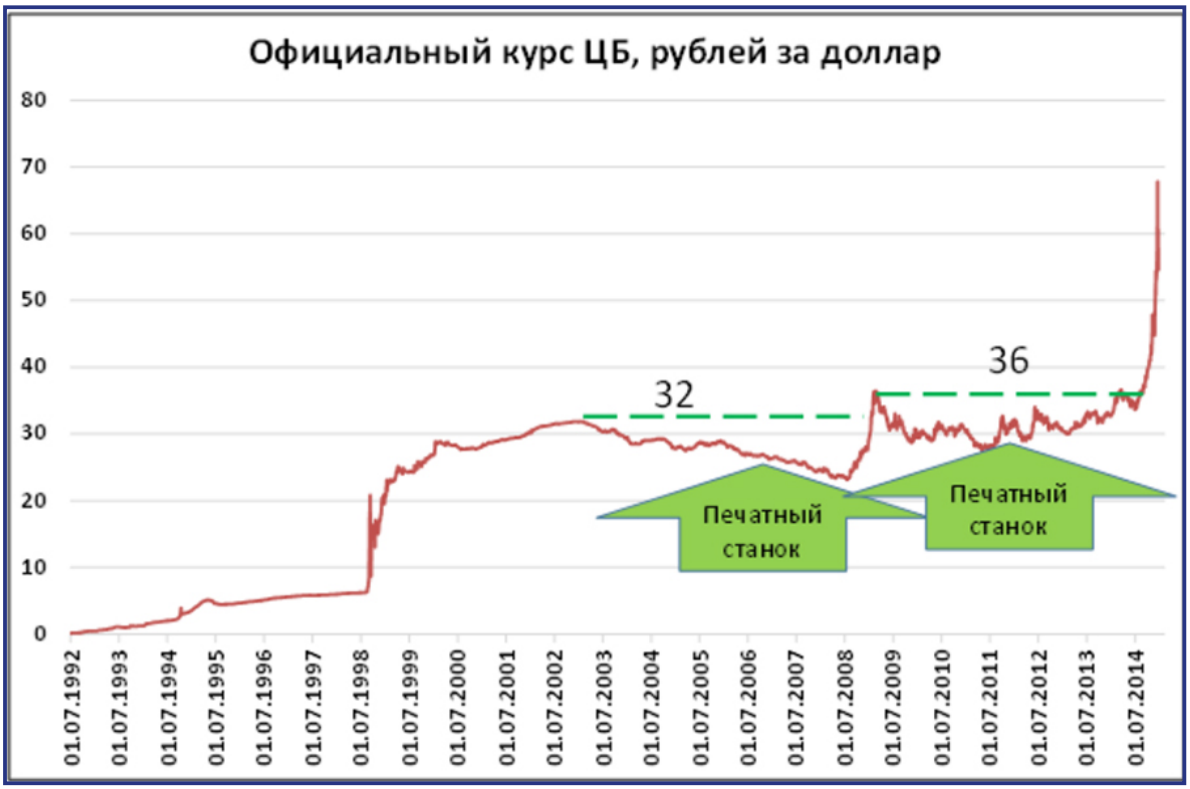


Рис. 3. Сильная позиция Банка России. Источник: ЦБ РФ
Примечание: *Пунктиром показаны значения курса, которые ЦБ РФ мог бы поддерживать на протяжении ряда лет. Стрелки показывают направление воздействия ЦБ для поддержания такого курса*

Для того чтобы стабилизировать курс национальной валюты и находиться в сильной позиции Банку России необходимо в качестве целевого уровня следует выбрать курс в зоне *«слабости местной валюты»*. **А**нализируя динамику курса доллар США к рублю за прошедший месяц (Рис. 4), мы предлагаем определить целевой уровень курса в размере 65,1 рубля за американский доллар.

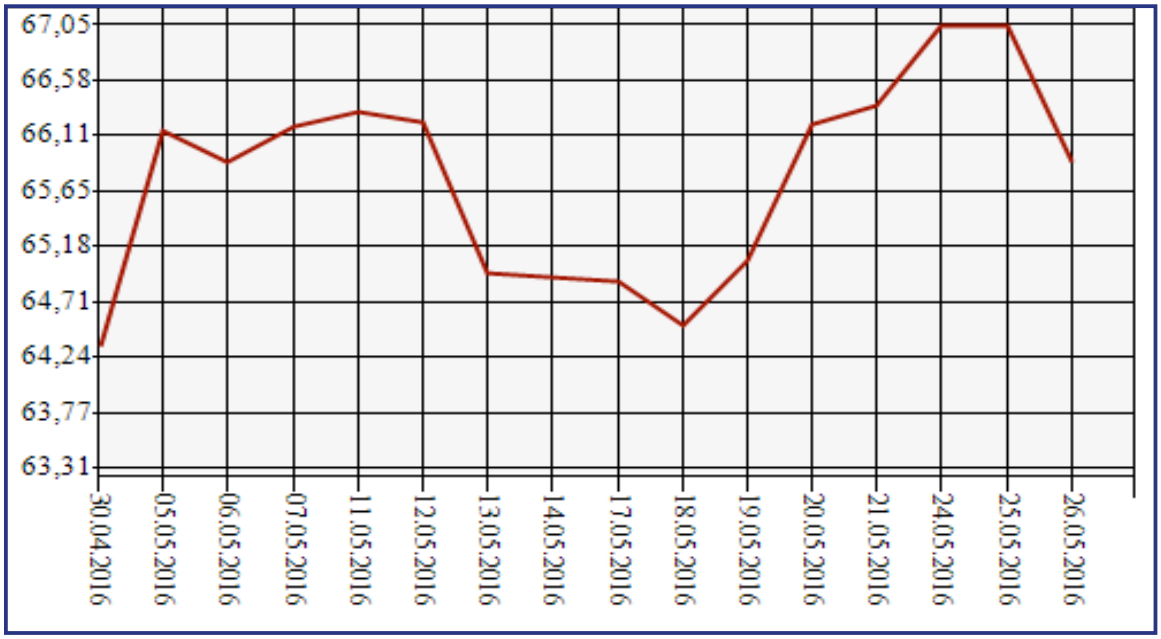


Рис. 4. Динамика курса доллара США к рублю с 30.04.2016 по 26.05.2016 Источник: ЦБ РФ

Данный целевой уровень находится ниже равновесного курса последних торгов национальной валютой, чтобы отбивать у валютных игроков охоту играть с ней против государства и его международных резервов. Данная тактика представляется нам эффективной. Индикатором верности выбранного курса национальной валюты должны выступать международные резервы: увеличение их объема будет говорить о правильности целевого уровня и наоборот.

Список литературы

[1] ЦБ РФ. – http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtId=mrrf_7d (дата обращения: 16.05.2016)

[2] *Aizenman, Joshua.* 2008. "Large Hoarding of International Reserves and the Emerging Global Economic Architecture." *The Manchester School* 76, no. 5 (September) P. 487–503.

[3] Россия тратит запасы // *«Expert Online»* 5 марта 2013. – http://expert.ru/2013/03/5/rossii-tratit-zapasyi/ (дата обращения: 10.04.2016)

[4] *Калиновский И.* Подушка поедания // *«Expert Online»* 18 января 2015. – http://expert.ru/2015/01/18/podushka-proedaniya/ (дата обращения: 10.04.2016).

[5] Международные резервы РФ в 2014 г снизились в 1,3 раза, до $385,5 млрд // РИА Новости. 16 января 2015. – http://ria.ru/economy/20150116/1042921428.html#ixzz48zEBBuKx (дата обращения: 10.04.2016).

[6] *Буценко А.* Власти РФ надеются, что создаваемый Банк БКИКС обеспечит России финансовую безопасность. 16 мая 2015. -http://www.dp.ru/a/2015/05/26/Vlasti_RF_nadejutsja_chto_s/ (дата обращения: 12.04.2016).

[7] *Terenteva O.* The main factors, which influence the international investment demand for gold in 2015 // Cambridge Journal of Education and Science, №1 (15), (January-June). Volume III. 2016. – P. 306–310.

[8] *Kynge J., Wheatley J.* Forex reserves in emerging markets begin to shrink // Financial Times. March 31, 2015. – http://www.ft.com/intl/cms/s/0/b7ef7098-d7c3–11e4–80de-00144feab7de.html#axzz495KwNQPX (дата обращения: 10.04.2016).

[9] *Мануков С.* Саудовцы выводят резервы из американских фондов // *«Expert Online»* 29 сентября 2015. – http://expert.ru/2015/09/29/novaya-realnost/media/preview/ (дата обращения: 12.04.2016).

[10] *Блинов И.* Длинные деньги и политика ЦБ // *«Expert Online»* 5 июня 2014. – http://expert.ru/2014/06/5/dlinnyie-dengi-i-politika-tsb/ (дата обращения: 7.04.2016).

[11] *Блинов С.* Секреты стабильного курса рубля // *«Expert Online»* 15 января 2015. – http://expert.ru/2015/01/15/sekretyi-stabilnogo-kursa-rublya/ (дата обращения: 7.04.2016).

[12] Динамика курса юаня. Досье / Информационное агентство ТАСС. 11 августа 2015. – *http://tass.ru/info/2179269* (дата обращения: 14.08.2016).

[13] *InvestmentForex.* Китай раскрыл структуру своих золотовалютных резервов. 5 сентября 2010. – http://investment-forex.ru/treyderam/novosti/kitay-raskryl-strukturu-svoikh-zolotovaliutnykh-rezervov.html (дата обращения: 15.04.2016)

[14] *Лейва М.* Золотовалютные резервы Китая пережили рекордное падение по итогам года / Новостной сайт РБК. 7 января 2016. – http://www.rbc.ru/economics/07/01/2016/568e303e9e79476c4a7c8e34 (дата обращения: 10.05.2016).

[15] Данные ЦБ РФ за 1 января 2015. – http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx?VAL_NM_RQ=R01235&date_req1=25.12.2014&date_req2=01.01.2015&rt=1&mode=1 (дата обращения: 16.05.2016).

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ И ПУТИ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Покрытан Л.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматривается и анализируется современное состояние российского страхового рынка, выявляется его специфика, а также причины сокращения количества страховых компаний в последнее время. Определен ряд проблем, вызванных объективными и субъективными причинами, такими как современная макроэкономическая ситуация, финансовое положение населения и предприятий, недоверие людей к финансовым институтам, а также невысокий уровень обслуживания клиентов, низкое качество предоставляемых услуг, недостаточная диверсификация страховых услуг, и выделены основные направления решения этих проблем.*

На протяжении последних нескольких лет наблюдается заметное сокращение количества страховых организаций, действующих на российском страховом рынке. Так, по данным Росстата, в 2010 г. число зарегистрированных страховщиков составляло 645 компаний, в 2011–578, в 2012–445, в 2013–407, в 2014–391, 2015–346, и на сегодняшний день 305 страховых компаний (Рис.1). Это связано как с добровольным уходом с рынка по причине снижения эффективности функционирования, так и с ужесточением надзорной деятельности Банка России, в результате чего происходит вытеснение неконкурентоспособных компаний.

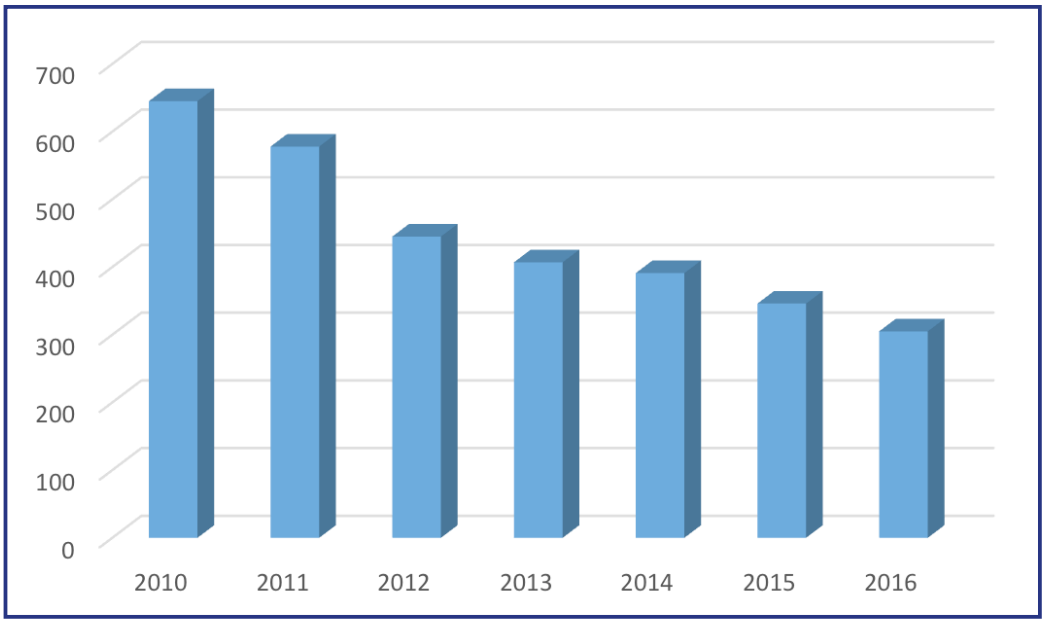


Рис. 1. Динамика количества страховых компаний в России [2]

* *Покрытан Лариса Анатольевна*, к.т.н., старший преподаватель, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Общая сумма собранной премии за 2015 год составила 1 023 819 318 рублей и возросла по сравнению с предыдущим годом на 3,65% [6]. В целом рост собранных премий, как и рост выплат, наблюдается все последние годы – упадок был только после кризиса 2008 года. Тем не менее, если после кризиса 2008 года страховой рынок на протяжении нескольких лет демонстрировал темпы роста, достигающие 20%, то по итогам 2013 года прирост сборов едва превысил 10%, а по итогам 2015 года – и вовсе 3,65%. Такие результаты можно связать в первую очередь с экономическими показателями страны в целом. В текущем году тенденция к снижению темпов роста сохраняется.

Несмотря на рост совокупной страховой премии, ее доля в валовом внутреннем продукте остается очень низкой и едва превышает 1% [9], тогда как в европейских странах этот показатель достигает 11–24%. Рост этого показателя осуществляется крайне медленно.

Положительную динамику демонстрирует показатель количества действующих договоров в страховых организациях (рис.2).

Следует отметить, что этот показатель за все время существования страхового рынка в Российской Федерации не имел какой-либо определенной устойчивой тенденции, а его динамика изменялась не один раз. Глядя на рис. 2, можно сказать, что именно количество действующих договоров страхования отражает уровень доверия населения к этой отрасли, степень субъективной необходимости страхования. Так, в период кризиса 1998 года количество действующих договоров резко снизилось. Такое же снижение наблюдалось и после кризиса 2008 года, что вполне объяснимо с точки зрения отсутствия у населения во время кризиса *«свободных денег»* на страхование, желания сэкономить.

Интересно, что в сфере добровольного страхования наименьшей популярностью у населения пользуются договоры страхования имущества юридических лиц (Рис. 3). Это объясняется тем, что средняя стоимость (страховая сумма) заключенного такого договора довольно высока по сравнению с остальными видами страхования. Вместо этого люди предпочитают заключать менее дорогостоящие договоры (например, договоры страхования от несчастных случаев и болезней). Такое положение дел объяснимо также нежеланием доверять большие деньги страховым компаниям.

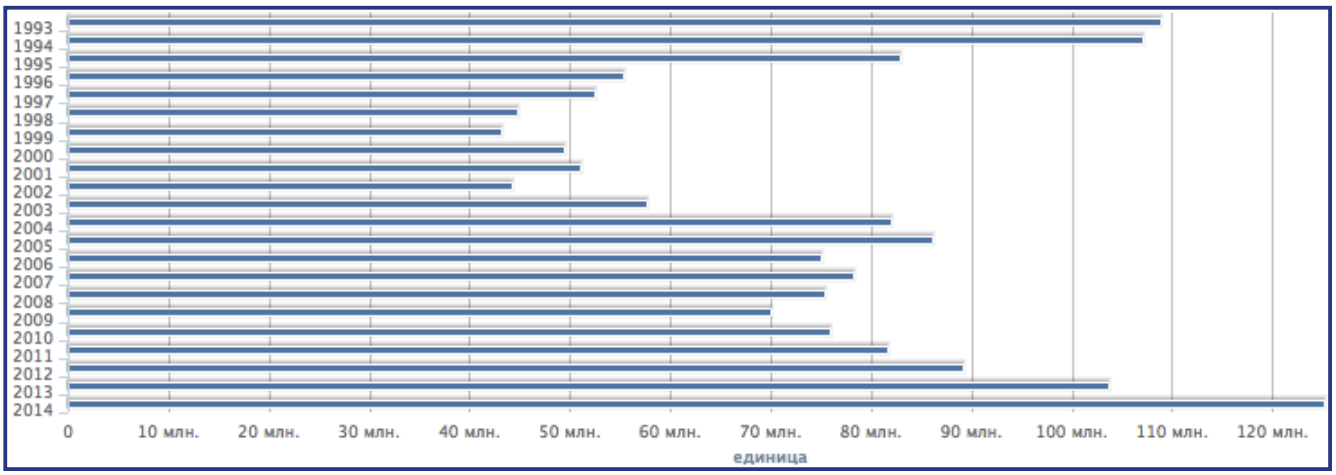


Рис. 2. Количество действующих договоров страхования в страховых организациях [7]

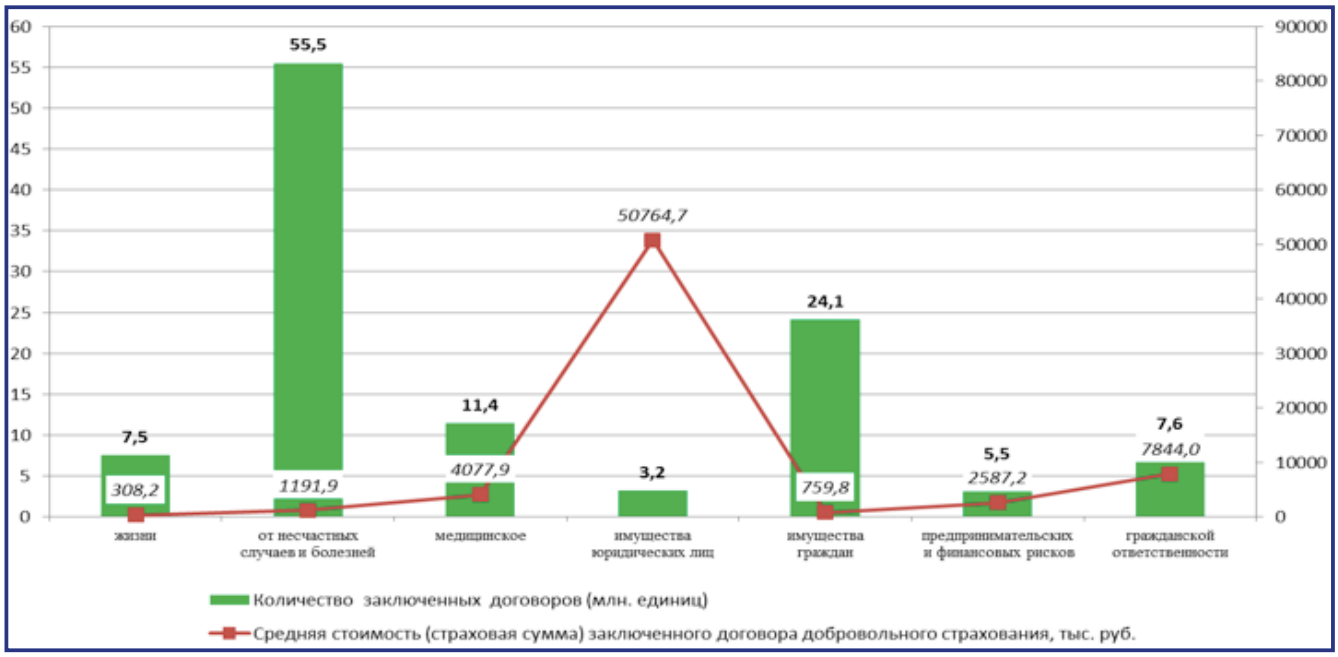


Рис. 3. Количество и средняя стоимость заключенных договоров по отдельным видам добровольного страхования в 2014 г. [2]

Еще одна характеристика современного российского страхового рынка – неравномерная концентрация по территориальному признаку. Так, на долю города Москвы на конец 2015 года приходится 46% от всех страховщиков и больше 48% всех поступлений и выплат (Рис. 4, 5) [7].

Регион	(тыс.руб. + % от всего рынка)
Москва	495 754 112 (48.42%)
Санкт-Петербург	73 449 827 (7.17%)
Московская область	30 969 129 (3.03%)
Республика Татарстан	23 940 391 (2.34%)
Краснодарский край	23 047 200 (2.25%)

Рис.4. Поступления по регионам за 2015 год

Регион	(тыс.руб. + % от всего рынка)
Москва	248 908 691 (48.88%)
Санкт-Петербург	38 622 398 (7.59%)
Республика Татарстан	12 644 284 (2.48%)
Краснодарский край	11 629 608 (2.28%)
Московская область	11 541 078 (2.27%)

Рис. 5. Выплаты по регионам за 2015 год

В целом, это обстоятельство объясняется количеством жителей региона и спросом в данном субъекте на страховые услуги. Однако для полноценного развития рынка страховых услуг в России необходимо расширять географический диапазон работы страховых компаний на всей территории страны за счет открытия представительств и осуществления продажи страховых услуг через посредников, агентов и т.д., а учитывая специфику и экономический потенциал некоторых регионов России – распространение предложения определенных видов страховых услуг является необходимостью и неотъемлемой частью.

Так, в Южном, Северо-Кавказском, Сибирском округах сельскохозяйственное страхование представляют лишь компании, зарегистрированные в Центральном федеральном округе, в то время как региональные компании с такими услугами отсутствуют [5, с.60–61].

Если говорить о концентрации рынка страховых услуг сегодня и о его лидерах, то таковыми все последние годы и на сегодняшний день являются такие компании как ООО *«Росгосстрах»*, ОАО *«Согаз»*, ОСАО *«Ресо-гарантия»*, ОСАО *«Ингосстрах»*, ОАО *«Альфастрахование»* (Рис.6).

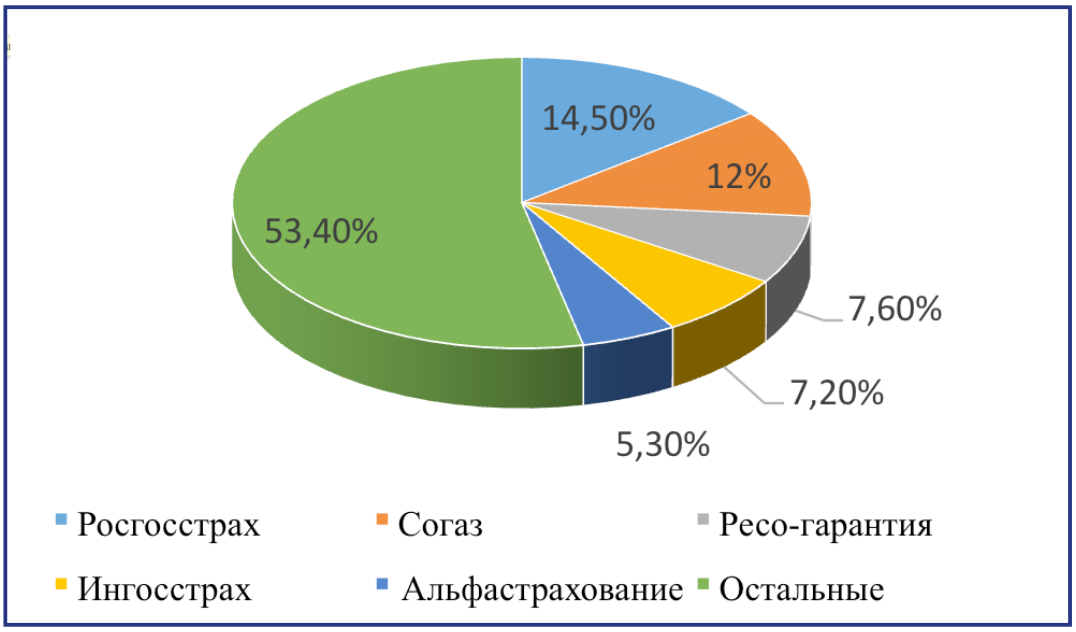


Рис. 6. Концентрация страхового рынка в 2015 году [7]

Если сравнить показатели концентрации рынка за 2015 год с предыдущими годами, можно сделать однозначный вывод, что с каждым годом названные компании-лидеры увеличивают свою долю на рынке, а доля остальных компаний, соответственно, уменьшается ежегодно на 2–3%. Также стоит отметить что все лидирующие компании базируются только в Москве и Московской области.

Деятельность страховых компаний существенно отличается от других видов предпринимательской деятельности, и главным отличием является то, что страховые случаи – это всегда случайные события, как правило, негативные. Поэтому методики оценки финансового состояния производственных, торговых и др. предприятий здесь неприменимы. Необходимо совершенствование методики оценки финансового состояния именно страховых компаний в силу указанной специфики страховой деятельности, а также грамотное осуществление инвестирования собственных средств страховщика.

Ранее уже отмечалось, что динамика показала тенденцию постоянного и стабильного снижения количества страховых организаций в России. Такая тенденция связана, как и раньше, с повышением капитализации компаний, что послужило активности страховщиков в сделках по слиянию и поглощению. Оказали влияние и мировой экономический кризис 2008 года и, особенно, валютный кризис в России 2014 года [3, с. 256] – резкое ослабление российского рубля по отношению к иностранным валютам стало причиной разорения многих компаний (так, в 2015 году 11 страховых компаний были признаны

банкротами [10]). По мнению экспертов, еще одной причиной является то, что *«подавляющее большинство ушедших с рынка страховщиков лишилось лицензии из-за несоблюдения требования к качеству активов»* [10]. Так, в 2015 году лицензий лишились 69 страховых компаний, уже в 2016 году – 39, при этом очень малому количеству организаций удается восстановить лицензию (Рис. 7).

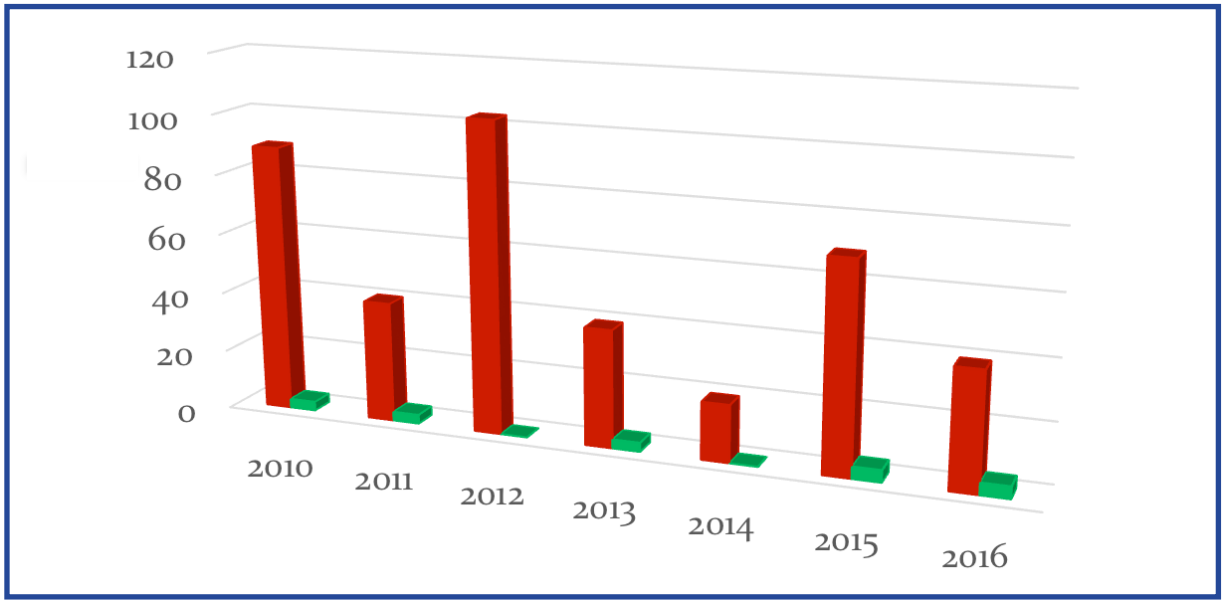


Рис. 7. Динамика отзыва и возобновления лицензий за 2004–2016 гг. [7]

Одной из особенностей современного российской страховой реальности является то, что сегодня страхование является прежде всего бизнесом – инструментом заработка для определенных субъектов страхового рынка.

Сегодня необходимо сформировать систему страхования именно как служебный институт, обеспечивающий устойчивое функционирование экономики России, ведь именно функция службы, защиты являлись исторической основой возникновения страхования. Роль страхования как такового заключается не в максимизации прибыли страховщика, а в обеспечении эффективной для потребителя защиты от отрицательного воздействия рисков.

Система страхования – это не совокупность профессиональных участников страховых отношений, и тем более не олигополия, с помощью которой небольшое количество страховщиков стремится доминировать над остальными. Это – система отношений между страхователями, страховщиками и государством. Эта система будет здоровой, будет нормально функционировать и развиваться только при оптимальном сочетании интересов всех ее участников.

В свою очередь, эта оптимальность достигается правильной расстановкой приоритетов интересов участников страховых отношений. Для современного российского страхового рынка эти приоритеты проистекают из необходимости реализации служебной роли страхования: первоочередное значение должны иметь интересы общества и государства, а страховой бизнес должен быть служебным институтом реализации общественных интересов.

Конечно, необходим и учет интересов страхового бизнеса, но общественно приемлемых. Эту приемлемость должно определять государство, но не под воздействием лоббизма, а на научной основе.

Сегодня государство все заметнее *«давит»* на интересы бизнеса, проявляет свои собственные интересы в попытках снизить нагрузку на бюджет, закрыть *«пробелы»* в социально-значимых направлениях. Однако этот процесс должен происходить не бессистемно, а должны быть созданы институциональные условия и механизмы, которые бы направляли участников страховых отношений на поиск путей сочетания интересов.

Страховой бизнес часто игнорирует потребности страхователей, например, по санкционному бизнесу. Кроме того, значительная часть страховщиков не желает строить равноправные отношения со страхователями и качественно выполнять свои обязанности. Отсюда и недоверие к страхованию, отсюда и необходимость перестрахования, в том числе государственного. Российский страхователь не хочет, чтобы на нем *«наживались»*, подлинное страхование должно служить преимущественно для защиты общества от рисков, и это именно то, что нужно страхователю.

Распространенность таких проблем не случайна, ведь начиная с 1992 года в России формировались не *«рыночные отношения»* в сфере страхования, а, скорее, квазирынок – система административного торга, где под оболочкой законодательства, конкурсов, тендеров, аукционов скрывается система *«раздачи своим»*, доминирование неформальных связей. И это – ключевая особенность современного страхового рынка в России.

Такие условия функционирования страхового бизнеса привели к тому, что за все время существования отечественной страховой системы в ее современном виде у предпринимателей ни разу не было периода более, чем в 3 года, чтобы реально планировать свою работу хотя бы на среднесрочную перспективу. Так, не происходило масштабных вложений страховщиков в развитие новых видов страхования, новых программ страховой защиты, в освоение новых сегментов потенциального потребительского спроса, потому что все это становилось слишком рискованным [4, с.20].

В рамках квазирыночных отношений преодоление всех этих недостатков невозможно. Вся система квазирыночных отношений ведет к подрыву доверия потребителей и страховщиков и вследствие этого к отторжению страхования.

Изменить эту неэффективную систему можно только путем создания служебной системы страхования с обеспечением приоритета государственно-общественных интересов над частными интересами бенефициаров квазирынка.

Отметив особенности современного российского страхового рынка, можно обозначить ближайшие перспективы его развития в связи с самыми насущными проблемами.

Незначительный рост страховых премий объясняется минимальным набором предоставляемых страховых услуг, низкой диверсификации рынка. Однако в последнее время потребность страховых услуг возникает со стороны потребителей. Ограниченное предложение на рынке страховых услуг в дальнейшем может напрямую отразиться на спросе, а затем на доходах страховщиков и в результате на развитии рынка в целом [5, с. 69].

Расширение ассортимента предоставляемых услуг позволит повысить спрос на страхование. Помимо этого, необходимо, чтобы новые страховые продукты имели адекватные цены и ставки.

Согласно Закону РФ от 27.11.1992г. № 4015-I *«Об организации страхового дела в Российской Федерации»*, гарантиями обеспечения финансовой устойчивости и платежеспособности страховщика являются экономически обоснованные страховые тарифы, сформированные страховые резервы, средства страховых резервов, достаточные для исполнения обязательств по страхованию, собственные средства (капитал) страховщика, а также перестрахование [1, ст. 25, п.1]. В настоящее время страховые тарифы в большинстве своем довольно высоки, что негативно отражается на спросе страховых услуг. Необходим пересмотр системы оценки рисков по ряду страховых продуктов и корректировка размера тарифных ставок.

Завышенные стоимости страховых услуг на рынке обуславливают оценку населением страхования как бремени. Все это ведет и будет вести дальше к недострахованию, или страхованию имущества не на полную стоимость. Это, в свою очередь, приводит к тому, что наличие страхового полиса не гарантирует реального возмещения понесенного страхователем убытков. Пересмотр системы оценки рисков и понижение тарифных ставок повысит спрос на услуги.

Из-за отсутствия свободных средств на приобретение страховых услуг и уверенность части населения в невыгодности страхования, продолжает падать и потенциальный спрос на страхование недвижимого имущества и страхование от несчастных случаев.

Недоверие к страхованию у населения присутствует по причинам низкого качества страховых услуг, непрозрачности системы (договоров, франшиз, вопросов по поводу выплат и др.). Эта проблема решится только в случае отказа от обмана клиентов, отказа от использования *«мелкого шрифта»* в договорах с целью ввести в заблуждение и тому подобного, а также активном информационном воздействии на сознание потенциальных страхователей о страховых услугах именно как о способе защиты.

Актуальной является и проблема мошенничества в страховании (со стороны страхователей – предоставление фиктивных документов, со стороны страховых компаний – выдача недействующих полисов, недобросовестная реклама, обман клиентов). Страхователь в первую очередь должен быть уверен в надежности страховщика и его готовности оплачивать возникающие убытки. Здесь возникает еще одна проблема: предлагаемая рейтинговыми агентствами методика оценки надежности страховщика не отвечает реальному состоянию дел в компаниях, может ввести страхователя в заблуждение. Ситуация исправится, если страховщики будут делать упор не на получение высокого рейтинга, а на профессиональный андеррайтинг, качественное обслуживание, современную и полную оплату убытков.

Со стороны государства эта проблема может быть решена путем совершенствования законодательной базы – введения отдельных новых законодательных норм. Кроме того, органом страхового надзора разрабатываются и новые методы выявления нарушений страховщиками законодательства. Разработан

специальный программный продукт, позволяющий в автоматическом режиме осуществлять надзор.

Что касается перспектив развития страхового рынка, то в ближайшие годы будет появляться еще меньше новых страховых компаний, так как условия выхода их на рынок ужесточились.

Спрогнозировать можно и дальнейшее снижение количества уже существующих страховых компаний. В сегодняшних экономических условиях кризиса и падения курса рубля концентрация рынка будет продолжать расти, и темпы этого процесса лишь увеличатся. Дополнительной причиной тому явились новые требования к размеру минимального уставного капитала, который должен составлять не менее 120 млн. руб. для копаний, занимающихся общим страхованием, страхованием жизни – 240 млн. руб., перестрахования – 480 млн. руб. Таким критериям не соответствует большинство компаний.

Будут продолжать падать и производительные силы отечественного страхования. Сегодня, как и все последние годы, неуклонно сокращается число специалистов, занятых в сфере страхования. На это влияют массовые сокращения, возникшие из-за экономической ситуации в стране.

Темпы прироста страховых взносов будут расти только в случае стабилизации макроэкономической ситуации и возобновления финансирования предприятий реального сектора. Но на это есть все шансы, ведь по оценкам специалистов, страховой рынок России имеет большую емкость.

Подводя итоги анализа современного состояния российского страхового рынка, нужно четко обозначить основные направления решения проблем, сложившихся в этой системе:

- борьба с *«квазирынком»*, переориентирование страхования из рычага получения сверхприбыли бенефициарами квазирынка в служебный институт;
- расширение географического диапазона деятельности страховых компаний;
- расширение ассортимента предоставляемых услуг, диверсификация рынка;
- пересмотр системы оценки рисков и установление справедливых тарифных ставок;
- повышение уровня доверия населения к страхованию путем отказа от обмана и путем правильного информационного воздействия;
- стремление страховых компаний к качественному обслуживанию, возможности современной и полной оплате убытков, профессиональному андеррайтингу;
- государство должно стремится к стабилизации макроэкономической ситуации, ведь только тогда, когда она наступит, можно будет говорить о положительных тенденциях в развитии современного страхового рынка в России.

Решение этих проблем поможет российскому страховому рынку выйти на качественно новый уровень своего развития.

Список литературы

[1] Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-I *«Об организации страхового дела в Российской Федерации»* / Правовой портал Гарант/http://base.garant.ru/10100758/ (дата обращения – 18.05.2016).

[2] Федеральная служба государственной статистики Росстат http://www.gks.ru/ (дата обращения: 20.05.2016).

[3] *Галимова И.В.* Влияние кризиса на российский страховой рынок // XIX Царскосельские чтения. Материалы междунар. научной конференции / Под общ. ред. В.Н. Скворцова, Л.М. Кобрина. СПб.: Изд-во Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Том 2. 2015. С. 255–259.

[4] *Лайков А.Ю.* Страхование в России: сущность и особенности современного этапа // Страховое дело. № 6. 2015. С.17–23.

[5] *Сигунова Т.А.* Анализ и оценка ликвидационной стоимости страхового бизнеса: монография. М.: Издательство *«Научный консультант»*, 2015.

[6] Годовой отчет банка России за 2015 год http://www.cbr.ru/publ/God/ar_2015.pdf (дата обращения: 16.05.2016).

[7] Интернет-портал *«Страхование сегодня»*, аналитика http://www.insur-info.ru/statistics/analytics/ (дата обращения: 25.05.2016).

[8] Интернет-портал *«Страхование сегодня»*, пресса о страховании. – http://www.insur-info.ru/press/110095/ (дата обращения: 19.05.2016).

[9] Страховой рынок: целевая модель // Рейтинговое агентство *«Эксперт Ра»* http://raexpert.ru/sproject/bfsr/finstrategy-2020/insurance/ (дата обращения: 10.04.2016).

[10] Центр инвестиционного консалтинга. – http://www.polisnn.ru/?id=42450 (дата обращения: 21.05.2016).

АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗАМИ: ИТОГИ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ

Бобылева А.З.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье раскрыты содержание и результаты выполнения государственного задания по разработке системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные: оценена современная отечественная и зарубежная практика управления вузами и выявлены ее недостатки, представлена концепция разработки комплексных программ повышения эффективности и результативности вузов: роль, задачи, принципы построения и возможная система взаимоувязанных мер на макро-, мезо- и микроуровне, этапы разработки программ.*

Развитие высшего образования в России в течение последних 25 лет характеризовалось значительным экстенсивным ростом: увеличивалось как число вузов, так и численность студентов, причем рост обеспечивался преимущественно расширением негосударственного сектора в образовании, созданием филиалов столичных вузов в регионах. Данный тренд при отсутствии должного контроля со стороны государства привел к снижению качества образовательных услуг: негосударственные вузы обычно не были укомплектованы преподавателями, в них работали преимущественно совместители; в филиалах, имеющих *«вывеску»* крупного вуза, ведущие преподаватели вели занятия лишь эпизодически. Негативные тенденции в российском образовании проявлялись и в отставании подготовки профессорско-преподавательских кадров. Рост численности преподавателей значительно отставал от темпов роста численности студентов, средний возраст преподавателей приближался к критическому, что объяснялось отставанием оплаты труда преподавателей вузов даже от средней по стране и снижением престижа профессии в связи с этим. Вышеприведенные факторы наряду со стагнацией финансирования образования послужили причиной ухудшения качества подготовки российских специалистов, снижения доли выпуска специалистов в сфере технических и естественных наук, что привело к снижению позиции ведущих российских вузов в международных рейтингах, уменьшению престижа получения российского образования как у иностранцев, так и определенных слоев населения России.

Понимание Правительством России роли качественного высшего образования в развитии экономики и в целом российского общества, необходимость преодоления негативных тенденций в высшем образовании, уничтожения очагов неэффективности (т.н. неэффективных вузов), важность создания

* *Бобылева Алла Зиновьевна*, д.э.н., профессор, МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет государственного управления, зав.кафедрой.

новой системы высшего образования, отвечающей лучшим мировым образцам и аккумулирующей накопленный опыт российской образовательной системы, привел в 2012г. к формулированию государственного задания: *«Разработка системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные»*, исполнителями которого стала группа ученых МГУ имени М.В. Ломоносова*.

В соответствии с формулировкой государственного задания целью исследования стала разработка концептуальных основ формирования системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные.

Для реализации цели в проведенном исследовании были поставлены и решены следующие взаимообусловленные и взаимосвязанные задачи:

- исследована современная отечественная и зарубежная практика управления вузами: нормативно-правовое, организационное обеспечение управления, подходы к классификации вузов по эффективности, методические основы мониторинга деятельности вузов;
- предложена концепция системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами и повышения их эффективности: сформированы принципы и модели системного подхода в управлении вузами; разработаны подходы к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами, трансформации перевода неэффективных вузов в эффективные.

Результаты исследования сводятся к следующему.

1. Оценка современной отечественной и зарубежной практики управления вузами. Правовое поле управления вузами в России образуют Закон *«Об образовании в Российской Федерации»* [1] (далее – Закон), ряд Постановлений Правительства, Приказов Минобрнауки России и других документов [2, 3]. Данные документы содержат нормативные и разъясняющие положения, касающиеся сущности и структуры системы образования, основные характеристики уровней образования, государственной регламентации образовательной деятельности, финансового обеспечения и международного сотрудничества, прав и обязанностей образовательных организаций различных категорий и их статуса.

Несмотря на значительные успехи в разработке нормативно-правовой базы управления вузами, в настоящее время остается ряд нерешенных вопросов. В частности, нет однозначного понимания, как оценить качество образования, эффективность вуза. Остаются дискуссионными и вопросы, как провести системный мониторинг эффективности вузов и учесть его результаты в управлении высшим образованием [5].

---

* Основной состав группы: зав.кафедрой финансового менеджмента ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова проф. Бобылева А.З., доцент ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова к.э.н. А.А. Сидорова. В отдельные годы в состав группы входили профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова И.Н. Молчанов, доц. ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова О.М. Пеганова, а также аспиранты.

В настоящее время базовыми направлениями оценки вузов являются:

- образовательная деятельность;
- научно-исследовательская деятельность;
- международная деятельность;
- финансово-экономическая деятельность;
- инфраструктура;
- трудоустройство.

Вышеперечисленные направления оценки в целом могут характеризовать деятельность вузов, однако используемые индикаторы не в полной мере выполняют свои функции. Так, средний балл студентов, принятых по результатам ЕГЭ, говорит о престижности и бренде вуза, создаваемом длительное время, а не о качестве услуг в настоящее время. Наличие оборудованных аудиторий говорит лишь о потенциале вуза, а не о качестве образования. Показатели международной деятельности также говорят не только о качестве вуза, так как во многом зависят от имиджа страны, стоимости обучения по сравнению с зарубежными аналогами и обеспечения безопасности иностранных студентов.

Приведенные показатели свидетельствуют, что часть из них имеют к эффективности весьма косвенное отношение. Это происходит из-за отсутствия четкого определения понятия *«эффективный вуз»*. Таким образом, набор базовых показателей оценки эффективности требует дальнейшей проработки.

Важнейшим недостатком оценки эффективности вузов (можно сказать, причиной неэффективности самой оценки) является отсутствие четко определенных государственных задач в сфере образования, на основе которых может выдаваться госзадание в разрезе потребностей в выпускниках по специальностям и проверяться его исполнение. Имеет место ситуация, при которой четко не сформулирован результат, который следует проверять.

Формированию государственного задания на образовательные услуги и оценке эффективности препятствует отсутствие сплошной статистики по выпускникам и их дальнейшей профессиональной деятельности. Для планирования деятельности вузам необходима информация о том, какие специалисты и в каком количестве нужны государству, причем не только в текущем году или в 3-х летнем плановом периоде, а в соответствии с прогнозом социально-экономического развития через 10–20 лет.

Следует отметить, что если в России функции контроля качества и эффективности образования возлагаются на органы государственной власти, то в развитых странах эти функции преимущественно выполняют ассоциации вузов, общественные организации. Показатели оценки, также, как и в России, обычно стандартизированы, однако отличаются по составу с вышеприведенными. За рубежом больше внимания уделяется оценке научных достижений, причем среди показателей присутствует прямой показатель эффективности: соотношение между входом (ресурсами) и выходом (результатом).

Таким образом, в целом можно утверждать, что несмотря на определенные успехи российского высшего образования, выражающиеся прежде всего в его экстенсивном росте, существует ряд недостатков управления, затрудняющих выполнение роли образования в развитии общества и экономики. К таким недостаткам относятся:

- отсутствие продуманной системы контроля за качеством образования и эффективностью вузов как со стороны государства, так и общественных организаций;
- распыление финансовых ресурсов государства из-за субсидирования системы образования в ее нынешнем виде: недофинансирование *«сильных»* вузов и необоснованная поддержка неэффективных;
- формальное доведение контрольных цифр (госзадания) по подготовке выпускников из-за малой обоснованности прогнозов потребностей в специалистах;
- отсутствие сплошной статистики о трудоустройстве выпускников вузов, регламентов управления по результатам.

2. Концепция системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами и повышения их эффективности. Комплексные программы антикризисного управления вузами и повышения их эффективности содержат следующие составляющие.

1) Определение государственных задач в сфере образования на основе изучения трендов потребностей рынка труда как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе, аналитической обработки статистики по выпускникам последних лет и их дальнейшей профессиональной деятельности. Работа по аккумулированию и анализу информации может проводиться структурой в составе Министерства образования или на аутсорсинге независимой коммерческой компанией.

2) Уточнение понятия эффективного вуза и критериев оценки деятельности вузов с точки зрения качества их деятельности. Нами предлагается следующее определение эффективного вуза: *«Эффективный вуз – вуз, полноценно выполняющий свои основные функции (образовательную, воспитательную, исследовательскую, трансфера знаний и их коммерциализации) при рациональном использовании имеющихся ресурсов»*. Данное определение эффективности вузов в наибольшей степени соответствует общепринятому пониманию эффективности. В то же время оно в значительной степени отличается от традиционного в образовании понимания, при котором не рассматривается соотношение результата и затраченных ресурсов.

3) Уточнение критериев оценки качества высшего образования.

Выбор критериев оценки целесообразно начать с уточнения термина *«качество высшего образования»*. Под качеством образования мы понимаем комплексную характеристику образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающую степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам и (или) потребностям общества, физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы.

Понятие качества образования неотделимо от понятия *«качество деятельности вузов»*, проблемы мониторинга которого рассмотрены выше. Исследование пока-

зало, что помимо необходимости совершенствования набора используемых показателей необходимо сбалансировать значимость направлений в итоговой оценке с ключевой функцией университетов – образовательной. Это может быть достигнуто приданием показателям разных весов, причем веса могут различаться в зависимости от типа вуза. Например, в одних типах вузов высокий вес должна иметь научно-исследовательская деятельность, в других – образовательная или прикладная.

Современная система показателей, позволяющих оценить качество высшего образования, должна содержать не только критерии, оценивающие сегодняшнее состояние вуза, но и показатели *«на перспективу»*, задающие определенный вектор, показывающие, чему именно будет уделяться наибольшее внимание при развитии вуза.

Система показателей должна быть скоординирована с индикаторами, принятыми в ведущих мировых рейтингах, т.к. перед российской системой образования стоит задача интеграции в глобальную систему предоставления образовательных услуг.

Показатели, включенные в мониторинг, в сегодняшних российских условиях могут иметь и дополнительную функцию по выявлению неработающих вузов. Как отметил Председатель Комитета по образованию ГД ФС РФ В.А. Никонов, по состоянию на 22.10.2013 106 вузов не предоставили свои данные и *«есть сильное подозрение, что эти 106 вузов уже просто не существуют»* [7].

В целом системный подход в управлении неэффективными вузами определен нами как сбалансированное улучшение ключевых видов деятельности вузов и приведение контрольных показателей в норму на основе комплекса согласованных между собой мер, входящих в компетенцию каждого уровня управления (мако-, мезо-, микроуровень).

На макроуровне для разработки системного подхода к переводу неэффективных вузов в эффективные необходима реализация следующей последовательности действий: определение государственных задач в сфере образования → уточнение конечного результата деятельности вузов → определение термина «эффективный (неэффективный) вуз → определение критериев, по которым вуз попадает в ту или иную категорию.

При разработке системного подхода к управлению вузами часто предлагаются меры на макро- и микроуровне, а мезоуровень из рассмотрения упускается. Однако на региональном уровне существуют свои возможности повышения эффективности и результативности вузов: усиление связи между вузами, работодателями и региональными властями, при котором каждый из них способствует достижению общей цели повышения устойчивости экономики [6]. Региональные власти и работодатели обладают широким набором возможностей, причем не только финансового характера, для укрепления положения вуза в регионе (целевой набор, НИР, госзаказ, информационная поддержка и т.п.).

На микроуровне в действующей практике применения системного подхода можно выделить несколько моделей. В первую очередь следует назвать систему сбалансированных показателей (ССП), связывающую стратегические цели вуза с бизнес-процессами и повседневными действиями сотрудников на каждом уровне управления [8]. Одним из самых сложных шагов здесь является определение

ключевых показателей, которые отражали бы реальные бизнес-процессы вуза и их качество по разным направлениям. Единой общепринятой системы показателей ССП для вузов на данный момент не существует, при ее разработке часто ориентируются на показатели мониторинга эффективности деятельности вуза, на лучшие зарубежные практики. Однако указанные выше недостатки действующей системы мониторинга позволяют утверждать, что применение модели ССП на их основе может не дать существенных результатов. Таким образом, требуется продолжение работы для создания комплексной системы сбалансированных показателей для вузов, в частности, с учетом существующих наработок по системам, разрабатываемым Росстатом, ОЭСР, другими зарубежными странами.

Известны попытки применения для системного управления вузами классической модели цепочки ценности М.Портера. Но особенностью данной модели является то, что она разработана для предприятий реального сектора, существенно отличающихся от образовательных учреждений. Это говорит о невозможности применения модели М.Портера в вузах без соответствующей адаптации. В целом рассмотрение вышеуказанных и ряда других моделей показывает, что системный подход, позволяющий оценивать и контролировать деятельность вузов, выявлять эффективные и неэффективные вузы в законченном виде пока не реализован.

Разработке комплекса мер по улучшению деятельности конкретного вуза должна предшествовать систематизация факторов, влияющих на его эффективность и результативность. Факторы целесообразно подразделить на объективные (внешние) и субъективные, связанные с конкретным вузом.

К кризисным явлениям, снижению эффективности и результативности приводят различные типы объективных факторов, связанных с изменениями внешней среды: недостатки планирования и прогнозирования, недофинансирование науки и образования, отсутствие должного контроля за негосударственными вузами, проч. Субъективные факторы могут быть связаны с ошибками в управлении вузом, коррупционной составляющей. Такая классификация факторов позволяет в первом приближении прогнозировать развитие ситуации и управленческие меры. Для преодоления объективных причин кризиса обычно требуется изменение государственных приоритетов, относительно продолжительное время и, как правило, существенные финансовые вливания. Субъективные причины могут быть преодолены сменой руководства вуза, реорганизацией, проч.

Комплексные программы антикризисного управления конкретным вузом должны строиться на основе типовых моделей для наиболее вероятных ситуаций, связанных с неэффективностью в разных сферах: образовательной, научно-исследовательской, международной, финансово-экономической, инфраструктуре и трудоустройстве выпускников [4]. Модели будут различаться в зависимости от:

- факторов, повлиявших на ухудшение деятельности (объективные, субъективные, операционные, финансовые, проч.);
- уровня неэффективности – частичной, требующей оптимизации или реорганизации;
- возможности проведения восстановительных процедур самостоятельно или при участии государства.

- Участие государства может содержать несколько процедур:
- наблюдение, во время которого выявляются причины неэффективности и разрабатываются меры по повышению эффективности;
- оздоровление (преимущественно силами вуза);
- внешнее управление для восстановления параметров эффективности;
- реорганизация и прекращение деятельности вуза как самостоятельного.
- В целом основные этапы разработки системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами и повышения их эффективности сводятся к следующим:.
- определяются критерии оценки вузов;
- устанавливаются интервалы возможного изменения показателей без негативных последствий;
- выделяются ключевые факторы, влияющие на деятельность вуза;
- разрабатывается комплекс мер на макро, мезо- и микроуровне, который может вернуть систему в равновесие при выходе ключевых параметров за установленные интервалы.

Список литературы

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ *«Об образовании в Российской Федерации»* – минобрнауки.рф/документы/2974

[2] Приказ Минобрнауки России от 1 августа 2013 г. № 637 *«О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования»*.

[3] Протокол заседания Межведомственной комиссии по проведению мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы и реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений от 29 апреля 2013 г. № ДЛ-12/05пр – минобрнауки.рф

[4] *Бобылева А.З.* Подходы к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. №2. 2014. С.45–61.

[5] *Бобылева А.З., Сидорова А.А.* Эффективность управления вузами в России: проблемы и решения // Вестник Российской Академии наук. №2. 2014. С.120–134.

[6] *Ицковиц Г.* Тройная спираль Университеты-предприятия-государство. //Инновации в действии. Томск: Изд-во Томск.гос.ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010.

[7] *Никонов В.А.* Некоторые вузы существуют только на бумаге. Интервью газете *«Известия»* 22.10.2013 – http://izvestia.ru/news/559246 (дата обращения: 25.05.2016).

[8] *Соболь В.К., Козловских Н.В.* Системный подход к стратегическому управлению высшими учебными заведениями // Управление экономическими системами, 2008. № 3. – http://uecs.ru/uecs-15–152008/item/110–2011–03–21–13–11–00 (дата обращения: 25.05.2016).

СТАНДАРТЫ ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА: КАКИМИ ИМ БЫТЬ?

Львова О.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассмотрена современная практика проведения арбитражными управляющими финансового анализа в ходе процедур банкротства, выявлены ограничения действующих в данной сфере документов и обоснована необходимость перехода к новой концепции анализа, которая позволит – вместо констатации последствий наступившего на предприятии-должнике кризиса – сконцентрировать внимание на выявлении внешних и внутренних факторов, вызвавших неплатежеспособность, определить ключевые условия восстановления бизнеса.*

Ключевые слова: *правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа, федеральный стандарт проведения финансового анализа в процедурах банкротства, бухгалтерская и рыночная модели анализа в процедурах банкротства, базовый и расширенный анализ в процедурах банкротства, выявление оснований для оспаривания сделок должника.*

В современных условиях возрастает значение финансового анализа в процедурах банкротства: действующие рекомендации морально устарели, не отвечают целям и задачам анализа, который может служить основанием не только для констатации факта неплатежеспособности и выбора способы реализации активов должника, но и определить причины кризиса на предприятии, наметить схему по его преодолению.

Усиление внимания к оценке финансово-экономического состояния должника и результатов его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве также связано с тем, что вслед за другими странами с рыночной экономикой в России стали складываться предпосылки к изменению концепции института банкротства, переходу от ориентации на преимущественно ликвидационный механизм к фокусированию внимания на восстановлении бизнеса. Постепенно приходит понимание, что в современных условиях объективный финансово-экономический анализ нужен не столько с целью определения достаточности принадлежащего должнику имущества для покрытия расходов в деле о банкротстве, сколько для оценки возможности возрождения деятельности и поиска ключевых факторов успеха конкретной компании, учета специфических условий, приведших к несостоятельности.

* *Львова Ольга Александровна*, старший преподаватель, к.э.н., факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Неплатежеспособность является формальным основанием для инициирования процедуры банкротства, которая содержит набор инструментов, применяемых в отношении фирм-должников с учетом выявленных перспектив развития. Так, основным мотивом для добровольного обращения должника в суд с целью введения процедуры банкротства является не столько необходимое информирование кредиторов и партнеров компании о ее финансовых трудностях (именно по этой причине руководителю должника обычно вменяется в обязанность подача заявления в суд при обнаружении признаков несостоятельности), сколько стремление спасти бизнес посредством своевременного обращения к реабилитационным процедурам. Подобная ситуация может быть характерна для компаний, столкнувшихся с временными трудностями, способными восстановиться в короткие сроки.

На сегодняшний день финансовый анализ осуществлялся арбитражными управляющими на основании таких документов, как *«Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа»* (утв. Постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. N 367) [1] и *«Правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»* (утв. Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. N 855) [2]. Сильная сторона действующих документов в том, что они:

- обозначают требования к основным направлениям анализа: финансовому состоянию должника, внешней среде, оценке активов и пассивов должника, обоснованию возможности безубыточной деятельности;
- в отличие от используемого в Законе о банкротстве более узкого понятия *«анализ финансового состояния»* Правила используют более широкий и корректный термин *«финансовый анализ»*;
- несмотря на то, что в Законе о банкротстве говорится об анализе преимущественно в связи с процедурой наблюдения, Правила предполагают проведение анализа во всех процедурах банкротства (п.2 Правил).

В то же время в Правилах имеются недостатки, из-за которых и возникает необходимость их переработки. К ним обычно относят преобладание *«бухгалтерского»* анализа, выбор неинформативных, а в некоторых случаях и некорректных показателей. Приведем несколько примеров:

1) обязательный по действующим Правилам анализа коэффициент абсолютной ликвидности может быть низким как у несостоятельной организации, не имеющей денежных средств на расчетном счете, так и у успешной, у которой все денежные средства постоянно находятся в обороте. Таким образом, анализ не является информативным при определении несостоятельности;
2) в Правилах анализа измерение платежеспособности предполагается по балансу, что приводит к смешиванию платежеспособности и ликвидности, хотя обычно они совпадают лишь на отчетные даты. Кроме того, несостоятельные предприятия или предприятия с серьезными проблемами часто ликвидны по балансу, но неплатежеспособны. Таким образом, определение реальной платежеспособности (неплатежеспособности) по балансу не представляется возможным;

3) определение финансовой устойчивости ограничено в документах расчетами по балансу, хотя она во многом зависит от *«здоровья»* денежных потоков, управления рисками и т. д. Таким образом, Правила анализа ориентируют на исследование финансовой устойчивости лишь в очень узком смысле, не затрагивают ряд важных векторов анализа;

4) показатель *«норма чистой прибыли»* для обозначения задачи расчета доходности, рентабельности, убыточности в Правилах анализа некорректен, так как предполагает расчет величины показателя, а не его нормы. Кроме того, показатель некорректен сам по себе. Если рассматривать словосочетание *«норма чистой прибыли»* буквально, то его следует понимать как норму стоимостного показателя (прибыли), а не относительного (доходности), что несостоятельно: у стоимостного показателя не может быть *«нормы»* – может быть плановое значение, меняющееся в каждом временном периоде в зависимости от волатильности условий и стоящих перед компанией задач;

5) использующееся в Правилах проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства понятие существенного ухудшения значений коэффициентов за квартал сейчас трудно применимо в связи с новым требованием предоставления бухгалтерской отчетности лишь один раз в год [3]. Но даже если компания-должник идет навстречу и предоставляет отчетность по кварталам, такой анализ не дает реальную возможность выявления фиктивного или преднамеренного банкротства:

   – резкое ухудшение значений коэффициентов может быть и при обычном банкротстве. Например, в конце 2014 – начале 2015 года в ряде компаний произошло существенное ухудшение показателей, однако они были связаны не с фиктивным или преднамеренным банкротством, а с существенным падением курса рубля, невозможностью быстрой адаптации к новым условиям;

   – фиктивное или преднамеренно банкротство может иметь место и при относительно плавном ухудшении финансовых показателей, если подобное банкротство тщательно спланировано.

В целом можно выделить следующие недостатки рассматриваемых документов:

- не ориентируют на глубокое проведение финансового анализа, позволяющего принимать обоснованные объективные решения;
- не нацеливают на выявление ключевых факторов успеха компании, основных драйверов восстановления бизнеса, не позволяют оценить масштабность кризиса, выявить факторы, способствовавшие его развитию;
- при оценке возможности безубыточной работы не предлагается использовать широко распространенные приемы управленческого контроля, например анализ на основе директ-костинга;
- основное внимание уделяется лишь текущей операционной деятельности, гораздо меньшее – оценке финансовой и инвестиционной деятельности.

Представляется, что в современных условиях должна быть изменена концепция проведения анализа. В ее основе должна лежать не бухгалтерская, а рыночная модель анализа, позволяющая уйти от обоснования выводов преимущественно на основе данных бухгалтерской отчетности, часто неполных, искаженных и даже фальсифицированных перед открытием процедуры банкротства. Рыночная модель анализа позволит в первую очередь сосредоточиться не на последствиях кризиса на предприятии-должнике (негативных изменениях активов и пассивов, появлении убытков и т. п.), а на выявлении внешних и внутренних факторов, приведших к неудачам, поиске условий, при которых предприятие может возродиться. В случае целесообразности проведения ликвидационных процедур рыночная модель анализа также позволит точнее определить стоимость имущества должника, размер конкурсной массы.

В целом рыночная модель анализа расширяет его границы и превращает из чисто финансового в финансово-экономический, основанный не только на данных бухгалтерского учета, но и на рыночной информации о положении компании, ее рыночной нише, различных видах риска, динамике внешних и внутренних факторов, ориентирует на использование данных управленческого учета.

Федеральным Законом №296 от 30.12.2008 года в закон о банкротстве была введена статья 26.1, где записано, что национальное объединение саморегулируемых организаций арбитражных управляющих должно разрабатывать федеральные стандарты, в том числе, в части анализа финансового состояния должника [4, 5].

В основу проекта Стандарта проведения арбитражным управляющим анализа финансово-экономического состояния должника может быть положена описанная концепция, которая лежит в одном тренде с Проектом ФЗ *«О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности* (*банкротстве*)» [6], где усиливается рыночная составляющая анализа, прописываются условия участия в анализе независимых оценщиков и аудиторов (ст. 38.1, 83, 87, 89, 90, др.).

В 2011 году была предпринята попытка разработки проекта нового Стандарта анализа, однако, учитывая неготовность профессионального сообщества, этот вопрос не был решен. Летом 2015 года на заседании Подкомитета по антикризисному управлению Комитета по безопасности предпринимательской деятельности Торгово-промышленной палаты РФ говорилось о необходимости разработки Стандарта, было принято решение о создании рабочей группы под руководством А.З. Бобылевой, в которую вошел и автор настоящей статьи.

Целями разработки Стандарта являются:

- установление единых подходов и правил проведения арбитражным управляющим анализа текущей, инвестиционной и финансовой деятельности должника в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве;
- оказание методической помощи арбитражным управляющим при обосновании выбора реабилитационной либо ликвидационной процедуры;
- обеспечение преемственности в деятельности арбитражных управляющих при их смене в процедурах банкротства;

- обеспечение транспарентности принятия решений при рассмотрении дел арбитражным судом.

Федеральный стандарт *«Правила проведения арбитражным управляющим анализа финансово-экономического состояния должника»* включает сам текст стандарта и приложения к нему. Приложения содержат примерный перечень документов и материалов, используемых при проведении анализа финансово-экономического состояния должника, методические рекомендации по проведению базового анализа финансово-экономического состояния должника, методические рекомендации по проведению расширенного анализа финансово-экономического состояния должника и структуру выходных документов. Структура выходных документов включает заключение о финансово-экономическом состоянии должника, обоснование возможности или невозможности восстановления платежеспособности должника, целесообразности введения последующих применяемых в деле о банкротстве процедур, заключение о наличии или об отсутствии оснований для оспаривания сделок должника, и требования к этим выходным документам.

Приложение 1 *«Примерный перечень документов и материалов, используемых при проведении анализа финансово-экономического состояния должника»* представляет собой десятистраничный документ, содержащий 11 агрегированных разделов, детализированных по 150 пунктам. Его ключевая задача – создать стандартизированный список документов, которые может запросить арбитражный управляющий при *«заходе»* на предприятие. Важно понимать, что список примерный и может меняться в зависимости от полноты имеющейся информации, детализации отчетности, учетной политики должника, сферы его деятельности, формы хозяйствования.

Приложение 2 является самой главной частью наших предложений, которая содержит методические рекомендации по проведению базового анализа финансово-экономического состояния должника. Основные направления анализа (разделы) совпадают с действующими сейчас Правилами, несмотря на некоторые различия в названиях, да и значительная часть *«привычных»* показателей сохраняется. В то же время усилено внимание к причинам возникновения несостоятельности и возможностей восстановления деятельности, то есть именно к анализу, а не установлению тренда. Кроме того, существенное отличие от действующих правил заключается в нашем предложении по упрощению *«бухгалтерского»* анализа, отказ от ряда малоинформативных и некорректных показателей. Таким образом, мы структурировали работу арбитражных управляющих.

Таким образом, проект Стандарта выгодно отличается от действующих нормативных документов, принятых более десяти лет назад, обобщает лучшие практики, и изменяет саму концепцию проведения анализа финансового состояния должника:

1. Предлагается разделение анализа на *«базовый»* (обязательный, согласующийся с задачами конкретных процедур, применяемых в деле о банкротстве) и *«расширенный»* (дополнительный). При этом в базовой части наблюдается

сокращение числа обязательных к расчету показателей за счет малоинформативных и дублирующих, делается акцент на выявлении внутренних и внешних причин, приведших должника к неплатежеспособности, что способствует подбору адекватных мер по восстановлению (при наличии такой возможности).

Такое разделение дает возможность упростить, сократить, ускорить процедуру анализа в относительно *«прозрачных»* ситуациях и провести глубокий анализ в сложных ситуациях. Базовый финансово-экономический анализ должен проводиться в обязательном порядке в соответствии с задачами конкретных процедур, применяемых в деле о банкротстве. Проведение арбитражным управляющим базового анализа финансируется за счет средств должника.

Расширенный анализ имеет рекомендательный характер и может проводиться арбитражным управляющим инициативно или по требованию кредиторов либо суда в случае необходимости:

- дополнительного обоснования решений о введении последующих процедур банкротства;
- более глубокой проработки плана финансового оздоровления, представленного должником и (или) целесообразности его корректировки;
- более глубокой проработки плана внешнего управления;
- обоснования иных решений.

Методы в рамках расширенного анализа определяются размерами и сложностью бизнеса, полнотой и информативностью отчетности должника. Проведение расширенного анализа может финансироваться как за счет средств должника, так и из иных источников по решению собрания кредиторов либо другой заинтересованной группы лиц.

1. Упрощается применение предлагаемых методик: Стандарт содержит унифицированные таблицы, в виде которых рекомендуется оформлять результаты анализа, описывает многообразие выводов, которые могут быть сделаны на каждом этапе по результатам расчетов, что облегчает задачу начинающим управляющим. Кроме того, при наличии унифицированных методик увеличивается прозрачность работы арбитражного управляющего, что может иметь особое значение при его смене в процедурах банкротства.
2. Предлагается исчерпывающий список документов для анализа, однако, учитывая российские реалии, описываются способы анализа при отсутствии многих из них.
3. Стандарт дополняет действующее законодательство: приводятся типовые формы Заключений по результатам процедуры наблюдения, установленных ст. 67 п. 2 Закона о банкротстве.
4. Предлагается абсолютно новая методика выявления наличия или отсутствия оснований для оспаривания сделок должника. Анализ сделок должника, совершенных в период подозрительности, установлен ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве и нацелен на выявление оснований для оспаривания. В проекте Стандарта предлагается включать в него:

- проведение выборки сделок, которые могут быть оспорены по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве;
- выявление признаков совершения сделок с неравноценным встречным исполнением, попадающих в категорию подозрительных сделок, имеющих основания для оспаривания согласно п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве:
- выявление признаков сделок, совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, что является основанием для оспаривания согласно п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве;
- выявление признаков совершения сделок, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами, что является основанием для оспаривания согласно ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Представляется, что проект Стандарта полностью соответствует действующему законодательству, однако легко может быть трансформирован при его модификации. В преддверии значимых изменений концепции законодательства о банкротстве в сторону оздоровления должников, данный Стандарт окажет необходимую методическую помощь арбитражным управляющим при обосновании выбора реабилитационной либо ликвидационной процедуры.

Важно, что Стандарт не увеличивает объем работы управляющего, а упрощает ее, сохраняя все основные блоки анализа, важные для каждой процедуры, применяемой в деле о банкротстве: к примеру, в процедуре финансового анализ по-прежнему направлен на оценку степени выполняемости плана финансового оздоровления должником.

Таким образом, представляется, что принятие федерального стандарта профессиональной деятельности арбитражных управляющих *«Правила проведения арбитражным управляющим анализа финансово-экономического состояния должника»* представляется своевременным, особенно в условиях наблюдаемого сегодня курса на модернизацию законодательства о банкротстве с учетом кризисных экономических условий. Реализованная в последние годы стандартизация деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих подтверждает общую направленность на повышение эффективности работы управляющих, а принятие Стандарта проведения анализа финансового состояния анализа безусловно, является важной опорной точкой на этом пути.

Список литературы

[1] Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа (утв. Постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. №367).

[2] Правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. №855).

[3] Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ *«О бухгалтерском учете»* (вступил в силу с 1 января 2013 г.).

[4] Федеральный закон от 26 октября 2002 года №127-ФЗ *«О несостоятельности* (*банкротстве*)*»*.

[5] Федеральный Закон №296 от 30 декабря 2008 года *«О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности* (*банкротстве*)*»*.

[6] Проект Федерального закона *«О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности* (*банкротстве*)*»* и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации в делах о банкротстве юридических лиц.

ФИНАНСОВЫЙ АУТСОРСИНГ КАК СЕГМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Лактионова О.Е.*
(Украина, г.Мариуполь)

Аннотация. *Представлены результаты историографического анализа развития финансового аутсорсинга. Дано понятие финансового аутсорсинга (F&A), рассматриваемом как специфический вид аутсорсинга. Выявлено, что если заказчик (аутсорси) и исполнитель (аутсорсер) находятся в одной стране, то речь идет о внутреннем F&A. Рассмотрена сущность и определены тенденции развития международного F&A и аутсорсинга финансовых услуг (A&FS) по двум экономическим регионам (Америка, EMEA). Предложена методика кластерного анализа ранжирования стран на исполнителей и заказчиков услуг F&A и A&FS. Компании-аутсорсеры России не представлены ни как заказчики, ни как потребители услуг F&A и A&FS. Предложены пути увеличения присутствия аутсорсеров России на международном рынке.*

Основой инструментария аутсорсинга в любой отрасли является разделение труда в целях повышения эффективности деятельности. Экономист Календжян С.О. разработал концепцию включения аутсорсинга и делегирования полномочий в стратегию реинжиниринга и развития компании [1, с.34]. В начале XXI в. аутсорсинг становится частью управленческой стратегии компании, применяемой при передаче работ и услуг стороннему исполнителю и основанной на тесно связанных элементах: разделении труда и управленческих функциях [2, с.27]. Когда речь идет о передаче функций управления финансами говорится о финансовом аутсорсинге (financial outsourcing, далее *«F&A»*), рассматриваемом как специфический вид аутсорсинга [3, с.140; 5,с.26]. Результаты историографического анализа, проведенного автором и представленные в табл.1. показали, что за сто лет функции F&A, как научно-практического направления, формировались, прежде всего, вслед за развитием теории управления финансами организации, институциональными требованиями к их управлению.

Появляются как формальные, так и неформальные взаимодействия между компаниями, возникают инвестиционные связи, которые могут осуществляться как с государственной, так и без государственной поддержки, т.е. происходит процесс интеграции как *«сверху»* так и *«снизу»* [5, с.54]. В связи с этим в международной практике стали различать внутренний и международный финансовый аутсорсинг, формирование которого ускорила глобализация мировой экономики.

* *Лактионова Ольга Ефимовна*, к.э.н., доцент, Приазовский государственный технический университет.

Таблица 1.

Динамика изменения функций финансового аутсорсинга

Периоды	*Содержание*
Начало XX века-середина XX века	Передача на аутсорсинг отдельных участков бухгалтерского учета. Использовались ручные приемы работы, технология перфорирования карт, логарифмические линейки, механические калькуляторы, арифмометры)
1960–970 гг.	Передача на аутсорсинг отдельных участков бухгалтерского учета (расчет ЗП, учет ОС). Использовалось первое поколение компьютеров, работающих централизовано и обрабатывающих данные для централизованных финансовых подразделений
1980 гг.	Передача на аутсорсинг отдельных участков бухгалтерского учета (расчет ЗП, учет ОС, составление отчетности). Использовались персональные компьютеры и дешевые локальные технологии, программное обеспечение электронных таблиц)
1990 гг.	Передача на аутсорсинг большинства участков бухгалтерского учета и составление отчетности. Сформированы гибкие системы клиент – сервер, позволяющие управлять центрами общих услуг – SSC (shared services centre), которые расположены в благоприятных географических точках, обеспечивающих эффективное функционирование, например в Индии, Нидерландах, Канаде, Аляске и т.д.. Такая организация операций благодаря стандартизации, рационализации и экономии на масштабах позволила добиться значительного снижения затрат на процесс ведения бухгалтерского
Конец XX–начало XXI века	Передача на аутсорсинг финансовых услуг, в т.ч. услуг сопутствующих аудиту, которые включают и услуги по управлению финансами (бюджетирование, налоговое планирование, анализ финансового состояния). Использование веб – технологии, оптических считывающих устройств, сканера, мобильных устройств, электронного обмена данными, интеграцию электронных приложений, Интернет – технологий, современных интерактивных инструментов делового интеллекта, которые проводят анализ в режиме он – лайн, использование собственных персонализированных порталов позволили значительной
Начало XXI века–2015 гг.	Развитие международного финансового аутсорсинга. Заказчики – компании-аутсорсеры США. Исполнители – компании Индии, выполняющие услуги в режиме аутсорсинга, или физические лица – граждане Индии, выполняющие услуги в режиме краудсорсинга. Организация единых платформ SSC, путем централизации и стандартизации операций финансовых служб и интеграции ИТ – систем на международных рынках. Инвестирование в образование и в повышение квалификации исполнителей услуг. Диверсификация услуг и рост рынка международного финансового аутсорсинга. Появление конкурентных исполнителей в Китае, Польше, Чехии, Словаки, Молдовы, Румынии. Заказчиками становятся компании развитых стран Европы, США. Россия не замечена ни как заказчик, ни как исполнитель услуг *«F&A»*. Рост объема разработки программного обеспечения, в т.ч. для новых направлений *«F&A» -«аутсорсингового финансового менеджмента»*. Получение вариантов решений по управлению финансами в режиме *«онлайн»* (момент регистрации хозяйственной операции в системе управления совпадает с моментом получения вариантов решения в управлении финансам)

Если заказчик (аутсорси) и исполнитель (аутсорсер) находятся в одной стране, то речь идет о внутреннем F&A, если в разных, то это международный F&A[6], при котором происходит отказ поставщиков услуг фирм-аутсорсеров обычно из развитых стран от владения функциями и операциями бизнес-процесса и размещение заказов на производство и оказания услуг в специализированных компаниях, расположенных в регионах, например, с низкой стоимостью рабочей силой, с сильной государственной поддержкой экспортного аутсорсинга. В среднем на аутсорсинговые операции оказания услуг F&A в международной торговле отдельными видами наукоемких товаров и наукоемких услуг (к которым, как принято в зарубежной практике, относится и финансовый аутсорсинг) приходится около 20%, а на оказание аутсорсиговых финансовых услуг (далее, A&FS) 36–38% [7]

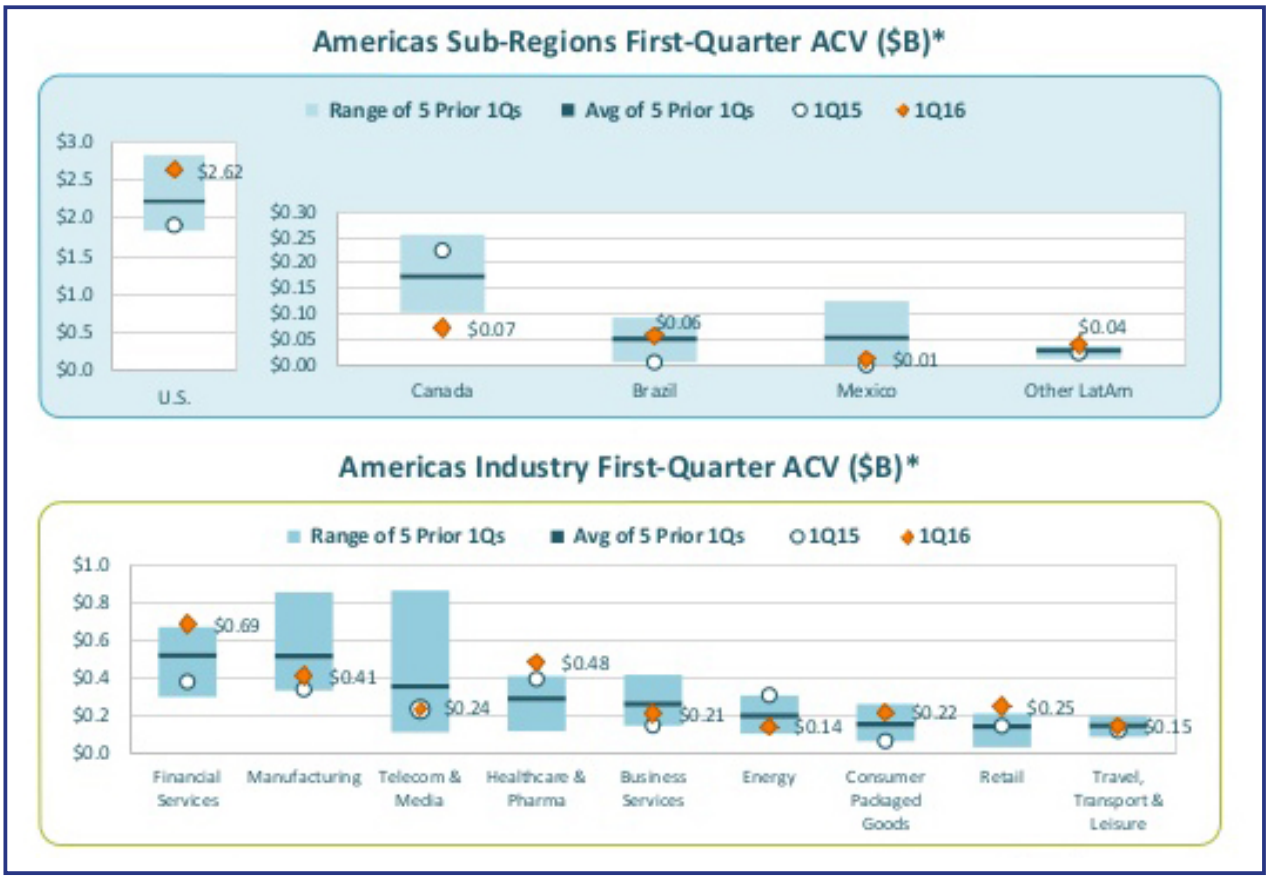
По данным крупнейшего Института автоматической обработки данных (Automatic Data Processing. Inc: Datamonitor,) в мировой практике объем глобальной обработки данных и аутсорсинговый (outsourced) рынок финансовых услуг имеет перспективу в будущем. Согласно Datamonitor, объем услуг по глобальной обработки данных и аутсорсинговый (outsourced) рынок финансовых услуг увеличиваются ежегодно на 7–8.6%.

Для определения тенденций развития F&Aи A&FS была исследована динамика количества аутсорсинг –контрактов и затрат на них и другие показатели компаний по трем экономическим регионам (Америка, EMEA), представленными в таблице 2 и на рисунке 1.

В настоящем исследования принимались к учету аутсорсинг – контракты, годовые затраты на которые – ACV ⩾ 5M $(миллионов дол. США). В первом квартале 2016 г. на глобальном рынке наблюдался рост затрат на аутсорсинг- контракты (ACV) на 20%, которые достигли $ 6,1 млрд. Доля *«мелких»* аутсорсинг – контрактов увеличилась на 40% и составила$ 4,1 млрд [8]. Это косвенно сообщает о том, что наступает следующая стадия аутсорсинга в большинстве отраслей промышленности, согласно которой крупные аутсорсинг – контракты подвергаются *«более дробному»* делению на более мелкие специализированные операции, которые передаются на дальнейший аутсорсинг (ДА) в более благоприятные географические точки (ББГТ).

По прогнозам ISG 2016 года получил гораздо более сильное начало, чем в прошлом году, ACV превысили $ 6 В второй квартал подряд, что является признаком *«здорового течения рынка»*. Существует хороший баланс между количеством новых контрактов и реструктурированными контрактами, что указывает на большое количество нового бизнеса, который приходит на глобальный рынок аутсорсинга, в т.ч. на F&A и на A&FS.

По региону Америка (рис.1.) самыми активными среди sub – регионов являются компании –аутсорсеры США (ACV = $ 2,62 В), которые в основном являются заказчиками услуг, в т.ч. услуг F&A и A&FS. Фирмы –аутсорсеры Канады (ACV = $0,07 В), среди которых есть исполнители услуг для компаний США, а также заказчики услуг, которые передают исполнение услуг компаниям Канады, Аляски, латиноамериканским странам, а также Индии.



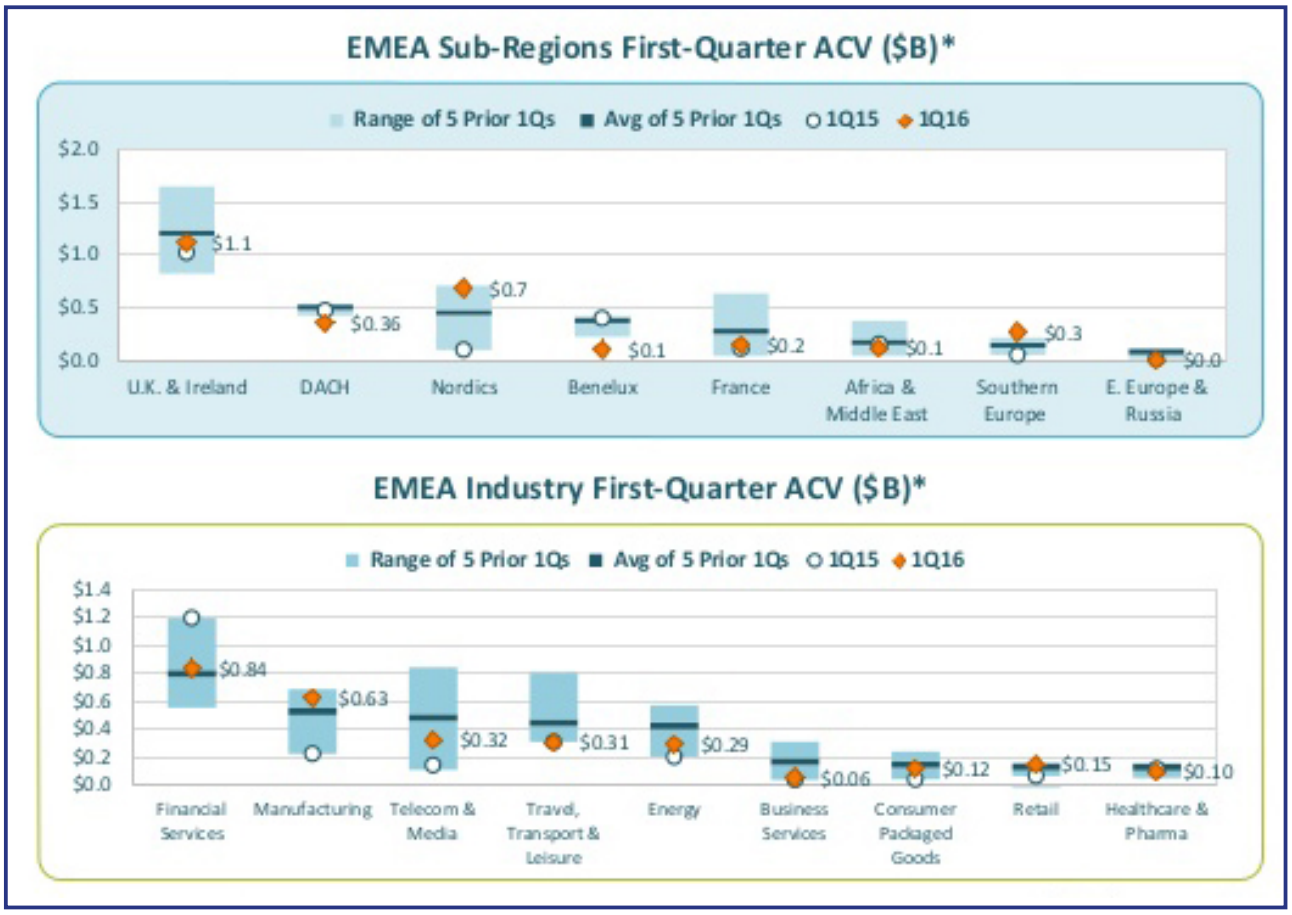
Где: 1Q15, 1Q16 – затраты на аутсорсинг – контракты. соответственно в первом квартале 2015 г. и в первом квартале 2016 г., $ B (billion $ US).
(*Источник: The GlobalI SG Outsourcing Index 2016г.*)

Рис.1. Суммы затрат (ACV)на аутсорсинг – контракты по экономическому региону Америка (Северная и Южная) и по sub – регионам за период 1Q15–1Q16

Среди отраслей промышленности, аутсорсинг финансовых услуг (A&FS) оказывается самым динамичным за последние десять лет. В 1Q 2016 стоимость A&FS (ACV=$ 0,69 B) составила 80%, а по числу заключенных контрактов 50% от всех аутсорсинговых услуг (в т.ч. производство промышленных товаров, здравоохранение и др.

По региону EMEA (рис.2.) самыми активными среди sub – регионов являются компании –аутсорсеры Великобритании и Ирландии (ACV = $ 1,1 B), фирмы -аутсорсеры стран DACH (ACV =$ 0,36 B), а также стран Nordic (ACV =$ 0,7 B) и другие являются в основном заказчиками аутсорсинговых услуг, в т.ч. услуг F&A и A&FS.

Sub-регион стран Восточной Европы и Россия занимают незначительный объем по количеству заключенных аутсорсинг-контрактов и по затратам на аутсорсинг-контракты (ACV = $ 0,03 B), что сообщает, что не смотря на свой потенциал, компании – аутсорсеры не представлены ни как заказчики, ни как исполнители услуг финансового аутсорсинга и аутсорсинговых финансовых услуг на рынке EMEA и на глобальном рынке. Среди отраслей промышленности, аутсорсинг финансовых услуг (A&FS) оказывается также самым динамичным и в регионе EMEA (ACV =$ 0,84 B).



Где: 1Q15, 1Q16 – затраты на аутсорсинг – контракты. соответственно в первом квартале 2015 г. и в первом квартале 2016 г., $ B (billion $ US).
(*Источник: The Global ISG Outsourcing Index 2016г.*)

Рис.2. Суммы затрат (ACV)на аутсорсинг – контракты по экономическому региону EMEA и по sub – регионам за период 1Q15–1Q16

Рынок финансового аутсорсинга и аутсорсинга финансовых услуг региона EMEA превышает по количеству аутсорсинг-контрактов и по затратам на аутсорсинг-контракты рынок региона Америка. Для более точного ранжирования стран на исполнителей и заказчиков услуг F&A и A&FS была использована методика кластерного анализа [9], которая показала, что США, Великобритания, Канада, и индустриальные Европейские страны (Франция, Германия) самые развиваемые пользователи – страны заказчики деловых аутсорсинговых услуг (Табл. 2).

При передаче операций бизнес –процессов на аутсорсинг из развитых стран в страны исполнители (в т.ч. Китай, страны Восточной Европы) появляется значительный экономический эффект за счет разницы в оплате труда, начислений на ЗП, уменьшения ставок налогообложения и др. Индия, Китай, и Малайзия, в результате кластерного анализа [9, с. В 74] были классифицированы как самые активные и подготовленные оффшорные исполнители услуг F&A и услуг A &FS (Табл. 3).

Таблица 2.

Развитые страны – оффшорные пользователи (offshoring users) в порядке уменьшения заказов на услуги F&A и A &FS

Страны	Financial structure score (1–4)	People/skills availability score (1–3)	Business environment score (1–3)	Distance from overall cluster center
Model profile	0.79	1.89	2.25	cluster centers
США	0.54	2.74	2.22	0.00000
Франция	0.40	2.24	2.05	0.54635
Германия	0.50	2.10	2.23	0.64133
Великобритания	0.46	2.12	2.41	0.65338
Канада	1.10	2.03	2.40	0.92201
Австралия	0.97	1.66	2.29	1.16456
Tunisia	0.97	1.66	2.29	1.16456
Ирландия	0.42	1.41	2.25	1.33574
Испания	0.96	1.50	1.67	1.42004
Сингапур	1.62	1.44	2.67	1.74897

Где: (*табл.2.*)*: Financial structure score – финансовая оценка структуры; People/skill savailability score – люди, квалификация, навыки; Business environment score – оценка бизнеса; Distance from overall cluster center – расстояние от общего центра кластера.*

Таблица 3.

Страны – активные и подготовленные оффшорные исполнители аутсорсинговых услуг, в т.ч. услуг F&A и услуг A &FS

Страны	Financial structure score (1–4)	People/skills availability score (1–3)	Business environment score (1–3)	Distance from overall cluster center
Model profile	3.36	1.30	1.27	cluster centers
Индия	3.47	2.14	1.26	0.00000
Китай	3.21	1.76	1.17	0.46915
Филиппины	3.58	1.16	1.05	1.00827
Индонезия	3.51	1.06	0.89	1.14232
Египет	3.55	0.95	0.98	1.22511
Тайланд	3.27	0.94	1.51	1.24197
Малайзия	2.95	1.12	2.00	1.36323

Правительства стран, представленных в табл. 3. стремятся повысить привлекательность отечественных компаний как исполнителей аутсорсинговых услуг для существующих и новых оффшорных рынков.

Абсолютное лидерство по государственному стимулированию развития экспорта аутсорсинговых услуг, в т.ч. услуг F&A и услуг A &FSзанимала Индия, однако, и ее привлекательность как оффшорного исполнителя услуг уменьшается в настоящее время по причине инфляции, росту ЗП исполнителей.

Привлекательность Китая увеличивается, за счет умения работать с людьми, улучшения инфраструктуры.

Филиппины, несмотря на некоторые слабые места в инфраструктуре, продолжают получать выгоды от политической стабильности, от улучшения в сфере образования, знаний иностранных языков своей рабочей силы. Индонезия привлекательна своей низкой ЗП, низкими налогами, большими затратами на улучшение инфраструктуры, однако, образование, знание языков, бизнес – среда имеют проблемы.

Необходимо отметить, что Россия, относится к странам, *«обозначившим интерес»* к экспорту аутсорсинговых услуг, в т.ч. услуг F&A и A &FS (табл.4).

Таблица 4.

Страны, «обозначившие интерес» к исполнению услуг F&A и A &FS для стран-заказчиков Европы

Страны	Financial structure score (1–4)	People/skills availability score (1–3)	Business environment score (1–3)	Distance from overall cluster center
Model profile	2.72	0.95	1.36	
Турция	2.14	0.91	0.92	0.00000
Южная Африка	2.76	0.81	1.24	0.70484
Польша	2.67	1.06	1.44	0.75750
Россия	2.83	1.31	0.85	0.80062
Болгария	2.61	0.88	1.63	0.85200
Словакия	2.72	0.96	1.55	0.85779
Израиль	1.86	1.22	1.67	0.85849
Румыния	3.07	0.92	1.05	0.93910
Иордания	3.02	0.91	1.43	1.01710
Португалия	1.60	0.88	1.80	1.03291
Czech Republic	2.57	1.12	1.90	1.09060
Эмираты	2.66	0.61	1.85	1.10693
Болгария	3.29	0.86	1.11	1.16666
Гана	3.57	0.58	0.93	1.46762

Происходит переход от исполнения рутинных операций к операциям требующим повышения квалификации и дополнительных инвестиций в образование и повышение квалификации исполнителей. *«Набирают обороты»* и такие услуги F&A, как диагностика, экономический и финансовый анализ, управление кредиторской и дебиторской задолженностью, финансовая оценка объектов и другие деловые услуги финансового аутсорсинга, которые необходимы при принятии управленческих решений руководством представителя заказчика. Однако, несмотря на развитие услуг F&A и A&FS, до сих не существует определений, понятий, единой классификации аутсорсинговых финансовых, в т.ч. бухгалтерских услуг, как в международной, так и в отечественной практике и в законодательстве. Отсутствие единой классификации, стандартов качества услуг F&A и A &FS, определение их сущности тормозит внедрение этих услуг в отечественную практику, затрудняет поиск фирм исполнителей и заказчиков.

На международном рынке аутсорсинговых финансовых услуг, Россия не только не занимает достойное ее потенциала место, но и не проявляется как исполнитель простейших – рутинных операций этого процесса для заказчиков –компаний развитых стран. Проблемы, препятствующие развитию рынка аутсорсинговых деловых, а также услуг F&A и услуг A &FS в России, можно разделить [10, с.13]: на законодательные проблемы; проблемы, сдерживающие рост внутреннего рынка; проблемы, сдерживающие рост экспорта; институциональные проблемы.

Неразвитость законодательной базы в России для аутсорсинга в целом и для аутсорсинга финансовых услуг, препятствует развитию как спроса, так и предложения этих услуг. Неразработанный механизм в области защиты прав интеллектуальной собственности приводит к потере доходов российских экспортеров и мешает привлечению в Россию крупных инвестиционных компаний.

Для максимального использования факторов роста и наиболее эффективного преодоления проблем развития слуг F&A, необходимо осуществление государством четкой последовательной программы мероприятий, нацеленных на поддержку и развитие этого современного инструментария управления финансами предприятий.

Отсутствие формулировок, касающихся инновационных технологий, в т.ч. отсутствие вообще понятия и отнесение финансовых услуг к инновационным в налоговом законодательстве России, как это принято в международной практике, приводит к неопределенности в вопросах начисления налоговых преференций и льгот.

Применение F&A в управлении финансами предприятий, а также развитие и применение услуг F&A как в России, так и на международном рынке финансовых услуг требует дальнейшего развития теории, методологии, методик, а также повышения уровня подготовки специалистов в области управления финансами. Необходимо осуществлять дальнейшие теоретико- методологические исследования этого современного направления финансовых услуг.

Выводы: Осуществлен историографический анализ развития услуг финансового аутсорсинга иаутсорсинга финансовых услуг, которые занимают веду-

щее место среди услуг международного аутсорсинга. Рынок услуг F&A является сегментом A&FS и составляет 36–38% всего рынка аутсорсинговых услуг. Это сообщает о том, что F&A и A&FS являются самыми растущими и инвестируемыми рынками аутсорсинга. Однако, аутсорсеры –компании России занимают незначительную часть ($ 0,03 В) на международном рынке аутсорсинга и не представлены ни заказчиками, ни исполнителями услуг F&A и A&FS, что не соответствует потенциалу компаний-аутсорсеров России. Предложены пути увеличения присутствия компаний аутсорсеров России на международном рынке услугF&A и A&FS.

Список литературы

[1] *Календжян С.О.* Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компаний; М: Дело, 2003.

[2] *Широкова А.В.* Развитие аутсорсинга в современной мировой экономике. М: Евразийский открытый ин-т , 2012.

[3] *Лактионова О.Е.* Управление финансами предприятий на условиях договора аутсо-рсинга. *«Финансы и бизнес»*: научно – практический журнал. 2012. №3. С.134–142.

[4] *Лактионова О.Е.* Аутсорсинговый центр финансовых услуг как фактор инновационного развития регионов. Вестник финансового университета: Международный научно–практический журнал. 2013. №2 (74). С. 25–33.

[5] *Давидов Д.Е.* Региональный финансовый центр Евразии. М.: МАКС Пресс, 2013.

[6] *Котляров И.* Формы аутсорсинга в современной международной торговле. Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 64–72.

[7] *Васильев Д.Е.* Роль аутсорсинга в развитии экспорта наукоемких услуг и комплектующих изделий для наукоемких товаром российскими предприятиями:. Дис. ... к.э.н .- Москва, ВАВТ, 2011. С.205.

[8] ISG Аутсорсинг Index® http://www.isg-one.com/web/research-insights/isg-outsourcing-index/

[9] *Michel Zaffrana, JosVandelaerb, Debra Kristensenc.* The imperative for stronger vaccine supply and logistics systems. Vaccine 31S (2013) B73– B80 journal homepage: www.Else-vier.com/locate/vaccine

[10] *Варламова В.В.* Организация бухгалтерского учета аутсорсинговой деятельности: теория и практика: Дис... к.э.н. – Орел, ОГТУ, 2008. С.23.

НАЛОГОВЫЕ РИСКИ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Горина С.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Актуальным для малого бизнеса остается проблема налогообложения затрат по аренде офиса. Особенно много вопросов у налогоплательщика возникает при ведение налогового учета арендных платежей и формирования налогооблагаемой базы по аренде используемых под офис жилых помещений. Также, наравне с проблемой учета и налогообложения затрат по аренде офиса, для малого бизнеса немаловажным остается вопрос списания затрат на содержание офиса, правомерности включения в налогооблагаемую базу расходов на ремонт офиса и возмещение коммунальных платежей за содержание офисного помещения, размещенного в жилом фонде. Неоднозначная позиция налоговой службы привела к спорам в судах и судебным постановлениям, которые интересно проанализировать и обобщить. В данной статье приведен краткий анализ арендных отношений, критерии формирования фактически понесенных затрат, связанных с содержанием арендованного имущества в зависимости от его статуса.*

Малый бизнес испытывает определенные трудности в поисках небольших помещений под офис, количество которых крайне ограничено. Найти необходимое помещение размером в пределах от 100 до 200 метров и размещенное в нежилом фонде, то есть имеющее производственное назначение, не просто даже в крупных городах, аренда в которых является дорогостоящей. Вместе с тем, первые этажи жилого фонда, имеющие отдельные выходы, идеально подходят для офисных помещений. И малый бизнес уже давно в таких небольших помещения размещает свой офис и осуществляет коммерческую и финансовую деятельность. Тем самым формируются условия для массового создания новых частных компаний, поскольку отсутствие помещения, как правило, является основным препятствием для открытия бизнеса.

Вместе с тем, размещение бизнеса в помещениях жилого фонда приводит к возникновению налоговых рисков, связанных с вопросами списания затрат по офис. Первые споры между налоговиками и налогоплательщиками по поводу правомерности отнесения в состав расходов фактически понесенных затрат, связанных с содержанием арендованного имущества в зависимости от его размещения в жилом фонде, или в фонде нежилого помещения, имеют и десятилетнюю историю. Позиция налогового органа сводилась, главным образом, к тому, что согласно статьи 17 Жилищного кодекса РФ и

* *Горина Светлана Алексеевна*, д.э.н., профессор, Московский государственный социально-экономический университет.

статьи 288 Гражданского кодекса РФ жилые помещения предназначаются для проживания граждан. Согласно статьи 19 Жилищного кодекса РФ в зависимости от целей использования жилищный фонд подразделяется: на жилищный фонд социального использования, специализированный жилищный фонд, индивидуальный жилищный фонд, жилищный фонд коммерческого использования. Причем, под жилищным фондом коммерческого использования понимается совокупность жилых помещений, которые используются собственниками таких помещений для проживания граждан на условиях возмездного пользования, предоставлены гражданам по иным договорам, предоставлены собственниками таких помещений лицам во владение и (или) в пользование. И поэтому, по мнению налоговиков, размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении предприятий, учреждений, организаций допускается после перевода такого помещения в нежилое. Следовательно, расходы юридического лица по договору аренды жилого помещения, которое используется в качестве офиса, не уменьшают его налогооблагаемую базу по налогу на прибыль при условии заключения такого договора в нарушение действующего законодательства [10].

Одновременно, пунктом 2 статьи 17 Жилищного кодекса РФ установлено, что допускается использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности проживающими в нем на законных основаниях гражданами, если это не нарушает прав и законных интересов других граждан, а также требований, которым должно отвечать жилое помещение. Согласно статьи 21 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ *«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»* адвокаты вправе использовать для размещения адвокатского кабинета жилые помещения, принадлежащие им либо членам их семей на праве собственности, с согласия последних. Но и в этой связи налоговики разъясняли индивидуальным предпринимателям, а также лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, что не правомерно уменьшать налогооблагаемую базу в связи затратами на аренду офиса, размещенного в собственном жилом помещении и используемого в целях осуществления предпринимательской или профессиональной деятельности.

Очевидное противоречие состоит в том, что при осуществлении предпринимательской деятельности в помещении жилого назначения, оно де-факто таким не является, поскольку в таком помещении не живут, а осуществляют предпринимательскую или профессиональную деятельность, и помещение используется в целях извлечения прибыли, следовательно расходы по его аренде экономически обоснованы в соответствии со статьей 252 Налогового кодекса РФ.

Условия включения затрат в состав расходов, уменьшающих доходы, предусмотрены статьей 252 Налогового кодекса РФ. Согласно пункту 1 названной статьи расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных статьей 265 Налогового кодекса РФ, убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком. Под обоснованными расходами понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме. Под документально подтвержденными

расходами понимаются затраты, подтвержденные документами, оформленными в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Нормы, содержащиеся в п.1 статьи 252 Налогового кодекса РФ, не допускают произвольного применения и исходя из диспозиции самой нормы требуется установления объективной связи понесенных налогоплательщиком-арендатором расходов непосредственно связанных с осуществлением его предпринимательской или профессиональной деятельностью. Причем бремя доказывания необоснованности расходов налогоплательщика возлагается на налоговые органы.

Расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода. В соответствии с подпунктом 10 пункта 1 статьи 264 Налогового кодекса РФ к прочим расходам, связанным с производством и реализацией, относятся арендные (лизинговые) платежи за арендуемое (принятое в лизинг) имущество.

Для документального подтверждения расходов по арендной плате достаточно договора аренды, акта приема-передачи имущества, счетов и платежных документов на оплату платежей по аренде. Ежемесячные акты об оказании услуг по договору аренды составлять не требуется, если размер арендной платы прописан в договоре аренды, и если составление таких актов не требуется по условиям договора аренды.

Таким образом, расходы по арендной плате, понесенные организацией-арендатором по договору аренды помещений, могут уменьшать полученные организацией доходы при условии, что данные расходы экономически обоснованы и документально подтверждены.

Расходы являются обоснованными и экономически оправданными только в том случае, если они связаны с предпринимательской деятельностью юридического лица. Согласно статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. То есть если расходы осуществляются организацией в рамках предпринимательской (хозяйственной, производственной) деятельности, направлены на получение дохода, то такие расходы при наличии соответствующего документального подтверждения будут обоснованными и документально подтвержденными.

Пик судебных разбирательств распространился на 2007–2011 г.г., и преимущественно, судебные решения выносились в пользу налогоплательщика. Суды постановили, что установление факта использования жилого помещения по назначению, предусмотренному Жилищным кодексом РФ, либо не по назначению, осуществляется по основаниям, предусмотренным Жилищным кодексом РФ, в целях данного Кодекса и никоим образом не влияет на применение норм, установленных Налоговым кодексом РФ [7].

Возможность учесть расходы на аренду помещения не ставится налоговым законодательством в зависимость от отнесения помещения к нежилому фонду [8].

Доводы налоговиков о том, что расходы по аренде жилого помещения, используемого в качестве офиса, не уменьшают налоговую базу по налогу

на прибыль, поскольку гражданское и жилищное законодательство не допускают не только использование жилого помещения юридическим лицом в предпринимательских целях, но и сдачу в аренду жилого помещения для иных целей, кроме проживания, обоснованно не принимались судами.

Соответствие затрат налогоплательщика критериям отнесения их к расходам, учитываемым в целях налогообложения прибыли, предусмотренным статьей 252 Налогового кодекса РФ, является необходимым и достаточным условием для учета таких затрат в целях налогообложения вне зависимости от действия норм законодательства иных отраслей, предметом которого налоговые правоотношения не являются. [9]

В последствие актуально прозвучал вопрос списания затрат на содержание и текущий ремонт жилого помещения, используемого под офис. Вправе ли организация учесть при определении налоговой базы по налогу на прибыль расходы по содержанию этого жилого помещения, например, коммунальные платежи, или расходы на текущий ремонт?

Довод налогового органа о неправомерности уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль расходов по аренде жилого помещения, используемого в качестве офиса судами, преимущественно, был отклонен. Суды постановили, что расходы по содержанию жилого помещения (коммунальные платежи, текущий ремонт), находящегося в собственности организации могут учитываться при определении налоговой базы по налогу на прибыль до перевода жилого помещения в нежилой фонд. При решении вопроса о возможности учета тех или иных расходов в целях налогообложения прибыли необходимо исходить исключительно из того, подтверждают ли документы, имеющиеся у налогоплательщика, произведенные им расходы или нет. Условием включения затрат в налоговые расходы является возможность на основании имеющихся документов сделать однозначный вывод о том, что расходы фактически произведены. Во внимание должны приниматься представленные налогоплательщиком доказательства в подтверждении факта и размера соответствующих затрат, которые подлежат правовой оценке в совокупности [8].

Таким образом, позиция арбитражных судов – платежи за аренду и содержание жилого помещения, используемого организацией в качестве офиса при осуществлении деятельности, направленной на получения дохода, являются экономически обоснованными расходами и при наличии документального подтверждения могут учитываться в целях налогообложения прибыли, поскольку использование жилого помещения по назначению не является условием для учета таких затрат в целях налогообложения.

Не менее актуальными остаются вопросы налогообложения при аренде помещения под офис у учредителя, являющегося собственником такого помещения. Рассмотрим возможные налоговые риски, например, при заключении договора безвозмездного пользования между учредителем и учрежденной им организацией.

Согласно статьи 689 Гражданского кодекса РФ по договору безвозмездного пользования (договору ссуды) одна сторона (ссудодатель) обязуется передать или передает вещь в безвозмездное временное пользование другой стороне

(ссудополучателю), а последняя обязуется вернуть ту же вещь в том состоянии, в каком она ее получила, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

Согласно статьи 690 Гражданского кодекса РФ право передачи вещи в безвозмездное пользование принадлежит ее собственнику и иным лицам, управомоченным на то законом или собственником. Вместе с тем данная норма запрещает коммерческим организациям передавать имущество в безвозмездное пользование лицу, являющемуся ее учредителем, участником, руководителем, членом ее органов управления или контроля.

Учредитель вправе передать имущество, включая помещение под офис коммерческой организации по договору безвозмездного пользования, то есть выступить в качестве ссудодателя в правоотношениях с коммерческой организацией. Организация вправе учесть расходы на содержание, ремонт и обслуживание офисного помещения в расходах по налогу на прибыль и УСН. Учредитель-ссудодатель по договору безвозмездного пользования заключенного с организацией не получает доход и соответственно у учредителя не возникает обязанности уплаты НДФЛ, ровно как такая организация в соответствии с статьей 209 Налогового кодекса РФ не является налоговым агентом. С такой точки зрения малому бизнесу представляются интересными правоотношения по передаче имущества в безвозмездное пользование.

Но, согласно п. 8 статьи 250 Налогового кодекса РФ получение организацией права пользования имуществом приводит к возникновению у организации внереализационного дохода. При получении имущества безвозмездно оценка доходов осуществляется исходя из рыночных цен, определяемых с учетом положений статьи 105.3 Налогового кодекса РФ, но не ниже определяемой в соответствии с главой 25 Налогового кодекса РФ остаточной стоимости – по амортизируемому имуществу и не ниже затрат на производство (приобретение). То есть речь о том, что к сделкам по передаче учредителем своего имущества в безвозмездное пользование организации применяются общие положения о налогообложении в сделках между взаимосвязанными лицами. Налоговый контроль при определении налоговой базы с учетом цены, примененной сторонами сделки для целей налогообложения, признает цену рыночной, если не докажет обратное. Принципы определения цены регулируются статьей 40 Налогового кодекса РФ и согласно пункту 1 для целей налогообложения применяется цена, указанная сторонами сделки. Пока не доказано обратное, предполагается, что эта цена соответствует уровню рыночных цен. Информация о ценах должна быть подтверждена налогоплательщиком-получателем имущества документально или путем проведения независимой оценки.

При этом, пунктом 2 статьи 40 Налогового кодекса закреплено право налогового органа проверять правильность применения цен по сделкам между взаимосвязанными лицами. Если налоговый орган установит отклонения цены сделки от рыночной цены более, чем на 20 процентов как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, то налоговый орган вправе вынести мотивированное решение о доначислении налога и пени, рассчитанных таким образом,

как если бы результаты этой сделки были бы оценены исходя из применения рыночных цен на соответствующее имущество.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать что заключение договора безвозмездного пользования между учредителем и учрежденной им организацией содержит налоговые риски, и как следствие такие правоотношения требуют осмотрительности.

В этой связи налоговый риск может возникнуть вследствие неверного применения п.п.1 п.1 ст.251 Налогового кодекса РФ, согласно которой, если физическое лицо является учредителем с долей больше, чем 50%, то имущество, полученное от этого физического лица безвозмездно не формирует доход для целей налогообложения. Как следует из диспозиции данной нормы и разъяснений налогового органа, норма не распространяется на имущество, полученное в безвозмездное пользование.

В завершении рассмотрим вопрос налогообложения коммунальных платежей и возможные риски при формировании налогооблагаемой базы. Согласно п.п.2 п.1 статьи 253 Налогового кодекса РФ расходы на содержание и эксплуатацию, ремонт и техническое обслуживание основных средств уменьшают налогооблагаемую прибыль организации в составе затрат, связанных с производством и реализацией. В практике встречается несколько вариантов учета и списания коммунальных платежей. Наиболее типичными вариантами представляется включение коммунальных платежей в часть арендной платы; или компенсация арендодателю арендатором стоимости коммунальных платежей сверх арендной платы. Минфин России в письме от 08.06.2010 № 03–03–06/1/394 разъяснил, что расходы арендатора на потребляемую электроэнергию и другие коммунальные платежи, могут учитываться в составе прочих расходов, связанных с производством и реализацией, как составная часть платы за аренду помещения в соответствии с п.п. 10 п.1 ст. 264 Налогового кодекса РФ или по самостоятельному основанию в соответствии с п.п. 25 п. 1 ст. 264 Налогового кодекса РФ.

Если возмещение арендатором арендодателю расходов по содержанию и эксплуатации арендованного имущества в части оплаты коммунальных расходов предусмотрено договором аренды, то такие платежи арендодатель учитывает в качестве арендной платы в составе внереализационных доходов или доходов от реализации. Если же возмещение коммунальных платежей между сторонами оформлено отдельным договором, то платежи образуют доход от реализации арендодателя (п. 2 ст. 249 НК РФ). В случае, если арендодателем является физическое лицо, например учредитель организации, в соответствии с п.1 ст. 226 Налогового кодекса РФ у такого арендодателя возникает обязанность уплатить в бюджет сумму НДФЛ с сумм доходов, то есть с суммы возмещения коммунальных расходов по отдельно заключенному договору между физическим лицом-арендодателем и организацией – арендатором. У организации-арендатора возникает обязанности налогового агента по НДФЛ, предусмотренные п.1 статьей 226 Налогового кодекса РФ. На основании п. 4 статьи 226 Налогового кодекса РФ налоговые агенты обязаны удерживать начисленную сумму налога непосредственно из доходов налогоплательщика при их фактической выплате.

Список литературы

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая от 31.07.1998 г. №146-ФЗ (в редакции от 15.12.2015 г.), часть вторая от 05.08.2000 г. №117-ФЗ (в редакции от 30.01.2016 г.).

[2] Гражданский Кодекс Российской Федерации часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2016).

[3] Гражданский Кодекс Российской Федерации часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016).

[4] Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 29.12.2015 г.).

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р *«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»* (в ред. от 08.08.2009 г.).

[6] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г.№ 188-ФЗ (в ред. от 31.01.2016 г.).

[7] Постановление ФАС Московского округа от 19.01.2007г.№ КА-А41/13145.

[8] Постановление ФАС Московского округа от 27.07.2009 г.№ КА-А41/7015.

[9] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.10.2006 г.№А-05–4649.

[10] Письмо Управления ФНС по г. Москве от 22.09.2008г.№ 20–12/089130.

[11] Письмо Минфина России от 08.06.2010 № 03–03–06/1/394.

РЕПУТАЦИОННЫЕ РИСКИ И ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ДОВЕРИЯ

Малькова И.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье обосновано значение репутации как особого нематериального актива в области корпоративного и государственного управления, ценность которого имеет денежное выражение. Автор выделяет различные виды рисков, несущих угрозу репутации и при определенных условиях способных привести к кризису доверия. На основе рассмотрения имеющихся в специальной литературе мнений и конкретных случаев репутационных угроз и кризисов определены правила поведения, соблюдение которых позволяет минимизировать негативные последствия кризиса, быстрее восстановить, а иногда и упрочить репутацию.*

В ходе эволюции рыночной экономики в конце XX-начале XXI века существенные изменения затронули основные элементы свойственного ей координационного механизма, в том числе они проявили себя в появлении новых форм и инструментов конкуренции, в смещении акцентов в рыночном соперничестве. По мнению американцев Дж. Пайна и Дж. Гилмора, назвавших современную экономику экономикой впечатлений, в этой экономике преобладают впечатления как четвертый тип экономического предложения (предыдущие три – сырье, товары, услуги). Впечатления рассматриваются как добавленная потребительская ценность. Бизнес превращается в производство впечатлений. Компания должна стать их *«режиссером»*, а клиенты – *«зрителями»* или *«гостями»*. Конкуренция впечатлений служит альтернативой ценовому соперничеству, поскольку за более яркие впечатления покупатель готов платить больше [1].

Наряду с противостоянием и открытой конкурентной борьбой, подчас напоминающей военные действия, когда все приемы хороши, поскольку речь идет о жизни и смерти, наблюдается очевидная тенденция к формированию и поддержанию разнообразных форм устойчивых взаимовыгодных отношений в виде межфирменной кооперации и партнерских отношений с потребителями и прочими субъектами внутренней и внешней среды компании. Эти отношения рассматриваются как еще один ресурс организации, источник ее устойчив конкурентных преимуществ. Они опираются на деловую репутацию фирмы, которая относится к числу нематериальных активов, приобретших первостепенное значение в эпоху постиндустриального хозяйства, в отличие от индустриальной стадии, когда главную роль играл физический капитал.

Изменения в рыночном механизме, в относительной значимости факторов конкурентоспособности не могли не отразиться на системе корпоратив-

* *Малькова Ирина Владимировна*, к.э.н, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ного управления и показателях, с помощью которых оцениваются результаты деятельности компании. Изначально понятие неосязаемой корпоративной репутации превратилось в бухгалтерском учете во вполне реальный goodwill, который может оцениваться и включаться в годовую финансовую отчетность. Goodwill играет особую роль при продаже компании, существенно повышая ее рыночную стоимость в сравнении с балансовой на основе учета только материальных активов. Сегодня руководители успешных компаний прекрасно понимают роль управления репутацией, которое призвано обеспечить формирование и направление в адрес целевых аудиторий информационных потоков, призванных сконструировать желательный имидж и при необходимости защитить и укрепить репутационный актив. При этом корпоративная репутация является в определенном смысле бременем, поскольку боязнь нанести ущерб корпоративному бренду может вести к отказу от принятия рискованных инновационных решений, принимать рискованные инновационные решения.

Роль деловой репутации в дореволюционной России была очевидна и общепризнанна. Однако в период так называемого *«дикого капитализма»* в 90-е годы прошлого века мало кто из первого поколения отечественных бизнесменов поначалу особенно заботился о том, каково его собственное лицо и репутация его компании в глазах общественности. Ситуация менялась постепенно по мере повышения степени цивилизованности нашей экономики и предпринимательства. Осознание значимости в различных сферах общественной жизни репутационных активов привело к выделению особой области знания, новой научно-практической дисциплины имиджелогии (репутациологии), которая возникла на стыке психологии, социологии, философии, культурологии, теоретического менеджмента и маркетинга и изучает закономерности формирования, функционирования и управления имиджем (репутацией) человека, организации, товара и услуги. Особое направление имиджелогии посвящено проблеме репутационных рисков и кризисов.

Прежде чем перейти к сути поставленной в центр внимания проблемы, необходимо определиться с имеющими к ней отношение ключевыми понятиями. Их сущность и соотношение в специальной литературе трактуются по-разному. Наиболее логичным представляется соотношение понятий *«имидж»* и *«репутация»*, предложенное А.Н. Чумиковым и М.П. Бочаровым. *«Имидж – это заявленная* (*идеальная*) *позиция, т.е. такая, которую персона или организация спланировали и намереваются продвигать* (*продвигают*) *в целевые группы. Репутация – воспринимаемая аудиториями* (*действительная*) *позиция «сухой остаток»* имиджа. Иными словами, мероприятия по конструированию имиджа есть позиционирование собственной репутации. Любая структура или персона заинтересована в максимальной идентификации этих понятий, в реальности же они в большей или меньшей степени различаются» [2, с.133]. По мнению названных авторов корпоративный имидж конструируется с помощью двух составляющих – логической, основанной на внутренней убежденности, и эмоциональной, базирующейся на чувствах. Деловая репутация как нематериальный актив (репутационный капитал) – синоним бренд-капитала.

Механизм конструирования бренда (образа некоего объекта в восприятии целевой аудитории) включает в себя следующие составляющие – знание, мнение, отношение, предпочтение. Причем устойчивое предпочтение (лояльность) базируется на удовлетворенности и доверии, которые предполагают повторяющееся совпадение обещаний бренда и ожиданий его потребителей. Оценка стоимости бренда осуществляется авторитетными консалтинговыми компаниями на основе различных методик, поэтому можно встретить отличающиеся конкретные цифры, однако их порядок в любом случае впечатляет. В ежегодном рейтинге международной консалтинговой группы *Interbrand* и журнала *BusinessWeek «100 лучших мировых брендов 2015»* две позиции заняли соответственно *Apple* (стоимость 170,276 млрд.долл., прирост за год составил 43%) и *Google* (120,314 млрд.долл., прирост 12%) [3]. Репутационный капитал генерирует компании дополнительные доходы, поэтому ущерб репутации необходимо рассматривать как прямые и косвенные финансовые потери.

Корпоративная репутация формируется под воздействием различных факторов (того, что реально делает компания, что она при этом говорит, что говорят о ней потребители, конкуренты, сотрудники и проч.). Существенную роль в восприятии организации играет впечатление, которое производят представители ее руководства (в том числе их поступки и высказывания), сотрудники. Очень важна в современных условиях правильно выстроенная коммуникационная политика, включающая тщательный выбор атрибутов корпоративного бренда (имени, логотипа), а также его лица (реального или вымышленного персонажа).

Однако репутация не является чем-то раз и навсегда сложившимся. Со временем она может меняться как в положительную, так и отрицательную сторону, превращаться из позитивной в негативную, в том числе достаточно быстро и по независящим от компании причинам. Поэтому в управлении репутацией вопросы ее поддержания и развития должны дополняться задачами ее защиты и при необходимости восстановления. Это связано с существованием репутационных рисков и потенциальной угрозой репутационных кризисов.

В теории управления репутационными рисками и кризисами также существует проблема неоднозначности используемых понятий. Авторитетный английский специалист в области стратегического управления и устойчивого развития А.Заман определяет их следующим образом: *«Набор рисков, возникающих в результате взаимоотношений компании, использования неудач бренда, связанных с производством товаров и услуг, проблем с исполнением соответствующих законов, а также ущерба, нанесенного доверию к организации и ее репутации, которые угрожают в долгосрочном плане доверию, проявляемому к компании клиентами, служащими, акционерами, регулирующими органами и поставщиками, и могут включать в себя все – от конкретных ошибочных решений в управлении до скандалов. В случае с организацией, занятой в сфере обслуживания риски могут быть связаны с невыполнением обязательств по предоставлению тех или иных услуг, включая неадекватную оценку потребностей клиентов и их ожиданий, использование ненадежных или неэффективных систем поставки, несвоевременное реагирование на запросы клиентов или нарушение права клиента на неприкосновенность личной жизни»*

[4, с.137]. Выделяя главное, названный автор трактует репутационный риск как *«результат сравнения, производимого заинтересованными сторонами между тем, как компания и ее служащие должны вести себя согласно ожиданиям, и тем, как они ведут себя в действительности»*. Он считает, что репутационные риски бывают как положительными, так и отрицательными. *«Управление риском может помочь не только избежать опасности, но обрести новые возможности»* [4, с. 139, 142].

Соглашаясь в целом с данной трактовкой рисков как несоответствия ожиданий и реальности, директор международной консалтинговой фирмы *Regester Larkin,* Э.Гриффин отмечает значительное снижение уровня ожиданий и возрастание требований к бизнесу: *«У общества исчезла какая-либо терпимость к ошибкам и промахам компаний: сегодня они должны быть как политики, полностью лишены всех человеческих слабостей»* [5, с.158–159]. Оба названных автора признают эмоциональную составляющую репутационных рисков, предлагают уделять внимание человеческим и поведенческим факторам.

В работе Э.Гриффина *«Управление репутационными рисками: стратегический подход»* предложена следующая классификация репутационных рисков.

1. *Корпоративные риски*. Это проблемы, которые возникают в процессе деятельности компании и продажи ее продуктов. Они включают риски, касающиеся корпоративного уравления, качества продукции, стоимости, эффективности и т.д.
2. *Глобальные риски*. Это *«горячие»* вопросы текущего момента, которые касаются не отдельных компаний, а имеют отношение, например, к этическим принципам выбора поставщика, экологической безопасности и т.д.
3. *Локальные риски*. Это риски, которые касаются определенной группы людей, например, касающиеся массовых увольнений, заражения производственного помещения и т.д. [5, с.160].

Репутационные риски и кризисы Э.Гриффин разграничивает следующим образом. Репутационный риск – *«это реальная или потенциальная угроза деловой репутации – угроза, которая, если ее не контролировать должным образом, способна привести к губительному для репутации кризису. Главное отличие кризиса от риска состоит в том, что в случае последнего у вас есть больше времени и возможностей для действий»* [5, с.56]. Кризис разворачивается тогда, когда хронические риски переходят в риски острой формы. При этом, если относительно недавно репутационные риски связывали преимущественно с техногенными катастрофами, то в настоящее время угрозы корпоративной репутации порождаются различными факторами, внутренними и внешними, и требуют адекватной реакции с использованием различных правил и коммуникационных инструментов.

Прочная репутация является залогом стабильности, поэтому все средства, которые способствуют построению долгосрочных устойчивых отношений компании с заинтересованными сторонами, можно рассматривать как превентивные меры в управлении репутационными рисками. Добропорядочная компания должна неукоснительно соблюдать правовые нормы, взятые на себя обязательства, в случае особых обстоятельств быть готовой признать свои ошибки

и возместить нанесенный ущерб. Сильный корпоративный бренд расширяет границы толерантности стейкхолдеров, повышает степень их готовности прощать компании некоторые просчеты.

В настоящее время существуют общепризнанные правила поведения в кризисной ситуации компании, стремящейся сохранить свою репутацию. Они получили название *«Правила тайленола»* и появились в связи с разрешением сложной ситуации, в которую попала фирма *Johnson & Johnson,* производитель лекарственного препарата марки *«Тайленол»*, осенью 1982 г., когда употребление лекарства послужило причиной ряда смертей в Чикаго и его пригородах из-за попавшего в лекарство каким-то образом яда (следователи не нашли подтверждений тому, что смертельно опасное вещество попало в лекарство в границах компании). План по спасению репутации компании и сохранению на рынке тайленола состоял и двух частей, первая из которых касалась немедленных действий (отзыва товара и кардинального изменения его упаковки), а вторая последующего возвращения к рекламе препарата. На спасение марки было потрачено около 170 млн.долл. Но затраты себя оправдали, поскольку уже к концу 1982 г. препарат вернул себе 25% рынка, а еще через год полностью восстановил рыночные позиции (долю в 35%) [6]. Отныне основные правила поведения ответственной компании в кризисной ситуации (Правила тайленола) гласят: сделайте все, чтобы глава компании стал доступен для прессы; попросите прощения, выразите сожаление о случившемся; отзовите продукт.

Отзыв продукта с возмещением покупателям затрат – широко распространенная практика. Причем компании иногда прибегают к ней даже в случаях, когда есть минимальная потенциальная угроза для потребителей. Особенно много примеров с отзывом продукции автопроизводителей. Постепенно данную практику перенимают и отечественные участники рынка. Крупнейший российский производитель легковых автомобилей ОАО *«АвтоВАЗ»* в 2012 г. объявил о самом массовом отзыве машин в своей истории. Компания заявила о намерении отозвать 70 тыс. Lada Kalina и Lada Granta, произведенных за период с октября 2011 года по март 2012 года, поскольку во время ресурсных испытаний автомобилей при пробеге свыше 50 тысяч километров в отдельных случаях была выявлена потенциальная возможность истирания топливной трубки. И хотя ни одного обращения от потребителей с подобным дефектом не зафиксировано, *«АвтоВАЗ»* посчитал необходимым проверить все авто [7]. Конечно, отзыв товара – определенный шок для потребителей. И от того, как ведет себя организация, во многом зависят последствия. Главное не просто снизить убытки, но и позаботиться о репутации. При правильной коммуникационной политике ее можно даже укрепить.

Однако Правила тайленола стоит применять гибко. Если организация стала жертвой недобросовестной рекламы или черного PR со стороны агрессивных конкурентов, а также потребительского экстремизма, сопровождающегося ложными обвинениями, она может попытаться доказать свою невиновность и таким образом обелить репутацию. Именно таким образом повела себя компания *Pepsiв* в 1993 г. в истории со шприцами, якобы обнаруженными потребителями в банках с диетическим напитком. Опираясь

на рекомендацию Управления по контролю за продуктами и лекарствами США она решила не отзывать продукцию, сделав ставку на доказательство того, что технология производства исключает возможность попадания в банку посторонних предметов. Для этого компания активно использовала разнообразные коммуникационные каналы и средства (горячую линию, пресс-релизы, пресс-конференции, телерепортажи и проч.). И хотя из-за кризиса объем продаж компании сократился на 25 млн.долл,, эти потери вскоре были компенсированы, а ближайший летний сезон ознаменовался рекордным уровнем продаж с ростом на 7% по сравнению с предыдущим годом [8].

Примером непоследовательного поведения и непродуманных коммуникаций в кризисной ситуации служат действия компании *BP* в случае аварии на ее буровой установке в апреле 2010 г., следствиями которой была гибель 11 работников и колоссальный экологический ущерб из-за разлива 4 млн.баррелей нефти. В результате репутация *BP* понесла существенный урон. Появилось множество новых расшифровок ее названия: *«британский предатель»*, *«британский придурок»*, *«британские хищники»* (british predators) и проч. В неприглядном виде в карикатурах предстал и фирменный логотип. *BP* фигурировала в качестве объекта пародий в телепередачах и в роликах в Интернет-пространстве и т.д. [9].

Как неблаговидное поведение может в одночасье разрушить репутацию показывает так называемый *«дизельный скандал»* (дизельгейт) с компанией *Volkswagen,* разразившийся осенью 2015 г., когда выяснилось, что специальное программное обеспечение, которым оснащались дизельные автомобили фирмы, во время проведения специальных тестов в десятки раз занижало показатели вредных выбросов. В результате, лопнул миф о добропорядочном немецком производителе, получавшем многочисленные награды в области корпоративной социальной ответственности. Стоимость акций *Volkswagen* упала более чем на 20%. Расходы на покрытие последствий скандала с фальсификацией выбросов дизельных двигателей на покрытие последствий скандала с были определены в размере 16,2 млрд. евро. Специалисты считают, что *«бренды эластичны, и исследования показывают, что чем сильнее бренд, тем больше вероятность отскока назад даже в свете серьезных проступков»* [10]. Однако *Volkswagen* придется немало сделать для возврата существенно подорванного доверия. Некоторые обычные для подобной ситуации шаги уже сделаны. Сменился руководитель компании (это обычное решение, если речь идет о серьезных просчетах в управлении), предполагается масштабный ребрендинг.

Ребрендинг как мера антикризисного управления в зависимости от конкретной ситуации может быть полным (включая изменение внешней идентичности – названия организации и ее логотипа) или частичной (корректировка предлагаемой системы ценностей).

В целях своевременного реагирования на репутационные угрозы и кризисные события организациям рекомендуется разрабатывать соответствующие сценарии поведения, рассчитанные на различные случаи.

Правила поведения в условиях кризиса доверия и опыт восстановления репутации востребованы сегодня в системе государственного управления. Примером

их использования в нашей стране могут служить решения и действия, связанные с коррупционным скандалом в Министерстве обороны РФ, который нанес ущерб имиджу армии в целом. Замена бывшего министра обороны на харизматичного и пользующегося уважением в обществе С.К. Шойгу, активная коммуникационная политика в рамках ребрендинга, впрочем как и реальные действия армии в последние годы, позволили свести репутационные потери на нет.

Сегодня на повестке дня стоит восстановление репутации России, которая понесла существенный ущерб в связи с событиями на Украине и развязанной против нашей страны информационной войны. Специальное исследование американской компании *Pew Research Center,* проведенное в 2014г. в 44 странах при помощи личных и телефонных интервью показало заметное возрастание негативного восприятия России населением в большинстве стран [11]. Согласно оценкам консалтинговой компании *Brand Finance*, стоимость национального бренда России снизилась с 1 058 млрд.долл. в 2011 г. (11 место в общемировом рейтинге) до 810 млрд. долл. в 2015 г. ((18 позиция) [12]. С учетом значения национального бренда как мягкой силы в мировой политике, эффективного инструмента, позволяющего регулировать инвестиционные, миграционные и туристические потоки в мировой экономике, ситуация требует специальных мер, активных и скоординированных усилий, своевременного использования различных коммуникационных каналов и средств.

Из вышесказанного следует, что коммуникационная политика в период репутационного кризиса имеет огромное значение. В ней следует учитывать причины сложившейся ситуации, реагировать соответствующим образом с учетом ее особенностей.

Список литературы

[1] *Пайн II Б.Дж., Гилмор Дж.Х.* Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Вильямс, 2005.

[2] *Чумиков А.Н., Бочаров М.П.* Связи с общественностью: теория и практика: Учеб. Пособие. 4-е изд., перераб и доп. – М.: Дело. 2007.

[3] Best Global Brands 2015. – http://interbrand.com/best-brands/best-global-brands/2015/ranking/ (дата обращения: 5.06.2016).

[4] *Заман А.* Репутационный риск. Управление в целях создания стоимости. – М.: Олимп-Бизнес. 2008.

[5] *Гриффин Э.* Управление репутационными рисками: стратегический подход / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

[6] Как тайленол стал самым продаваемым анальгетиком – ttp://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/kak-tajlenol-stal-samym-prodavaemym-analgetikom-2871 (дата обращения: 1.06.2016).

[7] Массовый отзыв машин говорит о сознательности *«АвтоВАЗа»* – эксперты. -http://ria.ru/economy/20120428/637340651.html (дата обращения: 5.02.2016).

[8] Шприцы из Pepsi вылились в антикризисную PR-кампанию. – http://www.advertiser-school.ru/pr-history/pepsi-pr-campaign.html (дата обращения: 5.02.2016).

[9] *Черкасова О. О.* Коммуникационная политика компании *British Petroleum* во время кризиса, связанного с утечкой нефти в Мексиканском заливе (2011). -http://www.pandia.ru/text/77/496/73122200.php (дата обращения: 1.06.2016).

[10] Volkswagen поднял расходы на *«дизельгейт»* до 16,2 млрд евро. – http://www.vedomosti.ru/auto/articles/2016/04/22/638819-volkswagen-rashodi-162-mlrd-evro (дата обращения: 1.06.2016).

[11] Исследование Pew Research Center: В 2014 году имидж России в мире значительно ухудшился. – http://gtmarket.ru/news/2014/07/10/6839 (дата обращения: 3.06.2016).

[12] The Brand Finance Nation Brands 100. – http://brandfinance.com/ (дата обращения: 1.06.2016).

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСПРЕДПРИЯТИЕМ

Задорожный Е.И., Смольникова И.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Анализ текущего производственно-финансового состояния ГБУ «Ритуал» показал, что по многим показателям ГБУ убыточно, а демография требует сохранения объёмов услуг. Надо разделить сферы влияния с конкурентами. В своей сфере дать предложения по выживанию в трудных экономических условиях. Освоение присоединённых территорий Новой Москвы требует изыскания внутренних ресурсов и рационального применения кредитов для развития. Эти задачи решены посредством информационно-аналитических методов и технологий управления. Модели легко тиражируемы и удобны при решении подобных задач на других предприятиях.*

Актуальность исследования – *противоречия:*

1) между *монополизацией* отрасли ритуальных услуг столицы путём создания мощной и надёжной государственной структуры *и* законодательной необходимостью *демонополизации* с возможностью создания кластера предпринимательства в похоронной сфере,
2) между приоритетами оказания качественных доступных ритуальных услуг в ключе *социальной политики* государственным сектором *и коммерциализацией* отрасли *«с приходом»* предпринимательства, усугублённого ростом численности участников и сложностью их выживания в конкурентной среде,
3) между *«затишьем»* в кризис и необходимостью не только выживания, но *и развития* (на примере ГБУ *«Ритуал»* посредством оптимального управления).

Для разрешения этих противоречий выбраны **инструменты:**

1. Визуальный анализ финансово- хозяйственной деятельности ГБУ и предложение мер выживания ГБУ.
2. Игровое моделирование экспертизы для определения ниши участия частников.

* *Задорожный Евгений Иванович*, магистрант, кафедра математических методов и информационных технологий в управлении факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; *Смольникова Ирина Алексеевна*, доцент кафедры математических методов и информационных технологий в управлении факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

3. Вероятностная модель инвестиций в развитие ГБУ.
4. MS Project – оптимизация плана и его отслеживание при строительстве завода.
5. Линейное программирование – оптимальный план выпуска продукции.

Рассмотрим подробнее:

1. На основе четырёхлетнего отчёта о финансово-хозяйственной деятельности ГБУ *«Ритуал»* проведён анализ текущего производственно-финансового состояния. Разведочный прогноз показал, что экономическая деятельность автобазы и деревообрабатывающего цеха (далее ДОЦ) убыточна. Услуги автобазы перебивают конкуренты – СМСП, ДОЦ требует модернизации... На основе когнитивного бизнес-анализа даны предложения по реабилитации убыточных подразделений.
2. Для реализации антимонопольного законодательства Правительству Москвы как регулятору (и собственнику ГБУ) надо (в ущерб ГБУ) уступить ниши перевозок для **структур малого и среднего предпринимательства (СМСП)** на рынке ритуальных услуг.
   Уточним акторов (игроков) для нижеследующих игр:

   а) Правительство Москвы в лице Департамента (Д) торговли и услуг Правительства Москвы;

   б) Государственное унитарное предприятие (сейчас ГБУ) *«Ритуал»* – бывший монополист, с государственной поддержкой;

   в) СМСП, с недавних пор осуществляющие функции по специализированному обслуживанию населения (соотношение количества игроков, выступающих от государства и бизнеса 1:500).

Цель а) и б) цивилизовать ритуальный рынок, превратить конкурентов (СМСП) в партнёров ГБУ.

Этот процесс сложен, поэтому для урегулирования взаимодействия ГБУ с СМСП предлагается: **(1) опыт взаимодействия** других **монополистов** и **(2) экспертиза** рынка ритуальных услуг:

1. **Опыт монополистов** (ПАО *«Россети»*, АО *«Зарубежнефть»*, АО *«Объединённая судостроительная корпорация»*, ПАО *«Федеральная Гидрогенерирующая компания РусГидро»*, ПАО *«ФСК ЕЭС»*, АК *«АЛРОСА»*, ОАО *«РЖД»*, ПАО *«Газпром»*, ПАО *«Аэрофлот»*, ПАО *«Транснефть»*, ПАО АНК *«Башнефть»*) по уровню требований для расширения доступа СМСП к закупкам крупных компаний с госучастием показал необходимость:

1) открытой и доступной информации на сайте заказчика и партнёра,
2) повышение требований для отбора надёжных (с кривой опыта) поставщиков услуг,
3) преференции им (авансирование в размере 30%, переуступка, факторинг).

2. **Экспертиза** (выбор независимых квалифицированных оценщиков и обработка их мнений по рынку ритуальных услуг) проводилась математическими методами по таблицам:

1) экспертный рейтинг критериев попарным сравнением,
2) матричная кооперативная игра [1] для кластеризации и выбора экспертов,
3) матричная антагонистическая игра [1] для экспертного оценивания возможностей предприятий – конкурентов,
4) корреляционный анализ для выбора ниши деятельности конкурентов,
5) позиционная кооперативная игра и многокритериальная оптимизация по Парето [2] для определения городской стратегии развития услуг,
6) позиционная антагонистическая игра [1] для балансировки: социальные функции – нормативная база и экономическая выгода.

Таблица 1.

Идеальная точка

№	критерий	ГБУ	СМСП	доля
1	Обращение клиента в тяжёлой жизненной ситуации к	+		0,14
2	Многолетний опыт и надёжность	+		0,21
3	Взаимодействие с государством, господдержка	+		0,18
4	Инфраструктура и техника → максимум *«цена : качество»*	+		0,19
5	Гибкость и оперативное внедрение инновационных решений		+	0,11
6	Трансформации отрасли в кризис	+		0,09
7	Трудоустройство пенсионеров при падении рынка труда	+		0,02
8	Развитие Новой Москвы	+	+	0,03
9	Контроль государства	+		0,04

–► *суммарный приоритет «+» ГБУ. А точнее – правый столбец.*

В результате попарных сравнений получены 2 таблицы предпочтений критериев: А – экспертов Департамента предпринимательства и услуг и В – экспертов аналитического отдела и услуг ТПП РФ. Возьмём их среднее арифметическое. Преобразуем полученную таблицу суммированием мнений и их нормализацией. Идеальной точке (0,19; 0,21) соответствует критерий таблицы 1, который детализирует приоритет государственного городского сектора на рынке ритуальных услуг:

1) проверенную временем надёжность,
2) многолетний опыт особой специфики отрасли за ГБУ *«Ритуал»*,
3) отлаженные инфраструктурные и технические преимущества перед бизнесом.

2. Игровые методы

2.1. Выигрышные стратегии в неантагонистической игре:

Таблица 2.

Стратегии в неантагонистической игре

W (x, y, z)	ГБУ	СМСП	Д	Описание стратегий
Д–МП–Ут	6	5	4	Ситуация *«сегодняшнего»* дня – *«тихая конкуренция»*
Д–МП–Уж	8	2	6	ГБУ отказывается от взаимного сотрудничества с бизнесом – *«жесткая»* конкуренция
Д–МПж–У	8	2	6	Стратегия симметричная предыдущей – бизнес отказывается от взаимовыгодного партнёрства, что приводит к о**ж**есточённой конкуренции
Д–МПк–У	7	6	5	Жесткие барьеры входа в отрасль для бизнеса. Бизнес **к**редитуется как СМСП
Д–У–МПж	8	3	6	Период кризиса. Конкуренция и коррупция со стороны бизнеса нарастает.
Д–Уж–МПж	7	2	6	Бизнес соглашается присоседиться в качестве перевозчика. Число юр.лиц бизнеса падает
Д–У	10	2	10	Монополизация отрасли, сохранение позиций ГБУ

2.2. Разделим игру на две составляющие: игру А и игру Б:

Игра А: стратегии государственного кластера в лице ГБУ *«Ритуал»* и правительства Москвы в лице Департамента. Игра В – стратегии ГБУ и кластера бизнеса:

Таблица 3.

Матрицы 2-х последовательных игр

игра А					**min**	**max**		**игра В**					**min**
ГБУ	7	8	7	10	7	7		ГБУ	7	8	7	10	7
Д	5	6	6	10	5			СМСП	6	3	2	2	2
max	7	8	7	10				**max**	7	8	7	10	
min	7		7					**min**	7		7		

Ветвь Д – ГБУ – СМСП. Выигрыши игроков, заданные вектором (7, 6, 5) актуальны для цивилизованного рынка: Департамент формирует требования входа в похоронный рынок. За основу берётся локальный регламент обслужи-

вания и содержания объектов похоронного назначения ГБУ *«Ритуал»*, закреплённый в административно- законодательном порядке. При отборе СМСП необходимо учитывать финансовые ресурсы бизнеса – сможет ли предприниматель безопасно и по доступным ценам оказывать ритуальные услуги.

Ветвь Д – СМСП – ГБУ. Выигрыши игроков, заданные вектором (7, 2, 6) актуальны для партнёрства СМСП и инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием. Бизнес занимает отведённую нишу ритуальных перевозок. Количество предпринимателей резко упадёт. Конкурентно способные перевозчики будут иметь стабильный гарантированный доход и статус надёжного партнёра ГБУ.

2.3. Антагонистическая игра. Выбор: социальные функции (1) или прибыль (2).

1–й ход. Д выбирает число x = 1, т.е. Правительство даёт поручение ГБУ выполнять социальные функции по специализированному обслуживанию населения. Ветвь Д – ГБУ – СМСП.

2–й ход. ГБУ выбирает число y >1, т.е. возможность коммерческой деятельности реализуя принцип унитарного предприятия.

При y = 2 ГБУ ставит на прибыль, т.е. меняет приоритеты с социальных функций на коммерческие.

3–й ход. СМСП выбирает число z из множества двух чисел (1, 2).

4–й ход. При z = 1 СМСП конкурирует с ГБУ на рынке ритуальных услуг. Соответственно, выигрыши игроков равны и вес конечной альтернативы равен 5.

5–й ход. При z = 2, бизнес отступает и вес конечной альтернативы равен 3.

6–й ход. При y = 1 ГБУ отдаёт приоритет социальным функциям и исполнению нормативно – правовой базы.

При z = 1, соответственно СМСП экономически теснит ГБУ, ГБУ теряет выручку. Вес конечной альтернативы равен 6.

7–й ход. При z = 2, СМСП, также, как и ГБУ, ставит в приоритет социальные функции и соблюдение нормативно – правовой базы. Соответственно теряет в выручке и вес равен 4.

8 – ход. Д выбирает число x = 2 из множества (1, 2). Правительство устанавливает приоритет коммерческих отношений на рынке ритуальных услуг. Ветвь Д – СМСП – ГБУ. При y = 1 СМСП преследует социальные функции.

9 – ход. При z = 1, ГБУ конкурирует с СМСП по исполнению социальных функций, вес конечной альтернативы равен 5.

10 – ход. При z = 2, коммерческие структуры взяв курс на коммерциализацию, вытесняют ГБУ по обеспечению социальных функций. Конечная альтернатива ГБУ равна 4.

При y = 2, СМСП предпочитает коммерческие цели социальным.

11 – шаг. При z = 1, ГБУ, единственный кто обеспечивает социальные функции. Вес конечной альтернативы равен 8.

12 – шаг. При z = 2, ГБУ пытается монополизировать отрасль, прибегая к помощи правительства Москвы. Вес равен 9.

Пусть А – ГБУ, В – СМСП. Т.к. максимин А22 = В22 = 4 < минимакс А11 = В11 = 5, то решения в чистых стратегиях нет. Добавим вероятности *успеха P(A) = 0,6, тогда P(B) = 1 – P(A)*. Найдём седловую точку в смешанных стратегиях: А32 = В23 = 4,4. Равновесная ситуация соответствует стратегиям игроков А (1, 2, 2), В (2, 1, 1) *и находится между конечными альтернативами игроков на отрезке от 4 до 5. Результат:*

1) организация эффективна только тогда, когда реализуют то, для чего создана: первоначальная миссия ГБУ – обеспечение социальных функций, экономическая эффективность придёт в результате оптимизации функций ГБУ;
2) оптимальная стратегия для бизнеса при x = 1 – принять условия выживания в конкурентной борьбе с государственным монополистом: исполнение социальных функций в симметрии с разумной доходоприносящей деятельностью;
3) при x = 2 бизнес конкурирует с ГУП и *«задает тон»* по обеспечению социальных функций, доказывает свою конкурентоспособность.

2.4. Биматричная игра. Выбор ГБУ и СМСП по своим матрицам

Таблица 3.

Выплаты игрокам

W ((x, y), z)	ГБУ	СМСП	Описание стратегий
1, 1, 1	7	3	СМСП присоединены к ритуальным перевозкам. Следствие: сокращение числа предпринимателей
1, 1, 2	6	4	ГБУ предлагает ограничить число предпринимателей. Жесткие барьеры для входа СМСП в отрасль. Свободная конкуренция
1, 2, 1	6	3	Свободный рынок. Жесткая конкуренция
1, 2, 2	6	5	Среднее между W(1, 1, 1) и W(2, 2)
2, 1	9	1	Монополизация отрасли. Бизнес вливается в госсектор и теряет
2, 2	5	7	Получив благоприятный опыт в ритуальных перевозках, СМСП претендуют на передачу им других функций ГБУ. Например, памятники, морги и т.п.

Равновесие по Нэшу в смешанных стратегиях содержат подчёркнутые стратегии игроков W(1, 1, 2) и W(1, 2, 2):

Таблица 4.

Выплаты игрокам

Матрица А		Матрица В	
7	6	3	4
6	6	3	5
9	5	1	7

Стратегия W(1, 2, 2) подтверждает ситуацию, оптимальную по Парето (таблица 1): игроки, действуя совместно, не могут увеличить выигрыш одного из них.

Стратегия W(1, 1, 2) показывает необходимость создания цивилизованного и контролируемого сектора СМСП на ритуальном рынке. Частный сектор сможет выжить при условии ослабления или отсутствия конкуренции друг с другом вследствие отбора способных выдержать *«жесткие»* требования для входа в отрасль.

Стратегия W(1, 2, 2) определяет бесконкурентную среду, где государственный сектор оставляет предпринимательству нишу ритуального рынка на законных основаниях. Происходит перераспределение сфер влияния.

Предприниматели, которые соответствуют требованиям и стандартам специализированных услуг ритуального назначения, действуют в условиях цивилизованного рынка. Государственный сектор в лице Департамента и ГБУ *«Ритуал»* избавляются от *«дикой конкуренции»*, обеспечивая экономическую эффективность в рамках социальных функций, политическую лояльность населения и реализует государственную доктрину противодействия коррупции.

Рекомендации столичному правительству:

1. Не пренебрегать профессиональным капиталом государственного предприятия (учреждения).
2. Реализуя политику присоединения СМСП к ритуальному бизнесу не пренебрегать лояльностью потенциальных избирателей – не увеличение цен, не ухудшение качества обслуживания.
3. Принять во внимание факторы переходной экономики в трансформационный период:
   1) общая слабость частного сектора, который не способен охватить весь воспроизводственный процесс;
   2) нежелание частного капитала идти в производственную сферу из – за недостаточных размеров капитала и длительности сроков окупаемости инвестиций;
   3) наличие нерентабельных предприятий, требующих финансовой санации и технической модернизации.

3. В Новой Москве необходимо освоение присоединённых территорий. Это требует увеличения капиталовложений, что в условиях кризиса трудно достижимо. Следовательно, надо изыскивать внутренние ресурсы и рационально приме-

нять кредиты. Поэтому для разработки плана развития ГБУ привлечены не только математические методы (1–6 выше), но и информационные технологии:

1) вероятностная модель (решения о модернизации малого или строительства крупного завода);
2) бюджетно-календарное планирование (эффективное согласование и строительство завода);
3) отслеживание бюджета и сроков принятого плана (наименьшие отклонения от оптимального плана);
4) линейное программирование (вычисления плана производства с наибольшей выручкой);
5) биноминальное дерево опционов (моделирование выбора плана производства в различных условиях).

7. Предположим, предприятие рассматривает три возможных варианта своего развития на 10 лет вперед. Анализ рыночной ситуации показывает, что при реализации продукции на соответствующем сегменте рынка в течение всего периода (10 лет) возможны два уровня спроса: *высокий* (*с вероятностью p1*) *и низкий* (*с дополнительной вероятностью p2 = 1 – p1*).

Варианты развития следующие:

1) строительство крупного предприятия (стоимость строительства – 5 д. е.);
2) строительство небольшого предприятия (стоимость строительства – 1 д. е.);
3) строительство небольшого предприятия с последующей через 2 года реконструкцией в крупное при условии того, что к этому времени на рынке установится высокий спрос на продукцию (стоимость реконструкции – 4,2 д. е.).

Для простоты анализа предполагается, что при всех вариантах развития предприятие имеет стабильный ежегодный доход (a – f) в течение всех 10 лет, начиная с первого года. Исходные данные приведены в таблице 5.

Таблица 5.

Исходные данные

Характеристики системы принятия решений		**Обозначения**	**П**
1. Годовые доходы крупного предприятия	Высокий спрос	a	1,00
	Низкий спрос	b	0,30
2. Годовые доходы небольшого предприятия при расширении	Высокий спрос	c	0,90
	Низкий спрос	d	0,20
3. Годовые доходы небольшого предприятия без расширения	Высокий спрос	e	0,25
	Низкий спрос	f	0,20
Вероятности уровней спроса на продукцию предприятия	Высокий спрос	p1	0,80
	Низкий спрос	p2	0,20

Формулы для ветви

1. Среднее значение прибыли на примере предприятия за N лет:

З = (высокий доход * его вероятность p1 + низкий доход * его вероятность p2) * N лет – расход.

Среднее квадратичное отклонение значения прибыли при тех же условиях:

2. sКоэффициент вариации прибыли (оценка относительной степени риска ошибки в %) при тех же условиях: V=100%*s

План	Длительность, дней	Затраты, р.
Первый	521	226 601 083,64
Оптимальный	511	225 615 159,48
Сокращение	10	985 924,16

Оптимальный зафиксирован как базовый план. Сейчас отслеживается его выполнение (ниже представление Диаграмма Ганта с отслеживанием). Изменяем сроки начала и конца пройденных этапов, процент завершения каждой задачи:

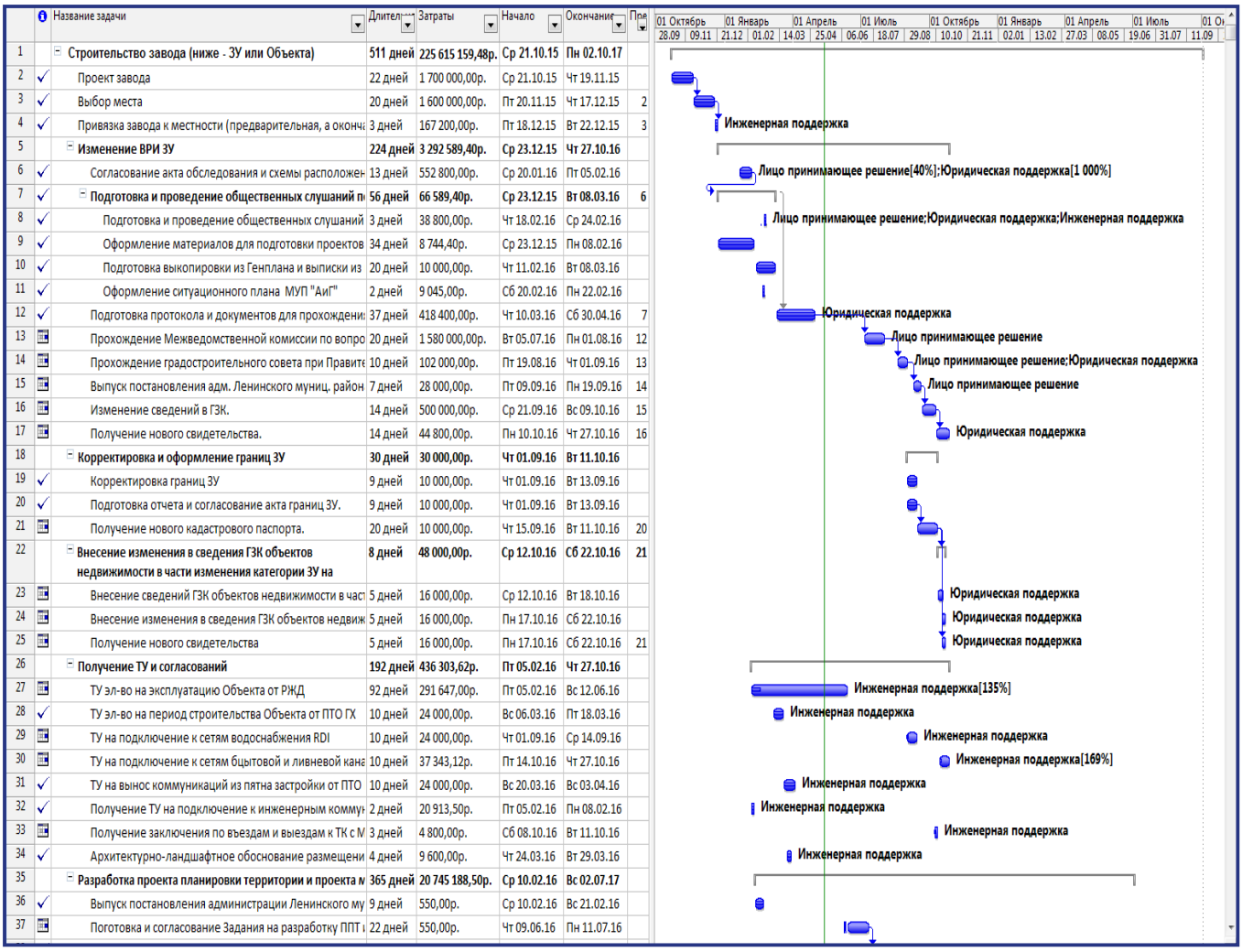


Рис. 1. Начало плана с характеристикой сроков, финансов связей задач

Суммарные – крыши сверху, синие – выполнены, голубые – частично.

Сделан текущий отчёт по выполнению проекта с нужными столбцами (Название задачи, Начало, Длительность, Процент завершения, Затраты) на сегодняшний день. Project автоматически формирует различные отчёты, в том числе, итоговый для анализа проекта в целом при использовании в аналогичных проектах [5].

8. Модель линейной оптимизации плана выпуска продукции [3]

Таблица 7.

Условия выпуска ваз

Наимен. ваз	**Расход глины (кг)**	**Трудоемкость (мин.)**	**Цена (руб.)**	**Договор (шт.)**
1) обычные	0.7	70	900	200
2) бизнес	1.2	90	1700	100
3) элитные	1.9	180	3300	50

Производство ограничено балансом рабочего времени $T \leq 43200$ *минут*

с – ресурс электропечи, 3 загрузки по 20 ваз в день, с= 1200 единиц / день

Месячная потребность (штук), соответственно:

$x \geqslant 200$, $y \geqslant 100$, $z \geqslant 50$.

Показатель эффективности – прибыль, её надо максимизировать:

$W = 800x + 1700y + 3300z \rightarrow max$

9. Моделирование

Изменяя один параметр, приходим к максимальной прибыли W. Фрагмент:

W = 800x + 1700y + 3300z		**W = 800x + 1700y + 3400z**	
Д1 ⩾ 200	Д1 ⩾ 100	Д1 ⩽ 50	Д1 ⩽ 50
Д2 ⩾ 100	Д2 ⩾ 100	Д2 ⩽ 50	Д2 ⩽ 50
Д3 ⩾ 50	Д3 ⩾ 50	Д3 ⩽ 195	Д3 ⩽ 195
		Д4 ⩾ 0 ?	Д4 ⩾ 0
		Д5 ⩾ 0 ?	Д5 ⩾ 0
		Vобщ = 1000	Vобщ = 1000
		c4 = 100	c4 = 100
		c5 = 150	c5 = 150
		c = 1200	c = 1200
			T = 44400 ?
W = 706555,6	W = 758777,8 ?	W = 788280 ?	**W = 791900** ?
x = 200	x = 100	x = 50	x = 50

W = 800x + 1700y + 3300z		**W = 800x + 1700y + 3400z**	
y = 224 ?	y = 302 ?	y = 50	y = 50
z = 50	z = 50	z = 195 ?	z = 195
		м = 0 ?	м = 0 ?
		y = 2 ?	y = 26 ?

Стрелки показывают тенденцию изменения. Справа – **оптимальный вариант**.

Т.о., в п.4 охвачены все типовые задачи развития. Расчёты подкреплены авторскими компьютерными моделями, позволяющими изменять входные параметры, автоматически получать результаты и выбирать наилучшее решение.

Все модели реализованы в распространённых приложениях:

1) электронные таблицы MS Excel (для № 1–6 и 9–10),
2) профессиональный планировщик и контролёр MS Project (для № 7–8).
3) Поэтому они легко тиражируемы и удобны при решении подобных задач на других предприятиях.

Список литературы

[1] *Шикин Е.В., Чхартишвили А.Г.* Математические методы и модели в управлении. М.:КДУ, 2009.

[2] *Шикин Е.В., Шикина Г.Е.* Исследование операций. М., Проспект, 2006.

[3] *Смольникова И.А.* Использование в преподавании информационных технологий решения задачи оптимального управления расходованием ограниченных средств // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 5-й международной конференции ФГУ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. Ч.1. С. с.197–205.

[4] *Смольникова И.А., Мартынов Ю.В.* Информационные и коммуникационные инструменты менеджера и их освоение при обучении // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 7-й международной конференции ФГУ МГУ им.М.В. Ломоносова, 2009. Ч.3. С. 656–666.

[5] *Смольникова И.А.* Информационные и коммуникационные технологии бизнеса. // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 13-й международной конференции ФГУ МГУ им.М.В. Ломоносова, 2015. Ч.1. С. 71–79.

МЕТОДОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ ОБРАТНЫХ ЗАДАЧ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИ ПОСТКРИЗИСНОМ АНАЛИЗЕ

Агаян Г.М., Григорян А.А., Шикин Е.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Современным подходом к решению сложных многофакторных проблем является трансдисциплинарный подход. Развитие научных методов, которые можно применять в посткризисном анализе, безусловно относится к таким проблемам. Настоящая работа посвящена осмыслению достаточно хорошо развитой в естественных науках методологии решения обратных задач с целью выявления знаний, которые на более высоком уровне абстракции могут быть применены в весьма актуальной области антикризисного управления, которой является анализ причин возникновения кризисных ситуаций.*

Если бы всё прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим,
кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?

Козьма Прутков [1, с. 124]

Одним из самых перспективных современных подходов к решению сложных многофакторных научных проблем является трансдисциплинарный подход, предполагающий *«функциональный синтез методологий»*, присущих различным научным направлениям, и создание на их основе совершенно новых исследовательских концепций [2]. Развитие научных методов, которые можно применять в посткризисном анализе, безусловно относится к таким проблемам. Настоящая работа посвящена осмыслению достаточно хорошо развитой в естественных науках методологии решения обратных задач с целью выявления знаний, которые на более высоком уровне абстракции могут быть применены в весьма актуальной в настоящее время области антикризисного управления.

Эффективность применения математики в естественных науках (прежде всего в физике) обычно связывается с получением в конечном итоге численных методов расчёта параметров исследуемых процессов. Другими словами, кон-

* *Агаян Галина Михайловна*, к. физ.-мат.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова; *Григорян Александр Аркадьевич*, к.ф.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова; *Шикин Евгений Викторович*, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов и информационных технологий в управлении, факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

цептуальное применение математики в физике необходимым образом дополняется вычислительным аспектом. Это упрощает проверку результатов применения математики на адекватность, хотя, разумеется, адекватность не сводится к согласию численных следствий из построенной теории с имеющимися на данный момент результатами экспериментов. Однако уже за пределами физики в естественных науках и, тем более в социально-гуманитарном познании, такая методология, как правило, сталкивается с существенными проблемами в связи со сложностью самого объекта исследования, включающего многогранность и слабо предсказуемого влияния человека (человеческого фактора). Тем не менее, способность математики порождать чрезвычайно сложные по своей структуре и полностью не выразимые на естественном языке представления, наталкивает на мысль о так называемом, метафорическом применении математики. Термин был введен В.В. Налимовым, который попытался использовать известную в теории вероятностей байесовскую методологию для построения теоретических систем в лингвистике и психологии [3]. В этом случае математическое содержание не играет роли внутреннего формообразующего фактора теории, как это имеет место в математической физике, а выступает лишь как внешний концептуальный регулятор построения понятийной системы, описывающей некоторую предметную область, что может быть весьма полезно в разных областях знания, в том числе и в теории управления. Впрочем, и в самой физике нередко реализуется подход, который тоже можно назвать метафорическим. Так, используя топологические представления, *«с помощью чисто качественных соображений, т.е. не решая никаких уравнений и не производя никаких вычислений, можно получить довольно значительную информацию о конденсированных веществах»* [4, с. 60]. Но поскольку образы и метафоры, которые может порождать современная математика, далеко ушли от тех, которые даёт непосредственный жизненный опыт, и тем самым становятся осязаемыми лишь для тренированного рассудка, то успех на этом пути предполагает совершенствование преподавания математики студентам социально-гуманитарного профиля с тем, чтобы они могли увидеть в ней резервуар полезных образов и метафор.

В этой статье мы попытаемся рассказать о методологии решения обратных задач математической физики и показать, каким образом возможно её метафорическое применение в антикризисном управлении, а более конкретно, при посткризисном анализе.

Задача развития антикризисного управления как научного направления становится всё более значимой. Это связано в первую очередь с нарастающими кризисными явлениями на всех управленческих уровнях, начиная с глобального – системы мирового порядка в целом, и заканчивая уровнем отдельной, даже совсем небольшой системы – будь то отрасль экономики отдельной страны, коммерческая или другая организация, или просто семья. Рассмотрение антикризисного управления под таким углом предусматривает сразу несколько важных аспектов, которым оно должно соответствовать.

«Наука – это область человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Основой этой деятельности является сбор фактов, их постоянное обновление и систематиза-

ция, критический анализ и, на этой основе, синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи с конечной целью прогнозирования. Те теории и гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества» [5].

В литературе само понятие антикризисное управление трактуется по-разному. Мы будем рассматривать это понятие как можно более широко, включая в него не только финансово-хозяйственные мероприятия, но и любые другие управленческие формы деятельности, направленные на предотвращение и/или смягчение проявлений кризисов любой природы, касающихся людей. Главная цель антикризисного управления – выявление закономерностей протекания кризисных процессов и выработка рабочих рекомендаций по уменьшению, а в идеале – предотвращению кризисных явлений и их последствий. Это влечёт за собой необходимость накопления данных (сбора фактов, их постоянного обновления и систематизации) о протекании неограниченно широкого круга кризисов. Тем самым на первый план выходит посткризисный анализ – процесс, заключающийся в скрупулёзном исследовании всех стадий протекания кризисного явления. По нашему мнению, другого способа получить необходимые знания об основных закономерностях кризисных процессов, кроме тщательного изучения уже произошедших кризисов, не существует.

Накопление первичной информации о кризисе – очень сложный и трудозатратный процесс, лежащий в основе исследования кризисного явления. Главная цель такого исследования – выявление причин возникновения кризиса, то есть установление причинно-следственных связей, которые обусловили развитие этого процесса. Сказанное позволяет отнести посткризисный анализ к классу так называемых *обратных процессов*, в отличие от кризисного процесса, который естественно отнести к классу *прямых процессов*.

Наглядный пример. На лабораторный столик кладётся кусочек льда, и видеокамера записывает весь процесс его таяния (время течёт в естественном направлении; это прямой процесс). Просмотр сделанной записи в обратном порядке показывает как вода в лужице постепенно возвращается к кусочку льда (время течёт вспять; это обратный процесс).

Выявление причин возникновения кризиса требует разработки научных методов анализа собранных данных. Наиболее естественным подходом является использование методов, которые уже признаны и применяются в других научных областях. В настоящее время широко используемым универсальным инструментом является математическое моделирование, суть которого – построение математической модели исследуемого явления, анализ построенной модели и взвешенный перенос новых знаний, полученных в результате такого анализа, на само явление.

Приведём слова И.Г. Шафаревича, в которых он мягко, но вполне определённо говорит о естественности привлечения математики к самым разным задачам: *«Я не думаю, что математика радикально отличается от других форм культурной деятельности. Однако её объекты более абстрактны, в ней происходит отвлечение от большого числа случайных свойств; <...> Поэтому в мате-*

матике ясно различимы закономерности, хотя и универсальные, но лишь смутно видимые в других областях»[6, с. 461].

В математическом моделировании различают два типа возникающих задач: прямые и обратные. *Прямые задачи* характеризуются тем, что причины, лежащие в основе исследуемого явления, считаются известными, а цель – определить следствия, которые необходимо проявятся в результате действия этих причин. Поэтому в прямой задаче все параметры, определяющие математическую модель, предполагаются известными, что даёт возможность найти интересующие исследователя параметры решения. Как правило, в прямых задачах время течёт в обычном направлении, т.е. в направлении действия причинно-следственных связей.

Ко второму типу относятся так называемые *обратные задачи*. При постановке таких задач известны лишь следствия, а целью является определение причин, которые к этим следствиям привели. Постановка подобного рода задач в естественных науках, в частности физике, сразу выявила гораздо более серьёзные проблемы, чем те, которые возникают при решении прямых задач. Чтобы охарактеризовать эти проблемы, обратимся к наглядному примеру, приведённому выше.

Прямая задача состоит в том, чтобы, зная форму, массу, температуру кусочка льда, температуру в комнате, её размеры и т.д., найти размеры и форму лужицы, которая образуется сразу после того, как лёд растает. Это серьёзная прямая задача, однако, если определять форму лужицы с высокой точностью нет необходимости, она может быть решена довольно быстро. Достаточно дать кусочку льда возможность растаять. Другой подход – построение математической модели, которая описывала бы процесс таяния льда и формирования лужицы, и её реализация в виде компьютерной программы. Этот подход заметно более сложен, однако при современном развитии компьютерных технологий вполне осуществим.

Поставим теперь обратную задачу. Имеется лужица, которая получилась в результате таяния кусочка льда; нужно определить форму этого кусочка. Ясно, что по сути требуется обратить время (этот признак характерен для обратных задач). Второе, что становится понятным – одна и та же лужица может быть получена из кусочков льда различной формы. В этом случае математики говорят о неединственности решения задачи. И сразу же встаёт вопрос о том, какое из возможных решений необходимо найти? Третье обстоятельство, которое оказывается очень важным при решении обратных задач – это устойчивость задачи. Задача называется *устойчивой*, если на малые изменения входных данных решение откликается также малыми изменениями. Следствием устойчивости задачи является необходимость получения входных данных с точностью, достаточной для достижения требуемой точности решения. Наш пример обратной задачи оказывается неустойчивым просто потому, что форма кусочка льда определяется неоднозначно.

В начале XX века французский учёный Ж. Адамар [7], [8] сформулировал основные требования, которым должны удовлетворять математические задачи, соответствующие физическому явлению:

1) решение задачи должно существовать,
2) решение должно быть единственным,
3) решение должно непрерывно зависеть от данных задачи (требование устойчивости).

Такие задачи принято называть *корректно поставленными* (корректными задачами), а задачи, в постановке которых нарушается хотя бы одно из трёх этих требований, *некорректно поставленными* (некорректными задачами).

Долгое время многие учёные считали, что если задача трём условиям Адамара не удовлетворяет, то она не может считаться достойной исследования. И это одна из причин, почему некорректно поставленные задачи несколько десятилетий не попадали в основной поток активных математических исследований [9, с. 229–233].

Настоящий прорыв в изучении некорректных задач сделали советские учёные, внёсшие основной вклад в развитие теории некорректно поставленных задач. Научные школы под руководством А.Н. Тихонова [10] и М.М. Лаврентьева [11] в середине прошлого века разработали подходы к решению многих прикладных обратных задач.

В последующие десятилетия было сделано много важных открытий. Были найдены эффективные методы решения целых классов обратных задач. Выяснилось, что практически все обратные задачи некорректны. Было обнаружено, что некорректные задачи делятся на два класса: некорректные задачи бывают регуляризируемыми (*«хорошими»*), которые можно переформулировать так, что к ним можно применить специально разработанные методы решения (регуляризирующие алгоритмы), и нерегуляризируемыми (*«плохими»*), с которыми ничего поделать нельзя. Для этих задач действует своеобразный принцип неопределенности: при повышении точности входной информации ошибка в решении только растёт и не может быть уменьшена.

«Хороших» некорректных задач сравнительно немного и подходы к построению регуляризирующих алгоритмов достаточно просты. В чём же заключаются основные идеи при их решении?

Прежде всего необходимо определить, что понимается под решением задачи. Каким требованиям должно соответствовать решение? Для некорректно поставленных задач вполне может оказаться, что решения в классическом понимании не существует. В этом случае понятие решения задачи переосмысливается так, чтобы оно существовало для более широкого класса входных данных. Такое, обобщённое, решение непременно должно совпадать с классическим решением в случае, когда последнее существует.

При решении некорректной задачи необходимо использовать всю доступную информацию о решении, так как основной опорой построения регуляризирующих алгоритмов является использование априорной информации о решении. Наличие таковой сужает область, в которой ищется решение, и при использовании достаточного набора сведений нередко преобразует некорректную задачу в корректную. Такие задачи называются *условно корректными*. Если вернуться к кусочку льда, то, например, сведения о том, что это был ледя-

ной кубик или шарик позволит восстановить размеры кусочка по размеру и форме лужицы практически однозначно. Это хорошо согласуется с очевидным тезисом, что для получения обоснованного ответа на поставленный вопрос необходимо как можно больше узнать обо всем, что с ним связано. Причём заранее неизвестно, что именно из этой информации окажется важным.

Даже если априорной информации недостаточно для такого преобразования некорректной задачи в корректную, её все равно надо учитывать. Необходимость обязательного учёта дополнительной информации о решении с учетом неустойчивости задачи приводит к тому, что алгоритм обработки данных для поиска решения становится неотъемлемой частью постановки задачи.

Рассмотрение методов решения обратных задач выявляет их тесную связь с решением прямых задач. По сути, любой алгоритм решения обратной задачи сводится к качественному решению серии прямых задач. Для того чтобы разработать обоснованный метод решения прямой задачи, необходимо, опираясь на опыт и экспертное мнение, выдвигать гипотезы, которые связывают входные параметры задачи с выходными в направлении действия причинно-следственных связей (по течению времени). Затем проверять следствия, полученные при помощи этих гипотез на соответствие наблюдениям, которые были получены ранее, или на соответствие результатам специально разработанного эксперимента или серии экспериментов, в случае, когда такие эксперименты возможны. Таким образом, мы опять приходим к важности сбора всей доступной информации о том, как протекал кризис.

Но вернёмся к проблемам посткризисного анализа. Также, как и обратные задачи математического моделирования, посткризисный анализ связан с обращением времени. Это связывает трудности, возникающие при решении обратных задач с проблемами, проявляющимися в выявлении причин кризисных ситуаций и катастроф. Да и сама цель восстановления причинно-следственных связей в направлении, противоположном их естественному развитию, сближает эти исследовательские области.

Таким образом, можно сформулировать следующие черты методологии решения обратных задач, которая, по нашему мнению, может быть применима (в мягком, метафорическом её понимании) к решению проблем посткризисного анализа.

1. Постановка задачи

Необходима тщательная постановка задачи, в которой важно определить, что понимается под решением проблемы. Фактически при анализе той или иной кризисной ситуации исследователь формулирует вопросы, на которые необходимо получить обоснованные ответы. И также, как в обратных задачах, на первый план выходит формулировка этих вопросов. Но как правильно поставить вопрос? Ведь только правильно поставленные вопросы (корректные) допускают получение содержательных ответов. Это вовсе не означает, что такие ответы получить легко. Однако нередко весьма важной оказывается сама формулировка вопроса.

Аналогия с восстановлением причинно-следственных связей в посткризисном анализе позволяет утверждать, что ожидаемые ответы на интересующие

исследователя вопросы также требуют предварительного осмысления. Вопросы и ответы оказываются тесно связанными, и формулировка вопроса должна содержать сведения о том, что же понимается под ответом. Свой рассказ *«Верный вопрос»* Р. Шекли заканчивает словами: *«Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа»* [12, с. 207].

Доказано, что в обратных задачах существуют проблемы, решение которых получить нельзя. Так и в посткризисном анализе есть вопросы, обоснованные ответы на которые получить невозможно в принципе.

2. Информация

Приступая к посткризисному анализу произошедшего кризиса или случившейся катастрофы необходимо сразу же заняться сбором всей доступной информации и продолжать дополнять собранное в течение всего процесса посткризисного анализа новыми сведениями, которые могут неожиданно открыться. Когда информации много и её источники различны: от данных, полученных с помощью технических устройств до сведений, содержащихся в простом разговоре, – необходима её дальнейшая проверка и тщательная обработка, особенно если учитывать возможность наличия противоречий в полученных сведениях. Всю информацию о случившимся полностью восстановить невозможно. Поэтому важно должным образом поступить с той, которую собрать удалось.

Одним из хорошо работающих подходов к упорядочению накапливаемых данных о кризисе является построение синхронистической таблицы, в которой каждый, даже самый маленький клочок информации локализован не только по времени, но и по месту. Это очень кропотливая работа, отнимающая много времени и требующая огромного терпения. Но она способна вознаградить своих составителей. Исследуя по открытым источникам причины авиакатастрофы под Ярославлем в сентябре 2011 года, в которой погиб весь состав местной хоккейной команды, Т.А. Теплова разложила собранные ею данные по ячейкам, упорядоченным по времени и информационному полю. Получившуюся синхронистическую таблицу едва-едва удалось разместить на письменном столе. Последующая обработка этой таблицы позволила ей определить причину катастрофы, отличную от официальной [13]. Несмотря на то, все факты были получены из средств массовой информации, представленные ею расчёты и доводы были весьма убедительны.

3. Прямые задачи и частичные модели

Использование при проведении посткризисного анализа прямых подходов от гипотезы (из прошлого) к реалиям (в настоящее) хорошо зарекомендовало себя при решении обратных задач математического моделирования. А именно, рассмотрение эффективных методов решения обратных задач показывает их тесную связь с решением прямых задач. По сути, любой алгоритм решения обратной задачи сводится к осмысленному решению серии прямых задач, иными словами, к построению ряда более или менее несложных частичных моделей, которые в совокупности смогут отразить все значимые стороны исследуемой ситуации. Для того чтобы разработать обоснованный метод решения прямой задачи, необходимо, учитывая накопленный опыт и экс-

пертное мнение, выдвигать гипотезы, которые связывают входные параметры задачи с выходными в направлении действия причинно-следственных связей (по течению времени). Затем проверять следствия, полученные при помощи этих гипотез на соответствие полученным ранее наблюдениям или сведениям. При наличии расхождений в имеющейся информации с тем, что получается в предположении о справедливости гипотез, необходимо грамотно корректировать эти гипотезы с учетом полученных расхождений. Заметим, что в посткризисном анализе по очевидным причинам возможности применения экспериментального подхода или невозможны, или сильно ограничены. Что также сильно усложняет анализ.

При всей специфике исследований случившихся кризисов и катастроф сказанное выше показывает возможный путь их проведения.

4. Влияние человека

Есть ещё одна сторона посткризисного анализа, которая совсем не характерна для обратных задач математического моделирования. Это человеческий фактор, проявляющий себя на всех этапах проведения анализа и чаще всего препятствующий как можно более полному восстановлению причинно-следственных связей. Здесь можно говорить и о попытках повлиять на цели исследования, и об удерживании под спудом важной информации, способной существенно повлиять на успешность расследования, и о неоправданно жёстких сроках, и т.д. При решении математических задач такой проблемы не возникает: то, что объявленное верным утверждение в действительности доказано или не доказано, всегда можно проверить. При посткризисном анализе нередко виновные называются задолго до окончания расследования, замалчиваются важные факты, возникают препятствия в получении нужных сведений и многое другое. Неудивительно, что очень часто выводы, полученные при разборе знаковых кризисов и катастроф, вызывают чувство неудовлетворённости и вполне обоснованное недоверие общественности.

Конечно, это сложная проблема. О ней, опираясь на собственные наблюдения во время работы в президентской комиссии по расследованию причин катастрофы шатлла *«Челленджер»* в январе 1986 года, откровенно говорит выдающийся физик и незаурядный человек Р. Фейнман, всегда придерживавшийся в своей работе принципа *«научной честности»* [14, с. 167–173].

Подробный разбор кризисной ситуации (катастрофы в миланском аэропорту Линате 8 октября 2001 года), в котором в той или иной форме присутствуют разобранные выше аспекты посткризисного анализа, можно найти в нашем докладе на XII Международной конференции факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова в мае 2013 года [15].

Обратные задачи относятся к наиболее сложным в современном естествознании. В настоящее время в решении этих задач накоплен значительный опыт. Между проблемами, которые возникают при решении обратных задач и гораздо более сложными задачами посткризисного анализа хорошо просматривается прямая аналогия. Поэтому использование методологии решения обратных задач может существенно оптимизировать реализацию посткризисного анали-

за, целью которого, как нам кажется, является не только, и не столько поиск виновных, но разработка мероприятий, реализация которых должна обеспечить эффективное функционирование *«защитных механизмов»* предупреждения кризисных ситуаций, или, по крайней мере, снижение степени их негативных последствий.

Список литературы

[1] Прутков Козьма. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1976.

[2] ARISE 2 (Advancing Research in Science and Engineering). American academy of Arts and Sciences, 2013. -https://www.amacad.org/multimedia/pdfs/publications/researchpapersmonographs/arise2.pdf (дата обращения: 1.06.2016).

[3] *Налимов В.В.* О возможности метафорического использования математических представлений в психологии. – Психологический журнал. 1981. №2. Т.3 С. 39–47.

[4] *Воловик Г.Е., Минеев В.П.* Физика и топология. – М.: 1980.

[5] *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.

[6] *Шафаревич И.Г.* Сочинения. В 3 т. Т. 2. – М.: Издательская и рекламно-информационная фирма *«Феникс»*, 1994.

[7] *Hadamard J.* Sur les problimes aux dйrivйes partielles et leur signification physique // Bull. Univ. Prinston. – 13, 1902. P. 49–52.

[8] *Hadamard J.* Les problime de Cauchy et les йquations partielles aux dйrivйes linйares hyperboliques. – Paris: Hermann, 1932.

[9] *Курант Р.* Уравнения с частными производными. – М.: Мир, 1964.

[10] *Тихонов А. Н., Арсенин В. Я.* Методы решения некорректных задач. – М.: Наука, 1974.

[11] *Лаврентьев М. М., Романов В. Г., Шишатский С. П.* Некорректные задачи математической физики и анализа. – М.: Наука, 1980.

[12] *Шекли Р.* Избранное. – Калуга: Библио», 1992.

[13] *Теплова Т.А., Шикин Е.В.* Синхронистический подход к исследованию кризисных процессов. // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XI Международная конференция факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (30 мая – 1 июня 2013 г.) Материалы. С. 761–766. – http://www.znanium.com.

[14] *Фейнман Р.* Какое тебе дело до того, что думают другие? – Ижевск: НИЦ *«регулярная и хаотическая динамика»*, 2001.

[15] *Агаян Г.М., Григорян А.А., Шикин Е.В., Шикина Г.Е.* Ситуационный анализ одного кризиса: слабые сигналы требуют пристального внимания. //Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (29 –31 мая 2014 г.) Материалы. С. 333–338. – http://www.znanium.com/

V. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СПЕКТР ПОДХОДОВ И «ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ» НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Сетов Р.А.*
(Россия, г.Москва)

Государство принято считать основным действующим элементом системы международных отношений, *роль которого важнее, чем роли иных элементов* (в частности, элементов субгосударственных – отдельного человека и социальной группы, или же надгосударственных, *«наднациональных»*, то есть международных объединений разного рода). Можно также сказать, что межгосударственные отношения включают в себя и даже *«задают формат»* для значительной совокупности действий субгосударственных элементов (существующих внутри отдельных государств). Вокруг осей межгосударственных отношений создается сфера для деятельности элементов наднационального порядка.

В самом общем плане *«суверенитет»* традиционно понимается двояко: как *ВЕРХОВЕНСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ внутри страны и НЕЗАВИСИМОСТЬ ГОСУДАРСТВА* на мировой арене [15, с. 58]. И.Д. Левин в работе, опубликованной еще в 1948 г., указал на то, что кроме *«полновластия государства»*, важнейшим признаком суверенитета выступает *«внешняя независимость власти государства»*. Эта независимость *«в аспекте юридической формы выражает отсутствие юридических ограничений»* свободы от вмешательства извне *«помимо общеобязательных для всех государств норм международного права»* [14, с. 72]. Суверенитет предполагает и ту или иную форму международного *признания* государства. Суверенитет государства в международно-политическом и правовом смысле может быть полным или частичным (ограниченным). Частичное ограничение суверенитета может быть добровольным: например, при вступлении государств в федерацию с передачей части прав федеративным органам или при вступлении, по взаимной договоренности с другими государствами, в союз для достижения определенных общих целей. Принудительное ограничение суверенитета (носящее, как правило, временный характер) может иметь место в случае поражения в войне и установления таких условий по отношению к потерпевшим поражение со стороны победителей (например, оккупация части территории на некоторое время, создание победителями временных режимов управления страной и т.п.).

Необходимо подчеркнуть, что осуществление суверенитета государством происходит в рамках международного права и с учетом уважения суверенитета и

* *Сетов Роман Александрович*, к. и. н., доцент, исторический факультет МГУ имени Ломоносова.

интересов других государств. Формирование всей системы международного права основано на принципах суверенитета, равноправия и суверенного равенства, континуитета государства и суверенного волеизъявления государств [11, с. 11, 35, 78]. Давно и хорошо известно, что осуществление суверенитета предполагает разграничение (при взаимосогласованности и взаимодействии) правовых систем международного права и права внутригосударственного. При этом *«законодательство конкретных государств и решения их судов ... не являются источниками международного права, т.е. не создают норм, обязательных для межгосударственных отношений»* [16, с. 64]. Только особыми договорами, а не просто автоматически, государство может инкорпорировать международные правовые нормы в свое внутреннее законодательство и избрать форму реализации этих норм, либо отказаться от этого, не подписывая международные договоры со статьями об обязательном выполнении. Для формирования внешней политики отдельного государства понимание именно этого аспекта особенно важно.

Однако для теоретических построений относительно роли и функций государства в международных отношениях необходимо все же оперировать понятием о *полном суверенитете*. Полный суверенитет означает, что государство формально и фактически независимо от воли и поведения других государств (и иных участников международно-политических взаимодействий) в осуществлении своих как внешних, так и внутренних функций (если последние не регулируются особо заключенными этим государством международными договорами и иными нормативными документами, обязательными для исполнения). Суверенитет государства в силу самого его возникновения, существования и признания другими государствами, делает государство субъектом международного права. Суверенитет государства выражается, прежде всего, в неподчинении государств друг другу. Суверенитет и проистекающий из него иммунитет предполагает также и неподсудность одного государства для судебных органов другого. Также суверенитет означает и формальное равенство государств между собой при юридической равнозначности воли одного государства воле другого. Отсюда и применяемый для основных международных межгосударственных объединений и форумов принцип – *«одно государство – один голос»*. Здесь правда, могут быть исключения – в тех случаях, когда речь идет о формировании межгосударственных органов, объединяющих страны с существенными различиями по территории и населению и при определению процедур принятия обязывающих решений (например, в ассамблеях типа Европейского парламента), где данный принцип может быть заменен представительством пропорционально количеству населения.

Отметим, что рядом с категорией *«суверенитет»* в исследованиях по теории международных отношений довольно часто присутствует термин *«анархия»* (отсутствие власти). Его можно употреблять, зная, что в международном смысле он не несет никакого негативного значения. Анархия в мировой политике рассматривается как отсутствие *«де-факто»* и *«де-юре»* (в реальной жизни и в международном праве) некоего *«мирового правительства»*. Это вовсе не означает хаос или какой-то беспорядок. Именно наличие суверенитетов отдельных государств, их неподчинение друг другу и порождает вполне естественное

состояние анархии, *«безвластия»*. Это отсутствие полностью институционализированной и признанной всеми центральной власти есть вполне нормальное и исторически традиционное состояние международных отношений. В этой сфере действует сформулированный еще в древности принцип "par in parem non habet imperium "– *«равный не имеет власти над равными»*. В этом смысле существование анархичности в международных отношениях существует и сегодня, даже возрастает с увеличением числа участников международно-политических взаимодействий.

Однако, наряду с анархичностью существуют и многочисленные возможности регулирования международных отношений, и само число способов такого регулирования также возрастает. Отметим, что по мере развития международно-политической системы, которая включает в себя все большее количество и государств, и негосударственных действующих элементов, происходит процесс умножения связей между ними, идет усложнение природы этих связей. Это, с одной стороны, подпитывает анархичность, а с другой – требует поиска новых форм и способов регулирования связей элементов системы. Сегодня важным моментом, ограничивающим бесконтрольную анархичность как условие выбора любого типа поведения для отдельных государства, выступает необходимость коллективных действий многих стран на фоне глобального характер тех вызовов и проблем, с которыми человечество сталкивается в начале XXI века [18, с. 17].

При всем этом существующее на основе суверенитета формально-правовое равенство государств являет собой, скорее, своего рода *идеал*, полная реализация которого в международно-политической практике вряд ли возможна. Ясно, что всегда существовали и сегодня существуют фундаментальные различия между государствами, проистекающие из их внутреннего состояния и прежде всего из соотношения их совокупной мощи. Различия государств делают возможным, при сохранении формального равенства, установления негласных, а часто и формализованных отношений зависимости и подчинения между более сильными и относительно слабыми государствами. Такие отношения прямо противоречат самой идее суверенитета, но, тем не менее, именно они определяют природу реального межгосударственного взаимодействия.

Сегодня, несмотря на многомерное усложнение системных взаимодействий в мировом масштабе и на участие в международных отношениях иных, отличных от государств, элементов, в основе своей по-прежнему международные и мирополитические отношения понимаются именно (и прежде всего) как отношения межгосударственные. Конечно, можно согласиться со многими отечественными и зарубежными учеными в том, что для многих конкурирующих теорий (объяснений природы и закономерностей развития) международных отношений общим является тезис о том, что *«число участников международных отношений расширяется, включая в себя не только государства и межправительственные организации, но и новых, нетрадиционных* (*ставших активными элементами системы международных отношений только в XX веке*) *акторов – международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, фирмы и предприятия, многочисленные производственные, финансовые, профессиональные*

и иные ассоциации и объединения, а также отдельных индивидов» [18, с. 17]. Нет сомнений и в том, что динамично развивающийся плюрализм субъектов международно-политического процесса изменяет, в чем-то явно снижает роль суверенных и формально независимых государств как основных элементов системы международных отношений. Прогрессирующая плюрализация действующих субъектов международной политики и буквально умножение их числа, впрочем, отнюдь не замещают государства и тем более не устраняет их с мировой арены в качестве все же главных, принципиальных участников международных отношений.

Однако, сегодня и в международно политических штудиях, и в публицистике получает все большее распространение (являясь весьма опасной и в научном, и в политическом смысле) такая точка зрения: *«принципы Вестфальской системы в современном мире уже отжили своё»*. Общая линия и логика рассуждений в рамках такой позиции в общих чертах выглядит так. В современном мире фундаментально изменились основные качества и функции суверенного государства, равно как и та роль, которую отдельное государство может выполнять в системе как ее основной действующий элемент. Существование суверенных государств одновременно со множеством иных, негосударственных по природе элементов, в рамках одной системы объективно снижает значение самого принципа *«суверенного равенства»*. Межгосударственные отношения все более подвержены воздействию факторов глобализации, возрастания роли международного права (ограничивающего суверенитет государств и снижающего степень анархичности в международных взаимодействиях). Главная проблема в этой связи, на наш взгляд, такова – является ли фактор внешнего влияния всегда *положительным* для развития различных государств? С другой стороны, в связи с постановкой этой проблемы нельзя пройти мимо рассуждений о том, что угрозы, связанные с неэффективностью и слабостью государственного управления в той или иной стране, якобы требуют серьезного пересмотра традиционного понимания суверенитета как безусловного и абсолютного атрибута государства. Иногда речь идет даже о возможности замены его неким новым общемировым (международным) универсальным и институционализированным инструментарием, способным к поддержанию внутреннего порядка в отдельных государствах.

В связи с вопросом о судьбе суверенитета и жизнеспособности *«государств-наций»* (nation-states) как непременного условия существования системности в международных отношениях, следует указать на одну весьма интересную точку зрения. Известный специалист по государственному праву, председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин так определяет состояние *«Вестфальских принципов»* организации системы международных отношений в начале XXI века. В статье *«Апология Вестфальской системы»* (впервые опубликована в 2004 г.) В.Д. Зорькин высказал мнение о том, что система в ее современном виде – все же *«модификация Вестфальской»*, а не какая-то иная. Главное в такой концепции – составляющие систему элементы, по-прежнему, представлены именно государствами. При этом, естественно, не следует закрывать глаза на то, что по сравнению с серединой XVII века *«объем суверени-*

тета демократических правовых государств существенно ограничен внутренними и внешними факторами, а также правовыми нормами». Этот автор указывает и на основные направления, по которым в теории и политической практике идет *«атака»* на Вестфальскую систему.

С одной стороны, *«права человека и права нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности»*. С другой стороны, *«национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации»* [9, с. 287–288]. Несколько позднее, в 2006 г., развивая мысль о необходимости сохранять именно *Вестфальскую систему* и ООН как организацию *«объединенных суверенитетов»* даже в условиях глобализации и появления новых типов угроз народам, государствам, международной безопасности и развитию в целом, В.Д. Зорькин так же занял совершенно однозначную позицию. *«Государственный суверенитет был закреплен в свое время Вестфалем в качестве системообразующего принципа миропорядка. В этом смысле ничего лучше Вестфальской системы, т.е. взаимодействия и развития государств на основе принципа суверенитета придумано не было и в перспективе не предвидится»* [10, с. 236].

Не секрет, что вокруг проблемы суверенитета всегда было много полемики. Множество мнений существует и сегодня по вопросу о содержании суверенитета в зарубежной науке. Например, известный социолог неомарксистского толка И..Валлерстайн пишет так: *«у суверенитета есть одна основополагающая черта. Это претензии, а претензии мало значат, пока их не признают другие.... Суверенитет, как ничто другое, нуждается в законности. А в современной миросистеме законность суверенитета требует взаимного признания. Суверенитет – это гипотетический обмен, в котором участвуют две потенциально, или реально, конфликтующие, стороны, уважающие при этом существующий расклад сил: для них признание друг друга является наименее затратным стратегическим шагом»* [7, с. 121]. Американский ученый Стефен Краснер называет суверенитет *«организованным лицемерием»*, а сам термин безнадежно устаревшим, находящимся в противоречии с реальным положением вещей. Краснер полагает при этом, что уже в мире XX века международная практика действия политических и иных субъектов приобрела такой характер, что перестала отвечать основным принципам *«Вестфальского суверенитета»* государства (*«территория, автономия, признание, контроль»*) [6]. Более важным – и единственно актуальным в современном мире – Краснер считает формирование и воплощение в практику только *«международно-правовой»* формы суверенитета (“international legal sovereignity”), главное содержание которой – законность признания государства *«во внешней среде»* иными государствами. Если кратко сказать об общем положении дел в современных теориях международных отношений на Западе, то проблема суверенитета государства проявляется, на наш взгляд, в трех основных видах.

1. Она не упоминается вовсе. Полный суверенитет государства воспринимается как само собой разумеющееся понятие, когда речь идет о взаимодействии государств как основных субъектов мирового политического процесса.

2. Она почти не звучит в трудах представителей тех теоретических школ мысли, для которых государство не является главным объектом рассмотрения (равно как и главным субъектом политического действия на мировой арене). Это, например, пост-модернизм, либеральный институционализм, феминизм. Если выделять геополитику в отдельную школу мысли (сделаем важную оговорку – с таким подходом и в России, и на Западе далеко не все ученые согласны), то и здесь политико-географические *пространства*, (регионы, разнообразные *«зоны»*, *«дуги»*, *«сферы влияния»* и т.п.), а отнюдь не государства с их суверенитетом выступают в качестве главных объектов изучения.
3. Современная политическая наука (в самом широком понимании) выступает тем источником, из которого в теорию международных отношений время от времени *«прорываются»* концептуальные новшества относительно трактовки суверенитета современного государства. Довольно часто рассуждения о состояния современного общества в западных странах и его политических институтов, о динамике их взаимодействия затрагивают проблемы международных (межгосударственных отношений). Можно в этой связи указать хотя бы на несколько (появившихся в последние годы) трудов зарубежных исследователей, сами названия которых раскрывают суть подходов и, что называется, *«говорят сами за себя»*. Это, например, такие работы: Джоан Кокс *«О суверенитете и других политических заблуждениях»*, Шарон Краузе: *«Свобода за пределами суверенитета»*, Уэнди Браун *«Мир, застроенный стенами и угасающий суверенитет»*, Йен Барлисон *«Суверенитет как символическая форма»*, *«Расколотый суверенитет. Прошлое, настоящее и будущее спорной концепции»* (под редакцией Х.Келмо и К.Скиннера). Весьма показательна и публикация сборника *«Политика без суверенитета»*, в котором приняли участие такие известные ученые, как Дж. Дер Дериан и А.Гуревич [2].

В российских международно-политических штудиях ситуация иная. Например, российский ученый и политик, академик РАН А.А. Кокошин ставит проблему существования в современном мире *«реального суверенитета»*, которая именно для нашей страны является весьма актуальной и требует усилий по ее решению для более эффективного обеспечения государственных интересов. *«Реальный суверенитет означает способность государства на деле* (*а не декларативно*) *самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать в отношения стратегического партнерства и т.п.»* [12, с. 63]. В совсем недавно вышедшем труде (совместно с А.Н. Пановым) А.А. Кокошин подтверждает свое видение *«реального суверенитета»* и совершенно однозначно высказывает мнение относительно концепций о *«неуместности суверенитета»* в современном мире. *«Идеи универсальной и масштабной десуверенизации, продвигавшиеся и продвигаемые многими деятелями западных стран, в целом не отвечают современным реальностям. В значительной мере эти идеи ориентированы на то, чтобы служить политическим инструментом для американской политической и предпринимательской элиты и элит рада западных стран – американских союзников по НАТО»* [13, с. 7]. Это одна точка зрения.

В то же время существуют и иные, по-разному трактующие как теоретические вопросы (состояние системы международных отношений, ее структурную композицию, стабильность, *«мирорегулирование»* и пр.), так и векторы практического применения идей из сферы отношений *«государство-внешний мир»*. Так, например, Ю.П. Давыдов развивает концепцию необходимости перехода от *«силового»* (основанного на мощи государств и их альянсов) мирорегулирования к некоему *«нормативному»* (формализованному в законах, правилах, международных режимах). Этот автор признает, конечно, что процессы глобализации и растущей взаимозависимости ведут к *«девальвации национальных суверенитетов»*, но все же *«международные отношения еще долго будут средой, где погоду делают национальные суверенитеты* (*хотя и не в прежней форме»*) [8, с. 280]. Однако, по мысли Ю.П. Давыдова именно нормативное регулирование общемировых процессов (и поведения государств), будет основано на универсальных политических обязательствах всех стран и будет *«способно преодолеть анархичность внешней среды»* существования государств; оно даже *«снимает проблему многополярности»* мироустройства [8, с. 283, 285].

Наиболее свежим отечественным научным новшеством в концептуальном плане можно считать и публикацию серьезного коллективного труда *«Современная мировая политика. Прикладной анализ»* (2009 г.) В этой работе авторский коллектив (и особенно А.Д. Богатуров как организатор, ответственный редактор издания и автор ключевых разделов) предлагают такое базовое определение: *«мировая политика характеризует новое качественное состояние международной среды, в которой действуют субъекты международного взаимодействия – как традиционные* (*государства*)*, так и новые* (*все остальные*)*»*. Также – что очень важно – *«мировая политика в известном смысле – не что иное, как современный этап развития того, что мы привыкли называть системой международных отношений, подразумевая под этим преимущественно отношения между государствами»*. Наконец: *«Мировая политика – это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политика каждого из них в отношении внутренних проблем и ситуаций»* [17, с. 34]. К этому же примыкает констатация того, что в современной мировой политике (с 1990-х годов) *«наряду со сферой чисто внешнеполитического взаимодействия, объектом дипломатических переговоров стал внутренняя политика государств»* [4, с. 274].

Очевидно, что на фоне обильных, не очень академичных, публицистических (а то и вовсе вульгарно-геополитических) рассуждений о мировом политическом процессе и месте России в нем такой подход выглядит как хорошая и мощная попытка выдвинуть научную концепцию осмысления современного мира. С такими постановками основных проблем можно соглашаться или не соглашаться. Позволим себе выразить как раз несогласие, ибо при таких трактовках проблема суверенитета звучит как отходящая *«на второй план»* и все это явно требует дополнительных размышлений и комментариев.

Начнем с вопросов терминологии. Весьма уместно в этом контексте указать хотя бы на давно признанные в науке о международных отношениях (и на Западе, в частности) различия в толковании сочетаний *«world politics»*

и *«international relations»*. В авторитетном и часто цитируемом *«Словаре международных отношений»* (Грэм Эванс и Джеффри Ньюэм) *«политическая борьба, а международной арене»* (“international politics”) отличается от *«международных отношений»* (“international relations”), прежде всего, тем, что составляет только часть (*«класс или категорию»*) этой большой сферы и не включает такой важный элемент общей системы, как международное право [4, с. 274]. Существование *«world politics»* подразумевает существование значительно более объемной, чем межгосударственные политические и иные отношения, сферы взаимодействия государств и народов. В этой сфере число действующих субъектов во много раз превосходит количество государств: здесь в политических по содержанию взаимодействиях и борьбе участвуют иные, чем государства элементы системы. Это – субнациональные, наднациональные и транснациональные субъекты политики, деятельность которых, ко всему прочему, выходит за рамки традиционного комплекса главных проблем межгосударственных отношений (*«война-мир-безопасность-порядок»*) [5, с. 578].

Во–вторых, предположим, что главная тенденция развития государства в современной системе международных отношений – это все большее ограничение суверенитета и замена *«равенства суверенитетов»* какой-то формой взаимозависимости государств (формализованной или негласной). В этом случае неизбежно встает фундаментальный вопрос – какие политические выводы (в каждой конкретной стране!) придется делать из такого понимания нынешней динамики отношений по линии *«суверенное государство-состояние системы международных отношений»*. Ведь если полагать, что основные свойства суверенных государств уже кардинально изменились, то, вероятно, в мире происходят такие важные процессы, которые сообщают системе принципиально новые качества. Например, можно видеть современный мир так, как будто в нем более важным, чем взаимодействие государств, является процесс формирования пока аморфного *«планетарного общества»*, состоящего из стран, народов и индивидов. Одной из версий такого подхода выступают рассуждения о начальном этапе формирования *«глобального* (*или транснационального*) *гражданского общества»*, в состав которого включаются, например, массовые международные организации защитников окружающей среды (*«экологистов»*), разного рода правозащитные форумы, а также профсоюзные, потребительские, религиозные организации, кооперативы и т.п.

Вероятно, можно говорить о том, что все это отчасти имеет место – как тенденция, порожденная процессом глобализации. Однако, указанные организации (действующие внутри отдельных стран или транснациональные), к счастью, не могут заменить суверенные государства в качестве основных субъектов мировой политики, действующих элементов системы международных отношений. Ясно, что во всем мире в ходе эпохи глобализации несколько изменяются функции государств. Ясно, что дифференцируется, усложняется структура отношений государств между собой и с негосударственными элементами системы. Но новое качество системы международных отношений в этом смысле состоит пока только в том, что в результате сосуществования в рамках системы различных по природе элементов возникает дифференцированность

и многосубъектность современной мировой политики, но вовсе *не новая система международных отношений как таковая*.

Более того, на наш взгляд, при выдвижении иной концепции в версии А.Д. Богатурова – то есть трактовки *«мировой политики»* как состояния современной системы международных отношений существуют очевидные опасности. Во-первых, никак нельзя согласиться с установкой на то, что *«система международных отношений / состояние этой системы»* и *«мировая политика – это синонимы. Это явно ведет к тому, что данная дефиниция* (*как терминологическое новшество*) *заставляет по-иному подходить к таким понятиям, как «структура»*, *«безопасность»*, *«модель системы»*, *«иерархия»*, *«стабильность»*, да и ко многим другим. Если *«система есть политика»*, то все указанные выше термины зазвучат не только непривычно, но и потребуют иного осмысления и использования. Дальнейшее развитие концепции А.Д. Богатурова в сторону понимания современного мира в парадигме *«конгломератов»* и социально-политических *«анклавов»*, по-разному воспринимающих импульсы глобализации, также усложняет принципы структурной оценки международных отношений и возможности моделирования как метода научного познания.

Более того, еще раз отметим, что предлагаемая концепция оставляет мало места именно для суверенитета государства. Хотя А.Д. Богатуров в указанном труде специально оговаривает позицию относительно взаимосвязи суверенитета государств в новом качестве международных отношений, но до полной ясности здесь весьма далеко [17, с. 34].

Далее. Предлагаемое А.Д. Богатуровым восприятие *«международных отношений / мировой политики»* как *«сферы нерасчлененного взаимодействия»* внутренней политики и отношений с внешним миром ведет к тому, что у государственный суверенитет ОТНЫНЕ (а, возможно, и всегда) будет ограничен фактором влияния извне.

Ясно, что вопрос о соотношении этой новой концепции и реальной жизни (в спектре от восприятия ее политической элитой до преподавания теории международных отношений в отечественных университетах) ставит массу проблем, *«задает тон»* для дальнейших размышлений. Укажем на несколько *«острых углов»* именно в этом контексте.

– Выдвижение новой концепции международных отношений и набора соответствующих дефиниций (*«состояние системы как политика»*) хорошо – как гносеологический инструмент! – в руках опытного и авторитетного ученого, предлагающего концептуальное обновление теории международных отношений. А этот же (готовый, предложенный формате учебника) набор в руках студента, скажем, 2-го курса, только начинающего изучать международные отношения может оказаться бесполезным, а то и контр-продуктивным

– Допустим, что эта концепция и ее терминологический инструментарий уместна в отношении изучения современного мира. Но при этом очевидно, что с ее помощью совершенно невозможно изучать события прошлого, то есть историю международных отношений (или же проводить какие-то сравнения прошлого и настоящего).

Между тем, труды весьма серьезных отечественных и зарубежных ученых все же рассматривают в едином концептуальном ключе (и с опорой на полный суверенитет государства как отграниченного и независимого политического субъекта) и события прошлого, и современный мир, и даже позволяют *«заглянуть в будущее»*. Приведем один пример – авторский дуэт Барри Бьюзен (Великобритания) и Оле Вэвер (Дания), работа *«Регионы и державы. Структура международной безопасности»* (2005). Выдвигаемая этими авторами концепция существования *«комплексов региональной безопасности»* в XX веке, взаимодействия великих держав и государств иных рангов международной иерархии, позволяет говорить о следующем. В смысле отношений безопасности структуру современного миропорядка можно определить, как сложное взаимодействие наиболее мощных государств по схеме 1+4 (США как *«супердержава плюс Китай, Евросоюз, Япония и Россия как «великие державы»*). Мир будущего двадцатилетия – это схематизированная структура *«вероятно, 0+ x»*, то есть ни одной явно доминирующей сверхдержавы и неизвестное ныне количество держав великих [1, с. 446].

Согласие или несогласие с выводами этих ученых – на усмотрение читателя. Здесь важнее совсем другое. Перед нами пример единства концепции и методологии, умение приложить этот цельный комплекс к исторически широкому горизонту.

Завершим краткое рассмотрение современных подходов к проблеме суверенитета в теориях международных отношений некоторыми дополнительными замечаниями о терминах и образах современного мира. Довольно много сегодня говорится о становлении якобы новых по своей природе *«государств пост-модерна»*, для которых пресловутый *«реальный суверенитет»* давно уже не является актуальным в силу многомерного интеграционного взаимодействия. Типичный пример, как считают многие, – это высокоинтегрированная государственно-политическая система наиболее развитых стран-членов Европейского Союза. Эти государства представляются как передовая часть некой *«глобальной цивилизации»*, задающая своеобразный *«идеал-стандарт»* прогресса для остальных, менее развитых стран. При этом обычно отмечается, что для этих государств в современном мире опасность для существования и развития может представлять, как раз сохранение группы (частично сближающегося комплекса) государств, не дошедших до стадии *«пост-модерна»*. В эту рубрику попадают даже три великие державы современности – Россия, КНР, Индия [3, с. 77]. Верно замечают комментаторы и тот факт, что как раз для этой группы (иногда называемых *«восходящие гиганты»*) проблема суверенитета выглядит однозначно и одинаково (вне зависимости от их сближения между собой или, наоборот, напряжения в отношениях): в обозримом будущем эти страны заинтересованы в сохранении именно полного, *«реального»* суверенитета как непременного условия для своего дальнейшего развития.

Ясно, что вопрос о судьбе (или близком *«отмирании»*?) суверенного государства, как нам представляется, будет спорным еще долгое время. Главная причина состоит в том, что никакие академические дискуссии на эту тему не могут изменить международно-политические реалии. А между тем в мире сегодня идут

процессы, свидетельствующие как раз о том, что сама идея суверенного государства пока еще сильнее разнообразных пост-модернистских иллюзий. Распад СССР и Югославии привел к появлению на политической карте мира более двух десятков новых государств. Всего в мире сегодня суверенных государств – больших и малых, а то и вовсе крохотных, – более двух сотен. Как считается, не за горами возникновение еще нескольких (первые в этом списке – частично признанная Западная Сахара (САДР), а также *«государства «де-факто»* (например- Абхазия и Южная Осетия, Приднестрвская республика) . Какова будет их судьба – покажет время, а не накал академических дискуссий об уместности их претензий на суверенное существование. Сегодня ясно только одно – всемирное *«прощание»* с государственным суверенитетом откладывается надолго.

Список литературы

[1] *Buzan, Barry and Waever, Ole*. Regions and Powers. The Structure of International Security – Cambridge (UK); L., Cambridge University Press, 2005. – P. 446.

[2] *Cocks, Joan*. On Sovereignity and Other Political Delusions. (Theory for a Global age Series). – L., Bloombury Academic Publishers, 2014; *Brown, Wendy*. Walled States, Waning Sovereignity.- L., Zone Books, 2014; *Krause, Sharon*. Freedom Beyond Sovereignnity. Reconstructing Liberal Individualism.- Chicago, Univ.of Chicago Press, 2015; *Barleison, Jen*. Sovereignity as Symbolic Form (Critical issues in Global politics). – L., Routledge, 2014; Politics without Sovereignity. A Critique of Contemporary International Relations / Edited by Christopher Bickerton.- L., Routledge, 2006; Sovereignity in Fragments: The Past, Present and Future of Contested Concept / Edited by Hent Kilmo and Quentin Skinner.- Cambridge (UK); L., Cambridge University Press, 2014*; Grimm, Dieter*. Sovereignity. The Evolution of an Idea.- L.N.Y., Polity, 2007 .

[3] *Cooper, Robert*. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century.- L., Atlantic Books, 2004.-P .77.

[4] *Evans, G. and Newham, J*. Dictionary of International Relations.- L., Penguin Books, 1998 – P. 274.

[5] Ibidem, P. 578.

[6] *Krasner, Stephen D*. Sovereignity. Organized Hypocrisy. Princeton (N.J.), Princeton University Press, 1999.

[7] *Валлерстайн, Иммануил*. Миросистемный анализ: Введение. – М, Издательство *«Территория будущего»*, 2006. С. 121.

[8] *Давыдов Ю.П*. Норма против силы. Проблема мирорегулирования, – М., Наука, 2002. – С. 280- 285.

[9] *Зорькин В.Д*. Апология Вестфальской системы/ Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., Норма, 2007. – С.287 -288.

[10] *Зорькин В.Д*. Суверенное государство в условиях глобализации/ Россия и Конституция в XXI веке. – С. 326.

[11] *Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И*. Международное право в вопросах и ответах. – М., Эксмо, 2006. – С.14 ,35, 78.

[12] *Кокошин А.А.* Реальный суверенитет. – Москва, Изд-во *«Европа»*, 2006. – С. 63.

[13] *Кокошин А.А., Панов А.Н.* Макростурктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года. – М., КРАСАНД, 2016- С. 7.

[14] *Левин И.Д.* Суверенитет. – СПб, Юридический центр Пресс, 2003. С. 72.

[15] *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Учебник- 2-е изд., перераб. и доп. – М. ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003 – С. 58.

[16] Международное право. / под ред. Л.Н. Шестакова- М., Юридическая литература, 2005. – С. 64.

[17] Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. – М., Аспект Пресс, 2009. С. 34.

[18] Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. РОССПЭН. – М., 2000. – С. 17.

ФИЛОСОФСКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗМЫВАНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ

Зиганьшин Р.М.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Глобализация в ее современном виде неизбежно сопровождается снижением роли национальных государств, ослаблением их суверенитета и повышением роли международных организаций и крупных транснациональных корпораций. Тем не менее государства, не являющиеся мировыми акторами, имеют возможность извлечь выгоды из этого процесса, что вряд ли устраивает мировых игроков, заинтересованных в том, чтобы глобализация проходила исключительно по их сценарию. Поэтому для оправдания необходимости такой формы глобализации и связанных с ней процессов* (*в глазах «мирового сообщества» и в глазах слабых государств*) *необходимо достаточно мощное идеологическое и теоретическое обоснование.*

Глобализация является естественным и закономерным историческим процессом, начало которого возводят еще к периоду завоеваний Александра Македонского и Чингис-хана. Но результаты таких объединений, добытых военным путем, как правило, оказывались недолговечными: в скором времени они всегда неизбежно распадались. Причиной чему часто являлись не военные поражения от внешней агрессии, а внутренние противоречия и, во многом, искусственность этих образований. В таких огромных объединениях (как и в малых) всегда существуют как центростремительные тенденции, так и центробежные. Последние преобладают, когда исчезает какой-то цементирующий элемент, например наступает крах, кризис идеологии или смерть авторитетного гегемона-правителя. Все это мы можем наблюдать в мировой истории, насчитывающей несколько тысячелетий, в т.ч. и недавней. У различных народов, наций и государств периодически, в зависимости от времени и обстоятельств, помимо субъективных факторов (например, внешних завоеваний), возникает и объективная потребность как в больших крупных объединениях, так и в уединении-локализации. Появился даже термин глокализация, под этим обычно понимают процесс, обратный глобализации, но идущий параллельно с ним, т.е. локализацию. Который, скорее всего, глобализацией и обостряется. Проявляется он, например, в виде сепаратизма, роста интереса к локальным отличиям, к собственным уникальным особенностям, интереса к традициям глубокой древности и т.д. Т.е., как правило, в культурно-политической и социальной

* *Зиганьшин Ринат Махмутович*, к.ф.н., Институт востоковедения РАН, научный сотрудник.

сфере. Экономическая локализация выражается в защите местных производителей и внутреннего рынка, посредством различных пошлин и налоговых сборов. Это мы можем наблюдать еще в глубокой древности, как только возникает торговля между государствами...

Глобализация – это процесс, тесно связанный с ростом населения планеты и техническим прогрессом, в частности с все более развивающимися средствами коммуникации – транспортных грузо-пассажирских и электронных средств связи. Она обычно понимается как процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Поэтому, в своем современном виде неизбежно сопровождается снижением роли национальных государств, ослаблением их суверенитета и повышением роли международных организаций, которым государства делегируют ряд своих полномочий, и крупных транснациональных корпораций. Более доступная миграция людей, свободное перемещение капиталов за границу и возможность обращаться в международные правовые инстанции также уменьшает власть государств по отношению к своим гражданам. Это конечно не может не вызывать в той или иной мере недовольства и противодействия со стороны местных властей. Особенно это касается развивающихся стран (третьего мира) и стран с переходной экономикой (бывший соцлагерь). Государств, имеющих вес и авторитет в мире, это касается в меньшей степени. Более того, для мировых ведущих держав здесь появляется возможность манипулировать мировыми процессами, диктовать прочим странам свою волю, вмешиваться в их внутренние дела. Это особенно остро проявляется в цепи цветных революций в странах СНГ и в событиях *«Арабской весны»*. В последнем случае мы являемся свидетелями уничтожения целых государств (некогда процветающих и достаточно мощных) и образования на их месте неких религиозно-политических образований, вроде ИГИЛ. Глобализация чревата также закреплением периферийной модели экономики для стран не входящих в *«золотой миллиард»*, т.е. фактически во многом является воплощением и продолжением политики неоколониализма. В то же время она дает периферийным государствам много возможностей в плане доступа к мировым достижениям культуры, промышленности, высоких технологий. Мы являемся свидетелями того, как в кратчайший промежуток времени государства, совсем недавно находящиеся на периферии мирового развития: Китай, Южная Корея, Малайзия, Индонезия и др. стали или становятся экономическими гигантами. Что позволяет им заявлять о себе и как о крупных политических игроках на мировой арене...

Естественно, что такой процесс глобализации, *«пущенный на самотек»*, дающий всем странам равные возможности, не может понравиться ведущим державам *«золотого миллиарда»*, считающих себя главными акторами на мировой арене. Это чревато в их глазах нехваткой природных ресурсов в самом недалеком будущем и перспективой утраты мирового господства ввиду появления новых сильных игроков, готовых составить им конкуренцию, с которыми приходиться все больше считаться. Поэтому понятно, почему для них этот процесс должен быть управляемым. Сложившаяся же в настоящий момент система мировой кооперации, интеграции и разделения труда в их глазах почти иде-

альна: финансово-экономический центр находится на Западе, а другим странах уготована роль сырьевого придатка (природных ресурсов и рабочей силы), места утилизации вредных отходов или, в лучшем случае, место расположения на них тяжелых производств (в плане ресурсоемкости и загрязнения окружающей среды). Т.е. мы наблюдаем новую форму старого принципа отношений метрополия – колонии. Нарушение такой *«идеальной»* схемы со стороны периферийных стран всегда по желанию можно представить главной угрозой демократии и *«общечеловеческим ценностям»*. Такие страны становятся главными претендентами на *«империи зла»* и *«недемократические режимы»*...

Таким образом, та управляемая и регулируемая форма глобализации, которая сложилась в настоящее время, вряд ли устраивает *«периферийные»* государства. Кроме разве что компрадорской и коррумпированной правящей там верхушки. Она не может не вызывать протест со стороны таких государств. Поэтому для оправдания необходимости такой формы глобализации и связанных с ней процессов (в глазах *«мирового сообщества»* и в глазах слабых государств) необходимо достаточно мощное идеологическое и теоретическое обоснование. В традиционных обществах таким обоснованием являлась военная мощь завоевателей, но и в этом случае они беспокоились о своей легитимности в глазах покоренных народов, основывающейся не только на штыках.

Глобализация, как и всякий другой социально-политический процесс, образуется и формируется вокруг какого-либо центра и нуждается в теоретическом и идеологическом обосновании. Под всем этим сейчас подразумевают: в роли центра – США, а под идеологией – западный либерализм. Здесь следует отметить, что наряду с понятием *«глобализация»*, существует, тесно с ним связанное понятие *«глобализм»*, между которыми есть существенное различие. Глобализация представляет собой естественный, закономерный, исторический процесс, как упоминалось выше, а под глобализмом обычно понимают осмысление, программу и идеологию этого процесса, которому присуще систематическое применение двойных стандартов. Это выражается в том, что культура современного Запада является основой универсальной глобальной культуры, которой все остальные народы должны уподобиться, если они не хотят *«плестись в хвосте»* мирового прогресса. Мы здесь наблюдаем подмену *«общечеловеческих идей»* идеей американской гегемонии в мире, американизацией (атлантизацией). Всякая же конкуренция и противодействие ей воспринимается как посягательство на фундаментальные основы мирового порядка. Под глобализмом даже понимают стремление к мировому господству, и рассматривают как модель приведения всех стран к усредненному унифицированному мировому стандарту, к одному общему *«знаменателю»*. Поэтому, глобализм часто рассматривают как идеологию, систему организаций и практик, направленных в конечном итоге на установление некоего единого *«Мирового правительства»*, выражающего интересы так называемого *«золотого миллиарда»*.

Такая утопическая идея глобального объединения и унификации в культурно-историческом плане имеет очень давние и глубокие корни. Идеи глобализации можно увидеть и в ряде утопических и хилиастических теорий Средневековья, подразумевающих грядущее собирание всех народов мира в едином

Царстве, не знающем конфликтов и противоречий. Здесь можно вспомнить и библейское высказывание: *«Да будут все едино»* (Евангелие от Иоанна, 17:21) и легенду о строительстве Вавилонской башни, согласно которой все народы были изначально едины, но которые Бог разъединил и смешал языки, чтобы не допустить строительство этой башни. В той или иной степени идеи глобализации и мондиализма можно увидеть: в просветительских представлениях о *«Царстве Разума»*, позитивистском учении О. Конта о *«Третьей Эре»*, гуманистической эсхатологии Лессинга, идее И. Канта о мировом правительстве... Кант считал, что международное право – это обоюдоострое оружие, так как воля каждого государства направлена на то, чтобы с его помощью подчинить народы своей власти – хитростью или силой. Для него состояние войны все же лучше, чем слияние государств в единую державу, переход к всеобщей монархии. Тогда бездушный деспотизм (кладбище свободы) превращается в анархию. Однако здесь Кант видит заложенный природой защитный механизм – разделение народов различием языков и религии (вспомним легенду о Вавилонской башне). Это различие, хотя и влечет за собой склонность к взаимной ненависти и дает повод к войне, с ростом культуры и при приближении людей к большему согласию в принципах ведет к взаимопониманию и миру, осуществляемому равновесием всех сил, их активнейшим соревнованием [1, с. 223].

Об объединении народов в единое мировое государство под знаменем мировой революции говорили и русские революционеры-марксисты (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и др.). Обоснование процесса глобализации можно увидеть также в холизме и синергетике – относительно новых научных направлениях, изучающих структуру, функции, развитие, организацию различных систем. Во времена существования СССР и соцлагеря даже появилась объединяющая в идеологически-системном плане теория Конвергенции, которую у нас называли буржуазной и апологетической, пытавшейся доказать неизбежность сближения капитализма и социализма и создания единого по своей социальной сущности общества-гибрида. Термин *«конвергенция»* заимствован из биологии, где он обозначает процесс образования сходных признаков и функций в строении живых организмов в результате приспособления их к идентичным условиям среды [2, с. 113].

Явления подобные или аналогичные глобализации всегда начинались в виде, как правило, военной экспансии, имели целью расширение жизненного пространства, доступ к природным ресурсам, укрепление своего влияния, гегемонию. Все это неизбежно сопровождалось расширением культурного пространства, освящалось разного рода мессианскими религиозно-идеологическими основаниями: христианскими, мусульманскими, националистическими, коммунистическими, либеральными и т.д. Т.е. по сути в мире ничего не меняется, изменяется только форма. Происходит также борьба, сшибка разный идеологий, теоретических концепций под прикрытием которых зачастую и происходит военная, культурная и экономическая экспансия. Классические примеры борьбы идеологий: Холодная война времен существования СССР и Социалистического блока; противостояние христиан с мусульманами вплоть до военных столкновений во времена крестовых походов, гугенотские войны в Европе и т.д.

В современном мире экспансионистские действия военного характера существенно ограничены наличием у сверхдержав ядерного оружия, как сдерживающего фактора, и Вестфальской системой. Но аппетиты и стремления крупных и даже малых государств к экспансии и расширению зоны своих интересов не ушли в прошлое, поэтому все это приобретает *«мирную»* форму. Что не всегда означает гуманную и человеколюбивую. Противостояние государств и центров силы из военной сферы переместилось, в основном, в культурную и экономическую. Череда *«цветных революций»* показывает нам, что такой способ противостояния в виде свержения законных режимов якобы народно-освободительным движением внутри страны бывает более эффективным, чем непосредственно военное вмешательство. Зачастую это сопровождается еще большими человеческими жертвами и потрясениями, чем при военном вторжении. Можно вспомнить две революции в России 1917 года и последовавшую затем кровопролитную гражданскую войну. Такие революции, инспирированные и организованные извне, давно являются способами разрушения государств и подчинения их своему влиянию, наряду с культурной и экономической экспансией. Последние, правда часто бывают взаимовыгодными и потенциально несут в себе большие возможности для культурного и экономического роста *«покоряемых»* государств, как впрочем иногда и при военном завоевании.

Череда *«цветных революций»* Арабской весны и революции в России 1917 года показывает нам, что такой способ скрытого вмешательства часто является гораздо более антигуманным делом, чем прямая интервенция. Поскольку оккупант помимо приобретенных выгод в плане территорий и ресурсов берет на себя и ответственность за покоренную страну, отвечает за благосостояние населения, за порядок, несет полицейско-административные функции и т.д. Что очень затратно, не говоря уже о репутационных издержках завоевателя и агрессора. Даже марксистско-ленинский *«экспорт революции»* при самых кровавых сценариях в этом плане более гуманен, поскольку в итоге здесь важно показать местному населению и мировому сообществу преимущества *«нового передового»* общественно-политического строя. За результат же *«цветной революции»* и якобы народно-повстанческого движения внешний актор никакой ответственности не несет. При этом не всегда очевидна его роль в происходящих событиях, не совсем понятны его цели, задачи, и даже приобретаемые в итоге выгоды, которые он преследует в результате смещения правящих режимов и создания хаоса на определенной территории.

Зато очевидны угрозы и ущерб для покоренной или уничтоженной в результате страны и очевиден ущерб *«третьим лицам»*, т.е. другим государствам, имевшим с ней долговременные экономические контракты, и находящихся с ней по соседству. В результате такого вмешательства дуга нестабильности перекидывается и на другие страны, как в случаях с Арабской весной. Массовый поток населения в Евросоюз также чреват не вполне очевидными последствиями, уже создавший европейским странам немало проблем... Все это сопровождается и обостряется проблемами терроризма, а также многими другими, можно сказать, нагромождением проблем. И уже трудно разобраться в их очередности и причинно-следственной связи... Здесь легко всплывают и

актуализируются всякого рода теории заговора о масонстве, сионизме, мировом правительстве и т.д. И это тоже легко может использоваться закулисными акторами для еще большего *«напускания тумана»* для *«ловли рыбы в мутной воде»* и возможности подставить вместо себя в качестве мишени для праведного гнева мирового сообщества того, кого им нужно. В политике некоторых (или некоторой) ведущих мировых держав, направленная на свержение законных режимов и создание в определенном регионе хаоса и нестабильности рассматривают даже как наметившиеся признаки антиглобализационных процессов. На первый взгляд может показаться, что свергаются режимы, не вписывающиеся в общие магистральные глобализационные процессы, но на их месте образуются режимы, мягко говоря, еще больше в это не вписывающиеся. Против этих новых режимов *«мировое сообщество»* в лучшем случае имитирует борьбу. Напрашивается вывод, что целью *«цветных революций»* для закулисного актора (или акторов) и являлось то, что мы в итоге получили. Хотя естественно, что и для него полученный результат был не во всем ожидаемым и желаемым, а процесс не полностью управляемым.

Таким образом, международные отношения и мировая политика вступила в новую фазу, которую еще предстоит осмысливать. Они уже не совсем вписываются в такие современные понятия как глобализация (процесс) и глобализм – идеология и программа по управлению процессом глобализации в выгодном для ведущих держав свете. Сейчас появляются новые обстоятельства, условия и события, не вписывающиеся в известные теории и концепции. За исключением, разве что, апокалиптических теорий о конце света и крахе человечества. Термин, глокализация уже не вполне объясняет происходящие в мире процессы, поэтому появился термин деглобализация. Что это такое – временный кризис глобализации или необратимый закономерный процесс, можно узнать только со временем. Могу предположить только, что при современной системе международных отношений, при том, что представляет сейчас из себя человечество, глобализация, которую подразумевали просветители, утописты и философы, упомянутые выше, невозможна. Для этого само человечество должно поменяться, но это уже не научные рассуждения, а утопические...

Список литературы

[1] *Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. СПб., 2003.

[2] Научный коммунизм. Словарь. Под редакцией академика А.М. Румянцева. Издание четвертое, дополненное. – М.: Издательство политической литературы, 1983.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ

Наумов А.О.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматривается проблема влияния «цветных революций» на суверенитет современных государств. Суверенитет предполагает полную независимость государства во внутренних и внешних сношениях. В международной сфере суверенитет государства выражается в его праве самостоятельно, независимо от других держав, решать свои внутренние вопросы и вступать в международные соглашения. Доказывается, что «цветные революции» наносят непоправимый удар по реальному суверенитету стран, в которых они происходят.*

Система глобального управления в настоящее время находится в глубоком кризисе. Нарастает геополитическая напряженность и турбулентность. Одной из ключевых причин данного процесса является систематическое нарушение норм международного права, незаконное вмешательство во внутренние дела суверенных государств. К подобной практике особенно активно прибегают западные страны, которые пытаются удержать полученное после окончания *«холодной войны»* глобальное доминирование всеми возможными способами. Для достижения своих целей на международной арене они используют различные приемы геополитической инженерии, одним из которых в начале XXI века стали технологии по ненасильственной смене политических режимов – *«цветные революции»* (термин берется в кавычки, так как между *«цветными революциями»* начала XXI века и *«классическими»* революциями Нового времени лежит настоящая пропасть, однако анализ данного вопроса не входит в контекст работы, так как требует отдельного полноценного исследования).

Тема *«цветных революций»* сегодня как никогда актуальна. 27 марта 2014 года российский президент В.В. Путин заявил *«о необходимости провести анализ... всех «цветных революций»* последнего времени» [1]. Несмотря на важность данной проблемы, пристальное внимание к ней высших государственных лиц, экспертного и научного сообщества, в современном общественно-политическом дискурсе до сих пор нет единого мнения относительно трактовки понятия *«цветная революция»*.

На наш взгляд, *«цветная революция»* – это государственный переворот, ненасильственная смена власти с использованием технологий, механизмов и инструментов *«мягкой силы»*.

* *Наумов Александр Олегович*, к.и.н., доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

«Мягкая сила» в классическом понимании основателя этой концепции Дж. Ная-мл. – это возможность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов [2]. По сути, речь идет о достижении геополитических целей государства средствами, альтернативными силовым подходам (*«жесткой силе»*) и методам классической дипломатии. Это особый тип внешнеполитической деятельности, связанный с распространением влияния одного государства на другие через средства массовой коммуникации, популярную и высокую культуру, предоставление услуг образования, благоприятную экономическую среду, распространение привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать другие субъекты международных отношений.

Стратегическая цель политики, основанной на технологиях *«мягкой силы»*, однако, не состоит исключительно в гуманистическом распространении собственной культуры, языка и ценностей. В современном глобальном мире *«мягкая сила»* является не менее эффективным оружием, чем *«жесткая сила»*. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года наряду с положительными чертами *«мягкой силы»* как инструмента международной политики отмечается, что *«усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы»* и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием [3]. В данном случае *«мягкая сила»* подразумевает под собой технологию расширение сферы идеологического влияния посредствам проникновения определенных социокультурных и духовных моделей, в первую очередь, через информационное пространство.

Вообще, практику использования *«мягкой силы»* в зависимости от целей ее реализации, содержания и направленности применяемых технологий можно достаточно четко поделить на два типа. В первом случае *«мягкую силу»* действительно следует рассматривать как позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между государствами и народами. Но существует и другой путь, когда ресурсы *«мягкой силы»* применяются как орудие дестабилизации государственного управления и государства в целом. По сути, речь идет об использовании технологий *«мягкой силы»* для подрыва государственного и социального устройства другой страны, его суверенитета с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы; через навязывание определенных стереотипов в массовом сознании общества для достижения конкретных своекорыстных целей и задач [4, с.74–75]. В этом случае как раз можно говорить о технологиях, на которых и базируются *«цветные революции»*.

В геополитическом плане *«цветные революции»* – собирательное название процессов смены политических режимов с использованием технологий и ресурсов *«мягкой силы»* в странах Восточной Европы, постсоветского пространства и арабского Магриба в 2000–2014 годах. Эпоха *«цветных революций»* началась в 2000 году на площадях югославского Белграда. Всего через три года они

перекинулись на постсоветское пространство – в ноябре 2003 года в Грузии произошла *«революция роз»*. В последующие полтора года в результате развития протестного движения, мобилизации оппозиционных сил и неправительственных структур, реализации инновационных предвыборных технологий и методов ненасильственной смены власти, а также активного вмешательства извне произошла смена политических режимов еще в двух бывших республиках СССР – в конце 2004 года на Украине (*«оранжевая революция»*) и в марте 2005 года Киргизии (*«тюльпановая революция»*). Затем этот процесс приостановился, однако в начале второго десятилетия XXI века подобные *«революции»*, уже с использованием обновленных методик, особенно передовых цифровых технологий, вновь произошли сразу в нескольких странах Северной Африки (*«жасминовая революция»* в Тунисе на рубеже 2010/2011 годов и *«финиковая революция»* в Египте в январе 2011 года), получив название *«арабской весны»*, и вернулись в центр Восточной Европы – на Украину в виде *«революции достоинства»* (также известной как *«Евромайдан»* в ноябре 2013 – феврале 2014 годов). Нельзя не отметить, что магистральной тенденцией последних лет стала радикализация этого явления, превращение изначально ненасильственных (по крайней мере, формально) *«цветных революций»* в вооруженные государственные перевороты и кровопролитные гражданские войны, за которыми зачастую следовало военно-силовое вмешательство внешних акторов.

Как и любое геополитическое явление *«цветные революции»* имеют достаточно сложный и многомерный характер, обладая при этом набором определенных *«родовых»* признаков. Существуют внутренние и внешние причины и предпосылки этих *«революций»*. Одной из основных причин *«цветных революций»* стали социально-экономические проблемы: низкий уровень жизни, безработица, коррупция на всех уровнях, неравномерность в развитии регионов и т.д. Если говорить о внутриполитических причинах, то главной из них, пожалуй, стала системная нестабильность и слабость политических режимов, зачастую осложнявшаяся наличием раскола в правящих элитах, проблемами регионализма, сепаратизма и/или религиозного экстремизма. Но не менее важной причиной *«цветных революций»* стал внешний фактор – то, что отечественный историк и политолог В.А. Никонов назвал *«цветной демократизацией»* со стороны Запада [5, с.505]. Огромную роль в начале *«цветных революций»* сыграли появление и распространение из-за рубежа программ по продвижению демократии. США и их союзники из числа стран ЕС оказывали мощнейшую финансовую, организационную и моральную поддержку оппозиционным силам, реализующим технологии ненасильственной смены политических режимов в своих странах. Конечно, если бы условия для *«цветных революций»* не созрели, то даже массированные финансовые вливания с Запада вряд ли смогли бы переломить ситуацию. Однако верно и обратное: реализация технологий *«цветных революций»* не могла быть успешной без всесторонней поддержки извне.

В этой связи выглядит совершенно не случайным тот факт, что во всех *«цветных революциях»* обнаруживается один и тот же принцип действий, последовательность технологий и почти идентичный механизм протестных выступлений. Все *«революции»* прошли в своем развитии несколько отчетливых фаз

или этапов. В ходе подготовительной фазы организаторы *«цветных революции»* тщательно анализируют социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, выявляют слабые места правящего режима, определяют расстановку сил, классифицируя союзников и противников будущей *«революции»*. Во время второго этапа происходит распределение сил внутри движущих сил *«революции»*: выделяются *«революционеры»*, которые в дальнейшем должны будут придти к власти, и, наоборот, определяются те, кому суждено сойти с политической арены в недалеком будущем. Третья фаза *«цветной революции»* характеризуется дестабилизацией внутриполитической обстановки, что зачастую связано с прошедшими или приближающимися президентскими или парламентскими выборами. Четвертая фаза – это апогей *«революции»*, когда массовые протестные выступления и акции гражданского неповиновения достигают максимального размаха, а ядро оппозиции активно готовится к перехвату власти у правящего режима. Как правило, в этот момент начинаются жесткие провокации со стороны *«революционеров»* и появляются первые жертвы, что способствует увеличению массы протестующих и радикализации антиправительственных требований. Начинаются столкновения с органами правопорядка, деятельность оппозиции выходит из правового поля. Власть оказывается перед критической дилеммой: либо в полной мере использовать собственное право на легитимное насилие, либо вступить с оппозицией в переговоры, идя на уступки. Не будучи полностью уверенными в собственных сторонниках, особенно внутри силового блока, и находясь под беспрецедентным внешним давлением со стороны Запада, главы государств выбирают второй, абсолютно губительный для них вариант, предопределяя победу *«революции»*. На заключительном этапе оппозиция берет власть в свои руки. Кульминацией *«цветной революции»* и символом ее победы обычно становится захват зданий, олицетворявших прежний режим, – президентской администрации, парламента, радио, телевидения и т.д. В этот момент происходит окончательное разложение правящей элиты, разрушение государственной и политической системы управления страной. Новая власть получает легитимность, одновременно легализуя своих внешних покровителей. Старый режим ликвидируется, и победившие *«революционеры»* приступают к построению собственной вертикали власти и системы государственного управления, начинают формировать новый внешнеполитический вектор. Запад объявляет о *«победе демократии»* и обеспечивает всестороннюю поддержку нового режима, превращая собственную *«мягкую силу»* в источник его легитимности.

Главными отличительными чертами *«цветных революции»* является их в целом ненасильственный характер, а также использование импортированных с Запада технологий и методик *«мягкой силы»*, которые реализуются определенными акторами (НПО, СМИ, социальные сети) посредством различных семиотических инструментов (символы, образы, идеи, мифы). Причем в зависимости от уровня использования технологий их можно достаточно четко поделить на две группы: *«цветные революции»* и *«цветные революции 2.0.»*.

Можно выделить целый ряд крупных факторов, способствующих победе *«цветных революций»*. В первую очередь надо отметить объективную системную слабость политических режимов. Отсутствие решительного и твердого, уверен-

ного в себе и своем окружении лидера стало, пожалуй, ключевым моментом в победе оппозиции. В этой связи решающее значение имела позиция силовых ведомств, которые в самый ответственный момент отказали в лояльности главе государства. Важным организационным фактором стало объединение разрозненной оппозиции и ее мобилизация на борьбу с режимом. Существенное влияние на победу *«цветных революций»* оказал и *«эффект домино»* – примеры успешных ненасильственных государственных переворотов в регионе. Но ключевую роль в победе *«цветных революций»* все же сыграл внешний фактор, который выразился в мощной и разносторонней поддержке оппозиции и связанных с ней акторов *«мягкой силы»* со стороны западных стран.

С точки зрения Запада *«цветные революции»* являются инструментом демократизации власти, способствуют восстановлению социальной справедливости и демократических свобод в странах с авторитарными режимами и в странах с переходными формами демократии. На самом деле, выдаваемые за процесс демократизации, модернизации, либерализации, приобщения к *«западным ценностям»*, *«цветные революции»* являются орудием *«мягкой силы»* Запада, которое направлено на подрыв суверенитета государств. Сам переворот организаторы представляют как проявление гражданской позиции и социальный протест населения, но в реальности это заранее срежиссированная и отработанная технология по смене политического режима. При этом к власти приводятся разрозненные олигархические и/или экстремистские группировки, которые не имеют опыта государственного управления и не имеют права на него.

На примере стран, в которых победили *«цветные революции»* видно, что их истинная цель заключалась в демонтаже правящего режима, разрушении институтов государственной власти, что неизбежно приводит к перманентной политической и социально-экономической дестабилизации в стране и регионе, созданию *«управляемого хаоса»*. Разрушая политические режимы, *«цветные революции»* и их лидеры не предлагают ни обществу, ни государству ничего, кроме абстрактных идей демократизации, под которой они понимают унификацию общества под стандарты и ценности западных либеральных демократий.

Сегодня уже очевидно, что *«цветные революции»* не оправдали надежд населения на кардинальные изменения в лучшую сторону. Они лишь способствовали замене одной правящей группы на другую, перераспределению властных полномочий и финансовых потоков. Никаких реальных улучшений социально-экономического положения, равно как и подлинной демократизации в этих странах так и не произошло. Напротив, можно констатировать полный провал новых властей в области государственного управления, что привело к усугублению имевшихся до *«революции»* проблем. Все без исключения страны–жертвы *«цветных революции»* заплатили за них очень высокую цену – от ухудшения уровня жизни до резкого роста экстремистских настроений, террористической угрозы и даже потери части собственной территории. Главным итогом *«цветных революций»* для государств, в которых они произошли, стала утрата ими реального суверенитета, превращение этих стран из субъектов в объекты мировой политики, сползание к категории *«несостоявшегося государства»*.

Список литературы

[1] Президент России Владимир Путин заявил о необходимости провести анализ событий на Украине и всех *«цветных революций»* последнего времени. ИТАР ТАСС. 27.03.2004. – http://itar-tass.com/politika/1079136 (дата обращения 20.05.2016).

[2] *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 20.05.2016).

[4] *Наумов А.О. «Мягкая сила»* и *«цветные революции»* // Российский журнал правовых исследований. № 1. 2016. С.73–86.

[5] *Никонов В.А.* Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? – М., 2015.

«ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ» КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Столетов О.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье феномен «гибридных войн» рассматривается как фактор риска для обеспечения суверенитета современных государств. Автор анализирует явление «гибридных войн», исследует причины их распространения в современной мировой политике, характер взаимосвязей между глобальной турбулентностью, «гибридными войнами» и суверенитетом государств. Автор приходит к выводу, что конкуренция мирополитических акторов в условиях глобальной турбулентности, все чаще реализующая себя в стратегиях «гибридных войн», становится долгосрочным фактором мировой политической динамики, усиливающим риски суверенитету государств. В этих условиях чрезвычайно важной задачей становится выработка и реализация стратегии, способной адаптировать государственный суверенитет к новым вызовам.*

Формирование полицентричного мира на современном этапе происходит в условиях качественных геополитических и геоэкономических изменений, характеризующихся нарастанием глобальной турбулентности, проявляющей себя в росте неустойчивости основополагающих структур и процессов, а также неопределенности протекающих в них изменений. В условиях глобальной турбулентности, порожденной новым качеством социально-политических, экономических процессов и технологического развития, происходит эскалация геополитической, геоэкономической, информационно-интеллектуальной конкуренции, а все чаще и конфронтации между ведущими международно-политическими акторами. Следствием этого становится увеличение количества государственных переворотов, вооруженных конфликтов, локальных войн. Многие зарубежные и российские авторы говорят об угрозе полномасштабной хаотизации мировой политики.

Некоторые исследователи, однако, указывают на творческое начало, заложенное в хаосе. Например, по мнению Д.М. Фельдмана, хаотизация сферы политического *«не означает приближение краха цивилизации, конца культуры или гуманитарной катастрофы»*, а сам хаос *«несет в себе не только всемирный беспорядок, но и новые формы политического бытия»* [1]. Анализируя данную точку зрения, можно заметить, что порожденное турбулентностью сложное и многоаспектное взаимовлияние глобализации и регионализации сегодня способ-

* *Столетов Олег Владимирович*, к.п.н., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, старший преподаватель.

ствует формированию новых интеграционных и квазиинтеграционных систем. Эти системы характеризуются специфическим институциональным дизайном, представленным экономическими международными организациями и соглашениями (Евразийский экономический союз, Транс-Тихоокеанское партнерство, проект *«Экономический пояс Шелкового пути»*), а также неформальными межгосударственными объединениями (БРИКС, G-20, группа *«Друзья Сирии»*). Одновременно происходит усиление влияния на мировую политику со стороны не- и антисистемных негосударственных акторов (радикальные общественные движения, военно-террористическая организация *«Исламское государство»*).

Ряд отечественных исследователей, характеризуя специфику формирующейся полицентричности мира, обращает внимание на то, что сегодняшние центры силы не равновелики [2]. Асимметрия и многомерность новой полицентричности вызваны тем, что, во-первых, наряду с ведущими центрами влияния появляются претенденты на лидерство, второстепенные, а также маргинальные центры силы, во-вторых, эти центры имеют различное общественное устройство, которое, кроме того, во многих аспектах еще не устоялось, и, в-третьих, в современном мире существенно расширяется спектр инструментов, посредством которых центры силы способны воздействовать друг на друга.

Иллюстрируя представленный выше тезис, американский исследователь А. Ачария сравнивает современный мир с кинотеатром-мультиплексом, в котором в нескольких залах в одно и то же время идут разные фильмы – с разными сюжетами и актерами [3]. В рамках данного процесса происходит расширение количества влиятельных международно-политических участников, характеризующихся асимметрией возможностей. В этих условиях две основные составляющие международных отношений и мировой политики, а именно сотрудничество и конкуренция, проявляют себя все более многообразно и многомерно, охватывают сферы военного, экономического, научного, технологического, гуманитарного взаимодействия.

Комплекс обстоятельств, порожденных трансформацией мировой политической системы, оказывает существенное воздействие на суверенитет современных государств. При этом феномен суверенитета исторически тесно связан с явлением войны. Например, политико-правовое утверждение так называемого *«вестфальского»* суверенитета во много стало результатом Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). *«Вестфальский»* суверенитет постулировал принцип нетерпимости государства по отношению к внешнему вмешательству в свои внутренние дела [4]. Нам представляется, что трансформация технологий ведения войн и вооруженных конфликтов, которую мы наблюдаем сегодня, оказывает существенное воздействие на возможность реализации *«вестфальского»* суверенитета. Трансформацию современной войны мы связываем с феноменом так называемых *«гибридных войн»*. В рамках этой трансформации возможно выделить несколько существенных тенденций.

Первой такой тенденцией является так называемая *«приватизация»* войны. Данный тренд проявляется в том, что современное государство, с одной стороны, теряет монополию на насилие, а, с другой стороны, целенаправленно осуществляет контролируемый аутсорсинг этого права в пользу негосудар-

ственных акторов. Важным аспектом этого тренда является повышение значимости иррегулярной составляющей в современной войне. В фокусе операций иррегулярного противостояния находится, в первую очередь, население страны. Стратегическая цель направлена на то, чтобы захватить и удержать контроль над ключевыми общественными группами посредством использования политических, психологических, информационных и экономических методов. В ходе иррегулярной войны используются непрямые технологии воздействия, направленные на подрыв внутренней сплоченности политической элиты, ослабление ее воли и лишение поддержки наиболее активных групп населения страны. Для сравнения необходимо сказать о том, что традиционная война предполагала прямую военную конфронтацию непосредственно между государствами. Объектом нападения в традиционной войне выступали регулярные вооруженные силы. Стратегическая цель такой войны состояла в том, чтобы уничтожить боеспособность противника, захватить и удержать территорию, обеспечить политические изменения в стране – объекте нападения, минимизировать вмешательство населения в боевые действия, в том числе не допустить возникновения народного сопротивления агрессору в форме партизанского движения. *«Гибридная война»*, опирающаяся на иррегулярную составляющую, наоборот, может активизировать потенциал массового народного недовольства и сопротивления, направляя его в определенное русло.

Вторая тенденция находит свое проявление в нарастании асимметричности войн и вооруженных конфликтов. В асимметричном противостоянии воюющие стороны оказываются неравны с точки зрения применяемых вооружений, цели противников часто несопоставимы, а их стратегические и тактические методы существенно различаются. К основным чертам асимметричных конфликтов следует отнести такие особенности как непредсказуемость исхода при явной несоразмерности силовых возможностей и статусов противоборствующих сторон, использование слабым актором *«слабостей сильного»*, обращение слабого актора к запрещенным средствам ведения вооруженной борьбы, тактике *«непрямых»* военных действий.

Третья тенденция проявляется в размывании границы между международными и немеждународными (внутренними) конфликтами. Она находит свое проявление в расширении практики интернационализации внутренних политических и военно-политических конфликтов, а также в трансформации внутренних конфликтов в международные. Данная тенденция обостряет проблему использования государством различного рода вооружений одновременно в оборонительных и в наступательных целях.

Важно отметить, что каждая из вышеперечисленных тенденций имеет не только практическое, но и дискурсивное измерение. Концепции асимметричных войн, человеческой безопасности, справедливой войны, а также множество других достаточно часто целенаправленно используются в глобальном информационно-интеллектуальном пространстве для того, чтобы внедрить соответствующие принципы ведения войн и вооруженных конфликтов в сознание лиц, принимающих решения, отдельных целевых аудиторий и граждан, обосновать правомерность использования военной силы определенными государствами.

Гибридизации современной войны способствует ряд объективных факторов, к числу которых мы относим международно-правовой запрет на ведение агрессивных войн, факт наличия ядерного оружия у великих держав, размывание государственного суверенитета, расширение нелегального рынка оружия, рост числа экстремистских и террористических организаций, а также кризис традиционной модели мирового лидерства и присущих ей форм мирорегулирования [5]. Обобщая, можно сказать, что процесс гибридизации современной войны в значительной степени порожден глобальной турбулентностью. В то же время во многом практика ведения *«гибридных войн»* вызвана стремлением акторов влиять на неустойчивые мирополитические процессы, оказывать управляющее воздействие на турбулентность, использовать последнюю в собственных интересах.

В реальной политике *«гибридные войны»* сочетают в себе классическое военное насилие с иррегулярными формами противостояния. В *«гибридных войнах»*, наряду с государственными институциями, участвуют множественные негосударственные акторы, которые реализуют свой военный потенциал в физическом, информационном, кибернетическом, культурном и когнитивном пространствах. Как правило, *«гибридные войны»* ведет своеобразный симбиотический субъект. Наряду с негосударственными участниками, он включает в себя государства, действующие либо напрямую (посредством давления), либо в качестве открытых или тайных спонсоров [6]. На практике можно говорить о формировании своеобразных ситуативных государственно-негосударственных коалиций и альянсов разного качества, в рамках которых интересы государственных и негосударственных акторов существенным образом смыкаются. Негосударственными участниками и проводниками *«гибридных войн»* могут быть средства массовой информации, террористические организации, вооруженные экстремистские группировки, радикальная политическая оппозиция, повстанческие военизированные структуры. В *«гибридной войне»* могут быть задействованы финансово-экономические организации, участвующие в политике экономических санкций, специальные службы, олигархические группы, националистические и псевдорелигиозные структуры.

Формирование сложной конфигурации акторов и участников *«гибридной войны»* позволяет рассматривать данный феномен как непрямую и необъявленную войну без явного субъекта (единого центра контроля). Ведение *«гибридной войны»* позволяет государствам избегать ответственности, так как данная форма противостояния осуществляется вне существующих норм и правил, выработанных государствами и для государств. Объединение этих составляющих позволяет эффективно подрывать стабильность внутри того или иного государства, противостоять попыткам данного государства проводить самостоятельный внешнеполитический курс. В некоторых случаях *«гибридные войны»* могут провоцировать вооруженные конфликты внутри государств, в их пограничных зонах, либо создавать предпосылки для их развязывания в будущем [7].

Важно подчеркнуть, что традиционные войны главным образом имели своей целью военно-силовое подчинение противника определенной политической воле. В свою очередь, *«гибридные войны»* преимущественно направлены

на то, чтобы спровоцировать противника, подтолкнуть его к заведомо ошибочным действиям, результатом которых станет неоправданный для данного государства ущерб. В этом смысле стратегия *«гибридной войны»* позволяет не столько добиться подчинения противника, сколько дезавуировать его, ввести его в замешательство, создать долгосрочные проблемы, которые противнику потом придется решать самостоятельно, затрачивая на это политические, экономические, социальные, а главное – временные ресурсы.

В *«гибридных войнах»* происходит сопряжение международного и внутригосударственного давления на политическое руководство государств, сопровождающееся разрушением единого гуманитарного пространства стран за счет мобилизации деструктивного потенциала субнациональных идентичностей. Обобщая, можно сказать, что стратегия *«гибридной войны»* представляет собой управленческую стратегию, позволяющую воздействовать на процессы турбулентности в интересах деструктивных политических субъектов, а также акторов, таких субъектов поддерживающих. Актуализация этих стратегий создает ряд существенных рисков для подрыва суверенитета государств. Представляется возможным выделить два наиболее важных риска.

Во–первых, формирование сложной конфигурации участников *«гибридных войн»*, представленных объединениями влиятельных государств и различных негосударственных акторов, создает значительные сложности для выработки эффективных контрстратегий. Как результат, государство, стремящееся обеспечить свой суверенитет, вынуждено увеличивать и дифференцировать расходы на национальную оборону и безопасность в различных ее сегментах в условиях неопределенности вероятного главного удара. Во-вторых, *«гибридная война»*, будучи стратегией, нацеленной на ослабление потенциала международно-политического влияния контрагента, его воли осуществлять политическую власть на собственной территории, существенно повышает требования к качеству внутренней политики. Социально-экономический спад в сочетании с расколом национальной элиты и дезорганизацией ключевых государственных институтов способен создать ситуацию невозможности эффективного использования конвенциональной силы для урегулирования обострившихся противоречий и обеспечения политической стабильности в самом государстве и на его границах.

В этих условиях перед современным государством встает задача адаптации своего суверенитета к новым технологическим, экономическим и социальным реалиям. Решить эту задачу оказывается достаточно сложно в ситуации недостаточности у государства ключевых ресурсов, в первую очередь, экономических (финансовых, инвестиционных, производственных, человеческих). Государство как система формальных институтов оказывается неспособно принимать стратегические решения по ключевым направлениям своего развития в условиях сокращающегося временного горизонта планирования. Важно отметить, что не только у политической элиты, но и у экспертного сообщества в таких условиях возникают существенные трудности с проектированием позитивного образа будущего.

По нашему мнению, позитивной контрстратегией, противодействующей *«гибридным войнам»* может стать стратегия *«разумной силы»* [8]. Данная стратегия

предполагает объективную оценку реалий актуальной международно-политической динамики, однако ориентирована на реализацию принципа открытых возможностей. В ситуации отступления международно-политических контрагентов от многосторонних и кооперативных подходов, актуализации ими исключительно *«жестких»*, в ряде случаев манипулятивных, имитационных и провокационных технологий, субъект стратегии *«разумной силы»* будет пропорционально усиливать свой собственный компонент *«жесткости»*, молниеносно и точечно использовать его в целях недопущения дальнейшей эскалации международной напряженности.

В долгосрочном плане стратегия *«разумной силы»* призвана способствовать выживанию мировой цивилизации в условиях обострения глобальных проблем. Единственным условием, при котором острота нарастающего глобального кризиса может быть снижена, является переход к сбалансированному глобальному развитию. Наиболее эффективно обеспечить такое развитие, по нашему мнению, может коллективное лидерство. Стремление к формированию именно такого лидерства заложено в стратегию *«разумной силы»*. Глобальное коллективное лидерство, в отличие от тех или иных форм гегемонии отдельного государства, способно всесторонне и системно проявлять себя в различных сферах глобальной системы и решать ее комплексные, сложным образом взаимосвязанные и взаимообусловленные проблемы.

Стратегия *«разумной силы»* ориентирована на достижение большей кооперации в мировой политике. С точки зрения целеполагания стратегия *«разумной силы»* ориентирована на формирование устойчивой системы глобального коллективного лидерства, способной эффективно выполнять свои функции. При этом стратегия *«разумной силы»* характеризуется творческим началом, предполагающим активное воздействие на глобальную политику, а не подстраивание под происходящие деструктивные трансформации и контрпродуктивные международно-политические решения.

На практике в сегодняшних условиях стратегия *«разумной силы»* решает задачи рациональной реорганизации международного порядка и трансформации глобальной политики в сторону учета при принятии глобальных решений позиций большего количества членов международного сообщества, а также обеспечения более широкой, инклюзивной и действенной модели системы международной безопасности.

Политическая конкуренция мирополитических акторов в условиях глобальной турбулентности, сегодня все чаще реализующая себя в стратегиях *«гибридных войн»*, по нашему мнению, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики и оказывает существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность. Результатом *«гибридных войн»* может быть как разрушение старых центров силы, так и образование новых. Актуализация этих стратегий объективно способствует росту прагматизма в мировой политике, при этом существенно повышает как международно-политические риски в целом, так и риски суверенитету государств, в частности.

В этих условиях чрезвычайно важной и одновременно сложной задачей становится выработка и реализация ведущими мировыми акторами страте-

гии, способной преобразовать государственный суверенитет, сделать его более комплексным и более технологичным, адаптировав его к новым вызовам. Нам представляется, что в рамках этой стратегии особое внимание должно быть уделено формированию *«точек сборки»*, обеспечивающих долгосрочную кооперацию политической элиты, корпоративного сектора, научного, экспертного и образовательного сообществ, как на уровне отдельного государства, так и на более высоких уровнях мировой политической системы. На наш взгляд, именно такая стратегия может способствовать формированию нового качества глобального лидерства, способного вырабатывать коллективные подходы и реализовывать мероприятия, дающие своевременные и эффективные ответы на наиболее значительные опасности и угрозы, а также позволяющего адаптировать нынешний государственный суверенитет к новым мирополитическим реалиям не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Список литературы

[1] *Фельдман Д.М.* О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 5. С.35–46. – http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=531 (дата обращения: 07.06.2016).

[2] *Арбатов А.Г.* Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. 2014. Т.12. № 4. С. 16–31.

[3] *Acharya A.* From the Unipolar Moment to a Multiplex World // YaleGlobal Online, 03.07.2014. – http://yaleglobal.yale.edu/content/unipolar-moment-multiplex-world (дата обращения: 30.05.2016).

[4] *Кузнецова Е.С.* Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. 2006. Т. 4. №11. С. 90–99. –http://www.intertrends.ru/eleventh/007.htm (дата обращения: 03.06.2016).

[5] *Костин А.И.* Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический метод // Политическая наука. 2015. № 4. С. 40–59.

[6] *Deep A.* Hybrid War: Old Concept, New Techniques // Journal Article, 02.03.2015. – smallwarsjournal.com/printpdf/22276 (дата обращения: 31.05.2016).

[7] *Столетов О.В. «Гибридная война»* как теоретический концепт и инструмент дискурсивного влияния в современной мировой политике // *«Гибридные войны»* в хаотизирующемся мире XXI века. – М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 105–123.

[8] *Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила»* и *«разумная сила»* в современной мировой политической динамике: монография. – М.: МГИУ, 2015. 255 с.

НЕСУВЕРЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Лексин И.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы о взаимосвязи понятия государства с понятием суверенитета, о возможности существования несуверенных государств в прошлом, настоящем и будущем.*

Вопросы о наличии и отсутствии суверенитета и государственности носят преимущественно политический и политологический характер. Однако в осмыслении государственного суверенитета первопроходцем выступила юридическая наука. Столь значимая роль последней обусловлена неразрывной связью природы государства современного типа с правовыми категориями. В период первичной концептуализации понятия суверенитета государственность представляла собой столь неопределенное явление по сути и принимала настолько многообразные внешние формы, что долгое время даже не поддавалась описанию единым обобщающим термином.

Как известно, в феодальный период европейской истории государственная территория смешивалась с земельной собственностью, публичное начало властвования не могло быть строго отделено от персонального, а верховенство, соответственно, приписывалось, прежде всего, конкретным лицам, а не деперсонализированной власти. Феодальные политические образования варьировались от крошечных владений до обширных союзов, связанных многоуровневой системой отношений сюзеренитета-вассалитета, от династических владений – до безмонархических подобий современных государств с признаками публично-правовой основы, от находящихся в вассальной зависимости – до находящихся на верхней ступени феодальной лестницы (причем формальное пребывание в вассальной зависимости не исключало реальной внутри- и внешнеполитической самостоятельности, статус сюзерена не коррелировал с фактической властью, а высокий статус конкретного наследственного владения не влек с необходимостью существования соответствующей политической единицы). Например, императоры Священной Римской империи постепенно утратили политическое могущество, и лишь сравнительно немногие из особ, занимавших ее престол, обладали действительным авторитетом, подобающим их титулу. Правители же монархических образований внутри Империи в течение большей части периода ее существования пользовались почти неограниченной самостоятельностью во внутренних и внешних делах. В то же время, например, Королевство Богемия (Чехия) формально существовало непрерывно в течение более чем семи столетий (до 1918 г.), но свыше четырех последних веков своей истории находилось под властью *«сторонних»* династий (преимущественно Габсбургов).

* *Лексин Иван Владимирович*, д.ю.н., доцент, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Неудивительно, что эти формирования назывались разнообразными именами, – как правило, производными от титулов правителей, и даже политически обособленные поселения в силу особенностей средневековой юридической практики и менталитета часто *«персонализировались»* (например, каждый *«свободный»*, или *«вольный»* имперский город, непосредственно входивший в состав Священной Римской империи, т.е. не имевший над собой иной власти, кроме императорской, пользовался привилегией называться *«господином»* – Landesherr). Формальные обозначения лишь немногих средневековых политических образований имели деперсонализированную этимологию. Многие же из исторических политических общностей, которые мы привыкли именовать государствами, в действительности не представлялись современникам таковыми и именовались иначе. Например, до начала XIX века монархические образования, условно именуемые Австрией и Испанией, с юридической точки зрения представляли собой конгломераты владений, наследуемых соответствующими династическими линиями благодаря личной или реальной унии.

В условиях разносортности политических образований, сомнительной применимости ко многим из них понятия государства в современном понимании и государствоподобии политических соединений, формально государствами не являвшихся, более уверенно можно было рассуждать о суверенитете как об атрибуте в первую очередь не государства как такового, а политической (государственной) власти, либо ее персонального носителя, либо государственного органа [5, с. 44 и далее], либо народа. Словосочетание *«суверенитет государства»* (“souverainete de l’Etat”) самим Ж. Боденом, считающимся родоначальником данной категории, почти не использовалось [5, 121]. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что в эпоху средневековья не существовало государств (в современном политическом и правовом смыслах этого слова), к которым исследователи нового и новейшего времени могли бы применить слова *«суверенное»* и *«несуверенное»*. Речь в данном случае лишь о несвоевременности постановки вопроса о явлении и понятии государственного суверенитета до перехода от средневекового политико-социального порядка к миру национальных государств.

Этот переход шел параллельно с ростом роли права в устроении практического государственного бытия, с размежеванием личного и публичного интереса и отделением личности правителя от государства как публичного субъекта, с *«юридизацией»* самого понятия государства, а равно и понятия государственного суверенитета.

Конечно, как и любое другое жизненное обстоятельство, рождение концепции государственного суверенитета должно было вести к диалектически неоднородным результатам. Так, идея суверенитета, с одной стороны, немало способствовала возвеличению государей и отождествлению воли монарха с волей государства и самого монарха – с государством. Но, с другой стороны, социальные, экономические, политические реалии Нового времени потребовали противоположного – отделения личности монарха от *«личности»* государства (это служило необходимым условием непротиворечивого сочетания абсолютизации государственного суверенитета с тенденцией к ограничению власти суверена-монарха).

Важно понимать, что ни в античную эпоху, ни в раннее Средневековье понятие государственного суверенитета не было выработано не просто в силу характеристик социально-экономического и политического контекстов. Оно не могло быть выработано, – поскольку не вписалось бы в менталитет ни общества, ни отдельно взятой личности. Объективистское мировоззрение блокировало возвеличение любого продукта человеческой деятельности, включая государство. Поэтому переход к субъективистской философии явился необходимой предпосылкой идеи государственного суверенитета. Парадоксально, но без субъекто-центризма, заложенного в гуманистическом мировоззрении Возрождения, было бы невозможно развитие концепции абсолютной власти государства, всецело подчиняющей себе личность.

Только признание человека мерой всех вещей позволило назвать государственную власть абсолютной, не ограниченной высшей волей или иными обстоятельствами. Вряд ли можно утверждать, что само государство от этого немедленно изменилось по сути. Но изменилось его восприятие, что повлекло многочисленные и радикальные трансформации в самом государственном механизме и в методах осуществления государственной власти. Только став суверенным в человеческом восприятии, государство стало способным неограниченно трансформировать и самостоятельно творить правовой порядок. До основательного укоренения идеи государственного суверенитета государство не осуществляло законотворчество в современном понимании. Правитель мог быть деспотом, мог посылать своих подданных на кровопролитные войны во имя священных целей, разрушать и создавать семьи, по своему усмотрению одаривать землями и лишать человека имущества и жизни (и все это воспринималось как допустимое и должное), но не мог позволить себе произвольно, от своего имени менять сложившийся порядок изданием собственных постановлений. Это находилось не просто за рамками монаршей власти, а за рамками того, что принимал менталитет человека. Даже римское право, возникшее благодаря активной деятельности государства, не есть продукт непосредственно законодателя. В сущности, это обобщение и упорядочение обширной правовой практики, сформировавшейся в ходе устроения торговых, наследственных, семейных и др. отношений и судебного и внесудебного разрешения соответствующих споров.

Достичь возможности полноценно законодательствовать государство могло только будучи воспринятым в качестве суверенного. До такого восприятия (признания) государственный суверенитет не мог трансформироваться из политико-правового замысла в реальность, а государство, соответственно, не могло являться суверенным. Нельзя, например, вести речь о суверенитете античных полисов, Вавилонии, Древней Персии, Римской империи, Киевской Руси и других государств – практически вплоть до Нового времени, когда идеи суверенитета получили полноценное практическое проявление. Такого рода государства, будучи независимым по отношению к другим, не были воплощением абсолютной верховности в сознании человека, и в этом смысле к ним слово *«суверенитет»* не вполне применимо.

Таким образом, государственный суверенитет – это не реальность, отражающаяся в нашем представлении, а, вначале, идея, порождающая реальность, и,

затем, реальность, поддерживающая эту идею. Невозможен государственный суверенитет (в указанном *«юридизированном»* значении) в мире, где сувереном безоговорочно признается Бог, или где государство считается не субъектом, наделенным самостоятельной волей, а порождением естественного порядка вещей, или где монархи подчиняются воле единой *«надгосударственной»* церкви. Государственный суверенитет – уникальная политико-правовая категория. Она формировалась с опережением реальности, в отличие от других абстракций второго порядка, характеризующих государственность (таких, как демократия, абсолютизм, республика, власть), которые обобщали действительно существующие, наблюдаемые явления. Как красноречиво выразился Г. Еллинек, *«не мыслители... открыли его в своих ученых кабинетах»*, добавляя к этому, правда, что *«его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий»* [3, с. 317] (но во второй части приведенного изречения, видимо, произошло некоторое смешение суверенитета с абсолютной властью монарха, становление которой происходило синхронно). Представления о государственном суверенитете, конечно, имеют под собой фактические проявления государственной власти. Но зарожденная Ж. Боденом концепция не столько объясняла современность, сколько программировала и предсказывала будущее. В этом отношении концепция государственного суверенитета родственна концепции общественного договора или концепции божественного происхождения государственной власти, которые не описывали реальность, а лишь обосновывали, соответственно, желательное состояние – фиктивным идеальным событием и фактический порядок – недоказуемой и не подлежавшей оспариванию волей.

Жизнестойкость концепции государственного суверенитета, в противоположность указанным теориям, давно утратившим авторитет в академической среде, зиждется на логически-замкнутом характере и прагматичности: в сущности, она доказывает не факт существования государственного суверенитета, а потребность в признании суверенитета государства и государственной власти. В то же время попытки придать концепции государственного суверенитета научность, объяснив его происхождение, априори уязвимы и рано или поздно демонстрируют свою несостоятельность (так, довольно быстро была выявлена наивность гроциевского объяснения природы верховной власти [2, с. 127 и далее]).

Как концепция построения государства нового типа, не претендующая на научность объяснения происхождения суверенности государства и государственной власти, концепция государственного суверенитета имеет шансы благополучно существовать до тех гипотетических пор, пока не получит широкое (общее) признание идея о возможности и целесообразности существования социального порядка, в котором не будет места государственности, либо пока государственность не обретет новое удобное и убедительное обоснование. В последнем случае понятие государства будет отделено от понятия суверенитета.

Итак, суверенитет в значении способности государства подчинять лиц, находящимся на его территории, не просто своей власти, а самостоятельно устанавливаемому им нормативному порядку, – явление сравнительно молодое. Конечно, можно считать, что *«суверенитет есть необходимый признак всякой государственной власти. Если эмпирически мы и наблюдаем иногда госу-*

дарства несуверенные, то это значит, что или эти последние являются членами некоторой суверенной коллегии, "участниками" суверенного властвования (*напр., члены союзного государства*)*, или же они стоят в иерархическом отношении к другим властным единицам, как их подчиненные части* (*напр., протекторат*)*»* [1, с. 196]. Но в таком случае понятие суверенитета государства механически сводится к наличию у последнего верховной власти, что является логическим изъяном [3, с. 354] и снижает как научную, так и практическую ценность данной категории.

Понимание же государственного суверенитета как качественно особой степени верховенства предоставляет широкое пространство для глубоких научных рассуждений и неординарных практических (политических и нормативно-правовых) решений. В числе конструкций, выработанных на основе такого видения суверенитета, – конструкция несуверенного государства. Наиболее детально она была разработана немецкой юридической наукой конца XIX в. применительно к членам Германской империи, созданной в 1871 г. Отечественная юриспруденция советского времени обличала *«буржуазную»* доктрину несуверенного государства в лицемерии, что, однако, не мешало характеризовать АССР в составе союзных республик как государства, не обладающие качеством суверенитета.

В современном научном обороте словосочетание *«несуверенное государство»* встречается редко. Сегодня, когда в академической, экспертной риторике, в публицистике упоминается отрицание суверенитета того или иного государства, речь идет преимущественно об отдельных государствах (а не о государствах *«нижнего уровня»* в рамках союзного государства). В англоязычной литературе для подобных государств используются категории "failed state" и "fragile state" (*«несостоятельное»*, *«хрупкое»* государство). Эти метафорические обороты малоконкретны, но тем и привлекательны. Для употребления же определения *«несуверенное»* имеется значительное число логических затруднений. К числу основных противоречий, составляющих контекст рассуждений о несуверенных государствах, относятся следующие.

Во-первых, в распоряжении современной науки не имеется ни общепринятого определения государства (только в рамках юриспруденции были выработаны концепции государства как конституируемого объекта, как комплексного правоотношения, как особого субъекта права и др.), ни безупречной теории государственного суверенитета. Мы оперируем соответствующими понятиями и терминами, и их сочетаниями, поскольку они прочно вошли в языковую практику и кажутся удобными, часто отвлекаясь от необходимости учесть их неопределенность и многозначность.

Во-вторых, для современной отечественной науки типично следование догме, гласящей, что государств без суверенитета не бывает, а у территориально-политических образований помимо независимых государств суверенитет отсутствует. В то же время нельзя не замечать наличия в современном мире образований, обладающих признаками государственности, но не поддающихся представлению в качестве суверенных.

В-третьих, благодаря решениям Конституционного Суда РФ 2000–2001 гг. имеется официальная концепция государственного суверенитета как абсолютного атрибута государства. Но признание лишь возможности абсолютного наличия либо полного отсутствия качества суверенитета подразумевает моментальный характер его появления и утраты. Между тем, на практике элементы, составляющие в совокупности качество государственного суверенитета, могут накапливаться и утрачиваться постепенно в течение весьма продолжительного периода времени (современным примером обоих этих процессов может считаться делегирование суверенных прав Европейскому союзу его членами).

Как относиться к отмеченным исходным трудностям?

Во-первых, необходимо принимать как данность межъязыковые различия в употреблении родственных терминов. Рассуждая о государстве и о суверенитете, отечественные и зарубежные исследователи часто говорят не совсем об одних и тех же явлениях. В русском языке сохранило хождение слово *«государство»*, конструктивно подобное существительным *«княжество»*, *«королевство»* и т.п. и имеющее личностно-властный подтекст. Аналог данного слова в латинском языке – “principatus”. Начиная с середины прошлого тысячелетия из языков с латинской основой производные от этого термина (итал. “principato”, англ. “principate”, франц. “principauté” и др.) вытеснялись речевыми единицами с принципиально другой коренной основой – производными от латинского “status” (так, оба термина широко употреблялись Н. Маккиавелли [6, с. 3 и далее]). В последнем намек на властность отсутствует: этимологически данное слово подразумевает состояние, строй, порядок, устройство, положение. Терминологический разрыв между отечественным *«государством»* и зарубежными *«неэквивалентными эквивалентами»* (итал. “stato”, англ. “state”, франц. “état”, нем. “Staat”, исп. “estado” и др.) бессознательно и ненамеренно игнорируется и в бытовой, и в профессиональной речи. За различиями же в смысловых ассоциациях часто следуют несовпадения в словоупотреблении. На русском языке сомнительно называть государством политическое образование, недостаточно сильное в военном отношении или несамостоятельное во внешней политике. На упоминавшихся же языках государство ассоциируется прежде всего не с организованным господством на некой территории, а с установленным порядком использования власти и с его соблюдением.

Различия в подходах к использованию слова *«суверенитет»* в России и за рубежом имеют иные корни и иное выражение. Данная категория восходит к средневеково-латинскому существительному “supremitas”, буквально означающему *«предел»*, *«конец»*, но в разных (в том числе в европейских) языках маршруты этой первоосновы были неодинаковы. В одних языках ее национальная версия (франц. “souveraineté”, итал. “sovranita” и др.) оказалась обобщающим обозначением широкого круга явлений (начиная от верховенства закона и заканчивая независимостью государственной власти). В других собственное обозначение верховенства вообще (англ. “supremacy”, нем. “Obergewalt”, “Hoheit”, “Oberhoheit”) было дополнено заимствованной категорией (англ. “sovereignty”, нем. “Souveränität”), характеризующей особый уровень властного превосходства. По этому пути следовал и язык отечественной науки.

Можно заметить, что наиболее трепетным отношением к понятию государственного суверенитета (в отечественном понимании) отличаются научные школы стран (групп стран), в национальных языках которых оригинальное обозначение верховенства и заимствованное слово существенно дистанцированы друг от друга в орфографическом и фонетическом отношениях. Помимо этого, отмеченные школы характеризуются сравнительной лингвистической замкнутостью. Российская наука в этом отношении родственна относительно консервативной немецкой (вернее, немецкоязычной) науке и противоположна наиболее массивной и *«открытой»* (благодаря общераспространенности языка) – англоязычной науке. Буквальный русскоязычный эквивалент слова *«суверенитет»* – существительное *«верховенство»* – почти никогда не используется как его полноценный заменитель.

Во-вторых, даже в рамках отечественной науки (равно как и германской, англоязычной и др.) имеет место чрезвычайное многообразие в представлениях о государственном суверенитете. К уже упомянутым разногласиям можно добавить:

- допустимость понимания суверенитета как фактического контроля над территорией, как юридически обеспеченной возможности осуществлять его или как одновременного наличия обоих обстоятельств (т.е. как реализация юридически признанной возможности);
- вариации в приписывании суверенитета в рамках сложного (в первую очередь федеративного) государства, выражающиеся в понимании этого явления как абсолютного (принадлежащего целиком и исключительно единственному уровню государственной власти), относительного (распределяемого между уровнями государственной власти), синтетического (неделимого, но осуществляемого совместно двумя уровнями государственной власти);
- возможность понимания суверенитета как априорного явления, или как апостериорного свойства государства (пусть и первостепенно важного, но вторичного, выводимого нашим сознанием из ряда обстоятельств и являющегося оценкой той или иной реальной либо абстрактной политической сущности), или ситуативно-конвенционального обозначения (суверенно не то политическое образование, которое отвечает известным требованиям, а то, в отношении которого имеется договоренность считать его суверенным).

При этом некоторые из, казалось бы, диаметрально противоположных интерпретаций государственного суверенитета оказываются совсем не взаимоисключающими. Так, уже в течение нескольких десятилетий в рамках *«западной»* политической науки можно наблюдать устойчивую тенденцию к интерпретации государственного суверенитета как понятия устаревшего (устаревающего) и (или) фиктивного. В нашей стране после периода *«размывания»* государственности России (пик которого пришелся на 1990-е гг.) имеет место прямо противоположная тенденция к апологетизации суверенитета государства. Однако при всей разнонаправленности пропагандируемых умозаключений эти подходы базируются на одних и тех же фактических данных.

Фикционные концепции суверенитета вполне обоснованно исходят из практической непоказательности наличия у государства суверенитета в кано-

ническом понимании *«способности юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка»* [3, с. 352]. Еще столетие назад этот признак был индикатором действительно самостоятельной государственности. В настоящее же время данный параметр мало способствует выявлению действительной независимости государства. Вывод о закате эры суверенных государств на этом основании, конечно, логически несостоятелен. Недостаточно оснований и для того, чтобы говорить о снижении значимости государственного суверенитета в определении природы современного государства. Но достаточно – для утверждения о потребности в ее дополнительных характеристиках.

Своеобразным примером такой характеристики является *«реальный суверенитет»*, которым *«обладает сравнительно небольшое число стран, и это не только современный феномен. Так было практически на протяжении всей мировой истории. Реальный суверенитет означает способность государства на деле* (*а не декларативно*) *самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т.п.»* [4, с. 44]. Данная концепция противопоставляется на вышеуказанным, хотя основывается на тех же, в сущности, посылках, что и представления об устаревании понятия государственного суверенитета. Не вполне бесспорным в данном случае видится даже использование самого слова *«суверенитет»*: под ним фактически понимается политическая, экономическая, энергетическая и пр. самостоятельность государства. По сути, реально суверенное государство в данном случае – это иное имя мировой или региональной державы.

В-третьих, если мы допускаем саму категорию *«несуверенное государство»*, то необходимо определиться, каким именно явлениям она адресуется.

В первичном понимании *«несуверенные»* суть *«государства, состоящие в полном обладании, то есть с возможностью их отчуждения»* [2, с. 138].

Позднее данный термин, как было сказано выше, стал применяться к тому, что мы сегодня называем субъектами федерации. В нашей стране в эту категорию попадают республики, которые названы Конституцией РФ государствами, но согласно решениям Конституционного Суда РФ не суверенны, что не мешает им (как и другим субъектам РФ) *«вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации»* обладать на основании ст. 73 Конституции РФ *«всей полнотой государственной власти»*.

Исходя из современной политико-правовой практики, можно рассуждать и о трех других категориях несуверенных государств:

- задуманные, формально учрежденные, но не претворенные в жизнь государства (например, Союзное государство, *«созданное»* договором Российской Федерации и Республики Беларусь 1999 г.);
- государства, которые фактически перестали являться состоятельными (упомянутые “failed states”, “fragile states”);

- стабильно существующие без полного набора признаков суверенного государства (например, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы острова).

Наконец, помимо феномена несуверенного государства можно говорить о его своеобразной инверсии – суверенном негосударстве. Конечно, нелепо пытаться обнаружить практические проявления этого феномена, представляя суверенитет в юридическом смысле, как способность осуществлять законотворчество при отсутствии прямого внешнего сдерживания последнего чьей бы то ни было волей, то есть как способность принимать нормативные решения учредительного характера (в пределах собственной территории) и участвовать наравне с другими суверенными субъектами в формулировании учредительных норм (действие которых выходит за рамки данной территории). Но в политологическом значении независимости, способности навязывать свою волю, к таким *«суверенам»*, в принципе, могли бы быть отнесены некоторые международные организации, – например, НАТО (в правовом отношении, конечно, ни одна международная организация суверенной считаться не может, поскольку является продуктом волеизъявления первичных субъектов международного права – государств).

Итак, проблематика несуверенных государств применительно к актуальным политико-правовым явлениям чрезвычайно затуманена многозначностью используемых категорий. Эта многозначность препятствует получению однозначных достоверных выводов, способствует паралогическим умозаключениям и благоприятствует софистическим рассуждениям. В условиях практического втягивания части академического сообщества в политическую борьбу науке жизненно необходимо сохранять объективность, не поддаваясь соблазну манипулировать устоявшимися категориями, ибо таким манипулированием мы не столько парируем выпады противников, сколько помогаем им разрушить понятийную основу отстаиваемого явления. Ведь суверенитет государства – вещь во многом умозрительная с точки зрения его происхождения. Как было отмечено, его возникновением мир обязан далеко не только фактическим политическим, экономическим, социальным изменениям, но и трансформации общественного (конечно, общественного не в современном понимании, а относящегося лишь к *«высшей»* части общества) сознания. Соответственно, и разрушение этого явления удобнее всего начинать с подмены понятий, предложения новых категорий и конъюнктурной игр слов.

Список литературы

[1] *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. Московское научное издательство. 1919.

[2] *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994.

[3] *Еллинек Г.* Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том первый. Общее учение о государстве. СПб., 1908.

[4] *Кокошин А.А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. Изд. 3-е. М.: Европа, 2006.

[5] *Bodin J.* Les six livres de la République / Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583. Edition et presentation de Gerard Mairet. Paris: Librairie generale francaise, 1993. – http://classiques.uqac.ca/classiques/bodin_jean/six_livres_republique/bodin_six_livres_republique.pdf (10.05.2016).

[6] *Machiavelli N.* Il Principe / Edizione di riferimento: a cura di Luigi Firpo. Torino, 1961.

VI. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА

Шмаков В.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Актуальность проблемы реализации имеющихся в обществе человеческих, трудовых ресурсов в ходе их преобразования в личностный и совокупный человеческий потенциал, составляющий основу формирования и реализации человеческого капитала, определяется тем, что рост экономики любой страны, ее системное развитие как социетальной системы в современных условиях во многом зависит от данных процессов, от механизмов накопления человеческого потенциала и человеческого капитала и эффективной их реализации в различных сферах общественной жизнедеятельности. Для применения данных механизмов требуются значительные консолидированные усилия государства и общества в сферах общего и профессионального образования, формирования наукоемкого, высокотехнологичного производства, регулирования рынка труда, развития здравоохранения, благоприятной системы жизнеобеспечения, роста уровня и качества жизни всех социальных групп и слоев общества, целевой инвестиционной деятельности.*

Современная теория конкурентных преимуществ утверждает, что в глобальном мире основной фактор экономического роста – качество человеческого капитала (трудовых ресурсов) и умение государства и общества его использовать. Основной задачей государства и общества в этом направления является активизация инвестиционной деятельности, особенно в сфере общего и профессионального образования, внедрения наукоемких технологий, востребованности кадров высококвалифицированных специалистов, развития эффективной системы здравоохранения, благоприятной системы жизнеобеспечения, роста уровня и качества жизни всех социальных групп и слоев общества, что требует выработки приоритетных проектов по данным направлениям и механизмов их реализации. Данные направления могут быть выделены только на основе комплексного изучения как самих видов инвестирования, так и отдачи от инвестирования в человеческий капитал.

Основой же формирования и обеспечения высокого качества человеческого капитала является развитие соответствующего качественного и эффективного производительного потенциала человека, участвующего в общественном производстве, и, прежде всего, организационного и интеллектуального

* *Шмаков Владимир Иванович*, кандидат философских наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

потенциала представителей профессий умственного труда. *«В XXI веке в лидеры выйдут страны, достигшие наиболее высокой производительности работников умственного труда»* – эта фраза Питера Друкера, высказанная им в своем труде *«Задачи менеджмента в XXI веке»,* нашла свое отражение во многих научных, научно-популярных публикациях и докладах конференций и конгрессов.

В современной науке, как зарубежной, так и отечественной, по проблематике развития и использования человеческого капитала сложился достаточно обширный, требующий своей систематизации и методологического анализа понятийный аппарат, существует ряд принципиально отличающихся друг от друга научных подходов, интерпретаций. Классификация взглядов представителей различных направлений по исследуемой проблеме в рамках экономических, социологических наук, современного менеджмента позволяет сделать некоторые обобщения:

Во-первых, в научном обороте в российской экономике и социологии, в том числе экономике и социологии труда, экономической социологии, социологии управления, управлении персоналом, менеджменте используется целый ряд понятий, интерпретация содержания которых часто пересекается и накладывается друг на друга. Так, наряду с использовавшимися ранее и сохранившимися сегодня понятиями *«рабочая сила»* (в том числе – *«наемная рабочая сила»* как *«товар на рынке труда»*, имеющий и получающий свою *«цену в виде зарплаты»*), *«производительная квалифицированная и неквалифицированная рабочая сила»*, *«трудовые ресурсы»*, *«трудовые кадры»*, *«работники физического, исполнительского и умственного, управленческого, организационного труда»*, а также классическим разделением капитала на основной (средства производства, финансы, технологические разработки) и переменный (живая рабочая сила, приобретенная на рынке труда), введены и уже широко используются в теории, в учебных дисциплинах иные, заимствованные из зарубежных научных дисциплин. Это такие понятия, как: *«человеческие ресурсы производства»*, *«человеческий, социальный фактор производства»*, *«интеллектуальная собственность»*, *«человеческий, производительный, интеллектуальный потенциал»*, а также *«человеческий, социальный капитал»* и *«средний класс»*. Зачастую эти понятия и характеристики не соотносятся с реальной практикой производства, современным уровнем научно-технического развития производительных сил, разделением общественного труда, социальной, резко дифференцированной социальной структурой современного российского общества.

Во-вторых, усиленно обсуждается широко используемое в практике зарубежного менеджмента положение о том, что именно человек с его высококвалифицированными производительными, интеллектуальными качествами представляет собой значимый фактор эффективности национальной экономики, а приобретенные в ходе профессиональной подготовки знания, способности, навыки и умения людей составляют их богатство и капитал, способный приносить им доход для обеспечений достойного уровня и качества жизни и выступающие частью совокупного богатства и капитала всего общества.

В-третьих, выдвинут (под процесс реформы общего и высшего профессионального образования в нашей стране) тезис о том, что важнейшие качества

личности формируются, прежде всего, именно системой предоставления образовательных, обучающих услуг. Этот тезис, также заимствованный за рубежом, нашел свое развитие в теории воспроизводства рабочей силы в отечественной экономической мысли как инвестиции в человеческий капитал.

В связи с этим необходимо уточнить смысл применяемого понятия *«человеческий капитал»* и возможности его применения к тем или иным категориям трудового населения. В любом случае важно подчеркнуть, что данное социально-экономическое качество человека труда как носителя рабочей силы возможно формировать только в странах и регионах, где есть развитой капиталистический строй и развитые структуры рыночной экономики, основы социального государства. Там, где этого нет или все это слабо развито, применять характеристики человеческого капитала как свойства и качества, принадлежащего конкретному работнику, человеку вряд ли логично.

Ибо капитал, по своей сути и определению, это накопленный потенциально или реализуемый объем собственности на те факторы производства, которые в ходе их применения в рыночной экономике призваны обеспечивать получение прибавочной стоимости (доход за минусом зарплаты наемной рабочей силы) и давать собственнику капитала прибыль, доход. В этой прибыли и доходе возможно долевое участие определенных групп высшего менеджмента. Тогда как большинство тех, кто трудится по найму, предлагают свою способность к труду, в том числе высококвалифицированному, умственному, и получают при этом доход в форме зарплаты. И именно высокая, относительно других слоев, зарплата отдельных категорий работающего населения может быть охарактеризована как достаточно высокий доход, способный обеспечить достойный уровень и качество жизни представителям этих групп. И в этом случае их способности к такому высокооплачиваемому труду могут быть охарактеризованы как человеческий капитал.

В развитых странах, где достаточно сильно развиты сферы высокотехнологичного производства (пятый технологический уклад), это характерно для относительно большой части среднего класса, для высококвалифицированных и интеллектуальных работников. В нашей стране, при отсутствии нормально развитой капиталистической экономики, социального государства, при слабой развитости высокотехнологичных, наукоемких производств, среднего класса, при большой социальной дифференциации, наличие подобных категорий работников относительно мало.

Во всем мире концепция человеческого капитала является одним из самых перспективных направлений развития экономической науки в XXI в. Уже во второй половине XX столетия она стала зримым достижением западной экономической теории, и прежде всего экономики и социологии образования и труда. Проблема человеческого фактора в экономике, которую трактовали в разных аспектах и формах мыслители прошлого: А.Смит. Дж.С.Милль, К.Маркс и Ф.Энгельс, М. Туган-Барановский, стала одной из самых актуальных в современных условиях. В 60–80 гг. за рубежом появились новые теории экономического роста (Р. Лукас, Г.Беккер, Т.Шульц), доказывающие, что основным фактором экономического роста является человеческий капитал, основанный на знаниях, воплощенных

в людях, либо реализованных в технологиях, а этот фактор является принципиальным условием экономического роста. Г.Беккер отмечал, что разрушение человеческого капитала имеет более серьезные последствия для потенциала экономического развития страны, чем уничтожение материальных ценностей [2.10, с.21].

Одним из видных теоретиков человеческого капитала является Л. Туроу, который указал на то, что *«концепция человеческого капитала играет центральную роль в современном экономическом анализе»* [1.8, с.26]. Другой исследователь этой проблемы, А.М. Боуман, назвала *«открытие человеческого капитала революцией в экономической мысли»*.

В современных условиях человеческий капитал, воплощенный в людях, стал основным фактором экономического роста и залогом конкурентоспособности как на микро-, так и на макроуровне. Несмотря на распространенность и значимость исследуемого понятия, однозначной и четкой его трактовки пока не сложилось. Представители разных направлений экономической мысли и менеджмента вкладывают в понятие *«человеческий капитал»* часто различное содержание. Так, сторонники теории трёх факторов производства определяли капитал как произведенное средство производства, исключая из этой категории самого человека. При этом они опираются на позицию Дж. Милля, который заявлял: *«Само человеческое существо... не является капиталом. Человек служит целью, ради которой богатство существует. Но его приобретённые способности, выступающие только как средство и реализующиеся только посредством труда, с полным основанием можно отнести к категории капитала»* [1.9, с. 47]. Кроме него, сторонниками того, что приобретенные человеком способности к труду, образование, квалификацию можно рассматривать в качестве капитала, были В. Рошер, Ф. Лист, Х. Сиджуик.

М. Блауг определил человеческий капитал как приведенную стоимость *«прошлых инвестиций в навыки людей, а не ценность людей самих по себе»*. Большинство экономистов придерживаются именно этого подхода, рассматривая человеческий капитал как совокупность *«приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного времени в целях производства товаров и услуг»*.

Учитывая функциональный признак, Й. Бен-Порэт определяет человеческий капитал как *«фонд, функция которого – производство трудовых услуг в общепринятых единицах измерения и который в этом своем качестве аналогичен любой машине как представительнице вещественного капитала»*.

М. Фридмен предложил монетарную трактовку человеческого капитала. По его мнению, человеческий капитал есть некий фонд, обеспечивающий своему владельцу перманентный доход, равный величине ожидаемых будущих поступлений дохода. Человеческий капитал Фридмен определил лишь как часть совокупного имущества, находящегося во владении человека, наряду с деньгами, облигациями, акциями, физическим капиталом, приобретенным индивидуумом.

В рамках теории всеобъемлющего капитала само человеческое существо рассматривалось в качестве капитала. Такие высказывания можно найти у сторонников данной концепции И. Фишера и Л. Вальраса. Их оценка человека как

элемента капитала явилась основой для появления альтернативных трактовок определения. Стоит отметить, что большинство представителей альтернативного подхода не отвергают формулировки, использующиеся в традиционном подходе, но, применяя новые характеристики, расширяют и дополняют понятие человеческого капитала.

Представители данных концепций включают в это понятие не только знания и умения людей, не только их способности к труду, но и прочие качества человеческой личности: психофизические, мировоззренческие, социальные, культурные свойства и способности человека. При этом данные свойства и способности людей в структуре человеческого капитала для сторонников альтернативного подхода играют если не большую, то во всяком случае и не меньшую роль, чем уровень образования или здоровья человека. Одними из видных теоретиков человеческого капитала и сторонником этой позиции являются Л. Туроу и Г. Беккер, которые отмечают значение таких инвестиций в человека, которые формируют и развивают человеческий капитал, как целевое обучение работников, их подготовка и переподготовка на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и обеспечение информацией о каналах и возможностях наращивания своего капитала и роста доходов.

В современной российской экономической науке попытки осмысления теории человеческого капитала с учетом особенностей реформирования отечественной экономики предпринимались А.И. Добрыниным, С.А. Дятловым, И В. Ильинским, Д В Нестеровой, Р. Капелюшниковым, М. М Критским, С. А Курганским, Ю.В. Матвеевым и другими. Так, А.И. Добрынин и С.А. Дятлов дают характеристику человеческому капиталу как определённому историческому типу хозяйствующего субъекта: *«Человеческий капитал – это совокупность всех атрибутивных качеств и свойств, производительных способностей и сил, функциональных ролей и форм, рассматриваемых с позиций системной целостности и адекватных современному состоянию общества эпохи научно-технической и социально-информационной революции, включенных в систему рыночной экономики в качестве ведущего творческого фактора общественного воспроизводства»* [1.3, с.4]. По мнению С. Дятлова, возникновение человеческого капитала возможно лишь в обществе, в котором преодолевается противостояние человека и природы, т.е. в постиндустриальном. В то же время, под человеческим капиталом он понимает, с одной стороны, форму производительных сил человека, а с другой – денежную оценку сформированной в результате инвестиций в человеке его потенциальной возможности приносить доход [1.5, с.56].

В совокупность созидательных способностей человека необходимо включать также мотивации. Дальнейшее их развитие позволит, в свою очередь, активизировать человеческий потенциал, что может послужить импульсом для интенсивного экономического роста.

Для исследования возможностей и отдачи от инвестирования в человеческий потенциал необходимо использовать наиболее полное определение категории *«человеческий капитал»*: как категории, представляющей собой совокупность созидательных способностей, знаний, умений и навыков, личных качеств и мотиваций индивидов, находящихся в их собственности, накапливаемых за

счет инвестиций и используемых в национальном хозяйстве в течение определённого периода времени с целью получении ими будущего, относительно высокого дохода и содействующих росту национального богатства.

Таким образом, в основе концепции человеческого капитала лежат следующие принципы:

1) человеческий капитал нужно рассматривать в качестве созидательных способностей, знаний, умений и навыков, которые используются в экономике и приносят повышенный доход их владельцу и содействуют росту национального богатства. Для поддержания или увеличения этих способностей необходимо наличие инвестиций;
2) главным фактором динамики экономического развития является процесс накопления человеческого капитала, порождённый соответствующими инвестициями;
3) человеческий капитал представляет собой неотделимую часть самого человека, но в то же время человеческая личность не должна быть сведена лишь к своей профессии или образовательному уровню или состоянию здоровья;
4) наличие производительных способностей должно приводить не только к материальным выгодам, но и к моральному удовлетворению, экономии времени, повышению социального престижа;
5) как и физический капитал – капитал, воплощённый в людях, представляет собой блага длительного пользования;
6) человеческий капитал, в отличие от других форм, наименее ликвиден.

В последнее время всё большее число специалистов, рассматривая условия перехода к новому качеству роста, соглашаются с тем, что традиционные макроэкономические показатели не способны выступить адекватными характеристиками роста прежде всего потому, что не позволяют получить ответ на вопрос о степени воздействия увеличения доли *«интеллектуального капитала»* в общественном богатстве на социально-экономические процессы [1.2, с. 42].

Базовым методологическим положением современной теории человеческого капитала является положение об аналогии между человеческим капиталом и капиталом *«обычным»*. И. Фишер предпринял одну из первых попыток в создании концепции *«всеобъемлющего»* капитала, выдвинув идею о том, что капитал есть все обладающее способностью накапливаться и приносить доход. Способности, знания, навыки человека имеют свойство накапливаться (развиваться), аналогично обычному капиталу. При этом их формирование и развитие требует от индивида и от общества довольно значительных затрат времени, труда, материальных и финансовых ресурсов, то есть инвестиций. Инвестиции в человеческий капитал обеспечивают возможность получения более высокого дохода в будущем за счет отказа от части текущего потребления. Инвестиции в человеческий капитал начинаются на уровне семьи (домашнего хозяйства), государства и продолжаются вложениями предприятий (фирм) и самого человека. К основным видам инвестиций в человека относятся затраты на образование, производственную подготовку, здравоохранение, миграцию, а также на воспитание детей. Инвести-

ции в человеческий капитал приносят доход не только в денежной форме, но и в виде морального, психологического удовлетворения, повышения социального статуса самого носителя человеческого капитала.

Инвестиции в человеческий капитал имеют свои особенности, не совсем типичные для других форм накопления капитала. Об этом говорят следующие положения: доходность инвестиций в человеческий капитал зависит от предстоящего срока жизни его носителя; он подвержен обратному: по мере его использования ценность и объём его не убывают, а увеличиваются, поскольку к нему добавляется производственный и жизненный опыт. По мере накопления человеческого капитала его доходность может возрастать вплоть до момента окончания активной трудовой деятельности, а не снижаться, как у физического капитала.

Принципиальный элемент в процессе накопления человеческого капитала – время. Запас человеческого времени является столь же значимым, как и запас ресурсов. *«Это главный актив человеческого капитала, который позволяет индивиду приобретать другие активы человеческого капитала»* [1.6, с 86]. При этом способность индивида инвестировать в свой собственный человеческий капитал ограничена. Вместе с тем, важно отметить, что инвестиции в человеческий капитал предшествующих поколений отражаются на уровне инвестиций и качестве накопления человеческого капитала в последующих поколениях. Например, по имеющимся оценкам, уровень образования матери в значительной степени определяет уровень образования ее детей. Поэтому ценовой механизм не в состоянии отразить всю полноту инвестиций в формирование и развитие человеческого капитала.

Представители классической и кейнсианской экономических школ отмечают прямое влияние инвестиций на совокупный объем производства, отличаясь в объяснении последствий инвестиционной деятельности. В классической теории инвестиции способствуют поддержанию полной занятости и максимально возможного объема производства, а в кейнсианской – стимулируют экономический рост.

Инвестиции в индивидуальный человеческий капитал и сам процесс его воспроизводства неотделимы от затрат труда, усилий других людей, которые в процессе совместной деятельности *«передают»* накопленный человеческий капитал.

Экономическая эффективность инвестирования характеризуется целым рядом показателей. Поэтому основатели концепции человеческого капитала рассматривают его, с одной стороны, как совокупность производственных способностей современного работника, а с другой – как издержки государства, предприятия и самого человека на формирование и постоянное совершенствование этих способностей. Первая составляющая этой категории есть не что иное, как человеческий потенциал.

Набор характеристик, которые используются в литературе для определения возможностей эффективного труда, не в полной мере соответствует реалиям современной экономики. Этот набор целесообразно расширить на основе понятия человеческою потенциала. Его компоненты должны характеризовать:

1) психофизиологические возможности участия в общественно полезной деятельности;
2) возможности нормальных социальных контактов;
3) способности к генерации новых идей, методов, образов, представлений;
4) рациональность поведения;
5) наличие знаний и навыков, необходимых для выполнения определенных обязанностей и видов работ;
6) предложение на рынке труда.

Если рассматривать человека с точки зрения его потенциала, то последний характеризуется следующими компонентами:

1) здоровье, как субъективное восприятие, как удовлетворенность жизнью;
2) нравственность и умение работать в коллективе;
3) творческий потенциал – определяет способность человека к генерации новых идей и образов;
4) активность, необходимая для того, чтобы реализовать творческий потенциал, предприимчивость, изобретательская активность ученых;
5) организованность и ассертивность (гармоничное объединение свойств личности);
6) образование, эффективность которого в конечном счете определяется масштабами распространения знаний и других результатов творческой деятельности;
7) профессионализм и достижение определенного уровня квалификации работников;
8) ресурсы рабочего времени, которые определяются двумя факторами: численностью работников и временем работы.

Из многообразных определений человеческого капитала наиболее удачным для выделения его человеческого потенциала следует признать определение, предложенное С. Дятловым. Он рассматривает человеческий капитал с позиции функционального анализа экономических явлений как *«сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда н эффективности производства и тем самым влияют на рост заработков* (*доходов*) *данного человека»* [1.5, с.4].

Теоретическое и прикладное значение разработки вопроса об инвестициях в человеческий потенциал определяется, по меньшей мере, тремя основными причинами.

Во-первых, исключительная экономическая эффективность таких инвестиций в долгосрочной перспективе. Этот тезис убедительно обосновали ведущие отечественные и зарубежные экономисты – от Струмилина до Дэнисона [2.4].

Во–вторых, перспективы перехода к *«экономике знаний»*, *«обществу знаний»*, *«информационному обществу»* и т.п. В свою очередь, зарубежные футурологи давно показали: если страна намеревается войти в информационное общество (*«общество знаний»*, *«общество профессионалов»* и т.п.), она должна обеспечить в составе занятого населения не менее 60–90 % работников с высшим образованием или учеными степенями [2.4].

И здесь велика роль постоянного повышения расходов государства и общества на образование и обучение. Если доля таких расходов в валовом внутреннем продукте составляла в СССР в 1970 г. 7 %, а в США, Франции и Великобритании в середине 1990-х гг. – от 5,3 до 5,5 %, то к 1992 г. в России она упала в 2 раза, до 3,4 %. Сегодня это отставание сохраняется. Отсюда вытекает комплекс необходимых программных мероприятий, направленных на выравнивание стартовых возможностей всех категорий граждан, введение компетентного подхода, переход к финансированию конкретных социальных программ, моделей, технологий и проектов, формирование единого информационного пространства, расширение и диверсификацию всех форм господдержки развития человеческого потенциала [2.9.].

Так как использование человеческого капитала (независимо от источников его формирования) зависит от самого индивида, то мотивация экономических субъектов становится одним из главных рычагов в управлении человеческим потенциалом как экономики в целом, так и отдельных предприятий. Рассмотрение человеческого капитала с точки зрения человеческого потенциала позволяет обозначить первостепенную роль человека в национальной хозяйственной системе вообще, и в общественном производстве в частности.

В финансовом аспекте инвестиции связываются с получением дохода или иного эффекта, в экономическом – с увеличением потенциала. Не только производственного, но также и человеческий потенциала. С полным основанием можно констатировать тот факт, что в дальнейшем человеческий потенциал будет являться главным фактором формирования человеческого капитала и экономического роста. Сейчас в России пока не проводится целенаправленной политики, направленной на активизацию и накопление совокупного человеческого капитала страны, тогда как западные теоретики отмечают, что данный вид капитала представляет собой наиболее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство.

Список литературы

1. Книги

[1.1] *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории (очерк истории западной экономической мысли). – М.: Наука, 1993.

[1.2] Показатели уровня человеческого развития: роль в формировании экономической и социальной политики в России. Материалы круглого стола Совета Федерации. М.,1999.

[1.3] *Добрынин А.И.*, *Дятлов С.А.*, *Коннов В.А.*, *Курганский С.А.* Производительные силы человека: структура и формы проявления. – СПб: Изд-во СПбУЭФ, 1993.

[1.4] *Айвазян С.А.* Интегральные индикаторы качества жизни населения. ЦЭМИ, Москва 2000, Хрестоматия.

[1.5] *Дятлов С.А.* Основы теории человеческого капитала. – СПб: Изд-во СПбУЭФ, 1995.

[1.6] *Критский М.М.* Человеческий капитал. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1991.

[1.7] *Ильинский И.В.* Инвестиции в будущее: образование в инновациоонном воспроизводстве. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1996.

[1.8] *Thurow L.* Investment in Human Capital. – Belmont, 1970.

[1.9] *Mil J.* Principles of Political Economy. – L, 1920.

2. Публикации в периодических изданиях

[2.1] *Валентей С.*, *Нестеров Л.* Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры // Вопросы экономики. 1999. №2.

[2.2] *Беккер Г.* Человеческий капитал (главы из книги). Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. 1993 № 12.

[2.3] Роль человеческого капитала в стратегии планирования благосостояния малых городов // Государственная служба 2002 №3.

[2.4] Развитие человеческого потенциала в России: проблемы регионального измерения // Вопросы статистики №2.

[2.5] Они о нас. Россия в свете человеческого потенциала.// Деловая Москва сегодня 2003 №23.

[2.6] *Тарасов С.* Молодым везде у нас подмога.//Невское время (Санкт-Петербург) 2006 № 136.

[2.7] *Кудашкина Е.* У России растет потенциал Человеческого развития // Ведомости 2004. № 125.

[2.8] *Магомедов М.М.*, *Мирзабалаева Ф.И.*, Влияние доходной компоненты на индекс развития человеческого потенциала. // Дайджест-финансы 2002. № 5.

[2.9] *Киринюк А.*, *Беклемишева Ю.* Риски в экономике образования.// Риск – Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция 2005 №1.

[2.10] *Васильев В.С.* У времени в плену (российские реалии и теория Г.Беккера)// США: экономика, политика, идеология. 1996. № 4.

ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Клементьев Д.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Статья посвящена анализу состояния российского процесса инвестиций в человеческий капитал в условиях изменения траектории экономического развития, способствующей формированию экономики, основанной на знаниях, новых качественных характеристик рынка труда и рынка образовательных услуг, соответствующих требованиям инновационной экономики. Обосновывается тезис, что фактором управления процессами инвестиций в человеческий капитал является учет того, что для индивида получение образования связано с самореализацией, повышением социального статуса и уровня образования, а также повышением его конкурентоспособности на рынке труда и ростом заработной платы.*

Современное социально-экономическое развитие немыслимо без адекватного состояния и эволюции управленческих технологий в инвестиционных процессах формирования человеческого капитала как важнейшей составной части любого производственного процесса. Образование в таком случае обладает наиболее высокой социальной значимостью, как для индивида, так и для общества. Образованность общества является условием развития всех секторов экономики. Так, чем выше уровень образования, тем выше экономический рост, научный и технический потенциал общества, то есть образование населения выступает как инструмент экономического роста.

Для полноценного развития этого процесса необходимо изменение траектории экономического развития, что способствует формированию экономики, основанной на знаниях, новых качественных характеристик рабочей силы, соответствующих требованиям инновационной экономики. С одной стороны, в условиях информатизации общества, знания, приобретаемые в вузе, быстро устаревают и, соответственно, возрастает потребность в их обновлении, которое становится непрерывным и опережающим. С другой стороны, наблюдается интенсивный спрос на адекватный стоящим проблемам контингент управленцев с высоким уровнем профессиональных компетенций. Можно смело утверждать о необходимости инновационного подхода к этому весьма существенному фактору.

В Министерстве образования и науки многие решения в этой области по-прежнему исходят из *«либеральной инновационной теории»*, в соответствии с которой во главу угла ставятся экономический эффект от внедрения новых технологий, инновационные институты, соответствующие западным стандартам, а также обновление политической системы, которое должно дать простор

* *Клементьев Дмитрий Сергеевич*, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова.

частной инициативе. Но миф о единственно эффективной частной собственности опровергнут историей последних десятилетий. Практическая реализация подобного подхода в течение 20 лет показала его несостоятельность. В самом деле, если доля России в мировом валовом продукте сейчас составляет 2,9%, то в ежегодно получаемых международных патентах она колеблется около 0,3%. Другими словами, на инновационной карте мира Россия находится в третьем десятке стран и занимает в 10 раз меньше места, чем на экономической. Инновационное отставание России уже стало серьёзной угрозой для национальной безопасности [1].

В инновационной экономике равномерное развитие должно осуществляется со всеми видами и формами собственности и в случае с общественной собственностью, и в случае со всевозможными частными видами и формами собственности, начиная от транснациональных корпораций до семейных предприятий, и в случае со смешанными, где есть предприятия с участием работников в собственности, управлении, прибылях и т.п.

Работники предприятий должны участвовать в управлении и контроле на предприятиях всех форм собственности и крупного, и среднего, и малого бизнеса. Государство должно приоритетно поддерживать малый и средний бизнес в реальном секторе экономики, науке, образовании, медицине и т.п.

Управление процессом формирования человеческого капитала, применительно к перечисленным формам собственности и сферам деятельности, предполагает необходимость ориентироваться на междисциплинарную научную основу для того, чтобы анализировать, адекватно оценивать инновационные проекты. Человеческий капитал означает не только осознание решающей роли человека в экономической системе общества, но и признание необходимости инвестирования человеком в самого себя, поскольку капитал приобретается и увеличивается путем постоянного собственного активного преумножения. Именно этот процесс инвестирования и дает длительный экономический эффект. Именно поэтому инвестиции являются основным фактором существования и развития человеческого капитала.

По сути, любая мера, предпринятая для повышения производительности труда, связана с затратами на развитие человеческого капитала, с инвестициями в человеческий капитал. Все виды затрат, которые можно перевести в денежный эквивалент, способствуют в будущем росту доходов человека. Поэтому целесообразно выдвигать какие-либо инициативы в программах формирования человеческого капитала применительно ко всем ведущим отраслям экономики, а особенно применительно к системе управления этими процессами. Одним из ведущих факторов управления данным процессом выступает профессионализм самого управленца как носителя уникальных свойств человеческого капитала. Образование в этом случае выступает не только фактором воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, но и формирует нового гражданина, оказывая тем самым воздействие на политическую сферу общественной жизни.

Достижение поставленных целей невозможно без соответствующего развития образовательного комплекса. В настоящее время этот комплекс работает

в условиях одновременного развития рынков труда и образовательных услуг. Рынок образовательных услуг в России развивается посредством вовлечения как государственных, так и негосударственных учебных заведений.

Процессы образовательных рынков сопровождаются появлением новых форм образовательных услуг, что требует глубокого исследования с последующими разработками факторов управления данными процессами. Необходимо учитывать и особенности, связанные с управлением процессов инвестиций в человеческий капитал. Так, одним из основных видов инвестиций в человеческий капитал является получение образования, для индивида это связано в первую очередь с самореализацией, повышением социального статуса, а также повышением его конкурентоспособности на рынке труда и ростом заработной платы. Также рост уровня образования связан с повышением доходов населения, кроме того, потребление образования значительной частью общества предполагает повышение культурного уровня населения, снижение преступности, расширение перспектив занятости и так далее.

В современных условиях, имеющих тенденцию к глобальным управленческим технологиям, в качестве субъекта управления выступают и школы, институты, организации (в том числе общественные), производственные коллективы и личности. Но и в этом случае управленческие решения фактически принимают реальные личности, человеческий капитал в этом случае модифицируется соответствующей властью, предполагающей высокую меру ответственности. Чиновник является субъектом управления, но он действует на основе информации, получаемой, к примеру, из социологической лаборатории, а также в соответствии с указами президента.

Инвестиции в образование детерминированы и тем, что любое государство стремится утвердить в обществе определенные ценности, приоритеты, установки – чтобы достичь этой цели, необходимо иметь грамотное, образованное население. Следовательно, на современном этапе развития общества образование является важнейшим социальным институтом, который позволяет не только формировать человеческий капитал путем трансляции жизненных смыслов и социальных ценностей, но и влиять на развитие всех уровней общественной структуры. Культурно-воспитательная функция образования оказывает влияние на духовную жизнь общества. Формирование общей культуры является условием любой профессиональной среды, создает условия и предпосылки для социально-экономической мобильности человека или социальной группы, сохраняет и передает лучшие традиции из поколения в поколение.

Социальные измерения показывают, что процессу эффективного преобразования образовательных технологий и формированию человеческого капитала сопутствовали такие негативные факторы в экономике и технологиях управления, как:

- застой в экономике и низкая производительность труда;
- монополизация и централизация экономических процессов;
- отсутствие конкуренции;
- высокий уровень бюрократизации;

- высокий уровень коррупции;
- приоритет фискальных принципов при принятии государственных решений;
- диктат принципа *«свой-чужой»* в кадровой, инвестиционной и других сегментах государственной политики [2].

К перечисленному необходимо добавить и многолетнюю торговлю *«инновационным сырьем»*, т.е. *«работа на чужую экономику»*, которая не только не давала удовлетворительных результатов в развитии экономики, но и разрушала собственное инновационное пространство, необходимое для инвестиций в образование и формирование человеческого капитала, в том числе и в управленческих технологиях.

Особого внимания заслуживают ослабленные экономические, научные и образовательные связи между регионами России, очень важной для управления процессами становится роль региональных форм инвестиций в систему образования. К сожалению, нынешнее российское законодательство блокирует разработку и реализацию региональных научных программ, деятельность по прогнозу и планированию на серьезном научном уровне. По сути дела, в большинстве субъектов РФ мы не имеем *«региональной рефлексии»* ни для лиц, принимающих решения, ни для участников инновационной деятельности. Например, для того, чтобы начать работать по созданию инновационного комплекса в *«Сколково»*, российским законодателям пришлось отменить или внести изменения в 102 законодательных акта РФ. До весны 2011 года в российских законах не определялся сам термин *«инновация»* [3].

«Управление выполняет в обществе разнообразные функции, но основной, по-видимому, является цивилизационная, направленная, прежде всего, на создание условий для расширения диапазона человеческой свободы, на воспроизводство человека как морального существа», – справедливо отмечает А.В. Тихонов [4, с.116].

Сказанное указывает на то, что профессиональное развитие кадрового потенциала управленцев в системе образовательных учреждений неотделимо от общих мировоззренческих установок личностного потенциала. В основе и того, и другого лежит принцип саморазвития, детерминирующий способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, приводящий к высшей форме жизнедеятельности – творческой самореализации, предполагающей постоянное повышение профессионального уровня.

Подобное понимание профессионального развития личности управленца ставит вопрос о необходимости реконструкции принципов непрерывного профессионального развития руководителей и постоянного поиска адекватного современным представлениям научного подхода к его изучению.

Специфика человеческого капитала и профессионального развития как его неотъемлемого свойства заключается также и в совершенном знании нормативных документов, стандартизирующих и содержательно определяющих программы подготовки управленческих кадров, что предполагает одним из аспектов компетентностного подхода в обучении управленца юридическую

грамотность. А.В. Хуторской вполне правомерно утверждает: *«Компетентностный подход предполагает не усвоение отдельных друг от друга знаний и умений, а овладение ими в комплексе. В связи с этим меняется, точнее, по-иному определяется система методов обучения. В основе отбора и конструирования методов обучения лежит структура соответствующих компетенций и функции, которые они выполняют в образовании»* [5].

Управленческая культура как человеческий капитал в системе образования представляет собой не только управленческий фактор, но и практическую деятельность в процессе управления процессом социализации в системе образования, независимо от конкретной функциональной роли. Специфика компетентности управленца в образовательном учреждении заключается в том, что он должен постоянно повышать квалификацию, осуществляя профессиональную переподготовку. Новые знания и накопление профессионального опыта работы выступают и стартовым и накопительным человеческим капиталом. Задача образовательного учреждения заключается в том, чтобы обогатить этот стартовый капитал:

- во-первых, сформировать такой уровень компетентности, который позволит предложить его в виде достойной образовательной услуги на рынке труда;
- во-вторых, постоянно находить стимулы для дальнейшего повышения уровня компетенции.

Отдача от вложенных инвестиций в человеческий капитал зависит от того, что в него вложено, от постоянного повышения уровня компетенции его носителя, а также от продолжительности его трудоспособного периода. Чем больше и многообразнее делаются вложения в человека, тем быстрее и плодотворнее будет отдача от личностного самосовершенствования, направленного на освоение способов и технологий физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции, непрерывного самопознания, развития необходимых современному человеку личностных качеств, формирования культуры мышления и поведения.

Фундаментальные, качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и более долговременный эффект.

Такой фактор управления процессами инвестиций в человеческий капитал, как коммуникативная компетенция, играет особую роль в системе управления инвестициями. Коммуникативная компетенция есть знание языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными событиями и людьми; навыки работы в группе, коллективе, владение различными социальными ролями, а также обладание умением представить себя, написать письмо, анкету, заявление и др.

Человеческий капитал проявляется и в гражданской позиции. Права и обязанности в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения, умении анализировать ситуацию на рынке труда, действовать в соответствии с личной и общественной выгодой, владеть этикой трудовых и гражданских взаимоотношений.

Список литературы

[1] Экономика для человека//Обзор Московского экономического форума 20–22 марта 2013 г. Проблемы современной экономики, N 1 (45), 2013. – http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4495 (дата обращения: 20.05.2016).

[2] *Реунова Л.В.* Современное состояние экономики России и необходимость новой индустриализации // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – Март 2012. – № 3 – http://ekonomika.snauka.ru (дата обращения: 20.05.2016).

[3] Сценарий и перспектива развития России / Под ред. В.А. Садовничего, А.А. Акаева, А.В. Коротаева, Г.Г. Малинецкого. М., 2011. 320 с.

[4] *Тихонов А.В.* Проблемы формирования в России социального института управления // Модернизация экономики России: Социальный контекст: В 4 кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 3. – М., 2004. С. 116.

[5] *Хуторской А.В.* Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал *«Эйдос»*. – 2005. – 12 декабря. – http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm (дата обращения: 20.05.2016).

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Глущенко В.В., Глущенко И.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье исследуются наукометрические аспекты измерения человеческого капитала организации, предлагается развивать наукометрию как часть компетенциологии, предложены дополнительные наукометрические критерии эффективности использования компетентности.*

Ключевые слова: *наукометрия, капитал, компетентность, организация, компетенциология, структура, инновация, проект, финансы, результат.*

Актуальность настоящей статьи в 2016 г. определяется тем, что в условиях современной глобализации на первый план выдвинулись наиболее мобильные финансовые и интеллектуальные ресурсы.

Целью статьи является развитие методических основ наукометрической оценки человеческого капитала организации.

Для достижения цели в этой статье решаются задачи исследования:

1) обсуждаются критерии наукометрической оценки;
2) исследуется необходимость персонализации научных результатов;
3) исследуются методы противодействия фальсификации наукометрических результатов оценки человеческого капитала организации.

Объект статьи – человеческий капитал организации.

Предмет статьи – наукометрическая оценка компетентности персонала как структурного элемента человеческого капитала организации.

Наукометрию можно считать частью компетенциологии – науки о компетенции персонала, или наоборот. Методами и инструментами наукометрии являются: наукометрические индексы как интеллектуальные инструменты; экспертные технологии; библиометрическая информация [1, 2]. Оценка деятельности научных работников и организаций должна даваться в результате всесторонней, объективной, тщательной экспертизы и публичного обсуждения полученных научных результатов. При этом известные наукометрические показатели, рассчитанные по числу публикаций и цитирований в научных журналах, могут играть лишь вспомогательную (справочную) роль. Наукометрия может включать не только статистические оценки объемов научной информации, но и оценки (например, рейтинги) научной значимости, экономиче-

* *Глущенко Валерий Владимирович*, д.т.н., профессор, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ); *Глущенко Ирина*, д.э.н., доцент, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ).

ской эффективности этой информации для социально-экономического развития корпораций, государства, общества. Наиболее часто используются оценки компетентности персонала на основе статистической обработки показателей публикационной и патентной активности и др. Наиболее известными наукометрическими показателями являются: число патентов; число публикаций в различных базах (СКОПУС; РИНЦ и др.); количество цитирований; индекс Хирша и др.

Библиоме́трия (как часть наукометрии) представляет собой применение статистических и математических методов к изучению книг, периодических изданий и другого. Например, известный Индекс Хирша может рассматриваться как библиометрический показатель в наукометрии.

Дополнительный импульс развитию наукометрии и библиометрии может придавать все большее понимание необходимости управления научным процессом на основе развития компетенциологии. Развитие компетенциологии позволит на регулярной основе осуществлять контроль и диагностику компетентности персонала организаций, снижать риск компетености [3, с. 40–45; 4, с. 36–41; 5, с. 900–907].

Однако корректное использование Индекса Хирша возможно только при определенном, высоком уровне организационной культуры в научном сообществе, контроле и пресечении возможных манипуляций при формировании этого индекса.

Компетентность персонала рассматривается как один из ресурсов организации, поэтому логичной становится постановка задачи оптимизации компетентности персонала, постепенного в соответствии с потребностями повышения уровня компетентности в процессе дополнительного профессионального образования [6, с. 786–794].

Библиометрический по своей сути Индекс Хирша предлагается дополнить наукометрическими показателями, отражающими хозяйственно-финансовые результаты практического применения компетенций в национальной экономике.

Предлагается использовать такие наукометрические показатели:

- доля наукоемкой продукции в ВВП;
- стоимость наукоемкой продукции в ВВП (или в организации), приходящейся на один диплом о высшем образовании;
- стоимость наукоемкой продукции в ВВП (или в организации), приходящейся на один диплом кандидата наук (по отраслям);
- стоимость наукоемкой продукции в ВВП (или в организации), приходящейся на один диплом доктора наук (по отраслям).

На уровне организаций для системной оценки практической полезности компетентности, научных результатов деятельности персонала необходимо количественные библиометрические оценки дополнить оценками качества и степени полезности использования научных и инновационных результатов компетентности персонала. Это могут быть оценки: уровня научной новизны,

перспективности развития в новых технологиях и практической полезности научных результатов в процессе их внедрения в ходе опытно-конструкторских работ в образцы товаров.

Кроме того, предлагается проводить исследования и формализовать зависимость финансового результата организации как функции компетентности и организационной культуры персонала.

В дополнение к этому может быть предложено в наукометрии более активно персонализировать наиболее значимые научные результаты в виде законов, формул и т.п. Например, известна теорема Понтрягина-Ляпунова, теория мотивации А.Маслоу, Д.С. Адамса (теория справедливости) и т.п.

Такая персонализация научных результатов, как наукометрический инструмент, позволит определять наиболее перспективные направления развития науки.

Например, на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ академик В.А. Садовничий сформулировал наукометрический закон (и одновременно закон компетенциологии), суть которого сводится к тому, что из общего числа научных работников реальными творческими компетенциями обладают (способны сделать что-то новое) число сотрудников, равное корню квадратному из общего количества сотрудников [7]. Предлагается считать это утверждение законом квадратного корня, или законом В.А. Садовничего. Этот закон может иметь большое теоретическое и практическое значение, например, в управлении человеческими ресурсами организации. Во-первых, этот закон создает основу для постановки задачи выявления таких ключевых для инновационной деятельности организации сотрудников для их дальнейшего продвижения по карьерной лестнице в интересах организационной поддержки повышения эффективности использования в организации их творческих возможностей. Во-вторых, это позволит формировать адекватную систему их мотивации и другое.

В статье исследованы проблемы наукометрического измерения человеческого капитала организации, обоснована необходимость развития научных основ исследования компетентности – компетенциологии, предложены критерии и меры по более точной наукометрической оценке компетентности персонала организации.

Список литературы

[1] *Налимов В.В., Мульченко З.М.* Наукометрия. – М. 1969.

[2] *Арефьева Д.Я., Логунова О.С.* Понятие наукометрии и наукометрических показателей – http://www.sworld.com.ua/konfer37/792.pdf (дата обращения: 20.05.2016).

[3] *Глущенко В.В., Глущенко И.И.* Компетенциология как составляющая современной науки, социальной и экономической практики //Компетентность. 2015. № 2. С. 40–45.

[4] *Глущенко В.В., Глущенко И.И.* Компетенциология как составляющая современной науки, социальной и экономической практики //Компетентность. 2015. № 3. С. 36–41.

[5] *Глущенко В.В., Глущенко И.И.* Машинология: влияние риска компетентности на финансовый результат корпоративного инновационного предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2015. № 1. С. 900–907.

[6] *Глущенко В.В., Глущенко И.И.* Образованиелогия: культура, концепции образования и оптимизация компетентности персонала организации //Экономика и предпринимательство. 2015. № 10. С. 786–794.

[7] Стенограмма заседания Совета по науке и образованию при Президенте РФ, 25.06.2015 – http://www.kremlin.ru/events/president/news/49755 (дата обращения: 20.05.2016).

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Мартынова Н.А.*
(Россия, г.Нижний Новгород)

Аннотация. *В статье рассматривается ресурсный подход к использованию человеческого капитала, ориентированный на использование ресурсов человека с позиции обеспечения самореализации человека в различных сферах профессиональной деятельности. Обосновываются рекомендации по использованию ресурсного подхода при приеме на работу, работе с кадровым резервом, обучении персонала.*

В настоящее время в системе управления персоналом сложилось три основных подхода к человеку как единице персонала организации: издержки, ресурс, капитал. Эти позиции описываются в работах М. Армстронга, А.А. Деркача, И.Б. Дураковой, А.Я. Кибанова, В.Н. Маркина, Б.З. Мильнера, В.П. Пугачева, Ю.В. Синягина и др. Выделены основные факторы повышения роли персонала в постиндустриальном обществе, изменения характера труда и использования персонала, изменения трудовой мотивации и др. Наблюдается тенденция, когда под термином *«человеческие ресурсы»* понимают возможности персонала организации, рассматривают *«интеллектуальный капитал»*, включающий в себя: человеческий капитал, организационный капитал и потребительский капитал.

Понятие *«человеческий капитал»* отражает ресурсный аспект социально-экономического развития. Человеческий капитал можно определить как совокупность способностей и потенциалов всех людей, которые заняты и решают определенные задачи в организации.

В теорию и практику входят конкретные качественные характеристики человеческого капитала: численность, структура, знания, профессиональный состав, квалификация, навыки, опыт; личные качества (здоровье, образование, профессионализм, способность к творчеству, интернальность, мобильность, мотивация достижений, нравственность, культура, разностороннее развитие, управленческие способности, управленческий потенциал) [1, 4, 7, 9, 11].

Необходимо признать, что позиция руководства по отношению к персоналу зависит от многих факторов, в том числе размеров организации, стратегии организационного развития, доли рынка, географии, капитализации, используемых технологий производства, кадровой политики и др.

* *Мартынова Наталия Алексеевна*, к.п.н., доцент, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Анализ сложившейся отечественной практики управления персоналом позволяет утверждать, что в организациях, имеющих развитое стратегическое планирование, присутствует ресурсный подход к использованию человеческого капитала. Ресурсный подход проявляется в использовании ряда технологий, например, оценка персонала, обучение, управление карьерой, работа с кадровым резервом, как условие эффективного использования человеческого капитала в организации.

Ресурсный подход, по мнению ряда авторов, А.А. Деркача, Ю.В. Синягина, В.Н. Маркина и др., отличается от дефицитарного тем, что ориентирован на использование ресурсов человека с позиции обеспечения самореализации человека в различных сферах профессиональной деятельности. Сложность реализации ресурсного подхода зависит от степени осознания своих ресурсов работником и от актуальности (востребованности) ресурсов для организации (см. рис. 1).

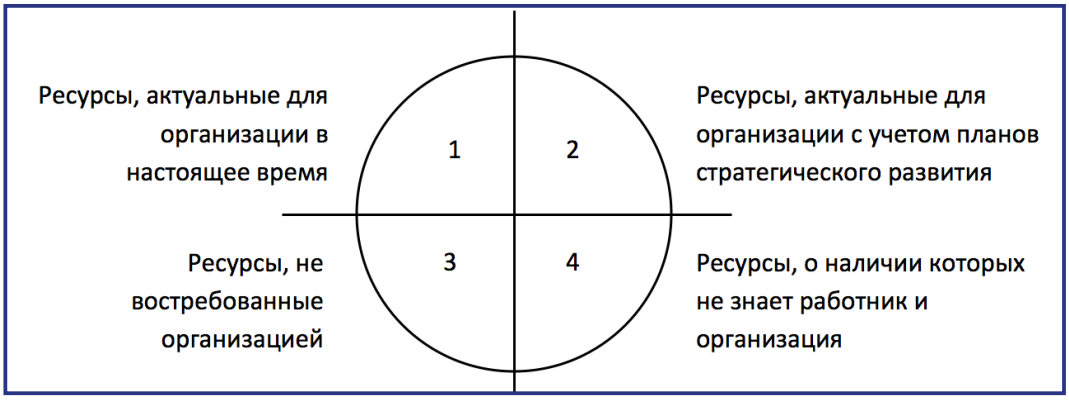


Рис. 1. Структура ресурсов, которыми обладает работник организации

Особенность ресурсного подхода состоит в том, что один и тот же человек по отношению к разным организациям обладает разными ресурсами. Это обусловлено тем, что часть ресурсов, которыми обладает человек, могут быть не востребованы в одной организации, в то время как для другой организации эти ресурсы будут актуальными. Таким образом, возникает вопрос: как сформировать кадровый корпус организации, чтобы руководители и сотрудники обладали необходимыми ресурсами для решения текущих задач, а также обладали ресурсами, которые будут необходимы организации с учетом планов стратегического развития?

На рис. 2 предлагается схема управления персоналом, ориентированного на развитие кадрового потенциала организации. Цикличность в данной схеме задается планом использования и планом распределения кадров, которые разрабатываются на основе анализа кадровой структуры и потенциала сотрудников с учетом планов развития организации.

Первый шаг в отношении конкретного человека в рамках ресурсного подхода к использованию человеческого капитала начинается с приема на работу в организацию. Когда человек ищет место работы, выбирает структурное подразделение, должность, то он ищет компромисс между тремя позициями: *«МОГУ, ХОЧУ, НАДО»*. Порой самому человеку трудно определить, какая из позиций окажет на него большее влияние при принятии решения о выборе работы. Результат

решения для самого человека будет зависеть от того, насколько совпали личные интересы с представлениями о будущей работе и с самооценкой кандидата его способностей. Результат для организации будет зависеть от качества применяемых методик диагностики личностно-профессиональных ресурсов кандидата: способностей и навыков, мотивов выбора конкретной работы, системы ценностей, восприятия и отношения к информации о предстоящей работе.

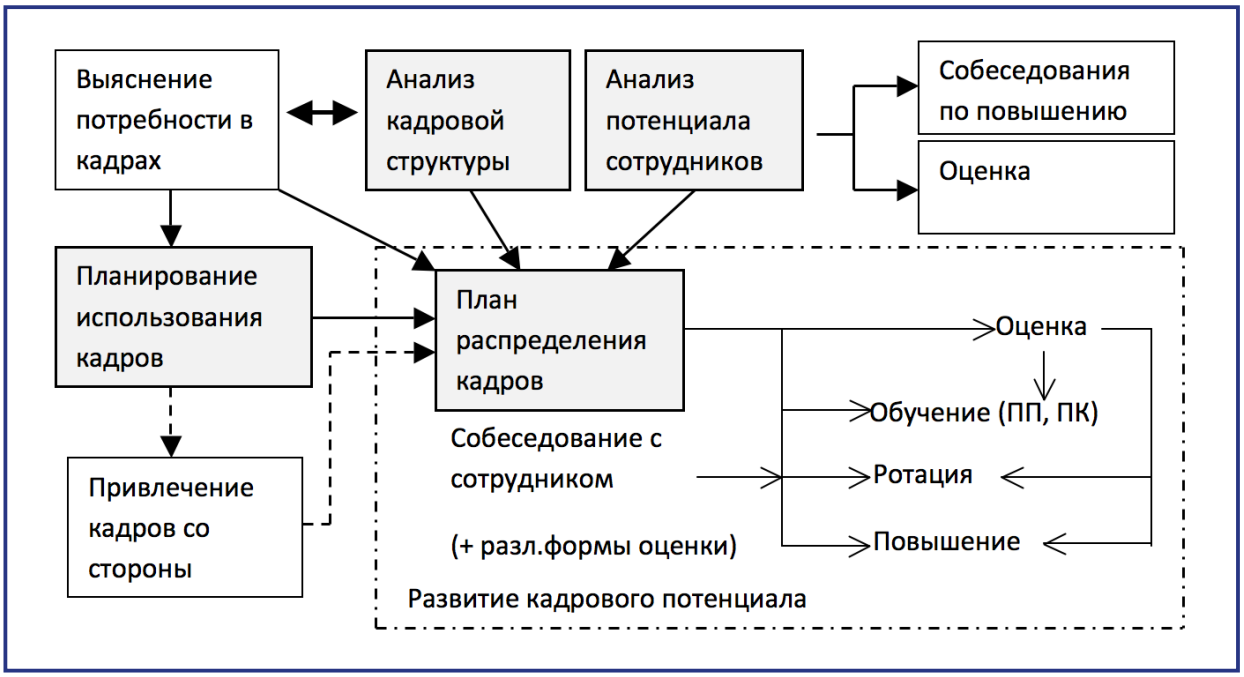


Рис. 2. Цикл управления персоналом, ориентированного на развитие кадрового потенциала организации

Чем точнее инструментарий, тем выше вероятность приема на работу человека, который хочет, может и понимает, что от него требуется (надо), а значит его ресурсы будут востребованы. Схема трех позиций приводится на рис. 3.

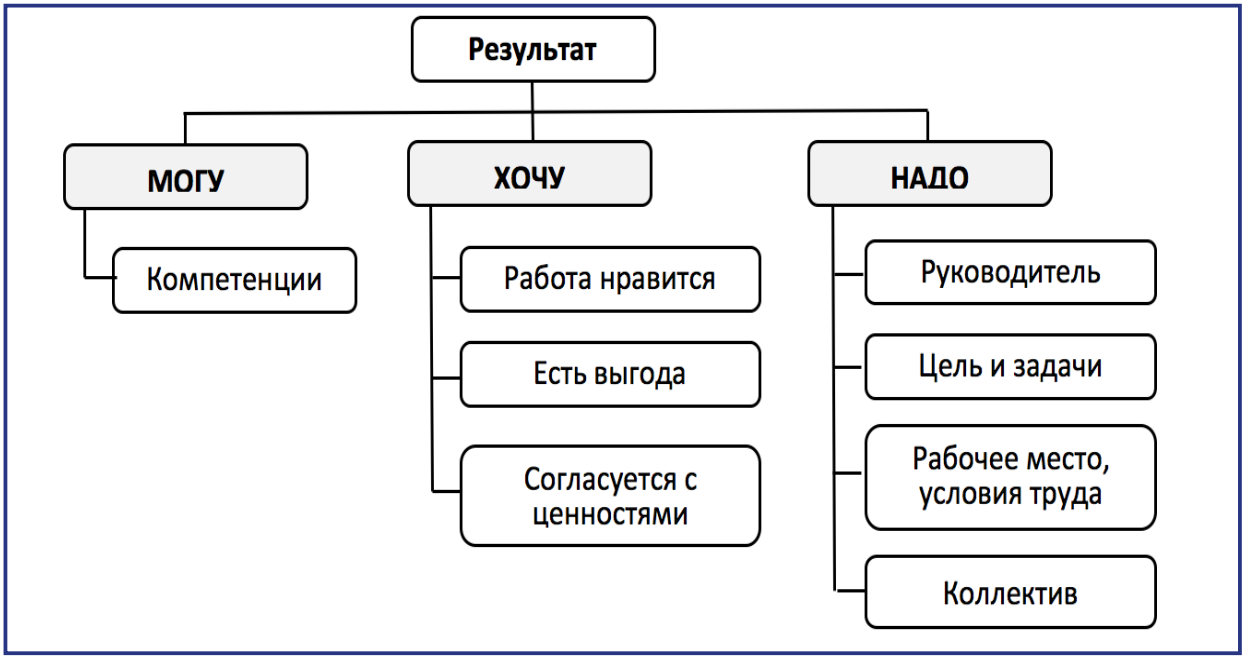


Рис. 3. Схема «ХОЧУ, МОГУ, НАДО» с точки зрения использования человеческого капитала в организации

Этой схемой (рис. 3) можно пользоваться в дальнейшей работе с конкретным человеком в случае необходимости реализации плана распределения кадров, когда на собеседовании проясняются названные три позиции, привлекательность для работника предлагаемой должности, обучения и т.д. Показателем того, что в организации доминирует кадровая политика, ориентированная на использование человеческого капитала, является отказ от решений о повышении или ротации на основе позиций *«МОГУ, НАДО»* или *«ХОЧУ, НАДО»*, которые чаще всего приводят к потере хорошего специалиста или руководителя. Еще сложнее ситуация, когда предстоит сокращение штатов и человек может остаться *«один на один»* с проблемой поиска работы. В целях быстрого решения проблемы может доминировать одна позиция: *«НАДО»*. В этом случае результат для человека будет зависеть от силы и адаптивных способностей личности, от востребованности его ресурсов на рынке труда.

Когда принимается решение о приеме на работу, в качестве фактора, влияющего на решение, выступает уровень развития компетенций у кандидата. Существуют различные точки зрения на то, из чего складываются компетенции, автор пользуется описанием, которое дает в своей работе М. Армстронг [1, с. 273–274]. С позиции ресурсного подхода важно отметить, что для каждой должности можно сформировать своеобразную *«лестницу»* компетенций, по которой поднимается в ходе профессиональной деятельности работник (см. табл. 1).

Таблица 1.

«Лестница» компетенций должностей в организации

Специалист	**Старший специалист**	**Руководитель группы**	**Начальник отдела**
			Превосходный
		Превосходный	Рабочий требуемый
	Превосходный	Рабочий требуемый	Рабочий средний
Превосходный	Рабочий требуемый	Рабочий средний	Базовый
Рабочий требуемый	Рабочий средний	Базовый	
Рабочий средний	Базовый		
Базовый			

Рассмотрим пример для четырех групп должностей, которые в порядке карьерного роста может проходить работник в организации. На каждой должности можно определить три уровня развития необходимых компетенций: базовый (начальный уровень), рабочий (средний и требуемый уровень), превосходный (когда компетенции превосходят рабочий уровень, требования должности). Именно в период достижения превосходного уровня возникает необходимость карьерного роста, как минимум по ощущениям самого работника. Как показывает практика, вертикальное разделение труда в рамках одного функционального направления работы приводит к тому, что рабочий уровень компетенции по должности ниже является базовым для должности выше (см. табл. 1). Когда работ-

ник имеет базовый и рабочий средний уровень, достаточно обучения на рабочем месте. Для достижения требуемого рабочего уровня необходимы различные формы дополнительного профессионального образования (для поддержания *«спортивной формы»* и выхода на превосходный уровень компетенций, превышающий требования по занимаемой должности). Когда по результатам оценки выявляется, что работник достиг рабочего требуемого уровня компетенций, он может быть включен в кадровый резерв. Когда по результатам оценки и анализа потенциала выявляется, что компетенции превосходят требования должности, значит пора рассматривать вопрос о служебном перемещении.

В качестве общей схемы, помогающей визуализировать работу с кадровым резервом, может быть использована матрица позиций карьеры, разработанная В.Р. Весниным по аналогии с БКГ-матрицей [2, с. 232–233]. Всех сотрудников организации можно дифференцировать по уровню текущей компетентности (способности повышать текущую компетентность) и по потенциалу продвижения (успешности адаптации и работы на должности более высокого уровня). По результатам различных методов оценки уровня текущей компетентности и потенциала продвижения, например, аттестация, метод 360°, выделяют низкий, средний и высокий уровень. В кадровый резерв включают сотрудников и руководителей начального и среднего звена управления, которые показали результаты оценки в диапазонах 2–2, 2–3, 3–2 и 3–3 (см. рис. 4).

Результаты работы с кадровым резервом для организации: наличие работников, которые способны занять вышестоящую должность в рамках текущего функционала или должность с другим функционалом, оперативно включиться в работу с минимальным периодом адаптации, сохранение лояльности работника, мотивация других работников на будущее, возможность прогнозировать дальнейшее продвижение работника на перспективу, снижение зависимости от рынка труда.

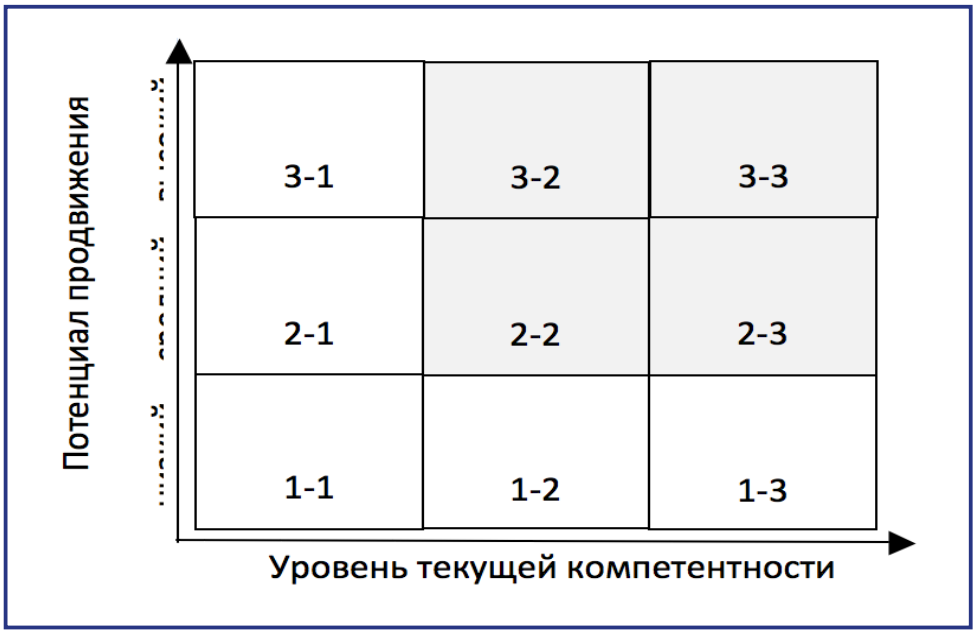


Рис. 4. Матрица карьерных позиций сотрудников организации

Результаты работы с кадровым резервом для работника: удовлетворение потребности в самореализации, повышение уровня дохода (выгоды), личност-

но-профессиональное развитие (любой аспект, актуальный для конкретного человека, например, рост авторитета, развитие лидерских качеств и умений).

Работа с кадровым резервом обязательно включает в себя не только формирование и использование (назначение), но и обучение. Организация, ориентированная на ресурсный подход к использованию человеческого капитала, также *«не оставляет за бортом»* работников, которые не были включены в кадровый резерв.

В настоящее время в практике обучения персонала многие отечественные компании достигли высоких результатов, во многих компаниях используется модель циклического обучения, построена система управления знаниями, превращения знаний в производительную силу [4, 5, 8]. Тем не менее с точки зрения ресурсного подхода каждой организации приходится отвечать на вопрос: кого, когда, чему и как учить? Один из рисков организации: уход работника по собственному желанию, т.к. он считает, что ему уже не интересно продолжать работу, организация не может предоставить ему возможности для самореализации и т.п., он *«НЕ ХОЧЕТ!»*, на рынке труда есть более привлекательные предложения. В большинстве случаев, как показывает практика, не стоит удерживать такого работника в организации, т.к. это может быть экономически необоснованно. Вопрос как спланировать и организовать обучение, чтобы работники *«не теряли голову от успехов»*.

Эффективность обучения и развития персонала зависит от ряда факторов:

- наличие стратегии развития организации [1];
- наличие системы корпоративного обучения [1, 10];
- наличие ресурсов для реализации программ обучения [1];
- включенность руководителей и персонала в процессы развития (согласованность личной и организационной ценности обучения и развития) [4];
- наличие системы мониторинга личностно-профессионального развития работников, ориентированного на обеспечение стратегии развития организации [3, 7, 11].

В интересах организации на уровне структурных подразделений, по мнению автора, при анализе потребностей в профессиональном обучении необходимо учитывать следующее:

1) соотношение специализации и универсальности (функций, знаний, навыков);
2) соотношение репродуктивной и продуктивной деятельности при исполнении определенных функций;
3) временной аспект: как скоро получаемые знания будут востребованы.

В интересах работника, направляемого на профессиональное обучение, при выборе программы целесообразно учитывать:

1) реальную востребованность получаемых знаний (при исполнении функций);

2) актуальность получаемых знаний для него;

3) перспективы саморазвития, роста оплаты труда, карьерного роста.

Ввиду того, что автор работает преподавателем вуза, ведет занятия на программах дополнительного профессионального образования (далее ДПО) для работников органов власти и предприятий и организаций различных отраслей народного хозяйства, есть возможность сравнивать оценку обучающимися программ ДПО по названным выше позициям.

Опрос был проведен для 80 человек (52 государственных гражданских служащих, 28 работников предприятий и организаций различных отраслей народного хозяйства) в 2015 г. Можно было отмечать любое количество вариантов. Вопрос: учитываются ли данные позиции при принятии решения о направлении Вас на программу ДПО или выборе Вами программы ДПО? Анализ ответов (см. табл. 2) позволяет сделать вывод, что при выборе программ ДПО учитывается мнение работников организаций (специалистов и руководителей начального и среднего звена управления).

Таблица 2.

Мнение обучающихся об учете определенных потребностей в профессиональном обучении при выборе программ ДПО

№	Позиция анализа	Частота упоминания, в % от числа опрошенных
1	Необходимость повышения специализации в противовес универсальности (функций, знаний, навыков)	35
2	Необходимость перехода от репродуктивной к продуктивной деятельности при исполнении определенных функций	20
3	Востребованность получаемых знаний в ближайшие 3–6 месяцев	50
4	Получаемые знания были необходимы 3–6 месяцев назад	40
5	Реальная востребованность получаемых знаний (при исполнении функций)	50
6	Актуальность получаемых знаний	80
7	Перспективы саморазвития	60
8	Перспективы роста оплаты труда	20
9	Перспективы карьерного роста	30

Ввиду текущей социально-экономической ситуации, результат по 8 и 9 позициям опроса предсказуем. Возникает тревога в отношении 1 и 2 позиций. Повышение специализации, с одной стороны, делает работника более востребованным для организации (в которой он работает), с другой стороны, повы-

шает риск безработицы в случае, если исчезнет потребность в данном специалисте. В каждой производственной функции можно выделить репродуктивную и продуктивную составляющие, соотношение которых меняется в зависимости от уровня должности. Выполнение репродуктивной деятельности требует меньших затрат личностных ресурсов работника. Выполнение продуктивной деятельности может требовать значительных затрат личностных ресурсов, которые организация не сможет компенсировать ни заработной платой, ни другими стимулами. В качестве плюса важно отметить, что продуктивная деятельность сама по себе является мотивом трудовой деятельности [9, с. 208].

А.Я. Кибанов и И.Б. Дуракова [4, с.129] ссылаются на исследование о предпочтениях соискателей рабочего места при выборе предприятия. В первую десятку предпочтений входит возможность осуществления своих идей, многосторонняя деятельность, участие в выполнении различных функций, наличие на предприятии программ для развития, возможность повышения квалификации, шансы построения карьеры.

Таким образом, можно сделать вывод, что обучение и развитие персонала, встроенное в систему работы с резервом и планированием карьеры, с одной стороны, является стимулом для привлечения кадров в организацию. С другой стороны, позволяет каждому работнику найти свое место в организации в соответствии с имеющимися ресурсами и потенциалом развития.

Остался еще один вопрос: как снизить риски из-за текучести кадров, связанной с тем, что работник считает, что не может реализовать свой потенциал в организации. По мнению автора, такая ситуация чаще всего возникает по вине непосредственного руководителя работника. Многие руководители среднего звена в *«повседневной текучке»* не замечают изменений, происходящих с работником: снижение результативности и мотивации, ухудшение отношений с коллегами или клиентами. Все это симптомы того, что у работника завершается прирост трудовой отдачи, начинается стереотипизация, которая может завершиться свертыванием деятельности (когда изображается активность, а реальной работы нет). Именно в такое время у работника начинает *«кружиться голова от успехов»*. Рецептом для выхода из создавшейся ситуации являются предпочтения соискателей рабочего места, указанные выше. На эти же аспекты работы обращает внимание М. Армстронг [1, с. 260], говоря об обогащении работы, когда работнику предоставляется разнообразие функций, самостоятельность в принятии решений и др. Работа должна усложняться по мере развития профессиональной компетентности. Степень усложнения должна быть такой, чтобы активизировать (*«будить»*) имеющиеся потенциалы, но не вызывать тревоги, неуверенности в своих силах. Одной из форм решения проблемы является делегирование части полномочий руководителя подчиненному. Другой формой является создание атмосферы *«самообучающейся организации»* [10], когда усложнение работы, разнообразие функций, самостоятельность в принятии решений становятся насущной потребностью и руководителей и сотрудников организации.

Каждой организации, которая рассматривает средства, вложенные в развитие человеческого капитала, как инвестиции, необходимо учитывать воз-

можные риски: текучесть кадров, рассогласование целей карьеры работника и возможностей служебно-профессионального продвижения в организации, недостаточная результативность обучения и др. Риски организации, обусловленные использованием ресурсного подхода, могут быть значительно снижены системной работой с персоналом, когда на всех уровнях управления использованию человеческого капитала уделяется такое же внимание, как менеджменту качества.

Список литературы

[1] *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. 8-е изд. / Пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. – СПб.: Питер, 2007.

[2] *Веснин В.Р.* Практический менеджмент персонала: Пособие по кадровой работе. – М.: Юристъ, 1998.

[3] *Деркач А.А.* Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5. Акмеологические основы управленческой деятельности. Кн. 2. – М.: РАГС, 2000.

[4] *Кибанов А.Я., Дуракова И.Б.* Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация: Учеб. пособие. – И.: ИНФРА-М, 2005.

[5] *Макарова И.К.* Управление человеческими ресурсами: уроки эффективного HR-менеджмента: учебное пособие / И.К. Макарова. – М.: Издательский дом *«Дело»* РАНХиГС, 2013.

[6] *Маркин В.Н.* Человековедческий подход в управлении // Ученые записки РАГС. 2011. Выпуск 1. С. 204–214.

[7] *Мартынова Н.А.* Оценка кандидатов в резерв управленческих кадров: анализ ключевых управленческих компетенций// Государственное управление в XXI веке: Российская Федерация в современном мире. 11-я Международная конференция (30 мая–1 июня 2013 г.). – М.: Инфра-М, 2014. – http://www.znanium.com/

[8] *Мильнер Б.З., Румянцева З.П., Смирнова В.Г., Блинникова А.В.* Управление знаниями в корпорациях: Учебное пособие / Под ред. д-ра эконом. наук, проф. Б.З. Мильнера. – М.: Дело, 2006.

[9] *Пугачев В.П.* Руководство персоналом организации. Серия *«Управление персоналом»* – М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2002.

[10] *Сенге П.М., Клейнер Арт., Робертс Ш., Росс Р.Б., Рот Дж., Смит Б.Дж.* Танец перемен: новые проблемы самообучающихся организаций / пер. с англ. – М.: ЗАО *«Олимп-Бизнес»*, 2004.

[11] *Синягин Ю.В.* Оценка личности: ресурсный и компетентностный подходы // Проблемы педагогики и психологии. Научное периодическое издание межвузовского консорциума, выпуск 2. Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, 2014, 192 с. С. 85–93.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДА ПЕРСОНАЛА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Боровикова Т.В.*
(Россия, г.Смоленск)

Аннотация. *В статье рассматриваются современные подходы к управлению персоналом организации в условиях инновационной экономики. Раскрывается содержание процесса интеллектуализации труда с позиции ценностно-деятельностного подхода. Определена последовательность этапов формирования интеллектуального потенциала персонала, где ключевым является преобразование интеллектуального потенциала персонала в совокупный интеллектуальный потенциал инновационной организации.*

В современных условиях формируется новый постиндустриальный технологический уклад, основой которого является интеграция нано-, био- и информационных технологий, влекущий глобальные структурные экономические изменения. В связи с этим по-особенному актуализируются ресурсы, прежде всего интеллектуальные возможности человека.

В связи с этим возникает необходимость переосмысления ценностных ориентиров управления персоналом на основе приоритетов инновационного развития, повышающих управленческий интерес к интеллектуализации персонала.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена следующим противоречием: с одной стороны, отечественная теория и методология управления персоналом представлена разнообразными концепциями, в том числе сосредоточенными на современных аспектах управления, а с другой стороны, отсутствует четкое представление о специфике управления в сфере интеллектуализации персонала и путях их решения в условиях модернизации современной российской экономики.

Обеспечение эффективного управления персоналом организации на основе традиционных подходов невозможно в условиях инновационной экономики, что определило центральную идею исследования, заключающуюся в разработке концепции управления развитием интеллектуализации персонала организации. Это позволит исследовать, проектировать, а также внедрять соответствующие управленческие системы и механизмы, развивать с их помощью инновационные компетенции персонала, нацеливающие на позитивное отношение к обновлению и созидательному развитию в интересах повышения конкурентоспособности современной организации [2, с. 133].

* *Боровикова Тамара Васильевна*, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой, Смоленский государственный университет.

Предпосылки развития общей теории интеллектуализации экономики заложены в учениях Р.Э. Лукаса, Б.А. Лундвалла, П.М. Ромера, Р. Соллоу, Й. Шумпетера, К.Д. Эрроу и др., исследовавших особенности экономики и экономического роста, основанных на знаниях (инновациях), полученных в результате различных обучающих процессов.

В работах многих российских авторов, в частности А.И. Беляева, А.Я. Кибанова, Ю.Г. Одегова, В.А. Спивака, представлена концепция развивающего управления персоналом, сосредоточенная в основном на проблеме качественного развития персонала, в том числе – на развитии интеллектуальных (креативных, творческих) способностей индивидов и трудовых коллективов.

Увеличение доли интеллектуального труда в общем объеме трудовой деятельности в современных экономических условиях, обуславливающее формирование работников нового типа (*knowledge workers*), качественно отличающихся от традиционной рабочей силы, раскрыто в научных трудах Б.М. Генкина, Н.А. Горелова, Б.З. Мильнера, Г.Г. Руденко, Л.В. Санковой и др.

Существенное влияние на развитие теории управления интеллектуализацией персонала оказывают тенденции современной теории инноваций, инновационных предприятий, компаний, представленные в трудах: *за рубежом* – С. Меткалфа, Г. Менша, Р.Р. Нельсона, С. Дж. Уинтера, К. Фримена; *в России* – С.Ю. Глазьева, Н.П. Голубецкой, А.А. Дынкина, Б.Н. Кузыка, В.И. Кушлина, В.Ф. Минакова, А.И. Пригожина, В.В. Трофимова, Ю.В. Яковца.

В общей сложности в научных трудах, посвященных различным проблемным аспектам интеллектуализации, сконцентрирован значительный опыт. При этом, однако, остаются не охваченными исследованиями множественные аспекты развивающего управления процессом интеллектуализации персонала в условиях инновационной экономики.

Важнейшей особенностью XXI века является возрастание значения интеллектуального труда в современной экономической системе. Происходящий переход к информационному обществу, основанному на производстве, распространении и потреблении информации и знаний, изменяет значение интеллектуального труда в социально-экономическом развитии общества. Все большее количество занятых в производительной деятельности людей связывает повышение эффективности своего труда с развитием их интеллектуальных способностей, которые в процессе воспроизводства создают интеллектуальные продукты [4, с. 75].

На наш взгляд, повышение уровня интеллектуального потенциала возможно на основе развития высшего и послевузовского образования. Именно высшая школа – тот исторически сформировавшийся социальный институт, цель функционирования которого связана с наследованием, накоплением и воспроизводством научных знаний, культурных ценностей и нравственных норм поведения людей в любом обществе, в любой экономической системе [3, с. 39].

Высшая школа должна не только давать качественные знания, выполнять важную научную роль, но и служить основным двигателем инновационного развития региона [7, с. 122].

В настоящее время происходит постепенная смена факторов экономического развития региона. В основе этого развития лежит формирование интеллектуальных ресурсов для производства и соответственно переориентация на инновационный процесс, целью которого является удовлетворение новых потребностей членов общества. В связи с этим ведущие университеты с высокой репутацией, вне зависимости от того, в каких регионах они расположены, способны в современных условиях привлекать перспективных студентов и играть роль драйверов инновационного регионального развития [8, с. 35].

Определенный интерес представляет комплекс факторов формирования интеллектуального потенциала региона. По нашему мнению, к факторам, оказывающим влияние на формирование интеллектуального потенциала региона, относятся:

1. Интеллектуальные трудовые ресурсы, характеризующиеся такими показателями, как: доля вузов в регионе, темпы роста числа студентов вузов в регионе, качество образования, уровень жизни населения региона и др.
2. Нематериальные активы, характеризующиеся такими показателями, как: уровень интеллектуального потенциала региона, уровень интеллектуальной миграции и др.
3. Инновационное инвестирование, характеризующееся такими показателями, как: доля финансовых ресурсов, вложенных в инновации в регионе, удельный вес инновационного инвестирования в регионе, темпы роста инновационного инвестирования в регионе.

Одним из показателей формирования интеллектуального потенциала региона является количество трудовых ресурсов с высшим и послевузовским образованием в регионе, тыс. чел. (интеллектуальные трудовые ресурсы). (Таблица 1).

Таблица 1.

Количество трудовых ресурсов
с высшим и послевузовским образованием в регионе, тыс. чел.
(*интеллектуальные трудовые ресурсы*) [3, с. 40]

Регион/год	2012	2013	2014	2015
г. Москва	4849,8	5768,0	5365,8	5953,3
Смоленская область	339,1	349,7	339,8	358,9
Брянская область	380,1	405,9	389,5	381,1
Калужская область	373,4	390,9	403,0	408,1
Тульская область	468,2	502,2	490,5	492,9

Из выше обозначенных данных видно, что доля лиц с высшим и послевузовским образованием, рассматриваемая в динамике, имеет тенденцию к увеличению. Это обусловлено, прежде всего, тем, что на современном рынке труда постоянно возрастает спрос на специалистов высшей квалификации, способных создавать интеллектуальные продукты и услуги.

Необходимо также отметить, что динамичное увеличение доли трудовых ресурсов с высшей квалификацией в определенном регионе обусловлено не только потребностями регионального рынка труда в этих специалистах, но также и потребностями межрегионального и международного уровня. В связи с этим эффективное развитие региональной системы высшего и послевузовского образования в современных условиях приобретает решающее значение при формировании интеллектуального потенциала [3, с. 75].

Данные таблицы 1 позволяют нам рассчитать коэффициент интеллектуальных ресурсов региона, т.е. потенциальных возможностей формирования интеллектуального продукта территории (таблица 2).

Таблица 2.

Коэффициент интеллектуальных ресурсов региона

Регион/год	2012	2013	2014	2015
г. Москва	0,73	0,76	0,78	0,84
Смоленская область	0,68	0,64	0,63	0,62
Брянская область	0,64	0,63	0,61	0,60
Калужская область	0,76	0,73	0,71	0,70
Тульская область	0,62	0,61	0,60	0,58

Важным, по нашему мнению, преимуществом при расчете *«коэффициента интеллектуальных ресурсов региона»* является корреляционная связь данного показателя с темпами социально-экономического развития региона.

Анализируя полученные результаты в таблице 2, можно сделать вывод об отрицательной динамике доли интеллектуальных ресурсов в общем объеме экономически активного населения по периферийным регионам (Смоленская, Брянская, Калужская, Тульская области) и положительной динамике данного показателя в Москве. Это обусловлено новым явлением, характерным для инновационной экономики, которое называется интеллектуальной миграцией.

Под интеллектуальной миграцией мы понимаем процесс территориального перемещения высококвалифицированных трудовых ресурсов с целью поиска лучших возможностей для реализации своего интеллектуального потенциала [6, с. 76].

Миграция квалифицированных специалистов обусловлена различным уровнем экономического и социального развития регионов. Интеллектуальные трудовые ресурсы переезжают в другие регионы, если находят там более высокое материальное вознаграждение, широкие возможности для творчества и саморазвития, более комфортные бытовые условия и др. Интеллектуальная миграция, в отличие от миграции неквалифицированных кадров, характеризуется тем, что регион ухудшает свое сегодняшнее положение, теряет перспективы развития в будущем. Отток интеллектуальной элиты снижает уровень интеллектуального потенциала региона и увеличивает этот показатель в принимающем регионе. В свою очередь интеллектуальный потенциал региона

является основой для обеспечения устойчивых темпов экономического роста. На наш взгляд, повышение уровня интеллектуального потенциала возможно на основе развития высшего и послевузовского образования.

Вместе с этим изменяется и валовой региональный продукт в этих регионах. Где наблюдается отток интеллектуальных ресурсов, он сокращается, а где приток растет (таблица 3).

Таблица 3.

Валовой региональный продукт, млн руб.

Регион/год	2012	2013	2014	2015
г. Москва	7126 972,4	8375 863,8	9948 772,8	10577 810,2
Смоленская область	223666,3	219280,7	214981,1	208719,5
Брянская область	229258,9	222581,5	218217,2	209824,2
Калужская область	300159,5	297187,6	291360,4	288475,6
Тульская область	325008,4	318635,7	312387,9	309295,0

Следовательно, для обеспечения устойчивых темпов экономического роста, повышения уровня благосостояния населения необходимо развивать региональную систему высшего и послевузовского образования, ее структуру и инфраструктуру, т.е. формировать интеллектуальный потенциал региона, с одной стороны, а с другой стороны, необходимо создавать благоприятные условия для удержания интеллектуальных ресурсов для работы в своем регионе [7, с. 78].

Повышение интеллектуального уровня работников, обусловленного изменением характера и роли труда в условиях постиндустриализации, приводит нас к мысли о необходимости рассматривать интеллектуализацию персонала как процесс, который предопределен ресурсной эксклюзивностью интеллекта человека, являющегося безальтернативным источником экономических преобразований в инновационной экономике.

Управление интеллектуализацией труда персонала рассматривается нами как динамичный и целенаправленный процесс формирования расширенного воспроизводства интеллектуального потенциала персонала, в качестве инфраструктуры обеспечивающей инновационный процесс, в основе которого лежит ценностно-деятельностный подход.

В условиях инновационной экономики процесс управления интеллектуализацией труда персонала изменяет свою сущность. В основе специфики содержания управления интеллектуализацией труда персонала лежат ценностные ориентиры: потенциал здоровья, объем знаний, нравственные, этические, профессиональные, квалификационные, организационные, креативно-творческие.

Таким образом, знания, навыки, опыт, интегрируемые в квалификационный уровень, которые определяют профессиональные компетенции персонала в сфере инноваций, становятся результатом управления интеллектуализацией труда.

Управление интеллектуализацией труда персонала как ценностно-деятельностный процесс отличается иной структурой и последовательностью управленческих функций, которые осуществляются по следующим этапам.

ЭТАП 1. Прогнозирование и планирование интеллектуального потенциала персонала: установление потребности предприятия на настоящий (будущий) период в определенном уровне интеллектуального потенциала персонала.

ЭТАП 2. Формирование интеллектуального потенциала персонала: кадровый подбор, отбор, а также формирование кадрового резерва для реализации инновационных планов предприятия.

ЭТАП 3. Развитие интеллектуального потенциала персонала: интеллектуальное совершенствование персонала в соответствии с потребностями инновационной сферы предприятия.

ЭТАП 4. Использование интеллектуального потенциала персонала в инновационном процессе предприятия посредством обеспечения инновационной активности персонала.

ЭТАП 5. Преобразование интеллектуального потенциала персонала в совокупный интеллектуальный потенциал инновационной организации.

В настоящее время реализация пятого этапа является ключевой задачей развития любой организации и повышения ее конкурентоспособности. Развитие интеллектуального потенциала персонала организации возможно путем *«интеллектуальных инвестиций»*, в результате чего происходит процесс качественного преобразования личности. Сотрудник, по сути, сливается с организацией, становится единым целым и переходит на качественно новый уровень своего развития, готов решать профессиональные задачи. В условиях инновационной экономики цели организации начинают доминировать над индивидуальными целями работников, поскольку изменяются ценностные приоритеты личности, и в основе ценностных установок работника становятся цели организации, корпоративные интересы становятся выше личных интересов персонала. Таким образом, людьми двигают корпоративные интересы и цели организации, и работник стремится стать *«успешным человеком»*. В этом сущность преобразования интеллектуального потенциала персонала организации в потенциал *«успешного человека»*, в отличие от *«экономического человека»,* модель которого была характерна для экономики конца XIX – XX столетия. Такая личность, с ценностными установками, ориентированными на цели организации, запускает *«цепную реакцию»* преобразования ближайшего собственного окружения, поддерживает их в этом преобразовании и создает общество *«успешных людей»*, ориентированных на цели данного общества, корпорации, организации.

Список литературы

[1] *Боровикова Т.В. Р*егиональный имидж как фактор социально-экономического развития региона // Вестник Челябинского гос. университета. Челябинск: издво ЧГУ, №19 (вып. 15 *«Экономика»*), 2008. С. 72–79.

[2] *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Интеллектуальный труд-фактор инновационного развития региона: теоретико-методологический анализ / монография. – Смоленск. Изд-во *«Универсум»*, 2015. 214 с.

[3] *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Интеллектуальный потенциал региона: методика оценки // Региональные исследования. № 3, 2014. С. 38–42.

[4] *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический аспект // научно-практический журнал / Проблемы безопасности российского общества. – Смоленск (МИИТ), № 4, 2015. С. 73–78.

[5] *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Оценка интеллектуального потенциала региона (на примере Смоленской области) // Региональные исследования. № 3, 2015. С. 74–78.

[6] *Ильин А.Б.* Региональная модель коммерциализации интеллектуальных продуктов, созданных малыми инновационными предприятиями при вузах / А.Б. Ильин // Модель менеджмента для экономики, основанной на знаниях. Материалы V Международной научно-практической конференции. Том 1. – М.: МЭСИ. 2013. С. 74–82.

[7] *Катровский А.П.* Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. Монография. – М.: *«Международные отношения»*, 2003. 208 с.

[8] *Филинов В.А.* Воспроизводство интеллектуального потенциала региона // материалы международной научно-практической конференции *«Творческое наследие А.С. Посникова и современность в рамках программы «Возвращенные имена»*. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 33–37.

РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Борисов А.Ф.*
(Россия, г.Санкт-Петербург)

Аннотация. *В статье анализируются результаты эмпирического исследования механизмов регулирования и согласования интересов участников корпоративного управления в средних промышленных корпорациях Тамбовской области. Дается оценка деятельности органов корпоративного управления, федерального законодательства и внутренних правовых норм как основных регуляторов внутрикорпоративных отношений, выявлены имеющиеся в них пробелы. На основе разработанных показателей удовлетворенности участников корпоративного управления и уровня их ожиданий получены обобщенные данные о механизмах согласования интересов субъектов и участников корпоративного управления.*

1. Введение. Корпоративное управление является одной из актуальных исследовательских проблем в современном социогуманитарном знании. Это связано с тем, что в корпоративных взаимоотношениях участвует большое количество социальных групп: акционеры, менеджеры, персонал, кредиторы, партнеры, конкуренты, государственные органы, общественные организации, потребители, поставщики, местные органы власти, инвесторы и другие заинтересованные лица. Они имеют различные социальные потребности и интересы, многообразие паттернов поведения – от конфликта интересов до долговременных доверительных отношений.

В исследованиях по корпоративному управлению сложилось общепринятое понимание наиболее существенных различий в интересах основных субъектов и участников корпоративного управления. Регулирование отношений между ними становится весьма сложной задачей для органов управления корпорацией.

Анализ функционирования внутренних и внешних механизмов регулирования и согласования интересов участников корпоративного управления показал, что они не обеспечивают сбалансированность социальных взаимодействий участников корпоративных отношений. Среди причин, обусловивших такое положение, выделяют: формализованный характер деятельности органов корпоративного управления; недостаточную востребованность внутренних документов, в частности, кодекса корпоративного управления; оппортунизм и просчеты менеджеров, приводящие к неэффективности сделок; противоречивость законодательных норм и слабость судебной защиты.

* *Борисов Александр Федосеевич*, доктор социологических наук, профессор кафедры социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет.

Однако фундаментальная причина неэффективности функционирования механизмов регулирования и согласования интересов участников корпоративных отношений заключается в институциональной недостаточности корпоративного управления, то есть в существующем противоречии между потребностью в норме, отвечающей интересам участников корпоративных отношений и возможностями ее внедрения в практику корпоративного управления. В российских условиях, начиная с конца 80-х годов XX века, действует неустойчивая модель корпоративного управления. Она несколько раз подвергалась существенной коррекции путем принятия законов и нормативных актов, отвечающих на вызовы неустойчивой внешней и внутренней ситуации в обществе. В таких условиях внедряемые нормы и ценности корпоративного управления зачастую становились препятствием для одних субъектов и стимулом для других. Приводили к острым социальным конфликтам, дестабилизации, неустойчивости социальных отношений. Противоречия возникали по разным основаниям, на каждое из противоречий или их комплекс формировалась, по нашему определению, институциональная недостаточность корпоративного управления и определялась потребность в управленческой рефлексии и необходимость постоянного совершенствования модели корпоративного управления с учетом базовых институтов российского общества.

Исследование особенностей корпоративного управления в таких компаниях связано с тем, что они проявляют достаточно высокую адаптивность и выживаемость, демонстрируют довольно высокие темпы развития в условиях неустойчивой внешней и внутренней среды. Данное исследование должно внести свой вклад в понимание процессов функционирования корпоративного управления на предприятиях среднего бизнеса.

2. Механизмы регулирования взаимодействий участников корпоративных отношений.

В ходе проведенного нами контент-анализа были получены обобщенные данные об использовании федеральных и внутренних правовых норм, применяемых в средних промышленных корпорациях. Изучена деятельность совета директоров как субъекта корпоративного управления, его возможности внутреннего регулирования взаимодействий между акционерами, менеджментом и другими участниками корпоративных отношений.

В инсайдерской модели корпоративного управления, где главные позиции заняты контролирующими акционерами или менеджерами, представляющими их интересы, совет директоров может играть номинальную роль, либо он фактически становится главных исполнительным органом корпорации, либо происходит перевод совета директоров в режим консультативного совета.

В ходе исследования были получены показатели, сигнализирующие о проблемах в деятельности советов директоров корпораций: частота заседаний совета директоров может свидетельствовать о доминировании исполнительных функций; отсутствие комитетов при совете директоров может свидетельствовать о выполнении им консультативной или декоративной роли; формальная роль совета директоров может проявляться как в чрезмерной многочисленно-

сти их состава, так и в наличии в его составе неспециалистов, людей без жизненного и профессионального опыта.

В исследуемых компаниях председателями совета директоров являются лица, которые непосредственно связаны с организацией в течение многих лет, имеют большой опыт корпоративного управления, хорошо знают историю компании и в половине случаев владеют значительной долей акционерного капитала, являясь крупными собственниками.

Исполнительный орган в лице генерального директора возглавляется в основном руководителями новой генерации. Они приобрели опыт работы уже в новых рыночных условиях и имеют, как правило, техническое и второе – финансово-экономическое или юридическое образование. В большинстве случаев генеральные директора тамбовских корпораций не имеют доли в акционерном капитале. Это высокооплачиваемые менеджеры, готовые к решению задач по развитию корпорации. Среди членов советов директоров имеются представители менеджеров среднего звена (14,7%) и незначительная доля тех, кто имеет среднее образование. Мотивы их представительства в советах директоров могут быть различны (представление независимого директора, назначение *«своего»* человека, нехватка профессиональных кадров и др.).

Исследование выявило, что в работе органов корпоративного управления прослеживаются две положительные тенденции. Первая – это внимание к строгому соблюдению законодательных норм при проведении корпоративных процедур, принятии решений, одобрении крупных сделок, что способствует снижению конфликтов интересов. Вторая – попытка советов директоров сформировать стратегию развития корпорации.

Из результатов контент-анализа следует, что на 71,5% стратегия развития корпораций определяется решением производственных задач: модернизацией, техническим перевооружением, освоением новых производств, увеличением объемов производства и продаж, экологической безопасностью и конкурентноспособностью продукта, увеличением обслуживания и ростом прибыли.

Вопросы социально-экономического развития рассматриваются в 16,9% случаев. Они связаны с увеличением заработной платы, улучшением условий труда, повышением социальной защищенности работников, созданием новых рабочих мест, улучшением условий жизни.

Развитие корпоративного управления в 14,6% ассоциируется с увеличением стоимости предприятия, укреплением команды единомышленников, достижением лидерских позиций на рынке, повышением качества менеджмента.

Исследование показало, что разработка стратегии развития промышленных корпораций области находится в начале своего пути. Отдельные корпорации (ОАО МЛРЗ *«Миларем»*) только планируют начать работу над стратегическим планом развития, включая в него вопросы финансово-экономической, маркетинговой, кадровой и социальной политики.

В целом, регулирование советом директоров корпоративных отношений пока еще носит формализованный характер. Тем не менее освоение стандартов корпоративного управления, уровень их внедрения в практику корпоративных

отношений отвечает целерациональным потребностям и интересам собственников и соответственно оценивается положительно (67,2%).

Контент-анализ годовых отчетов предприятий дал характеристику основных групп стейкхолдеров и отношения к ним в корпорациях. Распределение информации показало значимость для тамбовских компаний следующих стейкхолдеров: потребителей (32,8%), персонала (29,7%), конкурентов (13,7%), поставщиков (12,6%). Меньше всего информации отведено кредиторам (7,2%), партнерам (5,2%), представителям органов государственного управления (1,8%).

Таким образом, в корпорациях сложилось разнонаправленное отношение к стейкхолдерам: от положительного отношения к потребителям и персоналу до отрицательного отношения к кредитным организациям. Обращает на себя внимание факт отсутствия во всех корпорациях области специальных программ по взаимодействию со стейкхолдерами.

По мнению респондентов, уровень защиты прав собственности акционеров остается в целом стабильным. Взаимодействие с миноритарными акционерами характеризуется как удовлетворительное. Контроль советом директоров деятельности топ-менеджмента оценивается в корпорациях на среднем уровне. Эффективность контроля действий менеджмента респонденты связывают с традиционным набором методов. Среди них: проверка независимого аудитора (62%), отчеты топ-менеджеров об исполнении ими решений совета директоров (55%), административные меры воздействия к менеджерам по результатам финансовой отчетности (41%); контроль сделок с заинтересованными лицами (28%); раскрытие информации о доходах менеджеров (24%). Контроль деятельности менеджмента не ограничивается административными мерами и санкциями. Он увязывается с необходимостью учета их интересов на основе внедрения систем материального и морального стимулирования (34%). Доступность и открытость корпоративной информации составляет одно из основных условий обеспечения контроля действий менеджмента.

Оценим внешние механизмы, регулирующие общие правила корпоративных взаимодействий. Федеральному законодательству, правилам и нормативным актам государственного регулятора рынка ценных бумаг (Банка России), постановлениям правительства, федеральных ведомств и служб соответствует в среднем 31,7% информации о корпоративных нормах, используемых в средних промышленных корпорациях.

Как показало исследование, из перечня применяемых в компаниях федеральных норм используется только несколько федеральных законов. Во-первых, чаще всего применяется Федеральный закон *«Об акционерных обществах»* (31,3%). Наиболее востребованными являются статьи о проведении общего собрания акционеров, счетной комиссии, порядке заключения крупных сделок, выплате дивидендов, раскрытии информации**.** Во-вторых, на практике часто применяется Федеральный закон *«О рынке ценных бумаг»* (26,2%) и связанные с ним нормативные акты Банка России, Минфина РФ, в том числе о раскрытии информации. В-третьих, в практике корпоративного управления применяются природоохранное законодательство, государственные норматив-

ные требования охраны труда, Налоговый и Гражданский кодексы с внесенными в них поправками; законодательство, регулирующее отношения по закупке товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд и др.

Тем не менее в ходе контент-анализа был получен высокий процент негативных оценок правового обеспечения корпоративной деятельности – 77,3%. Отмечено, что трудности в корпоративном управлении возникают из-за несовершенства законодательства, имеющихся в нем пробелов, противоречивости правовых норм, усложнения нормативной базы. Так, в годовом отчете ОАО *«Тамбовмаш»* приводятся примеры противоречий ведомственных документов с нормами федерального законодательства, ставящих под угрозу соблюдение коммерческой тайны, или принятых федеральных норм, вводящих такую систему ограничительных правил, которые затрудняют ведение коммерческой деятельности. Среди *внутренних регуляторов* взаимодействия субъектов и участников корпоративного управления основное место занимают документы, регулирующие внутрикорпоративную деятельность корпораций, – 57,3%. К наиболее важным из них отнесены устав компании (45,0%) и положение о совете директоров (9,0%). Помимо них в корпоративном управлении востребованы положения о выплате вознаграждений, о заключении договоров, а также планы, программы, связанные с развитием корпораций.

Среди внутренних документов корпораций отсутствует собственный кодекс корпоративного управления, хотя продекларировано руководство нормами общероссийского Кодекса корпоративного управления и этическими нормами делового сообщества. Таким образом, уровень разработанности корпоративных норм управления в соответствии с международными стандартами остается в корпорациях недостаточным.

Широкий спектр взаимодействий между участниками корпоративных отношений регулируется на основе *договоров*. Данные контент-анализа свидетельствуют о многочисленности самых различных видов сделок, проводимых корпорациями (поставка продукции, приобретение нового оборудования, возмездные услуги, долгосрочная аренда, покупка движимого и недвижимого имущества, залоговые сделки готовой продукцией под банковские гарантии, сделки с заинтересованностью и др.). В среднем на корпорацию за отчетный период приходилось до 10-ти существенных сделок.

Договоры являются механизмом, регулирующим отношения между заинтересованными сторонами и обеспечивающим недопущение конфликтов интересов. Примером, который дается на вставке, является заключение ОАО МЛРЗ *«Милорем»* дилерского соглашения и договора о займе. Они включают прописанный механизм взаимодействия между производителем и дилером, компанией и кредитором, который обеспечивает соблюдение интересов обеих сторон. Тем не менее эти договоры имеют существенный недостаток. В них не прописаны меры, которые могут наступить при невыполнении договоров по разным обстоятельствам, что может создать условия для конфликта интересов между сторонами.

Совершенствование договорных отношений следует рассматривать как одно из важных направлений развития корпоративного управления.

Регулирование системы взаимодействий субъектов и участников корпоративного управления происходит на основе неформальных норм (ответственности, долга, честности, справедливости и др.). Важную роль играет принцип социальной ответственности, так как на его базе формируется социальная политика, проводимая в корпорации по отношению к трудовому коллективу, общественным организациям, обществу в целом.

3. Механизмы согласования интересов участников корпоративного управления. Исследование механизмов согласования интересов субъектов и участников корпоративного управления проводилось методом анкетного опроса 256 респондентов, являющихся субъектами и участниками корпоративного управления. Опрос проводился на основе целевой выборки.

Механизмы согласования интересов субъектов и участников корпоративного управления определяются на основе таких показателей, как оценка деятельности органов корпоративного управления, уровень сбалансированности интересов субъектов и участников корпоративного управления, защита прав акционеров, контроль деятельности менеджмента, удовлетворенность ожиданий участников корпоративных отношений состоянием корпоративного управления; разрешение корпоративных конфликтов; мотивы поведения участников корпоративных отношений.

Уровень корпоративного управления компании определяется деятельностью её органов управления. Анкетный опрос уточнил характеристику деятельности органов корпоративного управления, полученную в ходе контент-анализа.

Уровень корпоративного управления компании определяется деятельностью ее органов управления. Анкетный опрос позволил уточнить оценку деятельности органов корпоративного управления, полученную в ходе контент-анализа. Исходя из установленной нами максимальной шкалы оценки (5 баллов), наиболее высокие баллы были получены советом директоров (3,7), исполнительным органом в лице генерального директора (3,5), общим собранием акционеров (3,3). Более низкие баллы оказались у корпоративного секретаря (3, 1) и комитета совета директоров (2,6).

Наиболее высокие баллы были получены советом директоров (3,6), исполнительным органом (3,4), общим собранием акционеров (3,2), более низкие баллы у корпоративного секретаря (3,0), комитетов совета директоров (2,7). Полученные оценки связаны с особенностями функционирования органов корпоративного управления. Одно из объяснений более высокой оценки совета директоров может быть связано с систематическим участием данного органа в подготовке и принятии наиболее важных корпоративных решений. Оценка исполнительного органа может отражать сложившееся мнение как о допускаемых ошибках менеджментом компании, так и о потребности в новом руководителе и квалифицированной команде. Оценка общего собрания акционеров фиксирует формализованный характер деятельности этого органа, который зачастую сводится к утверждению решений по предложению совета директоров. Деятельность корпоративного секретаря может ассоциироваться с выполнением чисто технических функций. Достаточно низкая оценка комитетов совета директоров может быть вызвана не только недостатками в их работе, но

и отсутствием у респондентов информации об их деятельности. В целом деятельность органов корпоративного управления оценивается в 3,2 балла, что свидетельствует о сложившемся удовлетворительном уровне корпоративного управления в компаниях.

Полагаем, что если сложившаяся система корпоративного управления в промышленных корпорациях области находится на среднем уровне, то ей сложно обеспечивать высокую сбалансированность взаимодействий между участниками корпоративных отношений.

Исследование показало, что по мнению 58% респондентов, уровень сбалансированности интересов участников корпоративных взаимодействий является удовлетворительным, 30% считают его неудовлетворительным и только 10% – хорошим. В среднем это составило 2,8 балла.

Исследование выявило, что все участники корпоративных взаимоотношений имеют разный уровень удовлетворенности своих ожиданий состоянием корпоративного управления. Для расчета индекса удовлетворенности ожиданий основных групп участников корпоративных отношений была использована методика расчета ожиданий, принятая в Левада – Центре. В соответствии с ней из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных и к этой разнице прибавляется цифра 100. Значение индекса ожиданий меняется от 0 до 200.

Ответы респондентов были систематизированы в отдельную таблицу с расчетом показателей частных индексов удовлетворенности по восьми группам: акционеры, персонал, профсоюзы, потребители, партнеры, государственные служащие, представители общественных организаций, научно-технические работники.

Опрос респондентов подтвердил, потребители имеют самый высокий уровень удовлетворенности своих ожиданий (147). Государственные служащие оценивают систему корпоративного управления выше среднего (140). Уровень удовлетворённости ожиданий акционеров также превысил средний (125). Индекс уровня удовлетворенности партнерскими отношениями составляют (123). Удовлетворенность персонала соответствует среднему уровню (102). Удовлетворенность профсоюзов корпоративным управлением ниже среднего уровня (95). У научно-технических работников наблюдается наиболее низкий уровень удовлетворенности своих ожиданий (80).

Таким образом, интегральный показатель корпоративного управления в промышленных компаниях области соответствует среднему уровню – 113. Корпоративное управление промышленных корпораций направлено на укрепление взаимодействий с заказчиками/потребителями, поддержание отношений с государственными службами, избегания с их стороны судебных и штрафных санкций. Данная ориентация промышленных корпораций является исходным условием выстраивания соответствующих отношений с акционерами и партнерами. Проблемы решения вопросов с персоналом, общественными организациями, профсоюзами занимают вторичные позиции в корпоративном управлении. Совершенствование корпоративного управления, переход к инвестиционному развитию корпорации видится в изменении позиции научно-технических сотрудников в корпоративных отношениях.

Актуальной для средних промышленных корпораций остается проблема конфликтов. Конфликты интересов чаще всего происходят между тремя группами: 1) акционерами и топ-менеджерами (59%), 2) менеджментом и персоналом (55%) и с 3) конкурентами (41%). Далее по степени убывания фиксируются конфликты с: 4) государственными органами и партнерами по бизнесу (28%), 5) потребителями/заказчиками и 6) между крупными и мелкими акционерами (21%). Редки конфликты: 7) между членами совета директоров (10%) и исполнительным органом, а также между 8) членами совета директоров (7%).

Одним из наиболее хорошо методологически и методически разработанных и применяемых на практике способов преодоления корпоративных конфликтов является определение приоритетов в удовлетворении интересов участников корпоративных отношений.

Удовлетворение интересов крупных акционеров (27,8%) и топ-менеджеров (18,6%) в средних региональных компаниях стоит на первом месте. В выборе респондентов в пользу инвесторов (9,4%), заказчиков/потребителей (5,2%), банков (2,1%) и государства (0,1%) подтверждается зависимость компании от позиции и политики этих участников корпоративных отношений на рынке. Выбор в *«последнюю очередь»* респонденты делают по отношению к зависимым от компании (властно, материально, социально...) таким социальным группам, как поставщики, местные органы власти, персонал. Можно поменять поставщика (3,0%), отказать в просьбе местной власти (10,2%), задобрить персонал (10,7%), игнорировать мелких акционеров (18,6%), но все эти действия существенно не отразятся на положении корпорации в целом.

В ходе исследования были уточнены мотивы поведения субъектов корпоративного управления.

Целерациональные ценности составляют основные мотивы корпоративного поведения. Среди них: прибыль (93%), контроль (69%), выгода (66%), конкуренция (59%) и стремление к монополии (28%). Все они мотивируют экономические устремления респондентов. Важное место занимает социально-психологический комплекс мотивов**.** В нем выделяются ценности: готовность к риску (45%), стремление к порядку (45%), преданность делу (38%) и деловая культура (34%). Существенную роль играет доверие (28%) как важная ценность для участников корпоративных отношений. Представители корпоративного сообщества отмечают, что оппортунистические мотивы не редкость в корпоративных взаимоотношениях. Чаще всего проявляются такие антиценности, как корысть, обман, беспринципность (24%). Несколько реже – эгоизм (14%) и дискриминация участников корпоративного поведения (7%). Опрос показал, что этические ценности как мотивы поведения стейкхолдеров встречаются, но очень редко. Среди них: справедливость (14%), честность (7%), равноправие (3%). В бизнес-сообществе нет альтруизма. Здесь поведение может зависеть от форс-мажорных обстоятельств и действий по принципу *«ничего личного»*.

Таким образом, выбор поведения чаще всего осуществляется на основе целерациональных мотивов – 63,4%; социально-психологических мотивов – 38%. Редко – на основе оппортунистических мотивов – 19%, этических мотивов – 8%.

4. Заключение. Средние корпорации составляют основу развития промышленного производства в регионе. В ходе исследования выявлено, что внешняя среда неблагоприятна для деятельности средних корпораций, возможности их устойчивого и динамичного развития связаны в первую очередь с их внутренней средой (самофинансирование, модернизация производства). Под влиянием рыночных механизмов средние промышленные корпорации развиваются, используя различные пути: монополизацию внутреннего отраслевого рынка по отдельным видам продукции, вхождение в холдинговые структуры, специализацию выпускаемой продукции или ее диверсификацию.

Корпоративное управление в регионе осуществляется на основе инсайдерской модели, при которой крупные акционеры участвуют в корпоративном контроле над деятельностью топ-менеджмента.

Анализ внутренних механизмов регулирования социальных взаимодействий субъектов и участников корпоративного управления показывает, что роль совета директоров в средних промышленных корпорациях Тамбовской области формализована, направлена в основном на обеспечение соблюдения законодательных норм при проведении корпоративных процедур.

В ходе исследования получена характеристика основных групп стейкхолдеров и отношения к ним в корпорациях. В корпорациях сложилась положительная ориентация на взаимодействие с потребителями, заказчиками, поставщиками, персоналом, партнерами. Нейтральные отношения продемонстрированы к представителям государственных органов власти. Отрицательная ориентация сложилась по отношению к банкам и конкурентам.

Получены результаты, характеризующие внешние и внутренние правовые механизмы регулирования взаимодействий субъектов и участников корпоративного управления. Отмечен высокий процент негативных оценок правового обеспечения корпоративной деятельности, что подтверждает несовершенство законодательства. Регулирование внутрикорпоративной деятельности базируется на ограниченном перечне корпоративных документов. В корпорациях отсутствует собственный Кодекс корпоративного управления. Взаимодействие участников корпоративных отношений на основе договоров имеет общие недостатки при их заключении.

В ходе эмпирического исследования на основе метода анкетного опроса участников корпоративных отношений получена характеристика механизмов согласования интересов субъектов и участников корпоративного управления и определен сложившийся уровень корпоративного управления в средних промышленных корпорациях области.

Анкетный опрос показал средний уровень корпоративного управления, сложившийся в промышленных корпорациях области, и удовлетворительный уровень сбалансированности взаимодействий участников корпоративных отношений. Уровень защиты прав собственности акционеров в целом остается стабильным, уровень защиты прав миноритарных акционеров оценивается как удовлетворительный, контроль совета директоров управленческой деятельности топ-менеджмента оценивается выше среднего уровня.

В ходе исследования выявлено, что участники корпоративных отношений имеют разный уровень удовлетворенности своих ожиданий состоянием

корпоративного управления компаний: от наиболее высокого – у потребителей, государственных служащих, акционеров, партнеров; до более низкого – у персонала, профсоюзов и общественных организаций, научно-технических специалистов.

Актуальной для средних промышленных корпораций является проблема конфликтов интересов, которые чаще всего происходят между акционерами и топ-менеджерами, менеджментом и персоналом, с конкурентами. Конфликты интересов в корпорации преодолеваются на основе приоритетного удовлетворения интересов, в первую очередь – крупных акционеров, во вторую очередь – топ-менеджеров и т.д. Слабо учитываются интересы поставщиков, местных органов власти, персонала, мелких акционеров. Конфликты интересов разрешаются на основе норм федерального законодательства, которые соответствует интересам более половины участников корпоративных отношений; внутренних корпоративных документов; договоров с постоянными партнерами.

В мотивационной системе поведения субъектов и участников корпоративного управления главными являются целерациональные мотивы – прибыль. Среди моральных мотивов выделяется справедливость.

В ходе исследования была подтверждена выдвинутая гипотеза. Механизм регулирования и согласования интересов субъектов и участников корпоративного управления сложился как удовлетворительный, что обеспечивает средний уровень удовлетворенности корпоративным управлением как системы социальных взаимодействий.

Список литературы

[1] *Беляева И.Ю., Козлова Н.П.* Совершенствование практики корпоративного управления в российских компаниях // Управленческие науки. 2014. № 2 (11). С. 16–24.

[2] *Самосудов М.В.* Баланс интересов как фактор устойчивости корпораций // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 25–33.

[3] *Прочанкина И.В.* Модель процесса согласования интересов участников корпоративных отношений// Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 10. С. 48–55.

[4] *Веснин В.Р., Кафидов В.В.* Корпоративное управление: учебник. – М.: ИНФРА-М. 2013.

[5] *Борисов А.Ф., Челенкова И.Ю.* Механизмы согласования интересов субъектов и участников корпоративного управления: социологический анализ// Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 10. С. 174–179.

[6] *Антонов В.Г., Крылов В.В., Кузьмичев А.Ю. и др.* Корпоративное управление: учебное пособие/ под ред. В.Г. Антонова. 2-ое изд.перераб.и доп. – М.: ИД *«Форум»*: ИНФРА-М. 2010.

НЕРАВЕНСТВА, СНИЖАЮЩИЕ ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ, И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ОСЛАБЛЕНИЯ

Якимец В.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В течение последних 5 лет в докладах ПРООН о человеческом развитии публикуются не только значения Индекса человеческого развития (ИЧР), но и ИЧРН – значения ИЧР, скорректированные с учетом неравенств в основных измерениях (ожидаемая продолжительность жизни, образование и доходы). В статье анализируются данные по ИЧР и ИЧРН России за ряд лет, приводятся сведения о масштабах и динамике неравенства в доходах и предлагается адресный подход к ослаблению последствий неравенства.*

В последние годы усиливается интерес к разработке индексно-рейтинговых подходов к измерению различных аспектов общественного развития как на международном уровне (для сопоставления между странами), так и на уровне стран (для сравнения развития отдельных регионов внутри стран), и применению методов измерения человеческого капитала и его развития с целью проведения межстрановых сопоставлений. Программой развития ООН (ПРООН) более 25 лет публикуются Доклады о человеческом развитии [1].

В кооперации с Гарвардским университетом и международной консалтинговой компанией Мерсер (Mercer Human Resource Consulting) аналитическая группа Всемирного экономического форума (ВЭФ) издает Доклад о состоянии человеческого капитала [2]. Пока изданы два доклада за 2013 и 2015 годы. Причем методология второго из них существенно улучшена. Представленный в докладе анализ факторов развития человеческого капитала 124 стран содержит подробные оценки каждой из них и позволяет проводить межстрановые сравнения. Достижения стран определяются возможностями развития человеческого капитала в пяти возрастных группах на основе более чем 50 показателей, сведенных в четыре группы: 1) образование (высшее, среднее, начальное) и профессиональная подготовка; 2) здоровье, физическое и психологическое благополучие; 3) трудоустройство и занятость; 4) инфраструктура, правовая защита, социальная мобильность. Интересно, что в 2015 году Россия заняла 26-е место между Чехией (25) и Кипром (27).

Институт Земли публикует рейтинг стран по уровню счастья [3].

А вообще Россия представлена во многих международных индексах и рейтингах [4]. В этой статье мы не будем рассматривать все эти рейтинги и индексы.

* *Якимец Владимир Николаевич*, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт проблем передачи информации имени А.А. Харкевича РАН.

Нас интересует связь между неравенством доходов и человеческим развитием.

Более 5 лет в докладах ПРООН о человеческом развитии публикуются не только значения Индекса человеческого развития (ИЧР), но и ИЧРН – значения ИЧР, скорректированные с учетом неравенств в основных измерениях (ожидаемая продолжительность жизни, образование и доходы). В докладе 2015 года [5] ИЧР России за 2014 год составил 0.798 и страна заняла 50-е место в рейтинге. Но с учетом неравенства в доходах скорректированный ИЧРН РФ в 2014 году оказался равным 0.714. Для сравнения: несмотря на то, что ИЧР Белоруссии был равен ИЧР России, скорректированный ИЧРН этой страны оказался выше российского, составив 0.741. При этом неравенства в России (особенно по ожидаемой продолжительности жизни и доходам) оказались больше, чем в Белоруссии. Естественно возникает вопрос – каковы причины, есть ли возможности ослабления неравенства в доходах и какие механизмы их ослабления могли бы как можно быстрее быть задействованы. Для сравнения дадим данные по Германии (ИЧР = 0.916, а ИЧРН = 0.853) и США (ИЧР = 0.915, а ИЧРН = 0.760 (!)). ИЧРН США ниже при учете неравенства в доходах.

Заметим, что с 2014 года Аналитическим центром при Правительстве РФ публикуются Доклады о человеческом развитии в Российской Федерации [6, 7].

Отметим, что расширение неравенства в доходах между самыми богатыми и самыми бедными гражданами России – широко известная и обсуждаемая тема. Существуют различные подходы к измерению уровня такого неравенства. Одним из них является так называемый децильный коэффициент фондов, который отражает разницу между средним доходом 10% самых обеспеченных жителей страны и средним доходом 10% наименее обеспеченных граждан. На рисунке 1 показана динамика изменения децильного коэффициента дифференциации денежных доходов населения России за период с 1995 по 2015 годы.

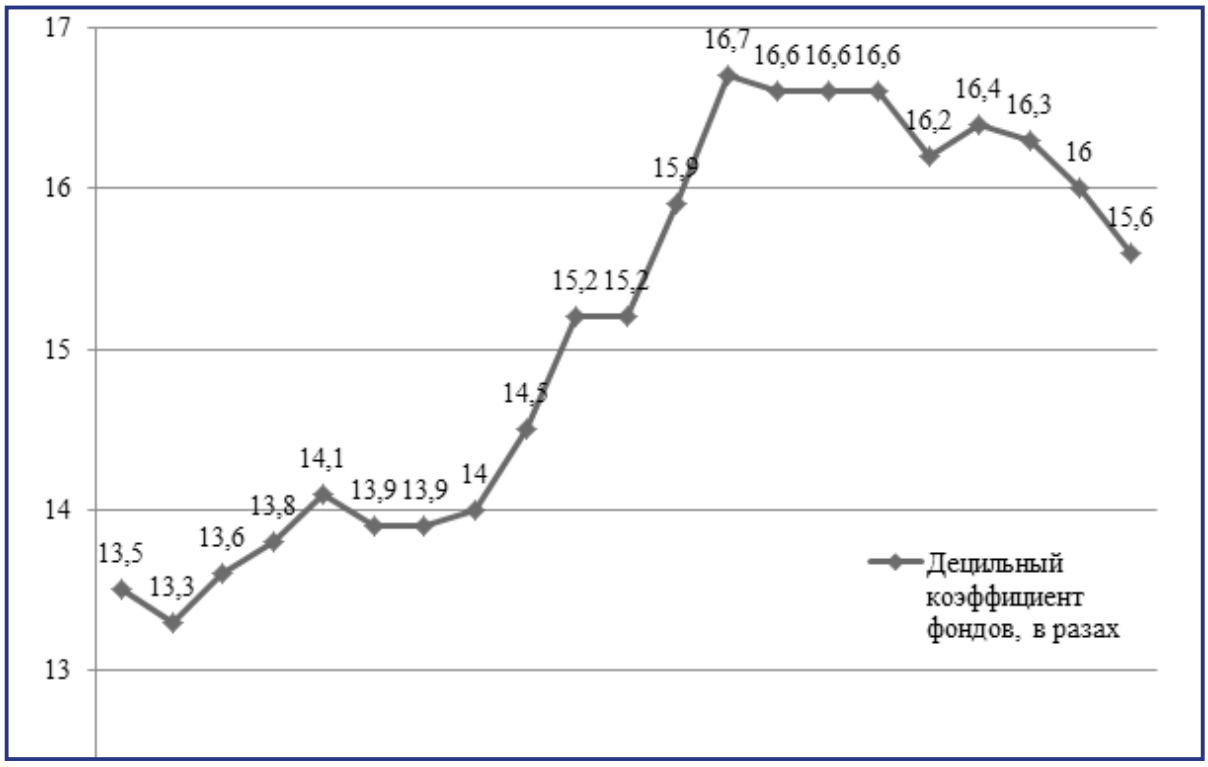


Рис. 1. Децильный коэффициент фондов, разы, Росстат

На рисунке 2 за тот же период времени (1995–2015) показаны данные Росстат о динамике соотношения денежных доходов между двумя 20-процентными группами населения РФ: группой I (с наименьшими доходами) и группой V (с наивысшими доходами). Нетрудно видеть, что расслоение населения по уровню доходов весьма значительное.

Это частично объясняет то, что в расчетах ПРООН, значения ИЧРН России заметно уменьшаются.

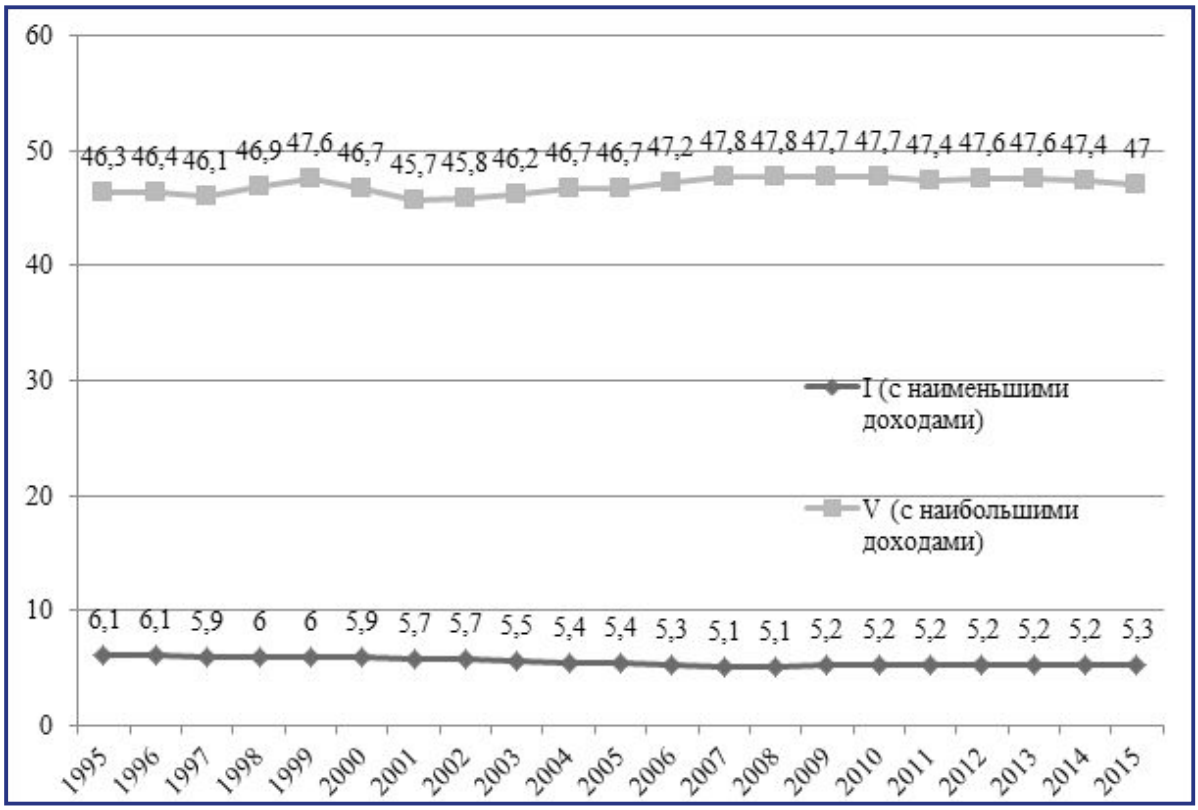


Рис.2. Распределение общего объема денежных доходов по I (с наименьшими доходами) и V (с наибольшими доходами) 20-процентным группам населения РФ, в %

Для *«Доклада о человеческом развитии»* ПРООН рассчитывают пять составных индексов:

1. ИЧР – индекс человеческого развития, с 1980 года;
2. ИЧРН – ИЧР, скорректированный с учетом неравенства, с 2010 года;
3. ИГН – индекс гендерного неравенства, с 2010 года;
4. ИМБ – индекс многомерной бедности, с 2010 года;
5. ИРГФ – индекс развития с учетом гендерного фактора, с 2014 года.

В этой статье мы рассмотрим лишь первые два из них. В Таблице 1 показаны различия в составе и схеме определения значений ИЧР и ИЧРН. Так, подсчет ИЧР ведется на основе трех показателей: ожидаемая продолжительность жизни, показатели образования и валовой внутренний продукт на душу населения, рассчитанный по ППС. До 2010 года ПРООН использовался метод расчета:

$$\text{ИЧР} = (I_{\text{Долголетие}}^{1/3} \bullet I_{\text{Образование}}^{1/3} \bullet I_{\text{Доход}}^{1/3}).$$

Каждый субиндекс I_x измеряется в долях от 0 до 1. При этом измерение состояния показателей в каждой стране проводят при заданных максимальным (желаемых) и минимальных значениях:

- продолжительность жизни при рождении – 25 и 85 лет;
- грамотность взрослого населения – 0% и 100%;
- совокупная доля учащихся среди детей и молодежи – 0% и 100%;
- для субиндекса дохода реальный ВВП на душу населения (ППС) – 100 и 40000 долл.

Таблица 1.

Субиндексы и показатели ИЧР и ИЧРН

Субиндекс	**Долголетие**	**Образование**		**Уровень жизни**
	Ожидаемая (**X**) продолжительность жизни при рождении, *Годы,UNDESA, 2015*	Ожидаемая продолжительность обучения, *Годы*	Средняя продолжительность обучения, *Годы, UNESCO, 2015*	ВВП на душу населения-**Y**,- *долл. США по ППС* WB, IMF,UNSD
ИЧР	(X – 25)/(85–25)	Для субиндекса образования показатели берутся с разными весами: доля грамотного населения с коэффициентом 2/3, а доля обучающихся молодых людей в возрасте от 7 до 24 лет с коэффициентом 1/3.		(lgY-lg100)/ (lg40000-lg100)
ИЧРН	(X – 25)/(85–25) с учетом неравенства	Индекс образования с учетом неравенства: продолжительность обучения/15 и ожидаемая продолжительность обучения/18		(lnG-ln100)/ (ln75000-ln100), **G** – валовой национальный доход на душу населения, *долл. США по ППС*

С 2010 года кроме ИЧР рассчитывают ИЧРН. Идея расчета ИЧРН основана на чувствительном к распределению классе композитных индексов, предложенном в работе [8, с.5–25].

Субиндексы измерения (I_x^*), скорректированные с учетом неравенства, рассчитываются на основе индексов измерений ИЧР (I_x) путем умножения на (1–A_x), где A_x – мера по Аткинсону [9, с.244–263].

Тогда $I_x^* = (1 - A_x) \bullet I_x$.

Не вдаваясь далее в детали и нюансы расчетов ИЧР и ИЧРН, приведем полученные данные для России (Таблица 2).

Таблица 2.

Значения ИЧР, ИЧРН и потерь для РФ, рассчитанные ПРООН для разных лет

Год	ИЧР	ИЧРН	Потеря, %	Изменение рейтинга
2011	0,755	0,670	**11,3**	7
2012	0,788	–	–	–
2013	0,778	0,685	**12,0**	3
2014	0,798	0, 714	**10,5**	1

Из таблицы 2 видно, что корректировка с учетом неравенства в доходах ведет к тому, ИЧРН оказывается ниже ИЧР. При этом потери значений индекса составляют более 10%. Нетрудно предугадать, что из-за нахождения экономики России в 2015 и 2016 годах в кризисном состоянии вряд ли можно ожидать улучшения значений ИЧРН, учитывая дифференциацию социального неравенства.

Таблица 3.

Значения ИЧР, ИЧРН и субиндексов с учетом неравенства

		Скорректированные с учетом неравенства						
Год	ИЧР	ИЧРН	Индекс долголетия		Индекс образования		Индекс доходов	
			Значение	Потери,%	Значение	Потери,%	Значение	Потери,%
2011	0,755	0,670	0,687	10,8	0,696	11,2	0,628	11,9
2012	0,788	–	0,689	10,7	–	–	0.647	11,9
2013	0,778	0,685	0,666	2,1	0,764	**22,9**	0,631	7,3
2014	0,798	0,714	0,695	2,3	0,788	**18,7**	0,664	7,3

Из Таблицы 3 видно, что неравенство в доходах довольно серьезно сказывается на Индексе образования (выделено шрифтом). Это можно среди прочего объяснить тем, что неравенство в доходах начинает проявляться уже с уровня дошкольного образования. На Апрельской конференции НИУ ВШЭ (2016) на секциях и круглых столах приводился ряд примеров, в том числе обсуждался феномен *«накопленного отставания»*:

1. Привилегированные группы используют свое положение при неформальной селекции в школах: в Москве рейтинг школ Москвы, расположенных у красной ветки метро, выше, а качество образования в массовых школах ниже.

2. Качественное образование бедных масс – это защита от преступности, бедности и болезней.
3. ЕГЭ не помогает оценить способности ученика, потому что его сдает школьник с *«накопленным отставанием»*.
4. В 7–8-м классах некоторым детям педагоги говорят, что им лучше пойти в техникум, потому что ЕГЭ они все равно не сдадут.
5. Если в семьях доход выше 20 тыс. руб. на человека, в вузы собирается поступать 50% детей, если доход до 10 тыс. руб., то лишь 20%.
6. Вузы выбирают детей обеспеченных и образованных родителей.

В Докладе о человеческом развитии 2014 *«Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости»* [10, с.102] на базе обобщения результатов исследований ряда видных ученых и международных организаций охарактеризованы условия, при которых государственные институты могут стать более отзывчивыми к нуждам бедняков и уязвимых слоев населения:

1. Экономическая политика органов власти эффективна, они прозрачны, подотчетны и чутко относятся к нуждам населения.
2. Правовая система настроена защищать бедных, ее институты защищают их права и доступны им.
3. Органы центральной и местной власти поддерживают предоставление государственных услуг всем людям и стремятся снизить масштабы влияния элит или доминантных групп.
4. Правительство поддерживает государственные меры против бедности, создавая атмосферу благоприятствия акциям в пользу бедных, облегчая развитие объединений бедняков и повышая их политический потенциал.
5. Политики уважают верховенство закона, дают возможность населению выражать свои политические взгляды и облегчают уязвимым группам возможность участия в политической жизни.

В современной России, к сожалению, пока не предприняты системные усилия по выработке и реализации адекватного подхода к ослаблению неравенства в доходах. Неоднократно выдвигавшееся различными специалистами предложение о введении прогрессивной шкалы налогообложения для богатых слоев населения отвергаются властями, тогда как во многих развитых странах она давно и эффективно работает. Ранее причиной называли то, что будет низкой собираемость налогов. Теперь, когда налоговая система России стала работать довольно эффективно, говорят о том, что непонятно, как можно будут использоваться собранные налоги. Свободных денег в стране в нынешних кризисных условиях не наблюдается. Ожидать, что в бюджете страны будут изысканы средства для выравнивания денежных доходов населения, также не приходится. Это ярко проявилось при пересчете пенсий с учетом инфляции. Поэтому рано или поздно придется вернуться к введению прогрессивной шкалы налогообложения как источнику средств для улучшения положения бедняков и уязвимых групп населения.

На наш взгляд, введение прогрессивной шкалы налогообложения должно сопровождаться созданием адресного подхода по использованию собранных средств, нацеленного на участие уязвимых и бедных слоев населения в развитии самозанятости и вовлечение их в предпринимательство.

Предлагаемый адресный подход состоит в следующем:

1. Введение прогрессивной шкалы налогообложения для двух групп V и IV (с высокими доходами) 20-процентных групп населения с высокими доходами. В течение 3–5 лет аккумулирование собранной разницы налогов между плоской и прогрессивной шкалой на счетах специализированного фонда, предназначенного для адресного поддержки самозанятости и предпринимательства людей из групп I, II и III. Модель такого фонда строится на основе схемы общественно-государственного управления [11, с.214–219]. Роль государства в предоставлении публичных услуг (адресных и безадресных) высока. Но развитие требует разработки эффективных инструментов обратной связи, позволяющих власти улавливать тенденции развития общественных процессов и вырабатывать сбалансированные управленческие решения, а гражданам влиять на формирование *«повестки дня»* и участвовать в решении социально значимых проблем и контроле за качеством их реализации. Объективно назрела потребность в переходе к модели общественно-государственного управления (ОГУ), когда управленческие решения и действия органов власти будут соизмеряться с возможностями и потребностями других публичных акторов, зарекомендовавших себя в качестве конструктивных партнеров. Общественно-государственное управление – это формат, не только модернизирующий институты нынешней системы, но расширяющий спектр партнерских (для власти и общества) механизмов за счет введения формализованных и полуформализованных действенных практик учета общественных интересов, обеспечивающих синергетический эффект при подготовке, принятии и реализации управленческих решений.

2. Создание адресных механизмов по использованию в субъектах РФ этих средств (а также, возможно, поступлений от борьбы с коррупцией) для реализации различных форматов поддержки уязвимых и бедных слоев, например, для:

1) конкурсной выдачи беспроцентных субсидий для тех, кто решился стать социальным предпринимателем;
2) конкурсного распределения субсидий для стартапов МСБ в социальной и производственной сфере (по направлениям, консолидированно определенным органами власти, думами и общественными советами в субъекте РФ);
3) целевой поддержки детей из многодетных и бедных семей по возмещению расходов на обучение;
4) создание в регионах средних технических училищ для обученич детей востребованным рабочим специальностям;
5) продвижение и поддержка инновационных социальных технологий по оказанию услуг для групп граждан с невысоким уровнем доходов, находящихся в сложной жизненной ситуации;

6) субсидии для помощи при ремонте и/или строительстве жилища для граждан, проживающих в аварийных домах;

7) Субсидии для лечения и *«дорогих»* операций для детей.

Список литературы

[1] Доклады о человеческом развитии за разные годы. – http://hdr.undp.org/ (дата обращения: 15.04.2016).

[2] The Human Capital Report 2015. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_Human_Capital_Report_2015.pdf (дата обращения: 15.04.2016).

[3] *Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J.* World Happiness Report 2016, Update (Vol. I). New York: Sustainable Development Solutions Network. – http://worldhappiness.report/#happiness2016 (дата обращения: 15.04.2016).

[4] Россия в международных рейтингах. – http://newsruss.ru/doc/index.php (дата обращения: 15.04.2016).

[5] Доклад о человеческом развитии 2015. ПРООН, 2015.- http://report.hdr.undp.org/ (дата обращения: 15.04.2016).

[6] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014.

[7] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015.

[8] *Foster, J., L. Lopez-Calva, and M. Szekely*. Measuring the Distribution of Human Development: Methodology and an Application in Mexico. //Journal of Human Development and Capabilities 6 (1): 5–25.

[9] *Atkinson, A.* On the Measurement of Economic Inequality // Journal of Economic Theory 2 (3): 244–263.

[10] Human Development Report 2014 *«Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience»*. United Nations Development Programme. New York, USA 2014. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf (дата обращения: 15.04.2016).

[11] *Якимец В.Н.* Общественно-государственное управление // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, 29–31 мая 2014 г. – М.: Инфра-М, 2015. – http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=514674. (дата обращения: 15.04.2016).

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Меденков А.А., Нестерович Т.Б.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Рассматриваются вопросы организации и проведения дополнительного профессионального образования федеральных государственных гражданских служащих. Приводятся нормативные акты, регулирующие порядок направления на повышение квалификации по государственному заказу. Отмечаются факторы, подлежащие учету при организации повышения квалификации в системе профессионального развития государственных служащих. Анализируется нормативная правовая база контроля качества образования и надзора за осуществлением образовательной деятельности. Обосновываются предложения по нормативному правовому регулированию дополнительного профессионального образования федеральных государственных служащих.*

Эффективность работы органов исполнительной власти во многом зависит от профессионализма государственных гражданских служащих, их подготовки и дополнительного профессионального образования. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ *«О государственной гражданской службе Российской Федерации»* государственный гражданский служащий имеет право на дополнительное профессиональное образование и может получать его за пределами территории Российской Федерации. Дополнительное профессиональное образование включает в себя профессиональную переподготовку и повышение квалификации и проводится в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам. Гражданскому служащему, получающему дополнительное профессиональное образование, создаются условия для освоения образовательной программы. Дополнительное профессиональное образование гражданского служащего осуществляется в форме обучения с отрывом или без отрыва от гражданской службы. Вид, форма и продолжительность получения дополнительного профессионального образования устанавливаются в зависимости от группы и категории должности гражданской службы, замещаемой гражданским служащим. Дополнительное профессиональное образование гражданских служащих осуществляется в соответствии с программами

* *Меденков Александр Алексеевич*, доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, профессор, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет); *Нестерович Татьяна Борисовна*, ассистент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет).

профессионального развития гражданских служащих, и его организация относится к кадровой работе. Соответствие гражданского служащего замещаемой должности гражданской службы оценивается по результатам аттестации при условии успешного получения дополнительного профессионального образования. При отказе гражданского служащего от получения дополнительного профессионального образования или перевода на другую должность гражданской службы он может быть освобожден от замещаемой должности и уволен с гражданской службы. Получение гражданским служащим дополнительного профессионального образования подтверждается документом о квалификации и является преимущественным основанием для включения гражданского служащего в кадровый резерв или продолжения замещения гражданским служащим должности гражданской службы. Государственный заказ на дополнительное профессиональное образование гражданских служащих включает заказ на профессиональную переподготовку и на повышение квалификации гражданских служащих.

Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 1474 *«О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации»* утверждено *«Положение о порядке получения дополнительного профессионального образования государственными гражданскими служащими Российской Федерации»*. Правительству Российской Федерации поручалось обеспечить утверждение положения о стажировке государственных гражданских служащих Российской Федерации и положения о программе государственного органа по профессиональному развитию государственных гражданских служащих Российской Федерации. До образования федерального государственного органа по управлению государственной службой функции, предусмотренные Положением, передавались уполномоченному федеральному органу исполнительной власти. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2008 г. № 284 *«О реализации функций по организации формирования, размещения и исполнения государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку федеральных государственных гражданских служащих»* функции федерального органа управления государственной службой, в том числе в части дополнительного профессионального образования государственных служащих возложены на Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России).

Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 362 *«Об утверждении государственных требований к профессиональной переподготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих Российской Федерации»* определяет ряд принципиальных положений по организации дополнительного профессионального образования государственных служащих. В частности, к ним можно отнести следующие. Содержание профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных служащих определяется образовательной программой, разрабатываемой организацией, осуществляющей образовательную деятельность, в соответствии с требованиями контракта. При этом обучение может проводиться с использованием дистанционных технологий. Контроль качества

исполнения государственного заказа на дополнительное профессиональное образование государственных служащих возложен на органы по управлению государственной службой. Индивидуальный план профессионального развития гражданского служащего разрабатывается на три года и в нем, наряду с целью, видом, формой, направлением и продолжительностью получения дополнительного профессионального образования, указывается ожидаемая результативность дополнительного профессионального образования. Программа государственного органа по профессиональному развитию гражданских служащих утверждается его руководителем по согласованию с соответствующим государственным органом по управлению государственной службой. В программе, рассчитанной на три года, прогнозируется ежегодная потребность в профессиональной переподготовке и повышении квалификации гражданских служащих по категориям и группам должностей гражданской службы, направлениям, видам, формам и продолжительности получения дополнительного профессионального образования с учетом профиля и типа образовательных организаций, указываются этапы реализации программы, перечень мероприятий, показатели, позволяющие оценивать ход и результаты ее реализации и прогнозируется ожидаемая результативность дополнительного профессионального образования гражданских служащих.

Требования к программам дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих утверждены приказом Минобрнауки России от 29 марта 2012 г. № 239 *«Об утверждении федеральных государственных требований к минимуму содержания дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих, а также к уровню профессиональной переподготовки государственных гражданских служащих»*. Положение о лицензировании образовательной деятельности, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2013 г. № 966 *«О лицензировании образовательной деятельности»*, содержит Перечень образовательных услуг по реализации образовательных программ, включающий реализацию дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Это означает, что у образовательных организаций, оказывающих образовательные услуги по реализации этих программ, должны быть лицензии.

Закупки услуг по дополнительному профессиональному образованию федеральных гражданских служащих в пределах территории Российской Федерации осуществляются федеральными государственными органами с участием федерального государственного органа по управлению государственной службой в организациях, оказывающих услуги по программам дополнительного профессионального образования, в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ *«О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»*. При этом федеральный государственный орган (заказчик) совместно с федеральным государственным органом по управлению государственной службой, с одной стороны, и организация, осуществляющая образовательную деятельность

по дополнительным профессиональным программам, определенная в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (исполнитель), с другой стороны, заключают государственный контракт на профессиональную переподготовку или повышение квалификации федеральных государственных гражданских служащих.

Указом Президента Российской Федерации от 8 июня 2004 г. № 727 *«Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы»* на Управление Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы в части дополнительного профессионального образования возложены функции представления предложений:

1) по вопросам переподготовки, повышения квалификации и стажировки государственных служащих, координации деятельности по формированию, размещению и исполнению государственного заказа на переподготовку и повышение квалификации государственных служащих в федеральных органах государственной власти;
2) об объеме финансирования государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку федеральных государственных гражданских служащих и о приоритетных направлениях их дополнительного профессионального образования;
3) по организации выполнения государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку федеральных государственных гражданских служащих на соответствующий год в части, касающейся получения ими дополнительного профессионального образования за пределами территории Российской Федерации;
4) по отбору федеральных государственных гражданских служащих для получения ими дополнительного профессионального образования за пределами территории Российской Федерации, контролю качества их обучения и учету федеральных государственных гражданских служащих, получивших дополнительное профессиональное образование за пределами территории Российской Федерации.

До образования федерального государственного органа по управлению государственной службой функции подготовки таких предложений возложены на Минтруд России и, в частности, следующие:

1) согласование программ федеральных органов исполнительной власти по профессиональному развитию федеральных государственных гражданских служащих;
2) согласование с Администрацией Президента Российской Федерации предложений об объеме финансирования государственного заказа и о приоритетных направлениях дополнительного профессионального образования федеральных гражданских служащих, исходя из перспективных целей и задач федеральных государственных органов;

3) определение содержания и осуществление закупок работ и услуг, связанных с научно-методическим, учебно-методическим и информационно-аналитическим обеспечением дополнительного профессионального образования в образовательных и научных организациях.

Минтруд России определен государственным заказчиком повышения квалификации федеральных гражданских служащих, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы категории *«руководители»*, относящиеся к высшей и в определенных случаях к главной группе должностей, по приоритетным направлениям дополнительного профессионального образования, проводимых в соответствии с отдельными решениями Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также дополнительного профессионального образования федеральных гражданских служащих за пределами территории Российской Федерации. Минтруд России формирует предметно-тематическое содержание дополнительных профессиональных программ, подлежащих освоению федеральными гражданскими служащими за пределами территории Российской Федерации, и перечень иностранных государств, в которые федеральные гражданские служащие направляются на обучение по указанным программам, осуществляет совместно с Аппаратом Правительства Российской Федерации контроль качества дополнительных профессиональных программ, освоенных федеральными гражданскими служащими за пределами территории Российской Федерации, а также ведет учет федеральных гражданских служащих, прошедших обучение за пределами территории Российской Федерации по этим программам.

Изложенные выше положения нормативных правовых актов, регулирующих организацию и содержание дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих, требуют согласования и подзаконных актов, реализующих эти положения. В частности, это относится к прогнозированию ожидаемой результативности дополнительного профессионального образования гражданских служащих, лицензированию организаций, оказывающих образовательные услуги государственным гражданским служащим за пределами территории Российской Федерации. Представляется необходимой разработка методического обеспечения проверок и использования методов и показатели оценки качества обучения и его соответствия ожидаемой результативности дополнительного профессионального образования гражданских служащих. Это относится и к дополнительным профессиональным программам, реализуемым полностью или частично с применением дистанционных образовательных технологий.

Органами исполнительной власти проводились эксперименты в интересах повышения квалификации и создания системы стажировок в качестве самостоятельной формы дополнительного профессионального образования и программ профессионального развития государственных гражданских служащих. Разрабатывались предложения по программам органов исполнительной власти по профессиональному развитию государственных гражданских служащих, методические рекомендации по разработке индивидуальных планов профессионального развития государственных гражданских служащих,

рекомендации по механизмам реализации программ профессионального развития государственных служащих. Однако представляется, что и сегодня эти вопросы нуждаются в научно-методическом обеспечении их решения. Особое внимание в разработках уделялось оценке ожидаемой результативности профессионального развития государственных гражданских служащих. Изучалась возможность указания в индивидуальных планах профессионального развития государственных гражданских служащих в качестве ожидаемой результативности выполнения мероприятий профессионального развития внедрения в практику работы новых знаний с целью повышения качества профессиональной деятельности, включения гражданского служащего в кадровый резерв или назначения на иную должность в порядке должностного роста, освоения новых профессиональных знаний и умений для успешной сдачи квалификационного экзамена или прохождения аттестации, достижения более высоких измеряемых показателей деятельности и приобретения способности выполнять должностные обязанности в новой сфере или в новой должности. Однако эти предложения по оценке ожидаемой результативности повышения квалификации государственными гражданскими служащими недостаточны для объективной количественной и качественной оценки повышения эффективности исполнения государственными гражданскими служащими обязанностей, предусмотренных должностными регламентами.

Все это требует проведения специальных научно-исследовательских работ, материалы которых могут и должны составлять основу научно-методического сопровождения системы профессионального развития федеральных государственных гражданских служащих, создание которой в современных условиях представляется актуальной. Научно-методическое обеспечение дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих предполагает выполнение комплекса исследований по изучению реального положения дел и обоснование предложений и рекомендаций, ориентированных на повышение квалификации государственных служащих и оценку его эффективности в системе их профессионального развития. Именно этим объясняется необходимость проведения научно-исследовательских работ по определению показателей оценки профессиональной деятельности государственных гражданских служащих и их значимости в структуре ее интегральной оценки. По результатам этих исследований представляется возможным обосновать предложения по надзору и контролю качества оказания образовательных услуг государственным служащим по дополнительным образовательным программам.

Постановлением Правительства Российской Федерации № 594 от 15 июля 2013 г. утверждено *«Положение о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки»*, согласно которому органом, осуществляющим функции по государственному контролю и надзору в сфере образования и науки, является Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. Службе предоставлены полномочия по осуществлению государственного контроля качества образования и надзора за образовательной деятельностью по программам высшего и среднего профессионального образования, а также за деятельностью

органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по управлению в сфере образования. При этом контроль качества образования и надзор за деятельностью организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дополнительного профессионального образования, на Рособрнадзор не возлагаются. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 1474 устанавливается, что предметно-тематическое содержание дополнительных профессиональных программ, подлежащих освоению федеральными гражданскими служащими за пределами территории Российской Федерации, и перечень иностранных государств, в которые федеральные гражданские служащие направляются на обучение по указанным программам, согласовываются федеральным государственным органом по управлению государственной службой с Администрацией Президента Российской Федерации и Аппаратом Правительства Российской Федерации. Федеральный государственный орган по управлению государственной службой совместно с Аппаратом Правительства Российской Федерации осуществляет контроль качества дополнительных профессиональных программ, освоенных федеральными гражданскими служащими за пределами территории Российской Федерации, а также ведет учет федеральных гражданских служащих, обучавшихся по этим программам.

Из нормативных правовых актов, регулирующих организацию дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих, следует, что для повышения его эффективности необходима системность законодательного регулирования. Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ *«О системе государственной службы Российской Федерации»* предусматривается система управления государственной службой, в том числе в целях профессионального образования и дополнительного профессионального образования государственных служащих, а также в целях осуществления вневедомственного контроля за соблюдением в государственных органах федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации о государственной службе. Такого контроля требует выполнение положений Указа Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 1474 *«О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации»* в части разработки положения о программах государственных органов по профессиональному развитию государственных гражданских служащих. Нуждается в оценке эффективности использование выделяемых средств на научно-методическое, учебно-методическое и информационно-аналитическое обеспечение дополнительного профессионального образования федеральных государственных гражданских служащих. В связи с этим представляется целесообразной выборочная проверка организации и методического обеспечения дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих и использования финансовых средств, выделяемых по государственному заказу на их профессиональную переподготовку и повышение квалификации. Целесообразными становятся исследования в интересах научно-методического обеспечения реализации дополнительных образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий и профессиональной переподготовки государственных служащих

без отрыва от исполнения должностных обязанностей по замещаемой должности гражданской службы.

В целом, контроль и надзор в сфере дополнительного профессионального образования государственных служащих представляются актуальной необходимостью, требующей внимания со стороны органов законодательной и исполнительной власти и вневедомственного контроля. Отсутствие четкого правового регулирования повышения квалификации гражданских служащих за рубежом создает предпосылки для неэффективного использования средств, выделяемых на дополнительное профессиональное образование федеральных государственных гражданских служащих, и снижения качества обучения. Кроме того, возникают условия для формального отношения к организации дополнительного образования и снижения его роли и значения в системе профессионального развития государственных гражданских служащих.

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Малышев М.А., Малышева Н.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются важнейшие аспекты реализации социального партнерства в муниципальных образованиях, выделяются проблемы, препятствующие эффективному социальному партнерству, на примере Вологодской области.*

Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц подчеркивает, что *«успешная деятельность экономики... связана не только с энергичным экономическим ростом, но и с общим благосостоянием. Она предусматривает обеспечение работы экономики на благо общества, а не работы общества на благо экономики... Преодолеть власть денег в политике будет нелегко. Но если мы это не сделаем, то мы будем сталкиваться с разочарованием в нашей экономике и в нашей демократии»* [1, 19].

По данным мониторинга Центра социально-трудовых прав *«Трудовые протесты в России»*, за четыре месяца 2015 года количество протестов увеличилось по сравнению с 2014 годом на 60% – всего прошло 134 протестных акции. Как полагает ведущий специалист социально-экономических программ ЦСТП П.В. Бизюков, *«динамика макроэкономических показателей, рост стоимости жизни, снижение реальной зарплаты и, прежде всего, увеличение безработицы позволяют предполагать, что за сезонным снижением может опять возникнуть резкий рост числа протестов. Количественный скачок уровня протестности 2015 г. не позволяет надеяться то, что ситуация успокоится и вернётся на прежний уровень»* [2]. При этом, начиная с 2014 года, в протестах отмечается нарастание стихийности и неорганизованности. *«Профсоюзы, которые неплохо контролируют ситуацию в юнионизированных отраслях, вряд ли заслуживают упрёка в том, что они снизили активность или боятся включаться в активную борьбу, – отмечает П.В. Бизюков. – Если их и можно в чем-то упрекнуть, то только в том, что они не осуществляют экспансию в отрасли, где нет профсоюзов, не несут туда свой опыт и влияние»* [3].

В этих условиях повышается роль социального партнерства как цивилизованного механизма разрешения проблем, существующих в социально-трудовой сфере, и в особенности его территориального уровня.

* *Малышев Максим Алексеевич*, кандидат социологических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *Малышева Надежда Семеновна*, кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Вопрос муниципального экономического развития, договорного регулирования социально-трудовых отношений на территориальном уровне приобретает особую актуальность, когда речь идет о смягчении негативных последствий кризисных явлений в экономике для работающих граждан и в целом для населения.

Как справедливо отмечалось в научной литературе, *«уровень территориальных соглашений – это тот уровень, на котором возможно комплексное решение социальных и экономических проблем, сочетание отраслевого и территориального подходов»* [4, 34].

Рассмотрим на примере Вологодской области, с какими проблемами сталкивается развитие социального партнерства на уровне муниципальных образований и какие возможности оно в себе содержит.

Социальное партнерство – один из важнейших элементов социальной политики Вологодской области, призванный обеспечить социальную стабильность в регионе. По словам губернатора области О.А. Кувшинникова, *«Россия испытывает мощное внешнеполитическое давление, что, безусловно, сказывается на всех регионах страны. В столь непростой ситуации мы можем выжить, консолидировав усилия на поддержке государственного курса, объявленного Президентом. Ситуация в Вологодской области, её социально-экономическая устойчивость во многом зависит от наших договоренностей с политическими, парламентскими партиями, органами власти, общественными организациями и профсоюзами»* [5].

В социологическом срезе социальное партнерство – это система цивилизованных общественных отношений, направленных на согласование и защиту интересов представителей различных социальных групп, слоев, классов, объединений, органов государственной власти и местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих структур, государственных учреждений [6, 4].

За 2012–2014 годы сторонам социального партнерства удалось добиться ликвидации задолженности по заработной плате во всех организациях города Череповца, за исключением организаций, в отношении которых проводится конкурсное производство. Надо отметить, что в целом по области эта проблема стоит довольно остро. По состоянию на 1 июля 2015 года просроченная задолженность по выдаче средств на заработную плату по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области составила 109033 тыс. рублей [7].

Отметим основные проблемы, замедляющие развитие социального партнерства в Вологодской области, как на территориальном, так и на региональном уровне.

Во-первых, это уменьшение количества профсоюзных организаций, действующих на предприятиях, потери в их рядах и, как следствие, снижение роли профсоюзов и их влияния на решение социально-трудовых вопросов.

Во-вторых, это проблема легитимности участия регионального объединения работодателей в заключении территориальных соглашений в районах области.

В-третьих, на территориальном уровне крайне мало отраслевых объединений профессиональных союзов и работодателей, что сказывается на заключении отраслевых территориальных соглашений.

В-четвертых, теневая экономика и сокрытие работодателями реальных доходов в организациях малого и среднего бизнеса негативно влияют на наполняемость и без того скудных бюджетов муниципальных образований (среднее значение показателя поступления собственных доходов в местный бюджет в среднем по области составляет 3,9 тыс. руб. на 1 жителя) [8], на моральный климат в коллективах, провоцирует социальную напряженность.

В-пятых, отраслевые соглашения зачастую воспринимаются работодателями как формальность и не становятся в полной мере действенным инструментом в регулировании трудовых отношений.

В-шестых, следует отметить наличие недооценки роли социального партнерства в социально-экономическом развитии территорий со стороны отдельных глав муниципальных образований области.

В-седьмых, это многолетняя проблема отсутствия *«законодательной и иной нормативно-правовой базы, определяющей взаимосвязи системы социального партнерства на уровне муниципальных образований в структуре страны в целом»* [9, 38], отмечавшаяся в научной литературе еще в 2005 году.

В целом, современное состояние договорного регулирования социально-трудовых отношений на уровне муниципальных образований характеризуется ещё недостаточной содержательностью соглашений и коллективных договоров, их необязательностью и отсутствием необходимых санкций за их несоблюдение, низкой финансовой обеспеченностью их положений. Очевидно, что стороны социального партнерства должны уделять регулярному контролю выполнения принятых обязательств соглашений и условий коллективных договоров, в необходимых случаях принимать меры оперативного реагирования.

Многое в решении местных социально-экономических проблем зависит от самих муниципальных образований, которые *«в состоянии добиться улучшения ситуации при условии отказа от иждивенческих настроений, развитии собственной инициативы и предпринимательства»* [10, 9] – это утверждение И.С. Пильман, сделанное в 2000 г., по-прежнему не потеряло своей актуальности.

Местное самоуправление не может существовать без постоянного использования демократических форм выработки и принятия решений, поскольку оно *«представляет собой пограничное явление между государством и обществом, соединяющее их между собой, в нем имеет место сочленение общественных форм и властных полномочий»* [11, 3].

Развитие социального партнёрства на уровне муниципального образования позволяет совмещать и регулировать, посредством соглашений, интересы работников и работодателей, органов местного самоуправления и, в силу этого, влиять на социально-экономическое развитие муниципальных образований, способствовать созданию условий, обеспечивающих развитие человеческого капитала, снижение уровня социального неравенства, повышение эффективности производства, стимулирование позитивных трудовых и предпринимательских мотиваций.

Список литературы

[1] Финансы и развитие. Сентябрь 2014, страница 19.

[2] *Бизюков П.* Мониторинг ЦСТП *«Трудовые протесты в России»*, апрель 2015 // URL: http://trudprava.ru/monitoring/1452 (дата обращения: 25.06.2015).

[3] *Бизюков П.В.* Аналитический отчет *«Трудовые протесты в России в 2008–2014 гг.»* по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП // URL: http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1357 (дата обращения: 25.06.2015).

[4] Актуальные проблемы развития социального партнерства в сфере труда на современном этапе и предложения по их развитию: аналитическая записка / кол авторов. М.: ИД *«АТИСО»*, 2009, страница 34.

[5] Вологжанам будут прививать *«санаторный патриотизм»* // Губернатор Вологодской области Кувшинников Олег Александрович. URL: http://okuvshinnikov.ru/news/vologzhanam_budut_privivat_sanatornyj_patriotizm/ (дата обращения: 25.06.2015).

[6] *Малышев М. А.* Уровень развития социального партнерства в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 34. С. 4.

[7] Показатели уровня жизни населения и заработной платы на территории области // Департамент труда и занятости населения Вологодской области. – URL: http://www.depzan.info/relations/standard-of-living/im/index.php (дата обращения: 30.07.2015).

[8] Ежемесячный мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области на 1 июня 2015 года // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: http://vologda-oblast.ru/vlast/ispolnitelnaya_vlast/departament_strategicheskogo_planirovaniya_vologodskoy_oblasti/makroekonomika_i_strategicheskoe_planirovanie/ (дата обращения: 15.07.2015)

[9] *Коленков И.И.* Муниципальное образование как основа территориального уровня системы социального партнерства // Труд и социальные отношения. Спецвыпуск *«Соискатель»*. 2005. № 1 (28). С. 38.

[10] *Пильман И.С.* Муниципальное развитие: возможности социального партнерства. – М.: Фонд *«Институт экономики города»*, 2000. С. 9.

[11] *Смольков В.Г.* Муниципальное образование. –М.: АТиСО, 2001. С. 3.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Панова Е.А., Опарина Н.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Данная статья основана на материалах межкафедрального научного исследования «Состояние трудовых ресурсов в ДФВО как территории опережающего развития Российской Федерации», реализуемого на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова в 2016 г. В статье анализируется соответствие профессиональных характеристики трудовых ресурсов Дальневосточного федерального округа потребностям основных компаний–резидентов территорий опережающего развития.*

Дальний Восток как ключевой центр развития России стабильно находится в фокусе пристального управленческого внимания высших государственных должностных лиц. Развитие Дальнего Востока – это исторически преемственный курс, который остается неизменным, – заявил Президент России В. Путин в рамках выступления на пленарном заседании Восточного экономического форума, состоявшемся во Владивостоке в сентябре 2015 года. По словам Президента РФ, основной целью на Дальнем Востоке является подъем экономики и инфраструктуры региона, а также формирование новых производств и рабочих мест [1].

В качестве базового провайдера и регулятора государственной политики в отношении использования социально-экономического потенциала Дальнего Востока выступает Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития, далее в тексте – Министерство). В соответствии с планом деятельности Министерства на период 2016–2021 гг.[2], его целью является создание условий для комплексного социально-экономического развития Дальнего Востока. Достижение данной цели планируется посредством решения ряда задач, среди которых на первом месте идет «*формирование и развитие на Дальнем Востоке территорий опережающего социально-экономического развития и свободного порта с благоприятными условиями для привлечения инвестиций*» [2, с. 3]. Одним из драйверов реализации социально-экономического потенциала Дальневосточного Федерального округа (ДВФО) является

* *Панова Екатерина Александровна,* кандидат социологических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова*; Опарина Наталья Николаевна, с*тарший преподаватель, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

создание и развитие механизма территорий опережающего развития (ТОРов). Базовым документом, регулирующим параметры ТОРов, является Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (далее в тексте – ФЗ № 743).

С точки зрения цифровых показателей на период с 2016 по 2021 гг., плановыми данными в части количества рабочих мест в на ТОРах ДВФО выступают следующие (Таблица 1):

Таблица 1.

Целевые показатели

Наименование	**Дата достижения целевого показателя**					
	2016	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**
Количество созданных на Дальнем Востоке территорий опережающего социально-экономического развития, нарастающим итогом, ед.	12	14	16	17	18	18
Количество созданных на Дальнем Востоке территорий опережающего социально-экономического развития, полностью обеспеченных необходимой инфраструктурой, нарастающим итогом, ед.	0	9	12	14	16	17
Количество созданных рабочих мест на территориях опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока, нарастающим итогом, тыс. чел.	1,5	5	8,6	12,9	19,8	25,6
Количество высокопроизводительных рабочих мест, созданных на территориях опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока, нарастающим итогом, тыс. чел.	0,38	1,25	2,15	3,23	4,95	6,4
Количество созданных рабочих мест на территории свободного порта Владивосток, нарастающим итогом, тыс. чел.	1,8	5	7,5	10	12,5	15

В развитие ФЗ №473 в 2015 году было создано Автономное некоммерческое учреждение *«Агентство по развитию человеческого капитала»*, сконцентрированное на задаче обеспечения развития человеческого капитала ДВФО и содействия обеспечению данного региона необходимыми трудовыми ресурсами. В частности, деятельность Агентства направлена на обеспечение трудовы-

ми ресурсами вновь созданных рабочих мест в объеме не менее 90%, в том числе за счет переезда новых жителей на территорию Дальнего Востока в рамках программ трудовой мобильности, переселения соотечественников из-за рубежа и привлечения квалифицированной иностранной рабочей силы [4]. Агентство планирует использовать широкий спектр механизмов и инструментов привлечения трудовых ресурсов, таких как: центры занятости, информационные программы, государственный и коммерческий порталы по поиску работы и т.д. Хотелось бы обратить внимание, что при концентрации на возможностях источников привлечения трудовых ресурсов Агентством в недостаточной мере уделяется внимание вопросу системного мониторинга рынка трудовых ресурсов ДВФО с позиций его количественных и качественных характеристик, а также созданию имиджа работодателя и развития мотивации потенциальных кадров.

Из таблицы 1 видно, что в 2016 году в ТОРах ДВФО планируется создать и заполнить персоналом порядка 1 500 рабочих мест, из которых 380 будут относиться к высокопроизводительным рабочим местам. В этой связи возникает вопрос – а насколько возможно в реальности осуществление данной сложной управленческой задачи, имеется ли в ДВФО требуемый потенциал трудовых ресурсов, и если нет – обладают ли ДВФО и ТОРы достаточной привлекательностью как потенциальные работодатели, чтобы трудовые ресурсы переезжали на Дальний Восток из других регионов Российской Федерации? Мы уже не раз отмечали в своих публикациях, что *«реализация крупных государственных проектов в сфере реализации экономического потенциала Дальнего Востока возможна лишь при активном пополнении, развитии и воспроизводстве его человеческого капитала, обеспечении наличия должного количества и количества трудовых ресурсов. Строительство новых производственных объектов и развитие транспортной инфраструктуры станут бессмысленными действиями, если потенциальные работодатели столкнутся с перманентной проблемой нехватки кадров»*[3].

Анализ соответствия планов социально-экономического развития ТОРов ДВФО и характеристик человеческого капитала Дальнего Востока выступает фокусом межкафедрального научного исследования (МНИ) *«Состояние трудовых ресурсов в Дальневосточном федеральном округе* (*ДВФО*) *как территории опережающего развития Российской Федерации»*, реализуемого на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова на междисциплинарной основе преподавателями кафедры управления персоналом и кафедры политического анализа. Рабочей группой проекта поставлена цель на базе собранного и проанализированного материала сформировать исследовательские выводы и заключения относительно слабых и сильных сторон, возможностей и ограничений в состоянии количественных и качественных параметров трудовых ресурсов в ДВФО, которые могут оказать позитивное или негативное влияние на достижение в ДВФО в требуемый государством период должного уровня характеристик территории опережающего социально-экономического развития Российской Федерации. Для достижения заявленной цели рабочая группа МНИ провела анализ количественных (демографических) и качественных (образовательных и профессионально-квалификационных) характеристик

трудовых ресурсов в ДВФО РФ в период 2014–2015 года. Рабочая группа МНИ исходила из позиции, что состояние человеческого капитала в ДВФО в рассматриваемый период во многом выступает ключевых фактором эффективности социально-экономического развития данной территории в 2016 и последующие года.

Обращаясь к теме анализа состояния профессиональных характеристик трудовых ресурсов ДВФО, посмотрим на перечень, профиль деятельности, производственные планы на ближайшие несколько лет и вытекающие из них особенности потребностей в трудовых ресурсах, компаний–текущих резидентов ТОРов ДВФО.

Агентством разработан и представлен для публичного ознакомления *«Навигатор профессий, актуальных на Дальнем Востоке в 2016–2021 годах»*. Согласно данному документу, наибольшее число рабочих мест в период 2016–2021 гг в ДВФО планируется создать в следующих отраслях: добыча угля и торфа; транспорт и логистическая деятельность; добыча нефти и природного газа; переработка нефтепродуктов; строительство и ремонт судов; аграрная промышленность и сельское хозяйство. Наиболее востребованные компетенции в компаниях региона включают техническое образование, управление технологическим процессом, инженерию, управление цепями перевозок и складским хозяйством, программирование, рабочие специальности. Но данный список профессий Навигатора относится ко всему ДВФО. Если же обратиться непосредственно к ТОРам ДВФО, перечень которых в 2015 году был утвержден соответствующими Постановлениями Премьер-министра РФ Д. Медведева, то получится следующая сопоставительная таблица характеристик компаний–якорных резидентов ТОРов (крупнейших инвесторов и работодателей) и ориентировочной необходимой им численности персонала (таблица 2).

Таблица 2.

Сопоставительная таблица резидентов ТОРов ДВФО

Наименование ТОРа	**Профиль деятельности основных якорных резидентов**	**Основные якорные резиденты (крупнейшие инвесторы)**	**Ориентировочная численность необходимого персонала, чел.1****
Надеждинская	Транспортно-логистические услуги, перерабатывающий пластико-полимерный завод, завод по производству кондитерских и хлебобулочных изделий, логистическая база компании по поставке продуктов питания	Транспортно-логистический комплекс *«Южный Приморский терминал»* (ООО *«Инком ДВ»*) АО *«ПЛК «Примкон»* (завод пищевой промышленности: кондитерские и хлебобулочные изделия, полуфабрикаты)	1 600 1 000

Наименование ТОРа	Профиль деятельности основных якорных резидентов	Основные якорные резиденты (крупнейшие инвесторы)	Ориентировочная численность необходимого персонала, чел.1**
Комсомольск	Авиастроение, производство комплектующих для авиастроения, лесоперерабатывающее предприятие	ГК *«Энергия»*, ОАО *«Компания Сухой»*, ООО УК *«РФП Групп»*	770
Хабаровск (промышленная зона в селе Ракитное, индустриальный парк *«Авангард»*, аэропорт города Хабаровска)	Транспортно-логистические услуги (в том числе, международный и грузовой терминалы в аэропорту Хабаровска), металлургия, овощные теплицы	ООО *«Невада-Восток»*, ООО *«Торэкс»*, ООО *« ЭПСИЛОН-2»*, *«Трест «Запсибгидрострой»*, ГК Технониколь, ООО *«Авангард-логистик»*, ООО *«Сергеевское»*, *«JGC Corporation»*	3 000 (в том числе около 1 620 работников для металлургической промышленности)
Беринговский	Горнодобывающая промышленность	*«Tigers Realm Coal Limited»* (Австралия)	450
Кангалассы	Производство полимерной продукции и строительно-отделочных материалов (стеклопакеты, краски, кирпичи и т.д.)	ООО *«Сахапластех»*, ООО *«Саха Липснеле»*, ООО *«Эго Пласт»*, ИП Петрова М.Н. и др.	350
Михайловский	Свинокомплекс, кормовой завод	ООО *«Мерси трейд»*, ООО *«Русагро-Приморье»*, ООО *«МЭЗ Юг России»*, ООО *«Черниговский агрохолдинг»*	2 400 (из них 1 200 свинокомплекс)
Камчатка	Туристско-рекреационный кластер, комплекс по хранению и складированию нефтепродуктов	ООО *«Тулуач»*, ООО *«Зеленая ферма»*, ООО *«ДальСтройТорг»*, ООО ПСК *«ЛСТК Камчатка»*, ИП Кириленко, ООО *«Красноярск»*	300 (из них 150 – рекреационный центр *«Тулуач»*)
Белогорск	Предприятие по переработке сои, комбикормовой завод, хлебобулочный комбинат	**ООО** *«МЭЗ «Амурский»* **(Амурагроцент)** **ООО** *«Агротехнологии»* **ООО** *«Белхлеб»*	260 (в перспективе – 413) 15 15
Приамурский	Транспортно-логистический центр, нефтеперерабатывающий завод, предприятие по переработке цементного клинкера	Строительная Азиатско-Тихоокеанская Инвестиционная Компания (ООО *«САТИК»*), ООО *«Амурская энергетическая компания»*, АО *«Хэйлунцзянский мост»*, ООО *«С Технология»*	3 000 (из них около 1 700 – логистический центр и 1 200 – нефтеперерабатывающий завод)

Исходя из данных таблицы 2, можно заметить, что на рассматриваемый период основными сферами деятельности ключевых якорных резидентов-работодателей ТОРов ДВФО являются следующие: транспортно-логистические услуги, нефтеперерабатывающее предприятие, металлургическая промышленность, свинокомплекс. Именно для данных направлений деятельности требуется наибольшее количество квалифицированных рабочих кадров (порядка 70% от общего числа необходимого персонала).

Анализ образовательных учреждений, готовящих на уровне среднего профессионального и высшего профессионального образования, управленцев, рабочих и специалистов в указанных выше сферах бизнеса компаний-резидентов ТОРов, показывает, что, с одной стороны, в ДВФО представлен достаточно объемный перечень профильных вузов (высших учебных заведений) и ссузов (средних специальных учебных заведений), с другой стороны – наличие *«белых пятен»* в отдельных профессиях, по которым на Дальнем Востоке практически не проводится подготовка работников. При этом для работы на предприятиях нефтепереработки, машиностроения, свинокомплексов и ряда других подобных организаций критическим условием является наличие у руководителей, специалистов и рабочих специального профессионального образования, полученного в профильных высших или средних специальных учреждениях.

Сложности в поиске необходимого количества и качества трудовых ресурсов ждут работодателей–резидентов ТОРов, планирующих открыть свинокомплексы. В сфере подготовки специалистов и рабочих для животноводства и агропромышленного комплекса ДВФО акцент делается на обучении технологов сельскохозяйственного производства, зоотехников, ветеринарных врачей и фельдшеров, селекционеров по племенному животноводству – данных специалистов готовят в ряде вузов и ссузов. Например, профессию зоотехника или ветеринарного врача можно получить в Якутской государственной сельскохозяйственной академии, Приморской государственной сельскохозяйственной академии, Дальневосточном государственном аграрном университете, а также в Амурском аграрном техникуме или Камчатском сельскохозяйственном техникуме. Но при этом на уровне рабочих профессий – таких как животновод или оператор животноводческих комплексов и механизированных ферм – обучение производится уже только в 2–3 учебных заведениях. Но в сфере животноводства ситуация с трудовыми ресурсами необходимой профессиональной подготовки относительно оптимистична на фоне сложной ситуации с нефтегазовым комплексом и критической в области металлургии.

Подготовкой квалифицированных кадров для нефтегазового комплекса на территории ДВФО занимаются такие образовательные учреждения, как: Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, Тихоокеанский государственный университет, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Сахалинский государственный университет, Северо-Восточный федеральный университет, Дальневосточный федеральный университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского и другие вузы.

** По официальным данным сайтов ТОРов и Минвостокразвития по состоянию на 01.06.2016 г.

Профильные для нефтегазовой отрасли ссузы ДВФО не представлены в регионе, что ставит вопрос – а где резидентам ТОРов брать молодые рабочие кадры?

Высшие образовательные учреждения ДВФО готовят специалистов по химической переработке нефти и газа, по обслуживанию и ремонту нефтезаводского оборудования, по диспетчерско-технологическому управлению нефтегазовой отрасли, по оперативно-диспетчерскому управлению нефтегазовой отрасли, по приему, хранению и отгрузке нефти и нефтепродуктов, по контролю качества нефти и нефтепродуктов на нефтебазе и т.д. Но при этом ни на уровне вузов, ни на уровне ссузов не проводится обучение рабочих и управленцев для нефтеперерабатывающей отрасли. И если управленцев (менеджеров) не требуется в значительных количествах для производственных предприятий, то рабочие составляют костяк любого производства. В то же время в ссузах ДВФО нет рабочих профессий: ни операторов по добыче нефти, газа и газового конденсата, ни оператора технологических установок нефтегазовой отрасли и т.д. В подобной ситуации якорному резиденту ТОР *«Приамурская»* ООО *«Амурская Энергетическая Компания»*, позиционирующей, что к 2021 г ей потребуется 1200 работников, может столкнуться с ситуаций практически полного отсутствия необходимых профессионально подготовленных трудовых ресурсов в ДВФО.

Еще более опасной для работодателей–резидентов ТОРов ДВФО является ситуация с подготовкой квалифицированных кадров для металлургического производства. В соответствии с Навигатором профессий, актуальных для Дальнего Востока в 2016–2021 гг., для машиностроительной отрасли подготовка осуществляется только в одном образовательном учреждении – Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете, и ограничена двумя профессиями специалистов: инженер-металлург и инженер-технолог в металлургическом производстве. Построенные и запущенные к 2017 году два металлургических предприятия в ТОР *«Хабаровск»* – металлургический завод по выпуску стальной заготовки (ООО *«ТОРЭКС»*) и предприятие по обработке металлических изделий с использованием основных технологических процессов машиностроения (ООО *« ЭПСИЛОН-2»*) могут столкнуться с проблемой отсутствия на региональном рынке труда массы рабочих: вальцовщиков, операторов, машинистов, сталеваров, токарей и т.д.

Насколько компаниям-работодателям будет экономически выгодно привлекать подобный персонал из других регионов – большой вопрос. Средняя расчётная месячная заработная плата по ТОР *«Хабаровск»* составляет 32 000 рублей [5], среднемесячная заработная плата в Хабаровском крае – около 37 000 рублей [6], стоимость аренды – около 20 500 руб. в месяц за аренду однокомнатной квартиры [6], а прожиточный минимум на 2016 год – 12857 р. [7]. Помимо этого, на территориях ТОРов ДВФО на сегодняшний день не реализованы проекты развития инфраструктуры, озвучены лишь разработанные технологические решения для дальнейшего развития инфраструктуры под потребности инвесторов. Привлечение квалифицированной иностранной рабочей силы при этих условиях также вызывает сомнения.

С позиции ближайших потребностей ТОРов ДВФО в трудовых ресурсах нужно отметить, что уже на 2017 год запланировано создание в них порядка

4 500 рабочих мест. Наиболее крупными работодателями (с численностью создаваемых рабочих мест более 200) станут производственные компании, такие как: АО *«ПЛК «Примкон»* в ТОР *«Надеждинская»* (завод пищевой промышленности: кондитерские и хлебобулочные изделия, полуфабрикаты) – около 1000 рабочих мест, ООО *«ЭПСИЛОН-2»* в ТОР *«Комсомольск»* (обработка металлических изделий с использованием основных технологических процессов машиностроения) – около 850 рабочих мест, ООО *«Маслоэкстракционный завод «Амурский»* в ТОР *«Белогорск»* (производство рафинированных масел и жиров) – около 420 рабочих мест, ООО *«ТОРЭКС»* в ТОР *«Хабаровск»* (металлургический завод) – около 320 рабочих мест. Если прибавить к ним планы по созданию уже в текущем, 2016 году, в ТОРе *«Комсомольск»* ООО *«Амурская лесопромышленная компания»* дальневосточного центра глубокой переработки древесины в г. Амурске с плановым количеством новых рабочих мест 650, то можно заметить, что, несмотря на все административные и налоговые преференции, предоставляемые со стороны государства компаниям–резидентам ТОРов ДВФО, их ждут огромные сложности в поиске достаточного количества квалифицированных специалистов и рабочих, критически необходимых для реализации задуманных производственных планов компаний. На сегодняшний день можно говорить о том, что стратегия социально-экономического развития ДВФО в части ТОРов опережает возможности человеческого капитала данной территории.

Список литературы

[1] https://lenta.ru/news/2015/09/04/putin/ (дата обращения 01.06.2016).

[2] http://minvostokrazvitia.ru/upload/opendata_files/1-Проект%20План%20деятельности%20МВР.docx (дата обращения 02.06.2016).

[3] *Андрюшина Е.В., Опарина Н.Н., Панова Е.А.* Дальневосточный регион в стратегии развития Российского государства // Государственное управление. Электронный вестник. № 56. 2016.

[4] Доклад о результатах и основных направлениях работы Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока//minvostokrazvitia.ru/upload... за_2014_год.pdf (дата обращения 06.06.2016).

[5] Инвестиционная карта Дальневосточного федерального округа (http://map.minvostokrazvitia.ru/#) (дата обращения 05.06.2016).

[6] https://trudvsem.ru/?0 (дата обращения 06.06.2016).

[7] http://bs-life.ru/makroekonomika/prozitochniy-minimum2016.html (дата обращения 06.06.2016).

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бухтеев Н.И.*
(ДНР, г.Донецк)

Аннотация. *В статье сделана попытка охарактеризовать социальную организацию Донецкой Народной Республики – новаторского прорывного социального образования. Отмечается, что ДНР находится в первоначальной стадии своего становления, что обуславливает социомеханику проявления имманентных законов социальной комбинаторики.*

Ключевые слова: *социальная организация общества, социальные законы, идеосфера, сфера государственности, экономика.*

Социальная организация общества – базис и внутренний порядок его пространства, который обусловлен социальными законами. Они суть глубинные механизмы возникновения, восхождения и заката человейника любого типа. Социальная организация имеет многомерную структуру. Она состоит из сферы государственности (власти и управления), права, экономики, идеосферы и других сфер. В своём взаимодействии они образуют целостную систему определённого типа в зависимости от свойств и специфики данного общества.

Донецкая Народная Республика – новаторское прорывное социальное объединение. Её социальная организация находится в начальном возрасте (два года со дня специфического образования). Она обусловлена как внутренними (смыслы деятельности), так и двойственными внешними факторами. С одной стороны, киевское отрицание ДНР как таковой со всеми вытекающими отсюда разрушительными последствиями (гражданская затяжная война). С другой стороны – сущностная поддержка России ДНР. Данное противоборство осложняет проблему исследования нашего объекта в его формальных и реальных форматах в силу их незавершённости, неопределённости и безопасности стратегического и тактического характера.

Перевод её в задачи с последующим их решением видится на пути комплексного подхода по формуле: $A = a^1, a^2, a^3, a^4,....a^n$ $(n \geqslant 2)$, где $a^1,....a^n$ есть причины появления, условия существования, специфические признаки и компоненты нашего объекта А (т.е. социальной организации ДНР) Они образуют соответствующий комплекс, если и только если выполняется такое условие: каждый из $a^1,.. a^n$ по отдельности необходим для указанной роли в отношении А., а все вместе достаточны для этого [1, с. 256].

* *Бухтеев Николай Иванович*, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Донецкого представительства Международного научно-образовательного центра имени Александра Зиновьева при МГУ имени М.В. Ломоносова.

Суммарно эти приёмы познания продуцируют интеллектологический подход, изложенный в зиновьевской социологической теории [2]. Она образует эпистемологическую партитуру статьи. Её цель – обозначить и показать, что представляет собой интересующий нас объект. Данное целеполагание – обусловливает и его задачи: а) нахождение исходных признаков данного объекта и их зависимостей, б) выдвижение свойств последних в качестве механизма социальной организации ДНР, в) вывод возможных следствий из первых двух.

После методологической увертюры рассмотрим нашу тему предметно.

Сфера государственности. Она, как и вся социальная организация в целом, формируется как гибрид прежней (до антигосударственного переворота) украинской и нынешней российской государственности. Схематично власть в ДНР формируется по принципу пирамиды. Её корневая система и стволовая сердцевина сверху донизу – поначалу власть ополчения с последующим перерастанием её в администрацию главы ДНР. Последняя предопределяет все иные гражданские властные построения и подразделения. Власть в ДНР в силу необходимости формируется как военно-гражданское государство, как её управляющий орган. Оно же формируется как орган формирующегося общества, а ДНР формируется как человейник с таким управляющим органом, каким является государство. Это – единый процесс реально начался с осени 2014 г.

Функция государственности в таком случае заключается в том, чтобы обеспечить жизнь и самосохранение ДНР как единого целого, управление им как целым. Специфическими средствами этого являются принятие в апреле 2014 г. Конституция ДНР, определяемое ею законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Перестраивается и кодифицируется право. Главная задача руководства здесь заключается в том, чтобы установить единое и централизованное руководство Республикой. Сгруппировать её в единое целое, приучить население к новым формам управления и любой ценой выполнить то, что требуется высшей властью.

Функция государства ДНР как органа её целостности детализируется и развивается в сложную систему функций: охрана целостности, установление и охрана правового порядка, защита социума от внутренних и внешних угроз и т.д. Сюда же входит и забота о частных интересах каких-то определённых категорий, слоёв, классов и групп населения, а также примирение вражды между ними.

Строение государственных линий ДНР таково:

1) Структурирование по территориям. (Где-то 1/3 от прежней Донецкой области Украины). Здесь сложилась своя иерархия, начиная от учреждений центральной власти и кончая учреждениями власти минимальных территориальных единиц. Согласно Конституции ДНР, её административно-территориальными единицами являются 4 района и 14 городов республиканского подчинения. При этом, согласно статье 86 Конституции ДНР, *«главы органов местного самоуправления назначаются Главой Донецкой Народной Республики »* [3, с. 28]. Между ними устанавливаются различные отношения, включая подчинение низших уровней высшим и распределение власти. Т.е. некоторую

автономность низших уровней по отношению к высшим. Территориальные власти в той или иной мере копируют власть более высоких уровней (работает принцип стандартизации).

2) Структурирование ДНР на микроуровне. Оно разрастается в сеть и иерархию деловых учреждений (клеточек), связанных в целое отношениями субординации и координации. Это – размножающийся бюрократически-административный аппарат. Сформировано, в частности, правительство. В него входят министры (возглавляют министерства) и главы ведомств, не имеющие министерской должности, но официально приравниваемые к министрам по статусу. Количественный состав и структура правительства не регламентированы законодательно и определяются главой республики. Ныне это 21 министерство.

3) Дифференциация различных функций власти и обособление их в виде особых подразделений власти. В идеале тут имеет силу социальный закон соответствия: каждой функции соответствует какое-то множество частей государственной структуры и каждой части – функция. Самым крупным разделением властей по третьей линии является разделение на законодательную и исполнительную и судебную власти. Так, высшим органом законодательной власти является Народный Совет Донецкой Народной Республики. Его депутаты избираются на пятилетний срок в ходе прямых всеобщих парламентских выборов, проводимых по пропорциональной системе в многомандатных округах. Количественный состав Совета, регламентируемый действующим законодательством, – 100 человек. Главой же государства и руководителем исполнительной ветви власти является глава ДНР. Он избирается на пять лет тайным голосованием на всеобщих прямых выборах. При этом один и тот же человек не может занимать этот пост более двух сроков подряд. Глава ДНР формирует и возглавляет правительство.

Высшая судебная власть принадлежит Верховному суду. В его ведении находятся системы уголовного, гражданского и административного правосудия. Он является высшей апелляционной инстанцией по соответствующим делам. Как видим, деление властей обозначено, но здесь оно слабо выражено. Господствующее место занимает управление текущей жизнью и поддержание должного порядка.

Степень сложности государственной структуры ДНР зависит от степени её растущей сложности и выражает её. Тут имеет силу закон соответствия между частями ДНР и частями структуры её становящего государства. В ней выделяются такие элементы:

1) центральное правительство (администрация главы ДНР и Совет министров ДНР);
2) местные (территориальные) органы власти;
3) административно-бюрократический аппарат;
4) органы общественного порядка и защиты Республики;
5) правящая группа;

6) *«околоправительственные»* организации.

Между ними имеет место множество взаимоотношений, образующих их многомерную сеть. Они выполняют разнообразные функции и сплетаются в сложную систему. Плюс ко всему, все они и их функции погружены в сферу коммунальности, которая сама погружена в среду растущего социального организма.

Власть в ДНР легитимирована. Т.е. она признана социумом как законная как в её установлении, так и в воспроизводстве (внутренняя идентификация). После провозглашения в апреле 2014 г., 11 мая того же года был проведён всенародный референдум о статусе ДНР, где более 80 % голосовавших поддержали независимость и суверенность Республики. Сформирован Народный Совет, который представляет законодательный орган власти. Выборы в местные органы власти пока не проведены в силу складывающихся внешних обстоятельств.

Суверенность ДНР выражается в том, что она законно не признает в рамках своей подвластной территории никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне её государственности. Задача этих и иных такого рода мероприятий заключается в том, чтобы навязать людям сознание незыблемости новой власти и наказуемости за непослушание ей. Узаконивание власти стало способом осознания социумом её силы и права на насилие, признание фактора власти как стоящего над подвластными.

Из сказанного выше следует, что деятельность государства по управлению ДНР является публичной**.** Но это абстрактный закон, который постоянно нарушается. Степень скрытности власти колеблется в диапазоне 0↔1. Борьба за власть в ДНР не прекращается, имеют место интриги, посторонние влияния, околоправительственные круги, коррупция, родственные связи и т.п. Но это происходит в рамках одной государственности, около неё, с ней, за её счёт. И всё это не устраняет формат её суверенитета.

Одновременно с этим происходит встраивание многомиллионной (2,334 млн чел.) массы населения ДНР в систему власти и управления. Причём – в систему народовластия и самоуправления. Гражданская власть в ДНР является народовластием в том смысле, что это не профессиональная, а дилетантская власть**.** Подавляющее большинство постов в ней с самого низа до самого верха заняли новички от власти. Для многих из них это тяжёлая, временная и рискованная обязанность. Они не умеют ещё управлять и управляться. Поэтому наблюдается калейдоскоп смены кадров, волюнтаризм, незавершённость решения задач.

Тут мы имеем один из многочисленных примеров действия законов диалектики: взяв власть в свои руки, народ сам оказался в неводе своего собственного народовластия. Дело в том, что более или менее значительные объединения людей не могут жить без давления, ответственности и наказания. Это – общий социальный закон. В этой связи в ДНР вырастает задача – воспитания людей, выведение человека, который сам, без подсказки властей и без насилия становится носителем новых общественных отношений. Процесс этот происходит в непрерывной борьбе различных сил и тенденций. В частности, конфликт между старой (сформированной до переворота) элитой и элитой новой, оформившей свою власть уже в качестве лидеров ДНР.

Итак, власть в ДНР носит специфический характер в плюрализме её форм. Главным для этой системы является то, как она организована, кто и как отбирается в неё, как распределены функции её частичек, какие выработаны правила работы и как они соблюдаются, т.е. механизм реализации всей системы власти и управления. Заглавным здесь выступает новорождённое государство ДНР. Его сущность и основная роль состоит в том, что оно есть основа, орган, условие, носитель целостности ДНР, орган самосохранения её как особого целостного социального существа, орган, управляющий её поведением в таком качестве в условиях непрекращающихся боевых столкновений. Короче, оно и царствует и правит.

Обратимся далее к сфере реализации власти – управлению. Жизнь ДНР – множество поступков (действий) его членов. Это множество должно быть как-то упорядочено, чтобы Республика могла жить как единое целое. Т.е. должен быть установлен и поддерживаться определённый порядок. Жители ДНР должны быть как-то защищены друг от друга. Так что проблема порядка в ДНР оказывается первостепенной важности.

В ДНР эту функцию поддержания порядка взяла на себя сфера власти и управления. Управление в ДНР – суть сфера реализации власти, деятельность управляющих органов. Здесь просматривается порядковая, волюнтаристская, гомогенная, централизованная, командная, прямая, многоступенчатая система управления. Она имеет свои принципы функционирования: максимальный контроль над всеми аспектами жизни её социума и отдельных граждан. По возможности не допускается то, что невозможно контролировать. Если этого не избежать, то допускается это в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивается число управляемых объектов. Число *«точек»* и акций управления сводится к минимуму, Стремятся не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых отдаётся предпочтение интересам управляемости. Не допускается непредвиденного (как бы чего не вышло).

Конечно, эта азбука управления нарушается, что сказывается на состоянии управляемого объекта и дела. Так, в частности, нарушена корреляция между управляемыми объектами и их управляющими, а именно: количество управляемых объектов по сравнению с довоенным Донбассом уменьшилось, но количество управляющих увеличилось и продолжает увеличиваться.

Для выработки и сохранения порядка в ДНР применяется определённое постоянно действующее насилие, ибо сам собой порядок тут не может возникнуть и сохраняться. Эту функцию выполняют все члены ДНР, обладающие какой-то долей власти над другими людьми. Но эта их властность упорядочивается, и осуществляется по общим законам социальной комбинаторики, а именно**:** сосредоточение функции насилия в сфере власти, с одной стороны, и распределение её по всем частям и подразделениям ДНР, с другой. В частности, созданы и работают Центр управления восстановлением ДНР (ЦУВ ДНР , полиция, прокуратура, суды; введён и действует комендантский час. Кроме этого, применяются манипулирование сознанием людей и распоряжение жизненными благами.

Не менее серьёзное значение открывает экономика. Как и всякий социум, ДНР озабочена средствами своего существования. И она возрастает, поскольку гражданская война сократила промышленное производство более чем в 2 раза. Сильно пострадал потребительский сектор, фактически перестала функционировать финансовая система. Усугубил положение отказ *«Нафтогаза Украины»* с 18 февраля 2015 года поставлять газ на Донбасс [4].

В этой связи воссоздание разорванной войной экономики и материальной культуры Донбасса и создание условий для его полнокровной жизнедеятельности требуются как воздух. Эти процессы имеют два аспекта: содержательный или вещественный. Т. е. всё, что связано с производством и доведением до потребителя вещей и вещественных услуг. И формальный или денежный. Т. е., всё то, что связано с деньгами, прибылью, капиталом, банками, ценами, рынком и прочими элементами денежного хозяйства.

Экономика ДНР заключена в определённые социальные границы. Последние определяются такими факторами:

1) фундаментальной функцией, обособление и развитие которой порождает экономику как особую сферу ДНР;
2) юридическими законами, в рамках которых происходит экономическая деятельность людей;
3) социальными законами экономики как особого социального явления.

В реальности, в силу обстоятельств, имеют место выходы за эти рамки.

Республиканская экономика структурируется и функционирует одновременно во многих измерениях (аспектах) и на различных уровнях. Прежде всего, это начальный уровень первичной экономики. Она является определяющим и ведущим, но не завершённым. Её основу и ядро образует обеспечение продуктами питания, жильём, одеждой, средствами коммуникации и вообще всем необходимым для жизни жителей Республики. Так, на февраль 2016 г. в ДНР работало 113 предприятий пищевой промышленности. Согласно официальному отчёту донецкого министерства агропромышленной политики и продовольствия в сфере сельского хозяйства работает 576 предприятий. В целом Республика сама обеспечивает себя хлебом и мучными продуктами, а к марту 2016 г. по основным продовольственным позициям покрывала внутренний спрос в пределах 50%. Разница импортируется из России или доставляется контрабандой из Украины.

В лёгкой промышленности ДНР работает 33 предприятия. Они производят текстильную, швейную, обувную, меховую и кожевенную продукцию. Мощности загружены ≈ на 50%.

Основной же отраслью экономики ДНР является преимущественно тяжёлая индустрия. Это металлургия, добыча каменного угля и сырья для металлургической промышленности, коксохимия и химия, горное машиностроение. От общего объёма промышленного производства довоенной Донецкой области города и районы нынешней ДНР составляют 45 процентов. Основными промышленными центрами являются Донецкий, Горловско-Енакиевский; Шах-

тёрско-Снежнянский, а также пгт Новый Свет Старобешевского района, где размещена крупнейшая в ДНР Старобешевская ГРЭС.

Налажена индустрия строительных материалов. Сегодня в ДНР работает 33 предприятия этого профиля и 22 занимаются добычей полезных ископаемых. Как следствие, все строительные и восстановительные работы в ДНР проводятся за счёт собственных ресурсов. В частности, по линии Министерства строительства и ЖКХ восстановлено более 1000 объектов. Возрождаются угольная промышленность (в 2015 г. добыто 9 млн т), машиностроение, металлургия, химическая, фармацевтическая другие отрасли. Как следствие за 2015 г. промышленной продукции всех отраслей было реализовано на сумму 88.1 млрд. рублей. Экспорт промышленной продукции составил 7,5 млрд рублей. В качестве гуманитарной помощи ДНР получает российский газ [5, с. 8–12].

Другие же уровни *«мерцают»* из-за неопределённости временного хрупкого перемирия, юридических норм, не признанности со стороны других государств (внешняя идентификация). Вследствие чего наблюдается высокий уровень безработицы и отток высококвалифицированной рабочей силы из Республики, а также спорадические, слабо прогнозируемые экономические связи. Они не позволяют осуществлять эффективное долгосрочное планирование.

Схема республиканской экономики такова: производство – распределение – потребление продукции. Все элементы этих схем в силу военной ситуации носят не совсем прозрачный характер. Кроме того, они атомизированы, т.е. состоят из множества отдельных предприятий производителей и множества отдельных потребителей. Окончание одних цепочек движения вещей и услуг даёт начало другим. Цепочки перекрещиваются. В ДНР складывается сеть производителей, распределителей и потребителей.

Их встреча происходит на рынке. С социологической точки зрения рынок – своеобразный *«перекрёсток»* интересов всех сил Республики; инструмент государственного управления её экономикой. Механизм рынка ДНР – это стратегия и тактика участников битвы за покупателя и за возможность формировать его применительно к интересам производителей и распределителей. Производители делают не то, что хотят, а то, что можно сбыть. Потребитель выбирает из того, что ему навязывают. Причём он обрабатывается так, чтобы он не мог уклониться от этого. Производители стремятся помешать друг другу всеми доступными средствами. Информацию о спросе и предложении предприниматели получают не в момент выхода на рынок, а до этого. Рыночная конъюнктура обычно известна заранее.

По этим данным можно заключить, что установился определённый *«обмен веществ»* между организмом ДНР и его средой, а также между частями организма растущей степени интенсивности уже само по себе, независимо от его денежной формы. [6, глава 6]. И основная задача здесь – развитие внутреннего рынка импортозамещения. Мешают этому несоразмерность возникающих проблем и возможностей их решения, тлеющая гражданская война, нехватка кадров, низкая стоимость труда и покупательная способность населения, незавершённость экономических циклов, налогообложения, дефицит оборотных средств и многое иное. [7, с. 8–12].

При российской поддержке над первичным уровнем экономики ДНР вырос её формальный (денежный) аспект. До начала 2015 г. в денежном обращении ходила гривна. В первом квартале 2015 г. ввели бивалютную систему денежных расчётов, с использованием украинской гривны и российского рубля. С апреля 2015 года в ходе фиксированного обмена гривны на рубли в соотношении 1:2 Республика полностью перешла в рублёвую зону.

В ДНР деньги стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения, учёта и расчёта деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой и другими сферами общественной жизни, средством управления людьми и контроля над их общественным поведением. Иными словами, роль денег здесь сравнима с ролью кровеносной и нервной системы живых организмов.

С этой целью в ДНР до января 2016 г. свёрстывался помесячный бюджет, а ныне в закрытом порядке ведётся поквартальный. Кроме того, создан и действует Центральный Республиканский Банк. На сегодняшний день работают 258 отделений этого банка, 57 банкоматов, 196 пос-терминалов в отделениях и 161 – в торговых сетях [8, с. 7]. По ходу дела отметим, что характерным составляющим экономики ДНР является собственность. Она представляет собой локальную незавершённую проблему в силу правовых и иных обстоятельств.

В целом для республиканской экономики характерны следующие признаки:

1) Преобладание военных и социально-политических соображений при решении экономических проблем. Это касается распределения бюджета, цен на массовые продукты, шкалы заработной платы, состава продукции, районирования предприятий и т.д. В частности, в силу разнообразия видов деятельности единственным универсальным критерием сравнения трудовых вкладов людей в общественное благосостояние ДНР стало сравнение людей по их социальным позициям и по их социальной ценности (значимости) вообще. Так что фактически действующим принципом вознаграждения за труд здесь является принцип *«Каждому – по его социальному положению»*. Даже самое педантичное следование этому принципу порождает неравенство в распределении жизненных благ. Неизбежным следствием рассматриваемого принципа является также система социальных привилегий, т.е. тех преимуществ, которые человек в данной социальной позиции имеет сравнительно с нижестоящими.

2) Ориентация на удовлетворение самых фундаментальных нужд населения и решение самых важных для выживания ДНР проблем. Мерцание линии дефицита средств потребления.

3) Необходимость централизованного управления и планирования деятельности экономики, начиная с первичных клеточек и кончая экономикой в целом.

4) Доминирующая роль российской поддержки в соотношении ≈ 80 к 20.

Социальная эффективность экономики ДНР строится по принципу – дать возможность максимально большому числу людей существовать за счёт той или

иной работы и облегчать условия труда. Разумеется, с учётом того, что в природе самой экономики лежит постоянно действующая тенденция сведения жизненного уровня населения к некоторому минимуму.

Социально-экономическая структура ДНР. Прежде всего, её производительные силы – материальные средства производства и рабочая сила, которая их использует для производства вещей и услуг. При этом последняя не адекватна первым. С одной стороны – вымывание квалифицированной рабочей силы, с другой – разрушенные войной средства производства и связанная с ними социальная среда. Данная неадекватность колеблется в более или менее широком диапазоне. Состояние же самих производительных сил определяют соц. – экономические отношения ДНР, в частности, наличие соц. – экономических классов и слоёв. Затронем некоторые из них.

Класс работодателей (нанимателей) – отдельные предприниматели, общественные и государственные учреждения, а также группы людей, совместно распоряжающихся ресурсами дела и организующих дело. В ДНР такие группы играют решающую роль. Имеют различные размеры – от нескольких человек до сотен. В составе этих групп, как собственники средств деятельности, так и все те, кто представляет и отстаивает интересы группы работодателя, будучи членом этой группы. Примечательно, что во время войны они в своём большинстве выехали из Республики.

Класс нанимаемых – рабочие и служащие всякого рода, включая госслужащих. Особенность членов класса нанимающихся заключается в том, что это – отдельные люди, а не группы людей, не организации и не учреждения. Класс нанимающихся разделяется на множество различных категорий по различным признакам. Основная масса их – это служащие и рабочие ДНР.

Присутствуют также *«тонкие»* средние слои, крестьянство и интеллигенция. Кроме того**, с**труктурирование населения ДНР происходит по многим другими линиям, в том силе по линии распределения жизненных благ. Неравенство людей с этой точки зрения явление вполне обычное. Как правило, это богатые и бедные. Они здесь сохраняются. При этом первых значительно меньше, они выехали, вторые в большинстве своём остались. Они получают пособия, пенсии, гуманитарную помощь из России и частных международных фондов.

К бедным слоям ДНР относятся те, кто не по собственной воле лишён необходимого: нормального жилья, еды, одежды, здоровья, возможности получить образование. Чаще всего это пожилые люди, безработные и неполные семьи. Так, в частности, гражданская война вызвала цунами беженцев (около 2 млн. чел.). А безработица, породила такое явление как переселенчество за пределы ДНР в поисках работы.

Пришёл черёд взглянуть на идеосферу. В ДНР одновременно действуют несколько поколений: младшее, среднее и старшее. И каждый обладает своим менталитетом. Последний относится к числу субъективных факторов и представляет собой – устоявшийся уровень коллективного и индивидуального сознания. Так как его невозможно закрепить биологически, он с необходимостью функционирует как своего рода искусственный заменитель механизма

биологической наследственности. Его роль исполняет – особый компонент социальной организации ДНР – идеосфера. Она узаконена, живёт и действует в рамках юридических законов ДНР, опирается на её экономику, культуру и на государство. Поддерживается им, служит ему и сама использует его в своих интересах. В её конструкции можно выделить три составных части. Первая – мировоззренческая, идеологическая. Вторая – идеологический механизм. Для чего созданы и функционируют СМИ, министерства культуры, образования и науки, и департамент внутренней политики в Администрации главы ДНР. Третья – идеологическое состояние сознания и чувств жителей ДНР.

Указанные компоненты обуславливаются функциями идеологии, а именно: формирование сознания и поведения людей, адекватного современным условиям их бытия. Управление людьми путём воздействия на их сознание, а также самосохранение ДНР, защита его социальной организации и образа жизни населения. Такая фронтальность обусловлена тем, что идеи самостоятельно в головы людей не проникают и не уживаются там долго. Поэтому в ДНР создан механизм проникновения и внедрения их там. Он проектируется и создаётся в недрах менталитета на трёх уровнях: элитарном, пропагандистско-просветительском и житейском. Обслуживается проводниками различных рангов и мастей. Реализуется посредством организации властвования и управления, поскольку идеологическая функция есть одна из дифференцированных функций республиканской власти.

Однако люди не могут вечно находиться под присмотром идеологов. Последние же не могут уследить за всеми и вся. Поэтому львиная доля их работы переложена на *«самообслуживание»* Имеющиеся и возникающие здесь когнитивные, организационные технологии пробуждают самодеятельность населения к самостоятельному духовному *«пропитанию»* в приемлемом для властей вкусе. Их природа, мотивы, алгоритм, архитектоника, интересы, связи и цели, и другие социальные факторы определяют точки управления и время вмешательства в ход процесса идеологизации. Тут срабатывает закон эффективности дела (наибольший результат с наименьшими затратами). Его социомеханику и социодинамику можно наблюдать, в частности, в масс-медиа, культуре и социальных сетях ДНР.

Такая взаимозависимость становится ресурсом развития ДНР (а не его проблемой) там и тогда, где и когда объективные и субъективные факторы комбинаторики этого процесса образуют схождение, и наоборот. Суть дела в том, что идеологизация осуществляется в русле системы оценок и ценностей ДНР и адекватна ему в том смысле, что она отвечает условиям Республики, её культуре, его человеческому материалу, его потребностям. Здравое понимание этих обстоятельств наряду с эмоционально – волевым механизмом и предопределяет долю и значимость данного социального феномена. Кратко говоря, механизм социальной наследственности и идеосфера суть воплощённые формы самих себя друг в друге. Как тот, так и другой суть файлы целого и целостности ДНР.

Логистика данного механизма проявляется как:

а) определённая форма познания и понимания окружающего мира;

б) осознания и самосознания ДНР в себе, для себя и для других;

в) организация и стандартизация сознания людей;

г) совокупность средств ориентации в социальной среде;

д) система самозащиты, апологетики ДНР от атакующих его сил;

е) постоянно действующий элемент системы воспроизводства человеческого материала на республиканском уровне;

ж) диспетчеризация эволюции внутренних противоречий.

Их содержание, колорит и фасон определяются конкретными историческими условиями духовной жизни ДНР, а пусковой механизм – его социальной природой, изоморфной структурой и эквивалентностью по следствиям со всеми присущими ему атрибутами. Причины тому следующие. ДНР есть совокупность людей, наделённых сознанием. Его социальная организация суть результат их сознательной деятельности. Реализуется по объективным социальным законам в субъективных реальных и виртуальных формах, в диапазоне норм ДНР в границах возможного и неизбежного. Объективные факторы – это необходимость и достаточность идеологизации, субъективные – доступность реализации первых двух. Одним словом, по сгустку превращённых форм являет собой нерв, мозг и волю всей системы власти и управления. Степень его эффективности измеряется и оценивается критериями социального поведения населения. Играет двойную роль, а именно: может служить как средством сплочения поколений (младшее, среднее и старшее) в единое целое, так и средством их отчуждения (атомизации). Т.е., быть и тем и другим в зависимости от его смысловой онтологической нагрузки, а также поставленных целей и задач.

Всё это и многое подобное им достигается посредством социальных горизонтальных и вертикальных связей. Они проявляются в разнообразных взаимодействиях будничной социологии. Общей субстанцией для них являются контакты эмпирических объектов. Наглядно и зримо они отражаются и выражаются в печатных и электронных СМИ, в культуре и образовательной деятельности ДНР. Так, дошкольным образованием охвачено 48302 ребёнка; общим средним образование 128342 чел.; начальным профессиональным 29140 чел.; средним профессиональным -17009 чел.; высшим -67272 человека [9].

В области культуры действуют 232 клуба, 237 публичных библиотек, 48 школ искусств, 13 музеев, 67 общественных национально-культурных объединений, 4 профессиональных театра, цирк, филармония, 6 образовательных учреждений, центр культуры и искусства. В них занято 6507 работников культуры.[10].

В событиях возникновения и развития социальной организации ДНР в целом проявляет себя обоснованный А. Зиновьевым универсальный закон социально-исторической преемственности(социальной регенерации): если какое-то общество разрушается, но при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его выживания, то из обломков этого общества развивается новое, максимально близкое по социальному типу к разрушенному.

Данный закон не определяет, что будет происходить – прогресс или регресс. Он имеет силу, если выполняется условие: произошёл по каким-то причинам крах социальной системы, сохранились основные условия выживания и существования данного человеческого объединения, оно начинает восстанавливать некоторый стабильный образ жизни. Одновременно данный закон *«включает»*

зажигание закона социальной деградации, согласно которому восстанавливаемая система получается социально ниже предыдущей.

При этом дельта взаимодействия этих законов обусловлена правилом: чем больше (меньше) эволюционное расстояние между двумя этими системами, тем меньше (больше) влияние законов предшествующего на последующий [11, с. 414–416].. Узлы их проявления (разумеется, каждый в своей закваске) зримы уже сейчас на всех фронтах жизнедеятельности ДНР.

Таким образом, социальная организация Донецкой Народной Республики суть её фундатор, руководящий и управляющий механизм. Носит собирательный матричный характер своего гибридного становления в специфических условиях гражданской войны. Социальная организация ДНР ограничена как по составу компонентов, так и по их величинам. Зародившись, она развивается по законам имманентной социальной комбинаторики. Все внешние привнесения, так или иначе, ассимилируются, становятся внутренними факторами.

Компоненты ДНР как целого выполняют свои функции лишь постольку, поскольку образующие их люди имеют свои эгоистические интересы и стремятся удовлетворить их, как правило (до известного предела, конечно) не считаясь с последствиями для ДНР в целом. В этом явлении обнаруживается двусторонняя зависимость. Так, социальная организация ДНР и люди её составляющие создали соответствующий их характеру тип социального устройства. Он, в свою очередь, влияет на характер своих жителей, обладающих такой организацией. Условием же для всех вариантов служит общий интерес сохранение и развитие ДНР.

Список литературы

[1] *Зиновьев А.А.* Логический интеллект.- М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005.

[2] *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – СПб., 2004.

[3] Конституция Донецкой народной республики – Донецк, 2015.

[4] *Жегулев И.* Самопровозглашённая экономика //Meduza. 18.02.2015 – https://meduza.io/feature/2015/02/18/samoprovozglashennaya-ekonomika (дата обращения 01.06.2016)

[5] Приложение к газете сообщества *«Новороссия»* Апрель. 2016 г. № 1.

[6] *Губарев П.* Факел Новороссии. – СПб.: Питер, 2016.

[7] *Лукьянов А.* Россия и Донбасс. План или рынок? // Новая Земля. № 3(17) – Апрель 2016.

[8] *«Донецкая Республика»*. № 17(56). 5 мая 2016.

[9] Решение коллегии МОН ДНР от 28 января 2016 года. http://mondnr.ru/wp-content/uploads/2016/02/kollegiya_28–01–2016.pdf (дата обращения 01.06.2016).

[10] Итоги работы Министерства культуры Донецкой Народной Республики в 2015 году: http://mincult.govdnr.ru/itogi-raboty-ministerstva-kultury-doneckoy-narodnoy-respubliki-v-2015-godu. (дата обращения 01.06.2016).

[11] *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005.

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Желнина Е.В.*
(Россия, г.Тольятти)

Аннотация. *В работе представлен анализ отношения к инновациям, нововведениям на современных российских промышленных предприятиях.*

В связи с возросшим в современной России спросом на различного рода инновации (причём, инновации самого различного толка: от новых технологий, продуктов и услуг до обновления систем управления, взаимодействия и общения) мы посчитали необходимым изучить данный феномен (инновации, инновационная активность) как с точки зрения теории и методологии, так и эмпирически. Следовательно, целью данной работы является изложение выводов и результатов данного исследования. Социологическое исследование проведено в рамках проекта *«Профессиональная подготовка персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия»*, осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ 12–33–01401). Конкретная задача в рамках проблемы, на решение которой направлен проект представляет собой изучение влияния действующей корпоративной системы профессиональной подготовки персонала промышленной компании на инновационную активность промышленного предприятия. Кроме того, в рамках проведённого экспертного стандартизированного опроса мы пытались выявить мнения руководителей промышленных компаний относительно возможности влияния корпоративной системы профессиональной подготовки на инновационную активность данного предприятия, на снижение боязни к переменам, инновациям его работников, стимулирование к инновационной деятельности.

В авторском эмпирическом социологическом исследовании приняли участие 400 респондентов. Все они являются сотрудниками 70 промышленных предприятий Приволжского федерального округа. В исследовании представлено 16 городов: Дмитровград, Заволжский, Ижевск, Казань, Набережные Челны, Нефтекамск, Нижний Новгород, Оренбург, Рязань, Салават, Самара, Соликамск, Сызрань, Тольятти, Ульяновск, Уфа, Чебоксары. По величине среди обследуемых предприятий преобладает крупный бизнес – 81 % (см. рис. 1).

Средний возраст респондентов составляет 40 лет. По имеющемуся образованию эксперты разделились следующим образом:абсолютное большинство (67 %) имеют высшее образование;22 % – средне-специальное;3 % окончили

* *Желнина Евгения Валерьевна*, кандидат социологических наук, доцент кафедры *«Журналистика и социология»*, Тольяттинский государственный университет.

только среднюю школу (считаем важным отметить, что эту группу составляют исключительно возрастные эксперты – работники пенсионного возраста);7 % респондентов на данный момент учатся в высшем учебном заведении.

Рис. 1. Распределение по величине предприятий, участвующих в исследовании

Необходимо отметить, что респондентами в данном социологическом исследовании стали представители управленческого аппарата и ведущие специалисты промышленных предприятий. Так, исходя из занимаемой в организационной иерархии должности получилось следующее распределение экспертов: 2 % – топ-менеджеры, 7 % – менеджеры высшего звена, 22 % – менеджеры среднего звена, 36 % – линейные менеджеры, 33 % – ведущие специалисты компании. Интересные данные можно получить, если взглянуть на соотношение величины предприятия и представленных в ней экспертов, их должностей (см. рис. 2).

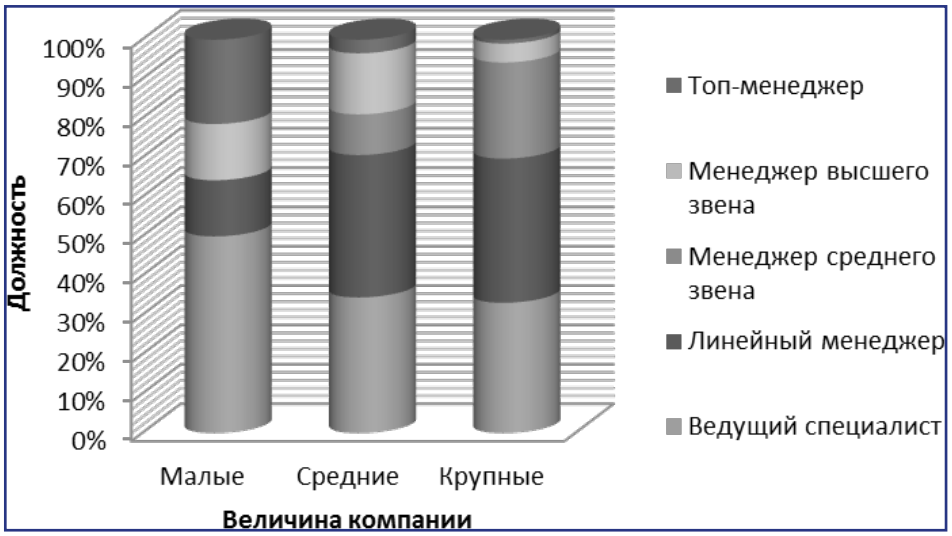


Рис. 2. Соотношение экспертов относительно должности и величины компании

Посредством проведённого социологического исследования мы выявили исключительную особенность малых предприятий. В то время как в средних и крупных компаниях присутствуют представитель всех уровней организационной иерархии, управленческая вертикаль в малом бизнесе сокращена – отсутствует средний уровень. Таким образом, в малых компаниях между топ-менеджером и исполнителями находится меньше *«посредников»*, сокращён

управленческий аппарат. Хотя большая численность крупных компаний сама по себе является необходимостью для расширенного административно-управленческого аппарата.

В ходе анализа полученных результатов выяснилось, что в категориях топ-менеджмента и менеджмента высшего звена представлены люди с высшим образованием (100 %). Шесть менеджеров среднего звена из семи обучались в высшем учебном заведении. Кроме того, в половине случаев линейные менеджеры также имеют диплом о высшем образовании. Данные цифры позволяют нам сделать вывод о том, что назначению на руководящую должность в современной России должно предшествовать получение диплома о высшем профессиональном образовании, причём, специализация значения не имеет.

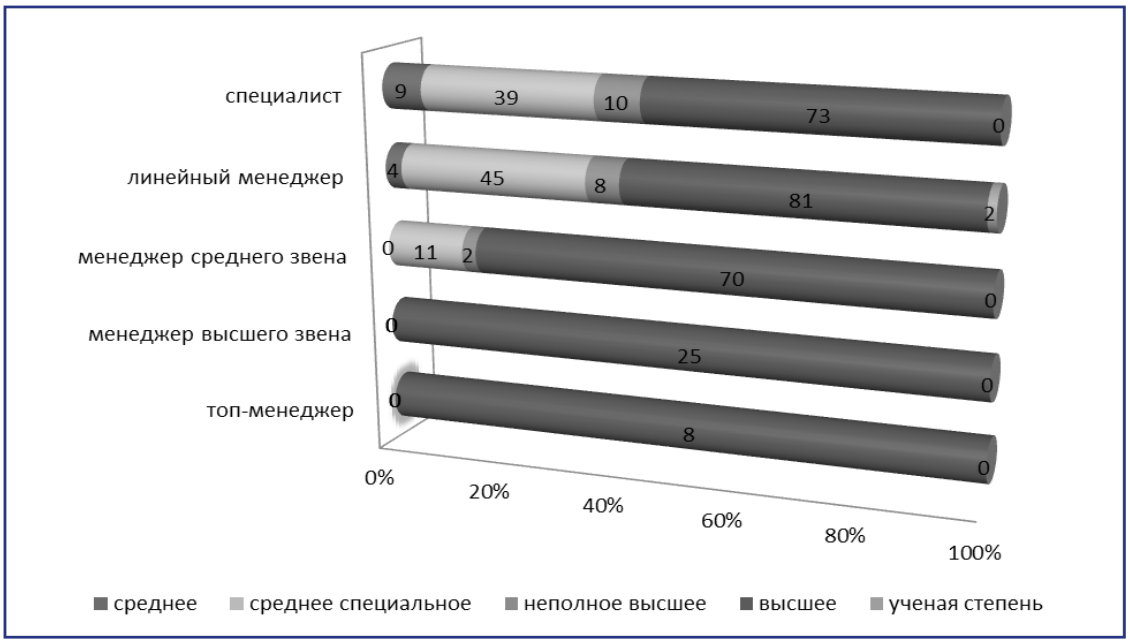


Рис. 3. Соотношение должности и образования экспертов

Данный вывод подтверждает и тот факт, что около 25 % экспертов, проработав какое-то время, решили обучаться на заочном отделении вузов. Каждый четвёртый из профессионалов в процессе трудовой деятельности пришёл к выводу, что в современных условиях диплом о высшем образовании необходим для успешного карьерного роста.

В исследовании приняли участие эксперты с общим трудовым стажем от одного года до 44 лет. Средний стаж работы респондентов исследования на занимаемой должности составляет восемь лет. Указанные данные позволяют удостовериться в том, что ответы экспертов адекватны, взвешены, подкреплены достаточным опытом профессиональной деятельности.

Чуть больше половины ответивших (51 %) рассматривают предприятие не только как работу, но и как возможность дружеского общения. Важно отметить, что данный показатель преобладает у сотрудников производственных подразделений. Около трети (29 %) в рамках предприятия реализуют собственные значимые профессиональные цели. Причём, среди работников управленческого аппарата предприятия данный показатель значительно выше (37 %). 19 % респондентов только работают на предприятии, не допуская личных контактов. Подводя итог, можно сказать, что большая часть респондентов зани-

мает активную социально-профессиональную позицию в рамках выбранного промышленного предприятия. Кроме того, представители производственных подразделений предприятия в большинстве случаев ориентированы на общение, кооперацию, совместную работы. В то время как представители управленческого аппарата нацелены на реализацию личных, индивидуальных профессиональных планов.

Около 50 % респондентов оценивают экономическое состояние своего предприятия как хорошее, треть из них (34 %) – удовлетворительное, 7 % – плохое и только 4 % – отличное. 7 % респондентов затруднились дать оценку деятельности их компании, причём, 80 % затруднившихся имеют техническое образование и 70 % из них работают в производственном секторе. Указанные данные явно показывают, что на современных российских промышленных предприятиях не принято пересечение сфер профессиональной деятельности. На наш взгляд, это является серьёзным препятствием для активной инновационной политики компании, поскольку не налажен адекватный обмен информацией между подразделениями.

На вопрос об инновационной политике предприятия эксперты в большинстве (более 90 %) указали, что нововведения на предприятии имеют место быть, правда, с разной степенью интенсивности (см. рис. 4).

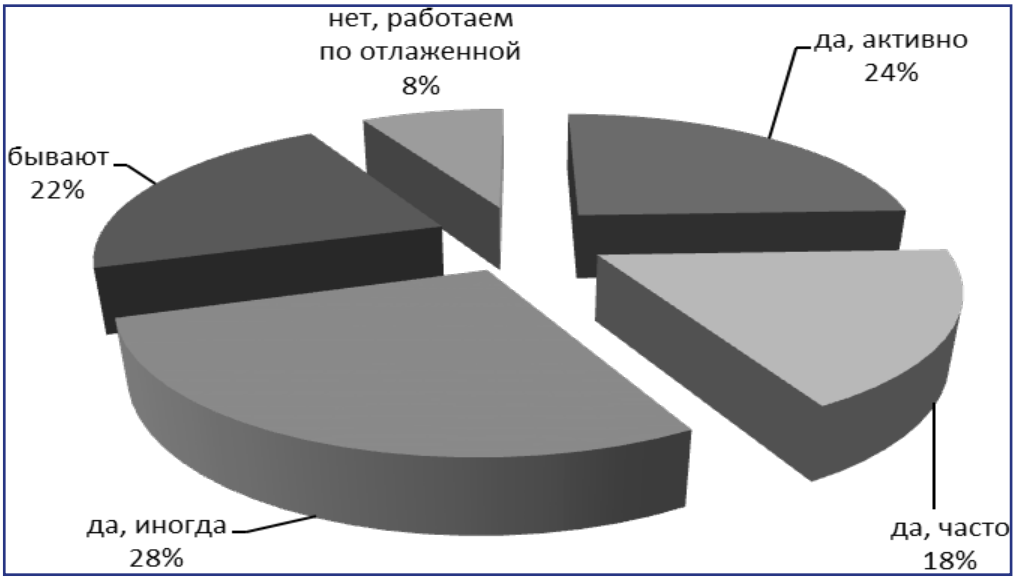


Рис. 4. Внедрение инноваций на обследуемых предприятиях (*по оценкам экспертов*)

И лишь 8 % экспертов заявили, что компания работает по отлаженной технологии и новшества не допускаются. При более подробном рассмотрении полученных данных (см. рис. 5) можно отметить, что малый и средний бизнес более тяготеет кразличного рода новшествам, в то время как крупные компании либо активно работают с инновациями, либо совсем их не приемлют в своей деятельности.

Кроме того, можно выявить некоторые различия в оценке инновационной активности исследуемых предприятий относительно подразделения, в котором работают эксперты. Так, например, работники управленческого аппарата в большей степени указывают на активность их компании в сфере инноваций, а ответ *«нет, работаем по отлаженной технологии»* не выбрал никто из управленцев.

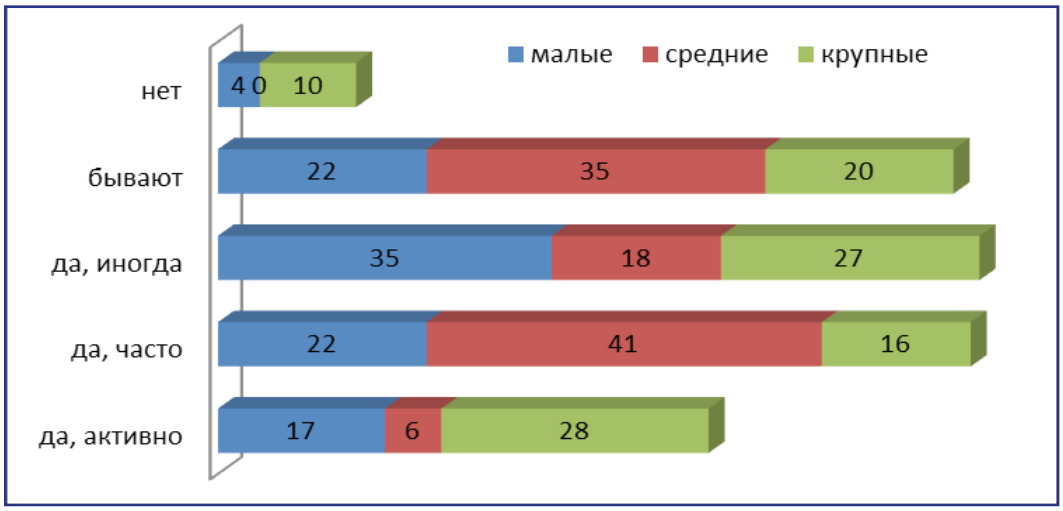


Рис. 5. Интенсивность внедрения инноваций в зависимости от величины предприятия

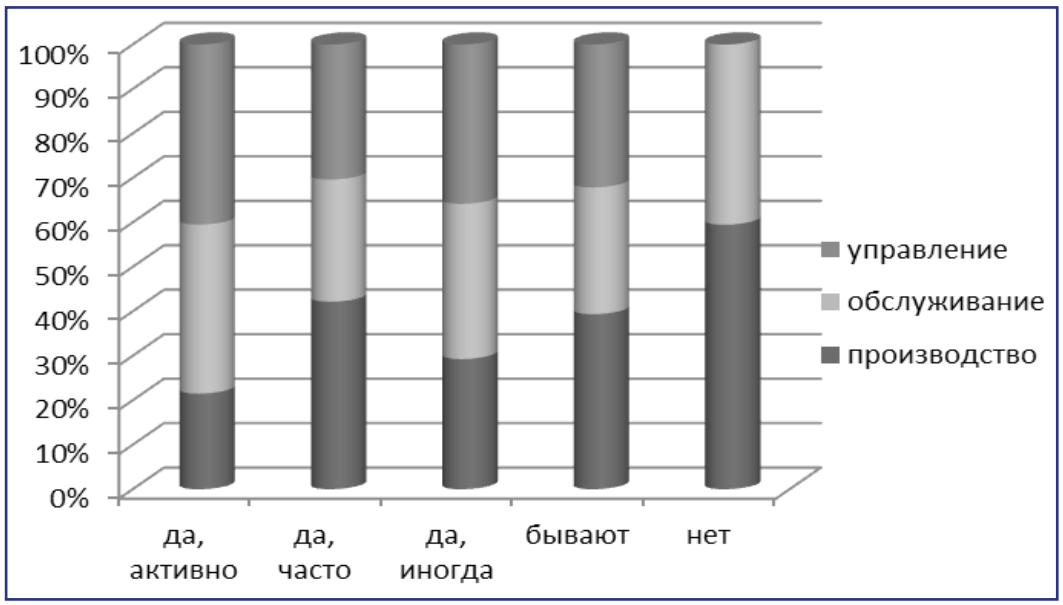


Рис. 6. Интенсивность внедрения инноваций в зависимости от подразделения

С точки зрения целей нашего прикладного социологического исследования нам были интересны условия повышения инновационной активности персонала современных российских промышленных компаний. Анализируя полученные данные, мы выделили несколько таких условий

Во–первых, исходя из параметра *«величина»*, можно выделить индивидуального и коллективного субъектов инноваций. В качестве последнего может выступать группа, команда, коллектив, деятельность которого связана с инновациями. С точки зрения экспертов более трети (38 %) коллективов обследуемых предприятий к инновациям испытывают явно негативные чувства. В то время как сами эксперты (сотрудники этих же предприятий) в абсолютном большинстве (79 %) хорошо относятся кразличного рода нововведениям. Именно эти сотрудники и представляют собой индивидуальных субъектов инновационной активности, которым может быть конкретный человек, предпринимающий успешные (и даже неуспешные) попытки реформирования, модернизации своей деятельности. Данные исследования показывают, что на современных российских промышленных предприятиях в большей части представлены индиви-

дуальные субъекты инновационной активности. Следовательно, наблюдается некая разрозненность, хаотичность и точечность нововведений. Данный тезис может быть подтверждён следующими высказываниями респондентов:*«не всегда бывает согласованность»* (7 %); *«несогласованность, часты сбои в работе»* (7 %); *«прогресс должен быть во всем, а не частично»* (13 %). Возможно, именно этим и можно объяснить достаточно скудные успехи в данной области современных российских промышленных предприятий.

Во–вторых, по критерию *«формализация»* можно выделить формального и неформального субъекта инновационной активности. Формальному субъекту (как коллективному, так и индивидуальному) в обязанности (по должностной инструкции, трудовому договору, уставу) вменяется поиск, оценка, подготовка, внедрение и трансляция инноваций, модернизация). Неформальные субъекты инновационной активности осуществляют поиск, оценку, внедрение и трансляцию инноваций в силу своих внутренних потребностей, мотивов или стимулов. В связи с этим, совсем не случайно в составленном на основе данных нашего исследования рейтинге необходимых сотруднику современного предприятия качеств (см. табл. 1) на втором месте оказалась инициативность – именно способность продуцировать новые идеи и лежит в основе инновационной активности.

Таблица 1.

Рейтинг профессионально-личностных качеств работника современного промышленного предприятия

№ п/п	Профессионально-личностные качества	% от общего числа выборов
1	Интерес к работе	10
2	Инициативность	9
3	Профессиональные знания и умения	9
4	Способность брать на себя ответственность	9
5	Желание и готовность к развитию, самосовершенствованию	7
6	Исполнительность	7
7	Умение работать в команде	7

Но в то же время, существенным тормозом в развитии и активизации инновационной активности персонала промышленных предприятий является пассивность сотрудников:*«нет инициативы от подчинённых»* (3 %);*«нововведения могут быть неудобными для рабочих»* (3 %); *«люди привыкли жить по старинке»* (7 %); *«в массе люди пассивны к инновациям»* (7 %).

Третье условие – внутренняя готовность работников к инновациям. На предприятии субъектом инновационной активности выступают работники, причём, должность и вид занятия не оказывают существенного влияния на интенсивность инновационной деятельности, поскольку определяющи-

ми факторами здесь оказываются характерологические свойства субъекта, его образование и жизненный опыт. Следуя логике рассуждения, необходимо обратиться к феноменологическому подходу, который рассматривает жизненный опыт субъекта инноваций. Феноменологи рассматривают переживания индивида как нечто идеальное (именно его идеальное), на основе которого он выстраивает свои взаимоотношения с окружающим миром. Для инновационной активности благоприятна ситуация, когда индивид имеет положительный опыт. Таковых в нашем эмпирическом исследовании оказалось чуть больше половины (более 55 %). Если же у него сформирован негативный личный опыт по поводу инноваций, то на него также можно воздействовать инструментами корпоративной системы непрерывной профессиональной подготовки персонала: анализ результатов и последствий, анализ ошибок (причины и источники ошибок (нехватка информации, нежелание самого субъекта, нехватка времени), какие можно было избежать и прочее). По данным проведённого авторского исследования выявлено около 5 % работников (см. рис. 9), которые испытывают остро негативное отношение к инновациям. Опять в ответах респондентов прослеживается тенденция *«невмешательства»* – сотрудники стараются не выходить за рамки их профессиональной сферы деятельности, за границы их структурного подразделения. Более 80 % респондентов, затруднившихся дать ответ на данный вопрос, являются работниками производственных подразделений.

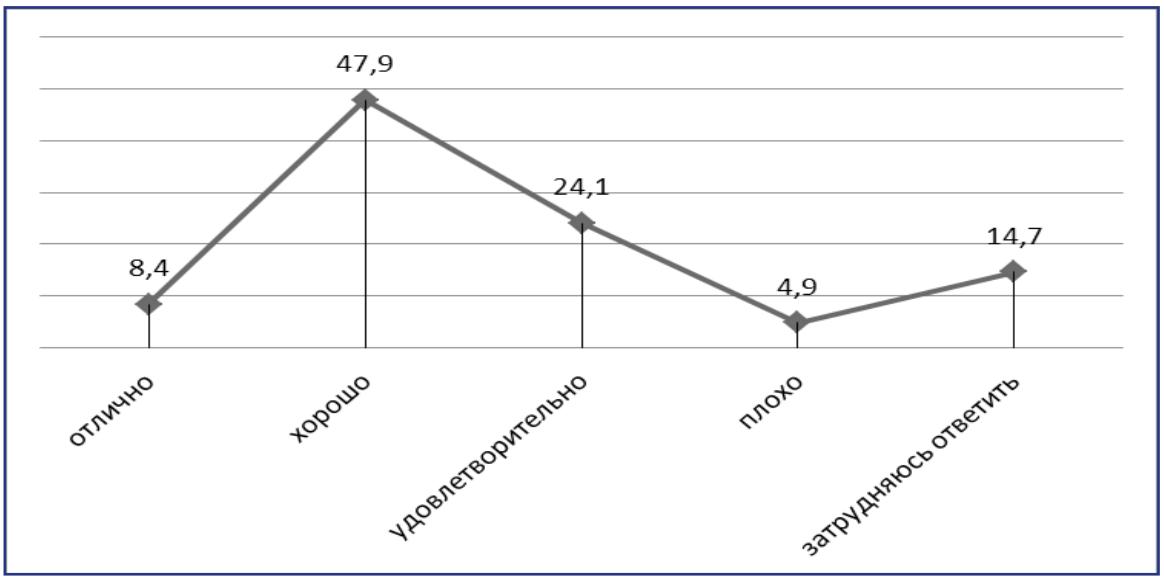


Рис. 7. Мнения респондентов по поводу отношения их подчинённых к нововведениям

В процессе исследования мы попытались узнать, какими способами возможно снизить негативное отношение к инновациям. Эксперты были солидарны в том, что наиболее эффективными являются информирование и обучение (по 26 % каждый).

Кроме того, достаточно эффективным выходом и подобной патовой ситуации (негативное субъективной отношение к нововведениям) являются наставничество (15 %) и личный пример (12 %). Именно поэтому, на наш взгляд, на современных российских промышленных предприятиях необходимо возрождать утраченные традиции наставничества.

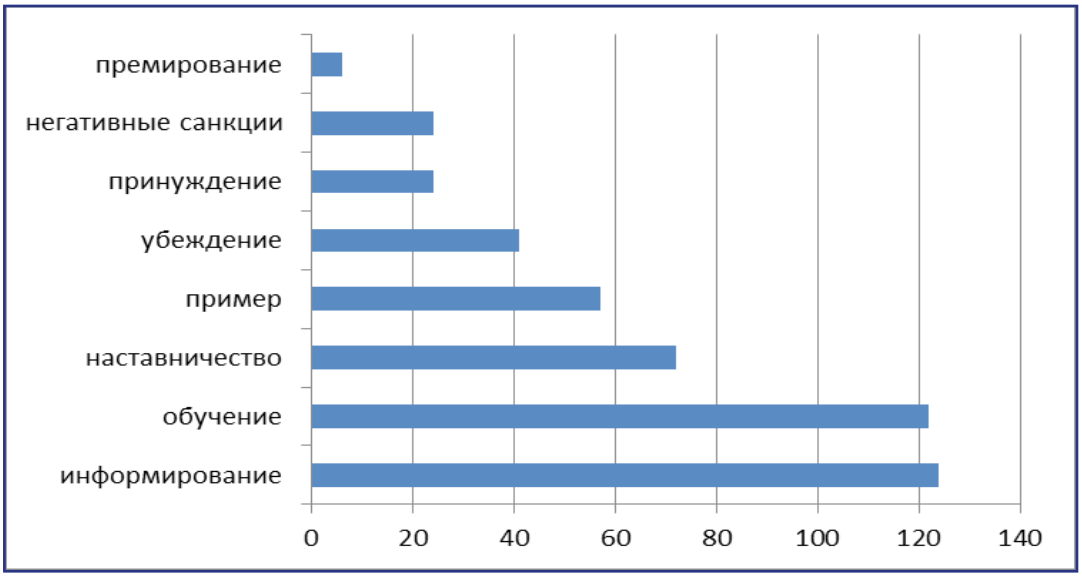


Рис. 8. Способы нивелирования негативного отношения к инновациям

Таблица 2.

Рейтинг целей внедрения инноваций на промышленном предприятии

№ в рейтинге	Варианты ответов	% от общего числа выборов
1	Экономические результаты (конкуренция)	15,8
2	Социально-психологические результаты	14,2
3	Экономические результаты (качество продукции)	13,1
4	Экономические результаты (эффективность работы)	12,7
5	Прогрессивность (проактивная позиция)	10,4
6	Технологические результаты	8,8
7	Экономические результаты (рынок)	8,5
8	Прогрессивность (реактивная позиция)	8,1
9	Экономические результаты (затратность)	4,2
10	Социально-экономические результаты (имидж)	1,5
11	Экономические результаты (оплата труда)	1,2
12	Инвестирование	0,4
13	Охрана окружающей среды	0,4
14	Развитие профессиональных навыков	0,4
15	Неизбежность	0,4

Четвёртое условие – проведение мероприятий по повышению инновационной активности необходимо проводить именно с сотрудниками предприятия, а не концентрация усилий исключительно на разработке новых техно-

логий, систем, структур и прочее. Во-первых, следует отметить тот факт, что именно субъект реализует инновации, то есть осуществляет активную деятельность по внедрению различного рода изменений. Одним из главных моментов, на который следует обратить внимание при подготовки программ – это цели изменений. Ведь наличие ясной и понятной для сотрудника цели способно усилить его мотивацию, сконцентрировать его усилия на работу с инновациями. В процессе нашего исследования мы попытались выяснить, для чего на промышленных предприятиях необходимы нововведения.

Кроме того, необходимо трансформировать существующее распределение работников по критерию *«величина»*: коллективные субъекты инновационной активности пользуются большими преимуществами (больше идей, их критика, более тщательная проработка и т.п.), нежели индивидуальные.

Во–вторых, субъект инновационной активности производит оценку инноваций. Данная оценка целиком и полностью зависит от имеющегося у индивида опыта. Кроме того, негативная оценка инновации исключает реализацию первой (на наш взгляд, самой значимой) функции субъекта – реализацию. Исходя из полученных в ходе эмпирического исследования результатов можно определить, по каким критериям осуществляется оценка инноваций. На первом месте (из 15 предложенных вариантов) в данном рейтинге стоит возможность повышения конкурентоспособности предприятия (15,8 %). Здесь прослеживается достаточно жёсткая ориентация на рынок. На втором месте по популярности ответов оказались социально-психологические результаты (14,2 %), включающие развитие работника как личности, улучшение условий труда, облегчение физической работы сотрудников промышленного предприятия и т. д.. Третье место в рейтинге последствий внедрения инноваций повышение заняла возможность повышения качества продукции (13,1 %), что также ориентировано на удовлетворение конечного потребителя товаром или услугой и также *«работает»* на повышение конкурентоспособности. Четвёртое место (12,7 %) в рейтинге оценки инноваций занял критерий *«повышение производительности и эффективности»*. Это ещё один значимый тренд представителей современных российских промышленных предприятий, ориентированный на снижение затрат посредством применения инновационных технологий работы. Хотелось бы отметить, что критерий *«развитие профессиональных навыков»* выбрали менее 1 % экспертов.

В–третьих, субъект осуществляет трансляцию инноваций в окружающее социальное пространство. Это может происходить как явно, открыто (через конкретные механизмы системы профподготовки: информирование, наставничество, и др.), так и скрыто, латентно (посредством личного примера активного внедрения инноваций, который могут наблюдать и оценивать окружающие работники). Данные авторского эмпирического исследования в полной мере проиллюстрировали данное утверждение. Как уже было сказано выше, наиболее эффективными способами снижения негативного отношения к инновациям эксперты назвали информирование (26 %), наставничество (26 %), обучение (15 %), и личный пример (12 %). Необходимо отметить, что помимо функций, мы можем обосновать и дисфункции субъекта инновационной активности. Так,

в силу особенностей характера, специфических черт личности, индивид может не захотеть внедрять инновации, даже несмотря на их очевидную полезность как для общества (в том числе компании, предприятия), так и для самого индивида. Но воздействие данной дисфункция может быть нивелировано посредством двух корпоративных инструментов – это система мотивации и система непрерывной профессиональной подготовки. Система мотивации напрямую запускает механизмы организационного стимулирования работников на использование новшеств в своей трудовой деятельности посредством позитивных и негативных санкций. Но, как выяснилось посредством анализа результатов проведённого эмпирического исследования, такие материальные виды стимулирования инновационной активности как санкции (5 %) и премирование (1 %) заняли соответственно седьмое и восьмое места в составленном рейтинге. В то время как корпоративная система непрерывной подготовки персонала латентно воздействует на данные процессы косвенно: через разъяснительную работу, убеждение, знакомство, обучение, тренировки и т.д.

Эволюционный подход, который мы также использовали для изучения инновационной активности, основным тезис мы принимает цикличность развития. Идея циклов подскажет нам этапность и динамику инновационной активности на предприятии. Основными факторами увеличения или сокращения циклов является сложность деятельности (технологичность производства, сложность товара или услуги, разветвлённая система управления и т.п.). Выделенные циклы позволят просчитать периоды подъёма и спады инновационной активности на предприятии и на основе этого составить программу действий по реагированию (при условии подъёма) или стимулированию (при условии спада) инновационной деятельности работников предприятия. В связи с этим, следует отметить, что здесь возникает необходимое требование к корпоративной системе непрерывной профессиональной подготовки персонала – её гибкость, готовность в любой момент подстроиться на изменения, произошедшие в окружающей действительности. Другими словами, данная система сама должна быть инновационно активной, быть готовой к изменениям, а не инертной, забюрократизированной структурной единицей.

В связи с этим, мы постарались выяснить, как часть (с какой периодичностью, цикличностью) респонденты готовы обучаться сами и направлять на профессиональную подготовку и переподготовку своих сотрудников. Так, 29 % опрошенных либо обучаются самостоятельно, либо учатся в образовательном учреждении. Остальные 71 % заявили, что в данный момент не учатся. Причины такой низкой *«популярности»* учения среди работников современных промышленных предприятий можно проанализировать на рисунке 9.

Четверть респондентов (22 %) планирует повысить квалификацию в ближайшем будущем. Около половины экспертов (47 %) очень уверены в своей профессиональной квалификации, а также в том, что ситуация не будет меняться. На наш взгляд именно поэтому данная группа опрошенных уверены, что в их обучении нет необходимости. Ещё одной существенной причиной, из-за которой респонденты в данный момент времени не учатся – это стоимость самого обучения. Этот вариант ответа выбрало 15 % экспертов.

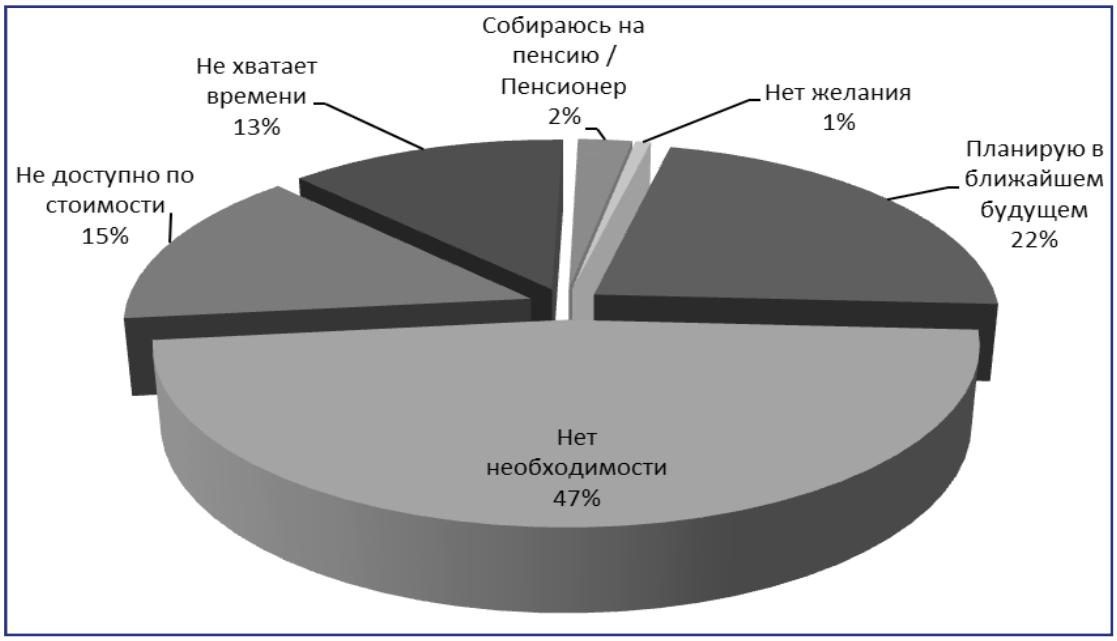


Рис. 9. Причины, по которым респонденты не проходят обучение

Что касается повышения квалификации сотрудников, то эксперты указали (37 %), что необходимо обучать необходимо с периодичностью один раз в год. На наш взгляд, данная периодичность корпоративных обучающих мероприятий очень эффективно может содействовать повышению инновационной активности работников предприятия.

Список литературы

[1] *Андреева А. Л.* Возможности инновационной модернизации России глазами разных поколений научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 35–41.

[2] *Голиченко О. Г.* Основные факторы развития национальной инновационной системы // Инновации. – 2012. – № 5 (163). – С. 4–18.

[3] *Желнина Е. В.* Инновации на промышленном предприятии: теоретический и эмпирический анализ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. № 2 (24). С. 278–282.

[4] *Желнина Е. В.*Социальная технология подготовка персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия. Монография / Е. В. Желнина. – Тольятти: ООО *«Технокомплект»*, 2015.

КОМПЕТЕНЦИИ СЛУЖАЩЕГО МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Бекоева Д.Д.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются компетенции служащего международной организации, выделенные на основе функций и полномочий служащих. Подчеркивается значение лидерской компетентности, выделенной в профессиограмме служащего на основе требований к деятельности персонала международных организаций. Доказывается, что контекстно-компетентностный подход позволяет выделить основные компетенции лидера и показать, что успех деятельности служащих международной организации зависит от совокупности компетенций и внутренних моральных установок личности лидера, которые влияют на доверие и уровень социальной ответственности служащих международных организаций.*

Повышение требований к деятельности служащих международных организации в современный период связано с расширением сфер воздействия международных организаций на межгосударственные и внутригосударственные процессы. От внутренних установок служащих международных организаций, от их профессионализма зависит успех деятельности международной организации.

Требования к персоналу раскрываются в международно-правовых документах о специфике деятельности международных организаций, привилегиях и иммунитетах служащих и основываются на принципах профессионализма, компетентности, добросовестности, беспристрастности, независимости и осмотрительности.

Стратегии исследования профессионализма служащих международной организации традиционно основывались на выявлении основных ролей выполняемых персоналом международной организации и их основных характеристик [1]. Были выделены основные 10 ролей, выполняемых персоналом международной организации и характеристики каждой из ролей: например, лидерская роль характеризовалась такими признаками как:

- Стремится получить социальное признание;
- Стремится наиболее полно раскрыть свои организаторские способности;
- Стремится инициативно и ответственно выполнять свои обязанности;
- Стремится получить удовлетворение от своей работы;

* *Бекоева Диана Дмитриевна*, доктор психологических наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

– Стремится контролировать свои действия и действия других людей;
– Стремится планировать карьеру и развитие личности;
– Стремится использовать новейшие информационные технологии;

Эти признаки, выявленные на основе экспертного опроса служащих международной организации, были количественно оценены по пятибалльной шкале в зависимости от реальной деятельности служащих международной организации. Обобщение признаков с наибольшими значениями позволило составить общую профессиограмму служащего международной организации.

Дальнейший анализ функций и полномочий служащих международной организации, среди которых наибольшее значение приобретают функции, связанные поддержанием международного мира и безопасности позволяет использовать контекстно-компетентностный подход для выявления основных компетенций для отбора, оценки и последующей подготовки служащих международной организации. Компетентностный подход рассматривает компетенции с функционально-технологической стороны, как *«способность личности действовать в соответствии со стандартами, принятыми в организации»* [6]. Контекстный подход, основанный на отечественной теории деятельности, требует учета влияния организационной среды, функций и полномочий личности в организации. Контекстный подход рассматривает совокупность компетенций в рамках конкретной ситуации, полномочий, прав и обязанностей должностного лица, знаний, умений и навыков в определенной сфере [3].

Контекстно-компетентностный подход, позволяет синхронизировать требования к профессиональной деятельности служащих международной организации, доминирующие виды деятельности, профессионально-важные качества, способствующие эффективной работе, качества, препятствующие выполнению профессиональных обязанностей и основные компетенции, связанные с функциями и полномочиями служащих международной организации.

Контекстно-компетентностный подход можно рассматривать одним из направлений организационного менеджмента, позволяющего показать, что компетенции связаны с деятельностью международной организации, функциями и полномочиями международного служащего по поддержанию международного мира и безопасности, проведению консультаций, вынесению рекомендаций, обсуждению спорных проблем, проведению переговоров.

Требования к деятельности международных гражданских служащих сводятся к соответствию высоким стандартам служения идеалам мира, уважения основных прав человека, экономического и социального прогресса и международного сотрудничества.

Главная функция международной организации, связанная с поддержкой международного мира и безопасности в соответствии с принципами и целями ООН, требует от служащего профессионализма, совокупности компетенций, знаний и навыков в следующих сферах:

– разрешения любого спора и конфликтной ситуации, которые могут приводить к международным трениям;

– разработке рекомендации относительно методов урегулирования споров или условий их разрешения;
– выработке мер при существовании угрозы миру или акта агрессии
– способствовать повышению уровня жизни, полной занятости населения и развитию условий экономического и социального прогресса;
– способствовать международному сотрудничеству в области культуры и образования;
– всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.
– проводить и организовывать исследования, составлять доклады и делать рекомендации по международным вопросам экономической и социальной области, в области культуры, образования, здравоохранения.
– созывать международные конференции.
– составлять проекты конвенций по вопросам, входящим в его компетенцию;
– вести переговоры со специализированными учреждениями.

При согласовании конфликтных проблем связанных с различиями расы, пола, языка и религии для международного служащего особую значимость приобретает коммуникативная компетентность, включающая такие компетенции как коммуникативные способности (умение входить в контакт, налаживать взаимоотношения, умение общаться в команде); способность влиять на окружающих; аналитические способности, толерантность и др.

Анализ требований к деятельности международных служащих доказывает необходимость соответствия высоким стандартам ответственности и развития у международных гражданских служащих совокупности социальных, экспертных, этнических, конфессиональных, личностных компетентностей для осуществления оперативной деятельности международных организаций, особенно деятельности по сотрудничеству в целях развития общества, борьбы с терроризмом, обеспечения мира и безопасности.

Вместе с тем лидерская компетентность является основной для эффективной деятельности служащего международной организации. В данной статье рассматривается лидерская компетентность, выделенная в профессиограмме в качестве основной роли служащего, и рассмотрим компетенции, связанные с ролью лидера и лидерства в международной организации, тем более, что именно эта компетенция определяет направление деятельности организации.

1. Традиционно лидерство определяется, как умение достигать результатов через воздействие на других людей и включает следующие компетенции:

1.1. Воодушевление других своими взглядами;

1.2. Принятие рисков ради принципов, ценностей или задач;

1.3. Построение доверительных отношений через демонстрацию соответствия слова и дела;

1.4. Демонстрация оптимизма и положительных ожиданий от других;

1.5. Делегирование соответствующей ответственности и полномочий;

1.6. Вовлечение людей в принятие решений, которые скажутся на них;

1.7. Аккуратная, честная и содержательная работа с сотрудниками;

1.8. Адаптация методов к потребностям и мотивации других людей;

1.9. Принятие решений во избежание или для минимизации негативных последствий для людей;

1.10. Демонстрация лояльности к подчиненным [2].

Этот перечень включает важные компетенции лидера руководителя, но для служащего международной организации недостаточный для позитивных изменений в мире. Компетенции, которые требуются для изменения мира – способность вызывать доверие к личности служащего и воодушевление других своими взглядами. Это указывает на то, что помимо общих характеристик лидера, перечисленных в профессиограмме и психограмме, необходимо иметь личностные способности к лидерству. Менеджмент в описании эффективного лидера делает упор на то, что оказалось эффективным в конкретной сфере бизнеса, культуре или определенном окружении. Однако действия, стиль или характеристики, которые делают лидера *«хорошим»* в одних условиях, могут оказаться малоэффективными или даже вредными в других.

В некоторых работах по организационному менеджменту, посвященных этому вопросу, сделан акцент на результатах эффективного лидерства и подчеркивается, что хороший лидер *«создает видение»*, *«мобилизует обязательства»*, *«определяет потребности»*. При этом реальные достижения связываются с наличием интеллектуальных и эмоциональных компетенций лидера. Если учесть признаки лидерства служащего международной организации, выявленные в экспертном исследовании, то лидерство можно рассматривать, не только как способность влиять на других людей для достижения определенной цели, а как стремление *«создать мир, к которому хотят принадлежать люди»* Учитывая функции и полномочия служащего международной организации, работу с людьми различных культур и вероисповеданий, выполнение роли лидера требует набора компетентностей, среди которых особенно важное значение для осуществления деятельности в международной организации наряду с личностные и социальные компетентности.

В научной литературе различают три уровня лидерства, мета-, макро- и микролидерство [5].

1. Содержание уровня металидерства связывается социальными движениями, (движение за гражданские права, гласность). Металидерство это утверждение своего видения в социальном окружении и его поддержка в обществе.
2. Макролидерство с функционально связано с определением цели и путей ее достижения. Макролидерство – это влияние на людей путем объединения их в лояльную общность.

3 Уровень микролидерства связывается с личностной эффективностью лидера, умением создать рабочую атмосферу и сплотить людей в достижении цели. Компетенции, которые относят ко всем уровням микро-, макро- и металидерства, связывают с коммуникативной компетентностью и включают в систему отношений личности:

– к самому себе как лидеру;

– к цели или самой деятельности;

– к другим людям, которые влияют на лидера и сами подвергаются влиянию лидера

– к организации, в которой лидер взаимодействует с другими людьми с целью достичь желаемого результата [4].

Как элемент социальных взаимодействий, лидерство в международной организации является сложной деятельностью, включающей: процесс оказания влияния служащих международной организации как лидеров, на разные культурные общности, государственных лидеров, улучшение взаимодействий и приверженность людей целям международной организации.

Лидерская роль и источник силы лидера связаны на наш взгляд с доверием к личности служащего международной организации, приверженностью личности моральным и нравственным ценностям.

Доверие по своей психологической природе является личностной установкой в самосознании, отражающей психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на общепринятое мнение, или на авторитетное лицо, носящее истинные ценности общности. Чувство глубокого доверия к себе, окружающим людям, общности, миру характеризует зрелую личность, инкультурированную и принявшую социальные требования среды и ее социальные добродетели. Именно поэтому доверие выступает в качестве фундамента добродетели, благосостояния и ожидания того, что все люди в обществе будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями. Коррозия доверия разрушает психологическую культуру доверия в самосознании личности, межличностных отношениях и общности. Доверие является системообразующим фактором личности лидера, позволяющим объединить все лидерские компетенции в рамках контекста, или пространства лидерства.

К пространству лидера относят: личность лидера; отношения лидера с другими людьми; организационная система, внутри которой действует лидер; цель, которой стремятся достичь лидер в данной системе. Компетенции, связанные с понятием лидерства, это: личностные компетенции, коммуникативные компетенции по установлению отношений с другими, стратегическое мышления.

Личностные компетенции имеют отношение к тому, как лидер ведет себя в той или иной конкретной ситуации. Они позволяют лидеру выбирать или конструировать наиболее подходящие для данной ситуации состояние, установки и т.д. В каком-то смысле личностные компетенции связаны самоэффективностью, с тем, как лидер руководит самим собой.

Коммуникативные компетенции по установлению отношений с другими – это способность понимать людей, мотивировать их и взаимодействовать с ними. Они являются результатом способности присоединиться к модели мира другого человека, установить контакт и направить этого человека к осознанию проблем и задач. Поскольку лидер должен донести свое видение и выполнить свою миссию путем влияния на других людей, коммуникативные компетенции являются одним из наиболее существенных аспектов лидерства.

Стратегическое мышление необходимо служащему международной организации для того, чтобы определять цели и задачи будущего общности и достигать их. Стратегическое мышление включает способность служащего международной организации оценить исходное состояние, установить наиболее подходящую последовательность промежуточных состояний, которые необходимы, чтобы достичь желаемой цели. Ключевой элемент эффективного стратегического мышления – определение того, какие действия и операции окажутся наиболее эффективными и будут наилучшим образом способствовать достижению цели. Стратегическое мышление позволяет системно воспринимать проблемное пространство лидерства, и лидерский капитал и лидерские условия.

Лидерская компетентность в совокупности лидерских компетенций являются важными аспектами *«создания мира, к которому хотят принадлежать люди»*. Их усвоение поможет в совершенстве овладеть всеми ключевыми аспектами лидерства и приобрести все признаки мастерства лидера.

Лидерское мастерство служащего международной организации предполагает гармоничное единство психических процессов, психических качеств, психических образований личности лидера, мотивации, направленности личности и социальных установок. Приведение в состояние соответствия видения и действия на основе оценки лидерского капитала и доверия.

Мастерство служащего международной организации предполагает оценку проблемного пространства лидера – принципов, ценностей, личностных свойств, качеств и лидерских условий – места, времени, опыта, практики. Тщательное изучение состояние системы организации для нахождения релевантных элементов и разделение цели на управляемые шаги.

Мастерство коммуникации служащего международного служащего предполагает развитие вербальных и невербальных средств общения, усвоение перцептивной стороны общения, связанной с закономерностями восприятия и познания партнеров по общению и использования репрезентативных каналов. Важно овладение интерактивной стороной общения, раскрывающей умения эффективно взаимодействовать с другими людьми, понимать различные стили мышления и рефлектировать намерения других людей.

Различные типы лидерства (мета-, макро- и микро) взаимодополняют друг друга и составляют лидерский капитал в определенных лидерских условиях. Лидерские условия включают в себя те проблемные пространства, которые могут быть соотнесены с оценкой физического и социального пространства организации, временными ограничениями, контекстом деятельности, влияющими на достижение цели.

Служащий международной организации как лидер должен понимать, что действия других людей определяются их внутренними установками людей и внешними условиями их деятельности. Разные люди могут демонстрировать широкое разнообразие поведенческих реакций в сходных ситуациях. Эти различия в поведении могут быть обусловлены личностными особенностями, когнитивными процессами, различиями в обычаях, языке, конфессиональных и этнических свойствах, убеждениями и ценностями, ролью, наконец, мотивацией.

Уровень мотивации человека определяет стратегию поведения человека в конкретной ситуации в зависимости от общности и это должно учитываться служащим международной организации.

Служащий международной организации как лидер определяет внутренние и внешние возможности или ограничения своей деятельности, в рамках внешнего контекста, ситуации, реакций людей в процессе взаимоотношений с другими. Поведение, конкретные действия и реакции окружающих могут подкрепляться убеждениями и ценностями служащего международной организации, который может поддерживать или подавлять, мотивировать или демотивировать действия других людей.

Идентификация служащего международной организации с лидерской ролью, миссией в организации влияет на его самоощущение бессознательно и со временем может приводить к деструктивной деятельности. Это может проявляться в изменениях продуктивности деятельности, связанной с режимом работоспособности, высокой ответственностью деятельности служащего международной организации и изменениями психофизиологического состояния личности, вызванного стрессорами утомлением. Поэтому помимо средств, позволяющих осознавать собственное видение и пути его реализации, служащему международной организации надо научиться продуктивно управлять, усиливать, направлять и эффективно использовать психофизиологические ресурсы организма личности.

Таким образом, совокупность компетенции, в частности лидерская компетентность служащих международных организаций, составляют важный ресурс профессионализма и определяя уровень доверия к служащим международных организации и повышая их социальную ответственность.

Список литературы

[1] *Бекоева Д.Д.Зверева О.В.* Имидж служащего международной организации / Сб. Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. Материалы 4-й ежегодной международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (24–26 мая 2006 г.). М.: РОССПЭН, 2007. С.1112–1118.

[2] *Бекоева Д.Д., Тихенький В.Г.* Управленческие компетенции руководителя организации./ История управленческой мысли и бизнеса: Национальные модели подготовки кадров управления. XVI Международная конференция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет,1–3 июля 2015г.: Материалы международной конференции/Под ред. В.И. Маршева. М.: Галлея Принт,2015. С.61–72.

[3] *Вербицкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М.: ИЦ ПКПС, 2004.

[4] *Дилтс Р.* НЛП: навыки аффективного лидерства. – СПб.: Питер, 2003. С. 41.

[5] *Котельников В.* Эффективный лидер. “Test Your Leadership Skills”, Brian O’Neil, 2000. – http://www.cecsi.ru/coach/leadership.html (дата обращения: 5.06.2016).

[6] *Митрофанова Е.А., Коновалова В.Г., Белова О.Л.* Управление персоналом: теория и практика. Компетентностный подход в управлении персоналом: учебно-практическое пособие /Под ред. А.Я. Кибанова. – М: Проспект, 2015. С. 7.

ЛИЧНОСТНОЕ САМОРАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА В ПЕРИОД СТАГНАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Черняева Г.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Приведено определение понятия личностного саморазвития, показаны возможности и инструменты управления саморазвитием персонала организации в период стагнации организации и ограниченных возможностей стимулирования персонала. Выявлены главные векторы управления личностным саморазвитием персонала организации, приводятся поведенческие характеристики сотрудников, готовых к активному личностному саморазвитию, а также перечислены особенности сотрудников, готовых демонстрировать сопротивление программам личностного саморазвития персонала. Приведены принципы и сформулированы некоторые практические рекомендации менеджерам по управлению личностным саморазвитием персонала в организации.*

Кризисные процессы, нарастающие в современном российском обществе, приводят к стагнации многих российских организаций, сокращению объемов производимых товаров и услуг, увольнению персонала. Поскольку в период стагнации организации многие формы материальной, а подчас и нематериальной мотивации персонала к интенсивному труду становятся недоступными, либо неэффективными, актуальны поиски ресурсов и мотиваторов, которые ранее были мало задействованы в процессе управления персоналом. Одним из таких мотиваторов, который мало задействуется в периоды успеха компании, но может быть использован в периоды стагнации, является управление личностным саморазвитием персонала.

Процесс личностного саморазвития человека может быть представлен в двух проекциях: внешняя, своего рода *«надводная часть айсберга»*, проецируемая вовне и поэтому потенциально объективно и/или субъективно фиксируемая работа; и внутренняя, продолжая аналогию, *«подводная часть айсберга»*, неинструментально** объективно и субъективно не фиксируемая работа. *Проецируемое вовне личностное саморазвитие человека* может быть определено как сложный процесс достижения человеком высоких личностно значимых результатов в различных сферах его жизнедеятельности, сопровождающееся определенным изменением (улучшени-

* *Черняева Галина Владимировна*, кандидат философских наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

** Фиксация глубинной работы над саморазвитием может осуществляться лишь при наличии четко определенных целей, систематических усилий, развитых навыков и опыта наблюдения и самонаблюдения, а также применения иных научных методов сбора, фиксации, обработки и интерпретации информации. О необходимости такого *«научения»* убедительно писал еще основатель экспериментальной школы в психологии В. Вундт.

ем) личностных свойств и качеств, которое обеспечивает эти высокие результаты. При таком подходе к пониманию содержания личностного саморазвития человека появляется возможность определять критерии для оценки личностного саморазвития и (в известной мере) извне управлять этим процессом. Вместе с тем, личностное саморазвитие представляет собой многомерный процесс *«внутренней»* работы – над эмоциональными и волевыми проявлениями, интеллектуальными усилиями, осмыслением себя в мире и своей деятельности, переосмыслением своих персональных ценностей и формированием установок мышления и поведения. Назовем этот процесс *внутриличностным саморазвитием человека*.

В рамках управления персоналом специалистов по управлению, прежде всего, интересуют реально наблюдаемые результаты личностного саморазвития сотрудников, то есть, в нашей терминологии, проецируемое вовне личностное саморазвитие. Исследованию именно этой проекции личностного саморазвития и посвящена данная статья.

По мнению Л.Н. Куликовой, под *саморазвитием личности* целесообразно понимать процесс самостоятельной, ценностно-ориентированной, целостной деятельности личности по непрерывному самоизменению и внутренней работе по обогащению индивидуального опыта и совершенствованию духовно-нравственных сил в соответствии с внутренним образом *«Я»* и актуальными социальными ожиданиями [4]. В целом соглашаясь с данным подходом, мы будем понимать *личностное саморазвитие персонала* как самоинициируемый процесс личностного роста сотрудников организации, нацеленный на удовлетворение персональных потребностей в социальном и профессиональном признании и уважении, в социальном одобрении и поддержке, в росте позитивной самооценки и обогащении внутреннего духовного мира, в познании культурных ценностей и самореализации.

Личностное саморазвитие сотрудников организации, помимо сугубо личных результатов, может помогать решать и организационные задачи, в том числе:

- ориентировать на всестороннее развитие коллектива;
- способствовать повышению психологической устойчивости сотрудников;
- способствовать повышению лояльности персонала организации;
- повышать персональную гибкость, пластичность, готовность к переменам;
- повышать мобильность персонала [2; 3];
- повышать социальную и организационную активность сотрудников;
- расширять организационные коммуникации и способствовать формированию микрогрупп по интересам, что, как правило, позитивно сказывается на росте сплоченности коллектива;
- повышать уровень взаимопонимания и взаимопомощи в коллективе.

Все эти позитивные результаты и изменения в организационном климате, подготавливающие стадию будущего нового роста организации, возможны при одном важном условии – при условии поддержки и одобрения менеджерами и руководителями организации личностного саморазвития персонала. Проявляться эта поддержка может в самых различных формах:

- в организации внутрикорпоративного профессионального обучения персонала, а также тренингов личностного роста;
- в проведении внутрикорпоративных *«неформальных»* мероприятий (выставок творческих работ, рукоделия, изобретений, рисунков детей сотрудников; конкурсов самодеятельности, походов *«выходного дня»*, спортивных соревнований и проч.);
- в целевом сокращении рабочего дня для участия в корпоративных мероприятиях;
- в расширении форм информирования персонала о мероприятиях, организуемых в микрорайоне, городе (в том числе – бесплатных);
- в расширении форм информирования о непроизводственных успехах сотрудников;
- в моральном поощрении персональных достижений во всех доступных в организации формах.

Поскольку *«современный человек осознает необходимость заниматься своим развитием на протяжении всей жизни»*, а его саморазвитие во взрослом возрасте базируется на осознании своего несовершенства и *«своего нереализованного потенциала»* [1; 3; 4; 5], возможно, основной задачей менеджера по персоналу в период ограниченных возможностей организации следует считать *«размораживание»* врожденной потребности к развитию личности и самореализации (А. Маслоу) и освобождению *«возвратного потенциала»* сотрудников. При этом важно учитывать, что *«способность к саморазвитию лишь относительно зависит от умения усваивать академические знания»* [3], поэтому организация классического обучения персонала здесь едва ли подойдет.

Известный российский психолог К.А. Абульханова-Славская в качестве важнейшего инструмента пробуждения личности к саморазвитию рассматривает формирование стратегии жизни, признаками наличия которой являются:

- выбор основного направления, определение главных целей этапов жизни;
- решение противоречий и проблем, препятствующих достижению целей, включая создание условий для этого;
- творческое созидание ценностей своей жизни [1].

Таким образом, в рамках концепции формирования стратегии жизни, К.А. Абульханова-Славская, по сути, подчеркивает значимость для саморазвития личности формирования целей и созидание ценностей жизни*. Могут ли менеджер по персоналу и руководители подразделения и организации оказать в этом поддержку сотруднику? Есть ли в их распоряжении инструменты такого влияния? – эти вопросы могут быть отнесены к разряду риторических. Сегодня в распоряжении менеджеров есть, и весьма действенные, инструменты управления, например: оценка потенциала персонала организации,

* Что касается решения противоречий и проблем, а также создания условий для достижения целей, то, на наш взгляд, при наличии четкой цели и поддерживающих цель устойчивых ценностей человек обычно находит способы преодоления препятствий, применяя порой весьма нестандартные и эвристические подходы и приемы.

разработка программ саморазвития, заключение мотивирующих контрактов, консультирование, тренинговое и игровое сопровождение (поддерживающие игры). Это достаточно эффективные управленческие инструменты влияния на персонал, способствующие повышению ответственности сотрудников за свое будущее в организации и вообще – за свое будущее персональное благополучие.

Психологическую основу действенности перечисленных и иных инструментов управления личностным саморазвитием составляет *формирование и последующее развитие самосознания личности*. С.Л. Рубинштейн, анализируя проблемы личности, подчеркивал, что *«самосознание не дано непосредственно в переживаниях, оно является результатом познания»*, а развитие самосознания личности проходит через ряд ступеней – *«от наивного неведения в отношении самого себя ко всё большему углубленному самопознанию, соединяющемуся затем со всё более определенной и иногда резко колеблющейся самооценкой»* [6, с. 242]. По мнению российского *«классика»* психологии, с самосознанием личности тесно связаны: самооценка; обусловливающее её мировоззрение, определяющее *«нормы оценки»*; а также – по мере приобретения жизненного опыта – *«глубокое переосмысливание жизни»* [6, с. 242–244]. Таким образом, если исходить из рубинштейновской концепции развития самосознания, руководители осуществлению результативного управления личностным саморазвитием персонала должны способствовать: активизация у сотрудников процессов самопознания и самооценки, а также конструктивное влияние на процессы переосмысливания сотрудниками своей жизни и на формирование ими *«нормы оценки»*.

Обобщая выделенные российскими психологами важнейшие факторы личностного саморазвития, сформулируем их в приемлемых для управленцев терминах и представим в виде схемы. Каждое из обозначенных в схеме шести направлений управления личностным саморазвитием сотрудников важно, но в формате организационного управления наиболее продуктивными и в целом *«вписывающимися»* в функции управления персоналом современной организации оказались два: управление самооценкой (в то числе, активизацией самооценки) сотрудника и формирование нормы оценки.

Обе эти функции могут быть успешно реализованы в рамках правильно организованных процедур оценки и аттестации персонала в организации. Для получения заметных положительных эффектов при проведении оценки и аттестации персонала важно заблаговременно (минимум за полгода до проведения оценки) довести до персонала направления и конкретные критерии оценивания. Особенно это важно при включении параметров личностного саморазвития сотрудника в качестве оценочных критериев, так как личностное саморазвитие сопряжено с устранением прежних привычек и формированием новых устойчивых форм поведения, а это весьма трудоемкие и длительные по времени процессы. Еще рациональнее не просто сообщить сотруднику, что организация и руководитель ждут от него *«подвигов личностного саморазвития»*, а подобрать этически корректную и психологически наиболее комфортную форму обсуждения с сотрудником актуальных направлений и задач личностного развития, стоящих перед ним в ближайшее время.

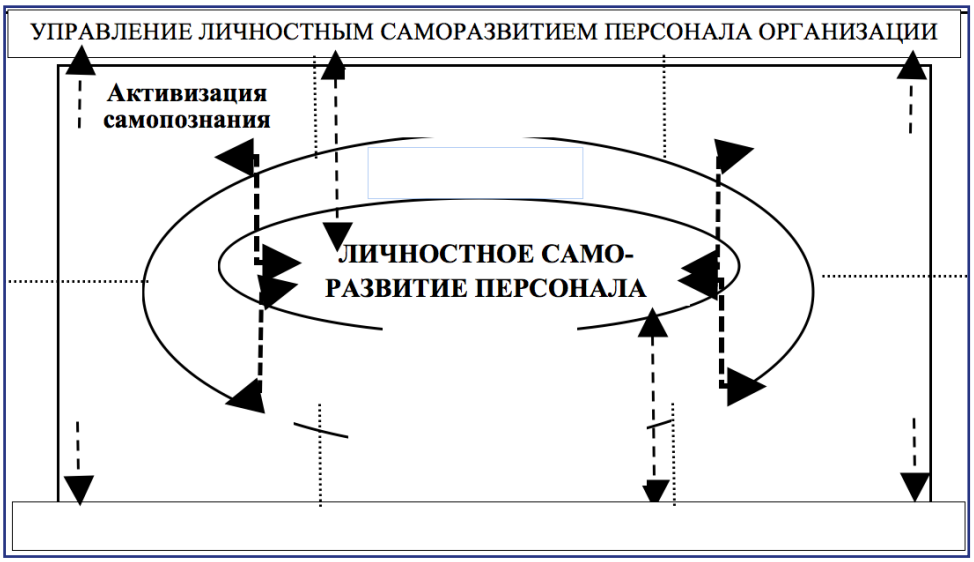


Рис. 1. Шесть векторов управления личностным саморазвитием персонала организации

В отдельных случаях можно рекомендовать сотрудникам самостоятельно определять соответствующие параметры будущей оценки личностного саморазвития, в частности, такой подход представляется целесообразным, когда организация имеет возможность частично *«спонсировать»* личностное саморазвитие и когда сотрудник:

- стремится к высоким достижениям, нацелен на построение карьеры в организации, высоко мотивирован к успешному прохождению оценки (аттестации) персонала;
- является новичком, стажером или проходит испытательный срок;
- энергично работает *«над собой»*;
- в целом активен и открыт к изменениям;
- самокритично и рационально мыслит.

Таких сотрудников можно оценивать как психологически готовых к участию в разработке и осуществлении программ личностного саморазвития.

Вместе с тем, менеджерам по персоналу, в функции которых входит управление развитием персонала, следует учитывать, что некоторые сотрудники в процессе участия в обсуждении, касающемся критериев оценки личностного саморазвития, продемонстрируют *«сопротивляющееся»* поведение. С высокой вероятностью можно предположить, что среди таких сотрудников окажутся те, кто:

- демонстрирует признаки *«остановленного саморазвития»*;
- конфликтен, агрессивен, либо занимает в организации социально-психологическую нишу *«штатного»* или ситуативного оппозиционера;
- перегружен работой, а также личными делами и проблемами;
- плохо организован, слабо владеет навыками тайм-менеджмента;
- психологически закрыт, коммуникативно некомпетентен;
- психологически перегружен (наличия страхов, психологических комплексов, чрезмерной подозрительности и проч.).

В работе с такими сотрудниками необходимо проявлять особую сдержанность и терпение, в частности, можно порекомендовать без крайней необходимости не стремиться ускорить, форсировать принятие решений в отношении сотрудников, обладающих этими характеристиками. Во-вторых, при работе с ними следует практиковать принцип *«дозированного воздействия»*, предполагающий *«порционное»*, поэтапное доведение информации до сотрудников. В-третьих, целесообразно использовать принцип *«игры с веером»* и в каждой коммуникации с сотрудником, подобно движению веера, то увеличивать, то уменьшать обзор возможных направлений его саморазвития. Такой подход обеспечит привыкание сотрудника к рассуждениям на тему личностного саморазвития. В-четвертых, можно порекомендовать поддерживать *«принцип уникальности личности и личностной ситуации»*. Вместе с тем, полезно подкреплять свои предложения конкретными примерами и историями персонального и организационного успеха. При этом не следует ждать от сопротивляющегося сотрудника мгновенного позитивного реагирования – такие социальные ожидания могут существенно навредить формированию взаимопонимания между менеджером и сотрудником. На самом деле при решении задач управления личностным саморазвитием персонала самая главная задача менеджера – *создать импульсы к «включению» сотрудником механизма самомотивации к саморазвитию*.

При проведении управленческих действий в целях управления личностным саморазвитием сотрудников в периоды стагнации организации сотрудники с высокой вероятностью выберут одну из определенных ролевых позиций.

Таблица 1.

Варианты позиций сотрудников в отношении личностного саморазвития в ситуации стагнации организации

Ситуационный подход: Взаимодействие с менеджером:	**Ситуацию стагнации в организации целесообразно:**		
	использовать для саморазвития	**использовать для достижения иных целей**	**не использовать**
Сотрудничать в основном	*Категория А* Активисты/ Аналитики	*Категория Б* Борцы/ Благополучные	*Категория Б* Боязливые
Создавать видимость сотрудничества	*Категория Б* Боязливые	*Категория Б-В* Боязливые/ Вежливые/ Вариативные	*Категория Б-В* Боязливые/ Вежливые
Не сотрудничать	*Категория Б* Борцы/ Бесшабашные	*Категория В* Вариативные	*Категория Г* Горемыки
Активно противодействовать	*Категория Б-Д* Борцы/ Добивающиеся	*Категория Д* Добивающиеся	*Категория Г* Горемыки

Из таблицы 1 видно, что в рамках типовых вариаций поведения с учетом двух выделенных нами оснований анализа вырисовываются пять типовых моделей поведения, что позволяет соответственно выделить пять основных категорий сотрудников: в *категорию А* входят сотрудники, у которых есть высокая вероятность получения успешных результатов; результаты *категории Б* во многом будут зависеть от успешности взаимодействия с менеджером; в сознании и установках сотрудников *категории В* заложена определенная вероятность сниженного или неуспешного результата; для *категории Г* можно прогнозировать высокую вероятность неуспешных действий и конфликтов из-за невнимания к ситуационному менеджменту и высокой вероятности конфликтов с руководителями и менеджерами организации; сотрудники, попавшие в *категорию Д* в принципе могут добиться достижения своих целей противодействия, но их результат прогнозировать затруднительно по причине высокой вероятности глубоких конфликтов как с менеджерами, так и с теми сотрудниками, которые готовы участвовать в программах развития персонала в организации.

На вопрос о том, какой категории персонала менеджеру следует уделять больше внимания, добиваясь активного включения в программы развития персонала и получения весомых результатов, можно ответить лишь с учетом конкретных ситуационных факторов и условий. Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание менеджеров на весьма *«разношерстную» категорию Б* и *«промежуточную» категорию Б-Д*, кропотливая индивидуальная работа с которыми может дать хорошие результаты.

Очевидно, что в больших по численности персонала подразделениях менеджеры столкнутся с более разнообразными вариантами ситуативно-ролевого поведения. В таблице 1 приведены лишь некоторые из типичных организационных ролей, которые, как правило, проявляются под воздействием двух факторов – ситуационного выбора сотрудника и характера его позиции по отношению к менеджеру. Поскольку в реальности на сотрудника воздействует достаточно много иных организационных, а также внеорганизационных факторов, то и вариантов ролевого поведения достаточно много. При этом, как правило, обнаруживаются определенные тенденции: чем неустойчивее положение организации в сфере деятельности и на рынке товаров и услуг, тем меньше вариантов поведения у сотрудников; чем неопределеннее ситуация в организации – тем больше вариантов ролевого поведения; чем больше факторов влияет на сотрудника (например, чем больше у него руководителей) – тем вариативнее его поведение и т.д.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что мотивация личностного саморазвития персонала в условиях стагнации организации позволяет решать важные организационные задачи и может быть использована как инструмент повышения эффективности управления персоналом в рамках основных функций, выполняемых менеджером по персоналу, прежде всего – функций мотивации и оценки персонала.

Список литературы

[1] *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; – Воронеж: Издательство НПО *«МОДЭК»*, 1999. (Серия *«Психологи Отечества»*).

[2] *Амирова Л.А.* Развитие профессиональной мобильности педагога в системе дополнительного образования: Автореферат дисс... доктора педагогических наук. Уфа, 2009. – http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13–00–08/dissertaciya-razvitie-professionalnoy-mobilnosti-pedagoga-v-sisteme-dopolnitelnogo-obrazovaniya (дата обращения: 03.02.2016).

[3] *Котмакова Т.Б.* Формирование личностной мобильности как профессионального качества будущих специалистов в процессе обучения в вузе: на примере специальности *«Электрический транспорт железных дорог»*: Дисс... кандидата педагогических наук. Хабаровск, 2011. // http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/formirovanie-lichnostnoj-mobilnosti-kak-professionalnogo-kachestva-buduwih.html (дата обращения: 03.02.2016).

[4] *Куликова Л.Н.* Гуманизация образования и саморазвитие личности. – Хабаровск: ХГПУ, 2001.

[5] *Маслоу А.* Психология бытия. – М.: Релф-бук, 1997.

[6] *Рубинштейн С.Л.* Самосознание личности и её жизненный путь // Психологии личности. Т. 2. Хрестоматия. – Самара: ИД *«Бахрах-М»*, 2000.

ИМИДЖ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ИДЕАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Халуторных О.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Реформирование высшей школы на современном этапе, переориентация на гуманистические ценности образования, отход от догматической модели преподавания актуализирует проблемы формирования положительного имиджа преподавателя Вуза, который складывается из профессиональных и индивидуально-личностных качеств педагога – знания преподаваемого предмета, профессионализма, организационных способностей, практического опыта, способности к самосовершенствованию, ответственности, коммуникабельности, готовности к сотрудничеству. В статье подчёркивается необходимость повышения педагогического взаимодействия, которое невозможно без учета представлений студенческой аудитории о том, каким должен быть идеальный преподаватель.*

На сегодняшний день российская система образования активно трансформируется. Одна из задач проводимых реформ высшей школы – эффективная интеграция в мировое научное сообщество, адаптация к новым реалиям с учетом изменений, произошедших за последние десятилетия. В обществе нового формата ключевую роль играет образование и *«компьютерная»* грамотность, умение работать с огромными потоками информации, конкурентоспособность. Так, Е. Масуда считает, что сегодня растет *«пятое поколение»* детей, воспитанных в новой информационной среде и способных сделать прорыв в интеллектуально-образовательной сфере, планировать свои действия, моделировать их последствия и стать членами технократического общества XXI века.

Подобные инновации требуют перестройки системы образования и изменения имиджа преподавателя Вуза. Типичный образ авторитарного педагога прошлого хорошо известен – он, как правило, обладает доминантным типом личности, ставит себя выше учащихся, не терпит возражений, не слышит иного мнения, не способен признавать ошибки, меняться, приспосабливаться к новым требованиям времени. Сегодня преподаватель перестает быть *«адептом»* знания, обладающим безусловным авторитетом, транслирующим известные истины, и становится *«модератором»*, умеющим наладить тесное сотрудничество с аудиторией, предложить новаторские формы обучения, позволяющие выстроить коммуникацию *«учитель-ученик»* в несколько ином ключе. Все более востребована личность педагога-фасилитатора, ориентированного на диалоговое общение с учащимися, способного усилить продуктивность обучения, обеспе-

* *Халуторных Ольга Николаевна*, кандидат философских наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

чить интеллектуальный рост учеников, создать психологически-комфортный климат. Современные студенты получили возможность оценивать качество, наполняемость, эффективность предлагаемых ВУЗом учебных дисциплин, становясь полноправными партнерами в системе образования. Они более открыто высказывают свою точку зрения, отстаивают собственные позиции, влияют на критерии оценивания профессиональной деятельности педагога и выдвигают определенные требования к имиджу современного преподавателя.

Анализ исследований по данному вопросу последних лет показал, что образ *«идеального»* преподавателя педагоги и студенты видят по-разному. Так, согласно представлениям студентов 3 курса факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (филиал г. Душанбе) идеальный преподаватель должен обладать такими качествами как: стрессоустойчивость, справедливость, коммуникабельность, высокая культура, чувство юмора, неконфликтность, высокий профессионализм. Он должен знать и любить свой предмет, неустанно повышать квалификацию, быть хорошим оратором, обладать солидным педагогическим опытом. Отдельно выделяется респондентами умение и желание преподавателя развивать у учащихся способность самостоятельно и системно мыслить, слышать мнение каждого студента, видеть в нем личность. Особое внимание уделяется умению применять на практике интерактивные педагогические технологии (что соответствует современным требованиям – более 40% учебного времени отводить на активные и интерактивные формы занятий), преподаватель должен уметь вовлечь всех слушателей в процесс обучения путем деловых игр, создания и решения кейсов, слышать и принимать во внимание мнение каждого из участников дискуссии, вызывать желание проявлять эмоции, активно участвовать в обсуждении материала, давать возможность студентам самим прийти к решению поставленных задач, проблем, вопросов. Идеальный педагог обязательно формирует устойчивое позитивное чувство к собственному предмету и процессу обучения в целом.

При подобных ожиданиях слушателей для преподавателя современной высшей школы крайне актуальным становится умение анализировать коммуникационное пространство, повышать не только профессиональную, но и коммуникативную компетентность, совершенствовать навыки публичного выступления, оттачивать ораторское мастерство, сознательно организовать словесное воздействие таким образом, чтобы понравиться аудитории, тем самым повысив эффективность восприятия информации. Живой, заинтересованный взгляд, приятные манеры, открытая улыбка, неподдельный интерес создают положительный имидж преподавателя, в то время как апатичность, агрессия, истеричность, робость – напротив отталкивают аудиторию, косвенно становясь причиной отсутствия интереса к изучаемому предмету и формируют негативный образ лектора.

В процессе обучения целесообразно выбирать поддерживающий стиль поведения, подчеркивать способности студента, поощрять его достижения, избегать резкой, публичной критики, высмеивать просчеты и недостатки. Не стоит забывать, что способность и умение общаться зависят от психофизиологических особенностей личности, воспитания, образования, жизненного опыта,

могут быть врождёнными качествами человека, либо сформировавшимися в результате целенаправленной деятельности и во многом определяются самооценкой – человек с завышенной или заниженной самооценкой испытывает значительные трудности в общении и, как правило, не имеет успеха в студенческой аудитории.

Преподаватель должен помнить о важности невербальных сигналов – мимика, жесты, визуальный контакт, тембр и звучание голоса, расположение в пространстве – во многом определяют положительный образ. При общении со студентами необходимо уметь *«держать себя в руках»*, контролировать не только слова, но и голосовые интонации, движения рук, взгляд, воспринимать обратную связь слушателей, демонстрирующих интерес, скуку, внимание и т.д. Особенно важны невербальные сигналы в первые минуты знакомства с аудиторией. Открытый взгляд, приятная улыбка, ухоженная внешность уверенные манеры, создадут благоприятное впечатление и скажут о личности педагога красноречивее многих слов. Изменить (исправить) первое впечатление невозможно. Следует вести себя естественно и дружелюбно, избегать скованности, резкости, не стоит терять визуальный контакт с аудиторией (непрерывное чтение лекционного материала непродуктивно), складывать руки в *«замок»*, прятать кисти рук в карманы.

Речь хорошего преподавателя отличает выразительная манера, богатый словарный запас, верное интонирование, смысловые и психологические паузы. Не стоит говорить слишком быстро или очень медленно, следует избегать люфт-пауз – покашливания, громких вздохов, смешков и т.д., тон не должен быть резким, ехидным, насмешливым, агрессивным. Общение с аудиторией следует начинать с взаимного приветствия, демонстрации дружественного расположения, интереса к теме занятия, тем самым формируя эмоционально позитивную атмосферу в аудитории. Ошибочно полагать, что студенты, даже самые старательные, воспринимают информацию именно так, как хотел лектор. Воспринять информацию адекватно мешает ряд факторов: скорость мысли значительно превышает скорость речи, учащиеся часто отвлекаются на собственные внутренние проблемы, неверно интерпретируют сказанное в силу собственных культурных норм, взглядов, делают поспешные выводы об услышанном и теряют интерес к обсуждаемой теме, становятся *«заложниками»* стереотипов мышления, обращают внимание на неточности, речевые, стилистические ошибки преподавателя больше, чем на суть обсуждаемого вопроса, оценивают лектора только по внешним данным (слишком молод, стар, неподобающе одет и т.д.).

На семинарских занятиях, зачетах, экзаменах рекомендуется вырабатывать навык активного слушания, не перебивать, не подавлять отвечающего, сохранять визуальный контакт, воздерживаться от бурных проявлений эмоций (агрессии, восторга и т.д.), проявлять эмпатию придерживаться правил, озвученных в начале учебного процесса. При описании *«идеального экзаменатора»* отмечаются такие качества как лояльность, снисходительность.

Сталкиваясь с необходимостью высказать критические замечания в адрес нерадивого студента, преподаватель должен быть корректным. Не стоит это делать в резкой форме, публично, переходить на личности, негативно характери-

зовать деловые качества учащегося. В противном случае, критикуемый воспринимает замечания как оскорбление, обиду, у него возникает желание не искать конструктивный выход из создавшейся ситуации, а оправдаться. Непозволительная форма критики приводит к серьезным затруднениям в учебном процессе, невозможности вести диалог, личной неприязни студентов к преподавателю. Высказанные замечания должны быть уместны. Преподаватель обязан сохранять объективность, не демонстрировать гнев, используя соответствующие невербальные символы, оставаться доброжелательным, не критиковать *«заочно»*, разговор следует построить таким образом, чтобы критикуемый осознал, – он может сделать лучше, исправить положение. Не следует затрагивать личные качества студента, мотивы его поведения, важно строго придерживаться фактов и воздерживаться от сильных эмоциональных оценок ситуации, при этом преподаватель не должен извиняться за необходимость высказать критические замечания.

Важен внешний вид педагога, большинство респондентов отметили, что преподаватель должен избегать вульгарных нарядов, быть опрятным, обладать ухоженной внешностью. При этом студенты-гуманитарии придают внешнему виду лектора большее значение, нежели учащиеся естественных факультетов или технических ВУЗов. Студенты, принимающие участие в опросе, отмечают, что *«...преподавателю требуется классический респектабельный костюм, количество аксессуаров должно быть минимальным, важны элегантность и ухоженность. Однако, 0,8% преподавателей считают, что нравиться аудитории совсем не обязательно, то есть внешний вид играет незначительную роль в налаживании отношений со студентами. Студенты же придают большее значение внешнему виду* (*88,6%*)*»* [1]. Однако, с каждым годом процент преподавателей, которые считают, что нравиться своим слушателям совсем не обязательно, снижается.

Респонденты также выделили качества *«ужасного»* преподавателя. Не вызывают уважение люди несправедливые, постоянно меняющие собственные правила и требования, неспособные видеть в учениках личность, чрезмерно строгие, агрессивные, эмоционально неустойчивые, недоброжелательные, не желающие повышать собственный профессиональный уровень, не имеющие высокой личностной культуры, вульгарные. Проведенные в 2006 и 2012 гг. О.И. Поповой опросы профессорско-преподавательского состава (в исследовании 2006 г. приняли участие 115 преподавателей из государственных и негосударственных вузов г. Екатеринбурга, в 2012 г. – 58 преподавателей) выявили, что *«качества, несовместимые с деятельностью преподавателя, – это безответственность, незаинтересованность в своей работе* (*32%*), *несдержанность, грубость, злоба* (*29%*), *эгоизм, нелюбовь к людям* (*21%*), *догматизм* (*я всегда прав*), *высокомерие* (*21%*), *лень, отсутствие саморазвития, некомпетентность, глупость, алчность* (*14%*),... *невнимательность, лицемерие, зависть, лживость, отсутствие педагогической этики, стремление заработать авторитет в глазах студентов любым способом, субъективность, неуважительное отношение к студентам или слушателям»* [2].

Основными составляющими имиджа преподавателя 10 лет назад были названы:

- профессиональные качества (66%),
- индивидуально-личностные характеристики (62%),
- практический опыт (62%),
- знание предмета (59%),
- образование, ученая степень (45%),
- внешний вид (38%),
- репутация (31%),
- физическое здоровье (14%),
- статус в ВУЗе (10%).

В 2012 г. происходит ранжирование составляющих положительного имиджа преподавателя современного ВУЗа, внешний вид становится менее значимым, но добавляются *«практический опыт»* и *«связь с практикой»*. Подобные изменения демонстрируют осознание и принятие большинством преподавателей необходимости повышать личную конкурентоспособность и соответствовать современным требованиям системы высшего образования [3].

Таким образом, *«...различия во взаимных ожиданиях преподавателей и студентов охватывают широкий круг проблем – от ценностных ориентаций до качества получаемых знаний и эффективности их усвоения»* [4]. Е.Н. Лариной и И.М. Затиным (Оренбургский ГАУ), предложена диаграмма, позволяющая сравнить образы *«идеального»* и *«реального»* преподавателя по таким параметрам как *«Знания, опыт»*, *«Внешний вид»*, *«Речь, стиль изложения»*, *«Педагогические способности»* [5].

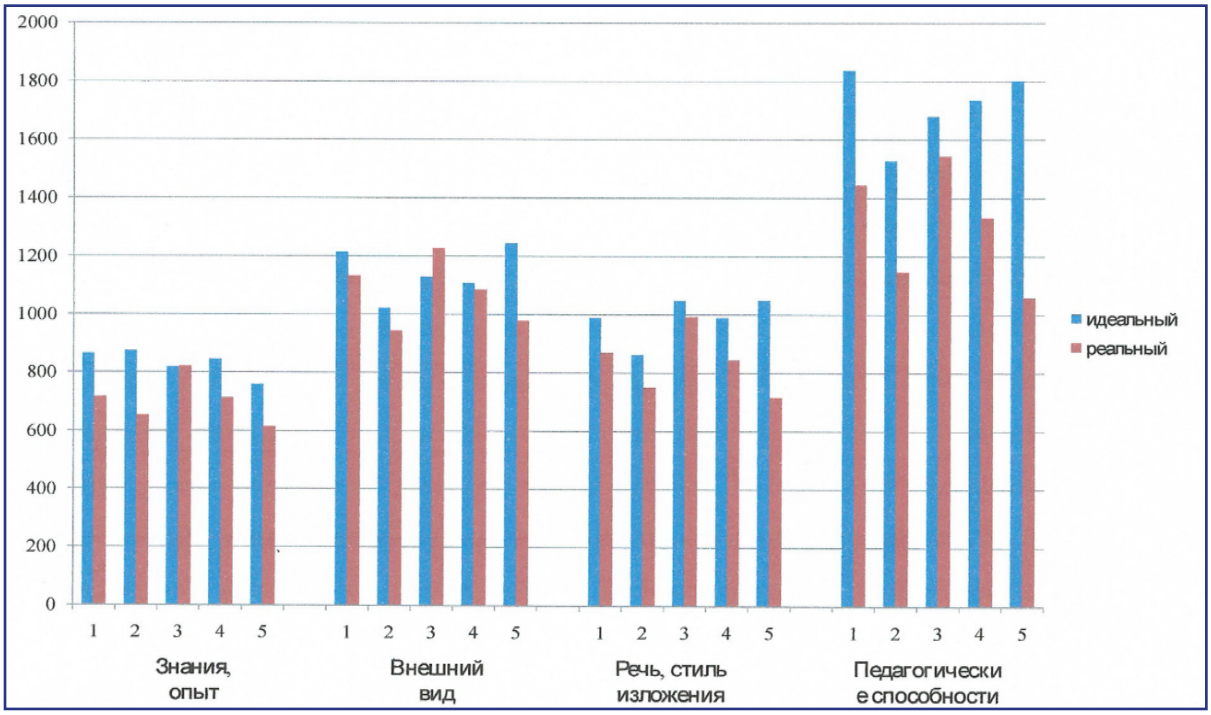


Рис.1. Анализ по блокам профессионально важных качеств преподавателя вуза

В результате сравнения целесообразно сделать вывод: студенты младших и старших курсов выделяют собственные критерии базовых качеств идеального преподавателя и их наличие у реальных педагогов. Значимость качеств и характеристик, усиливающих положительный имидж преподавателя, меняются у респондентов в зависимости от получаемых в результате обучения навыкав. Так, у третьего курса критерий *«знания и опыт»* практически на уровне ожидания. Наибольшее расхождение по мнению студентов 1–5 курсов наблюдается в блоке *«педагогические способности»* (возможно, на усиление этой позиции стоит обратить внимание подразделениям ВУЗов, отвечающих за повышение квалификации преподавательского состава).

Исключая абсолютизацию мнения учащихся, необходимо помнить – чем больше преподаватель соответствует образу идеального педагога, тем выше возможность выстроить эффективный процесс обучения. Образ идеального преподавателя неоднозначен и разнится в представлении студентов различных ВУЗов и специальностей. Однако, все респонденты согласны, что преподаватель должен быть коммуникабельным, стрессоустойчивым, неконфликтным, обладать высокой культурой речи, компьютерной грамотностью, чувством юмора, любить и знать свой предмет. Умение заинтересовать, раскрыть практические возможности применения теоретических знаний на практике, четко и понятно излагать учебный материал относятся к числу основных профессиональных характеристик идеального педагога. Учащиеся ждут от преподавателя умения и желание использовать на практике инновационные методы обучения (деловые игры, создание кейсов и т.д.). Последние компетенции целесообразно рекомендовать для включения в опросный инструментарий при оценке педагогической деятельности.

Список литературы

[1] *Ажниязова З.Р., Исаев М.И.* Имидж современного преподавателя Вуза глазами студента: результаты эмпирического исследования// http://www.scienceforum.ru/2016/pdf/21918.pdf (дата обращения: 20.05. 2016).

[2] *Попова О.И.* Преподаватель вуза: современный взгляд на профессию. Опыт социологического исследования// Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 112–119.

[3] Там же. С. 113.

[4] *Ларина Е.Н.* Изучение представлений студентов о профессионально важных качествах *«идеального»* и *«реального»* преподавателя//Концепт, 2013 г. №11 – http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-predstavleniy-studentov-o-professionalno-vazhnyh-kachestvah-idealnogo-i-realnogo-prepodavatelya (дата обращения: 20.05. 2016). *Затин И.М.* Образ преподавателя глазами студентов// http://econf.rae.ru/pdf/2012/12/1890.pdf (дата обращения: 20.05. 2016).

[5] Там же.

[6] *Прохода В. А.* Образ идеального преподавателя вуза в сознании студентов//http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/29898/1/apsmkoy_2014_03_54.pdf (дата обращения: 20.05. 2016).

СПОРТ КАК МАССОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Нарожная Д.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В современном мире вопросы повышения уровня здоровья населения приобретают все большую актуальность. Данная ситуация обусловлена тем, что социально-экономические преобразования, а также научно-технический прогресс во многом привели к усилению давления на здоровье как отдельных индивидов, так и всего общества в целом.*

Спорт становится инструментом, позволяющим поддерживать здоровье персонала, а следовательно, и его работоспособность на высоком уровне. Помимо этого, доступ к спортивным практикам в настоящее время приобретает значение фактора мотивации в современных организациях, поскольку используется работодателями в качестве особой привилегии, которую получают сотрудники в благодарность за лояльность организации.

«Ходьба оживляет и одушевляет мои мысли. Оставаясь в покое, я почти не могу думать, необходимо чтобы мое тело находилось в движении, тогда и ум тоже начинает двигаться» (Ж.Ж. Руссо).

В России начала XXI века вопросы укрепления физического и духовного здоровья населения, формирования и распространения здорового образа жизни, приобретают особую актуальность в связи с происходящими в обществе трансформациями, во многом повышающими нагрузки, как на моральное, так и на физическое самочувствие человека. В связи с этим распространение спорта как массовой культурной практики может стать инструментом, позволяющим эффективно воздействовать на процесс общего оздоровления населения, поддержания его физического и морального здоровья на высоком уровне. Что, в свою очередь, является залогом развития экономики и всего государства в целом.

Прежде чем рассматривать те направления, по которым возможно осуществление воздействия спортивных практик на процесс воспроизводства как национального, так и организационного человеческого капитала, обратимся к уточнению понятий, используемых в данной статье.

В современном обществе спорт предстает в единстве трех его ипостасей – спорта высших достижений, профессионального спорта и массового спорта.

В соответствии с Федеральным законом от 04.12.2007 № 329-ФЗ *«О физической культуре и спорте»* [1]:

* *Нарожная Диана Анатольевна*, кандидат социологических наук, ассистент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

- спорт высших достижений – часть спорта, направленная на достижение спортсменами высоких спортивных результатов на официальных всероссийских спортивных соревнованиях и официальных международных спортивных соревнованиях;
- профессиональный спорт – часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату;
- массовый спорт – часть спорта, направленная на физическое воспитание и физическое развитие граждан посредством проведения организованных и (или) самостоятельных занятий, а также участия в физкультурных мероприятиях и массовых спортивных мероприятиях.

Несмотря на различия в сущности данных форм спорта, государство использует их во взаимосвязи для наиболее эффективного влияния на формирование поведения своих граждан.

Основными социальными функциями спорта являются:

- оздоровительная – она проявляется в том, что занятия споротом положительно влияют на функциональные возможности организма, а также общее состояние здоровья человека;
- рекреационная – спорт позволяет нивелировать воздействие психологических нагрузок и снимает стресс;
- функция личностно-направленного воспитания, образования и развития. Спорт представляет большие возможности не только для физического и спортивного совершенствования, но и для нравственного, эстетического, интеллектуального и трудового воспитания. Через массовое распространение спортивных практик возможна трансляция различных ценностей. По сути, спорт является в некоторой степени отражением существующего в обществе уклада жизни. Так, если в обществе распространены насилие, жестокость, озлобленность, это же будет и в спорте. Если политики и бизнесмены в своей деятельности действуют деструктивно, используя в том числе и микрополитические тактики, в спорте будут процветать допинг, *«закулисные игры»* и подкупы.

Поскольку предметом данной статьи является массовый спорт, остановимся более подробно на содержании данного феномена.

Массовый спорт как социальное явление представляет собой *«социальный институт, ориентированный на создание общедоступной и демократической системы занятий физкультурно-спортивной деятельностью для укрепления здоровья, активного и полноценного досуга, повышения качества жизни»* [2, с. 1]. В отличие от спорта высших достижений и профессионального спорта, массовый спорт, включает в себя все те виды физической активности различных групп населения, которые направлены не на достижение высших спортивных результатов и получение материальных выгод, а на личностное развитие в соответствии с собственными целями и потребностями, а также на решение соци-

альных задач. Таким образом, массовый спорт является средством оздоровления населения, его психологического совершенствования, а также выступает как форма отдыха и восстановления работоспособности.

Массовый спорт позволяет человеку справиться с нежелательным воздействиям на организм современного производства и условий повседневной жизни, именно поэтому чрезвычайно важным для государства является создание условий для граждан для занятий массовым спортом. Всплеск интереса к массовому спорту и его возможностям воздействия на население со стороны государства произошел в начале XXI века. Начиная с 2000-х годов развитие массового спорта приобретает управляемый характер. Это связано с принятием ряда нормативных актов, например, стратегии демографического развития РФ [3], в которых поднимаются вопросы повышения уровня здоровья населения, в том числе, и путем вовлечения в занятия спортом.

Растущий интерес государства к массовому спорту нашел отражение также, например, в возрождении комплекса ГТО (Готов к труду и обороне) [4].

Таким образом, массовый спорт выступает как основа развития человеческого потенциала государства, являющегося определяющим фактором в условиях глобализации и международной конкуренции [5].

Уровень развития массового спорта является одним из составных показателей общего *«качества жизни»* населения. В соответствии с международными стандартами, высокий уровень реализации задач массового спорта связан со следующими показателями: территориальной и ценовой доступностью услуг массового спорта для всех категорий населения; гарантиями качества и безопасности спортивных сооружений и оборудования; гарантиями высокой квалификации профессиональных кадров организаций, предоставляющих спортивно-оздоровительные услуги [5]. В современной России уровень развития массового спорта пока только приближается к тому, чтобы удовлетворять международным критериям качества. Несмотря на это, стоит отметить, что основными тенденциями развития массового спорта в России, как и во всем мире является следующее: повышение роли государства в поддержке массового спорта; использование массового спорта для повышения общего уровня здоровья населения; использование массового спорта для нравственного, эстетического и интеллектуального развития населения.

В связи с важнейшей ролью массового спорта в вопросах поддержания физического и морального здоровья человека, не только государство заинтересовано в реализации политики по развитию данного явления. Бизнес, чье функционирование напрямую зависит от качества задействованных человеческих ресурсов, также активно включился в процесс использования предоставляемого массовым спортом социального потенциала.

Использование бизнесом массового спорта для воспроизводства человеческого капитала может принимать различные формы. Наиболее распространенными из них являются: производственная гимнастика; тимбилдинг в виде выездных спортивных мероприятий; предоставление работникам абонементов в фитнес-клубы; обустройство спортивных площадок на территории организаций.

Остановимся более подробно на каждой из этих форм.

Производственная гимнастика – это одна из форм массового спорта, которая довольно активно применяется в различных организациях для поддержания здоровья работников. Она представляет собой комплекс физических упражнений, совершаемых работником в процессе трудового дня. Ее широкое распространение связано, в том числе, с наследованием традиций СССР. Так, в период с 1961 по 1991 годы в радиоэфире практически всего Советского союза шло вещание передачи *«Производственная гимнастика»* [6]. Проведение физической разминки позволяло восстановить работоспособность в процессе труда, снизить утомление в том числе и за счет переключения деятельности.

Широкое распространение производственной гимнастики в современном постиндустриальном обществе обусловлено спецификой трудовой деятельности. Основой экономики постиндустриального общества является информация, в связи с этим большинство населения городов развитых и развивающихся стран, в том числе, и России, занято трудом, связанным с обработкой информации при помощи компьютерных технологий. Эта специфика обусловливает не только сидячий образ жизни современного работника, но и исключительные нагрузки на его зрение, а также психику и нервную систему. Все это обусловливает исключительную важность применения производственной гимнастики для своевременного снятия напряжения и предотвращения феномена *«выгорания»* на рабочем месте [7].

Набор упражнений, включаемых в комплекс производственной гимнастики в различных организациях, должен иметь свою специфику. Это связано с тем, что комплекс упражнений для производственной гимнастики составляется с учётом особенностей трудового процесса. Так, если работники организации ведут ярко выраженный сидячий образ жизни и при этом работают за компьютером, производственная гимнастика должна быть направлена на введение в рабочий процесс упражнений для разминки мышц спины и глаз.

Если работники трудятся на производстве, они будут подвергаться другим физическим нагрузкам, последствия которых также могут негативно сказываться на их здоровье и самочувствии. В связи с этим, комплекс упражнений производственной гимнастики для таких работников должен иметь свою специфику.

Таким образом, исключительная важность производственной гимнастики обусловлена тем, что она сохраняет здоровье и работоспособность сотрудника, снижает риск различных заболеваний, а также непосредственно влияет на производительность труда и тем самым на эффективность производства.

Тимбилдинг в виде выездных спортивных мероприятий. Тимбилдинг, или командообразование, представляет собой комплекс методов, направленных на повышение сплоченности коллектива, развитие командного духа.

Влияние социально-психологических факторов, в том числе и уровня сплоченности рабочей команды на уровень производительности труда была выявлена Э. Мэйо в ходе Хоторнских экспериментов 1927–1932 годов. Сама идея командных методов работы заимствована из мира спорта и стала активно внедряться в практику менеджмента в 60–70 годы XX века. В современных организациях потребности в деятельности команды обусловлены быстрыми переменами внешней

конкурентной среды, частыми различными структурными изменениями внутри организаций, появлением новых направлений работы, глобальных целей, необходимостью работать вместе над реальными заданиями, необходимостью повышения уровня согласованности, доверия и взаимопомощи между сотрудниками.

Безусловно, методы тимбилдинга будут различными в зависимости от тех целей, которые ставит руководство и от ситуации, в которой находится организация. Однако, представляется, что применение именно спортивных мероприятий для построения эффективной команды представляется одним из наиболее перспективных направлений тимбилдинга в современных организациях, что связано с особыми социальными функциями спорта, о которых было сказано выше.

Выделяют около пяти основных направлений деятельности работников и организации, в которые тимбилдинг в виде спортивных мероприятий привносит существенный вклад [8, с. 4–5].

1. Улучшение коммуникаций команды:
   - появление знаний о командообразовании;
   - развитие неформальных связей, как внутри команды, так и с клиентами, партнерами.
2. Ролевое распределение:
   - осмысление участниками своих полномочий и обязанностей;
   - развитие навыков принятия ответственности;
   - развитие лидерских качеств.
3. Самооценка:
   - рост уверенности в себе благодаря успехам;
   - принятие информации о своих особенностях взаимодействия и о себе самом;
   - получение информации о своих положительных и отрицательных особенностях взаимодействия в команде.
4. Внутренние резервы:
   - в силу необыкновенных условий возможно возникновение скрытых возможностей, изменение мнения о коллегах;
   - развитие навыков нестандартного принятия решений;
   - развитие навыков принятия правильных решений в стрессовых и тяжелых ситуаций;
   - развитие умения идти на оправданный риск.
5. Повышение эффективности:
   - улучшение производительности труда;
   - развитие осознания каждого сотрудника членом одной единой команды.

Предоставление работникам абонементов в фитнес-клубы. Еще одной формой внедрения массового спорта организациями в жизнь своих работников с целью повышения производительности труда является реализация программ по сотрудничеству с фитнес-клубами.

Широкое распространение фитнеса явилось отражением как изменившихся особенностей общества, так и потребностей представителя современного социума в двигательной активности, его стремления к здоровью и благополучию [9, с. 183].

Фитнес –*«целенаправленный процесс оздоровления, основанный на добровольности выбора двигательной активности, для поддержания, укрепления и сохранения здоровья* (*физического, социального, духовного*), *для снижения риска заболеваний и их профилактики, для приобщения к здоровому образу жизни с целью личной успешности и физического благополучия на фоне привлекательности занятий и получения удовольствия от них»* [9, с. 187].

К фитнесу относятся различные физические упражнения, современные виды двигательной деятельности, авторские оздоровительные методики и программы, инновационные технологии, целью которых является оздоровление, а главным принципом – *«нагрузка ради здоровья»*.

В связи с широким распространением моды на здоровый образ жизни в современном обществе, многие организации приступили ко внедрению различных методик *«мотивации спортом»* своих сотрудников. В рамках системы нематериальной мотивации абонементы в фитнес-клуб могут предоставляться работникам как элементы социального пакета с полной или частичной оплатой стоимости.

Преимущество такого метода мотивации очевидно как для работника, так и для работодателя. Работник может поддерживать себя в хорошей физической форме без особых материальных затрат со своей стороны, при этом работодатель получает лояльного работника, заинтересованного в том, чтобы эффективно трудиться на своем рабочем месте для того, чтобы сохранить имеющуюся привилегию. Помимо этого, как было сказано выше, физическое и моральное состояние работника находятся на высоком уровне, что позволяет ему продуктивно работать.

Некоторые организации идут дальше. Так, например, компания *«Крок»,* кроме традиционных занятий в фитнес-клубе, оплачивает половину стоимости сезонного абонемента любителям лыж и сноуборда. Или, например, по инициативе сотрудников-сёрфингистов и яхстменов компания приобрела абонемент в речной клуб [10].

Обустройство спортивных площадок на территории организаций. Использование массового спорта для поддержания здоровья работников может выражаться также в создании благоприятных условий для занятий спортом на территории самой организации.

Многие организации создают на своей территории стадионы, обустраивают тренажерные площадки на свежем воздухе или тренажерные залы. Все это способствует тому, что спорт становится более доступным для работников, и,

как следствие, более привлекательным. Доступность спортивных площадок позволяет работникам включать спортивные практики в свою повседневную жизнь более активно.

Подводя итог рассмотрению проблемы внедрения массового спорта в жизнь граждан, стоит отметить, что в данном процессе существует внешний импульс для создания инновационных оздоровительных технологий, который представляет собой потребность современного общества в красивых и здоровых людях. В соответствии с этим, проблемы развития массового спорта в России должны решаться по всем направлениям – и в материальном, и в методическом плане. Без комплексного подхода нельзя рассчитывать на положительную динамику развития массового спорта.

Список литературы

[1] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ *«О физической культуре и спорте»* – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 09.06.2016).

[2] *Кузнецов П.К.* Массовый спорт в современной России: социальные факторы воспроизводства и развития. Дис...канд. соц. наук. Спб., 2013.

[3] Стратегия демографического развития России http://www.isprras.ru/pics/File/books/Demographyc%20strategy%20of%20Russia.pdf (дата обращения: 09.06.2016).

[4] Путин подписал закон о возрождении комплекса ГТО // Forbes.ru – http://www.forbes.ru/news/302121-putin-podpisal-zakon-o-vozrozhdenii-kompleksa-gto (дата обращения: 09.06.2016).

[5] *Курамшина К.С.* Ситуация в области массового спорта промышленного региона сквозь призму социологии // Вестник Казанского технологического университета. 2011. №24. С. 133–138.

[6] Время паузы // Музей СССР *«20 век»* – http://20th.su/2014/07/22/vremya-pauzy/ (дата обращения: 09.06.2016).

[7] *Rothlin P.*, *Werder P.R.* Boreout!: overcoming workplace demotivation. London: Kogan Page Ltd., 2008.

[8] *Шкляр Т.Л.*, *Агапкин А.О.* Тимбилдинг и его влияние на производительность труда // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. №37.

[9] *Сайкина Е.Г.* Фитнес в системе физической культуры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №68. С. 182–190.

[10] 5 способов нестандартной мотивации // Профессионалы.ru – http://professionali.ru/Soobschestva/tsentr-razvitiya-karjery/5-sposobov-nestandartnoj-motivatsii/ (дата обращения: 09.06.2016).

КАРЬЕРНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Тихенький В.Г *
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу важнейших аспектов карьерного консультирования и коучинга, выступающих в качестве актуальных, полезных инструментов развития человеческого капитала в современных условиях. Рассматривается широкий спектр функций, реализуемых карьерным консультированием. Автором выделяются характерные и наиболее опасные ошибки, допускаемые на этом непростом пути.*

Можно во многом согласиться с позицией видного исследователя многообразной проблематики управления карьерой С.И. Сотниковой, которая подчеркивает: *«Профессиональная карьера – это процесс накопления человеческого капитала, который происходит на протяжении всей трудовой жизни работника»* [7, с.9]. На наш взгляд, несмотря на некоторую очевидную узость, в этой позиции содержится принципиальнейший аспект – трактовка профессиональной карьеры через призму наращивания сердцевины человеческого капитала – знаний, навыков, компетенций, обеспечивающих усиление статуса личности в качестве профессионала.

В роли важного инструмента развития человеческого капитала может выступать карьерное консультирование, которое должно осуществляться опытными, квалифицированными специалистами в области развития карьеры. Карьерное консультирование в идеале должно быть встроено в общую систему управления карьерой сотрудников организации, чтобы обеспечить гармонию между интересами организации и работника, предотвращая недопонимание, неоправданные надежды, фрустрации и т.п. негативные явления. В процессе четко продуманного карьерного консультирования необходимо оказать клиенту специализированную помощь в сфере принятия решений относительно карьерного развития, однако ответственность за принятие этих решений всегда должна быть закреплена за самим клиентом.

На основе анализа разнообразных источников, можно выделить следующие функции карьерного консультирования (несомненно, их перечень может меняться в зависимости от трактовки сущности карьерного консультирования, конкретного диапазона задач, стоящих перед консультантом, а также от того контекста, в котором осуществляется консультирование, в том числе и от кадровой политики конкретной организации, если консультирование встроено в систему социального развития персонала):

* *Тихенький Владимир Георгиевич*, кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

1) управление специальным человеческим капиталом клиента;
2) обеспечение анализа и диагноза карьерных проблем;
3) определение характерного для клиента типа, а также модели построения карьеры;
4) выявление сложившейся системы ценностей клиента и места (ранга) в ней карьеры;
5) профилактика стрессов, конфликтов и эмоционального выгорания;
6) формирование карьерных планов, адекватных ценностям, ресурсам и перспективам развития как клиента, так и организации, в которой планируется достижение карьерный целей;
7) определение барьеров, препятствующих достижению целей и эффективных методов их преодоления;
8) раскрытие личного и профессионального потенциала клиента;
9) побуждение клиента к самостоятельному решению тех проблем, которые возникнут на будущем карьерном пути.
10) преодоление сомнений в ограниченности жизненных горизонтов.

Характерные этапы работы карьерного консультанта представлены на рисунке 1. В зависимости от конкретной ситуации и пожеланий клиента, количество этапов может варьироваться.

В процессе карьерного консультирования необходимо решить ряд задач. В первую очередь, специалистом осуществляется диагностика той ситуации, которая оценивается клиентом как проблема. Например, это может быть поражение в изнурительной борьбе за руководящий пост, который клиент длительное время пытался занять, тогда как в итоге на это место был назначен его конкурент.

В ходе диагностики карьерной ситуации с помощью тщательно подобранных видов собеседования, а также подобающего тестирования и иных дополнительных методов выявляется подлинная, а не декларируемая на словах иерархия ценностей, которая характерна для клиента. Опытный консультант должен принимать во внимание психологические особенности клиентов, ведущие их (клиентов) к самообману, к нежеланию признавать фактические приоритеты в расстановке своих ценностей.

Искусство карьерного консультирования заключается в умении своевременно распознать используемые клиентом приемы психологической самозащиты (например, пресловутую рационализацию) и помочь такому клиенту выйти из плена заблуждений и адекватно понять свою систему ценностей. Например, в результате диагностики клиент может придти к неприятному выводу о том, что он прилагал усилия в неверном направлении, тогда как необходимо было сосредоточиться на решении тех проблем, которые имеют первостепенное значение, но при этом напрямую не связаны с достижением карьерных высот (лечение, усиление внимания к семейным отношениям и т.д.). Результатом консультационных сессий при этом может стать преодоление клиентом фрустрации и решение об отказе от борьбы за ту должность, которая изначально

представлялась стратегической целью развития карьеры, а также подготовка и обсуждение дальнейшего плана действий в области карьеры.

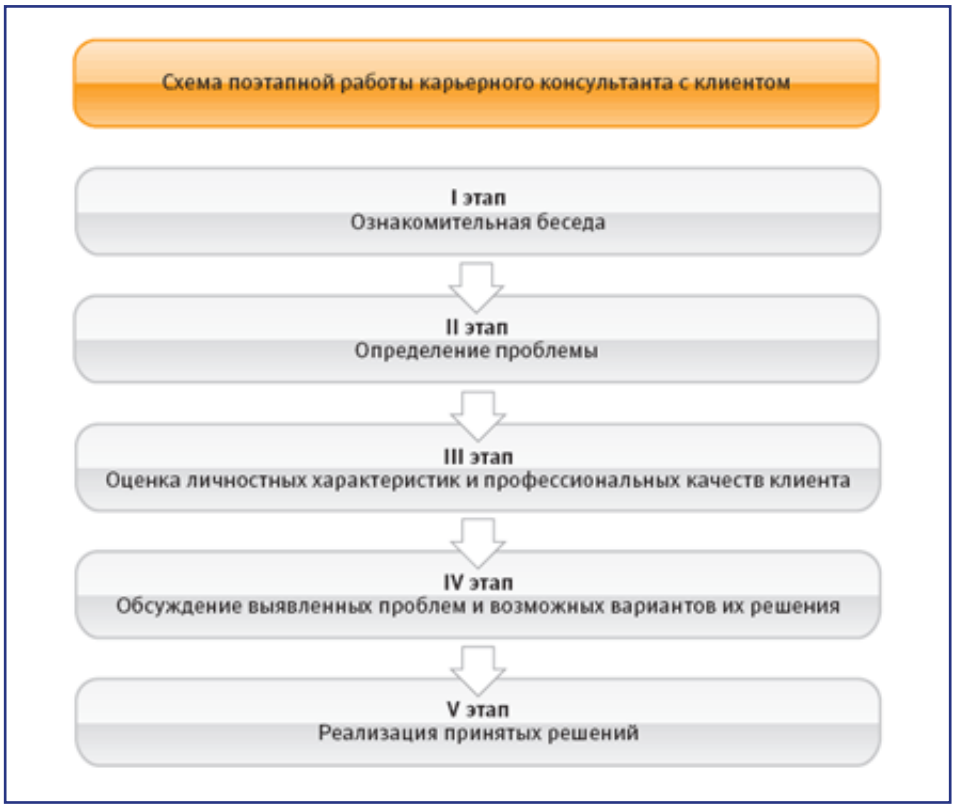


Рис. 1. Схема поэтапной работы карьерного консультанта по Л. Чернышевой [1]

Весьма перспективной разновидностью карьерного консультирования выступает карьерный коучинг. Так, В.Е. Максимов, подчёркивая высокую практическую ценность коучинга в целом, констатирует: *«По данным исследования Manchester Inc., организации, инвестирующие в коучинг для своих топ-менеджеров, получили почти шестикратную прибыль. Во-первых, это объясняется тем, что коучинг сосредотачивает людей на выполнении дел, которые увеличивают прибыль организации. Во-вторых, он дает компании-клиенту «капитал»* самомотивации и ответственности персонала, которые максимизируют продуктивность и эффективность организации, что опять же ведет к увеличению прибыли» [2, с.13].

В знаменитом труде Дж. Уитмора *«Коучинг высокой эффективности»* приводится следующая трактовка коучинга: *«...это раскрытие потенциала человека с целью максимального повышения его эффективности. Коучинг не учит, а помогает учиться»* [3, с.17]. И.В. Рыбкин дополняет, расширяет указанную трактовку: *«С нашей точки зрения, коучинг – это система реализации профессионального и личностного потенциала, основанная на идеологии успешности и персональной ответственности за достижение Успеха в Жизни»* [4, с.9]. При этом данный исследователь усматривает принципиальное различие между консультированием и коучингом прежде все в том, что последний выходит далеко за рамки конкретной ситуации, стремясь к глобальному изменению мировоззрения клиента с целью достижения им максимального личного и профессионального успеха. По сути данный подход предполагает решение карьерных проблем не самих по себе, а на системной основе, т.е. в увязке с более глобальным и глубинным пониманием успешности человеческой личности. Указанный подход,

безусловно, весьма привлекателен, поскольку рассматривает человека в единстве всех его проявлений.

Вместе с тем, подобно тому, как существуют специализированные коучи (тренеры) в конкретных видах спорта, представляется обоснованным выделение и коучинга в сфере управления карьерой. При этом, несомненно, о прямой аналогии со спортом речь не идёт. Уместно в этой связи привести цитату из отечественной работы *«Коучинг: успех после успеха»*: *«Тренер обычно занимается со спортсменами. Сколько ни говорят сегодня о психологических тренингах, а всё равно при слове «тренер»* привычно вспоминается кто-то в умопомрачительном спортивном костюме, в кроссовках и со свистком. Обычно при помощи свистка и кратких энергичных выражений этот человек добивается, чтобы движения тела его подопечных были отработаны до профессионального автоматизма.

Коучинг же направлен, во-первых, не на тело человека, а на его душу. Во-вторых, его задача – вовсе не формирование каких-то автоматических движений души. Всё как раз наоборот: мастер коучинга прилагает все усилия, чтобы человек отучился мыслить и действовать автоматически.» [6, с.6]. Особенность подхода авторов данной книги состоит в том, что коучинг трактуется ими с сужением социальных групп, а именно в качестве инструмента развития только успешных личностей, что и отражено в её (книги) названии. Авторы обосновывают тезис о том, что люди, добившиеся успеха, обязательно должны использовать коучинг для решения ряда задач, среди которых важнейшая – открытие новых горизонтов самореализации, дальнейших перспектив роста. На наш взгляд, такой элитаризм все же способствует ограничению развития творческой энергии широких народных масс, что создает определенную угрозу для развития совокупного человеческого капитала нашей страны в нынешних весьма непростых экономических условиях. Нельзя отсекать от возможности участия в коучинге тех, кто на определенном этапе жизненного пути оказался неуспешен по таким критериям, как должность, уровень дохода, капитал. Как показывает исторический опыт, Россия, вне всякого сомнения, обладает громадным творческим потенциалом, коренящимся в талантах личностей из самых разных социальных групп.

Обращает на себя внимание, что в качестве ведущего принципа в теории коучинга, навеянной западными истоками, считается следующий: в центре коучинга должны быть интересы клиента. Как подчеркивают авторы книги *«Коактивный коучинг»*, *«Желания и побуждения клиента являются предметом работы коуча. Отношения между коучем и клиентом направлены исключительно на решение задач клиента...»* [5, с. 7]. Данный тезис иллюстрируется этими авторами схемой, показанной на рис. 2. Вместе с тем, на наш взгляд, коуч в любой ситуации должен сознавать, что ни один клиент не является социальным *«атомом»* и абсолютный индивидуализм даже теоретически невозможен – человек ни в коем случае не может рассматриваться в качестве некоего изолированного элемента в социальном (и, в частности, карьерном) пространстве. Это, безусловно, касается даже тех национальных культур, которые по устоявшейся традиции, принято называть индивидуалистическими. Иллюзия абсолютного индивидуализма должна быть осознана и преодолена прежде всего самим коучем, если она у него сформировалась.

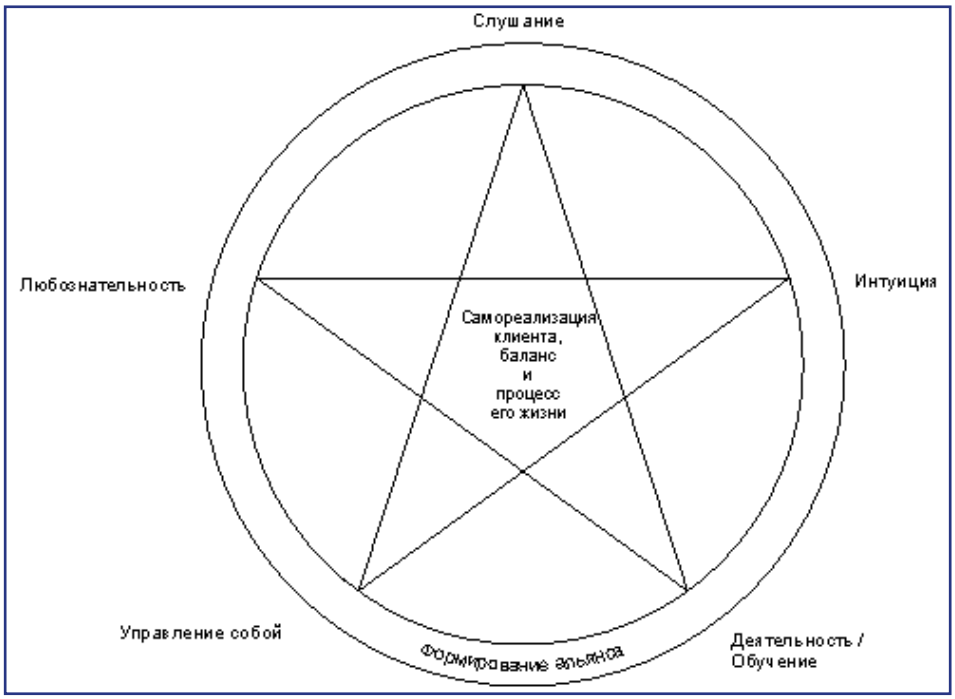


Рис. 2. Модель коактивного коучинга [5, с. 7]

Вкладом социально ориентированного карьерного коучинга в развитие человеческого капитала можно рассматривать такие аспекты, как:

- активизация дремлющего, задавленного под грузом обыденности потенциала развития личности на благо общества, а не узких группировок;
- направление пробудившейся энергии в конструктивное, т.е. созидательное, полезное для общества русло;
- приобретение и закрепление полезных знаний о своих стереотипах и привычках, мешающих максимизации общественно значимых достижений;
- освобождение от балластных моделей поведения, являющихся следствием вышеозначенных стереотипов;
- готовность и мотивация к приобретению новых, доселе не изведанных компетенций, обогащающих наличный человеческий капитал;
- обретение веры в расширение горизонтов карьерной самореализации в том случае, если карьерное развитие представляет для клиента высокую значимость;
- отказ от ненужной борьбы за миражные карьерные перспективы, входящие в противоречие с подлинной, нефантомной системой ценностей клиента.

Реализуя программу карьерного коучинга, необходимо учитывать те ошибки, которые, как показывает опыт, совершаются теми или иными коучами:

- пессимизм относительно возможного прогресса в развитии человеческого капитала клиента.
- неумение создать атмосферу доверия, столь необходимую для ругулярных, четко налаженных сессий коучинга
- неспособность понять всю специфику проблемы клиента, попытка целиком спроецировать собственную схему карьеры на карьерную модель клиента, игнорирование палитры её *«портрета»*;

- попытка чрезмерного вмешательства в тонкости личной жизни клиента, т.е. неоправданное любопытство, не ограниченное рамками этикета, такта;
- аберрации восприятия речи клиента – в силу прочных психологических фильтров коуч слышит только то, что хочет слышать.
- стремление навязать клиенту поспешное, плохо продуманное решение, основанное на слепой вере коуча в свою интуицию или иные иррациональные основания;
- желание испытывать чувство превосходства над *«несовершенным»* клиентом и, как следствие, вольное или невольное воспрепятствование наращиванию им человеческого и социального капитала;
- логическим продолжением вышеупомянутой проблемы может выступать и попытка наделенного комплексом неполноценности коуча самоутвердиться за счет *«несчастного»* клиента, молящего о помощи всезнающего, умудренного опытом и снисходительного *«гуру»*;
- зацикливание коуча на определенных малоприятных. вызывающих эмоциональное отторжение особенностях характера клиента, в том числе в связи с ассоциациями с похожими (даже чисто внешне, а не характерологически) личностями из детского (например, школьного периода) жизни;
- доносительство, т.е. использование откровений клиента для информирования вышестоящих лиц в надежде укрепить собственный статус;
- психологическое, финансовое или иное давление на клиента.

В качестве профилактики подобных ошибок коуч (и влияющие на него лица и институты), мотивированный на реальную помощь клиенту, должен регулярно осуществлять критический анализ своей работы, никогда не идеализируя свою самооценку.

В завершение необходимо подчеркнуть, что карьерное консультирование и карьерный коучинг ещё должны раскрыть свой потенциал в непростых, противоречивых российских условиях. Важнейшее условие успеха – готовность субъектов власти и самих граждан к принятию такого инструмента развития человеческого капитала.

Список литературы

[1] *Чернышева Л.* Кому поможет карьерное консультирование – http://www.audit-it.ru/articles/personnel/a112/193403.html (дата обращения: 05.04. 2016).

[2] *Максимов В.Е.* Коучинг от А до Я. Возможно все. – СПб., 2004.

[3] *Уитмор Дж.* Коучинг высокой эффективности. – М., 2005.

[4] *Рыбкин И.В.* Коучинг социального успеха. – М., 2005.

[5] *Уитворт Л., Кимси-Хаус Г., Сэндал Ф.* Коактивный коучинг. – М., 2004.

[6] *Перцев А.В.*, *Карнаух И.И.* Коучинг: успех после успеха. – Екатеринбург, 2005.

[7] *Сотникова С.И.* Управление карьерой. – М., 2005.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ МИГРАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Седлов А.П.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье показано, что рост населения «Юга» на фоне снижения рождаемости и старения населения «Севера» является причиной неконтролируемого движения населения из бедных стран в богатые и адекватной смены миграционной парадигмы, основанной на либеральных принципах, на модель консервативных методов регулирования. В работе подчеркнута позитивная сущность миграции населения, дан сравнительный анализ России, стран СНГ и ЕС по показателям численности и миграции населения, человеческого капитала иммиграции в Россию, практики регулирования движения человеческих ресурсов в рамках развитых стран и международных союзов. В заключении даны прогнозы миграции населения и обоснованы принципы селективного отбора в рамках новой миграционной парадигмы.*

1. Смена миграционной парадигмы. Схема, модель повторяющихся событий, алгоритмов движения населения в течение рассматриваемого исторического периода представляет миграционную парадигму. Если конец XX века был отмечен относительно устойчивым ростом мировой экономики, рубеж и нулевые годы миллениума характеризовались относительно стабильными социально-экономическими показателями, то второе десятилетие XXI столетия отмечено усилением неравномерного экономического развития стран, изменением сложившейся геополитической расстановки сил по линии *«Восток-Запад»*, сменой политических режимов в странах Ближнего Востока и Северной Африки, политической конфронтацией по линии *«Юг-Север»*. Отмеченные радикальные политические изменения повлекли за собой соответствующие перемены миграционной парадигмы. При этом следует признать, что не зависимо от социально-экономического фона вектор миграционного движения всегда направлен из бедных стран в богатые.

Кризисные явления в мировой экономике, начало гиперроста населения в странах Азии и Африки на фоне снижения естественного прироста и старения населения в странах Севера создают объективные причины движения перенаселенного Юга в северном направлении. В ответ на вызовы современности северный альянс, включая Россию начинает вырабатывать адекватные принципы политических решений – происходит смена миграционной парадигмы

* *Седлов Алексей Павлович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Экономики РАН.

в направлении от либеральных принципов и преференций, характерной для периода устойчивого роста и конкурентной борьбы за мигрантов, к консервативным методам регулирования миграции и политике протекционизма, адекватной условиям кризисного развития экономики и ограничения движения населения.

Отмеченные радикальные политические перемены влекут за собой соответствующие перемены на социально-экономическом пространстве, где прекращают действие одни и возникают другие Союзы. Объединения, международные организации. Из ныне действующих территориальных сообществ наиболее продвинутую форму взаимодействия в отношении эффективного использования ресурсов демонстрирует Европейский союз (ЕС), где вопросы сотрудничества между странами – участниками решаются на основе устранения таможенных барьеров, обеспечения свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Существуют и другие примеры консолидации материальных, финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов (АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР и др.), которая дает возможность лучше использовать природный, производственный и человеческий потенциал. В рамках этих союзов действуют законодательные нормы, стандарты и институты, обеспечивающие формирование и функционирование общих для каждой данной системы рынков труда правил и действий, направленных на снятие ограничений на перемещение и социальную защиту рабочей силы внутри образования и выработку разрешительных или протекционистских мер и законов в отношении иммиграционных потоков из третьих стран.

Рынок труда постсоциалистических стан – членов Содружества независимых государств (СНГ) является довольно обособленной составляющей мирового рынка труда, представляя совокупность региональных рынков стран, которые некогда входили в состав достаточно развитого рынка труда, товаров и услуг бывшего СССР. Однако, за прошедшие с момента распада Союза более чем три десятилетия странам-членам СНГ не удалось составить достойную конкуренцию странам запада и полноценно интегрироваться в мировую и европейскую экономику. В современных реалиях, на мировых рынках инвестиций, высоких технологий, инноваций, страны Содружества значительно отстают от развитых промышленных стран. Трудовой потенциал стран СНГ, не только по численности, но и с позиций нерациональной структуры занятости и качества трудовых ресурсов, значительно уступает странам Европейского Союза, а рабочая сила из стран Содружества, как и прежде, не занимает заметных мест на мировом рынке квалифицированного труда.

Анализируя движение населения стран СНГ и ЕС следует констатировать демографическую стагнацию и обозначить главное ее следствие – старение населения *«Севера»* и практически безальтернативное замещение выбывающего контингента рабочей силы выходцами из стран *«Юга»* [1, с. 194] Соотношение численности населения стран СНГ и стран ЕС-28 в 2014 г. составило – 283,0 млн. человек в странах Содружества, и соответственно 506,9 млн. человек в странах Союза, т.е. численность населения стран СНГ составляет около 56% от соответствующего показателя по странам ЕС. Учитывая незначительные различия удельных показателей экономической активности населения, можно

констатировать примерно двукратное различие численных значений человеческого капитала сравниваемых территориальных союзов.

Сопоставимые темпы роста населения стран СНГ и ЕС за период 2005–2014 гг. , соответственно 102,9% и 102,7%, достигнуты за счет разных источников. Так, рост численности населения СНГ обеспечен, в основном, увеличением рождаемости, а ЕС – преимущественно ростом внешней миграции. Анализ источников роста населения стран СНГ и ЕС, дает основание отметить общий тренд роста населения Европы за счет увеличения рождаемости в мусульманских странах и движения населения по вектору *«Юг – Север»*. На этом фоне следует отметить незначительные миграционные потоки населения между странами Содружества и Союза, что является свидетельством традиционно слабой интеграции Востока и Запада.

По демографическому типу страны Содружества можно разделить на две основные группы. К группе стран с высокой рождаемостью и ростом численности населения относятся государства-члены Содружества, находящиеся в Средней Азии. Так, в период 2005–2014 г.г. численность населения увеличилась от 113,7% в Кыргызстане до 122,4% в Таджикистане. Если иметь ввиду отрицательное миграционное сальдо населения в этих странах, что свидетельствует об оттоке населения, то высокая рождаемость является источником роста численности постоянного населения не только самих среднеазиатских, но и более развитых в экономическом отношении европейских стран Содружества.

Ко второму типу демографического развития относятся государства-члены СНГ с устойчивой тенденцией сокращения естественного прироста и численности населения (Россия, Белоруссия, Украина). В России в 2014 г. по отношению к 2005 г. индекс снижения определен значением показателя 99,9%, в Украине 96,0% и в Белоруссии соответственно 97,9% [2, с. 73]. Эти страны СНГ, как и ранее большинство стран ЕС, закончили так называемый демографический переход, для которого характерно существенное снижение численности постоянного населения за счет низкого и продолжающего снижаться показателя рождаемости. Однако, эти территории имеют положительное миграционное сальдо за счет своеобразного амортизатора – притока населения из бедных стран мусульманского *«Юга»*. Эта схема, модель, алгоритм и является главным содержанием новой миграционной парадигмы.[3, с. 41].

Начавшееся массовое движение населения из бедных стран в богатые европейские страны по классическому направлению *«Юг-Север»*, в недалеком будущем, не исключает возможность эскалации этих процессов в России.

2. Иммигранты и человеческий капитал. Необходимо отметить, что иностранные граждане, в т.ч. (и в первую очередь) трудовые иммигранты, являются носителями человеческого капитала как совокупности знаний, умений, опыта, трудовых и социальных установок, культурных ценностей, которые непременно присутствуют в социальных отношениях, но главное могут быть проданы на рынке труда. Иммиграционный человеческий капитал участвует в создании ВВП, национального дохода, вместе с резидентами оказывает непосредственное влияние на уровень и качество жизни в стране пребывания. Чем больше в стране иммигрантов, выше качество их человеческого капитала, тем больше создается продуктов, выше качество произведенных товаров, оказанных услуг.

По данным ООН в настоящее время 244 млн. человек являются перемещенными лицами или внешними мигрантами, что составляет 3,5% от численности населения Земли, которая на середину 2016 г. насчитывает около 7 миллиардов человек. Страновые различия в уровне и динамике показателей миграции, в основном соответствуют уровню экономического развития государств и территорий, в пределах которых происходит движение населения. Большинство авторов отмечают позитивную сущность этого процесса, который является индикатором социально-экономического благосостояния общества или *«своего рода способом голосования ногами»* [4, с.17].

По данным ООН наибольшее количество мигрантов насчитывается в США – 47 млн. человек. Россия и Германия делят в этом рейтинге 2–3 место – около 12 млн. иммигрантов насчитывается в этих странах. Однако по удельным показателям внешней иммиграции Россия отстает от развитых стран. Так, в 2015 году в России удельный вес иммиграции в численности всего населения составил 8,5%. При этом в Великобритании, Германии, Франции, Нидерландах показатель составил около 12%, США 15%, Австрии, Швеции 16%, Швейцарии 29% и Люксембурге 43% населения страны.

Еще больший разрыв России и развитых стран отмечен по показателям внутренней миграции. Например, в США эта цифра составляет около 15% населения, в России соответственно 1–2%. Так, если средний американец в течении жизни более 10 раз меняет место жительства и работы, в Западной Европе на одного гражданина соответственно приходится несколько различных мест проживания, то в России показатель частоты смены места жительства в течении жизни составляет чуть более одного раза. Слабая мобильность рабочей силы внутри страны является одним из главных препятствий социально-экономического развития России, сопровождает стагнацию экономики, свидетельствует о неэластичности рынка труда, сигнализирует о вялых инновациях и неспособности к диверсификации производства и труда.

Мигранты реализуют свой человеческий капитал на рынке труда, который делится на квалифицированный и неквалифицированный. Россию захлестнули потоки избыточной внешней трудовой миграции из стран ближнего зарубежья. Трудовые мигранты из стран Содружества, в большинстве своем представляют неквалифицированную рабочую силу, как правило, не обладают в необходимых объемах знанием русского языка, профессиональными навыками и опытом для работы в обрабатывающих отраслях промышленности, занимают рабочие места, не имеющие тесной связи с рынком труда. Иными словами человеческий капитал трудовой иммиграции в Россию в большинстве своем не соответствует требованиям квалифицированного труда и решению задач инновационного развития российской экономики. Сохранение высокой рождаемости при снижении смертности в мусульманских странах, граничащих с Россией, порождает алгоритм движения населения на Север. При этом, мигрирует как правило, наиболее мобильная часть трудоспособного населения. Такая парадигма генерирует расширенное воспроизводство бедности в странах юга и новые потоки мигрантов на Север, прежде всего в Россию.

Наглядная иллюстрация качества человеческого капитала российской иммиграции по официальным данным Федеральной миграционной службы (ФМС) представлена в Табл.1. Анализ проведен по группам из 18 стран, имеющим наибольшее представительство нерезидентов в РФ.

Таблица 1.

Численность иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации (по состоянию на 27 августа 2015 г.), чел.

Страны (гражданство)	Численность,чел.	В % к итогу
Казахстан	693793	6,6
Беларусь	607050	5,8
Армения	529817	5,1
Киргизия	513917	4,9
Страны,входящие в ЕАЭС	**2344577**	**22,4**
Украина	2559043	24,5
Узбекистан	2095234	20,1
Таджикистан	978940	9,4
Азербайджан	542052	5,2
Молдова	522572	5
Страны, входящие в СНГ	**9042418**	**86,6**
Остальные страны	**1401637**	**13,4**
Из них:		
Китай	263052	2,5
Турция	91356	0,9
Вьетнам	47878	0,5
В том числе:		
Германия	173316	1,6
США	88081	0,8
Великобритания	66178	0,6
Финляндия	48351	0,5
Италия	42779	0,4
Франция	42718	0,4
Итого по всем странам	**10444055**	**100**

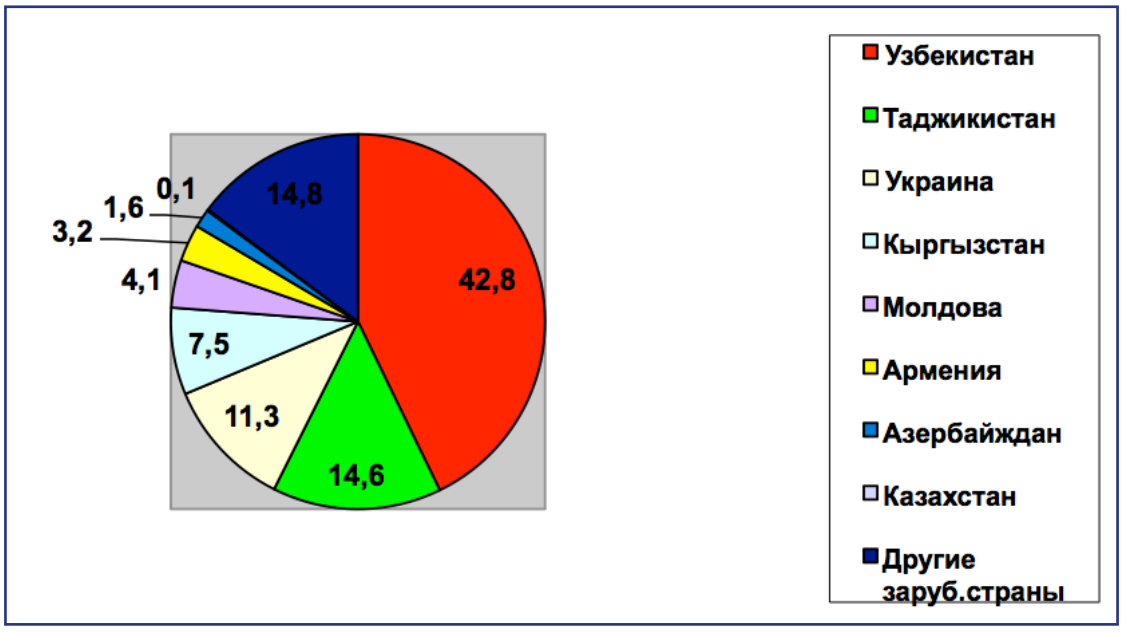
Источник: Рассчитано на основе данных официального сайта ФМС *«Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 27 августа 2015 г.)»* http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/ (дата обращения: 01.03.2016).

Данные в таблице 1 приведены в порядке убывания численности. В общем рейтинге численности нерезидентов на территории РФ несомненными лидерами в страновом разрезе являются Украина – 2 млн. 559 тыс. человек и Узбекистан – 2 млн.195 тыс. человек, что в первую очередь созвучно численности

населения в самих странах-исхода граничащих с Россией – соответственно около 50 и около 20 млн. человек. Чуть менее 1 млн. человек измеряется вклад Таджикистана в миграционную составляющую России. Далее в порядке убывания в рейтинге численности нерезидентов следуют Казахстан (около 700 тыс. человек) и Белоруссия (около 600 тыс. человек), 6–9 места занимают Азербайджан, Армения, Молдова и Киргизия, которые в сумме представлены более 500 тысячным контингентом нерезидентов. Выходцы из стран СНГ, или как принято говорить из стран ближнего зарубежья, представляют подавляющее большинство человеческого капитала иностранцев, находящихся в России – более 9 млн. человек или 86,6% нерезидентов из всех стран, численность которых по данным ФМС на 27 августа 2015 г. составила почти 10,5 млн. человек. Среди отраслевых приоритетов занятых легально и работающих без оформления трудового договора иностранцев из стран ближнего зарубежья отмечены строительство, торговля, сфера обслуживания, транспорт, коммунальное хозяйство. Территориальными предпочтениями трудовых иммигрантов из СНГ пользуются Центральный Административный округ и города европейской части РФ. В начале 2010-х гг., отмеченных пиковыми значениями иммиграции на территорию России из стран СНГ, имела место тенденция снижения доли мигрантов в отраслях реального сектора экономики и работающих в Сибири, на Дальнем востоке, Крайнем Севере. Значительная часть прибывающих из стран ближнего зарубежья находится на нелегальном положении, занята в криминальном бизнесе, часть не работает. Наглядная иллюстрация страновых пропорций трудовой иммиграции в Россию представлена в Диаграмме 1 [5, с. 47].

Диаграмма 1.

Доля иностранных работников, прибывших в Россию из стран СНГ и других стран мира в 2013 г.(*в % к общей численности*)



Источник: *Рассчитано: Статистика СНГ. Статистический бюллетень 10* (*541*) *2014. С.47.*

Вместе с тем, тренд *«трудовая иммиграция из стран СНГ – низкая квалификация работников в примитивной экономике»* не так однозначен и нуждается в неко-

торых комментариях. Анализ представленных ФМС сведений в отношении иностранных граждан находящихся на территории РФ в половозрастном разрезе показывает, что среди нерезидентов из стран ближнего зарубежья преобладают представители возрастных категорий до 39 лет. Наиболее значима доля самой мобильной возрастной категории – молодежи в возрасте от 18 до 29 лет в составе прибывших в РФ из Киргизии, Узбекистана и Таджикистана – почти 47% всех нерезидентов (см.Таблицу 1). Традиционно трудовые мигранты из бедных стран имеют сильную мотивацию к труду, в меньшей степени чем россияне озабочены получением дальнейшего образования, созданием семьи, развлечениями и отдыхом, готовы дольше трудится за низкую заработную плату. Социологические исследования, проводимые в последнее время показывают, что нередко молодые мигранты из этих стран, в отличие от представителей более старших возрастных категорий сограждан приехавших в Россию на заработки, хорошо владеют русским языком, компьютерами и гаджетами, имеют среднее и высшее образование, базовую квалификацию, позволяющую занимать рабочие места в современных предприятиях торговли, общественного питания, пищевой промышленности. Порядка 10% прибываюших в Россию из стран ближнего зарубежья составляют конкуренцию россиянам в таких отраслях как образование, здравоохранение, культура, связь и телекоммуникации.

Иная картина складывается в среде граждан развитых капиталистических стран, находящихся в России, где более половины иностранцев представляют нерезидентов в возрасте от 50 лет и старше. В сфере занятости, как правило, это высококвалифицированные специалисты, руководители предприятий, акционеры или члены правления компаний. Доля этих возрастных категорий иностранцев в России из Германии и Финляндии превышает 50%, а из Великобритании и США 64%.

В рейтинге численности нерезидентов из других стран в РФ первые места занимают Китай (263 тыс.) и Германия (173 тыс. чел.). Менее 100 тыс. чел. 27 августа 2015 года на территории России находилось (в порядке убывания) граждан Турции, США, Великобритании,Финляндии и Вьетнама. Остальные государства представлены численностью менее 50 тыс. чел.

С позиций характеристики качества человеческого капитала иммиграции в России, представляет интерес анализ соотношений стран по представленным в таблице 1 группировкам. Так, из 864 млн. чел. из других стран, почти половину, представили Китай, Вьетнам и Турцию, которые большинством также не позиционируются в отраслях и на рабочих местах, определяющих технологический прогресс и инновационное развитие экономики. Разумеется, число работающих на легальной основе иностранцев в кратных величинах меньше общего нерезидентов, находящихся на территории России, а страна происхождения не является 100 процентной гарантией занятости в секторе квалифицированного труда. Не претендуя на детальный сопоставительный анализ странового состава иностранцев и их занятости на территории РФ отметим, что соотношение числа нерезидентов из шестерки развитых стран дальнего зарубежья и из Стран СНГ составляет чуть более 6%. С некоторыми оговорками и допущениями эта цифра может отражать качество человеческого капитала иммиграции в России.

3. Миграционная политика РФ в контексте новой парадигмы. Современная миграционная политика России ведет свой отсчет от 1992 г., когда было принято историческое решение о безвизовом режиме перемещения граждан в пределах СНГ. Все предпринимаемые в последующее время шаги в области изменения миграционной политики следует отнести к мерам, лежащим в плоскости ее либерализации. В 2007г. в России вступили в силу два основополагающих Закона, которые еще более упростили порядок учета и пребывания иностранных работников на территории России, изменив разрешительный порядок на работу на заявительный и отменив квоты по некоторым профессиям. Однако, довольно быстро стало ясно, что неконтролируемые потоки трудовых мигрантов, пиковые значения которых были отмечены в 2010–2012 гг., буквально захлестнули наиболее благополучные территории России, обеспечив рост напряженности на рынке труда и риски в социальной сфере. Так, продолжалось практически все нулевые годы.

В этот период те же тенденции были отмечены и в странах западной Европы. Расширение ЕС в 2004 г., когда в состав Союза были приняты сразу 10 восточно-европейских стран сопровождалось резким увеличением движения на запад неквалифицированных трудовых мигрантов.

Начиная с 2010 г. последовал ряд мер по ужесточению миграционного законодательства, в результате поток граждан СНГ, прибывающих на заработки в Россию в 2013 г. оказался снижен на 20% в сравнении с предыдущим годом. Такие данные в интервью телеканалу *«Россия 24»* привел глава Федеральной миграционной службы (ФМС) Константин Ромодановский. Однако принимаемые меры ограничительного порядка не имели системного характера и четкой основы. С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон *«О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»* (№357 – ФЗ) и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с этим законом иностранцы, приехавшие в Россию, смогут наниматься на работу у юридических лиц по патенту. Новый порядок относится только к лицам, которым не нужна виза для пребывания в России, или к гражданам СНГ. Сам патент по замыслу законодателей не имеет ограничительной направленности, а лишь призван упорядочить разрешение на работу, сделав его платным и установив сроки действия. Однако, условия и процедура получения патента весьма затруднены, поэтому новый порядок однозначно используется как протекционистская мера, которая позволит ограничить потоки неквалифицированных работников стран СНГ в Россию.

Одновременно с вступлением в силу с 1 января 2015 г. Договора о Евразийском экономическом союзе трудовые мигранты из стран членов союза (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) получают равные социальные права с гражданами принимающих государств на территории ЕАЭС. Равные права предоставляются для трудоустройства, получения образования, налогообложения физических лиц, получения скорой медицинской помощи. Однако, как будут применяться и взаимодействовать эти, до известной степени противоречащие новые нормативные акты, экспертам и исследователям предстоит узнать позже. *«Отсеченными»* от преференций на территории государств-членов

ЕАЭС становятся подписавшие соглашение об ассоциации с ЕС Азербайджан, Украина и Молдова, а также Узбекистан и Таджикистан – страны СНГ, обладающие наибольшим представительством мигрантов и наибольшим потенциалом нежелательной миграции на территории России.

В контексте ограничений ранее предоставленных прав и свободного перемещения граждан членов ЕС следуют предлагаемые рядом западных стран меры по отмене для иммигрантов предоставленных ранее социальных гарантий и свободного перемещения (например, Англия предполагает ограничить пособия по безработице, пособия на детей, предоставление социального жилья, а так же ввести квоты на некоторые профессии). В данном пакете представлены квоты и на прием иностранных студентов.

В заключении следует констатировать, что конец XX столетия и нулевые годы XXI века, в большинстве стран-исхода и стран-реципиентов движения населения, были ознаменованы неравномерными миграционными процессами, которые оказали существенное влияние на численность их населения и рост мировой экономики. В этой миграционной парадигме решающую роль сыграла миграционная политика развитых стран, в целом основанная на разрешительных принципах и политике преференций для стран доноров и принимаемых мигрантов. В тренде либеральной направленности в этот период находилась и миграционная политика России.

Вместе с тем, в последнее время миграционное право большинства развитых стран все чаще сталкивается с необходимостью более жесткого регулирования возрастающих потоков мигрантов. Например, в США принят ряд законов, ограничивающих права мигрантов на свободную занятость, признана необходимость получения ими статуса временных работников и повышения ответственности работодателей за нелегальное использование труда мигрантов. Существенные трансформации, в связи с внутренними противоречиями и ростом внешней миграции претерпевает миграционная политика ЕС. Избирательная миграция, ограничивающая въезд и разрешение на работу иностранцам, в конце XX и первого десятилетия XXI века, характерна для большинства развитых стран мирового сообщества.

Есть основания полагать, что относительно спокойный либеральный период регулирования миграционного движения закончился вместе с первым десятилетием XXI века. Небывалый рост трудовой миграции и потоков беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки (охваченных политическими противоречиями и вооруженными конфликтами) по классическому направлению *«Юг-Север»* начинает набирать силу. Российский рынок труда является одним из главных притягательных центров нарастающего миграционного потенциала на постсоциалистическом *«Юге»* СНГ, в других странах Средней и Центральной Азии, Ближнего Востока и Африки – источниках возникновения межстрановых, межнациональных, межконфессиональных конфликтов и противоречий, террористических угроз. В условиях миграционного кризиса страны-реципиенты (страны ЕС и Россия) уже получили достаточную индульгенцию для трансформации либеральных принципов регулирования миграционных процессов на стратегию ограничений и меры протекционизма в отно-

шении принятия трудовых мигрантов и беженцев в экономику и социальную среду. Вместе с тем, мировой опыт свидетельствует, что в среднесрочной и долговременной перспективе регулирования трудовой миграции необходимо придерживаться разумного сочетания либеральных и консервативных методов.

Список литературы

[1] Социальная сфера в современной экономике. Вопросы теории и практики/ Отв. ред. Т.В. Чубарова. – СПб.: Нестор история, 2015.

[2] Статистика СНГ. Статистический Бюллетень Межгосударственный Статистический Комитет Содружества Независимых Государств (СНГ). № 1 (544). 2015.

[3] *Седлов А.П.* Смена миграционной парадигмы и рынок труда стран СНГ// Промышленная политика в Российской Федерации. № 10–12. 2015. С. 41–45.

[4] *Рязанцев С.В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М., 2007.

[5] Статистика СНГ. Статистический бюллетень. Межгосударственный Статистический Комитет Содружества Независимых Государств (СНГ). № 10 (541). 2014.

ПРОДЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Шестакова Е.Е.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье анализируются стоящие перед современным обществом вопросы разумного возраста выхода на пенсию и возможности лиц старших возрастных групп продолжать трудовую деятельность после достижения 65–70 лет. Основными барьерами расширения занятости данной категории работников выступают возрастная дискриминация при приеме на работу, низкий уровень участия возрастных работников в программах переподготовки и повышения квалификации, объективное ухудшение состояния определенной части работников. Автор рассматривает эффективность различных мер ряда европейских стран по стимулированию продления занятости, сочетанию получения пенсии и работы, использованию новых моделей и инструментов обучения, адаптированных к потребностям и возможностям работников старших возрастов.*

Вопросы реформирования российской пенсионной системы продолжают находиться в центре научных и общественный дискуссий. Долгосрочные стратегии развития систем пенсионного обеспечения, разрабатываемые западными специалистами, как правило, опираются на поиск путей увеличения трудоспособного периода жизни и диверсификацию источников доходов в пенсионном возрасте, прежде всего стимулирование пенсионных накоплений. Мировое сообщество располагает очень скромным опытом жизни в условиях старения. Если для среднеразвитых стран в течение ближайшего короткого промежутка времени будут сохраняться относительно более благоприятные демографические условия, минимальная нагрузка иждивенцев на работающих и соответственно благоприятные условия для сохранения высокой нормы сбережения и экономического роста, то для экономически развитых стран наступил этап новой демографической реальности.

Коэффициент пенсионной нагрузки в 2015 г. достиг максимальных значений в Японии- 47 лиц в возрасте 65 лет и старше на 100 лиц трудоспособного возраста, далее следуют Италия (37 ветеранов), Германия и Швеция (35), относительно менее высокие показатели (в пределах 21- 26 человек на 100 лиц трудоспособного возраста) благодаря в значительной степени миграционным потокам в Австралии, Канаде, США [1, с. 158–159]. Продолжительность жизни после достижения пенсионного возраста (65 лет) увеличивается на год каждые 10 лет и каждый дополнительный год добавляет 3–4% к текущим обязательствам пенсионных систем [2, с. 27]. Средняя ожидаемая продолжительность жизни после достижения 65 лет

* *Шестакова Елена Евгеньевна*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Экономики РАН.

в странах ОЭСР по последним данным составляет для женщин 22,3 года, для мужчин – 17,6 года. Наибольшие показатели продолжительности жизни лиц женщин пенсионного возраста (более 25 лет) зафиксированы во Франции, Бельгии, Австрии, Италии, Словении. Для мужчин- пенсионеров (свыше 20 лет) – в Бельгии, Франции, Италии, Испании, Финляндии, Греции [1, с. 165].

Прогнозы влияния демографических изменений на экономическое развитие не однозначны. Даже в условиях повышения нагрузки на трудоспособное население есть все основания предполагать не только сохранение, но и увеличение показателей экономического развития, особенно при специализации на капиталоемких видах деятельности. Рост как продолжительности жизни, так и предполагаемой трудовой жизни должен способствовать увеличению накоплений в течении трудовой деятельности, стимулировать инвестиции в здоровье, переподготовку сотрудников, переоборудование рабочих мест в соответствии с потребностями более возрастной рабочей силы.

С другой стороны, различные сферы жизни, в том числе трудовая, социальная среда общества пока мало приспособлены к таким демографическим трансформациям. Перед современным обществом возникают такие принципиальные вопросы, на которые еще пока не найдено адекватного ответа. Каков разумный возраст выхода на пенсию в связи с ростом продолжительности жизни? Насколько смогут и захотят работники старших возрастных групп продолжать трудовую деятельность при достижении 65–70 лет. В какой степени они окажутся эффективны, мобильны, контактны, готовы и открыты к разного рода изменениям и нововведениям по сравнению с работниками других возрастных групп. Должны ли работодатели менять параметры занятости для работников старших возрастных групп, например, нужны ли схемы частичного выхода на пенсию? В какой степени введение гибкого пенсионного возраста позволяет учитывать состояние здоровья, трудовую историю работника (стаж страхования), семейные и иные обстоятельства.

В последние годы все больший акцент при проведении пенсионных реформ в государствах ОЭСР делается на административном принуждении и финансовом стимулировании продления трудовой жизни: увеличении официального пенсионного возраста, ужесточении условий или вообще прекращении практики назначения ранних пенсий, а также повышении стимулов работать за пределами официального пенсионного возраста, увеличения размеров сокращения пенсий при уменьшении трудового стажа и более раннем выходе на пенсию, создании более благоприятных возможностей для сочетания работы и пенсии.

Эффективный возраст выхода на пенсию в 2012 г. составлял для мужчин 64,2 года, для женщин -63,1 года. Несмотря на тенденцию повышения данного показателя со середины 90-х годов прошлого века он остается существенно ниже уровней сорокалетней давности (в начале 70- х гг. он составлял соответственно 68,6 и 66,7 лет) [3, с. 322].

До достижения официального возраста на пенсию выходят в среднем 19% женщин и 22% мужчин. В Швейцарии, Великобритании, Нидерландах, Австрии, Дании эта доля составляет уже около 1/3. [1, с. 84] При выполнении всех квалификационных условий (достижения разрешенного возраста и наличия необходимо-

го стажа) при раннем выходе размеры пенсий сокращаются на 3,5–7% за каждый недоработанный год и соответственно повышаются на 4,2–8,4% при откладывании получения пенсии после достижения пенсионного возраста (таб.1).

Официальный возраст для получения государственной пенсии в полном объеме, несмотря на серьезные политические издержки и массовые протесты населения, во многих государствах повышается до 67 лет, а в ряде стран до 70 лет. Постепенное повышение пенсионного возраста до 67 лет объявлено в Бельгии (к 2030 г.), Канаде (в течение 2023- 2029 гг.), в Германии, Нидерландах (к 2021 г.), Испании (к 2027 г.), Великобритании (к 2028 г.), Австралии (в 2023г.). Идет процесс выравнивания условий выхода на пенсию для мужчин и женщин. В настоящее время в 13 государствах из группы стран ОЭСР еще сохраняется разница (от нескольких месяцев до 5 лет) в официальном пенсионном возрасте между мужчинами и женщинами. За очень редким исключением (Швейцария, Израиль и Чили), в среднесрочной перспективе эти различия полностью намечено ликвидировать.

Параллельно на 2–3 года повышается разрешенный возраст выхода на раннюю (в большинстве случаев сокращенную) пенсию. В Финляндии, Австрии, Норвегии в 2013/14 гг. были упразднены специальные ранние пенсии для безработных старшей возрастной группы, в Нидерландах – ранние пенсии для работников физического труда. В Дании к страхованию по безработице добавляется добровольное страхование по уходу на пенсию до достижения официального пенсионного возраста.

Таблица 1.

Меры финансового воздействия по ограничению раннего выхода на пенсию и стимулирования более позднего обращения за пенсионным обеспечением

Страна	Возраст выхода на раннюю пенсию	Снижение размера пенсии за каждый год досрочного выхода на пенсию (%)	Повышение размера пенсии за каждый год работы сверх установленного возраста (%)
Австралия	62	5,1	4,2
Германия	63	3,6	6,0
Дания			5,8
Канада	60	7,2	8,2
Португалия		6,0	
Словакия		6,5	6,0
США	62	5,0–6,7	8,0
Финляндия	63	4,8	7,2
Франция		4,0–7,0	5,0
Чехия	65	3,5–5,6	6,0
Швейцария	62	6,35–7,0	4,5–5,0
Япония	62	6,0	8,4

Источник: *Pensions at a glance. OECD and G20 indicators. 2015. P.133*

В качестве мер финансового стимулирования продления занятости в ряде стран используются и такие неоднозначные инструменты как сокращение длительности (до обычного уровня) выплаты пособий по безработице и введения условия обязательного поиска работы или участия в программах переподготовки для лиц старших возрастных групп. В Нидерландах в качестве эксперимента реализуется программа перевода выходного пособия при увольнении в так называемый переходный бюджет (в размере годовой зарплаты работника, но не более 75 тыс. евро) для переподготовки и поиска нового места работы, а не ухода с рынка труда. Вопрос длительности выплаты и размеров пособий по безработице для пожилых граждан носит дискуссионный характер. Показательным примером для сторонников его сокращения выступает Франция. В период 2008/2011гг. во Франции только 55% работников старших возрастных групп напрямую вышли на пенсию со своего рабочего места, оставшаяся часть – из состояния безработицы, как правило, долгосрочной. Выплата пособий по безработице в стране для лиц в возрасте 50 лет и старше составляет 3 лет, а для безработных в возрасте 58 лет – 7 лет. Размер пособия превышает уровни других стран ЕС, верхний лимит (для высокооплачиваемых работников) достигает 6 тыс. евро в месяц. В Бельгии, Испании, Италии, Португалии этот уровень не может превышать 1500 евро, в Германии и Дании- 2500 евро в месяц. В результате в период и после финансово-экономического кризиса 2008/2009 гг. значительная часть работников предпенсионного возраста заключала с работодателями соглашение о прекращении трудовых контактов и переходила на получение относительно щедрого пособия по безработице вплоть до достижения официального пенсионного возраста [4, с.5].

Другое новое направление- сочетание получения пенсии и работы. Хотя финансово- экономическая составляющая этих мер окончательно не определена, тем не менее в Австрии, Канаде, Норвегии, Испании, Франции, Швейцарии созданы возможности одновременного получения после достижения пенсионного возраста (и при наличии необходимого стража) пенсии или ее части и работы без каких-либо ограничений размеров получения совокупных доходов.

Предпринимаемые меры административного и финансово-экономического характера еще не являются гарантией существенных изменений на рынке труда и в сфере пенсионного обеспечения. Реальное продление трудовой жизни и повышение эффективного пенсионного возраста будут зависеть от эффективной комбинации реформ, регулирующих как предложение, так и спрос на рабочую силу, повышения уровня подготовки и качественных параметров здоровья основной массы работников старших возрастных групп.

Основными барьерами расширения занятости старших возрастных групп выступают возрастная дискриминация при приеме на работу, низкий уровень участия возрастных работников в программах переподготовки и повышения квалификации, объективное ухудшение состояния здоровья определенной части работников. Согласно данным Пятого Европейского обследования условий труда, 22% работников в возрасте 40–49 лет заявляли о проблемах со здоровьем, в возрастной группе 50–59 лет эта доля уже достигала 35% (наиболее высокие показатели были отмечены в Прибалтийских странах и государствах ЦВЕ- 50–60%) [6, с 71].

Средний уровень занятости в странах ОЭСР в 2014 г. лиц в возрасте 55–59 лет составлял 67%, в группе 60–64 – летних – 44%, а 65–69 лет- 20% [1, с. 23]. В основной группе работников предпенсионного возраста (55–64 года) максимальный уровень занятости 70% и более достигнут в Исландии, Новой Зеландии, Швеции, Норвегии, выше среднего уровня по ОЭСР занятость пожилых в США, Канаде, Японии, Германии, Австралии, и существенно ниже- в Австрии, Бельгии, Франции, странах ЦВЕ. Лидерство Исландии в это ряду (80% занятых в возрасте 55–64 года)- результат сочетания ряда факторов: официального пенсионного возраста- 67 лет, отсутствия специальных ранних пенсий и специальных режимов пособий по безработице для лиц старших возрастных групп, широкого развития системы переподготовки (40% лиц в возрасте 55–64 лет участвуют в разного рода программах профессиональной подготовки и переподготовки [7, с.26].

Безработица среди лиц в возрасте 55–64 года в среднем составляет 6% от ЭАН данной возрастной группы в странах ОЭСР, самые высокие показатели (свыше 12–14%) в Испании, Португалии, Греции, на среднем уровне (6–7%) в Германии, США, Франции, Канаде, существенно ниже средних – в Норвегии, Нидерландах, Японии [3, с.323–324]. Низкие показатели безработицы среди пожилых далеко не всегда объясняются только успехами политики занятости в стране. Например, минимальный уровень безработица в Норвегии (2%) компенсируется значительной долей лиц, получающих пенсии и пособия по инвалидности, в группе 55–59 летних их почти 20% от общей численности граждан данного возраста, в возрасте 60–64 года – 30,5%. Планируемое ужесточение условий назначения данного вида пенсий неизбежно приведет к повышению показателей безработицы. Исследования, которые активно ведутся в странах ОЭСР для определения перспектив положения пожилых на рынке труда, показывают, что высокая доля работников в возрасте 50 лет и старше сконцентрирована в старых, депрессивных секторах экономики, в которых идет процесс сокращения числа рабочих мест.

Другой важнейший фактор- негативное отношение работодателей к работникам в предпенсионном возрасте, потерявшим работу. Опросы, проводившиеся среди работодателей даже в наиболее позитивно настроенных в отношении возрастных работников Скандинавских странах, показали, что барьеры для трудоустройства возникают уже при достижении 55–57 лет, они имеют минимальные шансы получить приглашение на собеседование [8, с.4].

Для повышения конкурентоспособности данной категории работников разрабатываются новые модели и инструменты обучения, адаптированные к потребностям и возможностям работников старших возрастных групп. Есть опыт субсидирования занятости безработных лиц в возрасте 50 лет и старше в Германии (до 36 месяцев), Бельгии (12–36 месяцев в зависимости от возраста), Франции. В Норвегии успешно применяется практика заключения коллективных трехсторонних договоров, содержащих положения о проведении *«дружественной политики в отношении лиц старших возрастных групп»*, включая гибкие графики работы и частичный выход на пенсию. Но чтобы быть эффективными данные инструменты должны опираться на индивидуальный подход в отноше-

нии работников различных отраслей и профессий. Пока не получено однозначных подтверждений, что использование гибких графиков работы, специальных программ переподготовки для пожилых дают существенный эффект с точки зрения повышения производительности труда и способности к трудоустройству пожилых работников, прежде всего потерявших работу [9]. С другой стороны, западные исследователи отмечают безусловный позитивный эффект для сохранения занятости пожилых работников от программ повышения квалификации, особенно организованных по месту работы [10]. Особенно важными в современных условиях для лиц старших и средних возрастных групп становятся навыки владения современными информационными технологиями.

Проблема состояния рынка труда исключительно важна не только для пожилых, но и работников других возрастных групп. В отличие от поколений своих родителей, современные работники сталкиваются с постоянно растущей нестабильностью рабочих мест и необходимостью повышать или даже менять квалификацию в течении всей трудовой жизни. Увеличивается доля лиц с нестандартными формами занятости: неполное рабочее время, использующие срочные контакты, самозанятые и др. По данным на 2013 г. 1/3 занятости в ОЭСР- это нестандартные формы занятости. Среди мужской рабочей силы занятость на такого рода рабочих местах составляет ¼, женской – 40% занятости (в том числе 70% в Австрии и Швейцарии и 60% в Германии, Нидерландах, Франции и Японии) [5 с. 29]. Реформы, направленные на повышение страхового стажа, и укрепляющие связь между пенсиями и размерами взносов (балльные и накопительные, в том числе условно накопительные системы) в условиях нестабильного рынка труда неизбежно отрицательно скажутся на размерах будущих пенсий.

Нестабильность на рынке труда, частые переходы от состояния занятости к его отсутствию сокращают страховые истории работников. Гарантированно высокие уровни замещения (40–70%заработка) возможны только в условиях полного страхового стажа (35–40 лет). Снизить в определенной степени диспропорции в пенсионном обеспечении для лиц с перерывами в трудовой и страховой истории призваны пенсионные кредиты в системах обязательного пенсионного страхования, но в целом они недостаточны для того, чтобы в полном объеме погасить эти различия. Пенсионные кредиты на период безработицы традиционно охватывают время получения страховых пособий по безработице, по уходу за малолетними детьми до определенного возраста ребенка (не более 3–4 лет). В ряде стран лица, которые прерывали работу в связи с безработицей или уходом за детьми, должны для получения полной пенсии продлевать период трудовой деятельности. Период ухода за ребенком не учитывается при определении страхового стажа в Австралии, Нидерландах, Новой Зеландии, США, а период безработицы в Великобритании, Ирландии, Корее, Эстонии. В среднем год без работы или более поздний после 20 лет) выход на рынок труда приводит к снижению пенсии на 1% (наиболее высокий уровень данного показателя в Австрии, Норвегии, Швеции, Корее, Венгрии) [1, с.75]. В накопительных профессиональных и индивидуальных системах учет периодов незанятости встречается крайне редко. Например, во Франции обязательные профессио-

нальные планы предполагают предоставление кредитов в случае безработицы и увеличение пенсии на 10%, но для родителей с 3 и более детьми [4, с. 5].

Основные причины безработицы – увольнения и прекращения срочных контрактов (63% всех увольнений у мужчин и 47% для женщин), для женской рабочей силы второй важнейшей причиной прерывания занятости становится необходимость ухода за детьми и другими нуждающимися родственниками (в разных странах от 20% до 50%). Болезнь и инвалидность факторы ухода с рынка труда у 15% и более работников трудоспособного возраста в Австрии, Германии, Италии, Великобритании. В восточноевропейских странах – эта доля не превышает 3–5%.

При всем внимании в странах ОЭСР к вопросам гендерного равенства женщины в плане пенсионного обеспечения находятся в значительно более уязвимом положении. В среднем у женщин 65- летнего возраста и старше страховой стаж меньше, чем у мужчин аналогичного возраста на 13 лет, а разница в медианной заработной плате у занятых полное рабочее время по данным на 2012 г. составляет 14%. Эти различия суммарно трансформируются в более низкий уровень пенсионного обеспечения. Согласно расчетам западных экспертов, в 2015 средняя пенсия в обязательной пенсионной системе у женщин на 28% ниже, чем у мужчин в 2011г. по материалам обследований 25 стран ОЭСР [1, с.80].

Новый межпоколенный контракт, касающийся пенсионного обеспечения, в современных демографических и социально-экономических условиях предполагает перераспределение времени между занятостью и пребыванием на пенсии, не только и не столько за счет увеличения официального пенсионного возраста, сколько за счет повышения уровня занятости населения в предпенсионном и пенсионном возрасте, а также расширение личной ответственности граждан за собственное социальное благополучие. Однако необходимым условием успешной реализации задачи продления трудовой жизни, как показывает уже накопленный опыт стран ОЭСР, является соответствующая подготовка рынка труда и сферы медицинского обслуживания: преодоление возрастной дискриминации, корректировка условий труда, использование мер медицинской профилактики и реабилитации.

Список литературы

[1] Pensions at a glance 2015 OECD and G20 indicators. OECD publishing. Paris. 2015.

[2] Pensions outlook 2014. OECD. Paris. 2014.

[3] *Sonnet A., Olsen H., Manfredi T.* Towards inclusive ageing and employment policies: the lessons from France, The Netherlands, Norway and Switzerland. OECD publishing. Paris. 2014.

[4] Working better with age. France. Assessment and recommendations. OECD publishing. Paris. 2014.

[5] In it together: why less inequality benefits all. OECD publishing. Paris. 2015.

[6] Sustainable work and the ageing workforce. 5th European working conditions survey. Luxemburg 2012.

[7] *Bussolo M., Koettl J., Sinnott E.* Golden aging. Prospects for healthy, active, and prosperous aging in Europe and Central Asia. World Bank. Wash. 2015.

[8] Working better with age. Norway. Assessment and recommendations. OECD publishing. Paris. 2014

[9] *Zwick T., Gobel C.* Are personnel measures effective in increasing productivity of old workers? // Labour economies N22,2013. P. 80–93.

[10] *Piccho M., van Ours I.* Retaining through training: even for older workers // Economics of Education Review. 2013. №32. P. 29–48.

VII. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ: ОТ ХАОСА К ГАРМОНИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КООРДИНАЦИИ И ПОДОТЧЕТНОСТИ

Купряшин Г.Л.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Подготовка и осуществление государственных программ в своей основе имеет сложное взаимодействие различных федеральных и региональных органов. Управленческая задача заключается в поиске механизмов, обеспечивающих подотчетность и координацию их деятельности, необходимые для реализации преимуществ программного подхода, позволяющих выйти за рамки линейных финансовых показателей. Однако существует опасность использования государственных программ как ширмы для перераспределения бюджетных средств группами интересов, а также продолжающейся практики ведомственного бюджетирования. Для преодоления наметившихся негативных трендов необходимо внесение существенных корректив в сложившийся организационный дизайн органов исполнительной власти.*

Государственные программы реализуют две основные функции: первая – это рационализация управленческих процессов за счет координации взаимодействия участников программы (государственных и коммерческих структур) и обратной связи; вторая – обеспечение внутренней и внешней подотчетности. В плане координации программа помогает выделить приоритеты, провести сравнительный анализ альтернатив, связать политический и бюджетный процессы, организовать постоянную профессиональную оценку и экспертизу управленческих решений, сформировать механизмы взаимодействия стратегических и оперативных уровней управления. В конечном итоге программы призваны обеспечить взаимосвязь между бюджетными ассигнованиями и результатами, которые получаются за эти бюджетные средства. Кроме того, программы позволяют повысить уровень подотчетности их исполнителей. Г. Питерс отмечает, что *«в своей простейшей форме подотчетность означает требование общественной организации или индивида к другой организации предоставить отчет и объяснить свои действия»* [1, p. 23]. Подотчетность ответственного исполнителя, соисполнителей, участников государственной программы – это определенное состояние организационных отношений, когда уполномоченные органы имеют право проверять деятельность стейкхолдеров программы, включая право отменять или останавливать действие их управленческих актов, а последние обязаны предоставлять необходимые возможности для таких проверок и отчитываться о своей деятельности.

* *Купряшин Геннадий Львович*, доктор политических наук, доцент, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Важнейшим инструментом реализации функции подотчетности является оценка, включая все ее основные виды: предварительная, мониторинг, оценка эффективности. Приносит ли конкретная программа ожидаемую пользу и каково ее воздействие на целевые группы населения? Были ли зафиксированные улучшения прямым результатом программы или они произошли бы в любом случае? Можно ли сделать программу более эффективной? Рационально ли расходуются ресурсы? Ответы на такие вопросы может дать проведение оценки программы, т.е. измерение непосредственных и конечных результатов ее выполнения, которые рассматриваются в контексте влияния на происходящие экономические и социальные процессы.

Однако, подотчетность, в отличие от эффективности, характеризует деятельность с точки зрения следования формальным правилам по критерию соотнесения фактической деятельности с предписанными стандартами, следовательно, акцент делается не на результатах, а на процессе. Подотчетность в таком понимании предполагает, что уполномоченные органы обладают правом включать акторов экономических отношений в сеть стандартов и судить, выполняют ли они свои обязанности в соответствии с этими стандартами, а также вводить санкции, если решат, что установленные обязательства не были выполнены. В этом плане вполне объяснимо, что по итогам аудита Счетной палаты Российской Федерации основные замечания предъявляются к целям и задачам большинства государственных программ, их показателям и индикаторам, а также к отсутствующей либо выполненной не на должном уровне оценке рисков. При этом отмечается расхождение между существующими текстами государственных программ и предписывающими нормативными документами [2, с. 4].

По определению, полиструктурность государственного управления ставит задачу согласованного выполнения своих функции всеми звеньями политико-административного механизма, что означает достижение требуемого баланса интересов вовлеченных в данныи процесс акторов. Однако эти задачи координации отягощены сложившимися административными практиками конкретных министерств. Такая противоречивость наглядно проявляется в деятельности Министерства финансов как ключевого органа правительства в бюджетном процессе и, одновременно, министерства, работающего, как и любой другой ФОИВ, в стиле обычной административной, т.е. бюрократической структуры.

С однои стороны, это министерство является (наряду с Минэкономразвития) определяющим органом, дающим заключения Правительству по проектам государственных программ (или их изменениям), предусматривающим новые финансовые обязательства для федерального бюджета. С другой стороны, Министерство финансов исполняет роль *«хранителя кошелька»*. Для этои роли типичным является ответ *«нет»* на запросы о незапланированных бюджетных изменениях. Стандартные ответы, получаемые из Минфина, соответствуют его административному предназначению. При взаимодействии с любым из ответственных исполнителей государственных программ оно достаточно профессионально в выражении скептицизма по поводу тех или иных цифр – затрат, которые могут быть произведены. Так как никто еще не обращался к Минфину

с какими-либо другими запросами, кроме увеличения расходов, то рефлексы *«хранителя»* уже прекрасно отточены в его административной практике. Отсюда резонны претензии к данному Министерству как органу, где работают консервативные бухгалтеры, слепые к социальной реальности, глухие к инновационным предложениям, узурпировавшие функции по *«созданию»* бюджетной политики под прикрытием фискальной необходимости.

Возникает очевидный конфликт интересов, когда фискальные задачи оказываются весомее инвестиционных, связанных с риском, в том числе политическим. Тем самым инициативные проекты, выходящие за рамки сложившихся процедур взаимодействия и интересов влиятельных бизнес групп, в нынешних условиях являются обременительными как для Минфина, так и для линейных ФОИВ.

Решение проблемы внутренней координации и подотчетности невозможно без усиления стратегического управленческого потенциала в центральных органах государственной власти. Однако в нынешней структуре ФОИВ нет управленческих институтов, способных выполнять межведомственную функцию. Здесь нужны структуры, отличающиеся по своей миссии, статусу, полномочиям от деиствующих линейных министерств и ведомств. На более высоком, чем линеиные министерства политико-административном уровне явно вырисовываются управленческие пустоты. Например, в нынешнем виде Аппарат Правительства выполняет массу организационно-административных функции по подготовке и выполнению решении Правительства, замыкаясь на обеспечении его текущего функционирования. В значительнои степени тоже можно сказать об Администрации Президента. Так Управления Президента по внешней и внутренней политике осуществляют главным образом информационно-аналитическое и организационное обеспечение реализации Президентом его конституционных полномочии по определению основных направлении государственной политики. Кроме того, эти подразделения Администрации Президента обеспечивают взаимодействие Президента с основными акторами внешне – и внутриполитического пространства.

Чрезвычайно актуализировалась потребность в структурах, выходящих за рамки сугубо текущей оперативнои и нормотворческои деятельности. Эти структуры должны преодолеть худшии тип политико-административнои автономии – автономии неформальнои, изжить краинюю несогласованность и заведомую нерациональность, стать важнеишими структурными элементами единои системы политического Центра принятия решении (ЦПР), функции которои состоят в выстраивании согласованнои иерархии задач, которая формируется и поддерживается за счет последовательной ориентации планирования, бюджетирования и контроля исполнения на реализацию конкретных целеи (выбранных политических руководством приоритетов).

Это совмещение является принципиальным в данном варианте структурной перестроики, поскольку может ввести в практику управленческой деятельности ЦПР создание управленческих офисов *ad hoc*, под конкретную задачу (программу) с политической (административной) ответственностью высших должностных лиц за ее решение.

Для данной управленческой модели основным инструментом координации федеральной политики могут стать государственные программы. Разработка стратегии развития отдельных секторов российской экономики должна сочетаться с созданием программ, которые будут формироваться применительно к этим стратегиям и конкретизировать подходы к программному решению системных проблем федерального уровня. При этом целесообразно, учитывая целеполагание разного уровня, разработать классификацию государственных программ, выделив национальные программы, решающие системные задачи для государства и бизнеса, межведомственные и ведомственные программы.

Данная программная классификация, учитывает сложившуюся функциональную структуру министерств и ведомств путем использования основных мероприятий и подпрограмм в качестве первичных элементов программной структуры; эти элементы могли быть сгруппированы как по глобальным целям, так и по крупным функциональным сферам деятельности, и по административным подразделениям.

Смысл такого программно-организационного дизайна в том, что распределение полномочии по принятию решении по целям и программам должно осуществляться в соответствии с реальными центрами власти, обеспечивая сосредоточение политических решении на президентском уровне и предоставляя более широкие полномочия руководителям ведомств и структурам, специально созданным для программного управления.

В Постановлении Правительства РФ от 2 августа 2010 г. N 588 *«Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации»* [См.: 3] в качестве основных инструментов государственной политики, обеспечивающих реализацию ключевых государственных функции, достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности называются государственные программы. Утвержден Порядок, которым определены требования к разработке и реализации государственных программ РФ, правила оценки их эффективности, а также правила контроля хода их реализации. Согласно этому порядку разработка государственных программ осуществляется ответственным исполнителем, как правило, ФОИВ на основании перечня программ, формируемых Правительством РФ. О ходе реализации Программы ответственным исполнителем ежегодно подготавливается отчет. Сводныи отчет о ходе реализации государственных программ и оценке их эффективности подготавливается Минэкономразвития РФ и представляется в Правительство РФ. Контроль реализации государственных программ осуществляется посредством мониторинга, который проводит Минэкономразвития.

Данный порядок, по сути, воспроизводит существовавшую достаточно длительный период времени систему подготовки и выполнения федеральных и ведомственных целевых программ, когда функции координации возлагались на Минэкономразвития и Минфин. Вместе с тем, как хорошо известно, предшествующий опыт продемонстрировал слабую координацию действий различных ведомств в процессе реализации ФЦП. На практике участие ведомств нередко сводилось к *«освоению»* средств, закрепленных за каждым из них в федеральном

бюджете, при этом единое координирующее управление программой фактически отсутствовало. В ходе реализации программ часто возникала проблема несоответствия организационной структуры госзаказчика (в нынешней терминологии – ответственного исполнителя) необходимым с позиции управления программой центрам принятия решении, поскольку иерархия задач в рамках ФОИВ объективно может не соответствовать иерархии задач, ставящихся при решении системной проблемы в государственной программе. Органы власти преимущественно настроены на исполнение текущих обязательств, соответствующих функции, а решение системных проблем направлено на прорывы. Поэтому именно создание новых механизмов управления государственными программами должно стать площадкой и инструментом консолидации усилии различных органов исполнительной власти на решении системных проблем страны.

В современных условиях текущее управление по многим государственным программам осуществляется без создания дирекции как юридического лица, имеющего собственные властные полномочия. Особенно негативно отсутствие дирекции сказывается на реализации программ, требующих широкого государственно-частного партнерства, а также программ, имеющих по сути межведомственные подпрограммы и основные мероприятия со значительным количеством соисполнителей и участников из числе различных ФОИВ и субъектов РФ. Вместе с тем, преимущественно функциональная, внепрограммная форма деятельности, повторяющаяся в том или ином виде из года в год присуща в значительной части таким ФОИВ как Министерство иностранных дел, Министерство юстиции, Министерство финансов, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная таможенная служба, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба исполнения наказаний и ряду других органов исполнительной власти. Необходимость закрепления за такими органами государственных программ и придания им полномочий ответственных исполнителей вызывает много вопросов. Основные направления реализации таких государственных программ в основном воспроизводят функции, полномочия, обязанности министерств – ответственных исполнителей. По существу, происходит переформатирование *«ведомственных»* бюджетов в формат государственных программ, а реализация функций данных ФОИВ вполне могла бы быть обеспечена вне зависимости от разработки и реализации государственных программ. Как результат получается искажение сути программного подхода, продолжающего быть достаточно дорогостоящей ширмой господствующих функциональных структур, использующих традиционный инструмент подотчетности, основанный на контроле выполнения поручений. Во многом причины такой ситуации в отсутствии уполномоченного ЦПР института координации программной деятельности в стране.

Назрела необходимость создать специальный государственный орган, способный стать офисом управления государственными программами вне рамок существующих ФОИВ. Это могло бы быть специальное Агентство государственных программ для разработки стратегических программ развития (национальных) и межведомственных программ, используя аутсорсинг. В функции

такого Агентства могли бы входить учреждение органов управления программой – дирекций, и контроль за их деятельностью, а также управление ресурсами, выделяемыми для реализации программ. Дирекции программ с правами юридического лица могли бы стать органами, реализующим конкретную программу, осуществляя оперативную управленческую деятельность. Они должны обладать полномочиями, позволяющими решать задачи межведомственной координации и мониторинга осуществления программных мероприятий.

Программное Агентство должно быть компактным органом (советники, экспертиза, ресурсныи секретариат, базовое *«внедренческое»* подразделение, управленцы и организаторы), занимающимся стратегическим и оперативным планированием всех работ по Программам и обеспечением ресурсами. Агентство, используя аутсорсинг должно осуществлять общее руководство и контроль за ходом реализации программ, обеспечивая координацию между программами в рамках направления решения пакета конкретных социально-экономических задач. Оно должно обладать достаточным объемом полномочии и ресурсов для эффективного управления ходом реализации программ, учитывая тот факт, что эта деятельность включает подготовку проектов нормативных правовых актов, взаимодействие с органами власти регионов, финансовыми, промышленными и общественными организациями.

Самое главное – это, во – первых, вывести подготовку перечня программ на действительно высокий политико-административный уровень (сейчас он утверждается Правительством по предложению Минэкономразвития). Этот перечень формирует не только повестку дня для Правительства, но и задает приоритеты бюджетного финансирования на годы вперед. Агентство могло бы организовывать конкурс на подготовку проектов госпрограмм. Причем эти проекты не должны, как сеичас, представлять некий набор малосвязанных *de facto* мероприятии. Каждая государственная программа должна быть шагом на пути решения конкретнои задачи, а руководители департаментов Агентства программ должны отвечать за достижение измеряемых результатов.

Во–вторых, важно создать самостоятельные, вне существующих административных структур ФОИВ программные дирекции, успех деятельности которых полностью зависел бы от результатов руководимых ими программ. Соответственно, оплата сотрудников строилась бы по корпоративнои схеме, когда ее размеры определялись бы итогами программной деятельности.

Дирекция государственной программы, как структура, независимая от ФОИВ, могла бы успешно обеспечивать координацию деятельности участников государственнои программы. Она руководствовалась бы Регламентом Правительства при разработке и внесении проекта нормативного правового акта Правительства об утверждении государственнои программы, а в иных случаях Типовым регламентом взаимодеиствия ФОИВ. Она также могла бы проводить общественные обсуждения проектов государственных программ, в том числе с привлечением Общественнои палаты РФ, общественных советов, созданных при ФОИВ, научных и иных заинтересованных организации.

Агентство должно отвечать и за мониторинг процесса осуществления программ, тем самым оперативно реагировать на изменения ситуации, препят-

ствующие достижению целей и решению задач программы. Это позволило бы встроить мониторинг в систему принятия решении, преодолеть понимание эффективности программы только в бюджетном контексте (возврат вложенных в реализацию программы бюджетных средств через налоговые поступления, уровень внебюджетного софинансирования) и покончить с практикои, когда мониторинг рассматривается лишь как разовая задача сбора данных для ежегодного отчета о реализации программы на заседании Правительства. Предметныи мониторинг, кроме прочего, должен включать планируемые меры по решению возникших проблем, предложения по изменению механизма реализации программы, сведения о недостатках в работе по реализации программы отдельных структурных подразделении и о персональной ответственности тех или иных лиц за проблемы в управлении программой.

При наличии подпрограмм в государственнои программе каждая из них может управляться собственной дирекцией. В этом случае создается генеральная дирекция государственной программы с необходимыми координационными функциями. Таким образом, дирекция государственнои программы в составе соответствующего департамента Агентства выполняла бы как стратегические (по определению направления реализации программы, по межведомственному согласованию решении), так и оперативно-технические функции (подготовка к проведению конкурсов, ведение реестра государственных контрактов на выполнение работ по программе, консультирование исполнителеи, сбор информации о результатах реализации мероприятии). Создание относительно автономных, работающих на контрактной основе дирекции госпрограмм могло бы существенно изменить ситуацию с кадровым резервом, поскольку дает возможность широко привлекать персоналии из резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента России, для руководства программами и подпрограммами. Причем назначение генеральных менеджеров государственных программ могло бы происходить на конкурсной основе и утверждаться Правительством. Это, кроме всего прочего, существенно разгрузило бы зам. министров, как правило, в настоящее время являющихся ответственными за руководство госпрограммами.

В конечном итоге, многие функции по координации были бы переданы с уровня Минэкономразвития и Минфина на уровень Межведомственного органа. В задачу Минэкономразвития и Минфина продолжала бы входить разработка собственных госпрограмм и предварительная экспертиза проектов госпрограмм иных ФОИВ.

Возможности развития системы управления программой, выявления ее проблем, обеспечения объективности оценок и повышение доверия общества к программно-целевым методам в значительной степени определяются наличием процедур независимои экспертизы в рамках управления реализацией целевых программ. Однако ответственные исполнители, как правило, весьма неохотно привлекают к экспертизе своих решении независимых экспертов. Обычно отсутствуют документы, определяющие, в каких случаях проводится независимая экспертиза, каковы цели и задачи такои экспертизы, каким образом подбираются независимые эксперты, каковы гарантии обеспечения их

независимости в ходе проведения экспертизы. В некоторых случаях спорадическое проведение ответственными исполнителями независимои экспертизы подчинено исключительно задаче перекладывания ответственности за принятые решения, перенаправления возможнои критики в адрес независимых экспертов.

Для стимулирования появления и развития института политико- административнои экспертизы предлагается создать в Администрации Президента как самостоятельное подразделение Управление оценки программ и политики (далее- УОПП), в задачу которого входила бы внешняя оценка результатов наиболее важных, приоритетных (президентских) государственных программ. Оценка и мониторинг госпрограмм в области безопасности должны быть возложены на Совет Безопасности РФ. Тем самым разделяются функции формирования государственного заказа подготовки государственных программ в соответствии с существующими приоритетами политики (Администрация Президента и Правительство), функции подготовки проектов программ (они остаются за линеиными ФОИВ с обязательным согласованием с Минэкономразвития и с Минфином), функции управления реализациеи программ (они с уровня ФОИВ передаются специализированному межведомственному Агентству) и функции оценки результатов программ (закрепляются как за Агентством, так и за УОПП). Последнее следует подчеркнуть особо, поскольку такая двоиная оценка позволяет ввести как обязательное правило внутреннюю (правительственную) и внешнюю (Администрации Президента) оценку госпрограмм. Причем внешняя оценка включает обязательное участие представителеи экспертного сообщества, членов общественных объединении, профсоюзов и т.д. Для этого в рамках УОПП может быть создан специальныи Общественныи Совет по оценке программ.

Кроме того, такая система управления государственными программами дает возможность вводить альтернативныи подход при их подготовке на конкурснои основе, а также разработать и применять методику проведения сравнительнои оценки различных госпрограмм в течение всего срока реализации.

Миссиеи УОПП могло бы быть повышение политическои результативности (*policy effectiveness*) Центра принятия решении на основе привязки главных целеи социально-экономического развития страны к государственным программам. Иными словами, четко представлять себе и уметь обосновать на какие цели страны работает та или иная программа. Возможен и другои срез – отслеживание вклада в достижение этих целеи того или иного ФОИВ. Если сопоставлять с целями государственных программ не цели страны, а функции государства, этот срез покажет, как распределяются бюджетные и другие ресурсы между важнеишими функциями государства.

Данные организационные изменения дают возможность персонифицировать ответственность за достижение конкретных политических целеи, решение конкретных проблем, охватить все направления государственнои деятельности, прослеживать деиствия, предпринимаемые органами власти для решения конкретных задач, обеспечить комплексность и полноту декомпозиции целеи и приоритетов страны в цели и задачи различных субъектов бюджетного планирования.

Анализ отчетов позволит руководителям высшего уровня, не углубляясь в детали, получить информацию о том, насколько эффективно поддерживается государственными программами выбранный курс социально-экономического развития страны; при необходимости агрегировано оценить недостаток или *«разрывы»* внимания к тем или иным вопросам (целям) и позднее сделать эти направления объектом более глубокого рассмотрения. Тем самым теснее связываются политические декларации лидеров страны и административный потенциал государственного управления.

Таким образом, формирование нового политико-административного механизма диктует потребность усиления подотчетности и координации деятельности, прежде всего, в центральных органах государственной власти. Это связано с необходимостью расширения спектра акторов, участвующих как в разработке, так и реализации пакетов правительственных программ, при том, что на данном этапе меняется вектор действия центральнои власти, регулирующая роль которои от чисто административных задач все больше переходит к координации усилии государственных, коммерческих и некоммерческих структур. Успех координирующеи деятельности органов государственного управления во многом зависит от рационально деиствующеи системы выработки стратегии, основаннои на политическом лидерстве и подотчетности лиц принимающих и исполняющих решения.

Список литературы

[1] *Peters G.* American public policy: promise and performance. University of Pittsburgh, 2003.

[2] Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. М.: Счетная палата. Российской Федерации, 2014.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2010 г. № 588 *«Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации»*. – http://www.economy.gov.ru/minec/activity/ sections/econreg/investproject/doc20100802_01 (дата обращения: 10.03.2016).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Макогонова Н.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Государственный контроль должен быть равноположен национальной системе стратегического управления. Требуется сместить акценты с превалирующего на сегодня типа госконтроля – контроля требований на перспективный тип госконтроля – контроль развития, отличительными чертами последнего являются:* (*1*) *стратегический характер объектов учета, оценки и контроля,* (*2*) *осуществление тонкой и сложной аналитики,* (*3*) *внедрение новых базовых элементов госконтроля – технология, институт, ценность. В настоящей статье автор остановится на 3* (*трех*) *существенных проблемах госконтроля в РФ, которые не могут не обостриться в период формирования национальной системы стратегического планирования, инициированной № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г.* [1].

На абстрактном теоретическом уровне представляется достаточно очевидным один из базовых принципов (постулатов) классической теории государственного управления, согласно которому надлежащая организация и эффективное функционирование системы государственного контроля – базовая стратегическая задача уполномоченных органов и лиц государственной власти (далее – владельцев риска), так как система государственного контроля представляет собой процесс, организованный и осуществляемый владельцами рисков в целях обеспечения достаточной уверенности (1) достижения национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, обеспечения устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу, а также (2) эффективности и результативности осуществления функций государственного управления: (а) защиты населения от угроз, особенно таких, как иностранное вторжение, гражданская война и стихийные бедствия (наводнение, голод и т. п.), (б) обеспечение благосостояния общества посредством создания условий для роста экономики и заботы о больных и бедных, (в) обеспечение правосудия, наказание за преступления, содействие в решении споров, (г) распространение истины, которая помогает обществу понимать окружающий нас мир с помощью религии или – с не столь дальних пор – науки [2, пп. а – г, с. 72].

* *Макогонова Надежда Владимировна*, кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

То есть организация системы госконтроля и ее функционирование направлены на устранение каких-либо рисков национальной безопасности, понимаемой, прежде всего, в составе государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной, энергетической безопасности и безопасности личности [3], которые угрожают достижению любой из вышеуказанных целей. Тем более, при осуществлении стратегических изменений в функционирующей системе государственного контроля в период формирования национальной системы стратегического планирования на фоне высоких внешних рисков роста глобальной политической и макроэкономической нестабильности и неопределенности.

Как известно, согласно концептуальному подходу в риск-менеджменте владелец риска должен идентифицировать риски, оценивать их и предпринимать ответные действия в отношении таких рисков. Но, что если ответные действия, которые предпринимаются владельцами рисков, их усиливают?! Разумеется, ответ закономерен: тогда кризисные процессы будут только усиливаться! В то время, когда внешние риски роста глобальной политической и макроэкономической нестабильности и неопределенности в достаточной мере не подконтрольны национальным регуляторам, тогда как внутренние риски – должны быть им подконтрольны, в противном случае, регуляторы предпринимают ненадлежащие или недостаточно надлежащие меры по их снижению до приемлемого уровня.

О наличии фундаментальных проблем национальных систем регулирования финансов, конкуренции и корпоративного управления, международных институтов и организаций [4, с. 45], государственного управления и пр. пр. упрямо и наглядно свидетельствуют собственно кризисы государственного управления: кризисы легитимности, координации и подотчетности [5] и непрекращающиеся мировые финансово-экономические кризисы 1997 г. и 2008 г., а также многочисленные национальные финансово-экономические кризисы современных циклов 1991 - 2001, 2001 - 2008, 2008 - 20(14)-(16) гг. Деформация современного экономического цикла, обособление финансовых кризисов как особого элемента экономического цикла, увеличение числа валютных кризисов [6, с. 8] и пр., пр. сбои в работе международной валютно-финансовой системы требуют проведения радикальных изменений в механизмах и структурах регулирования мировой экономики и управления процессом глобализации [4], а, по большому счету, перехода к новой научной парадигме в экономике и во всем семействе общественных наук [7, с. 33].

Однако на конкретном практическом управленческом уровне разработка, внедрение, обеспечение функционирования и совершенствование системы государственного контроля – нетривиальная задача и не вполне понятны многие и многие существенные элементы госконтроля. Например, какая система госконтроля является надлежащей для Российской Федерации в принципе и в частности в условиях формирования национальной системы стратегического планирования? Интегрированная (централизованная), которая была присуща в период Российской Империи или Советской России с одноименными названиями главного уполномоченного органа исполнительной власти – Министерство

государственного контроля – или сложившаяся на текущий момент в современной России фрагментированная (раздробленная), или многосубъектная система госконтроля? А, может, смешанная с участием профессиональных саморегулируемых организаций и (или) общественности или какая-либо другая?

Интегрированная (централизованная) система государственного контроля и учета, существовавшая в условиях планируемой экономики, была обусловлена общественным характером собственности и потребностями государственного управления экономикой. Главными потребителями информации, формирующейся в системе государственного контроля и учета, выступало государство в лице отраслевых министерств и ведомств и планирующих, статистических и финансовых органов. Действовавшая система государственного контроля и, в частности, государственного финансового контроля решала задачи выявления отклонений от предписанных моделей хозяйственного поведения.

С одной стороны, в интегрированной системе госконтроля центральный контролер выступает в роли гаранта для каждого из участников отношений контроля и обеспечивает надлежащий контроль в случае отказа от исполнения взятых на себя обязательств любого из участников этих отношений; вместе с тем, центральные контролеры, снижая риски для участников контроля, аккумулируют их у себя и, таким образом, потенциально могут сами обрушить всю систему госконтроля.

С другой стороны, фрагментированная система госконтроля с заведомо большим количеством участников также может создавать для участников отношений контроля целый ряд рисков; существуют сложности с взаимными обязательствами, сквозными процессами, а также есть высокая опасность возникновения цепной реакции ненадлежащего контроля или отсутствия контроля в случае отказа от исполнения взятых на себя обязательств хотя бы одним из участников контроля.

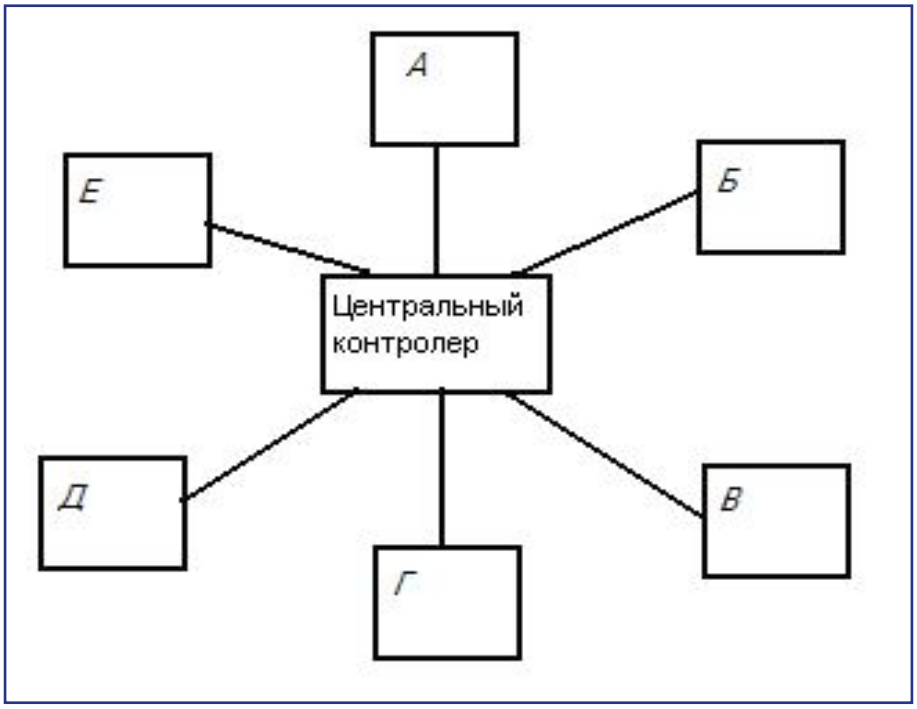


Рис. 1. Интегрированная (централизованная) система госконтроля

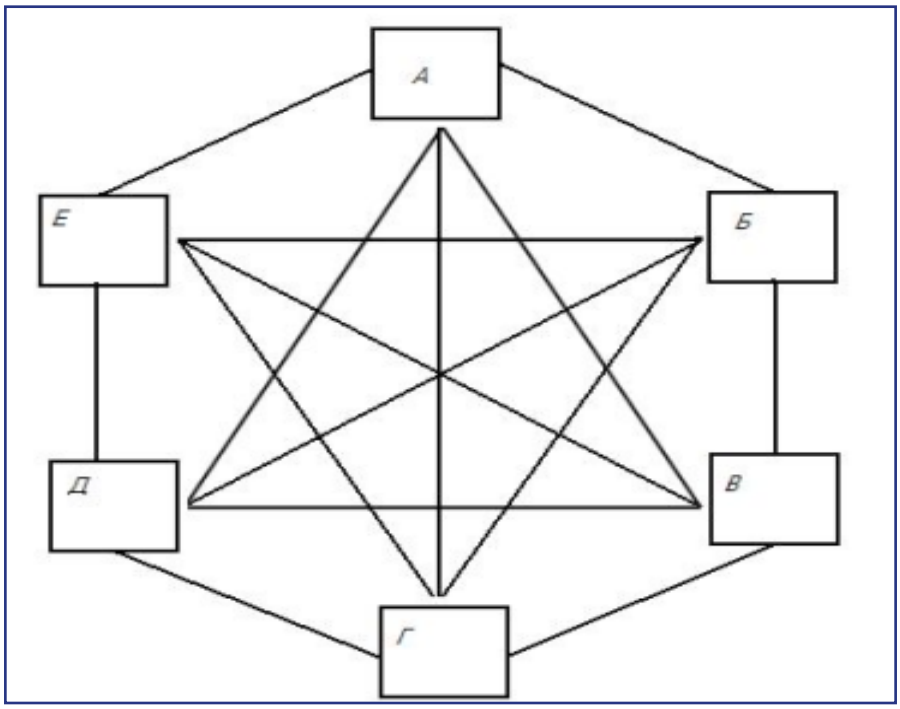


Рис. 2. Фрагментированная (*раздробленная*) *система госконтроля*

Действительно, изменение системы общественных отношений предопределяет необходимость адекватной трансформации государственного контроля и учета в разрезе каждого отдельного этапа их изменений и текущий этап – не является исключением. Однако *процесс трансформации госконтроля заметно отставал от общего процесса государственных преобразований* и, стоит отметить, что данная тенденция наблюдалась с начала рыночных реформ в России.

В настоящее время наиболее заметным шагом вперед в данном направлении следует признать принятие 01 апреля 2016 года Распоряжения Правительства РФ, которым был утвержден план мероприятий (*«дорожная карта»*) по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в РФ на 2016–2017 годы [8]. В частности, планом, состоящим из 78 (семидесяти восьми) пунктов, предусмотрено внедрение (1) дифференцированного подхода к проведению контрольных мероприятий в зависимости от степени риска причинения субъектами хозяйственной деятельности вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, введение которого должно сопровождаться сокращением количества подконтрольных субъектов и отказом от всеобъемлющего контроля. Также планом предусмотрен (2) переход от оценки результативности и эффективности контрольно-надзорных органов, основанной на количестве выявленных нарушений и размере санкций, к оценке размера предотвращенного ущерба как в результате контрольно-надзорных мероприятий, так и в ходе профилактики нарушений, а также разъяснение содержания *обязательных требований, подлежащих соблюдению*.

С августа 2015 г. на общественном обсуждении находится проект нового федерального закона о государственном и муниципальном контроле (надзоре) в РФ, который, отметим мимоходом, будет носить несколько другое название в соответствии с п. 78 вышеуказанного Распоряжения Правительства Российской Федерации от 01.04.2016 № 559-р *«Об утверждении плана мероприятий* (*«дорожной карты»*) по совершенствованию контрольно-над-

зорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 годы» (далее – Распоряжение) – федеральный закон о государственном, региональном и муниципальном контроле в Российской Федерации. Сроки и ответственные исполнители установлены поручением Правительства РФ от 29.01.2016 г. № ИШ-П13–383 в соответствии с поручением Президента РФ от 26.01.2016 г. № Пр-115. Заметим, что тип контроля, о котором идет речь – это только и только контроль требований, а не контроль развития! Так, требования закона распространяются на отношения, возникающие между органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами и организациями, осуществляющими хозяйственную, предпринимательскую или профессиональную деятельность, в отношении которой нормативными правовыми актами *установлены подлежащие обязательному выполнению предписания, запреты и ограничения*, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, уполномоченными на осуществление государственного и муниципального контроля (надзора) за соблюдением *указанных предписаний, запретов и ограничений* [9]. Заметим также, что проектом предусмотрено 15 (пятнадцать) поименованных особых видов госконтроля, которые могут измениться в результате уточнения согласно п. 52 вышеуказанного Распоряжения, и на которые не распространяются требования данного закона, но опять же – изменится только состав, а не тип контроля.

Помимо обозначенной выше проблемы отставания процесса трансформации госконтроля от общего процесса государственных преобразований, то есть, во-вторых, стоит отметить *отсутствие надежного, полного, точного и постоянного национального стратегического управленческого учета в Российской Федерации*. Собственно, в вышеуказанном Распоряжении не обозначена не только задача постановки и ведения национального стратегического управленческого учета в РФ, на базе которого надлежащий стратегический контроль только и может быть осуществлен по профессиональному суждению автора, как аудитора. Проблема управленческого учета как информационно-аналитической системы, устраняющей или снижающей информационные риски до приемлемого уровня при принятии управленческих решений, не обозначена в принципе.

Справедливости ради стоит отметить, что в вышеуказанном Распоряжении предусмотрено пп. 62–74 развитие информационных систем и совершенствование взаимодействия в целях обеспечения контрольно-надзорной деятельности, в частности, п. 66 предусмотрена разработка предложений по информационно-аналитическому обеспечению контрольно-надзорной деятельности, включающей описание и роли межведомственных государственных информационных систем ((1) федеральных государственных информационных систем *«Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг* (*функций*)» и *«Единый портал государственных и муниципальных услуг* (*функций*)», (2) государственной автоматизированной информационной системы *«Управление»*, (3) единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, (4) единого реестра проверок) и ведомственных государственных информационных систем, схемы обмена данными между указанными системами. Далее, п. 69 предусмотрена интеграция государственной автоматизированной информационной системы

«Управление», федеральных государственных информационных систем *«Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг* (*функций*)*»*, *«Единый портал государственных и муниципальных услуг* (*функций*)*, единого реестра проверок, автоматизированной системы формирования сводного плана проведения плановых проверок и согласования внеплановых проверок, единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе в целях обеспечения возможности автоматизированного формирования отдельных форм федерального статистического наблюдения 1-контроль «Сведения об осуществлении государственного контроля* (*надзора*) *и муниципального контроля и 1-лицензирование «Сведения об осуществлении лицензирования»*.

Однако повторимся, что в вышеуказанном Распоряжении развитие информационных систем и совершенствование взаимодействия в целях обеспечения контрольно-надзорной деятельности рассматривается преимущественно как техническая задача, а не аналитическая или управленческая.

И, наконец, в-третьих, наличие нерешенных существенных *проблем инфраструктуры финансовой и нефинансовой корпоративной отчетности в Российской Федерации* и, соответственно, опять же качества корпоративного учета. Следует отметить, что в апреле-августе 2012 г. по инициативе Министерства финансов Российской Федерации была проведена международная оценка инфраструктуры корпоративной отчетности в Российской Федерации. Так, согласно информационному сообщению *«О результатах международной оценки корпоративной отчетности в Российской Федерации»*, опубликованному на официальном сайте Министерства Финансов РФ 18 сентября 2012 г. [10], были протестированы и выявлены наиболее слабые элементы национальной инфраструктуры подготовки корпоративной отчетности в составе следующих компонентов, а именно:

(а) нормативно-правовая база (количественная оценка);

(б) институциональная основа (количественная оценка);

(в) кадровый потенциал (количественная оценка);

(г) процесс укрепления инфраструктуры.

Международная оценка инфраструктуры национальной корпоративной отчетности РФ проводилась по методике, разработанной ЮНКТАД и рекомендованной к использованию Межправительственной рабочей группой по международным стандартам учета и отчетности ООН. В ходе оценки тестировалось наличие и состояние инфраструктуры (потенциала) подготовки качественной корпоративной финансовой и нефинансовой отчетности. Вопросы оценки и состав контрольных показателей в данной методике были составлены на основе международно-признанных систем стандартов, регулирующих различные элементы инфраструктуры качественной отчетности, как-то: стандарты Глобальной инициативы по отчетности, международные стандарты финансовой отчетности для общественного сектора, международные стандарты финансовой отчетности, международные стандарты аудита, международные стандарты бухгалтерского образования, международные стандарты ревизионной деятельности, кодекс этики профессиональных бухгалтеров, др.

Целью оценки было выявление проблемных областей и определение дальнейших действий по совершенствованию национальной системы корпоративной отчетности. В проведении оценки участвовали представители 13 (тринадцати) государственных и негосударственных органов и организаций, имеющих непосредственное отношение к регулированию, подготовке и надзору за корпоративной отчетностью. В составе государственных органов выступили Министерство финансов Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации, Федеральная служба по финансовым рынкам, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора и Центральный банк Российской Федерации.

Справочно отметим, что Федеральная служба по финансовым рынкам была упразднена Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2013 года № 645 [11], а функции по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков Федеральной службы по финансовым рынкам с 01 сентября 2013 года переданы Службе Банка России по финансовым ранкам в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 251–ФЗ *«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»* [12].

Также была упразднена Федеральная служба финансово-бюджетного надзора Указом Президента Российской Федерации от 02 февраля 2016 года № 41 [13], а функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, а также функции последней по внешнему контролю качества работы аудиторских организаций, определенных федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 307-ФЗ *«Об аудиторской деятельности»*, переданы Федеральному казначейству [13]. Функции органа валютного контроля Федеральной службы финансово-бюджетного надзора переданы Федеральной таможенной службе и Федеральной налоговой службе [13].

Существенное отставание в *компоненте нормативно-правовой базы* было зафиксировано в области правовой базы экологической и социальной ответственности, а также отчетности о корпоративном управлении (14,3 %). Недостаточен потенциал регулирования расследований в отношении искажения корпоративной отчетности и деятельности аудиторов, а также мер воздействия за нарушение действующих правил корпоративной отчетности (64 %) [10].

Наиболее слабым элементом *компоненты институциональных основ* подготовки корпоративной отчетности была признана система координации процессов регулирования и надзора за аудиторской деятельностью (33,3 %) [10].

Достаточно низкие показатели в *компоненте кадрового потенциала* были зафиксированы в оценке профессионального уровня обучения и подготовки бухгалтеров и аудиторов, а также при оценке их общего уровня квалификации. Невысокой оказалась также оценка существующих квалификационных требований к младшему персоналу [10].

По *компоненте процесса укрепления инфраструктуры* сравнительных результатов быть и не могло, потому что проведенная в апреле-августе 2012 г. международная оценка инфраструктуры корпоративной отчетности в РФ была первичной и, соответственно, не имела сопоставительной базы.

Прежде чем перейти к заключению, представляется целесообразным привести простейший расчет оценки профессиональных рисков контролера. Под профессиональным риском контролера в целях настоящей статьи автор подразумевает риск выражения им ошибочного профессионального суждения.

Представим известную формулу расчета профессионального риска эксперта (контролера):

Пр = НР х КР х РН, где:

Пр – профессиональный риск эксперта (контролера);

НР – неотъемлемый риск – риск, связанный с характерными особенностями функционирования национальных институтов и механизмов контроля, а также национальных систем контроля, регламентирующих принципы, инфраструктуру и процессы контроля и учета; по общему правилу, НР – высокий, его величина находится в пределах 0,99–0,5; снижение допускается при наличии эффективной архитектуры контроля;

КР – риск средств внутреннего контроля – риск, связанный с установленными мерами, методиками и процедурами обеспечения достоверности информации, формируемой в системах контроля, учета и отчетности, а также в управлении процессами, чтобы *«отлавливать»*, устранять и не допускать ошибки или недобросовестные действия; по общему правилу, КР – высокий, его величина находится в пределах 0,99–0,5; снижение допускается при наличии эффективных инструментов внутреннего контроля;

РН – риск необнаружения – риск неэффективности выбранных экспертом (контролером) процедур; по общему правилу, существует обратная зависимость между риском необнаружения и совокупным уровнем неотъемлемого риска и риска средств контроля.

Автор исходит из консервативного подхода к оценке рисков, соответственно, неотъемлемый риск и риск средств контроля в России он оценивает на предельно высоком уровне.

Представим пример расчета профессионального риска:

Таблица 1.

Неотъемлемый риск (НР)	**Риск средств контроля (КР)**	**Риск необнаружения (РН)**	**Профессиональный риск (Пр)**
0,5 Средний	0,5 Средний	0,5 Средний	0,125 (*13 ошибок из 100?!*)
0,5 Средний	0,5 Средний	0,1 Низкий	0,025 (*3 ошибки из 100*)
0,99 **Высокий**	**0,99** **Высокий**	**0,5** **Средний**	**0,49** ***(49 ошибок из 100!?)***
0,99 **Высокий**	**0,99** **Высокий**	**0,1** **Низкий**	**0,098** ***(10 ошибок из 100?!)***

Следовательно, чтобы снизить профессиональные риски контролера до приемлемого уровня, по общему правилу, контролеру требуется проводить достаточно большое количество контрольных мероприятий (процедур контроля), разумеется, уже на базе предписанного риск-ориентированного подхода. Однако в связи с реализацией мероприятий *«дорожной карты»* по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 годы», утв. Распоряжением Правительства РФ от 01.04.2016 № 559-р при этом требуется: (1) сокращать количество подконтрольных субъектов, (2) отказываться от всеобъемлющего контроля, (3) сокращать количество проверок и (4) снижать административное давление на подконтрольные субъекты [8, пп. 1–4], что неизбежно будет повышать профессиональные риски контролера до неприемлемо высокого уровня.

Суммируя вышесказанное, сложившаяся и формирующаяся архитектура госконтроля в Российской Федерации несет в себе неприемлемо высокие систематические (недиверсифицируемые) и аномальные страновые (суверенные) риски, присутствует чрезмерно высокий уровень скрытых и неуправляемых рисков, так как мы имеем недостаточно четкие и ясно определенные принципы госконтроля, раздробленную инфраструктуру государственного контроля, если не атомизированную, отсутствие единых требований к осуществлению контрольных процедур за исключением процедур финансового контроля.

Утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 01.04.2016 № 559-р *«Об утверждении плана мероприятий* (*«дорожная карта»*) по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 годы», а также опубликованный в августе 2015 г. в целях общественного обсуждения законопроект федерального закона *«Об основах государственного и муниципального контроля* (*надзора*) *в РФ»* недостаточно проработаны, прежде всего, в части управленческих решений госконтроля. Кроме того, в отсутствие центрального контролера, берущего риски на себя, имеется высокий уровень угрозы наступления цепной реакции с последующими перерастанием социально-экономических и политических отрицательных процессов в острый кризис управляемости.

Список литературы

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»*.

[2] http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102354386&intelsearch=172+28.06.2014 (дата обращения: 10.06.2016).

[3] *Малган, Дж.* Искусство государственное стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. 2011. С. 72.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 *«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»*. – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609&rdk=&intelsearch=31%2F12%2F2015 (дата обращения: 10.06.2016).

[5] Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. – М.: Междунар. отношения. 2010.

[6] *Купряшин Г. Л.* Кризисы государственного управления: неоинституциональный подход http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/ vipusk__51._avgust_2015_g._ / problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/kupryashin.pdf (дата обращения: 10.06.2016).

[7] *Макогонова Н. В.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме: *«Экономические кризисы в условиях глобализации»*. – http://dlib.rsl.ru/viewer/01002646222#?page=8 (дата обращения: 10.06.2016).

[8] *Глазьев С. Ю.* Препринт статьи *«О новой парадигме в экономической науке»*, направленной и принятой в печать 02.06.2016 г. редакцией *«Электронного вестника. Государственное управление»*, а именно в июльском (56) номере *«Электронного вестника. Государственное управление»*, выполненной в рамках гранта факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова за № 131–06/213 от 22.12.2015 *«Управление развитием национальной экономики на федеральном уровне»*, в составе участников которого состоит и автор настоящей статьи.

[9] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.04.2016 № 559-р (Об утверждении плана мероприятий (*«дорожной карты»*) по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 годы). – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102394343&rdk=&intelsearch=559-%F0+01.04.2016 (дата обращения: 10.06.2016).

[10] Проект нового федерального закона о государственном и муниципальном контроле (надзоре) . – http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43938.html (дата обращения: 10.06.2016).

[11] Информационное сообщение *«О результатах международной оценки корпоративной отчетности в Российской Федерации»*. – http://minfin.ru/ru/document/index.php?id_4=17323 (дата обращения: 10.06.2016).

[12] Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2013 года № 645 *«Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации»*. – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102167003&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1 (дата обращения: 10.06.2016).

[13] Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 251-ФЗ (в посл. ред. от 23.05.2016) *«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»*. – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102167162&intelsearch=251+23%2F07%2F2013 (дата обращения: 10.06.2016).

[14] Указ Президента Российской Федерации от 02 февраля 2016 года № 41 *«О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере»*.

[15] http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102387997&rdk=&intelsearch=02%2F02%2F2016+41 (дата обращения: 10.06.2016).

ИМИДЖ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ГЛАЗАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Андрюшина Е.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Роль современного российского государства за последние 20 лет существенно трансформировалась из рядового государства со слабой экономикой в один из глобальных мировых полюсов с модернизированной армией, мощнейшим ядерным потенциалом. Однако в информационной сфере Россия остается объектом постоянных информационных кампаний и войн, что негативно сказывается на экономических, политических связях РФ и стран Западной Европы, США, ряда других государств и мировых регионов, на притоке туристов, инвестиций в страну, да и в целом на восприятии России западным сообществом как страны – агрессора.*

Очевиден факт целенаправленного негативного информационного воздействия против современного российского государства со стороны западного сообщества (отдельных государств и представителей их политической элиты, западных и прозападных СМИ). Целью данной статьи не является обзор мероприятий западных масс медиа против РФ, исследование этапов и атрибутов информационных войн и т.д., а лишь обобщенное представление о восприятии России европейской молодежью, основанное на опыте преподавания курса *«Современная внутренняя и внешняя политика России»* для студентов Sciences Po Lyon (Лион, Франция) в марте-апреле 2016 г, а также участии в круглом столе с на тему *«Ядерное сдерживание: наследие и будущее в нестабильном мире»* с представлением концепции современной российской позиции по ядерному нераспространению, сдерживанию, основ ядерного потенциала РФ. На круглом столе были представлены также программы ядерного сдерживания Великобритании (директором департамента международных связей Sciences Po Lyon Тьерри Фортеном) и французской ядерной программы (действующим генералом французских вооруженных сил г-ном Миньо).

В целом следует отметить высокий интерес студентов к любой российской проблематике, будь то история российского государства, российский тоталитаризм, эпоха сталинизма или отдельные направления современной государственной российской политики, особенную же популярность имеют внешнеполитические аспекты российской политики и управления. Об этом свидетельствует количество студентов, выбравших предложенный курс – в общей сложности 96 человек, из которых большая часть – французы (40 человек), 1 американец, 1 бразилец, остальные – представители Южной, Центральной и Восточной Европы, а также стран Балтики. Основная масса слушателей была представ-

* *Андрюшина Евгения Владимировна*, кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

лена студентами Sciences Po Lyon, однако курс вызвал интерес также у студентов других вузов (St. Etienne, Франция), которые записались на прослушивание дисциплины и сдавали экзамен. В этом смысле вполне можно говорить о представительной выборке.

В целом курс состоял из двух частей, первая касалась особенностей политического режима и системы в современной России, основ и эволюции системы федеративных отношений, характеристик, структуры российской политической элиты, партийной системы и партогенеза, групп интересов и системы социального представительства в России, эволюции и современного состояния политической культуры, информационной политики современной России. Вторая, б**о**льшая, часть дисциплины была посвящена основным направлениям российской внешней политики (Россия как ядерная держава, Россия и США, постсоветское пространство и трансформация роли России в нем, РФ и страны Западной Европы, РФ и европейские международные структуры (ЕС, СЕ, ОБСЕ, НАТО), Россия и Китай, информационные войны против России на примере информационного освещения Пятидневной войны в августе 2008, информационной войны в связи с украинским кризисом власти и вхождением Крыма и Севастополя в состав РФ, операция российских ВВС в Сирии).

Примечательно, что основная масса слушателей прекрасно осведомлены о типе современного российского политического режима, особенностях партийной системы, политической элиты. Следует отметить тот факт, что студенты неплохо знакомы с российской историей, о чем свидетельствовали упоминание слушателями основных дат и фактов, их реплики и ремарки во время обсуждения, например, типа политического лидера в Российской Империи – СССР – современной России. Например, на подборке слайдов с изображениями русских монархов, начиная с Ивана Грозного и заканчивая действующим Президентом РФ, лишь одна фотография вызвала недоумение у аудитории и была ей незнакома – портрет В. Ленина!

В целом, говоря о восприятии европейскими студентами современной России, политических лидеров, можно с уверенностью констатировать общую тенденцию, отмеченную в начале работы – сформированный и поддерживаемый западными СМИ негативных имидж современного российского государства. Основные клише и стереотипы, воспроизводимые студентами, не уникальны и совпадают с общим восприятием России на Западе. Условно эти стереотипы можно свести к следующим моментам:

- Современная Россия практически всецело унаследовала советские способы отправления власти как внутри страны, так и на международной арене, что выражается в *«имперских амбициях»* России, угрозе нападения на большинство западных стран (особенно Прибалтийские республики и страны Центральной и Восточной Европы);
- Россия – агрессивное государство, вкладывающее колоссальные средства в программы по модернизации армии, военную промышленность, Россию следует не только критиковать, но и опасаться, предпринимать меры по ее ослаблению и защите собственных государств;

- Реваншистская Россия, основная цель которой, несмотря на бедственное экономическое положение и международную изоляцию, *«навредить»* США, НАТО, расширить зону своего влияния и контроля за счет прежних советских территорий, а также Ближневосточного региона (в этом смысле операция РФ в Сирии связана исключительно с противодействием альянсу США и их союзников и тестированием новых видов вооружений, что является результатом программы модернизации российской армии, начатой в 2011 году);
- Россия – государство, не борющееся, а способствующее распространению мирового терроризма (Россия поддерживала террористов из восточных областей Украины);
- Россия не действует в рамках международного права, а руководствуется исключительно собственными агрессивными интересами, что на практике приводит к *«ошибочно – опасной внешней политике»*, например, в связи с *«развязыванием гражданской войны на Украине»*, аннексией Крыма, способствованием эскалации военного конфликта в Сирии;
- Российский тип политического режима иначе как *«путинизм»* не трактуется, смысл же режима сводится к жесткому авторитарному контролю политического лидера за всеми процессами в стране, при этом культурное наследие России никем не оспаривается и оценивается как мировое достояние (студенты прекрасно знакомы с творчеством российских писателей, поэтов, композиторов и т.д.).

  Данная трактовка российской внешней политики известна российским гражданам, что также является аргументом в борьбе российской и антироссийской пропаганды.

  Однако к подобным распространенным стереотипам добавились и неожиданные для преподавателя (как для представителя российской стороны) новые аспекты российской политики, активно пропагандируемые на Западе и воспроизводимые студентами, а именно:

- Современная Россия использует исключительно силовые и нелегитимные методы ведения внешней политики. Потерпев неудачу на Украине, упустив возможность сохранить в стране режим Януковича, Россия искала повод хоть немного усилить свое влияние на уходящей из-под контроля территории путем неофициального, но реального, доказанного в западных СМИ ввода российских военизированных контингентов в Крым, на Восток Украины, в Киев. Аннексия (не присоединение) Крыма осуществлялось после продолжительных годовых бомбежек полуострова российской артиллерией и последующем вооруженном присоединении к России;
- В качестве реакции преподавателя на подобные заявления относительно прошедшего в Крыму референдума по вопросу о присоединении полуострова к России все студенты выразили уверенность в мобилизованном участии жителей полуострова в подобном всенародном волеизъявлении, то есть крымчане голосовали *«вынужденно, под угрозой военного захвата со стороны Москвы»*;

- К наибольшему удивлению преподавателя представители европейской молодежи добавили еще 2 субъекта в состав современной РФ – Донецк и Луганск, будучи полностью уверенными, что факт вхождения ДНР и ЛНР в состав России – уже свершившаяся реальность.
  В рамках обсуждения многочисленных аспектов российской внешней политики студенты чаще всего задавали следующие вопросы:

- Что такое *«цветная революция»*? Примечательно, что в российском и западном политических дискурсах отражения событий носят кардинально противоположный характер (например, аннексия / annexation – присоединение /accession) либо связаны с представлением совершенно разных фактов или событий (гипертрофированное внимание и откровенные фальсификации в отношении действий российских ВВС в Сирии в информационном пространстве Запада – преувеличение проблемы сирийских беженцев как результата провальной политики США и их союзников в Сирии в страны западной Европы в российских СМИ и т.д.). Концепты, активно используемые при освещении информационных кампаний Запада против России используются как в популярном, так и в научном дискурсах, особенно распространен концепт т.н. *«цветных революций»*, проводимых США на постсоветском пространстве и за его пределами с целью свержения правящих авторитарных режимов, а также для смены пророссийски направленных политических элит в бывших республиках СССР. Естественным образом данный термин неизвестен европейским студентам в то время, как теория создания *«буферной зоны»* или *«буферного кордона»*, предложенная З. Бжезинским как проект сдерживания влияния современной набирающей мощь России путем создания территории, состоящей из европейских государств, ориентированных на США и имеющих антироссийскую ориентацию, хороша знакома европейской молодежи.

- Почему Россия так непременно желает быть мировым центром и влиять на мировую политику, а не хочет оставаться рядовым государством, как, например, Бельгия или Скандинавия? В продолжение подобных тем студенты интересовались тем, по каким причинам Россия так активно использует все свои силовые и энергетические ресурсы для оказания давления на страны СНГ, а также на страны ЕС. В качестве ответа на подобные замечания приходилось апеллировать к историческим традициям российской государственности (ценности патернализма, этатизма, напоминание о ключевой роли Российской Империи и СССР в делах мирового масштаба на протяжении практически 3 столетий, о неоднократном спасении Европы от войск Наполеона, Гитлера, историческим фактам обращения к России за помощью со стороны Балканских народов и т.д.). Другими словами, национальные интересы в данном случае трактовались в рамках идеального подхода, связанного с поддержанием некой великой русской идеи. К тому же в современных реалиях операция в Сирии началась именно по запросу со стороны официального руководства Сирийской республики, о чем не так уж часто говорилось в западных масс медиа. В результате чего, повторимся еще раз, европейские студенты предполагали насильственное вторжение

РФ на территорию Сирии для поддержания режима Асада и противостояния США. Безусловно, целями России были и данные задачи, так же как и тестирование новых видов российского вооружения, которое прекрасно себя зарекомендовало и в дальнейшем принесет РФ многомиллионные контракты, однако следовало обратить особое внимание студентов на характер операции – антитеррористический, причем в рамках международного права (в противовес внешней политике США и в Сирии, и в Ираке в 2003 без мандатов уполномоченных структур типа ООН).

Более того, автор постоянно обращался к классическим геополитическим теориям и терминам, хорошо известным аудитории, а именно: сверхдержава, хартлэнд, государство-империя и т.д. так ка государства исторически развивались по-разному, некоторые достигли статуса крупных держав, сверхдержав, а некоторые так и остались малыми и средними странами, удел которых – во влиянии лишь на региональную в лучшем случае повестку дня. Представляется, что некорректно и нецелесообразно сравнивать такие государства, как Россия и, например, Бельгия или Швейцария...

- Готовится ли Россия к войне, так как она модернизирует армию? Безусловным ответом являлась современная официальная позиция руководства России, состоящая в оборонительной политике, так как на сегодняшний день, в условиях ухудшения отношений с западными партнерами, политики стран НАТО и США по размещению систем ПРО вдоль границ РФ, нежелания США действовать в соответствии с нормами международного права, российское государство вынуждено идти на подобные меры по укреплению собственной обороноспособности.

Отметим, что некоторые вопросы вызывали затруднения у преподавателя, например, вопрос о том, зачем Россия тратит много денег на демонстрацию своей силы и модернизацию армии? В данном случае приходилось апеллировать к подобной официальной позиции политического и военного руководства страны, к вторжениям на территорию российского государства и необходимости обороняться. Примечательно, что подобную стратегию поддержал в рамках круглого стола *«Ядерное сдерживание: наследие и будущее в нестабильном мире»*, прошедшего в Sciences Po Lyon 11 апреля, и французский генерал Миньо, сказав, что полностью разделяет политику Путина. Страны, постоянно сталкивающимся с попытками вторжения и захвата территории (Россия, Франция) постоянно должны быть в состоянии боеготовности. В этом смысле ядерное оружие как весомый геополитический фактор, никогда не используемый на практике, всегда будет серьезным аргументом для сдерживания любого потенциального противника и эффективным инструментом влияния на глобальную повестку дня. Интересные вопросы в рамках того же круглого стола состояли в том, каким образом Россия утилизирует ядерные отходы.

Несмотря на общее негативное отношение к современному российскому государству в начале курса, к концу пребывания в Лионе многие свою позицию не изменили, во всяком случае, сказали об этом. Однако налицо позитивные тенденции, которые можно сгруппировать в следующие факты.

Во-первых, по завершении курса *«Современная внутренняя и внешняя политика России»* были подписаны рекомендательные письма для студентов, желающих получить образование в России. Во-вторых, не менее 20 человек хотя бы единожды бывали в России, не ограничиваясь пребыванием только в Москве и Санкт-Петербурге, но посещали и Байкал, Урал, и даже Дальний Восток! Далее, 10% студентов имеют основы русского языка и хотели бы в дальнейшем углубленно изучать его. В последующей переписке со студентами многие выражают желание поддерживать общение именно на русском языке. К тому же весомым аргументом, живо заинтересовавшем европейскую молодежь приехать в Россию, стала информация о курсе евро в РФ.

Более того, некоторые студенты просят дать ссылки на российские новостные сайты, но на английском языке, предназначенные для российской аудитории. Имеется ввиду желание получать информацию, предлагаемую российскими СМИ по освещению международных и внутрироссийских событий, для внутреннего пользования. Однако в процессе поиска подобных масс медиа, сайтов популярных печатных изданий и телеканалов выяснилось, что англоязычной версии у таких источников нет, и кроме ресурсов Russia Today предложить европейцам нечего. Сразу отметим, что данному источнику европейцы доверять не склонны, считая Russia Today чрезвычайно политически ангажированным каналом. Также в немалой степени негативное отношение к источнику сложилось вследствие политики руководства западных стран, например, Великобритании, рассматривающей Russia Today как прямую угрозу своей национальной безопасности[1].

Хотелось бы отметить тот факт, что европейцы, профессионально занимающиеся вопросами геополитики и внешней политики (преподаватели, представители военной сферы) совершенно иначе воспринимают современную Россию, политику Путина в отношении ядерного сдерживания, украинского вопроса, сирийской операции российских ВВС и т.д. [2] Их стереотипы сопоставимы с позицией, предлагаемой российскими СМИ. Обсуждая данные вопросы с коллегами, они постоянно говорили о сильнейшей антироссийской пропаганде во всех источниках, следовательно, лучшим способом понять Россию и узнать ее является отказ от просмотра новостей по телеканалам, в интернет-источниках. Более эффективным инструментом разобраться в информационных войнах является знакомство с историей, традициями России, а лучшим способом – поездка в РФ для того, чтобы посмотреть *«как обстоят дела на самом деле»*.

В разговоре 15 апреля 2016 г. с известным французским политологом, географом и геополитиком Паскалем Маршаном (Pascal Marchand), крупным специалистом по постсоветской России и автором многочисленных трудов *«Геополитический атлас России»* 2007, *«Атлас Москвы»* 2010 и т.д.) выяснилось, что политолог также занимает пророссийскую позицию и обвиняет страны Западной Европе в совершении катастрофических ошибок: во-первых ЕС не самостоятельны и проводят проамериканскую политику, полностью подчиняясь воле США, далее, не было никакой прагматической или иной необходимости *«ввязываться в ситуацию с Украиной»*, в-третьих, Россия вынуждена

наращивать военный потенциал, однако ресурсы на данные проекты весьма и весьма ограничены вследствие падения цен на углеводороды и введение антироссийских санкций. Практически вся современная внешняя политика России может быть объяснена с точки зрения российского исторического процесса и географии[3].

Представляется, что современная государственная политика по управлению имиджем России для западного сообщества должна опираться как на создание системы постоянных институтов и органов власти, специализированных для выполнения данной задачи (а такие попытки предпринимаются на протяжении последнего десятилетия, однако они в совокупности с внешнеполитической линией современной России неэффективны), на формирование нормативной базы (хотя бы в виде Концепции или Стратегии информационной политики), так и на мероприятия в рамках традиционной и многосторонней дипломатии, а также использовать как можно активнее инструменты *«мягкой силы»*, например, по распространению и расширению программ международного обмена студентов и преподавателей, открытию центров изучения русского языка и русского культурного н наследия (запрос на последнее довольно высок), то есть созданию и поддержанию т.н. Русского мира, в том числе, делать англоязычные электронные версии наиболее популярных в России, хотя бы в Москве, СМИ. Именно инструменты мягкой силы можно рассматривать как наиболее эффективные механизмы поддержания позитивного имиджа современной России, так как они сосредоточены преимущественно на персональном опыте знакомства иностранцев с российскими реалиями, в то время, как активная антизападная пропаганда или просто объективное насколько это возможно освещение событий российскими СМИ в среднесрочной перспективе будут дискредитированы прозападными масс медиа. В этом смысле для обывателя неважна реальная картина, все зависит от способа подачи и обработки информации, и пока мяч не на стороне российской официальной позиции и российских СМИ.

Используемые материалы:

[1] Опыт общения со студентами Sciences Po Lyon (Лион, Франция) во время преподавания курса *«Современная внутренняя и внешняя политика России»* в марте-апреле 2016.

[2] Высказывания директора департамента международных связей Sciences Po Lyon Тьерри Фортена, действующего генералом французских вооруженных сил г-на Миньо во время проведения круглого стола на тему *«Ядерное сдерживание: наследие и будущее в нестабильном мире»* 11 апреля, Sciences Po Lyon (Лион, Франция).

[3] Беседа с политологом Паскалем Маршаном 15 апреля 2016 г. Sciences Po Lyon (Лион, Франция).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сидорова А.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье обосновывается стратегическое значение сферы высшего образования для перехода отечественной экономики к шестому технологическому укладу, проводится анализ преимуществ и ограничений реализации модели Тройной спирали в России, на основе которого формулируется вывод о невозможности воплощения модели Тройной спирали в классическом варианте. Ввиду этого предлагается развитие в России административно-командной модели Тройной спирали, сохраняющей за государством координирующую и стимулирующую роли, опираясь на богатый международный опыт, который возможно адаптировать, используя инструментарий доказательной политики.*

В настоящее время наша страна находится на переломном этапе развития как с точки зрения больших, так и малых и средних циклов. Результаты моделирования циклов разной периодичности свидетельствуют о наложении их нисходящих фаз в период 2014–2020 годов, что оказывает негативное воздействие не только на экономику, но и на другие сферы жизни общества, включая образование. Для избежания отрицательных последствий экономисты отмечают необходимость выхода на траекторию устойчивого роста, создавая экономические, технологические и политические предпосылки нового подъема.

При этом в рамках шестого технологического уклада ожидается увеличение значения управленческих технологий, ориентация на непроизводственные сферы (медицину, образование, науку, культуру), которые в странах, перешедших к новому укладу, составляют больше 50% ВВП. По мнению академика С.Ю. Глазьева, эта фаза характеризуется переходом к новой системе институтов, новому миропорядку, гармонизации отношений между государством (за которым остается роль арбитра, контролирующего базовые пропорции) и бизнесом, сочетанием плана и рынка [1]. Ввиду этого возникает вопрос, какой должна быть система образования, чтобы помочь экономике перейти к новому технологическому укладу? Как должно измениться государственное управление данной сферой?

В целом за последние 15 лет финансирование сферы образования в России возрастает [2], а по объему государственных вложений в науку Россия занимает 5 место в мире [3]. Вместе с тем, если рассматривать государственное финан-

* *Сидорова Александра Александровна*, кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

сирование отдельно по каждому уровню образования, то наблюдается заметное недофинансирование высшего образования как по сравнению с уровнем СССР (таб.1), так и по сравнению с большинством развитых в экономическом отношении стран [4]. Такой вывод позволил сделать расчеты индикатора приоритетности высшего образования, определяемого как соотношение доли государственных расходов на высшее образование в сумме всех расходов на образование к доле студентов вузов в общей численности обучающихся (если индикатор приоритетности ВПО больше единицы, это говорит о высоком значении сферы высшего образования для страны).

Расчеты показали, что для советского периода значение комплексного индикатора приоритетности высшего образования в среднем находится в промежутке между 1,5 и 1,8, что говорит о высоком приоритете высшего образования по сравнению с другими ступенями образования. В начале XXI века финансирование сферы высшего образование в России оказалось ниже советских показателей почти в 3 раза.

Для стран ОЭСР среднее значение индикатора составило 1,35, при этом даже в странах англосаксонской модели высшего образования с высоким уровнем частных инвестиций в данную сферу, значение индикатора было выше единицы (США – 1,11, Великобритания – 1,16, Ирландия – 1,3, Австралия – 1,37) [4]. Таким образом, в России для перехода к новому технологическому укладу с опорой на собственные высококвалифицированные профессиональные кадры, значение комплексного индикатора приоритетности высшего образования должно быть больше единицы, что требует повышения расходов на сферу высшего образования как минимум до 27% от общих государственных расходов при доле студентов 20,34% (2014 год), чтобы достигнуть среднего уровня по странам ОЭСР.

Тем не менее, сложная экономическая ситуация в стране ставит под вопрос возможность значительного увеличения государственного финансирования высшего образования. Ввиду этого необходимым является развитие иных механизмов, позволяющих, с одной стороны, диверсифицировать источники финансирования, а с другой – сохранить за государством ведущую роль в сфере образования. Одним из таких механизмов может служить развитие модели Тройной спирали Г.Ицковица, описывающей взаимодействие между университетами, промышленностью и государством [5]. Согласно данной модели, именно университетам отводится ключевая роль в этом взаимодействии и они рассматриваются в качестве центров, генерирующих новые технологии и новые формы предпринимательства.

На начальном этапе зарождения Тройной спирали университеты, промышленность и государство взаимодействуют в рамках инновационного процесса в своих традиционных ролях (к примеру, для государства – формирование нормативной базы, для бизнеса – обеспечение ресурсами и др.). Далее происходит внутренняя трансформация институтов, когда университеты, предприятия и государство дополнительно к выполнению своих традиционных функций принимают на себя решение задач других участников взаимодействия. Г.Ицковиц подчеркивает, что при выполнении участниками модели Тройной спира-

ли функций других институтов проявляется новый, второй уровень инноваций в инновациях. Если некая функция является ключевой для кого-либо из них, а другие институты принимают участие в ее выполнении как своей второстепенной задачи, то это можно считать инновационным вкладом данных институтов в развитие модели. Однако, выполняя функции других институтов, каждый институт сохраняет свою первичную роль и присущую ему уникальность [5].

Таблица 1.

Комплексный индикатор приоритетности высшего образования для России и СССР [17, с.24, 32, 45, 67, 129], [18, с.499, 565], [2]

Годы	**Доля студентов в общем числе учащихся, %**	**Доля расходов на вузы в общих расходах государства на образование**	**Комплексный индикатор приоритетности высшего образования**
1940/41	1,71	12,14	7,11
1965/66	5,37	8,47	1,58
1970/71	5,75	8,83	1,54
1975/76	5,24	9,06	1,73
1980/81	5,22	9,38	1,80
1981/82	5,14	9,27	1,80
2000	14,49	11,36	0,78
2001	16,52	12,24	0,74
2002	18,27	11,82	0,65
2003	20,15	12,87	0,64
2004	21,94	12,96	0,59
2005	23,09	15,70	0,68
2006	24,32	16,39	0,67
2007	25,23	17,89	0,71
2008	25,73	17,70	0,69
2012	22,53	16,48	0,73
2013	21,17	14,40	0,68
2014	20,34	13,55	0,67

Описывая данную модель, Г. Ицковиц особое внимание уделяет предпринимательским университетам, которые он рассматривает в качестве ключевых акторов трехстороннего взаимодействия. В предпринимательском университете происходит гармоничное соединение трех миссий университета – образовательной, исследовательский и экономического и социального развития. При этом Г. Ицковиц отмечает, что полноценно развиваться предпринимательский университет может только при наличии различных каналов связи с другими институциональными сферами

наряду с высокой степенью автономии от государства и бизнеса. Б. Кларк подчеркивает важность продуцирования университетом атмосферы предпринимательства и инноваций в рамках развития новых взаимовыгодных отношений между университетами и бизнесом для эффективного трансфера знаний и технологий с одновременной интеграцией новых управленческих и рыночных практик [6].

Особо следует отметить важность той роли, которую играют предпринимательские университеты в социально-экономическом развитии региона, выступая интеллектуальным ядром региональных консорциумов – инновационных площадок и резиденций для бизнеса и научно-исследовательских институтов, таких как Брэйнпорт [7] и Элат [8]. Эта тройная спираль сотрудничества создает очень благоприятный климат как для всемирно известных компаний, так и инновационных малых и средних предприятий в регионе, что делает подобный опыт особенно интересным для нашей страны в контексте задачи инновационного развития регионов.

В России для решения задачи развития региональных экономик и обеспечения рынка труда квалифицированными специалистами Министерством образования и науки Российской Федерации в 2015 году был инициирован проект по созданию опорных университетов [9]. Целью реализации данного проекта является *«создание сильных университетов в российских регионах, которые на основе объединения научных баз, кадровых и финансовых ресурсов смогут обеспечить трансформацию системы кадровой подготовки, привлечь сильных студентов, создать научные лаборатории и обеспечить кооперацию с крупными отраслевыми предприятиями региона»* [10]. На настоящий момент уже созданы 11 опорных университетов (путем слияния вузов в регионах), к концу 2016 года их количество должно увеличиться до 20, а к концу 2017 года – до 30 опорных университетов [11]. При этом подчеркивается важность достижения синергетического эффекта от объединения потенциалов университетов.

Вместе с тем, на настоящем этапе существует ряд трудностей практического воплощения модели Тройной спирали в России. К ним следует отнести особенности сферы бизнеса, с одной стороны (сложное экономическое положение малого и среднего бизнеса и, как следствие, неготовность к долгосрочному инвестированию в сферу образования и науки), и особенности российских университетов, с другой, к которым следует отнести традиционный приоритет образовательной функции над исследовательской, низкую степень автономии и свободы в выборе тех или иных направлений деятельности, низкий уровень предпринимательской культуры и предпринимательского опыта и др. Более того, достаточно распространенным является мнение, что предпринимательская деятельность в университете подрывает фундаментальность его разработок, мешает развитию научных исследований. Несмотря на то, что современные исследователи доказали, что научно-исследовательская и предпринимательская деятельность не только не мешают друг другу, а напротив, способствуют взаимному развитию (авторы выявили закономерность, согласно которой активное участие в предпринимательской деятельности способствует росту публикационной активности [12, pp. 425–441]), такое представление препятствует полноценному развитию модели Тройной спирали в нашей стране.

Помимо перечисленных выше ограничений, следует отметить также проблемы университетов, вызванные необходимостью противостояния провалам рынка, связанным не только с высоким уровнем неопределенности научного и коммерческого успеха фундаментальных исследований, но также с проблемой адресности и широкими горизонтами получения экономической отдачи в случае успеха.

Ввиду этого на настоящем этапе представляется более вероятным развитие взаимодействия между государством, университетами и бизнесом в рамках административно-командной модели Тройной спирали, сохраняющей за государством координирующую и стимулирующую роли. При этом особое внимание следует уделять совершенствованию законодательных рамочных условий, которые могли бы способствовать более значительному вкладу университетов в развитие инновационных технологий.

В целом же следует отметить, что зарубежный опыт предоставляет достаточно широкий спектр успешных примеров различных форматов подобного взаимодействия государства, университетов и предприятий. Однако при адаптации *«лучших практик»* встает важный вопрос: как определить, что политика, которая сработала в другой стране и при других обстоятельствах, приведет к ожидаемому положительному эффекту в современной России?

Инструментарий доказательной политики (Evidence-based policy) позволяет дать аргументированный ответ на поставленный вопрос и оценить вероятность успеха адаптации зарубежного опыта или масштабирования результатов пилотного проекта [13]. Общий алгоритм доказательной политики состоит из четырех основных этапов.

В рамках первого этапа проводится анализ процесса реализации и результатов выбранного эталонного проекта, опыт проведения которого возможно адаптировать для решения целей настоящего.

На втором этапе проводится горизонтальный поиск – поиск поддерживающих факторов, то есть тех условий, которые должны обязательно присутствовать для успешной реализации конкретного проекта.

К примеру, для реализации дуального образования, в рамках которого теоретические знания студенты средних профессиональных учебных заведений приобретают в аудиториях, а практические – непосредственно на предприятиях [14, с. 33–37], можно выделить несколько групп поддерживающих факторов. К первой группе относятся факторы, характеризующие предприятия, участвующие в реализации таких программ. К ним следует отнести: наличие в регионе предприятий, которые имеют достаточные для совместного финансирования ресурсы; необходимую материально-технологическую базу; сотрудников, готовых оказывать организационную и профессиональную поддержку, а также пройти специальную подготовку для участия в программе, включая получение базовых навыков осуществления образовательной деятельности. Ко второй группе факторов следует отнести поддержку региональных органов власти, в свою очередь готовых участвовать в совместном финансировании подобных программ, наличие у них финансовых и организационных возможностей и проч. К третьей группе факторов относятся возможности средних учебных

заведений региона, в частности, готовность разрабатывать новые и модернизировать существующие программы в соответствии с потребностями конкретных предприятий; наличие обучающихся, готовых остаться работать по выделенным специальностям в своем регионе, и др. Помимо этого, важным поддерживающим фактором выступает наличие опыта реализации дуального образования, опыта взаимодействия (реализации совместных проектов) образовательных организаций с региональными органами власти и предприятиями.

В рамках третьего этапа реализации доказательной политики проводится вертикальный поиск, под которым подразумевается переход на такой уровень абстракции, который позволит связать две рассматриваемые ситуации (прошлого успешного проекта и настоящих условий). Также важной задачей в рамках осуществления вертикального поиска является обоснование тождественности каузальных ролей: роли, которую сыграла проводимая политика в прошлом, и той роли, которую она будет играть в настоящем.

На завершающем этапе происходит верификация полученных результатов, используя четыре базовые стратегии (*«Предсмертная стратегия»*, *«Мыслить перспективно»* и *«Мыслить ретроспективно»*, *«Это работает. Благодаря чему?»*). Главная задача – уточнить выявленные поддерживающие факторы и общий алгоритм реализации проекта для повышения вероятности успеха реализации нового проекта.

На данном этапе часто выявляются неучтенные ранее особенности, неверно поставленные задачи (не коррелирующие с главной целью) и излишние мероприятия, затраты на которые ни к чему не приведут. При этом важно отметить, что здесь нужно сконцентрироваться не только на факторах успеха, но и на тех условиях, из-за которых выбранная политика не сработает даже при наличии всех поддерживающих факторов. Например, при переходе на двухуровневую систему образования (бакалавриат – магистратура) одной из важных проблем было нежелание работодателей брать на работу бакалавров, так как они воспринимались как люди с *«неоконченным высшим образованием»*, не в полной мере сформированными профессиональными компетенциями, необходимость *«доучивания»* которых стояла более остро [15], [16, с.128–129]. Ввиду этого даже при наличии таких поддерживающих факторов, как наличие новых образовательных стандартов, законодательного признания бакалавриата высшим образованием и проч., в переходный период параллельного существования специалитета и бакалавриата приоритет при трудоустройстве отдавался выпускникам-специалистам.

Инструментарий доказательной политики, следовательно, может использоваться на региональном уровне для принятия государственных решений в сфере образования (например, для дополнительного обоснования эффективности создания опорных университетов или адаптации международного опыта развития инновационных образовательных кластеров в рамках модели Тройной спирали).

Таким образом, несмотря на приоритетное значение высшего образования для перехода экономики к новому технологическому укладу, на настоящее время отмечается недофинансирование данной сферы со стороны государства.

Ввиду этого предлагается делать упор на взаимодействие государства, университетов и бизнеса в рамках административно-командной модели Тройной спирали, которая, сохраняя координирующую и стимулирующую роли за государством, позволит усилить позиции университетов в этом взаимодействии. Инструментарий доказательной политики, в свою очередь, позволит найти лучшие мировые практики реализации модели Тройной спирали и снизить риски их адаптации в России.

Список литературы

[1] Официальный сайт С. Глазьева. – http://www.glazev.ru/econom_polit/270/ (дата обращения 14.05.2016).

[2] Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. –http://info.minfin.ru/isprashved.php (дата обращения 14.05.2016).

[3] Россия занимает 5 место в мире по объему государственного финансирования науки. – http://минобрнауки.рф/новости/7183 (дата обращения 19.05.2016).

[4] *Сидорова А.А.* Стратегия развития высшего образования: комплексный индикатор // Государственное управление: электронный вестник, № 33, 2012. С. 1–12.

[5] *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Генри Ицковиц; пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.

[6] *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011.

[7] Brainport. – http://www.brainport.nl/en/about-brainport (дата обращения 19.05.2016).

[8] Eindhoven Leuven Aachen Triangle, ELAt. www.elat.or (дата обращения 19.05.2016).

[9] Официальный сайт Проекта Министерства образования и науки Российской Федерации *«Опорные университеты»* – Опорныйуниверситет.рф (дата обращения 19.05.2016).

[10] Экспертным советом Минобрнауки России одобрены 11 вузовских заявок на создание опорных университетов (25.01.2016) – Минобрнауки.рф/новости/7780 (дата обращения 19.05.2016).

[11] В России до конца года появится 20 опорных вузов (27.01.2016). – http://www.interfax.ru/russia/491784 (дата обращения 14.05.2016).

[12] *Bart Van Looy, Marina Ranga, Julie Callaert, Koenraad Debackere, Edwin Zimmermann.* Combining entrepreneurial and scientific performance in academia: towards a compounded and reciprocal Matthew-effect? // Research Policy, 2004. № 33.

[13] *Cartwright N., Hardie J.* Evidence-based policy: a practical guide to doing it better. Oxford University Press, 2012.

[14] *Терещенкова Е.В., Бернхард М.* Дуальное образование как инновационный формат системы высшего профессионального образования // Вестник Московского гуманитарно-экономического института, 2014. № 1 (2).

[15] *Касьянова М.К.* Реформирование системы высшего профессионального образования – шаг вперед или два шага назад для развития наукоемких производств // www.edu.meks-info.ru/tezis2/037.doc (дата обращения 14.05.2016).

[16] *Чаплыгин В.Г., Алибеков Ш.И.* О формировании профессиональных компетенций бакалавров экономики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. № 4 (42).

[17] Индикаторы образования: 2010. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2010.

[18] Народное хозяйство СССР. 1922–1982: Юбил.стат.ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982.

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Маслихина В.Ю.*
(Россия, г.Саратов)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Научный проект № 16–02–50130 «Пространственное межрегиональное социально-экономическое неравенство в России».

Аннотация. *Проведен пространственно-динамический анализ межрегионального неравенства в России в период 1994–2014 гг. Обобщены и систематизированы основные факторы пространственного развития России, проведена оценка их влияния на экономическое развитие регионов России на основе корреляционного анализа. Проанализированы меры государственной региональной политики по сглаживанию межрегионального неравенства.*

1.Введение. Межрегиональное социально-экономическое неравенство наблюдается во всем мире. В России пространственное неравенство выше, чем в развитых странах. Определенный уровень межрегионального неравенства может ускорять или тормозить экономический рост. С одной стороны: некоторое неравенство считается необходимым для обеспечения стимулов для инвестиций и экономического роста [1, 2]. С другой стороны, как считают экономисты Международного валютного фонда и Всемирного банка, высокое неравенство является препятствием для устойчивого долгосрочного экономического роста и дестабилизирует ситуацию в регионах, повышая социальную и политическую напряженность [3, 4].

Цель исследования заключается в проведении пространственно-динамического анализа межрегионального неравенства в России в период 1994–2014 гг.

Решаемые задачи: 1) анализ динамики межрегионального неравенства в России; 2) выявление специфических особенностей и структуры межрегионального неравенства; 3) оценка связи межрегиональной дифференциации и экономического роста; 4) анализ и систематизация факторов пространственного развития; 5) анализ направлений региональной политики по выравниванию межрегионального неравенства.

2. Методы измерения межрегионального неравенства и данные. В качестве обобщающей характеристики регионального социально-экономического развития рассматривается валовой региональный продукт (ВРП) в текущих ценах. Для обеспечения сопоставимости уровней регионального развития ВРП берется на душу населения.

* *Маслихина Вероника Юрьевна*, кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, доцент кафедры управления и права.

В зарубежных и отечественных работах используется широкая линейка показателей неравенства для оценки межрегиональной дифференциации. При выборе показателя неравенства можно опираться на их систематизацию по трем критериям измерения: остроте, масштабу и структуре (рис. 1). Масштаб неравенства позволяет судить о неоднородности развития территориальных единиц [5].

Рис. 1. Основные показатели (методы) оценки пространственного неравенства

Для целей нашего исследования были выбраны следующие показатели: коэффициент размаха и индекс Тейла. Коэффициент размаха характеризует разброс крайних значений среднедушевого ВРП и рассчитывается как отношение максимального и минимального значения среднедушевого ВРП. Коэффициент размаха прост в расчетах и удобен для оценки остроты неравенства (1).

$$K_p = \frac{max_i\, y_i}{min_i\, y_i} \qquad (1)$$

где *Kp* – коэффициент размаха; y_i – среднедушевой ВРП i-го региона.

Для оценки масштаба и структуры неравенства используется первый индекс Тейла [6], который относится к энтропийным мерам неравенства. Для первого индекса Тейла выполняются пять аксиом неравенства: независимость от масштаба и численности населения, анонимность, принцип трансфертов Пигу-Дальтона, декомпозиция. Декомпозиция позволяет общее неравенство разложить на неравенство внутри отдельных групп регионов и межгрупповое неравенство и тем самым проанализировать структуру неравенства. Для обеспечения сопоставимости первый индекс Тейла берется по показателю продук-

тивности экономики региона ВРП и взвешивается по доле численности населения региона в общей численности населения России (2).

$$I_T = \sum_{i=1}^{N} \frac{y_i}{y} \ln\left(\frac{y_i / p_i}{y / p}\right), \qquad (2)$$

где I_T – первый индекс Тейла; N – количество регионов; y_i – ВРП i-го региона; y – ВВП страны; p_i – численность населения i-го региона; p – численность населения страны.

При нулевом значении первого индекса Тейла имеет место абсолютное равенство, при более высоких значениях – неравенство.

Декомпозиция общего неравенства на неравенство между федеральными округами и неравенство внутри федеральных округов производится следующим образом (3, 4):

$$I_T = T_D + T_W = \left[\sum_{i=1}^{N} \frac{y_i}{y} \ln\left(\frac{y_i / p_i}{y / p}\right)\right] + \left[\sum_{i=1}^{N} \left(\frac{y_i}{y}\right) T_i\right] \qquad (3)$$

$$T_i = \sum_{j=1}^{M} \frac{y_{ij}}{y_i} \left(\frac{y_{ij} / p_{ij}}{y_i / p_i}\right) \qquad (4)$$

где I_T – первый индекс Тейла; T_D – индекс межгрупповой неравномерности; T_W – средняя взвешенная внутригрупповых индексов неравномерности; N – количество федеральных округов; T_i – внутригрупповой индекс Тейла для i-ого федерального округа; M – количество регионов в i-том федеральном округе; y_{ij} – ВРП j-го региона, входящего в i-тый федеральный округ; $Y_i = \sum_{j=1}^{M} y_{ij}$ – общий валовый продукт i-ого федерального округа; y – ВВП страны; p_{ij} – численность населения j-го региона, входящего в i-ый федеральный округ; p_i – численность населения i-ого федерального округа; p – численность населения страны.

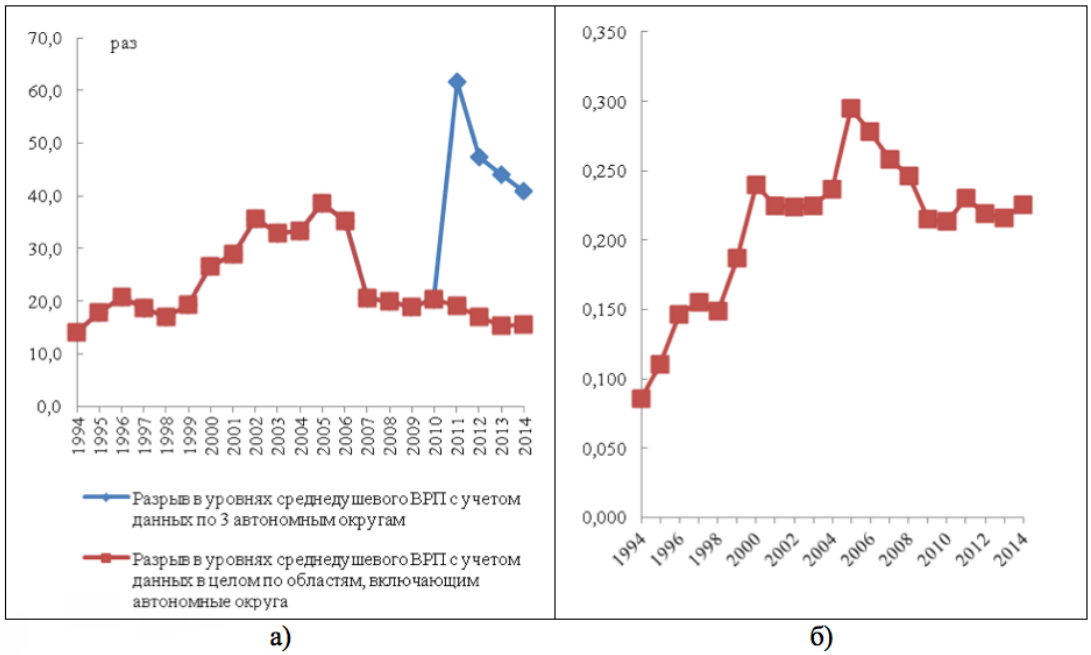
Информационную основу исследования составили статистические данные Росстата по регионам России за 1994–2014 гг. [7]. Число и состав регионов и федеральных округов приведены в соответствие с территориальными преобразованиями. Анализ охватывает 83 субъекта РФ, 8 федеральных округов (за исключением Крымского федерального округа). Статистика по Чеченской Республике включена в расчеты с 2005 года, данные по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югра, Ямало-Ненецкому и Ненецкому автономным округам включены в исследование с 2011 года, когда Росстат начал публиковать статданные по этим субъектам России.

3. Тенденции межрегионального неравенства в России. Разрыв в уровнях максимального и минимального среднедушевых ВРП составлял в 1994 году – 14 раз; 2005 году 38,6 раз; 2014 году – 15,6 раз (без трех автономных округов) и 40,9 раз (с учетом трех автономных округов) (рис. 1а). Пространственные дис-

пропорции в России можно оценить как крайне высокие, особенно при сравнении с другими странами. Например, в 2009 году коэффициент размаха между регионами в США не превышал 5,2 раза, в Китае – 7,6 раз [8], в 28 странах Европейского Союза по NUTS 2 (номенклатуре территориальных единиц для целей статистики) – 11 раз в 2011 году [9].

Безусловно, оценка остроты и глубины неравенства важна, но она не дает полной картины о неравномерности регионального развития. Расчет первого индекса Тейла позволит оценить в полной мере масштабы и структуру пространственного неравенства (рис. 1б).

Процессы дивергенции регионов наблюдаются с 1994 года по 2005 год, затем начинается медленный процесс конвергенции, даже не смотря на более высокий уровень неравенства с учетом автономных округов. Дивергенция особенно усиливалась в период быстрого экономического роста – в середине двухтысячных годов. В этот период сверхдоходы регионов от реализации углеводородов ускорили в них экономический рост и тем самым увеличили разрыв между уровнями социально-экономического развития регионов. Затем преобладающие процессы региональной конвергенции были инициированы не столько достаточно высоким ВВП, но, преимущественно, экономическими кризисами и периодами замедления и падения экономического роста. Максимального значения показатели неравенства достигают в 2005 году, что вполне объяснимо, так как с 2005 года в публикациях Росстата появляются данные по Чеченской Республике, одного из самых беднейших регионов с низким среднедушевым ВРП. Если бы была полная статистика по Чеченской республике и автономным округам на всем исследуемом периоде, то значения показателей неравенства с 1994 по 2014 годы были бы несколько выше. В целом пространственное неравенство выросло, но в отдельные периоды, например, после 2005 года наблюдается у-конвергенция, т.е. более равномерное развитие регионов России.



а) б)

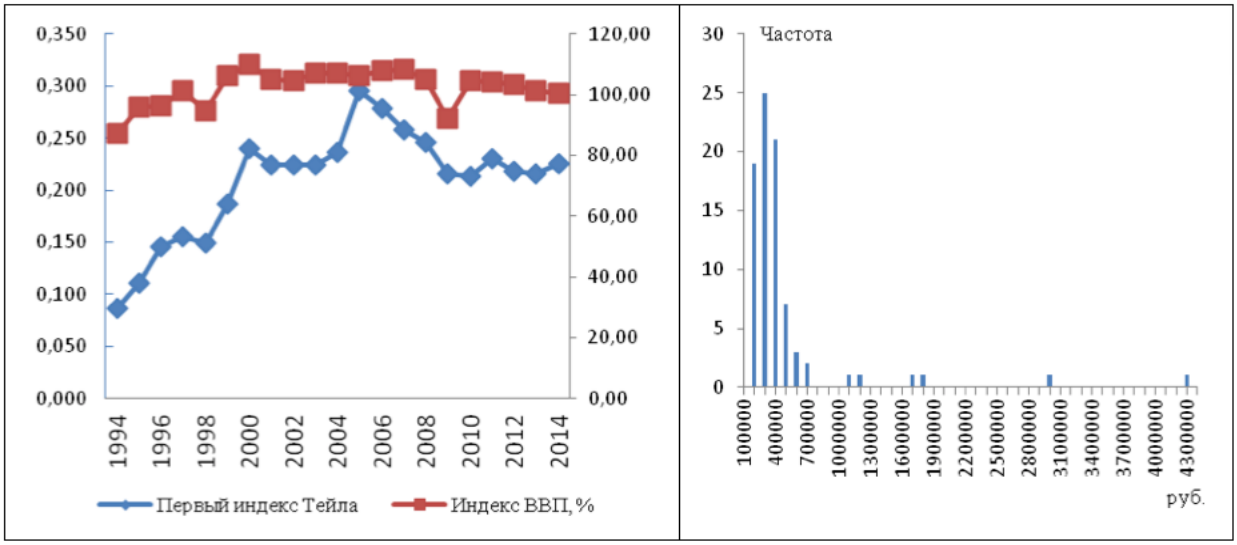
Рис. 2.
а) Динамика коэффициента размаха по душевому ВРП в России;
б) Динамика межрегионального неравенства в России, оцениваемого по первому индексу Тейла

Наглядно связь между пространственным неравенством и экономическим ростом демонстрирует рисунок 2а: неравенство растет при высоких значениях индекса ВВП и сокращается при снижении экономического роста. Зависимость между первым индексом Тейла, характеризующим межрегиональное неравенство, и индексом ВВП – высокая, коэффициент корреляции между ними равен 0,79.

Распределение среднедушевых ВРП соответствует логнормальному распределению с длинным правосторонним хвостом (рис. 2б). При таком распределении показателей межрегиональное неравенство формируется в основном под влиянием нескольких наиболее развитых регионов с высоким среднедушевым ВРП по отношению к остальным регионам, следовательно, регионы России развиваются поляризованно.

По данным за 1998–2010 гг. исключение четырех наиболее развитых регионов (г. Москвы, Тюменской области, Сахалинской области, Чукотского автономного округа) при оценке общего неравенства уменьшает неравенство в среднем в 2–3 раза и показывает относительно стабильный уровень межрегиональной дифференциации [10].

Декомпозиция общего межрегионального неравенства на внутрирегиональное неравенство федеральных округов и неравенство между федеральными округами представлена на рисунке 3.



а) б)

Рис. 3.
а) Взаимосвязь межрегионального неравенства и экономического роста;
б) Распределение среднедушевого ВРП в 2014 году

Удельный вес неравенства между федеральными округами в общем неравенстве за весь период исследования снизился с 44% до 31%. Неравенство между федеральными округами растет медленнее по сравнению со средневзвешенным неравенством внутри федеральных округов. Начиная с 2005 года, структура общего неравенства стабилизируется: примерно 30% пространственного неравенства приходится на неравенство между федеральными округами.

Рис. 4. Структура межрегионального неравенства России

4. Факторы межрегионального социально-экономического неравенства. Теоретической базой неравномерности территориального развития являются новая экономическая география Кругмана, теория *«3D»* экономистов Всемирного банка, теории кумулятивного роста, которые выявляют причины неравенства. Опираясь на теоретические концепции, предложим один из вариантов систематизации факторов пространственного развития (рис. 5).

Рис. 5. Факторы, определяющие пространственное неравенство

Воздействие факторов на уровень регионального развития и пространственное неравенство оценивалось на основе данных за 2010 г. В исследовании в число рассматриваемых факторов были включены: начальный уровень регионального раз-

вития в 2000 г., уровень урбанизации, степень агломерации, плотность населения, региональная специализация, торговля, инфраструктура, мобильность населения, инвестиции и человеческий капитал [11]. Факторы количественно представлены 14 показателями (табл. 1). Для оценки инфраструктурного фактора использовались данные Дорофеевой Л. В. [12], предложившей интегральный показатель уровня экономической инфраструктуры региона, включающий 25 показателей развития транспорта, связи и коммуникаций, торговли и инноваций.

Проведенный корреляционный анализ показал, что в России до сих пор сильны географические факторы, такие как наличие полезных ископаемых и благоприятное географическое положение, в то время как в развитых странах ведущая роль отводится экономическим факторам. По величине коэффициентов корреляции, отражающих степень влияния экономических и социокультурных факторов на региональное развитие, можно определить наиболее значимые факторы пространственного развития. К ним относятся инвестиции в региональную экономику, стимулирование миграции рабочей силы и предпринимателей к центрам экономической активности, развитие торговли и инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал. Экономические и социокультурные факторы начинают проявлять себя более активно в региональном развитии только при высоком качестве институциональной среды.

Таблица 1.

Влияние факторов на пространственное развитие регионов России

Факторы	**Показатели**	**Коэффициенты корреляции между среднедушевым ВРП и показателем**
Начальный уровень регионального развития	ВРП на душу населения в 2000 году, тыс. р.	0,85
Урбанизация	Удельный вес городского населения в численности населения региона, %	0,42
Агломерация	Наличие или отсутствие в регионе городов с численностью населения более миллиона человек	0,10*
Плотность населения	Численность населения региона, приходящаяся на 1 км^2 его территории	0,31
Специализация экономики региона	Удельный вес региона в добыче полезных ископаемых России, %	0,65
	Удельный вес региона в обрабатывающих производствах России, %	0,36
	Удельный вес региона в продукции сельского хозяйства России, %	–0,08*

Факторы	Показатели	Коэффициенты корреляции между среднедушевым ВРП и показателем
Торговля	Удельный вес региона в обороте розничной торговля России, %	0,38
	Удельный вес региона в экспорте России, %	0,53
	Удельный вес региона в импорте России, %	0,36
Инфраструктура	Интегральный показатель уровня экономической инфраструктуры региона (по данным Дорофеевой Л. В.)	0,37
Мобильность населения	Рост (убыль) населения региона в период 2000–2010 гг., млн чел.	0,35
Инвестиции	Удельный вес региона в инвестициях в основной капитал в общероссийском объеме инвестиций, %	0,60
Человеческий капитал	Индекс развития человеческого потенциала региона	0,59

* – коэффициент корреляции статистически незначим.

5. Государственная региональная политика. Основные цели государственной региональной политики России определены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года. *«Государственная региональная политика направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни»* [13], а также реализацию национальных геополитических интересов. Для достижения целевых ориентиров социально-экономического развития Российской Федерации необходимо решение трех задач: 1) формирование центров экономического роста в регионах на основе конкурентных преимуществ; 2) координация инфраструктурных инвестиций государства и инвестиционных стратегий бизнеса в регионах с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений, в том числе демографических; 3) сокращение дифференциации в уровне и качестве жизни населения в регионах с помощью эффективных механизмов социальной и бюджетной политики.

Формирование полюсов роста в России, которые распространяют инвестиционную и инновационную активность в зоне своего влияния, и создание инфраструктуры в основном реализуется через ускоренное развитие агломераций, создание и развитие особых экономических зон (ОЭЗ) и территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Сокращение межрегионального неравенства по доходам и уровню жизни населения обеспечивается мерами бюджетной и социальной политики, стимулированием

территориальной мобильности населения. Геополитические задачи нашли отражение в планах по ускоренному развитию Дальнего Востока, Юга России, Калининградской области, Крымского федерального округа и территории Арктической зоны.

Управляемые факторы, положительно влияющие на экономический рост, используются при проведении региональной политики. К ним относятся: точечные инвестиции в экономику агломерационных образований или в инфраструктуру ОЭЗ и ТОСЭР, стимулирование торговли в ОЭЗ путем введения режима свободной таможенной зоны, стимулирование миграции рабочей силы и предпринимателей к центрам экономической активности, справедливая социальная политика по развитию человеческого капитала. Очевидно, что комплекс мер региональной политики, основанный на *«сильных»* факторах, приведет к ускоренному развитию в развитых регионах и углублению межрегионального диспаритета в целом, с другой стороны, в депрессивных регионах – может стать катализатором регионального развития, вызвать их более быстрый рост и сократить межрегиональное неравенство.

Список литературы

[1] *Barro R.* Inequality and growth in a panel of countries // Journal of economic growth. 2000. Vol. 5 (March). P. 5–32.

[2] *Forbes K. A.* Reassessment of the relationship between inequality and growth // American economic review. 2000. Vol. 90, No 4. P. 869–887.

[3] *Berg A., Ostry J.* Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? // International Monetary Fund. Research Department. 2011.

[4] World development report 2006: Equity and development // The World Bank and Oxford University Press. 2006.

[5] *Малкина М.Ю.* К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глущенко) // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 163–184.

[6] *Theil H.* Economics and information theory. Amsterdam: North-Holland, 1967. 488 p.

[7] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/Isswww.exe/Stg/d05/63.htm (дата обращения: 15.05.2016 г.).

[8] *Николаев И.А., Точилкина О.С.* Экономическая дифференциация регионов: оценки, динамика, сравнения. – http://www.fbk.ru/ upload/images/regions_doklad.pdf (дата обращения: 15.05.2016 г.).

[9] Официальный сайт статистического управления Европейских сообществ (Евростат). – http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5786277/KS-HA-14–001–05-EN.PDF/ f5c7cff7–682c-432e-b8eb-b907ba2e8327?version=1.0/ (дата обращения: 15.05.2016 г.).

[10] *Маслихина В.Ю.* Пространственная неоднородность экономического развития региональных систем в России // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1 (17). С. 5–16.

[11] *Маслихина В.Ю.* Детерминанты пространственного развития России: социально-экономический аспект // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2013. № 36. С. 332–342.

[12] *Дорофеева Л.В.* Инфраструктурный потенциал как фактор конкурентоспособности регионов России: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Санкт-Петербург, 2016.

[13] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf (дата обращения 15.05.2016).

О РЕЗУЛЬТАТАХ НАБЛЮДЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Сухотин А.Б., Чернова Л.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Многолетние исследования эмпирических зависимостей индексов дефляторов на базе национальных счетов в период наблюдений с 2002 по 2009 гг. показали отсутствие должного взаимодействия между ключевой сферой российской экономики – обрабатывающей промышленностью и общенациональным рынком. Ошибки рынка, выраженные в отсутствии конкурентных условий развития ее инновационной составляющей, должна была компенсировать институциональная система. Однако административная реформа 2004 года, ликвидировав «дублирующие» и многие другие функции и органы федерального управления, сложившиеся за время роста советской экономики, открыла дорогу монопольным отношениям.*

Чрезмерно ограниченный характер конкурентных отношений на производстве, и особенно там, где это точно необходимо – в обрабатывающей промышленности, способен стать причиной дальнейшего расширения отношений и методов мобилизационной экономики. Финансово-экономическая система нашей страны и ее рыночная организация оказываются наиболее беспомощными именно в том месте, где реформаторы надеялись на их сильные стороны, а именно: в сфере саморегулируемого, сбалансированного и конкурентного развития народного хозяйства. Одним из главных источников, формирующим неправильные отношения в экономике, является ее институциональная система.

По результатам многолетних исследований эмпирических зависимостей индексов дефляторов на базе национальных счетов в период наблюдений с 2002 по 2009 гг. [1, с. 716] авторами показано отсутствие должного взаимодействия между ключевой сферой российской экономики – обрабатывающей промышленностью и общенациональным рынком. Склонность отечественной хозяйственной системы к господству черт мобилизационной экономики, ее невосприимчивость к задачам самостоятельного технологического развития, по всей видимости, недостаточно компенсируется прогрессивными чертами способов управления промышленностью, и главным среди них условием –

* *Сухотин Алексей Борисович*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; *Чернова Лариса Сергеевна*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник , Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

правилом конкурентного развития. Под этим же углом, возможно, следует рассмотреть цели, задачи и результаты административной реформы 2004 года, а также общий имевший тогда место подход к задачам реформы – сокращение дублирующих полномочий министерств и ведомств.

К началу 2000-х годов, второму этапу административной реформы, экономика в основном уже не работала по советской системе отношений. Имеющиеся данные о состоянии большинства сфер российской экономики говорят о наличии в этих системах явных признаков рыночных условий. Более того, оставляя в стороне вопрос о качестве, следует отметить конкурентный характер имеющихся взаимодействий.

Действительно, разумно полагать, что далеко не все производители в таких сферах, как сельское хозяйство, добывающие отрасли, обрабатывающая промышленность, строительство – наиболее крупные сферы экономической деятельности по производству валовой добавленной стоимости (ВДС), способны достаточно быстро менять свои ценовые ориентиры, а вместе с ними цепочки поставщиков и круг потребителей, следовательно, и производственные планы в целом. В таком случае, не будет большим преувеличением полагать, что за каждой возможной динамикой изменения уровней цен, а это одна из сторон экономических реалий, которую отражает дефлятор, стоит своя группа экономических агентов – производителей в своих областях материального производства добавленной стоимости. Хорошим ориентиром здесь служит соотношение динамики дефляторов каждой сферы деятельности с динамикой дефлятора валового внутреннего продукта (ВВП) всей экономики в целом. [2, стр. 324–327], [3, стр. 123].

Иллюстрацию этих фактов и можно видеть на графиках рис.1, где представлены данные об экономических условиях, в которых существовали четыре сферы деятельности российской экономики на протяжении от 2000-ого до 2009 года. Времени, в которое без особого преувеличения можно сказать формировались основные черты современного отечественного хозяйства.

Действительно, три из представленных показаний динамики дефляторов в трех сферах общественного производства – добывающей, строительной и сельскохозяйственной – хотя бы раз за весь период наблюдений демонстрируют разнонаправленную динамику своих индексов дефляторов, пересчитанных авторами в % к предыдущему году [3, стр. 206], с индексом дефлятора ВВП .

На этом фоне своей полной синхронностью с изменениями дефлятора национальной экономики резко выделяется динамика дефлятора обрабатывающих производств. Данный факт особенно обращает на себя внимание из-за особенной роли обрабатывающей промышленности во всем общественном производстве. Именно в обрабатывающей промышленности сосредоточена основа инновационного производства экономики, уровень развития которого определяет уровень инновационного развития всех остальных сфер общественного производства. Это происходит по причине особенного положения обрабатывающего производства по отношению к другим сферам, поскольку оно в действительности не имеет с ними четких границ и наподобие явления диффузии проникает и присутствует везде – в сфере услуг и в сельском хозяйстве

и пр. Таким образом, условия развития сферы обрабатывающего производства более других сфер деятельности способно отражать условия инновационного развития экономики в целом.

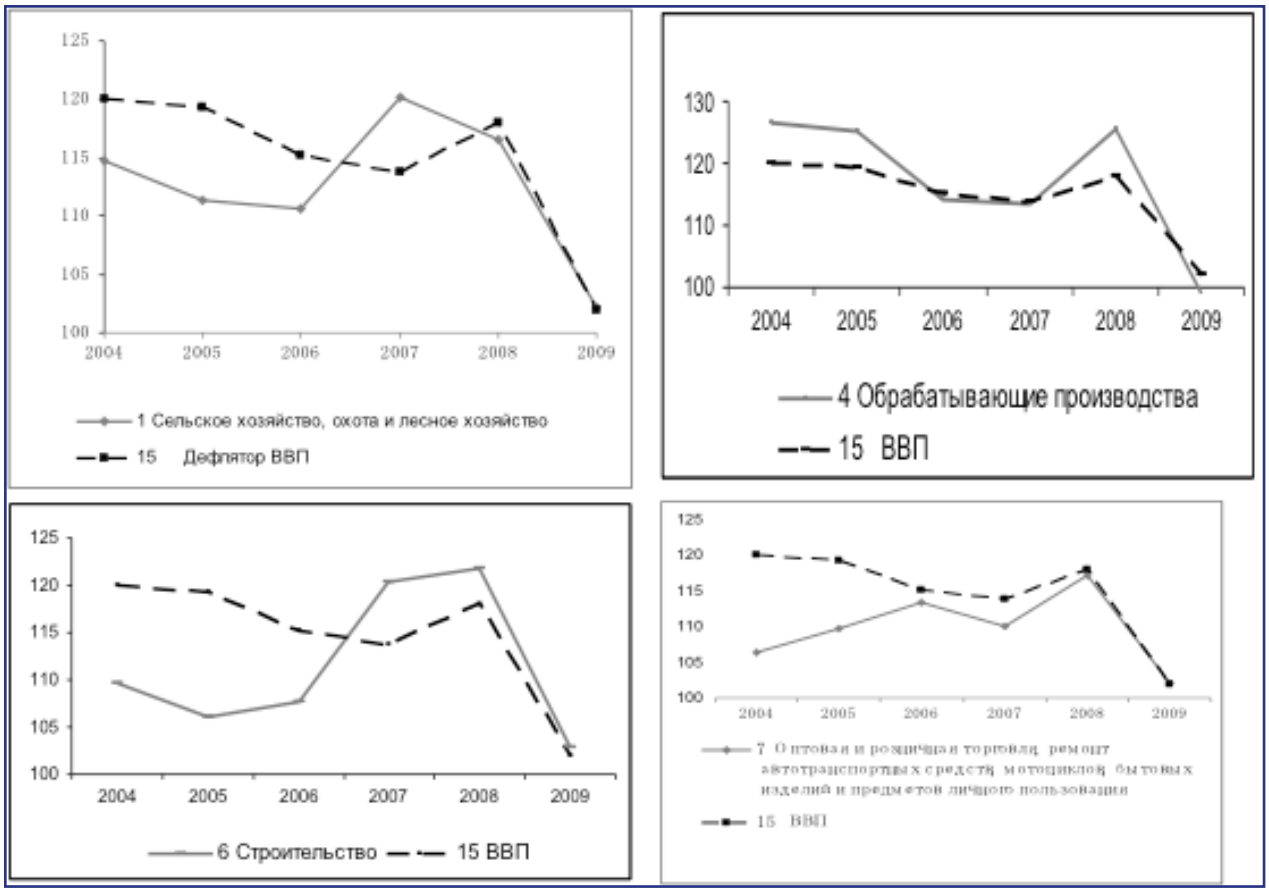


Рис. 1. Индексы дефлятора ВВП и дефляторов ВДС по отдельным видам экономической деятельности в % к предыдущему году

В экономическом анализе инновационную сферу деятельности характеризуют совершенно уникальные свойства и, прежде всего, в отношении взаимодействия с рыночным хозяйством. Проблема заключается в том, что рынок не способен полноценно учитывать постоянно меняющиеся запросы инновационной экономики и обеспечивать производителям инновационного продукта необходимые конкурентные условия его создания и реализации. Инновационная отрасль здесь оказывается в еще более худшем положении, чем классический пример заложника рыночных отношений – сельского, фермерского хозяйства Поэтому в реальной экономике прошлых лет инновационная деятельность была, практически еще до недавнего времени, сосредоточена в крупных монополиях. Условия для развития именно монопольных отношений возникают там, где конкурентный рынок дает сбой, т.е. случается явление так называемой *«ошибки рынка»*.

Государство и общество в развитой капиталистической системе способно регулировать не только деятельность сложившихся монополий, но что гораздо более эффективно, создавать условия препятствующие их появлению там, где это не вызвано естественными причинами, связанными с более высокой производительностью или реальной экономией транзакционных издержек. Может быть, если и не заменить полностью по сути не справляющий-

ся с инновационной отраслью рынок, то хотя бы дополнить своей системой отношений отсутствующий рыночный порядок может быть способна система государственных и общественных институтов. Эта система призвана поддерживать правила, которые бывает очень трудно найти и соотнести с общими и особенными условиями стран так, чтобы они были способны восполнить недостающий рыночный порядок. Авторам представляется, что именно здесь – в успехе поиска такого рода порядка, который будет способен поддерживаться институциональной системой, и кроется корень истинных проблем российской экономики. Отсталая, несовершенная система экономических отношений в самом ее центре – инновационной сфере, монополизированной быть может даже более советской, заключает в себе громадный резерв экономического развития страны.

Обычно в качестве основной проблемы отечественной экономики представляется экспортная ориентация ее добывающих отраслей и в первую очередь нефте-газовых. Действительно, до некоторой степени на ограниченный период времени благоприятная внешнеторговая конъюнктура способна оказать положительное влияние на показатели экономического роста экономики. Из-за этого, как и в нашем конкретном случае, бывает трудно оценить влияние того или иного конкретного фактора общественного производства. Более того, обращает на себя внимание очень большая и частая волатильность динамики дефлятора добывающей отрасли, см. рис 2.

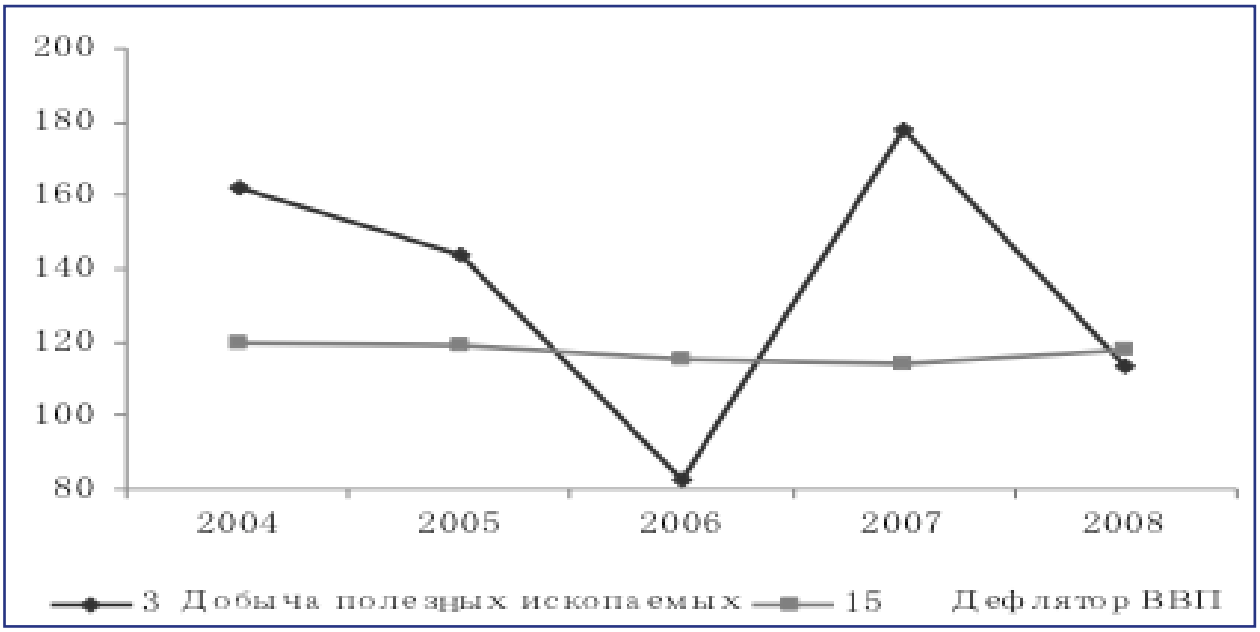


Рис. 2. Индексы дефлятора ВВП и дефлятора ВДС в добывающих отраслях

Однако здесь, для того чтобы соизмерить степень влияния на конечный продукт экономики различных сфер общественного производства следует напомнить, что объем годового оборота предприятий обрабатывающей отрасли по производству добавленной стоимости является большим, чем у всех других сфер производственной деятельности и составлял в начале 2000-х годов около 40% всего производства [3]. При всем исключительном положении, которое имеет добыча полезных ископаемых, в том числе и ее переработка, для экономики, все эти ресурсы общественного производства

в сумме составляют немногим более 10 % [3]. Влияние доходов от нефти на рост экономики, можно наблюдать на рис.3 и таб. 1.

Темпы роста ВВП [3, стр. 36] замедлялись ровно до того времени, пока между 2004 и 2005 гг. не начался устойчивый рост цен на нефть на мировых рынках [4]. Затем начался устойчивый рост обоих показателей, который и продолжался вплоть до начала общемирового кризиса 2008 года.

Негативные последствия от состояния отечественной системы управления и координации промышленного производства, а также от бесполезности второго этапа административной реформы проявляют себя иным путем. Последствия неправильной координации экономических отношений в обрабатывающей промышленности, а по сути в инновационной сфере всей национальной экономики, нарушили правильную ориентацию производителей промышленной продукции на спрос потребителей. Их мотивационные установки, в силу нарушений фундаментальных оснований рыночной деятельности, были переориентированы на ценовые показатели. Последствием явилась не только повальная погоня рыночных агентов за денежной прибылью, не только снижение заработной платы высококвалифицированным специалистам и ее заоблачное повышение сотрудникам, способным в краткосрочном аспекте повлиять на прибыль организаций и положение ее руководителей, но и усиленная экономия на собственных разработках организаций. Вместе с этим вся система НИОКР оказалась в состоянии стагнации.

Рис. 3. Помесячная динамика цен на нефть марки brent (в $ за баррель), с декабря 1981 года по ноябрь 2011 года – 2013 г.

Таблица 1.

Темпы роста (снижения) валового внутреннего продукта в постоянных ценах, в процентах к предыдущему году за 2000–2009 гг.

Годы	2000	2005	2006	2007	2008	2009
%	110,0	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2

Сказанное хорошо прослеживается по данным, приведенным на рис.4, где показано совместное изменение динамики оплаты труда и потраченных средств на собственные разработки предприятий в масштабах национальной экономики. На этом графике видно, что расходы на собственные исследования предприятий не имеют никакой самостоятельной динамики и просто следуют за повышением или понижением оплаты труда. Расходы на НИОКР в тот период стали просто одной из форм текущих расходов предприятий и потеряли свою стратегическую направленность.

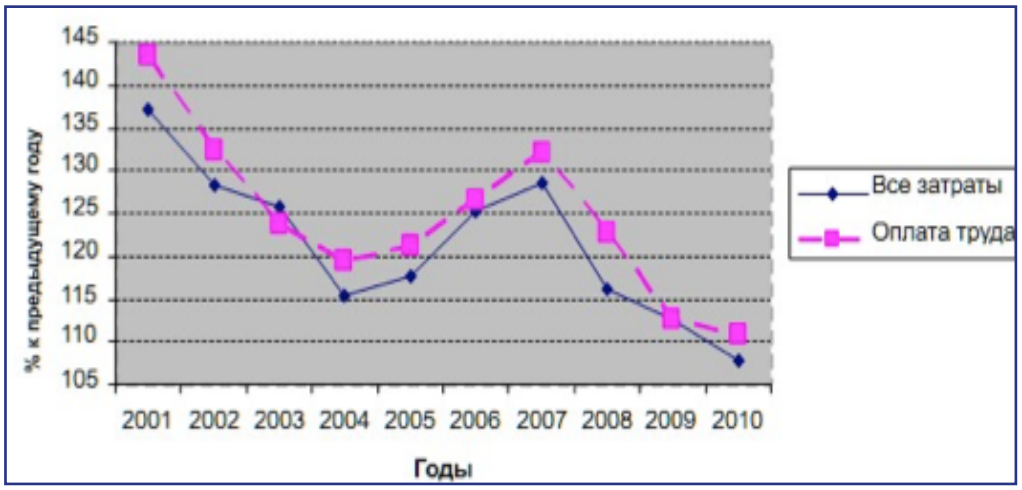


Рис. 4. Сопоставление динамики внутренних затрат на исследования и разработки по видам затрат и оплаты труда

Отраженные в этом докладе результаты исследований позволяют сделать выводы о существовании устойчивой тенденции изменения институциональной системы экономики в направлении, противоположном ее эффективному развитию. Непосредственно это выражается в изменениях структуры организаций и порядка распределения доходов между ее членами. Повсеместно в этот период происходило укрепление позиций *«красных директоров»*. Это явление является достаточно странным для рыночной экономики и характерных для нее прогрессивных форм управления организаций, для которых ожидаемым было бы повышение уровня согласовательных форм и правил, обеспечивающих расширение круга заинтересованных лиц, привлекаемых к участию в ее решениях. На деле же, неформальная организационная структура организаций, как и акционирование даже некрупных предприятий, строилась по принципу холдинга, позволяющего контролировать всю организацию небольшой группе, действующей лишь в интересах ее руководителя. Вследствие этого, практические результаты коллективной деятельности, как правило, достигаются отнюдь не за счет внутренних ресурсов организации. Подобная форма организации

могла обеспечить отечественной экономике успех только одного – мобилизационного пути развития.

Из содержания доклада видно, что такое заключение о состоянии институциональной системы передового участка народного хозяйства – его инновационной сферы – подкрепляется целым комплексом экономических условий. В сумме эти условия обеспечиваются за счет единого соответствия развитой институциональной системы экономики и конкурентно организованного рыночного хозяйства.

Список литературы

[1] *Сухотин А.Б., Чернова Л.С.* Уровни народнохозяйственного и регионального развития – ретроанализ (2000–2008гг.). В сб.: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник Выпуск 10. Часть III. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 716.

[2] Российский статистический ежегодник, Росстат, 2011.

[3] Национальные счета в России в 2002–2009. Росстат. 2010.

[4] *Брагинский О. Б.* Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику // Российский химический журнал. 2008. Т. LII, № 6. - http://newsruss.ru/doc/ (дата обращения 25.01.2015).

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ МОДЕЛЕЙ И СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Шмаков В.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Сегодня, когда Россия находится на переломном моменте, когда общественное сознание, представители различных социальных и политических групп, элит, интеллигенции, ощутив всю остроту нынешнего этапа кризиса, стремятся соотнести содержание различных политических заявлений, лозунгов, экономических программ, которые навязываются обществу последние 20 лет, с насущными, действительными жизненными проблемами, с историческими смыслами, назрела необходимость объективной научной оценки сложившейся социально-экономической и политической ситуации в стране и в мире. Требуется широкая научная дискуссия о причинах кризиса и о возможных прогнозах и альтернативах стратегии выхода из кризисной ситуации и дальнейшего развития страны, об обеспечении комплексной общественной безопасности и перспективах создания новой социально-экономической и политической системы российского общества, об оптимизации систем государственного и муниципального управления в их связи с гражданским обществом.*

В сложившихся современных социально-экономических, политических условиях на мировой арене и в самой в России, которая теперь заявила о себе не просто как о составной части мирового рыночного порядка, как об игроке в процессе глобализации, но как об одной из мировых держав, способных активно влиять на все аспекты мировой политики, отчетливо и насущно стал вопрос о ее суверенности во всех основных вопросах политики и экономики, об избавлении страны от сырьевой и технологической, продовольственной и финансовой зависимости. Сегодня требуется разработка и принятие при поддержке общества новой эффективной стратегии вывода России из системного, а не просто очередного, текущего, кризиса, с перспективой дальнейшего прогрессивного, устойчивого и динамичного ее развития по всем ключевым направлениям, главное из которых это не просто новая модернизация, а сосредоточение всех сил на проведение научно-технической революции в стране.

Именно то, что элиты СССР не смогли в 70-е – 80-е годы начать и провести в стране НТР, привело к отставанию и проигрышу в соревновании с Западом, который к 80-м годам эту революцию уже развернул. Горбачев, заявивший об этом отставании в апреле 1985 г., в силу известных обстоятельств оказал-

* *Шмаков Владимир Иванович*, кандидат философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ся неспособным инициировать, обеспечить решение данной сложной задачи. С развалом СССР ситуация еще более усугубилась, а отставание стало критическим. Сегодня, если в развитых странах во всех секторах производства, экономики, сферах жизнеобеспечения пятый технологический уклад, связанный с НТР, занимает более 50–70%, то в нашей стране он составляет только 10%, в сферах ВПК, космоса и ядерной энергетики.

Это порождает научно-техническую, технологическую и иную зависимость от поставок требуемых машин, оборудования, разработок из развитых стран, что привело в определенны период к санкционному кризису. В современных условиях, в связи с санкциями со стороны Запада, приняты решения о проведении курса на обеспечение импортозамещения во всех ключевых отраслях и сферах производства и экономики. Но что это означает на деле – стратегию или временный этап антикризисных мер, неясно.

В последние годы в нашей стране, опять же в сфере ВПК, наметилась инновационная динамика, что отразилось и в гражданском самолетостроении, но эта динамика и широта ее распространения на все сферы отечественного производства сегодня недостаточна. Необходимы научные, научно-технические прорывы, организационно-политические и социально-психологические механизмы обеспечения данной динамики качественного роста научных, технологических разработок и их внедрения во все сферы отечественного производства. Тем более, что мир стоит перед вторым этапом НТР, который связан с созданием шестого технологического уклада, с роботизацией. И, опять же, мы отстаем и здесь.

Решение этих стратегических задач предполагает выработку выверенного курса и комплексных проектов и программ развития страны, всех ее регионов при обеспечении национальной, государственной и общественной, безопасности, разработку и принятие научно выверенной государственной стратегии и идеологии, выражающей и отражающей интересы, жизненные устремления большинства общества. При этом важно определить, кто же те социальные и, в перспективе, политические силы, которые способны инициировать и поддержать данную стратегию и идеологию, начать соответствующее социально-политическое движение в стране?

Особенность нынешней ситуации в данном плане состоит в том, что начиная с 2008 г., затем в 2011 г., в 2015 г. было выработано, утверждено на уровне органов государственной власти последовательно 3 стратегии, концепции стратегического, инновационного развития вплоть до 2020–2030 гг., стратегия национальной безопасности [1.1], [1.2], [1.3]. Но реальных механизмов осуществления данных стратегий предложено не было и они не проходили широкую научную и общественную, политическую апробацию.

При этом, как показывает анализ, данные стратегические разработки представляют собой альтернативные друг другу экономические и социально-политические концепции, доктрины – чисто либерально-рыночную и либерально-государственническую. Это отчетливо проявилось на заседании Экономического совета при Президенте РФ 25 мая 2016 г. при обсуждении вопросов поиска методов и источников обеспечения экономического роста страны на ближайшие

10 лет до 2025 г. В начале этого заседания Президент заявил, что в президиум Совета входят люди с разными взглядами и по некоторым вопросам социально-экономического развития страны придерживаются иногда прямо противоположных точек зрения. Отвергая монополию в экономической дискуссии, он призвал всех не замыкаться в рамках их теоретических концепций, а все идеи и инициативы выдвигать вместе с механизмами их реализации, начать поиск источников экономического роста страны на ближайшие 10 лет [2.1].

Постановка во главу угла процесса выработки и применения конкретных, действенных механизмов реализации проектов и программ выхода из кризиса и дальнейшего динамичного развития страны означает новый этап в определении стратегии деятельности тех органов и структур государственной и местной систем власти и управления, которые эти механизмы должны будут выработать и реализовать с помощью и при участии институтов гражданского общества на основе принципов партнерства.

Следует отметить, что разработка и обсуждение предлагаемых сегодня двух альтернативных проектов концепций социально-экономического и политического дальнейшего развития страны, находящейся в состоянии застоя, опять проходит без привлечения широкой научной общественности, без предложения иных, имеющих право на обсуждение, концепций и проектов. Анализ причин и обсуждение возможных прогнозов и альтернатив выхода из кризисной ситуации, предполагает именно такое дискуссионное научное обсуждение широкого круга вопросов.

Это, прежде всего, вопросы системного характера кризиса в России и возможного обострения и наступления очередной волны кризиса в мире в целом, подготовки к нему, оценка его последствий для государства и различных слоев российского общества. А главное – это понимание и прояснение для всех того, что эти проблемы в рамках утвердившейся ныне модели исторически отсталого, неконтролируемого олигархического *«капитализма»* решить невозможно.

Сегодня, когда в нашей стране в очередной раз объявлено о новом этапе реформ под лозунгами выхода из кризиса и очередной модернизации (и опять же приватизации), но в рамках существующего, либерально-рыночного, по сути, строя, актуальным становится поиск, выработка альтернативных этому строю моделей общественного развития и путей выхода России из затянувшегося кризиса. Ожидаемые преобразования страны затянулись уже более чем на 17 лет после дефолта 1998 г.

В связи с этим возможно вспомнить об опыте эффективной, ускоренной реализации курса на динамичный выход из глубокого кризиса и обеспечение устойчивого развития России в период НЭПа, опыте создания впервые в мире реальных, а не формально-демократических, основ народовластия в форме власти Советов, организованной на всех уровнях общественно-политической системы. Следует признать успешность и особенность положительных преобразований периода НЭПа в России, в основе которой лежала разработанная Лениным и его сторонниками концепция вывода России из глубокого, системного кризиса (в чем-то схожего с периодом кризиса и депрессии в Америке и Европе, а также с нынешним кризисом в России). Кстати, концепция, кото-

рая как антикризисная программа была в своей сути признана, взята за основу и результативно применена Рузвельтом в довоенной Америке и Эрхардом в послевоенной Германии. Фактически в данном направлении осуществляет свое динамичное развитие Китай.

На современном этапе кризиса в России возможно обсуждение вопроса об обращении к данному положительному историческому опыту. Тем более что сейчас отмечается повсеместно, с одной стороны, явная ностальгия большинства общества по тем, пусть даже не в должной мере проявившим себя, преимуществам социализма, отвечавшим интересам трудового народа, а, с другой стороны, осознание преступности развала СССР как великой интернациональной державы, понимание тупиковости и кричащей несправедливости нынешней либерально-консервативной, олигархической модели устройства Российского общества, сомнение в способности нынешней власти, при наличии в ней *«пятой коррупционно-бюрократической колонны»*, в обозримый период решить огромную кучу назревших в стране проблем.

По заниженным данным ГКС РФ, коэффициент дифференциации, расслоения общества, будучи в СССР до 90-х самым низким в мире, в 1992 г. резко подскочил в России до 1: 8, а к 2000 г. вырос до 1: 14 . В настоящее время он составляет 1:18. При этом за последние 3 года резко выросло число людей, живущих ниже среднего уровня жизни, то есть от зарплаты – до зарплаты. Сохраняется большое число людей, семей, живущих на грани черты бедности. При понимании обществом того факта, что Россия является одной из самых богатых по ресурсному обеспечению, абсолютному и на душу населения, стран, все это воспринимается как факт социальной несправедливости, создает объективные условия для роста социального недовольства в России, для социальной напряженности и способствует сохранению социально-экономического и демографического кризиса. Политический кризис пока сдерживается авторитетом и популярностью нынешнего Президента РФ.

Перед Россией стоят три фундаментальные и взаимосвязанные проблемы:

1. Обеспечение комплексной безопасности как государства, так и общества по всем параметрам жизнедеятельности, а не только в международном плане.
2. Кардинальное повышение уровня и качества жизни населения, устранение крайне высокой дифференциации общества, улучшение здоровья населения, выход из демографического кризиса.
3. Проведение эффективной политики инвестирования в человеческий капитал, интеллектуальный человеческий потенциал общества, осуществление научно-технической революции и опережающего развития на основе достижений научно-технического прогресса, что предполагает реальное обновление науки и образования, отказ от тех псевдореформ, которые фактически нанесли урон отечественной науке и образованию.

Эффективное обсуждение вопросов и проблем сложившейся кризисной ситуации в России и обеспечения комплексной безопасности, разворачивание в обществе широкой дискуссии, формирование в итоге общественного,

а не просто массового, мнения, должно позволить утвердиться в следующих положениях.

Во–первых, ни мировая западная капиталистическая система, ни наш собственный бизнес, который вывез и продолжает вывозить огромные деньги и капиталы в оффшоры, не принесут сегодня инвестиционных пакетов. Поэтому у страны остается одна единственная надежда на новый курс прогрессивного, постиндустриального социально-экономического развития с опорой на собственные силы, на сотрудничество с дружественными странами при условии формирования подлинного народовластия и социального государства, контролируемого со стороны общества и сотрудничающего с обществом, ответственного, прежде всего, перед трудящимися, поддерживаемого патриотическими силами России.

Во–вторых, развитие российской экономики, выход из кризиса, и обеспечение технико-технологической конкурентоспособности и безопасности, благосостояния страны не может быть основано далее преимущественно на добыче и продаже на мировом рынке сырьевых ресурсов. Основой являются только системно организованные наукоемкие, высокотехнологичные производительные силы, развивающиеся в рамках инновационных, научно-технических проектов и разработок. Государству совместно с научным сообществом и представителями передовых секторов производства следует определить, поддержать наиболее перспективные в плане обеспечения качества и производительности труда конкурентоспособные разработки, внедренные или готовые к внедрению в производство. В том числе, провести в сжатые сроки конверсию военного производства, внедряя технологии двойного назначения и используя научно-технические разработки, наукоемкие технологии в гражданских отраслях производства. Чрезвычайно важно также в короткие сроки кардинально решить проблему ухода от продовольственной зависимости, обеспечения продовольственной безопасности, создания высокоразвитого, конкурентоспособного агропромышленного комплекса.

В–третьих, для работы на опережение и реализацию имеющегося социально-экономического потенциала нужен мощный инновационный, технико-технологический рывок на основе научно-технической, управленческо-менеджериальной, социокультурной модернизации общества, интеллектуализации трудовых ресурсов. В стране назрели и должны быть в относительно короткие сроки проведены научно-техническая, управленческо-менеджериальная и аграрно-промышленная (аграрно-индустриальная) революции, предполагающие и требующие кардинального обновления идеологических постулатов, переосмысления общественным сознанием системы идейных и культурных ценностей, то есть, проведения также идейно-культурной революции в ее гуманистическом, просветительском, реформационном аспектах. Все это может стать частью содержания национальной идеи.

Для осуществления вышеизложенных позиций, в том числе обеспечения механизмов реализации стратегических целей и задач, важно создание подконтрольного обществу, эффективного, профессионального аппара-

та государственной власти и государственного управления на федеральном и региональном уровне, эффективной системы местного самоуправления и подконтрольного населению муниципального аппарата управления делами местных сообществ.

Важно в ближайшее время обратиться к выяснению статуса и роли, сути, содержания, форм и методов, задач и механизмов деятельности социального государства, каковым Российское государство названо в статье 7 Конституции РФ. В системе наук о государственном и муниципальном управлении актуальной, важной для оптимизации власти и управления, но пока недостаточно полно проработанной, является проблема выработки критериев, показателей, методов оценки и механизмов, способов обеспечения роста результативности и эффективности деятельности данного государства, органов и структур государственной и муниципальной власти, государственной и муниципальной службы [2.4].

В связи с этим важно обратить внимание на расширение участия институтов и структур гражданского общества, местного сообщества в делах государственного и муниципального управления. Это, прежде всего, развитие государственно-частного партнерства, участие представителей общественности, научных кругов в контроле за качеством и уровнем профессиональной компетентности, подготовки государственных служащих.

Одной из современных эффективных форм государственно-частного партнерства является аутсорсинг В отличие от услуг сервиса и поддержки, имеющих разовый, эпизодический характер, на аутсорсинг передаются обычно функции по профессиональной поддержке бесперебойной работоспособности отдельных систем и инфраструктуры на основе длительного контракта (не менее 1 года). Наличие бизнес-процесса в аутсорсинге является отличительной чертой от различных других форм оказания услуг и абонентского обслуживания [1.5].

Главным источником экономии затрат с помощью аутсорсинга является повышение эффективности учреждения, организации или предприятия в целом и появление возможности освободить соответствующие организационные, финансовые и человеческие ресурсы, чтобы развивать новые направления, или сконцентрировать усилия на существующих, требующих повышенного внимания [1.6].

Наличие у органов государственной исполнительной власти значительного числа избыточных и неэффективно реализуемых функций и полномочий снижает качество принимаемых решений. Административные и управленческие процессы в органах государственной власти, в ряде случаев, недостаточно или слабо организованы. Часто встречается ситуация, когда государственный орган одновременно выступает в нескольких ролях – в роли инициатора, исполнителя и потребителя результатов отдельных видов работ. Подобное сочетание ролей может обуславливать высокие затраты при низком качестве самих результатов [1.4].

Аутсорсинг в органах государственной исполнительной власти выступает одной из форм контрактации, основными характеристиками которой являются устойчивое и регулярное взаимодействие со сторонней организацией на основе договора, заключенного на длительный срок, при сохранении ответственности и контроля за результатами выполнения работы у органа государственной

власти. В Концепции административной реформы аутсорсинг применительно к органам государственной власти позиционируется в качестве механизма выведения отдельных видов деятельности за рамки функционирования органов исполнительной власти путем заключения контрактов с внешними исполнителями на конкурсной основе [2.2].

Анализ тенденций развития аутсорсинга показывает, что данная технология активно используется в государственных органах различных стран: аутсорсинг выступает как одна из стратегических альтернатив для совершенствования повседневной деятельности государственных организаций и контроля за снижением коррупционности в деятельности органов государственной власти и управления. Используя аутсорсинг, государственные органы стремятся в первую очередь повысить эффективность и качество исполнения административных и управленческих процессов, сконцентрировать усилия на основных направлениях деятельности, а также высвободить ресурсы и сократить издержки на осуществление отдельных видов работ. Аутсорсинг может стать ответом на вопрос, как обеспечить снижение затрат при сохранении высокого качества выполнения работы.

Для успешного применения данной технологии в российских органах государственной власти необходимо учитывать не только встречающиеся в мировой практике ограничения и проблемы при использовании аутсорсинга, но и специфику российских условий, в том числе такие ограничения, как низкий уровень развития рынка услуг, несовершенство законодательства, низкая административная культура и незаинтересованность российской бюрократии. Все это порождает угрозы развития либо бюрократической волокиты, либо усиливает коррупционные тенденции.

Системный подход к использованию данной технологии предполагает принятие соответствующего стратегического решения, проведение ряда обязательных мероприятий, в том числе проведение пилотных аутсорсинг-проектов и создание системы функционального анализа и оптимизации государственных функций и полномочий в деятельности органов государственной власти и управления.

Такой анализ зачастую показывает, что различные структуры государственной службы подменяют необходимые для исполнения основные функции большим числом полномочий, которые для своего применения требуют постоянного роста ресурсов и численности государственного чиновничества. И это огромное число полномочий у различных органов и групп, категорий государственных служащих очень трудно поддаются контролю и оптимизации. С введением аутсорсинга относительно большие группы полномочий государственные структуры теряют вместе с передачей своих функций.

На современном этапе социально-экономического развития Российской Федерации насущным становится проведение мер по повышению эффективности и подконтрольности деятельности органов государственной власти, освобождению их от многих лишних или дублируемых функций и огромного числа властно-административных полномочий, введение методов государственного менеджмента. Данные меры направлены также на создание предпосылок для

устойчивых темпов экономического роста и сокращения различий в социально-экономическом развитии регионов РФ, оптимизации деятельности государственных органов и системы государственной службы.

Во–первых, возникает необходимость формирования такой кадровой политики, которая учитывала бы дефицит на государственной службе молодых служащих, имеющих помимо профессиональных навыков инновационный, менеджерский тип мышления, приемлемый уровень знаний в сфере информационных технологий. Во-вторых, следствием модернизации системы государственной службы и реализации административной реформы является частичное сокращение персонала, и важно в рамках кадровой политики сохранять государственных служащих с высоким уровнем профессионализма.

Чтобы не потерять квалифицированных сотрудников при существующем дефиците квалифицированных кадров, необходимо разработать эффективные механизмы вывода и переквалификации персонала. Технологии поступления на государственную службу, прописанные в Федеральном законе от 27 июля 2007г. № 79-ФЗ *«О государственной гражданской службе Российской Федерации»*, предусматривают комбинацию открытого конкурса и кадрового резерва. Это предполагает развитие систем объективной, научной оценки профессионально-деловых, морально-психологических, личностных, в том числе лидерских качеств кадров государственной службы, а также их ответственности и открытости для контроля. Для решения данных задач одновременно с совершенствованием работы квалификационных аттестационных комиссий можно рекомендовать к применению методы профессиологии, разработки и применения методик профессиографирования для подобной объективной оценки уровня профессиональной квалификации государственных служащих, для создания кадрового резерва на выдвижение, для карьерного роста [1.7].

При формировании стратегии развития на местном уровне необходимо исходить из целей и критериев этого развития. Общей целью социально-экономического развития муниципального образования является создание оптимальных условий жизнеобеспечения и повышение уровня и качества жизни населения. Наряду с ней можно рассматривать частные, относительно самостоятельные цели, определяющие экономические, экологические, социальные и другие условия, обеспечивающие достойную жизнь и благосостояние людей[3.1]. Традиционная российская практика территориального управления не всегда уделяет должное внимание всему спектру критериев социально-экономического развития. Местное самоуправление участвует в социально экономической жизни двумя основными путями: оказывая регулирующее воздействие на социально-экономические отношения в муниципальном образовании (осуществляя административные функции) и непосредственно обеспечивая население общественными товарами и услугами (осуществляя хозяйственные функции) [1.8, с.20].

Ключевым фактором эффективности взаимодействия власти и общества в системе местного самоуправления является, с одной стороны, активное участие населения в жизни локальной организации и, с другой, готовность органов местного самоуправления сотрудничать с гражданами. Вопрос состоит в том, чтобы

помочь гражданам осознать, что обновление жизни возможно только на основе самодеятельности и активного участия самого населения в осуществлении власти. Это будет способствовать развитию активности населения, формированию человека нового типа – гражданина с определенной степенью культуры и правосознания, способного не только влиять на власть, но и участвовать в управлении [2.3, с. 6].

Именно человеческий фактор определяет результаты деятельности органов местного самоуправления и муниципальной власти. К сожалению, пока еще эта оценка не является достаточно высокой, о чем свидетельствуют данные многих социологических исследований, в которых низко оценивается компетентность и последовательность администраций муниципалитетов в решении жизненно важных проблем. Среди причин неэффективности деятельности местной власти называются бюрократизм и безразличие к нуждам людей, неумение организовать работу, зависимость от области и Центра. Низкое качество муниципального управления, связанное в том числе с недостаточной подготовкой муниципальных кадров, порождает значительные проблемы взаимодействия местной власти с населением.

Для того, чтобы органы местного самоуправления находились в постоянной и тесной связи с населением, нужны стационарные общественные институты в виде территориального общественного самоуправления (ТОС), которые аккумулировали бы интересы и потребности населения и доводили их до органов местного самоуправления, одновременно решая на местах посильные для них вопросы местного значения.

Исследования показывают, что сейчас ТОС функционируют во многих регионах России и в том числе в Московской области (г. Домодедово, г. Климовск и т.д.). Однако, далеко не везде они имеют возможности вообще какого-либо развития. В ряде городов не создан ни один орган территориального общественного самоуправления, более того контент-анализ основных местных газет показывает, что во многих из них нет даже упоминания о территориальном общественном самоуправлении, хотя в Уставах городов запись о его статусе есть. Практика показывает, что территориальное общественное самоуправление работает там, где его поддерживают органы местного самоуправления, муниципальной власти, разработаны Положения о ТОС.

Для муниципальных образований, являющихся наукоградами с высоким научным потенциалом, в функции органов местного самоуправления входит и устойчивое развитие социальной, экономической сфер, и использование научно-промышленного потенциала градообразующих предприятий. Для обеспечения эффективности управления местными городскими делами необходимо кроме текущего планирования внедрять основы стратегического планирования, создавать комплексные программы и планы развития города. В такие планы включаются ресурсы всех предприятий, независимо от отраслевой принадлежности, форм собственности и ведомственной подчиненности: усилия всех предприятий в них скоординированы и направлены на создание совместных объектов инфраструктуры и непрерывный поиск *«точек роста»*. Органы местного самоуправления являются органами власти, хозяйствования и органами

общественными, т.е. органами триединими [1.10, с.293]. Решаемые ими задачи имеют многоотраслевой и инновационный характер.

Для муниципального образования с высоким научным потенциалом, органы местного самоуправления которого являются ведущими разработчиками и исполнителями Программы развития муниципального образования как наукограда, важно их разрабатывать совместно с органами территориального общественного самоуправления и с организаторами инвестиций и инвесторами в предприятия, выпускающие наукоемкую продукцию. И в таком случае стратегическое планирование становится одним из ключевых факторов решения вопросов стабилизации функционирования и будущего развития местного сообщества в единстве с федеральными и региональными социально-экономическими и производственными, научно-техническими комплексами.

Список литературы

1. Монографии и сборники документов

[1] Концепция социально-экономического развития России до 2020 года. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 17 ноября 2008 года № 1662-р. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

[2] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.

[3] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

[4] Административная реформа: проблемы развития и совершенствования. Под ред. д.ю.н. проф. Н.Ю. Хаманева. Труды Института государства и права Российской Академии Наук. М. 2007

[5] *Дж. Брайан Хейвуд.* Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ = Outsourcing Dilemma: The Search for Competitiveness. – М.: *«Вильямс»*, 2008. – С. 176.

[6] *Михайлов Д. В.* Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса. Учебное пособие. – М.: КноРус, 2006.

[7] *Шмаков В.И.* Профессиология. Применение профессиографирования при оценке уровня квалификации государственных служащих: Учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2010.

[8] *Алтынбаев Р. З.* Основные направления повышения эффективности местного самоуправления // Местное самоуправление в России: Сборник статей / Под ред. д.э.н., проф. В.Б. Зотова. – М.: Ось-89, 2003. – С. 20.

[9] *Ковешников Е. М.* Муниципальное право. М.: НОРМА, 2001. – С. 284.

[10] Проблемы реформы местного самоуправления, 2003 //Фонд Либеральная миссия, 2003.

2. Периодические издания

[1] Советы Путину// Ведомости, 26.06.2016.

[2] *В. Н. Лексин, И.В. Лексин, Н.Н Чучелина*, эксперты проекта *«Административная реформа в Российской Федерации»*. Отчет № 5. 2006.

[3] *Дилигенский Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. -1997. -№ 4.-С.6.

[4] *Якунин В. И.* Теоретические аспекты проблемы эффективности государственного управления. //Власть. 2008. № 8.

3. Материалы сети Интернет

[1] *Журавлев О. А.* Как управлять активами муниципалитета: алгоритм внедрения системы стратегического управления. – http: www.liberal.ru/sitan.asp (дата обращения 25.05.2015).

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД И «БЕГСТВА КАПИТАЛА» НА ИНФЛЯЦИЮ В РОССИИ

Александров Д.Г.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *По мнению автора, финансовые пирамиды в государственном и частном секторах экономики являются своеобразными «финансовыми насосами», через которые происходит откачка финансовых ресурсов российского государства. А «бегство капитала» из российской экономики – это не стихийный, а закономерный и организованный процесс, поскольку Россия является мировым донором капитала – природных, экономических, финансовых и человеческих ресурсов. Организация массовых финансовых пирамид и отток капитала в офшоры приводит к росту внутреннего и внешнего государственного долга, дефициту платёжного баланса страны, которые покрываются за счёт денежной эмиссии, роста налогов и снижения курса рубля по отношению к иностранным валютам, делая инфляцию неизбежной.*

В экономической литературе различают такие понятия, как: *«миграция капитала»*, *«международная миграция капитала»* и *«бегство капитала»*. Миграция капитала – это приток, ввоз, импорт и отток, вывоз, экспорт капитала из страны. Международная миграция капитала (ММК) – это международное движение экономических (реальных) и финансовых активов между кредиторами и заёмщиками в различных странах. *«Бегство капитала»* – значительный и устойчивый отток экономических и финансовых активов из страны в легальной и нелегальной формах. *«Бегство капитала»* сокращает экономические и финансовые ресурсы страны.

Многие государства стремятся привлечь иностранный капитал, создавая благоприятный политический, административный, налоговый, инвестиционный и т.д. климат. В некоторых странах нет чётких критериев относительно того на каких условиях и какой капитал следует привлекать в национальную экономику. В тоже время, в других странах к этим вопросам относятся крайне щепетильно, проявляя повышенную заботу о безопасности национальной экономики и государства в целом.

Следует различать бегство национального и иностранного капитала из российской экономики, а также, внутреннее и внешнее бегство капитала. Внутреннее бегство капитала – это обмен национальной валюты на иностранную валюту (евро, доллары США) с целью сохранения денежных средств в условиях инфляции и девальвации национальной валюты (рубля).

* *Александров Дмитрий Геннадьевич*, доктор экономических наук, профессор, РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина.

Миграция капитала является своеобразной *«лакмусовой бумажкой»* и индикатором состояния мировой и национальных экономик.

Сегодня имеет место массовый отток или *«бегство капитала»* из российской экономики, которое сокращает экономические и финансовые ресурсы страны.

1. Особенности *«бегства капитала»* из российской экономики. Бегство иностранного и национального капитала из российской экономики имеет ряд особенностей. В первую очередь из российской экономики убегает, как правило, финансовый и торговый капитал. Вследствие этого бегства происходит замедление в реальном секторе российской экономики, и возникает отток промышленного капитала. Финансовый капитал представлен, в первую очередь, национальным рынком ценных бумаг.

Основные причины бегства финансового капитала из России. Основной причиной бегства финансового капитала из России является то, что при своей относительной неразвитости, российский рынок ценных бумаг имеет целый ряд недостатков:

1) Российский рынок ценных бумаг (РЦБ) сильно зависит от иностранных рынков и, в первую очередь, от рынка ценных бумаг США. Российский РЦБ носит *«филиальный»* характер и в значительной степени зависит от своего *«головного»* американского офиса. Но российский РЦБ – это *«плохой филиал»* – нецивилизованный, рисковый и спекулятивный.

2) На российском РЦБ действуют спекулянты, а не солидные инвесторы, осуществляются не долгосрочные, а краткосрочные инвестиции и, как правило, не в реальный сектор экономики, а в финансовый сектор с целью спекуляции и наживы. РЦБ России – нецивилизованный, рисковый и спекулятивный (финансовые пирамиды, аферы, рейдерство и т.д.), поскольку нет твёрдых гарантий и обеспечения вложений капитала для солидных отечественных и иностранных инвесторов.

Так, чистый вывоз капитала частным сектором из России в период кризиса в 2008–2010 гг. равнялся – 225,1 млрд долл. США, что составило 85,4 % от всего вывезенного в 1994–2010 гг. капитала, который равнялся 263,6 млрд долл. США.

Таким образом, капитал всегда *«бежал»* из постсоветской России, но особенно интенсивно это бегство происходило в кризисные 2008–2010 годы.

В 2014 г. начался новый этап *«бегства капитала»*, когда из России было вывезено 153,0 млрддолл. США. Таким образом, был побит рекорд 2008 года, когда сумма вывезенного заграницу капитала равнялась 133,7 млрд долл. США.

Всего, только по официальной статистике, за период с 1994–2015 гг., из России вывезли капитала на общую сумму: 670,4 млрд долл. США (См. Приложение №1).

Основные причины бегства финансового капитала из России в 2008 г. Основной причиной бегства международного и национального финансового капитала из России стал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.

Обвал на российском РЦБ в 2008 г. стал более значительным, поскольку спекулянты быстро убрались с российского РЦБ и забрали свои капиталы, предвидя предстоящие потери. Акции российских компаний обесценились в большей степени в сравнении с акциями надёжных иностранных компаний по той же причине.

По оценкам аналитического агентства РосБизнесКонсалтинг, если суммарная рыночная капитализация всех компаний мира в 2008 г. снизилась на 28719 млрд долларов, т.е., на 47,19%, то падение цен акций привело к снижению капитализации российских компаний на 935,59 млрд долларов, т.е. на 71,64% [1].

Основные причины бегства финансового капитала из России в 2014 г. Основными причинами бегства финансового капитала из России в 2014 г. стали:

1) Падение мировых цен на нефть и, как следствие, замедление мировой экономики;

2) Международные санкции в отношении России и ответные меры российского Правительства.

Но в массовом оттоке или *«бегстве капитала»* за границу есть и свои положительные моменты. Происходит очищение российской экономики от паразитарных форм международного финансового капитала. Бегство, в первую очередь, паразитического, спекулятивного финансового капитала из России можно оценивать как процесс очищения национальной экономики. И в этом процессе есть свои положительные моменты, поскольку данный капитал ни при каких условиях не был бы задействован в реальном секторе российской экономики. Сбежавший спекулятивный финансовый капитал был бесполезен и даже вреден, поскольку наносил ущерб безопасности российской экономики и российскому государству.

Бегство финансового капитала приводит к бегству, вслед за ним, *«человеческого капитала»*, который часто является собственником или владельцем убежавшего финансового капитала.

Бегство *«человеческого капитала»* из России. Тяжёлый административный, налоговый и инвестиционный климат в России возникли и существуют уже давно. Если российское Правительство меняет налоговый и инвестиционный климат в сторону либерализации, то ситуация с *«административным ресурсом»* по-прежнему остаётся катастрофической. Взятки, коррупция, злоупотребления служебным положением, рэкет, рейдерство, *«чёрное»* риэлтерство с убийствами из-за недвижимости и квартир, *«устранение»* конкурентов, заведение уголовных дел, уголовное и административное преследование неугодных бизнесменов и политиков и многое другое в период финансового кризиса приводят к массовой эмиграции, как порядочных, так и непорядочных людей, бегству капитала из России и российской экономики.

Из России эмигрируют высококлассные, молодые специалисты, которые востребованы и реализуют себя за границами своей Родины. Происходит отток человеческого капитала из России. Взамен, в Россию иммигрируют низко-квалифицированные трудовые мигранты, которые, создают криминогенную и социально-опасную обстановку в таких крупных российских городах как Москва

и Санкт-Петербург. Эти люди трудно поддаются социализации и ассимиляции с местным населением, поэтому возникают конфликты на расовой почве. В итоге оставшиеся граждане ещё активнее собирают чемоданы и переводят свои средства за границу, готовясь к отъезду.

«Бегство капитала», в том числе и человеческого капитала, порождает его нехватку в российской экономике, а приезд дешёвых гастарбайтеров из стран СНГ и ближнего зарубежья сбивает цены на рабочую силу, снижает доходы и совокупный спрос макроэкономических агентов. Это приводит к росту инфляции в российской экономике.

Эффекты *«бегства капитала»* из России. *«Бегство капитала»* из российской экономики приводит к целому ряду эффектов:

1. Замещение иностранного капитала национальным капиталом – государственным и частным в целях защиты национальной экономики и укрепления национальной безопасности страны;
2. Замещение частного капитала государственным капиталом и огосударствление экономики;
3. Замещение крупного иностранного и сбежавшего национального капитала более мелким национальным капиталом;
4. Передел собственности в реальном и финансовом секторах национальной экономики;
5. Очищение экономики от паразитических, спекулятивных форм иностранного и национального финансового и торгового капитала;
6. Замедление работы реального сектора национальной экономики из-за:

   – снижения эффективности работы *«брошенных»* предприятий в реальном секторе экономики и

   – искусственного банкротства работающих предприятий и остановки производства для их дальнейшей перепродажи;
7. Бегство *«человеческого капитала»* из России.
   «Бегство капитала» из России – это не стихийный, а закономерный, тщательно спланированный и организованный процесс, которым руководят крупные колониальные державы – США и некоторые, экономически-развитые страны Западной Европы, куда и отправляется сбежавший капитал.

Управление международной миграцией капитала. США являются не только мировым финансовым центром, но и главным государством, организующим и направляющим миграцию мирового капитала.

Для притока капитала в США достаточно организовать и поддерживать диктатуру в небольшой, но богатой ресурсами стране. Когда богатства этой страны окажутся в значительной мере разграбленными, необходимо создать революционную ситуацию для свержения диктатуры. Оказавшийся в изоляции диктатор переводит все оставшиеся у него средства в банки США или другие подконтрольные им финансовые институты.

В итоге, США наживают не только политический, но и реальный капитал, повышая свой престиж на международной арене в качестве оплота идеалов демократии, свободы и борьбы с диктаторскими режимами, и ослабляют своих противников и конкурентов.

Данная схема применялась в Египте, Ливии, Тунисе и в других государствах. После очередной *«народной»* революции капиталы диктаторов, членов их семей и свергнутой политической элиты стремительно утекали из ограбленных стран в банки США и Западной Европы.

Бегство капитала как индикатор неэффективности национальной экономической политики. *«Бегство капитала»* из национальной экономики может являться одним из главных индикаторов неэффективности национальной экономической политики.

Исходя из такой оценки, экономическая политика постсоветского российского государства представляется крайне неэффективной. Неэффективность этой политики становится более очевидной, если учесть, что приведённые данные касаются легального капитала, который легально вывозится из России.

Нелегальный вывоз легального и нелегального капитала – это частое явление для российской экономики и оно сложнее поддаётся учёту. Поэтому, с учётом нелегального вывоза капитала, общее количество вывезенного из российской экономики капитала, многократно превышает данные официальной статистики.

Россия как донор капитала для мировой экономики. Обычно страны делятся на страны-экспортёры и страны-импортёры капитала. Такое деление неприменимо к России. Сегодня Россия выступает международным донором капитала. Если в других странах вывоз и ввоз капитала происходит из-за его избытка или недостатка, то бегство российского и международного капитала из России происходит из-за высокой степени инвестиционного риска и пессимистических оценок российских и иностранных инвесторов относительно перспектив развития российской экономики.

Однако, в ряде случаев, отток капитала может быть вызван искусственно. В некоторых ситуациях, как было сказано ранее, отток капитала избавляет национальную экономику от паразитических, спекулятивных форм иностранного финансового капитала и способствует своеобразному очищению национальной экономики.

Основной причиной *«бегства капитала»* из российской экономики является её *«транзитный»* характер.

2. *«Транзитная»* экономика России как основная причина бегства национального и иностранного капитала. *«Транзитная»* экономика России нацелена на выкачивание и вывоз природных, экономических и финансовых ресурсов, полученных за экспорт нефти и газа.

Главным организатором такой *«откачки»* выступают США, которые являются не только мировым финансовым центром, но и главным государством, организующим и направляющим миграцию мирового финансового капитала.

Сегодня Россия выступает не экспортёром или импортёром, а международным донором капитала.

Компрадорская элита России как организатор *«колониальной ренты»* для мировых олигархических групп.* В современных условиях, именно компрадорская элита России является основным поставщиком своеобразной *«колониальной ренты»* для мировых олигархических групп, организующих движение мирового финансового капитала.

Российские элиты рассматривают Россию, как временное прибежище своих капиталов, которые, рано или поздно, всё равно *«утекут»* за границу.

Однако, в связи с изменившейся ситуацией: международными санкциями, охотой на нелегальный, офшорный российский капитал (Кипрские события) и ужесточением контроля над капиталами российских олигархов, крупных чиновников и их семей, бегство капитала из России стало проблематичным и, возможно, что в такой ситуации, оно замедлится.

По мнению З. Бжезинского: *«Россия может иметь сколь угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, Вы ещё разберитесь: это Ваша элита, или уже наша? Я не вижу ни одной ситуации, при которой Россия воспользуется своим ядерным потенциалом»* [3].

3. Финансовые (инвестиционные) пирамиды как *«финансовые насосы»* для откачки денег из российской экономики. Финансовые (инвестиционные) пирамиды являются своеобразными *«финансовыми насосами»* по откачке денег из российской экономики.

Финансовая пирамида (также инвестиционная пирамида) – способ обеспечения дохода участникам структуры за счёт постоянного привлечения денежных средств. Доход первым участникам пирамиды выплачивается за счет вкладов последующих участников. В большинстве случаев истинный источник получения дохода скрывается и декларируется вымышленный или малозначимый. Подобная подмена является мошенничеством.

Этапы бегства капитала, строительства и развития финансовых пирамид в постсоветской России. Возможно, выделить пять этапов бегства капитала, строительства и развития финансовых пирамид в постсоветской России:

1) 1991–1998 гг. – *«романтическая эпоха»* жуликов-одиночек (АОЗТ *«Русский дом Селенга»*, АООТ *«МММ»*, ТОО *«Инвестиционная компания "Хопёр-Инвест"»*, компания *«Властилина»* и др.);

---

* Компрадор (порт. comprador – покупатель, происходит от лат. comparare – покупать, приобретать) – местный торговец, предприниматель, посредничающий между иностранным капиталом и национальным рынком развивающейся страны. В настоящее время слова *«компрадор»* и *«компрадорская буржуазия»* являются устойчивыми негативно окрашенными выражениями трактуются как *«чиновники-бюрократы и бизнесмены-олигархи, наживающие свой капитал на продаже за рубеж отечественных природных ресурсов и торговле иностранными товарами, хранящие свои деньги в иностранных банках, мотивированные на собственные интересы и не задумывающиеся над последствиями для экономики страны»* [2].

2) 1998–2008 гг. – первая государственная финансовая пирамида (ГКО) и дефолт 1998 г., временная стабилизация российской экономики на волне высоких цен на нефть;
3) 2008–2009 гг. – мировой финансовый кризис и новый этап *«бегства капитала»* из России;
4) 2010–2013 гг. – попытки стабилизации российской экономики и *«кипрская охота»* на офшорный российский капитал;
5) 2014–2016 гг. – новый этап бегства капитала из России из-за падения цен на нефть и введения международных экономических санкций в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма к РФ.

Новая пирамида или *«удачный эксперимент»*? 25 мая 2016 г. Россия впервые, после введения западных санкций, вернулась на международный долговой рынок, заняв 1,75 миллиарда долларов под 4,75% годовых и успешно протестировав новую систему размещения суверенных евробондов, которую намерена использовать в дальнейшем. Основные принципы этой системы, по мнению финансовых специалистов, неожиданность, скорость и независимость от внешней инфраструктуры [4]. А. Кудрин назвал размещение евробондов удачным экспериментом. Возможно, что только со временем станет ясно, является ли данное *«мероприятие»* очередной финансовой пирамидой или *«удачным экспериментом»*.

4. Инфляция как следствие *«бегства капитала»* из России. Организация массовых финансовых пирамид и отток капитала в офшоры приводит к росту внутреннего и внешнего государственного долга, дефициту платёжного баланса страны, которые покрываются за счёт денежной эмиссии, роста налогов и снижения курса рубля по отношению к иностранным валютам.

В итоге, государство получает эмиссионный доход, дополнительные налоговые поступления и взимает с населения инфляционный налог.

Но такая ситуация не может продолжаться вечно и грозит дальнейшим замедлением российской экономики, ростом инфляции и безработицы.

В этих условиях от государства требуются решительные меры, которые позволят перекрыть незаконные финансовые потоки и исправить положение дел в российской экономике.

Список литературы

[1] Quote. РосБизнесКонсалт. В условиях мирового финансового кризиса рыночная стоимость акций российских компаний снизилась за 2008 год на 935,59 млрд долл. (71,64%). – http:/www.quote.ru/rbc100/2008/12/index.shtml (дата обращения: 10.05.2016).

[2] Comprador // Энциклопедия Британика. – 11-е издание. – Кембридж: Университет Кембриджа, 1910–1911. Компрадор // Новый экономический словарь / Под редакцией А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2006. Бестужев-Лада И.В. Очень уж краткая история человечества с древнейших времен до наших дней и даже несколько дольше. – М.: ИНЭС, 2007.

[3] СМИ 2. Ядерное оружие уже не козырь для России. –http://smi2.ru/blog/43600838638/YAdernoe-oruzhie-%E2%80%93-uzhe-ne-kozyir-dlya-Rossii (дата обращения 10.05.2016).

[4] ИА *«РИА Новости»*. Размещение евробондов РФ при санкциях: быстро, независимо и успешно. – http://ria.ru/economy/20160525/1439465742.html ((дата обращения: 10.05.2016).

Примечания к приложению:

1. Знак *«–»* – означает вывоз капитала, *«+»* – ввоз

2. Исключается задолженность по товарным поставкам на основе межправительственных соглашений

* Статья *«чистые ошибки и пропуски»* в полном объеме относится к операциям прочих секторов. Имеется в виду, что наибольшие сложности при составлении платежного баланса возникают в связи с учетом финансовых операций по этим секторам.

Таблица составлена автором.

Источники:

[1] Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1994–1999 годах – http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=capital.htm

[2] Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором – http://www.cbr.ru/statistics/?prtid=svs&ch=itm_18710#CheckedItem

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1994–2015 годах (по данным платежного баланса Российской Федерации) (млрд долларов США)

ГОДЫ	Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором (2+5)	Чистый ввоз/вывоз капитала банками (3+4)	в том числе:		Чистый ввоз/вывоз капитала прочими секторами (6+7+8)	в том числе:		
			иностранные активы	иностранные пассивы		иностранные активы	иностранные пассивы	"чистые ошибки и пропуски" платежного баланса*
	1	2	3	4	5	6	7	8
1994	-14,4	-2,0	-3,0	1,0	-12,4	-14,1	1,2	0,5
1995	-3,9	6,8	4,0	2,8	-10,7	-5,8	3,8	-8,7
1996	-23,8	1,3	-2,9	4,2	-25,1	-26,0	8,1	-7,2
1997	-18,2	7,6	-1,3	8,9	-25,9	-29,8	12,7	-8,8
1998	-21,7	-6,0	0,3	-6,3	-15,7	-14,7	8,3	-9,3
1999	-20,8	-4,3	-3,4	-0,9	-16,5	-10,1	2,1	-8,5
2000	-24,8	-2,0	-3,5	1,5	-22,8	-15,3	1,8	-9,3
2001	-15,0	1,3	-1,4	2,7	-16,2	-10,4	3,7	-9,5
2002	-8,1	2,5	-1,1	3,6	-10,6	-18,9	14,4	-6,1
2003	-1,9	10,3	-1,0	11,3	-12,2	-25,1	22,1	-9,2
2004	-8,9	3,5	-3,6	7,1	-12,4	-38,3	31,8	-5,9
2005	-0,1	5,9	-13,3	19,2	-6,0	-50,6	52,5	-7,9
2006	41,4	27,5	-23,7	51,2	13,9	-47,8	52,2	9,5
2007	81,7	45,8	-25,1	70,9	35,9	-94,6	143,8	-13,3
2008	-133,7	-56,9	-65,1	8,2	-76,8	-164,2	98,6	-11,2
2009	-56,1	-30,4	11,7	-42,1	-25,8	-58,2	34,2	-1,8
2010	-35,3	15,9	-1,8	17,7	-51,2	-66,6	23,4	-8,0
2011	-81,4	-27,5	-35,3	7,8	-53,8	-104,1	58,9	-8,7
2012	-53,9	7,9	-25,3	33,3	-61,8	-91,2	39,8	-10,4
2013	-61,6	-17,3	-37,7	20,4	-44,4	-128,3	94,2	-10,3
2014	-153,0	-86,0	-48,5	-37,5	-67,0	-73,9	0,7	6,2
2015(оценка)	-56,9	-33,4	28,2	-61,6	-23,5	-17,6	-2,7	-3,2
ИТОГО: 1994-2015	-670,4	-129,5	-252,8	123,4	-541,0	-1105,6	705,6	-141,1

СНИЖЕНИЕ ДЕФИЦИТА ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РФ

Трифонов Б.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Основная проблема системы социального страхования в России состоит в дисбалансе между тем объемом обязательств, который закреплен на законодательном уровне, и объемом имеющихся в системе ресурсов. Дефицит финансирования системы социального страхования приводит к тому, что эти гарантии не могут быть выполнены в полном объеме. В ближайшее время дисбаланс только усилится за счет сокращения доходов бюджета и происходящих медико-демографических процессов. В статье проведен анализ этих проблем, сделаны выводы о необходимых мерах по снижению дефицита.*

Конечной целью социальной защиты населения является реализация права каждого человека на получение необходимого материального и социального обеспечения. Поскольку само по себе общество не может обеспечить это право для каждого его члена, то в любой экономической системе государство создает систему социальной защиты населения. Закрепляя социальные обязательства на законодательном уровне, государство гарантирует каждому человеку определенный уровень защиты.

В каждой стране складывается своя уникальная система социальной защиты населения. Ее строение зависит не только от политического и экономического устройства страны, но и от сложившихся культурных ценностей и принятых в обществе норм. Причем, если первое определяет возможности системы социальной защиты, то второе формирует ожидания населения от этой системы.

Существует две наиболее важные характеристики любой системы: механизм ее финансирования и объем социальных гарантий. Задача государства, как регулятора, состоит в создании условий, при которых в системе имеется достаточно ресурсов для выполнения всех обязательств, и данные ресурсы используются эффективным образом.

В 90-е годы произошел сложный процесс реструктуризации социальной сферы России с переходом от бюджетной модели финансирования к преимущественно страховой. В настоящее время важнейшей частью социальной защиты является система обязательного социального страхования, включающая Пенсионный фонд РФ, Фонд ОМС и Фонд социального страхования РФ.

На протяжении десятилетий основной проблемой является дисбаланс между государственными обязательствами и объемом ресурсов, выделяемых

* *Трифонов Борис Игоревич*, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

на их финансирование. В статье проведен анализ этих проблем, основное внимание уделено обязательному медицинскому и пенсионному страхованию.

По официальным данным, дефицит бюджета Фонда ОМС в 2016 г. составит 26,78 млрд руб. (или 1,6% от дохода фонда), для которого определены внутренние источники финансирования [1]. В бюджете Пенсионного фонда РФ на 2016 г. вовсе нет дефицита средств в части, не связанной с формированием средств для финансирования накопительной пенсии [2].

Однако официальные данные не отражают реальной ситуации. Каждый год при утверждении бюджета используются не расчетные данные размера необходимых ресурсов, а прогноз будущих поступлений с учетом текущей экономической ситуации и законодательно утвержденных норм.

Фактически доходы в бюджете фондов формируются следующим образом: рассчитывается размер будущих страховых взносов, к которому добавляется сумма межбюджетных трансфертов, а также другие ожидаемые источники доходов. Расходы, в свою очередь, определяются исходя из суммы расходов за предыдущий отчетный период с учетом ожидаемых доходов.

Отметим, что произвести точный расчет размера ресурсов, необходимых для финансирования потребностей населения в социальном страховании, крайне сложно. Для этого обрабатываются статистические данные (медико-демографические, социально-экономические) с использованием методов актуарной математики. Здесь возможны два варианта: вычисление размера финансирования при заданном объеме социальных гарантий и, наоборот, определение объема гарантий при заданном финансировании. Чаще всего приходится решать первую задачу, когда государство сначала устанавливает обязательства системы социальной защиты. По истечении некоторого периода времени, проводится анализ исполнения этих гарантий и, при необходимости, вносятся изменения.

Вместе с тем, существуют относительно простые показатели, с помощью которых можно оценить дефицит финансирования системы социального страхования. В медицинском страховании это доля государственных расходов в структуре ВВП, в пенсионном страховании – коэффициент замещения, характеризующий соотношение между размером пенсии и заработной платой.

Уровень государственных расходов на здравоохранение в России составлял 3,2% в 2000 г., 3,7% в 2004 г., 3,1% в 2008 г., 2,7% в 2012 г. от ВВП. Прогноз на 2016 г. – 3,4%. Государства с развитой экономикой тратят на здравоохранение 7–10% ВВП, что существенно больше, чем в России. При этом практически ни одна развитая страна не гарантирует бесплатно все виды медицинской помощи для всех граждан. Развивающиеся страны с аналогичной долей государственных расходов в структуре ВВП гарантируют населению только минимальный объем медицинских услуг, необходимых для поддержания медико-социального благополучия.

Недофинансирование в течение десятилетий привело к низкой заработной плате медицинского персонала, недостаточному лекарственному и материально-техническому обеспечению медицинских учреждений, неудовлетворительному качеству медицинской помощи. Население не заинтересовано работать в сфере здравоохранения, многие выпускники высших медицинских образовательных учреждений не работают по специальности.

На проблему дефицита финансовых ресурсов в сфере здравоохранения обращают внимание многие эксперты: Председатель Правления Ассоциации медицинских обществ по качеству медицинской помощи и медицинского образования Улумбекова Г.[3], первый заместитель председателя комитета ГД РФ по охране здоровья Герасименко Н.[4].

В пенсионной системе ситуация отличается. Коэффициент замещения, рассчитанный как отношение среднего размера пенсии к средней заработной плате в экономике, начиная с 2008 г. увеличился. Также увеличился скорректированный коэффициент замещения (рис. 1). Исходя из этого, можно сделать вывод, что наблюдаются положительные изменения в системе пенсионного обеспечения с точки зрения существующего поколения пенсионеров.

Рост коэффициента замещения в основном произошел за счет увеличения трансфертов из федерального бюджета в Пенсионный фонд РФ. В период финансового кризиса 2008–2009 гг. было принято решение о повышенной индексации размера пенсии, и для этого из федерального бюджета были направлены дополнительные ресурсы (рис. 2). В 2014 г. в результате заморозки отчислений в накопительную систему размер трансфертов снизился.

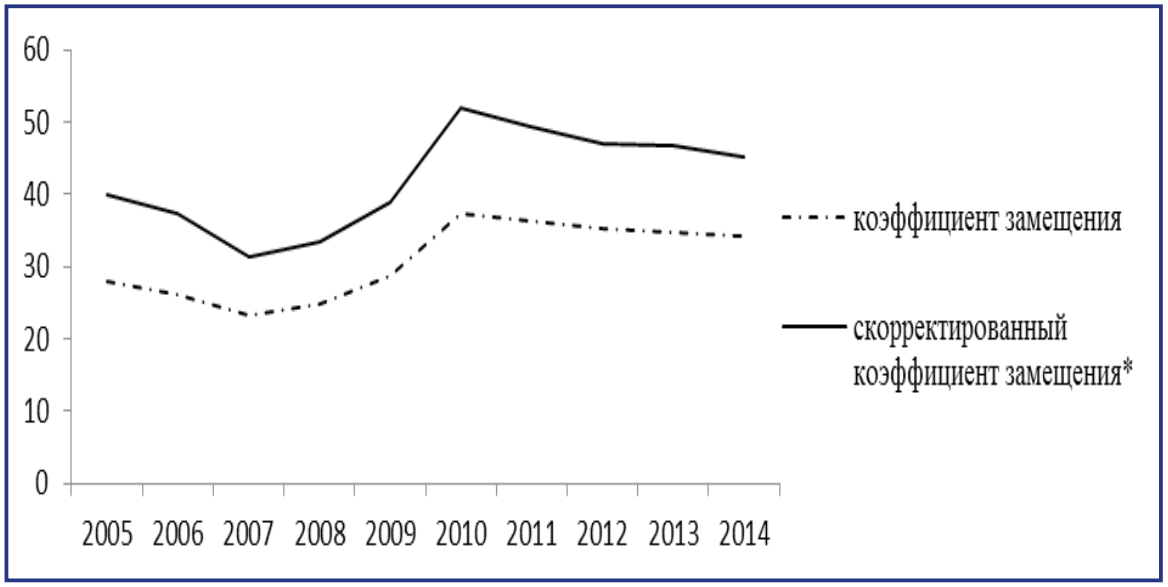


Рис. 1. Динамика коэффициента замещения и скорректированного коэффициента замещения [5]

* Скорректированный коэффициент замещения учитывает заработную плату после налогообложения. При его вычислении учитывались медианы размера пенсий и заработной платы (а не средние значения).

Из сказанного следует, что на протяжении последних лет увеличивались обязательства Пенсионного фонда, и для их финансирования потребовалось привлекать дополнительные ресурсы из федерального бюджета. В связи со сложной экономической ситуацией государство не имеет возможности продолжать увеличивать размер трансфертов из федерального бюджета. Заморозка отчислений в накопительную систему является лишь временным решением проблемы.

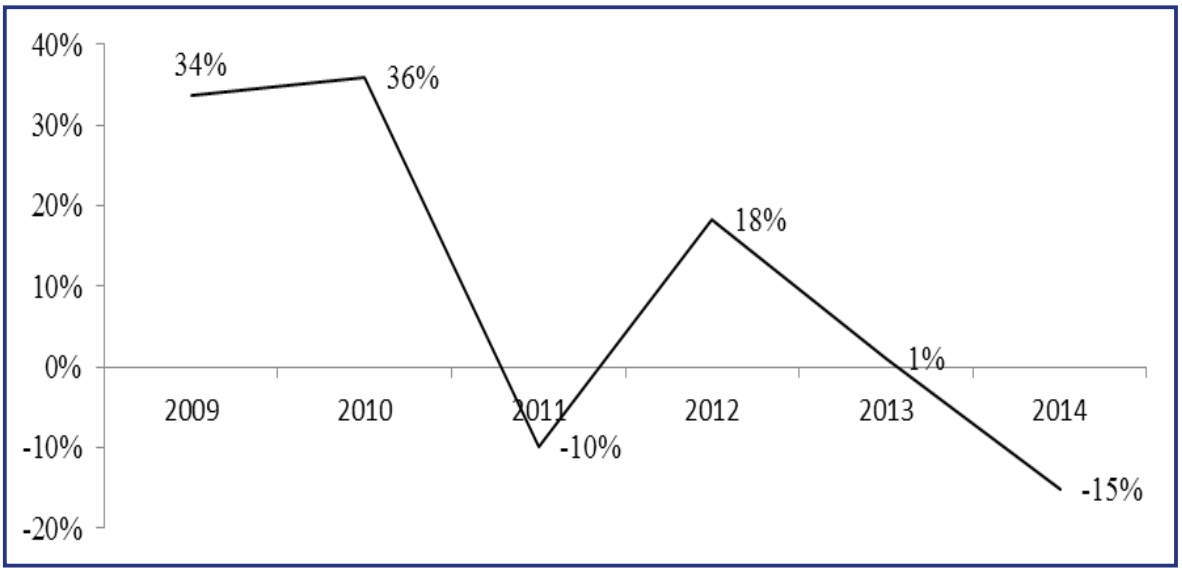


Рис. 2. Динамика роста трансфертов из федерального бюджета относительно предыдущего года.
(*Расчеты автора на основании данных федеральных законов об исполнении бюджета Пенсионного фонда РФ*)

Таким образом, в системе обязательного медицинского и пенсионного страхования особенно остро стоит проблема дефицита финансовых ресурсов. Особую тревогу вызывает тот факт, что в ближайшее время этот дефицит только увеличится за счет происходящих демографических процессов.

Эксперты сходятся во мнении, что сейчас крайне важно внести в систему социального страхования изменения, которые бы позволили решить данную проблему. Причем содержание этих изменений является предметом дискуссий многих экономистов и политиков.

Между тем, существует только два варианта снижения дефицита: уменьшить объем обязательств системы социального страхования и/или увеличить размер их финансирования. В настоящее время реализовать на практике второй вариант не представляется возможным, поскольку у государства нет дополнительных резервов на увеличение финансирования социальной сферы. Поэтому единственным вариантом является изменение объема государственных обязательств. Для этого необходимо на законодательном уровне пересмотреть роль частных средств в финансировании системы социальной защиты. Частные и коллективные источники должны дополнять государственное финансирование.

Одним из важных направлений является введение системы страховой дифференциации, при которой частные средства включаются в общее финансирование здравоохранения. Другое направление состоит в повышении конкуренции в сфере здравоохранения, в том числе интеграция лечебных учреждений государственной и частной форм собственности. Кроме того, необходимо создать условия для развития рынка добровольного медицинского страхования.

Основная задача этой системы страховой дифференциации состоит в выравнивании потребностей в медицинской помощи и возможностей для всех

слоев населения ее оплачивать. Система страховой дифференциации определяет размер участия частных средств для каждой группы населения. С ее помощью государство сможет решить существующую проблему неконтролируемого использования частных средств. Основным критерием для дифференциации должен стать уровень дохода (способность оплачивать медицинскую помощь) и риск заболеваемости. При этом основное внимание должно быть направлено на защиту наиболее уязвимой низкооплачиваемой категории населения, в бюджете которой доля расходов на медицинские услуги выше, чем в более обеспеченных слоях населения.

На рис. 3 показана предлагаемая схема движения финансовых потоков с введением системы страховой дифференциации и вне системы ОМС. Для каждой группы населения определяется разный объем государственных гарантий. На основании этого происходит дифференциация финансовых потоков из фонда ОМС, которые поступают в лечебные учреждения через страховые организации. Медицинская помощь сверх государственных гарантий финансируется из частных средств (через систему ДМС или прямую оплату в кассе лечебного учреждения).

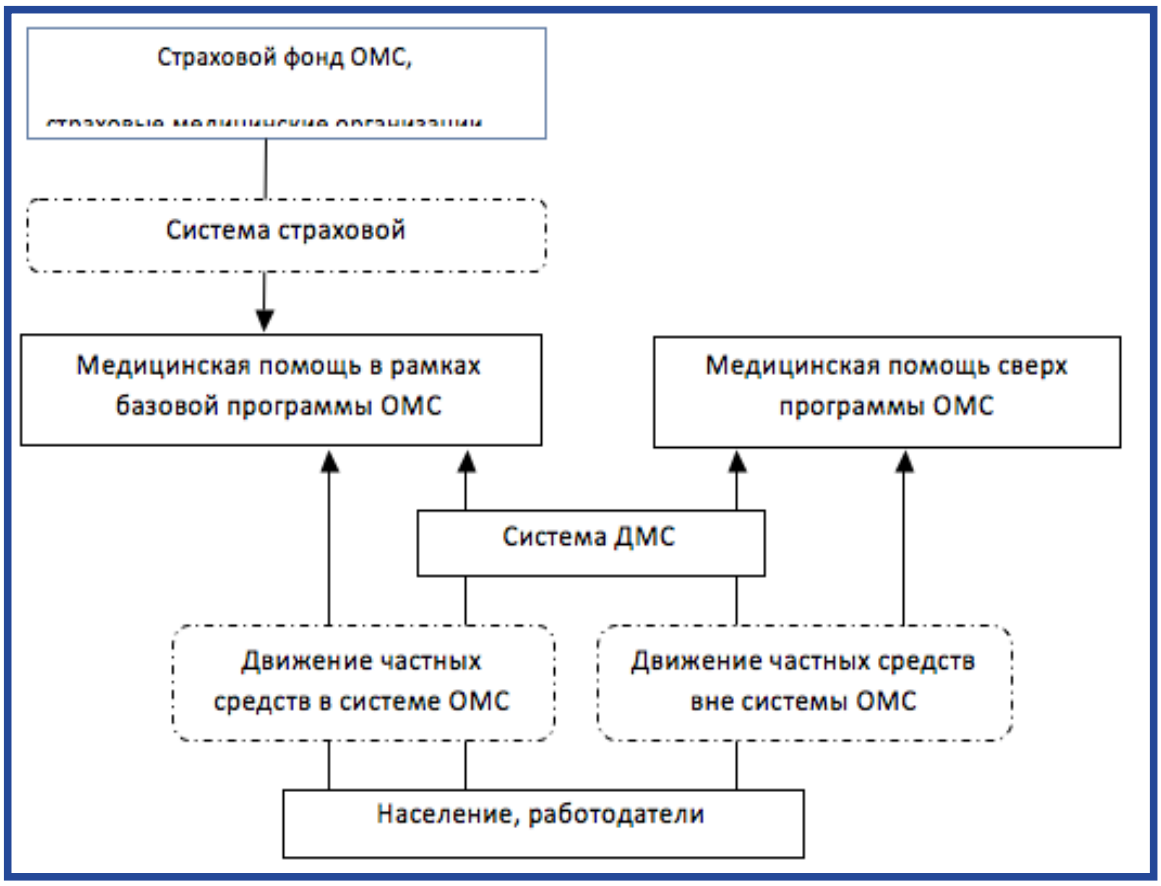


Рисунок 3. Движение финансовых потоков в здравоохранении в системе ОМС и вне системы ОМС

Для интеграции лечебных учреждений государственной и частной форм собственности необходимо ввести две категории частных учреждений, на основании чего будет определяться размер финансирования из фонда ОМС (табл. 1).

Таблица 1.

Описание категорий медицинских учреждений частной формы собственности

Категория	Характеристика	Размер финансирования из фонда ОМС
Первая	– Государственно-частное партнерство – Учреждения, которые по уровню медицинского обслуживания соответствуют базовой Программе ОМС	Соответствует финансированию государственных учреждений
Вторая	– Учреждения, которые удовлетворяют установленным фондом ОМС критериям	Ежегодно определяются виды медицинской помощи, финансируемые из фонда ОМС

Первая категория включает учреждения государственно-частного партнерства и учреждения, которые по уровню медицинского обслуживания соответствуют базовой программе ОМС (медико-экономическим стандартам). Для этой категории учреждений из фондов ОМС должна покрываться та часть стоимости услуг, как если бы застрахованное лицо получало аналогичную услугу в государственном учреждении. Во вторую категорию включаются учреждения, которые удовлетворяют установленным фондом ОМС критериям. Эти критерии определяют, насколько уровень медицинской помощи в частном учреждении может отличаться от уровня услуг, которые определены в базовой Программе ОМС. Для учреждений этой категории будут ежегодно определяться виды медицинской помощи, финансируемые из фонда ОМС по установленным в системе ОМС тарифам. Оставшаяся часть стоимости услуг (с учетом системы страховой дифференциации) будет покрываться из частных средств. Со временем эти категории могут быть пересмотрены и уточнены.

С включением частных средств в общее финансирование системы здравоохранения рынок ДМС получает большой потенциал для развития. Основным направлением развития является создание новой формы ДМС, которая будет дополнять финансирование из фонда ОМС [6, с. 86]. Это позволит рынку ДМС, который в настоящее время является только коммерческим видом страхования, превратиться в одну из важных составляющих системы организации и финансирования здравоохранения. Его развитие будет способствовать дальнейшей стандартизации медицинских услуг в стране.

В пенсионном обеспечении невозможно добиться существенных изменений без пересмотра объема социальных гарантий. Руководство страны должно принять сложное и непопулярное решение об увеличении пенсионного возраста. Кроме того, должны быть созданы условия для развития рынка негосударственных пенсионных фондов, в т.ч. расширены налоговые льготы для физических и юридических лиц, которые делают отчисления в эти фонды.

Первые шаги по увеличению пенсионного возраста уже сделаны. 23 мая 2016 г. был подписан закон № 143-ФЗ *«О внесении изменений в отдельные законо-*

дательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан», согласно которому пенсионный возраст госслужащих повысится с 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин до 63 и 65 лет соответственно. Данный закон вступает в силу 1 января 2017 г.

С повышением пенсионного возраста согласны многие ведущие экономисты. По мнению Кудрина А., *«пенсионный возраст будет поднят, вопрос в некой модели того, как это будет сделано. Рано или поздно. Мы все не сомневаемся. Вопрос когда – через год, через три или через пять, но это в любом случае будет»* [7]. Этой же позиции придерживается глава Минэкономразвития Улюкаев А., считая, что *«повышение пенсионного возраста – решение плохое, но неизбежное, и оно обязательно будет принято. Вопрос только в том, когда и как это сделать, так как подобное решение затронет положение всех людей, социальную и политическую ситуацию»*[8].

Для развития рынка негосударственного пенсионного страхования необходимо создать условия для усиления роли негосударственных фондов как институциональных инвесторов. По мнению автора, основное внимание должно быть уделено повышению интереса к этому рынку у работодателей. Формирование накопительной пенсии за счет работодателей должно стать важной частью социального пакета сотрудников.

В целом, перспективы реализации описанных изменений неоднозначны. Основной преградой является сформировавшийся за десятилетия менталитет российского общества. В отличие от западных стран россияне не привыкли нести ответственность за сохранение своего здоровья и пенсию, полностью перекладывая ее на государство.

Для успешного внедрения предложенных направлений по снижению дефицита финансирования системы социального страхования государству сегодня необходимо сделать особый акцент на решение следующих вопросов:

1. Определение роли частных и коллективных средств в общем финансировании здравоохранения, в том числе принятие закона *«О добровольном медицинском страховании»*;
2. Изменение существующих механизмов распределения ресурсов в системе ОМС;
3. Увеличение информированности населения о существующих проблемах в финансировании системы здравоохранения;
4. Повышение макроэкономической стабильности, снижение уровня инфляции.
5. Увеличение пенсионного возраста.
6. Развитие рынка негосударственных пенсионных фондов.

При отсутствии действий государства по изменению текущих механизмов финансирования здравоохранения существует угроза дальнейшего ухудшения здоровья населения страны в ближайшее десятилетие, что окажет существенное влияние на социально-экономическое развитие России.

Список литературы

[1] Федеральный закон № 365-ФЗ от 14.12.2015 *«О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2016 год»* // СПС *«Консультант Плюс»*.

[2] Федеральный закон № 364-ФЗ от 14.12.2015 *«О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2016 год»* // СПС *«Консультант Плюс»*.

[3] *Улумбекова Г.Э., Стародубов В.И.* //ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. 2015. № 2. С. 34–47.

[4] Николай Герасименко: Дефицит финансирования, неэффективная работа медицинских страховщиков, сокращение лечебных учреждений и кадры – острые проблемы здравоохранения. – http://zdravalt.ru/gu/press/news (дата обращения: 10.05.2016).

[5] *Ляшок В.Ю., Назаров В.С., Орешкин М.С.* Факторы роста размера пенсий в современной России // Финансовый журнал. 2016. № 1. С. 7–22.

[6] *Трифонов Б.И.* Предпосылки модернизации системы страхования здоровья граждан России // Сегодня и завтра Российской экономики. 2012. № 51. С. 78–88.

[7] Кудрин посчитал неминуемым повышение пенсионного возраста. – https://lenta.ru/news/2016/04/26/pensage/ (дата обращения: 07.05.2016).

[8] Улюкаев: повышение пенсионного возраста неизбежно. –http://ria.ru/society/20160322/1394698836.html (дата обращения: 14.05.2016).

МЕХАНИЗМЫ ДОСТУПНОГО КРЕДИТОВАНИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА

Дёгтев А.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматривается возможность применения в России механизмов доступного кредитования реального сектора. Доказывается немонетарный характер инфляции в России и возможность использования целевой эмиссии для наращивания инвестиций. Перечисляются основные формы, в которых могут быть реализованы механизмы доступного кредитования, подчёркиваются плюсы и минусы каждой из них.*

Введение. Норма накопления в России (инвестиции к ВВП) составляет 18%. Этого недостаточно для модернизации экономики. Для сравнения, в Китае этот показатель составляет 42%, в Индии – 27%, в Южной Корее – 28%. В России не хватает инвестиций.

Надеяться на иностранные инвестиции тоже не приходиться. Они малы. В общем объёме инвестиций иностранные инвестиции занимают всего лишь 2–4%. И даже если учесть организации с участием иностранного капитала, то всё равно выйдет небольшая сумма – 14%. На такой базе из кризиса не выедешь.

Очевидно, нужен какой-то дополнительный источник инвестиций. Его могло бы простимулировать государство за счёт эмиссии. Но у такого подхода есть масса противников.

1. Риторика монетаризма. Делая вывод о неизбежности инфляции в случае эмиссии, противники эмиссионного рубля не учитывают, что реальная экономика намного сложнее уравнения Фишера. В реальности увеличение количества денег ведёт к росту цен лишь в том случае, когда оно достигает критических значений. Если же рост денежной массы опережает рост номинального ВВП в рамках безопасного диапазона – всплеска инфляции не будет. Это подтверждается примером множества стран, где денежная масса на протяжении длительного времени росла более высокими темпами, чем номинальный ВВП. При этом инфляция не ускорялась. Это наводит на мысль о том, что эмиссию можно использовать для запуска экономического роста. Остаётся лишь опытным путём выяснить, какой диапазон колебания денежной массы является безопасным для нашей страны. Это можно сделать, постепенно наращивая эмиссионное стимулирование при тщательном мониторинге ситуации с ценами.

Противники эмиссионного рубля говорят, что опережающий рост М2 (денежной массы) при отсутствии негативных экономических последствий возможен лишь в развитых западных странах, где другая структура экономики и другие проблемы. Но среди стран, успешно развивающихся при высоком росте денежной

* *Дёгтев Андрей Сергеевич*, аспирант МГИМО МИД России, ЦНПМИ, эксперт.

массы, присутствуют далеко не только страны Запада. Возьмём 10 стран, в число которых входят и динамично развивающиеся члены БРИКС, и постсоветские страны, и постсоциалистические государства Восточной Европы, и другие экономики

В среднем во всех этих странах на протяжении 2000–2014 годов номинальный ВВП рос на 10% в год, а денежная масса – аж на 16% в год. В результате, средний коэффициент монетизации (отношение М2 к ВВП) для этих стран вырос с 47% в 2000 году до 70% в 2014 году. Несмотря на это, средняя годовая инфляция для названных стран составляла в 2000–2014 годах всего лишь 5%. При этом сохранялся реальный рост ВВП в среднем на 5% в год (рис. 1).

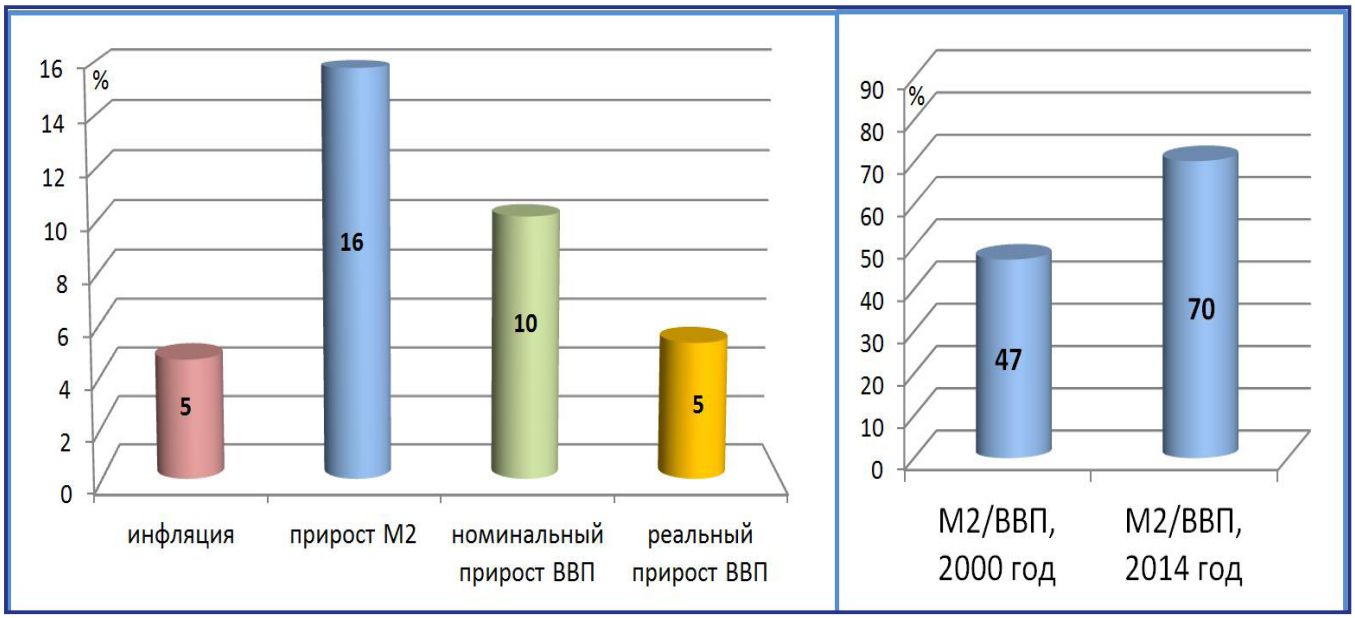


Рис. 1. Среднее значение показателей для 10 развивающихся стран за период 2000–2014

2. Монетарный характер инфляции? Теперь разоблачим утверждение о преимущественно монетарном характере инфляции в России. Для того, чтобы понять, насколько инфляция связана с колебаниями денежной массы, необходимо посчитать коэффициент корреляции между этими двумя показателями. Необходимо взять как можно больше данных, поэтому мы будем использовать данные об изменении денежной массы и величине инфляции в России за каждый месяц на протяжении с января 1999 по июнь 2014. Всего 185 месяцев.

Есть предположение, что инфляция возникает в ответ на увеличение денежной массы, но не сразу, а с определённым запозданием (лагом). Поэтому также рассчитаем коэффициент корреляции для различных лагов (от 1 до 12 месяцев). Получились следующие результаты (рис. 2). Как мы видим, при любых лагах связь между изменением денежной массы и инфляцией оказывается слабой. Можно было бы говорить, что инфляция в России вызвана ростом количества денег только, если бы коэффициент корреляции показывал сильную связь. Но этого нет.

Хоть какая-то связь между динамикой количества денег и инфляцией прослеживается с лагом 1 и 7 месяцев. Но даже в этом случае расчёты показывают, что инфляция обусловлена монетарным фактором (ростом денежной массы) всего лишь на 8%. Остальные 92% инфляции связаны с иными факторами. В частности, монополизмом и инфляционными ожиданиями.

Рис. 2. Коэффициент корреляции между изменением денежной массы и инфляцией в России в 2000–2014 годы

Бюджетный процесс в России устроен таким образом, что каждый год в декабре ответственные за бюджет органы вливают в экономику те средства, которые они не успели распределить в течение года. Как результат, денежная масса одномоментно увеличивается на 8–13% (исключением был только декабрь 2008 года).

До 2011 года устойчиво наблюдался феномен январского увеличения инфляции. Можно было предположить, что рост цен в январе с лагом в 1 месяц был вызван декабрьскими скачками денежной массы. Однако после того, как ежегодная индексация тарифов естественных монополий была перенесена с января на 1 июля, январские инфляционные всплески пропали, несмотря на то, что ежегодные декабрьские скачки денежной массы продолжились. Стало ясно, что январское увеличение цен было обусловлено, не монетарным фактором, а индексацией тарифов естественных монополий и ростом цен других производителей, который приурочивался к росту тарифов и к началу финансового года. Немонетарный характер январского повышения цен виден и по поведению инфляции в январе 2009 года – рост цен увеличился, несмотря на отсутствие роста денежной массы (рис. 3).

Рис. 3. Динамика прироста М2 и инфляции к предыдущему месяцу в России

В декабре 2011 года в экономику было сгружено 2,6 трлн руб. В декабре 2012 года – 2,3 трлн руб. В декабре 2013 года – 2,2 трлн руб. А в декабре 2015 года денежная масса увеличилась на 2,5 трлн руб. Во всех этих случаях увеличение денежного предложения практически не отразилось на инфляции. Очевидно, диапазон безопасного наращивания М2 достаточно велик и позволяет эффективно использовать эмиссионный механизм для поддержки инвестиций. Казалось бы, государство должно активно использовать этот инструмент.

3. Инструменты доступного кредитования. Институционально такой механизм дешёвого кредитования реального сектора может быть реализован в одной из нескольких возможных форм: *целевое рефинансирование, бюджетное субсидирование выплат по кредитам, бюджетное кредитование, бюджетные фонды и внебюджетные фонды*. Специализированный характер этих институтов заключается в том, что они ориентированы на льготное кредитование производителей. Иными словами, они обеспечивают доступность кредитно-инвестиционных ресурсов для предприятий. Это может осуществляться как за счёт установления более низких процентных ставок (по сравнению с рыночными), так и за счёт участия в прибыли, когда кредитор не устанавливает фиксированный процент, а делит с кредитополучателем доходы и риски (классическая схема исламского банкинга). Часть таких инструментов так или иначе уже применяется в России. Однако их реализация, а главное, мизерные объемы, как правило оставляет желать лучшего. Рассмотрим перечисленные институты.

3.1. Целевое рефинансирование. Под целевым рефинансированием будем понимать кредитование коммерческих банков Центробанком с целью кредитования ими производственных предприятий под конкретные инвестиционные проекты. Источником денежных средств в данном случае является эмиссия Центробанка, который кредитует коммерческие банки под льготный процент. Банки в свою очередь доводят кредит до конечного получателя также под низкую процентную ставку. Кредит предоставляется под залог обязательств производственных предприятий и/или госгарантий.

В России этот институт некоторое время существовал в форме проектного финансирования. В прошлом году в России запустили программу проектного финансирования, в рамках которой должны кредитоваться инвестиционные проекты. Центробанк должен кредитовать коммерческие банки, а те в свою очередь должны давать кредиты предприятиям. За 2015 год Межведомственной комиссией при Министерстве экономического развития было одобрено кредитов в общей сумме всего лишь на 236 миллиардов рублей. Но даже из этих кредитов выданы были не все. Центробанк сначала установил лимит 100 миллиардов рублей, а в марте 2016 года и вовсе заморозил проектное финансирование. На тот момент предприятия успели взять кредиты только на 74 млрд рублей. В чём логика? Известно ведь, что даже эмиссия размером 2,2–2,6 триллиона рублей за месяц не вызывает инфляцию! А Центробанк даёт предприятиям на производство только 74 миллиарда рублей за целый год!

Да и проценты, по которым выдавались кредиты в рамках проектного финансирования, вызывают недоумение. Предприятия получали эти деньги

по ставке 11,5% годовых. И это называется льготное кредитование! Для сравнения, средняя рентабельность российских предприятий составляет 9%. Как фирма может позволить себе кредит по ставкам выше, чем прибыль, которую она может заработать?

Центробанк не хотел давать деньги производителям и поэтому саботировал программу проектного финансирования. ЦБ делал вид, что выполняет свои обязанности, а на самом деле всеми возможными способами старался остановить проектное финансирование и, в конце концов, добился этого. Поэтому на деле вопрос ставится не о выборе между эмиссией и фондированием проектов из суверенных фондов: фактически нет ни того, ни другого. Вопрос стоит в принципе: будет или нет государство возвращать недостающую инвестиционную часть денежной массы в национальную экономику!

Целевое рефинансирование как инструмент инвестиционно-кредитной денежной эмиссии даже безотносительно его конкретного воплощения в современной России обладает рядом минусов.

Во–первых, оно подразумевает использование банков, которые в силу своего коммерческого статуса далеко не всегда заинтересованы участвовать в таком проекте. Ведь цель банка заключается в получении максимальной прибыли, а целевое кредитование требует ограничения маржи. Это противоречие ведёт к снижению эффективности всего механизма. Стремясь избежать лишней мороки и избавиться от лишних рисков, банк с большей охотой забракует проект, чем возьмётся за его финансирование.

Во–вторых, серьёзной проблемой является контроль над целевым использованием выделенных средств уже на уровне банков. Типичным примером является поведение российских коммерческих банков по время кризиса 2008–09 годов. Выделенные правительством несколько триллионов рублей были использованы банками для игры на валютной бирже, что привело к снижению российских ЗВР на десятки миллиардов долларов.

В–третьих, переход банков на фондирование за счёт Центробанка ведёт к потере их заинтересованности в привлечении депозитов. Это теоретически влечёт за собой падение ставок по депозитам и, как результат, снижение доходов вкладчиков.

Наконец, сложность вызывает оценка состоятельности проектов, выдвигаемых заёмщиками. Коммерческие банки далеко не всегда обладают компетентными специалистами, которые могли бы выполнить эту работу, а *«пропускная способность»* специализированных комиссий на уровне правительства ограничена. В качестве выхода можно было бы рассматривать передачу функции распределения эмитируемых ресурсов специализированным государственным банкам развития. Но возможность соблюсти желаемый статус таких банков вызывает сомнения. Например, государственная форма собственности на контрольные пакеты акций не мешает действовать российским банкам (Сбербанк, Газпромбанк, ВТБ и др.) в режиме классических коммерческих институтов. То же относится и к государственным корпорациям, которые по формальному правовому статусу и вовсе являются некоммерческими организациями.

3.2. Бюджетные инструменты кредитования. Общий смысл бюджетных инструментов льготного кредитования заключается в том, что источником средств для кредитования производственного сектора выступает государственный бюджет.

Во–первых, ресурсы из бюджета могут направляться на субсидирование выплат заёмщиков по кредитам. Субсидии могут покрывать как процентные выплаты, так и часть стоимости тела кредита.

Во–вторых, государственные органы и сами могут кредитовать предприятия из бюджетных средств.

Наконец, из бюджета могут финансироваться специальные фонды, занимающиеся кредитованием производителей. Одним из примеров такого фонда в России является Фонд развития промышленности (далее – ФРП). Он позволяет предприятиям привлекать кредиты на реализацию инвестиционных проектов под 5%. Однако совокупные масштабы инвестирования через ФРП невелики. В прошлом году бюджет фонда составил всего лишь 20 млрд рублей.

Принципиальный минус перечисленных механизмов заключается в том, что источником средств являются поступления в государственный бюджет и их наращивание потребовало бы увеличения налоговой нагрузки, либо же роста госдолга.

Хотя стоит понимать и принципиальное отличие бюджетного кредитования от субсидий. Если субсидии имеют безвозмездный характер, то бюджетное кредитование предоставляется на возвратной основе. Поэтому государственный долг, образовавшийся в результате наращивания объёмов бюджетного кредитования, не столь опасен как классический госдолг. Ведь бюджетное кредитование подразумевает возвращение в бюджет средств, из которых госдолг может быть выплачен. Однако в случае отсутствия повышенного спроса на государственные долговые ценные бумаги не получится обеспечить низкий процент по ним, а значит, не получится кредитовать под низкий процент и предприятия. Поэтому в таком случае целесообразным представляется выкуп государственных ценных бумаг Центробанком под искусственно низкий процент. Фактически такая схема соответствует рефинансированию производственного роста, но не через коммерческие банки, а через бюджет.

Недостаток такого механизма заключается в том, что государственные учреждения, распределяющие бюджет далеко не всегда обладают достаточным кадровым потенциалом для оценки состоятельности инвестиционных проектов.

3.3. ГВИКФ. Очевидно, необходим некий специализированный институт, который позволил бы избежать недостатков, свойственных перечисленным выше механизмам. Таким институтом должен быть внебюджетный фонд. Его применение позволило бы направить эмитируемые Центробанком деньги напрямую производственным предприятиям, минуя прослойку в виде коммерческих банков. Таким образом, решилась бы проблема противоречий между коммерческим статусом банков и их

некоммерческой функцией в рамках механизма льготного кредитования производителей. Отпала бы и опасность деформации кредитно-депозитного процесса в рамках банковской системы, так как фонд в него попросту не вмешивается. Наконец, в случае привлечения в фонд достойного кадрового ресурса можно было бы наладить системную работу по оценке состоятельности инвестиционных проектов и объективного отбора достойных заявок для финансирования.

Центром научной политической мысли и идеологии разработан проект подобного института. Он носит название Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда (далее – ГВИКФ). Этот фонд мог бы направлять инвестиционный ресурс в экономику сразу по трём контурам:

1) Путём целевого некоммерческого прямого (без посредничества коммерческих банков) кредитования отдельных крупных проектов, предприятий и регионов по ставкам ниже, чем в банковской системе.
2) За счёт сетевого кредитования МСБ и ипотеки населения через систему коммерческих банков.
3) Посредством финансирования лизинга машин, оборудования и транспортных средств в интересах отечественных предприятий.

Второй из трёх контуров потребует повышенного контроля целевого использования средств. В случае критического возрастания инфляционных рисков либо дестабилизации банковского рынка использование этого контура может быть ограничено.

Организационно-правовая форма ГВИКФ – автономное государственное учреждение в форме государственного внебюджетного фонда, наделённое статусом небанковской кредитной организации. Для создания ГВИКФ потребуется принятие специального закона *«О Государственном внебюджетном инвестиционно-кредитном фонде Российской Федерации* (*ГВИКФ*)» и внесение изменений в ряд существующих законодательных актов РФ.

ГВИКФ вовсе не является некой самостоятельной структурой, узурпировавшей кредитно-денежную политику страны. ГВИКФ будет подвергаться банковскому контролю со стороны ЦБ РФ. Он попадает под администрирование Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации. Координация деятельности ГВИКФ будет осуществляться Министерством экономического развития Российской Федерации.

В качестве имущества в оперативное управление ГВИКФ (как государственному учреждению) передаётся имущество ликвидируемых банков: *«Российского сельскохозяйственного банка»* и *«Банка развития и внешнеэкономической деятельности* (*Внешэкономбанка*)». Иными словами ГВИКФ будет создан на их базе. Учредителем и собственником ГВИКФ является Российская Федерация.

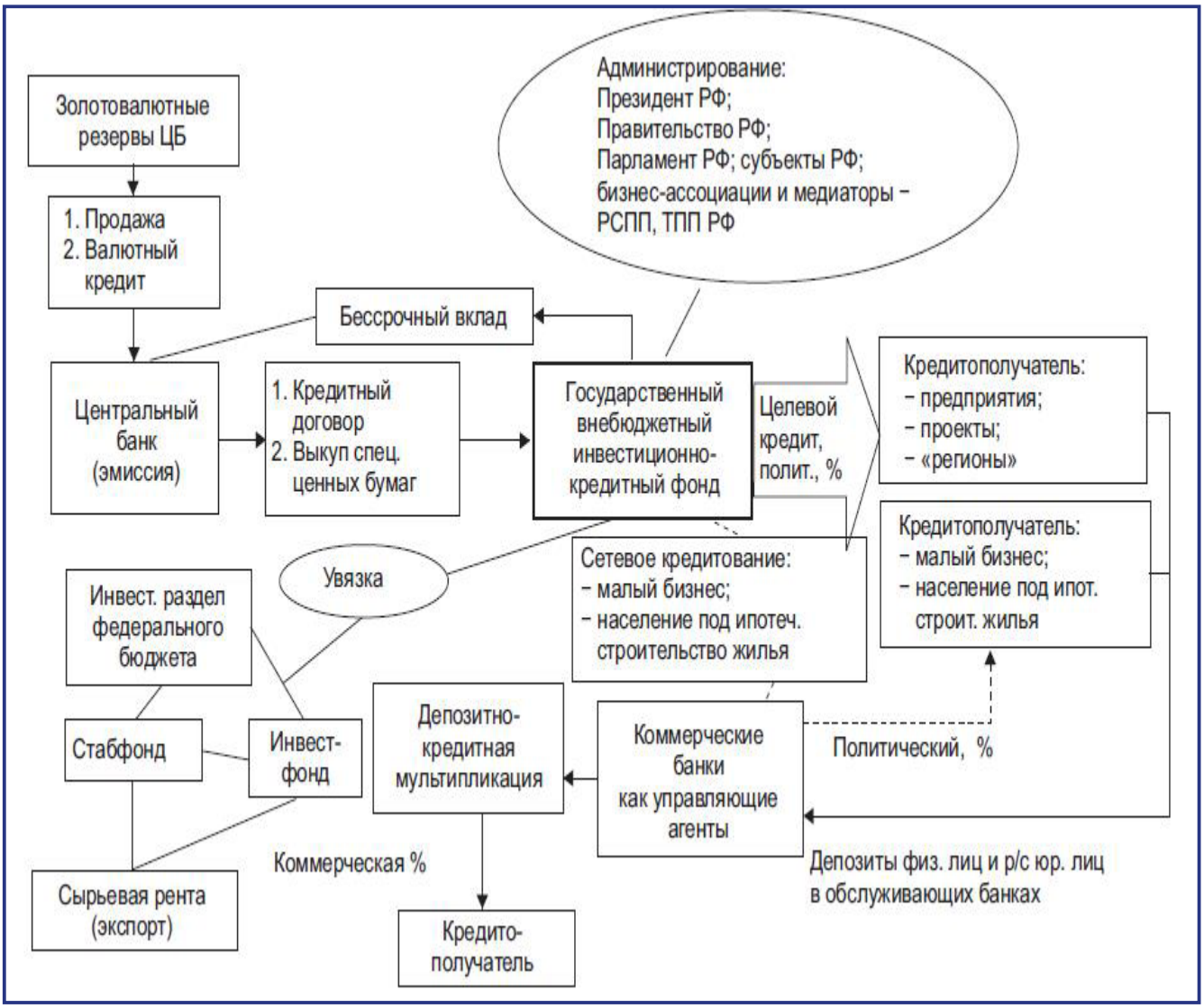


Рис. 4. Схема включения ГВИКФ в государственные и коммерческие экономические связи

ГВИКФ могут частично передаваться на возвратной основе российские ЗВР, что позволило бы кредитовать российские предприятия в валюте. В случае реального перехода к импортозамещению данная опция обретает реальную актуальность, так как обновление отечественных основных фондов потребует покупки оборудования и технологий за рубежом. Но главным источником средств Фонда для кредитования производителей является покупка облигаций Фонда Центробанком.

Маржа (разница между процентными ставками, по которым ГВИКФ привлекает ресурсы, и процентными ставками, по которым он кредитует предприятия) мала, так как ГВИКФ финансирует производителей по льготно низким процентам ставкам. Поэтому его доходов может не хватать для покрытия всех операционных расходов. Поэтому целесообразно предусмотреть дополнительное финансирование операционных расходов ГВИКФ за счёт бюджета. Это будет страховать ГВИКФ от скатывания к стратегии максимизации своей прибыли в ущерб его уставным целям, что свойственно многим российским организациям, формально считающимся институтами развития.

В целом ГВИКФ должен органично вписаться в денежно-кредитную систему страны, исправив её деформации в части дороговизны кредита для производственных инвестиций и не допустив появления новых деформаций в смежных секторах (рис. 4).

Заключение. В условиях, когда денежные власти ограничиваются минимумом мер для преодоления проблемы дорогих денег, модернизация экономики и реализация стратегии импортозамещения становятся нереализуемы. Для исправления ситуации требуется введение специализированных инструментов кредитно-денежной политики, которые позволили бы использовать денежную эмиссию Центробанка в качестве источника дешёвых кредитов для реализации инвестиционных проектов отечественных производителей.

Боязнь инфляции, которую проявляют ответственные государственные органы и которая препятствует созданию таких инструментов в стране, неуместна.

Среди всех возможных форм доведения дешёвых кредитов до реального сектора наибольшими преимуществами обладает механизм внебюджетного некоммерческого фонда. Проект такого фонда и необходимый для его введения пакет законодательной инициативы разработан Центром научной политической мысли и идеологии в виде Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда.

ИРАНСКИЙ ФАКТОР ДЛЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ ЕВРАЗИИ

Бобрик П.П.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье исследуется влияние снятия санкций с Ирана на текущее распределение транспортных потоков в Евразии. Показывается, что для России иранский фактор приводит к снижению потенциала его широтных маршрутов, но открывает новые возможности для организации меридиональных коридоров.*

1. Введение. Любая дорога – очень дорогостоящее сооружение, требующее от общества постоянных усилий по его поддержанию. Дорог не может быть много. Между альтернативными маршрутами идет жесткая конкуренция. Хотя формально дорогу можно построить где угодно, но для того, чтобы она состоялась, требуется совпадение большого числа факторов. Попытки построить дорогу в произвольном месте еще более абсурдны, чем посевы кукурузы в заполярье.

Евразия географически вытянута с Востока на Запад. Это еще больше выделяется с учетом того факта, что значительные территории севера де-факто являются слабо обжитыми и играют незначительную роль сточки зрения евразийского транспорта. Поэтому главным транспортным направлением Евразии являлось направление *«Восток – Запад»*. Или по-другому широтные перемещения. И наоборот, меридиональные дороги всегда имели второстепенный вспомогательный характер, что, тем не менее, нисколько не умаляет их значимости и необходимости.

Дешевый и доступный транспорт площадного типа является мощным фактором для привлечения бизнеса и населения. Поскольку доминирующим видом транспорта в настоящее время является морской, то именно по этой причине большая часть мировых мегаполисов находится либо на побережье, либо в зоне ее непосредственного влияния. Здесь же сосредоточена большая часть населения планеты.

В свою очередь население является экономическим фундаментом для бизнеса, поскольку является основой для любого рынка сбыта товаров и услуг. Получается замкнутый самоподдерживающийся логический круг. Население предпочитает селиться там, где уже проживают люди, что приводит к неограниченному росту плотности населения и росту городов. Ограничивается этот процесс только какими-то прочими факторами: загрязнениями, нехваткой воды, эпидемиологической ситуаций и т.д.

* *Бобрик Петр Петрович*, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем транспорта РАН.

С другой стороны транспорт имеет смысл только там, где есть на него спрос, т.е. где есть потребность в перемещениях. Особенно это относится к инфраструктурным проектам: дорогам, портам, аэродромам. Эффект масштаба приводит к тому, что там где проживает много людей могут выбираться в том числе и очень капиталоемкие транспортные решения. Увеличение возможности выбора приводит к возможности достигать наивысшей эффективности работы транспорта. Что в свою очередь еще больше усиливает привлекательность территории и приводит к росту плотности населения.

Исторически сложилось, что наиболее обитаемой частью земли является Евразийский полумесяц, который начинается в Европе, далее через Турцию, Иран выходит на Индию, Индокитай и Китай с Японией. И поэтому неудивительно, что вдоль этих территорий проходят наиболее интенсивные транспортные маршруты. В частности, именно по ним в свое время проходил Великий Шелковый путь. И именно поэтому при проектировании современных транспортных коридоров эти области также оказываются в центре внимания, несмотря на то, что сейчас по ним не возят шелк и пряности.

Отчасти такая ситуация сложилась из-за благоприятного климата в Евразийском полумесяце. Но надо понимать, что, набрав высокую плотность населения, теперь эти территории продолжают притягивать население и транспортные потоки самостоятельно, сохраняя текущее распределение населения в мире.

1. Влияние Ирана на российский широтный трафик. Основной сухопутной транспортной артерией Евразии широтного типа всегда являлся Великий шелковый путь, хотя это не одна дорога, а набор взаимосвязанных трасс вытянутых от Китая до Европы. Но важно помнить, что еще с древности основная ветка Великого шелкового пути из Китая проходила через южные районы Центральной Азии в направлении Ирана и далее на Турцию. Тем самым Иран является страной, по территории которого должна проходить основная ветка Великого шелкового пути.

До снятия санкций любой трафик через территорию Ирана был, как минимум, затруднен. Тем самым, во время санкций весь шелковый путь де-факто был заблокирован. А с ним и значительная доля сухопутного трафика Евразии. Откуда и появилось повышенное внимание к российскому Транссибу и аналогичным дорогам.

После снятия санкций этот маршрут безусловно повысил свою привлекательность. Тем самым возросла его конкурентоспособность по сравнению с другими ветками маршрутов. С точки зрения России это означает усиление конкуренции для Транссиба и подобных ему направлений со стороны иранских маршрутов. Тем самым после снятия санкций с Ирана, геополитические предпосылки для реализации российских вариантов транспортировки грузов с Востока на Запад безусловно ухудшились.

Однако не все так плохо. Одновременно у России значительно повысились возможности по организации меридионального транспортного коридора. При этом специфика России такова, что конкретно для нашей страны он может иметь даже более важное значение, чем широтные коридоры.

2. Геополитическое направление к теплым морям. Одной из основных геополитических задач России во все времена было движение на юг к теплым морям. Это позволило бы решить сразу несколько важных задач.

Прежде всего, это получение беспрепятственного выхода к незамерзающим зимой портам, что является необходимым условием для полноценного вхождения в международную морскую торговлю. Т.е. получение доступа к наиболее выгодному виду экономических коммуникаций в наше время.

В настоящее время Россия не имеет прямого выхода на мировой океан с южных направлений. На черном море нас блокируют турецкие проливы. На балтийском море Дания со Швецией. А с Владивостока Япония и Корея. В результате наши подводные атомоходы с Кольского полуострова вынуждены проходить дополнительный длительный путь только для того, чтобы обозначить свое присутствие в мировом океане.

Движение на юг позволило бы расширить диверсификацию сельскохозяйственного производства. В настоящее время из-за климатических условий мы обречены покупать такие колониальные товары как кафе, какао, бананы, отчасти сахар, т.е. товары, которые образуют одни из крупнейших сырьевых товарных рынков в мире. Эти закупки составляют значительную долю российского импорта. Выход непосредственно на рынки этих товаров позволит избавиться от подобной зависимости, или, по крайней мере, существенно их ослабить.

В этом отношении увеличение кооперации в различных областях с Ираном крайне полезно для России. А гипотетический выход России в Индийский океан через Иран в этом отношении существенно изменил бы общую геополитическую обстановку на планете.

Таким образом, увеличение контактов с Ираном необходимо стимулировать. В частности, максимально расширить транспортное сотрудничество с Ираном, насколько это возможно.

3. Трансевразийский меридиональный транспортный коридор. Как уже говорилось ранее, значение меридиональных транспортных коридоров в Евразии меньше, чем широтных. Кроме того, есть объективные физические причины, препятствующие их возникновению.

Почти вся центральная часть Евразии является территорией с недостатком водных ресурсов. Это приводит к низкой плотности населения и соответственно к слабым потребностям в транспортной инфраструктуре.

Вдоль всей Азии сплошной цепью протянулся пояс гор. Он начинается в Турции, далее переходит на Иран, далее Памир и Алтай, южнее Гималаи и Гиндукуш, далее Саяны, Хинган. Их пересечение возможно только вдоль долин и отдельных перевалов.

Наличие горных ландшафтов приводит к необходимости повышать мощность двигателей и расход энергии на километр чистых перемещений. Также это является препятствием для спрямления отдельных участков дорог. Поэтому нигде на земле нет высокой плотности населения в высокогорных районах.

Т.е. имеются значительные физические препятствия для организации высокоэффективного транспорта по меридиональным направлениям.

Но потребность в полноценном меридиональном коридоре высокая, и надо изыскивать возможности. В этом отношении организация мультимодального коридора по восточному побережью Каспия через Иран является уникальной возможностью. С географической токи зрения это, пожалуй, единственный вариант меридионального коридора во всей Евразии.

Возможно продолжение коридора на север вплоть до Архангельска. Пока для этого не достаточно трафика. Но если прогнозы о наступлении всемирного потепления сбудутся и откроется круглогодичная навигация по северному ледовитому океану вдоль побережья России, то этот коридор станет действительно евразийским. Организация этого коридора должна стать стратегической целью для России.

Про эту возможность также известно давно. В советское время интенсивно осуждался коридор Урал-Иран, который по своим характеристикам был очень похож на этот меридиональный коридор.

4. Российские меридиональные направления. В настоящее время Россия в европейской части страны де-факто придерживается европейской карты транспортных коридоров. Среди них есть коридор, претендующий на статус меридионального. Он так и называется “Север-Юг” или в латинице NS. Коридор начинается с Финляндии, далее идет на Москву, далее на Астрахань, далее морским путем через Каспий на Иран и Индию. Но вопреки своему названию, это скорее диагональный маршрут, а не меридиональный.

Даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что такая трассировка ориентирована, прежде всего, на Европейские интересы по доставке европейских товаров в Индию и обратно. Так в обосновании отдельно указано, что он короче классического морского маршрута в Индию через Суэцкий канал, что однозначно указывает на его цели и задачи.

Европейские корни коридора также проявляются в том, что впервые он был озвучен еще на второй общеевропейской конференции по транспорту в 1994 году, где были приняты так называемые критские коридоры. И только затем 12 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге было подписано межправительственное соглашение о международном транспортном коридоре *«Север – Юг»* между Россией, Ираном и Индией в ходе второй Евроазиатской конференции по транспорту. В мае 2002 г. в Санкт-Петербурге министры транспорта стран-участниц подписали протокол об официальном открытии коридора.

По своему положению коридор NS является участком дуги кольца вокруг центра, расположенного где-то в центральной Европе. А то значит, что он является периферийной дорогой. Другими словами его расположение закрепляет за Россией статут периферии. Самим своим расположением он дезорганизует российские перемещения в направлении север-юг, перенаправляя их по диагонали. При этом он обладает достаточно высоким трафиком и поэтому достаточно важен для российской экономики. Но лучшее – враг хорошего.

Для того, чтобы получить Россияцентричную транспортную структуру сети, необходимо обеспечить такое расположение широтных и меридиональных коридоров, чтобы их центр был бы на территории России, желательной

в ее глубинке. В настоящее время на роль такого коридора север-юг претендует лишь направление Москва – Ростов-на-Дону – Сочи, вдоль которого есть достаточно высокоскоростное железнодорожное и автомобильное сообщения магистрального типа и относительно развитые территории.

Но даже он обладает существенными недостатками. Продолжение направления на юг невозможно как по физическим причинам в виде кавказского хребта, так и по политическим соображением в виде ряда политически недружественных нам стран. Т.е. практически нереализуемо. Кроме того, он по многим перевозкам проигрывает конкуренцию морским коммуникациям по Черному морю вплоть до Индийского океана.

На севере продолжение этого направления на Вологду и Мурманск, как должно быть по географии, подменяется на Финляндию по советам европейских коллег. Тем самым Россия ослабляет территориальную интеграцию своего севера с остальными территориями европейской части страны в угоду обслуживания европейских транзитных потоков. А без северного продолжения функционирование этого меридионального коридора будет происходить в ослабленном режиме.

Суммируя, существующий критский коридор NS хотя и важен и необходим, но он изначально имеет неверную трассировку. По своему назначению он подходит только на роль регионального российского направления.

5. Иранские каналы. Первый проект меридионального типа направлению через Иран был озвучен еще в конце 19 века, когда русские инженеры предложили создание двух каналов связывающих каспийское море с индийским океаном. Каналы предполагались настолько крупными, что по ним даже планировалось проводить военные эскадры. Учитывая достаточно интенсивное взаимодействие российской империи и Персии, проект имел высокие шансы для реализации. Одним из главных препятствий стал статус этих каналов. Россия требовала экстерриториальный статус, т.е. возможность воспользоваться каналами без дополнительных разрешений со стороны иранских властей. Но Персия на это не пошла, во многом из-за внешних причин в виде влияния Британской империи. Тем не менее, вот уже скоро полтора века, как этот проект существует на бумаге. И в связи со снятием санкций с Ирана в последние месяцы, внимание к этим проектам сильно возросло, а точнее восстановилось.

Однако надо признать, что в современных условиях значение этих проектов значительно снизилось.

Иран достаточно засушливая страна. Изыскать внутри страны такие объемы воды, чтобы заполнить каналы, крайне затруднительно. Значит, каналы должны подпитываться соленой морской водой. В настоящее время уровень Каспия находится на 30 метров ниже уровня индийского океана. Это предполагает использование соленых океанических вод, сбрасываемых в Каспий, что очень неблагоприятно с точки зрения экологии.

В Иране гористый ландшафт. Перепад высот на всем протяжении каналов составляет более километра, что будет приводить к высоким затратам энергии при работе шлюзов. Что, в свою очередь, делает маршрут крайне затратным. Он не сможет стать магистральным по этой причине.

Размеры современных военных кораблей значительно возросли. Проводка многих крупных кораблей по каналам будет невозможна, что принципиально отличается от ситуации в конце 19 века. Длины каналов составляют более тысячи километров, что с учетом шлюзования означает недели перехода по ним. А сами корабли превратятся во время такой проводки в малоподвижную цель. Поэтому военное значение этих каналов в современных условиях сомнительно.

Суммируя, подобные каналы могут иметь только региональное значение. Тем более что зачастую каналы рассматриваются в конкуренции к прочим видам транспорта. В этой ситуации их реализация скорее отвлечет необходимые ресурсы он нужного вектора развития. Т.е. будет скорее вредным, чем полезным. Не говоря уже про многочисленные объективные препятствия.

6. Современное состояние. Организация предлагаемого евразийского транспортного коридора вдоль восточного побережья Каспия коридор не является волюнтаристской инициативой отдельных групп в угоду текущей конъюнктуре. Он не противоречит законам природы, и поэтому может быть рекомендован к реализации на стратегической основе. Все геополитические предпосылки и условия для его развития и функционирования имеются. Из России могут поступать зерно, лес, продукция машиностроения. Из Индийского океана тропические сельхоз. товары, нефть, руды. Тем самым имеется большой потенциал роста транзитного трафика и ускоренного развития сопредельных к коридору территорий. Другими словами, в отличии от многих других проектов, предлагаемый коридор не будет являться экономической утопией.

Более того, все эти предпосылки имелись достаточно давно. Как минимум с 19 века. Или даже с путешествия Афанасия Никитина. Но, тем не менее, пока это только предпосылки, а сам коридор пока так и не реализовался.

В настоящее время транспорт по оси южный Уран – Иран, осуществляется преимущественно автомобильным транспортом, и то крайне незначительно и неэффективно. Практически отсутствуют современные автобаны, позволяющие перемещаться с высокой скоростью. Все сказанное отчасти верно и для железнодорожного транспорта. Хотя существуют железнодорожные ветки и по западному и по восточному побережью Каспия, но трафик по ним намного ниже потенциального.

Выше уже говорилось, про объективные физические препятствия в виде обширных полос засушливых областей и горных цепей. Так суровый климат и сильная нехватка пресной воды приводят к низкой плотности населения в Восточном Каспии. Это означает незначительный объем местного трафика, что требует дополнительных усилий по организации коридора. А на территории Ирана на пути встают горы.

Но как показывает опыт других масштабных проектов, технические возможности достаточны для их преодоления. Главным же текущим препятствием для организации транспорта являются политические причины. В настоящее время движение по основной ветке Великого шелкового пути практически невозможно из-за напряженной военной обстановки в Афганистане и приграничных к нему областей.

Это не случайное стечение обстоятельств. Отчасти такая ситуация сложилась по политическим причинам. Противоборство России и англо-саксов на протяжении столетий де-факто возводило невидимую экономическую и политическую границу между Центральной Азией и Ираном. Так многочленные попытки прокладки газопроводов и нефтепроводов по этим территориям в прошлом веке потерпели неудачу. Пока нет оснований ожидать кардинального изменения ситуации к лучшему.

Но что важно, сам факт снятия санкций с Ирана открывает повышенные возможности для реализации транспортных коридоров, проходящих через территорию России в меридиональном направлении. В этом принципиальное отличие влияние Иранского фактора в сравнении с широтными маршрутами. И этим надо обязательно воспользоваться в ближайшие десятилетия. В случае, если это удастся сделать, удерживать этот ориентированный на Россию трафик будет намного легче, чем выигрывать конкуренцию у уже идущих товарных потоков вдоль территории Ирана.

Значение запуска этого маршрута таково, что целесообразно даже рассмотреть вопрос о субсидировании перевозок по коридору бюджетами тех стран, по которым проходит коридор. По крайней мере, на начальных этапах строительства. И Россия может быть при этом главным спонсором, поскольку организация меридионального коридора Урал – Иран является приоритетной целью России.

Список литературы

[1] *Байсеркеев О. Н., Бугроменко В. Н.* Региональная пространственно-временная среда. Алматы, 1993.

[2] *Тархов С. А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск-Москва: Издательство *«Универсум»*, 2005.

[3] *Бобрик П. П. «Обоснование гравитационной модели транспортных корреспонденций при помощи закона убывающей предельной полезности»* // Труды МФТИ. 2010 № 4.

[4] *Бобрик П. П. «Организация сельскохозяйственной транспортной сети в Пермском крае»*. // Труды конференции *«Актуальные проблемы экономики и права.»* Институт экономики финансов. Пермь, 2011.

[5] *Бобрик П. П.* О преимуществе треугольной топологии сети над квадратной. М., // Журнал *«Транспорт: наука, техника, управление»*. 2005. № 3. С. 32–34.

[6] *Бобрик П. П.* Влияние конфигурации транспортной сети на развитие территории. / Материалы 13-й международной конференции. Государственное управление в XXI веке. Секция 2. Управление Евразийским экономическим союзом. – М.: *«КДУ»*, *«Университетская книга»*, 2016. – С. 4–10.

[7] *Макогонова Н. В.* Управление Евразийским экономическим союзом должно быть риск-ориентированным / Материалы 13-й международной конференции. Государственное управление в XXI веке. Секция 2. Управление Евразийским экономическим союзом. – М.: *«КДУ»*, *«Университетская книга»*, 2016. – С. 10–15.

[8] *Agassiant A.A, Strelnikov A.I.* Rational Development of urban transportation systems, with due consideration given to environmental protection. M: 1989.

VIII. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ САМОРАЗВИТИЯ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

Пушкарева Г.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Информационное сопровождение государственной политики инициируется с целью обеспечения массовой поддержки заявленного государством политического курса или отдельных правительственных стратегий. В статье на основе анализа особенностей психологии восприятия политической информации предлагается определение коридора возможностей информационного влияния при решении задач формирования доверия граждан к проводимой государственной политике.*

Имплементация государственной политики всегда осуществляется в зыбком поле реальных ожиданий и предпочтений граждан, которые могут стать как благоприятной почвой для укоренения государственных решений, так и вызвать флуктуации с непредвиденными для государства последствиями. Любое правительство заинтересовано в том, чтобы проводимая им политика находила, по крайней мере, понимание у населения, чтобы граждане не устраивали акции протеста против принимаемых государственных решений, чтобы внедрение структурных новаций не встречало явного или скрытого сопротивления масс. Одним из способов решения этой проблемы является информационное сопровождение государственных решений, целью которого является формирование в массовом сознании образов и представлений, способных повлиять на отношение граждан к проводимой государственной политике.

Необходимость информационного сопровождения государственной политики особенно остро ощущается в условиях кризисного развития, когда государство вынуждено принимать непопулярные в обществе решения, а также в условиях проведения курса на модернизацию, на реформирование сложившегося уклада экономических и социальных отношений. В первом случае целью информационного сопровождения становится снижение уровня недовольства, предотвращение роста протестных настроений и возникновения очагов выступлений, направленных против существующей власти. Во втором случае информационные усилия должны помочь гражданам адаптироваться к меняющимся в ходе реформы условиям жизни. Фактически речь идет о том, чтобы задействовать инструменты и технологии информационного влияния для убеждения людей в необходимости принятия нового порядка, в целесообразности ориентации на новые нормы и ценности.

* *Пушкарева Галина Викторовна*, доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ученые отмечают, что на протяжении двадцатого столетия шло совершенствование системы информационной поддержки государственной политики, появлялись новые стратегии ведения информационных кампаний, вырабатывались особые технологии убеждения и манипулирования массами [3; 13; 15; 16]. Стали даже высказываться идеи о наступлении *«эпохи пропаганды»*, когда успешность политического курса начинает определяться не качеством принимаемых решений, а эффективностью информационных технологий [1; 2]. В этой связи встает вопрос о возможностях и пределах информационного влияния государства на массовое сознание, можно ли с помощью современных технологий склонить граждан к поддержке любого политического курса и обеспечить лояльное отношение к принимаемым управленческим решениям.

Этот вопрос имеет и другую сторону. Понимание объективных ограничений информационных технологий позволяет адекватно оценивать их потенциал в достижении политических целей. Объективные ограничения, с одной стороны, обусловлены правом доступа в пространство массовой коммуникации. Речь идет о возможностях использовать СМИ и другие информационные каналы для донесения своей позиции до массовых аудиторий. И здесь многое зависит от степени независимости СМИ, от состояния медиарынка, от уровня развития интернет-пространства, т.е. от факторов, которые позволяют государству либо доминировать в медиапространстве, либо вынуждают его действовать в условиях конкуренции с другими политическими игроками.

С другой стороны, объективным ограничителем информационного влияния становятся реципиенты, люди, для кого предназначена соответствующая информация. В литературе массы часто рассматривают как некий субстрат, который легко поддается на уловки пропагандистской машины, которым можно манипулировать и добиваться формирования нужных взглядов [6]. Однако эта масса может демонстрировать и неповиновение, нежелание слушать и слышать доводы. Она способна превращаться в глыбу, о которую может разбиться самая искусная пропагандистская кампания.

В данной статье предпринята попытка выявить психологические процессы восприятия, способные гасить эффекты информационных технологических приемов. Решение этой исследовательской задачи позволит лучше понять границы коридора возможностей информационного влияния на граждан при решении конкретных политических задач.

Восприятие информации начинается с активизации внимания. Государственная политика как некоторый комплекс мер, направленных на достижение определенных целей, оказывается в фокусе внимания широких слоев населения в весьма специфическом отражении. Интерес вызывают, прежде всего, те действия правительства, которые либо напрямую связываются с проблемами, волнующими граждан, либо притягивающие внимание своей неординарностью.

Социологи Левада-Центра регулярно спрашивают россиян, какие события последних четырех недель запомнились им больше всего. Анализ ответов на этот вопрос помогает увидеть специфику интересов населения. Респонденты чаще всего называют те события, которые, либо отражаются на их повседневной жизни, либо те, которые выбиваются из привычного ритма повседневности и имеют

налет необычности, сенсационности. Так в апреле 2016 года самыми запомнившимися событиями стали *«Прямая линия»* с Владимиром Путиным (40%) и рост цен и тарифов/обесценивание денег (32%). Первое событие активно раскручивалось в СМИ, и внимание к нему было приковано в силу особых ожиданий, рождающих у людей веру в способность российского лидера дать ответы на все волнующих граждан вопросы. Второе событие отражало озабоченность реалиями повседневной жизни. Показательно, что государственные решения, например, реформу силовых ведомств и создание Национальной гвардии заметили только 6% россиян, что значительно меньше, тех, кто обратил внимание на наводнения в Сибири (14%), допинговые скандалы с российскими спортсменами, крушение Боинга в Ростове-на-Дону (13%) и т.п. А на отчет Правительства в Государственной Думе обратили внимание только 3% [14].

Государственная политика, ее официальная интерпретация могут оказаться не замеченными массами, поскольку их внимание привлекают скорее скандалы вокруг принятия и имплементации государственных решений, чем сами решения и усилия властей по их реализации. В этом одна из причин крайне неоднозначного отражения в массовом сознании конкретных направлений государственной политики: если кто-то что и слышал, то, как правило, тиражируемые слухи о скандалах.

Когда государственные решения затрагивают непосредственные интересы граждан, то это побуждает их целенаправленно искать дополнительную информацию. Однако активность внимания не является гарантией того, что именно информация официальных органов окажется в его фокусе. В современном обществе даже в условиях доминирования государства в медиапространстве у населения всегда есть возможности получения информации из альтернативных источников. И здесь важным становится доверие к коммуникатору. Если отношение к официозу является скептическим, если в массовом сознании складывается стереотип *«власть не может говорить правду»*, то свое любопытство люди стремятся удовлетворить, обращаясь к другим источникам информации. В итоге о государственной политике может формироваться представление, искаженное слухами, критическими суждениями, оппозиционным пафосом и т.п.

Еще одной проблемной зоной информационного влияния являются процессы распознавания, понимания человеком полученного сообщения. Эти процессы протекают на уровне подсознания и предопределяются ранее сложившимися у человека когнитивными структурами [12, с. 158–164]. Иными словами, человек лучше понимает и распознает те объекты, процессы, действия, явления, которые имеют основания в его опыте, которые он может соотнести с тем запасом знаний, который хранится в его памяти. Как отмечал Д.Бютши, *«чем большей информацией о политике владеет индивид, тем больше шансов, что он получит сообщение»* [17, с. 51].

Адекватному восприятию населением государственной политики может помешать ограниченный круг ранее усвоенных представлений. Например, чтобы понять содержание экономической политики, постичь суть проводимых мероприятий необходимо обладать соответствующими специализированными знаниями. Сколь бы убедительным ни старался быть руководитель экономиче-

ского ведомства, но, если для популяризации проводимой политики, он использует профессиональную лексику и суждения, доступные для понимания только профессионалу, то вряд ли можно обеспечить укоренение в массовом сознании содержания данной политики.

Если большинство населения не обладает знаниями, необходимыми для адекватного понимания содержания государственной политики, то это не означает, что оно не способно ее интерпретировать и определенным образом оценивать. Проблема состоит в том, что граждане эту оценку вырабатывают, как правило, не самостоятельно путем всестороннего анализа полученной от государственных органов информации, а на основе либо собственных ощущений, либо полагаясь на мнение тех, кому доверяют. Как только в 2015 году обозначился тренд на ухудшение материального положения россиян, так одновременно в обществе обозначилось нарастание неудовлетворенности политикой властей. С апреля 2015 года по апрель 2016 года доля тех, кого устраивает экономическая политика, проводимая властями, уменьшилась на 10% (с 35 до 25%), и одновременно доля тех, кого эта политика не устраивает, увеличилась с 32 до 42% [9].

Однако не только собственные ощущения являются основой формирования массовых суждений о государственной политике. Важную роль здесь играют СМИ, социальные медиа, формирующие представления граждан о тех или иных проблемах. Как показывают социологические опросы, для россиян основным источником получения общественно-политической информации является телевидение (85% отмечают, что именно из телевизионных передач они узнают о событиях в стране и в мире). Четвертая часть населения (24%) новости узнают от друзей, родных и знакомых. Каждый пятый (21%) в качестве информационного ресурса использует интернет-издания, 13% россиян узнают новости из социальных сетей. Газеты и радио являются источником информации для 13% соответственно. Самым малозначимым для россиян источником информации являются журналы, к которым обращаются для того, что узнать новости, только 2% респондентов [8].

Учитывая особенности российского медиа-рынка, связанные с доминированием на нем медиа-структур, связанных с государством, можно было бы предположить, что государство обладает значительным ресурсом формирования необходимого отношения к государственной политике. Однако в последнее время наметился тренд на снижение доверия населения к СМИ. Как отмечают исследователи Фонда общественное мнение, граждане начинают выражать уверенность в необъективности российских СМИ при освещении положения дел в экономике, причем чаще это делают люди с высшим образованием и москвичи. В этих же группах шире, чем среди населения в целом, распространена уверенность, что ситуация отражается неполно и что на самом деле все хуже, чем представляют средства информации. В целом доверяют СМИ 42%, не доверяют – 45% респондентов (в Москве – 26% против 58%) [4].

В связи с распространением Интернета (по данным ФОМ, доля активной аудитории – это выходящие в Сеть хотя бы раз за сутки – сейчас составляет 57% [5]) у россиян расширяются возможности получения информации из альтернативных источников информации. Однако треть пользователей Интернета

не замечают альтернативности освещения событий в СМИ и Интернете и примерно столько же (37%) уверены, что в СМИ и в Сети информация освещается по-разному [7]. Эти данные свидетельствуют о том, что в Интернете люди ищут информацию на разных площадках. И основным гидом в этом поиске являются их сложившиеся взгляды и убеждения. Человеку свойственно принимать ту информацию, которая не вызывает у него когнитивного диссонанса, которая не противоречит его ценностным предпочтениям и установкам. Он ищет подтверждение своим взглядам в новых сообщениях. При этом, если сообщения в СМИ и интернете противоречат друг другу, 30% пользователей больше доверяют интернету, 32% – телевидению [7].

На восприятие государственной политики большое влияние оказывают сложившиеся стереотипы. Это в частности хорошо видно на отношении россиян к государственной политике по противодействию коррупции. Они плохо информированы о содержании данной политики и вряд ли смогут назвать мероприятия, проводимые в ее рамках. Одна из причин этого состоит в том, что большинство уверены, что коррупция, либо *«полностью поразила органы власти России сверху донизу»* (в этом убеждены 25% респондентов), либо *«в значительной мере»* (51%). И хотя доля тех, кто сам или его друзья, родственники реально сталкивались со случаями коррупции в органах власти составляет 25%, стереотип о коррумпированности власти является весьма распространенным [10]. Такой стереотип ведет к тому, что любая информация о действиях властей, направленных на борьбу с коррупцией, рассматривается не иначе, как пропаганда, не имеющая под собой никаких оснований.

Когда человек сталкивается с информацией, противоречащей его внутреннему знанию, убеждению, установке, то у него возникает внутреннее психологическое напряжение, когнитивный диссонанс. Для преодоления возникших неприятных ощущений ему надо либо приступить к аналитической работе с новой информацией, чтобы оценить ее истинность и значимость, либо отбросить ее как недостоверную. Как правило, индивид выбирает второй путь, что является своеобразным защитным механизмом, предохраняющим психику человека от перегрузок, которые могут возникнуть, если каждую противоречивую информацию человек будет всесторонне анализировать и оценивать. В этой связи отмечается резкое падение эффективности информационного воздействия каждый раз, когда в процессе коммуникации приходится взаимодействовать с людьми, обладающими устойчивыми взглядами иной модальности. Например, когда предпринимаются усилия сформировать у убежденных противников правящего режима позитивное отношение к политике, проводимой данным режимом, то любой информации, раскрывающей преимущества государственной политики, ее оппонентами приклеивается ярлык *«пропаганда»* и демонстрируется ее полное неприятие. Так, по данным Института социологии РАН, среди тех, кто поддерживает В.В. Путина, только 3% оценивают ситуацию в России как катастрофическую, а среди тех, кто не поддерживает президента – 33% [11, с. 3]. Среди сторонников В.В. Путина только 8% считают, что введенные западными странам санкции приведут к крайне негативным последствиям для России, а среди его противников – 41% [11, с. 8].

Люди, по-разному моделирующие в своем сознании политическую реальность, будут реагировать на различные информационные стимулы. Так, позитивный настрой к действующей власти помогает индивидам замечать усилия государственных органов по решению возникающих проблем. И, напротив, критическая позиция делает человека чувствительным исключительно к недостаткам системы государственного управления, побуждает его подмечать промахи и ошибки в принятии решений. Поскольку информационное сопровождение государственной политики организуется с целью формирования доверия широких слоев населения к государственной политике, то неизбежно приходится ориентироваться не на конкретных индивидов, а на некую усредненную, модальную личность, аккумулирующую в своем сознании лишь наиболее распространенное, типичное для многих людей, что неизбежно ведет к сужению коридора возможностей политического влияния.

В практике современных информационных кампаний предлагается решать данную проблему путем сегментирования и таргетирования объекта воздействия, т.е. его разделения на группы, обладающие некоторыми общими свойствами. В этом случае удается индивидуальные различия минимизировать за счет выделения более или менее однородных целевых групп и дифференциации информационного воздействия с учетом этих особенностей.

Чем глубже предлагаемые государством преобразования, чем более инновационный характер они носят, тем труднее дается людям их адекватное понимание. Инновационная политика требует особенно тщательно разработанной кампании по информационному обеспечению, поскольку возникает необходимость преодоления созданной укорененными в сознании стереотипами инерционности восприятия, сужающей коридор возможностей информационного влияния.

Итак, информационное сопровождение государственной политики осуществляется в открывающемся коридоре возможностей влияния на массовое сознание. Границы этого коридора определяются особенностями психологии восприятия индивидами распространяемых сообщений, а также способностью организаторов коммуникационных процессов учесть эти особенности в технологиях информационного влияния.

Список литературы

[1] *Аронсон Э.*, *Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: механизмы убеждения. Повседневное использование и злоупотребление, (3-е издание). – СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2003.

[2] Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010. – http://commondatastorage.googleapis.com/brainmod/book/Edward-Bernays-Propaganda.pdf (дата обращения: 15.01.2015).

[3] *Василенко И.А.* Информационное сопровождение государственной политики в контексте взаимоотношений государства и гражданского общества // Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии. Под ред. Л.Е. Ильичевой. – М.: Аналитик, 2012. С. 277–283.

[4] Доверяют ли россияне сообщениям СМИ о состоянии экономики? – http://fom.ru/SMI-i-internet/12608 (дата обращения: 17.05.2016).

[5] Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2015–2016 гг. – http://fom.ru/SMI-i-internet/12610 (дата обращения: 17.06.2016).

[6] *Московичи С.* Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.

[7] Новости в интернете – http://fom.ru/SMI-i-internet/12491 (дата обращения: 14.05.2016).

[8] Новостные источники и доверие к ним. – http://www.levada.ru/2015/12/16/novostnye-istochniki-i-doverie-k-nim/ (дата обращения: 11.02.2016).

[9] Оценка властей – http://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (дата обращения: 12.04.2016).

[10] Представления о масштабах коррупции и личный опыт. – http://www.levada.ru/2016/04/06/predstavleniya-o-masshtabah-korruptsii-i-lichnyj-opyt/ (дата обращения: 17.05.2016).

[11] Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? М.: Институт социологии Российской академии наук, 2015. – http://www.isras.ru/resume_rossiiskaya_povsednevnost_v_usloviyakh_krizisa (дата обращения: 6.02.2016).

[12] *Пушкарева Г.В.* Homo politicus: человек политический. М.: Аргамак_Медиа, 2014.

[13] *Пушкарева Г.В.* Информационное сопровождение государственной политики // Государственная политика / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Издательство Московского университета, 2012. С.328–331.

[14] Самые запомнившиеся события. 28.04.2016. – http://www.levada.ru/2016/04/28/samye-zapomnivshiesya-sobytiya-5/ (дата обращения: 25.05.2016).

[15] *Чумиков А.Н.*, *Бочаров М.А.* Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов. – М.: Инфра-М, 2012.

[16] *Ядрышников Е.В.* Информационное сопровождение государственной политики в Интернете // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–1 (53). С. 207–209.

[17] *Butshchi D.* Le Raisonnement dans les processus démocratiques. La Questionnaire de choix. – Paris: L'Harmattan, 1999.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ADEPT МОДЕЛИ

Григорьева Н.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В России реформа здравоохранения продолжается уже двадцать пять лет, но вопросов по поводу формирования политики в этом секторе, эффективности проводимых мероприятий и адекватности используемых управленческих технологий не становится меньше. Возможно, это связано с тем, что в российской политической науке тема здравоохранения практически не сформулирована в качестве самостоятельного направления исследований. Формально важность разработки политики в сфере здравоохранения признается, но фактически нет систематического теоретического и концептуального развития этого направления. В данной работе рассмотрены возможности использования для определения эффективности политики в сфере здравоохранения ADEPT – модели* (*анализ детерминант влияния*)*, которая была адаптирована для объяснения процесса разработки политики* (*и структуры*) *в области укрепления здоровья.*

Здравоохранение и политика. Важность политики для современного здравоохранения признается практически во всем мире, но вместе с тем идут постоянные дебаты о том, каким образом политика, власть и идеологии влияют на здоровье людей. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), предложив программу *«Здоровье для всех»*, казалось бы, заявила, что все эти вопросы стратегически выстроены и во многом решены. Однако политика Р. Рейгана и М. Тэтчер, равно как и реформы здравоохранения в странах Центральной и Восточной Европы и на всем постсоветском пространстве, показали, что дискуссия вокруг политики и управления в сфере здравоохранения только начинается. Здоровье, как и многие другие аспекты жизни человека, зависит от проводимой политики. Во-первых, потому, что, как и любой другой ресурс, товар или услуга имеет разные характеристики и объемы для различных социальных групп, таким образом, создавая прецеденты социальной инклюзии и эксклюзии. Неравенства в отношении здоровья имеют политический характер, поскольку обусловлены, прежде всего, экономическими и социальными различиями, существующими в обществе. Во-вторых, здоровье и здравоохранение подвержены политическому вмешательству и таким образом зависят от политических действий (или бездей-

* *Григорьева Наталия Сергеевна*, доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ствий). В-третьих, потому что изменения в системе здравоохранения требуют политического сознания, и политических усилий. Здравоохранение во многих странах является предметом острых политических дискуссий, что наглядно было продемонстрировано в США в полемике республиканцев и демократов во время обсуждения законопроекта о здравоохранении.

В то же время, политика в области здравоохранения является частью более широкой повестки дня, поэтому зачастую непосредственно политический характер здравоохранения остается невидимым, он как бы *«спрятан»* за другими политиками, более масштабного порядка. Однако принятие и понимание политического характера здоровья с неизбежностью приведет к лучше научно обоснованной практике и позволит проводить более эффективные стратегии в отношении здоровья и здравоохранения.

Государственная политика в сфере здравоохранения имеет свои особенности, которые зачастую носят скрытый характер. Во-первых, законы, проекты и программы не объясняют всего процесса, который привел к той постановке вопроса, которая описана в этих текстах. Можно только предполагать, почему принято то или иное решение, и какие исторические фоны стоят за этим. Но при этом не быть уверенным, что это именно так. Во-вторых, законы, проекты и программы ничего не говорят о нынешних противоречиях между различными группами тех, кто хотел бы добиться внятного представления о проблеме. Это требует серьезного и внимательного изучения позиций заинтересованных сторон, включая и тех, кто не имеет доступа непосредственно к политической арене. Что касается государственной политики здравоохранения в России, то здесь явно прослеживаются, по крайней мере, две ясно выраженные позиции: те, кто поддерживает страховую модель и те, кто считает, что стране необходимо вернуться к бюджетной модели. И если до 2016 года вторая позиция была представлена, прежде всего, представителями научного сообщества, то после предложения сенатора С.В. Калашникова принять новый закон *«О финансировании медицинской помощи в Российской Федерации»*, согласно которому нужно будет упразднить Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС), и возложит эти затраты на бюджеты федерального и регионального уровней [1], она приобрела несколько иной политический статус. Не стоит забывать и о том, что непосредственно в понимание страховой модели здравоохранения в России, вкладываются зачастую разные смыслы [2; 3].

Государственная политика – это в определенной мере то, что *«правительство решает делать или не делать»*, причем этот выбор сделан сознательно и реализуется органами государственной власти. Поэтому очень важно знать и понимать варианты, от которых правительство решило отказаться, и причины, по которым оно сделало свой выбор следования определенной политике в ущерб другим. В этом смысле, законы, проекты и программы выражают интерпретацию проблемы в данный момент и они ни в коей мере не отражают всей ее сложности.

Изменения в политике. Попытки понять государственную политику осложняются тем фактом, что она имеет изменчивый характер. Изменения стремится внести правительство, инициируя и реализуя каждую новую реформ. Но важен вопрос – чем данные изменения вызваны?

Во–первых, они могут быть связны с прошедшими (или предстоящими) выборами, каким-либо кризисом, или бедствием (эпидемией, например). Изменения могут проистекать и из новых знаний или как реакция на неустойчивое равновесие среди различных субъектов, включенных в политику.

Во–вторых, изменения государственной политики варьируются в зависимости от их масштабов. Некоторые изменения в политике можно рассматривать как итог радикального изменения парадигмы – так было в России в 1991, когда Верховный Совет РСФСР принял решение о переходе одной республики, находящейся на тот момент в составе СССР к модели страхования [4]. Государственная политика может изменяться и посредством *«мелких шагов»*. При этом в процесс включаются многочисленные акторы, через вовлечение которых в политический процесс происходит тонкая настройка и корректировка ролей и обязанностей, бюджетных и не бюджетных вопросов и т.д. Накопление мелкомасштабных изменений может в итоге постепенно привести к более радикальному политическому изменению.

В–третьих, особенностью изменений государственной политики является ее социальная и историческая направленность. Речь идет не только о первоначальном выборе, когда стоимость изменений особенно высока. Скорее это, так называемая, *«зависимость траектории»*, когда, к примеру, принимаются некие технологические инновации (в том числе и социальные), в то время как на рынке уже имеются более эффективно конкурирующие технологии. Поэтому очень важно, с одной стороны, выставлять границы изучаемого явления, чтобы знать, где мы находимся в данный момент, а с другой – постоянно расширять их, для того, чтобы понять, а как мы здесь оказались и куда двигаться дальше. Богатая историография Россия в области здоровья и здравоохранения на протяжении XX века – пожалуй, лучшая иллюстрация необходимости и возможности исследования подобного рода изменений в политики здравоохранения [5].

Наконец, идеологии и институты, правила электоральной конкуренции, власть заинтересованных групп, освещение вопросов в СМИ, мнение окружающих и т.д. – все это способствует определению и развитию государственной политики.

Возможности и ограничения применения **ADEPT** модели к оценке политики здравоохранения. В настоящее время существует все возрастающий интерес среди исследователей по укреплению здоровья, к политике здравоохранения как таковой, стремление лучше понимать ее, а главное – каким образом можно влиять на процесс формирования политики. Тем не менее, в данный момент времени, теоретические концепции, которые бы позволяли исследователям сделать это, по-прежнему редки и до конца не сформированы, что свидетельствует о необходимости новых, простых в использовании понятий, чтобы объяснить успехи или неудачи, например, политики по укреплению здоровья.

Концепция укрепления здоровья взята в качестве примера не случайно. Поскольку именно в деле укрепления здоровья государственная политика самым тесным образом переплетается с действиями индивида. Более того

именно поведение людей в отношении собственного здоровья подтверждает или опровергает усилия государства по продвижению здоровья [6]. Иными словами, можно принять закон о запрете табакокурения в общественных местах, но если люди не будут его соблюдать и отказ от табака не станет их естественной потребностью, то путь любой страны по укреплению здоровья ее граждан будет долгим и малоэффективным.

Еще в середине 1970-х годов была предложена теория факторов, определяющих действия человека и логику взаимодействия этих факторов [7, с. 415–35]. В качестве таких факторов были выделены четыре детерминанты: желания, обязанности, способности и возможности. Центральным в этой теории стало взаимодействие этих четырех факторов, которое просматривалось в логике происходящих событий, когда *«по мере изменения ситуации создавались новые возможности для действий и проявления этих четырех факторов. При этом предполагается, что каждое новой действие создает новые ситуации, которые в свою очередь могут спровоцировать дальнейшие действия»*.

Следующим шагом нужно было перейти от индивидуального уровня действия этих факторов к коллективному уровню, т.е. индивидуальные детерминанты должны были обрести некий, более сложный коллективный смысл.

Для этого, как посчитали исследователи, очень подошла ADEPT модель. Здесь необходимо сделать оговорку о том, что ADEPT модели не новы для российских исследователей. Сама модель была разработана русским ученым Марковым и активно применяется в различных областях знания. Модель хорошо известна отечественным исследователям, которые занимаются математическим моделированием в медицине, в частности предлагаются и исследуются модели показателей здоровья и прогнозирование показателей здоровья [8, с. 249–286]. Однако, до сих пор эта модель в российских исследованиях не применялась для измерения эффективности политики здравоохранения.

В качестве примера можно рассмотреть, каким образом зарубежные исследователи использовали ADEPT модель для анализа политики по укреплению здоровья [9, 13]. Например, ADEPT модель была использована в рамках проекта MAREPS (Методика анализа разумности, эффективности и профилактики стратегий укрепления здоровья), который финансировался Программой БИОМЕД-2 Европейской комиссией в период 1996–2000 годов [10].

Как уже отмечалось для того, чтобы стало возможным применить эту модель, четыре основных фактора (детерминанты) перевели с индивидуального на коллективный уровень. Недостаточно рассматривать действия одного человека, необходимо учитывать потребности и действия организаций, в которые включены индивиды (партии, министерства, муниципалитеты и т.д.). И тогда в конструкции ADEPT вместо желания появляются цели. Обязанности становятся обязательствами (в которые включаются и профессиональные обязанности, и обязанности директивных органов). Способности переведены в ресурсы (материальные и кадровые). ADEPT сохраняет термин *«возможности»*, но различает три предполагаемых их подтипа: организационные возможности, которые возникают в результате внутренних изменений в организации (новые структуры, принимающие решения и т.д.), межорганизационные настрой-

ки или изменения в обязанностях (перемещения по горизонтали и вертикали политиков, принимающих решения) и общественные возможности, которые возникают в общественном сознании, в результате привлечения населения к обсуждению насущных вопросов здоровья и здравоохранения, или обсуждение назревших проблем в средствах массовой информации (СМИ).

В этом случае, этапы политического процесса можно представить, как *«зависимые переменные»* ADEPT модели – разработка политики – осуществление политики – воздействие политики. Воздействие политики предлагается рассмотреть исходя из результата политики, как действия, предпринятого на политическом уровне, и результата, как воздействия непосредственно на здоровье населения [14].

Проект MAREPS – статистический тест, основанный на интервью с 719 политиками из 6 европейских стран (примерно 100 и более политиков из каждой страны). Респонденты отбирались исходя из их активности опять же в четырех различных областях политики по укреплению здоровья: раннее выявление рака молочной железы, профилактика курения, стимулирование физической активности граждан и создание благоприятных условий для населения. Четыре детерминанты: цели обязательства, ресурсы и возможности, служили в качестве независимых переменных, в то время как зависимой переменной было влияние политики в области здравоохранения. В результате выполнения необходимых расчетных процедур было выявлено, что определяющими являются именно обязательства по отношению к здоровью, как на личном, так о на организационных уровнях. Результаты политики определяются конкретностью целей, наличием достаточных ресурсов и общественных возможностей.

В последующие несколько лет ADEPT модель была использована при оценке эффективности еще нескольких проектов. ADPT модель была использована для оценки политики, проводимой в отношении физической активности пожилых людей в рамках проекта EUNAAPA (Европейская сеть действий по проблемам старения и физической активности). Были проведены 248 интервью с политиками из 15 европейских стран. Результаты показали выраженные различия в восприятии политиками из разных отраслей и стран целей, ресурсов, обязанностей и возможностей для продвижения физической активности среди пожилых людей. Например, цели были наиболее высоко оценены политиками из спортивного сектора, в то время как обязательства были позитивно оценены политиками из сектора здравоохранения. При сравнении разных стран, положительное восприятие обязательств колебалось от 94% в Финляндии до 56% в Италии [11, с. 174–188].

Недавний пример – это проект PASEO – 2009–2011 (Выстраивание политики по укреплению здоровья через повышение физической активности лиц старших возрастов, ведущих сидячий образ жизни). В общей сложности было проведено 234 качественных интервью, построенных по технологии ADEPT модели. Они были проведены в 15 европейских странах. Одним из результатов проведенного анализа детерминант стал тот факт, что многие государственные учреждения здравоохранения, а также медицинские спортивные неправительственные организации (НПО) готовы демонстрировать и принять высокий уровень обязательств, чтобы активно работать в вопросах продвижения физи-

ческой активности пожилых людей, имеющих ограничения в передвижении. Оценка, проведенная по технологии ADEPT модели, послужила отправной точкой для дальнейшей разработки политики по укреплению здоровья для данной категории лиц [12].

ADEPT подход был также применён к оценке готовности организаций к участию в осуществлении программ по пропаганде здорового образа жизни.

Таким образом, были подтверждены некоторые важные компоненты и возможности анализа в рамках ADEPT модели.

Во-первых, это определенная степень рациональности и предсказуемости предпринимаемых действий. Это особенно заметно при активизации детерминанты *«возможностей»*, которая позволяет делать акцент именно на период формирования политики.

Во–вторых, ADEPT подход концептуализирует не только организационные возможности, которые связны с появлением новых структур или реорганизации старых. Более значимыми становятся непосредственно политические возможности, такие как соответствующий политический климат, сотрудничество между различными политическими секторами в вопросах продвижения здоровья, а также между различными акторами, например, участниками государственно-частного партнерства.

В–третьих, ADEPT подход позволяет фокусироваться, прежде всего, на динамических факторах, как например, изменения в общественном мнении, поиск согласующихся позиций в различных политических потоках, что может способствовать созданию политических коалиций с целью решения значимых для граждан и общества проблем.

В результате применения ADEPT модели к анализу политики по укреплению здоровья, исследователи выявили и некоторые ограничения ее применения. Они отмечают, что данная модель не является идеальной моделью для всего процесса разработки политика, однако она позволяет достаточно эффективно фокусироваться на ее отдельных аспектах или направлениях. Кроме того, практически во всех проектах эта модель в основном использовалась для анализа не столько формирования политики, сколько для анализа результатов политики. ADEPT подразумевает установление причинно-следственных связей между четырьмя детерминантами и как это влияет на результаты. Но в то же время результаты не показывают, что эти детерминанты не имеют линейного (однозначного влияния) или определенную последовательность этапов.

В определенной мере результаты исследований с применением ADEPT модели могут показаться предвзятыми, поскольку анализ основан на восприятии политиков, мнения которых могут быть опосредованы исходами, которые они ожидают или прогнозируют. Поэтому затруднительно распространять мнения одних политиков, на всю организацию, пытаясь определить те ключевые фигуры, которые могли быть реальными носителями стержневых позиций. Альтернативой было бы исследовать максимально возможное число мнений, но это не всегда представляется возможным.

На данный момент работа с моделью свидетельствует о том, что дальнейшая работа над переформулировкой некоторых пунктов опросников или добавление новых может быть полезной. Но такая работа потребует следующих научно-исследовательских проектов.

Выводы. Несмотря на существующие ограничения, представляется, что ADEPT модель может быть использована для улучшения качественного анализа и разработки политики по отдельным направлениям (сферам) здравоохранения. С помощью *«причинных факторов»* (детерминант), которые влияют на политику, можно описать механизмы, на основе которых эти факторы взаимодействуют (логика событий) и их влияние на политику (результаты). Эмпирический анализ и применение ADEPT модели в нескольких европейских проектах позволяют сделать вывод, что она применима для определения эффективности политики здравоохранения.

Еще один аргумент в пользу применения ADEPT модели – ее простота в использовании, поскольку она может быть употреблена как теоретиками, так и практиками. В силу своей простоты ADEPT модель может быть применена для межстрановых сравнений и измерения усилий разных государств в области устойчивого развития. Измерения с помощью только четырех детерминант позволяет проводить исследования в максимально широком поле политических и социальных условий.

Кроме, того модель имеет высокую степень *«теоретической гибкости»* Это связано с различными рамками политического процесса, поскольку она не привязана конкретно ни к одному из них, что позволяет использовать модель при самых общих подходах к процессу политики.

Добавляет плюсы к уже приведенным аргументам, и то, что ADEPT подход может быть использован, как для анализа действующей на данный политики, так и для разработки перспективной политики и стратегий.

Список литературы

[1] Известия. 26. 05. 2016 – http://izvestia.ru/news/614254#ixzz49jzYgoPr (дата обращения: 29.03.2015).

[2] *Комаров Ю.М.* Система обязательного медицинского страхования: взгляд извне и изнутри – http://alla-astakhjva.ru/oms-vzglyad-izvne-i-iznutri (дата обращения: 29.03.2015).

[3] *Чубарова Т.В.* Политэкономическое введение в социальную политику. Научный доклад. 2016 М.: Институт экономики РАН.

[4] *Чубарова Т.В. Шестакова Е.Е.* Реформы здравоохранения в России и зарубежных странах: направления и перспективы. Научный доклад. М: ИМЭПИ РАН, 1999.

[5] Садовничий *В.А., Григорьева Н.С., Чубарова Т.В.* От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире. М.: *«Экономика»*, 2013

[6] *Куликов О.А. «Укрепление здоровья»* как концепция: подходы Всемирной организации здравоохранения и Россия // Управление здравоохранением. 2015. № 3.

[7] *von Wright, G.H.* Determinism and the study of man, in J. Manninen and R. Tuomela (eds.) Essays and Explanation and Understanding. Dordrecht: Deidel, 1976. P. 415–135.

[8] *Кирьянов Б.Ф.*, *Токмачев М.Р.* Математические модели в здравоохранении. Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. Глава 7.

[9] *Rutten, A.*et al. Policy assessment and policy development for physical activity promotion: results of an exploratory intervention study in 15 European nations. Health Research Policy and Systems, 10 (2012). – www.paseonet.org (дата обращения: 25.06.2016)

[10] *Rutten,* A., et al. Determinants of health -policy impact: comparative results of a European policymaker study. Sozial-und Praventivmedizin/Social and Preventive Medicine, 48 (2003). P. 379–391.

[11] *Rutten, A., Gelius, P., Abu-Omar, K.* Action theory and policy analysis: the ADEPT model. Health Promotion and the Policy Process. Clavier C. and de Leeuw, E (eds.) Oxford University Press. 2013. P.174–188

[12] *Rutten A.and Gelius P.* Building policy capacities: an interactive approach to knowledge translation in health promotion. Health Promotion International, Advance Access published 6 March 2013. – Doi:10.1093/heapro/dat006 (дата обращения: 01.05.2016).

[13] *Sabatier, P.A.* (ed.) Theories of the Policy Process (2nd edn.) Boulder, CO: Westview Press, 2007.

[14] *Rutten,.A.*et al. Policy development and implementation in health promotion – from theory to practice: the ADEPT model, Health Promotion International, 2010, Volume 26, issue 322–9.

НАРАСТАНИЕ МОДАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОРЯДКА В РАЗЛИЧНЫХ СРЕЗАХ ОБЩЕСТВЕННОГО

Никовская Л.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В формировании социально-ориентированного порядка центральной проблемой является выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданами, их объединениями через укрепление институтов межсекторного социального партнерства, публичной политики, государственного управления на основе публичных ценностей, позволяющих формировать такую стратегию общественного развития, в которой начала гражданской самоорганизации дополнялись системными усилиями государства и взаимно усиливали друг друга. Благодаря этому механизму формируется цивилизованная практика развития публичных и социальных отношений, основанных на солидарности и ответственности субъектов социального управления.*

Порядок связывается, прежде всего, с коллективным осмыслением сложившихся практик взаимодействия, совокупностью норм, институтов, упорядочивающих жизнедеятельность человека и его социальной группы. Иными словами, социальный порядок рассматривается как определенный способ и форма организации жизнедеятельности общества. В научной литературе сложилось несколько подходов к понятию *«социальный порядок»*[1]. Первый подход ориентируется на *«принуждение»* и *«господство»*, которые достигаются на основе власти, ее силового ресурса и активов. Другой подход: социальный порядок поддерживается путем установления между социальными субъектами целого множества отношений взаимозависимости, ориентированных на достижение конкретного результата [2]. Наконец, третий подход ориентируется на нормативное упорядочивание складывающихся социальных отношений. Предполагается, что возможность оформления социального порядка определяется посредством общепринятых ценностей и норм.

Думается, при анализе многосторонних и противоречивых процессов формирования социального порядка в условиях трансформации России актуальным будет социально-ориентированный подход к трактовке данного понятия, который позволяет расширить управленческий инструментарий воздействия на формирующийся социальный порядок за счет ресурсов гражданского общества, социального и человеческого капитала, значимость которых возрастает в связи с переходом к постиндустриальному типу развития с опорой на инно-

* *Никовская Лариса Игоревна*, доктор социологических наук, доцент, Институт социологии РАН, Центр политологии и политической социологии.

вации. Переход от советской системы корпоративного общества к модели государственно-бюрократического капитализма изменил ценностные императивы и обозначил контуры новой социальной стратификации, становление новых социальных и политических институтов. В то же время социальные процессы трансформации, инициирующие изменения, определили риски отчуждения граждан от участия в активной общественно-политической жизни, увеличивающуюся социально-экономическую поляризацию и неравенство населения, фрагментарность формируемых социальных групп и классов. Воспроизводство социального порядка, рассматриваемого исключительно с позиции *«пассивного большинства»*, игнорирующего личностный ресурс в формирующемся социальном порядке, в нынешних условиях показал свою исчерпанность и неэффективность. В современных условиях приоритет в воспроизводстве социального порядка отдается актуализации роли социальных институтов, обеспечивающих взаимодействие государства и гражданского общества в решении социально-значимых вопросов, которые позволяют в целом обеспечить стабильность, устойчивость развития всего общества. Отсюда вполне логично трактовать структуру социального порядка через систему социального взаимодействия различных социальных акторов как со стороны гражданского общества, так и власти. Социальный порядок предстает как система субъект-субъектных отношений, основанная на активизации механизмов обратной связи, контрольных и экспертных возможностях активных игроков социального взаимодействия. Это в корне меняет философию государственного управления в сторону социально-ориентированного подхода, суть которой состоит в переходе от доминирования дилеммы *«господство-подчинение»*, к принципам *«руководство-принятие»*. Этому дает основание все более усиливающиеся тенденция формирования новой природы власти в сложном сетевом обществе: она является скорее не ***администратором***, а ***координатором*** общественных взаимодействий. Государственная власть и властные структуры не просто встраиваются в систему современного сетевого общества, но приобретают характер, хотя и ***значимого***, но лишь ***одного из центров*** координации общественных взаимодействий.

В рамках социально-ориентированного подхода значимыми являются такие принципы социального порядка, которые позволяют обеспечить социальную включенность личности и многообразных гражданских организаций, включая бизнес-ассоциации, в осуществляемые преобразования, социальную ответственность субъектов управления, достойный уровень и качество жизни населения, социальную эффективность принимаемых управленческих решений, а также частные принципы, связанные с конкретной деятельностью субъектов социального управления по установлению отношений социального партнерства, социальной защите прав и интересов различных социальных групп. Усложняющийся социальный механизм взаимодействия власти, прежде всего государства, и гражданского общества, в данном случае высвечивает всю остроту проблемы поиска определенного баланса интересов на основе реализации демократических прав и свобод гражданина и человека. Гетерогенность и многомерность современного социального порядка, вызванного усложнением социального организма, требует и тонких механизмов настройки такого порядка. К таковым относятся система ценностей, различные социальные нормы, которые объединяют нацию, укре-

пляют общество, государство, которое должно гарантировать безопасную жизнь человека, его права, свободы. Очень остро сегодня высвечивается значимость и востребованность социокультурных институтов формирования и поддержания порядка (культура, образование, наука, СМИ), связанных с трансляцией этих ценностей и социализацией людей в контексте осуществляемых преобразований. Актуальность интегрирующих свойств формирования и поддержания социального порядка обусловила огромный интерес к проблемам идентичности, *«этоса»*, ценностной составляющей экстерналий различных социальных акторов. Отсюда вполне логично трактовать структуру социального порядка через систему социального взаимодействия различных социальных акторов как со стороны гражданского общества, так и власти.

Логика социально-ориентированного подхода к содержательной экспликации оптимального варианта эффективной модели может быть представлена через стратегию долгосрочной социально-экономической политики государства, направленной на последовательное повышение уровня и качества жизни населения на основе самореализации каждого гражданина, снижения несправедливой социальной дифференциации. Достижение этой задачи невозможно без раскрепощения общества, позволяющего включить его внутренние источники развития, переоценки значения человеческих ресурсов на основе установления нового социального порядка, основанного на потенциале и ресурсах активного гражданского общества. В стране должно возобладать и восстановиться практически полностью утраченное доверие между гражданами и государством, между гражданами и бизнесом, между бизнесом и властью. Только в этом случае возможна институционализация ценностей гражданского общества. Приоритет необходимо отдавать соблюдению принципа публичного соучаствующего коллективного управления социальной сферой общества, обеспечивающего оптимальную возможность для социальной солидарности. Соблюдение принципов социальной справедливости, солидарности и свободы в контексте конструирования современного социального порядка позволяют двигаться в сторону раскрепощения социального и гражданского потенциала общества, что позволяет более гибко и сбалансировано решать многие вопросы по реализации жизненно важных потребностей и интересов различных активных социальных групп и индивидов, обеспечивать устойчивое социальное движение.

Проанализируем особенности восприятия социального порядка в контексте различных срезов общественного сознания. Выделение срезов общественного сознания по дихотомии *«активность-пассивность»* показывает, что *«активисткий»* тип более ориентируется на демократический, социально-ориентированный тип социального порядка, *«инертный»* – на консервацию *«статус-кво»*, традиционализм и сохранение патернализма. Причем надо отметить, что активисткий тип – это не синоним гражданского сознания. По утверждению Р. Арона [3, с. 153], гражданское сознание, возвышаясь над интересами отдельных групп, индивидов, отстаивает интересы всего общества, так как всегда направлено в сторону общечеловеческих ценностей, интегральной цели выживания и развития человечества. Гражданское сознание – это совокупность

представлений о гражданстве, перспективах развития общества, сознание причастности к его судьбе, образующие диспозиции высшего порядка, которые регулируют общую направленность социального поведения. В оценке значимости соотношения личных и общественных интересов российское население более склоняется к тому, чтобы на первое место поставить весомость личных интересов и личного благополучия – 56% [4, с. 129]. Только чуть более трети населения (36%) готовы пожертвовать своим собственным благополучием ради общественных целей. Выявленное соотношение представителей двух разных взглядов на соотношение *«личное-общественное»* в интерпретации интересов в своей мотивации не изменилось за последние 5 лет. В 2009 году оно составляло 45% к 55%. Таким образом, для большинства россиян личные интересы все же имеют явный приоритет перед общественными и данная установка устойчива во времени.

Данные исследования природы и направленности гражданского активизма в современном российском обществе, полученные группой В.В. Петухова [5], убедительно показали, что нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей крупных мегаполисов и областных городов. Очевидна демократическая направленность социальных ожиданий этих групп и социально-ориентированный подход к формированию социального порядка. Ключевым аспектом современной демократической *«повестки дня»* для них становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним. Создание подлинно демократического порядка не может быть лишь результатом *«живого творчества масс снизу»*, а предполагает различные формы общественно-государственного партнерства. Перспективными направлениями такого партнерства в глазах населения сегодня являются здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения и др., то есть практически вся социальная сфера жизни общества. Многие выделили сферы, выходящие за рамки частных интересов: ***защита окружающей среды, права человека, благотворительность***

Результаты исследований показали, что развитие гражданского активизма в России происходит в условиях неоднозначного отношения россиян к ценностям и институтам демократии. Наиболее критично настроены малообеспеченные группы и слои населения, а также жители мегаполисов. В целом, население страны разбилось на 2 группы – первая утверждает что политический порядок в России трудно назвать демократическим (40%), вторые – *«скорее можно»* (42%). 18% затруднились с ответом. Жители мегаполисов отказывают в квалификации порядка как демократического в 57% случаев, жители села в 27% (ПГТ- 38%, областных центров 39% случаев). Представления россиян о желаемой модели демократии кратко суммируются в требованиях ***правовой защищенности граждан и экономической эффективности, которая должна проявляться в показателях реализации модели социального государства***. Также востребованы ожидания в социальной справедливости, предполагающей преодоление чрезмерных разрывов в доходах разных групп населения, расширения возможно-

стей для политического самовыражения, а также независимый суд. К сферам и областям жизни, где без усилий самих граждан решить волнующие их проблемы затруднительно, респонденты отнесли практически всю социальную сферу (***здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения***).

Весьма информативно для исследования проблем интерпретации и конструирования основ социально-политического порядка рассмотреть данные полученные по двум срезам общественного сознания, выделенным по моделям желаемого вектора развития страны – государственно-державного и последовательно-либерального (для выявления групп с той или иной доминантой использовалась группировка респондентов, сделавших выбор первых (*«этатистско-державных»*) или вторых (*«либеральных»*) суждений в более чем 70% случаев). Первая группа составила большинство- 56%, вторая – меньшинство- 8%, смешанный тип – 36%. Интерпретация представлений о желаемом векторе развития страны в этих группах будет значительно отличаться. Общая доминанта ожиданий в отношении ценности социальной справедливости раскрывается представителями *«этатистко-державной»* группы через возвращение к национальным традициям, православию, к пониманию России как державы, объединяющей разные народы, влияющей на все политические процессы в мире, а либеральное направление – через идеи прав человека, демократию и сближение с Западом, вхождение в общеевропейский дом. Естественно, что в представлении либералов путь, которым идет Россия за последние 10 лет приведет ее в тупик (68%) и такая же их доля уверена, что за последние годы страна еще сильнее отстала от ведущих мировых держав в экономическом отношении.

Косвенно подтверждение приведенных выводов дают данные, полученные по результатам исследования особенностей состояния общественных ожиданий, так называемого, *«ядра»* среднего класса, полученного учеными ИС РАН по результатам крупного исследовании в целом умонастроения всего среднего класса России за 2014 г. [6]. ***Эти представления четко выражают существующий в обществе запрос на социально-ориентированный мягкий консерватизм. Со значительным отрывом лидирует лозунг социальной справедливости, равных прав для всех и сильного государства.*** Обращает на себя внимание тот факт, что ***представители среднего класса выступают за сбалансированное развитие страны: им, с одной стороны, не близки лозунги сильной и жесткой власти или революционного переустройства России; с другой – они не поддерживают идею свободного рынка с минимальным вмешательством государства в экономику. Сближение с Западом также не является для них приоритетом.*** Таким образом, вновь подтверждается вывод о стремлении среднего класса к *«особому пути»* России, который не совпадает с западным вектором общественного развития. По мнению его представителей, этот путь должен характеризоваться не только свойственным странам Запада обеспечением социальной справедливости, равных прав для всех граждан, возможностью самовыражения для каждого (напомним также об устойчивом предпочтении представителями среднего класса *«общества равенства возможностей»* над *«обществом равенства доходов»*), но и достаточно активной ролью государства в социальной и экономической сферах, что менее характерно для современ-

ного неолиберального западного вектора развития. Интересно, что представители среднего класса чаще, чем россияне из других групп, ощущают свою близость с приверженцами русской культуры: в его *«ядре»* устойчиво воспринимают себя так половина всех его представителей. Это подчеркивает роль среднего класса как носителя национальной культуры.

Есть и особенности социально-психологического и ценностного наполнения мотивации и восприятия собственной личности и социально-политического пространства различных групп российского общества. В ***достижении собственных жизненных целей имеет место ориентация значительной части россиян на либеральные ценности*** индивидуализма, нон-конформизма, предприимчивости, внутреннего локус-контроля и т.п. ***В представлениях же о роли государства внутри страны и за рубежом, поддержку и понимание среди большинства населения находят скорее консервативные ценности*** – запрос на *«сильную руку»* и развитие собственной государственности в противовес ориентации на союз со странами Запада.

Общее, что объединяет все срезы общественного сознания в качестве ярко выраженного негатива – обесценивание труда, коррупция, слабая защищенность прав собственности, плоская (негибкая) шкала налогообложения, засилье коррупции и отсутствие правопорядка являются серьезными барьерами для формирования социального порядка.

Обобщая выше приведенные эмпирические данные и тренды, можно сказать, что для позитивных изменений в формировании устойчивого социального порядка центральной проблемой является выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданами, их объединениями через укрепление институтов межсекторного социального партнерства, публичной политики, государственного управления на основе публичных ценностей, позволяющих сформировать такую стратегию общественного развития, в которой начала гражданской самоорганизации дополнялись системными усилиями государства и взаимно усиливали друг друга. Благодаря этому механизму формируется цивилизованная практика развития публичных и социальных отношений, основанных на солидарности и ответственности субъектов социального управления.

Несмотря на определенное охлаждение россиян к идее демократии и снижение уровня политического и общественного участия, гражданский активизм становится реальным фактом жизни нашего общества. Сформировано ядро активистов, есть обширный слой граждан, являющихся своеобразным социальным гумусом участия – интересующиеся общественной и политической жизнью, готовые оказать поддержку различным движениям и течениям. Каждый десятый практикует деятельные формы политического участия, около трети – являются участниками неполитических общественных организаций и объединений. Между политической и неполитической составляющей гражданского активизма существует тесная связь. Подавляющее большинство опрошенных (79–81%), участвующих в деятельности неполитических общественных организаций, одновременно в той или иной форме включены и в политическую жизнь страны. Современный российский гражданский активизм имеет потен-

циал роста, прежде всего, потому, что основные его источники – социально продвинутые, успешные, мобильные группы. Основные черты его социального портрета – молодость, хорошее образование, высокое социальное положение, урбанизм, интеллектуальная профессиональная занятость. Активисты рекрутируются из наиболее подвижных, успешных, *«продвинутых»* социальных групп – молодежи, людей с высоким образовательным и социальным статусом, проживающих в мегаполисах, а также в поселках городского типа, занятых в интеллектуально-ориентированных сферах деятельности (образование, здравоохранение, управление, наука, СМИ).

Список литературы

[1] *Агафонов Ю.А.* Социальный порядок в России. / Ю.А. Агафонов. – Ростов на/Д. 2000.

[2] *Пешкова О.И.* Социальный порядок при переходе от традиционного к современному обществу. – http://www.teoria-practica.ru/-1–2007/order/peshkova.pdf (дата обращения: 12.01.2016).

[3] *Арон Р.Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

[4] Российское общество и вызовы времени. Книга первая./ М.К. Горшков и др.: под ред. *Горшкова М.К.*, *Петухова В.В.*; Институт социологии РАН. – М.: Издательство *«Весь мир»*, 2015.

[5] Исследование, проведенное группой В.В. Петухова *«Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия»* (грант ИСЭПИ) – массовый опрос населения РФ (март 2014 г.). Объем выборочной совокупности исследования составил 1600 респондентов и репрезентирует взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания).

[6] Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2014.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Андрюшина Е.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В предлагаемой статье раскрыты современные мероприятия в рамках государственной политики по развитию Дальневосточного региона, ее основных направлений, приоритетов и проблем реализации. Особое внимание уделено идеологическим, институциональным и демографическим основаниям территориального развития данного российского макрорегиона.*

Проекты развития Дальнего Востока спорадически являлись и продолжают оставаться приоритетным направлением российской государственной политики, что обусловлено как геополитическими, так и историческими предпосылками и факторами.

С распадом СССР существенно изменился общий геополитический статус российского государства. В целом данные трансформации носили негативный характер: существенно сократилось население, экономический и военно-политический потенциал не позволяли говорить о России начала 1990-ых гг. не только как о сверхдержаве, но даже как о региональном лидере. На четверть уменьшилась территория России, причем за счет потери геостратегически важных регионов (Прибалтики, Украины, Молдовы, стран Центральной Азии). Пространственно-географическое сужение за счет Балтийского побережья, Причерноморья, Крыма вернули Россию к допетровским временам. Данные территории обеспечивали широкий выход бывшего СССР во внешний мир. В этом контексте Дальний Восток оставался форпостом России в АТР (Азиатско-Тихоокеанском регионе), однако ввиду внутренних проблем российской системы государственного управления, слабости федерального Центра, актуализации центробежных тенденций многих российских регионов развитию Дальневосточного региона внимания не уделялось.

При исследовании условий, определяющих современное состояние и перспективы развития Дальневосточного региона, следует отметить сохраняющуюся геополитическую привлекательность региона (Дальневосточный федеральный округ занимает 36% всей территории РФ, имеет внушительные природные

* *Андрюшина Евгения Владимировна*, кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ресурсы, выход к двум океанам, географическое соседство с одним из самых быстроразвивающихся мировых регионов – АТР), а также ориентацию политического руководства страны на повышение конкурентоспособности РФ за счет интеграции в частности Дальнего Востока в АТР, а также проводимую второе десятилетие политику по усилению централизации и устранению асимметричности российских регионов.

В истории современного российского государства идеологические принципы поддержки Дальнего Востока и Забайкалья как геостратегически важных российских регионов в условиях быстроразвивающегося АТР были заложены еще в 1992 в Указе Президента РФ [1], декларировавшем переход к новой системе хозяйствования и саморазвитию региона, улучшение условий жизни населения, привлечение отечественного и иностранного капитала для технологического переоснащения отраслей экономики региона; стимулирование предпринимательской, инвестиционной активности, расширение внешнеэкономических связей. Примечательно, что данные принципы актуальны и сегодня и являются базой современной Федеральной целевой программы *«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»*.

В дальнейшем постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480 была утверждена Федеральная целевая программа *«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на 1996–2005 и до 2010 года»*.

Однако не следует забывать о серьезнейших внутренних проблемах российского государства в период 1990-ых гг., когда вопросы выживания и сохранения территориальной целостности не позволяли решать другие задачи, а принципы развития российских территории, в том числе, Дальнего Востока, во многом носили формальный характер. С приходом к власти В. Путина меняются и внешне-, и внутриполитический векторы российской политики, системы государственного управления.

В конце 2003 года Дальнему Востоку было посвящено заседание Совета Безопасности, на котором В.В. Путин предложил программу вывода региона из кризиса. В общем виде целями Программы стали четыре направления, связанных с развитием экономики региона:

- рациональное использование природных ресурсов, учитывая потребности, как внутреннего рынка, так и экспортные возможности региона;
- укрепление транспортной и энергетической инфраструктуры, реализация континентальных транспортных коридоров;
- разработка четкой и последовательной тарифной политики;
- создание местных условий для развития малого и среднего бизнеса.

В рамках организационно-кадрового блока для повышения управляемости и эффективности исполнительной власти РФ в 2000 г. была дополнительно поделена на федеральные округа (ФО). Так, указом Президента 13 мая 2000 г. был создан наибольший в России Дальневосточный федеральный округ, вклю-

чающий на сегодняшний день 9 субъектов РФ, далее в 2012 г. создано специальное министерство – **Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и другие органы власти и управления (**Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, АО *«Корпорация развития Дальнего Востока»* (управляющая компания территорий опережающего развития и Свободного порта Владивосток), АНО *«Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта»*, АО *«Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона»*), что свидетельствует о повышении внимания федерального уровня и высших центров принятия государственных решений к проблеме развития **данного региона.**

Основой политического блока государственной политики по развитию Дальневосточного региона являются три документа: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства от 17 ноября 2008 года №1662-р), Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [2], утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 года №2094-р, Федеральная целевая программа (ФЦП) *«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»*, утвержденная в начале декабря 2013 г.

Долгосрочным базовым сценарием стала Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, основанная на всеохватном использовании конкурентных преимуществ экономик российских регионов, развитии инновационных технологий, природно-ресурсного и транзитного потенциала территории, устойчивом наращивании экспорта конкурентных видов продукции и модернизацию транспортной инфраструктуры. Примечательно, что все намеченные цели актуальны сегодня в условиях экономических и политических санкций в отношении российского государства, а их реализация (целей) является уникальным и, возможно, единственным способом реального изменения структуры российской экономики и *«ухода»* от сырьевой экономической модели.

Также в Концепции отмечается задача по реализации экономического потенциала зон опережающего роста (предтеча современных ТОРов) и формирование комфортных условий жизни населения Дальневосточного и Байкальского регионов.

Реализация Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года направлена на выдвижение указанных российских территорий на передовые позиции в экономике и социальной сфере в связи с достижением более высоких темпов валового регионального продукта на данных территориях (более чем на 0,5 процентного пункта в год ВВП Российской Федерации). Реализация положений Стратегии носит стадиальный характер и предполагает три фазы. Первым этапом стал период с 2009 по 2015 годы, в течение которого планировалось превышение темпов роста инвестиций по сравнению со среднероссийскими темпами роста; внедрение энергоресурсосберегающих технологий; начало реализации

новых инфраструктурных проектов, а также проектов в области промышленности и сельского хозяйства в зонах опережающего экономического роста, что способствует росту инвестиций в экономику и формированию новых центров регионального развития; а также примечательно – незначительное повышение занятости населения!

Период с 2016–2020 годы предусматривает: осуществление крупномасштабных проектов в энергетике, развитие транспортного потенциала региона, включая сеть автомобильных и железных дорог, аэропортов и морских портов, увеличение доли экспорта продукции глубокой переработки добываемого сырья.

С 2021 по 2025 годы планируется закрепление лидирующих позиций России в мировом хозяйстве и значительно возросшей интеграцией Дальнего Востока и Байкальского региона в мировое экономическое пространство, а также развитие инновационной экономики, участие в международном разделении труда, реализующем конкурентный потенциал Дальнего Востока и Байкальского региона в сферах высоких технологий, экономики, основанной на знаниях, энергетики и транспорта; завершение реализации крупномасштабных проектов в области энергетики и транспорта; расширение передовых позиций российской науки по приоритетным направлениям научных исследований; ускоренное развитие человеческого капитала, обеспечивающее лидирующие позиции в сферах образования и здравоохранения с постепенным повышением государственных и частных расходов на образование и здравоохранение до уровня, сопоставимого с уровнем развитых стран.

Предусмотрено также определение комплекса мер по закреплению трудоспособного населения на территории Дальнего Востока и Байкальского региона и привлечению в эти регионы высококвалифицированных кадров, включая улучшение социальной инфраструктуры, развитие и повышение надежности инженерных систем населенных пунктов, совершенствование системы гарантий и компенсаций для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера, пенсионного обеспечения граждан, развитие профессионального образования.

На основе ФЦП *«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»* Минвостокразвития разработало государственную программу,направленную на: «развитие транспортной доступности и повышение качества жизни на территории Дальнего Востока и Байкальского региона за счёт строительства и реконструкции участков автомобильных дорог регионального значения; обеспечение своевременного и надежного вывоза товаров, произведённых на территории Дальнего Востока, а также проходящих транзитом через территорию Дальнего Востока и Байкальского региона, за счёт значительного увеличения пропускной способности железных дорог и развития морских портов; создание основы для повышения мобильности населения Дальнего Востока и Байкальского региона за счёт осуществления реконструкции аэропортов регионального и местного значения.

В состав госпрограммы включено две федеральные целевые программы и одна подпрограмма: ФЦП *«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»*; *«Социально-экономическое*

развитие Курильских островов (*Сахалинская область*) *на 2007–2015 годы»*; подпрограмма *«Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»* и прочие мероприятия в области сбалансированного территориального развития» [3].

С учетом сложной финансово-экономической ситуации для российской экономики с 2013 года, стремительного удешевления рубля весь политический блок, связанный с развитием Дальневосточного региона, был скорректирован в сторону сокращения финансового обеспечения направлений реализации ФЦП в среднем на 5 %.

В целом в рамках политического, управленческого блоков государственной политики в отношении развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года следует отметить некий перекос в сторону развития экономического, внешнеполитического потенциалов региона, выражающийся в реализации конкретных действий. Центр делает упор на развитие экономики в целом, транспорта, инвестиционной, туристической привлекательности Дальневосточного региона России, не уделяя должного внимания социально-культурным аспектам.

Однако необходимо помнить о том, что, несмотря на доминирование экономических, административных, военно-политических установок колонизационной политики России в Дальневосточном регионе вплоть до начала XX в., именно формирование т.н. *«русского ядра»* посредством переселения православного населения из центральных российских регионов рассматривалось властями как основа освоения Дальнего Востока и его русификации с опорой на традиционную государственную идеологию *«Москва – Третий Рим – Святая Русь»*. По словам Н.Я. Данилевского, развившего теорию панславизма, русские колонизационные потоки из центра России, как правило, образовывали не новые центры русской жизни, а только расширяли единый, неразделимый круг ее, духовной осью которой остается исторический центр – Москва [4]. Однако проводимая федеральным центром современная миграционная политика в отношении восточных регионов не является эффективной. Попыткой привлечь преимущественно русское население была реализации программы *«Об оказании содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом»*, но и она оказалась провалилась (например, в рамках данной программы вместо 6000 человек в Хабаровский край переселились всего лишь 330!) Проблема сохранения имеющего и наращивания человеческого капитала и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке продолжает оставаться актуальной управленской задачей.

Одним из шагов по усилению привлекательности региона для населения является создание и развитие идеи *«территории опережающего социально-экономического развития* (*ТОР*)», предложенной Президентом РФ в своем ежегодном послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. В. Путин предложил создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий и зон опережающего экономического развития с особыми условиями для создания несырьевых производств, ориентированных, в том числе, и на экспорт.

ТОР – это экономические зоны, создающиеся в соответствии с Федеральным законом, где ключевыми принципами которого дерегулирование и масштабное налоговое стимулирование, выраженное в целом комплексе привлекательных для бизнеса мер: это и сниженный земельный налог, ставка налога на имущество организаций, введен понижающий коэффициент на НДПИ, освобождение резидентов ТОРов в первые пять лет от налога на прибыль, отсутствие проверок без согласия Минвостокразвития, режим *«одного окна»* для инвестора, свободная таможенная зона, упрощенный государственный контроль, ускоренные и облегченные административные процедуры.

На январь 2016 г на Дальнем Востоке действовали 9 территорий опережающего развития, общий же объем инвестиций составил 280 млн рублей [4].

Основными инвесторами ТОРов выступают российские компании [5], однако компании из АТР (китайски и японские) также выразили желание участвовать в проекте.

По данным Минвостокразвития [6], по состоянию на конец января 2016 года, в АО *«Корпорация развития Дальнего Востока»* поступило 102 заявки на заключение соглашения об осуществлении деятельности в дальневосточных территориях опережающего развития. Общая сумма частных инвестиций поданных заявок составляет 315,6 млрд рублей. К настоящему времени положительные решения приняты по 57 заявкам на сумму 269,8 млрд рублей, подписано 21 соглашение с резидентами на сумму 183,7 млрд рублей. Остальные 45 заявок находятся на стадии рассмотрения и доработки.

На заключительной для 2015 года встрече Кабинета Министров с В. Путиным тема Дальнего Востока и территорий опережающего развития вновь стала одной из ключевых. По мнению главы государства, налицо признаки промышленного роста дальневосточного региона. Президент подчеркнул, что территории опережающего развития наглядно доказали свою востребованность.

Более того, на Гайдаровском форуме *«Инвестиции в новые промышленные точки роста: будущее территорий опережающего развития* (*ТОР*) *в моногородах и ЗАТО»* 14 января 2016 г. особо была отмечена роль ТОРов как наиболее эффективного особого правового статуса ведения предпринимательской деятельности, уже имеющие высокий кадровый потенциал. По данным представителей Росатома, в 2015 году было разработано 10 концепций для 10 моногородов, предполагающих относительно небольшие вложения в размере в среднем 300 млн руб. на каждый ТОР вследствие уже имеющейся инфраструктуры, а также создание 11 тысяч рабочих мест [5].

Итак, главным результатом всех проводимых мероприятий российского государственного аппарата и политической элиты по развитию Дальнего Востока на современном этапе является повышение экономической, инвестиционной привлекательности региона как в государственном, так и региональном (АТР) масштабах, что, несомненно, должно решить проблему самого малонаселенного округа РФ и привлечь трудовые ресурсы на российский Дальний Восток.

Список литературы

[1] Указ Президента РФ от 22.09.1992 № 1118 «О *мерах по развитию и государственной поддержке экономики Дальнего Востока и Забайкалья*». -http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_952/ (дата обращения: 13.02.2016).

[2] О внесении изменений в федеральную целевую программу *«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»*. – http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/03c/ФЦП%20ДВиБР.docx (дата обращения: 15.03.2016).

[3] Государственная программа *«Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»*, утв. 29 марта 2013 г. № 466-р. – http://government.ru/programs/232/about/ (дата обращения: 15.03.2016).

[4] *Левошко С.С.* Россия на Дальнем Востоке: новая градостроительная концепция и православные храмы в русском стиле. Христианское зодчество: материалы научной конференции 28–30 марта 2000 г. М., 2000.

[5] Материалы панельной дискуссии Гайдаровского форума *«Россия и мир: взгляд в будущее* (*13–15 января 2016 г.*). *Панельная дискуссия: «Инвестиции в новые промышленные точки роста: будущее территорий опережающего развития* (*ТОР*) *в моногородах и ЗАТО»*. – https://www.youtube.com/watch?v=B9ivpZ4nYG8. (дата обращения: 03.02.2016).

[6] Сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. -http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok /?ELEMENT_ID=4012 (дата обращения: 03.02.2016).

[7] (02.02.2016); материалы выступления заместителя начальника управления по работе с регионами Госкорпорации *«Росатом»* К. Малхасяна на панельной дискуссии Гайдаровского форума *«Россия и мир: взгляд в будущее* (*13–15 января 2016 г.*). *Панельная дискуссия: «Инвестиции в новые промышленные точки роста: будущее территорий опережающего развития* (*ТОР*) *в моногородах и ЗАТО»*. – https://www.youtube.com/watch?v=B9ivpZ4nYG8. (дата обращения: 03.02.2016).

МЯГКАЯ СИЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Коньков А.Е.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Статья посвящена особенностям реализации в России мягкой силы как одной из эффективных форм современной государственной власти, подверженной разным формам «гибридизации». Обращается внимание, что несмотря на мирополитический характер использования концепта мягкой силы, соответствующие технологии носят универсальный характер. На фоне расширения субъект-субъектных (горизонтальных) связей и усиления кризиса государства мягкая сила позволяет последнему укреплять свою конкурентоспособность и повышать «маркетинговую» ценность, свою добавленную стоимость. Активизация использования мягкой силы в России анализируется через формирование институционально-академических источников, развитие СМИ и новых медиа, управление глобальной событийной повесткой.*

Понятие мягкой власти или силы (в английском языке оба эти слова выражаются одним – power, которое сочетает в себе все соответствующие политические коннотации) активно используется в политологическом дискурсе вслед за Джозефом Наем, американским исследователем, профессором Гарвардского университета, бывшим высокопоставленным сотрудником Госдепартамента и Пентагона. В 1990-м году он опубликовал свою знаменитую работу *«Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи»* (*«Bound to Lead: the Changing Nature of American Power»*) [1]. Сам феномен мягкой силы стал краеугольным камнем неолиберализма в международных отношениях и определяющим трендом мирополитических исследований начала XXI *века.*

В самом широком смысле мягкая сила – это способность добиться того, чтобы другие хотели тех результатов, которые нужны тебе. Позднее Най дополнял своё базовое определение тем, что эта способность должна проявляться без насилия и какой бы то ни было платы, через совмещение методов формирования повестки, убеждения и оставления позитивного впечатления.

В линейной системе связей между государствами, которые могли враждовать или быть друг другу союзниками, потребности в рассмотрении *«плотности»* отношений как таковой не существовало. Когда же вслед за общими современными тенденциями вариативности взглядов на окружающий мир усложняться стал и внешнеполитический процесс (государство утратило монополию на дипломатию, которая стала уже не только официальная, но и общественная, и деловая, и народная; а войны стали подвержены различным фор-

* *Коньков Александр Евгеньевич*, кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа, факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

мам *«гибридизации»*, становясь холодными, информационными, торговыми и проч.), возник запрос и на новые типы власти.

Концепция мягкой силы – это попытка аккумулировать, по большому счёту, все формы сотрудничества между странами и народами в некую нормативно обусловленную оболочку и интегрировать её в систему властеотношений. Однако если традиционная власть в своём *«жёстком»* воплощении представляет собой асимметричную коммуникацию субъект-объектного типа, то её *«мягкий»* вариант, не отрицая самой заданности таких отношений, распространяется и на диалоговые, субъект-субъектные связи.

Вовлекая возможности своей мягкой силы, государство ищет новые способы обеспечения конкурентоспособности в современном мире – как перед лицом других государств, так и на фоне иных акторов мировой политики. Вместе с тем, общий тренд глобализации ориентирует на продолжающуюся всё большую *«эмансипацию»* гражданского общества – в новых сферах и на новых уровнях.

Власть постепенно маркетизируется наряду с другими традиционными общественными институтами – такими как образование, искусство, религия, семья. Везде начинают действовать рыночные законы: потребители предъявляют спрос, который удовлетворяется через предложение от имеющихся институтов. Если потребителя интересует какое-либо разнообразие, всегда найдутся желающие приспособить свой *«продукт»* под его взыскательный запрос.

В условиях свободы перемещения, снятия коммуникационных и относительной лёгкости преодоления административных барьеров власть также превращается в продукт, предлагаемый в глобальном супермаркете в форме гражданства того или иного государства. У каждого такого *«продукта»* есть свои *«рыночные»* характеристики в виде прав и обязанностей: где-то более благоприятный инвестиционный климат, где-то – природный; где-то большое внимание уделяется защите традиционных ценностей, где-то – абсолютная релятивность морали. Государство с его вечной опорой на аппарат подавления не может не испытывать кризис в результате подобных тенденций. Мягкая, а в последующем и умная сила – существенная поддержка для пока только осваивающего навыки борьбы за существование государства. Вместе с тем, в условиях несопоставимого пока числа потребителей (индивидов) и поставщиков (центров силы) у последних пока остаются возможности сохранения если не монопольного, то олигопольного положения на глобальном рынке. Пока государства не утратили способности договариваться, они в состоянии сдерживать навязывание им чужой воли и развивать собственные механизмы влияния, в том числе и разной степени *«мягкости»*.

Рынку ничего невозможно навязать – такова максима отношений в современной экономике и обществе в целом. Результат определяется балансом между спросом и предложением. Политика давно подчиняется рыночным законам на уровне демократических процедур – в первую очередь, в рамках выборного процесса. Распространение рыночных принципов на мегаполитический уровень, где отношения традиционно выстраиваются между суверенными игроками, – тенденция относительно новая. Символический *«старт»* мож-

но обнаружить в Арабской весне, начавшейся в 2011 году, когда политическая нестабильность перестала вначале быть внутренним делом стран, в которых она имела место, а позднее и собственно арабского региона – Северной Африки и Ближнего Востока, постепенно превращаясь в ключевой фактор динамики современного миропорядка и в более глобальном контексте. *«Производители»* политического продукта одного суверенного образования через прямую коммуникацию с гражданами другого суверенного образования формируют *«спрос»*, который приводит к конфликту населения со своим государством, становящимся лишним в этой *«потребительской»* цепочке.

Для России понятие *«мягкая сила»* относительно новое – в научно-экспертный оборот в полной мере оно стало входить на рубеже 2000–2010 гг. и успело уже достаточно глубоко проникнуть как в академическую среду, так и в политическую риторику.

Импульс переменам был придан в 2012 году после публикации статьи В.В. Путина *«Россия и меняющийся мир»* в газете *«Московские новости»* [2], в которой не только в очередной раз была подчеркнута важность экономической дипломатии, поддержки соотечественников за рубежом, усиления образовательного и культурного присутствия в мире, но и стало вырисовываться российское понимание мягкой силы как способности влиять на политические процессы без привлечения указаний или экономического давления.

В день вступления в должность Президента 7 мая 2012 года Владимир Путин подписал Указ *«О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»*, в котором изложены требования об усилении деятельности в сфере публичной дипломатии [3]. А на очередном совещании послов и постоянных представителей России впервые на официальном уровне была прямо обозначена задача *«использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы»»* [4]. Произошло это 12 июля 2012 года – с тех пор можно считать, что мягкая сила стала не просто объектом интереса политологов, но и непосредственным и публичным инструментом российской власти по защите своих интересов на внешней арене.

Эволюция подходов к внешней политике получила свое отражение и в главном внешнеполитическом документе страны. В соответствии с действующей Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года, на *«передний план выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила»* – комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [5].

С началом глубокой интеграции в мировое информационное пространство и осознания всех рисков и возможностей современной мягкой силы в России стали формироваться собственные инструменты управления своими ресурсами международного влияния. В самом широком смысле их можно означить как институционально-академические источники мягкой силы.

В 2008 году было образовано Россотрудничество. В дальнейшем ему неоднократно передавались всё новые полномочия, позволяющие активно воздействовать на восприятие России за рубежом (например, в сфере содействия международному развитию и оказания гуманитарной помощи).

Особую роль в развитии российской мягкой силы продолжает отводиться публичной дипломатии, которая также стала институализироваться в России. В 2010 году был образован Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (Фонд Горчакова), призванный вовлекать институты гражданского общества в международное сотрудничество и внешнеполитические процессы.

Тремя годами ранее был учреждён и Фонд *«Русский мир»*, ориентированный на популяризацию русского языка и поддержку соответствующих программ. Его задачи носят более гуманитарный характер и связаны с развитием отдельного и вполне конкретного пласта мягкой силы России – её национального языка.

Для содействия исследованиям и научного взаимодействия по вопросам международных отношений в 2010 году также обоими министерствами – МИД и Минобрнауки России – учреждён Российский совет по международным делам (РСМД).

С 2004 года в России действует Международный дискуссионный клуб *«Валдай»* (Валдайский клуб), в рамках которого собираются ведущие мировые эксперты, занимающиеся исследованием российской политики и социально-экономической жизни. Они проводят встречи с руководителями России – президентом, членами правительства, парламента, региональными руководителями. На основании таких встреч у их участников – академических лидеров мнений различных стран мира – есть возможность формировать непредвзятое, обусловленное исключительно собственным восприятием представление о России как государстве, её обществе, модели и практиках развития.

Помимо перечисленных структур активную роль в развитии российской мягкой силы играют многие академические институты и экспертно-аналитические центры. Неизменно присутствие в глобальных рейтингах образования двух ведущих вузов России – МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ. Среди ключевых национальных приоритетов, которые стоят перед российской высшей школой, – вхождение минимум пяти российских университетов в первую сотню ведущих университетов мира. Государство активно поддерживает наиболее вероятных кандидатов.

Как уже отмечалось, в международном рейтинге аналитических центров Global Go To Think Tank в различных номинациях присутствует целый ряд российских исследовательских организаций – как государственных, так и независимых. В их числе: Московский центр Карнеги, ИМЭМО РАН, Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР), МГИМО, Независимый институт социальной политики, Институт Гайдара, Институт США и Канады РАН, Экономическая экспертная группа, Санкт-Петербургский центр гуманитарных и политических исследований, Аналитический центр при Правительстве РФ, РСМД, СВОП, Центр

фискальной политики, Институт экономики РАН, Институт Европы РАН и многие другие.

Мягкая сила в большей степени проявляется в информационном пространстве, в котором действуют как институциональные, так и неинституциональные игроки, а также квази- и межинституциональные. Вопрос в том, кто из них лучше всего сумеет уловить эту силу и научиться управлять её вектором. Сам этот навык является уже ключом к умной силе.

Основными проводниками мягкой и умной силы являются как раз базовые элементы современного информационного пространства: средства массовой информации (информационные агентства, телевидение, печатная пресса, интернет-издания), а также так называемые новые медиа – социальные сети, мобильные приложения и др. Именно они формируют картину мира в сегодняшнем общественном сознании, а значит, и в наибольшей степени способны оказывать *«мягкое»* влияние на людей.

В современной России действует довольно большой спектр медиа, эффективно реализующих свои функции по формированию актуальной информационной повестки. Помимо информационного продукта, производимого для российского потребителя, на который предъявляется спрос и за рубежом, Российская Федерация развивает и медиа-проекты, ориентированные исключительно на внешнюю аудиторию и транслирующие, таким образом, специально *«аккумулированную»* мягкую силу России. Так, с 2005 года действует многоязычный телеканал RT (ранее – Russia Today), вещающий в более чем 100 странах мира. Радио *«Спутник»*, которое прежде называлось *«Голос России»*, а ещё раньше – на протяжении всего советского периода – *«Московское радио»*, является вообще старейшим вещателем страны, который транслирует информацию о России за рубеж с 1929 года – также на разных языках и в разных государствах.

Главное официальное печатное издание страны *«Российская газета»* в 2007 году запустило свой многоязычный проект Russia Beyond the Headlines (RBTH), представляющий собой ежемесячные приложения к ведущим мировым печатным изданиям (The Washington Post, The New York Times, The Daily Telegraph, Le Figaro, La Repubblica, El Pais и др.) с информацией о России, о том, что в ней происходит и что волнует её граждан.

В качестве продолжения RBTH можно рассматривать и её дочерний проект Russia Direct, запущенный *«Российской газетой»* в 2013 году. Это информационно-аналитический ресурс, включающий сайт и регулярные печатные публикации о России и её месте в мире, в первую очередь, на английском языке. Посредством Russia Direct зарубежные читатели могут не просто получать общую информацию новостного характера о том, что нового происходит в России, но и знакомиться со специализированными аналитическими материалами, докладами, тематическими обзорами по различным вопросам политики, бизнеса, образования, науки и т.д. Особое внимание уделяется российско-американским отношениям, а зарубежным партнёром проекта выступает журнал Foreign Policy.

Помимо институционально-академических и медийных источников аккумулирования мягкой силы важно указать и на событийную повестку. Круп-

ные события глобального, международного или даже национального характера являются не только разновидностью мероприятий, преследующих свои конкретные цели (не важно – политические или спортивные), но и эффективным (т.е. обладающим эффектом) поводом для широкой массовой коммуникации. Через разного рода саммиты, конференции, фестивали, спортивные состязания можно наблюдать и транслировать культуру, ценности, представления – всё то, что характеризует и предопределяет общественное мнение.

Россия с середины 2000-х гг. начала делать ставку на свою коммуникацию с миром через проведение на своей территории крупных международных событий. Помимо информационного эффекта была и сугубо утилитарная задача: подготовка к большому мероприятию аккумулирует не только внимание, но и ресурсы различных инвесторов, ориентированных на растущий совокупный спрос. В тех городах и районах, где такие большие события проводились, параллельно реализовывались программы ускоренного развития и строительства инфраструктуры более долгосрочного использования.

В 2006 году в России впервые был проведён саммит G8. В 2007 году страна получила право на проведение зимних Олимпийских Игр-2014. В 2008 – право на проведение Универсиады-2013. В 2010 – Чемпионата мира по футболу-2018.

В 2012 году во Владивостоке впервые был проведён саммит АТЭС, послуживший началом так называемого *«поворота»* России на Восток и оставивший после себя два моста над морем и новый кампус ДВФУ. В 2013 году в Санкт-Петербурге состоялся саммит G20 – относительно нового и ключевого объединения по поиску новой модели мироустройства. Саммиты двух других приоритетных для России международных организаций – БРИКС и ШОС – уже дважды за последние годы проводились на её территории одновременно – в 2009 году в Екатеринбурге и в 2015 году в Уфе.

Устанавливая систему отношений с институтами гражданского общества, государство находит пути собственной *«мимикрии»* под конкурирующие силы – негосударственных игроков, бросающих сегодня вызов не просто сложившемуся миропорядку, но и всей модели социального воспроизводства. Возглавив на определённом этапе процессы диалектического развития в социуме, государство незаметно подошло к необходимости стать объектом соответствующих законов и подвергаться вызовам своих противоположностей.

Проявлением мягкой силы является и политический аутсоринг, участие в котором принимают аналитические центры как институты гражданского общества: они разрабатывают политику как комплекс взаимоувязанных целей, задач и мероприятий, которую государство у них *«закупает»* на открытом рынке и, в случае целесообразности, реализует.

Своего рода производными мягкой и умной силы могут рассматриваться активно внедряемые в современной России общественные и экспертные советы при различных органах государственной власти, общественные палаты на федеральном, региональном и местном уровнях, а также сама система *«открытого правительства»*, предусматривающая привлечение и даже участие в процессе принятия решений представителей различных сфер гражданского общества. Возможно, государство не всегда будет способно сохранять лидиру-

ющую роль в диалоговых пространствах, которыми словно буферным громоотводом оно себя окружает, однако перспектива дальнейшего *«смягчения»* власти ориентирует на активизацию самой природы этой власти. Такие акции как *«Бессмертный полк»*, *«Георгиевская ленточка»*, *«Тотальный диктант»* являют собой показательные примеры успешной гармонизации общественной инициативы и государственного ресурса – это заслуживающее отдельного рассмотрения проявление мягкой силы современной России, наращивающей свою способность к консолидированному, подлинно национальному, общественно-государственному действию.

Динамика плотности власти, актуализировавшая развитие мягкой и умной силы, имеет тенденцию к продолжению. Современные механизмы влияния, выносимые государством за пределы центров силы, формируют основы для ещё большей *«гибридизации»* власти, которая будет и впредь расширяться по сетевому принципу и снижать свою зависимость от традиционных иерерархических структур. Лишь те государства, которые продемонстрируют наибольшую внутреннюю гибкость при неизменном укреплении эффективности своих проявлений (реальных действий), сумеют определять контуры дальнейшего политического развития.

Список литературы

[1] *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books: New York. 1990.

[2] *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир. – http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html (дата обращения: 10.04.2016).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 605 *«О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»*. – http://www.kremlin.ru/acts/15256 (дата обращения: 10.04.2016).

[4] Совещание послов и постоянных представителей России, 12 июля 2012, Москва. – http://www.kremlin.ru/news/15902 (дата обращения: 10.04.2016).

[5] Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 12.02.2013. – http://www.kremlin.ru/news/17520 (дата обращения: 10.04.2016).

МЕХАНИЗМЫ САМОРАЗВИТИЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Косоруков А.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Предметом исследования в статье являются механизмы развития и механизмы саморазвития в рамках современной государственной политики России, способствующие комплексному развитию страны и региона, расширяющие их конкурентные возможности и способность к постоянной модернизации. В статье выделяются основные направления построения механизмов саморазвития, а также рассматриваются диффузные и локализованные механизмы саморазвития. Если в первом случае инновации в одной отрасли перекидываются на другие отрасли и способствуют общему уровню инновационности экономики, то во втором случае инновации внедряются в рамках отдельных ключевых отраслей или крупнейших предприятий и решают узкоспециальные задачи экономического развития.*

Государственная политика современной России направлена на обеспечение сбалансированного развития социально-экономического пространства страны в конкурентном пространстве мировой экономики и проводится на стыке механизмов развития федерального уровня и механизмов саморазвития регионального уровня.

В рамках проводимой государственной политики федеральная власть принимает и реализует государственные программы развития, проводит их мониторинг и контроль, являясь координатором взаимодействия с региональной властью и бизнесом. Федеральные государственные программы реализуются по таким блокам как *«Новое качество жизни»*, *«Инновационное развитие и модернизация экономики»*, *«Обеспечение национальной безопасности»*, *«Сбалансированное региональное развитие»*, *«Эффективное государство»* [1]. Региональная власть разрабатывает программу действий по выводу региона на стадию устойчивого и инновационного роста, согласовывает интересы всех участвующих сторон, в том числе малого, среднего и крупного бизнеса, контролирует и корректирует выполнение отраслевых и комплексных программ.

Федеральные механизмы развития включают в себя такие меры как: привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации; субсидирование участников промышленных кластеров в целях импортозамещения, промышленных организаций для их технического перевооружения, реконструкции

* *Косоруков Артем Андреевич*, кандидат политических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

и модернизации; выделение субсидий российским организациям на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в различных отраслях промышленности, а также на реализацию пилотных проектов в области инжиниринга и промышленного дизайна; выделение стимулирующих субсидий для оплаты процентов по кредитам на реализацию инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности; выделение субсидий субъектам федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, софинансирование капитальных вложений в объекты госсобственности, предназначенные для развития малого и среднего предпринимательства, реализацию комплексных инвестиционных проектов по развитию инновационных территориальных кластеров, технополисов и технопарков; выделение субсидий на строительство инфраструктурных и промышленных объектов индустриальных парков; выделение субсидий Фонду содействия развитию малых предприятий и Российскому фонду технологического развития; поддержка малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства; развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости; государственное регулирование тарифов, направленное на повышение эффективности функционирования естественных монополий и др.

Региональные механизмы саморазвития предусматривают такие меры как разработка и реализация эффективной экономической, инвестиционной, финансовой, тарифной, миграционной, ценовой и налоговой политики в регионе; выполнения программ по созданию технополисов и технопарков; создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности и привлечения инвестиций; утверждение тематического плана научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ; ведение реестров и предоставление субсидий, льгот и преференций из регионального бюджета субъектам малого и среднего предпринимательства, инновационно-активным организациям, а также организациям научно-промышленного комплекса региона; совершенствование разрешительных функций, оптимизация предоставления государственных услуг, в том числе в электронном виде, снижение административных барьеров.

Таким образом, пересечение и взаимодополнение федеральных механизмов развития и региональных механизмов саморазвития могут способствовать комплексному развитию региона, расширяющему его конкурентные возможности и улучшающему его способность к постоянной модернизации. При этом оно предполагает: 1) внутреннюю самодостаточность и опору на собственные ресурсы (финансовые, трудовые), развитие научно-технологической инфраструктуры, выход на траекторию инновационного развития, обеспечивающих постоянный количественный или качественный рост ВРП; 2) постановку определенной миссии, целей и задач саморазвития региона, его основных приоритетов и экономических источников; 3) развитие региональных производственных и организационно-управленческих территориальных подсистем, способных автономно адаптироваться к динамике внутренних и внешних экономических условий; 4) достижение благоприятных внешних условий – общественной и государ-

ственной поддержки на всех уровнях, 5) правовые, бюджетные и имущественные гарантии регионам и конкурентные макроэкономические условия в сфере налогообложения и кредитной политики [2, с. 12].

Государственная политика по развитию механизмов саморазвития региона предполагает выполнение нескольких этапов, начиная с оценки уровня его социально-экономического развития, формирования целей развития, определения векторов саморазвития, и заканчивая разработкой и имплементацией стратегии управления развитием. *В результате в* регионе могут быть созданы современные механизмы саморазвития для привлечения и стимулирования потенциальных инвесторов, внедрена практика бюджетных гарантий и налоговых каникул, получить развитие практика инвестиционного договора, включающего упрощенную процедуру выдачи разрешительной документации при условии того, что инновационные фирмы действуют в рамках региональных сетей, сотрудничая и взаимодействуя не только с поставщиками, клиентами и конкурентами, но и с научно-исследовательскими и технологическими государственными и коммерческими организациями, агентствами по поддержке инновационной деятельности, венчурными фондами, а также органами местной и региональной власти.

Механизмы саморазвития нацелены на производство инноваций, что подразумевает одновременно и доведение до промышленного производства готовых технологий, и процесс обучения самого региона, который извлекает выгоду от близости к объектам той инновационной инфраструктуры, которые могут инициировать этот процесс (технополисы и технопарки, научно-исследовательские институты, промышленные предприятия, университеты). Региональные органы власти, наряду с федеральными, играют важную роль в поддержании процесса обучения региона, предлагая услуги и другие механизмы, которые усиливают сетевую взаимосвязь между всеми субъектами, и обеспечивая развитие транспортных коммуникаций, объектов офисной и жилой инфраструктуры. Характер этих сетей и их географические масштабы различаются между промышленными секторами и между регионами. Они не являются статичными, постоянно адаптируются к стратегическим потребностям региона и могут расширяться или сжиматься. Это хорошо демонстрируют меняющиеся условия глобальной экономики, в рамках которой механизмы саморазвития постоянно должны учитывать потребности региональных инновационных систем.

В результате действия федеральных механизмов развития и региональных механизмов саморазвития регион получает возможность становления в качестве саморазвивающейся социально-экономической системы, критериями которой выступают:

1) стабильный расширенный прирост валового регионального продукта, превышающий средние показатели по России,
2) обеспеченность этого прироста собственными доходными источниками и внутренними инвестициями, а не за счет дотаций, субсидий и трансфертов из федерального бюджета;

3) положительное сальдо торгового и финансового баланса региона в процессе интеграционного взаимодействия с другими субъектами отечественной и мировой экономики [3, с. 12],
4) значительное повышение уровня развития малого и среднего предпринимательства, приносящего основной доход в региональный бюджет,
5) активизация инфраструктурных проектов в различных отраслях экономики, в том числе, инновационной,
6) высокий уровень мобильности трудоспособного населения при одновременном росте сферы занятости населения.

Однако, большинство регионов сталкивается с существенными барьерами в процессе внедрения механизмов саморазвития в российских условиях. К ним можно отнести:

1) процессы стихийного саморазвития, возникающие вследствие несогласованности действий различных уровней власти и отсутствия программы действий по выводу региона на стадию устойчивого и инновационного роста,
2) низкая обеспеченность и нерациональное использование ресурсов,
3) ограниченный доступ регионов к инструментам инновационной политики, доступным в большей мере на государственном или наднациональном уровнях, вследствие ограниченности регионального бюджета и соответствующих полномочий,
4) доминирование точечных проектов развития крупного бизнеса,
5) недостаточный уровень оценки потребностей бизнеса со стороны региональных властей, в результате которого не может быть должным образом организована система продвижения инновационных разработок в промышленность.
6) возрастающий отрыв немногих регионов-лидеров от всех остальных, который замедляет распространение инноваций в отстающих регионах,
7) ограниченность источников экономического роста вследствие недостаточного инфраструктурного обеспечения,
8) высокая централизация управления, сдерживающая инициативу и предприимчивость регионов в социально-экономическом развитии территорий.

Можно выделить три основных направления построения региональных механизмов саморазвития:

1) поддержка наиболее сильных и современных компаний и промышленных предприятий региона, которая позволяет не только сохранить существующий научно-технический и кадровый потенциал, но и сформулировать стратегическое развитие данного региона в будущем, обозначив *«точки роста»*. Помимо анализа и учета таких показателей саморазвития как интенсивность, объем и характер расходов на научные исследования и разработки предприятий, внедрение новых технологических линий на производстве, плотность и

качество связей между производством и научно-образовательной инфраструктурой, региональным властям следует изучать потенциально конкурентоспособные кластеры инновационной деятельности в регионе и сосредотачивать свои усилия на их поддержке;

2) систематическое изучение как потребностей самих региональных предприятий в условиях глобальной конкуренции и спроса на инновации, так и создание условий для производства инноваций в самом широком смысле. У региональной власти часто не хватает опыта проведения региональной политики саморазвития, или ее проведение ограничивается точечными инновационными проектами на производстве, которые не могут оказать синергетического эффекта в процессе развития экономики региона. Кроме того, в последнее десятилетие опыт создания региональных механизмов саморазвития показал, что нельзя ограничиваться только финансированием научных исследований и опытно-конструкторских работ. Дело в том, что малый и средний бизнес региона в значительной степени продолжает испытывает острую потребность в подключении к технологической инфраструктуре региона, доступе к венчурному капиталу, результатам R&D (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), поддержке инновационного менеджмента, получения патентов и лицензий для запуска инновационного процесса. Важно также учитывать, что поддержка региональных механизмов саморазвития зависит от потребностей конкретного региона, представленности на его территории частного бизнеса. Проведение соответствующего анализа на предварительном этапе позволит расширить пакет поддержки инноваций в тех областях, которые до этого испытывали острую нехватку тех или иных ресурсов;

3) гибкий и открытый характер механизмов саморазвития позволит осуществлять дифференцированную политику поддержки отраслей промышленности, каждая из которых имеет различные потребности в поддержке и географические масштабы своих производственных сетей. Предприятия, работающие на международном уровне, в отличие от предприятий регионального и местного уровня, могут оперативнее получать доступ к R&D на государственном или международном уровне. В этой связи региональным властям важно иметь четкое представление о том географическом уровне, на котором будут развиваться их предприятия. В условиях усиления глобализации экономической конкуренции, сокращения государственной поддержки инновационного бизнеса, региональным властям будет невыгодно ограничивать механизм саморазвития региональными границами или дублировать те ее элементы, которые уже действуют в других регионах. Вместо этого, им выгоднее сосредоточиться на межрегиональной кооперации, а также встраиваться в общегосударственные и международные циклы производства промышленной продукции. Потенциал международного сотрудничества может быть перспективным направлением построения механизма саморазвития региона, в частности, там, где регион граничит с международными транспортными коммуникациями, позволяющими ему напрямую взаимодействовать с иностранными поставщиками или покупателями промышленной продукции.

В некоторых страновых контекстах попытки централизованного управления механизмами саморазвития регионов может привести к ослаблению межрегиональных связей, благодаря чему макроэкономические колебания в равной степени будут наносить ущерб как более, так и менее развитым регионам, а возможности отдельного региона по адаптации к экономическим вызовам будут ограничены. Централизованное управление также может сдерживать формирование механизма саморазвития, ограничивая его возможности в сфере региональных инвестиций, а также привлечению венчурного капитала. Региональный уровень саморазвития в целом более склонен к политике экспериментов, чем общегосударственный уровень развития. Анализ региональных механизмов саморазвития в таких *«новопромышленных»* государствах как Республика Корея, Индонезия, Малайзия и др. демонстрирует, что региональное экспериментирование и федерализация саморазвития может дополнить централизованную политику поддержки инновационной экономики.

В развитых странах инициатива по созданию механизмов саморазвития происходит не от региональных органов власти, а от университетов, частных компаний и фондов, финансирующих научные исследования. Так, наукоемкие регионы (технополисы и технопарки калифорнийской Кремниевой долины в США, научно-исследовательские центры в земле Бавария в ФРГ и регионе *Иль-де-Франс во Франции, Манчестерский научный парк в Великобритании* и др.) концентрируют в себе не только научно-технологические центры, но и занимаются оказанием, прежде всего, коммерческих бизнес-услуг. Таким образом, механизм саморазвития в данных наукоемких регионах удовлетворяет спрос фирм и предприятий на *«знанииемкие деловые услуги»*, предназначенные для потребления с минимальными издержками, так как данные услуги сосредоточены поблизости, включая аудит, управленческое консультирование, маркетинг, сертификацию, рекламу, право и риэлторскую деятельность. Однако вследствие уникальности интеллектуальной услуги клиент может стать *«сопроизводителем»* услуги наравне с фирмой или предприятием, предоставив для этого такой важнейший ресурс как информационный, благодаря которому услуга будет адаптирована под его потребности [4, с. 26].

По существу, действующие региональные механизмы саморазвития воспроизводят организационный потенциал транснациональной корпорации с точки зрения горизонтальных цепочек поставок, горизонтальных сетей, сотрудничества с университетами и промышленностью, множеством коммерческих и общественных посредников, которые продают или поставляют инновационные товары и услуги.

Региональные механизмы саморазвития различаются по характеру и степени их самостоятельности. Наиболее сильными из них в условиях развитых стран являются штаты в США или Австралии, департаменты во Франции, регионы Великобритании и Италии, земли в Австрии или Германии, которые связаны с другими регионами через сеть посредников – торгово-промышленных палат, торговых ассоциаций, региональных филиалов профсоюзов, банков, и т.д. Благодаря этому они получают дополнительные инструменты в вопросах проведения активной инновационной политики. В других странах, например, в России

и Италии, регионы обладают ограниченными возможностями поддержки механизмов саморазвития, а также слабыми межрегиональными связями, тогда как центр не может оказывать систематическую поддержку всем регионам одновременно. Большинство же развивающихся стран не имеют сильных механизмов саморазвития, их связь с отраслями промышленности либо ограничена, либо сосредоточена вокруг традиционно ведущих отраслях, где преобладают крупные предприятия.

Таким образом, в развитых странах преобладают диффузные механизмы саморазвития, а в развивающихся – локализованные механизмы саморазвития. Если в первом случае, инновации в одной отрасли перекидываются на другие отрасли и способствуют общему уровню инновационности экономики, то во втором случае инновации внедряются в рамках отдельных ключевых отраслей или крупнейших предприятий (в аэрокосмической промышленности, атомной энергетики, военно-промышленном комплексе) и решают узкоспециальные задачи экономического развития страны.

Региональные механизмы саморазвития различаются по представленности компаний различного размера: в некоторых из них в основном представлены предприятия малого и среднего бизнеса (новопромышленные регионы), в других доминируют крупные предприятия, дополняемые предприятиями малого и среднего бизнеса (старопромышленные регионы). Межфирменное взаимодействие также позволяет ранжировать регионы по шкале – от плотных сетей малых фирм до типичных промышленных регионов, в которых расстояния между предприятиями оказывает большое влияние на стоимость доставки ресурсов и транспортировку готовых товаров. Там, где присутствует достаточное количество крупных компаний, могут выстраиваться сильные вертикальные цепочки поставок – *«кейрецу»* в Японии (крупные корпоративные конгломераты и холдинги, наследники более старой формы корпоративной структуры) и *«чеболи»* в Республике Корея (гигантские промышленные конгломераты), или может действовать несколько крупных-компаний, взаимодействующих с малыми и средними предприятиями коренных народов, что обычно имеет место при создании региональных промышленных анклавов по сборке готовой продукции, находящихся в собственности транснациональных корпораций со штаб-квартирой, размещенной в другой стране.

Региональные механизмы саморазвития отражают возникший еще в 2000-е гг. тренд по укреплению национального экономического суверенитета в развитых и крупных развивающихся странах, направленный на повышение глобальной конкурентоспособности национальной экономики в условиях свободной торговли и мгновенных перетоков финансовых капиталов. Новый мировой экономический порядок опирается на самодостаточные в инновационной сфере регионы, обладающие эффективными механизмами саморазвития, опирающиеся на сильные вертикальные и горизонтальные межфирменные связи в сфере исследования, производства, поставки и продажи продукции, а также совместные инвестиции и развитие технологий. Также они используют возможности развитого рынка консультантов в сфере инновационного менеджмента и предпринимательства, венчурных инвесторов и других представителей наукоемких бизнес-услуг.

Во многих развивающихся странах такая поддержка научно-технологической и инновационной бизнес-инфраструктуры отсутствует, а государственный сектор обладает меньшей эффективностью, несмотря на систему грантов, создание научно-технологических центров и развитие рынка бизнес-консультаций. Это происходит из-за невозможности сформировать устойчивый коммерческий спрос на продукцию региональных инновационных кластеров, который вместо этого формируется на основе государственных заказов, что особенно заметно на примере региональных промышленных агломераций и моногородов.

Список литературы

[1] Государственные программы. Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/programs/ (дата обращения: 15.02.2016).

[2] *Татаркин А.И.* Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России // Экономика региона. № 4. 2013. С. 12.

[3] *Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф., Некрасов А.А.* Формирование саморазвивающихся регионов. Теоретические основы и динамика развития // Региональная экономика. Теория и практика. № 13. 2013. С. 12.

[4] *Мирошниченко Н.В.* Интеллектуальные услуги: подходы к определению и типологизация // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 2. 2009. С. 26.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕЛИ ЛИДЕРСКОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ В РОССИИ

Тарусин П.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Целью работы является изучение состояния и перспектив эволюции отечественной модели лидерского комплектования, ее способности удовлетворять содержанию социального запроса и потребностям правящего режима в отношении качеств и способностей, стиля правления будущего главы государства. Применяя структурно-функциональный метод, автор рассматривает влияние социального, политического и личностного измерений российских реалий на возможные формы и содержание трансформации механизмов и процедур подготовки и отбора политических лидеров, а также предлагает меры по их оптимизации.*

Эффективность государственного управления во многом зависит от характеристик его ведущего субъекта – общенационального политического лидера (понятие общенационального политического лидера дано в трактовке Ж.Блонделя [1, с.279]). Поэтому выращивание и подбор кандидатур с требуемыми качествами и способностями осуществляется не стихийно, в ходе электоральных кампаний, но системно и заблаговременно, а соответствующие механизмы и процедуры выступают важным элементом политической системы.

На фоне приближающихся парламентских и президентских выборов на передний план выходит вопрос эффективности российской модели лидерского комплектования, ее способности готовить и приводить к власти лидеров современного типа. Содержательно дискуссия фокусируются на фигуре нынешнего главы государства и его окружении, выступающих не просто органичной частью рассматриваемой проблемы, но и одним из ключевых факторов ее разрешения. К сожалению, представления и оценки относительно способностей В.Путина соответствовать меняющимся реалиям, а также перспектив сохранения им лидерского статуса в значительной мере оказываются элементом политической борьбы, нежели объективным отражением его личностных характеристик.

В научных и политических кругах распространена точка зрения, что нынешний лидер не заинтересован в развитии конкурентных и публичных оснований модели лидерского комплектования. В результате во власти регулярно воспроизводится недемократическая манера правления, которая препятствует укоренению современных политических и социально-экономических институтов в России, восстановлению ее взаимовыгодных отношений с партнерами на мировой арене. Соответственно, уход В.Путина *«автоматически»* повлечет

* *Тарусин Павел Владимирович*, к.пол.н., ассистент, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

принципиальное обновление стиля и практик политического правления, изменит содержание и методы реализации государственной политики.

Именно этими соображениями отчасти и объяснимо непреклонное стремление руководителей западных стран, поддерживаемое отечественной несистемной оппозицией, путем экономических санкций и международной изоляции заменить В.Путина на более приемлемую фигуру. Однако на практике игнорирование специфики и возможностей российской модели лидерского комплектования ведет к провалу политических расчетов, основанных на умозрительных заключениях.

Иное мнение, находящее поддержку у правящей верхушки, заключается в том, что в систему лидерского комплектования не следует вносить принципиальные изменения. Ее состояние вполне адекватно отражает уровень развития политических и социально-экономических структур и отношений, гарантом функционирования и воспроизводства которых выступает В.Путин. Именно на его высочайшего уровня легитимности и основана существующая политическая и социальная стабильность, а также элитный консенсус. Усиление же конкурентных начал механизмов и процедур *«выращивания и отбора первых лиц»* приведет не к повышению уровня их *«властной»* компетентности, а к доминированию лидеров популистского толка, способных эффектно избираться, но не эффективно править [3, с. 509].

В какой же мере российские реалии способствуют формированию массового запроса на демократические модели правления, а также стимулируют появление и приведение к власти политических лидеров современного формата. Поскольку по своей сути механизмы и практики лидерского комплектования, включающие периодическое обновление типов политического лидерства, отражают поиск и обществом, и политическим классом (правящей элитой) соответствующего условиям и задачам правления субъекта верховной власти, наиболее подходящим является структурно-функциональный метод исследования. В качестве независимых переменных выступают: общество – политический режим – личностный фактор.

Выбор личностного фактора обусловлен следующими соображениями. Личность лидера представляет собой *«штучный товар»* на политическом (электоральном) *«рынке»*, его отличают индивидуальные особенности и личная воля. Многие востребованные обществом типы политических лидеров оказываются не представленными электорату, как по причине их отсеивания в элите, так и отсутствия подходящих по качествам и способностям индивидов [2, с. 384]. Причем подобный *«дефицит»* проявляется не в отношении конкретных персоналий, пожелавших занять высший пост, а именно *«номенклатуры»* приемлемых для власти и общества лидерских типов. В итоге объективно назревшие процессы реформирования структур и практик государственного управления вынуждены дожидаться, порой напрасно, собственного субъекта.

Общество

В целом, в научном (и экспертном) сообществе преобладает точка зрения, что текущее состояние российских социальных и экономических структур, а также доминирующий тип политической культуры, не благоприятствует появлению массового запроса на современные типы политического лидерства, как и

соответствующих условий для их созревания. Подобные оценки косвенно подтверждаются результатами социологических опросов, фиксирующимх устойчиво высокие уровни поддержки главы государства и его окружения, а также отсутствием значимого общественного недовольства итогами их деятельности. Большинство населения по-прежнему не видит в среднесрочной перспективе альтернативы В.Путину, сравнимой с ним по политическому весу.

Предлагаемые объяснения данному явлению указывают на зависимость большинства населения от государства и традиционные практики государственного патернализма, состояние политической культуры, низкую диверсификацию российской экономики и социальных структур, отсутствие публичной политической конкуренции и политическую апатию граждан и т.д. Данные факторы сдерживают формирование массового социального запроса на приведение фактических механизмов и практик лидерского комплектования к нормативно закрепленным в Конституции. Отсутствие подобного запроса в политической повестке не способствует консолидации влиятельных субъектов, заинтересованных в изменении существующих правил лидерского отбора.

Узловые точки дискуссий заключаются в расхождениях сторон относительно меры готовности структур российского общества и его политической культуры к модернизации, а также допустимой скорости и последовательности их проведения. История свидетельствует, что невозможно за крайне ограниченный период времени перейти к новому политическому устройству, а также преобразовать под него состояние общественных структур и политической культуры. Неподготовленные ходом исторического развития попытки общества кардинально поменять практики и природу политического правления не ведут к достижению заявленных целей. Напротив, они возвращают самые худшие, разрушительные для государства образцы властвования и типы правителей, что наглядно подтверждает пример *«майданной»* Украиной.

Но нельзя и *«затягивать»* реформы в сфере комплектования верховной власти, состояние которой в значительной мере определяет вектор и результаты развития страны. Как представляется, в основании воспроизводства недемократических практик и механизмов подготовки и отбора главы государства лежит именно недоверие, как власти, так и самого общества к потенциалу социального реформирования, боязнь упустить из-под контроля процессы обновления. Справедливости ради заметим, что события последних десятилетий дают достаточно оснований для подобных опасений.

Ради сохранения управляемости обществом российское руководство *«консервирует»* привычный уклад социальных и политических отношений (порядков). Ориентация на зависимые от государства, *«бюджетные»* слои населения, как социальное основание политической стабильности тормозит укоренение современных институтов. В условиях экономического кризиса *«социальный контракт»* между населением и властью – достаток в обмен на политические права и свободы, заключенный в начале 2000-х годов, последовательно подменяется состоянием *«общественной мобилизации»* в ответ на явно гипотетические угрозы со стороны недавних западных партнеров.

Тем не менее, определенные подвижки происходят. Постепенное усиление разнообразия социальной структуры российского общества и, соответственно, плюрализма групповых ценностей и интересов, развитие автономных от государства форм хозяйственной (экономической) деятельности исподволь меняет содержание социального заказа, как по поводу требуемых лидерских качеств и типов, так и в отношении процедур и механизмов их отбора (ярким примером стало Болотное движение зимой 2011–2012 годов). Расширение доли экономически активных и самостоятельных слоев (креативного класса) меняет баланс типов политической культуры населения в сторону усиления ее активистского (гражданского) измерения. Под их влиянием приобретают новое содержание лидерские функции по представительству и интеграции интересов все увеличивающегося числа общественных групп, понуждая к отказу от традиционных (синкретичных) моделей правления и политических коммуникаций.

Политический режим

Нынешнее состояние российского политического режима не предполагает принципиального реформирования его основных структурных элементов, в том числе и модели лидерского комплектования. Изменения законодательства о партиях, выборы губернаторов и прочие новации в политической системе несут скорее косметический, нежели содержательный характер. Правящий режим и элитная когорта, возглавляемая В.Путиным, обладают значительным потенциалом прочности и саморазвития, даже при ухудшившейся экономической конъюнктуре им удается обеспечивать интересы основных социальных групп, пусть и в традиционной, но приемлемой для большинства населения форме и объемах. Так что возможность обновления ядра политической элиты маловероятна, как и появление массового социального заказа на его замену.

Неоспоримое доминирование В.Путина и его команды в пространстве власти, отсутствие соизмеримых по политическому влиянию (весу) оппонентов, способных составить конкуренцию в борьбе за лидерский пост, отражает, прежде всего, наличие серьезных рисков и проблем в механизме лидерского комплектования. Однако высокая степень состязательности и конфликтности на политическом поле лишь теоретически ведет к повышению властной компетентности. На практике этот фактор способствует, скорее, обретению навыков электоральной борьбы, подавления конкурентов, популизму, но не прививает умения править, принимать ключевые решения.

В ситуации искусственно создаваемых ограничений политической (и электоральной) конкуренции система лидерского комплектования направлена не на отбор наилучших кандидатов, а подчинена задачам сохранения властного статуса нынешнего лидера и его приближенных. Свободные выборы фактически не *«вписываются»* в практики воспроизводства российского власти. Даже высокой степени общественной поддержки оказывается недостаточно для преодоления сита *«машины для голосования»*, полностью контролируемой действующим руководством. В итоге, спектр допускаемых к голосованию типов политического лидерства, персонифицированных в кандидатах, остается крайне ограниченным, что порождает у демократически ориентированных индивидов, в том числе и среди высшего руководства, осознание бесперспективности борьбы за высший пост.

«Несистемные» кандидаты вынуждены уходить в протестные (маргинальные) сферы российской политики, обращаясь к достаточно спорным с общественной точки зрения способам и инструментам создания и приращения политического веса (ресурса). Поскольку легальные инструменты борьбы за власть фактически отсутствуют, главная возможность ее завоевания для оппозиционных сил заключается в наступлении такого институционального кризиса, который сметет конструкции и структуры прежнего правящего режима и востребует качественно иные типы политиков (лидеров). Но каковы перспективы подобного развития событий для государства и общества объяснять вряд ли стоит. Как и прогнозируемую реакцию большинства населения и политического класса.

Однако факторы обновления модели лидерского комплектования в среднесрочной перспективе присутствуют и возобновляются в самих структурах политического режима. Существующая модель правления основана на нестабильном, зависящем исключительно от лидера, сосуществовании элитных кланов (альянсов) во власти, что обуславливает высокую степень издержек их функционирования и поддержания лояльности. Отсутствие институциональных гарантий персонального (группового) статуса, зависимость от настроения и политического ресурса лидера оборачиваются обвальным нарастанием рисков в отношении положения, а то и безопасности правящей верхушки в целом в случае политических кризисов либо ухода главы государства.

Политическая элита вынуждена озаботиться соблюдением формальных оснований легитимации собственного статуса и практик воспроизводства политического режима. Наблюдается постепенное, пусть и неспешное расширение круга лидерского селектората, восстановление открытых, публичных процедур и норм выбора главы государства. Либерализация механизмов лидерского комплектования, по всей видимости, будет поддерживаться и *«слабой легитимностью»* лидеров, пришедших на смену В.Путину.

Концентрация полномочий в руках главы государства при нынешнем типе правления и политического лидерства, допустимая, пусть и с серьезными оговорками, в существующих обстоятельствах, в перспективе сдерживает укрепление и развитие самих структур власти. Весьма сомнительно, что преемники В.Путина будут способны эффективно функционировать в режиме ручного управления. Таким образом, эволюционное развитие политического режима, последовательная формализация и рутинизация практик правления, избегание кризисов управляемости, провоцирующих обращение к авторитарным образцам властвования, представляются необходимыми условиями обновления модели лидерского комплектования.

Личностный фактор

Среди экспертов, не говоря уже об оппонентах нынешней власти, распространено представление, что личные способности и мотивы лидерского функционирования В.Путина все явственнее расходятся с действительной политической повесткой и потребностями страны. Но не преждевременно ли списывать В.Путина со счетов как уже отыгранную политическую фигуру? Оставим в стороне неоднозначный вопрос относительно его реформаторских

качеств и рассмотрим проблему с точки зрения его возможностей удерживать лидерский статус, а также наличия достойных конкурентов.

Выше отмечалось, что вероятность появления конкурентов *«со стороны»*, способных реально оспаривать власть у В.Путина, представляется иллюзорной. Давление административного и иных ресурсов правящей группировки, выступающей в роли лидерского *«селектората»*, целенаправленно создает впечатление *«вытоптанного кадрового поля»*, когда общество *«не видит»* реальной альтернативы действующему главе государства и назначенному им преемнику. Сколь долго продлится такое положение предсказать невозможно, но существуют ли иные варианты смены нынешнего лидера?

Политическая практика свидетельствует, что при возникновении критического уровня недовольства или осознания угрозы своим властно значимым интересам, правящая элита достаточно легко жертвует лидерами. В связи с последними событиями – давление санкций на экономику и благосостояние ближнего окружения, снижение уровня жизни населения – и в элите, и в обществе эпизодически проявляются настроения на смещение В.Путина. Слишком большими становятся ресурсные и политические издержки, рискованность проводимого им курса. Нарастает усталость масс от В.Путина, обостряется *«голод»* по новым лицам в политике.

Однако вариант насильственного (путем *«верхушечного»* заговора) отстранения главы государства, как показывают события на Украине, ставит трудноразрешимые проблемы легитимации нового руководства, катастрофического нарастания политических и социально-экономических рисков, которые могут на порядок перевесить ныне существующие. Подобная акция имела бы решение, основанное на договоренностях основных stake-holders российской власти, но достижение подобного соглашения, даже при критическом нарастании ресурсных и политических издержек от проводимого курса, далеко неочевидно. Потенциальная фигура или структура, способная сохранить статус-кво во власти, отсутствует, а ведь первоочередной вопрос, решаемый при замене лидера, кто станет после него?

Именно в силу нерешенности данной проблемы, неопределенности персональных и групповых последствий подобных действий и начинаний, да еще в условиях потенциального разрушения правового поля и институтов политического режима, ни правящая элита, ни крупный бизнес не намерены нести издержки и брать на себя ответственность. Разве что безответственная, и не опасная для режима несистемная оппозиция может призывать к свержению В.Путина, но власти предпринимают всё необходимое, чтобы подобные выступления не послужили площадками кристаллизации реальных структур (движений), действующих в данном направлении.

С другой стороны, для замены главы государства при авторитарном режиме правления необходим момент слабости действующего лидера и его окружения. Как отмечали О'Доннел и Шмиттер, *«никакой переход не может быть навязан исключительно противниками режима, который сохраняет внутреннее единство, способность и готовность применять репрессии»* [4, с. 21]. Только в момент острого кризиса при исключительно слабой и безвольной фигуре правителя

возникают реальные шансы на успех. Но надеяться на проявление *«слабости»* со стороны нынешнего лидера и его окружения было бы непоправимой ошибкой, они будут сражаться за власть до конца.

Следует признать, что чекистская *«выучка»* до сих пор страховала В.Путина от промахов в части поддержания своего лидирующего статуса. Ему удалось сформировать такую архитектуру отношений внутри ближайшего окружения, при которой реализация интересов его членов возможна исключительно с одобрения *«верховного сюзерена»*. В путинский ближний круг входят *«свои»* – постоянные и проверенные партнеры, знакомые, образуя сложную сетевую структуру, основанную на межличностном доверии и круговой поруке. В итоге лояльность главе государства поддерживается не столько лидерскими репрессиями, сколько потенциальными коллективными санкциями по отношению к *«отступившимся»*.

Высочайший же уровень общественной поддержки и беспрекословная лояльность специальных служб и армии, правоохранительных структур обрекают любое выступление против действующего лидера в авантюру с самого начала, особенно в условиях регулярно предпринимаемых действий по устранению потенциальных точек кристаллизации общественного и политического протеста. Очевидно, что в настоящий момент невозможно ни нанести В.Путину политическое поражение в ходе формальных выборов главы государства, ни сместить его путем теневых договоренностей в правящей верхушке. Но, очевидно, что подобная перспектива – вопрос времени и усиления нарастающей изоляции со стороны ближнего круга.

Заключая сказанное, следует отметить, что в России пока не сложилась совокупность объективных и субъективных условий, как внешних, так и внутренних, для появления политического лидера современного, демократического типа. Поэтому соответствующие ожидания являются преждевременными. Однако, вопреки многочисленным и зачастую справедливым упрекам в адрес российской системы лидерского комплектования, она, в целом, отвечает потребностям текущего исторического периода, состоянию правящего режима и социальных структур.

Основная проблема заключается в том, что ее механизмы не приспособлены, да и не стимулируют своевременную смену главы государства в моменты, когда состояние его личных качеств и способностей явно не соответствует содержанию выполняемых функционально-ролевых нагрузок. Как правило, процессы смены лидеров затягиваются долее необходимого, что оборачивается стойкими расстройствами в функционировании государственной власти. Поэтому необходимо скорейшее ограничение сроков фактического лидерства.

Перспективы

Наиболее нежелательным вариантом стало бы *«сваливание»* страны в полномасштабный кризис, сопровождающийся спонтанным изменением архитектуры правящего режима и состава его руководства, к чему подталкивает несистемная оппозиция. Это позволило бы не дожидаться завершения процессов эволюционного развития политических и социальных структур, а также сба-

лансированного обновления поколений правящей элиты. Вожаки *«новой генерации»* гипотетически получат шанс обрести власть за счет привлечения на свою сторону протестного потенциала, позволив правящему классу обнулить ответственность за прежний политический курс.

Именно на это направлена и стратегия внешнего давления и санкций со стороны западных партнеров, а также всемерная поддержка оппозиционных В.Путину политических сил. Однако подобные действия, скорее, влекут обратный эффект, стимулируя в обществе *«провластные, государственнические»* настроения и поддержку жесткого, авторитарного стиля политического лидерства. Умело направляемая сверху под угрозой внешнего врага консолидация общества вокруг фигуры В.Путина делает маловероятной реализацию данной альтернативы в ближайшем будущем.

Более реальные, но отдаленные перспективы связаны со сменой нынешнего поколения правящей элиты, интеграцией протестной контрэлиты во властные структуры, восстановлением открытых практик внутриэлитного согласования кандидатур на пост главы государства. В этом случае ожидаемо появление лидера с иной, нежели у представителей сегодняшней правящей когорты историей политической социализации. Выходца из среднего (креативного) класса, получившего как российское, так и западное образование, обладающего разветвленной сетью социальных и политических связей. Личности, приобретшей опыт и на государственной службе, и в бизнесе, и в публичной политике, для которой ценности будущего органично сочетаются с инструментальностью настоящего. Но для перехода к западно-ориентированной (демократической) модели лидерского комплектования и ее укоренения необходимо существенное изменение социокультурных параметров общества, а также паттернов деятельности политической элиты.

Таким образом, наиболее вероятным сценарием на ближайшую перспективу остается появление из тени В.Путина *«череды»* взращенных под его крылом и по традиционным *«лекалам»*, трудноразличимых и политически невыразительных преемников. К сожалению, политическое и экономическое давление западного сообщества оттолкнуло большинство социальных групп от политических сил и лидеров либеральной, демократической ориентации, программы и деятельность которых воспринимаются как откровенно прозападные и антироссийские. Высокая степень консолидации политических сил также способствует сокращению разнообразия представленных избирателю лидерских типов.

Перспективы участия В.Путина в очередных президентских выборах в значительной степени будут зависеть от сложившейся к тому моменту обстановки, в частности, от состояния созданного политического режима, а также избираемости предпочтительных для него кандидатов. Если в 2018-м сохраниться ситуация, угрожающая интересам страны, то В.Путин, вероятнее всего, не решится, да ему и не позволят как 2008-м году, оставить власть. Подобный шаг явно не соответствовал бы его чувству долга, пониманию должного для лидера, нравственным установкам не отступать перед трудностями и не отказываться от выданных им обязательств, пусть даже такой шаг и снял бы множество суще-

ствующих проблем. Однако в любом случае В.Путину придется на достаточно продолжительный период *«задержаться»* в сфере российской политики, пока его наследник не овладеет рычагами верховной власти и не приобретет статус общенационального политического лидера.

Список литературы

[1] *Блондель Ж.* Политическое лидерство // Психология и психоанализ власти. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.

[2] *Дилигенский Г.Г.* Психологические аспекты политического лидерства// Психология и психоанализ власти. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.

[3] *Цуладзе А.* Политический лидер в условиях кризиса// Психология и психоанализ власти. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.

[4] *O'Donnel G., SchmitterPh.C., Whitehead L.* Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusion about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

IX. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПЛАНИРОВАНИЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КАК НЕОБХОДИМАЯ МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Ведута Е.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье исследуются альтернативные модели стратегического планирования, реализованные на практике: стратегическое планирование экономики в СССР и современное стратегическое планирование в условиях глобального управления. Выявляются принципиальные ошибки в методологии планирования в СССР и обосновывается неизбежность возрастания угроз безопасности государства в условиях современной модели глобального управления. Доказывается, что для безопасности государства требуется переход от монетарных и институциональных методов государственного вмешательства в экономику к планированию производственных взаимосвязей, обеспечивающему максимальный устойчивый рост качества жизни за счет внедрения эффективных технологических способов производства.*

1. Планирование национальной экономики в СССР. Планирование в СССР базировалось на отраслевых проектировках. Фактически декларировался курс развития экономики (электрификация, индустриализация, химизация и т.д.) и определялись приоритетные отрасли экономики (*«точки роста»*). Исходным пунктом планирования являлись плановые задания по увеличению выпуска развитию приоритетных отраслей, (например, отраслей военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства, металлургии и машиностроения и др.). Выбор исходного пункта осуществлялся с учетом анализа сложившихся тенденций и долгосрочных прогнозов экономического развития, целей планового развития. Выбранный курс развития экономики обеспечивался приоритетным направлением капитальных вложений на развитие соответствующих отраслей.

Основной формой планирования был пятилетний план, что было обусловлено сроками сооружения крупных предприятий, освоения природных месторождений, создания производственной и социальной инфраструктуры, подготовки специалистов. В основу формирования первых пятилетних планов были положены проектировки развития ключевых отраслей тяжелой и оборонной промышленности. Этот метод еще называли методом выбора главного или ключевого звена. Сегодня его называют программно-целевым методом. Исходя из целей пятилетних планов разрабатывались годовые планы и корректировки планов с учетом хода выполнения.

* *Ведута Елена Николаевна*, зав. кафедрой стратегического планирования и экономической политики, д.э.н., профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Процесс составления плана начинали с макрорасчетов – прогнозирования темпов экономического роста и макроэкономических пропорций, базировавшегося на экспертных оценках с учетом сложившихся тенденций развития. С учетом проведенного анализа, выбранного курса развития страны и отраслевых проектировок приоритетных отраслей определяли ориентировочные размеры капитальных вложений и их предварительное распределение по отраслям народного хозяйства.

Для обеспечения планового выпуска приоритетных отраслей специалисты данных отраслей, знающие производственные резервы и тенденции технического прогресса в данной отрасли, рассчитывали требуемые ресурсы, которые становились заданиями по выпускам для смежных отраслей и т.д. В соответствии с плановыми заданиями ориентировочно распределялись производственных инвестиций между отраслями. Поскольку все отрасли взаимосвязаны (то, что для одной отрасли является ресурсом, для другой отрасли – заданием по выпуску и т.д.), то составление сбалансированного плана представляет собой итеративный процесс согласования плановых расчетов на макроуровне с отраслевыми и внутриотраслевыми проектировками. Этот расчет плана получил название метода последовательных приближений к окончательному результату.

Итеративная процедура составления плана может быть представлена в виде алгоритма:

1. Определение исходного пункта планирования – выбор приоритетных (ключевых) отраслей и проектных заданий по выпуску их продукции.
2. Определение ориентировочных ресурсов капитальных вложений и возможностей их роста в плановом периоде на основе анализа макроэкономических пропорций.
3. Распределение капитальных вложений по отраслям с учетом п.1.
4. Составление плановых материальных, трудовых и финансовых балансов ключевых отраслей с учетом п.2 и п.3. Одновременно определяются возможности расширения мощностей и числа занятых в каждой ключевой отрасли, роста производительности труда, снижения материальных затрат, т.е. выявляются все возможные ресурсы и резервы расширения производства в отраслях. В результате расчетов определяются потребности в поставках материальных ресурсов от смежных отраслей, в трудовых и финансовых ресурсах.
5. Аналогичные плановые расчеты, как в п.4, проводят все остальные отрасли народного хозяйства, определяющие в ходе расчетов требуемые объемы капвложений.
6. Если сумма всех отраслевых заявок на капитальные вложения совпадает с ее значением в п.2 в пределах заданной точности расчетов, то конец расчетов. В противном случае вносятся корректировки в п. 3.
7. Процесс расчетов пп.3–6 продолжается до тех пор, пока сумма всех отраслевых заявок на капитальные вложения не совпадет с ее значением в п.2 в пределах заданной точности расчетов.

8. Если это сделать невозможно, то осуществляется корректировка плановых заданий по выпуску приоритетных отраслей в п.1 и процесс расчетов пп.1–8 повторяется до тех пор, пока не будет получен сбалансированный план в пределах заданной точности расчетов.

В результате согласования плановых расчетов определяются контуры плана *«затраты-выпуск»* задания по выпуску отраслям и ограничения по используемым материальным, трудовым и финансовым ресурсам.

Расчет такого плана является трудоемким процессом, предполагающие внедрение IT. По этой причине в стране предпринимались попытки создания ОГАС, закончившиеся неудачей из-за отсутствия в основе этой системы модели – интегратора, которой является динамическая модель межотраслевого баланса (МОБ) [3].

Принципиальным недостатком системы планирования была ее ориентация на приоритеты отраслей ВПК в ущерб главной цели экономики – росту качества жизни. Действовавшая в СССР система планирования не обеспечивала рациональное использование огромных природных ресурсов для пропорционального развития экономики в направлении устойчивого роста качества жизни. Она нуждалась в принципиальном изменении.

2. Планирование экономики в условиях глобального управления. В 1991 году одновременно с развалом СССР был ликвидирован Госплан СССР и планирование национальной экономики на основе отраслевых проектировок. Экономическая политика России стала определяться требованиями Вашингтонского консенсуса, отражающего единую позицию международных финансовых центров, администрации США и их ведущих аналитических центров. Основными из требований были – приватизация государственной собственности и отказ от планирования национальной экономики.

Сбор экономической информации, ее анализ, прогнозирование, планирование бюджета, проведение денежно-кредитной политики и других видов экономической политики стали осуществляться в соответствии с требованиями международных стандартов, определяемых ООН, МВФ, Всемирным банком и другими международными организациями. Следуя новой экономической политике, Россия стала поставщиком сырья для глобальной экономики. Уровень жизни граждан России стал существенно зависеть от мировых цен на нефть.

Если следовать автору *«Капитала»* К. Маркса, то причины современного глобального кризиса, как и любого другого экономического кризиса, кроются, прежде всего, в диспропорциональности развития общественного воспроизводства – в стихийной координации связей производителей во времени и в пространстве. Разрыв в цепочке производственных взаимосвязей дает импульс к *«разбуханию»* кредитных отношений производителей и потребителей продукции. С одной стороны, они *«подогревают»* развитие производства, а, с другой стороны, способствуя раскручиванию различных форм фиктивного капитала для финансовых спекуляций, еще более усиливают диспропорциональность экономики. В ходе кризиса, сопровождаемого обесценением акций и других форм фиктивного капитала, ускоряется процесс концентрации и централиза-

ции действительного капитала – поглощение крупными капиталистами более мелких.

Вся история 20-го века, характеризующаяся господством транснациональных корпораций, находящихся в собственности мировой финансовой олигархии (МФО), подтвердила правильность выводов теории воспроизводства К. Маркса о неизбежности более затяжных и в то же время более грандиозных по масштабам потрясений, о чем свидетельствуют первая и вторая мировые войны.

После первой мировой войны инфляция, перераспределяющая доходы и собственность в пользу МФО, становится всеобщей и хронической. В преддверии войны, во время и после войны инфляция становится стремительной, затем она переходит в дефляцию – финансовую стабилизацию с низкими темпами инфляции.

Проведение экономической политики соответствует фазам цикла *«инфляция – дефляция»*, зависящим от состояния платежного баланса страны. Применительно к каждой фазе цикла используется свой инструментарий (см. табл. 1) [1, с. 54].

Приведенная схема трансформации экономической политики государств является универсальной для всех государств с рыночной экономикой. Инструментарий для запуска умеренной инфляции обосновал Кейнс [4], дефляции – Фридмен[5].

С точки зрения МВФ критической точкой для смены фаз циклического развития *«инфляция – дефляция»* является состояние платежного баланса. Когда он ухудшается и невозможно его улучшить в рамках действующей экономической политики, МВФ требует ее смены для перехода к другой фазе цикла. За дефляционной фазой наступает инфляционная фаза развития, которая может привести к военному разрешению кризиса.

В настоящее время планирование бюджетов в странах ЕС подчинено требованиям выполнения двух критериев – соотношения бюджетного дефицита к ВВП и государственного долга к ВВП. Для их выполнения страны ЕС вынуждены сокращать социальные расходы, повышать налоги, замораживать зарплату, что усиливает социальное расслоение. Для ЕС характерны низкие темпы экономического роста, рост безработицы и банкротство предприятий. Несостоятельность экономической политики ЕС выражается в начавшемся выходе стран из этого Союза (*«Brexit»* – British exit – такое название получил процесс выхода стран из ЕС).

Россия, стремящаяся следовать дефляционной политике, сталкивается с теми же проблемами, что и ЕС, но в более тяжелой форме. Причиной этого является то, что рубль, в отличие от евро, не служит резервной (ключевой) валютой, а также введение экономических санкций и падение цен на нефть в 2014 году. Россия вступила в длительную рецессию с ростом темпов инфляции. Имеет место характерные для дефляции низкие темпами роста ВВП и даже его снижение (2015 г.).

В этой связи в России все более популярной идеей становится переход к инфляционной фазе. Однако запуск инфляции не решает проблему диверси-

фикации экономики. Попытка реализовать идею *«точек роста»* посредством бессистемной финансовой поддержки высокотехнологичных, но, по сути, разрозненных проектов, не обеспечивает пропорциональное развитие экономики и не способствует развитию реального сектора – потребителя продукции высокотехнологичных отраслей. Аналогично бессистемная финансовая поддержка проектов (например, в рамках Программы развития Дальнего Востока) не решает задачу пропорционального развития регионов.

Таблица 1.

Трансформация стратегии государства в цикле «инфляция– дефляция»

Инфляция	**Дефляция**
Приоритеты – подъем экономики, структурная перестройка, уменьшение безработицы	Приоритеты – финансовая стабилизация, стабильность валютного курса
Инструментарий	
Расширение денежной массы в обращении за счет: – увеличения дефицитного финансирования в результате прямой эмиссии банкнот и покупки Центробанком ценных бумаг казначейства; – уменьшения учетной ставки, норм обязательных резервов и лимитирования кредитов; – девальвации национальной валюты	Сжатие денежной массы в обращении за счет: – уменьшения дефицитного финансирования в результате роста налогообложения и сокращения расходов; – роста учетной ставки, норм обязательных резервов и лимитирования кредитов, продажи государственных ценных бумаг коммерческим банкам на открытом рынке; – ревальвации национальной валюты
Результаты	
Выигрывают экспортеры, поскольку товары на внутреннем рынке покупаются по более дешевым ценам, а продаются на внешнем рынке за устойчивую валюту и обмениваются на большее количество обесцененной валюты. Реально проигрывают потребители импортных товаров; – рост производства и уменьшение безработицы; рост социальной дезинтеграции;	Выигрывают импортеры, поскольку покупка иностранной валюты для оплаты ввозимых товаров, становится дешевле. Реально проигрывают экспортеры, поскольку цены на их продукцию, выраженные в валютах других стран, становятся выше; – ухудшение инвестиционных возможностей банков, снижение темпов экономического роста, рост безработицы и социальной дезинтеграции;

Инфляция	Дефляция
Платежный баланс и критическая точка	
– ухудшение платежного баланса из-за оттока иностранных капиталов в страны с более высокими процентами, увеличения импорта и бремени долгов, выраженных в иностранной валюте; – расширение экспортного производства требует дополнительных капиталовложений, что из-за повышения импортных цен может снизить его конкурентоспособность, и начнут проигрывать экспортеры.	– улучшение платежного баланса в краткосрочной перспективе из-за притока иностранных инвестиций в связи с высокой учетной ставкой; – в долгосрочной перспективе необходимость выплаты более высоких процентов вызовет ухудшение платежного баланса.
В связи с ухудшением платежного баланса и *«перегревом»* экономики рекомендуется переход к дефляции для финансовой стабилизации в экономике.	В связи с ухудшением платежного баланса, снижением темпов экономического роста и ростом безработицы рекомендуется переход к инфляции для оживления экономики.

В законе о стратегическом планировании в РФ [11] проблема обеспечения пропорционального развития экономики не рассматривается. Объектом планирования, по сути, является документооборот. На автоматизацию управления документооборотом направлено внедрение современных IT.

С 2008 года по настоящее время рецессия характерна для всего мирового сообщества. Имеют место отрицательная динамика темпов роста мирового ВВП, беспрецедентный рост безработицы и денежной эмиссии резервных (ключевых) валют США, ЕС и Японии, совместно реализующих программы количественного смягчения (скрытой инфляции) [7]. Одновременно ужесточаются требования МВФ по реализации программ жесткой экономии странами экономической периферии.

Уже в 2010 году объем мирового фондового рынка превысил в совокупный годовой продукт в 10 раз, госдолг США превысил национальный ВВП, а в развитых странах Европы он приблизился к 90% ВВП [7].Продолжение ведущими странами всемирной инфляции, запущенной в первой мировой войне, и ужесточение требований жесткой экономии к другим странам (в их состав уже включаются Ирландия, Греция) означает продолжение перераспределения общего *«пирога»* в пользу МФО с усилением социальной дезинтеграции. Учитывая, что производство продукции сокращается, а рост безработицы и населения продолжается, то действующая глобальная модель экономики увеличивает риски военных конфликтов.

В эпоху стремительного развития глобализации, в т.ч. благодаря IT, возникли глобальные проблемы (экологическая безопасность, ядерные угрозы, энергетическая и продовольственная проблемы, международный терроризм и другие), требующие совместного решения МФО и государств. В этом смыс-

ле можно считать, существует система глобального управления, руководимая мировым правительством. В систему глобального управления входят:

- ведущие международные финансовые организации (МВФ, Всемирный банк и др.);
- международные межправительственные организации, прежде всего, ООН;
- крупные международные неправительственные организации как Бельдербергский *клуб,* координирующий действия МФО в области мировой политики, экономики и деятельности СМИ, Трехсторонняя Комиссия и Совет по Международным Отношениям; Римский клуб, Давосский форум и другие;
- крупные аналитические и информационные центры, формулирующие и реализующие сценарии и стратегии мирового и регионального развития.

Прогноз роста мировой экономики в 2016 году был снижен Всемирным банком до 2,4% по сравнению с прогнозируемыми в январе 2,9%. Такое снижение объясняется крайне низким уровнем роста экономики в сырьевых странах. В условиях замедленного роста мировая экономика сталкивается с геополитическими рисками и повсеместно нарастают опасения по поводу эффективности денежно-кредитной политики как средства стимулирования роста [8].

По мнению Президента Всемирного экономического форума, в Давосе, К. Шваба, мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, которая кардинально его изменит и затронет все социальные группы и профессии. Она как бы выходит из третьей революции, начавшейся в середине прошлого века, и связанной с электроникой и IT, автоматизировавшими управление производством. Но для этого этапа промышленной революции будет характерна высокая скорость разрушения рынков труда, когда роботы будут замещать живых людей, и одновременно углубление неравенства [10].

На заседании Бильдербергского клуба в Дрездене 2016 году появилось новое понятие *«прекариат»*, заменившее пролетариат. Прекарии – люди, не имеющие постоянной работы. Таких становится все больше и больше. Им предлагают только краткосрочные, легко прерываемые контракты. В планах собравшихся – упразднить средний и рабочий класс, сделать всех прекариями, поскольку это выгодно [12].

Однако, корни всех глобальных проблем лежат в экономике. Поэтому важнейшей целью мирового правительства должна стать такая организация мировой экономики с помощью IT, которая обеспечит выход цивилизации на траекторию культурного и научно-технического прогресса.

По мнению Президента Группы Всемирного банка Джим Ен Кима*, в условиях вялого роста мировой экономики исключительно важное значение имеет проведение национальной политики, способствующей ускорению экономического роста и улучшению жизни людей, пребывающих в крайней бедности* [9].

Вывод. Единственным выходом для цивилизации является ликвидация главной причины кризисного развития – диспропорциональности экономики. Поэтому возрастает роль экономической науки, способной предложить

новую модель планирования экономики, основанную на динамической модели МОБ/. Эта модель, представляет собой, по сути, итеративный процесс согласования плановых расчетов в направлении роста качества жизни за счет внедрения эффективных технологий. Внедрение динамической модели МОБ позволит эффективно использовать возможности современных IT для оптимизации управленческих решений и безопасности государства.

Список литературы

[1] *Ведута Е.Н.* Стратегия и экономическая политика государства. М.: ИНФРА-М, 2016.

[2] *Ведута Н.И.* Социально эффективная экономика. М.: РЭА имени Г.В. Плеханова, 1999.

[3] *Глушков В.М.* Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: *«Статистика»*, 1975.

[4] *Кейнс, Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / Пер. проф. Н.Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ, 2012.

[5] *Фридман М.* Основы монетаризма. М.: ТЕИС, 2002.

[6] *Ведута Е.Н.* Экономический кризис – кризис морали и экономических знаний. //СверХновая реальность. Вып. 8. Научно-популярный журнал. 2016. С. 10–16.

[7] *Veduta E.N., Gulyaev R.A.* The essence of fictitious capital and its role in the development of modern economic crisis. //Математичне моделювання в економіці. №3(4), липень-вересень. Міжнародний науковий журнал 2015, С. 55- 61.

[8] Всемирный банк. Доклад *«Перспективы мировой экономики»*, 7 июня 2016 – http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2016/06/07/world-bank-cuts-2016-global-growth-forecast. (дата обращения: 20.06.2016)

[9] *Джим Ен Ким.* Россия должна задать себе вопрос *«А что дальше»* //Коммерсант. 01.03.2013 – http://www.banki.ru/news/lenta/?id=4618937 (дата обращения: 20.06.2016).

[10] *Мануков С.* Четвертая промышленная революция в Давосе //Эксперт Онлан. 21.01.2016. – http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolyutsiya/ (дата обращения: 20.06.2016)

[11] Российская Федерация. **Федеральный закон от 28 июня 2014 г.** № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102354386

[12] *Шамир И.* Тайное мировое правительство: что делать с Россией и кого назначить Президентом США? //Комсомольская правда. 10.06.2016 –http://www.kp.ru/daily/26541.7/3557665/

РОЛЬ КЛАСТЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ

Кошкидько В.Г.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Статья посвящена анализу отечественного и зарубежного опыта использования кластеров при формировании стратегий социально-экономического развития регионов. Российская практика рассматривается на основе анализа деятельности Камского инновационного территориально-производственного кластера Республики Татарстан и Самарского инновационного территориального аэрокосмического кластера, включенных в перечень пилотных программ, утвержденных Правительством РФ.*

Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, включая образовательные и научно-исследовательские, действующих в определенной сфере, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. Кластерная концепции основана на формировании новых, сетевых форм взаимоотношений между хозяйствующими субъектами, а также органами государственного управления и бизнесом в форме государственно-частного партнерства. В результате этого ресурса реализуются конкурентные преимущества кластеров в развитии инноваций, человеческого капитала и совершенствовании маркетинга.

Кластеры способствуют развитию региональных и национальных экономик в силу следующих факторов:

- взаимосвязи внутри кластера ведут к появлению новых методов конкуренции, что способствует созданию инноваций;
- они создают условия для формирования региональных инновационных систем;
- кластеры выполняют роль *«точек роста»* внутреннего рынка и освоения международного, их наличие ускоряет процесс создания конкурентных преимуществ за счет совместных инвестиций в развитие технологий, в информацию, инфраструктуру, образование;
- создают спрос на специализированные материально-технические ресурсы и услуги, обеспечивают развитие аутсорсинга, способствуя развитию малого и среднего бизнеса в регионе;

* *Кошкидько Владимир Григорьевич*, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

– способствуют углублению специализации в кластере, его расширению, образованию новых субъектов бизнеса, что повышает доходность регионального производства, решает проблемы занятости населения и усиливает интеграционный потенциал региона;
– являются одной из форм обеспечения приграничного экономического сотрудничества, что способствует развитию приграничных территорий.

Особенностью кластеров, организованных по региональному принципу, являются уникальность внутренней среды, инфраструктуры, уровня макросистемы, присущих для данного региона, также возможности в реализации им конкурентных преимуществ за счет интеграции. Кластер выступает как стимул экономического развития, а его территориальная привязанность к региону – точка опоры для устойчивого развития кластера, имеющая важное значение при выборе приоритетных направлений для инвестирования в регионе, так как позволяет снизить риски неопределенности при оценке инвестиционных проектов. Региональный кластер – это устойчивое территориально-отраслевое партнерство предприятий и организаций, объединенных инновационной программой внедрения передовых технологий с целью повышения устойчивого развития региона и конкурентоспособности этих субъектов.

В зарубежных странах, начиная с 90-х годов XX в., активно шел процесс формирования национальных и региональных кластеров. По оценке экспертов, к настоящему времени кластеризацией охвачено около 50% экономик ведущих стран мира. В США кластерный подход положен в основу стратегии развития региональных экономик. Задача формирования и укрепления региональных инновационных кластеров поставлена в число важнейших национальных приоритетов. Характерным для американских кластеров является то, что их деятельность основана на принципах партнерства и ориентирована на коммерциализацию научно-исследовательской и экспериментальной деятельности. Через федеральную контрактную систему государство предоставляет корпорациям-подрядчикам, исполняющим программы научно-исследовательских работ, целый ряд льгот: безвозмездное использование принадлежащих государству промышленного оборудования и научных лабораторий; льготы при приобретении сырья и материалов из государственных фондов; налоговые льготы; досрочную амортизацию основных фондов; безвозмездную аренду государственной земельной собственности; субсидирование разработок компаний и т.д. Наиболее ярким примером регионального инновационного кластера США является *«Кремниевая долина»* в штате Калифорния. Для американских кластеров характерно активное участие штатов в развитии научных исследований, перевод части полномочий на региональный уровень. Всего в США в рамках кластеров работает более половины предприятий [5].

В Великобритании также активно формируются региональные кластеры. Стратегическое территориальное планирование инициируется правительством, оно осуществляет общую координацию и финансирование, а руководят проектами региональные и муниципальные власти, которые взаимодействуют с бизнесом, способствуя повышению уровня его конкурентоспособности. Одним из направлений регионального развития являются программы целевого

регулирования и стимулирования промышленных кластеров. Уже более 10 лет Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия и северо-восток Англии демонстрируют хорошие результаты в производстве автомобилей, электроники, химикатов и в некоторых более традиционных секторах, таких как производство продуктов питания и напитков, одежды и текстиля. Правительством создан фонд, который будет финансировать инновационные кластеры вокруг Эдинбурга, Оксфорда и в юго-восточной Англии преимущественно в биотехнологической сфере. В настоящее время активно развивается взаимодействие бизнеса с научными центрами и университетами, начинают действовать программы государственного финансирования исследований, результатом чего стал рост научных парков и агентств по передаче технологий.

Региональная кластерная политика во Франции базируется на *«Программе об устройстве и развитии территорий»*, в рамках которой были созданы структуры по управлению развитием регионов: Национальное агентство планирования, Агентство по инновациям и Фонд обустройства территорий. Разработаны и утверждены около 100 проектов программ развития регионов, объединенных системой производственных кластеров. На основе кооперации предприятий функционирует сетевая система, в которую входит более 30 крупнейших компаний и большое количество предприятий малого и среднего бизнеса. На основании закона об инновациях к процессу развития инновационного бизнеса подключены университеты и исследовательские центры. Все исследования в области инноваций выполняются по заказу Национального агентства планирования. Государственную поддержку получили более 60 кластеров, в том числе 16 инновационных. Закон предусматривает повышение мобильности научного персонала государственных исследовательских центров и предоставление им большей свободы в организации собственных компаний и оказании консультаций бизнес-структурам. Развитие кластеров осуществляется совместно местными властями и региональными структурами Министерства экономики, финансов и промышленности [7, с. 113].

Первоначально в Германии развитие региональных кластеров происходило без вмешательства государства. С начала 2000–х гг. правительство активно поддерживает кластерные инициативы, в первую очередь, проекты по созданию и развитию кластеров в сфере высоких технологий. Теперь участники инновационных кластеров получают поддержку не только из местных, но и из федеральных источников. Федеральное правительство оказывает поддержку в развитии региональных кластеров, управление их развитием оставляется за региональными властями, которые планируют кластерную стратегию с учетом особенностей, возможностей и перспектив каждого региона. Успешно функционируют на этой основе кластеры автомобилестроения в Баден-Вюртемберге, производства медицинской техники в Тутлингене, *«регион чипов»* вокруг Дрездена, биотехнологический кластер в регионе Берлин-Бранденбург. Государство оказывает поддержку (финансами и оборудованием), участвующим в кластерах исследовательским институтам. Исследовательские институты, чья цель заключается в передаче технологий, поддерживают тесную связь как с университетами, так и с промышленным сектором. Министерство образова-

ния и исследований Германии оказывает поддержку в международном обмене знаниями и ключевыми инновациями в таких отраслях, как здравоохранение, биотехнологии, информационные технологии, экология, транспорт.

В Канаде отсутствует единая концепция реализации кластерной политики на федеральном уровне. Роль правительства в этом направлении сводится к установлениям общих для экономики правил и предоставлению услуг, а реализация конкретных кластерных инициатив осуществляется администрациями провинций и муниципалитетов. В то же время кластерная стратегия является частью национальной инновационной стратегии страны. Координацию данной стратегии осуществляет Национальный исследовательский совет – ведущее федеральное агентство по научно-исследовательскому развитию. Им инициируются технологические кластерные инициативы. Кроме того, на федеральном уровне правительство Канады оказывает поддержку кластерам в осуществлении политики по привлечению инвестиций, в содействии в реализации продукции компаний на внешних рынках, регулировании рынка рабочей силы, инвестировании в перспективные научные исследования и разработки, создании образовательных программ, в защите интеллектуальной собственности и т.д. На уровне провинций кластерная политика получает активную поддержку в виде финансирования научных разработок, реализации образовательных программ, привлечении внешних инвестиций и оказании сопутствующих услуг. Ведущую роль здесь играют агентства регионального развития – управляющие компании при правительстве провинций. Наиболее существенна роль в реализации кластерной политики органов местного самоуправления. В их задачи входит широкий спектр вопросов – от создания образовательных программ до обновления всех ключевых инфраструктур для кластеров [4].

В Японии формирование региональных кластеров до недавнего времени осуществлялось исключительно при поддержке правительства, однако в настоящее время в этом процессе начинают активно участвовать и региональные власти. Им предоставляется возможность реализовать кластерные инициативы за счет собственных ресурсов, создавать венчурный бизнес и новые производства. Региональные кластеры становятся новой формой концентрации промышленности, в которой университеты, исследовательские институты и корпоративные кластеры активно кооперируются. Благодаря этому исследования и разработки компаний стали все более ориентироваться на коммерческий успех, упрощено регулирование заключения сделок с иностранными исследователями с целью стимулирования сотрудничества и обмена наработками с зарубежными университетами и исследовательскими институтами.

В созданных государством особых зонах регулирование заключения сделок с иностранными исследователями было упрощено с целью стимулирования сотрудничества и обмена данными с зарубежными университетами и исследовательскими институтами [7, с. 114]. В настоящее время в Японии действует программа *«Кластерная инициатива»*, стимулирующая развитие кластеров в 18-ти регионах страны. Содействие оказывается совместным проектам, в которых региональные университеты выступают в роли ядра кластеров, образованных сетью малых инновационных фирм и крупных промышленных компаний.

В Китае кластерная политика связана с формированием муниципальными властями с одобрения центрального правительства особых зон высокотехнологичных отраслей. Правительство также отбирает компании, которые пользуются льготами. Кроме того, оно всячески поощряет сотрудничество бизнеса и университетов, сознавая его важность в появлении собственных технологических инноваций. Пока успехов в организации такого сотрудничества добились лишь в нескольких отраслях, например, информационных и биотехнологиях, но этот опыт быстро распространяется и на другие области. В настоящее время в Китае функционирует примерно 60 высокотехнологичных зон, однако их рентабельность невысока и заметно различается от региона к региону. Поэтому своей главной задачей правительство считает устранение межрегиональных различий.

Выдающихся успехов в кластеризации экономики регионов добилась Италия, где в кластерах работают 43% занятых в промышленности, и производится более 30% объема национального экспорта. Полностью охвачены кластеризацией датская, финская, норвежская и шведская промышленность [4].

В России интерес к региональным кластерам возник вследствие успешных опытов развития индустриальных районов в тех странах, которые начали применять у себя кластерный подход. Актуальной задачей социально-экономического развития РФ является мобилизация потенциала территорий для обеспечения стабильных темпов роста экономики в рамках инновационной, социально-ориентированной модели развития. Одним из эффективных инструментов решения данной задачи является формирование региональных кластеров. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. в качестве одного из важнейших условий перехода к инновационному развитию рассматривается *«создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий»* [3].

В Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. среди основных целей инновационной политики регионов также рассматривается переход к принципам инновационной кластерной политики. Стимулирование создания кластеров в регионах становится одним из приоритетных направлений государственной региональной политики.

В 2010 г. Минэкономразвития России были разработаны *«Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации»*. В рекомендациях предполагалось, что органы исполнительной власти субъектов России и местного самоуправления будут выступать в качестве инициаторов формирования организаций развития кластеров, а также предоставлять субсидии на реализацию мероприятий по организационному развитию кластеров. При этом финансирование соответствующей деятельности может также поддерживаться из средств федерального бюджета, в том числе – в рамках реализации мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства [6].

Минэкономразвития России в рамках стимулирования малого бизнеса с 2010 г. на конкурсной основе выделяет субсидии на создание и развитие кла-

стерных центров в регионах. В 2012 г. Минэкономразвития по итогам проведения конкурсного отбора подготовило проект перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров.

В перечень вошли пилотные программы развития 25 территориальных кластеров. Количество кластеров, включенных в проект перечня, было ограничено с целью необходимости определения и отработки механизмов государственной поддержки кластеров на пилотных примерах, характеризующихся наибольшей проработанностью и потенциалом развития.

Программы развития инновационных территориальных кластеров предусматривают реализацию мероприятий по следующим основным направлениям: сектор исследований и разработок, система подготовки и повышения квалификации научных, инженерно-технических и управленческих кадров, производственный потенциал и производственная кооперация, инфраструктура кластера, его организационное развитие.

Рассмотрим подробнее два региональных кластера, входящих в перечень инновационных территориальных кластеров, которые являются лидерами в европейской части России и формируют инновационную стратегию развития регионов. Это Камский инновационный территориально-производственный кластер Республики Татарстан и Самарский авиакосмический кластер.

Камский инновационный территориально-производственный кластер включает городской округ Набережные Челны и пять муниципальных районов: Елабужский, Заинский, Менделеевский, Нижнекамский и Тукаевский. Отраслевая специализация кластера – нефтегазопереработка и нефтехимия, автомобилестроение. Объем промышленного производства в кластере составляет 667 млрд. рублей. Здесь производится около 40% синтетических каучуков России, 24% пластиков, каждый третий российский грузовой автомобиль и каждая третья шина.

Конкурентные преимущества кластера определяют выгодное экономико-географическое положение, выстроенные кооперационные связи и высокая степень локализации его участников (все крупнейшие предприятия расположены в радиусе 30 км). Высокую инвестиционную привлекательность кластера подтверждает тот факт, что здесь разместили бизнес такие известные мировые компании, как *«Даймлер»*, *«Форд»*, *«Роквул»*, *«Камминз»*, *«Цанрад Фабрик»*, *«Кейс Нью Холланд»*, *«Эр Ликид»*, *«Шнайдер Электрик»*, *«Митсубиши Фузо Трак энд Бус»*.

В кластере сосредоточен мощный инновационный потенциал, определяющий данную территорию в качестве точки роста не только Республики Татарстан, но и РФ в целом. Ключевые инвестиционные проекты кластера характеризуются своей уникальностью и высоким уровнем создания добавленной стоимости.

Так, единственный в Европе проект строительства инновационного комплекса нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов *«ТАНЕКО»* позволит обеспечить беспрецедентную глубину переработки нефти – 97,9% (для сравнения – глубина переработки нефти в России не превышает 80%, в США – 92–93%, в Европе – 85–90%, в Китае – 85%). Стоимость про-

екта – 162.3 млрд руб. Срок ввода – 2017 г. ОАО *«ТАИФ-НК»* приступило к производству дизельного топлива стандарта *«ЕВРО-5»*, а к 2016 г. запустит комплекс глубокой переработки тяжелых нефтяных остатков с глубиной переработки сырья до 97,9%. Стоимость проекта – 49 млрд руб. В 2015 г. начал работу комплекс *«Аммоний»* по углубленной переработке газа, производству метанола, аммиака и гранулированного карбамида. Это первый подобный проект в азотной промышленности России. Стоимость проекта – 45.2 млрд руб. ОАО *«Нижнекамскнефтехим»* приступил к реализации проекта строительства нового комплекса по производству этилена мощностью 1 млн т., полиэтилена – 600 тыс. т. и полипропилена – 370 тыс. т. в год. Стоимость проекта –98,3 млрд руб. Срок ввода – 2017 г.

Начато строительство крупнейшего в России и странах СНГ завода по производству и переработке углеродного волокна, не уступающего европейским аналогам (мощность 1-й линии – 1,5 тыс. тонн волокон в год). Реализация проекта позволит существенно увеличить долю отечественных композитных материалов на мировом рынке. Кама Кристалл Технолоджи» реализует инновационный проект по производству синтетического сапфира для электронной и авиационной промышленности, что позволит республике к 2014 г. стать одним из мировых лидеров на рынке синтетического сапфира.

ОАО *«КАМАЗ»* в сотрудничестве с Daimler в рамках стратегии развития до 2020 г. приступило к разработке автомобилей нового поколения, обладающих принципиально новыми техническими характеристиками и потребительскими свойствами. К 2020 г. планируется увеличить выпуск до 80 тыс. машинокомплектов. Стоимость проекта – 34,9 млрд руб.

На территории кластера функционируется мощный научно-образовательный комплекс, который обеспечивает промышленность кластера не только квалифицированными кадрами, но и передовыми инновационными разработками в области химии и нефтехимии, машиностроения. Здесь осуществляют деятельность крупнейшие университеты России – Казанский (Приволжский) федеральный университет, два национальных исследовательских – Казанский национальный исследовательский технологический университет и Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, которые через инновационную инфраструктуру эффективно осуществляют трансферт технологий в промышленное производство (в настоящее время реализуются более 100 совместных проектов предприятий и вузов – участников кластера). Активно работают Казанский научный центр РАН, АН Республики Татарстан, отраслевые НИИ. Среди основных направлений фундаментальных исследований – теория и методы извлечения нефти, создание парка пилотных и опытно-промышленных установок для разработки и внедрения технологических процессов нефтегазопереработки, нефтехимии, органической и физической химии, разработка технологии композиционных материалов и др.

Большое внимание на территории уделяется созданию необходимой для развития малого и среднего бизнеса инфраструктуры. Созданы и успешно функционируют камский индустриальный парк *«Мастер»*, технополис *«Химград»*, индустриальный парк *«Камские Поляны»* и IT-парк в г. Набережные Челны.

На территории кластера располагается особая экономическая зона *«Алабуга»*.

Реализация инвестиционных проектов развития камского кластера позволит к 2020 г. увеличить объем отгруженной продукции до 2 трлн рублей и размер созданной в кластере валовой добавленной стоимости – до 1,1 трлн рублей соответственно [2].

В Самарской области сформирован мощный инновационный территориальный аэрокосмический кластер, который объединяет ведущие предприятия в области ракетостроения, двигателестроения и производства авиационной техники. Здесь сконцентрирован полный цикл производства всего спектра авиакосмической техники. Сегодня предприятия кластера разрабатывают и производят космические летательные аппараты, авиационные и ракетные двигатели, агрегаты и комплектующие для авиационной техники, производится техническое обслуживание и ремонт воздушных судов и силовых агрегатов. Основу аэрокосмического кластера Самарской области составляют такие предприятия как ФГУП *«ГНПРКЦ «ЦСКБ-Прогресс»*, ОАО *«Кузнецов»*, ОАО *«Авиакор»*, ОАО *«Авиаагрегат»*, ОАО *«Агрегат»*, ОАО *«Гидроавтоматика»*, ОАО *«Завод авиационных подшипников»*, ФГУП НИИ *«Экран»*.

Научную деятельность кластера обеспечивают специализированные конструкторские бюро, научно-исследовательские и инновационно-внедренческие организации. Особое место среди них занимает Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет). На базе университета работает суперкомпьютерный центр *«Сергей Королев»* – единственный в России, специализирующийся в области авиаракетостроения, двигателестроения и космического машиностроения, а также Поволжский центр космической геоинформатики и Центр приёма космической информации.

Ракетно-космический сектор кластера представляет ФГУП ГНП РКЦ *«ЦСКБ – Прогресс»*. Это ведущее российское предприятие по разработке, производству и эксплуатации ракет-носителей среднего класса и автоматических космических аппаратов (всего запущено более 1770 ракетоносителей и 975 космических аппаратов). Для обеспечения запусков с космодрома *«Восточный»* пилотируемых, грузовых кораблей и автоматических космических аппаратов создается двухступенчатая ракета-носитель среднего класса повышенной грузоподъемности. На *«ЦСКБ-Прогресс»* организовано производство двухмоторного турбовинтового 10-местного самолета *«Рысачок»*. Самолет может эффективно использоваться для перевозки пассажиров и малых грузов. В рамках международной космической программы *«ЦСКБ – Прогресс»* является одним из участников проекта запусков с космодрома Куру в Гвиане ракеты *«Союз-СТ»*.

Ядром авиационного направления кластера является ОАО *«Авиакор»* – одно из крупнейших российских авиастроительных предприятий. Завод входит в холдинг *«Русские машины»*, который объединяет машиностроительные активы группы *«Базовый элемент»*. Основная сфера деятельности завода – строительство, ремонт и обслуживание самолетов Ту-154М и Ан-140–100. По своим характеристикам Ан-140–100 способен составить конкуренцию иностранным аналогам, которые не адаптированы к условиям низких температур и грунто-

вым взлетно-посадочным полосам аэродромов. В настоящее время три лайнера Ан-140–100 успешно эксплуатируется авиакомпанией *«Якутия»*.

Компания ОАО *«Кузнецов»* входит в структуру объединенной двигателестроительной корпорации. Предприятие является основным производителем двигателей для космических пилотируемых программ, стратегической авиации, газоперекачивающих станций, ТЭЦ. Концерн планирует производство модернизированного ракетного двигателя, подписаны соглашения с американскими компаниями по его установке на американской ракете-носителе *«Таурус-2»*. Намечены модернизация производства ракетного двигателя с переходом на новый модельный ряд по программе *«Русь»*, создание турбовентиляторного двигателя НК-65 для тяжёлой транспортной авиации. Совокупные ежегодные объемы производства предприятий-участников кластера составляют более 800 млн. евро. Совокупная численность персонала составляет порядка 50 тыс. человек, исследованиями и разработками занято более 21 тыс. человек[1].

Предприятия и организация аэрокосмического кластера реализуют приоритетные государственные задачи по обеспечению обороноспособности страны, подготовке высококвалифицированных кадров, трансферта технологий в другие сферы экономики.

Как показывает зарубежная и отечественная практика, кластерный подход, как инструмент регионального развития способен комплексно решать задачи реализации региональной стратегии, нацеленной на повышение конкурентоспособности региона и перехода на инновационную модель регионального развития.

Список литературы

[1] Агентство по привлечению инвестиций Самарской области. http://www.investinsamara.ru/api/ (дата обращения: 12.05.2016).

[2] Камский центр кластерного развития Республики Татарстан. http://www.kamaklaster.ru/rus/kitpk/ (дата обращения: 11.05.2016).

[3] Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. http://base.garant.ru/194365/ (дата обращения: 07.05.2016).

[4] *Ленчук Е.Б.*, *Власкин Г.А.* Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран. http://institutiones.com/strategies/1928-klasternyj-podxod-v-strategii-innovacionnogo-razvitiya-zarubezhnyx-stran.html (дата обращения: 05.05.2016).

[5] *Мантаева Э.И.*, *Куркудинова Е.В.* Мировой опыт кластерной модели развития // Управление экономическими системами. http://uecs.ru/uecs-38–382012/item/1085–2012–02–28–05–46–20?pop=1&tmpl=component&print=1 (дата обращения: 04.05.2016).

[6] Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах РФ. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113283 (дата обращения: 07.05.2016).

[7] *Порваткина М.В.* Зарубежный опыт формирования и развития региональных кластеров в экономически развитых странах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 12. С. 113.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сургуладзе В.Ш.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Современное положение Российской Федерации ставит перед властями страны задачи долгосрочного социально-экономического планирования. После принятия в 2014 году Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ на всех уровнях властной иерархии России интенсифицировалась работа по разработке документов стратегического планирования. В статье освещаются наиболее характерные проблемы, с которыми сталкиваются разработчики документов стратегического планирования в Российской Федерации.*

Экономический кризис, снижение мировых цен на энергоносители, введённые против Российской Федерации странами Запада санкции, снижение ВВП и стагфляция привели к необходимости интенсифицировать работу по реализации положений Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* не только в части дальнейшей разработки документов стратегического планирования и их взаимоувязывания между собой, но и в плане более отвечающего социально-экономическим реалиям России прогнозирования и составления государственных (муниципальных) программ.

В число основных задач, стоящих перед специалистами в области стратегического планирования входит разработка комплекса документов, согласованного с основным массивом законодательных правовых актов Российской Федерации в данной области; разработка документов субъекта, максимально отвечающих специфике региона, на территории которого они будут применяться; выявление ключевых показателей эффективности, отражающих достижение перспективного облика региона при реализации таких документов, которые позволили бы проводить мониторинг их выполнения и облегчали последующее обновление уже имеющихся и разработку новых документов стратегического планирования.

Анализ и решение проблем стратегического планирования на уровне субъектов Федерации и муниципальных образований представляются особенно важными, так как система государственного управления как правило демонстрирует свою неэффективность именно на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов, с которыми федеральные власти с большим трудом выстраивают отношения по координации действий в рассматриваемой области.

* *Сургуладзе Вахтанг Шотович*, к.филос.н., ведущий методолог компании *«Р.О.С.Т.У.»* по стратегическому планированию.

Исходя из анализа сложившейся практики, а также на основе оценок экспертного сообщества, в сфере деятельности по стратегическому государственному планированию в Российской Федерации можно выделить 4 группы проблем: 1) проблемы организации экспертной работы по разработке документов стратегического планирования, 2) проблемы, связанные с определением временного горизонта планирования, 3) проблемы реалистичности оценок и достижимости поставленных в документах стратегического планирования целей, 4) проблемы разработки системы сбалансированных ключевых показателей реализации документов стратегического планирования.

1. Проблемы организации экспертной работы по разработке документов стратегического планирования. В настоящее время при разработке документов стратегического планирования доминирует сетевой принцип привлечения экспертов. Широко применяются методы краудсорсинга и форсайтных методик [17] прогнозирования будущего. Это хорошо известные и полезные инструменты ситуационного анализа, которые не всегда равноценно применимы при стратегическом анализе и долгосрочном планировании. Разработка концептуального видения развития общества в этих условиях часто определяется не фактическим социально-экономическим положением страны и задачами его совершенствования и развития, а ценностными и идеологическими предпочтениями экспертных групп. Особенно наглядно эта проблема выступает на первый план при процедуре общественного обсуждения законопроектов документов стратегического планирования. В качестве примера можно привести резонанс, который приобрело общественное обсуждение проектов Основ государственной культурной политики[19], Стратегии государственной национальной политики [18], Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [14]. Подобные разгорающиеся в обществе дискуссии, связанные с разработкой документов стратегического планирования, непосредственно влияют на процесс работы над ними, не могут не воздействовать на принимающее решения экспертное сообщество, размывают научную основу разрабатываемых документов стратегического планирования в угоду сиюминутным тенденциям общественного мнения.

Между тем, в соответствии со ст. 11. 172-ФЗ *«О стратегическом планировании»* к разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации с учётом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне. На федеральном уровне в соответствии с п. 9. Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2015 года № 823 [11] разработка стратегии осуществляется Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с участниками разработки стратегии. Министерство экономического развития утверждает план разработки стратегии, предусматривающий в том числе общественное обсуждение проекта стратегии.

Другой трудностью взаимодействия на экспертном уровне при разработке стратегических документов и государственных программ является преодоление разрыва между научным сообществом (академические институты, ведущие вузы, сотрудники которых привлекаются к работе, профессорско-преподавательский состав) и экспертами научно-практических организаций, например подведомственных федеральным органам власти институтов и аналитических структур, в том числе коммерческих.

Положительной стороной привлечения большого количества экспертов является всестороннее рассмотрение вопроса, возможность выработки наиболее оптимальных решений, отрицательной – затягивание сроков разработки документов, сложность достижения консенсуса. В то же время на субфедеральном уровне достаточно часто отсутствуют соответствующие кадры, вследствие чего привлечение сторонних экспертов становится объективной необходимостью. Однако в последнем случае существуют риски того, что сторонние специалисты не смогут в должной степени учесть специфику конкретной территории. Вероятность подобного недопонимания местных особенностей часто имеет место в условиях, когда привлекаются зарубежные эксперты.

2. Временные рамки: проблемы определения горизонта планирования. В соответствии со ст. 3 172-ФЗ долгосрочный период – период, следующий за текущим годом, продолжительностью более шести лет. Однако действительно долгосрочные, стратегические оценки развития общества вряд ли могут отталкиваться от шестилетнего периода. Было бы целесообразно учесть в 172-ФЗ горизонты планирования на федеральном уровне в 50 и более лет, тем более, что при анализе уже имеющихся документов стратегического планирования и в соответствии с требованиями 172-ФЗ стратегии социально-экономического развития на федеральном уровне и уровне субъектов Федерации предполагают глубокое научное обоснование, зачастую затрагивающее глобальные тенденции социально-экономического развития.

Например, осмысление места и тенденций развития России в контексте общемировой ситуации представлено в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [1, ср. 5], Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [5]. Подобный анализ предполагает и всегда основывается на изучении более долгосрочных тенденций развития. Данный факт даёт основания говорить о целесообразности увеличения сроков стратегического планирования.

Расширение временных рамок стратегического планирования имеет прецеденты в зарубежной практике. При этом важно отметить, что долгосрочная стратегия развития общества и государства не должна быть детально расписана. Здесь уместно привести примеры из опыта КНР. Прежде всего известное завещание Дэн Сяопин, которое знаменитый реформатор оставил приемникам как руководство к действию в виде двух документов: указание из 24 иероглифов и разъяснение к ним из 12 иероглифов для высших должностных лиц государства [3, с. 466–468].

Длинный документ гласил: *«Внимательно наблюдай, защищай наши позиции, решай дела спокойно, скрывай наши потенциальные возможности и выжидай*

удобный случай, чтобы действовать, умей не высовываться, никогда не претендуй на лидерство» [3, с. 467]. Короткое разъяснение заключалось в следующем: *«Вражеские войска стоят за стенами. Они сильнее нас. Нам следует занимать в основном оборонительные позиции»* [3, с. 467].

В указанных строках чётко очерчивается стратегия действий последователей конфуцианской школы стратегического планирования, подчёркивающих ключевые руководящие идеи и цели своих социально-экономических и политических действий. Подобное стратегическое видение (хотя и ограниченное в силу специфики существования города-острова-государства горизонтом в 80 лет) на перспективу было характерно и для творца сингапурского экономического *«чуда»* Ли Куан Ю [6].

О практической неэффективности излишней детализации стратегических документов свидетельствует анализ Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [5], так как практически несостоятельными оказались многие сделанные в документе прогнозы изменения исходных условий и макроэкономических показателей инновационного развития экономики до 2020 г. [7] Из этого и других подобных примеров можно сделать вывод о том, что авторы Концепции придерживались оптимистического сценария развития событий.

Исторический опыт проведения социально-экономических реформ и модернизации общества свидетельствует о том, что целесообразно попытаться совместить выработанную западно-европейской практикой традицию планирования на среднесрочный период (от 3 до 6 лет включительно в соответствии со ст. 3 172-ФЗ) с китайской традицией социально-экономического анализа, основанного на исследовании долгосрочных (десятилетия, даже столетия) циклов общественного развития. Здесь уместно вспомнить хорошо известные пятилетнее планирование в СССР и четырёхлетнее планирование в национал-социалистической Германии. Сегодня по сходной модели строятся пятилетние планы КНР.

Наложение пятилетних циклов на более долгосрочные рамки планирования в 30, либо 50 лет позволяет решать практические насущные задачи социально-экономического развития страны, вписывая их в более сложную картину ожидаемого отдалённого будущего исходя из анализа долгосрочных, действительно стратегических параметров развития окружающей обстановки, как внутри страны, так и за её пределами, куда можно отнести уровень демографического давления, этно-культурные изменения, миграционные потоки, последствия изменения климата для экономики и человека, вопросы обеспеченности ресурсами и другие факторы.

3. Проблема реалистичности оценок и достижимости поставленных в документах государственного стратегического планирования целей. Стиль изложения документов стратегического планирования достаточно часто носит описательно-констатирующий характер, концентрируется на целях, но мало внимания уделяет методам их достижения. Это, разумеется, не отменяет практических мероприятий проводимых в рамках Федеральных целевых программ, государственных программ, планов мероприятий министерств и ведомств [18,

10, 16, 2], однако искажает ракурс рассмотрения стоящих перед обществом и государственной властью проблем.

Достаточно часто в стратегических документах встречаются утверждения, носящие общий характер, но не соответствующие общемировым тенденциям развития, когда самый лучший и передовой опыт рассматривается изолированно, в качестве единственного, тогда как в реальности тенденции глобального развития неоднозначны. Например, в Стратегии социально-экономического развития республики Татарстан, над которой работали, в том числе эксперты в области стратегического планирования международного консорциума, явно учитывается только передовой опыт самых развитых и успешных стран, который хочется перенять, но который далеко не всегда соответствует реалиям окружающего мира в целом и Татарстана в частности. В первом разделе данной Стратегии в первую очередь рассматривается положительный мировой опыт. Подобный подход предполагает перенесение этих тенденций на Республику Татарстан. Понятно желание авторов Стратегии перенять всё самое лучшее у окружающего мира, однако подобный односторонний подход далёк от объективности, затемняет потенциальные стоящие перед обществом и миром в целом проблемы. В этой связи важно отметить, что авторитетные организации, занимающиеся мониторингом происходящих в мире процессов, – ООН, Всемирный банк, Национальный разведывательный совет США [8, 21], институт World Watch [13] и другие, регулярно публикующие материалы о проблемах долгосрочного развития человечества структуры, значительное внимание уделяют нарастанию противоречий глобального развития, когда рост технологий и возможностей передовых стран мира с одной стороны, сопровождается глобальными диспропорциями в его развитии – с другой.

В этих условиях при разработке стратегических документов необходимо фокусироваться не только на возможностях, но и на угрозах социально-экономическому развитию и безопасности общества, разрабатывать стратегические документы, не ориентируясь исключительно на маркетинговый эффект, связанный с привлечением инвесторов, а руководствоваться и практическими соображениями, так как стратегические документы должны быть полезным руководством к действию, а не формальной методической рекомендацией, неприменимой на практике. Именно такой подход подразумевает классический, используемый при маркетинговых исследованиях SWOT- и PEST-анализ. Подобного подхода придерживались авторы Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года [15].

Другим примером комплексного, взвешенного и объективного подхода к оценке текущих обстоятельств развития мира является Концепция внешней политики Российской Федерации [4]. Данный документ характеризуется сжатым и всесторонним анализом окружающего мира и задач, стоящих перед Российской Федерацией во внешней политике, приоритетов России во взаимоотношениях с другими странами и механизмов позволяющих стране добиваться поставленных целей.

Поиск баланса между акцентом на целеполагание и акцентом на механизмы достижения поставленных целей в виде правильно сформулированных

и реалистичных, а значит достижимых задач – одна из важнейших проблем современного стратегического планирования.

4. Системы автоматизированного мониторинга и стратегического контроля ключевых показателей эффективности реализации документов государственного стратегического планирования**.** Важным инструментом решения проблем стратегического планирования в современных условиях являются автоматизированные системы мониторинга и оценки эффективности, которые позволяют систематизировать и организовать регулярный мониторинг и контроль за реализацией ключевых показателей эффективности, предусмотренных документами государственного стратегического планирования. Для каждого из указанных в документах стратегического планирования приоритетов могут быть разработаны ключевые показатели эффективности, которые отражают динамику его развития и могут использоваться при мониторинге и стратегическом контроле за реализацией документов стратегического планирования. В современных условиях при наличии продуманной автоматизированной системы оценки ключевых контролируемых показателей [22, 23], выделенных в соответствии с документами государственного стратегического планирования, возможно создание сбалансированной системы показателей [24, 25], которая позволяет проводить мониторинг комплексного состояния государства, экономики и общества, исходя из нормативных критериев, обеспечивающих возможность защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях современных стратегических вызовов и угроз.

В то же время, в силу того, что комплекс ныне действующих документов государственного стратегического планирования Российской Федерации характеризуется большим количеством несогласованных между собой показателей эффективности, при практической разработке и внедрении систем мониторинга и стратегического контроля ключевых показателей возникают значительные трудности не только на этапе их отбора, но и на этапе практического использования. В силу этого назрел вопрос о необходимости разработки системы сквозных показателей эффективности для всего комплекса документов государственного стратегического планирования.

У принимающих ключевые государственные управленческие решения лиц нет возможности вникать во все нюансы сложной системы интегрированных показателей. Это значит, что на уровне глав государств и правительств необходимо наличие системы ключевых показателей, которая отличалась бы достоверностью и наглядностью.

В условиях нехватки времени и занятости лиц, принимающих решения сложился многолетний опыт внедрения принципов сбалансированной системы показателей и ключевых показателей эффективности в стратегический менеджмент и маркетинг транснациональных корпораций, который привёл к формулированию принципа *«10/80/10»*, согласно которому для принятия эффективных управленческих решений организационная структура должна иметь около 10 ключевых показателей результативности, до 80 производственных показателей и 10 ключевых показателей эффективности [25].

В случае применения сбалансированной системы показателей к мониторингу, стратегическому контролю и оценке эффективности государственной

политики в области стратегического развития пропорции могут меняться, но принцип остаётся тем же – ключевые показатели не должны сбивать с толку людей, которым предстоит руководствоваться ими при принятии управленческих решений.

В то же время по вполне очевидным причинам отдельные успешные примеры внедрения механизмов мониторинга и осуществления стратегического контроля реализации документов государственного стратегического планирования на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов, а также крупных компаний только частично применимы к Российской Федерации в целом, так как федеральный уровень принятия управленческих решений сопряжён со значительно большим числом требующих анализа и оценки вызовов и угроз.

На федеральном уровне стратегического планирования важное место занимает проблема межведомственного согласования и координации стратегического контроля, обусловленная необходимостью координации действий между многочисленными органами государственной власти, как на федеральном, так и на субфедеральном уровне. Однако на сегодняшний день существуют эффективные варианты решения данной проблемы при помощи автоматизированных систем мониторинга ключевых показателей социально-экономического развития.

Мировой и российский опыт разработки комплексных автоматизированных систем в сфере управления финансами, экономикой и деятельностью организаций, а также опыт формирования и внедрения эффективной системы управления в регионах и муниципальных образованиях Российской Федерации свидетельствует о том, что использование современных технологий при государственном управлении может быть наиболее оптимальным инструментом мониторинга и оценки достижения прогнозных ориентиров и показателей эффективности государственной политики в области стратегического развития.

Автоматизированные системы контроля широко применяются при программно-целевом планировании бюджета, оценке эффективности государственных (муниципальных) программ, оценке эффективности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных (муниципальных) служащих.

Использование автоматизированных систем для анализа и контроля целевых показателей, указанных в документах стратегического планирования, позволяет:

- проводить регулярный мониторинг состояния ключевых показателей;
- автоматизировать процессы формирования и мониторинга реализации целей и задач стратегического социально-экономического развития;
- в режиме реального времени строить графики и диаграммы, позволяющие определять отклонения целевых показателей от нормативных значений;
- рассчитывать прогнозные показатели;
- постоянно учитывать ключевые показатели социально-экономического развития и состояния национальной безопасности при контроле реализации стратегического развития государства;

– устранить существующий в настоящее время разрыв между целями документов государственного стратегического планирования и их мониторингом и практической реализацией;
– осуществлять своевременное реагирование на изменения социально-экономического развития общества и состояния национальной безопасности, отражающиеся в мониторинге ключевых показателей.

Подобные автоматизированные системы мониторинга стратегического развития широко применяются в мировой практике и могут успешно использоваться федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

Список литературы

[1] Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ *«Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года»*. URL: http://pravo.tatarstan.ru/rus/gossov/zakon.htm/?npa_id=4431 (дата обращения: 25.05.2016).

[2] Информация об исполнении в I полугодии 2015 года плана мероприятий по реализации в 2014–2016 годах Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/detail.php?ID=703735&SECTION_ID=19330&t=sb (дата обращения: 30.05.2016).

[3] *Киссинджер Г.О.* Китае. М.: АСТ, 2015.

[4] Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 30.05.2016).

[5] Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской Федерации на период до 2020 года от 17 ноября 2008 № 1662-р. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009 (дата обращения: 30.05.2016).

[6] *Ли Куан Ю.* Сингапурская история: 1965–2000 гг.: из третьего мира – в первый. М.: МГИМО-Университет, 2010.

[7] *Медведев Д.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29.

[8] Мир после кризиса. 2025 год. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.

[9] Ответы на часто задаваемые вопросы по реализации Федерального Закона от 28 июня 2014 г. № 172 ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»*. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrateg/2015101201 (дата обращения: 30.05.2016).

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718. О федеральной целевой программе *«Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России* (*2014–2020 годы*)». URL: http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf 60 с. (дата обращения: 30.05.2016).

[11] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2015 года № 823 *«Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации»*. URL: http://government.ru/docs/all/103049/ (дата обращения: 30.05.2016).

[12] Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2015 г. № 1278 *«О федеральной информационной системе стратегического планирования и внесении изменений в Положение о государственной автоматизированной информационной системе «Управление»*. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/regulation/2015120301 (дата обращения: 30.05.2016).

[13] Состояние мира 1999. Доклад института Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу. М.: Весь мир, 2000.

[14] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р. URL: http://pravo.gov.ru/laws/acts/17/515054451088.html (дата обращения: 30.05.2016).

[15] Стратегия социально-экономического развития Томской области. Постановление от 26 марта 2015 г. № 2580 об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года. URL: http://www.investintomsk.com/files/doc/strategiya_ser_do_2030g.pdf (дата обращения: 30.05.2016).

[16] *Сургуладзе В.Ш.* Стратегическое государственное планирование и актуальные проблемы реализации государственной политики в области патриотического воспитания граждан в Российской Федерации // Патриотическое воспитание молодёжи в Российской Федерации: состояние, актуальные проблемы и направления развития. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2015. С. 163–180.

[17] *Третьяк В.П.* Территориальные форсайты: опыт проведения, ожидания граждан и власти. М.: Знание, 2015.

[18] Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 *«О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения: 30.05.2016).

[19] Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 *«Об утверждении основ государственной культурной политики»*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 30.05.2016).

[20] Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630/page/1 (дата обращения: 30.05.2016).

[21] Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council, 2012.

[22] *Каплан Р.С.*, *Нортон Дейвид П.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2010.

[23] *Parmenter D.* Key Performance Indicators for Government and Non Profit Agencies. New Jersey: Wiley and Sons, 2012.

[24] *Parmenter D.* Key Performance Indicators. Developing, Implementing, and Using Winning KPIs. Hoboken, New Jersey: Wiley & Sons, 2007.

[25] *Хоуп Дж.*, *Фрейзер Р.* За гранью бюджетирования. Как руководителям вырваться из ловушки ежегодных планов. М.: Вершина, 2007.

ТАКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Орлов С.Л.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Современная модель социально-экономического развития России в последние несколько лет складывается под воздействием глобальных вызовов и непредсказуемых политических обстоятельств. Это требует поиска новой тактической парадигмы и новых направлений источников системного стратегического развития. Такое вполне возможно и в нынешних условиях, в частности, может быть основано на исторических преобразованиях, начавшихся в субъектах Дальневосточного федерального округа. Не отвергая ранее сложившийся императив «европейского» направления взаимодействия, подобный тактический подход наряду с другими сопутствующими факторами может стать поворотным моментом в стратегическом развитии России на долгие годы и обеспечить упрочение её присутствия во всём азиатско-тихоокеанском регионе.*

В экономике России вот уже на протяжении десятков лет доминирующими факторами её благосостояния и драйверами поступательного развития являются природные энергоресурсы – нефть и газ, – а также продукты их переработки. И ничего постыдного, и тем более уничижительного, в этом абсолютно нет, наоборот, присутствует гордость за необъятные просторы и огромный ресурсный потенциал нашего государства. имея крупнейшие в мире запасы энергоресурсов, мы и впредь останемся ведущим экспортёром-донором для мировой экономики. Это вопрос не только экономический, но и политический. Поэтому резко повернуть вектор развития и максимально уйти от энергетической составляющей нам будет просто невозможно. Думается, независимо от складывающихся мировых цен нефтегазовая прослойка в ВВП и доходах консолидированного бюджета всё равно будет весьма существенной, не менее 25–30 процентов, что вполне естественно для ведущей энергетической державы.

В этой связи экономика как сердцевина современной общественной системы и основа государственного управления на различных его уровнях в настоящее время требует безусловного перехода к системному стратегическому планированию в качестве основополагающей парадигмы на длительную перспективу. Основой этого процесса в России, кроме прогнозируемой на долгие годы мировой политической и экономической нестабильности, можно считать объективную необходимость построения современного механизма стратегического управления и планирования, способного усилить интеграционные про-

* *Орлов Сергей Леонидович*, д.э.н., профессор кафедры Таможенного дела и Евразийской интеграции РЭУ им. Г.В. Плеханова.

цессы в наднациональной системе недавно созданного Евразийского экономического союза.

В современной управленческой иерархии и в сложившейся модели глобального развития приоритет должен быть отдан именно планированию, в первую очередь, системному стратегическому и программно-целевому. От него берёт начало дальнейший ход всех процессов, поиск ресурсов, подбор и расстановка кадров исполнителей для решения конкретных социально-экономических задач, в том числе по упрочению складывающейся евразийской интеграции.

Успехи стратегического планирования в *«дорыночные»* годы вряд ли кто будет оспаривать, а ранее апробированный горизонт формирования прогноза во временном лаге двенадцати и более лет ныне взят за основу при разработке перспектив развития важнейших стратегических и наиболее затратных отраслей и народнохозяйственных комплексов [3]. Причём особое место уделено комплексному системному подходу на этапе разработки планов.

Трансформация современного вектора управления и объективность перехода к принципам стратегического планирования на основе системного подхода, на наш взгляд, удачно подмечены Г.Клейнером в статье *«Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории»* [8, с.с.117–138]. Так, в упомянутой статье Г. Клейнер справедливо отмечает, что *«рассмотрение экономических систем с точки зрения их локализации в пространственно-временном экономическом континууме создаёт предпосылки для учёта как общеэкономических закономерностей, так и территориально или темпорально* (*во времени*) *специфических* (*в том числе исторических особенностей*)*»* [8,с.118]. Принцип локализации, о котором упоминает известный экономист, на наш взгляд, гораздо продуктивнее рассмотреть через призму тактических направлений деятельности Правительства России и Центробанка, которые должны обеспечить относительно поступательное решение текущих задач и, по возможности, плавно перейти к осуществлению стратегических замыслов. Решение современных первоочередных проблем упрочит внутриполитическую и социальную базу стратегического планирования.

В этой связи усилия всего экономического блока должны быть направлены на решение следующих важнейших задач:

- концентрация ресурсов консолидированного бюджета на исполнение стратегически значимых госпрограмм, ФЦП и проектов, в том числе с государственно-частным партнёрством;
- временое включение механизма т.н. *«ручного управления»*, в первую очередь для обеспечения финансовой поддержки экспортоориентированных производств с высокой добавленной стоимостью и градообразующих предприятий, предоставляемую в оптимальных размерах и на строго целевой основе. Речь идёт о реальном секторе экономики, сердцевиной которого является машиностроение и металлообработка;
- объективный мониторинг процессов в социальной сфере и постоянный контроль динамики бедности, в первую очередь на региональном уровне. В условиях продолжающегося кризиса

– социальная стабильность должна служить прочным фундаментом для решения внутриэкономических задач. На этапе снижения реальных денежных доходов населения предлагаемый подход становится ещё более актуальным. Возрастающая диспропорция в уровне доходов между богатыми и бедными всегда *«ахиллесовой»* пятой практически каждого правительства в новой России. В настоящее время это усугубляется значительными различиями в размере доходов региональных бюджетов в сравнительно близком по численности населения кругу субъектов Российской Федерации. Так, между регионами в СКФО, с одной стороны, и Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами, с другой, доходная часть бюджетов различается в десятки раз.

Наиболее явственно сочетание тактического и стратегического векторов прослеживается в нынешних подходах государства к развитию Дальнего Востока. Именно здесь в настоящее время запущен важнейший социально-экономический манёвр в национальной модели тактического вектора стратегического планирования. Речь, конечно, не идёт о скоротечном решении проблем Дальневосточного макрорегиона. Здесь отрабатываеится модель будущего территориально-пространственного развития всей России.

Как известно, *«дальневосточный»* вектор развития экономики претерпел наиболее заметный спад ещё в 1990-х – начале 2000-х годов. И лишь в последние несколько лет ситуация кардинально изменилась: приняты государственная программа *«Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»* [4], а также новые федеральные целевые программы (ФЦП) и региональные подпрограммы [4]. Наконец, сранительно недавно научное сообщество и специалисты-практики ввели в обиход новое наименование – **территории опережающего социально-экономического развития.** В евразийский терминологический оборот подобное словосочетание также введено впервые.

В общих чертах, под территорией опережающего социально-экономического развития подразумевается определяемая Правительством РФ часть территории в границах соответствующего субъекта Дальневосточного федерального округа, на которой устанавливаются особые правовые режимы осуществления предпринимательской, таможенной и иной сопутствующей деятельности. В целом, данное понятие основано на уже апробированном на практике известном федеральном законодательном акте [6].

Подобная модель для внедрения на Дальнем Востоке разрабатывается впервые, и должна способствовать удовлетворению потребностей основных *«ячеек»* в современной общественной системе, т.е. населения, государства и бизнеса. Вместе с тем предполагается, что она сможет обеспечить противодействие временным внутриэкономическим и, особенно, внешним вызовам, имеющим зачастую политическую основу. Именно такой подход наблюдается в действиях ведущих западных стран по отношению к России, продолжающийся и поныне, и это накладывает определённый негативный эффект на развитие отдельных отраслей и секторов экономики, делает уязвимым выполнение поставленных задач в области социальной политики.

Сколь долго будет продолжаться подобное противостояние, неизвестно. Ясно лишь одно: в условиях крайней непредсказуемости современной мировой

геополитической системы, такой крупной экономике, каковой ныне является евразийская интеграция, необходимо, по возможности, иметь некий стратегический резерв в виде новых рынков и новых проектов для минимизации рисков и зависимости от внешнего воздействия. Эти рынки можно просматривать и с позиции углубления интеграционных начал с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь как дополнительный рынок для продвижения товаров и услуг.

Договор о Евразийском экономическом союзе [2] в совокупности с Федеральным законом от 28 июня 2014г., №172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* [3], на наш взгляд, формируют сейчас новое законодательное поле России. Одновременно на просторах страны продвигаются вглубь поистине революционные инициативы в стратегическом системном подходе по комплексному развитию отдельных территорий.

Главное тактическое отличие современных ТОР состоит в следующем. Если раньше при подготовке планов и прогнозов развития территорий и/или макрорегионов, включая *«советский»* период, речь шла, как правило, о формировании концепций или программ комплексного развития крупного, так сказать, *«многосубъектного»* образования, включающего несколько республик, краёв и областей, то в настоящее время за основу принят иной, скорее всего *«точечный»*, подход. Речь идёт о принятии к исполнению программы развития отдельных, сравнительно небольших, территорий, примыкающих к более крупным промышленным центрам, но имеющих в ближайшей перспективе собственное направление специализации.

В чём же особенности разработанного в конце 2014г. Минвостокразвития России Федерального закона №473-ФЗ *«О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»* [6] и некоторых других, более поздних законодательных актов [7]? Как известно, в общей методологической основе все эти документы опираются на Федеральный закон от 28 июня 2014г., №172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»*, а также на известный ранее Федеральный закон от 22 июля 2005г., №116-ФЗ *«Об особых экономических зонах в Российской Федерации»* [1]. Однако следует подчеркнуть, что идеология разработанных и уже применяемых на практике нормативно-правовых документов о новых территориях всё же носит иной, более развёрнутый и конкретный характер: она как бы спроектирована на другую пространственную систему.

Здесь применяются значительные льготы для бизнеса: по страховым платежам в социальные внебюджетные фонды, арендным ставкам, льготному подключению к объектам инфраструктуры, упрощённому порядку привлечения и использования иностранной рабочей силы и т.д. Таким образом, предусматривается создание не только самой ОЭЗ в прямом понимании, но и формирование индустриальных и технопарков, агропарков и, что особенно важно, мощной социальной инфраструктуры. Президент России в Ежегодном послании Федеральному Собранию в декабре 2015 года ещё раз подчеркнул особый статус Дальневосточного макрорегиона и его важнейшее значение для экономики России и всего ЕАЭС [5]. Причём, развивая территорию Дальнего Восто-

ка, образно говоря, ещё плотнее *«скрепляя»* её с Центром, Уралом и Сибирью, укрепляется и весь процесс евразийской интеграции.

Инновационная составляющая, заложенная в федеральных законах об особых экономических зонах[1] и о территориях опережающего социально-экономического развития [6], зачастую инициирует создание других подобных пространственных образований, имеющих важнейшее значение для стратегической парадигмы России. В марте 2016г. Минэкономразвития РФ представило общественности проект нового федерального закона *«О технологической долине»*[10], формируемого на базе МГУ имени М.В. Ломоносова, в котором просматривается общая модель построения дальневосточных ТОРов, адаптированных к потребностям прорывных секторов науки и/или производства для других регионов страны. С введением в действие указанного проекта закона чётко просматривается триединая система пространственного развития и вовлечения в деловой оборот целого ряда перспективных территорий России – локомотивов роста на основе использования совокупных преимуществ науки, технологии и производства. Начинаясь как бы с тактических проработок, указанная система, несомнено, имеет своей целью чёткую стратегическую направленость.

К ним, в частности, можно отнести особые экономические зоны (ОЭЗ) общего типа, функционирующие на протяжении последних десяти лет и нацеленные, главным образом, на развитие конкретных регионов, ранее имевших определённый статус – производственный или научный[1]. Ко второму уровню можно отнести территории опережающего развития, и это особый системообразующий мегапроект, с которым связываются прочные центростремительные тенденции в Дальневосточном макрорегионе, а в последующем – и в моногородах, и закрепление кадров на указанных территориях. И вот третий – прорывной инновационный уровень, – имеющий также особый федеральный законодательный статус и, следовательно, весомый патронаж со стороны государства. До недавнего времени, пожалуй, единственным представителем данного направления в России являлся инновационный центр *«Сколково»* [12], а сейчас – и научно-технологическая долина *«Воробьёвы горы»*, создаваемая на базе МГУ имени М.В. Ломоносова.

В тактическом плане важное значение для закрепления кадров на Дальнем Востоке будет иметь недавно принятый федеральный закон о т.н. *«дальневосточном гектаре»*. Переломить ситуацию, складывающуюся на протяжении длительного времени, могут лишь нестандартные подходы, каковой и является инициатива о безвозмездной передаче земельных участков каждому пожелавшему того жителю России[12]. Причём подобные инициативы необходимо внедрять ускоренными темпами. В совокупностью с другими новациями по стимулированию притока кадров в регионы Дальнего Востока, это должно уже в ближайшее время способствовать формированию центров инвестиций, новых технологий и человеческих ресурсов в формирующихся территориях опережающего развития. Таким образом, стратегия современной экономической модели имеет вполне осязаемую тактическую основу.

Список литературы

[1] Федеральный закон от 22 июля 2005г., №116-ФЗ *«Об особых экономических зонах в Российской Федерации»* (в ред. от 13.07.2015г.)//- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54559/ (дата обращения: 30.05.2016).

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. 08.05. 2015г.)// – http://www.consultant.ru/document/cons_doc-LAW_163855/ (дата обращения: 30.05.2016).

[3] Федеральный закон от 28 июня 2014г., №172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»*.// Российская газета, федеральный выпуск 6418(146), 2014, 3 июля//- http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok./ (дата обращения: 30.05.2016).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 г, №1950. Перечень Государственных программ Российской Федерации (в ред. от 28 апреля 2016г.) – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106979/ (дата обращения: 30.05.2016).

[5] Мы не имеем права быть уязвимыми. – Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию// Российская газета, федеральный выпуск, 6846, 2015, 4 декабря.-http://www.rg.ru/gazeta/ru/2015/12/04/html/ (дата обращения: 30.05.2016).

[6] Федеральный закон от 29 декабря 2014 года, №473-ФЗ *«О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»* (в ред. от 13.07.2015г.)// – http//www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 30.05.2016).

[7] Федеральный закон от 13 июля 2015года, №212-ФЗ *«О свободном порте Владивосток»* – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 30.05.2016).

[8] Г. Клейнер Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. // Вопросы экономики. 2016. №2. С.117–138.

[9] http://www.Minvostokrazvitia.ru. – сайт Минвостокразвития России, аналитические и информационные обзоры, размещённые в январе-марте 2016.

[10] Проект федерального закона *«О технологической долине»*// Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения, 4 марта 2016г. – http://www. Regulation.gov.ru/projects#npa=46810/ (дата обращения: 30.05.2016).

[11] Федеральный закон от 28 сентября 2010 года, №244-ФЗ *«Об инновационном центре «Сколково»* (в ред. от 29 июня 2015 г.) – http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_105168 (дата обращения: 30.05.2016).

[12] Федеральный закон от 1 мая 2016года, №119-ФЗ *«Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*.-http://www.garant.ru/hotlaw/federal/722924/ (дата обращения: 30.05.2016).

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ В ПРОЦЕССЕ НАСЫЩЕНИЯ РЫНКА И ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА. МОДЕЛЬ РАСЧЕТА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОВОКУПНОЙ СТОИМОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Гарин Е.В.*
(Россия, г.Томск)

Аннотация. *Предметом данной статьи является разрешение основного вопроса экономической науки – разрешение парадокса образования новой стоимости в процессе производства и рыночной реализации товаров. Разработана модель расчета совокупной стоимости товара по мере насыщения рынка, позволяющая анализировать совокупную стоимость национальной экономики и прогнозировать динамику ВВП.*

Парадокс образования новой стоимости в процессе производства и рыночной реализации товара порождает целый ряд парадоксов балансовой бухгалтерской отчетности: от возникновения прибыли от простого хранения товаров без их рыночной реализации до неизвестных причин возникновения добавленной стоимости в процессе производства, списания и амортизации. Если упростить логику возникновения парадокса образования новой стоимости, то она сводится к системе из двух уравнений:

$$\begin{cases} \text{товар} = \text{ресурсы} + \text{труд} \ (1) \\ \text{цена товара} > \text{цена ресурсов} + \text{цена труда} \ (2) \end{cases}$$

Последнее неравенство (2) можно изобразить в виде уравнения: прибыль = цена товара – издержки (2)

В этом случае первоначальная система приобретает канонический вид равенств, противоречащих друг другу при условии прибыль≠0:

$$\begin{cases} \text{товар} - (\text{ресурсы} + \text{труд}) = 0 \ (1) \\ \text{цена товара} - (\text{цена ресурсов} + \text{цена труда}) = \text{прибыль} (2) \end{cases}$$

Таким образом, сложение труда и ресурсов образуют по своей стоимости нечто большее, чем сумма первоначальной рыночной цены ресурсов и труда, чем нарушают формальную логику. Попытки разрешения парадокса возникновения новой стоимости порождают многообразие ныне существующих экономических теорий. По преемственности экономических идей можно формально выделить два основных пересекающихся и взаимосвязанных направления развития экономической науки порожденных

* *Гарин Евгений Викторович*, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, инженер отдела маркетинга научного управления.

работами Петти и Буагильбера, – Рис.1 *«Схема развития экономической науки»*.

У Петти, Смита, Рикардо понятие стоимости практически приравнивалось к понятию затрачиваемого труда, у Буагильбера и Сея эти понятия разделяются, но уже в Теории прибавочной стоимости Маркса[1] снова отождествляются друг с другом. Парадокс возникновения новой стоимости в процессе производства решается Марксом классическим способом решения системы неравенств – добавлением неизвестной. Этой добавленной неизвестной в политэкономии является, прибавочная стоимости – безвозмездно присвоенная часть труда рабочего:

$$\begin{cases} \text{товар} - (\text{ресурсы} + \text{труд}) = 0 \ (1) \\ \text{цена товара} - (\text{цена ресурсов} + \text{цена труда}) + \text{прибавочная стоимость} = \text{прибыль} (2) \end{cases}$$

Так как в теории прибавочной стоимости Маркса:

прибыль = прибавочная стоимость (3), то формально выполняется условие равенства(2):

цена продукта – (цена ресурсов + цена труда) +прибавочная стоимость – прибыль = 0(2)

Безвозмездное заимствование чужого труда присутствует в процессе производства, но введение этого понятия в экономическую теорию не объясняет всех парадоксов образования стоимости. Маркс в данном случае показывает пример изящного использования линейного программирования в решении системы неравенств. Но введение понятий прибавочной стоимости и прибавочного труда не разрешает парадокс образования новой стоимости, а порождает еще больше вопросов: Например, в случаях, когда в производстве различных товаров равные по стоимости издержки, а рыночная цена конечных товаров различна. Или возникновение прибили при хранении товаров на складе, когда ни какой работы не производиться, а прибыль возникает из-за рыночной конъюнктуры. Иными словами, становится ясно, что только трудовой теорией и теорией прибавочной стоимости не объяснить образование новой стоимости – что-то происходит с самой рыночной средой и эти изменения влияют на рыночную цену товаров.

Рис.1. Схема развития экономической науки [составлено автором]

Эти изменения рыночной среды призвана объяснить кембриджская теория ценообразования Маршалла[2]. В данном случае Маршалл идет по проторенной Марксом дороге классического решения системы неравенств путем введения дополнительной неизвестной – понятия добавленной стоимости. При этом добавленная стоимость рассматривается не как фиксированная цена, а как функция ценовой зависимости от спроса на товар и его предложения на рынке:

$$\begin{cases} \text{товар} - (\text{ресурсы} + \text{труд}) = 0 \quad (1) \\ \text{цена товара} - (\text{цена ресурсов} + \text{цена труда}) = \text{прибыль} \quad (2) \end{cases}$$

$$\text{прибыль} = \text{добавленная стоимость} + \text{прибавочная стоимость} \quad (4)$$

При этом труд и ресурсы так же рассматриваются как рыночные товары, а значит, их цены тоже колеблется в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке. А в конечном виде рыночная стоимость товара рассчитывается как сумма сложных функций:

φ(цена товара) = φ (цена ресурсов) + φ (цена труда) + φ (прибавочная стоимость) + φ (добавленная стоимость) (4)

Но у Закона спроса и предложения Маршалла слишком много исключений в виде товаров Гиффена, Веблина[3] и Лейбенстайна[4], ценовое рыночное поведение которых противоречит кембриджской теории ценообразования. При таком количестве исключений товары сложно классифицировать, так же сложно рассчитывать и прогнозировать их ценовое поведение. Снова возникает потребность в классификации товаров и непротиворечивом определении товара:

К.Маркс дает следующее определение товара в политэкономии[1,стр.13]:

«Товар есть, прежде всего, внешний предмет, вещь, которая, благодаря её свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, – порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего не изменяет в деле».

Маркс не описывает процесс генерации потребностей и таким образом дает определение товара в отрыве от самой рыночной среды. На вопрос о причинах возникновения потребностей и спроса рыночной среды на товар был призван ответить Маркетинг Котлера [5], являющийся логическим продолжением экономической психологии Гараи и гуманистической теории личности человека А.Маслоу.

Ф. Котлер развивает определение товара Маркса в *«Основах маркетинга»*[5,стр.49], в отрыве от вещественной конкретизации еще больше в определении товара акцентирует идею удовлетворения потребностей:

«Товар (продукт) – все, что может удовлетворить нужду или потребность и предлагается рынку с целью привлечения внимания, приобретения, использования или потребления. Это могут быть физические объекты, услуги, лица, места, организации и идеи».

Несмотря на то, что Котлер фактически повторяет Маркса [1] в определение товара как объекта удовлетворяющего потребности, сам товар рассматривается Котлером только в связке с рекламным предложением:

товар = продукт труда + реклама (5),

при этом товар рассматривается как способ удовлетворения потребностей, а реклама как способ генерации потребностей.

Эта идея еще более усилена в теории уникального торгового предложения (УТП) Россера Ривза[6]. Ривз классифицирует товары по трем группам: 1) УТП (уникальные товары), 2)товары массового пользования (ширпотреб, товары-субституты, или иначе товары Маршалла), 3) условные УПТ (ложные УТП). Условное УТП – это в первую очередь не сам товар, а некое уникальное торговое предложение не уникального товара на рынке. А это возможно, только если рассматривать товар как сложный вариативный набор:

товар = набор товаров + набор услуг + скидки + призы + реклама(6)

Логично, что чем больше слагаемых в уравнении (6), тем больше вариаций этого уравнения при наличии на рынке огромного количества совершенно одинаковых товаров, услуг и приемов манипулирования потребительским поведением. Вот эта вариативность уравнения (6) и превращает любой товар-субститут в ложное УТП.

Можно предположить, что маркетинговый (психологический) подход в теории ценообразования уводит экономическую науку к ложным постулатам, в которых сам продукт труда в процессе его производства не генерирует спрос, а значит и новая стоимость не появляется в процессе производства товара. Образование спроса на товар и образование новой стоимости происходит в маркетинговых теориях в момент рекламирования товара. То есть функция генерации спроса и образования новой стоимости полностью отделена от производства товар и зависит исключительно от работы по его продвижению-рекламированию, а роль производственных процессов в процессе извлечения прибыли сводится к минимизации издержек производства.

С одной стороны гипотезы маркетинга подкрепляются неопровержимыми фактами – реклама действительно провоцирует продажи и влияет на спрос. С другой стороны сплошь и рядом встречаются товары, рекламирование которых ни как не влияет на их спрос, а зачастую затраты на рекламу превышают прибыль с продаж товара, что приводит к убыткам. Эти факты доказывают, что реклама как таковая не генерирует спрос на товар и не влечет за собой образование новой стоимости. А значит модели определения товара в маркетинговых теориях не разрешают парадокс образования новой стоимости.

Все выше перечисленное приводит к формулировке проблемы теории образования стоимости в виде ее главного вопроса: Если образование новой стоимости напрямую зависит от процесса генерации потребительского спроса, то, что помимо рекламы влияет на образование спроса? Или иначе: Что такое спрос? И что такое товар?

Новое определение товара: Учитывая всю имеющуюся на сегодняшний момент теоретическую базу экономической науки и новые открытия в Мотивационной психологии [7] и Теории иерархичности потребностей [8], можно сформулировать новое определение товара:

«Товар это способ удовлетворения потребностей потребителей, который в свою очередь генерирует потребности, которые не может удовлетворить самостоятельно».

Примеры: Лист бумаги позволяет записывать на нем письменные тексты, но генерирует потребность в чернилах и заостренных перьях, как раньше требовался стилус для клинописи, и письму по бересте. Чернила генерируют у потребителя потребность в емкости для хранения чернил. Постоянно проливаясь и пачкая все вокруг чернилами, простые емкости потребовали изобретения *«непроливайки»*. Затем *«непроливайка»*, в процессе решения задачи минимизации емкости, переместилась в полость пера – и породила перьевые ручки. Но они работали только в правильном вертикальном положении. В процессе решения этой задачи (удовлетворения потребности конечного потребителя) были изобретены шариковые ручки, в которых шарик заменил перо, а полость для чернил минимизировалась настолько, что смогла использовать капиллярный эффект. Процессы компьютеризации в настоящее время ведут к активной замене шариковых ручек с чернилами на стилусы к мобильным устройствам – иными словами, параллельно идущий цикл развития носителей информации привел к возврату первоначального давно ушедшего с рынка товара и таким образом рекурсивному замыканию цикла развития этой линейки товаров.

Разрешение парадокса образования новой стоимости: Таким образом, все товары на рынке выстраиваются в длинные преемственные цепочки генерации и удовлетворения потребностей: потребность$_1$ → товар$_1$ (удовлетворяет потребность$_1$ + генерирует потрбеность$_2$) → товар$_2$ (удовлетворяет потребность$_2$ + генерирует потрбеность$_3$) → ... → товар$_n$ (удовлетворяет потребность$_n$ + генерирует потребность$_{n+1}$) → потребность$_{n+1}$

В конце эволюционной цепочки потребность$_{n+1}$ остается всегда неудовлетворенной. Эта неудовлетворенная потребность$_{n+1}$ постепенно растет в обществе по мере насыщения рынка товаром$_n$, удовлетворяющим потребность$_n$, и выводит рынок (все общество в целом либо отдельные его группы) из состояния равновесия и таким образом провоцирует на создание нового инновационного товара$_{n+1}$, способного удовлетворить потребность$_{n+1}$.

Эти цепочки генерации-удовлетворения потребностей могут представлять собой и сложные разветвленные деревья, а могут даже рекурсивно зацикливаться на самих себя. Как раз такой сложный случай рекурсивной связи между различными отраслями народного хозяйства рассматривается в МОБ В.В. Леонтьева [9].

Исходя из этого вывода первоначально поставленная теорий ценообразования задача разрешения противоречия в системе уравнений:

$$\begin{cases} \text{товар} = \text{ресурсы} + \text{труд} \ (1) \\ \text{цена товара} > \text{цена ресурсов} + \text{цена труда} \ (2) \end{cases}$$

в принципе не может иметь решения, так как в данной системе уравнений нет предшествующего товара, сгенерировавшего потребность (спрос) на товар в уравнении. Решение у данной системы уравнений есть только в том случае, если внести в нее все товары эволюционного ряда:

$$\begin{cases} \text{товар}_1 = \text{ресурсы}_1 + \text{труд}_1 \\ \text{издержки}_1 = \text{цена ресурсов}_1 + \text{цена труда}_1 \\ \text{цена товара}_1 = \mathbf{\varphi_1(\text{степень неудовлетворенности потребности}_1)(7)} \\ \begin{cases} \text{товар}_2 = \text{ресурсы}_2 + \text{труд}_2 \\ \text{издержки}_2 = \text{цена ресурсов}_2 + \text{цена труда}_2 \\ \text{издержки}_2 = \mathbf{\varphi_{2.1}(\text{степень неудовлетворенности потребности}_2) = \varphi_{2.2}(\text{степень насыщения рынка товаром}_1)\ (7)} \end{cases} \\ \mathbf{\ldots} \\ \begin{cases} \text{товар}_n = \mathbf{\text{ресурсы}_n + \text{труд}_n} \\ \text{издержки}_n = \mathbf{\text{цена ресурсов}_n} + \text{цена труда}_n \\ \text{цена товара}_n = \mathbf{\varphi_{n.1}(\text{степень неудовлетворенности потребн}_n) = \varphi_{n.2}(\text{степень насыщения рынка товаром}_{n-1})(7)} \end{cases} \\ \begin{cases} \text{товар}_{n+1} = \mathbf{0} \\ \text{издержки}_{n+1} = \mathbf{\text{цена ресурсов}_{n+1}} + \text{цена труда}_{n+1} \\ \text{цена товара}_{n+1} = \mathbf{\varphi_{(n+1).1}(\text{степень неудовлетворенности потребн}_{N+1}) = \varphi_{(n+1).2}(\text{степень насыщения рынка товаром}_n)(7)} \end{cases} \end{cases}$$

В данной системе уравнений изначально предусматривается, что: *издержки ≠ цена товара*, и по этому: *прибыль = цена товара – издержки* ≠0(2), *товар* $_1$ –

удовлетворяет какую-либо из ряда врожденных потребностей (*потребность*$_1$), и генерирует новую приобретенную *потрбеность*$_2$, которую удовлетворяет следующий в эволюционному ряду *товар*$_2$ и.т.д. вплоть до возникновения *потребности*$_{n+1}$, которую должен удовлетворять *товар*$_{n+1}$. При этом *товар*$_{n+1}$ еще не существует на рынке, поэтому невозможно определить, какой *труд*$_{n+1}$ и какие *ресурсы*$_{n+1}$ требуются для его производства, а вот *потребность*$_{n+1}$ с большой долей вероятности уже сгенерирована предыдущим товаром$_n$, и чем больше насыщение рынка товаром$_n$, тем больше в обществе ощущается неудовлетворенность *потребности*$_{n+1}$.

Решая эту систему уравнений только для одной эволюционной цепочки видно, что цена товара$_1$ фактически зависит только от количества *товара*$_1$, так как спрос на него является постоянной величиной из-за врожденности *потребности*$_1$, порождающей товара$_1$. *Цена товара*$_2$ зависит уже от *количества товара*$_1$ и количества товара$_2$, цена товара$_3$ зависит уже от количества товара$_1$, товара$_2$, и *товара*$_3$, ...следовательно, *цена товара*$_n$ зависит от *количества товара*$_n$ и количества всех предшествующих в эволюционной линейке товаров, участвующих в удовлетворении имеющихся в социуме потребностей.

При этом если в Законе спроса и предложения Маршалла рыночная цена товара зависит от его количественного предложения на рынке, то в Теории образования и переноса стоимости[10] на совокупную рыночную стоимость всех товаров$_n$ влияет степень насыщения рынка предшествующим товаром$_{n-1}$. А стоимость отдельной единицы товара рассчитывается по сложной математической модели, – Рис.2, разработке которой посвящено отдельное исследование автора [11]:

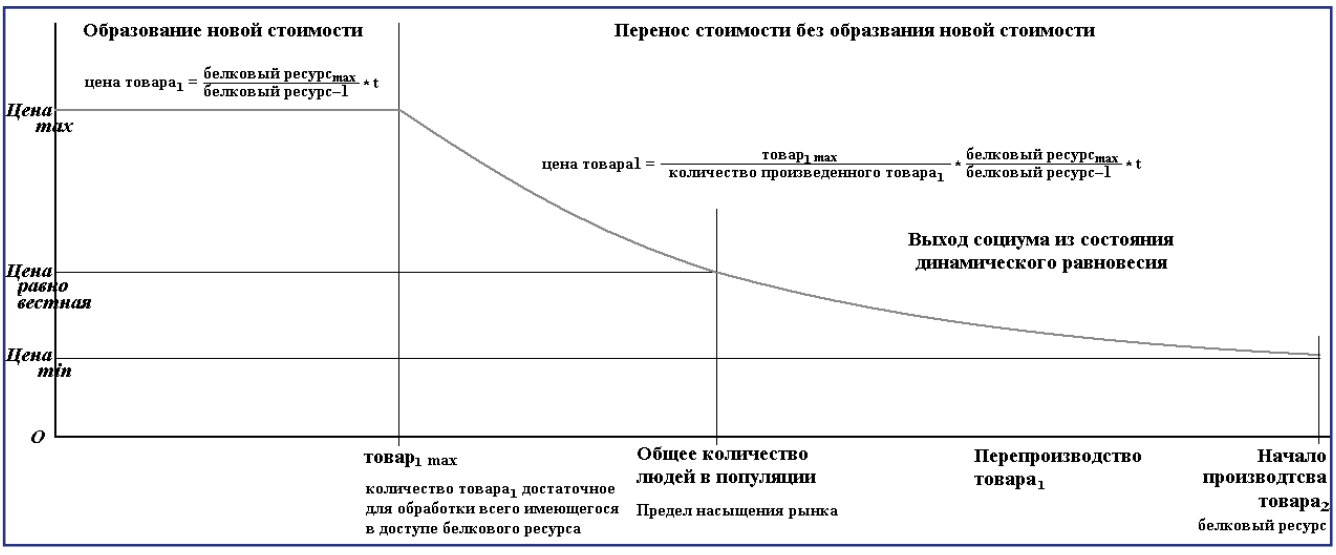


Рис.2. Модель расчета стоимости товара [11]

Из рисунка 1 видно, что в процессе изготовления товара$_1$ в определенный момент насыщения рынка новая стоимость не возникает, а происходит перенос стоимости с ранее произведенных товаров$_1$ на вновь созданные товары$_1$. Возникает феномен инфляции рыночной цены товара (тоже самый процесс, который можно наблюдать при бесконтрольной денежной эмиссии).

Даже после достижения количества товар равного общему количеству потребителей его производство не прекращается. С ростом количества произ-

веденного товар его рыночная цена постепенно снижается, но никогда окончательно не опускается до 0. Так как суммарная стоимость произведенного товара находится из простого произведения количества произведенного товара на его рыночную цену, то из рисунка 1 становится очевидным, что общая суммарная стоимость всех произведенных товаров после определенного предела остается неизменной (общая стоимости товара$_1$ = const).

Если рассматривать этот процесс (Рис.1) с точки зрения расчета суммарной стоимости экономики (стоимости произведенных товаров), то этап производства от 0 до количества товара$_{1max}$ можно охарактеризовать как рост экономики (Рост ВВП). Производство товара$_1$ начиная с количества товара$_{1max}$ характеризуется уже как избыточное для всей экономики в целом, и так как издержки производства по стоимости незначительны по сравнению с вновь образованной от производства товара$_{1max}$ стоимостью, то в целом этот этап можно охарактеризовать как стабилизацию экономики на определенном уровне (Стабилизация ВВП). Про этом производство товар$_1$ для отдельно взятого производителя все еще прибыльно, так как извлекается прибыль, в данном случае не за счет образования новой стоимости, а за счет ее перераспределения между вновь произведенной единицей товара$_1$ и всеми ранее произведенными товарами$_1$. Производство и перераспределение стоимости продолжается вплоть до производства товара до уровня количества равного количеству потребителей. В тот момент когда все люди в популяции обладают товаром$_1$ достигается предел насыщения рынка. Дальнейшее производство товара$_1$ бессмысленно как для экономики так и для отдельного субъекта рынка и ведет к его перепроизводству, а все возрастающие издержки начинают влиять на экономику приводя ее к существенному спаду (Спад ВВП). Это касается и стратегии импортозамещения, которая приводит первоначально к кратковременному росту национального ВВП, но на длительном промежутке времени ведет к рецессии мировой и как следствие национальных экономик.

Усугубляется ситуация еще и тем, что перепроизводство не прекращается, а нарастает, так как перераспределение стоимости в силу просты своего механизма возможно и после насыщения и даже после перенасыщения рынка. При этом стоимость каждого отдельного товара$_1$ начинает резко уменьшаться. Субъекты рынка начинают производить и накапливать товар$_1$, с одной лишь целью борьбы с инфляцией стоимости накоплений.

Заключение: Поставленная в начале исследования задача разрешения парадокса образования новой стоимости полностью разрешена, доказаны ранее выдвинутые гипотезы:

1) В основе цикличности и необратимости развития рынка, постоянного поиска рынком равновесных состояний лежит свойство неудовлетворимости врожденных потребностей и постоянно порождаемых в цепочке удовлетворения-генерации новых приобретенных потребностей;
2) Издержки производства не влияют на рыночную стоимость товара;
3) Образование новой стоимости происходит в момент изобретения новой технологии производства товара, удовлетворяющего уже сформированные в обществе предшествующим товаром потребности;

4) При насыщении рынка происходит перераспределение стоимости между произведенным товаром и стоимостью технологии производства товара;
5) При перенасыщении рынка происходит перераспределение стоимости между всеми ранее произведенными товарами в пользу вновь произведенной единицы товара.

Главным достижением данного исследования, по мнению автора, является построенная объяснительная модель процесса образования и переноса стоимости (Рис.1). Данная модель позволяет строить прогнозные модели насыщения рынка и модели ценовой функции рыночных товаров (в том числе инновационных). Совокупно объяснительная и прогнозные модели теории образования стоимости призваны служить фундаментом для создания практических методик расчета общей совокупной стоимости всех товаров на рынке и расчета ВВП, с целью создания действенных инструментов прогнозирования и планирования развития экономики.

Список литературы

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд.– Т. 13.

[2] *Маршалл А.* Принципы экономической науки – М.: Прогресс, 1993.

[3] *Veblen T.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. – New York, 1934.

[4] *Leibenstein H.* Bandwagon, Snob, and Veblen Effects in the Theory of Consumers' Demand // The Quarterly Journal of Economics. – Vol. 64. – No. 2. (May, 1950). – P. 183–207.

[5] Котлер, Ф. Основы маркетинга – М.: Прогресс,1991.

[6] Ривз, Р. Реальность в рекламе – М.: Соверо, 1992.

[7] *Garin, Evgeny V.* Organization and Formation of Hierarchy of Human Needs as an Open Psychological System in the Active Interaction with the Social Environment // European Journal of Psychological Studies, № 5 (2015).

[8] *Гарин Е.В.* Иерархия потребностей человека //Вестник науки Сибири, №2 (2014).

[9] *Леонтьев В.В.* Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работу ЦСУ// Плановое хозяйство: Ежемесячный журнал. – М.: Госплан СССР, 1925. – № 12. – С. 254–258.

[10] *Гарин Е.В.* О новой модели образования стоимости //Общество и Экономика, № 6 (2015).

[11] *Гарин Е.В.* Теория образования и переноса стоимости //Проблемы теории и практики управления, № 6 (2016).

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Болдырева Р.Ю.*
(Россия, г.Тула)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы теории и практики применения инструментов управления развитием региона. В качестве основных инструментов определены стратегическое территориальное управление и маркетинг территорий. Выделены содержательные особенности стратегического территориального управления, определены его стадии. Представлен опыт Тульской области в сфере инструментария стратегического регионального развития.*

В настоящее время в научной среде и в практике регионального управления не существует единого подхода к формированию инструментария стратегического развития, равно как и к содержательной форме инструментов устойчивого развития конкретных регионов. Причем в данном контексте регион рассматривается не только как административно-территориальная единица Российской Федерации, но и как открытая социально-экономическая система, взаимодействующая с внешней средой. Под стратегическим региональным управлением мы понимаем совокупность действий долгосрочного характера, направленных на адаптацию региона к нестабильной внешней среде и обеспечивающих долгосрочные конкурентные преимущества. Для эффективного социально-экономического развития региона необходимо создание механизмов и инструментов, позволяющих органам власти направить управленческую деятельность на достижение долгосрочных целей регионального развития и обеспечить необходимые ресурсы для достижения этих целей.

Развитие любого региона – многоцелевой и многокритериальный процесс. Содержание развития регионов может значительно различаться, и это различие обусловлено не только исходным уровнем социально-экономического развития, но и особенностями каждого региона, его географическим положением, производственной специализацией, состоянием инфраструктуры и пр. Кроме того, регионы оказываются в принципиально новой, динамичной политической, культурной, социальной и экономической ситуации, особенности которой определяются как мировыми глобальными процессами, так и изменениями на национальном уровне. Все это требует серьезной модернизации управления, причем как самого подхода к управлению развитием территорий, так и используемого инструментария.

* *Болдырева Римма Юрьевна*, к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».

На наш взгляд, основными инструментами регионального развития можно назвать два: стратегическое территориальное управление и маркетинг территорий.

Остановимся поочередно на каждом.

Федеральным законом от 28.06.2014г. № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в РФ»* закреплено, что стратегическое планирование осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований [1]. Таким образом, это должно делаться обязательно.

Главный вопрос, на который должен отвечать стратегический план развития территорий любого уровня (регионального или муниципального) – как повысить уровень и качество жизни населения и заложить основы для его дальнейшего повышения.

Современное понятие *«развитие»* включает в себя три взаимосвязанные характеристики: рост, изменения, улучшение. В практической деятельности органов власти регионов (в зависимости от того, на какой из данных характеристик делается акцент), могут осуществляться мероприятия, направленные на обеспечение экономического роста, на изменение системы взаимоотношений хозяйствующих субъектов между собой и с властью, а также на решение социальных, инфраструктурных и иных проблем.

Наиболее действенный инструмент для комплексного, системного решения проблем в этих направлениях – стратегия развития региона.

Стратегическое развитие заключается в предвидении возможных изменений внутренней и внешней среды объекта планирования (территории), адаптации к ним процесса его развития. Использование инструментария стратегического планирования как специфического управленческого ресурса позволяет обосновать такие территориальные цели и механизмы их достижения, реализация которых дает возможность обеспечить устойчивое комплексное социально-экономическое развитие территорий в долгосрочной перспективе, быструю адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды.

Анализ социально-экономической ситуации региона, конкурентные преимущества, инвестиционная привлекательность, стратегические цели и задачи развития, приоритетные направления развития, механизмы реализации, ресурсное обеспечение – все это содержится в документах стратегического планирования.

Федеральным законом 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* определен перечень документов стратегического планирования, разрабатываемых на уровне субъекта РФ, к которым относятся:

- стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;
- бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;
- прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период;

– прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;
– план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;
– государственные программы субъекта Российской Федерации;
– схема территориального планирования субъекта Российской Федерации [1].

В нашем понимании, обеспечение устойчивого регионального развития – это последовательная, проходящая определенные стадии деятельность с использованием определенного инструментария в целях достижения поставленных ориентиров путем эффективного управления потенциалом конкретного региона.

Эти стадии можно представить следующим образом:

1. Анализ и оценка уровня социально-экономического развития региона
2. Определение стратегических ориентиров регионального развития
3. Оценка стратегического потенциала как базы стратегического развития
4. Формирование пула проектов и программ развития региона
5. Отбор проектов и программ для реализации в регионе
6. Создание системы региональной поддержки приоритетных проектов и программ
7. Формирование организационно-экономического механизма реализации стратегии развития региона
8. Мониторинг и контроль хода реализации стратегии.

На каждой из этих стадий могут использоваться определенные инструменты.

Следует отметить такой инструмент, как индикативное планирование. Он предусматривает разработку мер государственного и иного воздействия на социальные и экономические процессы с целью достижения установленных индикаторов социально-экономического развития регионов. В качестве важнейших используются показатели, характеризующие динамику, структуру и эффективность экономики, состояние финансов, денежного обращения, рынка товаров и ценных бумаг, движение цен, занятость, уровень жизни населения, внешнеэкономические связи и т.д.

Но из теории управления известно, что планирование – это только первая стадия управленческого процесса.

Возникает вопрос: каким образом обеспечить эффективность стратегического плана и построить процесс его реализации, чтобы социально-экономическая система региона адекватно реагировала на изменения среды?

Известные угрозы со стороны внешней среды, и результаты социально-экономических преобразований в современной России, вызвавшие среди прочих проблем усиление социально-экономической дифференциации регионов,

выдвинули на передний план задачу поиска новых, действенных инструментов регионального развития.

В их число входит территориальный маркетинг, который представляет собой новую деловую философию активной деятельности, определенный образ мышления и действий руководителей регионального и местного уровня, а также представителей бизнеса, основанный на стремлении выявить и удовлетворить потребности населения, как в данном конкретном регионе, так и за его пределами.

Территориальный маркетинг заставляет по-новому взглянуть на краткосрочные и долгосрочные цели развития и добиваться постоянного соотнесения таких задач, как максимизация доходов от использования ресурсов территории сейчас и гарантированность развития территории на длительную перспективу и в целях всех слоев общества.

Маркетинг территории во всем мире относится к стратегическим инструментам территориального управления и представляет собой ряд технических методов, навыков, действий, реализация которых позволяет, с одной стороны, с достаточной степенью успешности *«продать»*, предложить заинтересованным лицам, например, конкретные характеристики территории (удобное местоположение территории, особые ресурсы, объекты культурного наследия, которые делают территорию более привлекательной для посещения, и другие характеристики территории), а с другой – достичь стратегических целей социально-экономического развития: повышения уровня и качества жизни населения данного региона [2].

Современный этап развития экономики России характеризуется ростом конкуренции на всех уровнях, в том числе и территориальном. В настоящее время в регионах быстро меняется экономическая и социальная ситуация, существует жесткая конкуренция, борьба за приток инвестиций, квалифицированной рабочей силы, экологически безопасного производства.

Выявление экономической природы межрегиональной конкуренции, анализ форм и обстоятельств, основных тенденций и противоречий развития в условиях глобальной экономики становятся актуальными не только в научном, но и в практическом отношении. Представители власти и бизнеса все чаще отмечают наличие конкурентной борьбы между территориями, интересуются ее параметрами и оценками, обращаются к вопросам формирования тех или иных конкурентных преимуществ. Возрастающий интерес к проблемам межрегиональной конкуренции обусловлен и тем обстоятельством, что регионы, постепенно становясь самостоятельными субъектами национальной экономики, разрабатывают и реализуют стратегии своего развития, масштабнее включаются в международные экономические проекты [3].

Безусловно, конкуренция между территориями имеет место, но в большей степени она проявляется в борьбе регионов за средства федерального бюджета, за поддержку на федеральном уровне. Представляется, что делать упор только на данный вид конкуренции неперспективно. Сегодня регионы должны эффективно использовать имеющийся экономический потенциал и применять комплекс механизмов, способствующих повышению уровня конкурентоспособности своей экономики.

Остановимся на практике применения инструментов стратегического развития в Тульской области.

Тульская область – регион с достаточно давней практикой стратегического территориального планирования: еще в 90-х годах прошлого века были попытки разработки стратегий и программ социально-экономического развития, причем как отдельных муниципальных образований, так и области в целом.

В настоящее время принят региональный закон о стратегическом планировании от 25.02.2016 года № 8-ЗТО *«О стратегическом планировании в Тульской области»*, который определяет правовые основы стратегического планирования в Тульской области, а также регулирует отношения участников стратегического планирования на региональном уровне. Разработан проект Стратегии социально-экономического развития Тульской области до 2030 года. В 2016 году под руководством временно исполняющего обязанности губернатора Тульской области А. Дюмина ведется активная работа по ее актуализации, поставлена задача разработки программы развития региона на период до 2021 года.

В настоящее время определены стратегические приоритеты развития Тульской области:

- *«Достойная жизнь на малой родине»*;
- *«Образование будущего: кадры для промышленности»*;
- *«Новая индустриализация»*;
- *«Экономический прорыв»*;
- *«Здоровый и сильный регион»*;
- *«Агроиндустрия – возрождение села»*;
- *«Сохранение наследия и развитие туризма»*.

Важнейшим механизмом реализации стратегических приоритетов Тульской области станет **формирование региональной кластерной политики**, позволяющей сконцентрировать существующий спектр инструментов государственной поддержки в точках роста региональной экономики – территориальных кластерах. Основной **акцент кластерной политики** Тульской области сделан на поддержку промышленных кластеров в таких отраслях региональной специализации, как нефте- и газохимия, машиностроение и оборонно-промышленный комплекс, металлургия, легкая и пищевая промышленность, а также сельскохозяйственных кластеров. В сфере услуг в Тульской области значительным потенциалом обладают рекреационный и туристический кластеры.

Для работы по приоритетным стратегическим направлениям создано 15 экспертных групп. Однако следует отметить, что программа развития региона создается не в закрытых властных кабинетах, а всенародно. В ней принимают участие не только политики, но и представители промышленности, сельского хозяйства, малого бизнеса, основных религиозных конфессий, образования и культуры, общественность и просто отдельные активные граждане, неравнодушные к будущему своей области.

Обсуждение документа выходит на завершающий этап. Предложить свою идею можно на сайте 71.tularegion.ru или в специально организованных пунктах сбора предложений. И все это реально работает! За первый месяц было подано около 100 идей и предложений, 40 из них приняты к рассмотрению.

Следует остановиться на региональном маркетинге, основными инструментами которого можно назвать формирование имиджа и брендинг [4]. В современных условиях, учитывая интерес российских регионов к брендингу, необходимо, чтобы идея бренда области была яркой и нестандартной. Именно такие *«неожиданные»* ценности должны лечь в основу маркетингового позиционирования региона.

Необходимо отметить, что для того чтобы формируемый бренд региона был эффективным, подход к его разработке, созданию и продвижению должен быть комплексным. Осуществляться брендирование территории должно в контексте его социально-экономического и маркетингового потенциала, результатом чего является выделение уникального набора основных преимуществ региона, позволяющих произвести его позиционирование. Особое внимание должно быть обращено на оценку таких нематериальных факторов, как существующий имидж территории, определение ожидаемого имиджа, создание атрибутов бренда и его продвижение. При этом необходимость изначального анализа социально-экономического потенциала территории объективным образом и выявление наиболее перспективных направлений ее развития, на основе которых и будет строиться бренд региона, является первоочередной задачей, от решения которой будет зависеть эффективность создаваемого бренда региона, а значит инвестиционная привлекательность территории.

Если говорить о Тульской области, то данный регион прочно ассоциируется с самоварами, пряниками, гармонью, оружием, *«Ясной поляной»*, Куликовым полем и пр. Но ни одна из *«граней»* имиджа Тульской области не может вобрать в себя все ценности этой многообразной и богатой территории.

При разработке стратегии развития региона были выделены ключевые элементы имиджа и их качественные характеристики, представленные в таблице 1.

Сделан вывод, что основу бренда Тульской области следует искать *«на пересечении»* нескольких ценностных шкал. Ценности бренда – это ассоциации, которые должны оставаться в основе впечатления (видения, восприятия) региона по итогам продвижения бренда в сознании целевых аудиторий.

Из всего ценностного ряда в наилучшей степени сочетаются между собой гениальность и простота. На первый взгляд, они противоположны по смыслу и символизируют полярные позиции, однако, это не так, и в этой двусмысленности заключается особая красота, которую выразил А. Эйнштейн: *«Всё гениальное – просто»*.

Таблица 1.

Имиджевые ресурсы Тульской области и их качественные (ценностные) характеристики [5]

№ п/п	Ключевые элементы имиджа Тульской области	Качественные характеристики, ценностный и ассоциативный ряд
1	*«Классически русская»* природа	Лес. Река. Свет. Тишина и покой. Прозрачность. Живописность. Красота
2	*«Местные»* великие имена	Творчество. *«Верхние этажи»* русской культуры. Великие произведения искусства. Литература. Живопись. Русский язык
3	Талант и мастерство: уникальные умельцы, уникальные традиции и ремесла	Таланты. Острота ума
4	Оборонная, военная тема; производство оружия; пушки	Сила. Мощь. Превосходство. Оборона. Мир – ясность цели. Засечная черта. *«Оборонная»* история
5	*«Традиционные бренды»*: пряники, самовар, гармонь	Вкус. Радость. Популярность. Симпатия. Простота. Мастерство
6	Сокровенная (потаенная) Россия: Куликово поле, Богородицк, Крапивна и много других. Святые, потаенные места – храмы, монастыри	Знаковые места – реперные точки российской истории
7	*«Особенная»*, знаковая топонимика региона: Ясная Поляна, Крапивна, Алексин, Ефремов, Чекалин, Чернь, Богородицк, Ясногорск	Звучность. Напевность. Ясность. Сказочность. Таинственность. Сокровенность
8	Относительная близость к Москве: транзит и контраст	*«Тень»* Москвы. Транзит. Ориентированная транспортная сеть. Транспортная доступность. Контраст с Москвой: тишина, чистота, отдых, простор

Очень многие элементы символического капитала Тульской области попадают под это понятие. Наиболее сильный культурный символ, олицетворяющий одновременно и простоту и гениальность, – Лев Николаевич Толстой, чья усадьба *«Ясная поляна»* находится на территории Тульской области. Гениальный русский писатель, который оставался поразительно простым и доступным в быту и в общении с самыми разными людьми. Каждый из традиционных, общеизвестных *«брендов»* Тульской области – самовары, пряники, гармонь – по сути своей очень просты. И вместе с тем, все эти вещи, несмотря на старинное происхождение, не утратили своей ценности и являются гениальными произведениями.

В 2013 г. Тульская область получила собственный бренд – *«здесь все гениально и просто!»*. Его концепция разработана в рамках стратегии развития и определяет основные направления работы правительства Тульской области и органов местного самоуправления по внешнему и внутреннему позиционированию региона для продвижения его стратегических интересов, повышения конкурентоспособности и достижению стратегических целей – повышение уровня и качества жизни населения региона.

В заключении следует отметить, что инструменты стратегического планирования и маркетинга территорий должны быть обязательно дополнены механизмом реализации региональной стратегии развития, основными элементами которого являются:

- применение программно-целевого метода управления;
- информационная и методическая поддержка подготовки и принятия управленческих решений;
- мониторинг целевых показателей стратегии;
- обеспечение возможности корректировки стратегии.

Базовым принципом процесса стратегического регионального развития должен стать принцип баланс интересов, который подразумевает обеспечение соблюдения интересов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Тульской области, органов местного самоуправления, организаций, в том числе общественных, населения региона и бизнеса, а также четкого разграничения полномочий и ответственности всех участников реализации стратегии.

Список литературы

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в РФ»* – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_164841/ (дата обращения: 02.04.2016).

[2] *Фролов Д.П.* Маркетинговый подход к управлению пространственным развитием // Пространственная экономика 2013 №2 С.65–86 – http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-econimics/2_2013/SE.2013.2.065–086.Frolov.pdf (дата обращения: 12.05.2016).

[3] *Ованесян Н.М.*, *Мидлер Е.А.* Маркетинг территорий в управлении пространственным развитием российских регионов: состояние, конкурентный подход, инструменты – http://www.journal-nio.com/index.php?option= com_content& view = article&id=3519%3A-4&catid=107%3Aokt&Itemid=151 (дата обращения: 29.04.2016).

[4] *Сачук Т.В.* Территориальный маркетинг. – СПб.: Питер, 2009.

[5] Проект Стратегии социально-экономического развития Тульской области до 2030 года – https://econom.tularegion.ru/work/economrazv/strplan/ (дата обращения: 20.05.2016).

ИНТЕГРАЦИЯ ТОРГОВЛИ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Чеглов В.П.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается проблема значительного отставания российской интегрированной торговли в операционной эффективности и пути ее решения. Предложены концептуальные подходы к оценке операционной эффективности интегрированной торговой системы. Автором обоснованы предложения по совершенствованию управления и оптимизации хозяйственной деятельности в интегрированных торговых системах.*

Вот уже почти двадцать пять лет в России происходит переустройство внутренней торговли под воздействием мировой парадигмы трансформации экономики. За этот период времени государственная система распределения была сначала замещена частной системой, множеством в одночасье возникших малых предприятий, или, как мы говорим сегодня, неорганизованной торговлей. Возникший хаос на потребительском рынке не мог существовать вечно. С конца 90-х гг. в стране начинаются процессы самоорганизации, возникают розничные торговые и сбытовые сети.

С середины первого десятилетия нового века уже стартуют процессы интеграции торговой инфраструктуры, объединения торговых предприятий, преобразования объединений торговых предприятий в сложные экономические системы на базе консолидации капиталов и внедрения прогрессивных технологий управления и товародвижения. Ужесточается рыночная конкуренция, в отрасли отмечается первый передел сфер влияния и собственности. Эти процессы сначала негласно, а потом и открыто поддерживаются властями в форме экономических преференций крупному бизнесу и гонений на малый, прежде всего *«палаточный»* бизнес. И все это происходит в условиях, когда в стране не успел сложиться предпринимательский класс, а ее экономика находится в перманентном кризисе с падающей покупательной способностью населения, сокращением производства [3, с. 8–18].

Сегодня мы наблюдаем сокращение в отрасли количества малых торговых предприятий, на базе которых в мире традиционно выстраивались капиталистические отношения, и появление систем однотипных, похожих друг на друга торговых объектов, пусть и прогрессивных форматов, формирование крупных торговых и межотраслевых образований, обозначаемых обычно понятием торговые сети[4, с. 137–147]. Это уже межотраслевые объединения предприятий со сложной внутренней организацией, особенностями управления и товародвижения. Их уже смело можно отнести к системообразующим элементам эко-

* *Чеглов Вячеслав Петрович*, к.э.н., доцент, Российский экономический университет (РЭУ) им. Плеханова.

номики, поскольку они способны оказывать определяющее влияние на рынок, производство и потребление, общество и властную вертикаль. В теории стратегического управления они получили определение *«интегрированные структуры*[1, 2 с. 121–135]. *Нам представляется, что правильнее говорить о системе различных структур и предприятий, как профильных, так и обслуживающих торговый бизнес или об «интегрированных торговых системах»* (далее – ИТС).

Интегрированная торговая система является ничем иным, как диверсифицированной коммерческой организацией, которая осуществляет бизнес преимущественно в торговой сфере и представлена на рынке множеством технологически унифицированных торговых объектов, взаимоувязанных (инкорпорированных) посредством специализации, распределения ресурсов и денежных потоков в единый хозяйственный механизм. Данный механизм формирует устойчивые свойства организованного целого выше арифметической суммы устойчивых свойств его элементов[9, с. 1679–1687].

Интеграционные процессы в торговле России стартовали намного позже, нежели в остальном мире. Притом сектор интегрированной торговли сегодня растет темпами, значительно превышающими среднеотраслевые и охватывает сегодня каждое четвертое торговое предприятие, сдерживает рост розничных цен и одновременно угнетает малый бизнес. Становится инструментом государства в деле управления социальными настроениями в обществе.

Вместе с тем, как показывает исследование[5, с. 8], интеграции отрасли присущ субъективно-случайный характер, отсутствие макрообоснования и стратегирования. Мало внимания уделяется механизмам оптимизации и регулирования развития интегрированной торговли в стране. Гипертрофированный рост отдельно взятых ИТС отечественного происхождения ведет к углублению расслоения участников рынка по торговому обороту, потенциалу развития, коммерческим и логистическим возможностям, формированию мезоуровня (крупные торговые системы) и микроуровня (средний и малый торговый бизнес).

Особую озабоченность вызывает усиление влияния транснациональных корпораций на потребительском рынке России, даже в условиях применения экономических санкций со стороны США и Евросоюза. Их развитие в форме дочерних корпоративных и франчайзинговых сетей, без участия отечественных предпринимателей, угрожает не только малому, но и крупному отечественному бизнесу, а для государства несет риски потери эффективных каналов регулирования потребительского рынка.

Возникает потребность управления влиянием интеграционных процессов на социально-экономическую среду, координирования развития отрасли, балансирования общественных интересов и интересов бизнеса, поддержания условий справедливой конкуренции на рынке, сохранения российского предпринимательства в условиях глобализации экономики, развития импортозамещения, совершенствования корпоративного управления[11, с. 60–76].

Прослеживается необходимость совершенствования структуры управления в интегрированном бизнесе, балансирования разнонаправленных интересов собственника, наемных менеджеров и исполнителей, структурных единиц, разработки механизмов управления эффективностью развития,

своевременного учета внешнесредовых факторов и паттернов системного поведения.

Среди тенденций развития торговли в России, прежде всего, следует отметить формирование механизмов экспансионистского (насильственного) распространения торговой организации, формирования ею конкурентного преимущества за счет системного характера ведения торгового дела, использования инструментов подобия, повторения, типизации, формализации. Меняется цель осуществления торгового дела: операционная прибыль превращается в инструмент управления, а стратегическим результатом становится инвестиционный доход, капитализация бизнеса.

Процессы интеграции в отрасли инициированы технологической инновативизацией 50–70-х гг. XX в., когда разрозненное использование технических новшеств сменяется осознанным и повсеместным применением прогрессивных технологических решений. Развитие наиболее технологически эффективные ИТС перестраивается с приспособленчества (реакции на экзогенные факторы) на организационное проектирование (реагирование на эндогенные факторы роста). Формируются институциональные поведенческие тренды, подробно рассмотренные нами ранее[6, с. 78–84]. Сохраняющиеся на фоне повсеместного насаждения подобия индивидуальные отличия объясняются самогенезом, степенью внутрикорпоративной целостности.

Национальные ИТС встраиваются в совокупность технологически взаимосвязанных элементов бизнеса и экономических пространств, многоканальную и мультирыночную операционные среды, образуют своеобразные центры притяжения автономных торговых, вспомогательных и обслуживающих компаний. В отличие от ассоциированных объединений, в них происходят необратимые организационно–экономические изменения[7, с. 160–165]. Торговые предприятия становятся системными элементами, хозяйственная деятельность которых ограничивается и сводится к операционной деятельности, а управление централизуется. Интересы входящих в систему предприятий и управленческой надстройки расходятся, а стратегический потенциал такой системы определяется эффективностью встраивания (инкорпорирования) торговых объектов в систему, коммуницирования структурных элементов и управленческой надстройки, сбалансированностью и согласованностью групповых интересов, операционных и логистических процессов, способностью менеджмента к креативу и инвариантности. Естественные риски бизнеса замещаются рисками субъективными, менее предсказуемыми, обусловленными увеличением количества элементов системы, растягиванием коммуникаций, усложнением вертикали управления, ростом влияния наемного менеджмента.

Анализ ретроспективы трансформации мировой торговли показывает наличие двух институциональных сценариев технологического развития, *«лидера»* или *«копирайтера»*. Существенные преимущества для торговой организации обеспечивает сценарий лидера, реализуемый крупнейшими транснациональными компаниями через создание исследовательских подразделений, сотрудничество с университетами. Второй сценарий менее прогрессивен, он предполагает заимствование новшеств на этапе их массового тиражирования, и именно по нему сегодня двигаются отечественные ИТС.

Таблица 1.

Сопоставление крупнейших российских ИТС и транснациональных корпораций по операционной эффективности в 2014 г.

ИТС	Оборот на один кв. м. торговой площади, тыс. руб.	Удельный оборот в расчете на магазин, млн. руб.	Производительность труда, тыс. руб. / чел.
«Магнит»	212.6	78.6	2983.8
X5 Retail Group	245.	115.3	5386.7
«Дикси»	306.8	104.3	4580.0
O Key	275.4	1407	5671.6
«Лента»	276.7	1469.6	7054.5
«М.Видео»	202.7	467.3	9847.8
Home Depot	297.6/452.3*	1277.6/1941.9	9694.7/14736.1
Metro	232.2/304.2	1291.9/1692.4	11145.8/14601.1
Carrefour	226.9/297.2	349.2/457.5	10275.5/13460.9
Costco	132.5/201.4	5736.8/8720.7	19742.1/30008.3
Tesco	350.1/507.7	488.4/708.2	7798.1/11307.3
Wal Mart	163.5/248.5	1544.5/2347.6	7563.2/11496.1

**Расчеты выполнены, исходя из среднего курса валют к рублю в 2014 г. и первой половине 2015 г.*

Интеграция в России имеет свои особенности. Она направлена на восстановление технологических циклов товародвижения, разорванных в ходе разгосударствления и приватизации отрасли, что безусловно положительно. Вместе с тем, отраслевая интеграция осуществляется преимущественно на основе диверсификации крупного оптового и финансового бизнеса, стратегирования инвестиций. Объединительные процессы *«снизу»*, на уровне малого бизнеса, не получили развития, так как для этого не было отпущено достаточно времени, да и государство отказало в их поддержке. В итоге, сегодня мы имеем серьезное расслоение отрасли, концентрацию собственности в крупных городах и значительные территориальные перекосы в обеспеченности населения торговой площадью и современными формами торговли, перспективы формирования олигополии на потребительском рынке[10]. В отличие от экономически развитых стран, у нас нет противовеса крупным, интегрированным системам, каковым за рубежом являются торгово-закупочные или кооперативные объединения малых предприятий.

Особо следует отметить сложившиеся отличия в модели ведения торгового дела. Автономные предприятия, местные и региональные ИТС используют операционную модель pushmarket (*«проталкивания»* доступного товара на рынок) и образуют микроуровень отрасли, жестко контролируемый государ-

ством. Межрегиональные, национальные и транснациональные ИТС применяют модель экстерриториального развития pullmarket, для которой характерно управление источниками поступления товаров, оказание влияния на рынок и правила государственного регулирования. Их отличает большая прозрачность и уязвимость к контролю со стороны государства, поскольку по масштабам они становятся заметны и объективно выступают инструментом влияния государства на рынок (в целях регулирования, снижения социальной напряженности).

Не менее важно отметить значительное отставание ИТС российского происхождения от зарубежных отраслевых или межотраслевых систем в части операционной эффективности (табл. 1), что объясняется сложившимся технологическим разрывом.

Так, современные технологии управления ассортиментом, товародвижением, ценами, ресурсами используются за рубежом с конца 70-х годов прошлого века, в то время как в России они применяются с начала XXI в. А это минимум 30 лет отставания, которые еще предстоит ликвидировать.

Интересно, что вследствие девальвации рубля в 2014 г. мы потеряли результаты развития начала 2000-х гг., когда отечественные интегрированные торговые компании смогли обеспечить серьезную конкуренцию зарубежным ИТС и противостоять их экспансии на отечественном рынке. Достаточно вспомнить безуспешные попытки войти на рынок России американской компании Wal-Mart, сворачивание экспансии торговой системы Carrefour, сдерживание развития Auchan и Metro. Конкурентоспособность отечественных ИТС сохраняется лишь в части отдачи с квадратного метра торговой площади за счет снижения качества обслуживания.

Корни проблемы мы видим в системных ошибках. Крупные отечественные ИТС сегодня неоправданно ускоряют развитие, предпочитают экстенсивный рост кропотливой работе по развитию потенциала уже имеющихся торговых объектов, реализуют стратегии опережающего захвата рынка, *«форсирования»* результатов за счет увеличения количества каналов продаж и *«закачивания»* в систему инвестиционных денег. В результате растут вложения спекулятивного характера, а инвестиционный фокус постепенно смещается в сторону экспансии компаний мезоуровня в малые города и сельские поселения, формируя давление на региональные и местные рынки и компании, ограниченные в доступных финансовых инструментах. Общество начинает осознавать необходимость управляемой интеграции отрасли, *«силовой»* защиты отечественного рынка.

Анализ институциональных форм интеграции торговой инфраструктуры[4, 8, с. 94–135] показывает, что модель органического роста или последовательного наращивания потенциала, обеспечивает сбалансированность развития в рамках генерируемого ИТС денежного потока, высокую финансовую устойчивость организации. Искусственное ускорение развития сопровождается недофинансированием действующих торговых объектов, снижением операционной эффективности.

Развитие торговой системы за счет слияний и поглощений можно рассматривать скорее как инструмент ускоренного наращивания потенциала ИТС, масштабирования инноваций, изменения конфигурации рыночного про-

странства, кратковременного повышения операционной эффективности. Его использование сопровождается ростом затрат на инкорпорирование приобретаемых активов, снижением финансовой устойчивости.

Товарный франчайзингкак инструмент интеграции торговли в России применяется преимущественно производителями товаров для создания сбытовых торговых сетей при дефиците у интегратора капиталовложений и оборотных средств, либо как элемент диверсификации. Интеграция малых форм торговли в рамках франчайзинга сдерживается сложностью формирования *«централизованных»* оборотных средств, диспропорциями в темпах развития участников и получаемом синергетическом эффекте, ростом операционных затрат, необходимостью делиться частью хозяйственной самостоятельности, рисками недружественного поглощения со стороны компании – интегратора, рассогласованностью маркетинга и логистики. Сфера применения этой формы будет ограничена высокомаржинальными торговыми форматами. Поддержку отраслевого малого бизнеса обеспечит скорее *«обратный»* франчайзин[5, с. 121–126].

Следует констатировать недостаточную эффективность применения российским рынком институциональной формы закупочного союза, что обусловлено территориальной разбросанностью участников, аморфностью организационной структуры, наличием противоречий в интересах участников, потерей страной в советский период предпринимательской культуры. Вместе с тем эта модель может и должна стать инструментом региональной интеграции, позволяющим сформировать в отрасли противовес федеральной компоненте торговли за счет координации участниками закупочной деятельности, ассортиментной и маркетинговой политики.

Наконец, модель интеграции торговли на кооперативной основе, столь широко использованная в Европе, в нашей стране прослеживается только до 1917 г., после чего развитие кооперации пошло в некоммерческом правовом поле. Сегодня необходимо вдохнуть новую жизнь в отечественную потребительскую кооперацию, вывести ее на коммерческие рельсы. Для этого можно предложить использование англосаксонского сценария трансформации существующих потребительских кооперативов в ИТС.

На повестку дня выходит также проблема подобия, подробно рассмотренная нами в монографии[5]. Территориальная и отраслевая экспансия происходит на основе унификации, стандартизации форм и бизнес процессов, копирования и тиражирования технологических и маркетинговых новаций, отражения созданного другими участниками рынка. Экспансии подобия, как механизм интеграции, ускоряет окупаемость капитальных вложений, делает инвестиции в развитие ИТС более привлекательными для инвесторов. Одновременно ограничивает владельцев и (или) наемных менеджеров в стратегировании, так как инвестор требует непрерывности развития и приращения капитализации, фиксирования прибыли. С момента привлечения стратегических инвестиций ИТС сталкиваются с ростом коммерческих рисков, снижением финансовой устойчивости, частичной потерей способности к самоорганизации, интереса к реализации социальных интересов. Они вынуждены пренебрегать операционной эффективностью, вести рискованную политику консолидации, усложнять структуру собственности.

Следствием такого подхода становится *«вымывание»* социально значимого ассортимента, товаров отечественного производства, *«хищническое»* отношением к ресурсам и рынку, сокращение персонала под предлогом его оптимизации, перенос подобия материальных явлений на сознание людей. Крупные отечественные торговые системы становятся проводниками стратегических или тактических интересов лишь части общества (владельцев бизнеса, ТОП–менеджеров и чиновничества) в ущерб общественным интересам. Самоорганизация внутренней торговли на фоне ее интеграции не может обеспечить условия справедливой конкуренции. Необходимо регулирование процессов отраслевой интеграции извне.

Проблему усугубляет самоустранение федеральных органов власти от регулирования процессов интеграции торговли, переложение ими ответственности на региональную исполнительную власть. В то время как торговые объекты традиционно располагаются в зоне интересов и ответственности муниципальных властей, у которых нет сегодня никаких действенных рычагов воздействия на крупные экономические системы.

Отечественные ИТС должны перестроиться с экстенсивного пути развития на инструменты оптимизации существующих каналов продаж, стать центрами *«притяжения»*, поддержки и логистического обслуживания независимого бизнеса. Одновременно должны получить развитие объединительные процессы в малом бизнесе через кооперирование автономных торговых компаний и последующее их инкорпорирование на акционерной основе. Для этого мы предлагаем следующие концептуальные направления управления интеграцией отрасли.

1) Необходимо отказаться от специального регулирования вопросов конкуренции в торговой сфере в пользу действующего антимонопольного законодательства.
2) Законодательно обеспечить право муниципальных собраний согласовывать размещение на территории образования новых торговых объектов транснациональных, федеральных и региональных компаний,
3) Субсидировать формирование на базе региональных и местных ИТС территориальных кластеров под цели внедрения технологических новаций, поддержки конкуренции, увеличения продаж товаров местного производства, реновации инфраструктуры.
4) Обязать транснациональные и федеральные ИТС делегировать своим региональным структурным подразделениям право осуществлять децентрализованную закупку и продажу региональных / местных товаров, выделять торговые площади под продажу товаров местного производства на условиях консигнации, с установлением средней по категориям маржи и запретом любых маркетинговых сборов.
5) Ввести на федеральном уровне форматные стандарты обслуживания и требования, включающие требования к профессиональной подготовке и минимальной численности персонала.

6) Законодательно обеспечить наличие преимуществ в доступе на рынок для отечественных предпринимателей, ужесточив правила проникновения на него зарубежных торговых компаний, предусмотреть норму развития иностранным участником корпоративного бизнеса через обязательное создание совместного предприятия на паритетных началах с российскими предпринимателями. Ввести требование доступности предлагаемой зарубежным участником рынка франшизы для малых предприятий и физических лиц, резидентов России.

Список литературы

[1] *Винслав Ю., Дементьев В., Мелентьев А., Якутин Ю.* Развитие интегрированных корпоративных структур в России // Российский экономический журнал. 1998. № 11–12

[2] *Винслав Ю.Б., Касатов А.Д.* Интегрированные корпоративные структуры: системная характеристика особенностей экономических методов управления // Менеджмент и бизнес администрирование. 2012. № 2. С. 121–135

[3] Современная торговля: вопросы конкурентоспособности и социальной политики: монография. М.: Изд-во *«Форум»*, 2014.

[4] *Чеглов В.П.* Влияние розничных торговых сетей на социально – экономические параметры функционирования регионов // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2013. № 4. С.137- 147.

[5] Он же. Инновационный ритейл. Организационное лидерство и эффективные технологии: монография. Изд. 2-е. М.: Форум, 2014.

[6] Он же. Институциональные формы и способы формирования и развития современного ритейла в России // Менеджмент в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 78–84.

[7] Он же. Интеграция торговли России и механизмы формирования мезоуровня потребительского рынка // Вестник Московской академии предпринимательства. 2015. №2, С. 160–165.

[8] Он же. Сетевой ритейл. Концепции и стратегии, ловушки и решения: монография. М: ИНФРА-М., 2013.

[9] Он же. Теоретико-методологическое обоснование применения категории *«интегрированная торговая система»* при анализе процессов трансформации торговли в России // Российское предпринимательство. 2015. № 11. С. 1679–1687.

[10] Он же. Экспансия розничных сетей в регионы: эффекты и аффекты // Вестник РГТЭУ. 2011. №12. С. 128–139.

[11] *Якутин Ю.В.* О противоречиях и путях совершенствования модели управления крупнокорпоративным сектором в контексте глобальных цивилизационных и финансовых угроз // Менеджмент и бизнес администрирование. 2012. № 4. С. 60–76.

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ АКТОРОВ В СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Савченко А.Б.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Координация действий федеральных, региональных, муниципальных акторов в стратегии социально-экономического развития Московской области реализуется в качестве двухтактной схемы. На вышестоящем уровне федерации по отношению к области и области по отношению к муниципальным образованиям формулируются стратегические целевые ориентиры, предлагается набор инструментов достижения этих целевых ориентиров. Для нижестоящего уровня они образуют рамочные условия разработки соответствующей стратегии региона/муниципального образования. На нижестоящем уровне области по отношению к федерации, муниципальных образований по отношению к области адаптируются предложенные «сверху» стратегические целевые ориентиры, прописываются конкретизированные задачи по достижению, разрабатываются методы использования предлагаемого набора инструментов достижения стратегических целевых ориентиров/решения конкретизирующих задач.*

Ускоряющийся темп мировых экономических, технологических, социальных изменений в условиях нестабильной рыночной ситуации и неблагоприятного геополитического фона оставляет шансы на рост только диверсифицированным и адаптивным экономикам стран и регионов, способным внедрять и капитализировать инновации различных типов – не только технологические, но также маркетинговые, организационные, финансовые, социальные – и способных гибко переориентироваться в соответствии с темпом изменения внешних условий. Высокая роль государства в хозяйственной деятельности, характерная для российской экономики, предъявляет особенно высокие требования к рациональности и целенаправленности расходования бюджетных средств на всех уровнях, к уровню согласованности действий субъектов государственной власти, муниципалитетов, а также госкорпораций и частного бизнеса в реализации национальных приоритетов и целей. Координация действий федеральных, региональных и муниципальных акторов в стратегиях регионального развития становится, таким образом, особенно актуальной задачей, механизмы стандартизованных решений которой на уровне государственного

* *Савченко Александр Борисович,* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

стратегического планирования пока находятся в стадии разработки (как показали, например, дискуссии на последнем Красноярском экономическом форуме (КЭФ) 18–20 февраля 2016 года [1], посвященном Стратегии России 2030). Это заставляет обращаться к актуальному успешному опыту решения этой задачи на региональном уровне. Таким успешным опытом – как показало, в частности, широкое обсуждение на последнем КЭФ в рамках круглого стола *«Построение эффективной системы государственного стратегического планирования»*, проведенного под эгидой Минэкономразвития РФ, выступает проект Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года, оконченный разработкой в конце 2015 года.

На принципиальном уровне, в самой общей форме координация действий федеральных, региональных и муниципальных акторов в стратегии социально-экономического развития Московской области может быть представлена в качестве двухтактной схемы. Тогда на вышестоящем уровне, соответственно, федерации по отношению к области и области по отношению к муниципальным образованиям, формулируются стратегические целевые ориентиры и предлагается набор инструментов достижения этих целевых ориентиров. Для нижестоящего уровня они образуют рамочные условия разработки соответствующей стратегии – региона или муниципального образования. В свою очередь, на нижестоящем уровне, соответственно, области по отношению к федерации и муниципальных образований по отношению к области, адаптируются предложенные *«сверху»* стратегические целевые ориентиры и прописываются конкретизированные задачи по их достижению, а также разрабатываются методы использования предлагаемого набора инструментов достижения стратегических целевых ориентиров и решения конкретизирующих их задач.

Рамочными условиями для разработки проекта стратегии социально-экономического развития до 2030 года Московской области как субъекта РФ являются Указы Президента от 7 мая 2012 г. (№№596–606), в соответствии с которыми ключевыми задачами региона являются:

- Создание высокопроизводительных рабочих мест
- Движение вверх в рейтингах условий ведения бизнеса
- Повышение обеспеченности жильем
- Повышение заработной платы врачей и учителей до уровня в 200% относительно средней по региону
- 100% обеспеченность детей в возрасте от 3 до 7 лет местами в детских садах
- Сокращение среднего времени ожидания в очереди за госуслугами до 15 минут

В Послании Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. в Послании Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. сформулированы подлежащие использованию в стратегическом региональном развитии инструменты и механизмы федеральной экономической политики. Так, важнейшим пунктом повестки федеральной социально-экономической политики является импортозамещение, целевой моделью которого выступает стимулирование

производства товаров и услуг, конкурентоспособных в условиях открытого рынка. Иными словами, необходимо стимулировать экспортно ориентированное импортозамещение. На федеральном уровне сформирован целый комплекс соответствующих мер поддержки, которые должны быть использованы в Московской области.

К числу таких механизмов относятся, в том числе Фонд развития промышленности, дающий широкий спектр инструментов поддержки, включая специальные инвестиционные контракты (в 2015 г. в фонд уже подали заявки несколько машиностроительных предприятий Московской области с суммарной стоимостью проектов более 2,5 млрд руб.); а также такие институты развития как ЭКСАР и ВЭБ (в этот комплекс механизмов Московской области только предстоит активно включаться), а также корпорация развития малого и среднего бизнеса. Наряду с этим, специальные меры поддержки предусмотрены на федеральном уровне для отраслей, которые оказались в наиболее сложном положении из-за сокращения внутреннего спроса. К этим отраслям относятся: строительство, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, легкая промышленность. Все эти отрасли широко представлены на территории Московской области и могут получить дополнительный импульс за счет мер государственной поддержки. Наряду с этим, Московской области имеет возможность активно участвовать в реализации всех государственных инициатив, координируемых Агентством стратегических инициатив, в том числе в рамках национальной предпринимательской инициативы продолжать реализацию тех дорожных карт, мероприятия которых находятся в региональной компетенции. Московская область является одним из ключевых регионов России в части реализации национальной технологической инициативы, учитывая высокую концентрацию здесь как производителей, так и потребителей инноваций. Значительный вклад в реализацию как технологической, так и предпринимательской инициативы внесут продемонстрировавшие свою эффективность особые экономические зоны. Непосредственное влияние на развитие Московской области оказывает федеральная политика по развитию инфраструктуры. Московская область будет развиваться также в русле социальных стратегических инициатив федерального уровня. Социально приемлемая реструктуризация сети учреждений здравоохранения, образования и социальной защиты будет проводиться в рамках разработанной в области *«умной социальной политики»*, позволяющей осуществлять сокращение бюджетных расходов без снижения доступности и качества социальных услуг для населения, а также способствующая развитию социального предпринимательства и развитию НКО в малых городах и селах. Федеральная стратегическая инициатива *«Кадровое обеспечение экономики»* также получит импульс к развитию в Московской области, в том числе путем внедрения прорывных образовательных технологии и оптимизация структуры подготовки кадров в соответствии с запросами экономики.

В соответствии с перечисленными рамочными условиями сформулированы Основные положения Стратегии Московской области.

Назначение Стратегии

1) Достижение лидерских позиций в стране по качеству регионального развития

В последние годы Правительство Московской области предпринимает целенаправленные меры по повышению качества регионального развития как единства качества жизни, качества среды, качества производимых товаров и услуг.

По ряду аспектов качества жизни, таких как сокращение и ликвидация очередей в детские сады, строительство новых школ, охват жилого фонда капремонтом, ввод нового жилья и ликвидация жилья ветхого и аварийного, возможность получения востребованного среднего специального образования, качество государственных услуг – Московская область уже принадлежит к национальным лидерам.

Повышению качества среды для жизни и ведения бизнеса также уделяется повышенное внимание. В высоко урбанизированной Московской области с ее множеством самых разнообразных населенных пунктов особое значение имеет осуществляемое благоустройство мест проживания: реконструкция исторических центров городов, создание развитых парковых территорий, общественных пространств с торгово-досуговыми и деловыми функциями и пешеходными зонами. Значительные успехи достигнуты в развитии сети объектов для занятия спортом по месту жительства.

Важным элементом повышения качества среды для ведения бизнеса стало формирование в области сети индустриальных парков и технопарков, а также промышленно-производственных и технико-внедренческих зон. По количеству таких объектов Московская область является национальным лидером.

Наиболее объективным арбитром оценки качества производимых товаров и услуг является мировой рынок, т.е. экспорт. В этой сфере у Московской области также есть существенные заделы на пути к лидерству. Свыше 20% экспорта приходится на высокотехнологичные машины и оборудование. Внешнеэкономическую деятельность в регионе активно осуществляют предприятия среднего и малого бизнеса, по числу которых Московская область уступает лишь Москве и Санкт-Петербургу, значительно опережая другие российские регионы. Вторым критерием конкурентоспособности является производительность труда. По этому показателю в ряде отраслей Московская область также существенно опережает среднероссийские показатели.

2) *Достижение устойчивости роста региональной экономики на основе повышения ее конкурентоспособности*

В 1990-е и 2000-е годы важнейшими конкурентными преимуществами, обеспечивавшими рост экономики Московской области, были близость к Москве и относительная дешевизна основных факторов производства. Теперь в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры важнейшую роль играет способность производить и внедрять инновации, предоставлять экономике кадры нужной квалификации и необходимую деловую инфраструктуру, обеспечивать поддержку бизнесу – финансовую, организационную, маркетинговую.

Активизация использования этих конкурентных преимуществ требует согласованных усилий власти и бизнеса. Московская область относится к регионам с наиболее диверсифицированной и *«несырьевой»* структурой экономики. Здесь сконцентрирован технологический и научно-исследовательский потен-

циал мирового уровня (производится четверть всех НИОКР России), включающий восемь наукоградов. В области представлены ведущие федеральные вузы, сформирована мобильная областная система среднего специального образования. Имеется сеть узловых объектов международной логистики. Однако достигнутые до сих успехи в импортозамещении и экспорте товаров и услуг – это результат часто индивидуальных и разрозненных усилий, и экономический потенциал региона раскрыт не полностью.

Стратегия рассматривает устойчивость экономического роста как результат планомерного согласованного вовлечения современных конкурентных преимуществ Московской области на всех этапах цепочки создания стоимости. Стратегия ориентирует на согласованную работу по обеспечению устойчивого экономического роста на основе рыночных механизмов, в которую должны быть вовлечены государственные структуры различных уровней, общественные объединения и бизнес.

3) *Повышение привлекательности области для жителей и бизнеса на основе сбалансированного регионального развития*

Качество регионального развития не сводится к количественному росту ради роста, а определяется уровнем сбалансированности экономического и социального развития.

Московская область – это высоко урбанизированный регион, ряд территорий которого перенасыщены различными объектами, в том числе значительными объемами нового жилищного строительства, особенно в муниципальных образованиях, непосредственно граничащих с Москвой. При этом отчетливо прослеживается целый ряд *«дисбалансов»*. Главным образом, это отставание ввода мест приложения труда, особенно высокопроизводительных, и развития транспортной инфраструктуры от темпов жилищного строительства; отставание распространения современных форматов торговли и услуг, а также деловой недвижимости от имеющегося спроса. Устранение этих дисбалансов существенно повысит качество среды.

В свою очередь, повышение качества среды положительно скажется на конкурентоспособности региона, в том числе на международном уровне, что позволит привлечь инвестиции в отрасли, создающие максимальную добавленную стоимость, а также людей, способных эти виды деятельности развивать.

Направления стратегических действий

1) *Реализация взаимосвязанных стратегических проектов*

Стратегия предусматривает изменения отраслевой структуры экономики Московской области к 2030 году в общем тренде наиболее развитых пристоличных регионов мира:

- рост доли услуг с высокой добавленной стоимостью с 18% до 27%;
- стабильную долю реального сектора – обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и строительства – на уровне 29–30% при росте доли сельского хозяйства с 1,9% до 2,2%;

– сокращение доли госуправления с 7 до 4%;
– рост доли торговли и транспорта до 2020 года с 31% до 33% при ее сокращении к 2030 до 25%.

Инструментом структурной перестройки экономики выступают стратегические макропроекты, обеспечивающие повышение региональной конкурентоспособности и направленные на повышение эффективности использования стратегических ресурсов развития области. Основой этих нескольких десятков макропроектов выступают две с половиной сотни проектов развития и повышения конкурентоспособности отраслей и секторов, определяющих переход к целевой структуре экономики, а также формирующих общие условия хозяйствования и проживания на территории области. Макропроекты взаимосвязаны между собой и обеспечивает целевое совершенствование не только отраслевой структуры экономики, но и территориальной структуры Московской области. Выделяется три типа макропроектов: создание и развитие стратегических полюсов роста; комплексное развитие опорных точек роста; сетевые проекты, формирующие инфраструктуру сбалансированного регионального развития.

Стратегия выделяет ряд приоритетных отраслевых групп, способных расширить свои ниши в сфере импортозамещения и экспорта, обладающих значительным потенциалом наращивания производства и продаж в складывающихся условиях внешней конъюнктуры. В производственном секторе выделяются виды деятельности, значительно опережающие средние по стране показатели производительности труда, которые имеют наиболее благоприятные предпосылки для импортозамещения и расширения присутствия на внутреннем рынке. Среди экспортно ориентированных видов деятельности, многие из которых имеют также значительный потенциал импортозамещения, целесообразно делать ставку прежде всего, на те, в которых Московская область уже имеет длительный и успешный опыт внешнеэкономических связей. Объемы и потенциал экспорта в этих сферах достаточно велик, но исторически сложившиеся рынки, в первую очередь, рынок Украины, на который приходилось до трети Подмосковного экспорта, подвержены значительным геополитическим рискам. Предстоит значительная работа по диверсификации географии экспорта, а часто и ассортимента. Приоритетные виды деятельности, ориентированные на импортозамещение и наращивание экспорта, охватывают не только производство товаров, но и предоставление услуг – транспортно-логистических, образовательных, культурно-досуговых, туристических. Перспективной группой экспортных деловых услуг становится инжиниринг и разработка программного обеспечения, а также аутсорсинг исследований и разработок. Наряду с этим, благодаря сложившимся благоприятным предпосылкам для импортозамещения в Московской области могут возникнуть и развиться инновационные производства продуктов и услуг, которые ранее не были представлены или характеризовались малыми масштабами.

2) *Координация социально-экономического и пространственного развития – это направление стратегических действий задает рамочные условия разработки муниципальных стратегий социально-экономического развития.*

В Московской области впервые в российской практике применяется подход к стратегическому планированию, в рамках которого разработка генеральных планов всех муниципальных образований региона осуществляется синхронно и скоординировано с разработкой Стратегии социально-экономического развития области. Такой подход позволяет увязать планы по локализации мест приложения труда с резервированием земель под различные функции и с развитием инфраструктуры.

Для эффективной координации социально-экономического и пространственного развития в Московской области выделяется двенадцать территориальных групп муниципальных образований. Эти группы формируется путем наложения трех поясов и четырех секторов. Все двенадцать территориальных групп муниципальных образований, полученных на пересечении поясов и секторов, обладают лучшей транспортной доступностью друг относительно друга, чем с муниципалитетами других групп, и обладают определенным единством исторических предпосылок развития и специализации. Вместе с тем, они внутренне неоднородны – внутри каждой из них есть муниципалитеты с разным уровнем социально-экономического развития, разным профилем конкурентных преимуществ и ограничений. Характерной особенностью Московской области является сверхвысокая плотность населения и значительная концентрация экономической активности в ближнем поясе. В частности, более половины крупнейших предприятий региона и более 65% их выручки сконцентрированы здесь, а также фиксируется самый высокий уровень доходов населения и уровень обеспеченности услугами. В этой связи первой задачей пространственной политики является преодоления этих унаследованных территориальных диспропорций. Для этого стратегические проекты предполагается размещать, главным образом, в среднем и дальнем поясах, ориентируясь на решение задач сбалансированного размещения мест приложения труда и мест проживания. Наиболее быстрорастущим, как по населению, так и по экономике, на первом этапе реализации Стратегии должен стать средний пояс, а на втором – дальний.

Для реализации перечисленных задач пространственной политики будет создано 4 стратегических полюса роста, по одному в каждом секторе. Все они должны быть расположены в среднем поясе в муниципалитетах, обладающих для этого необходимыми территориальными ресурсами, и в привязке к перспективам размещения станций скоростного железнодорожного сообщения с Москвой. Для локализации полюсов роста оптимально подходят Солнечногорский, Ногинский, Одинцовский районы и городской округ Домодедово. В качестве опорных точек роста выступают крупнейшие исторические города, расположенные на *«вылетных»* магистралях (по два на каждой – в дальнем и среднем поясе), а также 8 наукоградов. На территориях с наиболее разреженной сетью крупных населенных пунктов могут формироваться новые населенные пункты, интегрирующие создание рабочих мест и жилья (пример – Новый Город в Рузском районе). Всего в качестве опорных точек роста выделяется 14 городских округов, а также городские поселения на территории 20 муниципальных образований.

3) *Привлечение новых ресурсов экономического роста и интенсификация использования имеющихся*

Для поддержания необходимого уровня ресурсного обеспечения намеченных мероприятий Стратегии с учетом возможности сохранения неблагоприятных условий внешней конъюнктуры на длительный период, предусматриваются, наряду с мерами рационализации бюджетных расходов, следующие механизмы экономической политики:

Качество жизни, в том числе:

- Реализация новых форматов крупнейших объектов культурно-досуговой сферы, развитие сети крупных и средних торгово-досуговых центров.
- Включение в состав крупномасштабных девелоперских проектов обязательств по льготному предоставлению жилья для работников здравоохранения и образования.

Качество среды для жизни и ведения бизнеса, в том числе:

- Корректировка государственных Программ Московской области инфраструктурной направленности с учетом критериев 45-минутной доступности благ для населения и бизнеса.
- Отказ от несбалансированного с созданием рабочих мест и развитием инфраструктуры массового многоэтажного строительства и формирования *«спальных районов»*, особенно в ближнем поясе.
- Разработка и реализация подпрограммы *«Реализация комплексных планов повышения качества городской среды»* в рамках ГП *«Развитие ЖКХ»*.
- Приоритетное развитие хордовых транспортных сообщений (легкорельсовый транспорт, путепроводы через железные дороги, транспортно-пересадочные узлы, хордовые автомобильные дороги).
- Формирование системы проектных офисов, сопровождающих реализацию стратегических макропроектов и отдельных инвестиционных проектов, стратегическим целям и задачам.
- Снижение административных барьеров для ведения бизнеса, в первую очередь, в сферах согласования изменений в документах территориального планирования, согласования проектной документации и выдачи разрешений на строительство
- Развитие рынка коммерческой недвижимости на базе старопромышленных зон для привлечения бэк-офисов крупных компаний, предприятий деловых услуг и промышленности, а также формирования локальных культурно-досуговых центров

Качество товаров и услуг, в том числе:

- Предоставление господдержки предприятиям, внедряющим инновации, при создании ими новых высокопроизводительных рабочих мест и заработной платы, а также в случае, если внедряемые инновации произведены на территории Московской области.

- Создание сети федеральных центров компетенций по приоритетным направлениям инновационного развития с акцентом на импортозамещение, ориентированное, в том числе, на экспорт, по приоритетным направлениям инновационной деятельности.
- Расширение участия областных предприятий в технологических платформах и отраслевых бизнес ассоциациях инновационного и высокотехнологичного профиля.
- Расширение сети особых экономических зон (главным образом, технико-внедренческих) в привязке к наукоградам.
- Разработка и реализация программ сотрудничества с крупнейшими госкорпорациями, такими как ОАК, Ростехнологии, РЖД и др.
- Разработка и реализация программ поддержки экспорта совместно с основными институтами развития, прежде всего, с ВЭБ, ЭКСАР и др.. Разработка и реализация ежегодно не менее 5 паспортов экспортных проектов и защита их в Минэкономразвития.
- Акцент в поддержке малого бизнеса на импортозамещающих и экспортно-ориентированных компаниях, формирование региональных интеграционных центров и центров координации поддержки малого бизнеса.

На реализацию предусмотренных в Стратегии задач в действующих госпрограммах Московской области *«работает»* примерно 10% отпущенных средств областного бюджета. При этом на 1 рубль вложений в основной капитал регионального бюджета на решение задач Стратегии ожидается привлечь порядка 12 рублей внебюджетных средств в период 2015–2020 годов и до 22 рублей в период 2021–2030 годов. Поэтому представляется целесообразным при корректировке принятых и разработке будущих региональных госпрограмм увеличить за счет бюджетного маневра долю средств, идущих на реализацию стратегических задач до 15%.

Для успешного формирования ресурсного обеспечения Стратегии Московская область должна достичь лидерских позиций среди регионов России по нескольким направлениям привлечения внебюджетных средств. В реальном секторе экономики: в получении целевого заемного финансирования на развитие экспорта и инноваций благодаря заключению соглашений с ведущими институтами развития и позиционированию области как пилотного региона в совершенствовании государственных механизмов соответствующих секторов. В градостроительной и социальной сферах: вхождению в тройку лидеров по объему инвестиций в проекты развития городской среды благодаря распространению механизмов ГЧП в девелоперской деятельности и финансовой поддержке проектов в муниципалитетах на конкурсной основе. В культурно-досуговой сфере: достижение лидерства по доле внебюджетных средств, привлекаемых в культурно-досуговые проекты благодаря распространению механизмов долевого финансирования и ГЧП.

Стратегические результаты

Стратегическим результатом Московской области станет достижение лидерских позиций по четырем межотраслевым направлениям развития: Межотраслевое направление Прогресс включает инновационный сектор экономики и сферу профессионального образования. Межотраслевое направление Здоровье включает производство продуктов для здоровья и услуги для здоровья. Межотраслевое направление Комфорт включает обеспечение комфорта для проживания и комфорта для ведения бизнеса. Межотраслевое направление Культура включает виды деятельности, обеспечивающие привлечение в область потоков туристов и экскурсантов, реализацию масштабных инвестиционных проектов в сфере культуры, проведение культурных событий мирового масштаба. Именно эти направления определяют необходимую совокупность условий повышения качества жизни, среды, товаров и услуг.

Реализация Стратегии будет осуществляться на базе усиления координации действий федеральных, региональных и муниципальных акторов и позволит достичь более равномерного размещения экономического потенциала и расселения на территории Московской области и усиления ее экономической консолидации. Благодаря более равномерному размещению мест приложения труда, объектов торговли, услуг и социальной сферы, реализации адресной социальной политики, будет обеспечено повсеместное распространение передовых стандартов качества – среды проживания и качества жизни на базе повышения качества производимых товаров, работ, услуг.

Список литературы

[1] Программа Красноярского экономического форума (КЭФ) 18–20 февраля 2016 года. http://www.krasnoforum.ru/page/13 (дата обращения: 12.05. 2016).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мысляева И.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье определены основные тенденции в развитии межбюджетных отношений в Российской Федерации на протяжении последних 15 лет и на этой основе раскрыты причины, сдерживающие эффективное функционирование и сбалансированное развитие отношений между бюджетами в современной России. Особое внимание уделено анализу межбюджетных отношений на субрегиональном уровне. Определены приоритетные направления совершенствования механизмов межбюджетного выравнивания в России как способ обеспечения устойчивости российской экономики.*

В настоящее время, в России до сих пор не решены в полной мере вопросы межбюджетного выравнивая. Хотя за последние годы было сделано немало в этой области, однако все еще остаются проблемы, которые требуют переосмысления и поиска адекватных способов их решения.

Как известно, с начала 90-х гг. прошлого столетия, когда в России начался переход к рыночной системе хозяйствования, коренным образом изменился тип политического устройства. На смену тоталитарному обществу пришло федеративное государство. А вместе с ним пришли и проблемы выстраивания отношений между разными уровнями бюджетной системы – федеральным, региональными и местными бюджетами.

У России практически не было опыта в этом отношении. В лучшем случае, мы пытались заимствовать опыт других стран с федеративным устройством. И кое-что России действительно удалось сделать. В частности, к началу 2000-х гг. в нашей стране уже существовала определенная система межбюджетного выравнивания, включающая: перераспределение средств ряда фондов, созданных в составе федерального бюджета РФ (Фонд финансовой поддержки регионов, Фонд компенсаций, Фонд софинансирования социальных расходов, Фонд реформирования региональных финансов, Фонд регионального развития); разделение всех налогов на федеральные, региональные и местные; наличие регулирующих налогов и доходов, ставки по которым распределялись между разными уровнями бюджетной системы.

В целом, Россия пошла по пути создания кооперативной модели бюджетного федерализма, отличительными характеристиками которой стала высокая степень зависимости нижестоящих бюджетов от вышестоящих. При

* *Мысляева Ирина Николаевна*, д.э.н., профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

этом не могла не складываться и соответствующая система межбюджетного выравнивания.

На протяжении всех 90-х гг. шла активная работа по совершенствованию механизмов распределения средств фондов межбюджетного выравнивания. Это касалось, прежде всего, Фонда финансовой поддержки регионов (ФФПР). И не только потому, что этот фонд появился одним из первых в системе межбюджетных отношений РФ (в 1994 г.), но и потому, что он до сих пор аккумулирует наибольшее количество денежных средств, предназначенных для межбюджетного выравнивания.

Региональная бюджетная политика, проводимая Правительством РФ на протяжении 90-х гг., высветила явные минусы существовавших в тот период механизмов распределения средств ФФПР, результатом которой стал небывалый рост иждивенчества среди регионов. Иначе, наверное, и быть не могло, когда средства ФФПР распределялись на основе одного единственного показателя – средней бюджетной обеспеченности. Получалось, что чем хуже в регионе, тем больше ему достанется из центра. И наоборот, чем лучше ты работаешь, тем меньше средств получишь из центра.

В начале 2000-х гг. от этого недостатка попытались уйти. Этому в немалой степени способствовала реформа ФФПР. Была внедрена принципиально новая, более прозрачная и объективная методика распределения трансфертов этого фонда, направленная на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов при одновременном создании стимулов для проведения на местах рациональной и ответственной бюджетной политики.

По этой методике оценивалась реальная бюджетная обеспеченность регионов на основе индексов бюджетных расходов и налоговых ресурсов. Трансферты ФФПР распределялись таким образом, чтобы повысилась бюджетная обеспеченность регионов с удельным и (в расчете на душу населения) налоговыми ресурсами ниже среднероссийского уровня, гарантировав наименее развитым территориям минимальный уровень бюджетной обеспеченности.

Начиная с 2006 г., в соответствии с *«Концепцией повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации на 2006–2008 годы»* (Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2006 г. № 467-р) основное внимание было сосредоточено на формировании стимулов для регионов и муниципалитетов по наращиванию собственных доходов. Была усовершенствована методика определения налогового потенциала и уровня бюджетной обеспеченности регионов. Была также поставлена проблема качества управления государственными и муниципальными финансами, отмечалась необходимость повышения прозрачности региональных и муниципальных финансов.

В 2009 году на базе *«Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года»* (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 августа 2009 г. № 1123-р) была принята Программа Прави-

тельства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года (Постановление Правительства РФ от 30.06.2010 г. № 1101-р).

Главное внимание в этот период было направлено на повышение качества управления бюджетным процессом в субъектах РФ и муниципалитетах, совершенствование финансового планирования. Для реализации этой задачи предусматривалось осуществить корректировку механизмов оказания финансовой помощи органам государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления. С этой целью были разработаны методики распределения трансфертов по единым стандартам, что не могло не отразиться на уровне финансовой дисциплины в финансовой сфере.

В 2013 году была принята Государственная программа Российской Федерации *«Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации»* на период до 2020 года (утв. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 310). Главными задачами этой программы являются:

- совершенствование системы распределения и перераспределения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы;
- сокращение дифференциации субъектов РФ в уровне их бюджетной обеспеченности;
- обеспечение сбалансированности региональных и местных бюджетов;
- усиление консолидации отдельных видов межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета, в рамках государственных программ, а также их распределение приложениями к бюджету;
- повышение эффективности управления государственными финансами субъектов РФ и муниципальными финансами.

Все перечисленные документы, безусловно, сыграли и, видимо, в будущем еще сыграют свою положительную роль в реформировании межбюджетных отношений в РФ. В частности, как положительный можно отметить тот факт, что за последние годы уровень бюджетной обеспеченности в разных регионах существенно сокращается. Только в 2015 г. 71 регион получили дотации в размере 487,8 млрд. руб.

По данным Минфина РФ, в 2016 году разрыв бюджетной обеспеченности между 10 самыми богатыми и 10 самыми бедными регионами до бюджетного выравнивания составил 5,7 раз. После предоставления дотаций этот разрыв сократился до 2,5 раз. Во многом такое сокращение было обеспечено общим объемом межбюджетных трансфертов, размер которых в 2016 году оставил около 1 трлн. 456 млрд. руб. Предполагается, что в 2017 году их размер увеличится до 1 трлн. 631 млрд. руб.

В целом о структуре межбюджетных трансфертов в РФ свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1.

Межбюджетные трансферты бюджетам субъектов РФ из федерального бюджета РФ, млрд. руб.[8,стр.106]

Наименование	**2015 год**	**2016 год**	**2017 год проект**	**2018 год проект**
Межбюджетные трансферты, всего	1 447,4	1 456,3	1 630,8	1 374,9
в том числе:				
дотации	596,1	657,4	689,6	626,9
в % к МБТ	*41,2*	*45,1*	*42,3*	*45,6*
субсидии	370,2	305,4	359,5	326,1
в % к МБТ	*25,6*	*21,0*	*22,0*	*23,7*
субвенции	308,7	321,8	325,2	311,5
в % к МБТ	*21,3*	*22,1*	*20,0*	*22,7*
иные МБТ	172,4	171,7	256,5	110,4
в % к МБТ	11,9	*11,8*	*15,7*	*8,0*

Как видно из таблицы 1, доля дотаций в межбюджетных трансфертах составляет в настоящее время больше 40%. Причем, эта доля увеличится – с 41,2% в 2015 году до 45,6% в 2018 году. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что главным приоритетом в политике межбюджетных отношений для Правительства РФ на ближайшее время остается перераспределение бюджетных средств.

На наш взгляд, такой приоритет сегодня не может быть признан обоснованным по нескольким причинам:

1. Он закрепляет до сих пор не изжитые иждивенческие настроения большинства регионов.
2. Не формирует в должной мере у регионов стимулов для наращивания собственной налоговой базы, а также не способствует повышению их инвестиционной активности.
3. Слабо согласуется с переходом на программные методы финансирования расходов бюджетов. Например, известно, что, только в 2016 году предоставление субсидий бюджетам субъектам РФ должно осуществляться в рамках 23 государственных программ Российской Федерации.

На наш взгляд, частично решить эти проблемы возможно только в том случае, если постараться переосмыслить сами концептуальные основы российской модели бюджетного федерализма.

Уже на протяжении длительного времени в России ведутся активные дискуссии относительно возможностей перехода от кооперативной к децентрализованной модели бюджетного федерализма, какая, например, существует

в США. Главный аргумент сторонников такого перехода состоит в том, что это единственный способ уйти от иждивенчества и заставить регионы проводить ответственную бюджетную политику.

Нам представляется, что межбюджетные российские проблемы простым переходом к децентрализованной модели не решить. Да и возможность реализации этой модели в России находится под большим сомнением в силу целого ряда обстоятельств. Прежде всего, это касается той особой геополитической ситуации, с которой столкнулась Россия сегодня. В условиях усиливающегося противостояния с другими странами на фоне антироссийских санкций, попытки перехода на децентрализованную модель могут привести к усилению центробежных сил и, как следствие, развалу России. Во-вторых, как показывает опыт США, наличие децентрализованной модели возможно только при условии развитости межтерриториальной миграции населения, а также активности населения по отношению к региональным и местным властям. В России ни того, ни другого нет.

В этих условиях, следует говорить не о переходе от централизованной к децентрализованной модели бюджетного федерализма как главной задаче, а о создании механизмов, позволяющих преодолеть иждивенчество регионов. За счет чего это можно сделать?

Во–первых, за счет изменения соотношения доли межбюджетных трансфертов в пользу субсидий и субвенций, распределение которых должно осуществляться на конкурсной основе. Во-вторых, за счет изменения главного принципа при распределении трансфертов. Основой получения средств из федерального бюджета должен стать принцип улучшения деятельности регионов, а не принцип недостаточности средств. Регионы, которые год от года демонстрируют улучшение показателей своей деятельности, должны получать больше.

На этих принципах должны строиться не только взаимоотношения центра и регионов, но и взаимоотношения регионов и местных органов власти. В настоящее время, если межбюджетные отношения центра и регионов хоть каким-то образом отрегулированы, то отношения регионов с местными органами власти строятся преимущественно на субъективной основе. Отсюда, в том числе, такое плачевное состояние местных бюджетов.

Сегодня бюджет каждого второго города или района имеет превышение фактических расходов над доходами, т.е. является дефицитным. Так, по данным Минфина РФ, в 2014 г. в целом по Российской Федерации местные бюджеты были исполнены с дефицитом. Объем расходов превысил объем поступивших доходов местных бюджетов на 54,7 млрд рублей. Только в 1,7% муниципальных образованиях бюджеты в этот период были сбалансированы. Во многом это также является результатом тех недостатков, которые присущи механизмам межбюджетного выравнивания на субрегионльном уровне.

В настоящее время выравнивание бюджетной обеспеченности на муниципальном уровне осуществляется за счет:

1. Установления нормативов отчислений в местные бюджеты от налогов, подлежащих зачислению в вышестоящий бюджет (бюджет субъекта или муниципального района).

2. Дотаций местным бюджетам на выравнивание бюджетной обеспеченности через фонды финансовой поддержки (Региональный фонд финансовой поддержки поселений, Региональный фонд финансовой поддержки муниципальных районов, Районный фонд поддержки поселений, Фонд муниципального развития и др.)

Что касается отчислений от налогов, то для муниципалитетов они носят не регулярный характер. Только по двум налогам – налогу на доходы физических лиц и акцизам бюджетным законодательством установлен обязательный процент отчислений. Так, в соответствии со статьей 58 Бюджетного кодекса РФ установлено, что органы государственной власти субъекта РФ обязаны в обязательном порядке перечислять в местные бюджеты не менее 15% от налога на доходы физических лиц, а также не менее 10% от акцизов на бензин, дизельное топливо и моторные масла.

По остальным налогам, таких нормативов нет. Все на усмотрение региональных властей. Поэтому хотя БК РФ установлено право субъектов РФ самостоятельно закреплять за местными бюджетами отчисления от федеральных и региональных налогов, в 2014 году данным правом воспользовались 78 субъектов РФ, да и то не по всем налогам. По данным Департамента межбюджетных отношений Минфина РФ, в 2014 году помимо отчислений от налога на доходы физических лиц, были установлены единые нормативы отчислений по следующим налогам:

- налог на имущество организаций – 10 регионов;
- налог на прибыль организаций – 6 регионов;
- транспортный налог – 6 регионов;
- налог на игорный бизнес – 5 регионов;
- налог на добычу полезных ископаемых – 7 регионов;
- налог, взимаемый в связи с упрощенной системой налогообложения – 30 регионов.

И это при том, что налоговая база по территории отдельных субъектов РФ распределена крайне неравномерно. Поэтому одно лишь определение долгосрочных нормативов отчислений от федеральных или региональных налогов в местные бюджеты не может само по себе решить проблему сбалансированности местных бюджетов. Как не могут ее решить и дотации местным бюджетам из фондов финансовой поддержки, доля которых в структуре местных бюджетов очень велика.

Так, по данным Минфина РФ, в 2014 году только в 10% муниципальных образований доля межбюджетных трансфертов составляла меньше 10%, в 78,5% местных бюджетов – более 30%, в том числе в 37,4% – свыше 70%.

Все перечисленное свидетельствует о том, что в настоящее время в РФ система межбюджетных отношений, как на региональном, так и на муниципальном уровне нуждается в дальнейшем реформировании.

Такое реформирование должно:

- обеспечить заинтересованность органов государственной власти и органов местного самоуправления в повышении уровня собственных доходов бюджетов посредством совершенствования механизмов распределения средств фондов финансового выравнивания;
- сократить дотационность территориальных бюджетов за счет минимизации встречных финансовых потоков;
- четко разграничить расходные и доходные полномочия между уровнями бюджетной системы;
- не допустить изъятие или принудительную централизацию в бюджеты другого уровня собственных доходов, дополнительно полученных или сэкономленных бюджетных средств;
- жестко контролировать обязательность компенсаций бюджетам недостающих средствпри уменьшении их доходов или увеличении расходов вследствие решений, принимаемых органами власти другого уровня;
- ввести и более жестко контролировать взаимную ответственность органов власти разных уровней за соблюдение обязательств по межбюджетным отношениям;
- повысить ответственность органов власти на каждом уровне за сбалансированность бюджета и бюджетную обеспеченность.

Экономический кризис 2008–2010 гг. продемонстрировал зависимость доходной части бюджетов многих субъектов РФ от динамики общеэкономической конъюнктуры. Чтобы ослабить такую зависимость, необходимо формирование резервных фондов в субъектах РФ, чему в немалой степени может способствовать запрет на размещение бюджетных средств на банковских депозитах.

Приоритетами бюджетной политики РФ в сфере взаимодействия с субъектами РФ и муниципальными образованиям должно также оставаться внедрение передовых технологий в практику управления бюджетным процессом, обеспечивающих эффективное и качественное предоставление бюджетных услуг.

Список литературы

[1] Постановление Правительства РФ от 15 августа 2001 г. №584 *«О программе развития бюджетного федерализма в РФ на период до 2005 года»*.

[2] *«Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации на 2006–2008 годы»* (Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2006 г. № 467-р).

[3] Федеральный закон *«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* (ФЗ-131) от 6 октября 2003 г.

[4] *«Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года»* (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 августа 2009 г. № 1123-р).

[5] Программа Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года (Постановление Правительства РФ от 30.06.2010 г. № 1101-р).

[6] Государственная программа Российской Федерации *«Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации»* на период до 2020 года. (утв. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 310).

[7] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2014 год – www.minfin.ru (дата обращения: 12.05. 2016).

[8] Основные направления бюджетной политики на 2016 и на плановый период 2017 и 2018 годы – www.minfin.ru (дата обращения: 12.05. 2016).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аракелян Н.Р., Аракелян А.Э.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Ответственность за суверенитет страны за стратегическим развитием экономики и трансформацией корпоративного и государственного управления в современном мире. Традиции исследований циклического развития и процесса глобализации – источник информации для регулирования экономики, создания стимулов развития экономики и производства. Выход из кризиса – согласование международных антикризисных мер, их соответствие мероприятиям, проводимым в рамках экономик, интерес к практике своевременного регулирования экономики с чувством меры в соответствии с результатами исследований. Наука и образование имеют перспективные формы взаимодействия для улучшения результатов корпоративного управления и регулирования экономик в условиях циклического развития и глобализации.*

1. Традиция исследований циклического развития экономик дала неоценимый результат – формирование мощного источника информации для регулирования экономик в рамках системного управления. Возможный выход из глобального кризиса представляется при условии согласования международных антикризисных мер и соответствия им мероприятий в отдельных экономиках. Однако н**еобходимо и профессиональное суждение, сформированное совместными усилиями бизнеса – власти – общества в процессе поиска: механизмов, обеспечивающих согласованное государственное и корпоративное управление, их** трансформацию в условиях циклического развития и глобализации; иных поведенческих шаблонов; **социальной политики в условиях разрешения мегаэкономических дисбалансов в национальной экономической системе; путей обеспечения суверенитета страны.**

Как известно, экономические процессы – не линейные и равновесные процессы, не имеют *«непрерывный прогрессивный»* характер. В России кризис, продемонстрировав слабые точки, возбудил новый интерес к традиции исследований циклов в экономике, а они имеют признанный приоритет в решении многих задач в мире. Сегодня исследования приобретают системный характер, становятся достойным продолжением научных традиций, а их результаты периодически обсуждаются на ежегодных Кондратьевских, с 2012 года – Бунатянов-

* *Аракелян Наринэ Робертовна*, к.э.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ских чтениях, других профессиональных форумах. Активно обсуждаются темы: *«Особенности кризисных явлений в социально-экономическом развитии России»* (Аганбегян Абел Гезевич), *«О мерах по институционализации в России исследований экономических циклов и кризисов»* (Айрапетян Мамикон Сергеевич), *«Переход к новой идеологии управления глобальным экономическим развитием»* (Глазьев Сергей Юрьевич), *«Российское научное зарубежье: изгнание или история успеха? По следам Ментора Бунатяна»* (Сорокина Марина Юрьевна), *«Замкнутая динамическая модель для описания и расчета длинной волны экономического развития Кондратьева* (*Акаев Аскар Акаевич*), *«Особенности экономических кризисов в агропромышленной сфере»* (Крылатых Эльвира Николаевна), *«Чем больна Россия* (*экономический диагноз в свете больших циклов конъюнктуры*)» (Нуреев Рустем Махмутович), *«Цивилизационный кризис XXIв.: сущность и стратегия преодоления»* (Яковец Юрий Владимирович), *«Некоторые вопросы исследования экономических циклов»* (Куранов Геннадий Оразович), *«Проблемные вопросы трансформации общественного механизма спада в экономический рост»* (Фролов Игорь Эдуардович), *«Траектория экономики России XX–XXI вв.»* (Смирнов Сергей Владиславович), *«Окрестность 2018–2020 гг. как время социальных и криминальных потрясений»* (Дубовский Сергей Васильевич), *«Перспективы развития мировой экономики XXI века в свете формирования интегрального мирохозяйственного уклада»* (Айвазов Александр Эрминович), *«Экономический рост и кризис как фазы цикла* (*проблема запуска роста в России*)» (Сухарев Олег Сергеевич), *«Генезис и эволюция циклов Кондратьева»* (Клинов Виленин Георгиевич), *«Некоторые подходы к анализу и прогнозированию циклических колебаний в экономике»* (Пантин Владимир Игоревич), *«Научно-практическая интеграция образования и экономики в условиях циклического развития и глобализации»* (Аракелян Наринэ Робертовна), *«Институциональные предпосылки экономических циклов и кризисов: историко-экономический анализ»* (Сазанова Светлана Леонидовна), *«Определение поворотных точек при циклических колебаниях в экономике»* (Френкель Александр Адольфович), *«Способы интенсивного создания инноваций для выхода из кризиса»* (Никонова Алла Александровна), *«Железнодорожное строительство в России в контексте фаз циклов Кондратьева* (*вторая половина XIX века*)» (Кончаков Роман Борисович), *«Исследование системы с экспоненциальной реакцией на воздействие и случайными возмущениями»* (Катаргин Николай Викторович) и другие.

Флуктуация фактических объемов производства вокруг потенциального уровня породила основные теории циклов. Они связаны с изменениями в совокупных расходах (Кейнс), которые определяются предельной склонностью к потреблению, сбережению, инвестированию. Нарушение равновесия приводит к изменению уровней безработицы и инфляции. Их рост/сокращение приводят к цикличности развития – объективный характер циклов. Известны факторы экономических циклов: рост потребления, зарплаты, стремление к повышению уровня и качества жизни; разные темпы роста между разными странами; ограниченность экономических ресурсов; инновации и научный прогресс; социальные и техногенные катастрофы (войны, преступления, землетрясения, революции...). Известны теории экономических циклов: “внешние” (Jewons family and others) – научные изобретения, политические революции, цены на нефть; “внутренние” (Malthus, Sismondi etc) – недостаточное

потребление; синтез внешних и внутренних теорий (Samuelson) – эффект акселератора; денежные факторы (Houtry, Friedman); наконец, мегаэкономическая теория, которая находится в стадии формирования.

Неокейнсианцы акцентируют внимание на росте государственных расходов как стимуляторе накопления (налоговые мероприятия, дополняющие бюджетные меры, ведут к стимулированию совокупного спроса и далее, производства). Неоконсерваторы, хотя и уделяют больше внимания росту деловой активности через снижение налогов, считают налогово-бюджетную политику в качестве дополнения к денежно-кредитной.

В целом, методы регулирования имеют перекрестное совпадение *«деньги–инфляция»*, поэтому напрямую связаны с социальной политикой. Очевидно, что мероприятия, которые сводятся к мерам в областях налогово-бюджетной и денежно-кредитной, должны учитывать интересы социальной политики и проводиться не в ущерб ей.

В мегаэкономике международные перемещения кривых спроса и предложения – результат тенденций балансирования предельных продуктов факторов экономики. В связи с этим не всегда перемещение кривой спроса и кривой предложения, соответственно, сокращают и увеличивают объемы производства. Так, перемещение кривой спроса вправо при уменьшении предельного продукта выпуска может привести к сокращению производства и увеличение денежного предложения в одной стране может привести к истощению ресурсов в другой.

Цель антикризисной политики – возвращение экономики в равновесие.

Методы – воздействие на кривые спроса и предложения в краткосрочные и среднесрочные периоды. Инструменты: бюджетная политика (государственные заказы частным компаниям, строительство); фискальная политика (сокращение налогов во время кризисов, повышение в периоды экономического роста). В мегаэкономике к инструментам добавляются политика обменного курса и государственного долга. Через политику обменного курса, аккумулирования долга развитые страны *«вытягивают»* ресурсы развивающихся стран. До сих пор не окончательно сформированы международные институты финансового регулирования, правительства, резервные и валютные системы. Результат: в XXI веке дисбаланс в мировой экономике продолжает углубляться.

Пока ни одна страна не осуществляет адекватной макроэкономической политики, полноценно учитывающей требования мегаэкономики. Структурный кризис – результат традиционных и новых дисбалансов между населением и распределением ресурсов, инновациями и ограниченностью ресурсов, трансфертом капитала и ростом населения, спросом и предложением, потреблением и инвестициями, в структуре производства, в территориальном распределении производства. В условиях глобальной экономики проблема равновесия становится важнее, чем прежде. Сегодня, когда ряд государств обязаны считаться с тем, что выход из кризиса возможен при согласовании антикризисных мер, их соответствии мероприятиям, проводимым в рамках отдельных экономик, еще более возрастает интерес не только к прогнозу развития, но и к практике своевременного регулирования экономики с чувством меры в соответствии с прогнозами исследований циклического развития.

2. Глобальный системный кризис выявил противоречия между сложившейся структурой и взаимозависимостью дифференцированных стран в мире. Современная структура хозяйства, обусловленная стремительным развитием интернационализации производства, обмена достижениями – основы нового технологического уклада, подтверждает и утверждает процесс ускорения глобализации, которая, как экономика в целом, во времени и пространстве развивается неравномерно. Она объективна, но отмене не подлежит, что подготовило глобальный кризис системы мирохозяйственных отношений, структуры экономики, а также действующей *«надстройки миропорядка»*. Изменения в международных отношениях, торговле, финансовых связях требуют коррекции роли и функции институтов. Растет значение крупных игроков мировой экономики в структуре мирового хозяйства. Интеграционные объединения в Европе, Юго-Восточной Азии, Северной Америке – это центры притяжения, обладающие конкурентоспособностью.

В мире международное разделение труда (кроме природных ресурсов, продукции, связанной с особыми природно-климатическими условиями), специализация и кооперирование перестают быть закреплёнными в пространстве. Их носителями уже стали транснациональные корпорации. Главный фактор изменения международного разделения труда – прорывные открытия в науке и технике, определяющие перманентную модернизацию, обновление техники и технологии в производстве товаров и услуг, что, кстати, не говорит об исчезновении специализации и кооперации в области готовой продукции. Выход из кризиса – это движение мировой экономики в сторону равновесия с учетом требований мегаэкономики. Традиционные подходы стимулирования предложения/спроса не в состоянии обеспечить ускоренное экономическое развитие. Необходимы глобальные изменения, возможно наднациональное управление общей экономикой и финансовым рынком. Нужна комбинация стимулирования спроса и предложения, которая совпала бы с требованиями равновесия и выравнивания предельных продуктов по регионам мира. В противном случае борьба только макроэкономическими инструментами в пределах одного государства может усугубить последствия в другом.

История свидетельствует, что механизмом, *«обеспечивающим сближение стран, является распространение знаний... самые бедные страны догоняют богатые тогда, когда им удается достичь того же уровня технологического развития, навыков и образования...»* [1, с.86]. Распространение знаний ускоряется за счет международных открытий страны, либерализации торговли и зависит от способности страны мобилизовать финансы/институты, готовые осуществлять крупные вложения в образование населения и обеспечивать предсказуемые юридические рамки через построение эффективной государственной власти. Поэтому для России важны модернизация структуры экономики на новой технологической основе, чтобы преодолеть ее зависимость. Осуществление крупных структурных и рыночных реформ должно опираться на прогнозирование взаимного влияния финансово-экономических процессов на ситуацию в мире и России [2, с.4].

Для формирования профессионального суждения важны спрос и предложение определенной квалификации. Предложение зависит от системы образо-

вания, количества людей, которые сумели получить доступ к востребованной специальности, качества образования, практики. Спрос – от уровня развития технологий производства потребляемых товаров и услуг. Состояние системы образования и технологий играют ключевую роль, влияют на соотношение сил между различными социальными группами. Система образования зависит от государственной политики, критериев отбора в разных специальностях, финансирования системы, стоимости обучения. Технологический прогресс *«... зависит от темпа внедрения изобретений и, как правило, приводит к постоянному усилению спроса на квалификацию, а также к постоянному обновлению содержания квалификации... если предложение квалификации не поспевает за потребностями технологии, то группы, профессиональное обучение которых оказалось недостаточным, получают низкую зарплату и занимают менее привлекательные рабочие места, а неравенство в труде усиливается... система образования должна обеспечивать достаточно быстрое улучшение профессионального обучения и повышение уровня квалификации... чтобы неравенство снижалось, предложение квалификации должно увеличиваться еще быстрее...»* [3, с.12–19].

Таким образом, посткризисное устройства мира – это глобальные дисбалансы, а тенденции развития экономики – посткризисное развитие. Поэтому взаимосогласованная трансформация корпоративного и государственного управления должны иметь отпечаток процессов, происходящих в мире. В условиях циклического развития и глобализации работа советов директоров, управление корпорациями будут направлены на развитие равноправного взаимодействия бизнеса – государства – общества на одной стороне барьера за развитие конкурентоспособной экономики. Другого не дано. В условиях нестабильности необходима особая экономическая политика: структурные и стабилизационные меры экономической политики в условиях обновления финансовой архитектуры, будущего мировых резервных валют. Поэтому ответственность за суверенитет страны за стратегическим развитием экономики и трансформацией корпоративного и государственного управления в современном мире.

Крайне важно и повышение уровня самоуправления, причем не только в системе управления отдельных хозяйствующих единиц, но и в государственной системе управления. Это позволит резко сократить расходы на управление: чем выше уровень самоуправления, тем меньше субъект управления.

Порядок не противопоставляется хаосу, а наоборот, связан в виде отношения хаоса к порядку. Он является коэффициентом развития и с производительностью труда определяет движущийся фактор производства, уровень становления человеческого общества. В этом отношении заложен фактор экономических кризисов, распад государств, переход на более высокий жизнеспособный уровень. Механизм заложен в самой живой природе, где упорядоченный строй спонтанно нарушается, приводя в состояние хаоса, там же и черпают необходимую энергию для продолжения деятельности в упорядоченной структуре.

Основные взаимосвязанные и взаимозависимые действующие лица – природа , в виде силы знаний Z , человек с присущей ему инерцией мышления ♀, общество, с изменяющимися энергетическими мощностями Y, и коэффициент,

отражающий отношение случайности H к необходимости I. Z=H/I ♀Y. Мировой финансовый кризис ускоряет процесс перехода к упорядоченной системе, взятия под контроль государства целых отраслей экономики. Эти же усилия приводят к усилению ответственности командно-административной системы, порождая одновременно уверенность, надежду. Если представить деньги в виде энергии, (общество базируется на ней), то накачка ничем не обеспеченных мнимых денег, то есть мнимой энергии, и приводит к саморазрушению экономики.

Нарушение баланса спроса и предложения, индикаторов развития, со временем отражается на всех, где бы они не находились и чем бы не занимались. Происходит своеобразная в унисон с кризисом пульсация необходимых мер и анти мер. Но с другой стороны, все искусственные препятствия, например, дискриминационные мероприятия в виде, санкций, блокад целых государств и народов, должны быть сняты.

3. Важнейшие инструменты создания и сохранения государства, суверенности – это культура – наука – образование, их развитие – это вопросы будущего страны. В мире всё больше они, а не ресурсы и производительные силы определяют могущество страны. **Идеология, менталитет человека/нации и науки –** *«… эти факторы формируют систему образования и технологическое пространство, а все вместе определяют уровень национальной культуры. И уже исходя из уровня культуры и технологических возможностей определяются система ценностей, потребности и возможности их удовлетворения»* [4, с.377].

Наука – образование имеют перспективные формы взаимодействия для помощи трансформации корпоративного управления и методов регулирования экономик. Преодолеть кризис можно только путем научно-практического созидания. В добавок, к сожалению, неоднократно по причине отказа от бесценного опыта, разрушения эффективных институтов, России не удавалось сохранить полученный в наследство научно-технологический потенциал, статус технологической державы, а регресс привел ко многим нежелательным антироссийским акциям.

Человечество с отстающим образовательным и культурным потенциалом – слабое звено прогресса. А если страна развивается на игле ресурсов и чужих технологий? В любых областях у нас много негативных примеров. Для того, чтобы менялось отношение к проблемам, необходимо изменить отношение к системе управления в целом. Это риск, но отказаться от риска – значит отказаться от творчества. Сегодня необходима экономическая система, отличная от существующей, которая позволит разрешить противоречие повышением качества жизни наравне с ведущими мировыми державами, технологическим развитием наравне с развивающимися странами и реальной политикой отличной от получения максимальной прибыли или быстрого способа достижения результата, приводящей к экономике, ориентированной на ресурсно-сырьевое развитие. По нашему убеждению, формирование такой национальной экономической системы – сложный длительный процесс интеграции науки – образования – экономики, требует соответствующей государственной экономической политики / стратегического развития и соответствующих руководителей – специалистов/квалифицированных инженеров по отраслям, восполнит отсутствие

производства, освободит финансовую сферу от внешних источников, рисков, обеспечив стабильность.

Для решения проблем собственного развития и активного влияния на глобальные процессы и рынки России необходима такая национальная конкурентоспособность, которая, как совокупность конкурентоспособности государства, бизнеса и общества определится соответствием уровня развития человеческого потенциала мировым стандартам и способностью привлекать внешние природные, финансовые, кадровые и другие ресурсы. Только высокий уровень национальной конкурентоспособности позволяет проводить самостоятельную внешнюю политику и мнение, отличное от мнения мирового сообщества.

Развитие единой целостной государственной системы образования – функция государства, реализация которой обеспечит суверенитет государства наряду со всеми другими его столпами. В части продовольственной и энергетической безопасности, вооруженных сил, собственной службы безопасности, собственной финансовой системы, принадлежности природных ресурсов государству, наличия промышленности, науки, культуры, соответствующей потенциалу общества, наличия системы ценностей, обеспечивающей нравственную устойчивость общества к вредным воздействиям извне, наличия населения, способного к воспроизводству (min) и росту (max), и, в конечном счете, наличия системы целостного образования.

В единой государственной системе образования источник знаний и решений – фундаментальная наука, способная питать политику инновационного развития на основе современных достижений НТП при условии подготовки востребованных научных кадров. Логически это интеграция науки и образования в единой экономической системе.

Список литературы

[1] *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. Белкнап Пресс – Изд-во Гарвардского университета. Кембридж, Массачусетс, Лондон, Англия. 2014. С. 86.

[2] *Аганбегян А.Г.* Об уроках финансово-экономического и социального кризиса в России // Проблемы теории и практики управления. № 3. 2013. С. 4.

[3] *Иванов В.В.* Научно-инновационный кризис и пути его преодоления // Инновации № 11(205). 2015. С. 12–19.

[4] *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. Белкнап Пресс – Изд-во Гарвардского университета. Кембридж, Массачусетс, Лондон, Англия. 2014. С. 377.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ

Фомушкин В.Ю.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье изложены ключевые особенности транспортной системы России, оказывающие непосредственное влияние на транспортную стратегию. Проанализирован опыт ведущих стран в осуществлении собственной транспортной стратегии, выявлены как общие для всех стран, так и специфические для отдельных направления транспортной политики. Дана оценка содержанию «Транспортной стратегии России на период до 2030 г.» и предложены пути ее совершенствования.*

1. Текущее состояние транспортной системы России. В XXI веке научно-технический прогресс приводит к существенным структурным изменениям в экономике, когда на смену традиционным отраслям приходят новые. Однако актуальность транспорта от этого не только не падает, но и возрастает. Дальнейшее экономическое развитие неизбежно приводит к росту товарной массы, а это, в свою очередь, вызывает необходимость постоянного роста объема перевозок и их скорости. При этом для сохранения конкурентоспособности приходится постоянно заботиться о сокращении стоимости перевозок. Именно с этими основными вызовами приходится иметь дело правительствам разных стран при формировании своей транспортной стратегии.

У России нет другого выбора, кроме как работать в этих же направлениях, тем более, что и по объемам, и по скорости, и особенно по стоимости перевозок мы заметно уступаем ведущим странам мира. В этих условиях представляется необходимым:

1) оценить текущее состояние российской транспортной системы, выявить основные ее особенности и характерные черты;
2) определить общие и специфические направления развития транспортной системы в передовых странах мира;
3) проанализировать текущую транспортную стратегию России и сформулировать предложения по ее совершенствованию.

Российская Федерация является самой большой по занимаемой площади страной мира и это не может не сказываться на развитии транспортной системы. Занимая огромную территорию и имея весьма ограниченный выход к морю Россия остро нуждается в развитых сухопутных транспортных коммуникациях для обеспечения внутреннего грузо- и пассажиропотока, а также для реализации транзитного потенциала.

* *Фомушкин Вячеслав Юрьевич*, к.э.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Другой характерной особенностью России, влияющей на транспортную политику, является сильная дифференциация в развитии инфраструктуры отдельных регионов. Это приводит к чрезмерной концентрации транспортных потоков на одних направлениях и практически полном их отсутствии на других.

Исторически сложилось, что все основные транспортные артерии России проходят через Москву. Данное обстоятельство серьезно затрудняет перемещение людей и грузов между провинциальными населенными пунктами, так как приходится следовать через постоянно перегруженный московский транспортный узел. Иногда, чтобы доехать из одного города в другой, приходится делать огромный крюк, что заметно увеличивает себестоимость таких перевозок.

Для нашей страны также характерно относительно низкое качество транспортной инфраструктуры. Значительная ее часть досталась нам еще со времен СССР и долго не ремонтировалась. Лишь в последние годы предпринимаются активные попытки обновления, но они не могут дать заметного эффекта, так как темпы обновления пока невелики.

Суровый климат, существенные перепады температур в течении года препятствуют стабильному использованию многих транспортных путей. Речная навигация прекращается в зимнее время, морская нередко требует ледокольной проводки, использование дорог и взлетно-посадочных полос аэропортов может быть прервано обильным снегопадом и т.д. Данное обстоятельство требует наличия различных альтернативных способов передвижения людей и грузов, что в условиях относительно низкой плотности транспортных коммуникаций крайне затруднительно.

Структура транспортной системы России также имеет ряд особенностей. В частности, в ней слишком высока доля железнодорожного транспорта и относительно мала доля автомобильного. Это также связано с историей нашей страны, так как в советские годы предпочтение отдавалось развитию железнодорожного транспорта. В сегодняшних реалиях это приводит к относительно высокой монополизации транспортных услуг из-за того, что самый конкурентный вид транспорта (автомобильный) развит плохо, а один из самых монополизированных (железнодорожный) – доминирует в общем объеме перевозок.

Достаточно часто в различных источниках можно найти упоминания о высоком транзитном потенциале России. При этом почти всегда добавляют, что он плохо используется. Чтобы лучше понять суть проблемы необходимо выяснить те факторы, от которых зависит транзитный потенциал, чтобы точнее определить возможные направления его повышения.

Главным фактором, определяющим транзитный потенциал России, является ее территория, лежащая на пути из Европы в Азию, то есть на том маршруте, который всегда был и остается основным торговым маршрутом в мире. Она же в потенциале может стать связующим звеном на сухопутном пути из Азии в Америку, если удастся построить мост или тоннель через Берингов пролив. Но одной территории, пусть даже имеющей удачное географическое положение, не достаточно для того, чтобы транзитный потенциал был действительно высоким. Необходимы и другие факторы, а с ними у России обстоит все уже не так хорошо.

Важным фактором для транзитных перевозок является их стоимость. Транзитные перевозки – конкурентная сфера, где у любого маршрута всегда есть несколько альтернатив. В частности с российским сухопутным коридором из Европы в Азию конкурируют морские перевозки по тому же маршруту, которые значительно дешевле, хотя и уступают сухопутному маршруту по скорости.

В этих условиях, возникает необходимость скоординированных мер по снижению стоимости перевозок, что должно повысить конкурентоспособность российского транзитного маршрута. Однако такое снижение, если оно достигает значительных размеров, делает данные транзитные перевозки менее привлекательными как для транспортных операторов, так и для государства. Таким образом, приходится находится в постоянном поиске оптимальной стоимости, которая удовлетворяла бы обе стороны.

Еще одним важным фактором для транзитных перевозок является их безопасность. Охрана груза на большом по протяженности маршруте представляет значительную проблему, а любые дополнительные усилия в этом направлении (например, страхование грузов) выливаются в дополнительные издержки, снижающие экономическую эффективность перевозок. При этом альтернативные морские маршруты куда более безопасны. Государству необходимо предпринимать комплексные меры по охране транзитных грузов, чтобы повысить конкурентоспособность российского транзитного маршрута.

Также следует упомянуть о простоте прохождения пограничных процедур, как об одном из факторов транзитного потенциала. Простота таможенного оформления, быстрота прохождения границы сказываются положительно или отрицательно на конкурентоспособности маршрута. На российской границе прохождение таможенных процедур всегда было делом непростым. Усилия по их упрощению предпринимаются уже достаточно давно, но пока результат нельзя назвать удовлетворительным.

Очевидно, что транзитный потенциал России зависит от очень многих факторов. В современном мире недостаточно просто иметь удобное географическое положение, чтобы в полной мере использовать его выгоды. Привлечение транзитных транспортных потоков на свою территорию превратилось в одно из направлений транспортной политики. Причем конкурентная борьба за эти потоки между странами только обостряется.

2. Основные направления развития транспортной системы в зарубежных странах. При всей специфике, характерной для каждой страны и вызванной целым рядом особенностей ее развития, можно выделить некоторые общие тенденции, которые в настоящий момент прослеживаются в транспортной политике большинства стран**.**

Учитывая напряженную международную обстановку и растущую угрозу терроризма в последнее время все большее внимание уделяется проблеме безопасности на транспорте. Решение этой проблемы носит комплексный характер. Во-первых, постоянно ужесточаются требования к техническому состоянию транспортных средств, в особенности тех, что представляют повышенную опасность. Во-вторых, совершенствуются принципы организации движения

транспортных средств в направлении предотвращения возникновения аварийных ситуаций. В-третьих, расширяются меры специального характера, начиная от тщательного контроля доступа людей к транспортным средствам и заканчивая превентивными мерами, типа прослушивания телефонов или перехвата электронных сообщений лиц, представляющих потенциальную угрозу.

Транспорт, особенно городской, является одним из основных источников загрязнения окружающей среды. В этой связи, не случайно одной из главных тенденций в транспортной политике последних лет является борьба за сокращение вредного воздействия транспорта на экологию. Данная проблема решается в рамках так называемой концепции устойчивого развития, получившей широкое распространение в развитых странах. Она предполагает введение максимальных ограничений для тех видов транспорта, которые пагубно влияют на окружающую среду и максимальных преференций для экологически чистых видов транспорта.

В последние годы все активнее используются механизмы государственно-частного партнерства. Это в частности проявляется в строительстве и эксплуатации платных дорог, когда на средства бизнеса при поддержке государства строятся автомагистрали, являющиеся альтернативными вариантами проезда на наиболее загруженных направлениях. Аналогичный механизм может использоваться в отношении мостов, тоннелей, аэропортов и морских гаваней.

Еще одной важной тенденцией в транспортной стратегии современных государств следует назвать растущие требования к качеству транспортных услуг. Все большее развитие получают системы сертификации качества, вводимые не столько государственными органами, сколько различными ассоциациями, союзами и прочими профессиональными объединениями.

И наконец, нельзя не сказать об огромном внимании органов власти к вопросам модернизации транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Эти мероприятия призваны создать необходимую базу для решения других актуальных проблем, таких как обеспечение безопасности, решение экологических проблем, повышение качества предоставляемых на транспорте услуг и т.д.

Особенности транспортной стратегии США во многом обусловлены современным состоянием их национальной транспортной системы. Если перевозка грузов достаточно равномерно распределена между разными видами транспорта, причем наибольший вес приходится именно на железнодорожный транспорт, то перевозка пассажиров практически полностью (более 85%) осуществляется за счет автомобильного транспорта (как правило, личного), с небольшим добавлением воздушного (более 10%) при перевозке на дальние расстояния.

По этой причине основное внимание американских властей приковано к решению проблем автомобильного транспорта, главной из которых является проблема городских пробок. В решении этой проблемы США ушли дальше, чем кто-либо, работая по двум основным направлениям. Во-первых, постоянное внимание уделяется вопросу расширения пропускной способности транспортной сети внутри и вблизи крупных городов. Во-вторых, массово внедряется

автоматизация управления дорожным движением (системы ITS), при которой искусственный интеллект регулирует движение по городу, максимально возможно предотвращая создание значительных заторов.

Транспорт провозглашен одним из главных факторов экономического роста США и с этим связаны другие особенности транспортной стратегии. Среди ее приоритетов следует назвать снижение цен на перевозки для обеспечения большей доступности транспортных услуг, привлечение дополнительных частных инвестиций в эту отрасль, включая и инвестиции со стороны малого бизнеса, снятие торговых барьеров при поставках продукции для нужд транспортной отрасли и т.д.

Основные принципы и положения транспортной стратегии Европейского Союза (далее ЕС) содержатся в так называемой *«Белой книги»*. Ее содержание постоянно корректируется, но основные принципы, которые в целом соответствуют общемировым тенденциям, остаются неизменными на протяжении многих лет. Однако о некоторых особенностях транспортной стратегии ЕС стоит упомянуть.

В отличие от США страны ЕС значительное внимание уделяют развитию железнодорожных пассажирских перевозок. С одной стороны, считается, что практически уже достигнут предел наращивания пропускной способности автомобильных дорог, а с другой стороны, железнодорожный транспорт существенно меньше загрязняет окружающую среду, чему в Европе придается огромное значение. Кроме того, развитие железнодорожного транспорта идет по линии наращивания скоростных перевозок, которые заметно повышают мобильность населения, так как при поездках на средние расстояния могут соперничать по времени в пути с самолетами.

Значительное внимание в странах ЕС уделено доступности транспортных услуг для людей с ограниченными возможностями. Можно сказать, что в этом отношении ЕС продвинулись дальше, чем кто-либо, и продолжают наращивать свои усилия в данном направлении. Достаточно сказать, что одним из основных условий для любых инвестиционных проектов в сфере транспорта является создание условий для комфортного использования инвалидами возводимой транспортной инфраструктуры.

Помимо экологической эффективности в странах ЕС значительное внимание также уделено энергетической эффективности транспорта. Как известно, страны ЕС, в основном импортируют энергоносители, а потому подобная политика вполне обоснована. Свое выражение она находит в постоянном ужесточении требований по энергопотреблению как для транспортных средств, так и для транспортной инфраструктуры. В частности, создаются разнообразные стимулы для использования машин с малым потреблением топлива и это дает результаты. В Европе как нигде много малолитражек в личном парке у граждан и предприятий, включая даже ведущих политиков, которые личным примером демонстрируют правильность подобного выбора.

Кроме того, в ЕС широкое распространение получили автоматизированные системы управления дорожным движением (системы ITS). В этом вопросе они идут нога в ногу с США. Причем европейцы планируют распространить

тот опыт, который у них есть в организации движения внутри городской сети, на междугородние и международные сообщения. Существующие программные документы, в частности стратегия *«Европа-2020»*, предполагает углубление интеллектуализации транспортной сферы в масштабах всего ЕС.

Китай в настоящий момент ключевое внимание уделяет вопросам развития транспортной инфраструктуры. Внутри страны развернуто масштабное строительство, которое призвано повысить уровень доступности транспортных услуг в районах, отдаленных от моря, которые традиционно испытывали в этом дефицит. Следует добавить, что строительство идет на современной технологической базе. В частности большое внимание уделяется прокладке магистралей для скоростных поездов, идущих со скоростью превышающей 200 км/ч, а то и 300 км/ч. По протяженности таких путей Китай является мировым лидером и постоянно наращивает свое преимущество.

Но амбиции китайцев простираются далеко за пределы своей страны. Общеизвестен проект *«Нового шелкового пути»*. Он подразумевает организацию системы транспортных коридоров для контейнерных перевозок грузов по железным дорогам из Азии в Европу и наоборот. Такой проект открывает перед Китаем огромные перспективы по расширению рынков сбыта, так как позволяет значительно сократить время доставки продукции и организовать прямое сообщение с отдаленными от моря регионами.

Китай подходит к этому проекту очень основательно, а потому рассматриваются разные варианты маршрутов, как проходящие по территории России, так и идущие в обход нее. Скорее всего, чтобы исключить возможные риски, Китай будет работать по всем направлениям одновременно. В перспективе планируется развивать *«Новый шелковый путь»* в направлении Индии, США (соорудив переправу через Берингов пролив), и Японии (построив тоннель из Кореи).

Помимо *«Нового шелкового пути»* Китай планирует организовать и скоростные перевозки людей по железным дорогам из Азии в Европу. Предполагаемый маршрут пройдет по территории России и будет проложен силами китайских строителей и на деньги китайских инвесторов. Он позволит значительно сократить наземный путь из одного конца континента в другой, что должно благотворно сказаться на развитии туризма, интенсификации деловых контактов и культурном обмене.

Если подводить итоги вышесказанному, то транспортная стратегия отдельных государств во многом зависит от их текущего социально-экономического положения и тех стратегических целей, которые ставит перед собой руководство страны в экономической сфере. При этом нужно добавить, что развитие транспортной сферы в настоящий момент декларируется если не в качестве главного, то в качестве одного из главных условий экономического развития государства, что лишний раз подчеркивает то значение, которое придают данной сфере в современном мире.

3. Транспортная стратегия России и направления ее совершенствования. Действующая транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года была утверждена распоряжением Правительства Российской Феде-

рации от 22 ноября 2008 г. N 1734-р. В 2014 году она была существенно обновлена и в настоящий момент исполняется именно в этой редакции. [1]

Авторы стратегии выделяют следующие основные общесистемные проблемы транспортной отрасли:

- наличие территориальных и структурных диспропорций в развитии транспортной инфраструктуры;
- недостаточный уровень доступности транспортных услуг и мобильности населения;
- недостаточно высокое качество транспортных услуг;
- низкий уровень экспорта транспортных услуг, в том числе использования транзитного потенциала;
- недостаточный уровень обеспечения транспортной безопасности;
- усиление негативного влияния транспорта на экологию. [2, с.12]

Свое конкретное воплощение эти проблемы находят во многих фактах, среди которых стоит выделит:

- существенный дефицит пропускной способности на всех видах транспорта, особенно автомобильном;
- не отвечающая реальностям сегодняшнего дня прочность значительного числа автомобильных дорог и мостовых сооружений;
- высокий износ основных фондов организаций транспорта;
- доля издержек транспорта в ВВП примерно в два раза выше, чем в развитых странах;
- около трети населенных пунктов страны не имеют связи с основной транспортной сетью по дорогам с твердым покрытием;
- в стране за последние 20 лет значительно сократилось количество аэродромов и речных пристаней.

В качестве основной стратегической цели развития транспортной системы названо удовлетворение потребностей инновационного социально ориентированного развития экономики и общества в конкурентоспособных качественных транспортных услугах. [3, с.18]

В качестве дополнительных целей указаны также:

1. Формирование единого транспортного пространства России на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры.
2. Обеспечение доступности и качества транспортно-логистических услуг в области грузовых перевозок на уровне потребностей развития экономики страны.
3. Обеспечение доступности и качества транспортных услуг для населения в соответствии с социальными стандартами.

4. Интеграция в мировое транспортное пространство и реализация транзитного потенциала страны.
5. Повышение уровня безопасности транспортной системы.
6. Снижение негативного воздействия транспортной системы на окружающую среду. [4, с.21–28]

Реализация Транспортной стратегии должна по задумке авторов проходить в два этапа:

– первый этап (до 2020 года) – завершение модернизации транспортной системы методами целевого инвестирования и устранение *«узких мест»* и переход к ее системному комплексному развитию по всем ключевым направлениям;
– второй этап (2021–2030 годы) – интенсивное инновационное развитие транспортной системы по всем направлениям для обеспечения инновационного социально ориентированного пути развития Российской Федерации.

На первом этапе основное внимание при развитии транспортной инфраструктуры предусматривается уделить формированию единой дорожной сети, круглогодично доступной для населения и хозяйствующих субъектов, ликвидации существующих разрывов и *«узких мест»* транспортной сети, в том числе в азиатской части Российской Федерации, а также развитию крупных транспортных узлов на основных направлениях перевозок, транспортных подходов к пунктам пропуска через государственную границу Российской Федерации и транспортным узлам. На этой основе будут созданы инфраструктурные условия для развития потенциальных точек экономического роста (включая комплексное освоение новых территорий и разработку месторождений полезных ископаемых, в первую очередь в Сибири и на Дальнем Востоке).

Второй этап реализации Транспортной стратегии предусматривает ускорение темпов ввода новых объектов транспортной инфраструктуры, формирование системы скоростных автомобильных и железных дорог, строительство новых портовых мощностей, расширение сети региональных аэропортов, развитие современных терминально-логистических комплексов, внедрение систем скоростного пассажирского внеуличного транспорта и автоматизированных систем управления движением транспортных средств в крупных городах. [5, с.65–68]

Транспортная стратегия России на период до 2030 года содержит еще множество детализированных целей, задач, направлений и плановых мероприятий, устанавливает индикаторы, служащие критерием исполнения задуманного. Однако уже первые годы реализации стратегии показывают, что ни по одному из заявленных направлений существенных прорывов не достигнуто. Данное обстоятельство со всей очевидностью показывает, что для разработки подобных стратегий нужны совершенно иные научные подходы, учитывающие всю цепочку взаимосвязей, существующих в национальной экономике. Только на такой основе возможно появление стратегии, способной качественно улучшить ситуацию в транспортной отрасли.

Кроме того, стратегия предполагает решение огромного числа проблем, многие из которых копились десятилетиями, и выход на траекторию инновационного развития, что практически невозможно за столь малый для инфраструктурных проектов срок. Помимо всего прочего, для реализации всего задуманного потребуется значительно большие средства, чем предполагается затратить. В этой связи целесообразно определить первоочередные меры, которые способны существенно улучшить ситуацию в транспортной отрасли в период до 2030 года. К таким мерам следует отнести:

- прокладка наземных транспортных магистралей (автомобильных и железнодорожных) ко всем региональным центрам России;
- комплексное развитие инфраструктуры автомобильного транспорта, особенно вблизи крупных транспортных узлов;
- активизация усилий государства по сокращению стоимости транспортировки грузов и перевозки пассажиров;
- возрождение малой авиации и соответствующей инфраструктуры;
- коренная модернизация морских портов;
- развитие Северного морского пути;
- массовое внедрение автоматизированных систем управления транспортом в крупных городах.

Реализация данного набора мер не потребует от государства неподъемных в кризисный период вложений и способна в относительно сжатые сроки качественно улучшить состояние российской транспортной системы.

Подводя итоги стоит сказать, что нельзя разрабатывать транспортную стратегию в отрыве от стратегии развития национальной экономики. Для разработки действенных мер необходимо использовать последние достижения экономической науки, а реализация этих мер должна осуществляться на основе самых передовых технологий, включая и управленческие. Лишь в этом случае Россия способна не только ликвидировать основные *«узкие места»* в транспортной системе, но и выйти на траекторию инновационного развития.

Список литературы

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 года № 1032-р *«Об изменениях, которые вносятся в Транспортную стратегию Российской Федерации на период до 2030 года»* – http://mintrans.ru/activity/detail.php?SECTION_ID=2203#document_22371 (дата обращения: 25.05.2016).

[2] Там же (дата обращения: 25.05.2016).

[3] Там же (дата обращения: 25.05.2016).

[4] Там же (дата обращения: 25.05.2016).

[5] Там же (дата обращения: 25.05.2016).

БАЗОВЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Петрище В.И.*
(Россия, г.Орёл)

Аннотация. *В статье обоснована теоретическая значимость инновационной модели стратегического развития экономики российских регионов, выявлены основные факторы, оказывающие влияние на развитие инновационной деятельности на государственном уровне, и определены пути их устранения.*

Устойчивый рост экономики регионов РФ на современном этапе невозможен без активизации инновационной деятельности. Переход на инновационную модель развития требует решения проблем модернизации и обновления основных фондов, дефицита финансовых ресурсов, обеспечения государственной поддержки научно-исследовательской деятельности. Переход экономики регионов РФ на инновационную модель развития предусматривает создание на фоне наукоемких производств прорывных конкурентоспособных технологий. Имеющийся отечественный научно- технический потенциал достаточен для интенсивного инновационного подъема экономической сферы. Однако все еще существенной проблемой остается несоответствие между накопленным научно-техническим потенциалом и производительностью национальной экономики.

Инновационная модель развития экономики регионов РФ – модель, которая основывается непосредственно на получении новых научных результатах, их технологическом внедрении в производство, обеспечивая прирост ВВП преимущественно за счет производства и реализации наукоемких продукции и услуг.

Основная цель инновационной модели экономики регионов РФ – обеспечение повышения конкурентоспособности национальной экономики за счет использования отечественного и мирового научно-технического и образовательного потенциалов.

Таким образом, инновационная модель экономики имеет сложный характер и состоит из элементов, находящихся в динамической взаимосвязи между собой. Главными элементами инновационной модели являются системы:

- продуцирования научных знаний и инноваций;
- образования и повышения квалификации;
- коммерциализации научных знаний и инноваций;

* *Петрище Виталий Иванович*, к.э.н., доцент, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт культуры».

– использования инноваций;
– управления и регуляции инновационного развития экономики.

Каждая из приведенных систем играет важную роль в функционировании инновационной модели.

Однако, особое значение приобретает система управления и регуляции инновационного развития экономики как на государственном, так и на отраслевом, региональном уровнях, а также непосредственно на уровне предприятий и организаций.

Именно, от государственной политики зависят возможности и темпы развития всех составляющих инновационной модели, для которой характерна переориентация государственного влияния от прямого вмешательства в экономические процессы к переходу на более эффективные методы опосредствованного влияния:

– создание условий для роста рыночного спроса на инновации;
– содействие развитию конкурентной среды;
– предоставление приоритетной поддержки развитию науки и образования;
– обеспечение защиты интеллектуальной собственности;
– обеспечение повышения качества рабочей силы и опережающей динамики роста ее стоимости и др.

По мнению экспертов, среди причин отсутствия инновационного энтузиазма в стране следует выделять следующие:

– отсутствие финансирования;
– высокие кредитные ставки банковских учреждений;
– период окупаемости инноваций превышает прогнозный период развития большинства предприятий в регионе;
– частые смены в органах власти препятствуют проведению последовательной инновационной политики в регионе;
– несовершенство законодательной базы в налоговой сфере.

Таким образом, практическая реализация государственной инновационной политики позволяет констатировать, что в регионах РФ до сих пор не созданы благоприятные условия для осуществления инновационной деятельности, формирования спроса на инновации. Экономическая модель, сформировавшаяся в регионах РФ, буквально *«выталкивает»* финансовые ресурсы из инновационного оборота. Вопросы о государственном регулировании научно-технологического и инновационного развития с помощью финансово-кредитных, налоговых рычагов решаются не эффективно или вообще носят декларативный и постановочный характер. Решению данной проблемы может способствовать создание действенного механизма реализации национальной инновационной системы.

Инновационная экономика определяется рядом специфических качественных характеристик, а именно:

– четко определенной направленностью воспроизводственного процесса нацеленного на достижение высокой технологической конкурентоспособности страны за счет научных знаний, технологий, информации;
– наличием социально-экономической инфраструктуры, соответствующей росту уровня технологической конкурентоспособности наиболее развитых стран мира;
– наличием технологического и производственного потенциала – материальных и человеческих ресурсов, способных обеспечить выпуск конкурентной высокотехнологичной продукции.

Для оценки имеющегося уровня инновационного развития экономики нами использован показатель – обобщенная характеристика инновационного развития, рассчитываемый как среднее геометрическое темпов изменения результативных показателей:

$$\overline{Tp}_{и} = \sqrt[n]{(Tp_1 * \ldots * Tp_n)} \qquad (1)$$

где:

$Тр_{и}$ – обобщенный средний темп роста показателей инновационного развития экономики;

$Тр_{1...n}$ – средний темп роста 1...n-го показателя инновационного развития экономики.

Оценку уровня инновационного развития предлагается производить в соответствии со следующими критериями (табл.1), разработка которых производилась в соответствии с прогнозируемыми показателями, отраженными в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и средними темпами роста показателей инновационного развития в развитых зарубежных странах. Исходя из вышеуказанного, следует считать, что развитие экономики будет иметь инновационный характер при условии среднего темпа роста показателей инновационного развития – 110% и выше.

Таблица 1.

Критерии оценки уровня инновационного развития экономики

№ п/п	Значение *«обобщенной характеристики инновационного развития»*	Уровень и характеристика инновационного развития экономики
1	до 100%	Отсутствие инновационного характера развития экономики
2	от 100% до 104%	Низкий уровень инновационного развития экономики
3	от 105% до 109%	Средний уровень инновационного развития экономики
4	от 110% и выше	Высокий уровень инновационного развития экономики

С использованием предложенного показателя обобщенного среднего темпа роста (Три) произведена оценка уровня инновационного развития экономики Орловской области за 2009–2015 гг. Расчет был проведен с использованием следующего перечня показателей (табл.2).

Таблица 2.

Показатели инновационного развития экономики Орловской области в 2009–2015 гг. [6, С. 508, 511, 514, 207], [5, С.970]

	2009	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**Ср.Тр**
Число организаций, выполнявших исследования и разработки (шт.)	15	14	14	16	15	14	14	99,12%
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (чел.)	936	844	797	844	809	677	677	95,01%
Численность исследователей с учеными степенями (чел.)	174	173	171	204	129	136	133	97,3%
Численность аспирантов (чел.)	983	982	1052	1112	1050	875	774	96,49%
Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования (тыс.чел.)	46,4	45,1	44,9	43,2	39,2	37,3	33,5	94,8%

Для представленных показателей Три = 96,53%. Таким образом, современный уровень экономики Орловской области характеризуется отсутствием инновационного характера развития экономики и не соответствует требованиям инновационного развития экономики России.

Несмотря на значительный научный потенциал Орловской области, предприятия высокотехнологичных отраслей экономики составляют небольшую часть от их общего количества. Рост и численное значение показателей созданных и использованных передовых производственных технологий свидетельствует о масштабах внешнего трансфера технологий (табл. 3).

Динамика соотношения затрат на технологические инновации и объемов отгруженной инновационной продукции (рис. 1) служит косвенным показателем повышающейся эффективности инновационной деятельности экономических субъектов.

В соответствии с выше перечисленным, представим содержательные характеристики концепции инновационного развития экономики региона в виде таблицы 4.

Таблица 3.

Показатели инновационной активности экономических субъектов Орловской области [5, С.974, 1006, 1008, 1010, 1012, 1014]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (миллионов рублей)	254,7	252,2	272,5	315,6	379,8	474,5	397,4
Число созданных передовых производственных технологий (шт.)	4	1	5	2	–	–	–
Число используемых передовых производственных технологий (шт.)	1130	1264	1377	1471	1424	1479	1559
Инновационная активность организаций (в %)	11,9	14,2	11,5	10,7	10,1	8,4	8,4
Затраты на технологические инновации (миллионов рублей)	1267	799,3	577	602,9	382,3	435,7	694,5
Объем инновационных товаров, работ, услуг (миллионов рублей)	4428,3	2033,3	5868,9	5288,8	960,1	1143,8	885,1

Таблица 4.

Содержательные характеристики концепции инновационного развития экономики региона

№ п\п	Составляющие концепции	Реализуемая концепция	Новая концепция развития экономики региона (Орловской области)
1	Реализуемый подход	процессный (стимулирование процесса инновационной деятельности).	практико-ориентированный (стимулирование практической реализации результатов инновационной деятельности).
2	Условия	повышение уровня инновационного развития – цель реализации.	инновационное развитие – инструмент формирования конкурентоспособной экономики.
3	Цель	формирование сбалансированного сектора инновационных разработок и эффективной инновационной системы, обеспечивающих технологическую модернизацию экономики и повышение ее конкурентоспособности.	создание условий (включающих модернизацию экономики) для автоматического инновационного развития национального хозяйства, обеспечивающего конкурентоспособность российских предприятий.

№ п\п	Составляющие концепции	Реализуемая концепция	Новая концепция развития экономики региона (Орловской области)
4	Задачи	создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок и условий для его расширенного воспроизводства; развитие институтов использования и правовой охраны результатов исследований и разработок; модернизация экономики на основе технологических инноваций.	формирование условий для обеспечения результативности инновационной деятельности в региона; совершенствование механизма коммерциализации инноваций; усиление государственной поддержки инновационной деятельности.
5	Направления реализации	поддержка эффективного воспроизводства кадрового потенциала науки; содействие интеграции науки и образования; обеспечение непрерывности финансирования бизнес-проектов на всех стадиях инновационного цикла; перераспределение государственного финансирования на программы поддержки инновационных проектов, находящихся на начальной стадии; развитие производственно-технологической инфраструктуры; стимулирование компаний к производству новой продукции, технологическому перевооружению и проведению НИОКР; развитие механизмов частно-государственного партнерства в реализации крупных перспективных направлений инновационного развития	реализация модели информационно-аналитической бизнес – среды; создание благоприятных условий для развития производственной деятельности; совершенствование технологии коммерциализации результатов инновационной деятельности; содействие интеграции субъектов инновационной деятельности всех форм хозяйствования; совершенствование системы отбора и поддержки государством инновационных проектов; перераспределение государственного финансирования на программы поддержки инновационных проектов, предполагающих полный инновационной цикл; стимулирование компаний к внедрению на рынок инновационной продукции; развитие механизмов ГЧП в реализации полного цикла инновационных разработок

Список литературы

[1] *Кулькова В.Ю.* Направления развития региональных теорий в контексте исследования различий социально-экономического развития территории //Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 11. С. 61–72.

[2] Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу. Письмо Президента РФ от 30.03.2002 № Пр-576. С. 3.

[3] *Петрище В.И.* Формирование национальной инновационной системы в условиях развивающейся экономики России /Региональная экономика: теория и практика, №21 (114), 2009. С 27.-34.

[4] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 “Об утверждении государственной программы Российской Федерации *«Экономическое развитие и инновационная экономика»*.

[5] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015.

[6] Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат. – М., 2015.

[7] *Рудакова О.В.*, *Сибирская Е.В.* Социально-экономические эффекты влияния уровня жизни населения на динамику трудовых ресурсов России //Вестник ОрелГИЭТ. 2010. № 3 (13). С. 46–53.

ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНОЙ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Левина В.В.*
(Россия, г.Тула)

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы формирования региональной бюджетной стратегии. Установлено, что в условиях финансовой нестабильности разработка бюджетной стратегии является актуальной задачей в сфере управления региональными финансами, решение которой ориентировано на совершенствование социально-экономического развития территорий. Предложены следующие основные виды альтернативных бюджетных стратегий для субъекта федерации: «выживание»* (*антикризисная стратегия*), *устойчивое развитие, модернизация и реформирование бюджетной системы региона. Сформулированы методические рекомендации по анализу финансовой обеспеченности приоритетных направлений регионального развития, что позволяет повысить эффективность управления бюджетными средствами.*

Актуальность вопросов стратегического управления бюджетной политикой на региональном уровне не вызывает сомнений. Так, в ст. 11 Федерального закона № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* [1] указано, что бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период относится к документам стратегического планирования. В Методических рекомендациях Минфина России от 03.12.2015 *«Органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию»* [2] указано, что целями и задачами разработки долгосрочного бюджетного прогноза региона являются оценка основных параметров бюджетов бюджетной системы, структуры доходов, расходов и долга, условий межбюджетного регулирования, налоговой, их профилактика), установление финансовых параметров для документов стратегического планирования и долгосрочных обязательств.

В ст. 170.1 Бюджетного кодекса РФ [3] указано, что бюджетный прогноз субъекта РФ разрабатывается каждые 6 лет на период не менее 12 лет. Однако конкретные сроки действия бюджетных прогнозов должны определяться в зависимости от конкретных целей и задач долгосрочного бюджетного планирования в административно-территориальном образовании, специфики социально-экономической ситуации, накопленного опыта управления общественными финансами, указанные сроки могут быть уточнены и синхронизированы с иными документами стратегического планирования.

В условиях финансовой нестабильности особую значимость приобретают механизмы управления бюджетными расходами, что должно учитывая при раз-

* *Левина Вера Владимировна*, к.э.н., доцент, Тульский государственный университет, кафедра «Финансы и менеджмент».

работке бюджетного прогноза, включая распределение межбюджетных трансфертов в долгосрочной перспективе [4, с.4]

Основные параметры, которые должны быть определены на региональном уровне, включают:

1) точные сроки (и даты), на которые распространяется долгосрочный бюджетный прогноз, когда (в какой очередности) осуществляется внесение изменений (уточнений) в него, а также продления периода прогнозирования;
2) определение обстоятельств для внесения изменений (уточнений) в долгосрочный бюджетный прогноз.
3) показатели долгосрочного бюджетного прогноза;
4) полномочия финансовых органов субъектов РФ по разработке долгосрочных бюджетных прогнозов.
5) параметры долгосрочных прогнозов социально-экономического развития находящиеся во взаимосвязи с параметрами бюджетного прогноза;
6) общие требования к открытости разработки и утверждения долгосрочного бюджетного прогноза, взаимосвязь с параметрами открытого бюджета;
7) сроки и общий порядок применения долгосрочного бюджетного прогноза [2].

Исходя из основных подходов изложенных в методических рекомендациях Минфина РФ и особенностей сложившейся ситуации, когда доходы и расходы бюджетов стали более изменчивыми на всех уровнях бюджетной системы государства разработка бюджетной стратегии субъекта федерации, по нашему мнению, предполагает учет особенностей управления финансами, полномочий органов власти, доходных источников бюджета, а также состояния экономики и социальной сферы в конкретном регионе. На наш взгляд, методология формирования такой стратегии должен включать в себя следующие элементы:

– оценку текущего состояния бюджета субъекта федерации;
– выявление базовых стратегических альтернатив осуществления бюджетной политики на уровне региона и научно-методических подходов к их реализации;
– разработку механизмов управления в сфере бюджетных доходов и расходов, а также межбюджетного регулирования;
– определение роли трансфертов в различных бюджетных стратегиях.

В условиях экономической нестабильности особое значение приобретает бюджетная политика, позволяющая целенаправленно использовать механизмы регулирования на всех уровнях управления.

В последние годы в финансовой системе страны происходят значительные перемены, обусловленные внедрением в бюджетный процесс методов среднесрочного планирования. Однако использование данных методов затруднено при существенных колебаниях поступления доходов и нестабильности расходов бюджетов.

Совершенствуя и конкретизируя методологический подход к формированию бюджетной стратегии региона, автор предлагает выделить следующие основные этапы ее разработки и реализации:

- анализ текущей финансовой ситуации в регионе;
- определение основных целей при формировании доходов и осуществлении расходов, в том числе в социально-экономической сфере и межбюджетном регулировании;
- разработка механизмов достижения поставленных целей, в том числе законодательных инициатив, направленных на повышение эффективности региональной бюджетной политики;
- мониторинг результатов и корректировка бюджетной стратегии по итогам оперативного бюджетного управления на основе использования механизма обратной связи.

На первом этапе – при осуществлении анализа текущей финансовой ситуации в регионе – предлагается использовать разработанную автором модель бюджета субъекта федерации.

Региональный бюджет является получателем трансфертов из федерального бюджета и источником предоставления дотаций, субвенций и субсидий муниципальным образованиям. Учитывая значимость трансфертов для формирования сбалансированных местных бюджетов, необходимо отметить, что активное финансовое регулирование со стороны субъекта федерации возможно и в некоторых случаях целесообразно. Например, используя финансовые инструменты, региональные власти могут стимулировать органы местного самоуправления к повышению налоговых и неналоговых доходов при наличии у территории неиспользуемого экономического потенциала, выделяя из бюджета субъекта федерации субсидии на долевое финансирование приоритетных для региона направлений. В результате становится возможным повышение уровня бюджетных расходов именно в этих направлениях за счет региональных и местных средств. Подобные мероприятия предполагают тесное взаимодействие администрации субъекта федерации и органов местного самоуправления, ориентированное на рост объемов консолидированного бюджета и повышение эффективности использования соответствующих финансовых ресурсов.

Для оценки возможностей региона в сфере финансовой политики, определения степени его участия в перераспределении средств между уровнями бюджетной системы, анализа финансового состояния субъекта федерации, его основных проблем и перспективных направлений развития предлагается использовать модель регионального бюджета, отражающую его роль в процессе получения и предоставления межбюджетных трансфертов. Доходы указанного бюджета могут рассматриваться как сумма налоговых и неналоговых поступлений, а также трансфертов, поступающих из федерального бюджета, среди которых можно выделить средства, включаемые в собственные доходы, и субвенции. Расходы бюджета могут быть представлены как сумма текущих и капитальных расходов в экономике, социальной сфере, обеспечении инфраструктуры и управлении, а также межбюджетных трансфертов, предоставляемых

муниципальным образованиям. Если в регионе используется практика *«отрицательных трансфертов»*, поступающих из местных бюджетов, то они могут быть также отдельно выделены среди доходных источников.

Модель бюджета субъекта федерации позволяет оценить уровень централизации бюджетных ресурсов в регионе, достаточность налоговых и неналоговых доходов для финансирования расходов, не связанных с перераспределением средств между уровнями бюджетной системы, зависимости региона от трансфертов из федерального бюджета, его возможности в оказании финансовой помощи муниципальным образованиям.

Считаем необходимым выделить следующие основные виды альтернативных бюджетных стратегий для субъекта федерации: *«выживание»* (антикризисная стратегия), устойчивое развитие, модернизация и реформирование бюджетной системы региона. Рассмотрим данные стратегии более подробно.

«Выживание» (антикризисная стратегия) рекомендуется для остродотационных регионов, а также в условиях снижения налоговых поступлений в бюджет субъектов федерации. Реализация данной стратегии ориентирована на соблюдение требований законодательства по ограничению предельного размера дефицита регионального бюджета, бесперебойное финансирование текущих расходов, недопущение чрезмерного нарастания кредиторской задолженности. В этом случае следует жестко ограничивать бюджетные расходы и изыскивать резервы доходов. Такую политику не следует сохранять в долгосрочной перспективе, так как она не обеспечивает развитие региона за счет бюджетных ресурсов. Ее осуществление предполагает дальнейший переход к стратегии устойчивого развития в результате преодоления кризиса или к стратегии модернизации, если выявлена ее необходимость для развития финансов данного региона.

Бюджетная стратегия устойчивого развития реализуется в рамках расходно-ориентированной модели бюджета и целесообразна в условиях внешней экономической стабильности, эффективной финансовой системы субъекта федерации и качественно организованного бюджетного процесса. Она позволяет обеспечивать финансирование приоритетов социально-экономического развития региона без принципиальных изменений в управлении бюджетными доходами и расходами. Данная стратегия эффективна при наличии достаточного объема бюджетных и внебюджетных источников. Межбюджетное регулирование в данном случае не претерпевает существенных корректировок и рассматривается в качестве элемента организации политики в сфере бюджетных расходов, будучи ориентированным на традиционные цели, то есть на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований, а также на своевременное и полное финансирование делегируемых им государственных полномочий

Стратегия модернизации и реформирования бюджетной системы региона предполагает выделение факторов, влияющих на состояние финансовой политики в целом и межбюджетного регулирования как ее системообразующего элемента, а также выбор показателей оценки эффективности предоставления трансфертов различных видов и формирование методик их распределения, учи-

тывающих цели социально-экономического развития территорий. На основе этой модели можно проводить анализ бюджетной политики субъекта федерации, выделить те направления, которые требуют первоочередного реформирования. Совершенствование межбюджетного регулирования позволяет обеспечить развитие политики субъекта федерации в сфере управления доходами и расходами и оптимизировать структуру консолидированного бюджета субъекта федерации.

На наш взгляд, межбюджетное регулирование должно быть организовано региональными властями таким образом, чтобы стимулировать увеличение местных бюджетных доходов за счет налоговых и неналоговых поступлений, а не за счет помощи вышестоящего бюджета. Основным инструментом, который должен использоваться в этом случае, являются стимулирующие межбюджетные трансферты муниципальным образованиям. побуждающие к росту объема соответствующих доходов. Следует отметить, что различные цели возможно достигать с использованием разных видов межбюджетных трансфертов и методик их распределения.

В среднесрочной перспективе необходим переход от преобладания выравнивающих дотаций и субсидий к стимулирующим трансфертам. Это позволит обеспечить большую самостоятельность органов местного самоуправления в плане возможностей финансирования тех социально значимых расходов бюджетов, которые определены на муниципальном уровне.

Таким образом, определение целей финансовой политики субъекта федерации предполагается осуществлять на основе той альтернативы, которая характеризует его бюджетную стратегию. В каждом из трех рассмотренных вариантов задачи будут существенно отличаться, что предопределено исходным состоянием, имеющейся ресурсной базой и приоритетами в развитии региона.

Анализ финансовой системы субъекта федерации и основных проблем, возникающих при распределении трансфертов, позволил выбрать следующие возможные цели стратегического развития межбюджетного регулирования, которым должно быть уделено наибольшее внимание:

- разработка инструментов стимулирования, позволяющих обеспечить увеличение доходов местных бюджетов и консолидированного бюджета региона;
- повышение эффективности выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований, предусматривающее сглаживание соответствующих различий, но не нарушающее пропорций бюджетных доходов в расчете на одного жителя до и после распределения межбюджетных трансфертов;
- реализация за счет предоставления межбюджетных трансфертов целевых программ, ориентированных на повышение обеспеченности граждан объектами социальной инфраструктуры в тех муниципальных образованиях, где имеется наиболее острая потребность в таких объектах.

Рассмотрим более подробно этап разработки механизмов межбюджетного регулирования, ориентированных на достижение указанных целей. В качестве необходимых инструментов финансового стимулирования, позволяющих обе-

спечить увеличение доходов местных бюджетов и консолидированного бюджета региона, могут использоваться субсидии или специальные *«стимулирующие»* дотации. Повышение эффективности выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований предполагает совершенствование методик распределения дотаций. Для реализации целевых программ, ориентированных на повышение обеспеченности граждан объектами социальной инфраструктуры, целесообразно применять субсидии и субвенции.

Оценка эффективности отдельных видов межбюджетных трансфертов является обязательным элементом стратегического управления. Для ее осуществления должны использоваться специальные показатели, выбор которых осуществляется в зависимости от целей предоставления средств муниципальным образованиям из регионального бюджета. В качестве таких показателей предлагается использовать:

1) увеличение объема доходов консолидированного бюджета за счет вклада отдельных муниципальных образований в результате стимулирования с использованием межбюджетных трансфертов;
2) степень обеспеченности граждан услугами бюджетных учреждений (в тех сферах, где реализовывались программы и использовались субсидии регионального бюджета);
3) сохранение рангов муниципальных образований по бюджетным доходам в расчете на одного жителя до и после распределения межбюджетных трансфертов.

Предложенные показатели могут уточняться в процессе реализации бюджетной стратегии субъекта федерации и при дальнейшей детализации конкретных методик распределения трансфертов из регионального бюджета. Конкретные механизмы межбюджетного регулирования, используемые в регионе, закрепляются соответствующим нормативно-правовым актом.

Завершающим этапом формирования бюджетной стратегии региона является мониторинг результатов и ее корректировка на основе использования механизма обратной связи, предполагающего использование финансового контроля на всех стадиях управления системой трансфертов. Предварительный контроль осуществляется при разработке законопроектов, определяющих методы и методики распределения дотаций, субсидий и субвенций, текущий – непосредственно при их распределении в процессе ежегодного исполнения бюджета региона и муниципальных образований. Особое внимание должно быть уделено последующему контролю, который позволит на основе отчетов об исполнении регионального и муниципальных бюджетов и другой документации сделать вывод о степени достижения поставленных целей.

Таким образом, формирование бюджетной стратегии субъекта федерации ориентировано на достижение долгосрочных целей финансового развития региона и муниципальных образований, расположенных на его территории, что предполагает сбалансированность межбюджетных трансфертов различных видов и разработку стабильных и эффективных методик их распределения, обычно требующую внесения корректировок в законодательную базу.

Цели и механизмы стратегического управления системой межбюджетных трансфертов в различных субъектах федерации могут существенно отличаться в зависимости от специфики их экономики, социальной сферы и финансовой системы. Это предполагает разработку гибких методов оценки и планирования межбюджетных отношений на региональном уровне.

Определение приоритетов бюджетной политики субъекта федерации традиционно основывается на анализе соответствующих нормативных, правовых и инструктивных актов, к которым, безусловно, следует отнести ежегодное послание губернатора, программы социально-экономического развития региона и другие документы. Однако изучение структуры и динамики расходов бюджета субъекта федерации часто показывает, что финансирование указанных направлений, заявленных в качестве приоритетов, не характеризуется наибольшими или увеличивающимися в последовательных периодах объемами средств. На наш взгляд, существенное внимание должно уделяться тем направлениям использования средств, которые представляют собой основу расходной части бюджета, что позволит повысить эффективность бюджетной политики субъекта федерации [5, с. 16].

Материалы для анализа основных направлений бюджетных расходов должны быть подготовлены с достаточно высокой степенью формализации, что может быть реализовано на основе использования методических рекомендаций, разработанных автором.

Укрупнено методические рекомендации по анализу финансовой обеспеченности приоритетных направлений регионального развития могут быть представлены следующим образом.

1. По данным отчетов об исполнении бюджета рассчитывается структура бюджетных расходов за последние три года и на основе закона о бюджете на текущий год оценивается их плановая структура. Выделяются направления, расходы в которых превышают пороговый уровень (например 10% от общего объема расходов) в двух из трех истекших годах и плановом периоде. Это позволяет отобрать для дальнейшего анализа те из них, расходы в которых наиболее существенны в рассматриваемом периоде.
2. На основе отчета об исполнении регионального бюджета составляется таблица, содержащая укрупненные результаты исполнения его расходной части.
3. Составляется таблица, содержащая те статьи бюджетных расходов, по которым наблюдается недовыполнение бюджета на 10 % и более, а также статьи, по которым наблюдается перевыполнение запланированного объема бюджетных расходов на 10 % и более.
4. Определяются темпы роста бюджетных расходов по отдельным статьям и в целом. Это позволяет отобрать для дальнейшего анализа перечень направлений использования средств, расходы в которых увеличились наиболее существенно абсолютно и относительно.
5. Дополнительно конкретизируется структура бюджетных расходов с точки зрения их экономического содержания. Это позволяет оценить значимость

капитальных вложений для субъекта федерации. Учитывая, что текущие расходы преобладают над капитальными в подавляющем большинстве региональных и местных бюджетов, следует акцентировать внимание на динамике этих расходов в прошедшем периоде и их плановом уровне в будущем периоде.

6. В качестве фактически сложившихся основных направлений расходов регионального бюджета определяются те направления, в которых наблюдаются наибольшие объемы бюджетных расходов, существенные темпы роста и (или) существенное – более 10 % – перевыполнение плана по расходованию средств.
7. Сравнение фактически сложившихся основных направлений расходов регионального бюджета с *«заявленными»* приоритетами регионального развития.
8. Установление наличия противоречий между заявленными приоритетами развития региона и основными направлениями расходования средств регионального бюджета;
9. Формирование рекомендаций по совершенствованию использования бюджетных средств.

Результаты проведенного анализа показывают, что *«заявленные»* приоритеты существенно отличаются от выявленных основных направлений расходования средств. В сложившейся ситуации представляется целесообразным уделить большее внимание фактическим приоритетам в расходовании бюджетных средств, что предполагает разработку механизмов повышения эффективности бюджетных расходов именно в этих направлениях. Особое внимание должно быть уделено использованию различных форм межбюджетных трансфертов, так как они составляют около 30 % всех средств бюджета.

Таким образом, апробация разработанных автором методических рекомендаций по анализу финансовой обеспеченности приоритетных направлений регионального развития позволяет адекватно оценить перспективы достижения декларируемых приоритетов регионального развития в условиях финансирования экономики и социальной сферы в соответствии со сложившейся структурой бюджета.

Проведенный анализ показывает, что одним из основных направлений региональных расходов является межбюджетное регулирование, поскольку в общем объеме расходов бюджета субъекта федерации трансферты, направляемые муниципальным образованиям, составляют весьма существенную часть. В связи с этим представляется необходимым оценить их возможности и роль в осуществлении финансовой политики региона, так как процессы развития субъекта федерации как целого и муниципальных образований, расположенных на его территории, взаимообусловлены и тесно взаимосвязаны друг с другом [6, с. 69].

Механизмы межбюджетного регулирования должны быть конкретизированы в отношении их соответствия целям, определенным в рамках конкретной бюджетной стратегии. Отметим, что одна и та же цель может быть достигнута путем использования различных форм трансфертов [7, с. 26]. В частности, сти-

мулирование муниципальных образований может реализовываться с помощью как субсидий, так и дотаций, но согласование интересов участников, даже если получателям выделяются одинаковые объемы средств, происходит в этих случаях по-разному. Отметим, что муниципальные образования обычно более заинтересованы в получении не целевых трансфертов, а дотаций, которые могут более гибко использоваться для достижения целей местной бюджетной политики, причем данный подход полностью соответствует установкам части 5 статьи 9 Европейской хартии местного самоуправления, согласно которой процедуры финансового выравнивания или эквивалентные меры, направленные на корректировку последствий неравномерного распределения возможных источников финансирования *«не должны ограничивать свободу выбора органов местного самоуправления в пределах их собственной компетенции»*. Если данное положение не соблюдается, то снижается степень согласованности интересов местного и регионального уровней. Муниципальные образования вынуждены *«подстраиваться»* под интересы субъекта федерации, при этом снижая эффективность использования средств за счет корректировок бюджетного плана в пределах года и отказа от первоочередного финансирования расходных обязательств, в более существенной степени соответствующих их собственным приоритетам.

В рамках формирования и реализации региональных бюджетных стратегий представляется целесообразным четко формулировать интересы субъекта федерации и возможность их достижения с использованием трансфертов. Так, при реализации стратегии *«выживания»* чрезмерная диверсификация трансфертов может привести к *«размыванию средств»* в условиях необходимости их концентрации. В данном случае среди форм межбюджетного регулирования должны преобладать дотации, обеспечивающие выравнивание межмуниципальных различий, а активное использование субсидий нецелесообразно. Стратегия *«устойчивого развития»* предполагает использование целевых трансфертов: они становятся, по сути, основным инструментом финансирования интересов субъекта федерации. В рамках стратегии *«модернизации и реформирования бюджетной системы региона»* следует уделить внимание диверсификации системы трансфертов, что обеспечивает повышение эффективности межбюджетного регулирования и создает предпосылки для более полного и качественного согласования интересов муниципальных образований и субъекта федерации, которое является необходимым условием совершенствования финансовой политики.

Особое внимание должно быть уделено управлению бюджетными рисками. Так, в Методических рекомендациях Минфина России от 03.12.2015 указано, что *«помимо очевидной возможности принятия соответствующих профилактических мер, направленных на минимизацию возможностей наступления или масштабов негативных последствий реализации соответствующих бюджетных рисков, субъекты РФ способны относительно качественно и достоверно, с достаточной вероятностью, прогнозировать наступление подобных событий. К этой категории «управляемых»* бюджетных рисков относятся, например, вопросы эффективности бюджетного планирования и бюджетных расходов, реализации налоговой политики по региональным и местным налогам и сборам, проведения результативной долговой политики и межбюджетного регулирования и так далее. Для

категории *«неуправляемых»*, то есть, внешних рисков, основной характеристикой является их непредсказуемость... На основании критерия управляемости часть соответствующих бюджетных рисков может переходить из одной категории в другую. Например, риски, связанные с возможным сокращением объемов финансовой поддержки из федерального бюджета являются достаточно предсказуемыми и управляемыми (для целевых межбюджетных трансфертов достаточно обеспечить соблюдение соответствующих условий представления данных средств) в пределах планового периода, однако в последующие годы приобретают признаки неуправляемости» [2]. Итак, бюджетные риски должны учитываться при разработке бюджетной стратегии в каждом из трех альтернативных вариантов.

Таким образом, при реализации каждой из альтернативных бюджетных стратегий субъекта федерации имеются свои особенности в процедурах бюджетного прогнозирования, выборе основных направлений, а также значимости и использовании различных форм трансфертов, обусловленные приоритетами развития региональных и муниципальных финансов.

Список литературы

[1] Федеральный закон № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* от 28 июня 2014 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 15.05.2016).

[2] Методические рекомендации Минфина России от 03.12.2015 *«Органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию»* – http://minfin.ru/ru/document/?id_4=94598 (дата обращения:15.05.2016).

[3] Бюджетный кодекс РФ – http://www.consultant.ru/popular/budget (дата обращения:15.05.2016).

[4] *Силуанов А.Г.* Тучные годы остались в прошлом, сегодня нам нужно повышать качество работы с расходами. // Финансы. 2014. № 1. С. 3–5.

[5] *Левина В.В.* Оценка приоритетов региональной бюджетной политики //Финансы и кредит. – 2012. – № 30. – С. 10–17.

[6] *Родионова В.М.* О бюджетной политике и межбюджетных отношениях в субъектах РФ // Финансы. 2008. № 7. С. 67–74.

[7] *Левина В.В.* Управление сбалансированностью бюджетов муниципальных образований // Финансы. – 2016. – № 1. – С. 23–29.

ИНДУСТРИАЛЬНО-СЕРВИСНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Авдеев М.А.*
(Россия, г.Красногорск)

Аннотация. *В свете текущей экономической стагнации и общего спада темпов развития реального сектора экономики очевидным вектором является развитие промышленного направления. Существующие модели развития промышленных производств в виде индустриальных парков в настоящее время исчерпали свой потенциал. Решением может стать создание индустриально-сервисных агломераций – нового типа индустриальных парков, подразумевающих предоставление резидентам уже готовых промышленных и вспомогательных площадей на условиях аренды. Такой формат обеспечивает: привлекательность для резидентов, предпосылки к долгосрочной аренде, привлечение новых типов иностранных инвестиций, возможность структурирования парка под нужды крупных производств, возможность создания центров компетенций на базе парка, решение проблем неэффективных промзон и депрессивных моногородов.*

Российская экономика в настоящее время переживает сложные времена и, в силу этого, остро нуждается в новых стимулах для развития. Одним из таких стимулов должно стать опережающее развитие промышленных отраслей, фактически новая индустриализация страны. Необходимость форсированного развития реального сектора экономики, прежде всего ее промышленного потенциала, неоднократно озвучивалась и Президентом Российской Федерации, и руководителями соответствующих министерств.

При этом эффективные и адекватные современному состоянию экономики системные инструменты массовой индустриализации в настоящий момент практически отсутствуют. Региональные модели развития промышленных кластеров, которые хорошо зарекомендовали себя в Калужской области, Республике Татарстан и некоторых других субъектах Федерации, к настоящему времени практически исчерпали свой потенциал. Серьезные проблемы с привлечением новых резидентов испытывает и ОАО *«Особые экономические зоны»*, с 2007 года реализующее федеральную программу развития промышленных производств.

Перечисленные модели стимулирования промышленного развития были основаны на предоставлении резидентам региональных индустриальных парков и особых экономических зон подготовленной в инженерном отношении территории для строительства новых производственных объектов. Это позво-

* *Авдеев Максим Александрович*, советник министра, Министерство сельского хозяйства и продовольствия Московской области.

ляло привлекать, прежде всего, крупные иностранные компании, располагающие достаточными финансовыми ресурсами для масштабного капитального строительства и технологического оснащения создаваемых предприятий. Однако в настоящее время практически все игроки *«высшей лиги»* либо уже открыли свои производства в России, либо окончательно отказались от таких планов. Большинство же российских предприятий обрабатывающей промышленности просто не располагает достаточными инвестиционными ресурсами для реализации крупных проектов создания новых производств по схеме *«greenfield»*.

Как показал опыт последних двух лет, им не смогло помочь даже падение курса национальной валюты, которое должно было бы создать отечественному производителю серьезное ценовое преимущество и обеспечить рост конкурентоспособности. Надежды на стимулирующий эффект девальвации, который отчетливо проявился в 1998–1999 годах, себя не оправдали. Если в тот период отечественные предприятия имели недостаточную загрузку мощностей и смогли быстро нарастить объем производства без существенных инвестиций, то сегодня мы имеем принципиально другую ситуацию. Резерв свободных производственных мощностей у предприятий обрабатывающей промышленности сегодня незначителен и увеличить производство (а тем более сменить номенклатуру производимой продукции для замещения подорожавшего импорта) без серьезных инвестиций практически невозможно.

В результате хорошо зарекомендовавшие себя в недавнем прошлом инструменты стимулирования инвестиционной активности в промышленности фактически исчерпали свой потенциал. Новый, массовый этап реиндустриализации страны возможен лишь на основе форсированного развития национального производителя, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства. При этом именно у данной категории хозяйствующих субъектов доступ к инвестиционным ресурсам сегодня наиболее затруднен.

Выходом из сложившейся ситуации может стать развитие индустриальных парков нового типа, предполагающих предоставление резидентам не участков под строительство, а уже готовых промышленных и вспомогательных площадей на условиях аренды. При необходимости может быть применена также лизинговая схема предоставления резидентам необходимого технологического оборудования. Это позволит массово вовлечь в экономический оборот широкий круг новых субъектов – национальные промышленные предприятия, не имеющие финансовых ресурсов для серьезных капитальных вложений в запуск производства, но способные выплачивать арендные и лизинговые платежи из текущей выручки.

Описанная модель не только должна обеспечить развитие промышленности за счет более интенсивного открытия новых производств, но позволит привлечь в российскую экономику ранее практически недоступный тип иностранных инвестиций – средства пенсионных и рентных инвестиционных фондов. До недавнего времени указанные финансовые институты проявляли в России интерес лишь к отдельным торговым центрам и аналогичным объектам недвижимости, генерирующим устойчивый поток арендных платежей.

Созданный по арендной модели индустриальный парк после заполнения резидентами превращается в понятный этим финансовым институтам доход-

ный инструмент, отвечающий их инвестиционной политике. Это позволит уже в среднесрочной перспективе обеспечить значительный приток инвестиций в промышленную сферу. Необходимо отметить, что практика разделения владения имущественным комплексом предприятия и его операционным бизнесом широко применяется зарубежными компаниями именно для получения доступа к финансированию со стороны инвестиционных фондов.

Рассматриваемый тип индустриальных парков имеет и слабые стороны. Основной риск инвестора в таком проекте будет связан с заполнением построенных площадей арендаторами и сохранением лояльности последних на протяжении длительного периода времени. Минимизация данного риска возможна в том случае, если размещение в создаваемом индустриальном парке будет обеспечивать резиденту дополнительные конкурентные преимущества.

Большинство существующих индустриальных парков пытается решить эту проблему через предоставление своим резидентам налоговых льгот, однако нужно отметить низкую эффективность такого решения. Дело в том, что основные издержки предприятий обрабатывающей промышленности связаны с налогом на добавленную стоимость и начислениями на фонд оплаты труда, тогда как льготы предоставляются по налогу на имущество и, частично, по налогу на прибыль.

Более эффективным может оказаться создание конкурентных преимуществ, связанных с более высоким качеством деловой среды и инфраструктуры ведения бизнеса в новых индустриальных парках. Это может быть, например, доступ к современному высокотехнологичному оборудованию, приобретение которого недоступно резидентам по причине высокой стоимости и из-за невозможности обеспечить его эффективную эксплуатацию.

Прекрасным примером такого подхода является индустриальный парк, сформированный вокруг завода ACTech, построенного во Фрайбурге (Германия) в конце 90-х годов. Сам завод общей площадью 6500 кв. метров является одним из мировых флагманов аддитивных технологий и оснащен самым современным оборудованием для реальной работы в 3D-среде: AF-машины, измерительная техника, ЧПУ-станки, плавильное, литейное и термическое оборудование. Услугами предприятия пользуются практически все ведущие автомобильные компании Германии, многие европейские и американские авиационные фирмы. На завод достаточно передать 3D-файл будущего изделия и описать задачу: материал, количество, желательные сроки изготовления и что вы хотите получить – отливку или полностью обработанную деталь, от этого зависят сроки выполнения заказа – от 7 дней до 8 недель. Примечательно, что около 20% заказов – это единичные детали, около 40% составляют заказы на 2–5 деталей. Почти половина отливок – чугун; примерно треть – алюминий; остальное – сталь и другие сплавы. Специалисты завода активно сотрудничают с фирмами – изготовителями AF-оборудования, ведут совместные НИР с университетами, завод является и успешным коммерческим предприятием, и полигоном для отработки новых технологических процессов.

Аналогичный подход положен в основу концепции нового индустриального парка, который создается на базе ОАО *«Всероссийский институт легких*

сплавов» в Москве. Его потенциальные резиденты будут иметь доступ к услугам инжинирингового центра, обеспечивающего весь спектр услуг в области аддитивной печати – от 3D-прототипирования до изготовления по технологии лазерного спекания малых серий готовых изделий. Таким образом, арендаторы производственных площадей в создаваемом индустриальном парке получают серьезное конкурентное преимущество за счет оптимизации своих производственных процессов и повышения производительности труда, что обеспечивает их лояльность по отношению к арендодателю и создает дополнительные гарантии устойчивости потока арендных платежей.

Существуют и другие способы создания дополнительных конкурентных преимуществ для резидентов новых индустриальных парков, которые могут заключаться в оказании им помощи при подборе и подготовке квалифицированных кадров, организации эффективного маркетинга и продвижения продукции и т.п. Так, например, подобные парки могут формироваться вокруг крупных сборочных производств и решать задачу локализации производства комплектующих. Становясь резидентом такого индустриального парка компания фактически входит в пул поставщиков более крупного производителя и может существенно снизить свои издержки, связанные со сбытом и логистикой. В свою очередь конечный потребитель комплектующих также получает ряд преимуществ – ускоряется процесс доставки продукции, появляется возможность минимизировать собственные складские запасы, создается более устойчивая система контроля качества за деятельностью внешних поставщиков. В настоящее время подобный индустриальный парк создается в Комсомольске-на-Амуре по инициативе и под управлением *«Объединенной авиастроительной корпорации»*.

Создание подобных конкурентных преимуществ для резидентов новых индустриальных парков, продиктованное необходимостью повышения их лояльности и получения дополнительных гарантий устойчивости арендного потока одновременно решет еще одну очень важную задачу – позволяет частично снять существующие инфраструктурные ограничения в российской экономике. Тем самым, из обычных индустриальных парков создаваемые объекты превращаются в индустриально-сервисные агломерации, формирующие эффективную деловую среду для более динамичного развития бизнеса.

Возвращаясь к вопросу преодоления существующих инфраструктурных ограничений необходимо также отметить, что создание производственно-имущественных комплексов силами профессиональных управляющих компаний позволяет существенно сократить строки строительства и запуска в эксплуатацию новых производств, а также значительно снизить общую капиталоемкость строительства.

Не имея ни необходимых ресурсов, ни должной компетенции, многие представители отраслевого бизнеса сегодня просто не в состоянии самостоятельно решать проблемы прохождения соответствующих административных и градостроительных регламентов при капитальном строительстве; зачастую выбирают сомнительные с точки зрения эффективности конструктивные и пространственно-планировочные решения. В этом отношении очень показа-

телен негативный опыт некоторых проектных компаний, созданных при участии госкорпораций.

Даже имея достаточное финансирование, эти компании из-за отсутствия профильных компетенций в области проектирования и капитального строительства недопустимо затягивали сроки ввода объектов в эксплуатацию, что негативно сказывалось на финансовых показателях реализуемых проектов, приводило к неэффективному расходованию средств, выделяемых на создание имущественных комплексов предприятий, а зачастую – и к их хищению.

Гораздо более эффективным решением могло бы стать размещение подобных проектных компаний в индустриальных парках, построенных по арендной модели. Это позволило бы не только сократить их инвестиции в создание новых производств за счет исключения затрат, связанных с капитальным строительством, но и существенно ускорить сроки запуска проектов за счет фактического делегирования несвойственных производственным компаниям функций (разработка градостроительной документации, проектирование, строительство) профессиональным операторам.

Таким образом, индустриально-сервисные агломерации представляют собой принципиально новый инструмент промышленной политики, способный помочь субъектам предпринимательской деятельности эффективно преодолевать существующие административные, инфраструктурные и финансовые барьеры; оживить предпринимательскую инициативу в реальном секторе; содействовать быстрому и качественному росту национальной промышленности.

Способны они решать и еще одну важную задачу – обеспечить эффективную реновацию и вовлечение в хозяйственный оборот старых промышленных зон. Использование таких объектов в качестве базовых площадок для создания индустриальных парков позволит существенно снизить издержки, связанные с инженерным и транспортным обеспечением территории. В свою очередь, это будет благоприятно отражаться на стоимости создания новых производственных площадок и позволит устанавливать более низкие арендные ставки для резидентов.

Кроме того, индустриально-сервисные агломерации в определенных случаях могут стать одним из эффективных инструментов решения проблемы депрессивных моногородов. Создание в таких регионах новых производственных площадок, доступ к которым возможен без значительных инвестиций со стороны потенциальных резидентов позволит реализовать предпринимательский потенциал населения (как правило, имеющего необходимую производственную квалификацию) и существенно снизить социальную напряженность.

ВИЗУАЛЬНАЯ АЙДЕНТИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Логунцова И.В.*
(Россия, г.Москва)

Во всем мире одним из инструментов экономического развития территорий становится брендинг. В последние годы этот инструмент нашел широкое применение и в нашей стране. Многие российские города озаботились созданием собственных брендов. На практике понятие территориального бренда нередко отождествляется с элементами системы его визуальных коммуникаций, прежде всего, с логотипом, что представляется ошибочным подходом. В данной статье уточняется сущность, генезис и соотношение понятий *«бренд»* и *«визуальная айдентика»*, приводится анализ текущих процессов по поиску визуальной идентичности российских городов в контексте визуальной культуры населения.

В борьбе за необходимые ресурсы современные города оказались в условиях жесткой конкуренции, в которой не последнюю роль играет создание собственного привлекательного бренда. Ключевой предпосылкой развития брендинга территорий во всем мире стал туризм и поиск инвесторов, которые актуализировали проблему узнаваемости городов. Имеющиеся на сегодняшний день теоретические работы по брендингу территорий (за редким исключением) лишь вскользь затрагивают аспект так называемой визуальной айдентики. На практике же этому аспекту, как правило, придается очень большое значение. Считается, что более 50% информации мы воспринимаем зрительно.

В России более тысячи городов. В них проживает примерно две трети её населения. И очень многие из этих городов в последние годы, так или иначе, занялись собственным брендингом. Недостаточно высокий уровень визуальной культуры в нашей стране и по большей части неудачный опыт визуальной идентификации современных российских территорий обуславливают актуальность данного исследования.

Термин *«айдентика»* происходит от английского слова *«identity» – «идентичность»*. Данное понятие начало применяться около столетия назад в контексте создания и развития корпоративного стиля. Появление корпоративной айдентики или идентичности (визуального образа фирмы) стало следствием роста компаний и их конкуренции за узнаваемость у потребителя. Айдентика включает в себя много атрибутов и в свою очередь является составной частью брендинга. При этом визуальные символы – только лишь видимая часть айсберга бренда.

Ядро концепции бренда – идея. Процесс создания и развития бренда представляет собой поиск этой уникальной идеи и дальнейшее построение коммуникаций с целевыми аудиториями на основе различных аспектов этой идеи.

* *Логунцова Ирина Вячеславовна*, к.э.н, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

В качестве главных структурных элементов территориального бренда можно выделить следующие: аудио-визуальная составляющая, виртуально-смысловая составляющая и составляющая *«реального восприятия»*. Элемент визуальной айдентики включает в себя первая из перечисленных составляющих территориального бренда [6, с. 7–8]. Визуальная айдентика является инструментом передачи большого количества различных символов, ценностей, посланий и в свою очередь реализуется через систему визуальных коммуникаций. Заметим, что визуальные коммуникации в современном обществе проникли во все сферы культуры за счет стремительного развития электронных и цифровых технологий, а также – это одна из ключевых составляющих современных СМИ. Визуальная айдентика территорий выполняет две важные функции:

- Информационную (основные факты о территории);
- Манипуляционную (положительные качества и преимущества территории по сравнении с другими) [7, с. 55].

Практика создания территориями символов и знаков для собственного обозначения зародилась еще в древние времена. Принято считать, что большая часть гербов государств и городов происходит от эмблем средневековых феодалов. Изначально гербы феодалов возникли как военные символы, а уже затем стали использоваться в хозяйственной жизни Средних веков. Геральдика основана на формальном символизме, соотносящем конкретные цвета и символы с определенными качествами, с которыми себя идентифицировал феодал.

Геральдические традиции были и у Древней Руси. Затем в 1722 г. Петр Великий учредил герольдмейстерскую контору, которая вела дела российского дворянства, а также занималась разработкой, регистрацией и утверждением гербов. Формальное начало систематического учета гербов российского дворянства началось при императоре Павле I, когда был составлен *«Общий гербовник родов Всероссийской империи»*.

В 1992 году была воссоздана Государственная геральдическая служба, которая в настоящее время выполняет ключевые геральдические функции в России [9, с. 8–13]. Однако, как справедливо отмечает П.Е. Родькин., *«окружающая современного человека реальность все больше расходится с историческими коммуникационными системами»*. Геральдика – холодный и негибкий язык, лишенный эмоциональности, не соответствующий стандартам и тенденциям современной коммуникативной практики [7, с. 11]. Полноценное использование герба как логотипа сильно осложнено в современных рыночных условиях. Например, часто, согласно принятым правилам, любое использование герба, помимо официальных государственных носителей, необходимо согласовывать с депутатами городской думы[4]. Однако именно герб нередко становится прообразом логотипов современных городов (например, в таких городах, как Познань, Тверь) [4]. Таким образом, в современный период геральдика в определенном смысле начала свою вторую жизнь в логотипах городов и другой символике регионов и государств, направленных на то, чтобы простым языком донести свои конкурентные преимущества до целевых аудиторий. Справедливо будет утверждать о том, что брендинг современных городов постепенно заме-

щает традиционную геральдику, что является не столько данью моде, сколько закономерным явлением процесса коммуникации. Если средневековая геральдика являлась системой суверенных и дистанцирующих знаков, то современная айдентика – система открытых и дружелюбных коммуникаций, которые становятся новым стандартом в Европе [8].

В российской и мировой практике существуют различные подходы к брендингу территорий, в том числе и к визуальной айдентике. В данной сфере в последние годы сложился достаточно широкий рынок консультантов и исполнителей в виде дизайн-бюро, рекламных компаний и маркетинговых агентств. Есть регионы, которые не уделяют данному аспекту много внимания (как правило, такое бывает не часто) и, наоборот, – те, что концентрируют на визуальной айдентике очень много усилий.

К основным элементам айдентики, позволяющим создать уникальный образ территории, относят логотип и некоторые другие графические элементы бренда, включающие в себя цветовую гамму, шрифт и стандарты их использования (фирменный стиль). По российскому законодательству данные элементы визуальной айдентики попадают под категорию *«товарный знак»*. В ст. 1477 ГК РФ товарный знак определяется в качестве *«обозначения, служащего для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей»*. Товарный знак может быть словесным, изобразительным, комбинированным или иным. Закон защищает только зарегистрированные товарные знаки.

Как показывает практика, города, которые занимаются брендингом, рано или поздно приступают к созданию логотипа. Логотипы современных городов отражают их ключевые характеристики, а также устремления в будущее на языке знаков для своих целевых аудиторий. Логотип позволяет донести идею бренда до максимально широкой аудитории. Кроме того, зарегистрированный в качестве товарного знака логотип помогает своему городу защитить и коммерциализировать бренд. Эксперты отмечают, что разрабатывая логотип и другие символические конструкции, необходимо учитывать следующие моменты:

- Логотип должен легко тиражироваться на разных рекламоносителях (ткань, полиграфия, вывески и т.д.).
- Логотип должен быть представлен в цветном и черно-белом вариантах.
- В логотипе лучше минимально использовать сложные элементы и сложные цвета, которые полиграфия может не учесть [2, с. 170].

К типовым рекламоносителям, характерным для продвижения территории, относят: интернет-ресурсы, сувениры, билборды, здания и сооружения, путеводители, карты и справочники, календари мероприятий, транспортные средства, малые формы [2, с. 173]. Важно отметить, что при разработке логотипа надо помнить о сохранении его уникальности. Однако, к сожалению, большинство логотипов современных территорий во всем мире повторяют и дублируют друг друга. Российская практика нередко тоже отражает шаблонные решения. Отечественная компания Ситибрендинг, специализирующаяся на продвижении городов, в 2013 г. систематизировала имеющийся опыт создания логотипов территорий в городах России и СНГ. Вот какие выводы были сформули-

рованы в ходе исследования. Во-первых, при разработке логотипа российские дизайнеры копируют опыт Нью-Йорка, Амстердама, Копенгагена, Мадрида, Мельбурна и других знаменитых городов мира. Во-вторых, для городов СНГ характерна широкая палитра подходов к логотипостроению (логотипы городов СНГ совершенно разные) [1].

В нашей стране особую популярность получили *«логотипы-буквы»*. Первый такой логотип был разработан для города Пермь (красная буква *«П»* на белом фоне). С этого незатейливого знака началась визуализация бренда города. Следующим этапом стала разработка фирменного шрифта Перми (Permian), и фирменного стиля Правительства Пермского края (визитные карточки, бланки и т.д.), а также принципов транспортной и пешеходной навигации и нового дизайна городских остановок. Своеобразными новыми символами Перми стали установленные в городе арт-объекты: конструкторы из деревянных брусков *«Красные человечки»* и *«Пермские ворота»*. На протяжении своего существования визуальная айдентика Перми вызывала много споров, дискуссий и даже акций протеста среди местного населения. Подобная ситуация во многом была создана самими разработчиками проекта, которые проигнорировали работу с важными социальными группами города. В результате инновационные идеи обернулись конфликтной ситуацией.

Приведем еще один противоречивый пример визуальной айдентики – бренд Омской области. Визуальная часть бренда получила условное название *«След медведя»*. В ее основе идея о том, что символ России – медведь, а Омская область – его опора. По мнению разработчиков, изображение на логотипе контура Омской области в виде отпечатка медвежьей лапы формирует образ хозяина территории. *«Когти»*, стилизованные в виде елей, символизируют северную таежную климатическую зону региона. Центральная часть знака – духовное и интеллектуальное начало, источник энергии для реализации идей, а юг области – аграрный сектор. Однако же, визуальная айдентика Омской области, разработанная в 2011 г., не получила дальнейшего серьезного развития. Эксперты и критики отмечают ее непривлекательность – *«графическую «колючесть»* и жесткость, пластическую дробность и смысловую перегруженность» [7, с. 50–51].

На сегодняшний день в российской практике сложилось два типа конкурса на разработку бренда города. Первый – тендер при размещении госзаказа, когда город ищет специализированную организацию для разработки бренда. Второй вариант – открытый конкурс, как правило, на разработку логотипа, в котором могут принять участие и физические лица. Результатом работы над визуальной айдентикой бренда является так называемый *«бренд бук»* – свод правил и стандартов по его использованию. Наличие такого документа обеспечивает постоянство и преемственность в использовании бренда в ходе реализации стратегии социально-экономического развития территории.

Еще раз подчеркнем то, что визуализация бренда города направлена, в первую очередь, на выражение его основной идеи. Приведем, на наш взгляд, достаточно интересный и позитивный пример брендинга и визуальной айдентики города Клин. Как сказано в специально разработанном командой профессионалов для города Клин *«Альбоме нового облика»*, большинство элементов символи-

ческого капитала города оказалось связанными с темой звука: музыка и музыкальные произведения, звучное стекло, звонкие фамилии Гайдара, Менделеева. К тому же название города произносится звучно и звонко. Для современной России брендинг города через звук и звуки – амбициозная и смелая идея. При этом не только музыкальные, но в другие характерные звуки Клина становятся сюжетом продвижения города: шелест листвы, журчание воды, шум торговых рядов, колокольный звон церквей и т.д.[5]. По мнению разработчиков проекта по брендингу Клина, в визуальном образе тесно переплетаются звук и изображение. Вид звукового сигнала (осциллограмма), его форма, полученная при переводе звука в цифровой вид, является выраженным визуально воплощением идеи *«так звучит клин»*. Таким образом, тема звука, как ключевая тема бренда города Клин, легла в основу логотипа. Разработанный в итоге логотип стал результатом графического изображения пересечения звуковых волн, возникающих от двух источников звука. Принцип диалога, заложенный в логотипе, нашел свое воплощение в фирменных цветах. Фирменный зеленый цвет был позаимствован из герба города Клин. Второй цвет – *«чистый природный голубой»*, был выбран для получения гармоничного сочетания обоих цветов, которые создают ощущение красивого, зеленого, чистого города, при этом современного и живого. Авторы проекта подчеркивают, что только строгое соблюдение всех правил использования визуальной айдентики Клина может привести к построению успешного и запоминающегося бренда. В числе носителей фирменного стиля были обозначены плакаты, листовки, лифлеты, сувенирная продукция и др.

Концепция брендинга города Клин, в том числе его визуальной составляющей, была разработана в 2014 г. Разумеется, пока рано подводить итоги. Насколько успешным будет этот проект, покажет время. Как сообщается в столичных и подмосковных СМИ, по опыту данного проекта будут созданы подобные альбомы и для других городов Подмосковья, которые должны стать для них своеобразной дорожной картой – видением развития территории.

Приведенные примеры показывают, насколько различными могут быть подходы к визуальной айдентике в брендинге городов. При этом оценка результатов подобных проектов нередко носит субъективный характер. Кроме того, результаты эти труднопредсказуемы. Однако же, на наш взгляд, учитывая, что подавляющее большинство современных российских городов пытаются создать собственные бренды, одним из основных критериев эффективности этого процесса должно стать принятие или непринятие подобных проектов местным населением. Ведь именно местные жители являются одновременно и носителями, и владельцами, и посланниками бренда города в других городах, регионах и странах. Здесь важно также подчеркнуть главную цель всех усилий по брендингу территорий – повышение качество жизни местного населения. На наш взгляд, при отсутствии поддержки местных жителей попытки брендинга городов, будь то в России или в какой-либо другой стране, обречены на провал. В то же самое время, учитывая имеющийся опыт проведения народных конкурсов на разработку логотипов городов, представляется целесообразным и оптимальным сочетание участия, как местного населения, так и профессионалов отрасли брендинга территорий в данном процессе.

Очевидно, что чем крупнее город, тем сложнее разработать и принять для него ту или иную общую концепцию брендинга, включая аспект визуальной айдентики. Самым показательным примером в России в данной связи является ее столица – Москва. С точки зрения брендинга и создания логотипа, Москва, пожалуй, является одним из самых сложных городов не только России, но и Европы. Родькин верно отмечает, что *«логотип Москве нужен для идентификации в современных глобальных коммуникациях, формирования привлекательной и функциональной информационной, городской и социальной среды»* [7, с. 43]. Уже несколько лет столица России пытается разработать собственный бренд и логотип. На разных этапах реализовывались такие имиджевые проекты, как *«Москва – мировой финансовый центр»*, *«Москва – город национального успеха России в XXI веке»*, *«Москва – крупнейший центр мира»* и др. Стоит упомянуть и о многочисленных разрозненных акциях по формированию бренда и логотипа столицы: проект *«Перестройка»* интернет-газеты The Village, рекламную кампанию *«Город. достойный красоты»*, *«Лучший город земли»*, *«Heart of Moscow»*, *«Wow! It's Moscow»* и др. Несколько раз проводились официальные тендеры столичных властей по разработке единого бренда и логотипа города. Решить данную проблему пытались одновременно Комитет по туризму и Департамент рекламы и СМИ Москвы. В 2014 г. известная дизайн-студия Артемия Лебедева выступила с частной инициативой и презентовала очередной вариант логотипа города, в основе которого стала красная звезда. Данный логотип вызвал шквал критики, как со стороны рядовых граждан, так и со стороны профессионалов-маркетологов. Итак, на сегодняшний день столица России официально не признала ни один из предложенных вариантов визуальной айдентики города. У Москвы объективно слишком много различных целевых аудиторий. На наш взгляд, сложившаяся ситуация закономерна для любого крупного мегаполиса.

Анализируя визуальную айдентику современных российских городов, необходимо отметить, что она включает в себя не только логотип и фирменный стиль, но и такой немаловажный элемент, как городское пространство. *«Пространство – это уникальный ресурс брендинга, которым обладает место в отличие от брендируемых товаров, услуг и фирм. Городское пространство в брендинге города – лучшая творческая площадка для «визуализации»* идентичности места» [3, с. 71]. Так, например, многие архитектурные сооружения формируют *«лицо»* территории (Кремль в Москве, Биг Бен в Лондоне, Эйфелева башня в Париже и т.д.). Однако, подробное рассмотрение данного аспекта выходит за рамки нашего исследования и проблем брендинга.

Итак, визуальная айдентика играет немалую роль в становлении бренда территории и является элементом современной визуальной культуры, государственных и общественных коммуникаций. В последнее время в России появилось много городов, которые разработали для себя логотип, однако не обрели бренда. Необходимо подчеркнуть, что логотип города – это всего лишь визуализация бренда. Визуальная айдентика в брендинге территорий выполняет исключительно сервисную функцию, являясь важным, однако не ключевым элементом. При этом идея бренда и логотип бренда должны отражать одни и те же ценности. Визуальная айдентика городов России сегодня пока не воспри-

нимается в качестве полноценного коммуникационного инструмента, налицо недооценка его потенциальной эффективности и недостаточное понимание его сути. Кроме того, стоит сказать об отсутствии *«привлекательных, живых и современных образов связано с крайней нерешительностью, страхом перед новизной территориальной бренд-идентификации»* [7, с. 196].

На наш взгляд, в условиях конкуренции городов за необходимые ресурсы визуальная айдентика играет не последнюю роль в решении проблемы собственной узнаваемости. Как уже было сказано, практика создания территориями символов и знаков для собственного обозначения зародилась еще в древние времена. Логотипы и другие визуальные символы современных городов являются своеобразным продолжением геральдических традиций прошлого, не отменяя при этом их существование. В целях повышения визуальной культуры жителей России представляется целесообразным их активное вовлечение в проекты по визуальной айдентике своих городов наряду с разработкой профессионального стандарта и методологии принятия логотипов и других символов российских территорий. Визуальная айдентика того или иного города – значимый символический фактор, отражающий неповторимый характер этого города, который может и должен стать эффективным инструментом его системы коммуникаций с внутренней средой и внешним миром.

Список литературы

[1] Азбука городов. Выпуск 1. – http://citybranding.ru/alpha1/ (дата обращения: 07.04.2016).

[2] *Блашенкова В.* Бренд территории: создание и продвижение. Как это делается в России. Практическое руководство. М.: ОАО *«Можайский полиграфический комбинат»*, 2011.

[3] *Визгалов Д.В.* Брендинг города. – М.: Фонд *«Институт экономики города»*, 2011.

[4] *Дубейковский В.* Может ли герб стать логотипом города? – http://citybranding.ru/vopros4/ (дата обращения: 07.04.2016)

[5] Клин. Альбом нового города. – http://festopen.com/wp-content/uploads/2015/08/Klin_album_ru.pdf (дата обращения: 07.04.2016).

[6] *Логунцова И.В.* Особенности территориального брендинга в российских условиях. – М.: КДУ, 2013.

[7] *Родькин П.Е.* Бренд-идентификация территорий. Территориальный брендинг: новая прагматичная идентичность. М.: *«Совпадение»*, 2016.

[8] *Родькин П.Е.* Городской брендинг Чехии. – http://www.prdesign.ru/text/2010/czcitybrands.html (дата обращения: 07.04.2016).

[9] *Стась А.* Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. – М.: ООО *«Группа ИДТ»*, 2009.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ

Балашов Е.Л.*
(Россия, г. Севастополь)

Аннотация. *В статье рассмотрены основные процессы функционирования антикоррупционных механизмов на территории Российской Федерации, процесс функционирования данных механизмов на территории Крымского федерального округа в связи с созданием здесь свободной экономической зоны.*

Проблема коррупции в различных направлениях деятельности органов государственной власти приобрела в настоящее время глобальный и системный характер. Коррупция представляет собой непосредственную угрозу национальной безопасности, препятствует развитию в нашей стране институтов демократии и гражданского общества, реализации гражданами своих конституционных прав в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, имущественных отношений. Кроме того, коррупция самым негативным образом сказывается на развитии экономики, а также финансовой системы и всей инфраструктуры российского общества вообще. Все эти и ряд других проблем делают объективно необходимым формирование государством эффективных механизмов антикоррупционной политики [6].

Коррупцией считается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях [1].

Согласно рейтингу стран мира по уровню восприятия коррупции за 2015 г. Российская Федерация получила по индексу восприятия коррупции 29 баллов. Индекс восприятия коррупции представляет собой сводный индикатор, рассчитываемый на основе данных, полученных из экспертных источников, предоставленных международными организациями. Все источники измеряют общую степень распространенности коррупции (частотность и/или объем взяток) в государственном и экономическом секторах и включают оценку множества стран. Таким образом, Россия занимает 119 из 167 позицию в рейтинге, разделяя эту позицию с Гайаной и Сьерра-Леоне[5]. Согласно данным МВД Российской Федерации средний размер взяток в 2015 г. составил около 200 тыс. руб.[4].

* *Балашов Евгений Леонидович*, к.э.н., и.о. зам декана факультета экономики и управления филиала МГУ в г. Севастополе, доцент кафедры управления.

21 марта 2014 г. указом Президента Российской Федерации В.В. Путина на основании проведенного в Крыму референдума был образован Крымский федеральный округ [2]. С 18 марта 2014 г. до 1 января 2015 г. был объявлен переходный период в Крыму, в течение которого, в соответствии с Договором о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию, требовалось урегулировать вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации. В связи с этим вся нормативно-правовая база требовала существенных изменений.

В ноябре 2014 г. был опубликован Федеральный закон *«О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»*. Согласно данному закону, вступившему в силу 1 января 2015 г., на территории Республики Крым и города Севастополь была создана свободная экономическая зона сроком функционирования – 25 лет (до 31 декабря 2039 г.). Таким образом, после воссоединения Крыма с Российской Федерацией образовалось новое экономическое и политическое пространство, и именно этот субъект федерации стал местом эксперимента по созданию и функционированию различных антикоррупционных механизмов. После создания свободной экономической зоны в Крыму регион нуждается в огромных инвестициях, поэтому целесообразно было устранить различные барьеры и коррупционные механизмы на полуострове. Таким образом, были созданы прозрачные правила вступления резидентов в свободную экономическую зону, сжатые сроки принятия решения со стороны органов государственной власти. Также необходимо отметить, что осуществляется тщательный контроль со стороны внешних органов государственной власти за деятельностью чиновников.

Одним из эффективнейших превентивных механизмов антикоррупционной деятельности стал механизм формирования *«единого окна»*. *«Единое окно»* – это система, позволяющая лицам, осуществляющим торговые операции, предоставлять информацию, необходимую для выполнения всех требований законов об импорте и экспорте, в единую структуру. Механизм *«единого окна»* позволяет усовершенствовать увязку существующих государственных систем и процессов при одновременном стимулировании более открытых и простых методов функционирования государственных органов и их работы с предприятиями. Это позволит укрепить координацию и сотрудничество между государственными органами, имеющими отношение к деятельности в области торговли.

Принципиальную схему *«единого окна»* можно представить в форме буквы *«Т»* (рис. 1), где горизонтальной линией обозначено информационное взаимодействие государственных органов (ФОИВ) *«G2G»*, а вертикальной линией (основанием) – взаимодействие государства и бизнеса (участники ВЭД) – *«B2G»*. Участники (бизнес) являются поставщиками информации в механизме одного окна. Государственные органы (ФОИВ) обмениваются между собой и бизнесом информацией, первоначально полученной от участников ВЭД. Отсутствие вертикальной составляющей (B2G) в схеме *«единого окна»*, как это видно из рисунка, приведет к неработоспособности всего механизма [3]. Реализация принципа *«одного окна»* при взаимодействии с инвесторами создает условия для эффективной реализации

проектов на территории региона за счет оперативного получения информационно-консультационного и организационного содействия, что позволяет сократить сроки поиска необходимой информации для принятия решения, а также время подбор участка и подготовки необходимой документации. В вопросе получения государственных и муниципальных услуг роль *«единого окна»* выполняет МФЦ. Данные центры позволяют не только упростить процедуры оказания услуг населению, синхронизировать работу разных ведомств, но и обеспечить комфорт посетителей, снизить временные и финансовые затраты граждан при получении разных услуг. Документы в МФЦ принимает не государственный служащий, а сотрудник фронт-офиса, который принимает запросы по услугам различных ведомств. Решение о предоставлении или не предоставлении услуги, как и раньше, принимается в государственном или муниципальном органе. Но теперь заявитель не общается с государственным служащим каждого ведомства непосредственно. Это не только повышает комфорт посетителя, но и существенно снижает риск возникновения коррупции. На начало 2016 г. в Севастополе функционирует 6 МФЦ, которые оказывают основные государственные и муниципальные услуги населению.

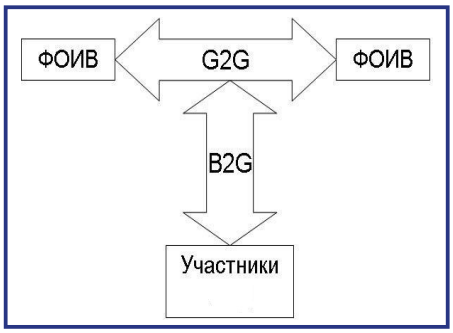


Рис. 1. Принципиальная схема «единого окна»

В соответствии с Постановлением Правительством Севастополя № 138 от 05.03.2015 г., принят регламент обращения инвесторов и сопровождение инвестиционных проектов по принципу *«одного окна»* [9]. Регламент устанавливает сроки и последовательность действий государственных органов исполнительной власти г. Севастополь по оказанию информационного, консультационного, административного и организационного содействия инвесторам в реализации инвестиционных проектов. Регламент утверждает максимальное время на заключение соглашений и договоров с инвесторами в срок не более 20 календарных дней в зависимости от объема инвестиций и определяет ответственные органы в структуре Правительства города, ответственные за исполнение постановления. Ключевую координирующую роль в схеме играет Департамент приоритетных проектов г. Севастополь. Можно выделить следующие его функции:

1. Обеспечение режима *«одного окна»* для инвесторов при взаимодействии с органами исполнительной власти;
2. Содействие созданию проектных команд по поддержке и реализации конкретных инвестиционных проектов под ключ;
3. Продвижение инвестиционных возможностей и проектов региона в России и за рубежом, в том числе через конференции, выставки, форумы;
4. Обеспечение взаимодействия с инвестиционными и венчурными фондами, банками, иностранными государственными инвестиционными агент-

ствами, специализированными финансовыми организациями, российскими и международными институтами развития с целью использования их потенциала и возможностей по финансированию и поддержке инвестиций на территории региона;

5. Представление интересов субъекта Российской Федерации в проектах государственно-частного партнерства;
6. Ведение информационно-аналитических баз инвестиционных возможностей г. Севастополь, в т.ч. баз данных инвестиционных проектов и предложений;
7. Продвижение региона на внутреннем и внешнем экономических рынках: маркетинг территорий, информационное сопровождение, организация и проведение имиджевых мероприятий;
8. Взаимодействие с органами власти, институтами развития и другими государственными и общественными организациями, фондами;
9. Сопровождение и поддержка реализации инвестиционного проекта в соответствии с утвержденным регламентом.

Для обеспечения объективности принимаемых решений, на основании сводного заключения департамента приоритетных проектов, решения принимают коллегиальные органы: Межведомственная комиссия под руководством заместителя губернатора г. Севастополь (проекты до ста миллионов рублей) и Инвестиционный совет при губернаторе (проекты более ста миллионов рублей). Функции органов: подписание соглашения с инвестором, оказание государственной поддержки, сопровождение проекта, принятие решение *«о целесообразности проекта»*. Последний пункт может вызывать вопросы с точки зрения возможности появления субъективного мнения и появления риска коррупционной составляющей. Участники (резиденты) свободной экономической зоны в Крыму и Севастополе получат следующие льготы:

1. Налог на прибыль организаций. В федеральный бюджет – 0% (на 10 лет), в бюджет города – 2% в течение 3-х лет, 6% – с 4 по 8 годы, 13.5% – с 9 года с момента внесения в реестр резидентов СЭЗ; страховые взносы – 6% (ПФР) плюс 1.5% (ФСС) и 0.1% (ФМС), что в сумме составляет 7.6%.
2. Упрощенный въезд и заход в порты. Для иностранных туристов вводится свободный въезд сроком на 30 дней, им будет выдаваться одноразовая туристическая виза. Крымские морские порты признаются свободными портами, в которых применяется упрощенный порядок пограничного, таможенного и иного контроля, установленный таможенным законодательством Таможенного союза.
3. Упрощенные процедуры землепользования. Документация о размещении объекта на земельном участке утверждается без проведения публичных слушаний (с 2017 г.). Градостроительные регламенты не устанавливаются для земельных участков, предназначенных для размещения объектов, необходимых для реализации инвестиционных проектов (с 2017 г.). Земельные участки под инвестиционный проект предоставляются участнику СЭЗ в аренду без торгов на срок, необходимый для реализации договора об условиях деятельности в СЭЗ.
4. Развитие социальной и инженерной инфраструктуры. Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790 утверждена Федеральная целевая программа *«Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополь до 2020 г.»*.

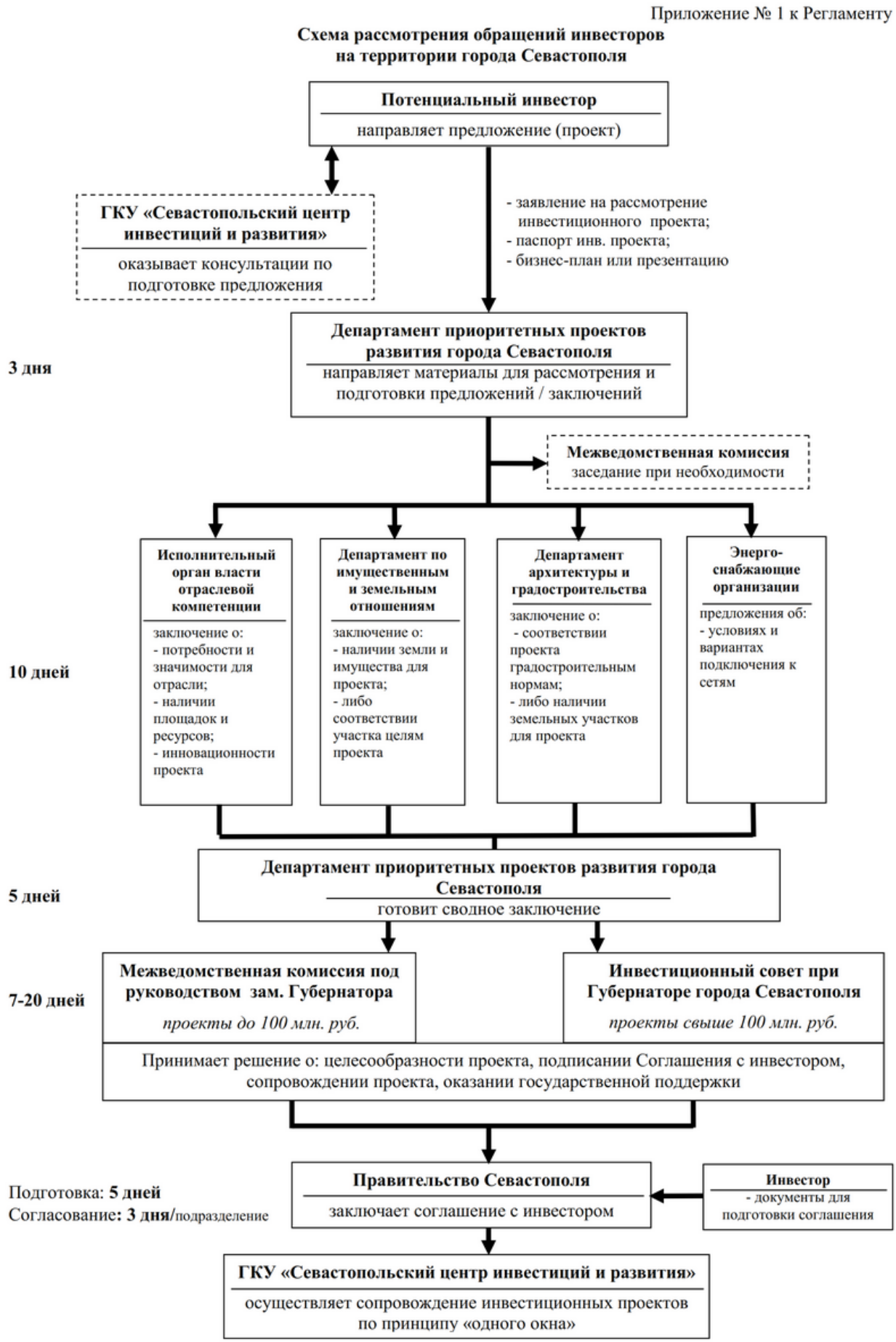


Рис.2. Регламент взаимодействия с инвесторами в Севастополе по принципу «единого окна»

Для развития транспортной инфраструктуры 1 млрд. рублей предусмотрен на строительство и реконструкцию муниципальных дорог, 1.26 млрд. руб. – на развитие портовой инфраструктуры, а также для осуществления внутригородских пассажирских перевозок. Развитие аэропорта *«Севастополь»* включает в себя три составляющих: ремонт взлетно-посадочной полосы (будет выполнен за счет средств Министерства обороны), создание инфраструктуры для обеспечения гражданских перевозок (предусмотрено финансирование в сумме 1.7 млрд руб. в рамках ФЦП) и строительство аэровокзального комплекса (планируются к привлечению средства инвесторов). В рамках сотрудничества с Государственной транспортной лизинговой компанией запланировано обновление парка городского транспорта на общую сумму 1.1 млрд руб.

Для эффективной работы резидентов свободной экономической зоны в Крыму и г. Севастополь принят *«инвестиционный стандарт»*, согласно которому власть обеспечивает прозрачное взаимодействие бизнеса и государства. Параметры *«инвестиционного стандарта»* прописаны на официальном инвестиционном портале г. Севастополя [7]. В соответствии с официальным документом, для эффективной работы экономической зоны и минимизации коррупционных рисков, должны быть выполнены 15 параметров:

1. Разработка инвестиционной стратегии города;
2. Подготовка и ежегодное обновление плана создания инвестиционных объектов и объектов инфраструктуры;
3. Ежегодное послание губернатора *«Инвестиционный климат и инвестиционная политика города Севастополя»*;
4. Принятие закона Севастополя *«Об инвестиционной деятельности на территории города федерального значения Севастополя»*;
5. Создание и обеспечение деятельности Инвестиционного Совета при губернаторе города Севастополя;
6. Создание специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами;
7. Создание доступной инфраструктуры для размещения производственных и иных объектов инвесторов – промышленного парка и технопарка;
8. Формирование механизмов профессиональной подготовки и переподготовки по специальностям, соответствующим инвестиционной стратегии города и потребностям инвесторов;
9. Создание специализированного двуязычного интернет-портала об инвестиционной деятельности в городе Севастополе;
10. Наличие единого Регламента сопровождения инвестиционных проектов по принципу *«одного окна»*;
11. Принятие губернатором инвестиционной декларации города;

12. Принятие нормативного акта, регламентирующего процедуру оценки регулирующего воздействия принятых и принимаемых нормативно-правовых актов, затрагивающих предпринимательскую деятельность;
13. Наличие системы обучения, повышения и оценки компетентности сотрудников профильных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами;
14. Включение представителей потребителей энергоресурсов в состав органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере государственного регулирования тарифов;
15. Наличие канала прямой связи инвесторов и руководства города для оперативного решения возникающих в процессе инвестиционной деятельности проблем и вопросов.

В настоящий момент из 15 параметров фактически действуют пункты 5, 9 и 10. Начинают действовать параметры *«единого окна»*, определен регламент и максимальные сроки заключения договора с инвестором и включения в реестр резидентов СЭЗ. Согласно Федеральной целевой программе *«Социально – экономическое развитие республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.»*, составлен план – график реализации мероприятий развития инфраструктуры до 2020 г., позволяющий инвесторам прогнозировать развитие отдельных частей и сетей территории.[8]. Также инвесторам предлагается *«инвестиционная карта Севастополя»*, на которой расположены земельные участки, объекты недвижимости, на которые могут быть заключены инвестиционные соглашения.

Таким образом, вопрос привлечения инвестиций для города Севастополя является достаточно острым. Вопрос прозрачности взаимодействия власти и бизнеса постепенно улучшается, становится актуальным вопрос государственно – частного партнерства. Совокупность вышеизложенных факторов и параметров должно обеспечить минимизацию коррупционной составляющей в региональной экономике и обеспечить планомерное развитие. Вопрос эффективного диалога власти с бизнесом и населением (государственные и муниципальные услуги) с помощью инструмента МФЦ. Источником финансирования для развития инфраструктуры является Федеральная целевая программа *«Социально–экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»*.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 *«О противодействии коррупции»*.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 168. *«Об образовании Крымского федерального округа»*.

[3] *«Единое окно»*: механизм работы и практика применения – http://www.alta.ru/expert_opinion/25305/ (дата обращения: 07.04.2016).

[4] МВД: Средний размер взяток в Российской Федерации растет – http://www.rbc.ru/economics. (дата обращения: 07.04.2016).

[5] Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий:http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info. (дата обращения: 07.04.2016).

[6] *Шедий М.В.* Коррупция в современной России: проблемы и противодействия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011.

[7] Официальный инвестиционный портал Севастополя – http://investsevastopol.ru. (дата обращения: 07.04.2016).

[8] Паспорт федеральной целевой программы развития *«Социально – экономическое развитие республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»*, утвержден Постановлением Правительства РФ от 11.08.2014 № 790.

[9] Постановление Правительства г. Севастополя *«Об утверждении регламента рассмотрения обращений инвесторов и сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна»* на территории г. Севастополя № 138-ПП от 05.03.2015.

ПРОГРАММЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Захарова И.А.*
(Россия, г. Москва)

Аннотация. *Региональная политика Европейского Союза (ЕС) направлена на развитие транснациональных партнерских отношений по стратегическим вопросам в целях улучшения территориальной, экономической и социальной интеграции и развития процессов сплоченности, стабильности и конкурентоспособности регионов. Экономическая политика ЕС способствует развитию кластеров. «Адриатика-Дунайская кластеризация» (АДК) является одним из многочисленных проектов, которые реализуют подобную политику.*

Создание и развитие транснационального сотрудничества является частью региональной политики ЕС. В декабре 2015 г. в Будапеште были представлены результаты *«Юго-Восточной программы транснационального сотрудничества в 2007–2013 гг.»* Основными инструментами программы было заключение транснациональных партнерств и организация совместных действий. В общей сложности программа софинансировала 122 совместные инициативы по четырем тематическим направлениям: 1. Содействие инновациям и предпринимательству; 2. Защита и улучшение окружающей среды; 3. Улучшение доступности; 4. Развитие транснациональных синергий для устойчивых зон роста. Проекты, поддерживаемые в рамках программы, осуществлялись в период 2009–2014 гг. Программа Юго-Восточной Европы направлена на развитие транснациональных партнерских отношений по вопросам стратегической важности в целях улучшения территориальной, экономической и социальной интеграции и развития процессов сплоченности, стабильности и конкурентоспособности региона. Для этого программа стремится реализовать проекты стратегического характера, которые имеют значение для программной области. Те проекты, которые могут быть столь же эффективно осуществлены вне программы, в данную программу не включены. Сами проекты должны логично вписываться в программу, а их цели соответствовать целям программы и вносить существенный вклад в политику сплочения. Данная программа способствует развитию более тесной интеграции между государствами-членами, потенциальными странами-кандидатами и соседними странами. Что касается проектов, входящих в программу, то их жизнеспособность и устойчивость будет зависеть от трех составляющих: финансовой устойчивости (обеспечения собственными ресурсами или поиск других источников финансирования для покрытия будущих затрат на эксплуатацию и обслуживание после реализации и завершения проекта), институциональной устойчивости (опре-

* *Захарова Ирина Александровна*, к.э.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

деления структуры, которая возьмет на себя последующие мероприятия после окончания проекта), политической устойчивости (воздействия проекта на политические решения, что приведет к улучшению законодательства, кодексов поведения, методов и т.д.).

Экономическая политика Европейского Союза способствует развитию кластеров, что отражено в *«Стратегических ориентирах политики Сплочения»*. Данная политика побуждает государств-членов и регионы сосредоточить свои инвестиции на тех областях, которые могли бы конкретно способствовать выполнению *«Национальной программы реформ»*, принимая во внимание особенности национальной и региональной среды. В связи с этим, основными инструментами, используемыми Европейской комиссией по поддержке кластеров являются следующие:

- Три основных инструмента Сообщества, которые используются в целях создания экономики, основанной на знаниях, – структурные фонды, *«Рамочная программа 7»* (FP 7) и *«Рамочная программа по инновациям и конкурентоспособности»*. Каждый из них включает в себя мероприятия по поддержке кластеров. Синергия между *«Политикой сплочения»*, *«FP 7»* и *«Программой по конкурентоспособности и инновациям»* вносит существенный вклад в области научных исследований.
- Конкретные меры, целью которых является содействие инновационной деятельности в целом и участие малых и средних предприятий в кластерах, в частности;
- Финансирование кластеров. 1. Часть региональных оперативных программ по развитию инноваций в 2000–2006 гг. совместно финансировалась фондами, в частности, по направлению *«научная инфраструктура»*. Сюда относятся такие проекты, как развитие научных парков и инкубаторов, создание сетевых связей, необходимых для построения взаимоотношений между региональными властями, окружающей средой бизнеса и университетами. 2. Финансирование в рамках *«Политика сплочения»* (EFRD, ESF и Фонд Сплочения с бюджетом около 347 млрд. евро); 3. Выделение приблизительно 86 млрд. евро на научные исследования и инновации в программном периоде 2007–2013 гг., одним из важных направлений которых является поддержка кластеров и их инфраструктуры.

В рамках оперативной программы *«Конвергенция»*, государства-члены ЕС могут использовать EFRD для софинансирования исследований, развития инновационной и предпринимательской деятельности в кластерах и в рамках государственно-частных партнерств.

В рамках программы *«Региональная конкурентоспособность и занятость»* средства могут быть использованы для стимулирования инноваций и предпринимательства во всех отраслях региональной и местной экономики путем поддержки бизнес-сетей и кластеров.

В рамках программы *«Европейское территориальное сотрудничество»* для поддержки транснационального сотрудничества предполагается совместное использование научно-исследовательской инфраструктуры и обмен опытом.

Целями *«7-й Рамочной программы ЕС»* является поддержка научно-исследовательской деятельности и технологий. Технологическое развитие само по себе является активным инструментом европейской политики для поддержки кластеров, которые реализуются в проектах, финансируемых за счет средств двух программ:

– Подпрограмма *«Возможности»* направлена на укрепление инновационного потенциала малых и средних предприятий и исследовательского потенциала регионов, поддержание исследовательских инфраструктур, а также поддержку развития региональных кластеров на основе инноваций.

– Подпрограмма *«Регионы знаний»* была разработана в целях укрепления научно-исследовательского потенциала европейских регионов, в частности, путем содействия развитию региональных кластеров на основе исследований в их партнерстве с университетами, исследовательскими центрами, предприятиями и региональными органами власти.

Региональный Комитет рекомендует Европейской Комиссии ряд мер, которые призваны содействовать кластерам в ЕС и должны быть реализованы в едином ключе действий в целях укрепления и развития кластеров, а также сотрудничества между ними.

Политика в отношении кластеров часто рассматривается в качестве инструмента для повышения национальной и региональной конкурентоспособности, что в свою очередь, объясняет, почему лишь небольшое число этих программ имеют международный характер. Такое положение дел стало меняться. Принимая во внимание последствия глобализации, которые усиливают конкуренцию между разными территориями, открывают перспективы различным организациям, а также создают дополнительные возможности, транснациональные кластеры появляются в ином свете. Возрастает убеждение в том, что страна не может оставаться конкурентоспособной без определенной степени специализации. Обмен опытом является основной причиной для более тесного сотрудничества между структурами, разрабатывающими кластерные стратегии и программы развития для кластеров. У различных стран могут быть общие интересы в отношении создания сильных кластеров или форсирования сотрудничества между кластерами в конкретном регионе. Они могут использовать одни и те же объекты исследовательской инфраструктуры и те же возможности пилотирования; а также стимулировать трансграничный обмен опытом и знаниями. Для этого требуется разработка общей долгосрочной стратегии в целях содействия развитию сильных глобальных кластеров. Этот амбициозный тип кластерного сотрудничества имеет ограничения на ранних стадиях развития. Целесообразно объединяться регионам с общей культурной идентичностью в приграничные сотрудничества, например, регионы Балтийского моря и Центральной Европы. По этим причинам можно сделать вывод о том, хотя транснациональные кластеры несут в себе положительный эффект для всех участников, но формирования таких кооперации не происходит спонтанно. Чаще всего такое сотрудничество остается в пределах одной области, хотя общие проблемы могут более эффективно решаться при широком сотрудничестве.

Поэтому инструменты Европейского Сообщества, которые облегчают транснациональное сотрудничество кластерам, могут предложить более значительные выгоды. Предоставление Европейской Кластерной Обсерватории нейтральной и сопоставимой информации о кластерах и кластерной политике в государствах-членах, представляет собой важный вклад в развитие обмена опытом на уровне ЕС и развивает научно обоснованный подход политики поддержки кластеров. Кроме того, предоставление платформы знаний, которая позволяет государствам-членам и регионам учиться друг у друга, для того, чтобы иметь возможность сформулировать последовательную политику поддержки кластеров, является прекрасным примером того, как сообщество поддерживает политику сотрудничества между транснациональными кластерами. В частности создаются сетевые структуры с представителями национальных и региональных органов власти, а также при участии инновационных центров, которые занимаются объединением кластерных программ, расположенных в определенных географических регионах, таких как регионы Балтийского моря и Центральной Европы. Другие инициативы направлены на развитие совместных действий в области передачи технологий, совершенствования технологий и интернационализации малых и средних предприятий, участвующих в конкретных кластерах. Данный вид сотрудничества не может быть реализован без финансовой поддержки Европейской Комиссии. Только с помощью европейских фондов лидеры в данном направлении готовы поделиться своим опытом со странами, которые еще недавно инициировали кластерную политику и программы, имеют особый интерес к обучению для более эффективного осуществления региональной стратегии развития.

Во многих регионах были достигнуты существенные успехи в подготовке более тесного сотрудничества между разными государствами-членами и регионами. Был подписан меморандум о взаимопонимании и запущены совместные пилотные проекты. Кроме того, различные правительства в настоящее время работают в более тесном сотрудничестве с целью улучшения методологии планирования и оценки влияния кластеров. Эксперты считают, что дальнейший прогресс должен быть сделан за счет снятия некоторых ограничений с тем, чтобы добиться более тесного сотрудничества между различными государствами-членами и регионами. Это потребует разработки и практического применения новых правовых инструментов для приграничного сотрудничества, таких как *«Европейское Объединение приграничного сотрудничества»* (см.: Регламент 1082/2006 Европейского парламента от 5-го июля 2006 г.). В результате проведения кластерной политики в Европе существует более 500 кластеров с различными задачами и специалистами в данной области. Управление кластером – новая специализация, которая заключается в оказании адресной поддержки компаний.

В *«политике сплочения»* Европейского Союза был поставлен вопрос о кластерах и инновационном развитии в странах, омываемых Адриатическим морем. Проект *«Адриатика-Дунайская кластеризация»* является одним из многочисленных проектов Европейского Союза по поддержке кластера на основе экономического развития. Этот проект финансируется в рамках *«Программы*

трансграничного сотрудничества Юго-Восточной Европы». Данная программа финансируется из Европейского фонда. Институт экономического прогнозирования Румынии выступает в качестве партнера проекта и управляет проектом *«АДК»* совместно с другими семью странами в регионе Адриатического моря и Дуная (Италией, Сербией, Словенией, Болгарией, Хорватией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной). Данный проект намерен определить в каждой стране-участнике компании и кластеры, которые были построены или находятся в процессе строительства, функционируют в стратегически важных и конкурентных секторах экономики, представляя общий интерес для всех партнеров. Его цель: оказание помощи компаниям и кластерам в процессе создания возможностей трансграничного сотрудничества.

После глубоких исследований были выявлены следующие сектора развития транснациональных кластеров для каждой страны, которые были обозначены во время семинара в Бухаресте 3–4 июня 2010 г.:

Италия: агропродовольственный, машиностроение, строительство, мебель, здоровье, индустрия моды.

Болгария: пищевая, молочная промышленность, информационные и коммуникационные технологии, текстильная промышленность, виноделие, машиностроение, энергетика, туризм.

Словения: металлообрабатывающая промышленность, переработка алюминия, энергетика, логистика, туризм, пищевая промышленность, деревообработка и мебель, химикаты.

Венгрия: энергетика, машиностроение, автомобилестроение, информационные технологии, экология, электроника, пищевая промышленность, логистика, текстильная промышленность, металлообработка, оборонная промышленность.

Босния: текстильная и кожная промышленности, пищевая, табачная промышленности, деревообрабатывающая и мебельная промышленности, металлургия и производство электроэнергии.

Сербия: текстильная промышленность, строительство, молочная промышленность.

Румыния: информационные технологии, электроника, электротехника, машиностроение, автомобилестроение, кораблестроение, туризм, логистика.

Следует отметить, что проект *«АДК»* стремился определить только те компании и кластеры выбранных регионов, которые уже сформированы или планируются в тех областях деятельности, которые представляют интерес для всех партнеров по проекту.Первостепенным является интеграция в национальные кластеры, сотрудничество между собой в целях формирования и развития конкурентоспособных и эффективных транснациональных кластеров.

Несмотря на достаточное количество существующих однородных компаний в схожих областях с примерно одинаковой производительностью в регионах Адриатики и Дуная, на тот момент знания о существующих возможностях трансграничного сотрудничества были крайне низкими в силу отсутствия зна-

ний о деятельности компаний Юго-Восточной Европы в масштабах ЕС. Поэтому целью *«АДК»* было укрепить путем территориального маркетинга региональную кооперацию в глобальной экономике, повышая производительные способности путем создания отраслевых кластерных сетей, повышения эффективной интеграции более конкурентоспособных сетей и уменьшения региональных различий, а также путем содействия привлекательности территории для прямых иностранных инвестиций. Таким образом, *«АДК»* ставила задачу внести существенный вклад, сочетая привлекательность и доступность вхождения в увеличение роста производительности региона Юго-Восточной Европы. Для того, чтобы достичь этого результата, *«АДК»* реализовала следующее: были определены стратегические транснациональные цепочки добавленной стоимости, как ключевые составляющие роста и привлекательности; определена капитализация производственных взаимодополняемых существующих и возникающих кластеров; выстроены горизонтальные связи между компаниями на Адриатическом побережье и Дуная; стали развиваться новые динамические партнерства между территориальными субъектами, занимающимися развитием кластеров, улучшением бизнес-среды с помощью инновационных цифровых бизнес систем; были внедрены инструменты территориального маркетинга для создания привлекательности *«АДК»* партнерства. Проект был запущен в апреле 2009 г. и завершен в сентябре 2011 г.

Внутренние факторы конкурентоспособности в 2010–2011 гг. соответствовали новым расстановкам на мировом рынке. Ни возможности ЕС, ни национальной промышленной политики в регионе не способствовали самостоятельному открытию своих рынков. Таким образом, и бизнес-среде и региональным системам фирм нужно было введение политики оживления: у кластеров и промышленных районов есть будущее только с существенной государственной поддержкой, главным образом при условии формирования эффективной нормативно-правовой базы, применения инновационных подходов и возможностей.

Адриатическое побережье – Дунай – Черноморский регион по-прежнему имели стратегическое значение для ЕС, только если данный регион интегрирован и конкурентоспособен в качестве такового в новой глобальной экономике, но необходимо вводить новые линии управления по секторам и профилю. Для всех стран рост связывают с развитием новых технологий, новых продуктов и формированием человеческого капитала, что будет отражаться на более высоких стандартах продукции и потребления. Последние тенденции в международной торговле сигнализируют о необходимости разработки стратегий интернационализации, основанных на оригинальных комбинациях стоимости, производительности, качества и устойчивости продукта. Необходимость внедрения новых подходов обозначена определением отношений между кластерами, стратегиями фирм, промышленной динамикой и конкурентными преимуществами стран на международных рынках.

Кластерная сеть *«АДК»* упакована и продается как особый вид товара. В случае маркетинга кластера владельцы позиционируют продукт как мегапродукт, который состоит из многих частных материальных и нематериальных субпродуктов. Одним из критериев для декомпозиции мегапродукта является функ-

циональная составляющая, таким образом можно выделить 4 сети, согласно выбранным секторам. Продукт также является результатом соединения двух видов субпродуктов: функциональных (инвестиционных) и пространственных (региональной составляющей). Сложность мегапродукта, как правило, увеличивается с расширением территории и административной сети, которая состоит из большего числа и более дифференцированных субпродуктов. Структура мегапродукта должна быть оптимальной, чтобы достичь наилучшей прибыли транснационального региона. В самом начале проекта сеть *«АДК»* планировала обеспечить сотрудничество между компаниями региона в следующих отраслях:

1. Сектор *«Питание: переработка»*: сохранение и упаковка пищевых продуктов и связанные с ними технологии;
2. Сектор *«Современное жилье»*: этот сектор включает в себя множество мероприятий, призванных создать здоровые и комфортные жилые помещения (экологические строительные материалы, технологии на возобновляемых источниках энергии), электронные бытовые приборы, мебель и т.д.;
3. Сектор *«Логистика»*: хранение, упаковка, транспортировка, применение информационно-коммуникационных технологий в вышеупомянутых областях;
4. Сектор *«Мехатроника»*: производство двигателей, генераторов, электрических трансформаторов, систем управления промышленными процессами, механических инструментов, насосов, компрессоров, систем обработки воздуха и других термомеханических приборов, биомедицинские технологии, технологии для обработки и упаковка из текстиля, кожи, дерева; промышленные роботы и т.д., в дополнении к которым идут механические части, производимые мелкими поставщиками.

Разнообразие типов кластерных и рамочных условий их транснационального сотрудничества проясняет, что не существует такого понятия, как единое развитие кластера. Однако некоторые фундаментальные факторы успеха развития сети кластера могут быть определены:

– Привлечение всех заинтересованных сторон: представительства нескольких уровней власти и государственных ведомств, компаний, образовательных и исследовательских организаций (тройная спираль) и облегчение взаимодействия между различными сторонами, обеспечение взаимного доверия в качестве предварительного условия для успешного сотрудничества;
– Общее видение и стратегия должны быть едиными для всех заинтересованных сторон;
– Должны быть проанализированы и выявлены препятствия, мешающие бизнесу, акцент сделан на наиболее перспективных международных технологиях и тенденциях развития рынка;
– Должны быть обеспечены разработка и реализация адекватных и конкретных действий, четко отражена добавленная стоимость для всех заинтересованных сторон, особенно для компаний;

– Стратегические задачи основных региональных участников должны быть в соответствии с общей кластерной стратегии;
– Продвижение сети должно быть профессионально скоординировано и показывать высокую прозрачность, четкую коммуникацию и эффективное управление со стороны государства.

Инициативы, которые не принимают во внимание эти факторы успеха, как правило, сталкиваются с проблемой устойчивого развития кластера. Следует отметить общие сбои и ошибки в области политики кластера. Опора на прошлые успехи, пренебрежение изменениями в технологической, социально-экономической и политической среде может привести к неудачам, сильной зависимости от государственных фондов и дезориентации рынка.

ДЕВОЛЮЦИЯ УЭЛЬСА: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Пронкин С.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Статья посвящена процессу автономизации (деволюции) Уэльса с 1997 г. по настоящее время. Его общее направление – постепенное расширение административной и законодательной самостоятельности региона. Деволюция Уэльса – пример решения проблемы национально-государственной автономии на основе демократических процедур.*

Процесс предоставления Уэльсу особых прав длится уже несколько десятилетий. Его важнейшими эпизодами стали референдумы 1979 и 1997 гг. [1] Первый из них закончился провалом, избиратели отвергли идею предоставления Уэльсу особого статуса. Состоявшийся почти через 20 лет по инициативе лейбористского правительства Т. Блэра (*Anthony Blair*) повторный референдум оказался более успешным. С минимальным перевесом (50.3%) победили сторонники деволюции. На изменение настроений избирателей повлияло несколько обстоятельств.

– В 1979 г. предложение исходило от правительства, которое находилось на грани падения и было непопулярно из за экономических трудностей. В 1997 г., напротив, референдум инициировала недавно избранная, обладающая в парламенте весомым большинством, уверенная в себе власть.

– На стремление валлийцев к самостоятельности повлияло длительное правление консерваторов – партии, традиционно непопулярной в регионе, социально-экономический курс М. Тэтчер, больно ударивший по местной промышленности.

– Влияние Шотландии, валлийцы не хотели отставать от неё в вопросе автономизации.

Формальный успех референдума позволил правительству в 1998 г. провести через Парламент Акт о правительстве Уэльса[7]. Он предусматривал создание Национальной ассамблеи Уэльса (НАУ), которая избиралась на четыре года посредством смешанной системы голосования, известной как Additional Member System (AMS). 40 членов Ассамблеи (АМ) избирались по типичной для королевства системе *«first-past-the-post»* (FPTP) – мажоритарных выборов в один тур, 20 – по партийным спискам. Собрание формировалось как единый *«корпоративный орган»* (a body corporate), соединяющий в своей деятельности нормотворческие и административно-исполнительные функции.

Административно-распорядительные функции представительного учреждения превосходили его законодательные права. К Ассамблее как администра-

* *Пронкин Сергей Владимирович*, д.и.н., профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

тивному учреждению переходили значительные полномочия, ранее осуществлявшиеся министром по делам Уэльса. Что касается нормотворчества, то Собрание имело право только на *«вторичное законодательство»*, т.е. на уточнение актов парламента, принятых в тех сферах, которые подлежали деволюции. Речь шла в большей степени об административной, а не о законодательной автономии.

Собрание избирало одного из своих членов руководителем региональной администрации и делегировали ему исполнительные полномочия, он, в свою очередь, назначал из АМ других секретарей. Для координации деятельности секретари составляли особый *«исполнительный комитет»*, но он не являлся отдельным от представительного учреждения институтом. Секретари входили в состав тех профильных комитетов (subject committee), которые создавались по направлениям деятельности Ассамблеи. В этих комитетах они, наряду с другими их членами, участвовали в разработке нормативных актов. Со своей стороны, и АМ, не входившие в состав исполнительного комитета, принимали участие не только в нормотворчестве, но и в выработке административных решений. В сущности, подобная модель организации местных властей преобладала тогда в королевстве, в регионе была реализована управленческая система, предназначенная для более низкого уровня управления. Её преимуществами считаются *«прозрачность»* принятия решений, включенность в этот процесс всех депутатов, противодействие концентрации власти в руках одной из политических групп.

Ассамблея не имела права самостоятельно устанавливать налоговые ставки, её деятельность финансировалась за счет гранта правительства (block grant), размер которого определялся *«формулой Барнетта»* (Barnett formula). Возникшая в конце 70-х гг. прошлого века, она определяет размеры государственного финансирования общественных нужд в исторических регионах королевства: С. Ирландии, Шотландии и Уэльса. В основу расчёта положены численность населения и объем переданных региону полномочий.

Выборы в НАУ прошли 6 мая 1999 г. Затем процедура повторялась в 2003, 2007 и 2011 гг. Выборы 2015 г. были перенесены на 2016 г. с тем, чтобы они не совпадали с парламентскими. Первый опыт деволюции Уэльса был признан лейбористами успешным. Министр по делам Уэльса назвал её *«тихой революцией»* и отнёс к важнейшим достижениям правительства Блэра [3]. Но сомнения относительно правильности принятой модели регионализации были высказаны ещё накануне референдума 1997 г. Со временем критика стала усиливаться. Причина заключалась не только в недостатках реализованной управленческой конструкции, но и в изменившемся политическом положении. Как мы видели, общественная поддержка идеи превращения Уэльса в особую административную единицу не была ясно выраженной, её сторонники победили на референдуме 1997 г. с минимальным большинством. Среди валлийских лейбористов, не говоря о консерваторов, всегда были сильны сомнения в полезности деволюции, поэтому предложенный её вариант неизбежно носил компромиссный характер. Сравнительно с другими историческими регионами Соединённого королевства, Уэльс был более интегрирован с Англией национально и юри-

дически. В правовом отношении они составляли единое пространство *«Англии и Уэльса»*. Наделение Национальной Ассамблеи правом *«первичного законодательства»* потребовало бы создание особой системы судов, особого корпуса юристов и особого юридического образования. Эти трудности и сомнения объясняли относительную робость проводников *«тихой революции»*.

Но со временем новый статус региона стал привычным для его жителей, опасения по поводу языковой дискриминации и падения качества управления в целом не оправдались. Более того, Уэльс приобрел *«бонусы»*, которыми не обладала его старшая сестра – Англия. Росла эффективность деятельности региональных властей. Поэтому общественная поддержка идеи деволюции стала расти, решительнее зазвучали голоса в пользу наделения региона новыми правами. Опрос общественного мнения выявил заметное расхождение общественных настроений в 1997 и 2003 гг. Незначительно сократилось число сторонников независимости Уэльса (14.1 против 13.9%), но резко выросла численность сторонников получения им права на собственный парламент, т.е. правовую независимость от Англии (37.8 против 19.6%), незначительно увеличилась поддержка существующего варианта Ассамблеи (27.1 против 26.9%), но резко сократился круг тех, кто желал придать ей статус невыборного учреждение (21.2 против 39.5%). Как видно, смысл изменения общественных настроений заключался в желании придать Собранию статус регионального парламента.

Дополнительным фактором, поддерживавшим данные настроения, была *«дискриминация»* Уэльса по сравнению с Северной Ирландией и Шотландией. Из трех исторических регионов он получил наименьшие права, правительственная политика в отношении Уэльса была признана *«триумфом прагматизма над конституционными принципами»* [4, с. 6]. Критики указывали на то, что:

- Организация региональной власти не соответствовала принятой в королевстве *«Вестминстерской системе»* управления, предполагающей наличие связанного с парламентским большинством и ответственного перед ним, но независимого правительства.
- Были ограничены законодательные права региональной власти. Неудачной признавалась сама модель разделения полномочий между Парламентом королевства и Ассамблеей, именовавшаяся *«передаваемой»* или *«наделяемой»* (conferred). Она заключалась в перечислении в законе полномочий региональных властей. В остальных сферах управления, которые не перечислялись, сохранялась компетенция национальных властей. Главным недостатком данной модели считалась трудность точного определения сферы делегированных полномочий, что создавало почву для конфликтов между региональными и национальными властями, придавало недостаточную определённость их взаимоотношениям.
- Корпоративный характер Собрания, соединение в одном учреждении разнородных функций затрудняло контроль законодательной власти над деятельностью исполнительной. Секретари, входившие в состав его комитетов, стремились уже на стадии принятия административного решения к соглашению с другими АМ. Это имело свои преимущества, но меша-

ло последним политически и психологически отстраниться от действий членов исполнительного комитета. Это размывало представление об ответственности за проводимый курс. Высказывались также опасения, что существовавшая практика управления являлась излишне открытой, ей не хватает конфиденциальности, происходили инсайдерские *«утечки информации»*.

– Исполнительной власти не хватало устойчивости. Остроту проблеме придавало то, что в Уэльсе не возникла типичная для Соединённого королевства двухпартийная система. В первом составе Собрания лейбористы получили 47% мест, националисты из Партии Уэльса – 28%, консерваторы – 15% и либеральные демократы – 10%. Исполнительную комиссию сформировали лейбористы, но, обладая в Ассамблее только относительным большинством, они оказались в зависимости от поддержки других партий. В результате первый глава администрации (первый секретарь) Уэльса А. Майкл (Alun Michael) был вынужден подать в отставку под угрозой вынесения ему вотума недоверия. Свой пост он занимал только девять месяцев. Все существовавшие в Уэльсе по настоящее время правительства являются или лейбористскими правительствами меньшинства, или коалиционными.

– Критику вызывала смешанная система голосования, она плохо приживалась в регионе, привыкшему к мажоритарным выборам по системе FPTP. Указывалось, например, что смешанная система голосования нарушает традиционную связь депутата с округом, приводит к тому, что АМ, прошедший в Собрание по партийным спискам, на равных оппонировал в ней тому, кто выиграл у него выборы в округе. Например, в 2003 г. из 20 депутатов, избранных по партийным спискам, 18 одновременно потерпели поражение в округах.

Эффективность системы государственного управления определяется способностью не только не допускать ошибок, но и вовремя исправить их. С этой точки зрения административно-политическая система Соединённого королевства достаточно эффективна. Реагируя на сложившееся положение дел, региональные и национальные власти стали проводить серию мер, которая была направлена на решение поставленных деволюцией Уэльса проблем. По инициативе Собрания был поставлен вопрос о большем размежевания его законодательной и исполнительной функций. Исполнительный комитет стал именоваться Правительством Ассамблеи Уэльса, первый секретарь – первым министром. Давней британской традицией является создание для рассмотрения сложных политических проблем независимых комиссий, предложения которых (не обязательно все) затем конкретизируются в правительственных *«декларациях о намерениях»* (белых книгах и подобных), наконец, воплощаются в законодательном акте. Так развивались события и в этом случае.

В июле 2002 г. первый министр Уэльса Р. Морган (*Rhodri Morgan*), учредил комиссию по рассмотрению вопроса о полномочиям Ассамблеи и совершенствованию выборов в неё. Её возглавил местный уроженец, авторитетный лейбористский политик и пожизненный пэр И. Ричард (*Ivor Richard*), являвшийся в недавнем прошлом членом правительства и лидером Палаты лордов.

Кроме барона Ричарда, в состав комиссии вошли девять человек, из которых пятеро было отобрано председателем комиссии, а остальные выдвинуты четырьмя представленными в Ассамблее партиями. Работа комиссии заключалась, прежде всего, в высушивании мнений экспертов и заинтересованных лиц, на основе показаний которых формировалась позиция самой комиссии. Она добросовестно исполнила свою миссию. В течение года было проведено 115 заседаний для выслушивания свидетельств приглашённых лиц, 9 встреч с общественностью, она получила 300 письменных заявлений, провела 3 семинара со специалистами в области государственного права. Внимательно изучалась работа не только НАУ, но и представительных учреждений С. Ирландии и Шотландии. Конечно, поддерживались контакты с Парламентом и правительством королевства. Взгляда комиссии были предварительно изложены в двух *«консультационных материалах»*. В свою очередь Парламент королевства подготовил два доклада, изложивших позицию его палат. Конституционный комитет Палаты лордов представил доклад *«Devolution: Inter-institutional relations in the United Kingdom», комитет Палаты общин по делам Уэльса – «The Primary Legislative Process as it affects Wales»*.

«Комиссия Ричарда» представила свой итоговый доклад в марте 2004 г.[11] Её итоговый вывод – необходимо не останавливаться на существующем положении дел, но двигаться вперед, наделив власти региона новыми полномочиями.

- Во взаимоотношениях национальных и региональных властей предлагалось перейти к модели *«резервируемых»* или *«исключительных»* (reserved, excluded) полномочий, которая была использована при деволюции Шотландии. В данном случае за национальным правительством резервировались ясно очерченные в законе функции, остальные же *«по умолчанию»* считались переданными местным властям. То есть от принципа *«что не разрешено* (*для региональной власти*)*, то запрещено»* переходили к обратному – *«что не запрещено, то разрешено»*.
- В отведённых для неё сферах Ассамблея должна была получить право *«первичного законодательства»*, а также, возможно, изменять ставки налогов.
- Её законодательные и административно-исполнительные функции должны быть разделены согласно принципам *«Вестминстерской системы»*.
- Взвесив недостатки и преимущества существующих избирательных систем, комиссия предложила заменить систему AMS на систему STV (Single Transferable Vote), при которой от округа избиралось несколько кандидатов, причём избиратель расставлял кандидатов в порядке предпочтения. Главным недостатком системы AMS признавалось наличие двух типов депутатов (округ и партийный список). Система же STV создавала один их тип, сочетая при этом мажоритарное начало (оно преобладало) и пропорциональность.
- Численность Национальной ассамблеи предлагалось увеличить с 60 до 80 членов. Это позволило бы ей сочетать законодательные функции с надзором над правительственной деятельностью.

Столь значительные изменения статуса региона предполагало издание нового закона. Более того, поскольку Акт 1998 г. был утверждён на референдуме, его замена потребовала бы и нового референдума. Между тем в обществе и политических кругах не было согласия относительно степени расширения полномочий региональных властей. Поэтому правительство Блэра, с одной стороны, немедленно приступило к внесению изменений в статус НАУ, насколько это позволял действовавший Акт 1998 г. С другой, – приступил к подготовке нового закона об Уэльсе и нового референдума.

Правительство Уэльса, в свою очередь, вслед за *«комиссией Ричарда»* учредило независимую комиссию под председательством Г. Холтхэма (Gerald Holtham), которая должна была рассмотреть финансовые проблемы деволюции. Состав комиссии был компактен – она состояла из трех членов, которые обладали обширными теоретическими и практическими познаниями в области финансов. Учреждённая в 2007 г., она приступила к работе осенью 2008 г. и завершила свои труды в июле 2010 г., когда был опубликован её итоговый доклад[9]. Комиссия указала на существенные недостатки *«формула Барнетта»* как способа определения размеров правительственного гранта Уэльсу, предложила расширить финансовую самостоятельность Ассамблеи, в частности, передать в её распоряжение часть собираемых в регионе налогов и предоставить право изменять их ставки.

Намерения правительства королевства были изложены в белой книге, опубликованной 15 июня 2005 г. [2] В частности, предполагалось, что первый министр будет назначаться королевой из АМ, она же утвердит состав кабинета. Таким образом формально министры получали полномочия от короны, а не от Ассамблеи. Именно в региональном правительстве должна сосредоточиться исполнительная власть, ранее принадлежавшая НАУ как корпорации. Последнее сохранило функцию контроля над деятельностью администрации, включая право вынесения ему вотума недоверия. Чтобы сделать данный контроль эффективным, было предложено прекратить членство министров в профильных комитетах Собрания. Менялся статус генерального советника, аудитора и омбудсмена Уэльса, в их назначении должна была участвовать Ассамблея. Ей было предоставлено право самостоятельно определять структуру своих комитетов.

Данные предложения были в 2006 г. воплощены в новом Акте о правительстве Уэльса [8]. От старого закона он отличался двумя главными положениями. Во-первых, было проведено формальное разделение Собрания и правительства Уэльса. Во-вторых, были расширены нормотворческие полномочия Ассамблеи посредством предоставления ей права принимать *«меры»* (Assembly Measures). Они не именовались *«законами»*, но право принимать их фактически расширяло законодательные права Ассамблеи без формального изменения Акта 1998 г. Для того, чтобы её решения приобрели статус закона (акта Ассамблеи), раздел 4 закона 2006 г. требовал проведение референдума. Акты Ассамблеи, как и акты Парламента, должны были утверждаться монархом. В случае сомнения в их юридической корректности вопрос передавался на рассмотрение Верховного суда королевства.

Предметами деволюции были признаны 20 сфер, перечисленных в приложении 7 к Акту 2006 г. Региональным властям была передана ответственность за большинство социально-экономических и внутриполитических вопросов. Но их законодательные права оставались ограниченными. Закон 2006 г. только приоткрывал дверь к ним. Возможность шире открыть её возникла после референдума, проведённого 3 марта 2011 г. Он продемонстрировал значительное преимущество сторонников наделения Ассамблеи законодательными правами. Они победили во всех округах, кроме Монмута (Monmouth). Общий итог референдума – 517.132 (63.5%) за и 297.380 (36.5%) – против наделения Ассамблеи правом на *«первичное»* законодательство. Проведённый накануне референдума опрос показал, что среди валлийских избирателей наибольшей поддержкой пользовалась идея наделения Ассамблеи законодательными и некоторыми налоговыми правами (35%), за предоставление ей только законодательных прав выступало 18% опрошенных, 17% предлагало оставить всё в неизменном виде. Существовали и крайние позиции – 16% опрошенных высказались за независимость Уэльса, 15% – за ликвидацию Ассамблеи, т.е. против деволюции региона.

Реакцией властей Уэльса на однозначный результат референдума было образование новой независимой комиссии. О её создании было объявлено 19 июля 2011 г., состав определён в октябре. Председателем комиссии стал П. Силк (*Paul Silk*), в прошлом являвшийся клерком Палаты общин британского парламента и НАУ. По порядку формирования и методам работы *«комиссия Силка»* походил на *«комиссию Ричарда»*. Перед ней были поставлены два вопроса: финансирование деятельности валлийских властей и их организация в целом. Соответственно были подготовлены два итоговых доклада. В первом из них давались рекомендации по финансовым аспектам деволюции [4]. Констатировалось, что власти Уэльса, в отличие от С. Ирландии и Шотландии, имели право определять приоритеты региональных расходов, но не их общий размер, не могли менять ставки налогов и прибегать к заимствованиям. При этом комиссия посчитала, что полная финансовая самостоятельность региона подорвала бы единство королевства. Поэтому была предложена компромиссная модель – сохранение практики правительственных грантов, но с наделением региональных властей некоторыми полномочиями в налоговом администрировании.

Второй доклад был представлен в 2012 г. [5] Его главная рекомендация – переход к модели *«резервируемых полномочий»*. Вслед за *«комиссией Ричарда»*, предлагалось увеличить число членов Ассамблее, по меньшей мере, до 80. Обращалось внимание, что в Североирландской ассамблее один депутат избирался от 17 тыс. граждан, в Шотландский парламент – от 41 тыс., а в Ассамблею Уэльса – от 51 тыс.

Большинство рекомендаций *«комиссии Силка»* было учтено в предвыборной программе коалиционного правительства, известной как *«Соглашение в День Св. Дэвида»* (*St David's Day Agreement*), объявленной 27 февраля 2015 г. Они конкретизированы в новой белой книге [10]. Здесь констатируется наличие политического консенсуса в вопросе об изменении модели деволюции с *«con-*

ferred powers» на *«reserved powers»*. Признаётся, что идеальной модели деволюции не существует, но рекомендованная вносит большую ясность, логичность и стабильность во взаимоотношения региональных и национальных властей. Эти рекомендации предполагается учесть при подготовке нового Акта об Уэльсе, к подготовке которого приступили после всеобщих парламентских выборов 2015 г. Процесс деволюции Уэльса ещё не завершён.

Список литературы

[1] *Пронкин С.В.* Референдум в День Святого Дэвида в Уэльсе: предыстория // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, 29–31 мая 2014 г. М.: Инфра-М, 2015. С. 421–424. – http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=514674.

[2] Better Governance for Wales. L. Crown Copyright, 2005.

[3] Changing for good. Devolution: The silent revolution. L.: UCL, 2004.

[4] Commission on Devolution in Wales. Empowerment and Responsibility: Financial Powers to Strengthen Wales. Cardiff: CDW, 2012.

[5] Commission on Devolution in Wales. Empowerment and Responsibility: Legislative Powers to Strengthen Wales. Cardiff: CDW, 2014.

[6] Evidence to the Commission on Devolution in Wales. A stable sustainable devolution settlement for Wales. 2015. http://www.nationalarchives.gov.uk/webarchive/

[7] Elizabeth II. Government of Wales Act, 1998. Chapter 38. Part I. § 1.–(1).

[8] Elizabeth II. Government of Wales Act, 2006. Chapter 32.

[9] Independent Commission on Funding & Finance for Wales. Final report Fairness and accountability: a new funding settlement for Wales. Cardiff, Crown Copyright, 2010. Предварительно был опубликован доклад Independent Commission on Funding & Finance for Wales. First report Funding devolved government in Wales: Barnett & beyond. Cardiff: Crown Copyright, 2009.

[10] Powers for a purpose: towards a lasting devolution settlement for Wales. L.: Crown Copyright, 2015.

[11] Report of the Richard Commission. Commission on the Powers and Electoral Arrangements of the National Assembly for Wales. Cardiff: CDW, 2004.

X. ГОСУДАРСТВО И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – ПРИРОДНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ

Данилов-Данильян В.И.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Понятие «устойчивое развитие» введено в отчёте «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1987 г.). Предыстория его появления насчитывает полтора века. Его определение, основанное на концепции пределов роста, охватывает только один аспект устойчивости – ресурсный, и уязвимо с научных позиций, оперирует неясными и не уточняемыми терминами. Усилия многих исследователей были направлены на расширение объёма понятия, прежде всего, для учёта экономического и социального факторов и на уточнение его дефиниции. Однако общепринятого определения до сих пор нет. В докладе в качестве возможной предлагается принципиально новая дефиниция, основанная на концепции пределов разрушения окружающей среды, общественного здоровья и социальной стабилизации.*

Родословная английского термина *«sustainable development»*, который впоследствии был переведён на русский как *«устойчивое развитие»*, начинается в сфере природопользования. Словосочетание *«sustainable fishing»* первыми написали люди, которые занимались регулированием рыболовства в Канаде в середине XX века. Так они назвали систему эксплуатации рыбных ресурсов, при которой эти ресурсы не истощаются, вылов рыбы соответствует возможностям простого воспроизводства популяции. Но еще за 100 лет до канадских рыболовов ту же идею, но применительно к другим ресурсам, другими словами на другом языке выдвинули немецкие лесоводы: они имели в виду такую систему эксплуатации лесов, при которой лес сохраняется, вырубка не превосходит естественного прироста и лесосеки организованы таким образом, что, применяя современную терминологию, лесная экосистема воспроизводится без потерь (в 1840-х гг. терминов экология, экосистема ещё не было). По-русски такая система называется (примерно с 1970-х гг.) – *«неистощительное лесопользование»*. Этот подход – как в рыбном, так и в лесном хозяйстве – гарантирует, что эксплуатация ресурса может продолжаться неограниченно долго, если не вмешиваются посторонние факторы.

Из природопользования, где его применяли с явной ориентацией на локальные экосистемы, термин *«устойчивое развитие»* был перенесен в глобальную экологию. С 1980-х гг. он начал входить в научный оборот, но широко распространяться стал после того, как был использован Международной комиссией по окружающей среде и развитию. Эта комиссия была сформирована ООН в связи с тем, что через 10 с небольшим лет после Всемирной конференции

* *Данилов-Данильян Виктор Иванович*, д.э.н., чл-корр. РАН, ФГБУН Институт водных проблем Российской академии наук.

по окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.), стало ясно, что мир развивается совсем не так, как следовало бы в соответствии с решениями этой конференции. Перед Комиссией была поставлена задача: разобраться в ситуации, оценить тенденции и, может быть, даже сформулировать какие-то конструктивные предложения. В 1987 г. после нескольких лет работы комиссия пришла к выводу о том, что решение экологических проблем в отрыве от социальных и экономических невозможно, устойчивость в экологическом аспекте недостаточна, об устойчивом развитии необходимо говорить в широком смысле. Комиссия представила в ООН содержательный доклад *«Our common Future»* [1], русский перевод которого был издан в 1989 г. под названием *«Наше общее будущее»* [2]. Вот предлагаемое в нём определение: *«Sustainable development – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»*.

Самое сомнительное в этом определении – апелляция к *«собственным потребностям будущих поколений»*. Неясно, каковы будут способы удовлетворения потребностей, даже если сами потребности признать неизменными. Что значит *«ставить под угрозу способность будущих поколений»*? До какого временного горизонта должны распространяться такие оценки? Это все очень смутно. Попыток каких-либо уточнений не содержится не только в докладе *«Our common Future»*, но и в огромном количестве последовавших затем международных документов.

На всемирную орбиту, когда термин действительно стал расхожим, *«устойчивое развитие»* вышло после конференции в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г. Конференция была приурочена к двадцатилетию после Стокгольма. Если Стокгольмская конференция называлась Всемирной конференцией ООН по окружающей среде, то в Рио проблематика была расширена: там состоялась Всемирная конференция ООН по окружающей среде и развитию. Через 10 лет после Рио в Йоханнесбурге состоялась очередная Всемирную конференцию ООН, на сей раз – *«по устойчивому развитию»*.

Помимо политической декларации, конференция в Рио-де-Жанейро приняла документ под названием *«Повестка дня на XXI век, программа действий»* (более 1000 страниц формата А4 петитом). Он весь выстроен вокруг неких представлений об устойчивом развитии. Но никаких попыток эксплицировать эти представления, подвести более солидную теоретическую основу под понятие или, хотя бы, уточнить определение, в документе не содержится. Не будет большим грехом сказать, что в Повестке дня на XXI век постарались собрать максимальное число современных мировых проблем (окружающую среду, бедность, дифференциацию стран по уровню жизни, дефицит ресурсов, терроризм, равноправие женщин, воспитание и образование, наркотики и т.д. – все, что вспомнилось). То, что все эти вопросы обсуждены – конечно, хорошо; плохо то, что они несистематизированы, не выявлена их общность, не подчеркнуты их общие корни, а потому и не найдены адекватные подходы к решению (пытаться решать их как независимые – дело безнадежное). Подтекст *«Повестки дня на XXI век»* таков: если мы будем жить хорошо и решим наши пробле-

мы, это будет устойчивое развитие, а если проблемы хотя бы отчасти останутся нерешенными, – значит, развитие не будет устойчивым, будет неизвестно что.

Теоретические проработки концепции устойчивого развития после конференции в Рио в кругах, близких к ООН, практически не предпринималось. В тех научных кругах, которые не очень близки к этим официальным организациям, такие попытки были. Для этих работ характерно, прежде всего, стремление к предельно широкому пониманию устойчивости развития у гуманитариев и к предельно узким трактовкам у естественников и специалистов по компьютерному моделированию.

В формировании парадигмы устойчивого развития очень существенную роль сыграл доклад Римскому клубу *«Пределы роста»* [3; 4]. В основе этой работы – вполне очевидное утверждение о том, что замкнутая система, эксплуатирующая ограниченные ресурсы, не может расти бесконечно, и существуют пределы её роста, обусловленные объёмами этих ресурсов. Существенно, однако, что авторы *«Пределов роста»* понимали под ресурсами не только невоспроизводимые минеральные ресурсы, не только земли, пригодные для сельскохозяйственного использования и т.п., но и окружающую среду: утверждалось, что антропогенная нагрузка на неё тоже не может расти безгранично, и это определяет один из пределов роста цивилизации.

«Пределы роста», издание которых произошло почти одновременно с конференцией в Стокгольме, имели сенсационный успех. Этому способствовал целый ряд обстоятельств: растущая тревога общества по поводу очевидного ухудшения окружающей среды, отсутствие (на тот момент) доступных научных работ, посвящённых этой проблеме, использование в докладе для обоснования выводов компьютерного моделирования (в начале 1970-х гг. компьютеры были для широкой публики тайной за семью печатями, неведомым чудом техники), блестящий стиль изложения, доступный для понимания и вместе с тем производящий впечатление строгой научной обоснованности (которой на самом деле не было, и которая не утверждалась авторами), умело организованная рекламная кампания и пр.

Практически сразу после появления концепции пределов роста развернулась её критика. С одной стороны, указывалось, что в концепции не учитывается научно-технический прогресс, который способствует повышению эффективности использования ресурсов, снижению экологоёмкости производства и т.п. и. тем самым, если и не снижает проблему пределов роста, то, во всяком случае, существенно отодвигает в неопределённое будущее момент достижения этих пределов. Попытки учесть эти эффекты, модифицируя модели *«Пределов роста»*, не привели к существенным результатам: предположения, на которых основывался учёт научно-технического прогресса, оказались довольно зыбкими, для этого явно не хватало информации, а эксперименты по замене информации различными гипотезами убедили в том, что модели такого рода могут дать любой результат при соответствующим образом подобранных исходных предположениях. С другой стороны, вызывала отторжения сама идея пределов роста: человек не хочет принимать её, полагая, что его развитию пределов нет, а рост – это слишком обеднённое представление о развитии, сводящее его к чисто экономическим категориям и т.д.

Какими бы ни были попытки облечь представления об устойчивом развитии в наукообразные формы, не следует забывать о причинах, заставивших обратиться к этой тематике. Причины же эти, несомненно, состоят в резком обострении глобальных проблем цивилизации, во всё более широком осознании этого, в нарастающем опасении, что цивилизация в своём современном развитии создаёт риски для себя самой. Глобальные проблемы, во-первых, обусловлены общемировыми тенденциями развития человечества в Новое Время, т.е. действиями, в которые в XX веке оказалось вовлечено практически всё человечество, хотя первоначально они направлялись стереотипами социально-экономического поведения и ценностными установками, господствовавшими в западноевропейских странах; во-вторых, они имеют принципиальное значение для развития всех и каждого, в-третьих, их решение требует согласованных усилий всех стран и народов мира. Перед цивилизацией встала проблема выживания, самосохранения, защиты, но не от каких-либо внешних, не зависящих от неё самой угроз (космических, геофизических и пр.), а от угроз *«внутренних»*, то есть порождаемых ею самой, её развитием – экологических, экономических, политических, социальных и т.д.

Итак, в 1950-е – 1960-е гг. стало ясно, что продолжение стихийного развития цивилизации отнюдь не обеспечивает её выживания в долгосрочной перспективе, или, если избегать использования пугающих слов, её устойчивости. Именно это стало стимулом для разработки уже в 1980-е гг. концепции устойчивого развития. Выработка и эффективное применение цивилизацией средств решения известных и новых, возникающих глобальных проблем рассматриваются в настоящее время как переход к *устойчивому развитию.* Но каков механизм утраты устойчивости, как следует с общеметодологической точки зрения трактовать угрозы устойчивости цивилизации, ею самой порождаемые? Общую схему здесь подсказывает анализ глобальной экологической проблемы.

Главный источник возмущений для биосферы, как всем прекрасно известно, – человек. Человек уничтожает экосистемы на огромных территориях, сокращает биологическое разнообразие (а именно оно служит гарантией устойчивости экосистем к изменениям внешней среды), обусловливает изменения глобального климата, использует сотни тысяч химических веществ, не имея представления об их воздействии на живые организмы, в том числе и на самого себя, и т.д., и т.п. Очевидно, что эти воздействия не могут увеличиваться неограниченно. Но они не имеют однозначной связи с экономическим ростом: одинаковые по негативному эффекту воздействия на биосферу могут производить экономики, многократно различающиеся по объёму производимого продукта. Конечно, опасность лишь косвенно (и ненадёжно) отражается ростом, а прямо её представляет объём негативного воздействия. И именно предел негативного воздействия на биосферу, а не предел роста (как бы его ни трактовать) служит реальным ограничителем развития цивилизации в экологическом аспекте. (В экологии предельное воздействие на экосистему, превышение которого вызывает её гибель, называется несущей ёмкостью экосистемы. Это понятие распространяется и на биосферу в целом – глобальную экосистему).

Что такое экологически устойчивое развитие? Это такое развитие, при котором не превышается предел допустимого антропогенного воздействия на биосферу. Данное определение имеет ясный научный смысл, но улавливает только один аспект проблематики – экологический, непосредственно связанный с окружающей средой. Этого недостаточно, потому что нерегулируемые демографические процессы, нерегулируемое расширение экономики, безумное перепотребление в одних странах и массовое хроническое голодание – в других и т.п. являются источником, причиной нарастающего негативного воздействия на окружающую среду. Бессмысленно рассуждать об экологических проблемах, отвлекаясь от причин их возникновения и не предлагая способов их решения. Но сразу предложить и прогноз, и убедительный, состоятельный анализ причин, и обоснованные прогнозы, и реализуемые рецепты лечения, конечно, невозможно. Поэтому та несистематизированная *«коллекция»* всех мировых проблем за вывеской *«переход к устойчивому развитию»*, которую представляет собой *«Повестка дня на XXI век, программа действий»*, видимо, исторически неизбежна и представляет собой не что иное, как попытку начать движение в нужном направлении. И неизбежно, что на стартовом этапе (по сути, в период осознания и постановки проблем) эта попытка выглядит теоретически, конечно, совершенно недостаточно фундированной.

Часто говорят, что понятие *«устойчивое развитие»*, даже если оно правомерно в отношении экологического аспекта, распространять на другие аспекты – социальные, экономические, демографические, медицинские и пр. – теоретически неправомерно. Иными словами, можно ли рассуждать в духе устойчивости и устойчивого развития о других аспектах нашего бытия, кроме экологических? Не только можно, но необходимо. Нужно только договориться, что мы будем под этим понимать. Предлагаю такое определение: устойчивое развитие – это такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества [5].

Это определение охватывает три аспекта. О первом из них – экологическом – уже сказано достаточно. Второй можно назвать социо-медицинским (может быть, это не самое лучшее название, охотно соглашусь на более точное), он касается человека как индивида, представителя биологического вида *Homo sapiens*. Дело в том, что человек с настойчивостью, достойной лучшего применения, занимается разрушением самого себя (не только биосферы). Мало того, что он создал среду обитания (т.н. техногенную), совершенно не соответствующую его биологической природе, и по этой причине начинает испытывать все больше и больше неудобств, страдать хроническими болезнями и проч. Кроме этого, человек создаёт каналы воздействия на индивида (поскольку на каждого индивида, постольку и на весь биологический вид *Homo sapiens*), не проходящее через окружающую природную среду, а воздействующие на него непосредственно из техносферы. Я имею в виду, прежде всего, информационный шум, индустрию развлечений, огромное количество продуктов потребления, которые наносят ущерб здоровью и психике людей (сюда относятся не только наркотики)

и пр., и пр. Человек вполне может уничтожить себя как биологический вид таким способом. В комплексе действующих здесь факторов (как всегда в подобных случаях, усиливающих друг друга) главный – разрушение генома человека.

Современный человек, как никакой другой биологический вид, отличается невероятно высоким процентом генетически искаженных, распадных особей. Очень похоже на истину, что ни один другой биологический вид не выдержал бы такой перегрузки генетическими искажениями и был бы обречён на быстрое вымирание. Но человек, благодаря тому, что он является не только биологическим существом, продолжает существовать, и даже поддерживает существование и развитие огромного числа распадных особей. Конечно, эта поддержка абсолютно необходима, иначе человек перестал бы быть человеком, основа человеческой морали выражается принципами: каждый родившийся имеет право на жизнь, каждый народ имеет право на место в семье народов. Но нужно задаться вопросом: существует ли предел ухудшения популяционного (общественного) здоровья человека? Не является ли это ухудшение столь же опасной угрозой человеческому роду, как деградация и гибель окружающей среды?

И, наконец, третье: социо-гуманитарный аспект. К социально-деструктивным следует отнести все процессы в экономике, политике и социальной сфере, которые нарушают стабильность общества, разрушают или ослабляют механизмы, обеспечивающие эту стабильность. Человечество за время своего существования создало различные механизмы, обеспечивающие стабильность общества, социальные структуры, необходимые для воспроизводства условий жизни человека (религию, системы воспитания и образования, права и правоприменения, силовые структуры и пр.). И сейчас эти механизмы находятся, безусловно, под угрозой гораздо более сильной, чем когда бы то ни было – терроризм, теневые структуры, коррупция, разгул преступности и, вместе с тем, выход спецслужб из-под общественного контроля ...

Вот простейший пример одного из таких социальных механизмов, широко известного во все времена, но смысл которого был разгадан лишь в XX веке. Относится он к ранним стадиям развития человека, так называемому традиционному обществу. Речь идёт о ритуале заклинания дождя, который сформировался во всех без исключения обществах, обитавших на территориях, подверженных засухам. Из этой всеобщности следует его необходимость, неизбежность его возникновения. Казалось бы, никакого смысла в таком ритуале нет, ведь сколько ни заклинай дождь, этим наступление дождливой погоды приблизить нельзя. Однако смысл ритуала есть, глубокий смысл, и состоит он в том, что в экстремальных условиях затянувшейся засухи, угрожающей самому существованию людей, выполнение ритуальных действий сплачивает племя, содействует социальной стабилизации, удержанию социальной структуры племени в приемлемых границах – границах устойчивости, противодействуя тенденциям к распаду и социальной деградации.

Подчеркнём, что и в этом аспекте возникает мотив предела: социально-деструктивные процессы не должны развиваться до масштабов, угрожающих безопасности общества, для обеспечения устойчивости развития необходимо поддерживать механизмы социальной стабилизации.

Изложенное позволяет предложить следующее определение: устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества.

Движется ли мир к устойчивости? Вне всякого сомнения – нет. Во-первых, все показатели глобальной окружающей среды демонстрируют тенденцию к ухудшению, несмотря на всемирные саммиты – конференции в Стокгольме (1972), Рио-де-Жанейро (1992), Йоханнесбурге (2002) и вновь в Рио-де-Жанейро (2012), несмотря на существование ЮНЕП (United Nations Environmental Program), несмотря на существование во всех странах министерств окружающей среды, несмотря на то, что экологический рынок имеет объём более половины триллиона долларов в год, и т.д., и т.д. Несмотря на все это продолжение деградации биосферы констатируется совершенно однозначно: уменьшение лесопокрытых территорий, увеличение площади опустынивания, сокращение биологического разнообразия, рост концентрации парниковых газов в атмосфере. Таким образом, констатация, что мир движется не к устойчивости, а от нее, в экологическом аспекте совершенно бесспорна. Совершенно то же самое справедливо и в отношении двух других аспектов устойчивого развития.

Нередко говорят, что понятие устойчивое развитие не *«работает»*, так как программы обеспечения устойчивости не выполняются. Но выполнение программ и *«работа»* понятия – не одно и то же. Понятие *«работает»* в том смысле, что оно становится неотъемлемой частью общечеловеческого менталитета, в том смысле, что оно воздействует на реально происходящие процессы. То, что процессы с положительным знаком ничтожны в сравнении с теми масштабами, которые действительно необходимы для обеспечения устойчивости развития, ещё не значит, что понятие не *«работает»*. Любое дело начинается с нуля, за ним следует идея. Этот шаг мы уже сделали. Идея *«вброшена»*, она разрабатывается. Если разрабатывается, значит, уже работает.

Нередко сопоставляют идеи коммунизма и устойчивого развития, говорят, что устойчивое развитие – новое издание коммунизма, такая же утопия, идея, порочная уже постольку, поскольку предполагает какое-то нормирование, какое-то *«навязывание»*, вмешательство в *«естественный ход исторического процесса»*. Мол, сыты мы по горло всякими глобальными планами переустройства общества. Не вдаваясь в подробности, отмечу одно кардинальное различие. Дело не в том, чтобы переустроить общество, как предполагается коммунистической идеей, а в том, чтобы выжить. Коммунизм хотел изменить мир, который существовал и, по-видимому, мог существовать дальше – во всяком случае, с теми своими свойствами, против которых коммунизм был направлен. Устойчивое развитие подчеркивает то обстоятельство, что продолжение нынешних тенденций развития несовместимо с выживанием. Императив, который выдвигается этим понятием, должен быть выполнен не для *«увеличения количества общего счастья»*, а для выживания человечества. Иначе оно будет разрушено по одной из трех указанных выше причин, а скорее всего, в результате их совместного действия.

Наконец, приходилось слышать, что устойчивое развитие – *«убаюкивающая химера»*. Из того, что мы очень далеки от реализации этого проекта (отчего бы не добавить устойчивому развитию и такой атрибут), вовсе не следует, что его существование *«убаюкивает»*, на мой взгляд, как раз наоборот: понимание абсолютной необходимости изменения сложившихся тенденций развития цивилизации и – одновременно – столь же абсолютной недостаточности предпринимаемых для этого усилий не оказывает усыпляющего действия, в отличие от отсутствия такого понимания, упований на научно-технический прогресс или *«невидимые руки»* всех разновидностей.

Итак, существует ли угроза выживанию человечества, если не переломить нынешние тенденции мирового развития? Несомненно, существует. Необходимо ли предотвратить эту угрозу? Несомненно, необходимо. Нужно ли ограничить ради этого рост деструктивных факторов? Несомненно, нужно. Развитие при условии выполнения таких ограничений – это и есть устойчивое развитие.

Список литературы

[1] Our Common Future. UN, N.Y., 1987. 316 p.

[2] Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., Прогресс, 1989.

[3] *Meadows D.H., Meadows D.L. et al.* The Limiting to Growth. N.Y., Potomac, 1974.

[4] *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс В.* Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба *«Сложное положение человечества»*. М.: Изд-во МГУ, 1991.

[5] *Данилов-Данильян В.И.* Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ). Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ С ПОЗИЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Сурин А.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье представлены разные точки зрения относительно того, что следует понимать под устойчивым развитием общества. Автор показывает ограниченность взаимосвязи условий устойчивого развития исключительно с экологическими факторами. Рассматривается ценностный и идеологический аспекты устойчивого развития, особенности обеспечения социально-экономической стабильности сложных социальных систем. Рассмотрено значение междисциплинарного подхода к пониманию сущности и механизмов реализации устойчивого развития.*

В настоящее время существуют разные представления о том, что такое *«устойчивое развитие»*. Понимание этого явления очень различаются у экологов, математиков, экономистов, историков, социологов. Чаще всего устойчивое развитие связывают с экологическими факторами, с сохранением среды обитания человека, с сохранением многообразия существующих видов животных и растений. Нисколько не умаляя значения такого определения устойчивого развития, хотелось бы поговорить о более широком понимании этого явления и упорядочить существующие понятия.

Нам представляется очень важным иметь в виду, что разные подходы к устойчивому развитию не могут не опираться на разную аксиоматику. Аксиомы, в свою очередь, выбираются исходя из того, какая задача сегодня рассматривается в качестве приоритетной. Поэтому мне бы хотелось посмотреть на аксиомы не как на различия, а как на полюсы, между которыми можно выбирать разные направления развития, с учетом того, что понимать под устойчивым развитием.

Если посмотреть на устойчивое развитие глазами математика, то можно зафиксировать следующие моменты. Во-первых, математики, также как и представители других наук, много говорят об устойчивости. Во-вторых, налицо некоторое несоответствие понимания этого явления в математике и в других науках – экономике, экологии, социологии и других. В-третьих, понимание устойчивости, так как оно трактуется в математике, может быть, в определенной степени, использовано и в других областях знаний.

Когда экономисты говорят об устойчивом развитии, они чаще всего понимают под этим постоянный рост объемов производства, доходов и других

* *Сурин Алексей Викторович*, зав. кафедрой теории и технологий управления, д.э.н., профессор, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

макроэкономических показателей. Например, ВВП ежегодно растет на 4–5%, доходы населения увеличиваются на 2%. В математике такое экспоненциальное развитие вряд ли можно назвать устойчивым. К математике гораздо ближе другие представления об устойчивом развитии, поскольку, если, также как в экономике, под устойчивым развитием понимать ежегодный прирост величин, то, в конечном счете, мы получим за короткий период времени стремительный рост относительно исходного состояния. Такую ситуацию вряд ли можно назвать устойчивой.

Для математика устойчивое развитие может быть представлено несколькими ситуациями.

Первое. Отсутствие роста вообще. Это примерно то же самое, как если бы первая производная была равна нулю. В таком случае происходит сохранение того, что уже есть сегодня. Например, уровень производства ВВП остается неизменным, курс национальной валюты не меняется, уровень инфляции постоянен. Никакого движения при этом нет. Постоянным является стабильное состояние. Налицо стабильность без развития.

Можно ли назвать такое состояние устойчивым? В какой-то мере, да. Как, например, если бы мы говорили, что человеку для нормальной жизни нужно определенное количество кислорода, а если его будет меньше, то вряд ли он сможет дышать. Или другая ситуация. Представьте, вы просыпаетесь однажды утром и обнаруживаете, что для нормального дыхания вам нужно больше кислорода, а его на самом деле нет. Или: у человека есть семья, но однажды он обнаруживает, что проснулся в другой семье. Или: происходят какие-то изменения, и он лишается семьи. Вряд ли все эти перемены человеку на пользу. Поэтому в определенном смысле стабильность не такое плохое качество. Оно также может иметь определенное отношение к устойчивому развитию. Хотя сводить к нему все понимание устойчивого развития вряд ли следует.

Второе. Рост величин есть, но он осуществляется с постоянной скоростью. При этом к достигнутому мы добавляем одну и ту же величину. Например, был доход 100 млн. рублей, через год он стал 110 млн. рублей, а через 2 года – 120 млн. рублей и т.д. В математике это ситуация, когда первая производная является постоянной, а вторая равна нулю. В этом случае мы уже имеем дело с определенным движением, развитием. Однако темпы этого развития остаются неизменными. В таком случае под устойчивым развитием можно понимать такую ситуацию, когда, например, макроэкономические показатели из года в год не меняются: темпы прироста ВВП составляют 2 трлн. долларов год или ребенок растет по 1 см. в месяц. В таком случае мы имеем рост. Но этот рост является постоянным, стабильным, он не меняется экспоненциально.

Третье. Если вторая производная не равна нулю, а третья и четвертая, и даже пятая производные равны нулю, то в таком случае мы сталкиваемся с ситуацией стремительного роста, последствия которой бывает очень сложно предсказать. В качестве примера можно вспомнить историю развития европейской цивилизации, когда на протяжении достаточно длительного времени происходило ее стремительное развитие. Само по себе такое развитие можно рассматривать как положительный факт. Однако последствия оказались самые непредсказуемые.

Четвертое. Рост совпадает с логарифмической кривой. Скорость прироста уменьшается, замедляется рост как таковой. Причем рост такой маленький, что можно говорить о приближении к устойчивому развитию.

Пятое. Рост осуществляется в виде синусоидальных колебаний вокруг определенной оси. Постоянно чередуются то рост, то снижение показателей, а в итоге, средний результат одинаков.

Все приведенные примеры показывают, что в рамках математики уже существует свой аппарат для объяснения того, что можно понимать под устойчивым развитием. Этот аппарат может быть применен и для оценки устойчивости других систем. Все зависит от того, какие цели при этом ставятся и какие результаты мы желаем получить.

Такое же понимание есть у экологов и экономистов. Правда, во всех случаях, когда рассматриваются вопросы устойчивого развития, ученые, представляющие разные отрасли знаний, обращают внимание на один и тот же вопрос: какую степень свободы имеет то или иное поколение, когда сталкивается с определенным циклом развития цивилизации. Увеличивается ли при этом его степень свободы или нет.

На наш взгляд, абсолютного увеличения свободы не может быть. Осуществляя ту или иную деятельность, человек неизбежно что-то теряет. Усиливается негативное воздействие человека на окружающую среду: истощаются полезные ископаемые; происходит загрязнение атмосферы; исчезают определенные виды растений и животных. И это уже нельзя исправить. Правда, последствия нашей деятельности можно каким-то образом компенсировать. Можно посадить леса, очистить воздух от вредных веществ и т.п. Таким образом, мы частично возмещаем то, что утратили. Но в любом случае мы не совсем свободны. Если мы что-то уничтожаем, то мы это должны чем-то компенсировать. На место исчезнувшего обязательно должно появиться что-то новое.

Обратимся к таким сложным образованиям как социальные системы. Применительно к ним часто говорят, что устойчивое развитие хорошо тем, что оно уменьшает возможность кризисов, поскольку кризисы для общества это плохо. В этом случае под устойчивым развитием мы будем понимать такое состояние, когда вероятность кризисов уменьшается или кризисы не носят разрушительного характера (если мы признаем объективность их существования). Вся наша деятельность при этом будет направлена на предотвращение кризисов или смягчение их последствий. В любом случае кризис представляется как угроза устойчивому развитию. Но такие выводы можно делать, если подходить к развитию общества очень абстрактно.

В рамках философии и диалектического подхода к общественному развитию кризис – это вполне закономерное явление. Кризис – это источник развития. Весь вопрос заключается в том, подходим ли мы к кризису абстрактно или нет. Если да, то кризис плохо, поскольку в результате кризиса ухудшается то-то и то-то. А если нет?

Кризис можно рассматривать и как положительное явление. Например, если исходить из того, что общество представляет собой совокупность разных социальных групп, которые имеют разные интересы. В таком случае, кризис –

это ситуация, которая может позволить одной социальной группе занять иное социально-экономическое положение и таким образом реализовать свои экономические интересы. Результатом этого может быть стабильное развитие, пусть даже и на определенное время.

Войны – это тоже способ решения проблем. Через кризисы появляются новые возможности, отмирает старое. Поэтому говорить, что устойчивое развитие – это бескризисное развитие не совсем верно. Кризис должен занять определенное место в понимании устойчивого развития.

Очень важным, на наш взгляд, является вопрос о соотношении понятий *«устойчивое развитие»* и *«эволюция»*. Устойчивое развитие в определенном смысле нарушает эволюцию. Поэтому не зря, когда экологи говорят об устойчивом развитии, то чаще всего подчеркивают необходимость сохранения уже существующих видов животных и растений. При этом подчеркивают, что если природа родила эти виды, то они должны существовать и человек не должен сознательно их уничтожать. В противном случае, это принесет непоправимый вред окружающей среде, а значит и самому человеку. Поэтому нужно заботиться о сохранении видов. Заботиться о сохранении тигров, о сохранении лесов, водных объектов и т.п.

Все это, безусловно, важно. Но если мы будем заботиться о том, что уже есть, откуда появится новое? Как в таком случае оценивать тот факт, что с течением времени, по мере изменений климата, состояния атмосферы и других явлений происходило естественное вымирание одних видов животных и растений и появление новых. Если устойчивое развитие – это сохранение существующего разнообразия, то откуда берется новое? На наш взгляд, абсолютно устойчивого развития быть не может.

Обратимся теперь к еще более сложной форме общественного развития – социально-экономической сфере. Там мы можем обнаружить очень интересные вещи. Что означает устойчивое развитие применительно к этой сфере? При ответе на этот вопрос можно также исходить из разных аксиом. Если мы связываем устойчивое развитие с сохранением среды обитания человека, то вряд ли будем поддерживать высокие темпы экономического роста. Поэтому устойчивое развитие в его примитивном виде чаще всего понимают как снижение темпов экономического развития, которое не позволяет разрушать социум. Но это одна сторона дела. Не менее важным для устойчивого развития является сохранение механизмов, которые делают общество устойчивым.

Например, мы знаем, что с течением времени одни цивилизации исчезают, а новые появляются. Это естественный процесс. Причины, в силу которых уже исчезли многие цивилизации (инки, майя и др.), могут быть разные. Это и внутренние причины, и внешнее воздействие со стороны других цивилизаций. Но в целом, в истории мы достаточно отчетливо можем наблюдать одну тенденцию: более сильные цивилизации поглощает сравнительно небольшие. Можно, конечно сказать, что это закономерный и естественный процесс. Одни цивилизации были обречены и поэтому новые цивилизации их поглотили. Однако если бы удалось сохранить цивилизации малых народов, то для устойчивого развития это было бы лучше. В данном случае речь идет не о гуманизме, а о том,

что в разных системах могут быть представлены разные механизмы выживания. Поэтому, если думать об устойчивом развитии, то сохранение разных цивилизаций – это такой же механизм устойчивого развития, как и сохранение разных видов животных. И вот почему.

Мы уже отмечали, что кризисы – это естественная форма развития социально-экономических систем. Но в условиях кризиса очень важным является поиск механизмов, способных вывести общество на новую траекторию развития. И часто бывает так, что в рамках уже существующей цивилизации, экономической системы, мы не можем найти правильного ответа, а все наши усилия по выходу из кризиса не приносят желаемых результатов.

В этом случае нам может помочь опыт других цивилизаций. Но при условии, что они реально существуют и могут показать пример, как применительно к совершенно иным условиям, может осуществляться развитие и поддерживаться устойчивость социума. Устойчивость развития основана на том, что в условиях кризиса у человечества должен быть пример выбора как можно развиваться. А этот пример могут предоставить другие цивилизации, которые, казалось бы, в настоящий момент являются небольшими и не имеют явных преимуществ по сравнению с большими цивилизациями. Но они могут преподнести пример того, как в изменившихся условиях могут формироваться социально-экономические системы более устойчивые к изменившимся условиям. Например, может случиться так, что когда государство переживает кризис, а рыночные механизмы не работают в полной мере, то есть смысл посмотреть, как функционирует натуральное хозяйство.

Кроме социально-экономической сферы, говоря об устойчивом развитии, я бы выделил еще одну сферу – сферу ценностей с тем, чтобы определить их роль в обеспечении устойчивого развития.

Социум не может рассматриваться вне ценностей. Если мы признаем, что существуют разные типы обществ, то мы не можем не признавать и другой факт – все общества формируются вокруг разных типов ценностей. Но когда происходит развитие общества, ценности могут меняться. Например, было время, когда чтение литературы считалось ценностью. Сегодня, в эпоху господства компьютерных технологий, эта ценность ушла. Но естественное изменение ценностей не означает, что развитие общества должно идти по пути полной замены одних ценностей на другие.

Если бы мы, выбирая путь, по которому собираемся идти, точно знали, что они нам не понадобятся, тогда можно было бы говорить о полной замене одних ценностей на другие. Но все дело в том, что устойчивое развитие невозможно без сохранения социальных ценностей, которые существуют сегодня. Это напоминает мне ситуацию, когда предстоит объединить две вещи. Первое – сохранить то, что есть, понимая при этом, что у любого общества есть свои пределы. Второе – найти механизмы, которые бы позволили сохранить существующие ценности государства, такими как они есть. Но это будет уже совсем другая постановка вопроса о стабильности.

Когда мы говорим об устойчивом развитии, мы всегда должны иметь в виду, что на это явление можно посмотреть с двух сторон. Одно дело, когда описывается общая система и совсем другое дело, когда описывается система

с точки зрения интересов, включенных в нее элементов. Например, сегодня мы все чаще говорим о необходимости сократить темпы роста экономики. Но кто чаще всего выдвигает эти требования? В основном развитые страны, которые уже достигли определенного уровня развития. Именно они призывают прекратить бесконтрольный рост. В противном случае, по их мнению, мир погибнет.

Прикрываясь благими намерениями, в этих условиях одна страна или группа стран могут даже позволить себе давить на третью страну, чтобы ограничить ее развитие по каким-либо направлениям. Скажем, начинают давить на Иран, чтобы последний сократил добычу нефти или не проводил исследований в области ядерного вооружения. При этом сами эти страны не отказываются от выбранных направлений развития. Более того, они даже могут наращивать свою мощь именно в том направлении, в котором ограничивали другую.

Если развитые страны начинают призывать все другие страны прекратить или до минимума сократить экономический рост, особенно те, которые находятся на низком уровне развития, то на деле это означает сохранение неравенства между странами. Слабо развитым странам так никогда и не догнать развитые. В итоге никакого устойчивого развития не происходит. Скорее наоборот.

Если мы действительно желаем достичь устойчивого развития, то следует говорить о разной степени сокращения темпов экономического роста применительно к разным странам. Если страна является высокоразвитой, например, США, то она может себе позволить и сократить объемы производства. Но если страна слабо развита, она может постоянно наращивать темпы своего развития. В итоге не будут усиливаться различия между странами. Более того, будет постепенно происходить подтягивание одних стран к уровню других, что, в конечном счете, и может привести к устойчивому развитию.

И еще на один очень важный вопрос мне хотелось бы ответить, говоря об устойчивом развитии. Это вопрос о субъекте, который способен обеспечить или поддержать устойчивое развитие. Где тот субъект, который заинтересован в этом? Может ли выступать таким субъектом государство? На наш взгляд, нет. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во–первых, государство по своей природе – это институт, который обслуживает интересы экономически господствующего класса. А эти интересы не всегда совпадают с необходимостью устойчивого развития. Если у власти находится крупный капитал, а его главная цель получить как можно больше прибыли, а эту прибыль, в том числе, можно получить за счет разрушения природы, то неустойчивое развитие налицо.

Во–вторых, сегодня практически невозможно встретить государство, которое всерьез и надолго планировало бы свое развитие на достаточно длительное время. И дело не только в неумении или отсутствии навыков долгосрочного стратегического планирования. Дело в другом, – в самом механизме формирования современной системы политической власти. Когда политическая власть все время обеспокоена одним и тем же вопросом – быть или не быть ей на следующих выборах, она вряд ли всерьез будет думать об устойчивом развитии национального хозяйства на длительную перспективу.

В–третьих, к сожалению, сегодня практически нет хороших пример тяготения государств к устойчивому развитию. Больше примеров иного типа, когда государства пытаются обогнать друг друга, выйти за определенные рамки. Поэтому у государств сложное отношение к устойчивому развитию. Устойчивость государства – это еще не устойчивое развитие как таковое.

В–четвертых, национальные правительства не могут сегодня защитить себя от такого явления как глобализация. Как известно, глобализация усиливает неустойчивое развитие. Господство транснациональных компаний (ТНК) приводит к тому, что использование ресурсов уходит из под контроля национальных правительств. Выгода выходит на первый план, поэтому неустойчивость развития нарастает. ТНК вряд ли будут думать о гражданах отдельных стран. Для них они всего лишь источник дешевой рабочей силы. Точно также, как и природные ресурсы, которые они используют, приходя в ту или иную страну.

В этой ситуации, конечно, особую роль могли бы сыграть наднациональные организации в лице Европейского Союза, Всемирного банка или Международного валютного фонда. Однако эти организации уже продемонстрировали свою беспомощность. Но даже, несмотря на это, следует особо подчеркнуть значение наднациональных организаций в современном мире. Пусть даже они носят региональный характер, как например, БРИКС, ШОС и другие, но они обязательно должны быть. И это объясняется не только тем, что отдельным странам невозможно противостоять глобализации в одиночку. Но и тем, что в условиях глобализации нужны новые идеи, а они не рождаются внутри одной страны. Вернее могут родиться, но реализоваться не смогут.

Устойчивое развитие невозможно понять, если мы не учитываем еще одного очень важного факта. Социально-экономические системы – это не монолит. Они состоят из отдельных социальных групп, которые имеют свои интересы. Поэтому в обществе время от времени случаются революции, когда на смену политической власти одной социальной группы приходит другая. Но что делать тем, кто оказался не у власти? Могут быть только два пути. Первый – борьба отстраненной социальной группы за свои интересы и за политическую власть. Второй – побежденной социальной группе попытаться развить свои возможности в другом месте. История знает немало примеров на этот счет. Когда-то Индия вышла из состава Британской империи, а все, кого не устраивала жизнь в Европе, открыли новые материки – Америку, Австралию, Новую Зеландию. Так и сейчас, можно попытаться подумать о новых возможностях. Скажем не на Земле, а на других планетах. Звучит, конечно, фантастично. Но когда-то о существовании Австралии также никто не подозревал.

Когда мы говорим об устойчивом развитии социально-экономических систем, то следует отметить, что сами системы являются сложными. Цивилизации состоят из государств, государства состоят из регионов. Регионы состоят из отдельных областей и так далее. При этом устойчивость одной системы может быть связана с неустойчивостью другой. Например, если, кто-то в данный момент угрожает государству, мы все силы отдаем на его спасение, даже за счет ущемления интересов других – регионов, муниципалитетов, отдельных городов.

Сложность развития одной системы зависит и от более сложной и от менее сложной системы. И очень важно выстроить такую систему, которая бы обеспечивала взаимную связь развития отдельных систем.

Список литературы

[1] Report of the World Commission on Environment and Development. Brundtland Commission. United Nations. 1987.

[2] *Victor P.A.* Managing without Growth. Slower by Design, not Disaster. Edward Elgar Publishing. 2008.

УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ

Мысляева И.Н.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье раскрываются причины нарастающей неустойчивости социально-экономического развития большинства стран в условиях глобализации. Выявлено, что усиление неравномерности распределения доходов в обществе, широкое распространение идеологии «общества массового потребления» и сокращение социальных функций государства способствуют возрастанию нестабильности экономических систем. Предложены меры, способные ослабить негативное воздействие ряда социальных и экономических факторов на развитие национальных хозяйств. Особое внимание уделено обоснованию необходимости изменения функций государства в современном обществе, выступающего в качестве гаранта устойчивого развития.*

В современной экономической науке, особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. о проблеме устойчивого развития заговорили вновь. И не только с позиции экологии и необходимости сохранения человеком среды обитания, но с позиции факторов, обеспечивающих стабильность социально-экономического развития.

А между тем, в большинстве стран мира, причем не только развивающихся, но и развитых, все сильнее набирают обороты процессы, которые усиливают нестабильность и неустойчивость социально-экономического развития. Поэтому очень важно посмотреть, в силу каких причин это происходит, и понять, что нужно делать, в первую очередь, чтобы эта нестабильность не приобрела хронический характер и не переросла в какие-то более серьезные социальные, политические и экономические процессы.

В своей недавно опубликованной работе *«Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему»* Джозеф Стиглиц пишет, что *«мы платим чрезмерно высокую цену за неравенство, которое, в свою очередь, разрушает нашу экономику, уменьшая производительность, эффективность, рост, одновременно увеличивая нестабильность»* [2,с.185]. По его мнению, за последние три десятилетия в США *«доход людей с низким уровнем заработной платы* (*а это 90% людей, относящихся к низшему классу*) *вырос всего на 15%, в то время как этот же показатель у богатейшей десятой доли процента* (*0,1%*) *составляет 300%»* [2, с.66].

По мнению Дж. Стиглица, такое неравномерное распределение доходов приводит к еще более серьезным последствиям, чем простая разница в доходах.

* *Мысляева Ирина Николаевна*, д.э.н., профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Она оборачивается тем, что *«верхушка в 1% – в попытках заполучить несправедливо большую долю общественных благ – старается разрушить систему, чтобы сохранить накопленное ею»* [2, с.184–185]. Кроме того, происходит подрыв демократического строя, снижается политическая активность граждан, а общество уже не в состоянии обеспечить каждому равные возможности в реализации своих способностей.

В этих условиях исход может быть только один – это формирование так называемой двойной экономики, двух принципиально разных полюсов жизни. Один полюс представлен достаточно узким кругом очень богатых людей. Они получают сверхдоходы, которые, в том числе, могут себе позволить потратить на очень дорогие вещи – автомобили, дворцы, украшения. Как правило, они живут на закрытых территориях, которые очень хорошо охраняются. Их дети ходят в престижные школы, а потом получают образование в самых дорогих университетах. Эта группа людей получает самое лучшее медицинское обслуживание. О них пишут в глянцевых журналах, они очень часто занимают самые высокооплачиваемые места в правительстве или становятся членами законодательных собраний.

Другой полюс – не столь респектабельный. Это люди со средним и ниже среднего уровнем достатка. Над ними, как дамоклов меч, постоянно висит угроза безработицы. Пределом их потребительских мечтаний является желание приобрести отдельный дом, машину и минимально необходимое для нормальной жизни. Их дети учатся в обыкновенных школах, поступают в посредственные университеты, после окончания которых бывает сложно найти работу. Их медицинское обслуживание не выходит за определенные нормы. А если вдруг обнаруживаются серьезные заболевания, то это расценивается как катастрофа, поскольку нормированная медицина лечение таких болезней не предусматривает. У них практически нет шансов перейти в другую, более обеспеченную социальную группы. Социальный лифт для них навсегда закрыт.

В рамках такой модели социально-экономического развития общества, которую в настоящий момент мы наблюдаем не только в развивающихся, но и в развитых странах, не может быть устойчивого, стабильного развития.

В силу каких обстоятельств данная модель общества стала возможной? Тому много причин. Более глубинные основы такой ситуации следует искать в самой сути рыночной формы хозяйствования. Становление рыночного хозяйства в его капиталистической форме более двух веков назад осуществлялось в форме первоначального накопления капитала, когда на одном полюсе происходило сосредоточение решающей доли материальных хозяйственных ресурсов в руках нового господствующего класса. И хотя этот процесс носил преимущественно насильственный, неэкономический характер, осуществляемый при непосредственной поддержке государства, итог был один – формирование крупного класса собственников, с одной стороны, и класса наемных рабочих, лишенных какой-либо собственности, с другой. Так, в результате первоначального накопления капитала, по словам К.Маркса, появились рабочие, которые были свободны в двух отношениях: лично свободны и свободны от средств производства. Поэтому им ничего не оставалось, как наниматься к капиталистам.

По сути, такая система отношений существует и по сей день. Основную долю населения составляют так называемые наемные рабочие, для которых продажа своего труда является основным источником средств существования. Конечно, современного наемного работника не сравнить с тем рабочим, который трудился на фабриках и заводах в середине XIX века или даже в начале XX столетия. Сегодня рабочие уже не работают по 12 часов. Их условия труда не назовешь ужасными, а заработная плата существенно выше, чем она была раньше.

Однако социально-трудовые отношения в современном обществе по существу – это все те же отношения господства и подчинения, основанные на экономической эксплуатации одного класса другим, какими они были двести лет назад.

Не являются исключением и модели социального государства или государства всеобщего благосостояния, сформировавшиеся в середине XX столетия в большинстве развитых стран. У многих людей, особенно в тот период времени, было много иллюзий на этот счет. Многие искренне считали, что относительно высокая заработная плата, дополненная участием работников в собственности предприятий, развитая система социального страхования и другие социальные завоевания того периода, свидетельствуют о наступлении новой эпохи. Эпохи, когда уже нет противоречий между собственниками и наемными рабочими, а значительную долю населения составляет средний класс.

Однако такие настроения не продлились долго. В конце XX и, особенно, в начале XXI века экономическая ситуация в целом ухудшилась, а противоречия в обществе стали нарастать. Как только распалась мировая социалистическая система, ослабло рабочее и профсоюзное движение, все опять стало на свои места. Класс собственников вновь получил преимущества в присвоении значительной доли созданного в обществе продукта, а государство заявило о сворачивании социальных программ под предлогом нарастающего дефицита государственного бюджета.

Во многом это было обусловлено теми механизмами, которые были привнесены в социально-экономическую жизнь таким явлением как глобализация. Именно в условиях глобализации появляются новые способы увеличения доходов самых богатых, тогда как государство все больше и больше утрачивает свои возможности по контролю над распределением доходов между разными социальными группами внутри национальных хозяйств.

Новые способы увеличения доходов сверх богатых в условиях глобализации экономики тесно связаны с двумя факторами – укреплением влияния транснациональных компаний (ТНК) и развитием такого явления как финансовая глобализация.

Сегодня ТНК – это не только основной субъект хозяйственной деятельности, но и своеобразный механизм перераспределения доходов в пользу крупного капитала. Свои огромные доходы крупный капитал как владелец ТНК получает не только благодаря сокращению налогов в тех странах, куда они устремляются по призыву национальных правительств, не только за счет трансфертного ценообразования и оффшорных зон, но и за счет вовлечения в свой оборот мелкого и среднего бизнеса. Сегодня большинство изобретений и инноваций

формируется в рамках малых и средних предприятий. Однако основную часть прибыли от новшеств получают не они, а крупные компании, поскольку именно они имеют больше возможностей для финансирования исследований, а также для приобретения патентов на изобретения. В результате средний класс все больше становится похожим на пролетариат, лишенный самого необходимого.

Свои огромные доходы ТНК получают также в результате сокращения влияния профсоюзов, а также кризиса международного рабочего движения. В условиях глобализации, когда стираются границы для свободного движения капитала, у наемных рабочих остается все меньше возможностей для давления на работодателей. В результате заработная плата урезается, а гарантии занятости практически исчезают.

На мировых финансовых рынках также формируются огромные доходы, которые фактически не контролируются государством и не облагаются налогами. Современный финансовый рынок и кредитная система при соответствующей политике национальных центральных банков, превратились сегодня в мощный перераспределительный механизм богатства от основной массы населения к узкому сверх богатому слою.

В результате дифференциация доходов в обществе нарастает. На одном полюсе доходы все увеличиваются, тогда как на другом, они, может быть, и растут, но очень медленными темпами. При этом нестабильность становится хронической.

На полюсе высоких доходов складывается своеобразная гонка за престижное потребление в виде дорогих автомобилей, громадных вилл, престижных вещей от ведущих производителей и т.п. Казалось бы, в этом нет ничего плохого. Если люди получают большие деньги, которые им принадлежат, то почему они не могут тратить их по своему усмотрению. С этим выводом можно было согласиться, если бы такая ситуация не являлась причиной неустойчивого развития современного общества со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Сегодня сверх потребление превратилось в устойчивый фактор дестабилизации. Оно явилась причиной так называемого каскадного потребления, когда расходы богатых сдвигают потребности тех, кто находится ниже. Менее богатые стремятся к такому же уровню потребления как сверх богатые. В свою очередь, это ведет к нарастанию задолженности, экономической нестабильности и даже кризисам.

Как утверждает Роберт Франк из Корнеллского университета, рост доходов элиты неизбежно ведет к уменьшению сбережений и росту долга. По его мнению, расходы богатых *«сдвигают систему координат, формирующую потребности тех, кто находится на ступень ниже и вращается в «перекрещивающихся»* социальных слоях. Эта вторая группа тоже увеличивает расходы, что сдвигает точку отсчета тех, кто стоит на ступень ниже, – и так далее, вниз по лестнице доходов. Данный каскад значительно затрудняет семьям из среднего класса достижение поставленных финансовых целей». При этом увеличивающийся разрыв в доходах заставляет *«отстающих»* влезать в непомерные долги [1, с. 127]. Чем может закончиться эта ситуация мы прекрасно видим, наблюдая финансовый кризис не только в США, но и у нас – в России.

Можно ли в этих условиях ослабить нарастающее неравенство или совсем его преодолеть? Совсем преодолеть, видимо, невозможно в рамках существующей системы экономических отношений. Для этого нужны кардинальные изменения в отношениях собственности.

Но это не значит, что уже сегодня ничего нельзя сделать для преодоления существующего неравенства. На наш взгляд, чтобы обеспечить стабильное и устойчивое развитие общества, нужно сосредоточить свое внимание на решении нескольких, но, как нам представляется, очень важных задач.

Прежде всего, нужно предпринять ряд мер, ограничивающих так называемое престижное потребление. Как отмечалось выше, именно безудержное наращивание объемов потребления со стороны сверх богатых, выступает сегодня фактором, деформирующем не только систему потребностей, но и функционирование финансовой системы в целом. Все это, в конечном счете, ведет к расточительному использованию ограниченных ресурсов, а значит, и нарастанию нестабильности.

Общество не может нормально развиваться без наличия так называемых стандартов потребления. Эти стандарты нужны, конечно же, не для того, чтобы заставить всех покупать одни и те же вещи или одни и те же продукты. Речь в данном случае идет о другом. Стандарты потребления нужны, как минимум, для двух вещей. Во-первых, для того, чтобы общество могло гарантировать всем членам общества удовлетворение так называемых насущных потребностей, без которых невозможно существовать нормальному современному человеку. Например, сегодня сложно представить себе человека, который не может позволить себе воспользоваться услугами мобильной телефонной связи или интернета, которому совсем негде жить, или нет средств, чтобы купить продукты питания. Наиболее широко распространенные блага должны быть доступны основной части населения.

Конечно, никто при этом не говорит о том, что эти блага должны быть бесплатными для граждан. Однако доходы, которые они получают должны быть достаточными для того, чтобы они могли эти блага приобрести. Человек не должен чувствовать себя ущербным в удовлетворении тех потребностей, которые в данный момент являются нормальными для общества. Он не должен быть также исключен из системы удовлетворения наиболее распространенных предметов потребления. Как это сделать, это уже другой вопрос. Но, во всяком случае, общество, в лице, прежде всего, органов государственного управления и регулирования, должно создавать такие механизмы, которые бы помогли поддерживать уровень потребления большинства на достойном уровне.

Во–вторых, стандарты потребления нужны для ограничения и борьбы со сверх потреблением. Современному человеку трудно запретить покупать то, что ему нравится, если еще при этом у него есть необходимые финансовые средства. Однако наличие стандартов потребления может помочь ему не только в формировании разумной системы потребностей, но и государству в совершенствовании налоговой системы в качестве механизма, ограничивающего сверх потребление.

Например, пусть стандартом потребления жилья на одного человека является жилое помещение с одной спальней. Такое помещение не должно вообще облагаться налогом. Но все, что сверх этого, должно облагаться соответствующим налогом. Можно при этом даже ввести определенную прогрессию. Это может касаться и дорогих машин, личных самолетов, вертолетов, яхт и т.п. Поэтому, если человек хочет приобрести дворец, пусть приобретает. Но он должен знать, что за потребление такого рода ему придется заплатить большой налог. В таком случае он вряд ли будет совершенно бездумно подходить к своему потреблению.

Следует заметить, что сверх потребление – это не только проблема потребителя. Но это и проблема производителей и продавцов. Очень часто именно производители навязывают покупателям дорогие вещи. Есть много механизмов, посредством которых продавцы воздействуют на покупателей. Это и мода, и пропаганда успеха через обладание отдельными вещами, способ быть своим в определенном кругах и другие маркетинговые приемы. В таком случае уже само производство и торговля формируют престижное потребление.

С этим тоже можно бороться, если у общества есть определенные стандарты потребления. В качестве крайней меры можно предложить вообще запретить производителям выпускать сверх дорогие товары. Например, машины должны стоить не более 500 тыс. долл. Или вместо одной дорогой машины обязать выпускать больше машин по средней цене. Можно подумать и о других мерах.

В настоящее время преодолеть социальное неравенство и нестабильность в обществе мешает почти полное отсутствие социальных лифтов. Если в 60–70-е гг. прошлого столетия у среднего класса еще была возможность подняться по социальной лестнице, то сегодня этой возможности у него практически нет. Причин тому несколько. Это и увеличивающая дифференциация личных доходов, и современная система образования, и механизмы формирования системы политической власти.

Чтобы представителю среднего класса подняться хотя бы на одну ступеньку, его доходы должны многократно увеличиться. Но в условиях увеличивающейся безработицы и давления со стороны работодателей это практически невозможно. Еще отдельным представителям среднего слоя может выпасть удача, и он получит высокооплачиваемую работу. Однако эта ситуация не может быть массовой.

Разрушение системы социальны лифтов поддерживается сегодня также современной системой образования. Существует целая сеть очень престижных университетов, где обучение стоит дорого, но где обучается будущая элита. Потому если ты не являешься выпускником Кембриджа или Йельского университета, то вряд ли сможешь получить престижную работу или станешь *«своим»* в определенных кругах.

Если мы хотим обеспечить устойчивое и стабильное развитие общества, то необходимо предпринять меры по восстановлению социальных лифтов. Эту проблему не решить, если не будут происходить серьезные преобразования в системе образования. Образование должно быть максимально доступным для всех членов общества. Университетам надо запретить устанавливать плату

выше определенного уровня, годовая величина которой должна быть сравнима со средней месячной заработной платой в стране. Идеальной может быть только ситуация, когда оно вообще будет бесплатным для всех.

То же самое касается и здравоохранения. Оно должно быть доступным всем в равной степени, а не только отдельным социальным группам. Все социальные группы должны иметь доступ к качественному здравоохранению. Бюджетный принцип финансирования здравоохранения должен прийти на смену страховому принципу или, по крайней мере, свести его к минимуму.

Доступной должна быть и культура. Причем не массовая культура, а культура как накопленные обществом достижения человеческой мысли в самых разных областях знаний. Вивальди или, например, Бетховен не могут быть доступными только для богатых. Каждый член общества, независимо от его финансового достатка, должен имеет возможность приобщиться к культурному наследию.

Доступной должна быть и научная информация. Нельзя серьезно думать о выстраивании системы социальных лифтов, если в обществе есть механизмы, ограничивающие возможность одних социальных групп пользоваться научной и иной информацией.

Все перечисленные, на наш взгляд, имеет очень большое значение для построения современного устойчивого и стабильного общества, способного развиваться без ущерба не только для среды обитания человека, но и для него самого как высшей ценности любой социально-экономической системы.

Как отмечал Дж. Стиглиц, альтернативой современному обществу с его противоречиями и нестабильностью может быть *«общество, где пропасть межу имущими и неимущими сужена, где существует чувство разделенной судьбы, общие обязательства по поводу возможностей и справедливости, где слова «свобода и справедливость для всех»* на самом деле значат то, что они значат, где мы воспринимаем всерьез Всемирную декларацию прав человека, которая подчеркивает важность не только гражданских, но и экономических прав обычных граждан. В этом видении мы имеем повышенно гибкую политическую систему, сильно отличающуюся от той, в которой 80% молодых настолько отчуждена, что даже не утруждает себя голосованием на выборах» [2,с. 361–362].

Список литературы

[1] *Кругман П.* Выход из кризиса есть! /Перевод с анг. Ю. Гольберга. – М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013.

[2] *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: (перевод с английского). – Москва: Эксмо, 2015.

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Ершов В.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Социальные процессы многообразны и сложны. Для государственного управления ими, и в частности экономикой, необходимы соответствующие подходы, посредством которых возможно выразить все многообразие и сложность процессов. Целью нашего исследования является определение принципов, позволяющих моделировать процессы государственного управления экономикой.*

Известный специалист в области моделирования Медоуз пишет: *«Все школы моделирования имеют в своей основе представления о том, как устроен мир ... каждая школа – своеобразный оракул, предназначенный для определённого вида предсказаний о будущем»* [21, с.130].

Говоря о предсказании будущего, Медоуз отмечает: *«Никто не обладает знаниями достаточными для этого, и вряд ли когда-нибудь будет обладать, и тому есть всякие основания. Мировая социальная система чрезвычайно сложна.»*[20, с.185–186]. Это же можно сказать и о системе государственного управления экономикой. Необходимо обозначить принципы, позволяющие максимально прочувствовать эту сложность, неповторимость, но вместе с тем стремление к гармонии, что позволит формировать модели наиболее приближенные к реальности, реагировать на особенности социальных взаимодействий, формулировать образ *«возможного»*.

Само понятие *«принцип»* восходит к латинскому principium – начало [44]. Говоря о принципах моделирования как таковых, необходимо определить, что даёт возможность самого моделирования, начало его процесса, возможность актуализации этого процесса для настоящего и будущего, в которое процесс устремлен.

Для начала, постараемся определить – что есть *«модель»* сама по себе. Модель – образ какого-либо нового изделия, служащий образом для кого, чего-либо [5, с.550]. Получается, что модель исключительно концептуальна? Её актуальность преодолевается временем? Такова модель нового. Преодолевая время, актуализируясь, модель становится константой – тем, что служит образцом, ориентиром деятельности. Модель институализируется.

Никакая модель не может быть совершенной, полной, она лишь с той или иной степенью точности приближает исследователей к пониманию сущности

* *Ершов Валерий Анатольевич*, к.ф.н., студент специального отделения факультета государственного управления МГУ по программе подготовки *«Государственное и муниципальное управление»* (второе высшее образование).

моделируемого явления и даёт инструмент анализа [45]. Здесь необходимо оговориться и сказать о том, что сама способность моделировать и воспринимать модели, взаимоотношения между ними, намного полнее и пластичней самих моделей; это способность адекватно относится к игре, следует её принципам.

Специалист в области управления А.В. Сурин, рассуждая о теории и технологии современного управления, рассматривает социальные модели как формальные конструкции и как метафоры. В частности, он отмечает: *«Использование естественнонаучных идей в социальной проблематике требует от обществоведов знания теории эволюции, технических приложений теории систем и сетевой методологии, компьютерного моделирования и т.д.. Только на основе интегрального подхода возможна разработка конкретного прогноза, пользующегося широким спросом у «заказчиков»* – государственных, региональных или муниципальных структур бизнеса. Определяющим условием успешного конечного прогноза является использование моделей» [39, с. 99–100]. А что способствует созданию адекватной модели данной интеграции? Какова она должна быть? Нам представляется, что это прежде всего интеграция естественнонаучного и гуманитарного знания.

«Трудность решения многокритериальных задач – замечает А.В. Сурин – не столько технологического, сколько содержательного характера. Дело в том, что не ясно, как согласовывать критерии и оценки различной природы: как соотнести в рамках решения одной задачи стоимость объекта и его качество, красоту объекта и его стоимость? Здесь очень много зависит от индивидуальности того, кто оценивает. И вообще, возникает большое сомнение в возможности принципиальной универсализации оценок» [там же, с. 100–101]. При этом необходимо иметь ввиду, что теория игр должна выделять игры истинные и игры ложные. Только с позиций данной оценки возможно оценить баланс и силу – видя истинность первого в проявлении гармонии как таковой, которая определяет меру и направленность силы. Мы будем рассматривать принцип трёх *«Э»* – соотношения этики, эстетики и экономики – критерии их гармонии.

Экономистами М. Месконом, М. Албертом, Ф. Хедоури исследуются модели – их типы, казуальность, необходимость развития, модели как процесс построения и моделирования. *«Модель – форма представлений реальности. Обычно модель упрощает реальность или представляет её абстрактно»* [22, с.72]. Поэтому, очень важен навык моделирования, развитая способность к моделированию, которая даёт с одной стороны, возможность видеть модель в процессе событий, а с другой стороны, изменять саму модель по мере изменений жизненных процессов.

Рассматривая общие проблемы моделирования выделяют: недостоверные исходные допущения, когда предпосылки не поддаются оценке и не могут быть проверены; информационные ограничения, когда ограничены возможности получения информации, которая влияет как на построение, так и на использование моделей; страх использования моделей, который является следствием непонимания результатов её использования; слабое использование на практике, является следствием недостатка знаний и сопротивления на практике; чрезмерная стоимость – отсутствие выгоды при использовании модели [там же, с. 233–234]. Как мы видим, моделирование – многогранный процесс, требующий

рефлексии всего его многообразия, можно сказать, что он требует некой метамодели, посредством которой возможна оценка самой модели.

При всём уважении к Мескону и его соавторам, нам представляется, невозможным согласиться с их пониманием роли теории игр, её влияния, соотношения с моделями. Рассуждая о ней, авторы говорят, что: *«одна из важнейших переменных, от которой зависит успех организации – конкурентоспособность. Очевидно, что способность прогнозировать действия конкурентов означает преимущество для любой организации. Теория игр – метод моделирования оценки воздействия на конкурентов принятого решения. Теории игр изначально разрабатывали военные с тем, чтобы в стратегии можно было учесть возможные действия противника. ... Теория игр используется здесь не так часто как другие описанные здесь модели»* [там же, с. 235]. Как мы увидим в дальнейшем, истинная теория игр не соответствует военным принципам и интересам конкуренции.

Известной культуролог Й. Хёйзинга отмечает, что в греческом языке слово *«игра»*, обозначает ребячество [42, с. 45–47]. В японском языке, согласно автору, игра обозначает прогулку и т.п.. В японском языке, редко подчёркивается серьёзность игры [там же, с.50–51]. Подводя итог исследования понятия *«игры»* как такового, Хёйзинга пишет: *«... мы можем назвать игру, с точки зрения формы, некой свободной деятельностью, которая осознаётся как «ненастоящая»*, не связана с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; ... Игра – это борьба за что-то или показ этого чего-то...» [там же, с. 32]. Обращаясь к данному подходу к определению игры, мы в полной мере правомочны задать вопрос, если игра *«ненастоящая»*, то, что в таком случае подразумевается под настоящим, и в чём тогда их сходства и отличия? Если под *«ненастоящим»* подразумевать то, что искусственное, имитируемую игрой действительность, то покажите нам действительность, о которой можно с полной уверенностью сказать, что она такова, какой мы её воспринимаем, а, следовательно, и подлинная. Человеческая практика показывает обратное, что даже то, что считалось познанным, с последующим опытом оказывается не всегда таковым. С другой стороны, если игра – борьба, то какова разновидность данной игры? Для ответа на данные вопросы, необходим более разносторонней и глубокий анализ феномена ”игра”. Игра всегда – двуплановая сущность: с одной стороны, выполняются действия, с другой стороны эти действия условны в плане конкретного результата. Но такая двойственность – условия развития игры. Можно даже сказать, что процесс определения понятия *«игры»* сам по себе является своего рода игрой. Но игра – строго загадочная, легкомысленная и тяжеломысленная сущность, которая сама нуждается в определениях, а здесь приходится использовать её как нечто известное для раскрытия неизвестного. Хёйзинга говорит о том, что современная культура *«перестала играться»*. Но мы глубоко убеждены в том, что истинная культура играется, а современные искусственные образования, не обладающие свойствами игры – не обладают ценностями культуры.

Как заметил А. Тойнби, *«парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того, чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели»* [41, с. 515–516].

На самом же деле, никакой парадоксальности в этом нет, это элементарное проявление игры, при которой становится очевидным весь смысл всеединства и гармонии как проявления начала начал. Здесь конкретика растворяется во всеобщности, труд приобретает свою истинную ценность – становится одним из элементов жизни, он есть не для самого себя, а для более высоких целей. Труд можно рассматривать как осознанную необходимость, т.е. как то что обеспечивает человеку необходимые условия существования. В этом случае, труд обусловлен необходимостью в поддержании существования, которое не является так же ценным самим по себе, а есть условием достижения более высоких целей.

Известный философ Ю.М. Осипов современное хозяйство характеризуют как игру *«... с бытиём в небытии и с небытием в бытии ... Хозяйство как игра со смертью»* [23, с. 604], при этом необходимо отметить, что данная *«игра»* ложна, в ней со всей очевидностью просматривается азартная страсть, ни чем не оправданный риск попытаться выиграть у природы.

Принципы моделирования рынка. А.Смит сформулировал взаимодействие рыночных субъектов следующим образом: *«Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно»* [32, с. 91]. На наш взгляд, данная формула достаточно точно выражает суть рыночных взаимоотношений, их гармонию, и в то же самое время показывает всё абсурдность приписывания современной экономике признаков рыночности. Перефразируя данный тезис Смита для характеристики современной экономики, можно сказать следующее: я тебя пытаюсь убедить приобрести у меня то, что мне необходимо сбыть, но не тебе купить. И где здесь рыночные отношения?! Это не рынок, а самая настоящая информационная война, в которой производители порабощают потребителей путём развития у людей потребительской зависимости, подавление их воли рекламой и специальными ароматизаторами распространяемыми в магазинах и создающих мнимое впечатление уюта, к которому человек стремится, с которым ассоциируется покупка. Тезис Смита выражает признаки истинного рынка, истинного игрового пространства.

На притяжении многих лет в нашей стране пропагандировалась модель так называемого *«социалистического соревнования»*. В социалистическом соревновании теоретики нового строя видели суть социалистических производственных отношений, новую природу коллективности, новый образ жизни и нового человека. Коммунистическое мировоззрение предлагало человеку осознать труд как высочайшую ценность жизни, принять объективную природу соревнования, его роль в воспитании благородных качеств строителей коммунизма [36, с. 35, 249]. Такое понимание социалистического соревнования противопоставляло его прошлому, что могло привести к нарушению гармонии времени, и к чему, естественно, невозможно относиться как к должному.

В советский период характеристики категории *«конкуренция»* были диаметрально противоположными характеристикам, даваемым категории *«социалистическое соревнование»*. Рассматривая особенности стратегии в конкуренции, специалист в области управления М. Портер, обозначает следующие силы, управляющие конкуренцией в отрасли – угроза вторжения новых участников, рыночная власть потребителей, угроза появления продуктов-заменителей или

услуг-заменителей, рыночная власть продавца [25, с. 45] Видно, что критерии формирования конкурентной стратегии автор довольно-таки жёстко ассоциирует с категориями, выражающими *«агрессивность»*, *«угрозу»*.

Рассмотрев социалистическое соревнование и конкуренцию, можно констатировать, что ни первая, ни вторая не являются социальными моделями – не ориентированы на игровые принципы гармонии, на которые должна ориентироваться истинная состязательность, где главное не победа, а участие, где состязательность происходит не ради самой состязательности, а ради решения действительно актуальных задач, стремясь при этом к всеединству, гармонии – истинной игре.

Каким образом соотносятся рынок и государственная система? Ряд авторов считают, что государственное вмешательство имеет предел, за которым оно превращается в реальную угрозу нормальной рыночной системы [12, с. 16]. Нам представляется, что в его основе должен лежать принцип рыночных качелей, стремящихся к равновесию за счёт наличия общих целей. Недостатком российской экономики является не наличие или отсутствие контроля над ценами, а наличие такого контроля со стороны монополистов. Должен быть государственный контроль, основанный на принципах стремления к всеединству.

Важно соблюдать гармонию во взаимоотношениях этического, эстетического и экономического. Необходимые эстетические потребности могут удовлетворяться лишь путём уважительного отношения к природе, не пренебрегая экономической составляющей общества и т.д.. Экономические взаимоотношения необходимо выстраивать в коммуникативном поле – поле, основанном на ценностях этики. Эти три *«Э»* – триада уравновешенная истинной игрой. А возможна ли вообще здесь работа этих трёх категорий? Эти категории могут адекватно работать только в аспекте гармонии, как её воплощение. Если мы стремимся к эстетическому вопреки экономической составляющий то гармония во взаимоотношениях между ним нарушается, и наоборот, пренебрежение эстетическим лишает нас возможности ощущать прекрасное, а вместе с тем и ощущения гармонии как таковой. Если мы стремимся воплотить какие либо эстетические, как нам представляется, идеи с целью войти в определённый круг общения, то воплощение каких-либо этических идеалов не может быть признано как стремление к истинной коммуникации.

Современной общественностью ставятся следующие вопросы, связанные с правом: что есть правовое государство; насколько силён в нашей стране правовой нигилизм; что есть правовая культура; каким образом соотносятся права и обязанности граждан (коими являются и сами политики)?

Конституционная модель управления. Существуют множество разделов права – семейное, жилищное, финансовое и т.д.. Конституционное право – в основе всей правовой системы. Это актуально ещё и потому, что Россия, в отличие от некоторых стран мира – является конституционной страной, а постановка акцентов на проблемах и особенностях нашей страны для нас является приоритетной.

Что касается конституции как таковой, то она определяется как *«основной закон страны»*. Именно как *«основной закон страны»*, а не как *«сборник основ-*

ных законов», чем подчёркивается с одной стороны её монолитность, а с другой, наличие в законодательстве определённого единства, или, по крайней мере, стремления к нему.

Например, в 7 статье конституции Российской Федерации говорится: *«1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. 2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»* [15, с. 5]. Разве данная статья не есть гарантия гармоничного развития государства, равных возможностей его граждан? Например, рассмотрим прописанные в конституции такие понятия как *«право на жизнь»* и *«право на оплату труда»*. Конституцией гарантируется индивиду то, что государство обязано обеспечивать своих гражданам условия, при которых их жизням обеспечивается безопасность. Она также гарантирует, что выполняемый гражданами труд должен быть оплачиваем. Рассматривая закон о МРОТе, многие юристы говорят о том, что его размер должен устанавливаться дополнительным законом. Разберём сначала ключевой элемент данной цепочки – прожиточный минимум. Под ним подразумевается то обеспечение индивида, при котором его состоянию здоровья ничего не угрожает, т.е. то, что по сути гарантируется самой конституцией. Следовательно, во-первых, МРОТ должен всегда соответствовать прожиточному минимуму, во-вторых, не требуется никаких дополнительных законодательных актов устанавливающих МРОТ – должен являться проявлением гармонии законодательства (и в первую очередь, гармонии права и нравственности). Модель конституции находящаяся в игровом аспекте, дает возможность адекватно воспринимать конституцию в обществе как его элемент.

Поднимающие вопрос о приоритете бизнеса в экономике и полном уходе государства из экономической сферы чиновники просто боятся ответственности. Мы уверены в том, что государство должно само иметь навыки ведения хозяйства, и на основании этих (в том числе) навыков общаться с бизнесом. В противном случае, мы уйдём от крайности с тоталитарно-государственной экономикой к государству, которое вообще боится ассоциировать себя с ведением хозяйственной деятельности. Здесь необходимо так же рассмотреть такое явление как налог, выявить его истинное значение. Налог взимается не для платы тем, кто не смог заработать сам, с целью погашения социальной нестабильности, напряжённости, налог – это обязанность, проявление правосознания. У нас же в стране, представление о налоге сформировано именно как о негативе, вызванном с одной стороны, бескультурием, жадностью бизнеса, неимением чувства социальной ответственности, но вместе с тем, нежеланием платить власти, которая сама провоцирует данное нежелание тем, что, например, транспортный налог взимается, но дороги остаются в безобразном состоянии, что приводит как к преждевременному износу транспортных средств, так и к авариям (зачастую с летальным исходом). Государство не только имеет право,

но и обязано взимать такие налоги, с помощью которых возможно обеспечить МРОТ и т.д.. В противном случае, стремление к социальной гармонии нарушается, государство теряет свою легитимность. Негативный образ (модель) демократии вызван и противопоставлением настоящего и прошлого нашей страны. Под лозунгом борьбы за свободу народа, этот же самый народ был унижен тем, что идеология акцентируется на том, что долгие годы народ был унижен, вместо того, чтобы почитать его за то, что он смог всё это пережить, отдавая ему дань уважения – создавая благоприятные условия, прежде всего для его жизни. Таким образом, можно сделать вывод о том, что власть остаётся легитимной до тех пор, пока в основе её построения лежит принцип игры, которая является осознанной необходимостью, позволяющей понимать модели прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, проблема не только в том¸ что кто-то берёт взятки, но и в том, что власть недостаточно эффективно с этим борется, не создаёт образ (модель) адекватного политика.

Рассмотрев идеологию рыночной экономики в аспекте игровых принципов моделирования, можно сделать следующие выводы: во-первых, данный аспект позволяет адекватно оценивать рынок сам по себе, определив при этом его социальную значимость; во-вторых, позволяет выстроить идеал будущего общества, содержащий рыночную составляющую.

Можно сказать, что для государственного управления как такового и для государственного управления экономическими процессами в частности, актуален вопрос моделирования, его принципов, так как понимание принципов моделирования дает возможность адекватно выстраивать модели – учитывая их многообразие и несовершенство; формировать правильное отношение к ним, что позволяет оценивать актуальность той или иной модели в различных ситуациях, приводить в соответствие экономические и политические процессы, что позволит компенсировать как провалы государства, так и провалы рынка. Рассмотрев в качестве принципов моделирования государственного управления экономикой игру, мы можем констатировать, что только они, благодаря многоплановости и гармоничности, позволяют создавать модели адекватного взаимодействия различных сфер жизнедеятельности, в том числе взаимодействия государства и экономики.

Список литературы

[1] *Агеев С.* От простого к сложному. // Приложение к журн. *«Эксперт»*. 2003, № 13 (122).

[2] *Бивер Д.Н.*Л.П. для самообразования. М., 200.

[3] *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., *«Рудамино»*. 1995.

[4] Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещереков, К. Зинченко – СПб., 2004. С.300–301] [цит по *Шейнов В.П.* Манипулирование сознанием / В.П. Шейнов – Минск Харвест. 2010].

[5] Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред С.А. Кузнецов- СПб *«Норинг»* 2003.- С. 550.

[6] *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск. *«Полиграмма»*. 1993.

[7] *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. Соч. В 2-х томах. Т. 1. М., *«Наука»*. 1993.- С. 49–297.

[8] *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Довыдова; Предисл. П.П. Гайденко.- М.: Прогресс, 1990.

[9] *Гегель Г.В.*Ф. Философия права. М., МЫСЛЬ 1990.

[10] *Годфруа Ж.* Что такое психология: В 2-х т. М.: Мир, 1996. Т.2 С. 331

[11] *Григорян А.А.* Антикризисное управление. Математическая составляющая. М.: Издательство Московского университета, 2013.

[12] *Капелюшникова Ф.И.* Философия рынка Ф. Хайека. // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №12. С.15–26.

[13] *Каспар А.* Экономика в будущим. Выход из тупика. Пер. на рус яз. В.И. Зюкова. М.:ТРовант. 1997.

[14] *Козловски П.* Принципы этической экономии. СПб., 1999.

[15] Конституция Российской Федерации. М.: ИНФРА- М, 2008.

[16] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е

[17] *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. Спб.: *«Алетейя»*. 1998 г.

[18] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономики. В 3-х томах. М. Политиздат. 1988.

[19] *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 32.)

[20] *Медоуз Д.Х.* Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория Знаний 2015.

[21] *Медоуз Д.Х.* Электронный оракул. Компьютерные модели в решении социальных проблем. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2015.

[22] **Мескон М.**, **Альберт М.**, **Хедоури Ф**. *«Основы менеджмента»* **М**.: Дело, 1997.

[23] *Осипов Ю.М.* Время философия хозяйства. В трёх книгах с приложением.- М.: Экономист, 2003.

[24] *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов/ Майкл Портер. Пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

[25] *Портер М.* Конкуренция.: Пер. с англ. – М.: Издательский дом *«Вильямс»*, 2006.

[26] *Пушкин В.Г.*, *Урсул А.Д.* Информатика, кибернетика, интеллект : Филос. Очерки/ АН МССР, Кишинев Штиинца, 1989.

[27] *Рогозинникова К.* Бренды-убийци // The chief (Великий Новгород) № 9 (13) 2008 С. 36–38

[28] *Сергеев В.М.* За пределами рациональности. М.: Феникс, 1999. С. 39

[29] *Сергиенко П.Я.* Триалектика. Цифровой универсум творца. Пущино,1997.

[30] *Ситников А. Гундарин М.* Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций. М.: *«Имидж-Контакт»*, 2003.

[31] *Слуцкий О.Н.* Что после иллюзии? (Конец нашей эры). М.: *«Вече»*, 2002.

[32] *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. Т1 М., 1993

[33] Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1985 г.- С. 480.

[34] Современный словарь по психологии.- Мн.: *«Современное слово»*, 1998

[35] *Соловьев Э.Ю.* Личность и право // Вопросы философии. 1989. № 8. С.67–90

[36] Социалистическое соревнование: вопросы теории и практики организации // Под ред. И.И. Чангли. М., Наука. 1978.

[37] Социальные технологии. Толковый словарь. – Москва –Белгород. 1995 С.87

[38] Современный социологический словарь. М.: Издательская группа ИМФРА М – НОРМА, 1998.

[39] *Сурин А.В.* На пути к формированию науки управления. М.: *«Российская политическая энциклопедия»* 2007.

[40] *Сытин Г.К.* Животворящая сила. СПб., *«Лейла»*. 1993.

[41] *Тойнби А.* Постижение истории. М., ПРОГРЕСС 1991.

[42] *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., *«Прогресс-Традиция»*. 1997.

[43] *Цыганков П.А.* Восприятие расширения ЕС населением приграничных регионов России: к методологии анализа проблемы.//Вестник МГУ. Сер. 18 Социология и политология. 2006. №3 С.11–25

[44] *Шанский Н.М.* и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя.

[45] *Шейнов В.П.* Манипулирование сознанием. – Минск: Харвест, 2010.

[46] *Шикин Е.В.* От игры к играм: Математическое введение. М.: Книжный дом *«ЛИБРОКОМ»*, 2014.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Семилетова Е.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы оценки эффективности государственного управления с учетом необходимости достижения Целей устойчивого развития (ЦУР), которые в настоящее время определяют приоритеты развития многих стран мира. В России ЦУР пока не получили необходимого институционального закрепления на государственном уровне, однако документы стратегического планирования содержат цели, напрямую связанные с обеспечением устойчивого развития страны. В статье анализируются инструменты оценки эффективности государственного управления с точки зрения обеспечения экологической устойчивости.*

Принципы и подходы устойчивого развития постепенно внедряются в национальные системы государственного управления. Степень их *«включения»* в управленческие процессы зависит от множества факторов: приоритетов социально-экономического развития страны, политической воли и др. В России необходимость обеспечения единства решения социальных, экологических и экономических задач декларируется в ряде документов стратегического планирования, в то же время цели устойчивого развития пока не получили необходимого институционального закрепления. Несмотря на это в системе государственного управления применяются инструменты, позволяющие оценить эффективность государственного управления по достижению целей устойчивого развития.

В настоящее время на межстрановом уровне применяются индексы и системы показателей устойчивого развития, которые отражают общую динамику продвижения отдельной страны к целям устойчивого развития. В таблице 1 приведены данные о позиции России по отдельным индексам.

По мнению многих отечественных ученых невысокие показатели указанных индексов в международных рейтингах характеризуют общую неустойчивость социально-экономического развития страны [2, 3, 4].

В целях активизации усилий мирового сообщества по решению глобальных проблем человечества в 2000 году ООН предложила принять *«Цели развития тысячелетия»* (Millennium Development Goals), которые должны были обеспечить к 2015 году достижение конкретных целей по 8 приоритетным группам на основе 48 индикаторов. Все 189 стран–членов ООН, включая Российскую

* *Семилетова Елена Викторовна*, Аппарат Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии, ведущий советник.

Федерацию, взяли обязательство достичь этих целей к 2015 году [5]. В итоговом докладе о достижении Целей развития тысячелетия признается, что *«человечество добилось существенных успехов в их реализации; прогресс наблюдался по всем целям и задачам, что отразили соответствующие индикаторы мониторинга»* (Millennium Development Goals Report. UN, NY, 2015). В сентябре 2015 года на Саммите ООН всеми странами приняты Цели устойчивого развития на период 2016–2030 годы (ЦУР). Если ЦРТ были в основном ориентированы на развивающиеся страны, то ЦУР включают в себя и развитые [6].

Таблица 1.

Позиция России в 2014 году по отдельным показателям развития

Страна	Индекс человеческого развития	Индекс скорректированных чистых накоплений	Индекс экологической эффективности	Индекс восприятия коррупции	Индекс экономической свободы
Норвегия	0,944	21,7	78,05	86	71,8
Канада	0,902	12,9	73,14	81	79,1
США	0,914	7,2	67,52	74	76,2
Германия	0,911	15,8	80,47	79	73,8
Россия	**0,778**	**15,0**	**53,45**	**27**	**52,1**
Китай	0,719	33,9	62,18	36	52,7
Индия	0,586	13,8	31,23	38	54,6

Источник: составлено автором по [1]

В целях мониторинга достижения целей устойчивого развития на национальном уровне каждая страна может сформулировать набор конкретных показателей, отражающих решение социально-экономических вопросов страны в контексте устойчивого развития. В ряде стран эти показатели разрабатывались на основе перечня ключевых проблем, определенных в рамках политики устойчивого развития страны, например:

Европейский союз: Европейская стратегия устойчивости (Гетеборг, 2001), Европейская комиссия анализирует успехи и неудачи ЕС в достижении целей устойчивого развития, корректирует цели и публикует доклад об их достижении (один раз в 2 года) [7].

Германия: Национальная стратегия устойчивого развития (2002), оценка устойчивого развития осуществляется на основе 21 показателя (от изменения климата до состояния здоровья населения), результаты регулярно публикуются в открытых источниках с привлечением общественности.

Канада: Стратегия устойчивого развития (определяет цели и обязательства федерального правительства), некоторые провинции (Квебек, Манитоба) внедряют *«индикаторы устойчивого развития»* в качестве средства измерения эффективности своей деятельности.

В России в 1994 году Президентом РФ одобрены Основные положения государственной стратегии по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития(Указ Президента РФ от 04.02.1994 г. № 236), в 1996 году утверждена Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440). Стратегия устойчивого развития для России до настоящего времени не принята, при этом концептуальные идеи устойчивого развития декларируются в ряде стратегических документов страны. Так, в Основах государственной политики в области экологического развития на период до 2030 года (Утверждены Президентом России 30.04.2012 г.) в качестве стратегической цели обозначено *«решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности»*. Таким образом, заявлена триединая задача – обеспечить экономический рост, социальное развитие и сохранить экологический потенциал страны, что в полной мере соответствует концепции устойчивого развития.

Как справедливо отмечено И.Ю. Яковлевой *«практическое воплощение идеи устойчивого развития подразумевает обязательность учета экологического фактора в процессе принятия управленческих решений, как при формировании стратегических задач, так и в повседневной практике. Ключевым моментом реализации концепции устойчивого развития является экологизация управленческих решений»* [8]. В этой связи целесообразно изучить механизмы оценки эффективности государственного управления с позиций устойчивого развития. Концепция устойчивого развития предусматривает одновременное достижение экологической, социальной и экономической устойчивости, поэтому на данном этапе изучения роли государственного аппарата предлагается рассмотреть аспект *«экологической составляющей»* устойчивого развития в системе государственного управления России.

Необходимо отметить, что целью проведения оценки эффективности государственного управления является определение результата и приносимого эффекта – экономического, социального, экологического, политического и т.д. При этом государственное управление (public administration) в его широком понимании представляет собой деятельность органов государственной власти и их должностных лиц по практическому воплощению выработанного на основе соответствующих процедур политического курса (public policy) [9, с.11]. Следует учитывать, что применение системы оценки эффективности повышает прозрачность системы государственного управления, которая сама по себе является весьма ценным качеством системы, и еще более ценно с учетом текущих приоритетов государственной политики. Повышение прозрачности является дополнительным стимулом для введения управленческих инноваций в государственном секторе [10, с.188].

По мнению автора, общий *«результат»* государственного управления можно представить как совокупность *«состояний»* общества в конкретных сферах

общественной жизни (например, экологической, социальной или экономической). Например, по мнению Муравых А.И. достижение целевого состояния социо-эколого-экономической системы предполагает решение следующих взаимосвязанных задач: создание эффективной системы экологического управления; построение экологизированной экономики; формирование экологического сознания людей [11, с.86].

В настоящее время экологическое развитие обеспечивается за счет реализации следующих документов стратегического планирования:

- ✓ Основные направления деятельности Правительства РФ до 2018 года;
- ✓ Стратегия национальной безопасности РФ (Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683);
- ✓ Водная стратегия РФ на период до 2020 года;
- ✓ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года;
- ✓ Транспортная стратегия до 2030 года;
- ✓ Стратегия развития лесного комплекса РФ на период до 2020 года;
- ✓ Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2025 года;
- ✓ Стратегия развития цветной металлургии России на 2014 - 2020 гг. и на перспективу до 2030 года;
- ✓ Стратегия обращения с твердыми коммунальными отходами и др.

В России оценка эффективности государственного управления в области эколого-ориентированного развития осуществляется в рамках следующих инструментов:

1) Оценка эффективности реализации государственных программ.

В настоящее время государственные программы являются ключевым инструментом реализации государственной политики, основная задача которых заключается в обеспечении единства финансовых, регуляторных и организационных составляющих государственного управления. На государственном уровне утверждено 44 государственные программы по следующим направлениям: *«Новое качество жизни»*, *«Инновационное развитие и модернизация экономики»*, *«Эффективное государство»*, *«Сбалансированное региональное развитие»* и *«Обеспечение национальной безопасности»*. Анализ содержания государственных программ показал, что достижение приоритетных задач в области экологического развития страны выходит за рамки профильной программы *«Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы»*, а обеспечивается мероприятиями еще десяти государственных программ, среди которых:

- *«Энергоэффективность и развитие энергетики».*
- *«Экономическое развитие и инновационная экономика».*
- *«Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».*

- *«Развитие лесного хозяйства на 2013–2020 годы».*
- *«Развитие рыбохозяйственного комплекса».*
- *«Воспроизводство и использование природных ресурсов».*
- *«Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».*
- *«Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы».*
- *«Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»*
- *«Развитие атомного энергопромышленного комплекса».*

Это подтверждает, что решение государственных задач в области эколого-ориентированного развития требует системного подхода и *«включения»* экологических приоритетов в планы развития отраслей (энергетика, металлургия), программы воспроизводства ресурсной базы (недра, лесные и водные ресурсы и т.д.) и другие направления государственной политики [12]. Эффективность реализации государственных программ оценивается через достижение количественных показателей, которые во многом соотносятся с показателями устойчивого развития. К таковым можно отнести энергоёмкость ВВП, водоемкость ВВП, образование отходов на 1 млн. рублей ВВП, выбросы загрязняющих веществ на 1 млн. рублей ВВП, доля территории, занятых особо охраняемыми природными территориями и др.

2) Оценка деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Экологическая политика РФ формируется и реализуется в результате деятельности системы государственного и муниципального управления в области природопользования и охраны окружающей среды [11, с. 91]. Таким образом, органы государственной власти являются *«проводниками»* государственной политики, *«продуктом»* их деятельности являются управленческие решения, объектом управления – социально-экономические отношения. В настоящее время в РФ институт оценки деятельности органов исполнительной власти включает в себя оценку следующих участников:

- Федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ). С 2012 года в целях реализации так называемых *«майских указов»* Правительство Российской Федерации и министерства перешли на подготовку среднесрочных (шестилетних) планов деятельности – с 2013 по 2018 годы. Включаемые в планы показатели деятельности ФОИВ отражают выполнение заданий, предусмотренных Планами деятельности ФОИВ (промежуточные и окончательные результаты), ожидаемый социально-экономический эффект от их выполнения, а также эффективность их деятельности. В настоящее время полномочиями по разработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области эколого-ориентированного развития обладают: Минприроды России, Минэнерго России, Минэко-

номразвития России, Минпромторг России, Минстрой России, Минсельхоз России, МЧС России, Роспотребнадзор, Ростехнадзор. Анализ их ведомственных планов показал, что только у 6 из них в той или степени установлены внутренние показатели, отражающие результаты их деятельности в указанной области.

- Органы исполнительной власти субъектов РФ. С 2007 года в России формируется институт оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Первоначальные подходы основывались на формировании комплекса показателей в конкретных сферах социально- экономического развития (всего свыше 260), в том числе в сфере энергоэффективности и энергосбережения дополнен (6 показателей) и в сфер экологической эффективности (8 показателей). С 2012 года в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 *«Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»*) набор показателей был существенно сокращен. В настоящее время оценка осуществляется на основе 12 обязательных и 2 индивидуальных показателей. Следует отметить, что к показателям, отражающим экологическую устойчивость региона можно отнести только один – *«доля использованных, обезвреженных отходов в общем объеме образовавшихся отходов в процессе производства и потребления»*. Однако обзор утвержденных индивидуальных показателей за 2013, 2014 и 2015 годы показывает, что названный показатель выбирают не более 10 субъектов РФ [12]. При этом данный показатель позволяет оценить лишь результаты деятельности органов исполнительной власти в сфере обращения с отходами и не отражает динамику улучшения экологической ситуации в целом. Также необходимо отметить, что в связи с изменениями законодательства РФ в области обращения с отходами в 2014 году задача построения эффективной системы обращения с твердыми коммунальными отходами актуальна для всех без исключения регионов (Федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 458-ФЗ *«О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления»*, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»), основной целью которой является повышение ресурсоэффективности, увеличение уровня утилизации отходов и обеспечение экологической безопасности.
- Органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов.

Оценка осуществляется на основе 30 показателей, два из которых косвенно отражают показатели энергоэффективности, который является одним из ключевых показателей устойчивого развития: удельная величина потребления энергетических ресурсов: 1) в многоквартирных домах и 2) муниципальными бюджетными учреждениями. Оценка деятельности городских округов и муниципальных районов осуществляется субъектами Российской Федерации,

на территории которых они расположены. За достижение наилучших значений показателей деятельности предусмотрено выделение грантов из бюджета субъекта Российской Федерации в форме межбюджетных трансфертов.

Кроме этого следует отметить институт оценки эффективности нормативно-правовых актов, в т.ч направленных на обеспечение эколого-ориентированного развития, который включает: оценку фактического воздействия актов, регулирующих правоотношения в сфере экономической деятельности и оценку регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов. А также оценку эффективности расходования средств федерального бюджета, которая осуществляется Счетной палатой РФ и Минфином России (в т.ч. по направлению *«Охрана окружающей среды»* и др.).

С учетом изложенного, можно сделать следующие выводы:

– на государственном уровне вопросы обеспечения устойчивого развития не имеют соответствующего институционального *«оформления»*, что не позволяет проводить комплексную оценку эффективности государственного управления с позиций устойчивого развития;

– обеспечение экологической составляющей устойчивого развития фактически обеспечивается за счет реализации целого ряда документов стратегического планирования, в т.ч. государственных программ РФ по различным направлениям государственной политики;

– в системе государственного управления используются инструменты, позволяющие оценивать *«продвижение»* России на пути к устойчивому развитию на программном, ведомственном, региональном и местном уровнях, однако используемые для этого показатели не в полной мере отвечают требованиям ЦУР.

Таким образом, с учетом существенной роли органов исполнительной власти и мер государственного регулирования по созданию условий для устойчивого развития страны необходимо обеспечить соответствие используемых для оценки эффективности государственного управления показателей Целям устойчивого развития.

Список литературы

[1] Материалы Информационно-аналитического агентства *«Центр гуманитарных технологий»*, доступно: www.gtmarket.ru (дата обращения: 05.06.2016).

[2] *Акимова Т.А.*, *Мосейкин Ю.Н.* Экономика устойчивого развития: учебное пособие. М.: Экономика, 2009.

[3] *Мекуш Г.Е.* Экологическая политика и устойчивое развитие: анализ и методические подходы. М.: Экономика, 2011.

[4] *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие: методология и методики измерения: Учебное пособие. М.: Экономика, 2011.

[5] *Семилетова Е.В.* Оценка устойчивого развития регионов в системе государственного управления Российской Федерации // Экономика природопользования. М.: ВИНИТИ, № 6. 2012. С. 3–8.

[6] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год // под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. Аналитический центр при Правительстве РФ, 2015.

[7] *Ковалев Ю.Ю.* Концепция устойчивого развития и ее реализация в Европейском союзе // Известия Уральского федерального университета. № 4 (134). 2014. С. 54–65.

[8] *Яковлева И.Ю.* Эколого-ориентированное управление как аспект реализации концепции устойчивого развития // Власть. №1. 2012. С.109–112.

[9] *Демидов А.Ю.* Государственный аппарат: эффективность и результативность деятельности. М.: Бюджет, 2013.

[10] *Нагимова А.М.* Эффективность деятельности государственных органов управления как фактор повышения качества жизни в регионе: проблемы оценки и измерения. Казань: Казан.гос.ун-т. 2009.

[11] *Муравых А.И.* Экологическое управление: уч.пособие. М.: Изд-во РАГС, 2004.

[12] *Семилетова Е.В.* Цели экологического развития в системе государственного управления Российской Федерации // Горизонты экономики. М.: Экономика, №6(19), 2014. С.29–33.

ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Хайдуков Д.С., Тасалов К.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы формирования институционального базиса для реализации концепции устойчивого развития на уровне крупной городской агломерации. Всеобъемлющий характер указанной концепции предполагает скоординированное решение задач в экономической, социальной и природоохранной сферах, что создает необходимость формирования новых институтов, которые могли бы содействовать выработке сбалансированной государственной политики, основанной на целях и принципах устойчивого развития. В рамках исследования проведен анализ опыта Администрации Большого Лондона по созданию автономного экспертного подразделения по вопросам устойчивого развития, обеспечившего независимую экспертную оценку эффективности деятельности регионального правительства.*

Высокие темпы урбанизации и преобладание доли городского населения создают предпосылки для формирования и развития новых институтов и механизмов управления в различных регионах мира. Важнейшим источником поиска новых решений для развития российских городских агломераций является опыт столиц развитых стран, который может быть учтен при реформировании российской системы управления городским хозяйством.

Необходимость своевременного и систематического совершенствования механизмов управления агломерациями вызвана характером проблем, стоящих на пути развития современного города, – перегрузкой транспортной системы, стремительным ростом социального неравенства, разрушением природных экосистем, ухудшением здоровья населения.

В качестве ответа на данный вызов мировое сообщество обеспечивает внедрение концепции устойчивого развития, которая обусловливает принципиально новый подход к проведению государственной политики и рассмотрению качества жизни населения.

Примечательно, что в Российской Федерации концепция устойчивого развития была принята на федеральном уровне в рамках Указа Президента от 1 апреля 1996 г. *«О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»*, предполагавшего *«последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач*

* *Хайдуков Данил Степанович*, к.э.н., Министерство финансов Российской Федерации; *Тасалов Кирилл Артемьевич*, студент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей» [1].

Несмотря на двадцатилетний опыт осуществления указанного перехода, цели устойчивого развития до сих пор не находят системного отражения в рамках государственных и муниципальных программ и проектов. Вопросы устойчивого развития по-прежнему рассматриваются как второстепенный элемент осуществления государственных мероприятий. При этом наибольшее внимание уделяется обеспечению эффективного использования энергии, поскольку данный процесс может способствовать экономии денежных ресурсов, а также *«созданию высокоэффективных производств»* [2].

Иными словами, достижение устойчивого развития рассматривается не в качестве цели деятельности государства и общества, а как одна из задач обеспечения экономического роста, что входит в противоречие с сутью данной концепции, поскольку основным принципом устойчивости является ограничение процесса реализации экономических целей приоритетами сохранения окружающей среды.

Показательным является использование понятия *«устойчивое социально-экономическое развитие»* в российской управленческой практике [3]. Устойчивое развитие предполагает взаимосвязанное решение социальных, экономических и экологических проблем, а следовательно, введение в оборот такого термина, как *«устойчивое социально-экономическое развитие»* является подменой понятий, в результате которой теряется фундаментальный приоритет экологизации государственной политики и экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Указанные недостатки понимания сущности концепции приводят к невозможности создания системы обеспечения устойчивого развития на различных уровнях управления в виде комплекса взаимосвязанных институтов (государственных и муниципальных органов, комиссий, советов, обеспечивающих координацию в рамках данной сферы) и закрепления соответствующих правил и принципов в нормативных правовых актах и концепциях. В конечном счете, отсутствие такого базиса влечет за собой отсутствие стратегий и планов достижения устойчивого развития, комплексной политики органов государственной власти.

Интересным для исследования примером устойчивого развития является опыт преобразований, предпринимаемых в Лондоне – крупнейшем городе Европейского Союза (далее также – ЕС). Лондон является единственным городом ЕС, сопоставимым по численности населения и территориальным размерам с Москвой. Обе столицы сталкиваются со сходными проблемами: загрязнением воздуха, стремительным ростом численности населения, отсутствием доступного жилья, необходимостью удовлетворить растущий спрос на жилье путем отведения новых территорий под застройку и т.п.

В 2002 г. в Большом Лондоне была создана Комиссия по устойчивому развитию, изложившая основные принципы устойчивого развития в *«Основах концепции устойчивого развития г. Лондона»* (англ. *«A sustainable Development Framework for London»*, далее также – Основы) [4].

Создание Комиссии и закрепление приоритета внедрения новой концепции в указанном документе было осуществлено сразу же после формирования Администрации Большого Лондона в 2000–2001 гг.

В Основах подчеркивается, что реализация концепции в Лондоне осуществляется в долгосрочной перспективе с целью удовлетворения потребностей жителей города без нанесения ущерба последующим поколениям. Главной целью реализации концепции является достижение гармоничного экономического, экологического и социального развития Лондона.

Подчеркивается, что ни одно из трёх направлений развития не должно ставиться в приоритет в ущерб двум другим [4, с. 3]. Закрепление указанного принципа особенно актуально для российских регионов, где вопросы сохранения окружающей среды зачастую воспринимаются властями как незначительные, а природоохранные мероприятия финансируются по *«остаточному принципу»*, в то время как приоритет отдается экономическому развитию.

Среди приоритетных задач реализации концепции выделяется сохранение и развитие городских экосистем, биоразнообразия, открытых пространств Лондона; сбережение энергии и ограничение загрязнения окружающей среды; применение технологий по переработке отходов. [4, с. 2].

В Основах разработчикам удалось заложить необходимый базис для выработки социальной, экономической и экологической политики администрации региона. Более того, указанный документ может служить этическим кодексом для бизнеса, некоммерческих организаций и жителей города.

Деятельность Комиссии по устойчивому развитию Лондона направлена на реализацию принципов концепции. Лондонская декларация послужила основой для определения ключевых индикаторов устойчивого развития – индикаторов качества жизни [5] (англ. Quality of Life indicators), охватывающих экономический, экологический и социальный компоненты концепции.

Между индикаторами и принципами, закрепленными в Основах, существует взаимосвязь.

С одной стороны, принципы концепции упрощают отбор ключевых индикаторов развития. Существуют тысячи индикаторов, отражающих изменения в различных сферах. Принятие Основ позволило выделить три основных сферы и несколько ключевых и наиболее актуальных направлений развития в рамках каждой из них, упростив задачу поиска оптимального набора показателей.

С другой стороны, индикаторы, отобранные экспертами, должны отражать динамику изменений по указанным направлениям, позволяя оценить, насколько на практике внедряется тот или иной принцип. Так обеспечиваются предпосылки для изменения политики Администрации, деятельность которой направляется на достижение позитивной динамики в значениях индикаторов и, как следствие, на реализацию принципов. Индикаторы позволяют достаточно широко отразить изменения, происходящие на территории Большого Лондона.

Например, политика Администрации Большого Лондона, направленная на повышение роли общественного транспорта и на введение различных ограничений для использования частных автомобилей, привела к существенно-

му снижению загрязнения воздуха, и, как следствие, стабилизации видового состава фауны (птиц) Лондона, о чем последовательно свидетельствуют соответствующие показатели [6, с. 9].

Таким образом, оценивается не только динамика изменения количества автомобилей, но и ее последствия для качества воздуха и биоразнообразия города. На основании ежегодных значений показателей за разные годы можно определить направленность изменений состояния окружающей среды в регионе за 5–10 лет.

Примечательно, что в Лондоне в 2002 году была принята система индикаторов, состоявшая из 20 элементов [4, с. 4], в то время как в настоящее время регулярно подсчитывается 33 показателя качества жизни [6, с. 7]. Таким образом, система индикаторов и исследовательская база были значительно расширены Комиссией.

Комиссия ежегодно проводит исследования по приоритетным направлениям концепции, а также формирует и публикует отчёты о результатах, достигнутых Большим Лондоном в сфере устойчивого развития. Создаются волонтерские программы для вовлечения жителей Лондона в целях популяризации концепции.

Более того, важной стороной деятельности Комиссии, обеспечивающей ей широкую поддержку регионального сообщества, является реализация программы *«Лидеры Лондона»* [7], направленной на формирование *«зеленого»* предпринимательства.

Молодым предпринимателям, имеющим инновационные идеи в сфере устойчивого развития региона, предоставляются оплачиваемые из бюджета г. Лондона тренинги, мастер-классы, обеспечивается помощь и наставничество.

Немаловажно отметить, что участники программы получают широкую известность за счет опубликования новостей об их деятельности на официальном сайте Комиссии. С 2008 года через программу прошло более восьмидесяти предпринимателей [7].

Комиссия предоставляет комментарии к наиболее значимым решениям, принимаемым властями Лондона, и доводит их до сведения Администрации Большого Лондона, функциональных подразделений Администрации и общественности [8].

Комментарии вместе с открытыми письмами мэру Лондона публикуются на официальном сайте Комиссии [9]. Так, в апреле 2014 г. были опубликованы комментарии Комиссии к изменениям Плана Лондона [10, с. 15] – документа, определяющего стратегию развития региона до 2036 г.

Несмотря на то, что решения комиссии не имеют общеобязательного характера [8], они принимаются к сведению в ходе реализации политики Администрации.

Примечательно, что положения комментария Комиссии по устойчивому развитию г. Лондона к изменениям Плана Лондона, которые были опубликованы в 2014 г., были учтены Администрацией Большого Лондона и интегрированы в текст Плана в новой редакции 10 марта 2015 г.

План отражает принципы *«Основ концепции устойчивого развития г. Лондона»*, уделяя приоритетное внимание вопросам экологии, сохранению зеленых массивов и открытых пространств города.

Например, в Плане указывается, что развитие города будет осуществляться в пределах текущих границ Большого Лондона (город не будет территориально расширяться, как это происходит в Российской Федерации, например, в рамках расширения территории столицы за счет Новой Москвы). Рост городской агломерации не затронет территорию Зеленого Пояса (англ. Green Belt) и другие открытые пространства города [10, с. 43].

Администрация фиксирует строгий лимит на освоение новых территорий, закрепляя принцип сохранения природных ресурсов Большого Лондона.

Широкий пакет мер, направленный на реализацию принципов концепции, предусматривается в транспортной стратегии региона, главными задачами которой признается переход населения с использования частных автомобилей на пешую ходьбу и передвижение на велосипедах, уменьшение количества парковочных мест для частного автотранспорта по мере развития инфраструктуры для общественного транспорта, обновление автобусного парка города, поощрение перехода к использованию электромобилей и т.д.

Администрация Большого Лондона способствует работе Комиссии. Так, для обеспечения деятельности Комиссии в Администрации Большого Лондона сформирован секретариат; представители Администрации входят в состав комиссии и регулярно принимают участие ее заседаниях, однако не имеют в ней абсолютного большинства.

В состав комиссии также входят представители бизнеса и некоммерческих организаций, эксперты в сфере экономики, экологии, социальных проблем [11], что способствует выработке оптимальных и комплексных рекомендаций.

Вместе с тем немаловажно отметить, что председатель и вице-председатель Комиссии не состоят в штате Администрации. Тем самым обеспечивается необходимая автономия руководства указанного подразделения и большая свобода критики деятельности Администрации.

Подводя итог анализа опыта Лондона, отметим, что Комиссия, опираясь на принципы региональной декларации, систему индикаторов и многолетнюю исследовательскую работу, обеспечивает переработку региональных стратегий и программ Администрации, связывая их между собой в рамках единой концепции развития региона. Примечательно, что функционирование Комиссии не создает каких-либо существенных издержек для бюджета Большого Лондона. Финансовое обеспечение деятельности Комиссии по устойчивому развитию в 2014/15 году составило 17 тыс. фунтов стерлингов, использованных для осуществления различных проектов и исследований; реализация программы *«Лидеры Лондона»* – дополнительно 25 тыс. фунтов стерлингов [12, с. 2]. Незначительный объем затрат на финансирование Комиссии связан с тем, что её члены осуществляют свою деятельность на безвозмездной основе.

Реализация программ и стратегий, опирающихся на приоритеты концепции, обеспечила достижение позитивной динамики по целому ряду направлений.

Например, в докладе Комиссии по устойчивому развитию, опубликованном в январе 2013 г., указывается, что с 2009 г. наблюдается тенденция к снижению использования частного автотранспорта и увеличению доли передвижений, осуществляемых пешком либо на велосипеде [6, с. 9].

В соответствии с материалами отчета Департамента транспорта Администрации Большого Лондона, доля домовладений, имеющих частный автотранспорт, также сократилась. Так, в 2008–2009 гг. 42% домовладений в столице Великобритании не имело ни одного автомобиля; 44% имело один автомобиль. По данным за 2011–2012 гг., соотношение существенно изменилось – в указанные годы уже 46% домовладений не имело частного автотранспорта, в то время как один автомобиль был в собственности только у 40% домовладений [13, с. 2].

Объемы выброса углекислого газа (CO_2) на душу населения за несколько лет сократились на 13%, а в абсолютных объемах – на 11% [6, с. 9], что можно считать существенным прогрессом для самого большого города Европейского Союза, испытывающего стремительный рост численности населения.

Опыт столицы Великобритании демонстрирует конструктивный потенциал институционализации устойчивого развития на уровне региона. Данный подход может быть реализован и в субъектах Российской Федерации путем создания сходных координирующих подразделений при региональных администрациях.

Вместе с тем для достижения аналогичных результатов необходимым условием является включение в штат подразделений как представителей государственных и муниципальных органов, так и коммерческих и некоммерческих организаций при обязательном введении квот, обеспечивающих баланс интересов. Необходимо обеспечивать автономию руководства данных подразделений, свободу критики и выдвижения инициатив. Кроме того, важнейшую роль играет техническое оснащение данных подразделений, а также обеспечение принципа открытости и прозрачности их деятельности.

Соблюдение указанных требований позволит создать институциональную основу реализации новой парадигмы развития регионов, что будет способствовать объединению разнородных приоритетов региональных стратегий и программ в рамках единой концепции развития, обеспечив скоординированное и комплексное решение проблем, стоящих на пути устойчивого развития субъектов Российской Федерации.

Список литературы

[1] Указ Президента Российской Федерации *«О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»* от 1 апреля 1996 г. № 440 // СЗ РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

[2] Ежегодный конкурс на соискание общественной премии *«Регионы – устойчивое развитие»* [Официальный сайт]. URL: http://infra-konkurs.ru/ (дата обращения: 20.05.2016).

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. N 98-р // СЗ РФ. 2015. № 5. Ст. 866.

[4] A Sustainable Development Framework for London // London Sustainable Development Commission [Official Site]. URL: http://www.londonsdc.org/documents/lsdc_framework.pdf. (дата обращения: 20.05.2016).

[5] Monitoring // London Sustainable Development Commission [Official Site]. URL: http://www.londonsdc.org/sustainable_development/monitoring.aspx. (дата обращения: 20.05.2016).

[6] London's Quality of Life Indicators. Part I Summary. 2012 Report. URL: http://www.londonsdc.org/documents/research/LSDC_QoLindicators_2012_Summary.pdf. (дата обращения: 20.05.2016).

[7] London Leaders // London Sustainable Development Commission [Official Site]. URL: http://www.londonsdc.org/londonleaders/. (дата обращения: 20.05.2016)

[8] Terms of Reference // London Sustainable Development Commission [Official Site]. URL: http://www.londonsdc.org/documents/register_of_interest/Terms%20of%20Reference%20Feb07.pdf. (дата обращения: 20.05.2016).

[9] LSDC Commentary // London Sustainable Development Commission [Official Site]. URL: http://www.londonsdc.org/lsdc/lsdc_commentary.aspx. (дата обращения: 20.05.2016).

[10] The London Plan, The Spatial Development Strategy for London. URL: http://www.london.gov.uk/sites/default/files/London%20Plan%20March%202015%20%28FALP%29.pdf. (дата обращения: 20.05.2016).

[11] About the LSDC // London Sustainable Development Commission [Official Site]. URL: http://www.londonsdc.org/lsdc/default.aspx. (дата обращения: 20.05.2016).

[12] Expenditure by the Sustainable Development team for 2014/15. URL: http://www.london.gov.uk/sites/default/files/ADD199%20SD%20Team%20Budget%202014–15%20%28signed%29%20PDF.pdf. (дата обращения: 20.05.2016).

[13] Roads Task Force – Technical Note 12. How many cars are there in London and who owns them? URL: http://www.tfl.gov.uk/cdn/static/cms/documents/technical-note-12-how-many-cars-are-there-in-london.pdf. (дата обращения: 20.05.2016).

ФОРМАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Царенко А.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье рассматривается связь успешной реализации стратегии устойчивого развития на микроуровне (уровне организации) с тенденцией формализации процессов и процедур управления изменениями, улучшениями и развитием организации, созданием штатных должностей специалистов в сфере управления изменениями, разработкой профильных программ в сфере управленческого образования, нацеленных на формирование компетенций в организационной динамике.*

Термин *«устойчивое развитие»* был введен в широкое употребление Международной комиссией по окружающей среде и развитию (Комиссия Брунтланд) в 1987 году [6]. В качестве основного приоритета государственной политики устойчивое развитие было предложено в рамках Конференции ООН по вопросам окружающей среды и развития в 1992 г. Под устойчивым понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Цель стратегии устойчивого развития, улучшение качества жизни людей по следующим направлениям: социально-экономическое обеспечение, экологически благоприятная среда для жизни, безопасность жизнедеятельности и здравоохранение. Иногда его трактуют как всесторонне сбалансированное развитие [12]. Оно охватывает как макро, так и микроуровень, поскольку каждый хозяйствующий субъект – организация– вносит свой вклад в устойчивое развитие государства и общества в целом.

Как отмечается, *«на пути обеспечения устойчивого инновационного развития остается много нерешенных проблем, связанных с... кризисным состоянием экономики, застарелостью техники и технологий, что, в свою очередь, вызывает «деградацию»* окружающей среды, низкое качество и высокую себестоимость продукции, непомерно большие материальные и энергетические расходы, потерю инвестиционной привлекательности территории» [там же].

Важно отметить, что, по мнению Х.Н. Гизатуллина, В.А. Троицкого [6] *«развитие же подразумевает качественные усовершенствования в структуре, конструкции и композиции физических объемов и потоков. Потенциал экономического прогресса, базирующегося на устойчивом развитии, предполагает качественные усовершенствования большие, чем экономический рост, основанный только на увеличении количественных показателей»*. Важна ориентация на инновации качества, при этом последнее должно оцениваться сквозь призму удов-

* *Царенко Андрей Сергеевич*, к.э.н, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

летворённости запросов широкого круга заинтересованных лиц относительно результатов деятельности организации.

Недостаточно эффективные с точки зрения устойчивого развития системы управления предприятий и учреждений могут быть усовершенствованы путём внедрения программ менеджмента качества и экологического менеджмента, включая сертификацию на соответствующие стандарты ИСО (серии 9000 и 14000), бережливых технологий (например, модель *«Lean and green»*), организационного развития (OD) и т.п.

Реализация упомянутых мероприятий предполагает организационные изменения, фокус на формировании компетенций управленцев, связанных с устойчивому состоянию», подготовке специалистов, способных трансформировать, например, систему производственного предприятия таким образом, чтобы оно отвечало одновременно современным требованиям экономической и экологической и социальной эффективности.

Изменения в организации, в том числе с учётом ориентации на концепцию устойчивого развития, стали непременным атрибутом организационной жизни. Они на сегодня – регулярны, управление ими рутинизируется. Тенденция формализации управления организационными изменениями начала проявляться в начале 2000-х годов. Уже в 2005 Г.Р. Гай (Guy) и К.В. Биман (Beaman) [4, с. 5] отмечали, что примерно в 2/3 исследованных ими компаний либо частично (54%), либо полностью (19%) формализовали процесс управления изменениями, при этом 82% респондентов считали управление изменениями приоритетом компании.

Институционализация осуществлялась различными путями. Во многих организациях появилась функция по управлению изменениями, разрабатывались техники и инструменты для планирования и реализации перемен, методы коммуникаций для поддержки изменений, во многих компаниях произошла управляемая переориентация культуры в сторону гибкости – создана культура, поддерживающая инновации [4, с. 9]. ***В некоторых организациях разрабатывалась*** внутрикорпоративная документация, регулирующая процесс трансформаций – так называемые *«политики и процедуры изменений»*, включающие формализованные требования к описанию инициативы изменения [11].

Примечательно, что когда в 2010 году в рамках Международной инициативы GAPPS был разработан и представлен *«Стандарт оценки практической компетентности менеджеров программ»* (*«A Framework for Performance Based Competency Standards for Program Managers»*), в числе компетенций была и такая, как *«управлять организационными изменениями»* (*«Manage Organizational Change»*) [7].

В обзоре 2016 года *«Тенденции рынка труда в сфере управления изменениями»* компании Prosci отмечается растущий спрос на специалистов в сфере управления изменениями [3]. Всё большее число организаций создают штатные должности –постоянные рабочие места для подобных специалистов. Как называются должности, связанные с управлением изменениями? Это, например: директор по управлению изменениями (Director, Change management), специалист по управлению изменениями (Change management specialist), аналитик по изменениям (Change analyst), консультант по управлению изменениями (Change management consultant), менеджер по изменениям (Change manager), аналитик по управлению

изменениями (Change management analyst), менеджер по управлению организационными изменениями (Manager – organizational change management).

Собственно, немного статистики. В исследовании Prosci было выявлено, что более, чем в половине участвовавших в опросе организаций имелись штатные должности или должностные роли по управлению изменениями. Для большинства из этих организаций эти роли являлись новыми или созданными несколько лет назад. Таким образом распределились ответы на вопрос *«Есть ли в Вашей организации штатные должности по управлению изменениями?»*: в 2013 году – 43%, 2014 – 52%, 2015 – 53%. И на вопрос: *«Насколько давно были созданы эти должности?»*: менее года назад – 17%, от 1 года до 3-х лет – 40%, от 3-х лет до 6 лет – 27%, более 6 лет – 16%. Относительно сферы деятельности организаций, в которых подобные должности создаются: банковская деятельность – 84%, транспорт и логистика – 75%, производство потребительских товаров – 73%, коммунальное хозяйство – 70%, нефтегазовая сфера – 67%, страхование – 66%, финансовые услуги – 64%.

При этом, чем крупнее организация, тем больше вероятность того, что в ней созданы должности по управлению изменениями. Данные свидетельствуют о том, что должности по управлению изменениями присутствуют, как правило, в более зрелых (с точки зрения системы управления) организациях.

Таблица 1.

Модель зрелости Управления организационными изменениями компании Prosci

уровень	*характеристика*	*% организаций, имеющих штатные должности по управлению изменениями (все – 53%)*
Уровень 5	Организационная компетентность управления изменениями	76
Уровень 4	Организационные стандарты управления изменениями	76
Уровень 3	Мульти (множественные) проекты по управлению изменениями (Программный подход)	66
Уровень 2	Отдельные проекты по управлению изменениями	41
Уровень 1	*«Ad hoc»* Случайный характер или деятельность по управлению изменениями отсутствует	23

Источник: [3].

Практический интерес представляет также и то, в рамках каких подразделений организаций созданы профильные должности. С большей вероятностью их можно найти в рамках офиса управления проектами (PMO) или управления человеческими ресурсами (HR). 66% процентов исследованных компаний

имеют такие должности или должностные обязанности в рамках только одного подразделения.

Перенося фокус вовне, заметим, что существует ряд международных и локальных ассоциаций и профессиональных объединений в области управления изменениями, которые занимаются продвижением и развитием этой дисциплины по всему миру, и содействуют профессиональному развитию специалистов в этой области (См. таблица 2).

Важным вопросом также является содержание компетенций специалиста в сфере управления изменениями. Что он должен знать, какими навыками, умениями, способностями искусно владеть профессионал в этой сфере? У.Б. Рауз (Rouse) [5], опираясь на огромный массив литературы по организационным изменениям, пишет о том, что перечень необходимых для преобразования предприятия компетенций должен соотноситься с десятью шагами перемен: 1) стимулировать потребность в переменах; 2) выявлять изъяны в ценности; 3) обозначать изъяны на основе картирования деловых процессов; 4) проводить (ре)дизайн деловых процессов; 5) оценивать требуемые инвестиции; 6) принимать решения и содействовать их выполнению, 7) реализовывать план действий и обеспечивать коммуникации в рамках внедрения изменений; 8) контролировать и адаптировать план реализации; 9) институционализировать произошедшие изменения и 10) формировать способности меняться.

В упомянутом обзоре рынка труда [3, с.7] отмечено шесть основных зон ответственности специалиста в сфере управления изменениями: а) поддержка управления изменениями на организационном уровне; б) применение структурированной методологии и проведение мероприятий по управлению изменениями; в) поддержка коммуникации; г) поддержка обучения; д) развитие навыков межличностного общения; е) накопление опыта проведения изменений.

На российском портале *«Умное образование»* (*«Smart Education»*) отмечается, что *«существует немало библиотек и сводов компетенций, связанных с управлением изменениями, более того, подобные компетенции всегда включаются в библиотеки компетенций руководителей разного уровня, так как управление изменениями давно уже считается неотъемлемой частью успешного менеджмента»* [9]. Важнейшие компетенции подобного рода: 1) составление стратегического плана изменений; выявление соответствующих организационных потребностей; 2) тактическое планирование организационных изменений; 3) проведение изменений; 4) руководство изменениями; 5) лидерство в организации, в своей зоне ответственности; 6) информирование и распространение знаний об изменениях; 7) поддержка и развитие коммуникаций со всеми вовлеченными в процесс изменений сторонами; 8) выявление потребностей организации в обучение и развитие, и вовлечение сотрудников в обучение; 9) поддержка и развитие организационной культуры; 10) развитие персональных сетей, поиск *«агентов изменений»*; 11) содействие появлению инноваций в организации и в своей зоне ответственности; 12) повышение организационной производительности, предоставление сотрудникам соответствующей поддержки; 13) оценка эффективности проведенных изменений.

Таблица 2.

Управление изменениями – профессиональные объединения и ассоциации

ACMP – Association of Change Management ProfessionalsАссоциация специалистов по управлению изменениями	Крупнейшее международное объединение профессионалов в области управления изменениями. Обеспечивает непрерывное обучение и образование своих членов, проводит тематические мероприятия, профессиональную аккредитацию специалистов, предоставляет площадку для обмена экспертными знаниями и развития профессиональных сообществ.	http://www.acmp.info/index.asp
Change Management Learning Center (Prosci)	Учебный центр по управлению изменениями/ Проводит обучение и сертификации в области управления изменениями, вебинары; предоставляет доступ ко множеству специализированных материалов. Ведет исследования, проводит бенчмаркинг.	http://www.change-management.com
Ассоциация менеджеров по управлению изменениями и развитию бизнеса АМУИР	Некоммерческая организация, деятельность которой направлена на развитие методик управления изменениями в компаниях, представленных на российском рынке, а также активное привлечение международного опыта и адаптацию его к российским реалиям. 2.Площадка для общения, объединяющая мыслящих профессионалов-управленцев в России и по всему миру, интересующихся процессами управления изменениями и развития как собственного бизнеса, так и экономики в целом. 3.Образовательная и исследовательская среда для профессионалов по управлению изменениями.	http://change-russia.com/about
Association of Business Process Management Professionals Ассоциация специалистов по управлению бизнес-процессами	Сертификации и обучение в области управления бизнес-процессами (по стандарту BPM CBOK – Business Process Management Body of Knowledge). Отделения действуют в Америке и некоторых странах Европы.	http://www.abpmp.org

Источник: составлено на основе [9].

В тренинговой компании *«Движение»* в привязке к модели 3-х стадий К. Левина разработан перечень знаний и навыков специалистов в зависимости от их категории полномочий (См. таблица 3) [8].

Таблица 3.

Меню знаний и навыков в рамках темы «Управление изменениями» тренинговой компании «Движение»

Стадия реализации изменений	**Категория персонала А – достаточные полномочия для инициации и внедрения изменений**	**Категория персонала В – достаточно полномочий для поддержки, сопровождения и корректировки изменений**	**Категория персонала С – отсутствие полномочий позволяющих управлять изменениями**
Подготовка (Разморозка)	✓ навыки диагностики готовности организации к изменениям ✓ навыки проектирования изменений ✓ навыки построения коммуникативных стратегий в изменениях ✓ навыки формирования коалиции сторонников изменений ✓ навыки подбора команды агентов изменений ✓ навыки трансляции видения предстоящих изменений ✓ навыки поиска ресурсов для изменений	✓ навыки формирования коалиции сторонников изменений ✓ навыки анализа заинтересованных сторон проекта изменений ✓ навыки планирования коммуникаций по проекту	
Реализации изменений (Изменения)	✓ сценирование изменений: понимание алгоритма изменений ✓ навыки преодоления сопротивления на уровне команды ✓ навыки преодоления сопротивления в индивидуальном взаимодействии ✓ навыки разрешения конфликтов, связанных с реализацией изменений ✓ навыки самомотивации в процессе изменений	✓ сценирование изменений: понимание алгоритма изменений ✓ навыки трансляции изменений ✓ навыки преодоления сопротивления на уровне команды ✓ навыки преодоления сопротивления в индивидуальном взаимодействии ✓ навыки самомотивации в процессе изменений ✓ навыки коммуникаций с руководством (upward-leadership)	✓ навыки командной работы ✓ навыки самомотивации в процессе изменений ✓ навыки коммуникаций с руководством

Стадия реализации изменений	Категория персонала А – достаточные полномочия для инициации и внедрения изменений	Категория персонала В – достаточно полномочий для поддержки, сопровождения и корректировки изменений	Категория персонала С – отсутствие полномочий позволяющих управлять изменениями
Фиксация изменений (Заморозка)	✓ навыки оценки эффективности проекта изменений ✓ навыки интеграции результатов изменений в корпоративные ценности ✓ создание культуры изменений	✓ навыки совместного анализа проектного опыта	

Источник: Меню знаний и навыков [по управлению изменениями]. *Тренинговая компания «Движение». URL: http://motion.su/knowledge_db/nashi-issledovaniya/menyu-znanij-i-navykov/* (*20.06.2016*)

Ниже приведен шаблон должностной инструкции для роли специалиста по управлению изменениями, разрабатываемый с 2010 года американской компанией Prosci, которая связь с компетенциями проектного менеджера [2].

Врезка 1.

Шаблон должностной инструкции для роли специалиста по управлению изменениями

Описание должности:

Специалист по управлению изменениями играет ключевую роль в обеспечении поддержки проектов (инициатив изменений) для достижения целей бизнеса, соблюдения сроков график и бюджетов проектов. Этот сотрудник будет сфокусирован на социальных аспектах изменений (*«человеческой стороне перемен»*, в случае изменений в бизнес-процессах, системах и технологиях, должностных обязанностях и организационных структурах. Основное внимание будет уделяться созданию и внедрению планов управления преобразованиями, которые должны свести к минимуму сопротивление персонала изменениям и обеспечить максимальное вовлечение сотрудников в проект преобразований. Специалист по управлению изменениями будет работать, чтобы ускорить принятие изменений, увеличить конечные выгоды и осведомлённость об изменениях, затрагивающих сотрудников в организации, таких, чтобы были достигнуты планируемые результаты в бизнесе.

Сфера контроля

У специалиста по управлению изменениями нет линейных полномочий. Специалист по управлению преобразованиями будет выступать в качестве тренера/коуча для руководителей высшего звена и среднего звена, помогая им исполнить роли спонсора изменений. Специалист по управлению изменениями также обеспечивает поддержку проектных команд по интеграции деятельности по управлению изменениями в план проекта. Наконец, специалист по управлению изменениями может оказывать прямую поддержку и проводить коучинг менеджеров и руководителей локального уровня, когда они помогать своим подчиненным осуществлять трансформацию.

Роли и обязанности:

- Применение структурированного подхода к управлению изменениями и методологии для управления социальными аспектами изменения.
- Разработка стратегии управления изменениями при осознании ситуации, идентификации групп, на которые влияют изменения.
- Выявление потенциальных рисков, связанных с *«человеческой стороной перемен»* и ожидаемым сопротивлением со стороны персонала, и разработка конкретных планов для смягчения или разрешения проблем.
- Проведение оценки готовности организации к изменениям, оценка результатов и представление выводов в логической и простой для понимания форме.
- Разработка комплекса действенных и целевых планов по управлению изменениями, включая план коммуникаций, *«Дорожную карту»* для спонсора изменений, план коучинга, план обучения и план управления сопротивлением.
- Поддержка выполнения планов менеджерами, непосредственно взаимодействующими с сотрудниками, и бизнес-лидерами.
- Работа в качестве тренера для менеджеров, являющихся спонсорами изменений.
- Создание и управление системами измерения для отслеживания принятия, использования и овладения изменениями на индивидуальном уровне.
- Определение проблем, связанных с сопротивлением и разработка корректирующих действий.
- Создание и внедрение механизмов подкрепления изменений и проведение мероприятий по празднованию достижений.
- Работа с проектными командами по интеграции деятельности по управлению изменениями в общий план проекта.
- Работа со специалистами по коммуникации, обучению, управлению персоналом и организационному развитию по разработке отдельных планов и мероприятий для поддержки осуществления основного проекта.

Навыки и квалификация:

- Твердое понимание того, как люди проходят через изменение и процесс трасформации; опыт применения модели с ADKAR считается преимуществом.
- Опыт и знания принципов и методологии управления изменениями (например: на основе прохождения Prosci сертификации)
- Знание подходов к управлению проектами, проектного и программного инструментария и этапов жизненного цикла проекта.
- Исключительные коммуникационные навыки – письменные и устные.
- Способность эффективно работать на всех уровнях в организации.
- Отличные навыки активного слушания.
- Навыки решение проблем и выявления причин их возникновения (владение инструментом *«Диаграмма Исикавы»*, *«5Why's+1h»* и т.п.).
- Развитые навыки анализа и принятия решений.
- Навыки командной работы и умение работать с людьми, посредством других реализовывать поставленные цели.
- Способность влиять на других и двигаться в направлении общего видения или цели.
- Опыт участия в крупномасштабных инициативах по организационным изменениям.
- Наличие профильной подготовки к должности специалиста по Управлению изменениями считается преимуществом (например, на основе программ Ассоциации профессионалов в области управления изменениями ACMP)
- Предыдущий опыт управления изменениями- преимущество.

Источник: по данным сайта Prosci.com, начиная с 2010 г.

Заметим, что описание компетенций приведённое представителями академической среды и практиками коррелирует.

Весьма важным является создание образовательных и сертификационных программы в сфере управлениями изменениями. На уже упомянутом портале *«Умное образование»* (Smart-edu.com) [9] приведён обзор программ сертификации в сфере управления изменениями. Созданы программы профессиональной сертификации специалистов в сфере управления изменениями а) международной ассоциации профессионалов в области управления изменениями ACMP (сертифицированного специалиста по управлению изменениями (Certified Change Management ProfessionalTM (CCMP)); б) центра обучения управлению изменениями компании Prosci (Change Management Learning Center); в) компании Changefirst по методологии PCI; г) APMG-International (ABPMP (Certified Business Process Professional)); д) IMA – Implementation Management Associates (на основе AIM – Accelerating Implementation Methodology).

Как отмечалось в прошлых статьях[11], программы подготовки в сфере управления изменениями – это программы обучения, направленного на формирование компетенций развития и оптимизации бизнеса могут быть как самостоятельные магистерские программы по управлению изменениями (см., например, программу *«Магистр наук в сфере управления изменениями»* на базе Дунайского университета Кремса в Австрии), так и значительно чаще – как модули, включённые в *«зонтичную программу»* по организационному развитию, менеджменту организации, управлению организационным поведением. При этом подчёркивалось сближение двух подходов – инженерного (технического, механического), направленного на повышение результативности и эффективности бизнеса и психологического – имеющего своей задачей решение вопросов человеческих проблем, возникающих в процессе трансформации. Любое изменение распадается на два составных компонента: проектирование содержания новой организационной системы и внедрение разработанной концепции в жизнь, они как бы отвечают на вопросы *«что?»* и *«как?»* менять. В хорошей программе подготовки учтены оба этих аспекта.

В числе высших учебных заведений, реализующих краткосрочные программы – Австралийская Высшая школа Менеджмента Университета Нового Южного Уэльса (Australian Graduate School of Management, The University of New South Wales), которая предлагает программу для подготовки эффективных агентов изменений (сертификат по управлению изменениями (Graduate Certificate* in Change Management (GCCM)), британские Уорикский Университет (Warwick University) и Шеффилдский университет (Sheffield University) из группы *«Рассел»* (входят в топ 100 международных рейтингов и топ 10 университетов Великобритании), где существуют курсы по организационным изменениям в рамках образовательных программ для бизнеса, в Германии – Гауфе-институт Высшей школы Бременхафен (Hochschule Bremerhaven), в Швейцарии Институт управления персоналом и организации Высшей школы Экономики

* A graduate certificate (GradCert, GCert, GradC) is a higher education qualification at the same level as a master's degree but more limited in scope, taking less time to complete – this might be a year, or as little as one term or semester.

Северо-западной Швейцарии (FHNW), Высшая школа Экономики Калаидос (Kalaidos Fachhochschule Wirtschaft AG), Институт коммуникаций и управления г. Люцерна (Institut für Kommunikation & Führung IKF Luzern).

Если говорить о российских программах, следует отметить профильное сертифицированное обучение в Открытой Школе Бизнеса (г. Санкт-Петербург), в Международном институте менеджмента ЛИНК (г. Москва), инициативы в рамках отечественной системы поддержки по обучению предпринимателей Московского центра развития предпринимательства, Национального делового партнерства *«Альянс Медиа»* (проект *«Системы дистанционного бизнес-образования»*).

Важность формирования профильных компетенций штатных сотрудников является условием успешной реализации проекта. Так, в статье *«Управление изменениями должно измениться»* Рон Ашкеназ (*Ashkenas*) [1] пишет о том, что в качестве признанной дисциплины, управления изменениями существует уже более полувека. Однако, несмотря на огромные инвестиции, которые компании сделали в инструменты, обучение, и тысячи книг (более 83 000 на Amazon), большинство исследований до сих пор показывают 60–70% отказов организационных изменений проектов – это показатель, который остается неизменным с 1970-х годов до настоящего времени. *«Приведённые факты заставляют задуматься, возможно ли, что все, что мы знаем об управлении изменениями это неправильно и что мы должны вернуться начать всё сначала?»* – пишет автор. – *«Мы должны отказаться от восьми шагов Дж. Коттера, модели Бланшара, и всего остального, что мы знаем о вовлечении, общении, «малых победах»* и всех остальных элементах системы управления изменениями?» ... *«Хотя то, что мы должны пересмотреть сами основы, может показаться похожим на правду, позвольте мне предложить альтернативное объяснение: содержание* [теории] *управления изменениями является вполне корректным, но управленческие способности* (*компетенции*) *реализовать его были до недавнего времени крайне слабо развиты. В самом деле, вместо развития способности руководителей управлять изменениями, мы разрешали менеджерам передавать управление изменениями на аутсорсинг HR-специалистам и консультантам, перекладывая с себя ответственность на других – подход, который как раз и не работает»*.

Очевидно, не каждая компания позволяет своим руководителям сорваться с крючка. Но если организация (или её часть) хочет эффективно осуществлять изменения, согласно эксперту необходимо ответить на следующие три вопроса:

1. Есть ли у неё общие модели, язык и набор инструментов для управления масштабными изменениями? При этом важно помнить, что существует множество инструментов, многие из них по сути идентичны, просто имеют разные наименования. Важно иметь единый набор определений, подходов, которые всем известны.
2. В какой мере планы организации по изменению интегрированы в общий план, а не рассматриваются особняком? Вызов состоит в том, чтобы сделать управление изменениями неотъемлемой частью бизнес-плана, а не рассматривать как *«дополнительную опцию/надстройку»*.

3. Кто несет ответственность за эффективное управление изменениями в организации: менеджеры или *«эксперты»* (внутренние или внешние)? Если менеджеры организации не несут ответственность за то, чтобы изменения происходили систематически и строго в соответствии с планом – и их за определенное поведение не вознаграждают или наказывают – они не будут развивать свои навыки.

Автор снова подчёркивает важность внутренней рутинизации, формализации и стандартизации функций по управлению изменениями, развитием организации.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что реализация стратегии устойчивого развития на микроуровне предполагает необходимость формирования компетенций по развитию системы менеджмента, управление организацией как сложной открытой динамической системой при учёте экономического, социального и экологического параметров её деятельности. Эта сложная задача требует продуманного подхода, формализации функций управления изменениями, обучения и развитие сотрудников в рамках профильных программ с последующей сертификацией, введение должностей внутренних экспертов, штатных сотрудников, работающих на постоянной основе, владеющих соответствующей актуальной методологией и выступающих в роли координаторов, консультантов и наставников, тренеров в отношении остальных участников проектов изменений. Чтобы достичь *«устойчивой»* эффективности отмеченные *«динамические компетенции»* должны стать ключевыми компетенциями менеджеров организации. Соответствующая образовательная, научная и консалтинговая инфраструктура для решения этих задач уже создана.

Список литературы

[1] *Ashkenas R.* Change Management Needs to Change // HBR. April 16, 2013. URL: https://hbr.org/2013/04/change-management-needs-to-cha?cm_sp=Article-_-Links-_-Top%20of%20Page%20Recirculation. (дата обращения: 20.05.2016)

[2] Change Management Job Description. Prosci. USA. URL https://www.prosci.com/change-management/thought-leadership-library/change-management-job-description?utm_source=tutorial-job-roles-mod5&utm_medium=redirect&utm_campaign=cm (дата обращения: 20.05.2016)

[3] *Creasy T.* Change management job market trends. Prosci. USA. 2016.

[4] *Guy G.R., Beaman K.V.* Effecting change in business enterprises. 2005. – P. 5. –www.accenture.com/NR/rdonlyres/5D46E174-D1D8–409E-A26C-6131007EB349/0/R137105ES1.pdf. (дата обращения: 20.05.2016)

[5] *Rouse W. B.* Necessary Competencies for Transforming an Enterprise // Journal of Enterprise Transformation, 2011. 1:1. P. 71–92.

[6] *Гизатуллин Х.Н.*, Троицкий *В.А.* Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность http://ecsocman.hse.ru/data/630/117/1218/012Gizatullin.pdf (дата обращения: 20.05.2016)

[7] *Дмитриев К.*, *Филимонов А.* Стандарты по компетенциям в области управления проектами. URL: http://iteam.ru/publications/project/section_39/article_4548 (дата обращения: 20.05.2016)

[8] Меню знаний и навыков [по управлению изменениями]. Тренинговая компания *«Движение»*. URL: http://motion.su/knowledge_db/nashi-issledovaniya/menyu-znanij-i-navykov/ (дата обращения: 20.05.2016)

[9] Управление изменениями. Smart Education. URL: http://www.smart-edu.com/change-management-learning.html (дата обращения: 20.06.2016).

[10] *Царенко А.С.* Внутриорганизационное регулирование преобразований: институты, политика и процедуры // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. № 12. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/12_2007_Tsarenko.html. (дата обращения: 20.06.2016).

[11] *Царенко А.С.* Формирование компетенций в сфере управления изменениями как фактор интенсификации развития малых и средних инновационных фирм // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 48–57.

[12] *Чикаренко И.А.* Оценка результативности управления устойчивым инновационным развитием территории // Ars Administrandi (Искусство управления) Научный журнал 2013.N 4. С. 17–29. URL: http://ars-administrandi.com/journal/ArsAdministrandi2013_4.pdf (дата обращения: 20.06.2016).

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Беляева Г.Ф.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье кратко рассматривается история идеи устойчивого развития, показано, что научная идеология и само понятие устойчивого развития первоначально применялись к отдельно взятой экономической отрасли, а затем стали распространяться на другие сферы человеческой деятельности и на общество в целом. Гендерные проблемы в контексте устойчивого развития стали рассматриваться только в начале XXI века. В статье делается вывод о том, что само существование гендерного разрыва является препятствием для осуществления на практике идеи устойчивого развития общества.*

История идеи устойчивого развития показывает, что в течение длительного времени она касалась лишь отдельных экосистем. Что же касается субъектов природоохранной деятельности, то ими выступали власти, организации или собственники земель и угодий. Идея взаимодействия общества и природы родилась давно, можно проследить ее возникновение в древнем мире. Аристотель в работе *«Политика»*, изложив начала социальной, политической философии и теории управления, связал условия существования идеального государства, которое должно заботиться о лучшей жизни своих граждан, с внешними условиями. К ним он относил, в первую очередь, численность населения и территорию, поскольку они прямо связаны с возможностью иметь для жизни все необходимое и возможностью защиты государства от внешних врагов. Уже в Древней Греции и Древнем Китае земледелие привело к упадку плодородия почвы и уничтожению лесов, но в древности эти экологические бедствия легко преодолевались с помощью захвата новых земель.

Мечты о справедливом государстве воплотились в работах известных утопистов Томаса Мора *«Утопия»* (1516 г.) и появившейся через сто лет работе Томмазо Кампанеллы *«Город Солнца»* (1623 г.), а вслед за ними в целом ряде других утопий. В утопиях описываются более справедливые, чем существующие, государственные устройства, однако проблема взаимоотношения общества и природы не рассматривается.

В XVII веке английский ученый Джон Ивлин (1620–1706) впервые обратил внимание на то, что леса в Англии исчезают и их необходимо высаживать заново. В 1664 г. вышла его книга *«Лес: дискурс о лесных деревьях и воспроизводстве древесины в доминионах Его Величества»* [8, с.2]. Благодаря этой книге

* *Беляева Галина Федоровна*, к.ф.н., заслуженный научный сотрудник Московского университета, старший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет государственного управления.

в Великобритании землевладельцами началась массовая высадка деревьев. Кроме того, Джон Ивлин впервые описал проблему загрязнения воздуха в Лондоне, но его предложения не были воплощены в жизнь. В ХУШ веке в Европе началась индустриализация. В Германии, Австрии, Швейцарии, Португалии, Испании, Швеции древесина была востребована в горном деле, в кораблестроении, для бытовых нужд, вырубка лесов была необходима для расширения пахотных земель. В результате леса были уничтожены на значительных территориях, а спрос на древесину продолжал увеличиваться. В Германии Ганс Карл фон Карловиц (1645–1714), основатель научного лесоводства, доказал необходимость устойчивого типа лесопользования: люди не должны рубить больше древесины, чем вырастает. В его книге, вышедшей в 1713 году, *«Экономика лесного хозяйства: руководство по выращиванию дикорастущих деревьев»* впервые в немецкой научной литературе был применен термин *«устойчивое развитие»* для лесного хозяйства [8, с. 3]. Таким образом, научная идеология и само понятие устойчивого развития возникли 300 лет тому назад применительно к определенной экономической отрасли – лесному хозяйству. Ганс Карл фон Карловиц доказывал, что бороться с деградацией и исчезновением лесных ресурсов надо путем сохранения, выращивания и использования древесины непрерывным и устойчивым способом. Труд Карловица внес существенный вклад в понимание взаимоотношений общества и природы и не утратил своего значения по сегодняшний день.

Промышленная революция во второй половине ХУШ века привела к появлению машинного производства благодаря использованию энергии воды и пара. Рост производительности труда и увеличение производственных возможностей привели к представлению о возможности неограниченного экономического роста и развитию человечества. Однако эта идея была поставлена под сомнение английским священником, ученым, демографом и экономистом Томасом Робертом Мальтусом (1766–1834), автором *«закона о народонаселении»*. В работе *«Эссе о принципах народонаселения»* [5] он высказал гипотезу о том, что численность населения растет в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания и средств к существованию – в арифметической. Мальтус рассматривал проблему перенаселения на примере Великобритании. Сохранение прежних темпов увеличения народонаселения неминуемо приведет к массовому голоду, гибели людей и войнам. В работе Т. Мальтуса было много ошибочных суждений и неверных расчетов, ее резко критиковали, и хотя были и сторонники его взглядов, она не была оценена по заслугам. Фактически Т.Мальтус прямо указал на взаимозависимость развития человеческого общества и природы, ресурсы которой ограничены. Можно сказать, что в работе Т.Мальтуса сделан существенный шаг вперед по сравнению с предыдущим периодом, поскольку он, в отличие от Джона Ивлина и Ганса Карла фон Карловица, впервые показал, что бездумное отношение к природным ресурсам может привести к гибели людей. По мнению Т.Мальтуса, поскольку ограничены ресурсы среды обитания, постольку не может быть ни экономического неограниченного роста, ни такого же демографического. Эта проблема остается актуальной и в настоящее время, несмотря на то, что человек научился регулировать рождаемость, а технический прогресс пока решает проблему производства питания и средств к жизни достаточно эффективно.

Идейная эволюция, привлекающая внимание к сложнейшим проблемам взаимодействия общества и природы, продолжалась в XIX веке. Идея взаимосвязи социальных и экономических проблем с окружающим миром, средой обитания людей продолжала волновать мыслителей и реформаторов, но чаще всего они брались не за решение вопросов взаимодействия с природой в целом, а занимались вполне обозримыми, определенными вопросами, актуальными для страны в данный момент времени. Таким реформатором был Эдвин Чедвик (1800–1890), создатель общественного здравоохранения в Великобритании. Долгое время его ненавидели в своей стране за то, что его идеи о путях решения социальных проблем, связанных с заболеваемостью, смертностью, нищетой, коррупцией и т.д., фактически требовали изменения общественного и индивидуального сознания людей. Смысл его превентивной идеи, направленной на предупреждение роста заболеваемости и смертности в Великобритании, а также на предупреждение эпидемий, заключался в том, что необходимо проводить вполне определенную социальную политику и создавать государственные структуры для борьбы с распространением заболеваний. Чедвик был убежден, что такая политика одновременно приведет к сокращению нищеты. Его взгляды повлияли на возникновение городской инфраструктуры, которая стала заниматься утилизацией мусора, канализацией, мытьем улиц и т.д., то есть, бороться с антисанитарными условиями жизни в английских городах. Благодаря упорной борьбе Чедвика в 1848 г. в Великобритании был принят Закон об общественном здравоохранении [7]. Создание системы здравоохранения в Великобритании и деятельность Э.Чедвика имеют всемирно-историческое значение, поскольку положили начало новой социальной политике во многих странах, направленной на стабильное развитие народонаселения страны. Именно деятельность Э.Чедвика, его личная человеческая убежденность, его смелость и непреклонность показали всему миру, что надо преодолевать сопротивление консервативной части общества гуманистическим идеям и способствовать их практическому воплощению, по мере сил изменяя общественное сознание.

Даже краткое знакомство с историей проблемы устойчивого развития показывает, что в течение длительного времени она касалась лишь отдельных экосистем. При этом в качестве субъекта природоохранной деятельности женская половина населения страны вообще не рассматривалась.

В конце 1920-х годов французским математиком, профессором Сорбонны Эдуардом Леруа впервые был применен термин *«ноосфера»*. Вместе со своим другом Пьером Тейяром де Шарденом, геологом, палеонтологом, католическим философом, Э.Леруа рассматривал эволюцию природы и жизни как творческое развитие, в основе которого лежит действующая мысль. Их взгляды основывались на лекциях и семинарах по геохимии Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), которые он проводил в 1922 г. и 1923 г. в Сорбонне. Понятие *«ноосфера»* стало основой учения академика В.И. Вернадского о ноосфере как новой стадии эволюции биосферы. Уже после смерти ученого в 1989 г. была издана книга *«Научная мысль как планетное явление»*, в которой собраны все материалы В.И. Вернадского о ноосфере, описывающие тесное взаимодействие человека и природы. Идея В.И. Вернадского заключалась в том, что новая геологическая сила в биосфере – научная мысль

человечества и научная работа – превращает ее в ноосферу. Отношение к идеям В.И. Вернадского было неоднозначным, поскольку они намного опережали свое время. Гораздо позднее стали понятными слова ученого о необходимости мыслить и действовать в планетарном масштабе, поскольку судьба планеты Земля и судьба человечества – это единая, неразделимая судьба. Единство биосферы и человечества, планетарный характер человеческой деятельности, соизмеримый с геологическими процессами Земли, развитие науки и технологий – путь создания ноосферы. В.И. Вернадский сформулировал 12 условий создания ноосферы в будущем.

1. «Заселение человеком всей планеты.
2. Резкое преобразование средств связи и обмена между разными странами.
3. Усиление связей, в том числе политических, между государствами Земли.
4. Преобладание геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере.
5. Расширение границ биосферы и выход в Космос.
6. Открытие новых источников энергии.
7. Равенство людей всех рас и религий.
8. Увеличение роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики.
9. Свобода научной мысли и научного искания от давления религиозных, философских и политических построений и создание в общественном и государственном строе условий, благоприятных для свободной научной мысли.
10. Подъем благосостояния трудящихся. Создание реальной возможности не допустить недоедания, голода, нищеты и ослабить влияние болезней.
11. Разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворять все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения.
12. Исключение войн из жизни человечества» [9, с.170].

В.И. Вернадский, разрабатывая учение о биосфере, внес огромный вклад в понимание глубинной взаимосвязи человечества, всех живых организмов и геохимических процессов Земли. Фактически, им был поставлен вопрос о том, что человечеству, которое является частью природы, воздействует на нее и заполняет ее продуктами своей жизнедеятельности, надо кардинально менять свой взгляд на природу и свое отношение к ней. Беря на себя ответственность за развитие биосферы в ноосферу, человек должен создавать новые социальные и экологические организации, основанные на идеях гуманизма, с целью сохранения природы и своего собственного будущего.

Разработанная В.И. Вернадским идея ноосферы легла в основу теории устойчивого развития общества, направленной на решение экологически целесообразного природопользования, выживания человечества на современном этапе и обеспечения жизнедеятельности будущих поколений.

Однако, несмотря на то, что в 20-м веке внимание ученых и экологических организаций привлечено к проблеме сохранения природы как среды обитания человека, в реальной жизни практически ничего не изменилось. Нагрузка на природные экосистемы продолжали увеличиваться. Вырубались леса в северных районах и средней полосе, уничтожались влажные тропические леса – *«легкие планеты»*, исчезли многие виды животных, птиц и рыб, мелели реки, исчезали болота, стремительно увеличивалось население, развивалась промышленность с токсичными отходами, строились атомные станции – влияние деятельности человека на окружающую среду становится чрезмерным, деградация биосферы выросла в глобальную проблему современности. И в начале XXI века люди продолжают вести хозяйство так же, как всегда, не обращая внимания на то, способна ли выдержать природа их новые потребности, которые могут привести к природной катастрофе.

В XX веке глобальными проблемами современности стали заниматься общественные организации. Одна из первых – Римский клуб, созданный в 1968 г. итальянским промышленником Аурелио Печчеи и генеральным директором по вопросам науки Организации экономического сотрудничества и развития Александром Кингом. Римский клуб объединил представителей мировой финансовой, политической и научной элиты, его цель – привлечь внимание людей всего мира к обостряющимся экологическим проблемам. В 1972 г. под руководством специалиста в области системной динамики Денниса Медоуза был подготовлен доклад *«Пределы роста»*. В основу доклада Денниса Медоуза легли экономико-математические компьютерные глобальные модели Джея Форрестера, в которых использовались пять параметров, влиявшие друг на друга: численность населения Земли, индустриализация, производство продуктов питания, объем природных ресурсов и загрязнение окружающей среды. Модели Форрестера *«Мир-1»* и *«Мир-2»* имитировали мировое развитие. На основе этих моделей Медоуз создал модель *«Мир-3»* и представил мрачный прогноз о том, что через 75 лет будут исчерпаны сырьевые ресурсы, и нехватка продовольствия станет катастрофической, то есть, человечество достигнет предела демографического и экономического развития. Этого не произойдет, если контролировать рост населения Земли и экономическое развитие, которое должно стать простым воспроизводством. Выводы доклада сформулированы в концепции *«нулевого роста»*. Доклад *«Пределы роста»* произвел сильное впечатление на мировую общественность, но вызвал критику среди ученых, считавших, что многие опасности, описанные в докладе, преувеличены. Но авторы доклада и их единомышленники были убеждены, что доклад достиг цели благодаря *«шоковой терапии»*, напугав мировую общественность и показав ей, что надо развиваться, осознавая, что бесконтрольный рост производства и потребления может привести к катастрофе.

Однако, как впоследствии писал академик Д.М. Гвишиани, А.Печчеи был несколько разочарован реакцией мировой общественности на доклад: *«Печчеи побывал в Вашингтоне, Токио, Оттаве, Москве, других столицах, и позже вспоминал: «...наши упорные скитания по свету не привели, по сути дела, ни к каким ощутимым результатам, как будто глобальные проблемы, к которым мы стре-*

мились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то далекой, иной планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба – при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнет на их интересы» [4]. Тем не менее, доклад оказал большое влияние на мировоззрение людей во многих странах и явился стимулом для формирования экоориентированной политики. Доклад *«Пределы роста»* внес свою заметную лепту в разработку концепции устойчивого развития общества. *«Из природопользования, где его применяли с явной ориентацией на локальные экосистемы, термин устойчивое развитие был перенесен в глобальную экологию»* [3, с. 8].

В 1992 году на Конференции Организации Объединенных наций в Рио-де-Жанейро представители 179 стран признали, что современный мир находится в кризисном, неустойчивом состоянии. Основной документ конференции – *«Повестка дня на XXI век»* [6] – признает, что человечество встало перед необходимостью перехода от неустойчивого развития к устойчивому развитию общества, к жизни в гармонии с природой. Цель человечества – сохранить окружающую среду, биологическое разнообразие животного и растительного мира, создать условия для преодоления голода, развития здравоохранения, для творческой деятельности людей. Достичь поставленной цели можно, если в работу по ее достижению внесут свой посильный вклад все представители человеческого сообщества – государственные и местные власти, неправительственные организации, трудящиеся и профсоюзы, мужчины, женщины, дети и молодежь. Впервые в официальном документе мирового значения были упомянуты женщины как равноправные партнеры деятельности, определяющей устойчивое развитие общества. Установка на равенство полов заставляет взглянуть на эту проблему с точки зрения практического воплощения в нашей стране действительного равноправия полов – равенства прав и возможностей для их реализации. Связаны ли между собой глобальная проблема устойчивого развития общества и гендерный паритет? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего надо уточнить само понятие устойчивого развития общества. Приведем точное и исчерпывающее определение, данное В.И. Даниловым-Данильяном: *«Устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества»* [3, с.10].

Гендерные исследования начали развиваться в России в качестве особой области социально-гуманитарных наук сравнительно недавно (с конца 1980-х годов). Понятие *«гендер»* ввел в науку американский психолог Р.Столлер в 1968 году для того, чтобы различать понятия *«биологический пол»* и *«социальный пол»* [10]. В соответствии с гендерной теорией, все социальные, экономические и политические процессы в обществе имеют гендерное измерение. Прежде всего, следует разобраться с основными понятиями, используемыми в гендерных исследованиях. Понятие *«гендер»* переводится на русский язык как *«социальный пол»*. Понятия *«биологический пол»* и *«гендер»* тесно связаны между собой. Но,

если первое указывает на анатомические и физиологические различия между мужчинами и женщинами, более всего очевидные в их роли в процессе воспроизводства потомства, то гендер определяет различия их социальных ролей и видов деятельности. Биологический пол – это творение природы, а гендер – творение определенной социальной системы, социальный конструкт, различный в разных человеческих обществах, но всегда жестко предписывающий модели общественного поведения мужчин и женщин.

Благодаря системам воспитания и обучения, разделению видов труда и профессий на мужские и женские, культурным ценностям, традициям, религиозным нормам и символам в обществе выстраиваются гендерная асимметрия видов труда и гендерная иерархия власти и управленческой деятельности на всех уровнях. Все это воспринимается человеком в процессе социализации и закрепляется в его сознании. Благодаря этому чаще всего члены общества, мужчины и женщины, сами становятся активными создателями гендера, гендерной идентификации, воспринимая и усваивая идеологию мужского и женского поведения той культурной традиции, в которой протекает их жизнь. Гендерные исследования противостоят биологическому детерминизму, который определяющими факторами поведения и социальных характеристик человека считает биологические природные факторы. Гендерный анализ ставит своей целью не только изучение социальных ролей, норм, ценностей и т.д., но и выяснение причин возникновения той или иной гендерной идеологии в определенном обществе в конкретный исторический период. Итогом гендерных исследований в идеале должны стать правовые нормы и государственные мероприятия, направленные на достижение гендерного паритета и на выравнивание гендерных диспропорций в экономической, социальной и политической сферах.

В ежегодных докладах ООН и Всемирного экономического форума по гендерному неравенству показано, что на сегодняшний день гендерного равенства не удалось достичь ни одной стране мира. Международные организации стали уделять исследованию гендерного неравенства пристальное внимание, поскольку было установлено, что существует прямая и сильная связь между конкурентоспособностью компаний и стран и гендерным неравенством. Можно ли говорить о полноценном устойчивом развитии мирового сообщества, когда внутри этого сообщества не преодолено социальное противоречие, сопутствующее ему на протяжении всего развития мировой цивилизации? Многочисленные исследования гендерных проблем заставляют сомневаться в позитивном ответе. Для примера приведем одно из таких исследований.

Международным банком реконструкции и развития – Всемирным банком в конце 90-х – начале 2000-х годов были проведены эмпирические исследования, показавшие, что гендерное неравенство приводит к большому числу негативных последствий, углубляющих неравномерность в развитии различных стран и регионов мира [1]. В таких условиях серьезно говорить о возможности перехода к устойчивому развитию мирового сообщества невозможно, не преодолев гендерного неравенства. Исследования, проведенные Всемирным банком, показали, что гендерный разрыв – малопродуктивное явление. В сфере здравоохранения оно приводит к следующим негативным последствиям: повы-

шает риск младенческой и детской смертности, поддерживает высокий уровень рождаемости при низком уровне жизни, снижает уровень иммунизации детей, увеличивает степень распространенности ВИЧ-инфекции и способствует падению спроса на медицинские услуги. В сфере экономики – ведет к потерям в производительности труда, снижает уровень образования детей и способствует росту упущенных возможностей как материнского, так и детского поколений, является источником потери в заработках женщин; воспроизводит неэффективное разделение труда в современной экономике; увеличивает коррумпированность государственных чиновников и в целом снижает экономический рост и конкурентоспособность производства. В сфере политики гендерное неравенство приводит к тому, что женщины слабо представлены в политическом представительстве большинства стран на всех уровнях. То же самое происходит в исполнительной власти и на всех уровнях принятия решений в экономических структурах. Таким образом, *«достижение гендерного равенства становится центральным моментом развития – его полноправной и самостоятельной целью»* [1, с.1].

Основные механизмы гендерной политики в России были изложены в документе *«Гендерная стратегия Российской Федерации»*, подготовленном Министерством труда и социального развития Российской Федерации в 2002 году [2]. Приведем их полностью.

1. «Укрепление демократических институтов, среди которых особое место должны занять институализированные формы гендерного мониторинга, контроля и управления, в том числе соответствующие службы в федеральных и региональных органах всех ветвей власти, а также специализированные консультационные и экспертные советы и комиссии по гендерной политике и/или по улучшению положения пола, права которого нарушаются. Эти и другие аналогичные им структуры должны рассматриваться как звенья национального механизма по реализации гендерной стратегии и обладать необходимыми юрисдикционными полномочиями для решения возникающих проблем и обеспечения взаимодействия заинтересованных государственных органов и неправительственных организаций.
2. Введение обязательной государственной гендерной экспертизы всех без исключения социально значимых планов и проектов: государственных, международных и корпоративных;
3. Развитие гендерной статистики, отслеживающей изменения в доходах, доступе к вакансиям, квалифицируемым как профессиональные, технические, административные и управленческие должности, связанные с принятием решений, а также распределение парламентских мест, занимаемых женщинами и мужчинами;
4. Существенное повышение уровня представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти, как на федеральном, так и на местном уровне;
5. Разработка и осуществление как общенациональных, так и региональных программ борьбы с бедностью и нищетой с установкой на скорейшее преодоление крайне опасной тенденции по феминизации бедности, а,

следовательно, детской нищеты и беспризорности. Эти явления обусловлены сохраняющейся сегрегацией в трудовой сфере, при которой в отраслях с традиционно сложившейся преимущественной занятостью женщин уровень оплаты труда всех работников, независимо от пола, на 30–50 процентов ниже, чем в отраслях, ориентированных на преимущественно мужскую занятость. В наиболее незащищенном положении находятся одинокие родители, среди которых женщины составляют подавляющую часть (94,6%), родители, имеющие малолетних детей и детей-инвалидов, жены военнослужащих, проживающие в военных городках, женщины старших возрастов.

6. Координация усилий государства и гражданского общества по введению и усилению гендерного контроля за процессом социальных и экономических изменений в интересах создания более справедливого социального и экономического порядка внутри страны и преодоления демографического кризиса;
7. Принятие эффективных мер по поддержке гендерного саморазвития с использованием индекса человеческого развития, рекомендованного Программой Развития ООН (UNDP) и позволяющего определить меру содействия этому процессу в России со стороны мирового сообщества на основании сопоставления жизненных ожиданий женщин и мужчин, их достижений в сфере образования и доходов;
8. Разработка и введение индикаторов, имеющих нормативную природу, но учитывающих менталитет населения, включая в их число индикаторы установок, средств и ресурсов, процесса и участия, а также индикаторы развития, фиксирующие промежуточные и окончательные результаты осуществления государственной гендерной политики;
9. Широкое использование в процессе стратегического планирования и прогнозирования системных показателей качества жизни, фиксирующих уровень гендерного партнерства, экологической и демографической устойчивости, а также все позитивные и негативные изменения в сфере здравоохранения, образования и занятости, которые могут измеряться количественными и качественными индикаторами.
10. Выделение финансовых и иных ресурсов на образование и профессиональную подготовку представителей коренных народов, их общин и семей в целях расширения возможностей самореализации для женщин и мужчин в интересах справедливого развития на национальном уровне».

Программа гендерной политики в РФ свидетельствует о понимании того, что улучшение жизни и повышение благосостояния женщин и детей во многом зависит от модели экономического развития, а политика устойчивого общественного развития, пренебрегающая интересами женщин и детей, обречена на неудачу. Более низкий, чем у мужчин, экономический и политический статус женской половины населения России является одной из причин снижения темпов экономического развития, что уже давно является доказанным фактом. Кроме того, он влияет на качество человеческого капитала в будущих поколе-

ниях, так как уровень образования и материальное положение детей в большей степени зависят от экономического положения матери. В свою очередь, человеческий капитал является важнейшим фактором развития науки и производства в стране, без чего невозможно ее устойчивое развитие. Гендерная политика России предусматривает радикальную трансформацию медленно меняющихся общественных структур на основе идеологии равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин. Аналогичные процессы происходят и в других странах. В результате в процессы устойчивого развития мирового сообщества должен быть включен трудовой, творческий, инновационный потенциал женского населения планеты.

Список литературы

[1] Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / Пер. с англ. М: Издательство *«Весь Мир»*, 2001.

[2] Гендерная стратегия Российской Федерации. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. М., 2002. – http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm (дата обращения: 20.04.2016).

[3] *Данилов-Данильян В.И.* Устойчивое развитие и нескончаемые дискуссии о нем. –http://ecology-science.com/pdf/2008/2008–1.pdf (дата обращения: 5.05.2016).

[4] Закрытый сектор: концепция *«органического роста»* – п.1 ч.25. – http://zlobnig-v-2.livejournal.com/162920.html (дата обращения: 26.04.2014).

[5] *Мальтус Т.Р.* Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск: Петроком, 1993.

[6] Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–4 июня 1992 года. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 (дата обращения: 28.04.2016).

[7] *Склярова Е.К.* Эдвин Чедвик: превентивная идея и общественное здравоохранение. – http://www.hses-online.ru/2010/02/07_00_09/06.pdf (дата обращения: 18.05.2014).

[8] *Шмитхюзен Ф.* (Швейцарский федеральный технологический институт). 300 лет практического применения концепции устойчивости в лесном хозяйстве//Устойчивое лесопользование. 2014. № 1. С. 2–8.

[9] *Яншина Ф.Т. Ноосфера В.*Вернадского: утопия или реальная перспектива // *«Общественные науки и современность»*. 1993. № 1. С. 163–173.

[10] *Stoller R.* Sex and gender. N.Y.: Science House, 1968.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ «РИСК-КОНЦЕПЦИЯ» КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РОССИИ

Кивва К.В.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Катастрофы природного и техногенного характера в последние годы обратили внимание исследователей на проблему оценки рисков планирования и управления, с которыми связаны наиболее масштабные ущербы в России. Переход от парадигмы «градостроительной безопасности» к парадигме «риск-концепции», в течение ближайшей перспективы, является необходимым условием предупреждения крупномасштабных региональных катастроф в нашей стране, чреватых негативными последствиями геополитического, экономического, социального и экологического характера. В статье сделаны предложения, направленные на повышение безопасности городов и городских поселений, в том числе за счёт совершенствования системы территориального управления и планирования градостроительной деятельности.*

«...мыслящий человек – мера всех вещей ... »

Пратагор (490–420 гг. до н.э.),
Вернадский В.И. (1863–1945)

В соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации [1] важной задачей градостроительства, как науки и практики, является обеспечение градостроительными методами комфортной и экологически безопасной среды жизнедеятельности, способствующей развитию личности, сохранению историко-культурного и природного наследия России.

Проблема градостроительной безопасности является сложной комплексной проблемой и одной *«из составляющих национальной безопасности нашего государства. Задача градостроительной безопасности, заключается, прежде всего, в формировании благоприятной среды жизнедеятельности людей* (*выделено нами*). *Эта проблема лежит в сфере взаимодействия цивилизации и культуры»* [2, стр. 6].

По В.Д. Оленькову: *«Безопасность – это не отсутствие опасности, а защита от неё, таким образом, предмет градостроительной безопасности, по мнению автора, защита населения, а также зданий, сооружений и природных объектов от неблагоприятных природных и техногенных воздействий. Задача градостроительной безопасности, заключается, прежде всего, в формировании благоприятной*

* *Кивва Константин Васильевич*, кандидат географических наук, Центральный научно-исследовательский и проектный институт Минстроя РФ, ведущий научный сотрудник.

среды жизнедеятельности людей» [3, с. 6]. Переход от парадигмы *«безопасности»* к парадигме *«риск-концепции»*, в течение ближайшей перспективы, по мнению ряда исследователей [4, 5], является необходимым условием предупреждения крупномасштабных катастроф в нашей стране.

Актуальность темы обусловлена наличием пробелов концептуального характера при оценке вклада группы факторов, в том числе и удалённых на десятки километров от городских поселений, кардинальным образом определяющих безопасность населения и бесперебойное функционирование основных систем жизнеобеспечения городов.

Под термином *«социально-экологическая* (*жизненная*) *среда»* понимается совокупность трех элементов: социально-культурного, хозяйственно-экономического и природно-экологического. Она формируется и развивается вследствие взаимодействия трех структурных частей системы жизнедеятельности общества: *«населения – хозяйства – территории»* (ее природно-ресурсного комплекса) на всех уровнях таксономии – от глобального до локального [6].

В основу данного исследования положены результаты анализа в рамках природно-экологических разделов Схем территориального планирования (далее – *«Схемы»* или СТП) Смоленской, Белгородской и Новосибирской областей, Алтайского края, Республик Алтай и Ингушетии. Эти Схемы были выполнены в научно-методическом центре *«Теринформ»* Центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству Российской академии архитектуры и строительных наук (ныне – ЦНИИП Минстроя РФ) при участии автора как ответственного исполнителя соответствующих разделов.

Цель Схем, как известно, заключается в создании предпосылок для повышения эффективности управления региональным развитием территорий, способствующего улучшению условий жизнедеятельности населения, оздоровлению социально-экологической среды и – в обеспечении устойчивого развития страны.

К сожалению, следует отметить, что Схемы, как и выводы всех без исключения экспертиз, носят рекомендательный характер и далеко не всегда принимаются во внимание при проектировании и сооружении реальных объектов и элементов инфраструктуры.

В результате наших исследований градостроительных *«риск-факторов»* на данном этапе выделены четыре группы: экологические, включая – градоэкологические, природные, природно-ресурсные и биосферные, санитарно-эпидемиологические и риски планирования и управления [5].

Катастрофы природного и техногенного характера в последние годы обратили внимание исследователей на проблему оценки рисков планирования и управления, с которыми связаны наиболее масштабные ущербы в России. При этом следует отметить, что наибольшие ущербы обычно связываются с отсутствием оценки совокупного воздействия ряда факторов, например, геоморфологических и рисков планирования и управления.

Крупной трагедией последних лет является наводнение в г. Крымске, унёсшее жизни десятков жителей. При прохождении летних паводков на малых

реках северо-западного склона Большого Кавказа в пределах Краснодарского края, в отдельные и не всегда многоводные годы, отмечается особенность, связанная с поступлением в русло значительных объёмов обломочного материала с бортов долин и притоков. Образовавшиеся запруды из неконсолидированного материала и упавших деревьев задерживают прохождение паводка на несколько часов. При прорыве запруд вал, в процессе движения, увеличивается в высоту до 1,5–2 м, заполняет долину и устремляется вниз по течению реки с большой скоростью. Спусковые механизмы обычно связывают с экстремальным переувлажнением склонов, микросейсмами и антропогенной деятельностью. Однако основным риск-фактором является количество и устойчивость рыхлых отложений на склонах бортов долины и её притоков. Для защиты г. Крымска от паводков, в качестве превентивных мер, сооружается система противопаводковых инженерных сооружений. Мониторинг мощности рыхлых отложений на склонах долины, их *«запасы»* и состояние нами рассматриваются также в качестве фактора снижающего риски опасных для населения процессов.

Риски, обусловленные геодинамическими процессами, существенно повышаются в случае градостроительного освоения территорий расположенных в пределах опускающихся блоков морских побережий, а также – при освоении под гидротехническое строительство речных долин, сформированных в пределах активных блокоразделов. Одной из таких территорий является интенсивно освоенная в результате формирования прибрежного кластера олимпиады в Сочи Имеретинская низменность. Ограниченные сроки строительства олимпийских объектов не позволили в полной мере учесть результаты изысканий, подтверждающие относительно высокие темпы опускания побережья в пределах низменности и соответственно более высокие темпы повышения уровня моря и подтопления территории. К сожалению, меры, предложенные строителями для нейтрализации отрицательных явлений, нельзя считать адекватными, поскольку в результате их реализации темпы опускания территории и связанные с ними негативные процессы (подтопление и заболачивание, разрушение берегов и берегозащитных сооружений) только усилятся.

Более четверти века в среднем течении р. Катунь, Республика Алтай, проводятся изыскания и подготовительные работы, обосновывающие сооружение одноимённой ГЭС. Все эти годы в основе противостояния сторонников и противников сооружения были достаточно аргументированные высокие экологические риски, прежде всего для многих тысяч жителей, проживающих в долинах Катуни и Оби. При анализе, в рамках природно-экологического раздела СТП Республики Алтай, ГИС-схемы *«Геодинамические условия»* [6] было установлено, что участок предполагаемого сооружения плотины ГЭС находится в зоне активного блокораздела, это заключение нами было рассмотрено в качестве ещё одного аргумента исключающего сооружение ГЭС в данном створе.

В отличие от техногенных рисков с летальными исходами и очевидными ущербами здоровью людей, при оценке градостроительных рисков большее значение имеет возможное снижение качества жизненной среды. Оценка комфортности жизненной среды и её сохранение для большей части поселений, включая крупные города и мегаполисы, в последние годы, является такой же,

если не более приоритетной задачей, чем обеспечение собственно градостроительной безопасности.

Современное градостроительное *«развитие – это не строительство зданий и не получение ренты с продажи новых квартир на месте бывших фабрик, это бережное восстановление потенциала свободной планировки – грандиозного парка жизни, культуры, науки, искусства, отдыха и работы»* [7, с. 464].

В последние годы наибольшее число чрезвычайных происшествий, в том числе с человеческими жертвами, связано наводнениями и лесными пожарами природного и природно-антропогенного генезиса. При этом имеется ряд процессов с продолжительными характерными временами, которые как факторы повышенного градостроительного риска не рассматриваются на предпроектном уровне исследований.

Как было отмечено выше, отсутствие анализа *«риск-факторов»* при реализации крупных народнохозяйственных проектов чревато негативными последствиями геополитического, экономического, социального и экологического характера. Такими *«Большая Москва»* и регулирование стока в бассейне р. Амур являются такими крупными проектами федерального или макрорегионального уровня. Крымскую (г. Крымск, Краснодарского края) и подобные ей трагедии можно предотвращать при анализе и учёте рисков планирования и управления [8].

Большая Москва. Актуальность исследования проблем обеспечения устойчивого экологически безопасного градостроительного развития Большой Москвы обусловлена следующими обстоятельствами.

1. Продолжающейся, в условиях современной России, деэкологизацией промышленного производства. Многие эксперты отмечают также деэкологизацию правоприменения в сфере реализации природоохранного законодательства, экологической политики и государственного управления в Российской Федерации [9]. Из документов определяющих государственную экологическую политику и практику правоприменения, в последние годы, выпал такой важный принцип как приоритет здоровья населения России [10]. Однако качество жизни и комфортность среды обитания по-прежнему определяется этим показателем.
2. Под давлением бизнес-сообщества фактически приостановлено действие Федерального закона *«Об экологической экспертизе»*, а проект Федерального закона *«Об экологической безопасности»*, прошедший три чтения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, был заблокирован (вето Президента России Б.Н. Ельцина) и не принят до сих пор.
3. В течение 2001–2006 г. г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным утверждены основные правоустанавливающие документы, направленные на оптимизацию природо- и ресурсопользования в России: *«Земельный кодекс»* – утверждён 25.10.2001г., *«Водный кодекс»* – 03.06.2006г. и *«Лесной кодекс»* – утверждён 04.12.2006г. Анализ этих документов выявил нарастающее от кодекса к кодексу влияние *«бизнес-сообщества»* страны с целью максимального отражения в них своих интересов. По оценке многочисленных экспертов горящие леса России летом 2010 года, следует рассматривать как экологическую катастрофу, обусловленную, в том чис-

ле реализацией положений *«Лесного кодекса»*. Арендаторы и собственники далеко не всегда являются ответственными менеджерами [11].

4. В Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства от 31.08.02 №1225-р, к числу основных факторов деградации природной среды России отнесены:
   - ослабление управленческих, прежде всего контрольных, функций государства в области природопользования и охраны окружающей среды;
   - высокая доля теневой экономики в использовании природных ресурсов;
   - низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения» [12, с. 3], включая лиц принимающих ответственные государственные решения в области экологической политики.

На рабочей встрече президента РФ Дмитрия Медведева с мэром Москвы Сергеем Собяниным и губернатором Московской области Борисом Громовым в июле 2011 года были озвучены предложения по изменению границ города Москвы с целью расширения его территории. Согласно проекту властей площадь столицы увеличится в 2,35 раза, со 107 тыс. до 251 тыс. га. Эта территория, с условным названием *«Москва +»*, расположена в пределах ближнего Подмосковья на юго-востоке от столицы. По мнению кураторов из Администрации Президента РФ и правительства города московская агломерация по внешним признакам схожа с зарубежными аналогами – парижской (регион Иль-де-Франс), лондонской и нью-йоркской агломерациями, а расширение территории Москвы в перспективе позволит преодолеть большую часть градостроительных проблем мегаполиса. При этом следует отметить, что положительный опыт Большого Парижа, Лондона или Нью-Йорка должен быть использован специалистами-градостроителями России в адаптированном для нашей страны виде.

В разделе *«Устойчивые поселения»* Повестки дня на XXI век, принятой конференцией *«Рио-92»*, отмечено: *«Для того чтобы уменьшить миграцию в большие города, правительства должны улучшить условия жизни в сельских районах и поощрять развитие городов среднего размера, предоставляющих рабочие места и жильё. Необходимо разумное управление чтобы предотвратить расширение городов за счёт сельскохозяйственных земель и районов с хрупкой экологией»* [13, с. 6–7].

Несмотря на наличие ряда похожих признаков парижского региона Иль-де-Франс и Большой Москвы, имеются и существенные отличия:

- стратегия градостроительного освоения территории Иль-де-Франс и планировочные решения разрабатывались при участии всех трёх уровней управления: государственного, регионального и муниципального. Кроме этого национальным правительством Франции и руководством региона совместно подготовлен и успешно реализуется рамочный план развития;
- в Иль-де-Франс на предпроектном уровне исследований основное внимание было сосредоточено на функционально-структурных решениях;
- в отличие от Большой Москвы в Иль-де-Франс эффективно работают механизмы контроля землеполь-зования.

В западной Европе аналогичные градостроительные проблемы преодолеваются при существенном вкладе населения, проживающего на территориях мегаполисов. Во всех мегаполисах и столичных регионах мира (metropolitan area) вопросы их развития и оздоровления социально-экологической обстановки были успешно решены лет 15–20 тому назад. Как заметил ведущий эксперт в области урбанистики и территориального развития, профессор Вячеслав Глазычев: *«Управление территориальным развитием Москвы отстало от современного мирового опыта во всём его многообразии, по меньшей мере, на два десятилетия»* [14, с. 56]. В случае игнорирования результатов исследований выполненных профессионалами-градостроителями России, это отставание может стать необратимым [15].

Нижнее Приамурье. В результате подготовки ГИС-схем градостроительных ограничений СТП обычно выделяются территории речных долин подверженные паводкам 1% и 5% обеспеченности. Эти территории в геоморфологическом отношении соответствуют высокой и низкой поймам рек. Границы низких пойм уверенно выделяются по картам 1:25000 и более крупных масштабов. Однако выделение границ высоких пойм часто требуют дополнительных исследований, что далеко не всегда удаётся сделать из-за ограниченных сроков выполнения проектов. Безопасное градостроительное освоение высоких пойм возможно в двух случаях: а) с учётом возможного, и не обязательно *«раз в 100 лет»*, затопления этих территорий и б) при уверенном зарегулировании стока системой гидротехнических сооружений с целью предотвращения катастроф при экстремальных значениях паводков в многоводные годы.

В Приамурье, для защиты от паводков, в конце прошлого века фактически были реализованы оба подхода: население, преимущественно коренных малочисленных народов Севера, было переселено на более высокие гипсометрические уровни рельефа, и – сформирована система водохранилищ, наиболее крупные из которых Буреинское и Зейское. К сожалению, к приходу большой воды в 2013 году оба водохранилища были заполнены в маловодные годы с целью гарантированного получения необходимого количества электроэнергии, а часть плотин малых водохранилищ была разрушена паводком.

Выводы. На заседании Правительства РФ 27 января сего года было принято решение о создании Межведомственной комиссии по разработке концепции и реализации проекта аппаратно-программного комплекса (далее – *«АПК»*) *«Безопасный город»*, ориентированной, прежде всего, на мониторинг и предупреждение опасных социальных процессов. Для повышения уровня градостроительной безопасности жизненной среды при реализации значимых проектов России, в том числе и проекта *«Большая Москва»* целесообразно предусмотреть разработку концепции и реализацию подсистемы АПК *«Безопасный и комфортный город»*.

Переход от парадигмы *«Градостроительная безопасность»* к парадигме *«Риск-концепция»*, в течение ближайшей перспективы, является необходимым условием предупреждения крупномасштабных региональных катастроф в нашей стране.

Преодоление последствий лесных пожаров 2010–2015 г. г. показало, что дефицит информации предпроектного уровня существенно сужает возможности федеральных и региональных властей в управлении территориями при

«форс-мажорных обстоятельствах» [16], Разработка проекта целостной Схемы, основанной на общих для всей страны принципах, с использованием методики оценки региональных риск-факторов, позволит:

- выйти на систему мер превентивного характера направленных на снижение остроты ситуации на региональном и – межрегиональном уровне;
- на предпроектной стадии исследований выявлять задачи направленные на повышение уровня градостроительной безопасности, комфортности и оздоровление социально-экологической (жизненной) среды России.
- более обосновано формулировать стратегические направления пространственного развития страны на перспективу, вплоть до 2025–2030 г.г.

Оценка состояния значимых для обеспечения безопасности территорий природо-хозяйственных объектов (плотин, водохранилищ, дамб) и их возвращение в систему государственного управления и регулирования является фактором снижения градостроительных рисков, а для водосборных бассейнов горных и предгорных территорий таким элементом является оценка и мониторинг состояния рыхлых отложений на склонах различной крутизны.

В соответствии с Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства от 31.08.02 №1225-р, необходимо:

- усилить управленческие, прежде всего контрольные, функции государства в области природопользования и охраны окружающей среды;
- уменьшить долю теневой экономики в использовании природных ресурсов;
- всемерно повышать уровень экологического сознания и экологической культуры населения, включая лиц принимающих ответственные государственные решения в области экологической политики.

Важным направлением градостроительной стратегии, обеспечивающим экологическую безопасность населения и устойчивое (сбалансированное) развитие территорий, является формирование природно-обусловленных экологических каркасов для различных территорий Российской федерации.

Первый принцип Декларации Форума Рио-92 по окружающей среде и развитию гласит: *«Забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой»* [13].

Список литературы

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации. – 8-е изд. М., Ось-89, 2007.

[2] *Кудрявцев А.П.*, *Травуш В.И.*, *Бондаренко В.М.*, *Давиденко П.Н.* Архитектурно-градостроительная безопасность устойчивого развития. – Издательство Известия. 2011.

[3] *Оленьков В.Д.* Градостроительная безопасность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

[4] *Лазарева И.В.*, *Лазарев В.В.* Глоссарий: Градостроительные меры по предупреждению чрезвычайных ситуаций как ситуаций риска (RS). М.: Изд-во ЛКИ. 2007.

[5] *Кивва К.В.* Анализ градостроительных риск-факторов в документах территориального планирования. // Жилищное строительство. №12. – М.: 2013. С. 14–18.

[6] *Матрусов Н.Д.* Региональное прогнозирование и региональное развитие России. – М.: Наука. 1995.

[7] *Пальмин Ю.* Вокруг окраин. *«Археология периферии»*, М.: 2013.

[8] *Кивва К.В.* Анализ геоморфологических риск-факторов как основа градостроительной безопасности России. В сб.: *«Геоморфологические ресурсы и геоморфологическая безопасность: от теории к практике»*. Всероссийская конференция *«VII Щукинские чтения»*: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–21 мая 2015 г.: Материалы конференции. – М.: МАКС Пресс, 2015. С. 285–288.

[9] Федеральный закон *«Об охране окружающей среды»*. – М.: Экзамен, 2006.

[10] *Кивва К.В.* Эколого-градостроительные решения в региональных схемах территориального планирования // Здоровье населения – стратегия развития среды жизнедеятельности. Сборник статей к общему собранию РААСН. Том 1. – Москва – Белгород: 2008. С. 51–63.

[11] *Кивва К.В.* Проблемы обеспечения экологической безопасности России в схемах территориального планирования. //Градостроительство. №6, М.: ЦНИИП градостроительства РААСН, 2010. С. 43–49.

[12] Экологическая доктрина Российской Федерации. – М.: МПР России, 2002.

[13] Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы конференции *«РИО–92»*. Центр *«За наше общее будущее»*. Geneva, Switzerland, 1993. 70 с.

[14] *Глазычев В.Л.* Между регионом и городом. //GRADO. №1, М.: ЦНИИП градостроительства РААСН, 2011. С. 55–75.

[15] *Кивва К.В.* Проблемы устойчивого развития московского столичного региона // AKADEMIA. Архитектура и строительство. №2, М.: РААСН, 2012. – С. 94–97.

[16] *Кивва К.В.* Формирование целостного мировоззрения как основы экологической культуры и управления в России. М. 2015 (в печати).

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И «ПРИРОДНЫЕ» КАТАСТРОФЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Добровольский С.Г., Истомина М.Н.,
Пасечкина В.Ю.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Наводнения и засухи – одни из наиболее опасных катастрофических явлений. Актуальна разработка концепции долговременной стратегии борьбы с наводнениями и засухами и их последствиями. Работы в этом направлении затруднены, так как широкое распространение получили связанные с этой проблемой «мифы». А именно: считается, что наводнения и засухи – в основном природные явления, что с ними «справляются» своими нескоординированными действиями разномастные министерства и ведомства; предполагается, что при надлежащей их работе удастся снизить ущербы от наводнений и засух; предполагается также, что на величину ущербов от катастроф может оказывать значительное влияние «парниковый эффект». В статье показано, что указанные мнения зачастую не имеют под собой оснований.*

Для обеспечения если не *«устойчивого»*, то, по крайней мере, хоть какого-то развития, необходима действенная борьба с такими катастрофическими явлениями, как наводнения и засухи, приносящими во всем мире и в России громадные материальные и социальные/гуманитарные ущербы. Мировой и отечественный опыт показывает, что для успешного противодействия указанным явлениям необходима тщательно продуманная долговременная стратегия борьбы с наводнениями и засухами в масштабе всей страны, а в перспективе – в масштабе объединения стран. Примером документа, указывающего основные направления такой стратегии, является Директива по управлению рисками от наводнениями Европейского Союза, принятая в 2010 г.

Однако, в Российской Федерации до сих пор не существует не только соответствующей общепринятой стратегии, но не разработана даже ее общая концепция. *«Борьбой»* с наводнениями занимается большое количество министерств, ведомств, отдельных учреждений и лиц. Приведем типичный пример ситуации с крупным наводнением. Учреждения гидрометеорологии пытаются (как правило, малоуспешно и запоздало) спрогнозировать катастрофическое явление; МЧС осуществляет срочные мероприятия по предотвращению

* *Добровольский Сергей Гаврилович,* д. геогр. н., Институт водных проблем РАН, заведующий лабораторией глобальной гидрологии; *Истомина Мария Николаевна*, к. геогр. н., научный сотрудник, Институт водных проблем РАН, лаборатория глобальной гидрологии; *Пасечкина Виктория Юрьевна*, инженер, Институт водных проблем РАН, лаборатория глобальной гидрологии.

наиболее опасных последствий наводнения и по эвакуации людей; федеральные и местные органы выделяют субсидии пострадавшим, размер и назначение которых часто определяется субъективным образом. Наконец, отдельные научные сотрудники и научные подразделения зачастую успешно (но задним числом) объясняют, почему катастрофа произошла. В дальнейшем об этом наводнении во многом забывают, и следующее опять застает врасплох как население затапливаемой территории, так и местные и федеральные органы. Представляется, что для разработки общей стратегии *«управления»* рисками от катастрофических явлений, на примере наводнений, необходимо в первую очередь следующее:

- Оценить природные характеристики наводнений и параметры ущербов от них – по каждому из зафиксированных в РФ наводнений и в среднем для основных ареалов, генетических типов наводнений и в целом по территории страны.
- Выявить место российских наводнений и ущербов от них в общей картине наводнений мира.
- Оценить различия в величине и структуре ущербов от наводнений в регионах мира с различным уровнем экономического развития.
- Наметить долговременные перспективы изменений ущербов от наводнений по мере экономического развития стран, в том числе экономического развития России.
- Оценить изменения природных характеристик и параметров социально-экономических ущербов от наводнений на протяжении последних лет и выдвинуть гипотезы относительно возможных изменений этих величин в ближайшей перспективе.
- В итоге – обрисовать реалистичную картину изменений ущербов от наводнений как на ближайшую, так и на длительную перспективу, по возможности с детализацией по важнейшим ареалам наводнений различного типа и по различным видам ущербов – и наиболее актуальные направления борьбы с последствиями наводнений.

Для решения этих и других задач в ИВП РАН был создан и постоянно совершенствуется архивы количественных данных по наводнениям и засухам России и мира. К настоящему моменту архив наводнений, например, содержит сведения примерно по 2400 наводнениям мира, в том числе по 370 наводнениям на территории России за период времени с конца 1997 по конец 2008 года – несколько более 11 лет – по 12 природным характеристикам и параметрам социально-экономических ущербов. А именно, в архиве в цифровом варианте (в виде иерархии электронных таблиц в форматах, позволяющих использование программной среды компании StatSoft) содержатся данные о следующих параметрах. (1) Код генетического типа наводнения по классификации авторов [1; 3]. (2) Дата начала наводнения. (3) Продолжительность наводнения. (4–5) Географические координаты центра региона наводнения. (6) Площадь физически затопленной во время наводнения территории. (7) Общая площадь реги-

она, подвергшегося явлению наводнения. (8) Количество затопленных зданий. (9) Материальный ущерб от наводнения в сопоставимых единицах (в долларах США с учетом инфляции). (10) Число эвакуированных во время наводнения. (11) Число погибших в результате наводнения. (12) Общее число пострадавших в результате наводнения.

Источниками информации о количественных параметрах наводнений были следующие: (а) научная литература, (б) базы данных МЧС (в) база данных Федерального агентства водных ресурсов РФ, (в) база данных о наводнениях Дартмутского университета (США), (г) база данных о природных катастрофах Лувенского университета (Бельгия) (г) источники в Интернете. Сведения из перечисленных источников сопоставлялись и проверялись авторами, при необходимости корректировались.

В общей сложности за изучаемый период времени зафиксированы около 2400 наводнений, в том числе 370 наводнений на территории РФ. Оценки показывают, что территория России далеко не самая уязвимая в мире для наводнений: на нашу страну приходится лишь 5% от затопленных в мире в результате наводнений зданий, 0,7% мировых материальных (финансовых) ущербов от наводнений, 0,1% от числа эвакуированных вследствие наводнений людей и 0,08% от числа погибших. Эта относительно слабая уязвимость территории РФ объясняется континентальным географическим положением страны, преобладанием наводнений вследствие снежно-ледовых явлений (характеризующихся сравнительно небольшими ущербами), небольшой средней плотностью населения, отсутствием у более населенных территорий выхода широким фронтом к побережью открытого океана с катастрофическими нагонными явлениями и цунами, практическим отсутствием тропических штормов и ограниченностью ареалов с осадками муссонного типа.

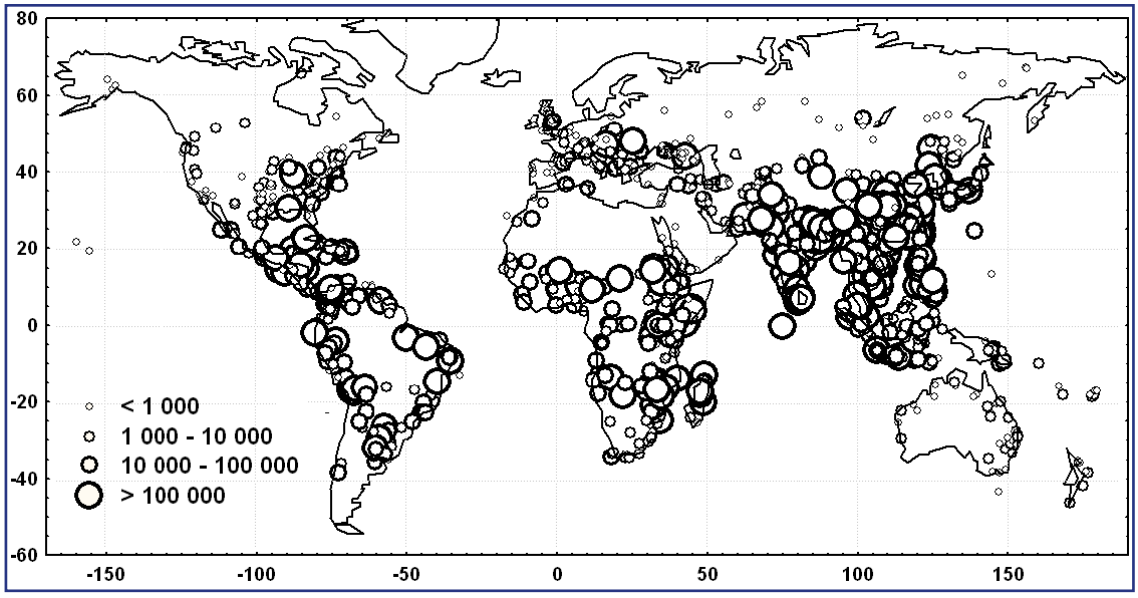


Рис. 1. Картодиаграмма числа эвакуированных в результате наводнений людей за период 1998–2008 гг.

В качестве примера на рис. 1 показана картодиаграмма числа эвакуированных в результате наводнений за исследуемый период. Очевидно, что подавляющая часть территории РФ – *«белое пятно»* в отношении наиболее тяже-

лых – гуманитарных – последствий наводнений, связанных с вынужденным оставлением людьми привычных мест жизни и с соответствующими материальными потерями и психологическими стрессами. Лишь на Северном Кавказе, на отдельных территориях Дальнего Восток и Прибайкалья зафиксированы крупные вынужденные переселения людей.

Другой пример различной уязвимости территорий мира к наводнениям показан на рис. 2 – на картограмме количеств затопленных зданий. Как и в случае с числом эвакуированных, лишь для отдельных наводнений в районах Северного Кавказа, Прибайкалья и Дальнего Востока зафиксированы значительные количества поврежденных зданий (более 1000) – впрочем, не идущие ни в какое сравнение с затоплениями зданий в других регионах мира, в первую очередь в Юго-Восточной Азии.

Тем не менее, и сравнительно небольшие ущербы от наводнений в Российской Федерации, необходимо детально изучать, а гуманитарные ущербы (в особенности наиболее трагические последствия наводнений, гибель людей) – нетерпимы. Рассмотрим более детально распределение ущербов от наводнений в РФ по генетическим типам наводнений. Отметим, прежде всего, что 99% всех зафиксированных наводнений России приходились на 4 генетических типа наводнений – наводнения вследствие экстремальных осадков в жидкой фазе (*«дождевые паводки»*, 45%), наводнения вследствие весенне-летнего снеготаяния (*«половодья»*, 38%), вследствие заторов и зажоров льда (13%), вследствие нагонов в береговой зоне морей (3%). Менее 1% от общего числа наводнений приходится на наводнения всех других типов – вследствие таяния многолетних людов, гляциальных селей, оползней в речных долинах с подпруживанием реки и др. При этом надо уточнить, что для определенности и оцифровывания данных наводнения смешанного генезиса идентифицировались нами по генетическим типам в соответствии с их первопричиной, *«спусковым механизмом»*.

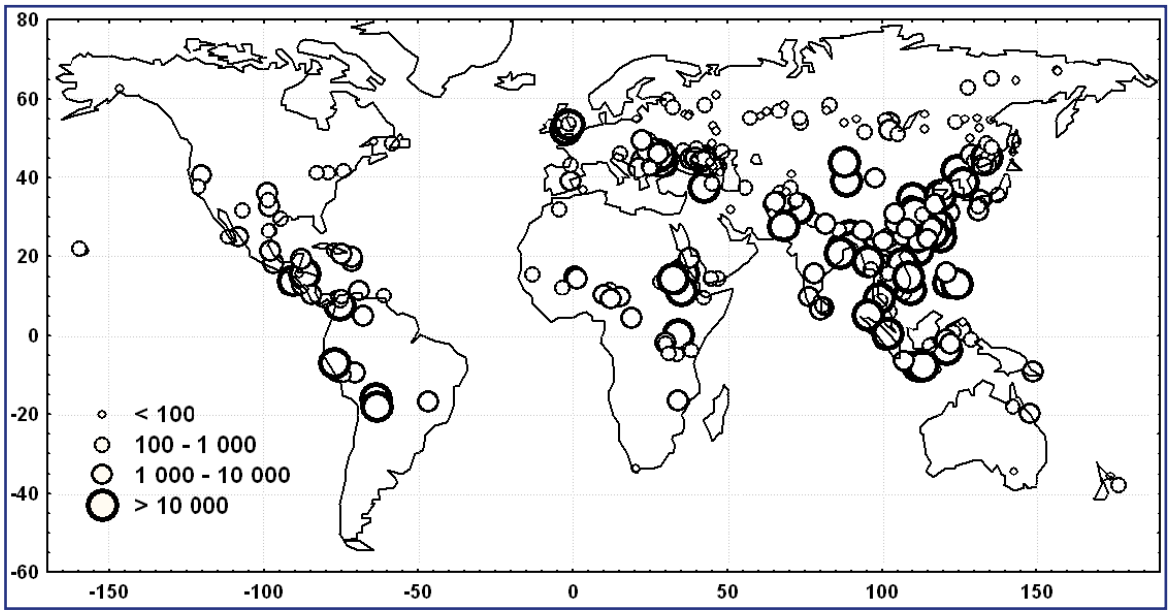


Рис. 2. Картодиаграмма количества зданий, затопленных в результате наводнений. Период 1998–2008 гг.

Несмотря на количественное преобладание в России наводнений вследствие снежных явлений (*«тип 1»*) в сумме с наводнениями вследствие ледовых явлений (*«тип 2»*), наибольшие ущербы фиксируются для наводнений вследствие аномальных осадков в жидкой фазе (*«тип 3»*). Так, число пострадавших вследствие наводнений типа 3 составляет 52% от общего числа пострадавших, число эвакуированных 56%, материальные ущербы в финансовом выражении 74%, а число погибших – 78%. По-видимому, меньшие ущербы от наводнений вследствие снежно-ледовых явлений объясняются большей предсказуемостью такого рода наводнений, их приуроченностью к примерно одним и тем же территориям, рекам и участкам рек.

Представляет интерес распределение относительных величин ущербов разного типа по регионам мира с разной степенью экономического развития.

На рис. 3 приведена чрезвычайно показательная диаграмма – подушевых ущербов от наводнений всех типов в среднем по миру, в экономически развитых регионах, в развивающихся регионах и в России. Под первыми регионами подразумевались США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Зарубежная Европа. Под развивающимися (*«бедными»*) регионами подразумевались все остальные территории мира кроме России. Очевидно, что материальные (финансовые) ущербы на душу населения в развитых странах намного превосходят соответствующие относительные ущербы в развивающихся странах. Примерно таково же соотношение и таких показателей ущербов, как средние ущербы на одно наводнение и на единицу площади территории.

Однако совершенно иначе выглядит распределение ущербов в расчете на единицу валового внутреннего продукта стран и регионов (рис. 4). Как видно из рисунка, в развитых регионах доля, утрачиваемая в наводнениях доля ВВП почти в три раза меньше, чем в развивающихся регионах. Это обстоятельство компенсирует высокие, как в целом, так и в расчете на душу населения, на число наводнений и на единицу площади территорий, материальные ущербы от наводнений в развитых странах.

Сопоставление графиков на рис. 3 и 4 позволяет выдвинуть гипотезу относительно того, что в долговременной перспективе, по мере экономического развития стран, абсолютные величины ущербов от наводнений, как и величины ущербов в расчете на одно наводнение, на численность населения и на единицу территории растут, в то время как доля ущербов от наводнений в ВВП падает. Причина этого явления понятна: по мере экономического развития растет стоимость элементов инфраструктуры и зданий и имущества, повреждаемых в результате наводнений, а также растут суммы премий страхования от наводнений. Однако, при этом, развитые страны все-таки идут на застройку и другое использование паводкоопасных территорий – очевидно в связи с тем, что соответствующие риски экономически оправданы и делятся, в случае стихийного бедствия, на большое число страхуемых, на страховые компании и компании перестрахования – то есть, по существу, на всю экономику страны.

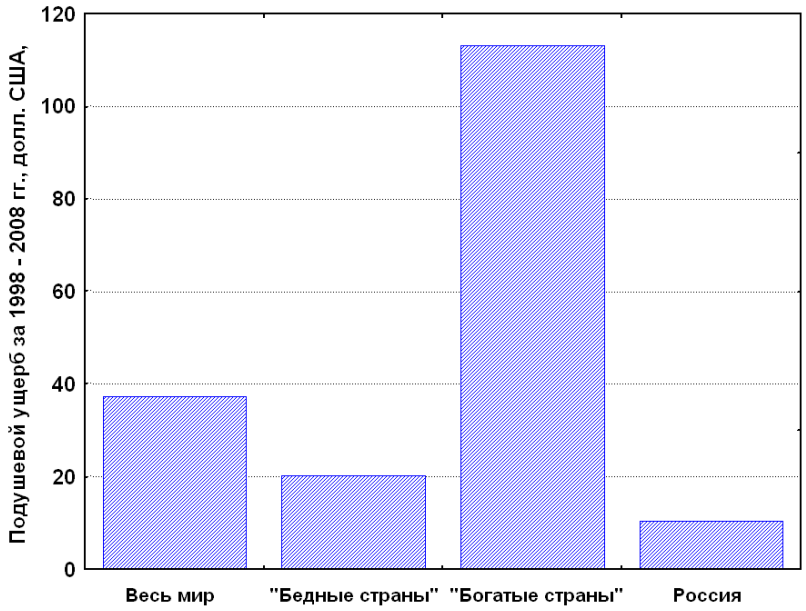


Рис. 3. Подушевые ущербы от наводнений всех генетических типов в регионах мира с различным уровнем экономического развития и в России

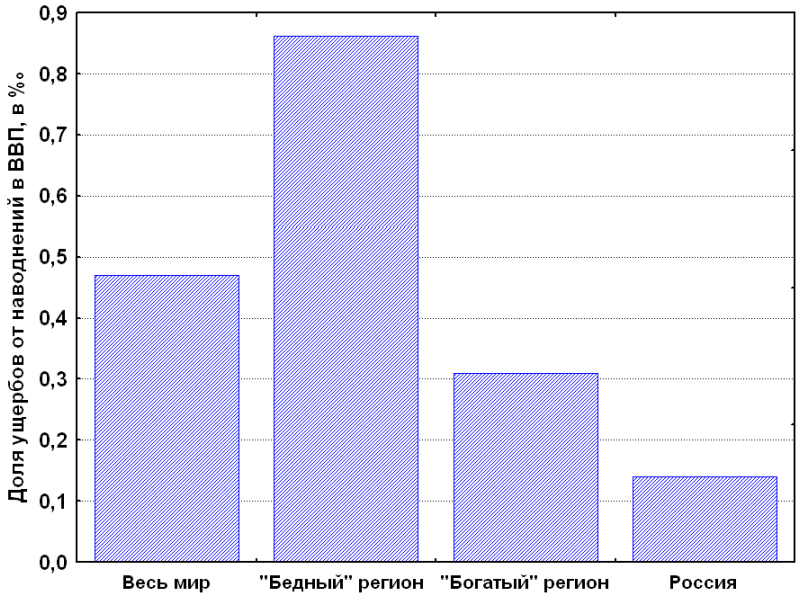


Рис. 4. Материальные (финансовые) ущербы от всех типов наводнений относительно валового внутреннего продукта в регионах с разной степенью экономического развития и в России

По-видимому, и для России нереалистичным было бы ожидать абсолютное уменьшение материальных (финансовых) ущербов от наводнений в длительной перспективе – в случае значительного роста экономики. Вместе с тем, реальной целью может быть еще большее уменьшение доли ущербов от наводнений в ВВП страны.

На первый взгляд кажется, что рис. 3 и 4 свидетельствуют о сравнительно благополучной ситуации в России в отношении ущербов от наводнений. Однако, положение дел выглядит более тревожным, если рассмотреть соотношение материальных и гуманитарных (социальных) потерь от наводнений. Так, на рис.

5 показано соотношение гуманитарных (выраженное в числе эвакуированных) и материальных ущербов от наводнений в различных регионах мира. Очевиден громадный разрыв, по этому показателю, между развитыми и развивающимися странами. Примерно такой же характер имеет график соотношения числа смертельных случаев и материальных ущербов от наводнений. Гуманитарные (социальные) ущербы несравненно более тяжелые по сравнению с материальными, и совершенно очевидно, что целью развивающихся стран должно быть уменьшение именно этой составляющей ущербов и перенос тяжести утрат от наводнений на чисто финансовые ущербы. Из приведенных рисунков ясно также направление, в котором Россия может и должна в первую очередь продвигаться в деле уменьшения ущербов от наводнений: по соотношению гуманитарных и материальных потерь ситуация в РФ на порядок лучше, чем в развивающемся регионе мира, но на порядок хуже, чем в развитых странах. Важно отметить, что качественно сходные с рис. 3–4 графики получены и при анализе явления засух.

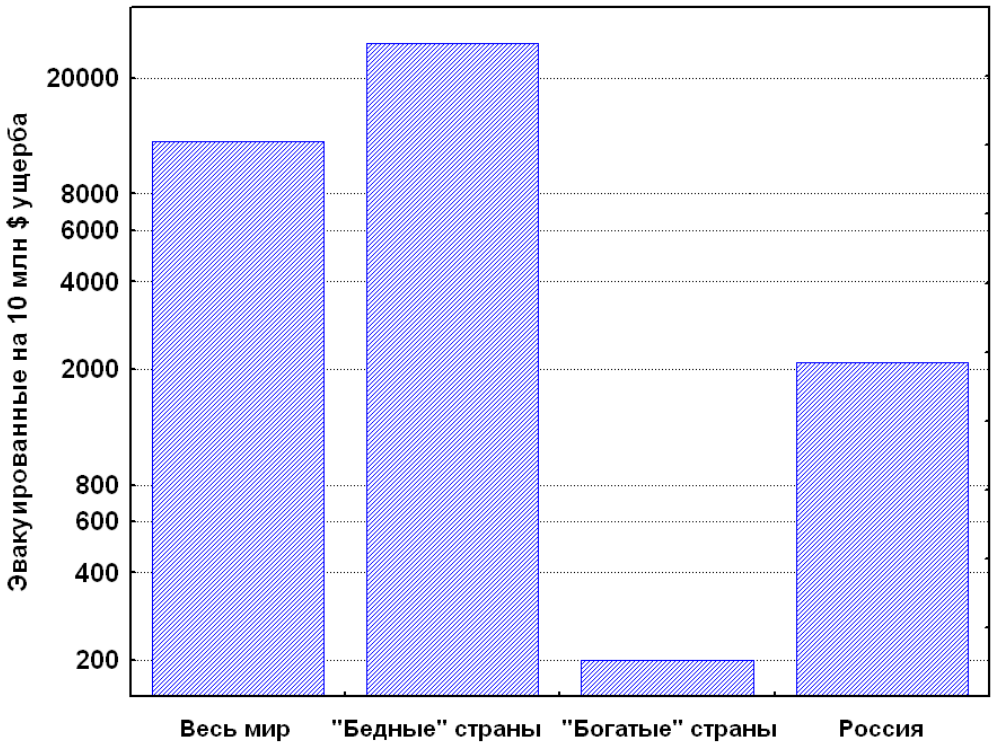


Рис. 5. Число эвакуированных при наводнениях, приходящееся на единицу материальных ущербов, в различных регионах мира

В связи со сказанным, важно рассмотреть ситуацию с ущербами в различных ареалах наводнений на территории России. Наводнения, вследствие снежно-ледовых явлений, рассеяны по территории страны сравнительно равномерно, но ареалы наводнений, вследствие дождевых паводков, образуют несколько четко очерченных основных ареалов: (1) Северо-Кавказский, (2) ареал средних широт, вытянувшийся сравнительно узкой полосой примерно между 50 и 60° с.ш. от западных границ страны до верховий Енисея, (3) *«Байкальский»* ареал (Прибайкалье и Забайкалье), (4) Дальневосточный ареал, (5) небольшой по числу наводнений *«Северо-Восточный»* ареал, охватывающий части бассейнов Колымы, Яны, Индигирки и среднего течения Лены. Из указанных регионов

наиболее неблагополучна ситуация по соотношению гуманитарных и материальных ущербов в *«Байкальском»* ареале: на 10 млн. долл. финансовых ущербов здесь приходятся более 3 тыс. эвакуированных. Следующем по степени неблагополучия является Северо-Кавкзский ареал (более 2 тыс. эвакуированных).

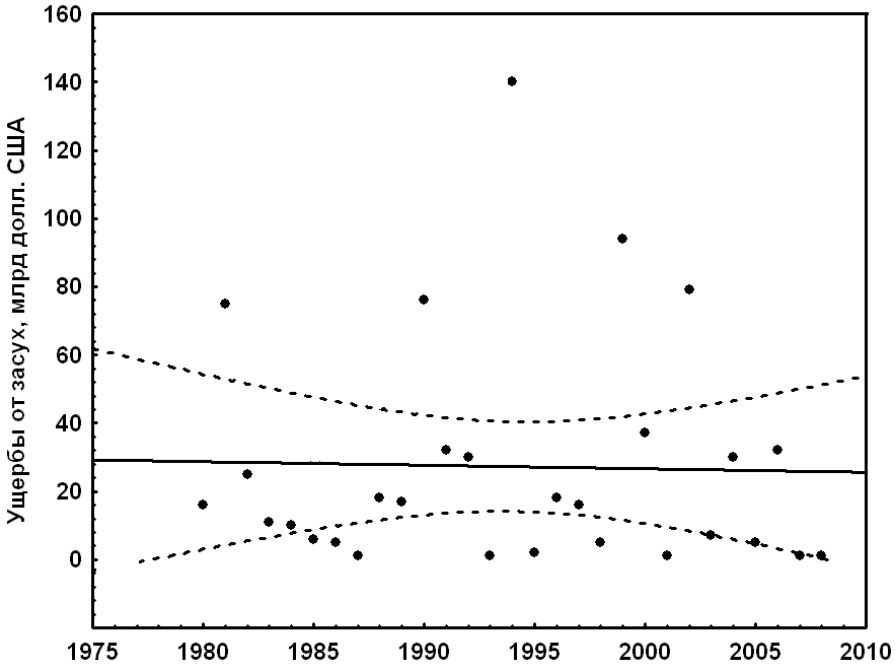


Рис. 6. Изменения во времени годовых ущербов от засух мира, в миллиардах долларов США. Сплошная прямая – линейная аппроксимация («линия регрессии»), построенная методом пространственно-взвешенных наименьших средних квадратов. Штриховые линии – 95%-ные доверительные интервалы для линии регрессии. График из [2]

Широко распространено мнение о том, что в последнее время во всем мире и в России увеличились ущербы от наводнений и засух вследствие глобального потепления климата, происходящего, как предполагается, в результате эмиссии парниковых газов в атмосферу. Вместе с тем, количественные данные, как по всему миру, так и по территории РФ, не подтверждают это суждение. В качестве примера на рис. 6 показаны изменения на протяжении 29 лет годовых ущербов от засух в мире. Как видно из рисунка, в кратковременной перспективе, на протяжении немногих десятков лет однонаправленное статистически значимое изменение ущербов (приписываемое обычно парниковому эффекту) не наблюдается. Аналогичный характер имеют построенные нами хронологические графики финансовых ущербов от наводнений, числа эвакуированных от наводнений и засух, общего числа пострадавших, числа погибших.

В заключение можно попытаться сформулировать следующие основные выводы исследования:

- В длительной перспективе, при условии существенного прогресса в экономике, Россию может ожидать абсолютное и относительное (на душу населения, на одно наводнение и на единицу территории) увеличение материальных ущербов от наводнений и засух – и приближение этих показателей к показателям развитых стран.

- Вместе с тем, представляется реальным добиваться уменьшения доли ущербов от наводнений и засух в ВВП как наиболее опасных с точки зрения наводнения регионов, так и в суммарном ВВП страны.
- Еще более важной и реально достижимой задачей является уменьшение гуманитарных ущербов от наводнений, выражаемых в числе эвакуированных, в общем числе пострадавших от наводнений людей, в числе смертельных случаев – как абсолютное уменьшение, так и уменьшение относительно материальных ущербов.
- Наиболее срочные мероприятия по предотвращению и/или уменьшению ущербов от наводнений типа дождевых паводков – в особенности в таких ареалах, как Северо-Кавказский, Байкальский (обычно выпадающий из поля зрения центральных СМИ), Дальневосточный.
- В последние годы не отмечается (и в ближайшей перспективе и не ожидается) увеличение ущербов от наводнений и засух вследствие глобальных климатических катаклизмов. Однако вопрос возможного увеличения ущербов от наводнений и засух вследствие парникового эффекта в отдаленной перспективе нуждается в дополнительных исследованиях; в настоящее время он слабо изучен.
- Необходимым условием научного подхода к разработке общей концепции уменьшения ущербов от наводнений в Российской Федерации является организация научного центра, который занимался бы мониторингом и анализом данных о наводнениях в масштабах всей страны, а также – с целью сравнительных исследований – в масштабе всего мира.

Список литературы

[1] *Добровольский С.Г., Истомина М.Н.* Наводнения мира. М.: Геос, 2006.

[2] *Dobrovolski S.G.* World droughts and their time evolution: agricultural, meteorological, and hydrological aspects // Water Resources, 2015. Vol. 42, No. 2. P. 119–132.

[3] *Istomina M.N., Dobrovolski S.G.* Floods of the world: quantitative analysis of natural characteristics and parameters of social-economic damages // Water Resources, 2016. Vol. 43, No. 3. P. 459–471.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА УСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Гвозданный В.А., Мальсагов Г.Х.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье проанализированы особенности и тенденции развития энергетического потенциала глобальной экономики и его влияния на устойчивое развитие общества, представлена современная структура глобального рынка нефти и выявлены особенности её влияния на ценообразование нефти. Раскрыта особая роль России как энергетической державы, способной воздействовать на устойчивость общественного развития, реализуя свой нефтегазовый потенциал.*

Современное глобальное общество живет и действует в ситуации, когда кризисные явления нарастают в различных сферах его жизнедеятельности, особенно, в межгосударственных отношениях, как между странами, так и различными союзами стран. Происходит плохо управляемая трансформация миропорядка и втягивание человечества в череду локально-планетарных конфликтов (Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина). Наряду с этим, на протяжении XX века, постоянно нарастал дисбаланс между развивающейся быстрыми темпами экономикой и техносферой общества с биосферой, многие экосистемы которой деградировали. Биосфера становилась менее устойчивой, снижалась её продуктивность и способность производить глобальные экологические блага и услуги в полном объеме [9]. В этих условиях как никогда актуальными становятся вопросы о возможности устойчивого развития общества, о механизмах и факторах, которые могут его обеспечить. Концепция (парадигма) устойчивого развития возникла более 30 лет назад [4]. Она имела многочисленных апологетов в развитых странах Запада и Востока. Её современные защитники, подвергают ожесточенной критики концепцию *«пределы роста»*, идеи которой в своих работах, одним из первых, сформулировал А.Е. Ферсман. По его мнению, у мирового промышленного хозяйства есть свои пределы (и границы) развития. Данные границы определяются не волей человека, и даже не историческими процессами развития человечества, а неумолимыми факторами самой Земли, её (химическим) составом и законами распределения элементов в мироздании [7]. В конце 60-х начале 70-х годов XX века данная тема получила развитие в многочисленных докладах Римского клуба, в которых различные авторы выдвигали свое видение этих пределов роста. Начиная с 1971 г. наиболее популярными и широко известными стали идеи Д. Медоуза и его соратников [5]. Наряду

* *Гвозданный Вячеслав Афанасьевич*, к.ф.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *Мальсагов Гапур Хусейнович*, ООО «Томская Нефть», АО НК «РуссНефть».

с концепцией устойчивого развития Римский клуб в своих докладах уделил значительное место проблемам энергетики.

Энергетика является важным фактором развития экономики, постоянно воздействует на направления и темпы хозяйственного и общественного формирования мира, его безопасность и международные отношения [2]. На протяжении всей истории развития общества, жизнедеятельность человека базируется на преобразовании и расходовании энергии. Особенно это относится к инфраструктуре глобального общества. Динамика роста численности населения планеты, процесс глобализации усиливают масштабы и интенсификацию использования ресурсов Земли. Это способствует развитию и распространению новых видов антропогенной энергетики [3]. Сегодня она охватывает всю населенную людьми территорию планеты. Динамика её развития, масштабы и роста потребления энергии представлены ниже в таблице 1. Как видно из таблицы, на сегодняшний день базовыми источниками получения энергии для современного человечества, особенно для развитых стран, являются нефть, уголь и газ. За 13 лет (2000–2013 на эти источники энергии приходится 88,6% общего объема потребления энергии в мире за 2013 год, прирост по нефти составил 16%, по газу 75% (табл. 1). В современном глобальном мире нефть и газ являются важнейшими источниками энергии и химического сырья для промышленности и урбаносферы. По оценкам экспертов и ведущих мировых энергетических агентств, спрос на нефть будет расти до 2040 года (до 117 млн. баррелей в день), со среднегодовым темпом роста в 1%.

Лидерами в мире по потреблению нефти станут развивающиеся страны, которые к 2040 году будут потреблять до 65% нефти. Среди лидеров роста спроса на нефть окажется Африка. Среднегодовой темп роста её потребления составит 2,4% в год (до 6,9 млн. баррелей в день с текущих 3,4 млн. баррелей в день) и будет уступать только темпам роста потребления нефти в Индии (3,8% в год до 10,7 млн. баррелей в день). В Китае темп роста спроса на нефть до 2040 года будет удерживаться на уровне 2% (до 17,2 млн. баррелей в день). В развитых странах будет наблюдаться снижение потребления нефти [6].

Таблица 1.

Динамика потребление энергии в мире по видам энергетических ресурсов в 2000-2013 гг.

Год	Наименование вида энергии, млн. т н.э.								
	Нефть	Газ	Уголь	Атомная энергия	Гидроэнергия	Энергия солнца	Энергия ветра	Геотермальная, биомасса и др.	Всего
2000	3583.7	2177.0	2342.9	584.3	602.4	0.2	6.7	44.9	9342.1
2001	3610.9	2216.4	2354.5	600.8	602.4	0.3	8.7	45.5	9424.1
2002	3641.3	2278.0	2411.6	610.5	602.4	0.4	12.0	49.0	9601.7
2003	3725.2	2344.5	2611.8	598.3	602.4	0.5	14.3	52.1	9943.8
2004	3869.1	2424.7	2798.5	624.7	602.4	0.6	19.4	56.1	10428.2
2005	3919.3	2495.5	2926.3	626.4	602.4	0.8	23.6	60.7	10714.4

Год	Наименование вида энергии, млн. т н.э.								
	Нефть	Газ	Уголь	Атом-ная энергия	Гидро-энергия	Энер-гия солнца	Энер-гия ветра	Геотер-маль-ная, биомас-са и др.	Всего
2006	3959.3	2563.1	3079.5	634.9	602.4	1.1	30.1	64.1	11020.8
2007	4018.4	2666.4	3204.2	621.7	602.4	1.5	38.6	68.3	11319.5
2008	4000.2	2732.5	3262.3	619.4	602.4	2.5	49.6	71.5	11466.2
2009	3924.6	2667.9	3239.0	614.0	602.4	4.3	62.9	75.3	11325.9
2010	4040.2	2868.2	3469.1	626.2	602.4	6.9	77.7	83.5	11955.6
2011	4085.1	2914.7	3630.3	600.7	602.4	13.4	98.6	92.9	12231.5
2012	4138.9	2986.3	3723.7	559.9	602.4	21.3	118.1	101.4	12483.2
2013	4185.1	3020.4	3826.7	563.2	602.4	28.2	142.2	108.9	12730.4

Составлено авторами по [11].

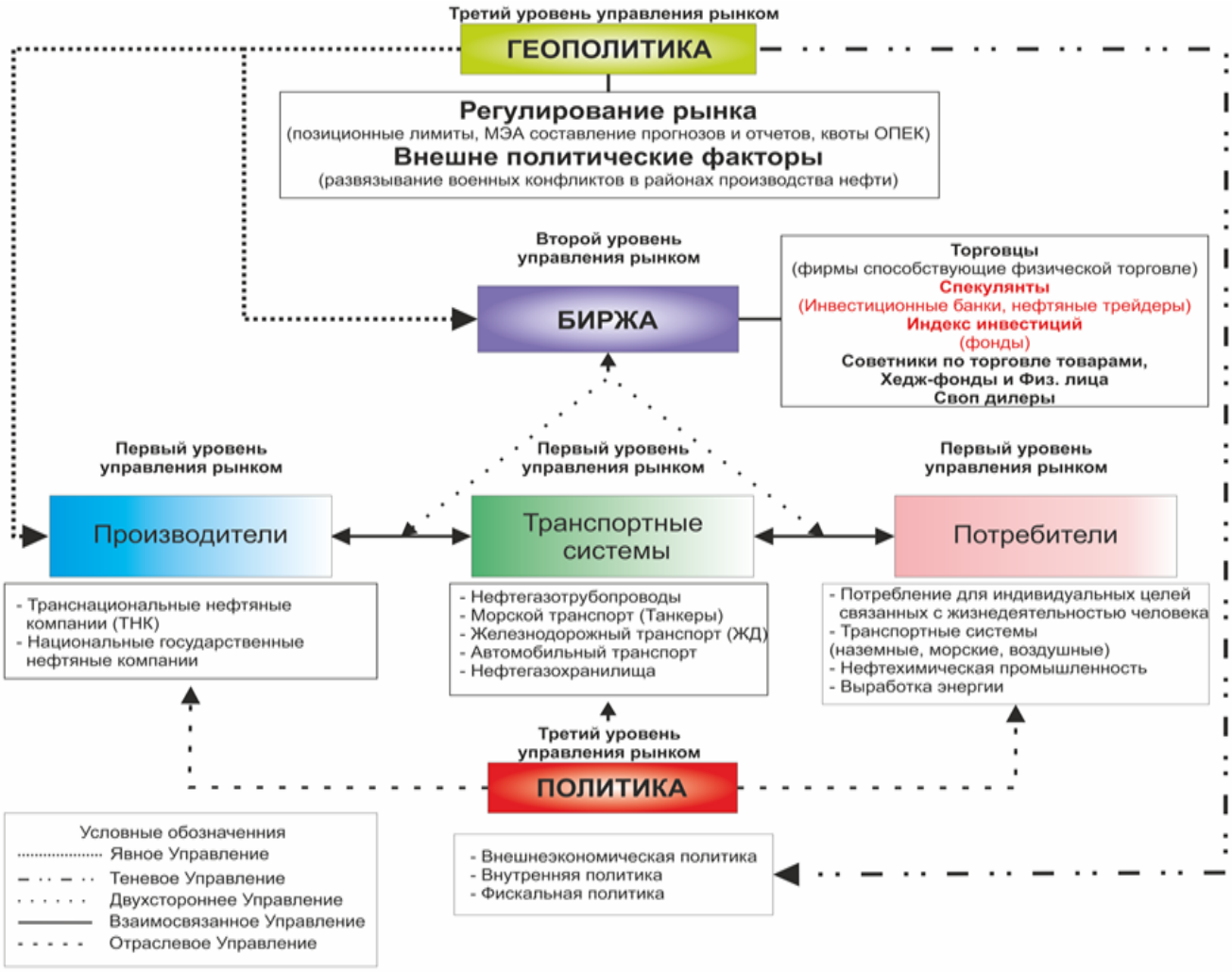


Рис. 1. Современная структура глобального рынка нефти. Составлено авторами

Запасы и объемы добычи нефти во многом определяют экономическое и социальное развитие различных государств мира, влияют на межгосударственные отношения, порождают различные международные и глобальные противоречия. Ряд государств используют нефть, транспортные системы её доставки, и особенно глобальный рынок нефти, как эффективный инструмент управления глобальной политикой и экономикой. Сегодня современный мировой рынок нефти представляется сложной иерархической системой (рис. 1).

Каждый уровень и каждый элемент глобального нефтяного рынка возникал в процессе его эволюции и выполнял определенную функцию. Как показывает проведенный анализ, в начале своего становления глобальный нефтяной рынок состоял из двух уровней управления, где преобладали элементы первого уровня. С течением времени архитектура глобального нефтяного рынка трансформируется, происходит рекомбинация положения между основными его участниками, образовываются новые игроки и формируются новые региональные рынки, а действующие – меняют правила своего функционирования. Возникают три уровня управления, где на второй уровень вышла биржа (ICE, NYMEX-).В современной структуре нефтяного рынка определяющую роль занимает геополитика (третий уровень) – представленная наднациональными структурами и институтами США. Сегодня биржа является механизмом ценообразования нефтяных цен. Глобальный рынок нефти с течением времени сокращал свою товарно-сырьевую составляющею, в процессе модернизации эволюционировал в направлении фондовых и товарных рынков. Сейчас на глобальном рынке нефти доминирует биржевое ценообразование, где участие принимают новые инвесторы и капитал (спекулянты), не связанные напрямую с производством нефти. Путем влияния на биржу, субъекты геополитики оказывают давление на страны – производители нефти, которые вынуждены вносить коррективы во внутреннюю политику своих стран. В 1983 году на товарной бирже Нью-Йорка были запущены первые 323 млн. долларов товарных контрактов на нефть. К 2000 году это цифра составляла уже около 36 млрд. долларов США. Необходимо иметь в виду, что в 2000 году было поставлено нефти в физическом выражении на 8 млн. долларов США. Этот разрыв между физической и *«бумажной»* нефтью объясняет причину столь сильного влияния ценообразования на нефть в глобальной экономике и раскрывает преимущества воздействия на БИРЖУ той или иной страны [8]. С 1980 г. прослеживается динамика скачкообразности тренда цены на нефть, что является следствием перехода участников рынка нефти на биржевое ценообразование, в результате чего возросла его зависимость от геополитических событий в мире. На мировом финансовом рынке появились нефтедоллары. Нефтедоллар – это не доллар за нефть, а гениальное изобретение Киссинджера – ограниченная политико-экономическая сделка. Самое важное в этой сделке заключается в хранении прибыли от продажи нефти в американской банковской системе, что открывает новые возможности для развития финансовой системы и экономики США. Таким образом, глобальный нефтяной рынок превратился в мощный инструмент геополитики в руках США и их ближайших союзников, стремящихся установить новый миропорядок за счет эксплуатации энергетического потенциала глобальной экономики.

Россия, обладая громадными углеводородными запасами с начала XX века, занимает ведущие позиции в мировой системе оборота энергоресурсов на глобальном энергетическом рынке. Она позиционирует себя одним из лидеров (наряду с Саудовской Аравией) по добыче сырой нефти, обеспечивая четверть мировой торговли нефтью. Этому во многом способствует уникальная и постоянно развивающаяся труботранспортная система России. В 2015 г. трубопроводный транспорт позволял перекачивать следующие объемы добываемой и производимой в России продукции: природный газ – 100%, нефть – 99%, нефтепродукты – более 50%. Потенциал российских газопроводных сетей составлял в 2011 году: общая протяженность – 227,7 тыс. км; газопроводные магистрали – 160,4 тыс. км; нефтепроводные магистрали – 48 тыс. км; нефтепродуктовые магистрали – 19,3 тыс. км. С 2006 по 2015 гг. протяженность магистральных газопроводов увеличилась более чем на 36 тыс. км, а за предшествующее десятилетие (2000–2009) на 16 тыс. км [1]. Однако, несмотря на большой потенциал нефтяной промышленности и труботранспортной системы России, государство сталкивается с существенными и различными барьерами, которые препятствуют эффективному использованию данных конкурентных преимуществ на глобальном нефтяном рынке. Перед государством и нефтегазовыми компаниями страны возникает необходимость в более рациональной политики по усилению позиций нефтяной отрасли России на глобальном энергетическом рынке. Целью этой политики является эффективная реализация энергетического потенциала для экономического и социального развития общества в нашей стране. Сотрудничество России с иностранными инвесторами в области освоения и разработки имеющихся топливно-энергетических ресурсов, повышения эффективности их использования и освоения новых энергетических рынков – одно из важнейших направлений энергетической политики страны, а также весомый вклад в решение глобальных проблем энергетики, которые стоят перед человечеством в первые десятилетия XXI века.

Россия, занимая позицию одной из ведущих стран в мировой системе оборота энергоресурсов, принимает активное участие в мировой торговле и в международном сотрудничестве. В последние годы Россия занимает лидирующие позиции (табл. 2) по объему добычи, экспорту сырой нефти и обеспечивает 12% мировой торговли сырой нефтью. Доля России на рынках стран Европы составляет около 30% [10].

В России доказанных запасов черного золота более 6,6 млрд. т, что составляет 5% от общемировых запасов. В современных условиях значение нефти, как стратегического ресурса России, значительно возросло, и будет возрастать дальше за счет восстановления нефтеперерабатывающей промышленности. В зарубежной нефтяной промышленности происходит сокращение основных составляющих цены на нефть в виде издержек, налогов, прибыли в абсолютном выражении. Соответственно поддерживается уровень возврата на инвестиции, обеспечивающий финансирование и реализацию инвестиционных проектов. *Основной рынок сбыта «черного золота» – ЕС – 75%.* Динамика роста производства, стабильного экспортного уровня и переработки, показывает степень устойчивости России к внешним факторам воздействия. На рассматриваемый

период пришлось самое тяжелое и быстрое падение цены на нефть, а также применение экономических и финансовых санкций к России. Тенденция устойчивости неоднозначна в виду кризисного эффекта в долгосрочной перспективе, учитывая географическое расположение актуальных запасов нефти и сложные условия производства.

Таблица 2.

Динамика деятельности России на глобальном энергетическом рынке за 2013–2015 гг.

Показатель	**Ед. измер.**	2013 год	2014 год	2015 год	**Позиция России на конец** 2015 года
Нефть					
Добыча	млн. т	523.5	526.1	533.2	1 место 12% от мир. **ур.**
Экспорт	млн. т	234.1	220.9	241.4	
Переработка	млн. т	273.9	288.5	279.8	
Природный газ					
Добыча	млрд. м^3	669.6	625.9	579.3	2 место 17,7 от мир. **ур.**
Экспорт	млрд. м^3	200.5	164	139.3*	
Переработка	млрд. м^3	456.1	359.3	нет данных	
Уголь					
Добыча	млн. т	348	353.1	370.1	6 место 4,5 от мир. **ур.**
Экспорт	млн. т	138	149.3	151.4	
Электроэнергия и тепло					
Выработка ЭЭ	млрд. кВт.·ч	1056.5	1056.8	1056.4	5 место 4,4% от мир. **ур.**
Производство тепла	млн. Гкал	499.7	498.9	953.9	
*За три квартала 2014 года					

Составлено авторами по [12].

В заключении необходимо отметить ряд проблем, связанных с воздействием нефтегазового потенциала современной России на устойчивое развитие российского общества:

– Россия с ее энергетическим потенциалом имеет колоссальные возможности, которые неэффективно используются в целях развития, как собственной экономики, так и экспортной политики государства. Причины прослежи-

ваются в особенностях формирования цены на базовые источники энергии и рыночных отношений в энергообороте на глобальном уровне в мире, где углеводороды являются геополитической валютой. Россия не участвует в формировании влияния на глобальную биржу нефти. Поэтому эта сфера должна стать в ближайшее время приоритетным направлением государственной политики в области энергетической безопасности страны. Для того чтобы изменить ситуацию на глобальном рынке нефти, России со своими друзьями и партнерами по БРИКС, ШОС, ЕврАзЭс необходимо создавать свой Евразийский рынок нефти – зеркальное отражение глобального нефтяного рынка, находящегося под управлением США. Появление второй глобальной биржи нефти в современной России или КНР, где для расчетов будут использоваться рубль и юань, наличие развитой логистической и транспортной инфраструктуры, государственные и финансовые институты её поддержки, обеспечат надежные поставки нефти на глобальный нефтяной рынок, создадут надежную базу для взаимовыгодного сотрудничества стран входящих в сферу её влияние. Наличие такой биржи позволит России, её союзникам и партнерам, влиять на ценообразование на глобальном нефтяном рынке и ограничить влияние США в этой сфере ценообразования. Создание альтернативной глобальной нефтяной биржа на территории РФ или КНР, а может быть сразу в двух странах, будет оказывать положительное влияние на баланс конкуренции внутри глобального рынка нефти, что будет способствовать учету интересов всех игроков рынка;

– Сложная стратегическая проблем стоящая перед Российской Федерацией и требующая эффективного решения – её мировое лидерство в течение последних несколько лет в области добычи и продажи непереработанной нефти. Страна, 70% территории которой находится в зоне вечной мерзлоты, а запас нефти составляют только 5% мировых запасов, совершает стратегическую ошибку, используя таким образом свой нефтяной потенциал. Это может в перспективе привести к тому, что современная Россия из экспортера нефти может превратиться в её импортера. То, что целесообразно при реализации энергетической и торговой политик в сфере экспорта природного газа, может иметь отрицательные последствия в сфере экспорта нефти. А это сможет породить тенденции, которые будут подрывать устойчивое развитие российского общества. Такая стратегия Правительства России в области добычи и продажи непереработанной нефти не рациональна, ввиду отсутствия видения будущего в долгосрочной перспективе.

– Глобальный нефтегазовый рынок и энергетический потенциал мировой экономики, как и она сама, имеют пределы (границы) роста, обусловленные состоянием и структурой биосферы, которые на современном развитии человечества, невозможно не принимать во внимание и не учитывать в практической деятельности. Нарушение экологических императивов делает невозможным осуществление устойчивого развития на нашей планете.

Список литературы

[1] Институты современной экономики России: опыт и проблемы. Ч. 2. Науч. Ред. А.Е. Городецкий. М.: ИЭ РАН, 2015.

[2] *Костюка В.В.*, *Макарова А.А.* Энергетика и геополитика. М.: Наука, 2011.

[3] *Макарова А.А. Григорьева Л.М.*, *Митровой Т.А.* Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России. М.: ИНЭИ РАН-АЦ при Правительстве РФ, 2015.

[4] *Марфенин Н.Н.* Устойчивое развитие человечества: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2006.

[5] *Медоуз Д.*, *Рандерс Й.*, *Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: ИКЦ *«Академкнига»*, 2007.

[6] Проект строительства нефтеперерабатывающего завода в Уганде. Обзор проекта. – М.: РТ – Глобальные ресурсы, 2016.

[7] *Ферсман А.Е.* Геология и война. – М.: АН СССР, 1943.

[8] *Эррера С.*, *Браун С.Л.* Торговля фьючерсами и опционами на рынке энергоносителей. – М.: ЗАО *«Олимп-Бизнес»*, 2003.

[9] *Павлов Д.С.*, *Букварева Е.Н.* Биоразнообразие, экосистемные функции и жизнеобеспечение // Вестник РАН. № 11. Т. 77. 2007. С. 974–986.

[10] IEA – *«Oil medium-Term Market Report 2014»* – URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/MTOMR2014_free.pdf (дата обращения: 10.04.2016).

[11] BP – *«BP Statistical Review of World Energy June 2014»* – URL: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_de/PDFs/brochures/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-full-report.pdf (дата обращения: 22.04.2016).

[12] Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве РФ. Энергетические бюллетени 2013–2016 гг. – URL: http://ac.gov.ru/publications/bulletin/ (дата обращения: 15.04.2016).

ГОРОДСКОЕ ОЗЕЛЕНЕНИЕ В РОССИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ УРБОСИСТЕМЫ

Якубов Х.Г., Игнатенко Д.М.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье изложены представления авторов о городском озеленении как факторе устойчивости урбосистемы. Городские озелененные территории обладают высоким экологическим потенциалом и являются значимым экономическим ресурсом, которые могут быть реализованы лишь в случае эффективного управления, основанного не на приоритете решения сиюминутных задач, а на базе сформированной стратегии городского озеленения – научно обоснованной, долгосрочной программы создания, сохранения, восстановления и содержания озеленённых территорий города, с учетом экологических реалий, прогнозов развития города в будущем, результатов профессионального мониторинга состояния городских растений, баланса интересов бизнеса и общества и современных концепций гуманизации городского пространства.*

Городские озелененные территории, обладают не только высоким экологическим потенциалом, но одновременно являются значимым экономическим ресурсом. Однако, как свидетельствует опыт, эти две функции городского озеленения могут быть успешно реализованы лишь в случае эффективного управления, основанного не на приоритете решения сиюминутных задач на базе сформированной стратегии городского озеленения – научно обоснованной, долгосрочной программы создания, сохранения, восстановления и содержания озеленённых территорий города, с учетом экологических реалий, с учетом прогнозов развития города в будущем, с учетом результатов профессионального мониторинга состояния городских растений, с учетом баланса интересов бизнеса и общества, и на основе современных концепций гуманизации городского пространства.

В современном мире любая урбосистема – это в той или иной степени клубок противоречий и проблем. Некоторые их этих противоречий и проблем неизбежны и предопределены самой сутью стремительно развивающейся урбанизации, как глобального явления; некоторые могут быть решены при наличии политической воли властей, соответствующем финансировании и главное – при наличии научно обоснованных представлений о стратегии развития урбосистемы, будь то город, мегаполис или агломерация.

Собственно, принцип устойчивости развития предполагает сбалансированность интересов общества, сохранения окружающей среды и бизнеса. Там,

* *Якубов Харис Галиулович*, д.биол.н., профессор, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова; *Игнатенко Денис Максимович*, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

где есть четкие представления об этих интересах и путях их реализации, есть программа последовательных действий и осознание возможных последствий, там и можно говорить об устойчивом развитии как об объективной реальности. В то же время примеры волюнтаристских попыток решения проблем урбосистемы (как, например, ничем необоснованное и научно необеспеченное увеличение площади Москвы в 2,4 раза) свидетельствует об отсутствии такого баланса и прежде всего об отсутствии стратегического видения последствий.

Как свидетельствует исторический опыт развития урбосистем, на разных временных этапах актуализируются разные проблемы и противоречия, определяя концепцию планирования и развития. Так, в 30–40 гг. прошлого столетия в США формирование городской среды было подчинено интересам автомобилизации; в те же годы в СССР разрабатывался исторический Генеральный план развития Москвы, как города будущего, города, олицетворяющего преимущества нового социально-экономического уклада. В 60–70-е годы прошлого столетия развитие Москвы определялось необходимостью решения жилищных проблем для миллионов жителей. И эта идея было успешно реализована. Таких примеров можно привести множество. В то же время, отсутствие концепции развития Москвы в период, начиная с 90-х годов, привело к разрушению баланса между общественными интересами и состоянием окружающей среды и к безоговорочному приоритету интересов бизнеса.

Сегодня в мире одним из самых актуальных трендов градорегулирования (или проще сказать, урбанистики) является гуманизация городского пространства, то есть формирование городской среды, как комфортной среды обитания человека. Наиболее известные работы в этой области принадлежат датскому урбанисту Яну Гейлу [1]. Даже беглого взгляда на проекты, эскизы городов будущего достаточно, чтобы увидеть преобладание в цветовой гамме этих изображений зеленого цвета, как отражение особой роли городских растений в гуманизации урбанизированного пространства.

Еще совсем недавно, до эпохи тотальной автомобилизации российских городов и прежде всего городов крупных, было принято считать, что озеленение является самым доступным, самым дешевым и самым эффективным методом оздоровления городской среды [2]. В сущности так и было, если учесть тогдашние уровни и характер загрязнения атмосферного воздуха и городских почв. Хотя уже тогда, в 80-х годах прошлого столетия (суммарный автопарк Москвы тогда составлял 600 тысяч единиц) ученые-гигиенисты говорили о повышенных уровнях заболеваемости детей, проживающих в пределах Садового кольца, и однозначно связывали это с автомобильными выбросами [3]. Сегодня в Москве зарегистрировано 4,6 миллионов автомобилей, не считая общественного транспорта [4]. Если в 80-е годы на долю автомобилей приходилось 20–25% валового загрязнения атмосферного воздуха, то сегодня это 93%.

Эти, в общем-то, известные данные, приведены для того, чтобы показать, насколько серьезны экологические проблемы Москвы и крупных российских городов, а также для того, чтобы было ясно, насколько неприемлема в современных условиях традиционные способы озеленения, как инструмент улучшения качества среды обитания в городе. Попытка московских властей воссоз-

дать в нынешних условиях облик озеленения городских улиц 70–80-х гг., либо обречена на неудачу, либо потребует огромных материальных затрат, чтобы обеспечить выживаемость растений.

Сегодня проблема городского озеленения в российских крупных городах вышла за рамки интересов благоустройства или дизайна (как в европейских городах), у нас она стала неотъемлемой частью проблемы экологической безопасности населения.

Зеленые насаждения являются, с одной стороны, жизненно важным природным ресурсом, а с другой – являются экономическим ресурсом, который повышает привлекательность территории и может при верном подходе стимулировать больший доход в городской бюджет. Международные рейтинги инвестиционной привлекательности городов непременно включают в себя такие критерии оценки как экологическое благополучие, в том числе и состояние природной среды в городе.

Москва – одна из самых озелененных столиц мира – площадь озеленённых территорий города составляет более 50% всей городской территории. Эту цифру озвучил в апреле 2016 г. руководитель московского Департамента природопользования и охраны окружающей среды А. Кульбачевский [5]. Однако прямой корреляции между площадью озелененных территорий и экологическим благополучием нет. Так, Москва не фигурирует ни в одном из рейтингов городов мира, где основным критерием является озелененность. Поскольку в этих рейтингах оценивается не только площадь озелененных территорий, но и процент территории, занимаемой парками и скверами от общей территории района, состояние растений, качество инфраструктуры парков и т.д. По большинству этих критериев Москва не соответствует принятым в международной практике представлениям о комфортности среды обитания, обеспечиваемой городскими растениями.

Противоречия даже официальных данных об экологическом состоянии российских городов заслуживают отдельного анализа. Так, являясь одним из самых озелененных городов России, по данным Росстата, опубликованным в 2015 году, Москва входит в число самых экологически неблагополучных городов страны, уступая по объему выбросов загрязняющих веществ только Норильску [6]. Между тем (по данным портала statdata.ru), в сентябре 2015 года сотрудники Минприроды России составили свой экологический рейтинг городов. Согласно их рейтингу, Москва занимает первое место по всем показателям *«экологичности»*. Едва ли такой разнобой в интерпретации статистических данных говорит о приоритете объективных оценок [7].

Приведенные данные также показывают, что не существует прямой корреляции между степенью озелененности города и его экологическим благополучием. Огромные финансовые затраты на озеленение в Москве не оправданы, если они не согласуются с реализацией других природоохранных мер. Кроме того, загрязненность атмосферного воздуха и почв резко снижают экологическую эффективность городских растений, приводя к их ослаблению и гибели. По данным мониторинга состояния зеленых насаждений в Москве [8; 9], проводившегося в 1997- 2006 гг. лишь 15–20% растений могут быть признаны здоровыми, то есть способными в полной мере осуществлять присущие им экологические функции. В 2006 г. общегородская программа мониторинга была

свёрнута, однако экологическая ситуация в Москве за прошедшие 10 лет едва ли улучшилась. Таким образом, роль зеленых насаждений как фактора устойчивости урбосистемы в Москве остаётся недооцененной.

При анализе проблемы городского озеленения в контексте устойчивого развития, становится очевидной важность эффективного управления городским зеленым хозяйством. Многочисленные реорганизации системы управления зеленым хозяйством в последние 15- 20 лет привели к тому, что объекты озеленения в Москве находятся в ведении нескольких ведомств, в том числе не имеющих прямого отношения к обеспечению экологического благополучия в масштабах города: Департамент культуры, Префектуры административных округов, Департамент образования и Департамент здравоохранения и др. Притом, что под зелеными насаждениями находится огромное пространство – 50% территории города (без учёта новой Москвы), в городе нет единого органа управления озелененными территориями (как, например, в Санкт-Петербурге, где соответствующее ведомство существует с 1944 г.), как нет и единой стратегии городского озеленения.

Под стратегией в данном контексте мы имеем в виду не перечень озеленительных работ в виде плана освоения соответствующей статьи бюджета. Стратегия городского озеленения это научно обоснованная, долгосрочная программа создания, сохранения, восстановления и содержания озеленённых территорий города, с учетом экологических реалий, с учетом прогнозов развития города в будущем, с учетом результатов профессионального мониторинга состояния городских растений, с учетом баланса интересов бизнеса и общества, и на основе современных концепций гуманизации городского пространства.

Анализ существующего положения, а также соображения, частично изложенные выше, позволили нам представить здесь в качестве одной из версий структуру управления городским зеленым хозяйством, как альтернативу существующей (рис. 1). На наш взгляд, эта схема универсальна и актуальна не только для Москвы.

Предлагаемый проект структуры управления городскими озелененными территориями обеспечивает):

1. Концентрацию в одном ведомстве научно-методических, информационно-аналитических, организационно-распорядительных, финансово-хозяйственных и учетных и т.д. функций управления всеми озелененными территориями города. Что обеспечит эффективную деятельность в рамках единой стратегии и объединенного плана реализации работ, а также позволит эффективней использовать трудовые и финансовые ресурсы.
2. Эффективность управленческой деятельности, базирующейся на принятии решений на современной научно-методической основе, что обеспечивается научно-методическим советом, в который входят ведущие авторитетные ученые и специалисты, компетентные в области городского озеленения.

Основные функции структурных единиц предлагаемой модели:

1. *«Информационно-аналитический»* блок обеспечивает сбор, обработку и анализ всего массива сведений, касающихся вопросов благоустройства и озеленения; формирование аналитических справок, статистических сводок, формирование предложений и обоснование долгосрочной стратегии в рамках современных и актуальных экологических концепций. Обеспечение обратной связи с Управами, Префектурами и другими ведомствами.
2. Одной из основных задач этого блока является ведение общегородского Реестра озеленённых территорий города на основе унифицированной паспортизации объектов озеленения, формирование баз данных. Научно-методическая база инвентаризации городских озелененных территорий обеспечивается научно-методическим советом.
3. Блок *«Мониторинг и защита растений»* обеспечивает получение оперативной и систематической информации о состоянии зеленых насаждений, разрабатывает и осуществляет срочные и плановые мероприятия по борьбе с вредителями и болезнями городских растений.
4. Необходимо восстановить концептуальную модель мониторинга, который осуществлялся в Москве 1997–2006 гг. Научно-методическая база ведения мониторинга состояния городских озелененных территорий и формирование аналитических материалов обеспечивается научно-методическим советом.
5. Блок *«Реставрация»* призван обеспечивать проведение работ по восстановлению, реконструкции памятников садово-паркового искусства, что требует особых профессиональных навыков и соответствующей компетенции. Памятники садово-паркового искусства являются свидетелями истории, составляют неотъемлемую часть общего исторического наследия, а также играют важную роль в формировании исторического и художественного облика Москвы и её музейных комплексов.
6. Содержание управленческой деятельности в остальных блоках следует из их названий.

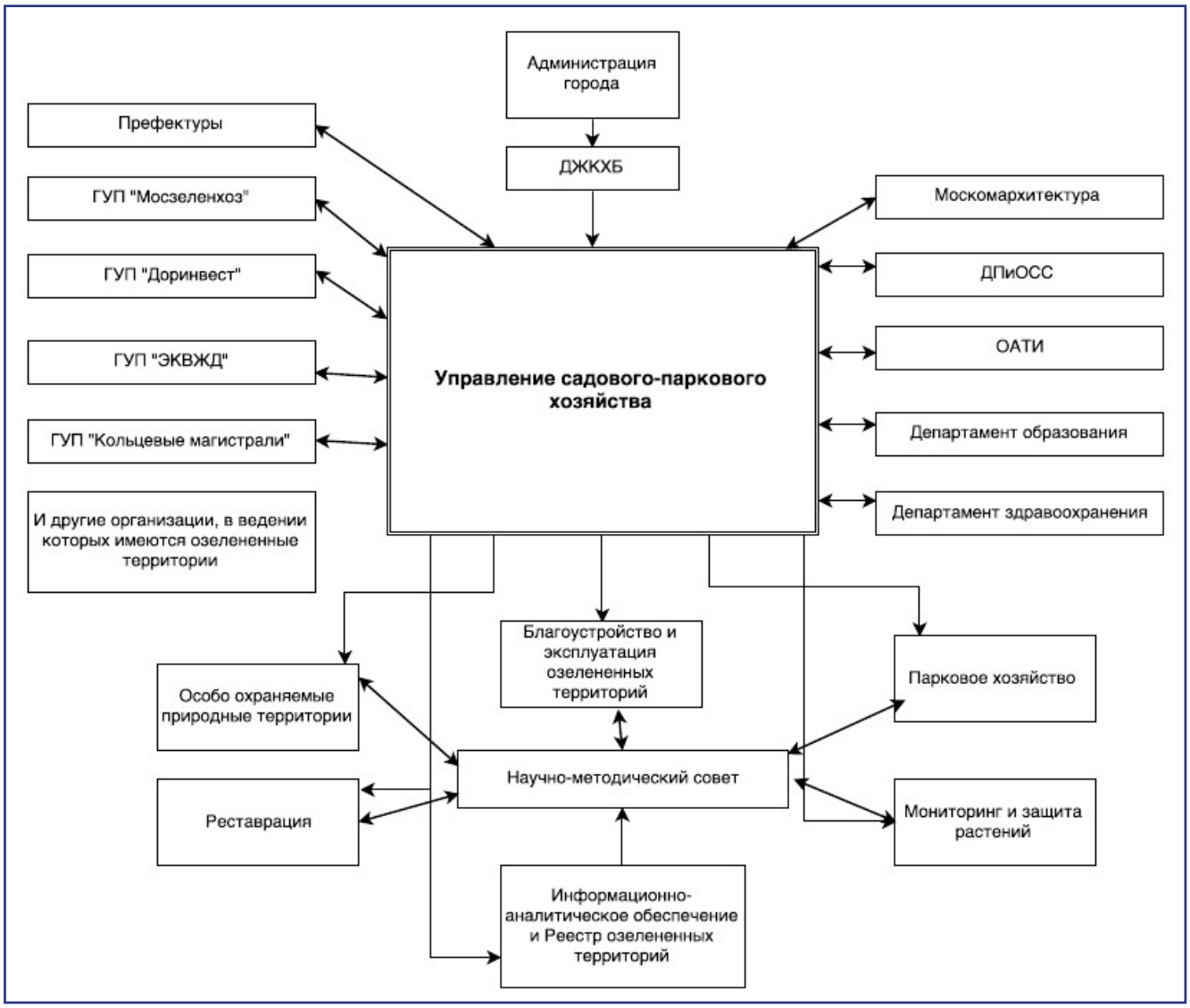


Рис. 1. Структура и функциональное взаимодействие субъектов управления озеленением крупных городов

Из рисунка так же следует, что деятельность ведомства соподчинена и функционально тесно связана с другими структурами городского управления, в введении которых имеются озелененные территории, осуществляющими контроль за экологическим состоянием города, административно-технический контроль.

Список литературы

[1] Ян Гейл. Города для людей. Перевод с англ. М.: Изд-во *«Крост»*, 2012.

[2] *Горохов В.А.* Зеленая природа города. М.: Изд-во *«Архитерура-с»*, 2005.

[3] *Якубов Х.Г.*, *Ананьев П.Б.* К вопросу исследования санитарно-гигиенической эффективности зеленых насаждений в условиях города // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. № 2 (7). 1999. С. 74–76.

[4] Официальный сайт ГИБДД г. Москвы – http://www.gibdd.ru/stat/ (дата обращения: 06.04.2016).

[5] Официальный сайт Москвы http//www. mos.ru (дата обращения: 13.04.2016).

[6] Сайт http://greenologia.ru/eko-problemy/goroda (дата обращения: 15.04.2016).

[7] Экологический рейтинг городов России 2014. Обновлен в 2015 г. – http://www.statdata.ru/russia_eco_raitinghttp://www.stat.data (дата обращения: 18.04.2016).

[8] *Якубов Х.Г.* Экологический мониторинг зеленых насаждений в Москве. М.: *«Стагирит-Н»*, 2005.

[9] *Николаевский В.С.*, *Якубов Х.Г.* Новые методы оценки устойчивости древесных растений к комплексу экстремальных факторов мегаполиса // Проблемы озеленения городов. М.: Прима-М, 2004. Вып.10. С. 146–149.

ТОРГОВЛЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ВОДОЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ВОДООБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

Зеленко П.Е.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье раскрывается проблема бережного и экономного использования природных ресурсов, в частности водных. Всего лишь за сто лет произошел резкий скачок мирового водопотребления, оно увеличилось примерно в 7 раз. В отличие от других стран у России нет проблем с обеспечением экономики топливно-сырьевыми ресурсами и водными ресурсами, проблема России в повышении эффективности использования имеющихся ресурсов и обеспечении устойчивости водообеспечения экономики. В статье раскрывается понятие водоемкости и более широкого понятия, введенного относительно недавно, – «виртуальная вода». Описывается международный рынок торговли «виртуальной водой» и исследования на эту тему, проводимые автором.*

В настоящее время перед всем миром стоит проблема бережного и экономного использования природных ресурсов. Но водные ресурсы это ресурсы особого рода, без которых невозможна реализация никаких используемых сейчас технологий. Кроме того, что вода используется на всех этапах производственных процессов, она также является и конечным продуктом, используемым каждым человеком на планете. В связи с этим, объемы мирового потребления человечеством воды на порядок превышают объемы потребления всех остальных ресурсов. В процессе потребления ресурсов человечество ежегодно перемещает порядка 300 млрд тонн грунта и пород, тогда как из разнообразных водных источников в конце XX века каждый год отбиралось более 4000 км^3 (4·1012 тонн) воды, по массе на порядок больше остальных природных ресурсов в совокупности. [1, с.15–27]. Всего лишь за сто лет произошел резкий скачок мирового водопотребления, оно увеличилось примерно в 7 раз. Согласно данным ООН, за последнее столетие потребление воды более чем в два раза превысило темпы роста населения. Уже сейчас 2,8 млрд. человек (40% населения Земли) в той или иной мере испытывают нехватку воды. Более 1,2 миллиарда человек живёт в условиях физической нехватки воды, когда для различных нужд изымается 75% стока рек (прежде всего это Северная Африка, Ближний Восток, а также некоторые регионы Китая и Индии).

Доступ населения к воде зависит как от природной доступности, но и от других факторов, таких как политические и экономические условия, изменение

* *Зеленко Полина Евгеньевна*, ФГБУН Институт водных проблем Российской академии наук.

моделей климата и доступных технологий. По данным Всемирной комиссии по воде (World Commission on Water), расчетное годовое наличие воды на человека в 2025 году показывает, что, по крайней мере, 40% населения мира, то есть 7,2 млрд. человек могут столкнуться с серьезными водными проблемами. Острая нехватка будет даже в регионах богатых водой, таких как США и Китай. В таблице 1 показана динамика водопотребления по континентам мира.

Таблица 1.

Динамика использования воды на континентах в км³ в год

Континенты	**1900**	**1940**	**1950**	**1960**	**1970**	**1980**	**1990**	**2000**
Европа	37,5	96,1	136	226	325	449	482	463
С. Америка	69,6	221	287	410	555	676	653	705
Африка	40,7	49,2	55,8	89,2	124	166	203	235
Азия	414	682	843	1163	1417	1742	2114	2357
Южная Америка	15,1	32,6	49,3	65,6	87	117	152	182
Австралия и Океания	1,6	6,8	10,4	14,5	19,9	23,5	28,5	32,5
Сумма	**579**	**1088**	**1382**	**1968**	**2526**	**3175**	**3633**	**3973**

Такой резкий рост мирового водопотребления связан с несколькими причинами: развитием экономики и, в связи с этим, промышленности и технологий; увеличением численности населения стран мира и увеличением антропогенной нагрузки на водные ресурсы. Чрезвычайно значительными являются потребности в воде промышленности и сельского хозяйства. Для выплавки 1 т чугуна и перевода в сталь необходимо 50–250 м³ пресной воды, для производства 1 т азотной кислоты – 80–180 м³, хлопчатобумажной ткани – 300–1100 м³, синтетического волокна – 1000 м³, целлюлозы – 200–400 м³, резины – 2500 м³, синтетических тканей – 2000–3000 м³. Огромные объемы воды потребляют энергетические установки для охлаждения энергоблоков, причем значительная ее часть, около 30%, уходит в безвозвратные потери. Так, для работы ТЭС мощностью 1 млн. кВт необходимо 1–1,6 км³ воды в год, а для работы АЭС той же мощности от 1,6 до 3 км³. При этом нижние границы приведенных выше цифр соответствуют самому передовому техническому уровню. Так, для выращивания 1 т пшеницы требуется в среднем 1 км³ воды (данный показатель может быть снижен за счет огромных затрат труда) [2]. Все это приводит к увеличению дефицита запасов воды во многих регионах мира.

В отличие от других стран у России нет проблем с обеспечением экономики топливно-сырьевыми и водными ресурсами. Проблема России – в повышении эффективности использования имеющихся ресурсов и обеспечения устойчивости водообеспечения экономики. (водообеспечение – обеспечение водой требуемого качества предприятий народного хозяйства и населения на определённой территории).

Сейчас в мире наблюдается два важных экономических процесса, касающихся природопользования – перестройка мирового рынка торговли нефтью и глобальный водный кризис. Касаемо перестройки мирового рынка торговли нефтью, следует сказать, что в структуре Российской экономики высокие цены на нефть (до недавнего времени) выразились в существенной деиндустриализации и социализации бюджета. В результате социальные обязательства бюджета сдерживаются *«живучестью»* деиндустриализированной экономики, поэтому высокая цена нефти не ведет к качественному прорыву, что выражается в известной фразе *«рост без развития»*. Ниже представлены графики экспорта нефти Российской Федерацией (рис. 1) и ВВП Российской Федерации (рис. 2) в 2000–2014 гг.

Касаемо мирового водного кризиса следует сказать о следующем. Основные причины возникновения кризиса это увеличение мирового потребления водных ресурсов и одновременно их ухудшение вследствие загрязнения, в связи с чем, доступных водных ресурсов становится все меньше.

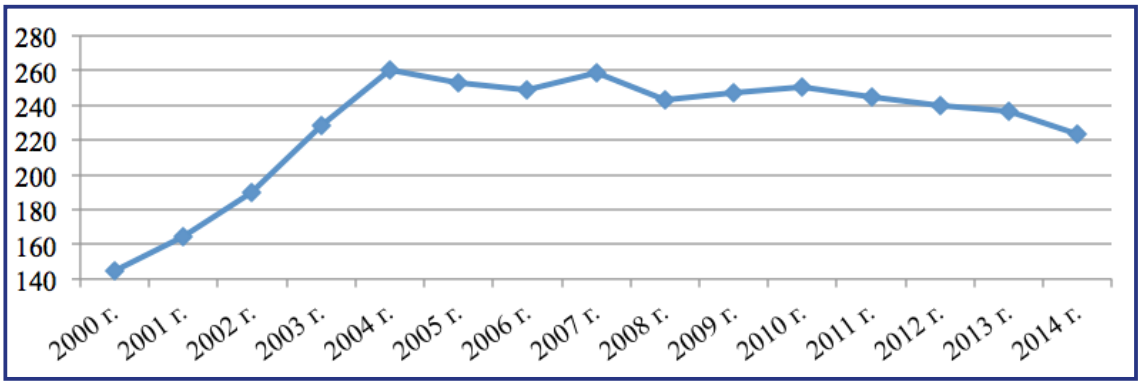


Рис. 1. Экспорт нефти России (млн. тонн) по данным статистики Банка России

Происходящая в настоящее время перестройка мировой экономики в условиях наступающего глобального водного кризиса создает весьма благоприятные условия для стран, богатых водными ресурсами, так как спрос на продукцию, в производстве которой используются водные ресурсы, будет неизбежно расти.

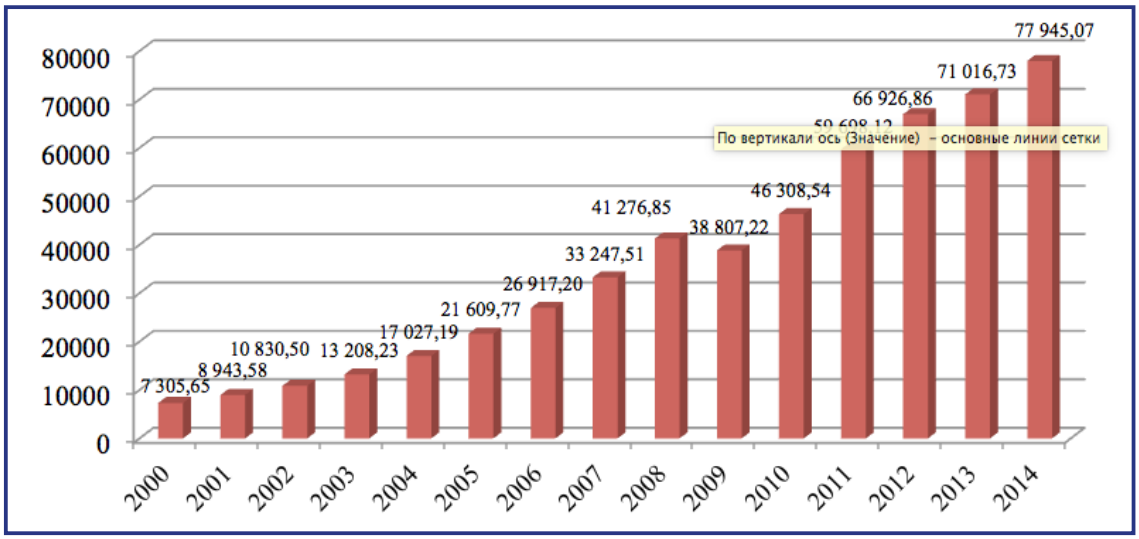


Рис. 2. ВВП России, годовые данные (в текущих ценах, млрд. руб.) по данным Росстата

Страны мира обеспечены водными ресурсами крайне неравномерно. Согласно данным американских ученых A.Y. Hoekstra и A.K. Chapagain, наибо-

лее обеспечены водными ресурсами следующие страны: Бразилия (8 233 км^3), Россия (4 508 км^3), США (3 051 км^3), Канада (2 902 км^3), Индонезия (2 838 км^3), Китай (2 830 км^3), Колумбия (2 132 км^3), Перу (1 913 км^3), Индия (1 880 км^3), Конго (1 283 км^3), Венесуэла (1 233 км^3), Бангладеш (1 211 км^3), Бирма (1 046 км^3).

Нельзя не сказать также и о сложности расчетов доступных водных ресурсов по странам мира, связанные с тем, что немногие страны мира, богатые водными ресурсами, могут похвастаться тем, что имеют *«в своём распоряжении»* бассейны рек, не разделённые территориальными границами. Кроме того, иногда сильно видна разница между общим доступным количеством водных ресурсов в стране и количестве доступных ресурсов на человека. Как, например, в Китае: номинально Китай является одной из стран наиболее богатой водными ресурсами в мире 2 830 км^3 в год, однако при перерасчете доступности ресурсов на одного гражданина, Китай уже можно назвать страной со средним уровнем водообеспеченности. По объему возобновляемых гидроресурсов Китай сегодня занимает пятое место в мире, однако при этом население большинства районов страдает от острейшей нехватки воды. Причины этого в крайне неравномерном распределении осадков по территории страны, сочетании частых наводнений с засухами и плохой водной экологии. На сегодняшний день из 32 китайских мегаполисов 30 испытывают проблемы с водоснабжением, а к 2010 году китайские эксперты прогнозируют первый серьезный *«водяной»* кризис. Ожидается, что к 2030 году Китай превратится в импортера питьевой воды и будет ввозить около 240 млрд. м^3 ежегодно [3].

Существует мнение, что главное преимущество России в *«постнефтяной»* период – водные ресурсы, по запасам которых она занимает второе место в мире. Для того чтобы воспользоваться этим преимуществом необходима существенная модернизация экономики и развитие водохозяйственного комплекса России.

Проблема эффективности использования водных ресурсов не может решаться отдельно от остальных экономических проблем. Для ускорения процесса модернизации и перехода на постиндустриальный путь развития экономики необходимо на государственном уровне расставить приоритеты относительно отраслей, нуждающихся в государственном финансировании в первоочередном порядке.

Наиболее важным условием обеспечения национальных интересов в области экономики является переход к устойчивому развитию при сбалансированном решении социально-экономических задач и проблем сохранения окружающей среды. Экономическая стабильность России невозможна без экологической стабильности, потому что напряженная экологическая обстановка, неблагоприятные изменения окружающей среды предопределяют снижение результативности в экономической сфере. При этом переход к устойчивому развитию должен быть ускоренным, иначе не удастся сохранить, а тем более приумножить российский высокотехнологичный и образовательный потенциал с учетом исчерпания природных ресурсов.

Россия обладает несметными природными ресурсами, потенциально являющимися базой для развития многоотраслевой экономики, обеспечивающими

национальную независимость и комфортные условия проживания. Согласно проведенным расчетам, у России есть вполне реальная возможность стать мировым лидером по более чем 20 прорывным макротехнологиям уже через 5–7 лет. Прежде всего, в России должно быть выгодно производить.

Водные ресурсы критически важны для экономики, так как производство построено на *«мокрых»*, то есть использующих воду технологиях. Вода – самый важный из вовлекаемых в человеческое хозяйство природных ресурсов, по массе ежегодного использования она превосходит все другие добываемые ресурсы вместе взятые. Но в процессе хозяйственной деятельности человечество не ограничивается забором воды из природных источников, фактически используя её значительно больше. Так, в разнообразных технологических процессах и системах производства давно применяется рециклирование воды (повторное и оборотное водоснабжение). Кроме того, человечество искусственно формирует природно-антропогенные водные объекты – водохранилища и пруды, где вода накапливается и в последующем используется для разнообразных целей: получения энергии, орошения земель, речного транспорта, рыболовства и рыбоводства, рекреации и прочего. А также человечество использует водные объекты как транзитные и очистные системы, для сброса и захоронения отходов. Этот способ водопользования требует наибольших объемов воды, хотя в расчетах водопотребления он практически не учитывается. В связи с этим ученые задались вопросом учета всего объема воды, используемого в производстве. Появился термин *«виртуальная вода»*, введенный британским профессором Дж. Алланом в 1993 г. Дж. Алан вывел формулу виртуальной воды, благодаря которой можно рассчитать, сколько жидкости уходит на различные виды человеческой деятельности.

Виртуальная вода – это объем пресной воды, прямо или косвенно затраченный при производстве некого продукта, но не содержащийся в нем. Учитываются абсолютно все расходы воды, которые происходят в процессе выращивания и транспортировки продукта. Эта невидимая условная величина, которой можно измерить производство и потребление всего что угодно. Профессор принимает в расчет все: от рождения коровы и ее ежедневного рациона – до воды, которую может выпить доярка, ухаживающая за животным. По выведенной профессором Дж. Аланом формуле ученые вычислили: на изготовление джинсов тратится около 11 т воды; рубашки – 2,5 т воды; на получение килограмма яиц или риса – 3 т; на изготовление памперсов уходит 800 литров воды, а на сооружение небольшого дома понадобится 8 млн. литров.

Сложность решения выше озвученных экономических вопросов в значительной мере обусловлена недостаточной изученностью вопроса международных потоков *«виртуальной воды»* и недостаточным вниманием к повышению водоемкости производимой продукции. В связи с этим в настоящее время проводится исследование мировой торговли водными ресурсами, а именно *«виртуальной водой»*.

Автором статьи в настоящее время проводится анализ проблем, связанных с нехваткой воды, оценка прогнозных объемов водопотребления при вероятных сценариях социально-экономического и демографического развития. Проводится оценка текущего состояния водообеспеченности стран мира, срав-

нительный анализ; анализ основных характеристик современного состояния мировой торговли *«виртуальной водой»*; оценка перспектив изменений потоков *«виртуальной воды»* в мировой торговле для повышения эффективности использования водных ресурсов.

Введение профессором Дж. Алланом понятия *«виртуальной воды»* оказало существенное влияние на методы мировой торговой политики, производства пищевых продуктов, исследований проблем, связанных с нехваткой воды. По результатам анализа статистических данных было выявлено, что одни страны (США, Аргентина, Бразилия) *«экспортируют»* миллиарды литров виртуальной воды в год, другие – *«импортируют»*. К странам наиболее зависимым от импорта воды можно отнести Кувейт и Мальту (импорт воды составляет 87%), Нидерланды (82%), Бахрейн и Бельгию (80%). Рассчитав, в каких местах виртуальная вода наиболее востребована, а в каких ее производство наиболее выгодно, можно найти наиболее эффективные торговые пути.

В глобальном масштабе сбережения воды можно достичь при условии, если сельскохозяйственные товары будут экспортироваться из регионов с высокой продуктивностью воды в регионы с низкой продуктивностью воды. Если бы сейчас страны-импортеры производили все импортируемые сельскохозяйственные продукты на своей территории, им бы требовалось 1 600 км^3 воды в год; однако, продукты производятся с использованием лишь 1 200 км^3/год в странах-экспортерах, при этом удается экономить в глобальном масштабе около 400 млрд. м^3 водных ресурсов в год. Помимо сбережения воды такая стратегия приведет и к улучшению макроэкономических показателей стран. Так, например, у стран, страдающих от нехватки воды, импорт виртуальной воды должен заметно превышать экспорт.

Экономическая сторона – самая важная часть понятия *«виртуальная вода»*. По сути, Дж. Алан предложил странам, в которых наблюдается дефицит водных ресурсов, математическую формулу спасения бюджета нации. Он даже назвал ее политической экономией воды. По мнению профессора, таким странам нужно производить товары, требующие меньшего расхода жидкости.

На глобальном уровне торговля виртуальной водой имеет геополитический подтекст: она вызывает взаимозависимость между странами. Поэтому ее можно рассматривать либо как стимулятор сотрудничества и мира, либо как источник потенциального конфликта. Кроме того, для стран со скудными водными ресурсами может быть привлекательным импорт виртуальной воды (за счет импорта из воды наукоемкой продукции), таким образом, уменьшая давление на внутренние водные ресурсы. Это происходит, например, в странах Средиземноморья, на Ближнем Востоке и в Мексике. В странах Северной Европы импортируется большое количество воды в виртуальном виде (больше, чем экспорт), но это не обусловлено нехваткой воды. Модель международной торговли может быть сформирована только на основе множества факторов, нехватка воды является лишь одним из них.

Выяснилось, что в среднем экспортируемые товары потребляют и загрязняют поверхностные и подземные воды в большей степени, чем товары, потребля-

емые на внутреннем рынке. Оказалось, что для стран в Центральной и Юго-западной Азии, а также в Северной Африке характерны наименее рациональные модели использования воды на душу населения, основанные не на потребленном объеме, а на их зависимости от ограниченных запасов подземных вод.

Данные, которые лежат в основе концепции виртуальной воды, легко могут быть использованы для построения вспомогательных счетов воды, например, в экономической модели международной торговли, таких, как GTAP Вычислимой Модели Общего Равновесия. Такая модель может быть использована для изучения экономических последствий изменения водоснабжения или водной политики, а также водных ресурсов, последствия экономического развития и либерализации торговли.

Автором статьи сделано предположение о том, что на основе имеющихся разрозненных статистических данных о водных ресурсах и их потреблении по странам мира возможно построение мировой модели торговли *«виртуальной водой»*. Целью исследования является выявление основных характеристик мировой торговли *«виртуальной водой»* путем создания цифровой модели на основе географических и экономических факторов. Зависимой переменной в модели является итоговый поток виртуальной воды – “total water flow” (может быть как положительный в том случае, если страна в основном осуществляет импорт виртуальной воды, так и отрицательный, в случае если страна в основном экспортирует виртуальную воду). Модель позволит оценить перспективы изменений потоков *«виртуальной воды»* в мировой торговле для повышения эффективности использования водных ресурсов, а также выявить закономерности изменения водоемкости экономики России и стран мира.

К настоящему времени автором статьи анализируются географические факторы, влияющие на международную торговлю виртуальной водой, проведена их количественная оценка и приведение к однотипной единице измерения. Данное приведение было необходимо для того, чтобы составить статистическую выборку, на основе которой с помощью эконометрических программ расчета (например, MATLAB, statistica), можно будет составить регрессионное уравнение. Зависимой переменной в указанном уравнении на настоящий момент является итоговый поток виртуальной воды – “total water flow” (может быть как положительный в том случае, если страна в основном осуществляет импорт виртуальной воды, так и отрицательный, в случае если страна в основном экспортирует виртуальную воду). После анализа корреляции перечисленных географических факторов и зависимой переменной, можно будет провести корректировку модели, выявляя наиболее существенные географические факторы и наименее существенные. После чего в модели должно остаться оптимальное количество факторов, влияние которых оказывает наибольшую роль на международный рынок торговли виртуальной водой. В дальнейшем полученную модель возможно использовать при планировании экономической деятельности. На данный момент производится анализ существенности таких факторов как:

– Водообеспеченность региона;
– Тип экономики (индустриальная, постиндустриальная, ...);

– Доступность водных ресурсов;
– Общий технологический уровень экономики (уровень обработки ресурсов);
– Степень рациональности использования ресурсов.

Автор статьи надеется, что исследование поможет оценить различные факторы, от которых зависит устойчивость водоемкости экономик различных государств, (и, в частности, Российской Федерации), а также откорректировать нерациональные методы потребления и неэффективность в производстве. При разработке национальных планов правительства различных стран ищут способы удовлетворить водопользователей, не ставя под сомнение общий объем потребности в воде. Даже если правительства в настоящее время будут рассматривать варианты сокращения потребности в воде, в дополнение к возможности увеличения поставок, то они, как правило, не учитывают глобальный характер модели спроса на воду. Немногие страны, торгующие водоемкими товарами, явно рассматривают варианты экономии воды за счет импорта из водоемких продуктов или использование относительного изобилия воды для производства водоемких товаров на экспорт. Кроме того, глядя на использование воды в нуждах только своей страны, правительства не имеют полное представление об устойчивости народного потребления. Многие страны существенно экстернализованы из-за того, что импортные товары связаны с истощением или загрязнением воды в странах-производителях.

Обобщая выше изложенное, можно сделать вывод о том, что создание современной промышленной базы для построения реальной инновационной экономики и достижения ее устойчивого развития основывается на трех крупных задачах:

1. Привлечение инвестиций в создание новых, высокопроизводительных производств;
2. Модернизация существующих предприятий, повышение их конкурентоспособности, повышение эффективности использования водных ресурсов, уменьшения водоемкости производимой продукции;
3. Развитие инновационных отраслей и предприятий.

Список литературы

[1] *Helmer R.* Water demand and supply // Nucl. Desalinat. Sea Water: Proc. Int. Symp., Taejon, 26–30 May, 1997.

[2] *Назаров В.П.* О некоторых международных проблемах водопользования в мире и угрозах национальной безопасности России // Право и безопасность. № 2 (35).

[3] *Раисов С.* Трансграничные реки: Китаю нужно много воды. Время ПО, 04.12.2000.

УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Гвозданный В.А., Осипов А.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *В статье проанализированы состояние и потенциал пресноводных ресурсов современной России, особенности водохозяйственного комплекса страны, раскрыты особенности системы управления водными ресурсами и её роль в устойчивом развитии экономики страны. Выявлены направления организационных преобразований для повышения эффективности управления водным хозяйством России.*

Вода на протяжении всей истории нашей планеты играла и играет неоценимую роль в становлении и существовании биосферы, общества, жизни человека и развитии современной цивилизации. В.И. Вернадский подчеркивал, что *«вода стоит особняком в истории нашей планеты. Нет природного тела, которое могло бы сравниться с ней по влиянию. Нет земного вещества – минерала, горной породы, живого тела, которое бы ее не заключало. Все земное вещество – под влиянием свойственных воде частичных сил, ее парообразного состояния, ее вездесущности в верхней части планеты – ею проникнуто, все и охвачено»* [2]. В современном мире пресная вода является важнейшим ресурсом, необходимым для устойчивого развития сельского хозяйства, промышленности, энергетики и обеспечения жизни современных людей. В настоящее время народонаселением мира используется примерно 54% всего доступного стока поверхностных пресных вод планеты, годных к употреблению. С учетом темпов роста глобальной экономики, населения планеты (прирост на 85 млн. чел. в год) и других факторов, ожидается, что к 2025 г. потребление доступного стока воды увеличится до 70%, а к 2040 г. объём экономически доступной пресной воды сравнится с ее потреблением.

К 2025 г. численность живущих при постоянной нехватке пресной воды превысит 4 млрд. человек [3]. Пресная вода занимает особое место в ряду глобальных экологических благ (климат, воздух, солнечный свет, географический ландшафт и др.) – её объемы ограничены и она неравномерно распределена по планете. Это приводит к тому, что ресурсы пресной воды для стран с трансграничными водами становятся причиной международных споров и конфликтов, ведут к обострению международной обстановки. Процесс усиления водного дефицита на планете обусловлен:

– ростом численности населения планеты, стремлением людей повысить уровень, качество и комфортность жизни;

* *Гвозданный Вячеслав Афанасьевич*, к.филос.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *Осипов Алексей Анатольевич*, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

– ориентацией большинства национальных экономик мира на экстенсивные факторы развития и расширение масштабов водопользования;
– увеличением антропогенной нагрузки на водные объекты, истощением водных ресурсов, ухудшением качества пресной воды.

В современном мире критический уровень потребления воды – 1700 м^3/чел. в год характерен для стран Ближнего Востока и Западной Европы, средний показатель водообеспеченности в мире – 7400 м^3/чел. в год характерен для Восточной и Южной Азии, высокий уровень водообеспечения – более 20000 м^3/чел. в год, характерен для Бразилии, Канады, России. Ниже приведены сравнительные характеристики крупнейших по территории стран мира по наличию ресурсов пресной воды и водообеспеченности населения (табл. 1).

Таблица 1.

***Валовые ресурсы пресной воды и водообеспеченность** населения разных стран, м3/чел. в год*

Страна	***Обеспеченность водными ресурсами, км^3/год***	***Площадь территории, км^2***	***Водообеспеченность, тыс. м^3/год на чел.***	***Численность населения на 2015г.***	**ВВП на чел. в год, в $ США (прогноз МВФ на 2016 г.)**
Канада	3420	9 984 670	97,5	35 051 000	40409
Бразилия	8120	8 514 877	38,7	209 401 000	7447
Россия	4348	17 098 242	29,6	146 696 000	7742
Австралия	352	7 741 220	15,8	22 250 000	49144
США	3048	9 826 675	9,3	325 723 000	57220
Китай	2700	9 596 961	1,9	1 390 000 000	7989
Индия	2037	3 287 263	1,6	1 260 000 000	1747

Составлена авторами по [5; 8; 9; 10].

Россия является одним из наиболее богатых и обеспеченных пресными водными ресурсами регионов мира. Основным источником пресной воды в Российской Федерации являются реки. По ее территории протекает более 2,5 млн. рек. Подавляющее большинство из них (94,9%) имеют длину 25 км и менее. Число средних рек длинной от 101 до 500 км составляет 2833 (0,1%), число крупных рек от 500 до 5570 км – 214 (0,008%). Реки России принадлежат бассейну трех океанов: Северного Ледовитого, Тихого и Атлантического. Кроме того, часть рек впадает во внутренние, не связанные с Мировым океаном, моря и озера [4]. На территории России насчитывается более 2,7 млн. озер с суммарной площадью водной поверхности 408 856 км^2. Среди них только 19 озер имеют площадь зеркала, превышающую 1000 км^2. Суммарная площадь зеркала этих озер составляет 108065 км^2. Большинство озер (98%) – небольшие (площадь зеркала менее 1 км^2) и мелководные (глубина 1–1,5 м). Свыше 90% всех запасов озерных вод сосредоточено в восьми крупнейших озерах России,

из них 95,2% находится в озере Байкал. Объем озера Байкал, составляющий 23 тыс. км^3, в 5 раз превышает суммарный годовой сток всех рек России [7].

Болота и заболоченные участки занимают не менее 8% территории России. Болотные массивы, в основном, расположены на северо-западе и севере Европейской части страны, а также в северных районах Западной Сибири. Их площади колеблются от нескольких гектаров до десятков квадратных километров. Болота занимают порядка 1,4 млн. км^2 и аккумулируют огромные массы воды. В болотах сосредоточено около 3000 км^3 статических запасов природных вод [7].

Естественные ресурсы подземных вод составляют примерно 790 км^3/год. Потенциальные эксплуатационные ресурсы оцениваются к настоящему времени в объеме свыше 316 км^3/год. Более трети потенциальных ресурсов сосредоточены в Европейской части страны. На территории России для хозяйственно-питьевого и производственно-технического водоснабжения, а также для орошения земель к концу 90-х годов прошлого столетия были разведаны более 3800 месторождений подземных вод, из них 1777 месторождений находились в эксплуатации. Особую ценность представляют минеральные подземные воды, широко используемые в медицине и различных отраслях хозяйственной деятельности страны. По состоянию на 1.01.2012 г. количество разведанных месторождений и участков минеральных вод составило 845, их запасы – 343620 м^3/сут., однако они неравномерно распределены по территории России – 75% их сосредоточено в Центральном районе Европейской части РФ и на Северном Кавказе [6]. Важным ресурсом пресной воды являются геотермальные воды, которые используются в ряде регионов нашей страны для выработки электроэнергии. Общие прогнозные ресурсы термальных вод и парогидротерм (с температурой от 40° до 200 °С) по перспективным регионам их распространения (Северный Кавказ, Западная Сибирь, Дальневосточный федеральный округ) оценены в 1,16 млн. м^3/сут. (теплоэнергетический потенциал – 23,3 млн. Гкал/год), при насосном – 19,0 млн. м^3/сут. (229,8 млн. Гкал/год), а также в 1000 МВт установленной мощности ГеоЭс. Степень использования разведанных запасов термальных вод не превышает 20%, а пароводяной смеси – около 40–50%.

Необходимо отметить, что наличие таких запасов геотермальных вод в стране открывает большие возможности для развития геотермальной энергетики в регионах их распространения. А это может не только снять вопроса дефицита энергии, но и создает условия для развития альтернативного источника энергии [6]. Необходимо также отметить, что на территории России большие запасы пресной воды *«законсервированы»* в ледниках и снежниках горных районов определяющих водность горных рек. Основная масса ледников и снежников сосредоточена на арктических островах и в горных районах. Самые большие по площади горные ледники расположены на Кавказе, Камчатке, Алтае, в северной и северо-восточной частях Сибири. Арктические ледники занимают площадь примерно 55тыс/км. Гидрологическая роль ледников заключается в перераспределении стока атмосферных осадков внутри года и сглаживании колебаний годовой водности рек. Основные источники и суммарные пресноводные ресурсы на территории нашей страны приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Суммарные пресноводные ресурсы Российской Федерации

Суммарные водные ресурсы России		
Водные ресурсы	**Средний многолетний объем возобновляемых водных ресурсов, км^3/год**	**Статический запас, км^3**
Речной сток	4270	
Озера	532	26600
Болота	1000	3000
Ледники	110	39890
Поземные воды	787	28000
Почвенная влага	3500	

Составлена авторами по [7].

Не смотря на высокую обеспеченность России водными ресурсами, существует ряд серьезных проблем при их использовании: неравномерное распределение водных ресурсов по территории страны, которые не согласуются с потребностями в них населения, экономики и сельского хозяйства; сезонная неравномерность стока рек; высокая степень загрязнения водных объектов; расточительное использование водных ресурсов; отсутствие необходимой и эффективной инфраструктуры в районах наименее обеспеченных водными ресурсами и ряд других. Ниже приведены данные о водообеспеченности населения России по Федеральным округам (табл. 3). Из таблицы видно, что распределение водных ресурсов по территории нашей страны крайне не равномерно. Водообеспеченность Дальневосточного Федерального округа и Республики Крым имеют колоссальное различие. Так же можно отметить ограниченность водных ресурсов в таких Федеральных округах как Северо – Кавказском, Южном, Центральном и Приволжском. А это оказывает существенное влияние на устойчивое развитие данных регионов.

Для управления ресурсами пресной воды на протяжении XX века в стране был создан водохозяйственный комплекс – один из крупнейших в мире (включающий более 30000 водохранилищ общим объемом свыше 800 км^3, сеть каналов межбассейнового и внутрибассейнового перераспределения стока, водохозяйственных систем воднотранспортного назначения общей протяженностью более 3 тыс. км, свыше 10000 км дамб и других объектов инженерной защиты. ВХК России насчитывает более 65000 объектов водохозяйственного назначения, в том числе более 29000 напорных ГТС, решающих задач водообеспечения и обводнения гидроэнергетики, водного транспорта, рыбного и сельского хозяйств. Общий объем забора водных ресурсов из природных водных объектов в Российской Федерации предназначенный для удовлетворения потребностей населения и экономики страны превышает 80 куб. км в год.

Таблица 3.

Водообеспеченность населения России по Федеральным округам

Федеральный округ	Площадь территории км^2	Население, млн. чел.	Среднее многолетнее значение водных ресурсов, км^3/год	Водообеспеченность водными ресурсами, тыс. м^3/год на чел.
Северо-Западный	1 677 900	13,5	607,4	52,8
Центральный	650,2	37,2	126,5	3,4
Приволжский	1037	30,2	271,3	11,0
Южный	420,9	22,8	309	15,7
Уральский	1818	12,2	597,3	59,7
Сибирский	5145	19,6	1321,1	77,8
Дальневосточный	6169,3	6,5	1847,8	309,8
Северо -Кавказский	170,4	9,7	60,1	4,3
Крым	27	2,3	0,56	0,021

Составлена авторами по [4; 8]

Основные производственные фонды водохозяйственного назначения распределяются следующим образом: сельское хозяйство – 27,1%, ЖКХ – 20%, гидроэнергетика – 14,6%, водный транспорт – 5,7%, рыбное хозяйство – 2%, водные ресурсы – 1,7%. Наиболее крупными являются комплексные гидроузлы, в составе которых находится 111 гидроэлектростанций. Ежегодная выработка электроэнергии на ГЭС составляет 156–170 млрд кВт ч. в зависимости от водности года [4]. На протяжении всего периода развития СССР и особенно в 70-е – 80-е годы XX века, большое внимание уделялось созданию мощной ресурсной базы Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР, которое отвечало за развитие водохозяйственного комплекса СССР (рис. 1).

На современном этапе развития страны государственное управление в области использования и охраны водных объектов осуществляют Правительство Российской Федерации и специально уполномоченные государственные органы управления. На Министерство природных ресурсов (МПР) России возложено осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере изучения, использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов, включая водный фонд, а также эксплуатацию и обеспечение безопасности водохранилищ и водохозяйственных систем комплексного назначения, защитных и других гидротехнических сооружений. Росводресурсы являются одним из основных государственных органов, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению федеральным имуществом в сфере водных ресурсов.

Рис. 1. Ресурсы системы управления водным хозяйством СССР в 1985 г. [1]

Современная многоуровневая структура управления водным хозяйством нашей страны построена по территориальному принципу и имеет три основные блока различного уровня (рис. 2):

- федеральный уровень – основные функции выполняются Федеральным агентством водных ресурсов входящего в структуру МПР, а также 11 министерствами и ведомствами;
- межрегиональный уровень – управление происходит через бассейновые водные управления подчиняющиеся Росводресурсам и организации, подведомственные напрямую МПР в лице Росводресурсов;
- региональный уровень – управление на уровне субъектов РФ ведется отделами водных ресурсов в региональных администрациях.

К основным недостаткам современной системы управления водными ресурсами можно отнести: – излишнюю централизацию и неоптимальное распределение полномочий между федеральными органами исполнительной власти; – диспропорции в отношениях собственности на водный фонд и водохозяйственный комплекс России, возникшие в результате преобразований собственности; – несовершенство законодательной базы (внутренне противоречива и недостаточно разработана); – несоответствия разделения территорий административных образований России, в границах которых осуществляется управление водными ресурсами, с контурами бассейнов водных объектов; – неэффективность экономических механизмов в сфере использования и охраны водных объектов, и недостаточное финансирование водохозяйственного комплекса.

Для устранения отмеченных недостатков и повышения эффективности управления водными ресурсами страны необходимо проводить организационные изменения по следующим направлениям:- провести оптимизацию структур организационного механизма управления на федеральном уровне; – более активно использовать рыночные механизмы, в том числе государственно-част-

ное партнерство; – модернизировать законодательную базу; – повысить эффективность системы мониторинга; – более активно использовать институты гражданского общества.

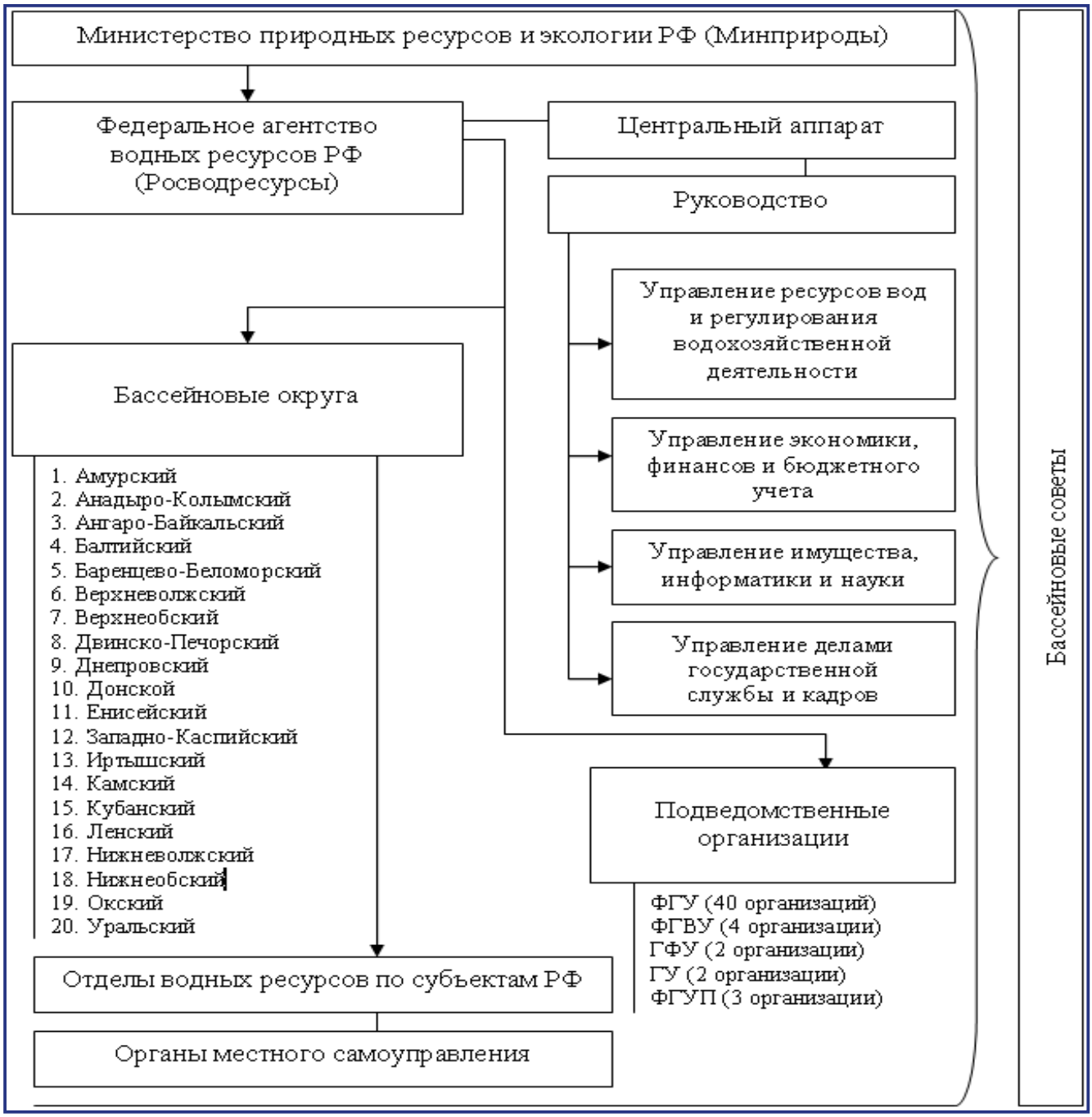


Рис. 2. Современная структура управления водным хозяйством России

Список литературы

[1] *Бабина Ю.В.* Островский **Г.М.** Управление водными ресурсами России. М.: АМА-ПРЕСС, 2008.

[2] *Вернадский В.И.* История природных вод / Отв. ред. С.Л. Шварцев, Ф.Т. Яшина. М.: Наука, 2003.

[3] *Данилов-Данильян В.И.* Глобальная проблема дефицита пресной воды // Век глобализации. № 1. 2008. С. 45–56.

[4] **Государственный доклад** *«О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2014 году»* – URL: http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/317/gosdoklad_2014.pdf (дата обращения: 05.05.2016).

[5] *Данилов-Данильян В.И.* Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России – URL: http: //www .sustainablede vel -opment.ru/upload/File/Books/Inst_book_2_1 (дата обращения: 05.04.2016).

[6] Все о минерально-сырьевом комплексе мира – http://www.mineral.ru/Facts/russia/131/291/index.html (дата обращения: 07.04.2016).

[7] Национальный атлас России. Т. 2. *«Природа и экология»*. Раздел *«Воды суши»* – http://национальный атлас РФ /cd2/index.html (дата обращения: 08.04.2016).

[8] **Официальный сайт Республики Крым**. Министерства, ведомства, комитеты, муниципальные образования – URL: http://rk.gov.ru/rus/ministries.htm (дата обращения: 09.04.2016).

[9] *П*лощадь стран мира – URL: http://ostranah.ru/_lists/area.php (дата обращения: 10.04.2016).

[10] Список стран по ВВП на душу населения, 2015 г. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 10.04.2016).

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНА НИЖНЕЙ ВОЛГИ И ИХ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Болгов М.В., Митина Н.Н., Малашенков Б.М.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Западный ильменно-бугровый район волжской дельты – зона интенсивного сельского хозяйства, где под влиянием хозяйственной деятельности быстро ухудшается экологическая обстановка. Количество пресноводных проточных водоемов быстро сокращается, уменьшается их площадь, повышается количество солей, что ведет к снижению не только хозяйственной ценности ильменей как источников водоснабжения, мест нереста и нагула рыб, размножения водоплавающих и околоводных птиц, но и ставит под угрозу само существование этой уникальной экосистемы, аналогов которой в мире нет. В работе предложены разнообразные меры, направленные на поддержку и восстановление ЗПИ, в первую очередь это комплексные организационно-технические мероприятия по реконструкции систем орошения.*

Территория Западных подстепных ильменей (ЗПИ) расположена в Астраханской области в западной части Нижней Волги и представляет собой равнину, испещренную грядами высотой до 20 м (т.н. *«буграми Бэра»*) и между ними слабовогнутыми или плоскими западинами, занятыми временными или постоянными озерами (т.н. *«ильменями»*). Ильмени представляют собой в разной степени засоленные озера вытянутой формы с относительно плоским дном длиной от сотен метров до нескольких километров и глубиной от 0,5–1м в межень до 2–3,5м в половодье. Часть ильменей соединяются между собой протоками (ериками), образуя параллельные цепочки. Дно ильменей состоит из илистых осадков с небольшими прослойками песка, переотложенного со склонов бугров, часто засоленных. Современная площадь ильменей оценивается в пределах 4,3–5,5 тыс. км2 [2 с. 48; 3 с. 60], а тенденция к ее сокращению, отмеченная более полувека назад [1, с. 16], сохраняется.

Засушливый климат от сухого степного и полупустынного до пустынного, незначительные осадки (не более 180 мм в год), высокое испарение (слой эффективного испарения составляет около 900 мм в год), малая глубина залегания минерализованных грунтовых вод, отсутствие естественного дренажа способствуют развитию процессов иссушения и засоления [2, с. 50]. Водный

* *Болгов Михаил Васильевич*, ФГБУН Институт водных проблем Российской академии наук (ИВП РАН); *Митина Наталья Николаевна*, д. геогр.н., профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова; *Малашенков Борис Михайлович*, к. геогр. н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова, кафедра отраслевого и природно-ресурсного управления.

режим на территории ЗПИ обеспечивается поступлением воды в половодье, главным образом, из Волги и самого крупного ее рукава – Бахтемира. В межень большинство протоков пересыхают. В части ильменей и внутренних водотоков уровенный режим поддерживается искусственно, с помощью оросительных систем, подкачки насосными станциями и строительством земляных дамб и шлюзов для предотвращения обратного оттока воды из ильменей на спаде половодья. Поступление полых вод в западные ильмени самотеком по большинству водных путей происходит лишь при достижении на водопосту г. Астрахань абсолютных отметок воды 23,50 м в Балтийской системе высот (БС) [7, с. 18].

После зарегулирования стока Волги значительные пространства ЗПИ перестали ежегодно заливаться паводковыми водами. Строительство дорог, мостов, железнодорожных путей, дамб обвалования и т.п. еще более ухудшило обводнение территории и уменьшило площади ее затопления. Понижение уровня Каспийского моря, и, как следствие, уменьшение питания ильменей нагонными водами, также способствовали сокращению их водной поверхности. За последние десятилетия обмеление истоков водотоков, питающих ильмени, и понижение отметки дна русла Бахтемира на 2–4 м привело к уменьшению уровней воды в русле рукава и, соответственно, к снижению стока в ильмени [8, с. 212]. За последние полвека многие протоки и ерики, по которым происходит водообмен между ильменями, расположенными в удалении от основных питающих водотоков, заросли, осолонились или полностью пересохли.

С 70-х годов прошлого века обозначилась проблема нехватки питьевой воды для населения. С целью решения этой проблемы возникли водоводы, которые представляют собой ильмени, соединенные искусственными каналами глубиной 1,5–3 м, пресная вода в которые поступает из Волги и Бахтемира, однако подача воды в этих водных трактах замедлена в связи с особенностями работы подающих насосных станций первого подъема, а поступающая вода часто засолена и загрязнена [9, с. 238].

ЗПИ расположены в трех районах (Лиманском, Наримановском и Икрянинском) Астраханской области с 60 населенными пунктами и более 120 тыс. населения. В этих районах на хозяйственно-питьевые нужды население использует в основном воду технических водопроводов, не имеющих комплекса очистных сооружений. Обработка воды на данных водопроводах предусматривает забор воды, отстой, примитивное хлорирование (или его отсутствие) и доставку к потребителю по системе трубопроводов. Наиболее критическая ситуация по обеспечению населения ЗПИ качественной питьевой водой складывается в Икрянинском и Наримановском районах. Основная масса населения пользуется водопроводами местного значения, не имеющими водопроводных очистных сооружений с элементарными методами обработки воды. Это не исключает возможность самостоятельного водозабора и использования речной воды для нужд хозяйственно-питьевого водопотребления. Следовательно, существует постоянная опасность отравления, заражения и возникновения эпидемических заболеваний у населения.

Территория Лиманского района составляет 523,4 тыс. га [10, с. 5]. На территории района находятся один поселок (Лиман) и 29 сельских населенных пун-

ктов с общей численностью постоянного населения 31478 чел. (здесь и далее данные по состоянию на 01.01.2014 г.), из них городское население составляет 26,9%, сельское – 73,1%. Основные поверхностные водотоки на территории МО *«Лиманский район»* – рукав Бахтемир, протоки Подстепок, Главная Протока, Садовка, Три Ерика, ерик Харбата. Воды Каспийского моря вглубь территории поступают через ильмень Татарская Бороздина, заливы Мечетный Проран, Харбата, пролив Прорва, протока Центральная Жилка. К наиболее значительным по площади водоемам на территории района относятся ильмени Татарская Бороздина, Большая Чада, Газын, Дапхур, Хатын, Бол. Гашун, Торгун, Мангутинский, Гурбут. Бахтемир является источником воды для водоснабжения населения муниципального образования (МО). Подача воды осуществляется по системе Лиманского группового водопровода с проектной мощностью водозаборных сооружений 0,15 м^3/с (4,4 тыс. м^3/сутки, 1,6 млн. м^3/год) при минимальном расходе воды в рук. Бахтемир 160 м^3/с. Насосной станцией второго подъема очищенная вода подается в населенные пункты. Протяженность водопроводной сети равна 226,8 км. Износ сетей составляет 70%, что не может обеспечивать стабильного водоснабжения населения водой питьевого качества. Кроме того, из рук. Бахтемир осуществляется забор воды в водные тракты в объеме до 450 млн. м^3/год для подпитки ильменей, утративших гидравлическую связь с основным водотоком. Лиманский район является преимущественно аграрной территорией, располагая обширными сельскохозяйственными угодьями общей площадью 349200 га, в структуре которых наибольший удельный вес занимают пастбища (95,4%) и пашни (2,3%). Орошаемые пашни занимают 6700 га или 81,7% общей площади пашен, что является достаточно высоким показателем для районов Астраханской области.

Одним из традиционных направлений экономического развития Лиманского района является рыбная отрасль. На территории района общая площадь ЗПИ составляет 36,0 тыс. га, из которых для целей рыбоводства используется 8,8 тыс. га, для рыболовства – 7,6 тыс. га; дополнительно для рыбохозяйственной деятельности могут быть использованы 9,7 тыс. га. Оставшиеся 10 тыс. га представляют собой сильно заросшие ильмени и протоки, которые без проведения дорогостоящих мелиоративных работ не представляют интереса для рыбохозяйственной деятельности. Более 80% выращенной прудовой рыбы приходится на хозяйства всего четырех МО, а на территории семи МО прудовые хозяйства отсутствуют [10, с. 18].

Чересполосные участки района, расположенные в пустынной зоне, лишены, в основном, каких либо постоянных водотоков и используются преимущественно для скотоводства. Характерным фактом является тенденция снижения урожайности основной в прошлом сельскохозяйственной культуры – бахчевых, что связано с высокими затратами на поддержку технического состояния водотоков, используемых для полива бахчевых. Занимаемые под бахчевые культуры площади после непродолжительного использования (редко более двух сезонов) забрасываются и практически выбывают из сельскохозяйственного оборота. Вместо выбывших площадей, осваиваются, как правило, новые площади, изымаемые преимущественно из фонда пастбищных угодий, сокра-

щая тем самым кормовые ресурсы животноводства (овцеводства). Увеличение нагрузки на площади пастбищ ведет к ускоренной их выбиваемости и выбытию из пастбищного оборота.

Централизованная система канализации при наличии очистных сооружений в настоящее время имеется только в двух населенных пунктах – посёлке Лиман и селе Зензели. В остальных населённых пунктах сбор сточных вод осуществляется в выгребные ямы с последующим вывозом отходов на свалки. Хозяйственно-бытовые сточные воды, нечистоты на территории населенных пунктов в основном собираются в выгребные ямы с последующим размещением на свалках твердых бытовых отходов (ТБО) и полях фильтрации. Часть стоков по системе хозбытовой канализации подается на водоочистную станцию (ВОС), сброс очищенных сточных вод осуществляется в поверхностные водные объекты. Например, в рук. Бахтемир сбрасываются промывные воды с ВОС Лиманского группового водопровода в объеме 305 тыс. $м^3$/год.

Территория Нариманов ского района составляет 6,1 тыс. $км^2$ [5, с. 31] с населением численностью 46868 чел. Промышленность представлена предприятиями машиностроения, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, химической, нефтехимической, пищевой, легкой и стройиндустрией. Ведущая отрасль промышленности района – машиностроение, удельный вес которой в общем объёме промышленного производства района составляет 24,6%. Всего в районе действует 40 предприятий обрабатывающих производств. Наибольшее количество предприятий с частной формой собственности сосредоточено в пищевой промышленности: на них приходится до 90% объема всей выпущенной продукции отрасли.

Одновременно район является и одним из лидеров области по темпам производства сельскохозяйственной продукции, основным направлением которой является развитое животноводство (овцеводство, коневодство, верблюдоводство), в растениеводстве приоритетное направление – овощеводство и картофелеводство. Отмечен ежегодный рост производства всех видов животноводческой продукции. Рост производства наблюдается по овощным культурам и картофелю: производство картофеля увеличилось на 43,1% [5, с. 24]. Посевные площади под возделывание овощей – 1558 га – являются самыми обширными в ЗПИ. Однако по району в целом имеется тенденция к снижению площади пашни под посевы зерновых, что связано с возрастающими год от года материальными затратами на их производство. Из имеющихся в районе 10515 га орошаемых земель хозяйствами всех категорий использовалось под посевы сельскохозяйственных культур 2548 га (24,4%), что обусловлено напряжённой ситуацией с поливом. Продолжается тенденция к снижению пашни под производство бахчевых культур, одна из причин – отсутствие воды для полива в традиционной для возделывания арбузов зоне западных подстепных ильменей. В районе зарегистрированы 23 прудовых хозяйства, при этом улов рыбы и добыча морепродуктов составили всего 370 т (39% от выделенной квоты) [5 с. 62; 7, с. 114].

Одной из самых острых проблем района является обеспечение населения питьевой водой. Общая протяженность инженерных сетей – водоводов состав-

ляет 200.5 км, разводящих сетей – 47.9 км. В районе действуют 12 водопроводов, шесть отдельных водопроводных сетей, три канализации, две отдельные канализационные сети, 22 котельных. Снабжение района питьевой водой осуществляется от локальных кустовых водопроводов, с водозаборами из р. Волга, западно-степных ильменей (из водных трактов) и от водопроводных сетей г. Астрахани. В пяти населенных пунктах (г. Нариманов, с. Курченко, с. Линейное, п. Прикаспийский, п. Буруны) есть хозяйственно-питьевые водопроводы с локальными водозаборами, насосными и водоочистной станциями типа *«Спрут»*. В 10 населенных пунктах используются водопроводные сети г. Астрахани, на территориях пяти населённых пунктов имеются только технические водопроводы. Питьевой водой обеспечено 57% населения, технической – 43%.

Качество вод из поверхностных источников формируется под воздействием вышележащих водохранилищ, коммунально-бытовых и промышленных стоков городов, дренажно-сбросных вод с орошаемых земель, при этом очистке подвергается лишь 50% забираемой для хозяйственно-питьевых нужд воды. Во многих селах питьевые водопроводы используются для полива огородов, данное обстоятельство создает дефицит питьевой воды. В малых населенных пунктах и фермах (приблизительно 3874 человека, что составляет 7,8% населения) пользуются только привозной водой или водой из колодцев. На территории района находятся три полигона ТБО, мусоросортировочный завод, поля фильтрации и т.д. – всего семь потенциальных участков загрязнения подземных вод. В ряде пробуренных скважин выявлены повышенные содержания в подземной воде ионов аммония до 7 ПДК, железа общего до 11 ПДК, нефтепродуктов -16 ПДК [7, с. 81].

Территория Икрянинского района составляет 195453 га [10, с. 93], на которой расположено 38 населенных пунктов. Численность населения составляет 31478 чел., которое сосредоточено в основном в селах Икряное и Оранжереи, а также в рабочих поселках Красные Баррикады и Ильинка. В структуре обрабатывающих производств 80% занимает производство транспортных средств и оборудования, 17% – производство пищевых продуктов и остальные 3% – на производство резиновых и пластмассовых изделий, металлургию и производство готовых металлических изделий, текстильное и швейное производство, издательскую и полиграфическую деятельность, производство машин, оборудования и неметаллических минеральных продуктов.

Икрянинский район входит в число крупнейших рыбодобывающих районов Астраханской области. Значимыми направлениями являются товарное рыбоводство, рыбопереработка и сельскохозяйственное производство. Основной вид деятельности – добыча речной и выращивание прудовой рыбы. В районе шесть рыбоводных предприятий, занимающихся искусственным воспроизводством ценных видов рыб, 8 рыболовецких колхозов. Под товарное рыбоводство пригодно до 10612 га водной поверхности ильменей, в том числе: под нагул – 9279,5 га. Основные направления сельского хозяйства – молочное и мясное животноводство, птицеводство, выращивание картофеля, овощей и зерновых (рис, ячмень) несмотря на то, что с конца 90-х гг. практически прекратилось агрохимическое и мелиоративное обслуживание сельскохозяйствен-

ных угодий. Сельскохозяйственное производство в районе представлено двумя птицефабриками, 10 сельскохозяйственными предприятиями, зарегистрировано 86 крестьянско-фермерских хозяйств.

Основными загрязнителями поверхностных вод признаются предприятия жилищно-коммунального хозяйства. В Астраханской области 10 очистных сооружений канализации, осуществляют сброс в открытые водоёмы очищенных стоков, в том числе три – в Икрянинском районе [6, с. 15]. На участках загрязнения в воде преобладают вещества 3 и 4 класса опасности, в основном соединения азота и нефтепродукты. На полях фильтрации ООО *«Икрянинское КЭП»* загрязнение подземных вод выявлено по аммонию – до 21 ПДК, нефтепродуктам – 1,9ПДК и нитратам 1,7ПДК. Завершен проект по организации водоснабжения п. Старо-Волжский Икрянинского района Астраханской области (строительство водозаборных сооружений, станции очистки воды, насосной станции 1-го и 2-го подъема и разводящих сетей водопровода). В 2013г. было завершено строительство и реконструкция двух объектов водоснабжения в Икрянинском районе в рамках Федеральной целевой программы *«Чистая вода»* на 2011–2017 годы: *«Реконструкция очистных сооружений водопровода с. Икряное»* и *«Водопроводные очистные сооружения и разводящие сети водопровода с. Маячное Икрянинского района Астраханской области»* [4, с. 206].

Заключение. До создания Волжско-Камского каскада водохранилищ обводнение ЗПИ осуществлялось естественными водотоками, озера-ильмени служили достаточным источником водоснабжения населенных пунктов, сельского и рыбного хозяйства, однако после зарегулирования речного стока зона ЗПИ естественным путем обводнялась только в многоводные годы и в пределах относительно небольших территорий. Для решения проблем водообеспечения зоны ЗПИ было принято решение о сооружении объектов водохозяйственной инфраструктуры (водные тракты, система насосных станций), финансирование их деятельности в основном осуществлялось централизованно из союзного бюджета. При переходе на новые экономические отношения в начале 90-х гг. прошлого века эта система была подвергнута корректировке.

Недостаточное финансирование мелиоративных работ на водоемах и водопропускных трактах; недостаточная координация усилий по управлению системой водообеспечения и хозяйственной деятельностью территории ЗПИ привели к тому, что в регионе сложилась непростая водохозяйственная обстановка, обусловленная как естественными природными причинами (периоды маловодья, изменение климатических условий), так и социально-экономическими (частная хозяйственная деятельность на арендованных участках ЗПИ, возведение частных гидротехнических сооружений, недостаточное финансирование мероприятий по расчистке и дноуглублению ильменей).

Для обоснования выбора оптимальных режимов обводнения территории ЗПИ может быть использован комплекс гидродинамических моделей, в которых должны быть учтены современные природные и антропогенные условия развития региона. При составлении принципиальной расчетной модели ЗПИ определенную ценность имеют известные схемы районирования территории.

Ненадлежащее хозяйственное использование ильменей отражается на их

экологическом состоянии. Короткие паводки не обеспечивают достаточного обводнения ильменей. Результатом такого процесса является сокращение объемов пресных водоемов, их количество, площадь, повышается соленость вод (по данным центра государственного мониторинга г. Астрахани, за 1961–2003 гг. приточность воды в этой местности уменьшилась в три раза (с 0,43 до 0,14 км^3). Закономерно сокращаются места нереста и нагула рыб, размножения водоплавающих птиц, нарушается структура ценопопуляций околоводных, водных и погруженных растений. Уменьшение проточности, периодическое обмеление и пересыхание приводят к зарастанию акватории ильменей высшей водной растительностью, замещению ценных видов рыб малопродуктивными видами ихтиофауны. Нарушение нормативов водопользования на орошаемых землях часто приводят к водной эрозии склонов бугров.

Увеличение нагрузки на площади пастбищ Лимановского района ведет к их выбиваемости и выбытию из пастбищеоборота. В этих условиях целесообразно проведение комплекса организационно-технических мероприятий по восстановлению производственного уровня зон сельскохозяйственного использования. Среди них следует выделить освоение севооборотов, улучшение естественных кормовых угодий и продуктивности пастбищ. Большие работы предстоит провести по реконструкции оросительной сети с учетом устройства коллекторно-дренажной сети и стационарного капельного орошения, отсутствие которых способствует засолению и заболачиванию земель.

Сельскохозяйственные пахотные земли Лимановского района, как правило, обвалованы дамбами, высота которых не всегда надежно защищает от затопления, что требует восстановительных работ при проведении реконструкции орошаемых земель. В населенных пунктах, расположенных в зоне действия паводковых вод – селах Оля, Кряжевое и Судачье, необходимо завершение строительства дамб обвалования с отметкой гребня -23,5 м и берегоукрепление откосов дамбы железобетонными плитами.

До 2/3 территории Лимановского административного района (его западная часть) уже относятся к полупустыням и пустыням, многие земли безвозвратно засолены. Эти участки необходимо отдать под скотоводство, фермерские хозяйства перевести на стационарное капельное орошение, отказаться от выращивания бахчевых культур и рисосеяния, разработать штрафные санкции за хищническое использование воды и засоление территорий. В то же время необходимо наладить питьевое водоснабжение в населенных пунктах: износ сетей составляет 70%, что не может обеспечивать стабильного водоснабжения населения водой питьевого качества.

В Икрянинском и Наримановском административных районах полупустынные и пустынные ландшафты также глубоко продвинулись на запад. В опустыненные и засоленные участки также не имеет смысла подавать воду, развивая водоемкое растениеводство. Эти участки необходимо отдать под скотоводство, прочистить протоки ерики от заиленных наносов, облицевать их берега, фермерские и крестьянские хозяйства перевести на стационарное капельное орошение, разработать штрафные санкции за хищническое использование воды и засоление территорий.

Техническое состояние мелиоративных систем на землях Икрянинского района не соответствует установленным нормам и требует реконструкции.

Одной из самых острых проблем района Нариманов ского является необеспеченность населения питьевой водой. В настоящее время более половины населения, проживающего в населенных пунктах района, употребляют воду без какой-либо предварительной очистки. Семь населенных пунктов обеспечиваются техническими водопроводами, где отсутствуют системы очистки и обеззараживания воды. Более половины сел не имеют централизованного водоснабжения. Население Нариманов ского района необходимо обеспечить резервными запасами питьевой воды на случай чрезвычайных ситуаций и наладить нормальное питьевое водоснабжение.

ЗПИ несомненно имеют огромный потенциал для развития и роста сельскохозяйственного и рыбного производства в регионе. Но, этот потенциал окажется неиспользованным до тех пор, пока не будут решены проблемы водообеспеченности, улучшения питьевого водоснабжения населения, строительства новых и реконструкции действующих водоочистных сооружений, поиска путей сокращения потерь воды в агропромышленном комплексе и жилищно-коммунальном хозяйстве, снижения объема водопотребления в производственных процессах и внедрения водосберегающих технологий.

Список литературы

[1] *Байдин С.С.*, *Линберг Ф.Н.*, *Самойлов И.В.* Гидрология дельты Волги. – Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1956.

[2] *Бесчетнова Э.И.*, *Белякова Ю.В.* Особенности гидрографии западных и восточных подстепных ильменей // Современное состояние водообеспеченности и пути оптимизации хозяйственной деятельности в зоне западно-подстепных ильменей: материалы научно-практической конференции – пос. Лиман, 2011. С. 48–55.

[3] *Бухарицин П.И.*, *Бреховских В.Ф.*, *Волкова З.В.*, *Лабунская Е.Н.* Современная геоэкологическая обстановка в районе западных подстепных ильменей //Современное состояние водообеспеченности и пути оптимизации хозяйственной деятельности в зоне западно-подстепных ильменей: материалы научно-практической конференции – пос. Лиман, 2011. С. 60–83.

[4] Доклад об экологической ситуации в Астраханской области в 2013 г. – http://nat.astrobl.ru/service/doklady (дата обращения: 10.03.2016).

[5] Нариманов ский район Астраханской области // Материалы обоснования схемы территориального планирования. – Астрахань: ООО *«Инжгеопроект»* Астраханский градостроительный центр, 2009.

[6] О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Астраханской области в 2013 году: Государственный доклад. Астрахань: Управление Роспотребнадзора по Астраханской области, 2014.

[7] Отчет о научно-исследовательской работе по Договору № №020/009 от *«12»* мая 2009 (итоговый) (проект ПРООН/ГЭФ 00047701 *«Сохранение биоразнообразия водно-болотных угодий Нижней Волги»*. Компонента 2 *«Укрепление институцио-*

нального и правового потенциала, межсекторальных механизмов сохранения биоразнообразия ВБУ Нижней Волги», в рамках реализации мероприятий по направлению 2.4. *«Адаптация режима эксплуатации Волгоградского водохранилища к нуждам сохранения биоразнообразия ВБУ НВ»*) *«Анализ экологических последствий эксплуатации Волгоградского водохранилища для сохранения биоразнообразия основных водно-болотных территорий Нижней Волги»*. ФГБУ *«ГОИН»*, 2010.

[8] *Полонский В.Ф.*, *Остроумова Л.П.* Исследование гидрологического режима дельты Волги //Водные ресурсы Волги: настоящее и будущее, проблемы управления: материалы Всерос. науч. практ. конф., 3–5 октября 2007г. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 212–224.

[9] *Сокольский А.Ф.*, *Тюменцева О.В.* Западные подстепные ильмени дельты Волги: перспективы развития // Водные ресурсы Волги: история, настоящее и будущее, проблемы управления: материалы II межрегиональной научно-практической конференции. 25–27 октября 2012г. Астрахань: ГАОУ АО ВПО *«АИСИ»*, 2012. С. 238–241.

[10] Схема территориального планирования муниципального образования *«Лиманский район»* Астраханской области // Материалы обоснования схемы территориального планирования. – Астрахань: Астраханский градостроительный центр, 2008.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ КАПЕЛЬНОГО ОРОШЕНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Малашенков Б.М., Александрова А.С.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Проблемам рационального использования, дефицита и качества водных ресурсов неизменно уделяется особое внимание на всех крупнейших международных форумах последних десятилетий. От рационального и эффективного использования водных ресурсов во все большей степени зависит устойчивость производства продовольствия, важной задачей для мирового сельского хозяйства становится развитие и внедрение водосберегающих технологии и новых методов управления ими. В статье рассмотрены проблемы внедрения и перспективы развития технологий капельного орошения поколения 4+ для южных регионов России, где недостаток естественного увлажнения в вегетационный период не позволяет ежегодно обеспечить высокую урожайность влагоемких сельскохозяйственных культур.*

Экономичное и эффективное использование воды является одним из главных требований к современному сельскому хозяйству. Проблемам рационального использования, дефицита и качества водных ресурсов неизменно уделяется особое внимание на всех крупнейших международных форумах последних десятилетии. Дефицит пресной воды становится одним из главных сюжетов в сценариях развития будущего цивилизации [5]. Главным итогом работы Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) стало принятие *«Повестки дня на XXI век»*. В 18 главе *«Повестки дня на XXI век»* достаточно подробно рассмотрены вопросы устойчивого развития (ведения) водного хозяйства и водопользования, сохранения качества ресурсов пресной воды, проблемы применения комплексных подходов к освоению водных ресурсов. Отмечено, что защита и устойчивое использование водных ресурсов является одной из основных проблем, стоящих перед правительствами разных стран мира на пути к достижению устойчивого развития, а от рационального и эффективного использования водных ресурсов во все большей степени будет зависеть и устойчивость производства продоволь-

* *Малашенков Борис Михайлович*, к.г.н., доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра отраслевого и природно-ресурсного управления; *Александрова Александра Сергеевна*, студент второго курса бакалавриата, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

ствия. На ближайшую перспективу главная задача мирового сельского хозяйства будет заключаться в развитии и внедрении водосберегающих технологии и методов управления ими, при этом совершенствованию технологий орошаемого земледелия должно уделяться все больше внимания [9].

Схематично смену технологий способа полива сельскохозяйственных культур, относящихся к системам орошаемого земледелия можно представить как смену их поколений. Первое поколение – аккумуляция осадков в естественных или искусственно созданных понижениях для восполнения дефицита влаги в вегетационный период; второе поколение – строительство гидротехнических сооружений с простейшими приспособлениями для перераспределения накопленной воды самотеком на орошаемые угодья, третье поколение – совершенствование технологии второго поколения благодаря механизации процессов, четвертое поколение – крупные оросительные системы с магистральными и межхозяйственными каналами, снабженные противофильтрационной системой защиты от потерь воды и использованием трубопроводов в внутрихозяйственной сети и появление новых видов орошения, позволяющих рационально использовать водные ресурсы (дождевание, капельное, аэрозольное и внутрипочвенное орошение), перспективы развития пятого поколения заключаются в разработке новых решений для повышения эффективности и экономичности оросительных систем четвертого поколения (снижение потерь воды и автоматизация процессов ее распределения по системе, разработка новой поливной техники, улучшения мелиоративного состояния земель, повышение плодородия почвы) [1; 7; 8].

Развитие орошаемого сектора агропромышленного комплекса России. Очевидно, что мероприятия и программы по реконструкции и модернизации оросительных систем обеспечивают высокую социальную, экологическую и экономическую эффективность для агропромышленного комплекса и общества в целом, продовольственную безопасность, способствуют развитию и смежных с агропромышленным комплексом отраслей народного хозяйства. Существует, по крайней мере, два возможных направления развития орошаемого сектора агропромышленного комплекса России. Первый – значительное превышение доли применения устаревших технологий при модернизации оросительных систем предыдущих поколений (второе и третье) над внедрением инноваций. Очевидно, что такое развитие событий неприемлемо, поскольку вместо увеличения производства сельскохозяйственной продукции на орошаемых землях можно получить обратный эффект, который может быть усилен за счет неоправданно высоких затратах воды и энергии на увеличение урожайности сельскохозяйственных культур.

Мировой опыт показывает, что нецелесообразно модернизировать оросительные системы первых трех поколений, так как они не отвечают современным экономическим и экологическим требованиям сельскохозяйственного производства, поэтому второй вариант – увеличение числа разработок используемых для повышения технического уровня систем орошаемого земледелия четвертого поколения по сравнению с настоящим уровнем выглядит предпочтительней. Экономические и технические усилия должны быть направлены на ускорен-

ное развитие мощностей для создания систем четвертого и пятого поколения, которые и позволят повысить производительность труда при снижении расходов воды и энергии. Тогда ориентиром научно-технических и опытных работ станет создание новых систем для пятого поколения, а для разработки систем последующих поколений развивать опережающие фундаментальные поисковые исследования.

По данным Российского научно-исследовательского института проблем мелиорации, развитие орошаемого земледелия для Российской Федерации является одним из главных факторов в решении проблемы продовольственной безопасности нашей страны, и в первую очередь из-за того, что основные пахотные земли расположены в степной и лесостепной зоне и только чуть больше трети из них находятся в благоприятных агроклиматических условиях. Остальные площади пахотных земель расположены в аридной (засушливой и полузасушливой) зоне [8]. Анализ агроклиматических, водных, земельных и других ресурсов показывает, что в южные регионы России (Ставропольский край, Калмыкия, Ростовская, Волгоградская, Оренбургская, Астраханская области) обеспечены достаточной суммой эффективных температур, обладают плодородными почвами, но вместе с тем недостаток естественного увлажнения в продолжительный для региона вегетационный период не позволяет обеспечивать ежегодно высокую урожайность сельскохозяйственных культур [4]. Основная часть территории юга нашей страны расположена в зоне рискованного земледелия, в связи с чем сельскохозяйственное производство несет большие потери от стихийных природных процессов (явлений) и в первую очередь от дефицита воды. По данным Гидрометцентра каждые 35 лет сильная засуха охватывает Астраханскую и Волгоградскую области 15–16 раз, Ростовскую область – 12 раз, Ставропольский край – 14 раз, то есть летняя засуха в южных регионах, которые обеспечивают наибольший прирост сельскохозяйственной продукции, наблюдается почти каждый второй год, что снижает урожайность всех возделываемых сельскохозяйственных культур [12].

Начиная с 1960-го г., несмотря на небольшой удельный вес в общей площади сельскохозяйственных угодий, орошаемые земли играли существенную роль в производстве сельскохозяйственной продукции, в отдельные годы на них получали до 20% всей продукции растениеводства в СССР. Основной прирост мелиорированных земель на территории России наблюдался с 1966 г. по 1990 г., то есть в период осуществления значительной государственной поддержки мелиорации и развития полезащитного лесоразведения [13]. К 1990 г. площадь мелиорируемых сельскохозяйственных угодий достигла своего максимума и составила 11,5 млн га, или 9,9% от общей площади пашни, из них площадь орошаемых сельскохозяйственных угодий составляла 6,1 млн га. Начавшийся с 90-х годов спад сельскохозяйственного производства способствовал выбытию земель (в том числе мелиорированных угодий) из сельскохозяйственного оборота. При падении сельскохозяйственного производства в 1990-х годах в сельском хозяйстве водопотребление сильно снизилось, что было связано не с повышением эффективности использования воды, а с сокращением орошаемого земледелия, в ряде регионов на 60–80% (Центрально-Черноземный, Дальневосточный, Волго-Вят-

ский), с уменьшением поголовья скота на крупных животноводческих фермах и частично длительным периодом повышенной водности на территории России [5]. В настоящее время площадь всех мелиорируемых земель (осушение и обводнение) составляет менее 7,8 % от общей площади пашни, но несмотря на это на них выращивается около 50 % овощей, 20 % кормов и весь рис [1; 13]. В России площадь орошаемых земель в настоящее время составляет по разным оценкам от 2 до 4% от общей территории пахотных почв [2, 4, 7, 12]. По данным региональных Управлений по мелиорации и сельскохозяйственному водоснабжению (ФГБУ *«Управление «Мелиоводхоз»*), в Российской Федерации на 1 января 2015 г. имеется 4 282 млн га орошаемых земель [10]. Начиная с 2012 года, федеральным бюджетом ежегодно выделяется по 2 млрд. руб. на компенсацию до 50 % затрат сельскохозяйственным товаропроизводителям на создание, восстановление, реконструкцию и модернизацию внутрихозяйственных мелиоративных сетей, реализуемых в форме поддержки экономически значимых региональных программ [4].

Современное орошение в России представлено в основном пятью способами: поверхностный (самотечный) полив; дождевание; подпочвенное орошение; микроорошение (капельное и спринклерное); аэрозольное орошение. Среди вышеперечисленных способов стоит выделить капельное орошение (один из видов микроорошения) как наиболее экономичный в отношении использования водных ресурсов. Этот способ подразумевает локальный с полив с подачей воды по пластмассовым трубопроводам через капельницы, имеющих расход воды до 1,0 л/час, безнапорно по каплям на поверхность или под поверхность почвы в зону распространения основной массы корней каждого отдельного растения. Кроме собственно капельного орошения, к микроорошению относят также и орошение с помощью микроспринклеров различного типа, имеющих расход воды до 200 л/час [1].

Принцип устройства таких систем полива начали применять для нужд сельского хозяйства достаточно давно (Германия, США), но промышленные системы капельного орошения появляются в Израиле только в начале 60-х годов [1] (примерно в это время начались разработки систем капельного орошения и в нашей стране [11]). В Советском Союзе системы капельного орошения начали внедрять в 80-е годы (виноградники Молдавии и Крыма), но широкого развития не получили из-за достаточно сложной конструкции и низкой эксплуатационной надежности элементов и узлов. Среди проблем, сдерживающих развитие капельного способа орошения первых поколений, отмечалась необходимость постоянного совершенствования регулирования расхода поливной воды и удобрений в питающих трубопроводах и в точках водовыпуска; предотвращение засорения внутренних и наружных камер капельниц и упрощение их конструкции; минимизация процессов засоления и слитизации почвы [2].

Использование систем капельного орошения агропромышленным комплексом южных регионов России. В южных регионах России данные системы вновь появились в 1996 г. (а активно внедряться стали с 2000 г.), причем всё большую популярность они приобретают среди сельхозпроизводителей южных регионов России. В первую очередь, востребованы системы подпочвенного (подземно-

го) капельного орошения [8]. Несмотря на высокую стоимость капельного орошения (оборудование одного гектара обходится приблизительно в €1300–2000, цена зависит и от биологических особенностей возделываемой культуры, размера и уклонов участка, удаленности от источника воды) эти системы считаются самыми эффективным для применения на всех типах почв и практически для всех сельскохозяйственных культур, возделываемых в различных природно-климатических условиях. Несмотря на то, что это чрезвычайно капиталоемкие технологии, подземное капельное орошение развивается в Краснодарском крае, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях в связи с засушливым климатом и традиционно развитым овощеводством (влагоемкие культуры). При первом приближении эти технологии отличаются от всех прочих способов орошения не только минимальными затратами воды на единицу товарной продукции, но и минимальными затратами энергоресурсов, удобрений, они фактически независимы от погодных условий, а также значительно повышают урожайность.

В отдельных субъектах Российской Федерации хозяйствам, использующим капельное орошение, оказывается финансовая поддержка, которая заключается в предоставлении субсидий за счет средств федерального и областного бюджета в целях компенсации затрат на строительство, реконструкцию и техническое перевооружение систем капельного орошения на землях сельскохозяйственного назначения. Компенсации могут достигать 60% от затраченных средств (по 30% из федерального и из областного бюджета), затраченных на ввод в эксплуатацию новых участков капельного орошения. Такие меры поддержки принимаются в Астраханской, Саратовской областях, Краснодарском крае. Капельный полив активно применяется в Ставрополье, а также в Воронежской, Белгородской, Саратовской и Оренбургской областях. К 2012 г. в России системы капельного орошения были установлены на площадях около 60 000 га овощных культур и 8 000 га садов, виноградников и ягодников [4].

Астраханская область стала одной из первых в внедрении водосберегающих технологий в орошаемом земледелии на основе капельного орошения. На это были объективные причины: годовая сумма испарения влаги с поверхности почвы для области равна в среднем 1000 мм., т.е. в 5–6 раз превышает количество выпавших осадков. В апреле-мае испаряются не только те осадки, которые выпали в эти месяцы, но и так же накопившиеся в осеннее – зимний период. Наибольшее испарение влаги, превышающие осадки в 10 раз приходится на летние месяцы, поэтому в летний период испаряются все выпавшие летом, и в почве остается такое количество влаги, которое не может быть использовано растениями. Это создает резкий дефицит влаги в почве, поэтому практически все земледелие в Астраханской области ведется при искусственном орошении. Существуют и серьезные проблемы с использованием земель сельскохозяйственного назначения, например, из неиспользуемых на 2014 г. 129.1 тыс. га орошаемых земель около 50 тыс. га – слабозасоленные, 34 тыс. га – среднезасоленные и 14.6 тыс. га – сильно и очень сильно засоленные. В неудовлетворительном мелиоративном состоянии находится практически каждый третий гектар, в хорошем – каждый четвертый из всего орошаемого поля. Только

на 30% орошаемых систем имеется дренаж [3].

Внедрение капельного орошения в области было начато в 2000 г. Благодаря областной целевой программе *«Внедрение капельного орошения в Астраханской области»*, включенной в ФЦП *«Развитие Юга России на период до 2006 года»*, в 2005 г. оно было установлено уже в 65 хозяйствах на площади 933,3 гектаров. В 2009 году работало уже 650 комплектов оборудования капельного орошения (каждый комплект рассчитан на 10 гектар), большая часть которых использовалась дважды в год. В 2010 года дополнительно было установлено ещё около 10 комплектов системы капельного орошения [6].

Урожайность овощей и картофеля, являющихся основными культурами, выращиваемыми с применением капельного орошения, превосходит урожайность при традиционных методах полива (табл. 1).

Таблица 1.

Сравнительный анализ товарного урожая овощей по опыту хозяйств России, т/га [10]

Культура	**Традиционные методы полива и внесения сухих удобрений**	**Капельное орошение с фертигацией**
Томат	30	100–150
Лук репчатый	25	80–120
Морковь	22	до 54
Огурец	10	50–100
Картофель	37	до 60

В 2009 году урожайность овощных культур составила 500 ц/га, картофеля – 270 ц/га. Однако некоторые хозяйства получили с 1 га овощей более 1000 ц/га, картофеля – более 400 ц/га. В дальнейшем была принята аналитическая целевая программа *«Развития овощеводства, бахчеводства, картофелеводства и овощеперерабатывающей промышленности в Астраханской области на 2012–2014 годы»*, предусматривающая приобретение и передачу на условиях льготной аренды сельхозтоваропроизводителям области 2.5 тыс. га систем капельного орошения. К 2011 г. системами капельного орошения было оснащено уже 13 тыс. га, при этом урожайность достигла по овощным культурам 1000 ц/га, по картофелю – более 500 ц/га. В Астраханской области капельное орошение сейчас широко применяется в овощеводстве открытого грунта, тепличном овощеводстве, выращивании ягодных и плодовых культур, при этом наиболее популярными и доходными культурами признаются томат, лук, чеснок, перец, баклажан, картофель ранний, огурец [1; 3; 10]. Капельное орошение по сравнению с другими способами орошения в условиях Астраханской области в среднем позволяет расходовать воду в 1,5 -2 раза меньше по сравнению с другими способами орошения и повышает урожайности культур приблизительно на 20–50%. Согласно программе [3] в Астраханской области планируется увеличить площадь орошаемых земель с применением высокотехнологичных энерго-, водос-

берегающих технологий орошения (в том числе капельного метода) на 19 тыс. га и довести ее до 57 тыс. га, в том числе с применением капельного метода – до 37 тыс. га к 2020 г.

Наиболее активное сотрудничество (с 2000 г.) по приобретению и установке систем капельного орошения у Астраханской области было с фирмой *«Нетафим»* (Израиль), затем ее последовательно сменили отечественные компании ООО *«АИК-АГРО»* и ООО *«Евродрип»* как российские компании, представляющие израильские технологии по более выгодным финансовым условиям. Отечественные производители оросительный техники (Волгоградский завод) по разным причинам оказались неконкурентоспособны, на конец 2014 г. их доля в производстве систем капельного орошения оценивалась всего в 13% . Несмотря на довольно широкое распространение систем капельного орошения и большое количество фирм-производителей, затраты на системы капельного орошения в нашей стране составляют по разным оценкам до 20–30% всех производственных затрат, а если учитывать тот факт, что ежегодно в России только овощные хозяйства закупали около 550–600 млн. м капельных линий производства Израиля, Греции, Италии, понятно желание наладить производство капельных систем на своей территории. В 2015 г. в Астраханской области было принято решение об организации производства биоразлагаемых трубок для систем капельного орошения, планируется к 2017 году ввести в эксплуатацию завод проектной мощностью 180 млн. погонных метров трубок для систем капельного орошения в год.

Преимущества и недостатки систем капельного орошения. Одна из задач рационального использования водных ресурсов для нужд сельского хозяйства заключается в сокращении *«непроизводственных»* потерь воды (по разным оценкам от 40 до 60%) при фильтрации, испарении и их последующем сбросе. Водосберегающие технологии полива, к которым относятся и системы капельного орошения, позволяют решить эту задачу для районов с дефицитом водных ресурсов, так как эта технология позволяет производить большее количество сельскохозяйственной продукции при неизменном или даже сниженном водозаборе. Для того, чтобы оценить все очевидные преимущества и недостатки использования систем капельного орошения мы предлагаем воспользоваться данными таблицы 2. В нее включены преимущественно те факторы, которые способны оказать прямое или косвенное влияние на качество водных ресурсов региона при использовании систем капельного орошения.

Наибольший эффект экономии воды для сельского хозяйства в условиях аридной зоны дает применение капельного орошения при поливе влагоемких овощных, бахчевых и других культур открытого и защищенного грунта, экономия может достигать 30–50% и более (по сравнению с дождеванием и поверхностным поливом) [10]. За счет чего она достигается? Очевидно, что величина планируемого урожая напрямую зависит от потребления воды растениями. При этом потребность растений в воде зависит от многих факторов: выращиваемой культуры, природно-климатических условий (температура, влажность воздуха, скорость ветра, интенсивность солнечного света), экспозиции склона, механического состава почвы. В процессе фотосинтеза из углекислого газа и воды

с использованием солнечной энергии образуется органическое вещество (урожай) Следовательно, для того, чтобы получить больший урожай нужно затратить и больше воды. При капельном орошении урожай, как правило, резко возрастает, поэтому если оценивать расход воды на единицу площади, то никакой экономии поливной воды не может быть. В этом случае экономия воды достигается за счет точечной подачи воды к корням растений, что в отличие от дождевания сводит к минимуму потери на испарение, полив междурядий.

Таблица 2.

Преимущества и недостатки систем капельного орошения

Преимущества систем капельного орошения	**Недостатки систем капельного орошения**
– повышение урожайности культуры с одновременным снижением поливных норм и уменьшением затрат воды и энергии на получение единицы продукции обеспечивается за счет увеличения интенсивности потребления воды и питательных веществ корневой системой растений, – уменьшение площади увлажняемой зоны приводит к снижению потерь воды при испарении и инфильтрации; – отсутствие необходимости тщательной планировки орошаемого участка, систему можно применять при сложных ландшафтных условиях и при отсутствии поверхностного стока, возможно использование водоисточников с ограниченным дебетом; – фактически исключаются периферийные потери воды, система устойчива к падению давления в трубопроводе; – процессы водной эрозии значительно уменьшаются, появляется возможность использования системы на крутых склонах; – возможности фертигации (внесение удобрений одновременно с поливом, их расход уменьшается на 10–15%) позволяет дозировать вносимые минеральные удобрения и гербициды, при таком способе защиты растений исключается смыв гербицидов с надземной части растений, что позволяет снизить биогенную нагрузку на водные экосистемы и их химическое загрязнение;	– высокие капитальные затраты на обустройство системы и приобретение оборудования; – отсутствие вторичной переработки полимерных трубок систем капельного полива может значительно увеличить количество отходов, – необходимо применять специальные реагенты для очистки частей системы (трубки и капельницы) от растительных и солевых отложений и физического засорения, которое может возникать при повышенном содержании в воде взвешенных веществ; – система непригодна для использования в качестве противозаморозкового орошения и для вспомогательных технических поливов; – почва, находящаяся непосредственно под капельницей, оказывается наиболее промытой, содержание солей в ней будет стремиться к содержанию солей в поливной воде. По мере увеличения расстояния от капельницы скорость передвижения воды сокращается, что вызывает накопление солей в периферийной зоне контура увлажнения; – при использовании в условиях засушливых районов (количество осадков менее 250 мм в год) часто возникает эффект очагового распространения зон с повышенным содержанием солей; – если поливная вода содержит соли магния образуется накипь на внутренних стенках трубок, при этом для борьбы с отложениями солей используют химические реагенты, что приводит к локальному осолонению почвы;

Преимущества систем капельного орошения	Недостатки систем капельного орошения
– есть возможности изменять водоподачу в широком диапазоне (при эксплуатирующихся сейчас системах – от 0 до 100 м^3/га) на протяжении вегетационного периода в зависимости от суточных погодных условий, а также в осенний и весенний периоды для выравнивания влагозапасов в почве при недостаточности осенне-зимних и весенних осадков; – возможности уменьшения водопотребления в обеспеченные осадками годы, орошение возможно без существенной реконструкции водоподводящей сети; – есть перспективы для использования в качестве источника воды очищенных сточных и солоноватых грунтовых вод.	– применение поливной воды с повышенным содержанием натрия на почвах тяжелого механического состава также может стать причиной очагового осолонцевания; – поливная вода с концентрацией кальция от 2 до 3 мг-экв/л может вызвать выпадение осадка во время подачи в систему капельного орошения некоторых видов фосфорных удобрений; – поливная вода, содержащая более 0,1 мг/л сульфидов, может спровоцировать рост серных бактерий в системе, что потребует проведения хлорирования. – при проведении фертигации в основном используют только специальные полностью растворимые в воде удобрения, состав которых не всегда известен. – есть потенциальная опасность для водных источников из-за применения пестицидов и гербицидов при фертигации.

Это означает, что при капельном поливе нельзя экономить воду путем уменьшения расчетных норм полива (поливные нормы рассчитываются для каждой культуры в зависимости от природно-климатической зоны), а следует вводить корректирующие поправки для учета непродуктивных потерь воды. Экономию воды можно рассчитать при оценке расхода воды на гектар сельскохозяйственных угодий, она может достигать 20–25% от годового расхода воды на полив. Действительная экономия воды (в разы) достигается только при расчетах расхода воды на тонну полученной продукции, так как при капельном поливе можно получить более высокие урожаи.

Еще один несомненный *«плюс»* заключается в минимизации процессов засоления и слитизации почвы на землях, орошаемых капельных способом, расширении площадей, пригодных для ведения сельского хозяйства, за счет территорий, где применять альтернативные способы орошения затруднительно. Снижение расхода удобрений и средств защиты растений позволяют избежать чрезмерного загрязнения водных объектов. Возможности нормирования подачи воды снижают ее фактический расход и позволяют гарантировано обеспечить растения влагой в вегетационный период.

Среди очевидных *«минусов»* использования этой технологии отмечают чаще всего высокую (по сравнению с другими системами орошения) стоимость оборудования, которая сейчас отчасти компенсируется поддержкой федерального и регионального бюджета. Современные системы капельного орошения предъявляют высокие требования к качеству и степени очистки воды, исполь-

зуемой для полива. Повышенные концентрации некоторых химических элементов способны быстро вывести их из строя, поэтому необходима разработка устройств, устраняющих этот недостаток. Необходимы также исследования и технические решения, направленные на снижение скорости процессов засоления и слитизации почвы, при этом повышающих равномерность распределения поливной воды и удобрений на землях, орошаемых капельных способом. Среди дальнейших направлений совершенствования систем капельного орошения – разработка устройств сбора поливных трубопроводов для решения проблемы их утилизации и переработки, создание поливных трубопроводов из биоразлагаемых материалов.

Государственная поддержка развития технологий орошаемого земледелия. Выше мы уже упоминали о некоторых мерах, направленных на поддержку развития новых систем орошения, в первую очередь капельного, в России (субсидии, новые производственные комплексы). Только при комплексной организации научной, практической и производственной деятельности можно добиться решения проблем создания и широкого практического использования водо- и энергосберегающей, экологически безопасной техники орошения нового поколения, что позволит повысить продовольственную безопасность страны.

Государственным органам исполнительной власти необходимо: разработать нормативно-правовую базу и механизмы выделения средств федерального и регионального бюджета, позволяющие субсидировать сельскохозяйственных производителей на приобретение новых мелиоративных систем. Необходимо продолжить практику выделения государственных субсидии на реконструкцию и техническое перевооружение оросительных систем и сформировать государственный заказ на производство отечественной техники и систем для орошения, в том числе и капельного. Можно поддержать проекты по созданию производств техники и расходных материалов для систем орошения, предприятий по переработке отслуживших свой срок систем капельного орошения, организации опытно-производственных полигонов в федеральных округах России для отработки оптимальных технологий орошения, проведения обучения и информационного обеспечения сельскохозяйственных производителей, сервисного обслуживания, оценки качества и сертификации поставляемого оборудования.

Список литературы

[1] Безопасные системы и технологии капельного орошения: научный обзор ФГНУ *«РосНИИПМ»*/составители: *Балакай Г.Т.*, Воеводина Л. А., Снипич Ю. Ф. и др. М.: ФГНУ ЦНТИ *«Мелиоводинформ»*, 2010.

[2] *Воеводина Л.А.* Тенденции развития и перспективы применения капельного орошения // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. № 3 (07). 2012. С. 90–102.

[3] Государственная программа *«Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения Астраханской области на 2014–2020 годы»* -http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW322;n=51885;frame=2 (дата обращения: 05.03.2016).

[4] Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (утв. постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717) – http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm (дата обращения: 08.05.2016).

[5] *Данилов-Данильян В.И.*, *Лосев К.С.* Потребление воды: экологические, экономические, социальные и политические аспекты. М.: Наука, 2006.

[6] Концепция отраслевой целевой программы *«Развитие овощеводства, бахчеводства, картофелеводства и овощеперерабатывающей промышленности в Астраханской области на 2010–2012 годы»* (утв. постановлением Правительства Астраханской области от 31.03.2010 № 149-П) – http://jugfo.consultant.ru/astrahan/list/2010/0506.html (дата обращения: 01.04.2016).

[7] Методические указания по совершенствованию технологий орошения и повышению эффективности использования местного стока для орошения земель сельскохозяйственного назначения. Новочеркасск: ФГБНУ *«РосНИИПМ»*, 2015.

[8] Отчет о НИР (заключительный) *«Провести исследования и разработать агротехнические требования к системам капельного орошения, обеспечивающие ресурсосбережение и сохранение плодородия черноземных почв»*: 2.1.7 / ФГНУ *«РосНИИПМ»*; рук.: *Балакай Г.Т.*, исполн.: *Воеводина Л.А.*, *Снипич Ю.Ф.*, *Бабичев А.Н.* и др. Новочеркасск, 2011. 250 с. – № ГР 01201180281. – Инв. № 02201163319.

[9] Повестка дня на XXI век – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 16.04.2016).

[10] Ресурсосберегающие энергоэффективные экологически безопасные технологии и технические средства орошения: справ. М.: ФГБНУ *«Росинформагротех»*, 2015.

[11] *Чернова Д.А.*, *Воеводина Л.А.* Технические решения проблем капельного орошения и тенденции их развития // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. № 4(04). 2011.

[12] *Щедрин В.Н.*, *Васильев С.М.* Теория и практика альтернативных видов орошения черноземов юга Европейской территории России. Новочеркасск: Лик, 2011.

[13] *Щедрин В.Н.*, *Колганов А.В.*, *Васильев С.М.*, *Чураев А.А.* Оросительные системы России: от поколения к поколению. Ч. 1. Новочеркасск: Геликон, 2013.

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ТЕРРИТОРИЙ КРУПНЫХ РЕЧНЫХ ВОДОСБОРОВ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИХ СОСТОЯНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

Курбатова И.Е.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Показана целесообразность использования бассейнового подхода к осуществлению мероприятий по сохранению, улучшению, восстановлению природных экосистем. Выбор речных бассейнов как территориальных единиц разного ранга для мониторинга состояния окружающей среды обусловлен их принадлежностью к целостным природным иерархически организованным образованиям. Рассмотрены основные положения, цели и задачи геоэкологического мониторинга как эффективного метода оценки современного состояния водосборной территории и поиска путей улучшения состояния окружающей среды. Разработаны и составлены авторские оригиналы карт территорий и объектов, представляющих различные части системы «водосбор–водоток–приемный водоем» на примере рек Кубань, Белая и Краснодарского водохранилища.*

Как известно, концепция устойчивого развития содержит три основных направления: экономическое, социальное и экологическое. Экономическое и социальное направления ориентированы на совокупный доход общества, справедливое разделение благ, на сохранение стабильности социальных и культурных систем. Экологическое направление основное внимание уделяет сохранению целостности экосистем, их способности к восстановлению после антропогенного воздействия. Условие сохранения стабильного благоприятного состояния окружающей среды должно относиться к числу важнейших концептуальных положений устойчивого развития государства. К сожалению, современное установление приоритетов экономических интересов общества в ущерб природоохранным приводит к нарушению национальной экологической безопасности, выражающемся в безвозвратном истощении природных ресурсов и ухудшении качества жизни населения.

Вода – один из главных стратегических государственных ресурсов, оптимальный подход к использованию которого обеспечивает экономическое, социальное благополучие населения, биологическое разнообразие. Постоянно ухудшающееся качество поверхностных вод суши – одна из наиболее серьезных проблем человечества. Основными причинами являются нерациональное использование водных ресурсов и высокий уровень антропогенных загрязне-

* *Курбатова Ирина Евгеньевна*, к.т.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт водных проблем РАН.

ний, поступающих с поверхности водосборов от различных источников. Невозможно улучшать качество воды, не принимая во внимание состояние ее водосборной территории, на которой замыкается большая часть звеньев круговорота воды в природе, поэтому в основе разработки стратегии управления водными ресурсами и их сбережения должен лежать бассейновый подход. Улучшение качества природных вод, их воспроизводство, стабильность и безопасность водообеспечения зависит от рационального управления водными ресурсами и состояния водосборного бассейна. Ю. Одум еще в 1975 г. писал: *«Концепция водосборного бассейна помогает правильно сформулировать многие проблемы и конфликты, которые ожидают нас в будущем. Например, причины загрязнения вод и способы борьбы с ним не удается обнаружить, если изучать только воду; наши водные ресурсы страдают обычно из-за плохого хозяйствования на всей площади водосборного бассейна, который и должен рассматриваться как управляемая единица»* [7, с. 407]. Поскольку почти вся поверхность суши земного шара состоит из совокупности бассейновых геосистем различного иерархического уровня (за исключением бессточных областей), а исторически сложившиеся тенденции проживания населения и развития хозяйства в речных бассейнах сформировали современную социально-экономическую структуру, можно утверждать, что бассейновая концепция в сфере управления природопользованием является наиболее экологически правомерной и экономически эффективной [2, с. 34].

Таким образом, в качестве естественной и наиболее оптимальной таксономической и территориальной единицы для комплексного решения задач рационального природопользования целесообразно выбирать речной бассейн, геосистема которого иерархически сформирована, имеет четкие природные границы, высокую степень замкнутости [2, с. 39]. Бассейн правомерно также рассматривать как природно-хозяйственную систему, в которой взаимосвязаны и взаимообусловлены все виды использования природных ресурсов, осуществляемых на его территории [10, с. 343]. Соответственно, концепция устойчивого развития речного бассейна предполагает достижение разумного компромисса между сохранением природы и оптимизацией экономической прибыли от хозяйственного использования его ресурсов.

В начале XX века в США такой подход был положен в основу концепций взаимосвязанного использования земельных и водных ресурсов, охраны речных бассейнов [9, с.302]. К настоящему времени уже накоплен огромный мировой опыт по разработке и реализации научно-прикладных программ экономического развития и экологической реабилитации бассейнов большинства крупных рек. На государственных уровнях многих стран бассейновый подход рассматривается как координирующая структура для управления природопользованием страны, нацеленная на охрану и восстановление водных экосистем и охрану здоровья людей [2, 38].

Существуют различные концепции бассейнового подхода к формированию моделей рационального природопользования и охраны окружающей среды, принятых в США и странах Европы. Примеры некоторых из них приведены на рис. 1 [1;5]. Все концепции достаточно близки по своей сути и охватывают широкий круг задач, направленных на улучшение состояния не только водных

ресурсов, но и всей окружающей среды в целом, одновременно оптимизируя социально-экономических проблемы. Приоритетными задачами природопользования здесь являются охрана окружающей среды, восстановление качества воды, комплексное использование природных ресурсов и формирование рационального хозяйственного освоения бассейна. Результатом реализации таких концепций должно стать общее оздоровление экосистемы речного бассейна, что автоматически приведет к восстановлению саморегуляции природной среды.

Программы оптимизации бассейнового природопользования должны включать следующие основные положения:

1. Анализ и оценка современного состояния речного бассейна (общая физико-географическая характеристика, гидрологические показатели, хозяйственное использование территории, водопользование, водопотребление, опасность возникновения природных и техногенных негативных ситуаций);
2. Оценка влияния антропогенных нагрузок на водосбор и водные объекты бассейна;
3. Оценка экологического потенциала природных составляющих бассейна;
4. Установление целей, направлений и подходов для решения выявленных проблем;
5. Определение приоритетных задач и способов их оптимального решения.

Более детально программа составляется для каждого конкретного речного бассейна, с учетом его индивидуальной специфики. Согласно классификации ГОСТа, бассейны крупных рек имеют площадь от 5000 км^2 и более. Как правило, они представляют собой сложные многоступенчатые иерархические природно-хозяйственные образования с разветвленной гидрографической сетью и многочисленными структурами водопотребителей и водопользователей. Расположены такие бассейны чаще всего в двух или нескольких ландшафтно-климатических зонах, что также влияет и на характер антропогенного воздействия. Изучение взаимосвязей компонентов такой сложной геосистемы требует большого объема надежной и регулярно поступающей разносторонней информации [3, с.159]. Следует отметить, что в целом для страны характерна невысокая степень гидрологической и гидрохимической изученности территории. Недостаточная частота наблюдений (как временная, так и пространственная), оставляет нерешенными многие проблемы. Актуальной и перспективной задачей является развитие и научное обоснование системы наблюдений за средой формирования водных ресурсов с помощью геоэкологического мониторинга и ГИС-технологий.

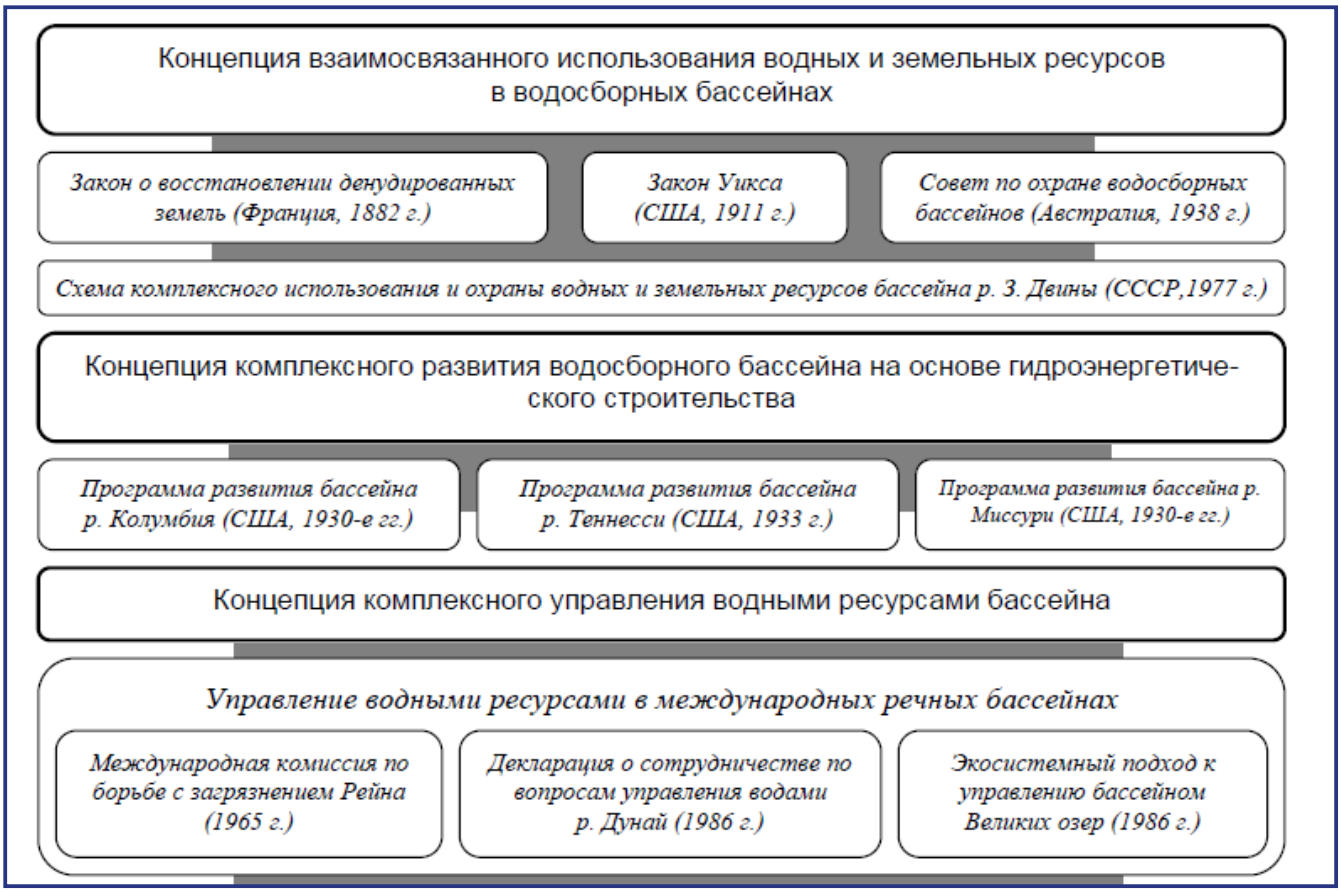


Рис. 1. Примеры концепций бассейнового природопользования, по [1]

Решение этой многокомпонентной задачи должно базироваться на результатах комплексного геоэкологического мониторинга, основные цели которого – обеспечение систем управления водным хозяйством и охраной окружающей среды достоверной и современной информацией, позволяющей оценить состояние и функциональную целостность экосистем водосбора, выявить причины и последствия их изменений. С помощью геоэкологического мониторинга можно получить оценку антропогенного воздействия на природу водосбора в результате различной хозяйственной деятельности.

Главное внимание, на наш взгляд, должно быть сосредоточено на получении информации гидроэкологического характера, отражающей специфику водосбора и его гидрологического звена и их внутренние взимосвязи. Такие исследования должны обеспечиваться большим объемом разнообразных сведений о физико-географических и социально-экономических особенностях территории водосбора, о гидрологическом, гидрохимическом и прочих характеристиках и режимах водотоков и водоемов, о наземных и водных экосистемах и специфике их развития, в том числе об экстремальных ситуациях. Интегральная оценка состояния водных объектов должна быть получена как для бассейнового уровня исследований (система *«водосбор-водоток-водоем-устье-береговая зона-приемный водоем»*), так и на локальном (система *«водные массы-донные отложения-биота»*). К сожалению, до настоящего времени такой комплексный подход не осуществлялся, так как требует очень большого количества информации, полученной на основе результатов многочисленных и многолетних наземных сетевых наблюдений на склонах водосбора и стационарных гидро-

логических постов, водно-балансовых станций, гидрохимических данных о состоянии главной реки и ее притоков. Совместный анализ полученных данных позволил бы установить надежную зависимость состояния и качества речных вод от различных видов и интенсивности техногенной нагрузки, оценить предельно допустимые нагрузки, не нарушающие способность водного объекта к самоочищению и т.д.. Однако в 2013 году на основании письма Росгидромета *«Об оптимизации расходования средств федерального бюджета»* от 14.06.2013 №140–03513/13, в котором предлагалось сократить расходы на дополнительную и специализированную сеть наблюдений, количество действующих постов на реках, озерах, водохранилищах в 2015 г. по сравнению с 1986 г сократилось на 33% – с 4481 до 2992. В 2015 г. было закрыто 48 постов [6, с. 5]. Поэтому в условиях дефицита данных наземных наблюдений важной составной частью информационной базы мониторинга в нашем исследовании являются дистанционные и картографические материалы.

Проблема разработки картографического обеспечения мониторинга для широкого круга исследований становится весьма актуальной при внедрении бассейнового подхода в политику ресурсосбережения и охраны природы. В качестве примера таких исследований приводится опыт использования дистанционной и картографической информации для оценки влияния бассейна реки Белой на формирование и загрязнение Краснодарского водохранилища. Поскольку крупные русловые водохранилища включены в гидрологическую систему главной реки и имеют собственные боковые притоки, то их правомерно рассматривать как самостоятельные приемные водоемы. Геосистемный подход к организации комплексного мониторинга русловых водохранилищ представлен на рис. 2.

Целью исследований являлось изучение влияния водосбора р. Белой на формирование Краснодарского водохранилища как важной составляющей экологической оценки состояния бассейна р. Кубань. Краснодарское водохранилище, построенное в период с 1968 по 1973 гг., является крупнейшим русловым водохранилищем не только в бассейне р. Кубань, но и на всем Северном Кавказе. Оно расположено в средней части русла реки между станицей Воронежской и г. Краснодаром (рис.3). Проектные характеристики водохранилища: площадь – около 400 км^2, наибольшая длина – 46 км, средняя ширина – 8.6 км, полный объем – 2349.3 млн. м^3, полезный объем – 2200 млн. м^3 [4, с. 260]. При создании водохранилища планировалось решить целый комплекс задач: осуществить межсезонное выравнивание гидрографа стока и устранить катастрофические наводнения в нижнем течении Кубани; обеспечить водой оросительные системы; улучшить условия судоходства, наладить воспроизводство ценных пород рыб; улучшить водоснабжение населения и условия рекреации. Помимо положительного эффекта от образования водохранилища одновременно стали проявляться и отрицательные стороны его существования. Часть притоков Кубани стала впадать в водохранилище, принося большое количество взвешенных веществ. В устье р. Белой (второго по величине притока р. Кубань, площадь водосбора которого в 15 раз больше площади водохранилища), стала формироваться обширная выносная дельта.

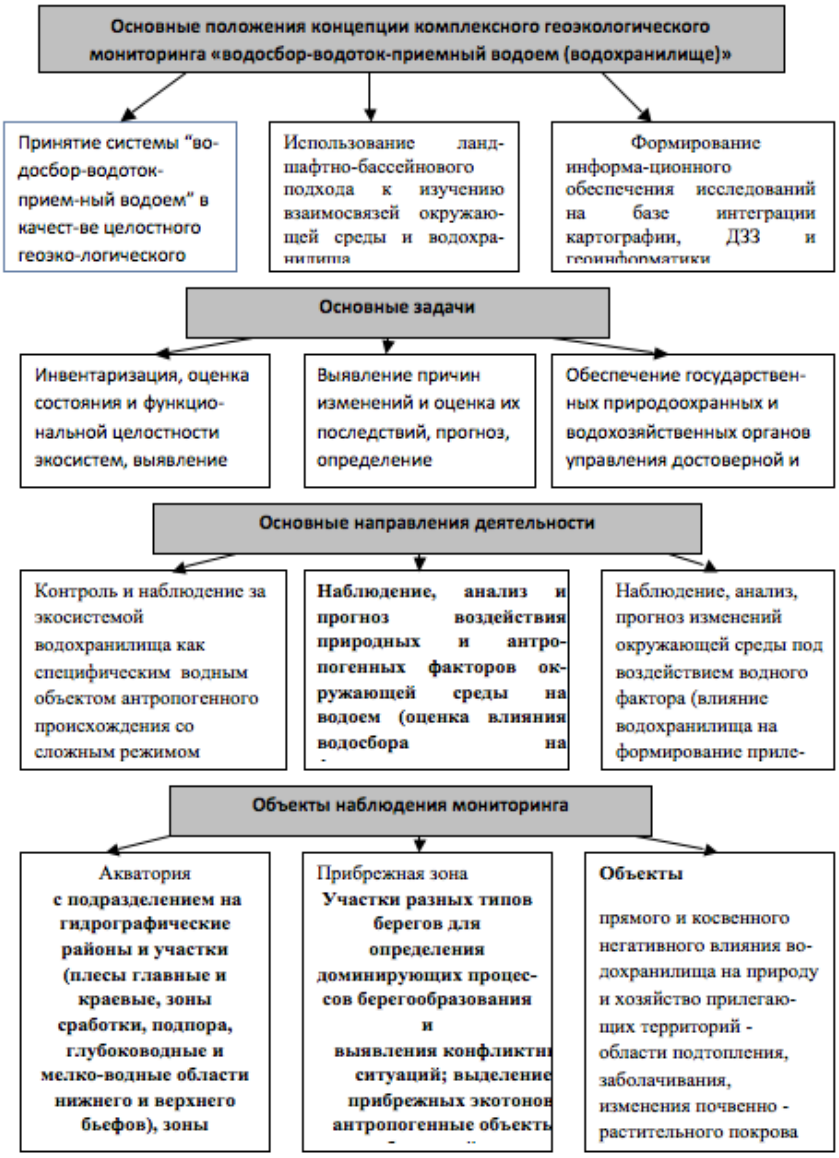


Рис. 2. Геосистемный подход к организации комплексного мониторинга русловых водохранилищ

Причины интенсивного заиливания водохранилища и дельтоформирования р. Белой обусловлены природными особенностями ее водосбора, расположенного в зоне легко размываемых пород, и содержанием большого количества твердых взвесей в речном стоке – годовой сток наносов составляет 760 тыс. тонн, что соответствует в среднем поступлению 24–29 кг/сек, а отдельные периоды – до 74 кг/сек [6, с. 313].

Для выявления темпов развития дельты были подобраны архивные топографические карты и космические изображения с момента создания водохранилища до настоящего времени (рис. 3). К 2000 г сформировалась обширная перемычка, которая полностью перекрыла водохранилище, разделив его на две практически самостоятельные части. Средняя скорость выдвижения дельты от зарождения до образования перемычки составила 112 м/год [5]. Выносная дельта Белой площадью 9 км^2 в 1995 г., превратилась к 2012 г. в мощную перемычку общей площадью 73 км^2. Образовавшаяся территория представляет собой практически недоступную для наземных обследований непроходи-

мую топкую заболоченную поверхность с большим количеством мелководных водоемов. Обсохшие участки иловых отложений заросли густым кустарником, ивняком, разнотравно-хвощевыми, клубнекамышевыми сообществами.

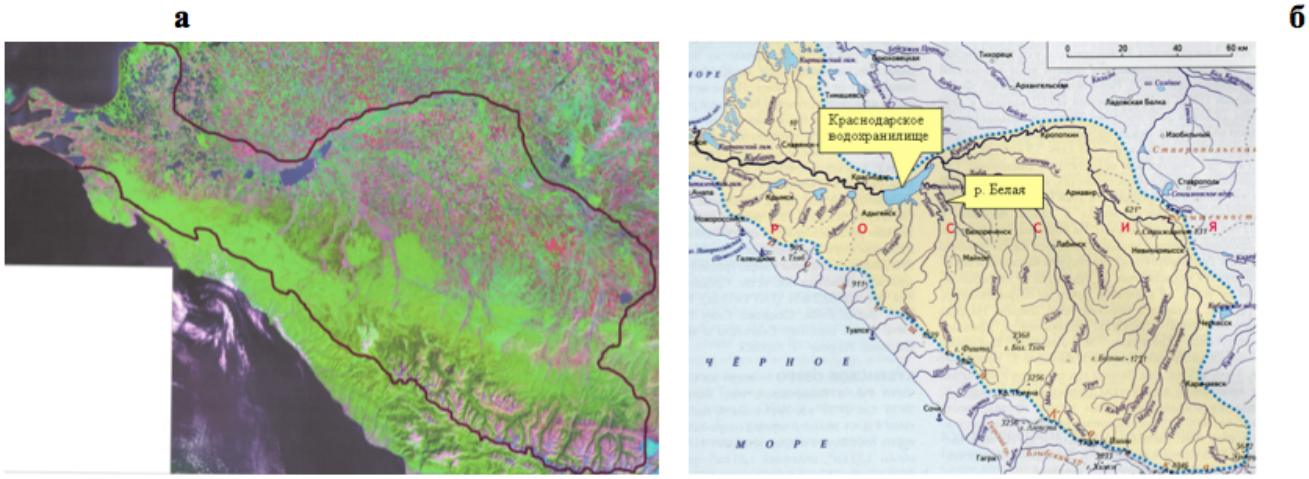


Рис 3. Бассейн реки Кубань. Краснодарское водохранилище:
а) космический снимок ИСЗ LANDSAT (июнь 2004 г.); – б) карта бассейна, [8, с. 347]

Рост перемычки происходит в сторону плотины, что хорошо прослеживается по космическим изображениям последних лет, фиксирующим шлейфы переноса минеральных взвешенных частиц (рис. 4).

По результатам совместного анализа картографических материалов и данных ДЗЗ, охватывающих весь период существования Краснодарского водохранилища, можно сделать следующие выводы:

– интенсивное заиливание Краснодарского водохранилища привело к существенной трансформации береговой линии водоема, изменению морфометрических характеристик, уменьшению площади зеркала воды почти на 80 км^2;

– отчленение верхней части водохранилища и практическое прекращение проточности сводит к минимуму способности водоема к самоочищению;

– сокращение полезного объема на 0,3–0,5 км^3 увеличивает риск невыполнения защитных противопаводковых функций водохранилища в случае возникновения чрезвычайных ситуаций при прохождении катастрофических половодий и паводков.

Другим серьезным аспектом ухудшения экологического состояния Краснодарского водохранилища и прилегающих территорий является большое поступление загрязняющих веществ (ЗВ) с водами притоков. Для выявления состава основных ЗВ, приносимых с наносами р. Белой и накапливающихся в акватории водохранилища, был проведен анализ хозяйственного использования территории ее водосбора и выявлены основные очаги антропогенного загрязнения. К ним относятся города и поселки городского типа, в которых сконцентрирована практически вся промышленность данной территории, локальные центры производственной специализации, сельскохозяйственные и животноводческие комплексы. Поскольку населенные пункты всех типов исто-

рически привязаны к водным артериям, промышленность нуждается в больших объемах воды, значительная часть полигонов твердых бытовых отходов, сельскохозяйственных объектов и животноводческих комплексов находится в дельтово-пойменных районах, то становится очевидным, что бóльшая часть поллютантов “сплавляется” по реке и ее притокам, накапливаясь в образовавшейся дельте и донных отложениях водохранилища. Таким образом, Краснодарское водохранилище является мощным накопителем тяжелых металлов, нефтепродуктов, СПАВ, фенолов, пестицидов и азотных соединений.

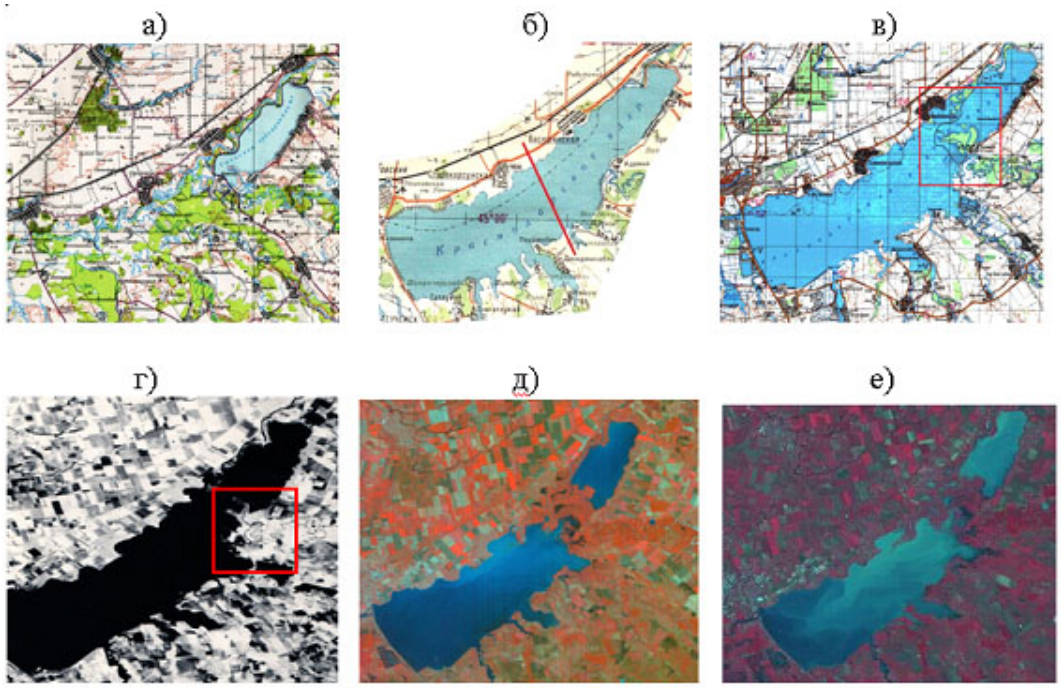


Рисунок 1. Этапы формирования Краснодарского водохранилища и дельты р. Белой:
а) предварительный – природно-территориальные комплексы на месте будущего ложа Краснодарского водохранилища и вокруг уже существующего Тщикского (1962 г.);
б) начальный – первые годы после заполнения водохранилища (1975-1978 гг.); в) начало выдвижения дельты р. Белой (1978-1984 гг.); г) продолжение роста дельты (1988 г.); д) образование сплошной перемычки (к 2000-2006 гг.); е) современное состояние водохранилища (август 2008 г.) - рост перемычки, выдвижение дельты Кубани, увеличение зоны распространения взвесей до приплотинного участка.

Рис. 4. Этапы формирования Краснодарского водохранилища и дельты р. Белой. а) природно-территориальные комплексы на месте будущего ложа Краснодарского водохранилища и вокруг уже существующего Тщикского (1962 г.); б) первые годы после заполнения водохранилища (1975–1978 гг.); в) начало выдвижения дельты р. Белой (1978–1984 гг.); г) – продолжение роста дельты (1988 г.); д) – образование сплошной перемычки (2000–2006 гг.); е) современное состояние водохранилища (2008 г.) – увеличение площади перемычки, формирование выносной дельты р. Кубань внутри водохранилища, распространение речных взвесей до приплотинного участка

Анализ карт, спутниковой и дополнительной научно-справочной информации позволяет на первом этапе получить предварительную (качественную) оценку антропогенного воздействия на поверхностные воды водосбора р. Белой (рис. 5 а; б). Данные ДЗЗ при решении поставленной задачи были использованы для уточнения географо-гидрологического районирования территории; выявления состояния природно-территориальных комплексов водосбора на теку-

щий момент, анализа вида антропогенной нагрузки на водосбор и ее распределения по территории. На схемах дешифрирования были выделены долины рек, границы лесов, вырубки, крупные населенные пункты, транспортная сеть, сельскохозяйственные угодья и т.д. Полученная информация дополнялась картографической и научно-справочной. Суммарная оценка роли водосбора р. Белой в загрязнении Краснодарского водохранилища при отсутствии наземных гидрологических наблюдений в районе перемычки проводилась с использованием географических и социально-экономических показателей.

а *б* *в*

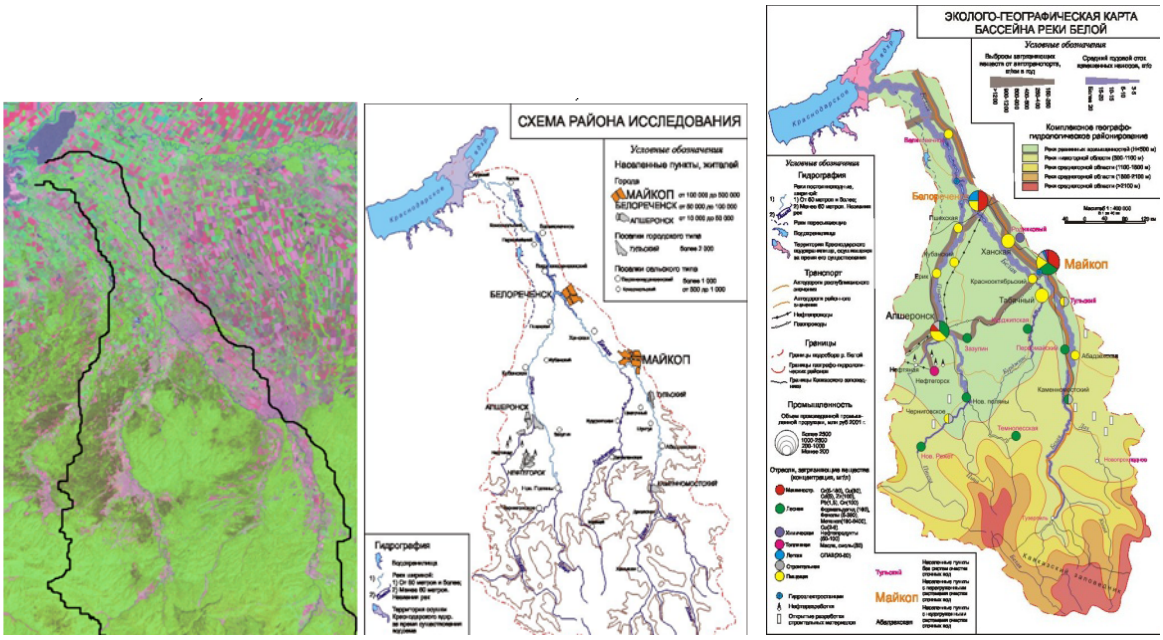


Рис. 5. Водосбор р. Белой. – а) космический снимок ИСЗ LANDSAT (июнь 2004 г.); б) схема района исследования; в) эколого-географическая карта

По результатам проведенных исследований разработана эколого-географическая карта бассейна р. Белой в масштабе 1:500 000 (рис. 5б). На карте показаны: гидрографическая сеть, границы географо-гидрологических районов и их характеристики, транспортная сеть (с указанием средней величины загрязнений вдоль дорог разных классов), промышленные центры (с перечислением основных загрязняющих веществ и объема производимой продукции по каждой отрасли в ценах.2001 г.), места разработки полезных ископаемых, населенные пункты (с характеристикой состояния систем очистки сточных вод). Кроме того, вдоль всего русла р. Белой показан средний годовой сток наносов (кг/с) и отмечена территория Краснодарского водохранилища, осушившаяся за годы его существования. Составленная карта может быть использована как базовая для дальнейших экологических исследований данного региона, выявления областей максимальной и минимальной антропогенной нагрузки на водные объекты и качественной (по составу) оценки загрязняющих веществ, накапливающихся в дельте Белой и, соответственно, в Краснодарском водохранилище. Разработка эколого-географической карты бассейна р. Белой является логическим завершением проведенных исследований, цель которых состоит в оценке степени воздействия на приемный водоем речного водосбора с интенсивным хозяйственным использованием территории.

Список литературы

[1] *Винокуров Ю.И.*, *Жерелина И.В.*, *Красноярова Б.А.* Подходы к фомированию стратегии устойчивого водопользования в бассейне реки Оби // Ползуновский вестник. № 2. 2004. С. 4–13.

[2] Корытный *Л.М.* Бассейновая концепция в природопользовании. Иркутск: Изд. Института географии СО РАН, 2001.

[3] *Курбатова И.Е.* Использование данных космического мониторинга для оценки экологического состояния крупных речных водосборов // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. № 2. Т. 7. 2010. С. 157–166.

[4] *Лурье П.М.*, *Панов В.Д.*, *Ткаченко Ю.Ю.* Река Кубань: гидрография и режим стока. Санкт-Петербург, Гидрометеоиздат, 2005.

[5] *Неупокоев В.А.* Краснодарское водохранилище. Центр гидрометеорологических работ *«Экология-Гидрометеорология»*, 2013 – http://погода-краснодар.рф/index.php?option=com_content&view=article&id=33&Itemid=37 (дата обращения: 16.04.2016).

[6] Обзор состояния системы гидрологических наблюдений, обработки данных и подготовки информационной продукции в 2015 г. ГГИ СПб, 2016. – http://www.hydrology.ru/sites/default/files/Books/obzor_seti_2015.pdf (дата обращения: 20.04.2016).

[7] *Одум Ю.* Основы экологии. М.: Мир, 1975.

[8] Реки и озера мира. Энциклопедия. Гл. ред. В.И. Данилов-Данильян. М.: ООО Издательство “Энциклопедия”, 2012.

[9] *Уайт Г.* География, ресурсы и окружающая среда. М.: Изд. *«Прогресс»*, 1990.

[10] *Черняев А.М., Дальков М.П., Шахов И.С., Прохорова Н.Б.* Бассейн. Эколого-водохозяйственные проблемы, рациональное водопользование. РосНИВХ. Екатеринбург: Изд. *«Виктор»*, 1995.

ПРИНЦИП НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Веницианов Е.В., Звезденкова Г.А.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Увеличение уровня негативного воздействия на окружающую среду со стороны предприятий, работающих на экологически неэффективном оборудовании, требуют повышенного внимания к системе управления охраной окружающей среды в Российской Федерации. Наилучшие доступные технологии (НДТ) (Best Available Techniques, BAT) представляют собой современный инструмент обеспечения экологической безопасности. Сегодня остро стоит задача обеспечения комплексного подхода к внедрению НДТ как в рамках экологической, так и промышленной политики, а также совершенствование системы государственного регулирования на основе НДТ.*

Действующая система нормирования негативных воздействий на окружающую среду характеризуется необоснованно завышенными требованиями к качеству сточных вод, выбросов в атмосферу, размещению отходов предприятий, но при этом не стимулирует проведение природоохранных мероприятий из-за недостижимости установленных нормативов. К настоящему времени имеется значительный массив нормативов ПДК вредных веществ в водных объектах и новые величины ПДК вводятся практически ежемесячно.

В настоящее время в российском законодательстве создается правовая основа стимулирования промышленной и экологической модернизации производств, внедрения наилучших доступных технологий, снижения загрязнения окружающей среды, энерго- и ресурсосбережения, направленная на комплексное решение основных экологических проблем через внедрение современных технологий на предприятиях, модернизацию производств, стимулирование экологического развития отраслей экономики на базе двух Федеральных законов:

– Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ *«О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»* и отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ *«О промышленной политике в Российской Федерации»*.

* *Веницианов Евгений Викторович*, д.ф-м.н, профессор, заведующий лабораторией, Институт водных проблем РАН; *Звезденкова Галина Александровна*, мл.науч. сотрудник, Институт водных проблем РАН.

Стратегической целью этих Законов является решение следующих проблем:

– предотвращение изменения климата;
– предотвращение истощения природных ресурсов;
– предотвращение загрязнения компонентов природной среды (воздуха, водных объектов, почв и пр.), антропогенного загрязнения;
– сохранение биоразнообразия.

С вступлением в силу закона № 219-ФЗ *«О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»* и отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающего введение технологического нормирования на основе НДТ и гармонизацию с нормами международного права создаются предпосылки для реформирования природоохранного законодательства, которые позволят:

- максимально учесть технологические возможности, конкурентные преимущества и особенности российской экономики;
- использовать опыт ЕС;
- устанавливать исполнимые требования;
- обеспечить переход к новой системе регулирования.

Для перехода к новому нормированию, необходимо внести поправки и издать ряд новых нормативно-правовых актов, а также обеспечить технико-экономическую оценку всех принимаемых и принятых за последние годы нормативно – правовых актов в сфере экологии, определить перечень веществ для целей установления нормативов качества ОС и нормативов допустимого воздействия промышленных предприятий на ОС.

Стратегическими целями к переходу на новую систему нормирования являются:

– обеспечение разработки нормативов качества ОС, дифференцированных на основе категорирования водных объектов и результатов оценки рисков (развитие региональных нормативов качества, полностью учитывающих особенности конкретных регионов и водных объектов);
– переход к отраслевому нормированию допустимого воздействия промышленности на основе справочников НДТ, включая дифференцированные нормативы;
– внедрение интегрированной оценки экологических, социально-экономических и технологических факторов при установлении индивидуальных норм допустимых выбросов, сбросов (НДВ/НДС), загрязняющих веществ и иных нормативов допустимого воздействия, а также выдаче комплексных экологических разрешений;
– устранение двойного регулирования и нормирования различными государственными структурами в санитарном и экологическом законодательстве, разграничить область и отменить ряд документов, регулирующих одну и ту же область деятельности.

Концепция устойчивого развития предполагает достижение сбалансированности социально-экономического развития человечества и сохранение окружающей среды [1].Устойчивому развитию в Российской Федерации (РФ) призван способствовать Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (ред. от 29.12.2014) *«О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»* и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Закон формирует правовые основы и стимулы для модернизации производства, снижения негативного воздействия на окружающую среду, на основе внедрения наилучших доступных технологий (НДТ).

Для устойчивого развития чрезвычайно важную роль играют экологические инновации, под которыми понимаются новые продукты, новые технологии, новые способы организации производства, обеспечивающие охрану окружающей среды. Речь идет о внедрении системы экологического менеджмента, экологического маркетинга, экотехнологий, которые позволяют обеспечить взаимодействие между экономическим развитием и защитой окружающей среды. Концепция устойчивого развития предполагает определенные ограничения в области природных ресурсов, и ограничения связаны с современным уровнем технологий, социальной организацией, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности. Переход к устойчивому развитию потребует усиления экологических приоритетов в государственной политике, эколого-сбалансированной реструктуризации экономики, преодоления сырьевой ориентации экономики России, а также поддержки инновационных преобразований.

С 1 января 2015 года в действия вступили поправки, внесенные в Федеральный закон № 7 *«Об охране окружающей среды»*. В частности, появилось совершенно новое понятие, ранее не встречающиеся в экологическом законодательстве, такое как *«Наилучшие доступные технологии»* (НДТ) (статья 28,1). Кроме того, согласно статье 4.2 Федерального закона № 7-ФЗ *«Об охране окружающей среды»* от 10 января 2002 года все промышленные предприятия должны быть отнесены к одной из четырех категорий объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Критерии отнесения объектов, утверждены Постановлением правительства Российской Федерации (по состоянию на 16.04.2015) [1].

Наилучшая доступная технология – технология, производства продукции выполнения работ, оказание услуг определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения [2]. НДТ – один из важнейших компонентов перехода на новые стандарты экологического регулирования. Принципы НДТ являются определяющими при наложении разрешительных обязательств в ЕС. Концепция НДТ в ЕС нацелена на постоянное улучшение экологических показателей. Для примера, при внедрении этой системы в Евросоюзе было создано 27 отраслевых и 6 межотраслевых справочников. В Российской Федерации количество справочников перешагнет цифру 40.

Принципы НДТ:

1. Предотвращение негативного воздействия на окружающую среду и иные риски, существенные недостатки и обременения для общественности и окружающей местности;
2. Обеспечение принятия профилактических мероприятий для предотвращения вредного воздействия на окружающую среду и иные риски, существенных недостатков и обременений, в частности, путем реализации мер, соответствующих текущему уровню технического развития.

В Российской Федерации в Федеральном законе № 219-ФЗ прописаны этапы перехода к принципам НДТ в Российской Федерации:

- разделение предприятий на категории;
- применение к каждой категории дифференцированных мер государственного регулирования;
- замена 3-х действующих разрешений на выбросы сбросы, отходы комплексным экологическим разрешением, декларацией и представлением отчетности;
- введение технологического нормирования на принципах НДТ;
- сокращение перечня регулируемых веществ;
- перераспределение поднадзорных объектов между федеральным и региональным надзором;
- дифференциация требований к производственному экологическому надзору в зависимости от категории объекта;
- систематизация экологической информации о предприятии в рамках ведения государственного экологического учета объектов;
- возрождение института государственной экологической экспертизы;
- внедрение механизмов экологического стимулирования, направленного на снижение загрязнения окружающей среды;
- законодательное регулирование вопросов платы за негативное воздействие на окружающую среду.

За последние несколько лет ведется активная работа по разработке информационно-технических справочников по НДТ для ряда отраслей промышленности, которая ведется Росстандартом. Для этого приказом N 1236 Росстандарта от 01.08.2014 – Основной уполномоченный орган – Министерство промышленности и торговли был создан технический комитет по НДТ (ТК 113), который призван обеспечить российские предприятия различных отраслей промышленности документами по стандартизации в сфере НДТ – Информационно-техническими справочниками, стандартами и другими документами. К сожалению, не были обозначены подходы к решению остальных этапов. В результате произошло смешение двух подходов в области регулирования воздействий на ОС:

– сочетание европейских правовых механизмов, использующих комплексный подход на основе технологического нормирования с дискредитировавшим себя принципом нормирования, исходя из соблюдения ПДК, а также с сохранением множественных надзоров в РФ с дублированием их функций;

– установление технологических показателей НДТ нормативными документами в настоящее время не определено;

– для объектов, нормируемых по НДТ, отсутствует принцип комплексного подхода, требующий кроме технологических нормативов учитывать ситуацию в объекте-водоприемнике. Это может привести как к занижению нормативов, так и недостаточному учету негативной ситуации в водном объекте;

– о сроках достижения НДТ для всех объектов, отнесенных к категории нормируемых по НДТ, не учитывается одновременность необходимых для этого инвестиционных процессов, что не обеспечивается ни совокупными финансовыми возможностями, ни необходимыми мощностями для проектирования, строительства и поставки оборудования. Построение системы государственного регулирования на основе принципов НДТ направлено на одновременное решение задач как экологической, так и промышленной политики, поскольку применение современных технологий и модернизированного технологического оборудования, приобретенного, в том числе, с государственной поддержкой, ведет не только к соблюдению природоохранных требований, но и к стабильному и инновационному развитию промышленности. Критерии отнесения к категории наилучших доступных технологий и обоснование выбора необходимо гармонизировать с нормами международного права. Для этих целей приказом Росстандарта № 1920 от 3 декабря 2014 г. было сформировано Бюро НДТ. Деятельность данной структурной единицы направлена на координацию деятельности технических рабочих групп при разработке информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям.

Основными функциями Бюро являются:

– подготовка предложений по кандидатурам для включения их в состав рабочих групп; руководство деятельностью рабочих групп; установление сроков и этапов работ, выполняемых рабочими группами; разработка и унифицированные шаблоны справочников и анкет для предприятий;

– организация публичного обсуждения проекта справочника; организация экспертиз соответствия проекта справочника требованиям, установленным к его содержанию и структуре в документах национальной системы стандартизации;

– представление проекта справочника в уполномоченный орган; создание и обеспечение работы информационных систем.

Механизм НДТ обеспечит:

- улучшение экологической обстановки в Российской Федерации;
- поддержание конкурентоспособности российских предприятий;
- гармонизация экологического регулирования с практикой развитых стран;

- снижение рисков введения торговых и иных ограничений для российских компаний по основаниям экологической безопасности;
- улучшение практики администрирования и повышение стандартов работы органов исполнительной власти;
- коррекцию действий хозяйствующих субъектов на основе финансовой мотивации к модернизации производства.

Одним из наиболее важных моментов применения механизма НДТ в РФ, помимо общего снижения уровня негативного воздействия (загрязнения), будет являться ускоренное технологическое развитие предприятий. Внедрение принципов и механизма технологического нормирования основанного на НДТ позволит уйти от установления единых для всех предприятий жестких норм, что является невозможным, с учетом разнообразия природных условий, применяемого сырья, процессов производства, а также приведет к более быстрому темпу модернизации производств.

Реформа системы регулирования – комплексная проблема, затрагивающая множество нормативно-правовых актов, требующая подготовки поправок в ряде законов и нормативно-правовых актов или принятие новых.

В настоящее время разрабатывается методология выбора НДТ для конкретных предприятий. В их основе лежат:

- оценки уровня воздействия на ОС;
- оценки затрат с учетом внедрения НДТ и экономических преимуществ;
- критерии оценки альтернативных технологий.

Переход предприятий на НДТ означает наиболее эффективную и передовую стадию в развитии производственной деятельности и методов эксплуатации объектов. В основе, которого лежат технологии предотвращения или, если это практически невозможно, обеспечения общего сокращения выбросов и образования отходов. Важно отметить, что практическое значение для процесса нормирования имеют именно наилучшие достижимые уровни воздействий, связанные с применением НДТ, а не собственно перечень технологий, признанных НДТ [3]. Перечень НДТ лишь обосновывает и подтверждает достижимость таких уровней. При этом установление обязательных норм на основе НДТ не отменяет требований соблюдения стандартов качества окружающей среды.

Список литературы

[1] *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) Информационный обзор. Новосибирск, 1992. С. 19–20.

[2] Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (ред. от 29.12.2014) *«О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»* и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[3] Журнал Экопрогресс – http://ecoprogress.pro/econews/latest-issue/interview/interview_429.html (дата обращения: 15.04.2016).

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ПРИРОДНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ МЕТОДОМ ГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИХ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРОПОРЦИЙ

Разумовский Л.В., Шумакова Е.М.,
Филиппова И.А., Разумовский В.Л.*
(Россия, г.Москва)

Аннотация. *Описывается метод графического анализа, разработанный для пресноводных экосистем. Описаны три сценария их трансформации. Определены параметры структурообразующих групп гидробионтов, которые определяют их устойчивость. По аналогичной методике проанализированы негативные трансформации, зафиксированные в природно-техногенной системе* (*Жигулевской ГЭС*). *Сходные сценарные трансформации выявлены при оценке долговременных изменений минимального зимнего стока в малых реках бассейна р. Волга. Устойчивость системы определяется числом структурообразующих компонентов, по которым их можно разделить на простые и сложные системы. Общность сценариев позволяет отнести все рассмотренные системы к биофоническим.*

Первоначально метод графического анализа был разработан при пространственном анализе донных комплексов диатомовых водорослей из современных озерных осадков. Были исследованы более 120 озер из различных регионов Европейской части России [8; 12]. Анализ трансформации структуры диатомовых комплексов во времени был изучен по колонкам донных отложений из 15 озер, расположенных в различных ландшафтно-климатических областях [8; 5]. При применении разработанной методики анализа, озера были разделены по двум категориям размерности: с площадью водного зеркала менее 1 км^2 (малые) и с площадью водного зеркала от 1 до 4 км^2 (средние).

Метод графического анализа состоит в следующем: при построении графиков по оси абсцисс откладывается число идентифицированных таксонов видового и более низкого рангов (далее в тексте – таксонов), а по оси ординат – их относительная численность. Таксоны ранжируются по показателю относительной численности в сторону его уменьшения. По относительной численности таксоны разделяют на группы: доминирующие (обычно не менее

* *Разумовский Лев Владимирович*, д.геогр.н., ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт водных проблем РАН; *Шумакова Елена Михайловна,* ФГБУН Институт водных проблем Российской академии наук*; Филиппова Ирина Александровна*, ФГБУН Институт водных проблем Российской академии наук; *Разумовский В.Л.*, ФГБУН Институт водных проблем Российской академии наук.

8–10 % от комплекса), сопутствующие (более 1–2 %) и редкие (обычно менее 1 %). В результате, в линейной системе координат строится исходный график или гистограмма (рис. 1а, б).

Анализ полученных графиков (гистограмм) проводится в линейной и логарифмической системе координат. В логарифмической системе координат анализируются не сами графики, а их тренды, представленные результирующими прямыми линиями (рис. 1в, г). Эти линии образуют генерации определенных очертаний. В линейной системе координат у полученных графиков или гистограмм всегда образовывался *«хвост»* состоящий из редких и случайных таксонов, имеющих незначительную относительную численность в комплексе. Это представители таксонов, присутствие которых в каждом биотопе имеет случайный характер. Общая совокупность этих таксонов полностью попадает под определение *«статистический шум»*. Доминирующие и сопутствующие таксоны составляют около 2/3 от общей относительной численности в комплексе [3]. Это приблизительно соответствует 2σ (где σ – стандартное отклонение при нормальном распределении). Поэтому, в логарифмической системе координат результирующие линии строились двумя способами: с учетом всего спектра таксонов (чтобы не потерять часть информации) и только с учетом доминирующих и сопутствующих таксонов. В последнем случае 1/3 от общей относительной численности (*«хвост»* гистограммы) не учитывалась.

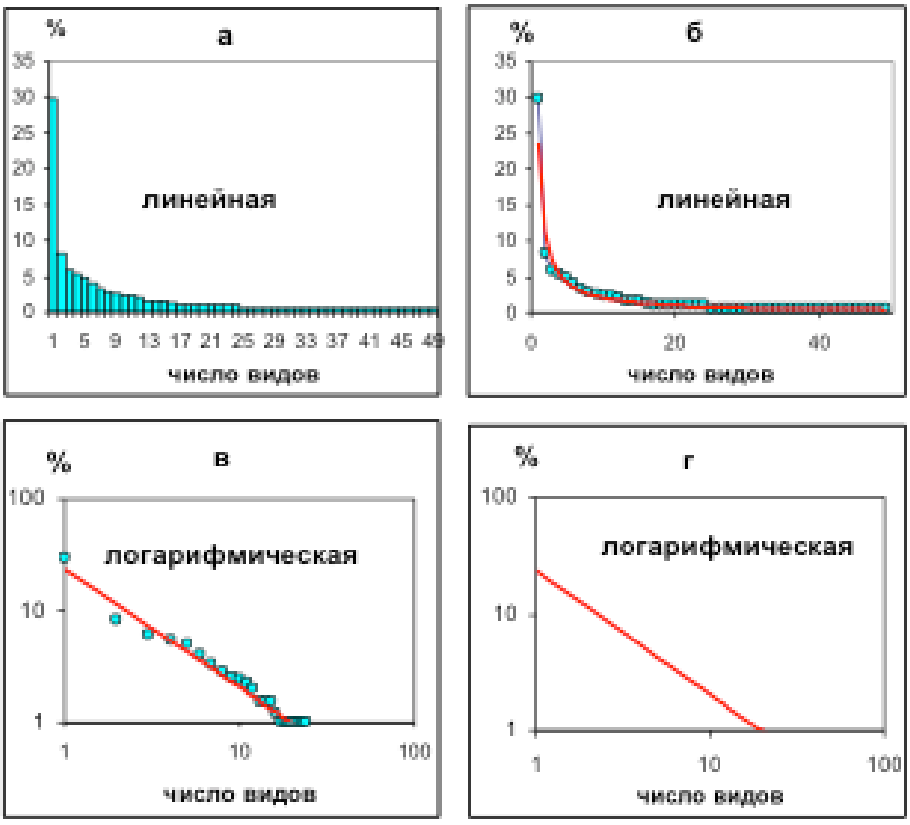


Рис. 1. Методика графического анализа таксономических пропорций

В линейной системе координат были выделены два типа графиков естественной, ненарушенной структуры таксономических пропорций в диатомовых комплексах. Один из них своим очертаниям близок к экспоненциальной

зависимости и характерен для малых озер. Для озер среднего размера форма полученных графиков имеет определенное подобие с логистической зависимостью [18]. Оба типа графиков отражают, в той или иной степени, исходные, прижизненные таксономические пропорции в диатомовых комплексах. Они соответствуют двум из трех основных нециклических форм зависимостей, которые возникают в экосистемах при их ответных реакциях на внешнее воздействие.

При анализе в логарифмической системе координат были выделены три основных сценария пространственно-временной трансформации таксономических пропорций. Для озер малого размера характерен первый из выявленных сценариев трансформации диатомовых комплексов. При усилении внешнего негативного воздействия происходит *«вращение»* результирующих линий вокруг некой точки или локальной области. Этот процесс происходит до определенного предела, после чего результирующие линии перемещаются из области гипотетического *«вращения»*, что соответствует стадии деградации экосистемы озера (рис. 2).

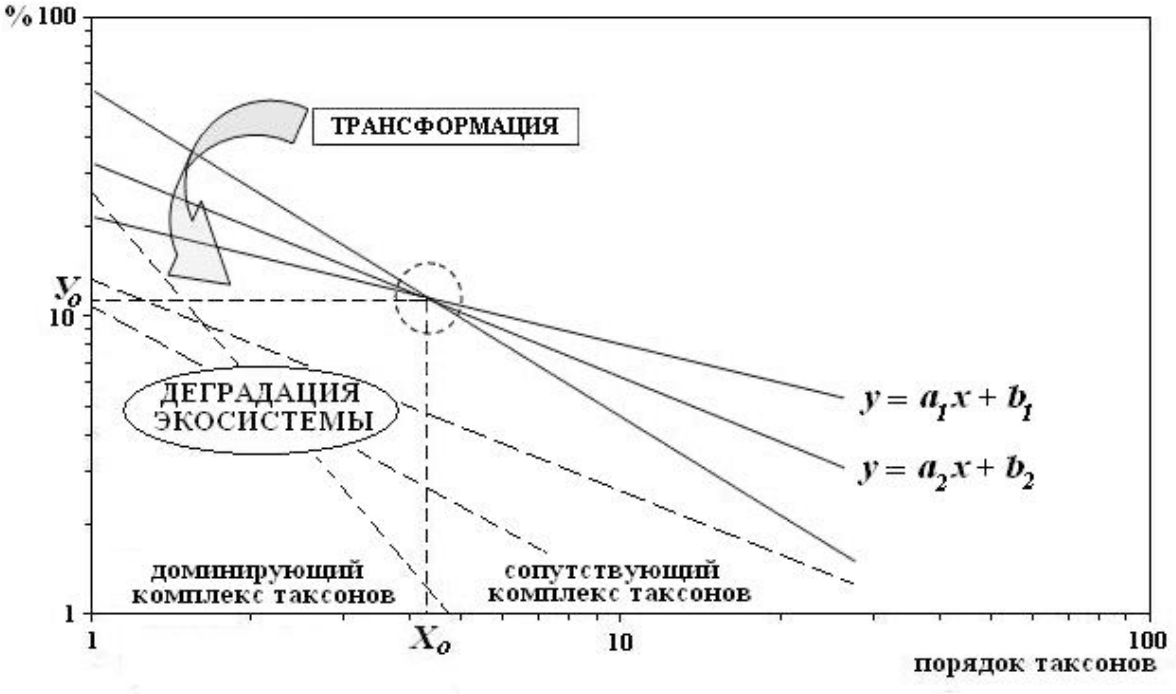


Рис. 2. Обобщенная модель трансформации диатомовых комплексов из озер малого размера

В логарифмической системе координат была получена зависимость между значениями X (порядком каждого таксона) и Y (его относительной численностью) через два коэффициента: $Y = k_i X^{a_i}$. Первый из них, a_i определяется линейным параметром: расстоянием до источника генерации негативного воздействия. Зависимость имеет степенной характер, т.к. при продвижении к источнику генерации, сила негативного воздействия будет расти нелинейно. Второй коэффициент k_i имеет композиционную структуру. Его линейный компонент содержит численные значения X_o *и* Y_o, которые соответствуют координатам точки *«вращения»* результирующих линий в логарифмической системе координат. В обобщенном понимании, это необходимое число доминирующих таксонов (X_o) и допустимый нижний порог их относительной численности (Y_o),

который может обеспечить трофо-метаболическую целостность малого озера.

Для озер среднего размера характерен второй из выделенных сценариев трансформации, который на начальном этапе выражен в форме веерообразного *«разворота»* вокруг некой общей области. В этом случае, трофо-метаболическая целостность озер среднего размера поддерживается не только доминирующим комплексом, но и группой сопутствующих видов. При увеличении негативного воздействия происходит фазовый переход, и дальнейшая трансформация происходит по сценарию характерному для озера малой размерности (рис. 3).

Существует третья модель (сценарий) трансформации, которую нельзя свести к двум первым – параллельное расположение линий. Такое расположение результирующих линий было впервые выявлено вдоль температурного градиента подогретых вод поступающих из сбросового канала Кольской атомной электростанции (оз. Имандра) [6]. Аналогичное явление было отмечено для группы озер с разным показателем pH [1]. Кроме того, параллельное расположение результирующих линий характерно для озер, в которых протекают процессы быстрого изменения глубин (обмеления или повышения уровня воды). Эти процессы были отмечены в озерах: Галичское (Костромская обл.), Большое (Краснодарский край), Глубокое (Московская обл.), Нижнее Хаймашинское (Республика Кабардино-Балкария) [5; 9–11; 14]. Во всех перечисленных случаях речь не идет о внешних факторах воздействия – меняются свойства самой среды обитания (t °C, pH, глубина водоема). В качестве примера образования подобных генераций можно привести результаты анализа таксономических пропорций из колонки донных отложений (ДО) оз. Нижнее Хаймашинское (рис. 4). Это карстовое озеро образовалось за несколько десятилетий, и его формирование (заполнение водой) началось не ранее середины 20-го столетия [5].

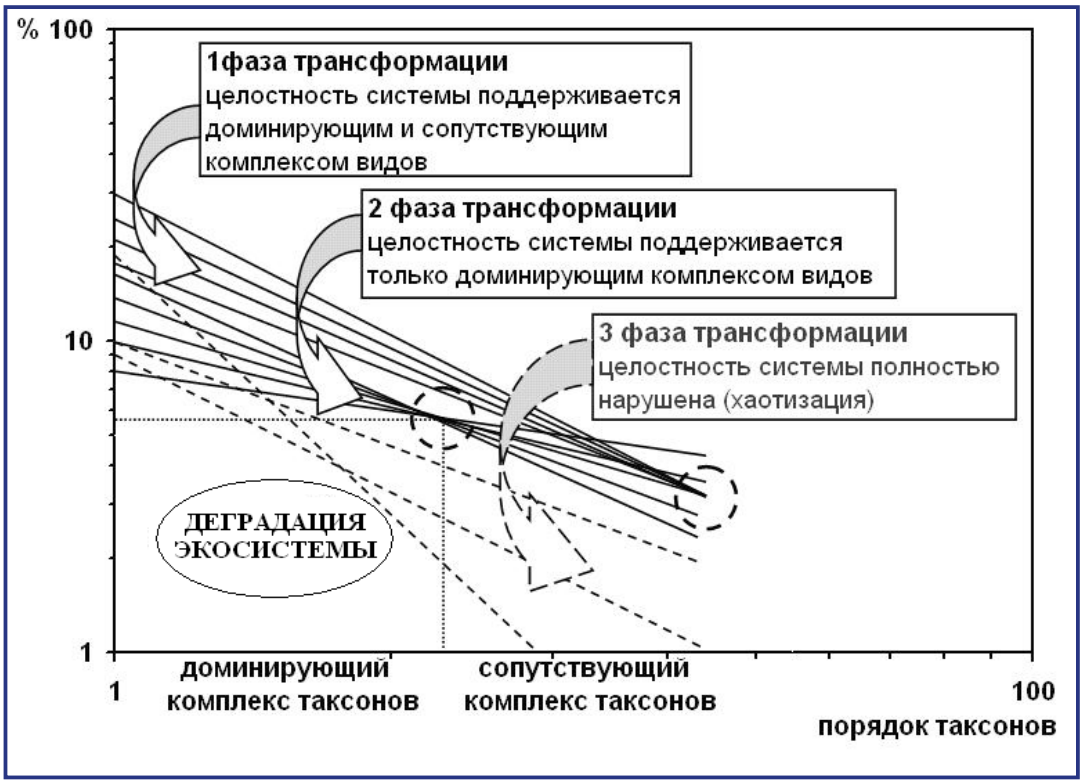


Рис. 3. Обобщенная модель трансформации диатомовых комплексов из озер среднего размера

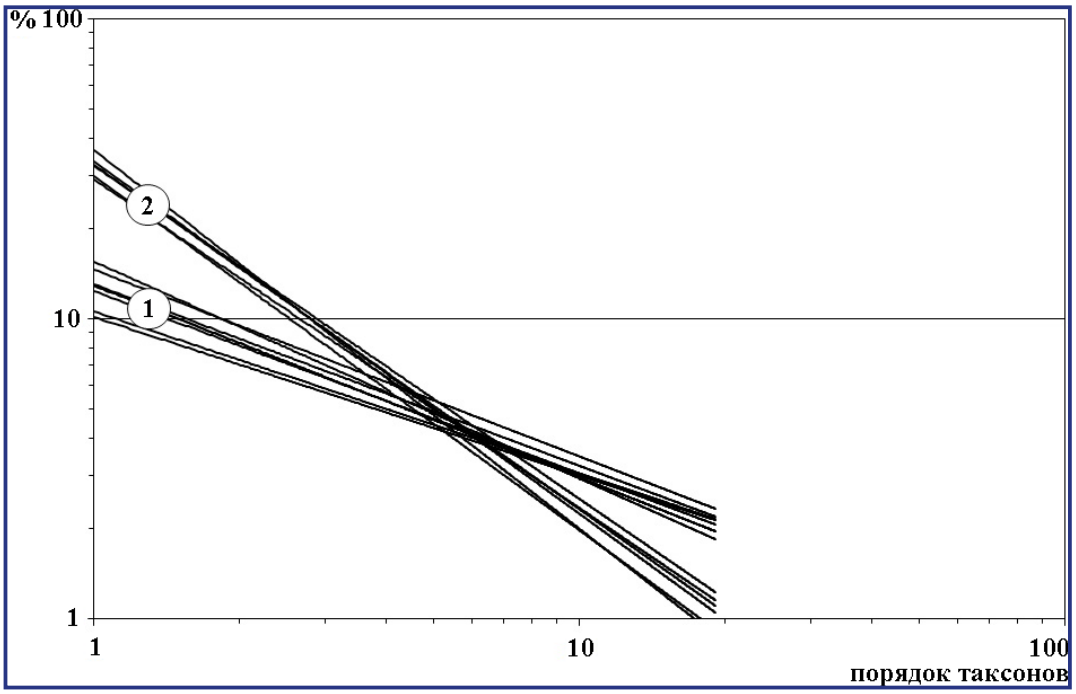


Рис. 4. Две генерации результирующих линий построенных по таксономическим пропорциям диатомовых комплексов из колонки ДО оз. Нижнее Хаймашинское (логарифмическая система координат); 1-я генерация (интервал 0–6 см) – вселение диатомей; 2-я генерация (интервал 7–13 см) – формирование устойчивого сообщества

Основным результатом многолетних исследований было наглядное подтверждение фазовых переходов экосистем из одного состояния в другое при внешнем воздействии и их достоверное разделение на *«простые»* и *«сложные»* по числу видов в структурообразующих группах, которые поддерживают трофо-метаболическую целостность экосистемы [8; 12]. Закономерности трансформации, которые были выявлены для диатомовых комплексов из озер, имеют аналоги, которые наблюдаются в речных экосистемах [7; 13] России. Сходные закономерности были отмечены для других структурообразующих групп из пресноводных экосистем (фитопланктон, бактериопланктон и др.) [4; 12; 17].

Перспективность разработанного метода графического анализа и возможность его междисциплинарного применения была наглядно продемонстрирована при изучении совершенно иных *«сложных»* систем. Если до этого анализировались *«живые»* системы, то в нижеописанном случае система была *«сложная»*, но *«неживая»*. При этом, все исходные *«правила игры»* необходимые для графического анализа были соблюдены: источник воздействия, сама система, правильный выбор параметров трансформации системы в результате воздействия на неё. Первопричиной исследований стали динамические воздействия работающих гидросооружений Жигулевской ГЭС на акваторию водохранилища, береговую линию, грунты обрамляющих территорий и расположенные там строительные объекты [15]. Наблюдения продолжались с 1999 по 2013 гг. Было экспериментально установлена прямая зависимость между интенсивностью вибраций грунтов приплотинной территории и объемами попусков через водосливную плотину. Зависимость имеет линейный характер, а коэффициент корреляции в среднем составляет 0,95. За характеристику интенсивности динамических нагрузок принималась амплитуда вертикальной скорости вибраций

грунтов Vz, мкм\с. За характеристику режима попусков через водосливную плотину принимались расходы воды Q , тыс. куб. м\с.

Было констатировано, что интенсивность вибраций грунтов, при прочих равных условиях, возрастает от года к году. Было констатировано, что угол наклона построенных графиков (зависимости вертикальных скоростей колебаний грунтов *Vz* от холостых расходов воды *Q*) образует две генерации (рис. 5).

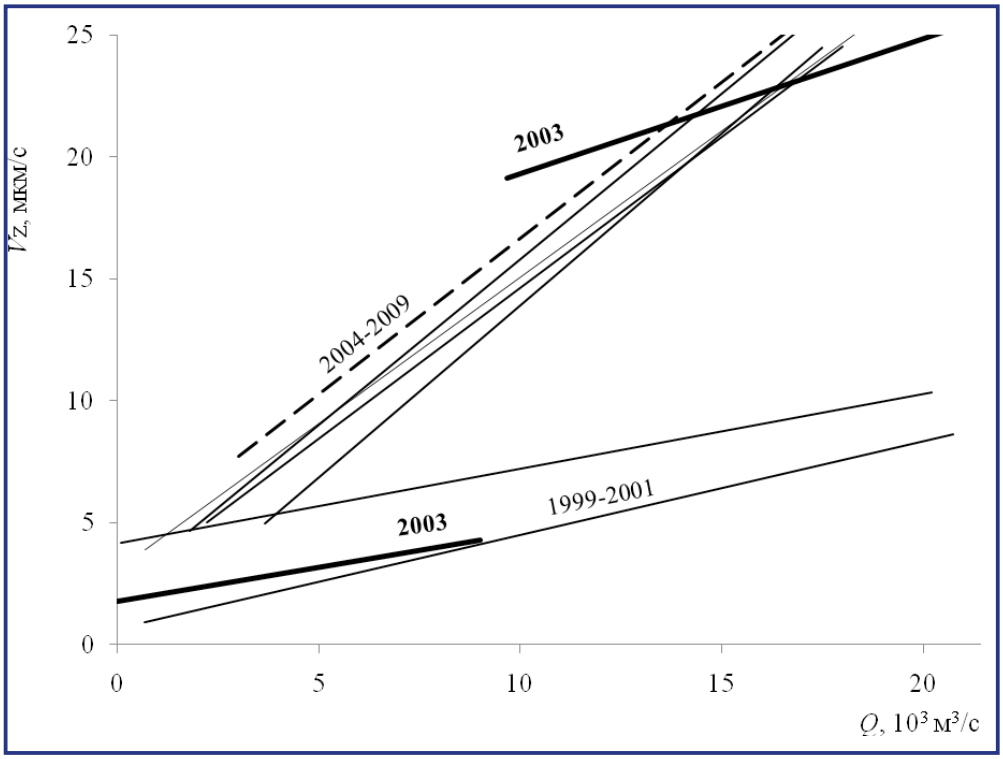


Рис. 5. Фазы трансформации в природно-техногенной системе (*Жигулевской ГЭС*)

Одна генерация (с меньшим углом наклона) наблюдалась в 1999–2003 гг. Однако в 2004–2013 гг. построенные графики приобретают принципиально иной угол наклона, соответствующий увеличению интенсивности колебаний приблизительно в 2,5–3 раза (рис. 5). В результате образуется вторая генерация. Соответственно в 2003 году произошло скачкообразное изменение (увеличение) показателя колебаний грунтов, или фазовый переход. Объективность наличия структурообразующих показателей, определяющих целостность любой природной системы, была продемонстрирована при оценке гидрологических параметров (минимального стока) рек Европейской части России (рис. 6) [2; 19].

Очевидно, что полноводность любой реки определяется совокупностью многих параметров: количеством поступающих осадков, площадью водосбора, типом вмещающих русло пород, наличием подземных источников питания и др. При кратковременных климатических изменениях *«включаются»* компенсационные механизмы, которые позволяют путем перераспределения внутри системы различных источников поступления воды сохранить полноводность системы. Однако, это возможно только до определенного предела. Любой компенсационный механизм имеет свой *«запас прочности»* и при направленных, длительных изменениях во внешней среде в системе происходит трансформация, которая приобретает пороговый (фазовый) характер.

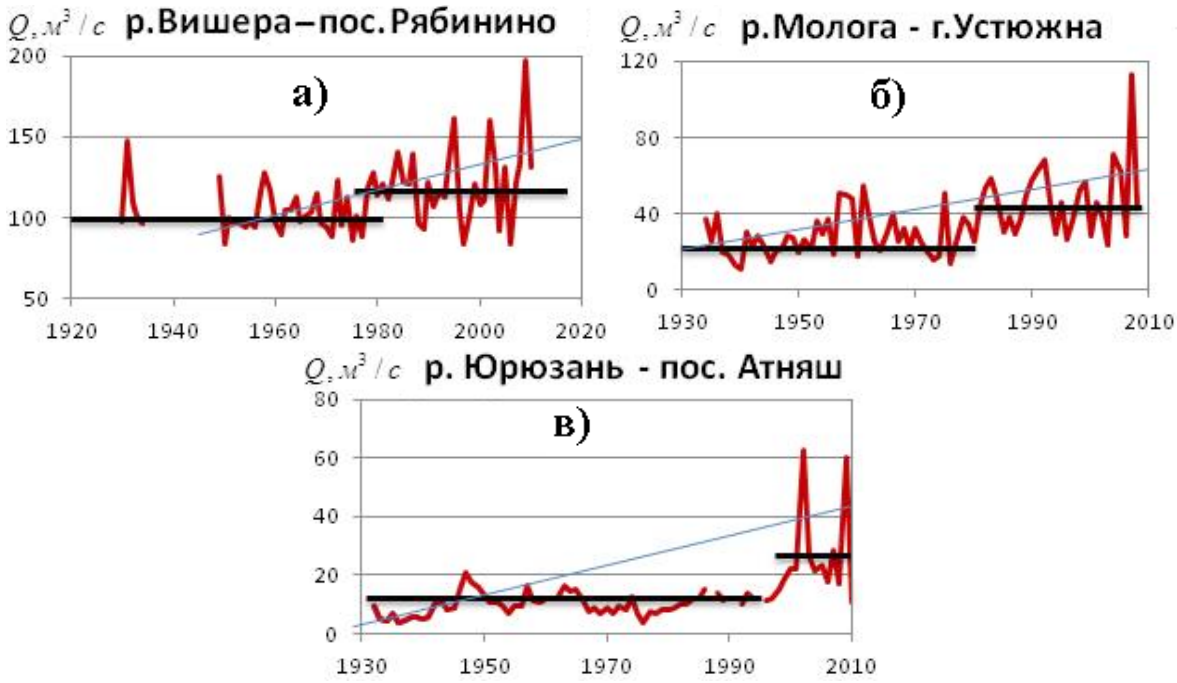


Рис. 6. Изменения 30-дневного минимального зимнего стока в трех реках бассейна р. Волга. Пороговое изменение квазистационарного состояния выделено горизонтальными линиями

Исследование статистической структуры рядов наблюдений в бассейне р. Волги выявило значимые изменения минимального стока в средних реках, которое выражалось в нарушении процесса стационарности (устойчивой модуляции) (рис. 6). Доказательность выявленного ступенчатого (фазового) изменения была обоснована проведенным статистическим анализом динамики минимального 30-и-дневного стока на 122 средних реках за зимний и летне-осенний период.

В данном случае механизм ступенчатых изменений характеризует речную систему, которая может компенсировать внешние воздействия до тех пор, пока они не превысят порогового значения, после чего система переходит на новый квазистационарный уровень. В любом случае необходимо отдавать отчет, что те или иные принципы графического построения это только методологические приемы, преследующие одну цель – демонстрацию наибольшей наглядности протекающих процессов трансформации системы. Несомненно, информативность проведенного анализа определяется в последнем случае тем, что все проанализированные совокупности, образуют системы, которые, с теми или иными оговорками можно отнести к биофоническим системам [16]. Иначе говоря, к системам, которые в силу своей многокомпонентности и сложности в значительной степени имитируют *«отклик»* на внешнее воздействие характерный для экосистем и для сложных самоорганизующихся систем любой природы в целом. Следовательно, *«системой»* можно назвать любую целостную структуру, способную эту целостность сохранять и быть приспособленной к окружающему (присущему ей) пространству. Тогда системой является любая река, *«помещенная»* в ландшафтное пространство, коммерческая фирма, функционирующая в финансовом пространстве, отдельная личность или социальная группа, которая существует в обществе, и т.д. Во всяком случае, подобный концептуальный подход допустим и реалистичен.

Как же отличить *«простые»* (малые) системы от *«сложных»* (больших)? Все дело в том, что в любой системе (в широком понимании этого термина) существуют основные компоненты или составляющие. Мы преднамеренно не будем давать определения этим терминам, так как для каждой из систем они могут быть совершенно разными. Однако необходимо констатировать следующее:

- эти компоненты поддерживают целостность (каркас) системы;
- они реально существуют;
- их можно вычленить в любой системе и оценить в соответствующих единицах степень их важности (в процентах, долях или как-то иначе);
- в малых и больших системах этих компонентов разное количество.

«Простые» системы отличаются небольшим количеством основных, структурообразующих компонентов – их не больше 3–4, чаще 1–2. В *«сложных»* системах их не менее 5–6, иногда, больше. Соответственно и на изменение внешних условий *«простые»* и *«сложные»* системы реагируют совершенно по-разному. У *«простых»* систем вариантов немного, и при сравнительно небольших негативных изменениях во внешней среде они начинают последовательно деградировать, утрачивая свою целостность.

У *«сложных»* систем инвариантность ответной реакции значительно шире – они могут *«опираться»* на те, или иные структурообразующие компоненты (параметры), стремясь адаптироваться к изменившимся внешним условиям.

Список литературы

[1] *Алимов А.Ф.* Элементы теории функционирования водных экосистем. СПб.: Наука, 2000.

[2] *Болгов М.В.*, *Коробкина Е.А.*, *Трубецкова М.Д.*, *Филимонова М.К.*, *Филиппова И.А.* Современные изменения минимального стока на реках бассейна р. Волги // Метеорология и гидрология. №3. 2014. С 75–85.

[3] *Джонгман Р.Г.*Г., *Тер Браак С.Дж.Ф., Ван Тонгерен О.Ф.*Р. Анализ данных в экологии сообществ и ландшафтов. Под ред. *А.Н. Гельфанда, Н.М. Новиковой, М.Б. Шадриной.* М.: РАСХН, 1999.

[4] *Долгоносов Б.М.*, *Корчагин К.А.*, *Мессинева Е.М.* Модель флуктуация бактериологических показателей качества речной воды // Водные ресурсы. № 6. Т. 33. 2006. С. 686–700.

[5] **Разумовский В.Л.** Формирование экосистемы карстового озера в степном поясе гор Кавказа (диатомовый анализ) //Аридные экосистемы, № 2 (59). 2014. С. 69–73.

[6] *Разумовский Л.В.* Биоиндикация уровня антропогенной нагрузки на тундровые и лесотундровые ландшафты по диатомовым комплексам озер Кольского полуострова. М.: ИРЦ Газпром. 1997.

[7] *Разумовский Л.В.* Оценка качества вод на основе анализа структуры диатомовых комплексов // Водные ресурсы. № 6. Т. 31. 2004. С. 742–750.

[8] *Разумовский Л.В.* Оценка трансформации озерных экосистем методом диатомового анализа. М.: ГЕОС, 2012.

[9] *Разумовский Л.В.* Новейшая история озера Борое по результатам диатомового анализа // Вод. ресурсы. № 1. Т. 35. 2008. С. 98–109.

[10] *Разумовский Л.В.* Реконструкция температурных циклов и сукцессионных изменений по диатомовым комплексам из донных осадков на примере Галичского озера // Водные ресурсы. № 6. Т. 35. 2008. С. 595–608.

[11] *Разумовский Л.В.*, *Гололобова М.А.* Трансформация диатомовых комплексов из озер Борое и Глубокое в конце позднего голоцена // Вестник Московского Государственного Университета. Биологическая серия. №1. 2014. С. 19–23.

[12] *Разумовский Л.В.*, *Моисеенко Т.И.* **Оценка пространственно-временных трансформаций озерных экосистем методом диатомового анализа** // Доклады РАН. № 2. Т. 429. 2009. С. 274–277.

[13] *Разумовский Л.В.*, *Чермных Л.П.* Метод графического сопоставления структуры перифитонных диатомовых комплексов в оценке влияния природной и антропогенной нагрузки на качество среды малых рек // Труды кафедры химии новых технологий и материалов. 2014. Выпуск 1. Под общ. ред. П.П. Гладышева. Дубна: Международный университет природы, общества и человека *«Дубна»*, 2014. С. 232–246.

[14] *Разумовский Л.В.*, *Шелехова Т.С.*, *Разумовский В.Л.* Новейшая история озер Большое и Зеркальное по результатам диатомового анализа // Водные ресурсы. № 2. Т. 42. 2015. С. 222–227.

[15] *Разумовский Л.В.*, *Шумакова Е.М.* Метод графического анализа возможных трансформаций территориальных биофонических систем природного и антропогенного генезиса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 5 (5). Т. 16. 2014. С. 1561–1570.

[16] *Ретеюм А.Ю.* Земные миры. М.: Мысль, 1988.

[17] *Щеголькова Н.М.*, *Разумовский Л.В.*, *Разумовский В.Л.*, *Скрипчинский А.К.* Графический анализ таксономических пропорций речных фитопланктонных сообществ в границах московского мегаполиса // Водные ресурсы. 2016. 10 с. (в печати).

[18] *Шитиков В.К.*, *Розенберг Г.С.*, *Зинченко Т.Д.* Количественная гидроэкология: методы, критерии, решения. Кн.1. М.: Наука, 2005.

[19] *Bolgov M., Korobkina E., Filippova I.* Bayesian Decision for Low Flow Evaluation in Non-Stationary Conditions // The Grand Challenges Facing Hydrology in the 21st Century. Dooge Nash International Symposium. Dublin: Ireland, 2014. P. 65–74.

МОДЕРНИЗАЦИЯ АВТОТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ГОРОДОВ

Белова А.Н., Савватеева О.А.*
(Россия, г.Дубна)

Аннотация. *Целью данной работы является исследование интенсивности движения и состава автомобильного транспорта на территории г. Кимры Тверской области и разработка предложений по модернизации транспортной инфраструктуры. Для большинства российских городов с невысоким уровнем развития промышленности, без четкого выделения промышленных зон характерно доминирование неблагоприятного воздействия автотранспорта над влиянием промышленных объектов, поэтому минимизация влияния транспорта является первоочередной задачей для многих территорий. Полученные в ходе исследования данные можно использовать для оценки состояния окружающей среды урбанизированной территории и при разработке систем экологического менеджмента для города.*

Автотранспорт играет в жизни человека уникальную роль, связывая все важнейшие сферы материального производства в единую систему хозяйственной деятельности. Несомненны и неоспоримы блага, обеспечиваемые обществу развитой автотранспортной сетью, но ее функционирование сопровождается отрицательным воздействием на все компоненты окружающей среды [2]. Автомобильный транспорт является специфическим загрязнителем, состоящим из множества наземных точечных источников, сосредоточенных на различных автомагистралях. Зоны загрязнения окружающей среды, формируемые выбросами автотранспорта, характеризуются повышенными концентрациями целого комплекса загрязняющих веществ и распространяются на большие территории. Транспортный поток представляет собой постоянно действующий источник техногенного загрязнения. Его негативное влияние – длительное воздействие невысоких в целом концентраций элементов, образующихся при сгорании топлива или эксплуатации автомобиля и попадающих в атмосферный воздух, которые затем оседают по краям автодорог, накапливаясь на поверхности почвы и мигрируя по почвенному профилю [3].

В РФ ежегодно из-за транспортной аварийности теряется до 2% ВВП, наступает до 20 тысяч преждевременных смертей, транспорт в городах обеспе-

* *Белова Александра Николаевна*, магистр первого года обучения, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна»; *Савватеева Ольга Александровна*, к.биол.н., доцент, и.о. декана факультета естественных и инженерных наук, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна».

чивает до 90% выбросов загрязняющих веществ, играет немаловажную роль в развитии ожирения и других болезней, связанных со снижением подвижности. В крупных городах жители расходуют значительную часть своего времени на преодоление автомобильных пробок. Задача формирования устойчивой транспортной политики состоит в снижении негативных эффектов автомобильного движения и усилении позитивных факторов, приводящих транспортную систему в состояние экологической устойчивости.

В настоящее время многие российские города осуществляют важнейшие социально-экономические реформы, которые оказывают влияние на эффективность работы и состояние городских транспортных систем. По мере повышения среднего уровня доходов горожан повышается уровень автомобилизации (количество автомобилей на 1000 жителей), причем он продолжает расти высокими темпами. Повышается трудовая и деловая активность населения, увеличиваются потребности в посещении торговых центров, объектов культуры и досуга, потребности в поездках за город. Все это приводит к стремительному увеличению спроса на передвижения и в количественном (объем транспортного потока), и в качественном (комфортность, безопасность, удобство и надежность транспорта) отношении. Во многих российских городах существующие объекты транспортной инфраструктуры и сам городской транспорт не могут в полном объеме удовлетворить этот растущий спрос. Большинство городов испытывают трудности в том, что касается последовательного планирования городских транспортных систем и управления ими, что является необходимым условием успешного решения существующих транспортных проблем. Кроме того, необходимо обеспечить формирование полноценной нормативно-правовой базы перепланирования, то есть для создания в городах благоприятных условий для решения существующих транспортных проблем необходима разработка федеральных основ, обеспечивающих предпосылки устойчивого развития систем городского транспорта [8].

Целью работы являются исследование проблемы автомобильного транспорта на территории г. Кимры Тверской области и разработка предложений по минимизации его неблагоприятного влияния на окружающую среду и здоровье населения города. Город Кимры расположен на реке Волга при впадении в нее реки Кимрка, в 133 км к востоку от г. Тверь. Общая площадь территории города 44 км^2, численность населения на 1 января 2015 г. составляет 46753 человек. Количество автотранспорта на 1 января 2015 г. составляет 22000 единиц [7].Таким образом, уровень автомобилизации составляет 22 автомобиля на 1000 жителей. Для сравнения, **Тверская область находится на 20-м месте из 80-ти с результатом 290 автомобилей на 1000 жителей.**

Натурные исследования интенсивности движения и состава транспортного потока в г. Кимры проводились по территории всего города в 12 точках (рис. 1). Точки наблюдения выбраны в тех местах, где наиболее часто производится торможение автомобилей и в зонах улиц с интенсивным движением автотранспорта. Наблюдения проводились в летний период 2015 г. в будние дни во время наибольшей транспортной активности (8.00–10.00 ч., 13.00–14.30 ч., 17.30–19.00 ч.) [4]. В течение часа отмечался весь проезжающий через наблюдаемое

сечение дороги транспорт. По результатам исследований интенсивность движения автотранспорта в г. Кимры варьирует в пределах от 513 до 1638 ед./час со средним уровнем 905 ед./час (рис. 2). Средняя скорость движения составляет 40 км/час. Для оценки объемов выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта в атмосферный воздух на городских магистралях использовалась *«Методика определения выбросов автотранспорта для проведения сводных расчетов загрязнения атмосферы городов»*2010 года [4]. Расчеты выбросов выполнены для следующих компонентов: оксид углерода, оксиды азота (в перерасчете на диоксид азота), углеводороды, сажа, диоксид серы, формальдегид, соединения свинца и бенз(а)пирен (рис. 3).

Валовые выбросы от автотранспорта, согласно расчетам, составляют около 640 т/год, при этом валовые выбросы от градообразующих предприятий – 414 т/год [6]. Таким образом, на автомобильный транспорт приходится около 60% выбросов загрязняющих веществ по городу, что в 1,5 раза превышает объемы валовых выбросов промышленности. Данная ситуация характерна для большинства российских городов с невысоким уровнем развития промышленности без четкого выделения промышленных зон. Ежегодно количество единиц автотранспорта нарастает. Наибольший вклад в выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта в атмосферный воздух на территории г. Кимры вносит оксид углерода (80%), наименьший – сажа (0,04%), формальдегиды и соединения свинца (по 0,1%) (рис. 3). Суммарный вклад в общий объем выбросов веществ 1 (соединения свинца и бенз(а)пирен) и 2 (формальдегиды и оксиды азота) классов опасности менее10 %. На территории г. Кимры среди всех видов транспорта лидирует легковой транспорт, на порядок превышая количество единиц других его видов (рис. 4, 5, 6).

Исходя их полученных данных, самыми интенсивно загруженными точками являются 2, 3, 4, 8, а для автобусов – также точка 11, которые расположены в центре города. По результатам исследований, наиболее загруженным участком движения легкого, грузового автотранспорта и автобусов является участок пересечения ул. Володарского и ул. Ленина, расположенный в месте съезда с Савеловского моста (это единственный путь, соединяющий два берега города) и правобережной части г. Кимры. Через данную точку проходит весь транзитный транспорт на города Тверь, Дубна, Москва и другие, автобусы, курсирующие по городу. Точка 2 является второй по загруженности автомобильным транспортом, расположена на пересечении ул. Кирова и ул. Урицкого, это участок соединения района Заречье с Центральным районом города. Здесь же проходит трасса на г. Дубна, на территории которого работает и учится большая часть населения г. Кимры. Точка 4 – третья по интенсивности движения автотранспорта, находится на пересечении ул. Володарского и ул. Кропоткина, соединяющей микрорайон им. Калинина с Центральным районом города. Через данное пересечение ведет единственная дорога в поселок Центральный, к деревням, жители которых работают в городе, и садовым участкам. Также весьма интенсивным участком движения легкового, грузового и автобусного транспорта является точка 8 – пересечение ул. 50 лет ВЛКСМ и Савеловского пр. – самый загруженный участок правобережной части города. Это можно

объяснить наличием трассы на г. Москву и движением большого количества транзитного транспорта. Также важно отметить, что данное пересечение улиц соединяет три района правобережной части г. Кимры: Новое Савёлово, Старое Савёлово и Бургора. Точка 11 расположена около вокзала *«Савелово»*, что объясняет интенсивное движение автобусов. С вокзала курсируют автобусы во все районы города, делают остановки междугородние автобусы, следующие, например, из таких городов, как Москва, Талдом, Дубна, Тверь и т.д.

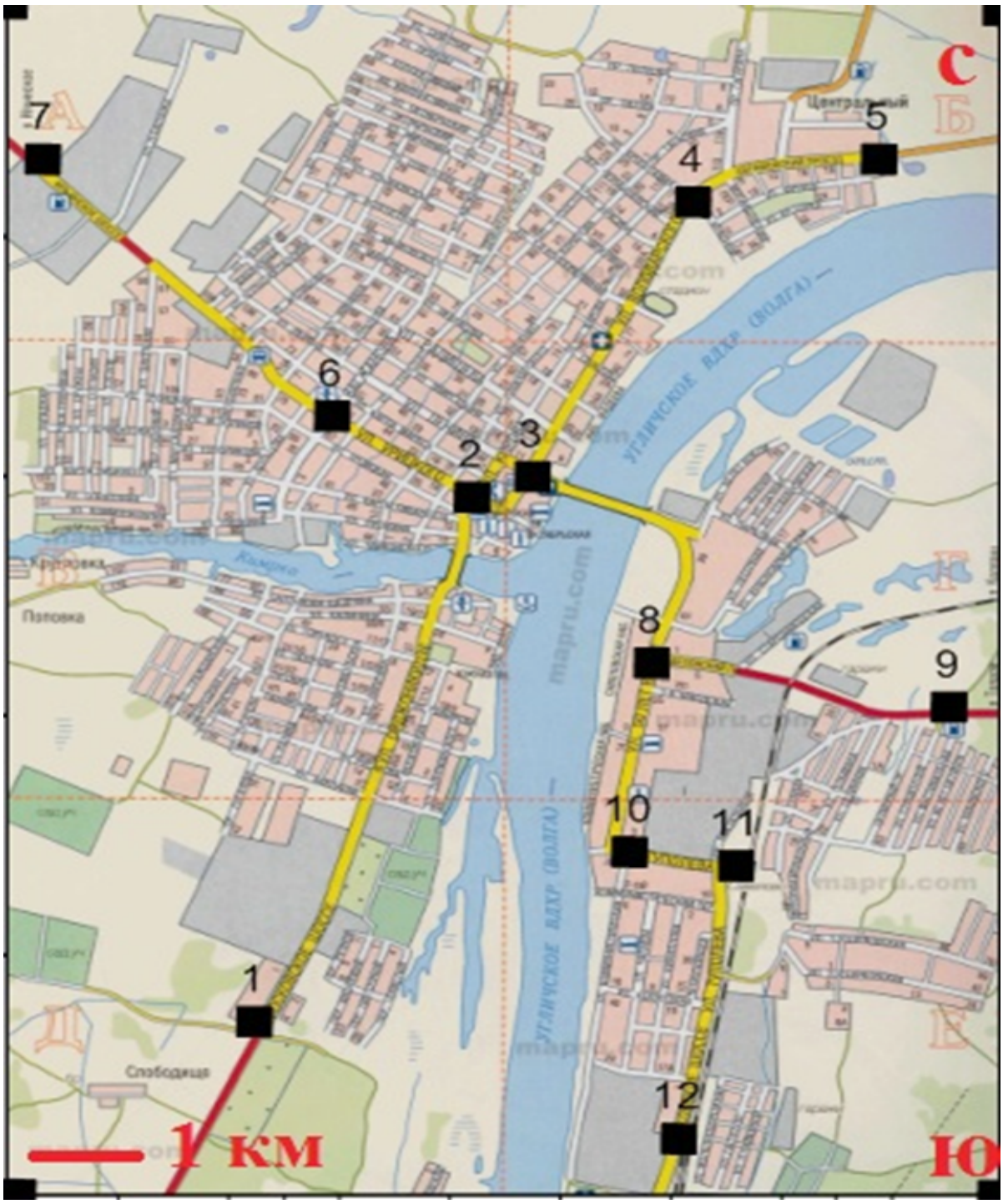


Рис. 1. Точки наблюдения за интенсивностью и составом движения автотранспорта на территории г. Кимры Тверской области

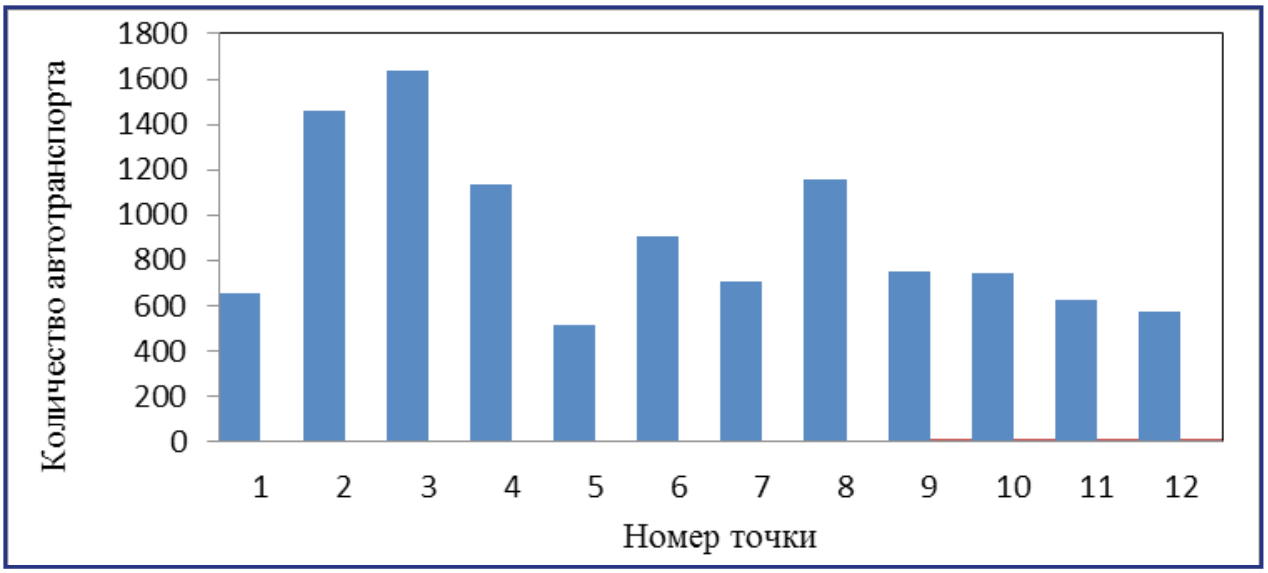


Рис. 2. Количество автотранспорта по точкам исследования (ед./час)

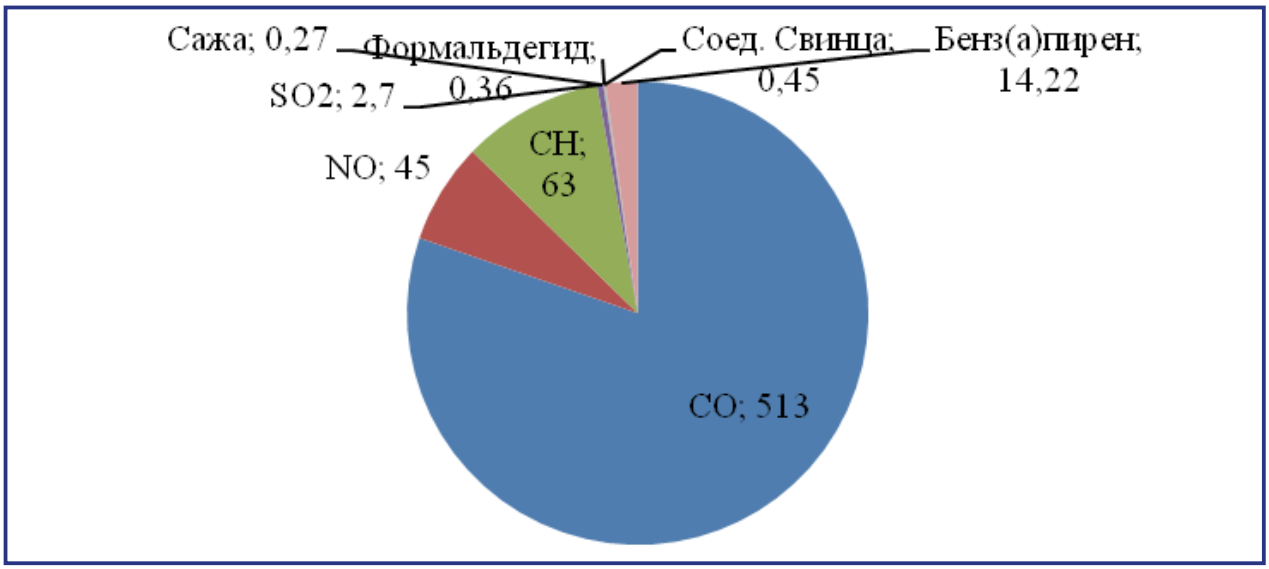


Рис. 3. Выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта (т/год)

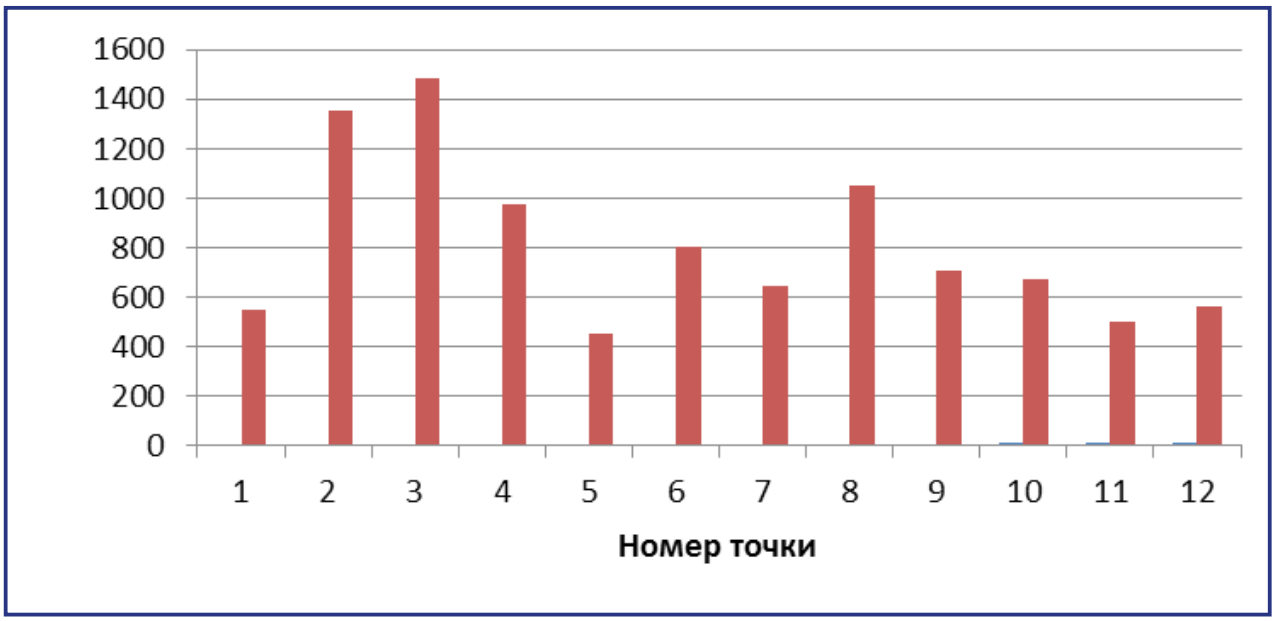


Рис. 4. Количество легкового транспорта

Автотранспорт является необходимым условием функционирования городов. Наряду с преимуществом, которое обеспечивает обществу развитая транспортная сеть, ее прогресс сопровождается негативным воздействием транспорта на все компоненты окружающей среды, в частности на почвенный покров. Автотранспорт трансформирует его, изменяет направления почвообразовательных процессов и свойства почв. Многими исследованиями доказано, что транспортная инфраструктура заметно влияет на содержание тяжелых металлов (в первую очередь свинца), формируя очаги загрязнения [8]. На территории г. Кимры при исследовании почвенного покрова в 2014 г. выявлены превышения ОДК по свинцу (до 3 раз) и цинку (незначительные). Значимые корреляции между распределениями концентраций тяжелых металлов в почвенном покрове позволяют сделать вывод о едином источнике их поступления в почвенный покров, этим источником можно предположительно считать автотранспорт [1].

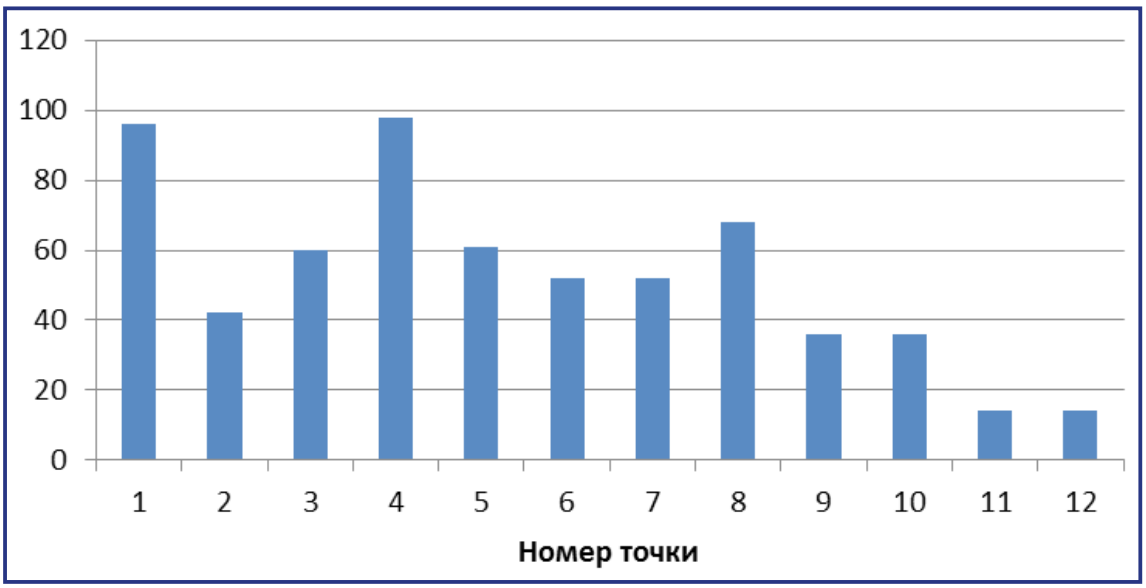


Рис. 5. Количество грузового транспорта

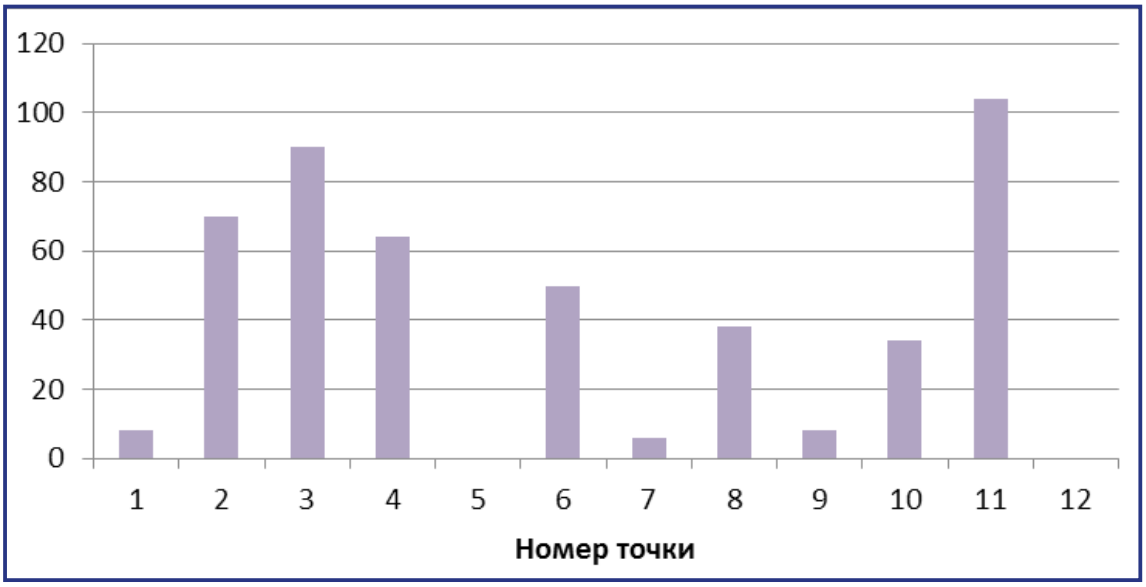


Рис. 6. Количество автобусов

Существует корреляция между участками повышенных концентраций тяжелых металлов в почвенном покрове города и участками интенсивного движения автотранспорта. Наибольшие значения концентраций по свинцу наблюдаются на северо-западе в центральном районе города, это связано с повышенным количеством выбросов автотранспорта. Так, точка 14 (Ильинское ш., д. 7А) и точка 7 (ул. Д. Баслыка, д. 5) расположены рядом со зданием автозаправки, в непосредственной близости от автодороги Кимры – Тверь; точка 4 (пер. Титова, д. 22) расположена близ территории стоянки большегрузного транспорта; точка 30 (ул. Н. Фадеева, д. 9) расположена в центре города [1].

Концентрации цинка варьируют в пределах 15–65 мг/кг при ОДК 55 мг/кг. Почвенный покров большей части территории города характеризуется отсутствием превышений ОДК. Наибольшие значения концентрации наблюдаются в центральном районе города, это можно связать с повышенным количеством выбросов автотранспорта и влиянием предприятия ООО *«Премьера»*, которое занимается гальваническим цинкованием металлических предметов [1].

Таким образом, наибольшая интенсивность движения автотранспорта в центральной части г. Кимры обусловливает повышение уровня концентраций загрязняющих веществ (в частности, оксида углерода) в атмосферном воздухе и тяжелых металлов (в частности, свинца) в почвенном покрове. Подобная ситуация может повышать экологические риски для здоровья населения города.

При воздействии высоких концентраций оксида углерода на организм человека критическими системами являются кроветворная, сердечно-сосудистая и центральная нервная системы, может замедляться развитие детей.

Негативное хроническое воздействие свинца в первую очередь влияет на центральную и периферическую нервную, кровеносную системы, биохимический состав крови, репродуктивную и гормональную системы, может вызывать замедление развития детей [5].

В большинстве стран защита атмосферного воздуха от загрязнения является совместной задачей центральных властей и органов местного самоуправления. Они осуществляют сбор данных о качестве атмосферного воздуха и проводят оценку причин загрязнения с помощью сложных методов привязки к источникам загрязняющих веществ. Федеральное правительство обычно устанавливает достаточно жесткие требования к техническому состоянию транспортных средств и качеству топлива. Осуществление контроля над техническим состоянием транспортных средств, несмотря на то, что такой контроль осуществляется на местном уровне, может быть одной из функций федерального правительства.

Усилия, предпринимаемые на региональном и муниципальном уровне, представляются недостаточными. Региональные власти уполномочены вводить требования к качеству топлива, которое продается на их территории. Органы местного самоуправления в большинстве средних и крупных городов регулярно измеряют общий объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и рассчитывают долю этих веществ, которая приходится на мобильные источники (обычно она составляет от 60 до 80%), хотя неясно, насколько точна эта процедура привязки выбросов к источникам [8].

Имеются проблемы в действующей системе обеспечения качества реализуемого топлива, и региональные власти не проявляют желания заниматься решением этого сложного вопроса. Повышение качества топлива отстает от предлагаемого ужесточения требований к выбросам, введение новых стандартов ЕВРО задерживается. Городами не проводится регулярный и систематический анализ рентабельности различных мер, направленных на снижение уровня загрязнения воздуха.

На местном уровне фундаментальной задачей является усовершенствование системы организации дорожного движения. Даже если органы местного самоуправления в городах хотят принимать меры, направленные на минимизацию влияния городского транспорта на качество воздуха, считается, что для этого в их распоряжении имеется относительно немного средств. Требования к транспортным средствам и топливу устанавливаются на федеральном уровне. Города не могут вводить ограничения на движение легкового автотранспорта или создавать зеленые зоны, запрещая в них въезд грузовому автотранспорту. То, что остается муниципалитетам, в основном относится к системам организации дорожного движения, которые крайне неэффективны во многих городах [9]. В таких условиях необходима модернизация системы автотранспорта в целом, что согласуется с требованиями Транспортной стратегии РФ на период до 2020 года, ФЦП *«Развитие транспортной системы России* (*2010–2020 годы*)», и некоторыми другими документами, например, Национальной концепцией устойчивых городских транспортных систем Международного банка реконструкции и развития.

Серьезной проблемой города Кимры является пропускная способность дорожной сети. Необходимы автомобильные развязки, объездные дороги; в отдельных случаях нужно расширять проезжую часть улиц. Согласно натурным исследованиям, нужно разгрузить пересечение ул. Кирова и ул. Урицкого, например, организовать дублирующую дорогу с двухсторонним движением по ул. Луначарского или по ул. Кирова. Также необходима объездная дорога для разгрузки пересечения ул. 50 лет ВЛКСМ и Савеловского проезда.

Другим сложным аспектом является организация стоянок индивидуального транспорта (паркингов) на территории города, нехватка парковок особенно в центральном районе города в районе ул. Володарского, ул. Ленина и ул. Кирова. Также необходимы паркинги в районе вокзала *«Савелово»*.

Третьей ключевой проблемой для города является недостаточность сети автозаправочных станций, пунктов мойки, мастерских срочного ремонта автомобилей и шиномонтажа. Их необходимо разместить по всей территории города.

Нужно организовать посадку защитных зеленых насаждений вдоль автодорог, это окажет благоприятное воздействие на уменьшение выбросов и очистке воздуха. Данные мероприятия нужно провести на ул. Туполева (район вокзала *«Савелово»*), ул. 50 лет ВЛКСМ, пересечении ул. Володарского и ул. Кропоткина.

Правительству Российской Федерации необходимо активизировать усилия по реализации предпринятых им инициатив и при этом оказать определенное дав-

ление на регионы, которые до сих пор не проявляют большого интереса к обеспечению высокого качества топлива, реализуемого на местном рынке.

Правительство Российской Федерации, безусловно, должно и в дальнейшем ужесточать требования к выбросам для отечественных и импортных автомобилей и одновременно стимулировать производство более чистого топлива. Соблюдение стандартов на региональном и муниципальном уровнях можно обеспечить за счет ужесточения условий выделения межбюджетных трансфертов, предназначенных для транспортной отрасли [9].

Однако для этого, возможно, потребуется внесение изменений в действующий Бюджетный кодекс Российской Федерации. **Для выполнения этой задачи можно ввести требование о том, чтобы регионы и города разработали планы действий, направленных на борьбу с транспортным загрязнением.**

Список литературы

[1] *Белова А.Н.*, *Савватеева О.А.* Оценка загрязнения почвенного покрова в городах (на примере г. Кимры Тверской области). // Материалы четвертого молодежного инновационного проекта *«Школа экологических перспектив»*. Под ред. И.И. Косиновой. Воронеж: Издательство *«Научнаякнига»*, 2015. С. 9–12.

[2] *Кулагина Т.А.*, *Грищенко Е.П.*, *Горбунова Л.Н.*, *Кутузова В.П.*, *Рыбникова Е.А.* Промышленная экология. ФГОУ ВПО *«Сибирский Федеральный Университет»*, 2007.

[3] *Ложкин В.Н.* Загрязнение атмосферы автомобильным транспортом. СПб: НПК *«Атмосфера»*, 2001.

[4] Методика определения выбросов автотранспорта для проведения сводных расчетов загрязнения атмосферы городов. СПб, 2010.

[5] Руководство по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду. Р 2.1.10.1920–04. Утв. Гл. гос.-сан. врачом РФ 05.03.04.

[6] Экологическое состояние Тверской области: информационно – аналитические материалы. – Тверь: Тверской институт экологии и права, 2010 – http://ecology.tverlib.ru/region/ekosost.pdf (дата обращения: 11.05.2016).

[7] Сайт *«Банк городов»*. Кимры. – http://www.bankgorodov.ru/place/inform.php?id=2606 (дата обращения: 14.02.2016).

[8] *Донченко В.В.* Проблемы развития городских транспортных систем в Российской Федерации и направления их решения. – http://www.slideshare.net/undprussia/ss-27100147 (дата обращения: 11.05.2016).

[9] Отчет Всемирного банка № 73228-RU. – http://www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2013/03/12/000442464_20130312115745/Rendered/PDF/732280REVISED000Logo0urbantrans0eng.pdf (дата обращения: 11.05.2016).

УПРАВЛЕНИЕ МОРФОДИНАМИКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЗОНЫ С ЦЕЛЬЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Дорошенко Н.И., Белов Д.М.*
(Россия, г.Санкт-Петербург)

Аннотация. *Устойчивое развитие региона зависит от множества факторов, одним из которых является системный подход, а именно особое внимание к вопросам экологии при планировании, ведении хозяйственной деятельности, строительстве. В данной статье авторы хотят показать, как важно государственное и муниципальное управление в области строительства, экологического проектирования в рамках управления морфодинамикой береговой зоны, на каких проблемах основывается теория морфодинамических систем, и как выглядит физическая картина переформирования береговой зоны на примере морфодинамической системы участка дороги А-121 от п. Лебяжье до п. Большая Ижора.*

Морфодинамическая система – специфическая форма организации береговой зоны, представляющая целостные природные комплексы, присущие ей [1].

Именно правильное выделение данной системы позволяет правильно понять естественные процессы, происходящие в той или иной части береговой зоны, помогает дать прогноз её развития и оптимально разместить в ней искусственные сооружения, сведя к минимуму отрицательные воздействия, как на окружающую среду, так и на сооружения.

На исследуемой территории была выделена морфодинамическая система (Рис. 1), естественный пляж которой был разрушен в течение последних десяти лет и сейчас этот процесс дошёл до подмытия дороги, связывающей г. Санкт-Петербург и г. Сосновый Бор (город, в котором находится Ленинградская атомная электростанция) (Рис.2; 3).

Теории морфодинамических систем береговой зоны основывается на 3 проблемах [2; 3], в конкретном случае – размытие дороги на описанном участке (52 км) происходит именно по этим 3 причинам:

1. Проблема реализации системного подхода в изучении береговой зоны.
2. Проблема прогнозирования динамики береговой зоны
3. Проблема рационального использования и охраны береговой зоны.

* *Дорошенко Надежда Ивановна*, аспирант, Федеральное Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова»; *Белов Д.М.*, ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова».

В 2005 году выше по течению для нужд МЧС был создан намывной пляж (Рис. 4), перекрывающие поток наносов на участок побережья в районе 52 км дороги. При реализации этого проекта не применялся системный подход в изучении береговой зоны, не было выполнено прогнозирования динамики береговой зоны, и как следствие не были проведены мероприятия по охране береговой зоны, что сейчас приводит к нерациональному использованию природных ресурсов в виде насыпи песка и почвы на разрушенные участки и попыток укрепления участка бетонными сооружениями. Финский залив в г. Санкт-Петербурге имеет не только рекреационное, но и судоходное значение. Безусловно, наличие таких баз МЧС очень важно, но при их строительстве, а также при любом другом строительстве в береговой зоне важно учитывать процессы динамики береговой зоны.

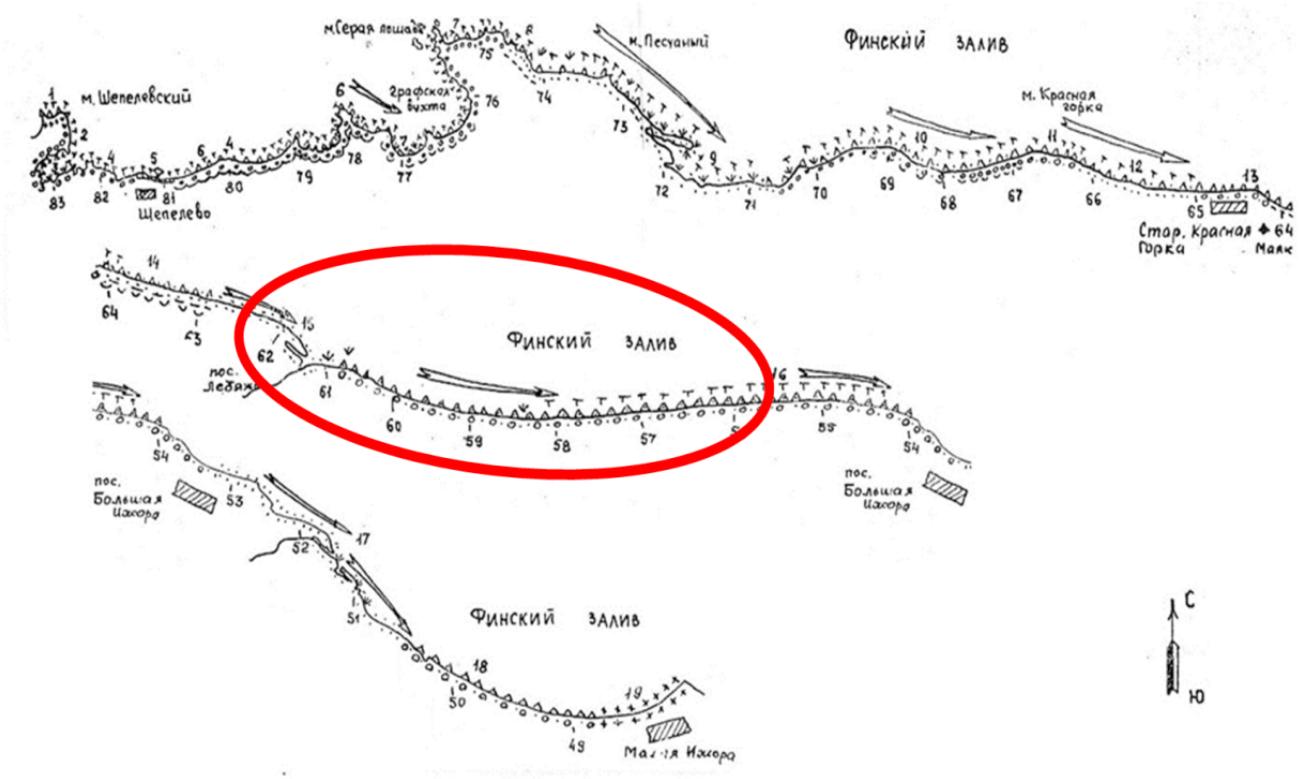


Рис. 1. Рассматриваемый участок морфодинамической системы

Рис. 2. Фотография участка дороги А-121 в 2010 г.

Рис. 3. Фотография участка дороги А-121 в 2015 г.

Физическая картина переформирования береговой зоны, выглядит следующим образом. При волновом движении в пределах береговой зоны, водный поток, образуемый за счёт орбитального движения частиц воды, либо начиная от линии первого обрушения волн за счёт их трансформации в волноэнергетическое течение, взаимодействует с переформируемым дном. При этом переформирование происходит в результате изменения энергии потока. Водный поток при своём движении испытывает сопротивление за счёт трения о дно и, затрачивая свою энергию, приводит поверхностный слой грунта в движение. В результате образуется ещё один движущийся поток – взвесенесущий природный слой.

Рис. 4. Намывной пляж МЧС

Частицы грунта перемещаются в береговой зоне водными потоками во взвешенном состоянии, путём сальтации и влечения ко дну. Скорости движения частиц грунта вблизи дна и в толще потока могут значительно различаться.

Поэтому при описании процесса переформирования береговой зоны используется трехслойная модель: основной поток, движущийся природный слой грунта и неподвижный слой грунта (Рис.5).

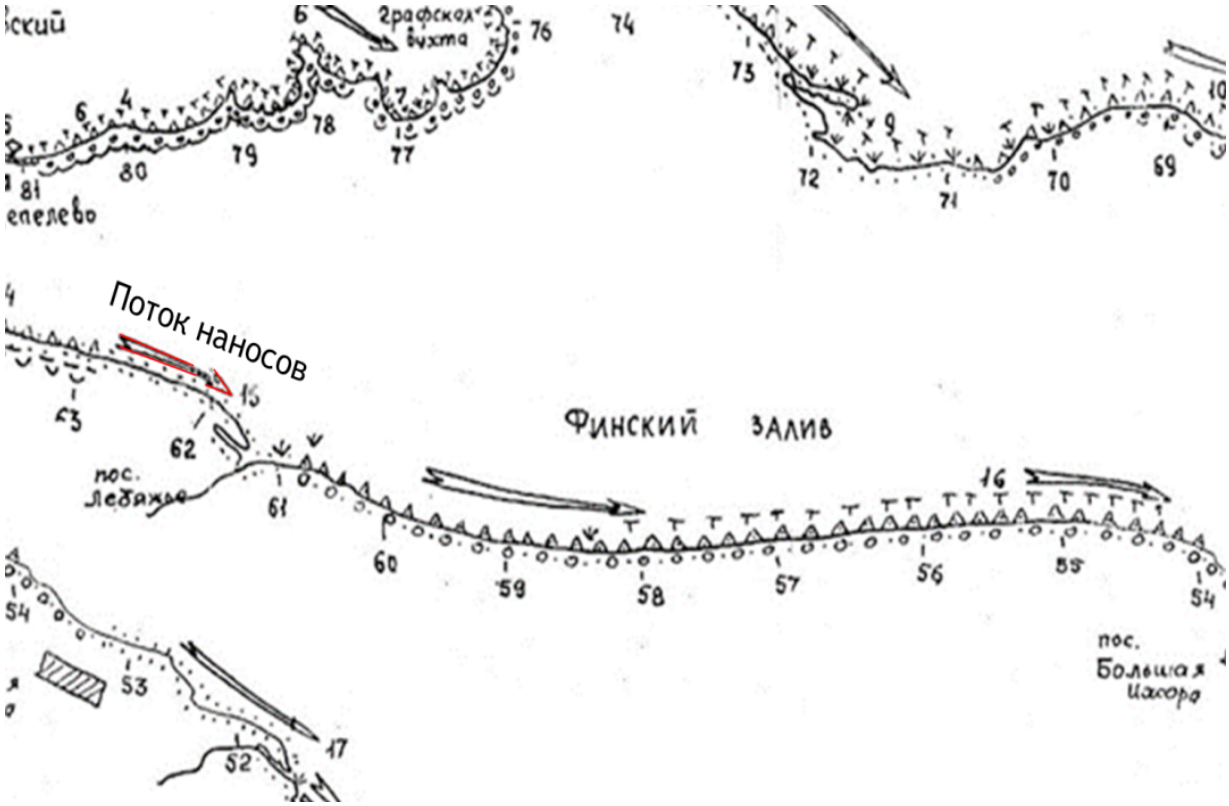


Рис. 5. Направление движения потока наносов на выделенном участке морфодинамической системы

Процесс переформирования определяется взаимодействием природного слоя с неподвижным грунтом и обменными процессами между слоями.

За счёт разнородности геологического строения береговой зоны, различной экспозиции береговой линии, при одинаковых гидродинамических условиях начинают формироваться участки берегов различных видов и типов.

В какой-то период времени группы участков различных типов и видов приходят в состояние устойчивого пространственного равновесия. Это равновесие заключается в том, что в пределах нескольких абразионных, транзитных и аккумуляторных участков устойчиво начинает соблюдаться условие баланса наносов.

То есть, в наиболее простом случае, количество рельефоформирующих наносов, изъятых с абразионного участка остаются в пределах образовавшейся группы участков. Такую группу участков берегов можно считать локальной морфодинамической системой.

Структурность и функционирование такой системы заключается, например, в том, что каждый из участков из которых состоит система находится в определённом отношении друг к другу (источник наносов, аккумулятор наносов). А их взаимодействие, осуществляется посредством вдольберегового потока наносов, всей системе даёт новое совокупное качество – устойчивость.

Таким образом, внося изменения в участок локальной морфодинамической системы, меняя вдольбереговой поток наносов, мы выводим её из состояния устойчивости, что, по сути, и является процессом управления морфодинамикой береговой зоны. Результатом такого управления может быть, как положительный результат, например, расширение пляжа в курортном районе, так и отрицательный, размытие дороги, как в случае участка 52 км. А-121 (Рис. 6).

Рис. 6. Фото участка дороги после размытия, октябрь 2015 г.

На рисунках 7 и 8 представлены космические снимки, представляющие участок пляжа и участок дороги в один период времени. Как видно, в 2005 году, до начала строительства в поселке Лебяжьем бухты МЧС участок дороги А-121 был защищен полосой пляжа с растительностью, а именно деревьями и кустами.

Рис. 7; 8. Космические снимки, представляющие участок пляжа и участок дороги в 20.08.2005

Рис. 9; 10. Космические снимки, представляющие участок пляжа и участок дороги в 16.08.2010

В 2010 году был намыт пляж и защитная пляжная полоса вдоль дороги значительно сократилась. Как видно из космических снимков, появились проплешины в растительности, часть пляжа осталась без деревьев (Рис. 9; 10).

В 2014 году строительство бухты завершено, линия уреза береговой зоны подходит к дороге (Рис. 11; 12).

Рис. 11; 12. Космические снимки, представляющие участок пляжа и участок дороги в 07.07.2014

Говоря про управление морфодинамикой береговой зоны с целью устойчивого развития региона, в первую очередь хочется отметить, что устранение последствий неправильного управления может быть весьма дорогостоящим, тем самым затормозив развитие региона. Необходимо максимально полно исключить действия, ведущие к не запланированному управлению береговой зоны, точно спрогнозировать результаты управления, возможные отклонения и предусмотреть возможность изменения управлением для достижения желаемого результата управления. Таким образом, грамотно управляя морфодинамикой береговой зоны можно снивелировать изъяны природного ландшафта

для урбанистических и промышленных целей, тем самым способствуя развитию региона.

Список литературы

[1] *Белов Д.М.* Основные положения теории морфодинамических систем береговой зоны моря. СПб: Изд-во РАН. Русское географическое общество, 1994.

[2] *Белов Д.М.* Оценка воздействия на окружающую среду. СПб: ФГБОУ ВПО Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, 2013.

[3] *Белов Д.М.* Проблемы морфодинамики береговой зоны моря и водоемов. СПб: ФБОУ ВПО СПбГУВК, 2012. С. 204–209.

Содержание

I. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ 3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА НАРОДОВ РОССИИ В КООРДИНАТАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) 4

Акимов А.К., Назаров А.Д. (Россия, г. Москва)

ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ: СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ У КАЗАХОВ РОССИИ И КРЫМСКИХ ТАТАР 14

Ларина Е.И. (Россия, г. Москва)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ НА КАВКАЗЕ (конец XIX – начало XXI вв.) 23

Махмудова З.У. (Россия, г. Москва)

ФАКТОР ФРУСТРАЦИИ В ИСТОРИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ (от начала XX в. до наших дней) 33

Карлов В.В. (Россия, г. Москва)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 40

Полунов А.Ю. (Россия, г. Москва)

МЕНЬШИНСТВА, ДИАСПОРЫ, МАЛЫЕ ГРУППЫ: ФЕНОМЕН ДВОЙНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 54

Буданов М.А. (Россия, г. Москва)

ПРИОРИТЕТЫ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА 63

Дмитриева Т.Н. (Россия, г. Москва)

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: РЕЗЕРВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 70

Казаренков В.И., Казаренкова Т.Б. (Россия, г.Москва)

II. РЕФОРМЫ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 80

ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕФОРМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ 81
Антипов Г.А. (Россия, г. Новосибирск)

ИСТОЧНИКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ 88
Сухарева М.А. (Россия, г. Москва)

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ 93
Чурзина И.В. (Россия, г. Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ СУПЕРКОМПЬЮТЕРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ 102
Петрунин Ю.Ю. (Россия, г. Москва)

МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА ДАННЫХ 108
Смольникова И.А. (Россия, г. Москва)

АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС) 119
Гаврилюк А.В. (Россия, г. Москва)

III. РЕВОЛЮЦИИ И КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ: 127

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 127

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В РОССИИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ 128
Калинов В.И. (Россия, г.Москва)

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА НА СИСТЕМУ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ (на материалах западной области) 136
Карелин Е.Г. (Россия, г. Гжель)

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ И КОНСЕРВАТИЗМ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОБЩЕСТВА (1917–1929 гг.) 146
Сахаров В.А. (Россия, г. Москва)

АРХАИЗАЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА 154
Соловьев К.А. (Россия, г. Москва)

IV. МЕХАНИЗМЫ АНТИКРИЗИСНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ 162

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР СИСТЕМНОЙ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ 163
Дворецкая А.Е. (Россия, г. Москва)

Механизмы государственного антикризисного управления: денежно-кредитная политика в российском контексте 171
Кузьмин А.Ю. (Россия, г. Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЗЕРВЫ КАК ИНДИКАТОР ПРАВИЛЬНОСТИ КУРСОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА 178
Терентьева О.И. (Россия, г. Москва)

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ И ПУТИ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ 186
Покрытан Л.А.
(Россия, г. Москва)

АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗАМИ: ИТОГИ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ 195
Бобылева А.З. (Россия, г. Москва)

СТАНДАРТЫ ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА: КАКИМИ ИМ БЫТЬ? 202
Львова О.А. (Россия, г. Москва)

ФИНАНСОВЫЙ АУТСОРСИНГ КАК СЕГМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ 210
Лактионова О.Е. (Украина, г. Мариуполь)

НАЛОГОВЫЕ РИСКИ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ 219
Горина С.А. (Россия, г. Москва)

РЕПУТАЦИОННЫЕ РИСКИ И ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ДОВЕРИЯ 226
Малькова И.В. (Россия, г. Москва)

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСПРЕДПРИЯТИЕМ 234
Задорожный Е.И., Смольникова И.А. (Россия, г. Москва)

МЕТОДОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ ОБРАТНЫХ ЗАДАЧ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИ ПОСТКРИЗИСНОМ АНАЛИЗЕ 245
Агаян Г.М., Григорян А.А., Шикин Е.В. (Россия, г. Москва)

V. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ 254

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 254

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СПЕКТР ПОДХОДОВ И «ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ» НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 255
Сетов Р.А. (Россия, г. Москва)

ФИЛОСОФСКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗМЫВАНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ 267
Зиганьшин Р.М. (Россия, г. Москва)

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ 273
Наумов А.О. (Россия, г. Москва)

«ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ» КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 279
Столетов О.В. (Россия, г. Москва)

НЕСУВЕРЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 286
Лексин И.В. (Россия, г. Москва)

VI. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО 296

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА 297
Шмаков В.И. (Россия, г. Москва)

ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ 307
Клементьев Д.С. (Россия, г. Москва)

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ 313
Глущенко В.В., Глущенко И.И. (Россия, г. Москва)

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ 317
Мартынова Н.А. (Россия, г. Нижний Новгород)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДА ПЕРСОНАЛА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 326
Боровикова Т.В. (Россия, г.Смоленск)

РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 333
Борисов А.Ф. (Россия, г.Санкт-Петербург)

НЕРАВЕНСТВА, СНИЖАЮЩИЕ ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ, И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ОСЛАБЛЕНИЯ 343
Якимец В.Н. (Россия, г. Москва)

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ 351
Меденков А.А., Нестерович Т.Б. (Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 359
Малышев М.А., Малышева Н.С. (Россия, г. Москва)

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 363
Панова Е.А., Опарина Н.Н. (Россия, г. Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 371
Бухтеев Н.И. (ДНР, г. Донецк)

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 383
Желнина Е.В. (Россия, г. Тольятти)

КОМПЕТЕНЦИИ СЛУЖАЩЕГО МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 394
Бекоева Д.Д. (Россия, г. Москва)

ЛИЧНОСТНОЕ САМОРАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА В ПЕРИОД СТАГНАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ 402
Черняева Г.В. (Россия, г. Москва)

ИМИДЖ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ИДЕАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ 410
Халуторных О.Н. (Россия, г. Москва)

СПОРТ КАК МАССОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 416
Нарожная Д.А. (Россия, г. Москва)

КАРЬЕРНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 423
Тихенький В.Г (Россия, г. Москва)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ МИГРАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ 429
Седлов А.П. (Россия, г. Москва)

ПРОДЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ 439
Шестакова Е.Е. (Россия, г. Москва)

VII. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ: ОТ ХАОСА К ГАРМОНИИ 447

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КООРДИНАЦИИ И ПОДОТЧЕТНОСТИ 448
Купряшин Г.Л. (Россия, г. Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ 457
Макогонова Н.В. (Россия, г. Москва)

ИМИДЖ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ГЛАЗАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 467
Андрюшина Е.В. (Россия, г. Москва)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 474
Сидорова А.А. (Россия, г. Москва)

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ 482
Маслихина В.Ю. (Россия, г.Саратов)

О РЕЗУЛЬТАТАХ НАБЛЮДЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА 492
Сухотин А.Б., Чернова Л.С. (Россия, г. Москва)

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ МОДЕЛЕЙ И СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ 499
Шмаков В.И. (Россия, г. Москва)

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД И «БЕГСТВА КАПИТАЛА» НА ИНФЛЯЦИЮ В РОССИИ 510
Александров Д.Г. (Россия, г. Москва)

СНИЖЕНИЕ ДЕФИЦИТА ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РФ 519
Трифонов Б.И. (Россия, г. Москва)

МЕХАНИЗМЫ ДОСТУПНОГО КРЕДИТОВАНИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА 527
Дёгтев А.С. (Россия, г. Москва)

ИРАНСКИЙ ФАКТОР ДЛЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ ЕВРАЗИИ 536
Бобрик П.П. (Россия, г. Москва)

VIII. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ САМОРАЗВИТИЯ 543

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ 544
Пушкарева Г.В. (Россия, г.Москва)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ADEPT МОДЕЛИ 551
Григорьева Н.С. (Россия, г. Москва)

НАРАСТАНИЕ МОДАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОРЯДКА В РАЗЛИЧНЫХ СРЕЗАХ ОБЩЕСТВЕННОГО 559
Никовская Л.И. (Россия, г. Москва)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 566
Андрюшина Е.В. (Россия, г. Москва)

МЯГКАЯ СИЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ 573
Коньков А.Е. (Россия, г. Москва)

МЕХАНИЗМЫ САМОРАЗВИТИЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 580
Косоруков А.А. (Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕЛИ ЛИДЕРСКОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ В РОССИИ 588
Тарусин П.В. (Россия, г. Москва)

IX. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПЛАНИРОВАНИЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ 597

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КАК НЕОБХОДИМАЯ МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 598
Ведута Е.Н. (Россия, г.Москва)

РОЛЬ КЛАСТЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ 606
Кошкидько В.Г. (Россия, г.Москва)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ 615
Сургуладзе В.Ш. (Россия, г.Москва)

ТАКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ 624
Орлов С.Л. (Россия, г.Москва)

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ В ПРОЦЕССЕ НАСЫЩЕНИЯ РЫНКА И ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА. МОДЕЛЬ РАСЧЕТА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОВОКУПНОЙ СТОИМОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ 630
Гарин Е.В. (Россия, г.Томск)

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ 639
Болдырева Р.Ю. (Россия, г.Тула)

ИНТЕГРАЦИЯ ТОРГОВЛИ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ 647
Чеглов В.П. (Россия, г.Москва)

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ АКТОРОВ В СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 655
Савченко А.Б. (Россия, г. Москва)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 665
Мысляева И.Н. (Россия, г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 673
Аракелян Н.Р., Аракелян А.Э. (Россия, г. Москва)

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ 680
Фомушкин В.Ю. (Россия, г. Москва)

БАЗОВЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА 689
Петрище В.И. (Россия, г. Орёл)

ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНОЙ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 696
Левина В.В. (Россия, г. Тула)

ИНДУСТРИАЛЬНО-СЕРВИСНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ 706
Авдеев М.А. (Россия, г. Красногорск)

ВИЗУАЛЬНАЯ АЙДЕНТИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ 711
Логунцова И.В. (Россия, г. Москва)

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ 718
Балашов Е.Л. (Россия, г. Севастополь)

ПРОГРАММЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ 726
Захарова И.А. (Россия, г. Москва)

ДЕВОЛЮЦИЯ УЭЛЬСА: ПЕРВЫЕ ИТОГИ 734
Пронкин С.В. (Россия, г. Москва)

X. ГОСУДАРСТВО И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – ПРИРОДНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ 742

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ 743
Данилов-Данильян В.И. (Россия, г. Москва)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ С ПОЗИЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ 751
Сурин А.В. (Россия, г. Москва)

УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ 759
Мысляева И.Н. (Россия, г. Москва)

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ 766
Ершов В.А. (Россия, г. Москва)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 775
Семилетова Е.В. (Россия, г. Москва)

ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ 783
Хайдуков Д.С., Тасалов К.А. (Россия, г. Москва)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 790
Царенко А.С. (Россия, г. Москва)

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА 802
Беляева Г.Ф. (Россия, г. Москва)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ «РИСК-КОНЦЕПЦИЯ» КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РОССИИ 812
Кивва К.В. (Россия, г. Москва)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И «ПРИРОДНЫЕ» КАТАСТРОФЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 820
Добровольский С.Г., Истомина М.Н., Пасечкина В.Ю. (Россия, г. Москва)

ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА УСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 829
Івозданный В.А., Мальсагов Г.Х. (Россия, г. Москва)

ГОРОДСКОЕ ОЗЕЛЕНЕНИЕ В РОССИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ УРБОСИСТЕМЫ 837
Якубов Х.Г., Игнатенко Д.М. (Россия, г. Москва)

ТОРГОВЛЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ВОДОЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ВОДООБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИКИ 844
Зеленко П.Е. (Россия, г. Москва)

УПРАВЛЕНИЕ ВодНЫМИ РЕСУРСАМИ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 852
Гвозданный В.А., Осипов А.А. (Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНА НИЖНЕЙ ВОЛГИ И ИХ ПУТИ РЕШЕНИЯ 860
Болгов М.В., Митина Н.Н., Малашенков Б.М. (Россия, г. Москва)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ КАПЕЛЬНОГО ОРОШЕНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ 869
Малашенков Б.М., Александрова А.С. (Россия, г. Москва)

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ТЕРРИТОРИЙ КРУПНЫХ РЕЧНЫХ ВОДОСБОРОВ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИХ СОСТОЯНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ 880
Курбатова И.Е. (Россия, г. Москва)

ПРИНЦИП НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ 890
Веницианов Е.В., Звезденкова Г.А. (Россия, г. Москва)

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ПРИРОДНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ МЕТОДОМ ГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИХ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРОПОРЦИЙ 896
Разумовский Л.В., Шумакова Е.М., Филиппова И.А., Разумовский В.Л. (Россия, г. Москва)

МОДЕРНИЗАЦИЯ АВТОТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ГОРОДОВ 905
Белова А.Н., Савватеева О.А. (Россия, г. Дубна)

УПРАВЛЕНИЕ МОРФОДИНАМИКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЗОНЫ С ЦЕЛЬЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА 914
Дорошенко Н.И., Белов Д.М. (Россия, г. Санкт-Петербург)